

*Светлой памяти
Анны Степановны Политковской
и Абдуллы Майрбековича Хамзаева*

В пяти годах ходьбы отсюда, в Черных горах, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, исписанная до половины. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежде, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры в Черных горах человеческие жалобы, а книга растет. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой. Для кого пишется эта книга? Для меня.

**Евгений Шварц,
«Дракон»**

В интересах обеспечения ответственности виновных в нарушениях Ассамблея <...> считает, что если не будут предприняты более активные усилия по привлечению к ответственности виновных в нарушениях прав человека и что если в Чеченской Республике будет сохраняться атмосфера безнаказанности, то международному сообществу следует рассмотреть возможность создания трибунала по военным преступлениям и преступлениям против человечности в Чеченской Республике.

**Парламентская Ассамблея Совета Европы,
Резолюция № 1323, от 2 апреля 2003 г.,
пункт 10 (iii)**

С.М. ДМИТРИЕВСКИЙ Б.И. ГВАРЕЛИ О.А. ЧЕЛЫШЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ДЛЯ ЧЕЧНИ

**Правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц,
подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности
в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике**

под ред. С. М. Дмитриевского

**Том I
(части I – V)**

**Нижний Новгород
2009**

В работе над книгой принимали участие:

Текст исследования – Станислав Михайлович Дмитриевский, Богдан Исаевич Гварели, Оксана Анатольевна Чельшева

Группа статистики, анализа открытых источников информации и технической поддержки – Евгений Васильевич Гладков, Елена Викторовна Софронова, Елена Михайловна Миронычева, Елена Сергеевна Евдокимова, Татьяна Николаевна Банина, Лира Наильевна Валеева, Илья Фердалисович Шамазов, Юрий Викторович Староверов, Наталья Евгеньевна Чернилевская, Сергей Климов.

Под общей редакцией Дмитриевского С.М.

Исследование подготовлено и опубликовано при поддержке
Национального фонда в поддержку демократии, США (National Endowment for Democracy)

Дмитриевский С. М., Гварели Б. И., Чельшева О. А.

Международный трибунал для Чечни: правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике. В 2-х т. Т. 1: ч. 1-5: Коллективная монография. – Нижний Новгород, 2009. – 530 с.

В предлагаемом исследовании авторы анализируют преступления, совершенные в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике, в свете норм международного уголовного права, в том числе прецедентного права Международных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде. После детального анализа применимого права, множества задокументированных криминальных эпизодов и ряда судебных решений, авторами обосновывается тезис о том, что массовые нарушения норм международного гуманитарного права и фундаментальных прав человека, совершенные сторонами конфликта (федеральных сил и сепаратистов), образуют составы военных преступлений и преступлений против человечности, а следовательно – попадают в сферу действия принципа универсальности. Особое внимание уделяется вопросам предполагаемой ответственности представителей военного командования и высшей исполнительной власти Российской Федерации, а также правовым перспективам судебного преследования данных лиц.

Книга адресована юристам, политикам, правозащитникам, специалистам в области социальных наук и всем тем, кто интересуется вопросами урегулирования вооруженных конфликтов, международной уголовной юстиции, борьбы с международными преступлениями и безнаказанностью. Научное издание.

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

ОТ РЕДАКТОРА	8
ВВЕДЕНИЕ.....	9
ЧАСТЬ I. КОНТЕКСТ: ПРЕДЫСТОРИЯ И ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	25
ЧАСТЬ II. ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО: ОБЩАЯ ЧАСТЬ	167
ЧАСТЬ III. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА.....	319
ЧАСТЬ IV. ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО: ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ	367
ЧАСТЬ V. ОТВЕТСТВЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ	463

ТОМ II

ЧАСТЬ VI. ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ. ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ СТОРОНАМИ КОНФЛИКТА.....	5
ЧАСТЬ VII. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ СТОРОНАМИ КОНФЛИКТА, В СООТВЕТСТВИИ С НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	337
ЧАСТЬ VIII. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	399
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	501
ПРИЛОЖЕНИЯ	513
SUMMARY (КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КНИГИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ).....	557
ПОДРОБНОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ	583

ОТ РЕДАКТОРА

Авторский коллектив выражает признательность всем лицам и организациям, поддержавшим подготовку настоящего исследования, и прежде всего — Национальному Фонду в поддержку демократии (National Endowment for Democracy) (США). Эта организация не только профинансировала данную работу; ее сотрудники проявили исключительную чуткость и глубокое понимание тех сложностей, с которыми столкнулись авторы, и оказали неоценимую моральную поддержку творческому коллективу.

Подготовка исследования осуществлялась в течение более двух лет в непростых условиях. Еще на старте тяжелейшим ударом стало для нас убийство нашего друга и коллеги Анны Политковской, которая должна была стать консультантом проекта.

Начав работу в рамках межрегиональной общественной организации «Общество Российско-Чеченской дружбы», авторы практически сразу же столкнулись с противодействием властей. В 2006 г. организация была ликвидирована в соответствии с нормами так называемого «антиэкстремистского законодательства», ее сотрудники подверглись кампании запугивания и травли. Офис новой организации — Нижегородского фонда в поддержку толерантности, на базе которой продолжал осуществляться проект, три раза в течение года подвергался обыскам и выемкам. Два раза сотрудники правоохранительных органов изымали всю задействованную в проект оргтехнику, два раза материально-техническая база проекта восстанавливалась фактически с нуля. В связи с нашей деятельностью было возбуждено два уголовных дела; ни одно из них в результате не привело к предъявлению кому-либо обвинений; но зато — дало возможность регулярно докучать авторам допросами, визитами в рабочие помещения, утомительной слежкой. Задержаниям подвергались даже наши зарубежные гости. После разгрома офиса в марте 2008 г. мы были вынуждены перенести работу на частные квартиры.

В итоге книгу, которую планировалось опубликовать максимум к весне 2008 г., мы представляем только сейчас.

Не смотря на всю эту достаточно нервную обстановку и призывы некоторых коллег опубликовать труд «хоть в каком-то виде», мы изо всех сил старались не отступать от заявленного научного стандарта и не «комкать» принципиальные вопросы, подлежащие детальному рассмотрению.

Мы благодарим всех, кто любезно согласился прочитать отдельные разделы, главы и их наброски, высказать важные рекомендации, указать авторам на недочеты и предостеречь от ошибок. Прежде всего — зарубежных специалистов в области международного уголовного права, международного гуманитарного права, права в области прав человека и практикующих юристов. К сожалению, мы не можем сейчас перечислить здесь имена, опасаясь, что данные о сотрудничестве с нами могут дать для российских властей повод отказать им во въезде в Россию.

Вся ответственность за сделанные выводы и возможные ошибки целиком лежит на совести авторов.

Мы будем благодарны за все критические замечания и предложения. Учитывая сложность предмета исследования и огромное количество использованного фактического материала, компетентный читатель наверняка найдет в нем оплошности, возможно и весьма существенные. Просим не судить за них слишком строго. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*¹.

Станислав Дмитриевский

¹ Я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.)

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Мы должны были бы отречься от самих себя, если бы пожелали заглушить в себе протест против вопиющей к небесам неправды, скажем, против намеренного убийства невинного ребенка. Мы не можем отказаться от надежды на то, что последнее слово останется не за убийцей, что его постигнет кара, и он не восторжествует над своей невинной жертвой. И даже если нигде в мире мы не находим совершенства, даже если мы не можем рассчитывать на то, что она когда-нибудь осуществится, то и тогда мы не можем отказаться от нашего требования правды.

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)¹

0.1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование посвящено анализу массовых и грубых нарушений гуманитарного права и прав человека, совершенных во время вооруженного конфликта в Чечне, в свете норм международного уголовного права. Используя данный подход, авторы намерены продемонстрировать, что рассматриваемые нарушения обладают всеми необходимыми квалифицирующими признаками международных преступлений, в частности, военных преступлений и преступлений против человечности, а лица, ответственные за их совершение, подлежат международной уголовной ответственности.

Так называемые «чеченские войны» (конфликт 1994–1996 гг. и конфликт, начавшийся в 1999 г.) стали самыми крупными и разрушительными вооруженными конфликтами на постсоветском пространстве. По своим масштабам и трагическим последствиям они сопоставимы с конфликтами, взорвавшими в 1990-е годы республику бывшей Югославии. По разным оценкам, число безвозвратных потерь «чеченских войн» насчитывает от нескольких десятков тысяч до более сотни тысяч человек, причем их подавляющее большинство составляют представители гражданского населения. Даже если отталкиваться от наиболее консервативных оценок, то в соотношении с общей численностью жителей Чечни относительные потери населения этой республики соответствуют половине потерь Советского Союза во Второй Мировой войне².

Международное сообщество неоднократно выражало самую глубокую озабоченность в связи с вопиющими преступлениями, совершаемыми в контексте данного вооруженного конфликта. С момента возобновления боевых действий в 1999 году Парламентская ассамблея Совета Европы в своих резолюциях раз за разом констатировала факты грубых нарушений сторонами прав человека и норм международного гуманитарного права (зачастую характеризуя эти нарушения как военные преступления). В этой же связи высказывались и Комиссия ООН по правам человека, Комиссар Совета Европы по правам человека, Комитет Совета Европы по предупреждению пыток и другие органы. За годы конфликта авторитетные международные и национальные неправительственные организации (такие, как «Хьюман Райтс Вотч», Международная Амнистия, правозащитный центр «Мемориал», Общество Российско-Чеченской дружбы и др.), а также известные журналисты (Анна Политковская, Андрей Бабицкий и др.) собрали огромный массив материалов о совершенных злодеяниях. Теперь часть этих свидетельств нашла свое судебное подтверждение. В своих решениях уже по сроку семи «чеченским делам» (данные по состоянию на октябрь 2008 г.) Европейский суд по правам человека признал Российскую Федерацию ответственной за нарушение ряда фундаментальных прав, и прежде всего, права на жизнь, закрепленного в ст. 2 Европейской Конвенции. Еще сотни жалоб жителей Чеченской Республики против России ждут своего рассмотрения.

¹ Катехизис. – Киев, 1991. С. 40–41.

² Потери гражданского населения в чеченских войнах. – ПЦ «Мемориал», 10.12.2004. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

Отдельным вопросом, постоянно поднимаемым органами международного сообщества, правозащитными организациями и Европейским Судом по правам человека в связи с вооруженным конфликтом в Чечне, является проблема безнаказанности. Достаточно сказать, что во всех рассмотренных «чеченских делах» Европейский суд установил, что Российская Федерация не провела эффективного расследования нарушений, а виновные в них лица остались безнаказанными. Тысячи эпизодов, задокументированных правозащитными организациями, рисуют ту же самую картину. Случаи привлечения к уголовной ответственности российских военных, совершивших тяжкие преступления против представителей гражданского населения, ограничены единичными фактами, которые только оттеняют общую тенденцию. Но и эти случаи, как правило, касаются лиц, непосредственно совершивших преступление и занимающих не самые высокие ступени военной иерархии. Командиры и начальники, предположительно ответственные за планирование преступлений, отдачу преступных приказов или за преступное бездействие, наслаждаются абсолютной безнаказанностью и, подобно жене Цезаря, остаются со стороны органов российской юстиции вне подозрений.

Казалось бы, с привлечением к ответственности преступников с чеченской стороны конфликта дело обстоит лучшим образом. Российские суды вынесли и продолжают выносить сотни приговоров в отношении чеченских комбатантов по обвинениям в убийстве, терроризме и другим особо тяжким преступлениям. Однако свидетельства, собранные правозащитными организациями, говорят о том, что в значительном числе случаев такие дела фабрикуются, а применение пыток к подозреваемым из числа этнических чеченцев с целью получения нужных следствию показаний носит массовый и систематический характер. Это обстоятельство подтверждается заявлениями Комитета Совета Европы по предупреждению пыток, а также отказом Российской Федерации санкционировать публикацию докладов этого Комитета, несмотря на неоднократные и настойчивые призывы международного сообщества³. Кроме того, по статьям «убийство» и «терроризм» суды Российской Федерации практически всегда квалифицируют нападения чеченских комбатантов на вооруженного противника. Таким образом, преступления против защищенных международным гуманитарным правом лиц смешиваются с действиями, рассматриваемыми государством как участие в вооруженном мятеже. Из сказанного видно, что расследование и судебное преследование нарушений, совершенных представителями сепаратистов, также нельзя назвать ни эффективным, ни беспристрастным, ни соответствующим международным стандартам.

Вопрос безнаказанности в связи с чеченским конфликтом специально рассматривался на 13-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Ее Резолюция № 1323, принятая 2 апреля 2003 г., и послужила главным толчком к данному исследованию. Пункт 10 (iii) этого документа содержит рекомендацию, которая на тот момент могла претендовать на то, чтобы стать исторической. Она гласит:

«В интересах обеспечения ответственности виновных в нарушениях Ассамблея <...> считает, что если не будут предприняты более активные усилия по привлечению к ответственности виновных в нарушениях прав человека, и что если в Чеченской Республике будет сохраняться атмосфера безнаказанности, то международному сообществу следует рассмотреть возможность создания трибунала по военным преступлениям и преступлениям против человечности в Чеченской Республике».

ПАСЕ обосновала данное необычайно жесткое для этого органа предложение рядом обстоятельств. Подтвердив свою убежденность в том, что «мир в Чеченской Республике невозможен без правосудия», Ассамблея заявила:

«Уже почти десять лет жители Чеченской Республики находятся в обстановке постоянного страха. Их города и села лежат в руинах, поля заминированы, а друзья и родственники убиты, незаконно задержаны, «исчезли», похищены, изнасилованы, подвергнуты пыткам и ограблены. Ассамблея неизменно осуждает грубые нарушения прав человека, нарушения норм международного гуманитарного права и военные преступления, совершаемые в Чечне обеими сторонами конфликта. С самого начала первого конфликта в Чечне в 1994 г. Ассамблея — практически безрезультатно — призывает привлечь к ответственности виновных в совершении таких актов. Жители Чеченской Республики вправе рассчитывать не только на наше сострадание, но на защиту с нашей стороны. До настоящего времени все стороны — российское правительство, администрация и судебная система, различные администрации Чечни — никоим образом не обеспечивали такую защиту от нарушений прав человека. Международным организациям и их странам-членам не удалось обеспечить жертвам таких нарушений правовую защиту ни на национальном, ни на международном уровне. Главная причина продолжения до сего дня нарушений со стороны как российских военнослужащих, так и чеченских боевиков заключается в том, что нарушения почти всегда остаются без последствий. <...> Уголовные дела по фактам грубых нарушений прав человека, включая массовые убийства невинных чеченских мирных жителей и целенаправленную кампанию покушений на руководителей местной администрации или членов их семей, остаются пока редким исключением, а следствие ведется удручающе неэффективно и, как правило, не дает достаточных материалов для обвинительного приговора в тех редких случаях, когда дело доходит до суда».

³ Такой отказ для Совета Европы является ситуацией почти исключительной: ранее на публикацию аналогичных докладов не давала разрешение только Турция.

За время, прошедшее с момента принятия резолюции, никаких ощутимых изменений в решении проблемы безнаказанности в Чечне не произошло. Можно спорить о том, улучшилась ли в Чеченской Республике ситуация с правами человека, однако отказ или неспособность Российской Федерации эффективно расследовать абсолютное большинство тяжких преступлений против представителей гражданского населения очевиден. Учитывая сказанное, представляется удивительным, что ни Парламентская Ассамблея, ни другие органы Совета Европы не сделали практически ничего для дальнейшего продвижения идеи, высказанной в Резолюции № 1323, и подготовки ее сколько-нибудь внятного юридического обоснования. Смелая и своевременная инициатива депутатов ПАСЕ, давшая тысячам жертв маленький лучик надежды на справедливость, но не подкрепленная никакими конкретными действиями, существенно подрывает авторитет данного органа европейского сообщества. Что еще более важно, она дискредитирует саму идею международной интеграции во имя прав человека как таковую.

Конечно, с самого начала было ясно, что смелый призыв ПАСЕ к созданию Международного трибунала в нынешней ситуации не может быть ничем, кроме декларации о намерениях. В действующей системе международных отношений заложены механизмы, позволяющие Российской Федерации заблокировать создание подобного судебного органа на любом уровне. Прежде всего имеется в виду право вето, предоставленное РФ как постоянному члену Совета Безопасности ООН. Но даже если предположить, что международным или европейским сообществом будет разработан иной механизм создания международного уголовного трибунала, кроме учреждения Резолюцией СБ ООН, трудно ожидать, что работа такого суда без сотрудничества со стороны Российской Федерации может оказаться сколько-нибудь эффективной. Реакция же нынешних властей РФ на данное предложение известна: это категорическое неприятие, граничащее с истерикой. Однако невозможность создания трибунала по Чечне сейчас вовсе не говорит о том, что такой орган не сможет быть организован в обозримом будущем. Мир меняется, а судьбы Слободана Милошевича, Аугусто Пиночета, Саддама Хусейна, Иенг Сари и других международных преступников являются наглядной иллюстрацией стремительности этих перемен. Кроме того, перспектива привлечения виновных в чеченской трагедии к международной уголовной ответственности даже в отдаленном будущем способна оказать сдерживающее воздействие на потенциальных преступников, если будет восприниматься ими как реальная.

Задумывая данную работу, ее авторы, по мере возможностей и сил, решили сделать то, что не смогли или не захотели сделать представители органов Совета Европы после принятия Резолюции ПАСЕ № 1323, а именно – вдохнуть в предложение о Международном трибунале по Чечне юридическое содержание.

Для того, чтобы лучше разъяснить читателю задачи данного исследования, стоит вкратце рассказать о том, как возникла идея написания этой книги.

В марте 2006 г. Общество Российско-Чеченской дружбы (российская неправительственная организация, в которой работало большинство авторов настоящего исследования), обратилось с письмом к ряду авторитетных международных и национальных правозащитных организаций России, Европы и Америки. В письме содержалось предложение, заключающееся в том, чтобы, объединив усилия и опираясь на Резолюцию 1323 (2003) ПАСЕ, создать объединенный неправительственный орган, задачей которого стало бы систематическое продвижение идеи международного уголовного правосудия для Чечни, а также подготовка правовой и доказательной базы для возможного в будущем Трибунала или иного судебного органа, который сможет осуществлять юрисдикцию по международным преступлениям, совершенным в контексте чеченского конфликта. Нам было очевидно: для того, чтобы при наличии благоприятных политических обстоятельств Трибунал смог быть не просто учрежден международным сообществом, но и эффективно работать, подготовительная работа по сбору, закреплению и анализу доказательств и подготовке его правовой базы должна начаться как можно быстрее.

В основе этого предложения лежала наша убежденность в том, что если государства по тем или иным причинам не в состоянии превратить собственные благие намерения в реальные дела, это должно сделать гражданское общество. В то же время мы подчеркивали, что не ведем речь о создании какого-либо «общественного трибунала» или любого другого квазигосударственного органа, нацеленного лишь на привлечение внимания к проблеме. Задача ставилась более масштабная: помочь международному сообществу создать в перспективе настоящий уголовный суд, параллельно задействовав для борьбы с безнаказанностью уже существующие в некоторых странах механизмы универсальной юрисдикции.

Однако попытка содержательного обсуждения данного предложения столкнулась с двумя серьезными препятствиями. Первое из них состояло в том, что у экспертов российских правозащитных организаций, много лет работавших в Чечне и собравших уникальную фактическую базу данных по совершенным здесь преступлениям, отсутствовали необходимые представления о современном состоянии международного уголовного права. В лучшем случае коллеги вспоминали доктрины прошлого и справедливо говорили о неприменимости подходов Нюрнберга и Токио к чеченской ситуации. Революционный скачок, происшедший в этой области права после середины 1990-х годов, остался правозащитным сообществом России фактически незамеченным. В значительной степени это касалось и многих зарубежных коллег.

Данное обстоятельство вообще-то не вызывает удивления, и уж тем более не свидетельствует о чем-либо невежестве. Во-первых, международное уголовное право до сих пор по преимуществу остается предметом ин-

тереса узкого круга специалистов, непосредственно связанных с его применением, и небольшого количества академических исследователей. Его изучение не входит в программы не только российских, но и многих зарубежных юридических школ. К тому же после окончания холодной войны развитие международного уголовного права идет столь быстрыми темпами, что любые научные публикации по отдельным его теоретическим вопросам неизбежно устаревают уже в течение одного-двух лет. Иначе говоря, научное осмысление не поспевает за стремительно развивающейся практикой. Об этом красноречиво говорит и почти полное отсутствие фундаментальных обобщающих работ по данной отрасли. Первой и, кажется, единственной монографией такого рода является учебник выдающегося юриста, первого президента Международного трибунала по бывшей Югославии Антонио Кассезе, вышедший в Оксфорде 2003 году. В предисловии к этому изданию автор, находя «поразительным», что «с этим предметом никогда в систематической манере не имели дела ученые», подчеркивает: «Я остро осознаю, что эта первая попытка должна как можно быстрее уступить место более обширному и всестороннему освещению этого сложного вопроса». Что касается российской юридической науки, то картина здесь наблюдается еще более плачевная. Если такова ситуация в академической среде, вряд ли стоит удивляться, что не лучшим образом дело обстоит в кругу экспертов неправительственных организаций и гражданских активистов. В итоге международное уголовное право, несмотря на его колоссальные потенциальные возможности в деле защиты прав человека, пока остается для российского правозащитного сообщества terra incognita.

Второе препятствие до некоторой степени является зеркальным отражением первого. Практикующие юристы и ученые, занимающиеся разработкой вопросов международного уголовного права, либо совершенно не осведомлены о фактических обстоятельствах вооруженного конфликта в Чечне, либо имеют о них самые общие представления. Это также обусловлено объективными обстоятельствами. Подавляющее большинство материалов, содержащих детальное описание и серьезный анализ преступлений, совершенных в связи с вооруженным конфликтом в Чечне, опубликовано только на русском языке. Специалисты в области международного уголовного права, проживающие и работающие в странах Европы и Америки, этим языком, как правило, не владеют. Никаких обращений об экспертной оценке ситуации в Чечне к таким специалистам не поступало (с одной стороны, по причине непоследовательности ПАСЕ и других международных организаций, с другой — из-за недооценки важности такого подхода российским правозащитным сообществом). В итоге вопрос о международно-правовой уголовной ответственности лиц, ответственных за грубые нарушения прав человека и норм гуманитарного права в ходе чеченского конфликта, сообществом специалистов никогда на надлежащем уровне не ставился.

Таким образом, плодотворному обсуждению проблемы международной уголовной юрисдикции для Чечни прежде всего мешает отсутствие взаимодействия между лицами, компетентными в области права, и лицами, обладающими информацией в области фактов. Данное исследование было задумано как мостик через эту пропасть. С одной стороны, оно призвано дать российским экспертами и активистам в области прав человека общее представление о современном международном уголовном праве и тех его нормах, которые применимы к преступлениям, совершенным в Чечне. С другой стороны, оно имеет целью дать специалистам в области международного уголовного права обобщенную информацию о совершенных в Чечне преступлениях и их масштабах. В синтезирующей части мы даем нашу предварительную оценку изложенным фактам в свете применимых норм международного уголовного права и делаем попытку очертить круг лиц, предположительно ответственных за совершение международных преступлений в ходе вооруженного конфликта в Чечне.

Разумеется, аудитория, к которой обращено настоящее исследование, не ограничивается двумя названными выше группами. Оно адресовано широкому кругу политиков, юристов, исследователей, представителей СМИ и всем тем, кого не оставляет равнодушной трагедия на Северном Кавказе и судьба ее жертв.

Очевидно, что проблема воплощения Резолюции ПАСЕ № 1323 (2003) имеет две стороны: юридическую и политическую. Юридическая сторона относится к вопросам правильной квалификации совершенных нарушений, определению круга потенциальных подозреваемых, проработке вопросов судебной процедуры, закреплению фактической базы будущего обвинения и т. п. Политическая сторона связана с волей международного сообщества и Российской Федерации к учреждению заявленного Трибунала. Предметом нашего исследования является только первый, юридический аспект проблемы. Вопрос механизмов принятия международных решений находится за пределами нашего рассмотрения. Однако мы надеемся, что данная работа может послужить толчком для более активных действий по продвижению концепции международного уголовного правосудия для Чечни со стороны государственных деятелей, политиков и дипломатов. Поэтому исследование обращено и к этой категории читателей. Особенно в этой связи хочется отметить депутатов ПАСЕ — авторов идеи, которые в первую очередь несут моральную и политическую ответственность за ее дальнейшее продвижение. Другой важной целевой группой нашего исследования является российская оппозиция: в случае политического успеха именно от нее может зависеть решение вопроса о судебном преследовании лиц, ответственных за международные преступления в связи с вооруженным конфликтом на Северном Кавказе.

На наш взгляд, проблема, поднятая Резолюцией 1323 (2003), не сводится только к вопросу о создании для Чечни специального Международного трибунала. Она, более широко, касается возможности применения к чеченской ситуации механизмов международной юрисдикции вообще. Представляется, что существуют че-

тыре теоретически возможных способа осуществления международной уголовной юрисдикции по преступлениям, совершенным в контексте чеченского конфликта.

1. Учреждение специального международного трибунала резолюцией Совета Безопасности Организации Объединенных Наций на основании ст. 29 главы VII Устава ООН (по типу специальных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде).

2. Учреждение смешанного (гибридного) уголовного суда на основании соглашения между ООН и правительством Российской Федерации (по типу судов по Сьерра-Леоне, Восточного Тимора и Камбоджи). Возможно, в нашем случае первой договаривающейся стороной может быть не ООН, а Совет Европы.

3. Передача чеченских дел в Международный Уголовный Суд в случае ратификации Российской Федерацией Римского Статута и признания ею юрисдикции Суда по преступлениям, совершенным в ходе чеченского конфликта, в соответствии со ст. 12 (3) Статута (в принципе возможно выполнить последнее условие и без ратификации). При рассмотрении данного варианта следует отметить, что в интересах правосудия для Чечни он наименее приемлем, так как временная юрисдикция Международного Уголовного Суда начинается с 1 июля 2002 г., а большинство преступлений в Чечне было совершено ранее этой даты.

4. Преследование предполагаемых преступников в национальных судах стран, имеющих развитое законодательство об универсальной юрисдикции.

Хотя в заголовок предлагаемого исследования вынесена форма юрисдикции, предложенная Резолюцией ПАСЕ № 1323 (2003), авторы учитывают в нем возможность применения каждого из четырех обозначенных выше механизмов.

Вне всякого сомнения, первые три варианта невозможно реализовать при нынешнем политическом режиме в Российской Федерации, т. е. при режиме правления Владимира Путина, его нынешнего и возможных в будущем «преемников». Как будет показано далее, высшие должностные лица администрации президента Путина, включая и самого бывшего главу государства, могут считаться ответственными за преступления, совершенные в контексте вооруженного конфликта на Северном Кавказе. Думается, что эти люди прекрасно осознают данные обстоятельства и будут делать все возможное, чтобы избежать международного правосудия⁴. Тем более, не стоит ожидать от них политической воли, направленной на осуществления такого правосудия. Следовательно, вероятность задействования первых трех механизмов напрямую связана с изменениями внутривластной ситуации в России. Вероятность и возможные сроки изменений — вопрос, выходящий за рамки данного исследования.

Четвертый вариант юридически наименее совершенен, так как механизмы универсальной юрисдикции большинства государств находятся еще в зачаточном состоянии. Однако их применение, по крайней мере теоретически, не связано с внутривластной российской ситуацией: при наличии необходимых условий и достаточной доказательной базы начинать попытки уголовного преследования отдельных предполагаемых преступников можно уже сейчас. Этому способствует и наличие огромной чеченской диаспоры в странах Европы, большинство представителей которой составляют жертвы военных преступлений и их родственники.

В предлагаемом исследовании мы в максимально возможной степени пытаемся дистанцироваться от политических оценок рассматриваемого конфликта. Имеет ли чеченский народ право на сепаратизм (одностороннее отделение) от Российской Федерации? Имеет ли Российская Федерация право на вооруженное противодействие этой сепаратистской организации? Насколько справедливой является война для той и другой стороны конфликта? Безусловно, у каждого из авторов этой книги есть свои ответы на данные вопросы, которые можно найти в других наших публикациях. Однако настоящее исследование мы сознательно ограничили лишь юридической оценкой методов, при помощи которых стороны конфликта пытались и пытаются достичь своих целей.

⁴ Разумеется, эти обстоятельства прекрасно осознает сообщество обслуживающих действующий режим юристов. Ярким примером этого является статья профессора кафедры уголовного права и криминалистики Российской правовой академии Министерства юстиции РФ Ольги Ведерниковой. Категорически возражая против ратификации Россией Статута Международного Уголовного Суда, автор, в частности, пишет: «Политико-правовое значение отрицания иммунитета высших должностных лиц состоит в том, что данные нормы Статута МУС в случае его ратификации позволяют привлечь к уголовной ответственности в Международном уголовном суде Президента РФ, Председателя Правительства РФ, министров, депутатов Государственной думы и членов Совета Федерации. Причем все они могут быть отстранены от власти в результате выдачи ордеров на арест в рамках расследования одного уголовного дела, например о геноциде чеченского народа в 90-е годы XX века. Попытки создания Международного трибунала по Чечне свидетельствуют о реальности данной угрозы. <...> Кроме того, в случае ратификации Статута МУС его действие может быть распространено на военнослужащих и представителей правоохранительных органов, участвующих в контртеррористической операции в Чеченской Республике» (Ольга Ведерникова. Россия и Римский статут Международного уголовного суда: перспективы ратификации. / Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. Под ред. Богуша Г. И., Трикоз Е. Н. — М., 2008. С. 120). Показательно в приведенном отрывке то, что данный юрист достаточно открыто и цинично декларирует примат политики над правом. Автор не ставит под сомнение факты преступлений, совершенных российской стороной в Чечне, а слова «геноцид чеченского народа» даже не берет в кавычки, тем самым косвенно признавая юридическую правомерность такой квалификации. Но профессора Ведерникову не интересует правовая сторона вопроса: возможный арест Президента, Председателя Правительства, депутатов, военных и милиционеров, вне зависимости от их вины или невиновности, сам по себе представляется катастрофой, которую ни в коем случае нельзя допустить.

Справедливо это или нет, но исходя из современного состояния международного права, ни цели чеченских сепаратистов (состоящие в отделении от России и создании собственного независимого государства), ни цели российского руководства (которое пытается силой удержать Чечню в составе Федерации), нельзя признать заведомо незаконными. Общеизвестно, что отрасль международного права, касающаяся самоопределения народов, крайне противоречива. Разные его нормы защищают как право на самоопределение, так и территориальную целостность государств. Законность или незаконность сецессии и ее силового подавления в каждом отдельном случае — это, скорее, вопрос нравственной и политической, нежели юридической оценки. Однако средства и методы ведения войны, защита гражданского населения, гражданских объектов и лиц, вышедших из строя, — аспекты, в настоящее время хорошо урегулированные в нормах обычного и договорного международного права, в частности, в таких его разделах, как гуманитарное право и право прав человека. Нарушения этих норм незаконны вне зависимости от легитимности или противоправности целей, которые стремятся достичь лица и организации, виновные в этих нарушениях. В ряде случаев такие нарушения являются международными преступлениями (такими, как военные преступления и преступления против человечности) и влекут по международному уголовному праву индивидуальную уголовную ответственность. Такие преступления, совершенные в контексте вооруженного конфликта в Чеченской Республике, и являются предметом данного исследования.

Иными словами, мы не рассматриваем в данной книге вопросы, связанные с *jus ad bellum* (нормами права о законности использования военной силы вообще), а исключительно проблематику *jus in bello* (норм, которые должны в любом случае соблюдаться при использовании военной силы). Единственным исключением является глава 16 в части анализа применимости к российско-чеченскому конфликту положений статьи 1 (4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, так как сама эта норма неизбежно предполагает определенную оценку законности обращения инсургентов к насильственным методам борьбы.

0.2. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Читатель вправе задать вопрос: а стоит ли опять «ворошить» чеченскую тему? Российская Федерация заявляет, что вооруженный конфликт в Чечне завершен, республика находится в процессе постконфликтной реконструкции, и что число грубых нарушений прав человека здесь стремительно сократилось. Даже ПАСЕ существенно снизила внимание к чеченской теме, сведя ее обсуждение к формату так называемых «круглых столов». Действительно ли в Чечне произошли фундаментальные изменения? И если да, то снимают ли они с повестки дня вопрос о безнаказанности в частности, и вопрос о международном измерении чеченской проблемы вообще? На наш взгляд, нет. И хотя нельзя отрицать, что по сравнению с 2003 годом обстановка в республике значительно изменилась, мы полагаем, что речь идет не о преодолении чеченского кризиса, а о его новой фазе.

Мирного урегулирования в Чечне не достигнуто. Сепаратисты не признали своего поражения и, несмотря на серьезные потери в руководстве, продолжают вести партизанскую и диверсионную войну. В последние годы они сменили стратегию. Если раньше боевые действия шли только на территории Чеченской Республики, то теперь конфликт выведен за ее пределы. Обстрелы военных колонн, нападения на сотрудников милиции происходят уже в Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии. В этих республиках сформированы подпольные вооруженные структуры. В соответствии с распространяемыми ими декларациями, цель данных групп — провозглашение общего, совместного с другими населяющими регион этносами, независимого северокавказского государства. Они координируют между собой свои действия и подчиняются руководству отрядов чеченского сопротивления, признавая себя их структурными подразделениями. Таким образом, конфликт в значительной степени потерял исключительно российско-чеченское измерение.

Стараясь подавить нарастающее вооруженное сопротивление, государственные силовые структуры используют в этих республиках те же методы, что и в Чечне: похищают, незаконно задерживают и пытаются людей, фабрикуют в их отношении уголовные дела, совершают внесудебные казни. Теперь уже во всем северокавказском регионе действуют т. н. «эскадроны смерти», созданные на основе российских силовых структур. Функционируют незаконные места содержания под стражей, проводятся «зачистки» населенных пунктов, произвольные обыски жилья и транспортных средств. Регион погрузился в бесконечную череду спецопераций против «боевиков и террористов» и ответных нападений на военнослужащих, местных милиционеров и сотрудников органов власти. Ситуация все в большей и большей степени заходит в политический и военный тупик.

Таким образом, вооруженный конфликт нельзя считать завершенным ни фактически, ни (как мы покажем в исследовании) юридически. Существенное, по сравнению с 2003 годом, снижение интенсивности противостояния в самой Чечне компенсируется переносом боевых действий в сопредельные регионы и вовлечением в вооруженное противостояние проживающего там мусульманского населения. Сокращение же числа совершаемых в республике насильственных исчезновений, внесудебных казней и других тяжких преступлений против гражданского населения объясняется не «успешной борьбой с терроризмом», а совсем другими причинами...

Метод «замирения» Чечни, который на протяжении последних лет реализуется федеральным центром, приобрел устойчивое наименование «чеченизации». Его суть заключается во возвращении на месте сецессионистского конфликта внутривеченской гражданской войны. С этой целью в составе силовых ведомств РФ из числа местных жителей были сформированы различного рода комендантские взводы, службы безопасности и прочие военные и паравоенные формирования, включая органы МВД России. Поначалу они осуществляли вспомогательные функции: находились в оцеплении при проведении российскими военными и сотрудниками спецслужб «зачисток», несли охрану объектов промышленности, административных зданий, а также обеспечивали безопасность пророссийских чиновников. Со временем — особенно это заметно с 2003 года — им стали поручать проведение самостоятельных операций, например, задержания лиц, подозреваемых в участии в боевых действиях на стороне сепаратистов. А с 2005 года постепенно, но неуклонно ответственность за ситуацию в республике стала передаваться местным профедеральным вооруженным отрядам, уже окончательно введенным в штат российских министерств Внутренних дел и Оборона. И вот тогда правозащитные организации стали фиксировать постепенное сокращение наиболее тяжелых видов преступлений: внесудебных казней и бесследных исчезновений людей после их задержания. И хотя при этом стало возрастать количество других грубых нарушений (фабрикация уголовных дел и вынесение по ним неправосудных обвинительных приговоров, захват заложников из числа родственников участников вооруженных формирований сепаратистов и т.д.), жизнь простых жителей Чечни, напрямую не вовлеченных в вооруженный конфликт, стала чуть более безопасной.

Эти изменения выдаются за «успех» политики федерального центра на Северном Кавказе. На деле же это всего лишь побочное следствие «чеченизации». Вместе с передачей полномочий по осуществлению насилия силовым структурам, набранным из местного населения, исчезла мотивация, лежавшая в основе большинства незаконных действий российских военных на начальной стадии конфликта: этническая ненависть. Пророссийские чеченские отряды совершают не менее тяжкие преступления, чем их федеральные коллеги. Но их врагами являются не все чеченцы.

В обмен на материальное обеспечение, гарантии безопасности и прощение прежних преступлений от них требуется вооруженное противодействие сторонникам независимости, участие в захватах людей, пытках, убийствах и других преступлениях. Другими словами, «чеченизация» — это замена политики коллективного наказания всего населения по национальному и этническому признаку, осуществлявшейся в начальной стадии конфликта собственно российскими силовыми структурами, на террор легализованных, вооруженных и тщательно опекаемых Москвой криминальных и полукриминальных банд.

Ценой «чеченизации» является и создание в отдельно взятом субъекте Российской Федерации «идеальной модели» полицейского государства с такими его отвратительными атрибутами, как всевластие силовых структур, полное отсутствие свободных СМИ, невозможность существования легитимной (невооруженной) оппозиции, пронизывающий общество страх и абсолютная власть «вождя» в лице Рамзана Кадырова, помноженная на усиленно насаждаемый культ его личности.

Несмотря на кажущуюся карикатурность, у этой политики есть глубинный политический смысл, возможно, просчитанный ее авторами заранее. Он заключается в попытке разрушения традиционного демократического уклада жизни чеченцев, в котором и кроется главная причина их упорного сопротивления российскому государству. Действительно, большинство историков и этнографов солидарны во мнении, что чеченское общество до начала российского завоевания представляло собою конфедерацию свободных сельскохозяйственных общин, которая иногда именуется термином «горская демократия». Отсутствие неподконтрольной обществу феодальной верхушки стало причиной неэффективности здесь колониальной политики Российской Империи, которая в других регионах Северного Кавказа опиралась на «скупку» местной элиты. Несмотря на последующую модернизацию и репрессивную политику большевиков, и им до конца так и не удалось сломать демократические тенденции, лежащие в основе чеченского традиционного уклада. Теперь эти попытки возобновлены уже путем «скупки» криминальных и маргинальных элементов, которые становятся опорой российской государственности в регионе. Очевидно, что подавление в людях чувства собственного достоинства должно, в конечном счете, приучить их подчиняться. И чем ущербнее тот, перед кем они вынуждены склонить голову, тем эффективнее будут размываться традиционные национальные устои.

Однако слом веками сформировавшегося общественного устройства ведет и к другому последствию: расширению влияния радикального ислама, особенно среди молодежи.

«Чеченизация» не приближает народ республики к России, а наоборот, толкает его в объятия исламистов. Не случайно, что после гибели Масхадова руководители сепаратистов все больше и больше употребляют религиозную риторику, ищут в радикальном исламе опору для продолжения своей борьбы. Движение за независимость, первоначально опиравшееся на доктрину о праве наций на самоопределение и общечеловеческие ценности, постепенно перерождается в тоталитаристское по своей сути течение. Чеченская молодежь, существенная часть которой воюет или поддерживает вооруженное сопротивление, уже в достаточной степени радикализована. В этой связи вполне закономерным явлением стало провозглашение осенью 2007 года вместо светской, демократической Чеченской Республики Ичкерия (пусть и существовавшей в последние годы лишь номинально) так называемого Северо-Кавказского эмирата. Объявлено, что законы этого государ-

ства, в случае его создания, будут основаны на шариате, а его руководство будет избираться алимами (знатоками ислама) без учета мнения народа. Таким образом, чеченское общество поставлено перед сомнительным выбором между двумя авторитарными моделями власти: криминально-полицейской, насаждаемой Россией, и исламистской, пропагандируемой вооруженной оппозицией. Учитывая историческую память и море крови, пролитое недавно во имя удержания Чечни в составе Российского государства, для многих жителей республики вторая модель может представляться по крайней мере меньшим из зол.

Кроме того, чеченский конфликт (и это неоднократно подчеркивали авторы данного исследования) стал катализатором тенденций реставрации авторитарного режима в самой России, а также становления реваншистской, изоляционистской, антизападной великодержавно-шовинистической доктрины, которая сейчас активно эксплуатируется правящим режимом. Чечня стала полигоном для разработки методов полицейского управления, которые затем плавно переносятся на всю страну: и в область политическую, и в область «правоохранительную». Насилие и беззаконие, возведенные в ранг закона в одной части страны, как раковая опухоль расползаются вширь. По нашему глубокому убеждению, сегодняшнее стремительное скатывание Российской Федерации к авторитаризму – прямое следствие чеченской политики, а также недалёковидности лидеров мирового сообщества, которые не смогли остановить чеченскую катастрофу. Авторитарное же Российское государство – это угроза уже не только его гражданам, но и всему миру. Это очень ярко продемонстрировал российско-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 г.

Таким образом, проблема Чечни имеет универсальное измерение. И не только политическое, но и гуманитарное.

Несмотря на заявленную «стабилизацию», поток беженцев из Чечни в страны Европы в период написания этой книги не сокращался. И если раньше люди бежали от бомбежек и карательных операций, то теперь они бегут от полицейщины и диктатуры. Недавно одному из авторов довелось встретиться за пределами России с бывшим сотрудником одной из грозненских больниц. В узком кругу друзей он позволил себе назвать Рамзана Кадырова лицемером. Последовал донос, и в течение десяти дней молодой человек содержался в яме в месте дислокации одного из силовых подразделений, подвергаясь пыткам. Его мучители говорили: «Ты не любишь нашего вождя!». От времен сталинщины данный эпизод отличается только «спасительной» ролью коррупции: родственники сумели освободить узника за денежный выкуп, и он бежал за границу.

Еще более жуткую историю распространили осенью 2007 года новостные агентства. 14 сентября польские пограничники задержали уроженку Чечни с двухлетней дочерью, которая нелегально попала на территорию страны. Женщина рассказала, что при переходе границы в горах погибли три ее дочери. Пограничники обнаружили тела погибших девочек. Вероятно, они умерли от переохлаждения: в горах Бешады, где их нашли, уже выпал снег, а температура ночью там опускается ниже нуля. Женщина в состоянии истощения была доставлена в больницу, туда же была госпитализирована ее двухлетняя дочь⁵. Тот факт, что люди предпочитают рисковать собой и даже своими детьми в надежде покинуть зону кадыровской «стабильности», говорит сам за себя.

И это отнюдь не единичные случаи: недавняя эмиграция в Финляндию восемнадцати человек – почти всех участников одного из известнейших чеченских фольклорных коллективов «Жовхар» и членов их семей – очень ясно демонстрирует существующую тенденцию. Причиной бегства выходцев из Чечни является и продолжающаяся дискриминация чеченцев в регионах России. Ее масштабы прекрасно продемонстрированы в ежегодных докладах российской правозащитной организации «Гражданское содействие»⁶.

Но главное – контроль над Чечней и видимая «стабильность» достигнуты Россией исключительно путем жесточайшего террора. Такой контроль и такая стабильность по определению не могут быть устойчивыми. По сути, ситуацию здесь можно уподобить сжатой пружине, энергия которой удерживается железными тисками диктатуры. При любом ослаблении давления она чревата взрывом и возобновлением активного вооруженного противостояния. Ни одна тирания не может длиться вечно. В случае серьезного внутреннего кризиса, связанного, например, с падением цен на энергоносители, Россия может утратить контроль над частью северо-кавказских территорий (как это уже было в начале 1990-х гг.), что откроет путь к созданию здесь одного или нескольких независимых государств. Игнорировать возможность такого сценария – значит проявлять близорукость. Какой путь выберут народы Чечни и сопредельных с ней регионов – демократический, ориентированный на ценности современного мира, или путь противостояния западной цивилизации под исламистскими лозунгами – все это решается уже сегодня.

Кроме того, учитывая уровень затаенной ненависти большинства населения Чеченской Республики к тем, кто сейчас служит под кадыровскими знаменами, обострение вооруженной борьбы может обернуться

⁵ См., например: <http://www.lenta.ru/news/2007/09/14/chechen/>.

⁶ Ганнушкина С. А. О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию. // Доклад по материалам юристов Сети «Миграция и Право». – М., 2002; Ганнушкина С. А. О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию. Июнь 2002 г. – май 2003 г. (По материалам Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал» и Комитета «Гражданское содействие») – М., 2003; Ганнушкина С. А. О положении жителей Чечни в Российской Федерации. Июнь 2003 г. – май 2004 г. / Доклад по материалам Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал» и Комитета «Гражданское содействие». – М., 2004; О положении жителей Чечни в Российской Федерации. Июнь 2004 г. – июль 2005 г. / По материалам Сети «Миграция и Право» ПЦ «Мемориал»; Комитета «Гражданское содействие». 22.07.2005. // <http://refugee.memo.ru/site/rupor.nsf/MainFrame1?OpenFrameSet>.

массовой и слепой мстью без различия правых и виноватых. Избежать нового кровавого кошмара и установить в Чечне прочный мир (вне зависимости от будущего статуса республики) без активного использования механизмов правосудия просто невозможно. При этом правосудие должно быть действительно независимым, справедливым, и ему должно доверять большинство граждан.

Правосудию в Чечне нет альтернативы и потому, что иные меры нормализации оказались неэффективными либо эфемерными, поставив общество перед сомнительной дилеммой между войной и диктатурой, и потому, что того требует нравственный закон.

Данный раздел хочется закончить цитатой из статьи выдающегося современного юриста, первого президента Международного трибунала по бывшей Югославии Антонио Кассезе:

«Правосудие лучше, чем другие ответы на преступления. Правосудие лучше, чем месть. Несомненно, что месть — примитивная форма правосудия, частная система правоприменительной деятельности. Но в целом она имеет отличную от правосудия основу в виде логики непримиримой ненависти и возмездия. Мсть может быть только последним средством для тех людей, которым отказано в должном правовом процессе. Подобную ситуацию демонстрируют события, произошедшие после Первой мировой войны, когда армяне, чтобы наказать тех, кого они посчитали ответственными за геноцид 1915 года, взяли правосудие в свои руки.

Правосудие лучше, чем бездействие либо в форме предоставления амнистий, либо просто в виде предания преступлений забвению. Такое бездействие убеждает будущих диктаторов и авторитарных лидеров, что и их злодеяния останутся безнаказанными. Есть сведения, что Гитлер, обсуждая вопрос, продолжать ли ему политику геноцида в отношении евреев, сказал: «Кто, в конце концов, вспоминает сегодня об уничтожении армян?». Кроме того, в результате этого бездействия жертвы убиваются дважды: первый раз, когда они истребляются физически, и второй раз, когда о них забывают. Однако в действительности память о резне и других злодеяниях никогда не удастся окончательно похоронить вместе с жертвами. Она живет всегда, и если ничего не предпринять для возвращения справедливости, приобретает характер нагноения.

В сравнении с этим, привлечение предполагаемых преступников к судебной ответственности имеет по крайней мере четыре преимущества. Во-первых, суды устанавливают индивидуальную ответственность вместо коллективной вины. Во-вторых, суды противостоят мести, ибо, отмеряя справедливое наказание преступнику, они удовлетворяют призыв жертв к возмездию. В-третьих, посредством отправления правосудия жертвы могут быть примирены с их мучителями, ибо они знают, что последние теперь заплатили за свои преступления. И, в-четвертых, суды дают достоверное описание совершенных злодеяний, чтобы грядущие поколения могли помнить о них и доподлинно знать, что случилось»⁷.

0.3. МЕТОДИКА, ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем перейти к описанию методики исследования, необходимо сказать несколько слов об употребляемых в нем терминах. Вооруженный конфликт, связанный с попыткой сецессии Чечни от Российской Федерации и силовым подавлением этой попытки, имел несколько этапов. Это период фактической независимости Чечни 1991-1994 годов, военные действия 1994-1996 гг., так называемый «межвоенный период», и, наконец, военные действия, начавшиеся в 1999 году и длящиеся с той или иной степенью интенсивности по сей день. Данный конфликт не ограничен территорией Чечни: боевые действия выплескивались в сопредельные республики и регионы (Ингушетию, Дагестан, Ставрополье). Для обозначения совокупности всех этих событий мы употребляем термины «российско-чеченский вооруженный конфликт», «вооруженный конфликт на Северном Кавказе» или просто «чеченский конфликт», которые следует воспринимать как синонимы. В случаях, когда мы хотим сказать о конкретном этапе, мы специально указываем его хронологические рамки или употребляем краткое просторечное название, например, «вооруженный конфликт 1994-1996 гг.» («первый конфликт»), «вооруженный конфликт, начавшийся в 1999 г.» («второй конфликт») и т. п.

Под «сторонами конфликта» мы подразумеваем с одной стороны Российскую Федерацию (с ее вооруженными силами и иными силовыми структурами), с другой стороны — самопровозглашенную Чеченскую Республику Ичкерия (с ее вооруженными формированиями) и, шире, вооруженные формирования чеченских сепаратистов, некоторые из которых на отдельных этапах могли действовать автономно от правительства независимой Чечни. Следует особо подчеркнуть, что поскольку российско-чеченский вооруженный конфликт в целом не является межэтническим конфликтом, национальность его участников не может рассматриваться как индикатор принадлежности к той или иной стороне. На федеральной стороне конфликта на разных этапах сражались и продолжают сражаться этнические чеченцы. В настоящее время в Чеченской Республике из них сформированы органы милиции и многие другие пророссийские силовые структуры. В то же время на стороне чеченских сепаратистов воевали этнические русские (особенно в большом количестве в период «первой войны»), представители других народов Российской Федерации и даже некоторое количество ино-

⁷ Cassese c.

странных граждан. Таким образом, критерием для определения принадлежности лица к той или иной стороне вооруженного конфликта является не его этническая принадлежность, а принадлежность к вооруженным (военным и паравоенным) формированиям или (в некоторых случаях) к административным структурам противоборствующих сторон.

Предлагаемое исследование состоит из трех смысловых блоков.

1. Обзор современного состояния международного уголовного права.

2. Обзор фактических обстоятельств вооруженного конфликта в Чеченской Республике, а также грубых нарушений прав человека и норм международного гуманитарного права, совершенных в контексте данного конфликта.

3. Анализ данных нарушений в свете применимых норм международного уголовного права.

Главным обстоятельством, осложнившим задачу подготовки данной книги, является широта ее предполагаемой аудитории. Так как исследование, по определению, адресовано самым разнообразным группам читателей, авторы должны были решить две ключевые проблемы:

— с одной стороны, сделать изложение в максимально возможной степени доступным для неспециалистов, т. е. для людей, не имеющих базового юридического образования;

— с другой стороны, выполнить исследование на соответствующем сложности затронутой теме научном уровне и привлечь внимание профессионалов.

В наибольшей степени сложность этой проблемы выявилась при написании первого, теоретического блока. Разумеется, мы не ставили перед собой амбициозной задачи дать систематическое изложение всех аспектов международного уголовного права. В то же время, учитывая отсутствие в российской юридической литературе обобщающих работ по этой стремительно развивающейся отрасли, мы не могли уклониться от необходимости хотя бы пунктирно рассказать о ее главных особенностях. В итоге мы ограничились здесь решением двух задач: дать общее представление об основных принципах и источниках международного уголовного права, и более детально рассмотреть те нормы материального права, которые могут быть применимы непосредственно к рассматриваемому нами вооруженному конфликту. Разумеется, необходимость адаптации и ограниченные рамки настоящего исследования неизбежно привели к некоторому упрощению в изложении наиболее сложных теоретических проблем. Читателей, которые желают более детально разобраться в этих вопросах, мы отсылаем к специальным публикациям, которые приведены нами в списке использованной литературы.

Источниками при подготовке материалов данного блока послужили международные договоры, уставы и решения международных судов и трибуналов, документы ООН и других международных организаций, а также практика государств, выраженная, в частности, в заявлениях, внутреннем законодательстве и судебных решениях. Особое внимание авторы уделили прецедентному праву специальных международных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде. Также нами была широко использована специальная литература, в том числе работы известных комментаторов, чей авторитет широко признан в мировой юридической науке. Особенно следует выделить книги и статьи Антонио Кассезе, Паолы Гаэта и Вильяма Шабаса, а также коллективное исследование экспертов Международного Комитета Красного Креста (под редакцией Жан-Мари Хенкерта и Луизы Досвальд-Бек) по обычному гуманитарному праву, к разработке которого были привлечены наиболее компетентные специалисты из разных стран мира.

В своих обобщениях авторы предпочитали опираться на положения, которые, без сомнения, являются нормами общепринятого (обычного) или применимого договорного международного права. В случаях, когда определение общепринятого закона представляется проблематичным, или норма права не ясна, авторы, по возможности, старались привести все основные интерпретации затронутой проблемы, ориентируясь при этом на наиболее консервативный из имеющихся в современной практике подходов. Так, например, несмотря на то, что в прецедентном праве трибуналов по бывшей Югославии и Руанде прочно утвердилось положение, в соответствии с которым политика или план государства и организации не являются обязательным элементом преступления против человечности, авторы ориентировались на принцип необходимости установления этого элемента.

Источниками второго (фактического) блока стали материалы, в которых в той или иной форме задокументированы грубые нарушения прав человека и норм гуманитарного права, совершенные сторонами в контексте вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Нами не проводилось никаких дополнительных полевых исследований (за исключением уточнения отдельных фактов): мы анализировали и обобщали уже существующие материалы, подавляющее большинство из которых имеется в открытом доступе.

При подготовке этого блока возникло сразу несколько методологических проблем. Первая заключалась в отборе источников в связи с вопросом достоверности содержащихся в них сведений. В связи с этим нами были исключены все документы и сообщения, исходящие от официальных структур сторон вооруженного конфликта (за исключением судебных решений и сообщений, которые транслировались независимыми акторами после их проверки), а также публикации средств массовой информации, выражающих точку зрения сторон конфликта. В основу источниковой базы по нарушениям были положены сообщения организаций

и лиц, пользующихся высоким международным авторитетом, добросовестность и беспристрастность которых у авторов не вызывает сомнений.

К первой группе относятся сообщения и доклады российских и международных неправительственных организаций, осуществлявших независимый мониторинг ситуации в Чеченской Республике. Это материалы правозащитного центра «Мемориал», Информационного центра Общества Российско-Чеченской дружбы и международной правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч». Две первые организации осуществляли мониторинг ситуации в Чеченской Республике с весны-лета 2000 г., имея свои офисы и штат сотрудников в Ингушетии и Чечне. Последняя организация не вела постоянного мониторинга, но периодически организовывала миссии по сбору информации и расследования на месте силами своих сотрудников в партнерстве с первыми двумя организациями. Кроме того, нами были привлечены некоторые материалы, собранные и опубликованные Виктором Попковым, известным российским правозащитником и миротворцем, убитым в Чечне в 2002 году.

Ко второй группе относятся публикации СМИ. Из всего медийного массива мы выбрали только два источника: это публикации Анны Политковской в «Новой газете» и сообщения Радио Свобода. Анна Политковская, лауреат самых престижных международных премий в области журналистики, убитая в Москве 7 октября 2006 г., работала в Чечне с 2000 года. Уникальность материалов Радио Свобода состоит в том, что его собственные корреспонденты, включая Андрея Бабицкого, работали в Чечне в период наиболее интенсивных боевых действий осени – зимы 1999–2000 годов, когда ни одна правозащитная организация не осуществляла здесь своего мониторинга.

К третьей группе относятся решения Европейского Суда по правам человека. Хотя эти решения касаются ничтожной доли из общего числа анализируемых эпизодов, важно, что в них содержится не просто первичная информация, но установленные судебным путем факты.

К четвертой группе источников относятся решения российских судов и документы органов российской прокуратуры. Эта вспомогательная группа источников, так как связана с одной из сторон конфликта. Однако она позволяет судить об уровне эффективности расследований, проводимых на национальном уровне, и в ряде случаев помогает установлению лиц и подразделений, предположительно ответственных за совершенные преступления.

Другой проблемой стала выработка методики интерпретации избранных нами источников и подачи материала. Свидетельства о преступлениях, совершенных в контексте вооруженного конфликта в Чечне, составляют тысячи страниц. Только далеко неполная хроника нарушений за период второй половины 2000 – 2001 г., опубликованная ПЦ «Мемориал» в издании «Здесь живут люди», представляет собой четыре увесистых тома. Для того, чтобы адекватным образом обобщить имеющиеся материалы, мы разработали специальную методику, которая позволила систематизировать огромный массив данных о преступлениях за период 1999–2005 годов (ее детальное описание см. в главе 27). Эта методика включает анализ всех задокументированных нарушений, исходя из составов преступлений и основных контекстов их совершения. Всего было избрано восемь основных контекстов, для анализа которых были разработаны статистические таблицы. В результате мы получили обобщенные данные о моделях преступного поведения и их эволюции, количестве и поло-возрастном составе жертв (в случаях, когда такие сведения известны), динамике совершения тех или иных типов преступлений, линиях поведения отдельных воинских частей и подразделений, предположительно ответственных за их совершение. Эти обобщенные данные представлены в книге на фоне описания наиболее характерных примеров преступлений.

Для правильного понимания результатов статистического анализа авторы должны сделать три важных оговорки. *Во-первых*, эти результаты ни в коей мере не претендуют на полноту. И ПЦ «Мемориал», и ИЦ ОРЧД всегда подчеркивали, что даже в самые благоприятные времена они охватывали своим мониторингом не более трети территории республики, и что даже на этой территории они получали сведения далеко не обо всех нарушениях. Кроме того, в основу анализа самого кровавого периода второго вооруженного конфликта (осень, зима и весна 1999–2000 гг.) нами в значительной степени положены разрозненные сообщения Радио Свобода, часть которых к тому же приходилось отбрасывать из-за их неконкретности. Следовательно, эти результаты не могут претендовать на то, чтобы содержать объективные сведения и о числе преступлений, совершенных в проанализированный период, и о числе их жертв. И уж тем более они не могут дать представление об общем числе жертв вооруженного конфликта (такая задача нами вообще не ставилась). Данные сведения лишь показывают, *о каком количестве преступлений и о каком числе жертв содержатся сведения в проанализированных нами источниках*. *Во-вторых*, мы исходили из принципа презумпции наименьшего вреда, в соответствии с которым любая неконкретность источника относительно тяжести причиненного вреда или точного числа жертв интерпретировалась в пользу предполагаемых нарушителей. Таким образом, даже в проанализированных нами эпизодах число показанных жертв минимально возможное. По всей видимости, в реальности их было намного больше. *В-третьих*, мы ни в коей мере не утверждаем, что все проанализированные и приведенные нами в качестве примеров эпизоды преступлений являются установленными фактами. Скорее, мы говорим, что наши источники позволяют сделать вывод о наличии признаков тяжких преступлений против представителей гражданского населения, носящих массовый и систематический характер. Установление фактов в строгом смысле этого слова – задача будущего суда. Единственной группой наших источников, содержащих

юридически установленные факты, являются решения Европейского Суда по правам человека и некоторая часть решений национальных российских судов.

Другая часть работы по второму блоку была связана с анализом открытых источников информации с целью установления командиров и иных начальников, осуществлявших эффективный контроль над группировками и подразделениями, члены которых совершили предполагаемые нарушения. Здесь в качестве источников нами были привлечены материалы СМИ (статьи, репортажи, интервью и т.п.), в том числе связанные со сторонами конфликта или выражающие их интересы, а также распорядительные документы должностных лиц сторон конфликта, аналитические справки, мемуары участников боевых действий и другие материалы.

Изложению основного материала предпослана Часть I, в которой мы даем краткий очерк истории российско-чеченских отношений, а затем приводим главные фактические обстоятельства рассматриваемых вооруженных конфликтов. Исторический очерк носит компилятивный характер: при его подготовке мы не вели самостоятельной работы с источниками, а полагались на существующую историографию вопроса, прежде всего на труды наиболее авторитетных специалистов (чеченских, российских и зарубежных историков и этнологов). При описании обстоятельств последних лет мы обращались к сообщениям СМИ, собственным наблюдениям и обобщающим публикациям правозащитных организаций. Излагая события (особенно давние), приходится следовать тем или иным интерпретациям источников, которые, как всегда бывает в исторической науке, по определению проницаемы для критики. Поэтому некоторое количество неизбежных в таких случаях обобщений следует рассматривать как позицию авторов (или авторов приведенных цитат), не имеющую прямого отношения к главной задаче исследования – юридической оценке совершенных преступлений. Таким образом, данную часть необходимо воспринимать исключительно в качестве справочной.

Общие хронологические рамки исследования достаточно широки. В целом мы весьма подробно касаемся периодов боевых действий 1994–1996 и 1999–2007 гг. Однако в части статистического и правового анализа мы были вынуждены ограничиться нарушениями международного гуманитарного права и прав человека, совершенными с 1999 по 2005 год. Это объясняется, во-первых, ограниченными рамками настоящей работы, а во-вторых, тем, что мониторинг нарушений, совершенных в ходе «второго» конфликта, осуществлялся правозащитными организациями гораздо более систематично. Сбор, систематизация и анализ источников, содержащих сведения о преступлениях, совершенных в ходе «первого» вооруженного конфликта, – задача следующего этапа исследования.

По тем же причинам мы были вынуждены сузить и территориальные рамки статистической части исследования. В ней проанализированы только преступления, совершенные на территории Чеченской Республики, а также террористические акты против гражданского населения в России, связь которых с вооруженным конфликтом в Чечне не вызывает сомнений. Хотя боевые действия шли не только в Чечне, но также в Ингушетии и Дагестане, нарушения, совершенные вне административных границ Чеченской Республики (корме упомянутых выше терактов), не были подвергнуты статистическому анализу. Это также задача следующего этапа работы над данной темой. В конечном итоге нам было важно ответить на вопрос, чем являются рассматриваемые нарушения: набором изолированных криминальных эпизодов или преступлениями, носящими массовый и систематический характер. Избранные нами территориальные и временные границы вполне позволили справиться с этой задачей.

Наконец, авторы отдельно подчеркивают, что рассматривают в данной книге преступления, совершенные обеими сторонами вооруженного конфликта. При этом следует отметить, что большинство идентифицируемых представителей чеченской стороны, которых можно считать предположительно ответственными за совершение преступлений по международному праву, к настоящему моменту либо уже мертвы (особенно это касается высокопоставленных командиров и иных начальников), либо осуждены российскими судами. Напротив, большинство идентифицируемых представителей российской стороны, на которых может быть предположительно возложена ответственность за подобные преступления, не только остаются безнаказанными, но и в ряде случаев занимают высокие военные и государственные должности. Исходя из этих обстоятельств наибольшее внимание уделено нами вопросам индивидуальной ответственности представителей федеральной стороны в вооруженном конфликте.

0.4. СТРУКТУРА ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Книга состоит из восьми частей, включающих 58 глав, настоящего Введения, Заключения и Приложений. Главы разбиты на разделы и подразделы и содержат систему внутренних ссылок, облегчающих ориентацию в тексте.

Первая часть (главы 1–7) посвящена предыстории и фактическим обстоятельствам интересующих нас вооруженных конфликтов, а также тех политических событий, на фоне которых они проходили. Специальных оценок нарушений норм международного гуманитарного права и прав человека она не содержит. Эта часть, как мы уже сказали, носит вспомогательный характер.

Вторая часть (главы 8–13) посвящена общим вопросам международного уголовного права. Мы касаемся его принципов, источников, взаимосвязи с другими областями права, определения международных пре-

ступлений и их классификации, принципа универсальности, вопросов международной юрисдикции, границ действия международных иммунитетов в отношении лиц, подозреваемых в международных преступлениях, особенностей состава международных преступлений, форм вины, видов участия в международных преступлениях и иных соответствующих тем.

Третья часть (главы 14-17) посвящена международно-правовой характеристике интересующих нас вооруженных конфликтов, которая дается в свете положений международного права, описанных выше, а также определению их хронологических и территориальных рамок.

Четвертая часть (главы 18-21) посвящена описанию «особенной части» международного уголовного права, точнее, тех его разделов, которые могут быть актуальными для контекста интересующих нас конфликтов. Мы детально рассматриваем общие квалифицирующие признаки таких классов международных преступлений, как военные преступления, преступления против человечности и геноцид, а также обращаемся к характеристике элементов отдельных составов этих преступлений, как они описаны в источниках современного международного уголовного права.

В Пятой части (главы 22-26) читатель найдет описание организационно-командной структуры сторон конфликта и задействованных сторонами сил. Особенное внимание нами уделяется описанию цепей командования и установлению лиц, осуществлявших на разных этапах эффективный контроль над личным составом участвовавших в конфликте вооруженных формирований.

Часть Шестая (главы 27-41) – самая значительная по объему – посвящена описанию и предварительному анализу фактических обстоятельств нарушений норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, совершенных представителями сторон в ходе вооруженного конфликта в период 1999-2005 гг. Отдельно описываются устойчивые модели преступного поведения и составляющие их преступные акты, дается статистическая оценка проанализированных преступлений.

В Седьмой части (главы 42-46) приведенные выше факты анализируются в свете применимых правовых норм. Дается квалификация описанных нарушений как международных преступлений, в частности как военных преступлений, преступлений против человечности и (внутри этих классов) как отдельных видов преступлений специального намерения.

В части Восьмой (главы 47-58) мы вначале формулируем общие принципы, позволяющие очертить круг лиц, предположительно ответственных за данные преступления, а затем, анализируя конкретные криминальные эпизоды и линии преступного поведения, предварительно называем имена некоторых из этих лиц. Особенное внимание уделяется вопросу о видах участия данных лиц в рассмотренных преступлениях и о тех формах уголовной ответственности, которая может быть на них возложена.

В заключительном разделе мы представляем на суд читателя свои соображения о перспективах привлечения данных лиц к уголовной ответственности, и о той работе, которая должна быть проведена в этом направлении неправительственными правозащитными организациями. Также мы высказываем свои пожелания международным организациям, российским властям и иным приличествующим случаю акторам.

В конце книги нами даются некоторые приложения справочного и документального характера (включая основную библиографию и список использованных судебных решений), помогающие восприятию основного текста.

**КОНТЕКСТ:
ПРЕДЫСТОРИЯ
И ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО
ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА**

ГЛАВА 1. ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

1.1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Чеченская Республика¹ или, как ее называют местные жители, Нохчийчоь², находится в юго-восточной части Северного Кавказа и имеет общую границу с четырьмя субъектами Российской Федерации: Республикой Ингушетия на западе, Республикой Северная Осетия-Алания — на северо-западе, Ставропольским краем на севере и Республикой Дагестан — на востоке. На самом юге вдоль Главного Кавказского хребта она граничит с Республикой Грузия.

Площадь Чечни составляет около 16 тыс. квадратных километров. Из-за неопределенности границы с Ингушетией, в советские времена составлявшей с ней единый регион, более точные ее размеры пока указать невозможно. Столицей является Грозный. Накануне начала вооруженного конфликта 1994 г. это был крупный промышленный, научный и культурный центр. Население города превышало 400 тыс. человек. По численности населения он занимал на Северном Кавказе третье место — после Ростова и Краснодара. Здесь функционировали три вуза — университет, нефтяной и педагогический институты, несколько частных высших учебных заведений, 9 средних специальных учебных заведений. 71 общеобразовательная школа. Действовали местное телевидение и радио, чеченский и русский драматические театры, театр кукол, цирк, множество кинотеатров, клубов и дворцов культуры, 2 музея и около 200 библиотек. Статус республиканского имеют еще два города: Гудермес и Аргун. В административном отношении республика разделена на 18 районов. Наиболее крупными по численности населения являются райцентры Шали и Урус-Мартан, также считающиеся с 1990 г. городами.

Чечню с запада на восток пересекает автострада федерального значения «Кавказ»: Москва-Ростов-Баку. Железными дорогами Грозный связан со всеми важнейшими экономическими районами России и СНГ.

Чеченская Республика даже по меркам Кавказа — уникальный регион. На ее территории уместилось несколько природно-климатических поясов. Если продвигаться с севера на юг, в течение одного дня можно оказаться сначала в полупустыне с настоящими песчаными барханами (бурунами), а потом и в богатой травами степи, которую в районе Терского и Сунженского хребтов и раскинувшейся между ними Алханчуртской долины сменяет зона кустарников. Южнее Сунженского хребта лежит обширная долина, называемая местными жителями либо плоскостью, либо равниной. Некогда она сплошь была покрыта смешанными лесами, в которых преобладали такие ценные породы деревьев, как бук, граб и ясень. Окончательно их вырубili в XIX веке; сейчас здесь разбиты сады, распаханы поля. В плоскостной части республики остались лишь три крупных лесных массива, которым в советские времена был придан статус заказников: Джалкинский, Чернореченский и Самашкинский.

Богата и природа предгорий. Сельхозугодия здесь сменяются смешанными лесами и кое-где сохранившимися хвойными рощами. На высоте от 2-х до 3-х км. над уровнем моря начинаются альпийские луга, простирающиеся до подножия вершин Большого Кавказа.

Как и плоскость, южная горная часть Чечни плотно заселена. Лишь в ее юго-западном, Галанчожском регионе почти не осталось обитаемых селений. Между протянувшимися с запада на восток тремя основными хребтами — Черными горами (названы так из-за того, что сплошь покрыты лесами), Боковым и Скалистым — находятся долины, освоенные людьми еще в глубокой древности. Сотни произведений средневекового зодчества, оставленных предками современных чеченцев, — замковых комплексов, жилых и боевых башен, «солнечных склепов», которыми буквально усеяны склоны и вершины, а также остатки построек более отдаленных времен, начиная с эпохи бронзы, многочисленные памятники археологии — лучшее тому свидетельство.

¹ Данная краткая справка основана на следующих источниках: Рыжиков В. Картины природы Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1967; Ахмадов Ш. Под ред. Айдаева Ю. А. История Чеченской Республики Ичкерия. Чеченцы: история и современность. — М., 1996; Мамакаев М. Чеченский тейп в период его разложения. — Грозный, 1973; Ильясов Л. Чеченский тейп: мифы и реалии // Вестник ЛАМ. 2001, № 3. С. 33-40; Азиев М. А., Чахкиев Д. Ю., Марковин И. М. Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии. — М., 1994; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html.

² Здесь и далее написание чеченских слов приводится в соответствии с нормами, принятыми в современной орфографии чеченского языка.

Самый низкий хребет – Черные горы. Его вершины достигают не более 1000-1200 м. На юге, в районе границы с Грузией, вершины превышают 4000 м. Высшая точка на территории Чечни – гора Тебулос-Мта имеет высоту в 4494 м. Доминирующая роль в высокогорной зоне принадлежит продольным долинам главных рек. Покрытые густым широколиственным лесом горы, системы продольных долин, изолированных друг от друга хребтами с труднопроходимыми перевалами, создают идеальные условия для ведения в летнее время партизанской войны.

Главное богатство недр Чечни – нефть. Всего в республике насчитывается около 30 нефтяных и газовых месторождений.

В структуре промышленности республики к началу 1990-х гг. главное место принадлежало отраслям тяжелой промышленности: здесь функционировали нефтеперерабатывающие и нефтехимические заводы, завод «Красный молот». Быстрыми темпами развивались легкая и пищевая промышленность. Здесь производились в значительном количестве обувь, швейные и трикотажные изделия, овощные консервы, мебель и другая продукция. В ходе вооруженных конфликтов практически все промышленные предприятия были разрушены; их подавляющее большинство не восстановлено до сих пор. К основным отраслям сельского хозяйства относятся полеводство, виноградарство, садоводство и животноводство.

1.2. ЭТНОС

По всей видимости, Кавказ – самое пестрое по этническому и языковому составу место на земном шаре. Традиционно по линии Главного Кавказского хребта он разделяется на Северный и Южный Кавказ, или Закавказье.

Чеченцы (самоназвание – «нохчий») – самый крупный этнос Северного Кавказа, накануне начала вооруженного конфликта в 1994 г. насчитывавший более миллиона человек. На настоящий момент достоверные сведения о численности отсутствуют. Ингуши (самоназвание «галглай») являются для чеченцев наиболее близким по языку и культуре народом. В 20-х гг. прошлого столетия для обозначения чечено-ингушской этнической общности местными учеными был предложен термин «вайнахи» («наш народ»), употреблявшийся в каждом народе в просторечии. Между чеченцами и ингушами достаточно велико количество смешанных браков. Религия чеченцев и ингушей – суннитский ислам суфийского толка.

Чеченский язык наряду с ингушским и бацбийским образует нахскую или вайнахскую языковую группу кавказско-иберийской языковой семьи. По числу говорящих он следует сразу за грузинским, делясь на множество диалектов: чеченский плоскостной (легший в основу современного чеченского литературного языка), аккинский (ауховский), кистинский, чеберлоевский, майстинский, мялхистинский, а также на говоры: шатоевский, шаройский, надтеречный, ичкеринский, ножайюртовский и другие. Носители этих диалектов и говорів живут на территории Чечни, за исключением аккинцев или ауховцев, проживающих на территории Новолакского, Хасав-Юртовского, Казбековского и Кизил-Юртовского районов Республики Дагестан, и кистинцев, которые проживают на территории республики Грузия. На территории Грузии проживают и бацбийцы. Чеченцы и ингуши свободно понимают друг друга без переводчика, бацбийский же язык подвергся сильному влиянию грузинского языка и стал почти непонятен чеченцам и ингушам. Современной чеченской литературе, возникшей в начале XX столетия, предшествовала арабоязычная литература, которая берет свое начало в конце XVII в. и продолжает интенсивно развиваться до октябрьского переворота 1917 г. Чрезвычайно богат и чеченский нарративный и песенный фольклор.

Чеченцы и ингуши во многом сохраняют уклад традиционного общества, чрезвычайно крепки семейные связи и обычаи почитания старших. Примерно с XV до середины XIX века традиционной формой организации чеченского общества являлась тейпово-тукхумная структура. Тейпы и тукхумы – большие группы, воспринимаемые чеченцами в целом как родственные и восходящие к общему, как правило, легендарному предку. В действительности первоначально эти термины, судя по всему, имели чисто социально-административный смысл. Об этом говорит и невообразимое для кровного рода заключение внутренних браков. Тейпами или тайпами (слово заимствованно из арабского не ранее XVII в.) в большинстве случаев назывались сельские общины, состоявшие из одного или нескольких сел и выполнявшие функции социальной самоорганизации. Впрочем, некоторые из них действительно возникли как кровнородственные общины. Тукхум (их всего девять) являлся своеобразным военно-экономическим союзом группы тейпов, фратрией. Русские источники обычно именуют тейпы и тукхумы «обществами», и этот термин к настоящему моменту прочно вошел в историографию (обычно в работах историков и этнографов им обозначаются любые большие группы горского населения, объединенного социально-экономическими, культурными и иными связями или имеющие общее самоназвание; в этом значении данный термин употребляется и в настоящем исследовании). Верховный орган – «Мехк-кхел» или Совет страны – по мнению большинства историков соединял в себе законодательную, судебную и исполнительную власть и избирался по системе «пирамиды» из представителей различных тейпов. В тейп входили уже собственно родственные организации, самой крупной из которых был «вар» – род. С течением времени термин «вар» вышел у чеченцев из употребления (но сохранился в другом значении у ингушей) в связи с тем, что его более широкие социальные функции перешли к тейпам, а более узкие – к мелким

кровно-родственным организациям «некъи» (объединению родственных патронимий) и «цла» (патронимиям). Существенное значение тейпов и тукхумов в социальной организации общества дольше сохранялось в горных районах, где изолированное проживание устойчивых групп населения определялось прежде всего географическими условиями. На плоскости же оно практически сходит на нет уже в XVII–XVIII вв. — здесь в этот период смешано селились представители десятков разных тейпов. Именно это равнинное население стало двигателем тех процессов, которые определили исторический облик чеченского этноса в новый период.

И по сию пору принадлежность к тому или иному тейпу важна для самоидентификации каждого чеченца. Однако, общественно-политическое значение этих групп на современном этапе ничтожно. Устойчивое представление в российском общественном сознании об обратном, своеобразная мифологизация института тейпа — не более, чем плод недобросовестной публицистики.

Гораздо большее значение в организации чеченского общества играет семья. Сильно влияние обычного права — адата; именно оно до сих пор в основном регулирует семейные и гражданско-правовые отношения. Прочно сохраняются обычаи кровной мести и его противовесы и ограничения, включая институт примирения. Чеченцы в своем подавляющем большинстве религиозны, значительным влиянием пользуются традиционные суфийские общины (таррикаты — суфийские ордена, которые состоят из вирдов — религиозных братств).

В Чечне и Ингушетии существует значительный пласт национальной интеллигенции (и научной, и технической, и творческой). К концу 80-х годов во многих отраслях, в том числе гуманитарного знания, на базе местных ВУЗов и НИИ сформировались свои научные школы, например, блестящая школа чеченской этнографии. Социальное влияние интеллигенции также следует считать весьма значительным. Еще одна особенность чеченского общества — сочетание традиционности с открытостью культурам соседних народов, в первую очередь русского. Накануне первого вооруженного конфликта 1994 г. даже в отдаленных селах редко можно было встретить человека, не говорящего по-русски. Встречались и смешанные браки: обычно чеченского мужчины с русской женщиной или украинкой (как в семье Джохара Дудаева).

Выделение чеченского и ингушского народов из общевайнахской этнической общности — явление, кажется, довольно позднее, и отчасти, по-видимому, обусловленное динамикой русского завоевания Кавказа в конце XVIII — XIX вв. О незавершенности процесса разделения двух этносов говорит и то, что представители одного из тукхумов — мялхий — в советский период при записи в паспорта сведений о национальности примерно в одинаковой пропорции записывались то чеченцами, то ингушами, а в период перестроечной либерализации даже требовали вписывать в качестве национальности название своей группы.

По материалам переписи 1989 г. численность населения тогдашней Чечено-Ингушетии достигала 1270000 человек. Плотность населения составляла 68 человек на 1 квадратный километр, но заселение было весьма неравномерным. Наиболее густо до сих пор заселены предгорные равнины и долины рек Терек, Сунжа и Аргун. Основную по численности часть населения республики составляли чеченцы (57,8 %), за ними шли русские (23,5), ингуши (12), украинцы (1,5), армяне (1,2) и другие; всего на момент переписи 1989 г. в Чечне проживали представители ровно 100 народов. События начала 1990-х годов и особенно — первый вооруженный конфликт — существенно изменили этнический состав республики (подробнее об этом см. раздел 3.2.3). С середины декабря 1994 г. по сентябрь 1995 г. органы миграционной службы России зарегистрировали более 500 тыс. беженцев из Чечни на территории Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ставропольского и Краснодарского краев РФ. Некоторые из них позже вернулись на территорию Чеченской Республики, однако, большая часть представителей нечеченского населения переселилась в другие регионы. Теперь чеченцы составляют абсолютно доминирующее большинство населения Чечни.

ГЛАВА 2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЧНИ И РОССИИ В XVI – XX ВЕКАХ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Известно, сколь трудно вести войну в горах с народами, обладающими оными и решившись на упорное сопротивление. Предпринимая покорение народов, не знающих нас, можно еще надеяться успеха: их можно устрашить и привести в изумление неожиданною новостью, превосходством войск, оружия и даже с пользою употребить политику, деньги и подарки. Потому я желал бы лучше, чтобы сии горцы вовсе нас не знали, и чтобы прибытие русских для их покорения было еще в первый раз. Но уже более 50 лет, как они имеют дела с нами, и, к сожалению, были случаи, которые достаточны поселить в них мнение не в пользу нашу. Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние, с другой стороны, пятидесятилетняя борьба, без успеха проникнуть в горные их убежища, дает им уверенность, что горы их для нас недоступны; обе сии причины достаточны побудить их к упорнейшему сопротивлению. Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут покорены быть видами личных своих выгод; но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависимых, представляет более трудностей.

*Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич,
6 мая 1830 г¹.*

2.1. ЧЕЧНЯ ДО НАЧАЛА РУССКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Рубеж первого и второго тысячелетий нашей эры застаёт предков современных чеченцев и ингушей в качестве давно сложившегося и хорошо идентифицируемого соседями этноса². Вайнахи локализируются историческими источниками в зоне их нынешнего проживания, однако, провести сколько-нибудь точные границы их расселения на этот период затруднительно.

В VIII–XII вв. равнинная зона современной Чечни вошла в состав Аланского государства, объединявшего несколько северокавказских народов. Здесь растут города, расцветает международная торговля. В горной части края и соседнего Дагестана в тот же период сформировалось государственное образование Сарир. По всей видимости, в состав его населения входили предки современных чеченцев и ингушей.

До XI века нахи были политеистами и поклонялись богам местного пантеона. В X в. абхазские и византийские миссионеры возобновили попытки христианизации западных вайнахских территорий, впервые предпринятые еще в VII столетии. В XI в. Квирики III, объявивший себя самодержцем Грузии, назначил в вайнахские земли

¹ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 255, лл. 2–7 // Рапорт ген.-фельд. Паскевича Николаю I о причинах выступления горцев и мерах их покорения.

² Любой исследователь, обращающийся к вопросу этногенеза и древней истории предков современных чеченцев и ингушей, сталкивается с проблемами крайней скудости источников. До сих пор мы не имеем серьезных источниковедческих работ по данному вопросу и хотя бы самого общего перечня письменных источников, охватывающий период древнее XVII в. Археологические памятники, атрибутированные как несомненно вайнахские, также изучены очень слабо. В этих условиях выводы ряда исследователей, касающиеся этногенеза чеченского народа и его ранней истории, следует рассматривать скорее как научные догадки и предположения, чем как подтвержденные научные теории. Несомненно, что вайнахи – автохтоны Кавказа, хотя вопрос о времени складывания этноса и заселения им нынешних территорий обитания остается открытым. Во всех родословных коренных чеченских тейпов звучит одна мысль – это мысль о миграции чеченцев с юга, а затем их расселении с запада на восток. Перевальном пунктом этой миграции, согласно народным преданиям, была историческая область Нашх. При подготовке данного раздела использована следующая литература: Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура. // Известия НИИ языка, истории и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч.3 Вып.1 – Грозный, 1974; Анчабадзе, 2001; Сигаури, 1997; Ахмадов, 1996; Мамакаев, 1973; Ильясов Л. Чеченский тейп: мифы и реалии. // Вестник ЛАМ. 2001, №3. С. 33–40; Алироев, 1994; Ахмадов, 1988; Виноградов, 1970.

правителей. В XI–XII веках из Грузии и Византии в чеченских землях уже активно распространялось православное христианство³, а к XIII веку оно становится основной религией вайнахов. Вайнахские группы к этому времени превратились в основного военно-политического союзника Грузинского царства⁴. Под именами дзурдзуков, кистов, нахчематианов они все чаще упоминаются в произведениях средневековых авторов. Одновременно с мощным православно-христианским влиянием в восточную часть современной Чечни из Дагестана проникает ислам.

Своеобразный алано-горский и грузино-горский симбиоз, достигнутый к XII–XIII вв. на территории современной Чечни и Ингушетии, был разрушен татаро-монгольским нашествием 1120–1224 гг. К 1222 г. относится выступление вайнахов, алан и кипчаков против завоевателей, захват монгольскими отрядами Джебе и Субеде плоскостной территории Чечни и отход вайнахского населения в горы. Главный удар по Северному Кавказу был нанесен монголами в 1238–1240 гг. – тогда же, когда их разрушительное нашествие испытала Русь и страны Восточной Европы. В 1238 г. войско Менгухана захватило столицу Алании – Магас⁵. В 1239–1240 гг. монгольские царицы Кадан и Бури провели походы против предков современных чеченцев и ингушей. Происходит окончательное завоевание равнинной части современной Чечни и Ингушетии и включение ее в состав Золотой Орды (улуса Джучи). Экономическое и политическое развитие Чечни было отброшено далеко назад, однако и завоеватели не могли чувствовать себя в полной безопасности даже на территории предгорий⁶.

В XIV в., преодолевая последствия завоевания, в горах Чечни и Ингушетии местное население создает государство раннефеодального типа Сим-Сир (Симсим). Его правители, пользуясь ослаблением Золотой Орды, постепенно распространяют свою власть на равнину. В период правления Георгия (Блистательного) в 1314–1346 гг. со стороны Грузии вновь предпринимаются попытки подчинить горных вайнахов. Тогда же в грузинских хрониках появляется этноним «нахчи», близкий к самоназванию современных чеченцев.

Однако вскоре последовал новый разгром. В 1395 г. на плоскостных землях Северного Кавказа появляется армия Тамерлана. Через год на берегу Терека она нанесла поражение золотоордынцам во главе с ханом Тохтамышем. Было разгромлено и государство Сим-Сир, а чеченское население снова бежало в горы. Равнинная Чечня была разорена дотла.

По версии ряда исследователей, уже в конце XIV в. чеченцы начинают возвращаться на равнину. В короткие сроки воссоздаются аулы Парчхой и Юрт-аух, закладываются новые села в предгорьях по реке Ямансу и между реками Аксай и Акташ на востоке; восстанавливаются населенные пункты по рекам Сунжа, Асса и Аргун в центре и на западе современной Чечни и Ингушетии, а также вдоль всего Притеречья. Поселения чеченцев появляются и в Терско-Кумской низменности далеко на севере.

По другим версиям, которые представляются более обоснованными, «горная блокада» предков современных вайнахов продолжалась гораздо дольше и имела более серьезные исторические последствия. В соответствии с этим подходом процесс возвращения на равнинные земли осуществлялся постепенно и должен быть отнесен к XV–XVI вв. При этом возвращавшиеся на равнины чеченцы сталкиваются здесь с кабардинскими и кумыкскими князьями, пытавшимися установить контроль над данной территорией. Именно в XV в. в горах, в тяжелых природных условиях и в ситуации полного распада государственных институтов, сельскохозяйственная община – тейп – и стала выполнять функции защиты и охраны прав личности, собственности, обороны, обеспечения экономических условий существования. В этот период и складывается тейпово-тукхумная структура социальной организации чеченского общества, которую можно охарактеризовать как конфедерацию крестьянских общин. Тогда же, очевидно, возникает Мехк-кхел как главный законодательный и судебный орган конфедерации. Впрочем, относительно его роли и полномочий в историографии высказывались разные, иногда противоположные точки зрения.

К XV в. относится формирование феодальных государств на территории соседнего Дагестана. Одно из них – Тарковское шамхальство с центром в г. Тарки (3 км от современной Махачкалы), управляемое шамхалом (титул феодального властителя, упразднен в 1867 г.), – просуществовало до XIX в.

В связи с падением Византии и ослаблением грузинского влияния христианство в Чечне приходит в упадок, и возрождаются старые политеистические верования. В XV–XVII вв. вайнахи в основном исповедовали «синкретическую» религию, в которой смешивались христианские и языческие представления и обряды. Одновременно с XV в. ислам начинает вытеснять христианство и остатки местных верований, и к XVI его роль становится определяющей. Распространение ислама идет из Дагестана: с востока на запад, охватывая сначала равнинные, а затем и горные общества.

³ Грузинские цари направляли на Северный Кавказ проповедников, священников, христианскую литературу, оказывали помощь в строительстве христианских храмов. Так, в горах современной Ингушетии был построен сохранившийся до наших дней христианский храм Тхаба-Ерды, несущий в своем облике все характерные черты грузинского зодчества своего времени. Сохранились и другие памятники церковного зодчества той поры. Вообще следует полагать, что именно на этот период приходится первый расцвет каменного строительства в горах Чечни, формируется башенный тип вайнахского жилища.

⁴ Так, известно, что во время царствования Тамары (1184–1213 гг.) предки чеченцев и ингушей вместе с грузинами подавляли восстание пховцев и дидойцев.

⁵ По-видимому, Магас находился вблизи современного чеченского села Алхан-Кала, к западу от Грозного (Алхан-Калинское городище).

⁶ Свидетельства европейских путешественников говорят о том, что в середине XIII в. ордынцам приходилось прилагать значительные усилия, чтобы защитить свои предкавказские кочевья от внезапных нападений с гор. По свидетельствам русских летописей, и в 1318 г. горные районы, прилегающие к кочевьям ордынских ханов, оставались неподконтрольными Золотой Орде. Именно в горы предлагали бежать князю Михаилу Тверскому, приговоренному ханом Узбеком к смерти в своей ставке, располагавшейся в районе современных ингушских сел Плиево и Карабулак.

В XVI–XVIII вв. складываются и современные границы расселения чеченского этноса между вершинами Главного Кавказского хребта на юге, бассейном среднего течения Терека на Севере, бассейна Акташ-Сулак на востоке и течением Сунжи на западе. В XVIII в. из нескольких западнокавказских обществ начинает складываться ингушская народность.

2.2. ЗНАКОМСТВО С РУССКИМИ: ПЕРВЫЕ МИРНЫЕ КОНТАКТЫ И СТОЛКНОВЕНИЯ

Начиная по крайней мере со второй половины XVI в., Кавказ становится объектом колониальных притязаний трех держав: Сефевидского Ирана (Персии), России и Турции (Османской империи), а также Крымского ханства, находящегося в вассальной зависимости от Стамбула (что, впрочем, не мешало хану до начала XVII в. проводить на Кавказе собственную политику).

В контексте столкновения этих империй и попыток местных государств и народов сохранить свою независимость и проходит история Кавказа данного периода. При этом в чрезвычайно пестром этническом сообществе Кавказского региона протекают свои внутренние процессы: возникают и распадаются союзы и княжества, происходят столкновения за земли и пастбища, идет феодализация и вспыхивают ответные антифеодальные восстания. Доминирующую роль здесь играли такие государственные и протогосударственные образования, как Тарковское шамхальство, Большая и Малая Кабарда, объединения черкесских племен, Аварское ханство и др. Соседние державы пытаются «оседлать» внутрикавказские процессы, использовать местные противоречия в своих интересах. Однако до начала XVIII в. ни одна из конкурирующих держав не могла добиться здесь уверенного преобладания. Местные феодалы и горские общества в целом демонстрировали политическую независимость, а в отношениях с Россией, Турцией и Ираном исходили из принципа собственной выгоды.

Различные чеченские общества становятся одним из главных участников упомянутых событий. Следует отметить, что к началу систематических контактов с русскими они не представляли собой консолидированной силы. В документах XVI в. (в том числе и русских) этноним «чеченцы» еще не упоминается, а чаще всего встречаются названия отдельных обществ (тейпов, тукхумов), а также названия отдельных групп чеченцев, известные у соседних народов⁷. Активный процесс возвращения на плоскость и стремительного расселения на равнинных территориях приводит к ослаблению общевайнахских институтов (типа Мехк-Кхела), которые, как полагают, сформировались в период горной «блокады».

В этих условиях в XVI в. часть плоскостных чеченцев попадает в зависимость к феодалам: в западных районах это кабардинские князья, а на востоке — Тарковский шамхал. «Чеченцы, — указывает И. М. Сигаури, — недаром приглашали соседних князей к себе на княжение. Тем самым они не создавали себе собственного аппарата управления — они покупали готовый. При этом содержание пришлого князя обходилось сравнительно дешево. Обычная плата князю за то, что он вершил суд и выступал в качестве предводителя своей дружины и чеченского ополчения, составляла, по чеченским преданиям, определенное количество зерна и голов мелкого рогатого скота с каждого дома. <...> В других случаях феодалы получали плату за пользование чеченцами землей и угодами, считавшимися владением данного князя»⁸. Возникает в этот период и своя собственная феодальная прослойка. Российские источники XVI–XVII вв. не оставляют сомнения в наличии среди чеченцев князей.

Первые контакты между чеченцами и московским государством относятся к этому же периоду. В первой половине XVI в., как верно отмечает И. М. Сигаури, политика России на Северном Кавказе состояла в поиске возможных союзников для создания очага напряженности в тылу охватывавших южную российскую границу татарских государств. После завоевания Казани и Астрахани задача противодействия крымско-татарской угрозе не была снята. При этом ограниченность собственных экономических и военных ресурсов первоначально заставляла Россию стремиться использовать ресурсы местных феодалов, оформляя с ними вассально-союзнические отношения⁹.

⁷ М. И. Сигаури полагает, что такое восприятие чеченцев их ближайшими соседями не случайно. Общенациональный этноним — «нохчо» — оказался в то время отодвинут на задний план тем, что для простого человека гораздо важнее была принадлежность к конкретному тейпу или тукхуму, которые к тому же довольно часто враждовали между собой. Относительно Мехк-Кхела (Совет или Суд страны, избираемый представителями тукхумов и тейпов из самых уважаемых и почетных людей) тот же автор обращает внимание, что о нем ничего не известно ни российским, ни турецким, ни другим источникам (Сигаури, 1997, с. 228), сведения о нем содержатся исключительно в чеченском фольклоре. Он объясняет это тем, что Мехк-кхел созывался лишь время от времени и решения его никогда не носили обязывающего характера, как минимум, потому, что отсутствовал государственный аппарат принуждения. Другие историки придерживались противоположного мнения. Например, И. М. Саидов на основе чеченских сказаний приходит к выводу, что данный орган собирался два раза в год, и «если отдельные селения и территориальные общины не подчинялись решению Мехк-кхел, их могли даже полностью уничтожить» (Саидов, 1968, с. 202). Наиболее взвешенной представляется точка зрения Ильясова, который, определяя Мехк-кхел как «высший представительный орган страны» и «логическую ступень тейпово-тукхумной демократии», указывает, что он не являлся государственным органом, так как «не было и государства как такового». По его мнению, тейпово-тукхумная структура возникла после вытеснения чеченцев в горы Тимуром в конце XIV в. «Возникновение тейпово-тукхумной организации, — пишет он, — было вызвано потребностью в социальной организации общества, оказавшегося в результате жесточайшей войны отброшенным в своем развитии на несколько столетий назад, лишенным государственных учреждений, а самое главное, экономических основ существования. Тейповые общины, а затем их союзы — тукхумы — образовывались на основе сельских общин, военных поселений, общин ремесленников, а позже — компактных поселений иноземцев с целью социальной организации жизни общества, с целью выхода из хаоса смутного времени, порожденного войной» (Ильясов, с. 39). Когда же ситуация изменилась (чеченцы начинают возвращаться на плоскость и вновь осваивать равнинные земли), каждое горское общество начинает действовать прежде всего в своих собственных интересах. Очевидно, что в этот период общевайнахские политические структуры (типа Мехк-кхела), какими бы ни были до того их функции, приходят в упадок.

⁸ Сигаури, 1997, с. 249.

⁹ Там же, с. 237.

После захвата Россией Астраханского ханства (1556 г.) в степях северо-восточного Кавказа появляются сначала направляемые с Волги отряды «вольных» казаков, а затем – русские крепости и укрепления. Создается первая звенья системы фортификации, которая много позже получит название «Кавказской линии». В значительной степени этому содействовали кабардинские князья, признавшие вассальную зависимость от русского государства (в 1552–1557 гг.) и попросившие оказать помощь в борьбе с дагестанскими феодалами и союзными с ними вольными вайнахскими обществами. В 1561 г. союз Москвы и кабардинских владетелей был закреплен браком царя Ивана IV (Грозного) с дочерью кабардинского князя Темрюка Идарова. В то же время царь официально признавал перед Стамбулом берега Терека не российской, а горской территорией: «кабардонской князей вотчиной». Османское правительство считало оба берега Терека и территорию, где были построены первые русские крепости, также горской – «Шамхальской и... Черкесской стороной», чего московские цари не оспаривали¹⁰.

В 1560 г. состоялась первая русская военная экспедиция на Северный Кавказ¹¹. Появление русских войск встревожило не только местных феодалов, но и крымского хана и турецкое правительство, и вызвало ответные военные меры. После этого, чтобы обеспечить защиту прорусски ориентированной группы кабардинских князей, понадобилось уже постоянное российское присутствие. К 1567 г. (а возможно, даже к 1563 г.) относится постройка русской крепости Терки у реки Терек близ впадения в нее Сунжи и основание рядом с ней первого казачьего поселения – станицы Червленной¹². В 1569 г. основывается новое казачье поселение – станица Щедринская.

В 1571 г. связь Москвы с Кабардой фактически прервалась. Поражение в Ливонской войне и опричный террор ослабили Россию. По требованию Турции и Крыма был открыт свободный путь через Астрахань в Среднюю Азию и обратно на Кавказ. Крепость Терки была упразднена, поселение на ее месте, где остались жить чеченцы, стало именоваться Сунженским городищем. В том же году крымские войска захватили Москву, которая была сожжена до основания. Российский царь согласился на сдачу Астрахани и выплату огромной дани. Однако уже в 1578 г. (и опять по просьбе кабардинских князей) русские повторно занимают Сунженское городище, что вызвало ответный военный демарш с юга: вторжение в регион войск крымского хана Магомед-Гирея (1579 г.) и турецких войск во главе с Осман-пашой (1582 г.).

Царское правительство отрицало через своих представителей в Стамбуле причастность к появлению казаков на Тереке, утверждая, что это беглые крепостные, самостоятельно осваивающие данные территории вопреки государевой воле. Однако в грамотах к иранскому шаху – противнику турецкого султана – Москва заявляла, что поселившиеся на Тереке казаки являются царскими подданными и ведут войну против турецких сил по приказу царя. Последнее утверждение, по-видимому, являлось правдой, хотя после 1571 г. казачий отряд на Тереке действовал без прямой поддержки метрополии. Документы XVI в. показывают, что в период, последовавший после сожжения Москвы, казаков взял под свое покровительство еще один союзник русского царя – Ших-Мурза Ишеримов (Окоцкий), чеченский владетель из Аккинского горского общества (тукхума). Казаки переселились на земли аккинцев, и за их дальнейшее пребывание на Кавказе Россия формальной ответственности не несла. Это обстоятельство способствовало восстановлению в 1578 г. русской крепости. С именем Ших-мурзы связаны первые дипломатические контакты между Россией и Чечней¹³.

В 1587 г. московский царь Федор Иоаннович обращается к Ших-Мурзе с просьбой о пропуске и сопровождении через свои земли послов, направляемых в Грузию. В ответном обращении (1588 г.) Ших-Мурза просит русского царя о помощи в борьбе с кабардинскими князьями; в том же году в Москву прибывает первое чеченское посольство. Послы поставили вопрос о «пожаловании» за оказанную русскому государству услугу. В ответ послам была вручена жалованная грамота, в которой, в частности, говорилось:

«Нам твоя прямая служба ведома, и мы за твою службу тебя жаловати хотим своим великим жалованием и держати тебя и твой юрт хотим под своею царскою рукою и в обороне <...> ото всяких твоих недругов»¹⁴.

В данном документе определялись виды служб, которые должен был нести Ишеримов в пользу царя, ограничивалась его внешнеполитическая самостоятельность (от него требовалось, в частности, не вступать в союз с врагами Москвы – «Турским и Крымским государями»). Сюзеренитет русского царя не распространялся на внутреннюю жизнь княжества: сфера «судити и рядити» оставалась полной прерогативой Ших-Мурзы¹⁵. В результате подобных актов в царский титул, начиная с 1589 г., вносится новая формула: «Кабардинской земли черкасских горских князей <...> государь»¹⁶.

¹⁰ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 23, 27–28. Белокуров, с. 27.

¹¹ Призванные по просьбе новых кабардинских вассалов русские войска во главе с воеводой Иваном Черемисиновым осадили столицу шамхальства Тарки. Перед Черемисиновым ставилась задача по военному разгрому шамхальства, Тюменского княжества, присоединению Кабарды и ее последующему крещению. Однако, разгромив Тарки, в Кабарду войска пробиться так и не смогло. В дальнейшем проводится еще несколько военных экспедиций.

¹² Место для укрепления было выбрано не случайно: здесь находилась удобная переправа на дороге от Каспийского моря на Северо-Западный Кавказ, начиналась ведущая на восток так называемая Мичкизская дорога, проходила граница между сферами влияния кабардинских князей и шамхала (Сигаури, 1997, с. 232).

¹³ Ахмадов, 1996, с. 218. Сигаури, 1997, с. 234.

¹⁴ Ахмадов, 1996 (со ссылкой на: ЦГАДА. Ф. 115, оп. 1 1588 г. д. 13), с. 126–147.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кушева, 1963, с. 276.

В 1588-1589 гг. в устье р. Терек основана новая русская крепость — Терской город. В следующем, 1590 г. возобновляется Сунженский острог, близ которого поселяются казаки. В 1595 г. Ших-мурза был убит, в следующих 1598-1599 гг. в Москве находится второе аккинское посольство.

Актовые и летописные источники XVI в. показывают, что в этот период взаимоотношения горских князей с русскими царями складываются в форме вассальных связей, которые получали правовое оформление по определенной схеме: 1) обращение властителя к царю с просьбой о «подданстве»; 2) присяга его местным русским воеводам; 3) посольство владетеля в Москву, связанное с торжественной аудиенцией и присягой на царском дворе; 4) выдача горскому князю жалованной грамоты и выплата жалованья; 5) предоставление владетелем царским властям аманата (заложника); 6) включение названия вассальной территории в царскую титулатуру¹⁷. В качестве лена, по получению которого вассал обязался служить сюзерену, на Северном Кавказе выступало царское жалованье (деньги, оружие, предметы роскоши).

Таким образом, как верно замечает Я. З. Ахмадов, в данный период упор российской внешней политики делался на приобретение новых подданных, воинов и податных людей¹⁸. Однако такие отношения не были прочным. Местные феодалы лишь использовали их в своих интересах, лавируя между великими державами. Обращение к Москве многими из них воспринималось в качестве меньшего из зол: Крымский хан и Турция были гораздо ближе, и их экспансия представлялась более реальной угрозой, чем возможность реального подчинения далекой Москве. При этом горские князья не получали от царя никакого феода, и по большому счету им нечего было терять в случае отказа от службы.

Очень скоро, однако, российская политика на Северном Кавказе претерпевает существенные изменения и начинает ориентироваться уже на полную ликвидацию политической самостоятельности местных феодально-государственных образований. В отличие от Ирана и Турции Россия довольно быстро берет курс на полное присоединение Северного Кавказа и установление здесь собственной администрации. Другое дело, что объективно складывающаяся военно-политическая ситуация не позволила России добиться этой цели вплоть до XIX в.¹⁹

Еще одно направление политики Российского государства на Кавказе было связано с Грузией. Православные грузинские правители, вынужденные вести борьбу с более сильными мусульманскими соседями, — Персией и Турцией — обратились за помощью на север, и растущая держава стала охотно вмешиваться в закавказские дела. В 1586 г. кахетинский царь Александр II запросил у московского царя Федора Иоанновича поддержки в борьбе с Тарковским шамхалом. В 1594 г. царь Федор направил в Кахетию 7 тысяч дружинников под командованием боярина Хворостина²⁰.

Конец XVI в. характеризуется борьбой между дагестанскими феодалами и русскими войсками за равнинные земли и контроль над проживающими здесь народами, в частности, над чеченцами-аккинцами. Весь XVII в. прошел в столкновениях дагестанских и кабардинских феодалов то между собой, то совместно против русских войск за контроль над предкавказскими, в частности, чеченскими землями вдоль Терека. Вместе с тем начало XVII в. ознаменовалось падением российского влияния на Северном Кавказе, что связано прежде всего с наступлением в России «смутного времени». В этих условиях эффективную наступательную политику проводить было невозможно²¹.

К периоду, последовавшему после окончания «смутного времени», относится утверждение царем Михаилом Федоровичем кабардинского князя Сунчалаея (Черкасского) владельцем над частью восточных чеченцев (аккинцев) и его поход (1614-1615 гг.) против подвластных эндерийскому феодалу Султан-Магмуту аккинских и мичикских (расположенных на реке Мичик) чеченских обществ. В 1618 г. состоялся поход аварского владельца Махти, князя Сунчалаея и русских воевод во внутренние вайнахские земли: мичикские, шибутские (шатайские) и ингушские. Тогда же появляются в русских источниках и первые упоминания о таких чеченских обществах, как мулкой, тумсой, чантий, чеберлой, гуной и т.д., и селлах, расположенных на плоскости вдоль Терского хребта. В 40-х гг. XVII в. часть из них попали в феодальную зависимость от кабардинцев.

В первой половине — середине XVII в. среди чеченских обществ по-прежнему не наблюдается политического единства, и они не играют самостоятельной политической роли. Как правило, равнинные общества действуют в составе какого-нибудь более крупного феодального владения: Эндерийского княжества, Малой Кабарды и др. Горные общества также мало участвуют в политической жизни Северного Кавказа. Российские

¹⁷ Ахмадов, 1996 (со ссылкой на: Полное собрание русских летописей. — Спб., 1904-1906. Т. 13. Ч. 1, 2. — М., 1965. Т. 29), с. 146-147.

¹⁸ Там же, с. 147.

¹⁹ Сигаури, 1997, с. 238.

²⁰ Эта дружина, как и два других войска, посланных туда 10 лет спустя Борисом Годуновым, были разгромлены (Гаммер, 1998, с. 14).

²¹ Грандиозным провалом закончилась экспедиция воевод Бутурлина и Плещеева 1604-1605 гг. в северный Дагестан против Тарковского шамхальства: погибло более 7 тысяч из 10 тысяч направленных в поход стрельцов (Ахмадов, 1988, с. 65-68). После ответного удара турецких войск, кумыков, лезгин и аварцев русские оставили почти все крепости на Северо-Восточном Кавказе (Виноградов, 1980, с. 84). В Терском городе взбунтовалась часть гарнизона и казаков, недовольных многолетней задержкой жалования. Сократилось число российских сторонников из числа местных феодалов. Так, сын вернейшего сторонника Москвы — Ших-мурзы — Батай вскоре оказался союзником протурецки настроенного Эндерийского владетеля Салтан-Магмута (Сигаури, 1997, с. 238.). Интересно, что к началу XVII в. относится и первый из известных документов, свидетельствующих о целенаправленной политике российских властей по разжиганию противоречий между горскими феодалами. В 1608-1610 гг. терские воеводы вели переговоры с противостоящими группировками Салтан-Магмута и его противников с целью «меж ними учинити рознь и от их бы приходу тем уберечи <...> государев Терский город» (Белокуров, 1888, с. 531-534. Сигаури, 1997, с. 239).

документы чаще всего упоминают о них в связи с описанием путей сообщения с Грузией, которые проходили через земли нынешних ингушей и Аргунское ущелье²².

В течение XVII столетия источники фиксируют тесные контакты между чеченцами и жившими вдоль Терека казаками. В первой четверти XVII в. казачество на Тереке делится на две группы: гребенские казаки, жившие в охранных городках на Терско-Сунженском хребте, и т. н. «зарецкие» и «терские», стоявшие, как правило, в «городках» по левому берегу Терека в среднем течении и низовьях реки. Но были еще и собственно «служилые» казаки, входившие в состав гарнизона Терской крепости²³. На данном этапе взаимоотношения этих групп с чеченцами скорее следует охарактеризовать как симбиоз²⁴. Все изменится к середине XVIII столетия в связи с организованным царскими властями заселением гребенскими казаками левого берега Терека, плодородные земли которого до этого обрабатывались чеченцами²⁵. Тогда бывшие соседские отношения станут откровенно враждебными.

2.3. «КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ЧЕЧНИ

Активные действия на Кавказе последовали после воцарения на русском престоле Петра I, и особенно в царствование Екатерины II (1763-1796 гг.). Изменилась Россия, ставшая теперь абсолютистской империей с обширными внешнеполитическими притязаниями. Изменилась и расстановка сил на Кавказе.

«В последней трети XVIII в., – пишет А. А. Цуциев, – Кавказ остается буферным поясом, стыковой периферией трех соперничающих держав – Оттоманской империи, Персии и России. <...> Державы стремятся расширить свое присутствие в регионе, превращая Кавказ в поле сфокусированного стратегического интереса. Политическая композиция региона, распределение его территории между тремя государствами или по сферам их влияния отражает подвижный итог имперского военно-политического соперничества. Общий контур международных границ к началу 1770-х гг. определен следующими ключевыми соглашениями: (а) Рештским (1732) и Гянджинским (1735) договорами между Ираном и Россией (прикаспийские провинции возвращены Ирану, русская граница отходит к Тереку/Сулаку), (б) Белградским (1739) договором между Портой и Россией (по которому, в частности, определен статус Кабарды как «нейтрального барьера» между сторонами договора, а Закубанье признается под турецкой протекцией; (в) соглашениями между Портой и Ираном об их территориальном разграничении в Закавказье. Очередная военная фаза русско-турецкого противостояния (1768-1774) завершается Кучук-Кайнарджийским договором (1774), а затем и аннексией Россией Крымского ханства вместе с его кубанской частью (1783). Эти даты знаменуют серьезное территориальное расширение империи на Северном Кавказе (Кабарда, правобережная Кубань). В восточной части региона на фоне общего кризиса Иранского государства укрепляются полунезависимые государства, крупнейшие из которых Картли-Кахетинское царство и Кубинское ханство. <...> По Георгиевскому трактату (1783) устанавливается российский протекторат над Восточной Грузией. Тем самым формируется будущий плацдарм для овладения Россией южной частью всего кавказского региона»²⁶.

Меняется и северо-кавказская политика России. «Именно с Петра Первого, – указывает Я. З. Ахмадов, – начинается выдвижение в отношении Чечни сугубо колониальных задач: здесь интересуются плодородием почвы, рудными богатствами, в том числе нефтью, контролем над торговыми путями, возможностью заведения шелковичных плантаций и т. п. Местное население планировалось сменить «верным христианским», в частности, за счет переселения русских христиан»²⁷.

В течение XVIII в. была создана так называемая «Кавказская военная линия», представлявшая протянувшуюся с Востока на Запад, от Каспийского до Черного и Азовского морей систему крепостей и казачьих станиц. К югу от нее основывались новые опорные пункты и линии; при этом коренное население либо вытеснялось на малопродуктивные горные земли, либо разъединялось. В 1735 г. в Дагестане, в дельте Терека, была заложена крупная русская крепость Кизляр, вокруг нее стали возводиться казачьи укрепления, впоследствии – станицы: Дубовская, Бороздинская и т. д. Возобновила продвижение границ империи на юг Екатерина II. В 1763 г. была

²² Сигаури, 1997, с. 241.

²³ Ахмадов, 1996 (со ссылкой на ЦГАДА, Ф.121, оп.1, 1647 г., д.1, л. 2.), с. 218.

²⁴ «Издавна некоторые группы терских казаков стали не только считаться родственниками коренного населения, но и входить на правах ассоциированных членов в местные социально-родственные структуры (тейпы). Например, в таких отношениях с казаками находится равнинный тейп гуной. О горцах варандой говорят в Чечне, что они «русского» происхождения», – указывает известный специалист по чеченской этнографии Ян Чеснов (Чеснов, 1999). Профессор Я. З. Ахмадов отмечает: «По крайней мере до середины XVII в. следует категорически воздержаться от употребления таких терминов, как «освоение», «расселение», «колонизация» в отношении терско-гребенских казаков на Северном Кавказе. Дело в том, что на берегах Сунжи и Терека казаки не расселялись, а «стояли» в горских землях в виде временных команд «городками» и «острожками», охраняя в интересах Москвы самые важные торговые и стратегические пути, ведя разведывательную и сторожевую службу на ранних подступах к Терской крепости и к Сунженскому острогу. Причем «за рекой», т. е. за Тереком, они стояли до той поры, пока это было по разным причинам выгодно местным горским обществам и феодалам. Более того, есть известия, что, соединяясь с терскими отрядами, казаки участвовали в междоусобных стычках горских феодалов, а также в набегах на кочевников в степях Предкавказья, за Тереком. Как только казаки нарушали соглашения с горцами, так те сжигали «острожки», а казакам «чинили тесноту» (Ахмадов, 1996, с. 218).

²⁵ При подготовке данного раздела использована следующая литература: Гаммер, 1998; Сигаури, 1997; Ахмадов, 1996; Мамакаев, 1973; Ахмадов, 1988.

²⁶ Цуциев, 2007, с. 11.

²⁷ Ахмадов, 1996, с. 148.

основана крепость Моздок. Этот, по выражению Моше Гаммера, «вызывающий шаг» привел к 14-ти летней войне с кабардинцами, во время которой Кавказская линия была продлена и образовано новое казачье войско — Моздокское, размещенное на землях Кабарды. Более существенным последствием этого шага стала война с Турцией (1768-1774). После ее завершения русские организовали свои линии по Кубани и Лабе, возведя там ряд крепостей: Екатеринодар, Георгиевск и Ставрополь, где в дальнейшем разместились штаб-квартира Кавказской линии. Окончанием этого процесса в 1783 г. стала резня ногайцев, которые попытались оказать сопротивление их переселению на земли между Волгой и Уралом, обезлюдевшие в результате пугачевского восстания и миграции калмыков. Это открыло путь для колонизации кубанских степей путем переселения туда крепостных крестьян²⁸.

Роль соглашений между Россией и чеченскими князьями и старшинами в этот период уменьшается: теперь их рассматривают не при дворе, а на уровне местных военных комендантов. Вместе с тем царская администрация стремилась связать присягой верности как можно больше горских селений. Как правило, такие присяги организовывались по инициативе генералов пограничных войск, писались под диктовку по единому шаблону и форме. Еще в XVII веке их было принято сотни и даже тысячи, все они носили характер глубоко формального акта, на который, как справедливо отмечает Я. З. Ахмадов, обе стороны взирали как на временное явление. Некоторые княжества брались под защиту, сюда вводились российские военные команды. По мнению проф. Ахмадова, в какой-то мере этому этапу колонизации можно найти аналог в субсидиарных договорах английской Ост-Индийской компании с индийскими княжествами. Однако главным средством Российской империи в деле покорения Чечни теперь становилось оружие²⁹.

Но изменилась в XVIII в. и Чечня. Усилившийся процесс феодализации столкнулся со всевозрастающим сопротивлением горских общинников. В итоге во второй половине столетия это противостояние завершилось тем, что некоторые исследователи именуют «крестьянской революцией» — полным изгнанием чеченскими обществами своих и пришлых феодалов.

Крупные по кавказским масштабам феодальные образования появляются на земле вайнахов еще в первой половине XVII в. В этот период значительную роль начинает играть кумыкско-чеченское Эндерийское княжество: в 1641 г. в зависимость от него попадают даже князья Малой Кабарды³⁰. В середине этого же столетия на территории Чечни возникли еще два княжества: Чеченское и Брагунское. Возникали и другие феодальные образования. При этом не все феодалы могли претендовать на княжеский титул. Большая часть их имела титул «юртан да» (буквально «отец села»). Эта часть нахских феодалов обозначается в российских источниках титулом «мурза»³¹. В то же время термином «юртан да» мог обозначаться и выбранный населением либо старейшинами или иначе утвердившийся в качестве фактического лидера «старшина».

Первоначально приглашаемые на определенных условиях феодалы начинают подминать под себя сельскую общину, нарушать условия первоначального договора с ней и предпринимать усилия, направленные на закабаление крестьян³². В конце концов попытки закрепощения крестьян приводят к цепочке крестьянских восстаний, большинство из которых заканчивается успехом.

Процесс усиления чеченских крестьянских общин, которые все более ограничивают, а затем и уstraняют власть княжеских фамилий, имеет длительную и драматичную историю. Но уже с конца XVII в. имена собственно чеченских князей исчезают со страниц документов. На месте феодальных образований возникали так называемые «вольные общества». Борьба между общинами и княжеской верхушкой продолжается в течение XVIII в. и к его второй половине завершается почти полным изгнанием или даже физическим истреблением князей. Последние победные раскаты «крестьянской революции» относятся ко второй половине столетия³³. По всей видимости, главная причина, по которой князья не смогли закрепить свою власть над нахскими общинами, состояла в том, что кабальный труд крестьянина в тех природно-хозяйственных условиях был просто невыгоден экономически.

Российская администрация неизменно поддерживала представителей феодальной верхушки, которая была привычным инструментом колонизации в руках империи. В XVIII в. происходит активное вытеснение горских обществ с равнинных земель, на которых строятся русские укрепления. Это резко обострило русско-чеченское военное противостояние, до этого имевшее в основном спорадический характер. Антифеодальная борьба начинает приобретать и признаки антиколониальной. «Последовательная политика российских властей на укрепление ярко выраженной феодальной верхушки чеченского общества, — пишет Сигаури, — шла

²⁸ Гаммер, 1998, с. 17.

²⁹ Ахмадов, 1996, с. 148.

³⁰ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., 1958, с. 162.

³¹ Сигаури, 1997, с. 242.

³² Повинности, которые вводили представители вайнаховской феодальной верхушки, состояли в основном в подати зерном, скотом и орехами, содержании господского скота с восстановлением всех видов падежа, заготовке сена и строительного материала, пастушестве, изготовлении ремесленных изделий. Одновременно начинают практиковаться и наказания нарушителей, направленные, прежде всего, на то, чтобы публично унижить зависимых крестьян, и тем самым пресечь их попытки вновь обрести положение полноправных свободных общинников. Именно поэтому чеченские князья упорно пытались ввести право первой брачной ночи, что встретило особенно серьезный отпор (Сигаури, 1997, с. 250).

³³ В 1760 против Девлет-Гирея Черкасского восстали жители Герменчука и Шалей. Князь бежал, причем его жене чеченцы отрубили руку. Вскоре оказались вынужденными бежать и другие князья, причем некоторые из них были убиты. Девлет-Гирею российская администрация разрешила поселиться в Притеречье. Остальных владельцев российским войскам удалось водворить обратно, но ненадолго: в 1783 г. они оказались вынужденными вновь, и уже навсегда, бежать от чеченцев (Сигаури, 1997, с. 248).

вразрез с настроениями большинства чеченского населения. Основной массой чеченского населения были лично свободные и относительно зажиточные крестьяне, которые решительно выступили против укрепления попыток феодальной эксплуатации. Кроме того, князья оказались ненужными и в политической системе чеченского общества. Набравшие силу и достаточно организованные чеченские общины могли уже вполне спокойно обходиться без них: функции управления брали на себя выборные старшины»³⁴.

Вообще, в этот период чеченцы начинают играть все более и более заметную роль в событиях на Северном Кавказе, а степень и организованность их военного противостояния Российской империи увеличивается, особенно в связи с началом активного процесса захвата равнинных чеченских земель в ходе строительства военной «линии». В течение XVIII в. все учащающиеся столкновения между чеченцами и российским государством постепенно начинают приобретать характер перманентной войны³⁵.

Как справедливо указывает тот же И. М. Сигаури, во второй половине XVIII в. произошло то, что в корне изменило всю предшествующую картину российско-чеченских отношений. Чечня по-прежнему состоит из отдельных общин. «Но это уже не те изолированные общины, входящие в состав более крупных феодальных владений во главе с правителями другой национальности. Долгая и общая борьба с кабардинскими и кумыкскими феодалами, совместное противостояние российским, крымским, иранским вторжениям – все это изменило саму атмосферу, в которой живет большинство обществ. По-прежнему нет даже намека на единый общечеченский политический центр, но в практической жизни большинство соседних общин действуют заодно»³⁶. Таким образом, начинается формирование единого народа в современном смысле этого термина.

После изгнания иноземных князей и местных владетелей в Чечне устанавливается строй свободных общинников, управлявшихся на уровне сел выборными коллегиальными органами. По-видимому, в этот период вновь возрастает роль Мехк-кхела. На время войн на нем избирался национальный военный лидер (по-чеченски – блячча). Иногда такое конфедеративное устройство чеченского общества как союза свободных крестьян и их общин именуется исследователями «горской демократией». Разумеется, все это не означает полного демонтажа феодальных отношений и тем более продолжавшегося процесса имущественного расслоения внутри общины. Однако всем попыткам личного закрепощения крестьян был поставлен отныне надежный заслон.

Ян Чеснов, известный российский этнолог, многие годы посвятивший изучению Чечни, пишет: «Сущность крестьянской революции состояла в утверждении уклада семейной собственности на землю самих тружеников. Этому на Кавказе способствовало комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, которое мало приспособлено к каким-либо формам принудительного труда. Такое хозяйство стабильно развивается в условиях частной собственности и под военной защитой вооруженных собственников <...> Отличительные черты горской демократии противоречивы. Она утвердилась благодаря изгнанию своих и иноплеменных аристократов, но повысила у труженика чувство личного достоинства, которое создало своеобразный кавказский менталитет, когда у простых земледельцев и пастухов мы обнаруживаем этикетно-аристократические нормы поведения. Этот «крестьянский аристократизм» лежит в основе широко бытующих понятий «кавказец», «кавказство». Вместе с тем горская демократия без труда нашла механизмы социальной защиты безопасности част-

³⁴ Сигаури, 1997, с. 250-252.

³⁵ Так, в 1707 г. войска крымского хана при помощи чеченцев и кумыков осадили крепость Терки. На следующий год чеченцев возглавил Мурат, один из руководителей башкирского восстания 1704-1711 гг. В феврале 1708 г. отряды под его командованием, в которые, кроме чеченцев, входили ногайцы, кумыки и даже казаки, взяли штурмом крепость Терки. Подошедшие под командованием графа Апраксина русские войска вновь установили над ней контроль; раненый Мурат попал в плен. Из-за роста антирусских настроений в 1711-1712 гг. на левый берег Терека переносятся городки гребенских казаков. В 1718 г. по приказу Петра I организуется первая экспедиция донских казаков против чеченцев, проживающих по Сунже и Аргуну. В июле-августе 1721 г. в Чечню направлены сразу две экспедиции: под начальством бригадира Ветерани и поручика Кудрявцева. Вторая целиком состояла из союзных России калмыков. 1722 г. – Персидский поход Петра I, во время которого при попытке вторгнуться в пределы аккинцев на реках Аксай и Яман-Су в союзе с кумыками чеченцы напали на русские кавалерийские части (рейтар) и нанесли им поражение. В ответ против жителей сел по Сунже и Аргуну направлена карательная экспедиция донских казаков. В 1724 г. по указу Петра I упразднена крепость Терки. 1732 г. – карательная экспедиция графа Дугласа и разгром у Чечен-Аула на третий день выступления отряда подполковника Коха. В 1735 г. местными жителями разгромлены вторгшиеся в Чечню войска крымского хана Каплан-Гирея. 1747 г. – восстание чеченцев против пришлых кумыкских и кабардинских князей; на помощь последним были отправлены российские войска. 1747 и 1749 – нападения чеченцев на станицы Щедринскую и Шелковскую, разграбление ими Крестовоздвиженского монастыря в Кизляре. 1757 г. – антифеодальные выступления чеченских обществ, в ходе которых русские войска активно поддержали кабардинских и кумыкских князей. 1758 г. – новое восстание против феодалов и их изгнание. Вслед за этим в Чечню направлена карательная экспедиция под командованием генерал-майора Фрауендорфа. На помощь чеченцам приходят отряды андийцев, аварцев, эндерийских и аксайских кумыков. Решающее сражение происходит у села Новый Чечень. Не ослабевая, в Чечне продолжают антифеодальные выступления и в следующем, 1760 г. Летом 1762 г. под предлогом охраны плоскостных ингушей в Назрань введен русский отряд под командой ротмистра Киреева. 1770 г. – окончательное подчинение России назрановских ингушей и карательная экспедиция командующего Кавказской линией генерала графа де Медема в западную Чечню; разорение сунженских аулов и взятие от них заложников (аманатов). В том же году на левом берегу Терека заложены станицы Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская, в которые под названием Моздокского полка водворяются 517 семей волжских и 100 семей донских казаков. Цепь российских военных укреплений, протянувшаяся по Тереку от Кизляра до Моздока, теперь уже полностью отрезала чеченцев от их затерченных земель. Проживавшее там коренное население было изгнано. Июнь 1774 г. – нападение крымского хана Шабах-Гирея на станицу Наурскую. В том же году происходит новое выступление чеченцев против пришлых феодалов; командующий Кавказской линией генерал Якоби подавляет его. 1779 – нападение чеченцев на крупный обоз вблизи станицы Калиновская. Начало 1783 г. – очередное выступление чеченцев и ингушей против кабардинских и кумыкских феодалов и окончательное их изгнание; нападения на поселения колонистов по Тереку; карательные экспедиции русских войск в Атаги и Алды. В результате провокации, устроенной русскими властями, в июне того же года между чеченцами и ингушами произошло столкновение. Сентябрь 1783 г. – русские войска под командованием генерала Потемкина вторгаются в Чечню. 6 октября в ущелье Ханкала их встречает местное ополчение, и происходит ожесточенное сражение.

³⁶ Сигаури, 1997, с. 249.

ного хозяйства и безопасности самой личности. Эти механизмы были предоставлены кровно-родственными и брачными объединениями, территориально-земледельческой общиной, военной организацией и религиозной общиной. В политической жизни окрепло то, что условно мы называем горской демократией. Все это послужило основой типа личности, в которой главными чертами стали чувство независимости и своеобразный «демократический аристократизм» поведения. Такой тип личности прекрасно соответствует жизни в условиях экономического соперничества, военных столкновений и борьбы за престиж»³⁷.

«Если власть князей «сжимается» и исчезает, — пишет проф. С. А. Исаев, — то вольные крестьянские общества, напротив, расширяются и укрепляют свои позиции. Более того, в XVIII в. начался процесс объединения чеченских обществ и земель в большие территориальные единицы, границы которых в значительной мере определялись природно-географическими факторами и нормами обычного права. Жители аулов, хуторов, отдельных местностей были объединены в крупные политические союзы или, как их определяют исследователи, «вольные общества»: ауховцев, качкальковцев, ичкеринцев, мичиковцев, шатоевцев, мальхистинцев и других. С 50-х годов XVII в. шатоевцы могли выставить тысячу воинов. Мичиковцы или мичкисская земля в 40-х годах XVII в. объединяла 36 аулов. Отношения между этими обществами регулировались адатом (обычным правом). Таким образом, в Чечне устанавливается строй, в котором численно преобладающим и господствующим социальным классом оказывается свободный крестьянин-общинник»³⁸.

В итоге победа «крестьянской революции» не означала некоего регресса, возвращения к архаичным формам общественного устройства. Поддержанный ею способ хозяйствования, несмотря на постоянные военные столкновения, стимулировал экономический рост края, который для периода XVII-XVIII вв. признается всеми серьезными исследователями. Чечня превращается в житницу Северного Кавказа: местные хлеборобы стали выращивать на плоскостных землях столько хлеба, что он начинает не только вывозиться в соседние области, но и экспортироваться в Иран³⁹. В XVIII в. значительно вырастают посевные площади, увеличивается сбор урожая зерновых культур. По некоторым сведениям, нормальными урожаями были сам 10 — сам 15. В связи с развитием земледелия и увеличением посевных площадей зерновых культур шёл интенсивный процесс смены профилирующих отраслей хозяйственного строя Чечни. Если в равнинных просторах земледелие стало преобладающей отраслью хозяйства, то в горных районах Чечни экстенсивное земледелие уступало свои господствующие позиции скотоводству. Местные условия соответствовали развитию этой важной хозяйственной отрасли. Тёплый климат и природно-географическая среда позволяли чеченцам кормить свой скот подножным кормом в течение всего года. На альпийских лугах скот пасли в продолжение 3-4-х месяцев, а остальное время года он пасся на равнине за Терекком. Такую горно-равнинную систему ведения хозяйства заимствовали у чеченцев русские крестьяне и казаки. Отличительной особенностью хозяйственного развития чеченцев можно считать наличие достаточно развитого земледелия и отгонно-пастбищной системы скотоводства, значительно повышающей его продуктивность⁴⁰. Российский академик Фальк, посетивший Северо-Восточный Кавказ в 1773 г., отмечал, что жители Брагунов и Старого Юрта имеют большое количество скота и лошадей⁴¹. Одни только притеречные чеченские аулы имели свыше десяти тысяч голов крупного рогатого скота, что при пересчете на каждый двор составляло в среднем по 5 голов⁴², общее стадо насчитывало более 200 овец⁴³. Таким образом, кроме хлеба из Чечни вывозились крупный и мелкий рогатый скот, шерсть, кожи. Развивалось садоводство, пчеловодство, вывозились мед и воск. Было развито производство грубого сукна, сапожной кожи, войлочных изделий и бурок. Пользовались спросом у соседних народов изделия чеченских ремесленников из дерева, изделия кузнечного, гончарного ремесла и произведения местных оружейников⁴⁴. Благоприятное экономическое развитие Чечни привело к росту населения, к потребности в освоении все новых сельскохозяйственных угодий. Чечня и ее народ становится не просто серьезным фактором северокавказской политики, но ее самостоятельным и весьма сильным субъектом.

Указывая на все эти обстоятельства, И. М. Сигаури приходит к выводу, что именно они и стали предпосылкой столь упорного сопротивления именно со стороны Чечни российской колонизации. Действительно, в конце XVIII — начале XIX вв. большинство народов окраин Российской империи испытали на себе ужесточение ее колониальной политики. Но только северокавказские народы, прежде всего чеченцы, ответили на это десятилетиями ожесточенного вооруженного сопротивления.

«Появление в Чечне довольно значительного избыточного продукта, — пишет Сигаури, — естественно вело к быстрому развитию торговли. Однако этому мешали ограничения, введенные российскими властями. <...> Кроме того, политика российских властей грозила подорвать хозяйство Чечни. <...> Избыточное население с гор переселялось в предгорья, оттуда чеченские аулы уходили все дальше и дальше, на новые земли. Ограничивая территорию расселения чеченцев, российская казачья линия тем самым ставила под угрозу само существование того общественного строя, общественных отношений, образа жизни, который успел сложить-

³⁷ Чеснов, 1999.

³⁸ Исаев, 1999.

³⁹ Вроцкий, 1878.

⁴⁰ Исаев, 1999.

⁴¹ Записки путешествий академика Фалька, 1824.

⁴² Ахмадов, 1991, с. 56.

⁴³ Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940, с. 304. Ахмадов, 1991, с. 56.

⁴⁴ Исаева, 1974. Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940, с. 304. Розен, 1958, с. 284-285. Берже, 1991, с. 70-71. Штелин, 1803. Ахмадов, 1991, с. 56.

ся у чеченцев. <...> Закрытие казачьей линии перекрывало свободный доступ на зимние отгонные пастбища по левому берегу Терека, создавало земельную тесноту; многочисленные ограничения подрывали чеченскую торговлю, не говоря уже о систематическом злоупотреблении со стороны чиновников. Политика окончательного присоединения края к империи и его ускоренная колонизация означали для подавляющего числа чеченцев разрушение привычного уклада и, главное, ухудшение и без того нелегкой жизни. Все это, естественно, привело к росту антироссийских настроений»⁴⁵.

2.4. ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОД РУКОВОДСТВОМ ШЕЙХА МАНСУРА

Последняя треть XVIII в. ознаменовалась возникновением фактора, который будет играть важнейшую роль на протяжении всей последующей истории российско-чеченского противостояния. Это объединение кавказских горцев в их борьбе с российской экспансией под лозунгами ислама и газавата – священной войны с неверными. Данное движение, связанное с суфизмом, в дальнейшем получит в российских источниках названия «мюридизма». Именно оно станет идеологической основой для создания впоследствии теократического горского государства – имамата.

Как справедливо отмечает И. М. Сигаури, до конца XVIII в. в политической жизни Северного Кавказа практически не чувствуется влияния религиозного фактора. «Не только действия великих держав того времени по распространению своего влияния свободны от какого бы то ни было религиозного обоснования своих действий, но и противостояние местных обществ и владетелей, например, российскому давлению никогда не объяснялось религиозными мотивами. Это при том, что все население предгорий, за исключением осетин, исповедовало ислам»⁴⁶.

К рассматриваемому периоду цитаделью ислама на Северном Кавказе по праву считался Дагестан. Однако и здесь религиозный фактор также не играл до поры до времени сколько-нибудь значительной роли в противостоянии российским притязаниям. Удивительно, но знамя «исламского сопротивления царизму» (выражение Моше Гаммера) впервые было поднято в Чечне – крае, жители которого в это время отнюдь не воспринимались соседними народами как истовые мусульмане.

Несмотря на то, что ислам стал распространяться в Чечне довольно рано, к XVII-XVIII его исповедание большинством жителей Чечни во многом носило формальный характер; в повседневной жизни обычаи вайнахов характеризовались самым широким синкретизмом. Памятники материальной культуры показывают, что в данный период в горских вайнахских обществах «царила полная веротерпимость»⁴⁷.

Религиозное оживление в Чечне связано с проповедью нравственного возрождения на основе исламской этики (в противоположность обрядоверию), исламского права – шариата (в противоположность традиционному адату) – и священной войны против неверных, которая мыслилась как «оборонительный джихад» и на данном этапе являлась формой идеологического оформления антиколониальной борьбы. В 70-х гг. XVIII в. шейх Берс из Курчали впервые начинает проповедовать в Чечне шариат. Однако широкому движению, охватившему все слои общества, чеченцы обязаны шейху Мансуру, который, безусловно, являлся харизматическим лидером.

Мансур, первоначально носивший имя Ушурма, родился около 1760 г. в плоскостном селении Алды, которое располагалось на территории современного поселка Черноречье г. Грозного. Он происходил из небогатой семьи, и с детства ему пришлось пасти скот и заниматься крестьянским трудом. Он не получил никакого систематического образования и даже не владел грамотой. Но у него были наставники и сторонники среди чеченских мулл⁴⁸. Следует отметить, что в Чечне этого периода духовенство не пользовалось тем привилегированным положением, которое мы видим, например, в Дагестане. Его единственное преимущество заключалось в образованности, никакими исключительными правами его представители не пользовались и находились в полной зависимости от мирян⁴⁹.

⁴⁵ Сигаури, 1997, с. 250-252.

⁴⁶ Там же, с. 242.

⁴⁷ В качестве примера И. М. Сигаури (там же, с. 243) приводит погребальный комплекс в селении Пхакоч в верховьях Аргунского ущелья, относящийся ко втор. пол. XVII в. и исследованный археологами в 1960 г. В захоронениях одновременно сочетаются признаки погребальных обрядов, характерных для язычества, христианства и ислама. Так, наличие на надгробной плите одного из захоронений петроглифов и их характер (человеческая фигура с фаллосом, солярный знак), наличие в верхней части могилы склеповидной камеры, ритуальных древесных угольков – признаки, свойственные вайнахским языческим погребальным обрядам. С другой стороны, ориентация с востока на запад (головой на запад), положение костяка у южной стены могилы, отсутствие погребального инвентаря, наличие «уппах» (двух наклоненных плит) и небольшого углубления под костяком, а также надпись «Мухаммед» – это признаки, характерные для мусульманского погребения. И наконец, положение погребенного – на спине, в вытянутом положении, головой на запад, с руками, скрещенными на груди – признак, свойственный христианскому погребению (Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанти-Аргуна // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. III. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 136-138). К этому нужно добавить, что вплоть до конца XVII в. фасады вайнахских башен и склепов продолжают украшаться изображением голгофского креста и солярными петроглифами (Азиев, Чахкиев, Марковин, 1994, с. 25, с. 75, илл. 64 (замок селения Верхний Лейми, XVII – XVIII вв., верхняя часть боевой башни замка с изображением креста-голгофы), илл. 73 (петроглифы на арочном камне жилой башни XVI – XVII вв. с изображением свастики), с. 143-144 и др.).

⁴⁸ Наиболее авторитетными среди них был мулла Умар-Хаджи из селения Шали. Именно эти представители духовенства более других агитировали народ за признание Мансура имамом (то есть одновременно светским и духовным правителем), они же писали и воззвания от его имени (Сигаури, 1997, с. 255).

⁴⁹ Берже, 1991, с. 68.

Начало деятельности Мансура, по всей видимости, относится к 1783 г., когда, по его собственным уверениям, он получил звание шейха. Ряд обстоятельств указывает на то, что он был последователем накшбандийского суфийского ордена или тарриката.

Суфизм является мистико-аскетическим течением ислама, зародившимся во второй половине VIII в.⁵⁰ Важнейшим элементом суфизма является овладение его знаниями и навыками под руководством духовного наставника — шейха (муршида), без контроля которого начинающий суфий, именуемый мюридом, как считалось, рисковал потерять рассудок и здоровье. Ученик выбирал шейха сам, но после этого от него требовалось безоговорочное подчинение. Передача суфийского знания от шейха к мюриду происходила в процессе длительного обучения, по окончании которого ученик получал из рук учителя суфийское рубище, дававшее право на самостоятельную проповедь. Мюриды, возвращаясь на родину, обычно основывали там суфийские обители⁵¹. Таррикатом (путем) суфисты называют метод, систему или школу, таифатом (группой) — суфийский орден. Один из древнейших, строго ортодоксальных таррикатов носит имя накшбандий⁵².

По-видимому, на Кавказе именно шейх Мансур стал первым накшбандийским лидером, хотя последующее укоренение этого тарриката (первоначально в Дагестане) произошло без него⁵³. Учитывая крайне отрывочные сведения биографии Ушурмы из Алдов, остается загадкой, где и у кого он мог пройти обучение, и проходил ли его вообще. Однако проповедь Мансура имела огромный отклик в Чечне и не в последнюю очередь потому, что он строго следовал собственному учению. Несмотря на то, что в определенный момент судьба сделала его вершителем судеб десятков тысяч людей, он так и оставался вплоть до своего пленения бедняком.

Первоначально его проповедь носила религиозно-нравственный характер: он призывал людей отказаться от пьянства, курения, грабежа и разбоя, кровной вражды, помочь бедным соотечественникам и обратиться к Аллаху не на словах, а на деле. По Чечне широко распространились рассказы о мистических видениях Ушурмы. Обладая выдающимся ораторским талантом, Мансур всегда подавал пример собственным поведением. Так, начало его публичной проповеднической деятельности ознаменовалось тем, что он зарезал всю свою скотину и разделил мясо между бедняками и учившимися грамоте детьми. «С коего времени, — сообщал российский агент кумык Али-Солтан, — разнесся повсюду слух, а по нем и собирается великое количество людей и всякий день приводят к нему скотину, которую раздает бедным, да и сам с родственниками из нее же питается. Из родственников его одного в давних годах убил горский житель, который бы так же должен был отвечать жизнью, но он ших принудил мать и всех родственников сие упустить и помириться, смотря на то, и другие тому последовали и стараются делать его повеления, вино, водку пить и табаку курить жители деревни Алдынской тогда же оставили, да и приезжие, кто только у него ни побывает, то предается его учению, равно и воровство, что прежде почиталось за удачу, ныне в пренебрежении и всякий от того уклоняется»⁵⁴. На проповеди Мансура начинают стекаться люди не только со всей Чечни, но и из Кабарды и Дагестана.

Очень скоро в речах Мансура уже отчетливо начинает звучать и мотив о необходимости вооруженной борьбы против неверных, под которыми подразумевалась прежде всего Россия. Жители Алдов признали Мансура имамом (духовным и светским правителем) и объявили о прощении всех кровников. Одновременно ему была выделена охрана из пятидесяти вооруженных человек и установлено наблюдение за дорогами, ведущими в сторону российской границы⁵⁵. Однако первый военный поход, объявленный в марте 1785 г., намечалось провести против западно-чеченских горных обществ с целью обращения их в ислам⁵⁶. В то же время на Северном Кавказе муссируются слухи о предстоящей атаке на русскую границу, к Мансуру прибывают посланники от различных народов и владетелей. И хотя сам он еще не предпринимал никаких действий, участились случаи нападений на караваны купцов, что российские власти расценивали как результат агитации.

Опасаясь обострения обстановки, российское командование подтягивает дополнительные войска к кавказской линии, а затем решается нанести превентивный удар с целью захвата «лжепророка». Это решение становится для русских роковым.

Для захвата Мансура был направлен отряд под командованием полковника Пиери в составе двух пехотных полков, батальона Кабардинского егерского полка, двух гренадерских рот и сотни терских казаков. Но план внезапного нападения был чеченцами сорван, а русские колонны растянулись на марше. Несмотря на это, 7 июля Пиери решил переправиться через Сунжу и продолжать движение к Алдам, как это предусматривалось планом операции. Пройдя через лес, Пиери почти без сопротивления взял Алды, а затем потратил значительное время на то, чтобы сжечь селение дотла и угнать скот местных жителей. За это время сельчане и подо-

⁵⁰ Классическому суфийскому учению присущ глубокий анализ мельчайших движений человеческой души, «сердца и помыслов», внимание к личному переживанию и внутреннему осознанию религиозных истин. Суфийские мыслители приходят к выводу, что конечным пунктом «пути к Всевышнему» является не только его «лицезрение», но и растворение собственного «я», «пребывание в Боге». В трудах основателей суфизма отчетливо просматривается мотив бескорыстной любви к Аллаху, неизбывной тоски по нему. Практика суфизма содержит детально разработанные способы самонаблюдения и самоконтроля. Широкий взгляд найдет некоторые параллели теории и практики суфизма в восточно-христианском учении исихастов.

⁵¹ Там же, с. 269.

⁵² в честь Муххамеда Баха аль-Дина аль-Накшбанди (1318-1389), который придал ему существующую ныне форму.

⁵³ Гаммер, 1998, с. 69.

⁵⁴ Ахмадов, 1996, с. 161 (со ссылкой на ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, лл. 8-10 об. Показание татарина (кумыка) Али-Солтана из Больших Атагов от 8 марта 1785 г.).

⁵⁵ Дубровин, 1885, с. 92.

⁵⁶ Ахмадов, 1991.

шедшие к ним мужчины из ближайших селений перекрыли русским путь к отступлению. Пиери приказал отступать к переправе по той же дороге. Здесь колонна оказалась под сильнейшим ружейным огнем, и была частично рассеяна по лесу. Лишь часть солдат сумела пробиться к Сунже, где вынуждена была переправляться под прицельным огнем противника. Преследование чеченцами остатков экспедиции продолжалось до 10 часов вечера. Чеченцы потеряли в битве более 300 человек, включая одного из братьев Мансура. Потери же российского отряда только убитыми составили 1506 человек, т.е. половину личного состава, включая самого полковника Пиери. 162 человека (включая будущего героя Отечественной войны 1812 г. князя Петра Багра-тиона) попали в плен и затем были выкуплены⁵⁷.

Известие о разгроме в Чечне российских войск распространилось очень широко и вызвало необычайное воодушевление среди горцев, особенно Северо-Западного Кавказа. В Кабарде они атаковали российское укрепление Кум-Кала. Сам Мансур решил теперь сокрушить Кавказскую линию. Первой целью ответного удара стал Кизляр, который, с одной стороны, являлся главной цитаделью русского могущества на Северном Кавказе, а с другой, представлял собою центр экономической связи и зависимости горских народов от русских властей⁵⁸. 15 июля 1785 г. пятитысячный отряд Мансура предпринял попытку штурма Кизлярской крепости, но был отбит мощным огнем артиллерии. Тогда Мансур перенес удар на Каргинский редут – укрепление, располагавшееся в 5 верстах от Кизляра. Здесь горцам сопутствовал больший успех: вследствие возникшего пожара произошел взрыв порохового погреба, и укрепление было уничтожено вместе с его отчаянно сопротивлявшимися защитниками. Кроме того, сторонникам Мансура удалось захватить 4 пушки⁵⁹.

Вернувшись в Алды, Мансур начал готовить новый поход на Кизляр, уверяя, что эта крепость должна пасть к ногам мусульман. Командующий войсками на Линии генерал-поручик Леонтьев прибыл в эту крепость, чтобы еще более усилить ее оборону. Между тем движение горцев развернулось уже на протяжении всей Кавказской линии, его поддерживали не только свободные общинники, но и многие влиятельные владельцы. В этих обстоятельствах 29 июля 1785 г. Мансур во главе отряда чеченцев и кумыков при поддержке князя Малой Кабарды Дола и знатного узденя⁶⁰ Берда Хапсуга с подвластными им жителями атаковал укрепление Григориополис, расположенное в 42 верстах от крепости Моздок. Блокада длилась в течение двух суток, но овладеть укреплением сторонники Мансура не смогли. После его возвращения в Чечню атаки кабардинцев на российские укрепления продолжались⁶¹.

20 августа 1785 г. Мансур вновь атакует кизлярские укрепления, и опять неудачно. Ночью 21 августа он переносит острие атаки на позиции Томского пехотного полка и заставляет его отступить за городские укрепления, от которых горцы вновь были отброшены⁶². После этой неудачи начинается заметное охлаждение к Мансуру со стороны чеченцев и ряда феодалов, однако его авторитет в среде кабардинцев и черкесов остается высоким.

Российское командование стягивает войска к важнейшим крепостям и создает три самостоятельных войсковых группировки. В то же время в лагере сторонников Мансура возникают значительные разногласия: чеченцы не хотели идти на Дагестан, настаивая на нападениях на расположенные выше по Тереку станицы, а дагестанцы не хотели идти в Чечню и предлагали действовать в районе Кизляра. Не сумев переправиться через Терек в нижнем течении, 22 октября с отрядом в 6 тысяч человек Мансур двинулся в Кабарду. Ему навстречу выдвинулся срочно сформированный отряд полковника Нагеля⁶³. В сражении на реке Малке, длившемся с 30 октября по 2 ноября, шейх Мансур потерпел поражение, хотя благодаря применению подвижных щитов на колесах, прикрывавших воинов от огня артиллерии, сумел сохранить часть живой силы⁶⁴.

На следующий год шейху, который ввел в Чечне натуральный военный налог и установил правила поставки верными ему селениями определенного количества воинов, удалось собрать постоянное войско в 500 человек. В конце июля 1786 г. он объявил о скором выступлении на Владикавказ. Однако вовремя проинформированное через свою агентуру российское командование сумело его опередить, принудив главного союзника Мансура князя Дола явиться с повинной. После этого начался массовый отход от движения горских владельцев.

В 1787 году в Чечню была отправлена карательная экспедиция во главе с генералом Теккели. 17 января 1787 г. на Качкалыкском хребте между чеченцами и русскими войсками, находившимися под командованием полковника Савельева, происходит сражение. 19 января 1787 г. в Чечню прибывает еще одна карательная экспедиция русских войск под командованием полковника Ребиндера. Мансур находился уже в очень тяжелом положении, когда в июле 1786 г. к нему явился посольный с приглашением от закубанских народов. С этого времени начинают распространяться (по всей видимости, самим шейхом) слухи, что Мансур ушел за Кубань. В действительности он остается в Чечне и во второй половине 1787 г. на фоне обострения российско-турецких

⁵⁷ Сигаури, 1997, с. 255 (со ссылкой на: ЦГВИА. Ф. 52., оп. 1/194, д. 350, ч. 11, л. 25-25 об.).

⁵⁸ Скитский, 1932, с. 111-112.

⁵⁹ Ахмадов, 1996, с. 167.

⁶⁰ Словом «узденя» на Кавказе обозначали как свободного общинника (ср. чеч. «оьзда» – свободный, культурный), так и служилого дворянина.

⁶¹ Сигаури, 1997, с. 255.

⁶² Там же, со ссылкой на: ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 9, л. 19 об.

⁶³ Там же, с. 260.

⁶⁴ После этой военной неудачи от движения Мансура отошли некоторые кабардинские и кумыкские князья. Старшины и уздени многих горских народов изъявили покорность русским властям. Мансур был вынужден перебраться в Шали, откуда продолжал рассылать письма к окрестным народам.

отношений пытается активизировать свою пропаганду. Однако она уже не находит на родине прежнего отклика. Да и турецкие власти относились к Мансуру в тот период еще весьма настороженно: Турция была связана с Россией условиями мирного договора, и агитация Мансура среди черкесов могла вызвать осложнения в отношениях двух держав.

В итоге Мансур, с трудом собравший около тысячи человек, выступил против чеченцев-карабулаков, которые отказывались признать его имамом. Проявленная затем в сражении нерешительность (вполне объяснимая ввиду откровенно междоусобного характера затеянного им предприятия) оттолкнула от него, по российским источникам, последних сторонников из числа чеченцев. 5 июля 1787 г. он переходит Кубань и, наконец, появляется у пригласивших его годом ранее черкесов, находившихся под властью Турции.

9 сентября 1787 г. начинается русско-турецкая война. Одновременно восьмитысячный отряд российских войск выступает против Мансура, который тоже успел собрать вокруг себя около 8 тысяч воинов. 21–22 сентября бои идут с переменным успехом; затем горцы отступают, но 25 сентября вновь атакуют русский арьергард. 13 октября командующий кавказской армией генерал-аншеф Текелли начинает превосходящими силами новую крупную операцию против Мансура. Силы шейха терпят поражение за поражением, их преследуют буквально до снеговых вершин, где большая часть горцев сдается. Самому Мансуру с небольшим отрядом удается, оставляя на пути умирающих от стужи и изнеможения, уйти от преследования через перевалы. В ходе этой экспедиции было сожжено более 300 селений, истреблены запасы хлеба и фуража, более тысячи ногайских семей выселены за Кубань. Сам Мансур ушел в турецкую крепость Суджук-Кале⁶⁵.

В 1788–1789 гг. Мансур обращается к чеченцам, кабардинцам, заволжским киргиз-кайсацким народам с призывом подняться против русского царя, но особого успеха его призывы не имеют. В середине 1790 г. Мансур вернулся в Чечню и попытался мобилизовать соотечественников для нападения на Кизляр. Однако попытки эти также закончились неудачей. Осенью шейх уходит в турецкую крепость Анапа.

После взятия Анапы русскими войсками 21 июня 1791 г. Мансур попал в плен, «как бунтовщик» был отправлен в Петербург и допрошен там в Тайной экспедиции. После завершения русско-турецкой войны он настаивал на своем освобождении в качестве военнопленного, но российские власти оставили это обращение без внимания. 15 октября 1791 г. секретным рескриптом Екатерины II он был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба Империи». 13 апреля 1794 г. он умер от скоротечной чахотки и похоронен на Преображенской горе без какого-либо обряда⁶⁶.

Поражение и гибель шейха Мансура не привели к «замирению» края. Чеченцы, впервые вынудившие российские власти перейти на время от наступления к обороне, остались «при своих». Российская администрация Кавказа не смогла создать на территории Чечни собственные органы управления. Начиная с Мансура в качестве объединяющей всех горцев идеологии стал утверждаться газават — священная война против захватчиков-иноверцев. Эта идеология окажет решающее влияние на историю Северного Кавказа в следующем, XIX в.

2.5. КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

2.5.1. Движение горцев в первой четверти XIX в.

Следующий этап российской колонизации Кавказа начался в 1801 году, когда Восточная Грузия (Картли-Кахетия) манифестами Павла I (январь) и Александра I (сентябрь) была включена в состав России. На пороге смерти последний грузинский царь Георгий XII обратился к российскому императору с просьбой принять истерзанную войной с Персией Картли и Кахетию под свое прямое правление. «Два этих события, — указывает известный исследователь истории Кавказа Моше Гаммер, — стали водоразделом в кавказской политике России. Если еще можно гадать, знал ли Павел, что повлечет за собой его решение, то с Александром все было ясно. Он окончательно перешел от вмешательства к захвату и открытому столкновению с исламским миром на юге Грузии и мусульманскими племенами на севере. Это стало неизбежным, поскольку защитить Картли и Кахетию, а также дорогу из Владикавказа в Тифлис <...> без дальнейшего покорения народов и захвата территории было невозможно. Так начался период войн и столкновений, длившийся шесть с половиной десятилетий, в результате которого Кавказ оказался в полном подчинении России»⁶⁷.

Период, с начала XIX в до конца 1850-х гг. в российской историографии обычно именуют Кавказской войной⁶⁸. В течение всего этого периода отношения между Россией и кавказскими горцами носили характер перманентных военных действий, нескончаемого потока карательных экспедиций, сражений и набегов.

Что касается первых двух десятилетий XIX в., то тот же Гаммер характеризует обстановку на Северном Кавказе следующими словами: «На земле Дагестана <...> русское господство разрушило традиционный образ жизни, политический, экономический, и общественный строй не только на оккупированной территории,

⁶⁵ Там же, с. 262, со ссылкой на ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 417, л. 34–35.

⁶⁶ Там же, с. 264. Ахмадов, 1996, с. 172. Смирнов, 1958, с. 160.

⁶⁷ Гаммер, 1998, с. 19–20.

⁶⁸ Впрочем, относительно времени ее начала существуют разные мнения. Одни историки полагают, что это начало выступления Мансура, другие — выдвижение в 1817 г. генералом Ермоловым военной линии с Терека на Сунжу (Цуциев, 2007, с. 14).

но и во многих обществах, еще не попавших под управление России. Хозяйство пока свободных или «немирных» обществ сильнее всего пострадало от экономической войны русских. Блокада одних горских обществ, лишение пахотных земель других, изгнание горцев с зимних пастбищ в предгорьях нарушили традиционные формы товарообмена и производства продуктов питания, а жители гор не могли обеспечить себя сами всем необходимым и в большой степени зависели от этих хозяйственных связей и существующей системы производства. «Карательные экспедиции» русских, сметавшие все на своем пути, повлекли за собой дальнейший подрыв экономической жизни этих обществ. Свою роль тут сыграли традиционные на Кавказе разбойничьи набеги на соседей, которые всегда служили дополнительным средством добычи средств к существованию, а русские просто толкали горцев на это. <...> В Чечне положение было еще хуже. Кроме экономической войны и «карательных экспедиций» против чеченцев, русские старались вытеснить их с плодородных земель в междуречье Терека и Сунжи в горы на юг и селить на их место казаков. Потрясение значительно усиливалось длительным, растянувшимся не менее чем на столетие процессом встречной миграции чеченцев на север и северо-восток. Волна беженцев на юг, столкнувшись с давно определившимся влечением чеченцев на север, создала настоящий хаос. Это изгнание и крайняя жестокость, с которой оно осуществлялось, следует рассматривать как главную причину того, что чеченцы ненавидели русских еще больше, чем дагестанцы»⁶⁹.

Первую четверть XIX в. некоторые историки Чечни называют временем генерала Ермолова, который в историческом сознании чеченцев до сих пор – спустя почти два столетия (!) – является главным антигероем. Другие же предпочитают именовать его эпохой Бейбулата Таймиева, избранного военным руководителем страны.

Доктор исторических наук, профессор Чеченского Государственного Университета Сайд-Ахмед Исаев пишет: «К 20-м годам Бейбулат Таймиев стал выступать за объединение всех чеченских обществ и земель для создания единой системы административно-территориального управления. Не случайно поэтому, что именно он был избран старшиной Чечни и наделен титулом «Мехкан Да» («владелец страны»). Командир Левого фланга Кавказской линии полковник Сорочан, сообщая наместнику Кавказа о ситуации в Чечне, в августе 1825 г. писал: «Бейбулат Таймиев учреждает во всех деревнях, непокорных нам, свое начальство, делает старшин по несколько в деревнях с тем, чтобы они старшинам же были послушны, а ежели не выполнит кто, то 10 рублей серебром штрафа. А он уже требовать будет исполнения от старшин, и все сделано на присяге». Другие документальные источники также свидетельствуют о том, что Бейбулат Таймиев пользовался огромной властью, дававшей ему право по своему усмотрению назначать главу сельской администрации в любом чеченском селе, а также смещать его в любое время. Реально существовавшая его власть распространялась практически на все селения чеченцев и сельские общества, за исключением селений междуречья Терека и Сунжи. Последние в это время были отделены от остальной территории Чечни и находились под прикрытием русских укреплений и крепостей кордонной линии по Сунже. Косвенное признание реальной власти Бейбулата Таймиева российской стороной подтверждается тем, что русские генералы называли его «атаманом Чечни»⁷⁰.

В то же время эта оценка на первый взгляд плохо сочетается с тем фактом, что он несколько раз переходил на русскую службу, получая звание офицера и соответствующее жалование. «Жизнь самого Бейбулата Таймиева, – замечает И. М. Сигаури, – может служить наглядной иллюстрацией постоянных колебаний чеченской верхушки, которая, получая от российских властей меньше, чем она хотела, периодически переходила от службы империи к противодействию ей, как скрытому, так и открытому»⁷¹.

Две приведенные характеристики, казалось бы, существенно противоречат друг другу. Однако противоречие здесь мнимое. «Метания» Бейбулата Таймиева объясняется принципиально разной трактовкой чеченскими лидерами и российскими чиновниками факта поступления знатных чеченцев на российскую службу. Будучи, по крайней мере в зрелые годы реалистом, и видя, какую силу являет наступающая с севера империя, Бейбулат Таймиев не мог не осознавать, что военное противостояние сулит мало шансов на победу. Поэтому он и ему подобные пытались в определенные моменты, не теряя независимости во внутречеченских делах, стать союзниками, а не врагами могучего соседа. Союзниками – но не подданными! Однако именно это обстоятельство совершенно не устраивало российскую администрацию, проводившую последовательный курс на включение Чечни в состав империи.

Высказанное соображение ясно подтверждается перепиской генерала Ермолова с Александром I. Так, после возведения новой военной Линии Ермолов сообщал императору: «В нынешнем 1818 году, если чеченцы, час от часу наглеющие, не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже в месте самом для нас опаснейшем [имеется в виду Грозная – ред.] или если успеть возможно будет учредить два укрепления, то в будущем 1819 году, приведя их к окончанию, тогда живущим между Терекком и Сунжою злодеям, мирными именующимися, предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, *что они подданные в. и. в.* [Вашего Императорского Величества], *а не союзники, как они до сего времени о том мечтают.* Если по надлежащему будут они повиноваться, назначу по числу их нужное земли количество, разделив остальную часть между стесненными казаками и караногайцами; если же нет, предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам, от которых различествуют они одним только именем и в сем случае все земли останутся в распоряжении нашем. Я в таковых обстоятельствах прошу в. и. в. соизволение, чтобы из полков

⁶⁹ Гаммер, 1998, с. 71-71.

⁷⁰ Исаев, 1999.

⁷¹ Там же, с. 270.

моздокского и гребенского добровольно желающие могли переселиться вперед за Терек»⁷². В другом своем рапорте Ермолов отмечал: «Чеченцы своевольничают и проявляют свой разбойничий характер, считая себя союзниками в.и.в. и нужно сломать сие опасное заблуждение их» (курсив ред.)⁷³.

Бейбулат Таймиев родился, по-видимому, в 1779 г. в селении Бильты нынешнего Ножай-Юртовского района Чечни. Впервые слава пришла к нему в сентябре 1802 г., когда у станицы Порабоч им был взят в плен кабардинский пристав полковник Иван Дельпоццо (будущий генерал, комендант Владикавказа). За освобождение пленника Бейбулат потребовал 20 тысяч рублей, которых у Дельпоццо не оказалось. В конце концов Иван Дельпоццо был выкуплен в 1804 г. командующим Кавказской армией князем Павлом Цициановым. Для изыскания денег на уплату выкупа российские войска совершили налет на чеченские селения и отогнали оттуда свыше 1500 голов крупного рогатого скота.

В 1805 г. состоялась экспедиция в Чечню войск под командованием генерала Булгакова и сражение с чеченцами у входа в Ханкальское ущелье. В том же году генерал Глазенап организует карательную экспедицию по реке Аргун в Большую Чечню и доходит до аула Герменчук. В июне 1806 г. в Чечне состоялся съезд старшин 104 чеченских селений, на котором выступил новый кавказский главнокомандующий граф Иван Гудович, пытаясь, в свете приближающейся войны с Турцией, убедить чеченцев не поддаваться турецкой агитации. Однако в следующем году последовал ряд нападений чеченцев на Линию, что послужило предлогом для большой карательной экспедиции, предпринятой графом Гудовичем в феврале 1807 г. В конце августа этого же года старшины 20-ти (по другим данным — 104-х) чеченских селений, включая Бейбулата Таймиева из Шали, высказали желание прекратить вооруженное противостояние и принять российское «покровительство». 7 ноября комендант Владикавказа доложил о принятии ими присяги. После этого Бейбулат получил от Гудовича приглашение прибыть в Тифлис, в котором и пробыл 3 месяца и завел полезные знакомства среди русских офицеров. Ему было присвоено звание подпоручика с соответствующим жалованием. Однако по некоторым данным уже в январе 1808 г. Бейбулат с незначительными силами возобновляет нападения на русские гарнизоны. Летом 1810 г. во время набега на русскую укрепленную линию с отрядом из 600 человек он получает ранение.

Тем не менее в конце мая 1811 г. новый главнокомандующий на Кавказской линии граф Александр Тормасов встречается с Таймиевым в Тифлисе. Тот вновь соглашается вернуться на русскую службу. Граф Тормасов собирался широко известить об этом всю Чечню. В секретном предписании есаулу Чернову он пишет «Полк [овник]кн. Эрстов представил мне Бейбулата Тайманова, которого я уверил, что если он оставит свои шалости и обратится к обязанности своей, то все ему будет возвращено, а между тем удержу его здесь у себя; вам же поручаю через благонадежного человека <...> уведомить прочих чеченских старшин, что Бейбулат получит все, что пожелает <...> и что я назначил ему здесь пристойное содержание». Интересно, что 1400 рублей серебром, которые российские власти собирались тогда же распределить между чеченскими старшинами, было приказано «собрать от их же деревень»⁷⁴.

Однако довольно скоро Бейбулат вновь возвращается к «шалостям». Именно ему приписывают захват в плен майора Шевцова в феврале 1816 г. Затем Бейбулат едва не захватил в плен нового командующего Кавказской армией Алексея Ермолова⁷⁵.

Между тем именно после 1816 г. положение горцев кардинально изменилось в худшую сторону. Укрепившая свое внешнеполитическое положение Империя начала генеральное наступление на Чечню. В этом году губернатором Грузии, командующим отдельным грузинским армейским корпусом и чрезвычайным послом в Персии был назначен генерал Алексей Петрович Ермолов. Пользуясь абсолютным доверием и поддержкой Александра I, он получил на Кавказе полную свободу рук, и вскоре его даже стали называть «кавказским проконсулом»⁷⁶. В ноябре 1817 и в мае 1818 гг. Ермолов представил императору детальный план покорения Кавказа. В нем он выделил особо чеченцев, назвав их «сильнейшим народом и опаснейшим, сверх того всепомоществуемым соседями», к которому необходимо применить специальные меры. План предусматривал строительство крепостей, военных укреплений на захваченных чеченских землях в низовьях р. Сунжа и в междуречье Сунжи и Терека, рубку просек для прохода войск и артиллерии к основным населенным пунктам на Чеченской равнине. Одним из главных элементов новой стратегии был выбран голод. Войскам был отдан приказ на уничтожение садов и посевов, захват либо уничтожение принадлежащего местным жителям домашнего скота, а для недопущения среди них «возмущения» — взятие заложников. Позднее за жестокость Ермолова упрекали даже оба императора: и Николай и Александр. «Доброта в глазах азиатов — признак слабости, — возражал им Ермолов, — и я поступаю с жестокой суровостью из чисто гуманных соображений. Казнь одного уберегает сотни русских от гибели и тысячи мусульман — от измены»⁷⁷.

А пока, получив от царя одобрение, Алексей Ермолов тут же отправился в Чечню. 12 мая 1817 г. он отдает войскам приказ перейти Терек и начать вторжение на чеченские земли. Уже в конце 1817 г. русскими возводится крепость Преградный Стан (ныне станица Орджоникидзевская в Ингушетии). 10 июня 1818 г. началась

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6209, лл. 1-4. Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова Александру I о мерах покорения горцев Северного Кавказа. || <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Dvizenie/1-20/4.htm>.

⁷³ Цитаты даны по: Покровский, 2000, с. 139; Гаммер, 1998, с. 57.

⁷⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 4. — Тифлис, 1904. С. 904, 907.

⁷⁵ Сигаури, 1997, с. 271.

⁷⁶ Гаммер, 1998, с. 55.

⁷⁷ Там же, 1998, с. 63.

закладка на месте нескольких разрушенных аулов крепости Грозная (нынешней столицы Чечни), редута Злобный окоп и целого ряда других укреплений. Фактически левый фланг Кавказской линии был перенесен с Терека на Сунжу, отрезав, таким образом, чеченское население от наиболее плодородных плоскостных земель. Для традиционной системы хозяйствования Чечни это было в полном смысле слова катастрофой.

Не удивительно, что уже в 1817 г. чеченцы обращаются к аварскому хану Нур-Мухамеду с просьбой об оказании помощи в борьбе с вторгшимися в их пределы русскими войсками. Совместные чечено-аварские силы предпринимают неудачную попытку атаковать лагерь царских войск, разбитый в районе аула Старая Сунжа⁷⁸. 25 мая 1818 г. генерал Ермолов с войсками прибывает на Сунжу напротив выхода в Ханкальское ущелье и берет заложников (аманатов) с ближайших чеченских сел. Активные действия царских войск в соседней Чечне встревожили и дагестанских владетелей. Они сформировали союз против русских. В августе 1818 г. в Чечню прибыли около 1000 аварцев и лезгин во главе с аварским ханом Нур-Мухамедом. Объединенные силы горцев сразились с российскими войсками в окрестностях села Старый Юрт.

В этих условиях Бейбулат Таймиев вновь предпринимает попытку найти компромисс с российскими властями: осенью 1818 г. он прибывает в Грозную, где состоялась его встреча с генерал-майором Грековым. На ней Бейбулат потребовал «подчинить ему всех чеченцев, с правом налагать на каждого из них денежные штрафы, говоря, что только в таком случае он может отвечать за спокойствие Чечни»⁷⁹. Однако, как справедливо отмечает И. М. Сигаури, в планы российского командования меньше всего входило намерение сделать Бейбулата фактическим правителем всей Чечни. Поэтому генерал Греков отверг это предложение, а Алексей Ермолов впоследствии порекомендовал ему в случае, если Бейбулат еще раз заявится с подобными предложениями, арестовать его и повесить.

В 1819 г. были организованы карательные экспедиции в аулы Большой Чечен (современный Чечен-аул), Шали, Герменчук, Автуры, Гелдиген (Гелдагана) и Майртуп. К 4 августа 1819 г. относится уничтожение русскими чеченских сел по р. Шовдан и Аргун. Через месяц – 15 сентября 1819 г. – войска генерала Сысоева, сломив отчаянное сопротивление оборонявшихся, захватили и сожгли аул Дадии-Юрт на Тереке; почти все его жители, включая женщин и детей, подверглись истреблению. Алексей Ермолов так описал данный эпизод в своих Записках:

«При атаке сих деревень, лежащих в твердых и лесистых местах, знал я, что потеря наша должна быть чувствительною, если жители оных не удалят прежде жён своих, детей и имущество, которых защищают они всегда отчаянно, и что понудить их к удалению жён может один только пример ужаса. В сём намерении приказал я Войска Донского генерал-майору Сысоеву с небольшим отрядом войск, присоединив всех казаков, которых по скорости собрать было возможно, окружить селение Дадан-юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, и буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали предложения, защищались с ожесточением. Двор каждый почти окружен был высоким забором, и надлежало каждый штурмовать. Многие из жителей, когда врываются солдаты в дома, умерщвляли жён своих в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат с кинжалами. Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери, ибо кроме офицеров простиралась она убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не менее могло быть четырёхсот человек. Женщин и детей взято в плен до ста сорока, которых солдаты из сожаления пощадили как уже оставшихся без всякой защиты и просивших помилования (но гораздо большее число вырезано было или в домах погибло от действия артиллерии и пожара). Солдатам досталась добыча довольно богатая, ибо жители селения были главнейшие из разбойников, и без их участия, как ближайших к линии, почти ни одно воровство и грабёж не происходили; большая же часть имущества погибла в пламени. Селение состояло из 200 домов; 14 сентября разорено до основания»⁸⁰.

В марте 1820 г. отряды полковника Грекова взяли аул Топли и уничтожили Герменчук. В этом же году возле Эндери русские заложили крепость Внезапную, а на следующий год, возле столицы шамхальства Тарки – крепость Бурную, после чего сооружение новой оборонительной Линии было завершено. В течение этого же периода русские войска полностью подавили сопротивление дагестанских княжеств и овладели их территориями. «Начатое в прошлом году покорение Дагестана, – докладывал Ермолов императору, – нынче завершено; и эта страна, гордая, воинственная и доселе никем не покоренная, пала к священным ногам Вашего Императорского Величества»⁸¹. Впрочем, очень скоро выяснится, что успех этот был кратковременным.

Между тем в Чечне опять поднимаются на щит лозунги священной войны. В начале 1822 г. мулла Абдул-Кадыр Герменчукский предпринял неудачную попытку поднять на борьбу все чеченские общества. В то же время Бейбулат Таймиев продолжает совершать нападения на русские укрепления. Февраль 1822 г. ознаменовался истреблением полковником Грековым аулов Гойты и Урус-Мартан и взятием в них заложников, уничтожением ау-

⁷⁸ «В производстве работ, – пишет Ермолов в своих записках о строительстве Грозной, – сколько могли чеченцы делали препятствия. Нередко случалось, что солдаты, оставляя шанцевый инструмент, тут же брали ружья и отражали нападение» (Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией. / <http://orel.rsl.ru/nettext/history/ermolov/part5.html>).

⁷⁹ Потто, 1887. Т. 2. Вып. 1-4, с. 141.

⁸⁰ Ермолов, 1991, с. 338-339.

⁸¹ Гаммер, 1998, с. 62.

лов Шали и Малые Атаги. Чеченцы вступают в сражения с отрядом Грекова, в ходе одного из них гибнет Абдул-Кадыр Герменчукский. В октябре-ноябре 1822 г. русские войска уничтожают аул Топли и разоряют населенные пункты по реке Аргун; продолжаются стычки чеченцев с царскими войсками и нападения на русские укрепления.

В 1824 г. Бейбулат встречается в Дагестане с проповедником «мюридизма» Муххамедом-аль-Яраги и начинает готовить общечеченское выступление против русских — снова, как и во времена шейха Мансура, под знаменами газавата. 25 мая того же года на поляне возле селения Майртуп состоялся съезд представителей чеченских селений, на котором было провозглашено сразу два имама: мулла Магомед (Махома), привезенный из Дагестана, и Ховка Унгаев из селения Герменчук⁸². Уже в июле войско под их командованием выдвигается в сторону Атагов, но уклоняется от прямых столкновений с выступившим навстречу русским отрядом под командованием Грекова. Когда тот отходит в Грозную, руководители движения разделяются и направляют отряды на запад — для вовлечения чеченцев-карабулаков и ингушей, и на восток — для вовлечения кумыков. Греков укрепил крепость в Герзель-Ауле, но чеченцы в ночь с 7 на 8 июля наносят внезапный удар по Амир-Аджи-юртовскому укреплению, которое гибнет в результате взрыва порохового погреба. Захватив пленных и пушку, Бейбулат Таймиев выдвинулся в направлении укрепления Злобный окоп, который был оставлен отступившим в Грозную гарнизоном. Следующим объектом нападения стало укрепление Преградный стан. В результате атаки чеченцам удалось сжечь часть крепостного форштадта и взять в плен несколько солдат, однако в целом атака горцев была русскими отбита. Бейбулат направился к Грозной, сюда же из Герзель-аула выдвинулся Греков. Вновь уклонившись от столкновения, Таймиев отправился в восточную Чечню, соединился с отрядом Махомы и обложил Герзель-Аульское укрепление. После пяти дней безуспешной осады и прибытия российского отряда под командованием генералов Грекова и Лисаневича (последний командовал левым флангом Кавказской Линии) Бейбулат разделил свой отряд на мелкие группы и отвел его в разные стороны.

На следующий день оставшиеся «без противника» генералы пригласили на переговоры 318 представителей от окружающих чеченских и кумыкских сел. От них Лисаневич, осыпая присутствующих ругательствами на кумыкском языке, потребовал подписать присягу верности России. В ходе оскорбительного разговора генерал Греков схватил за бороду муллу Оччар-Хаджи из села Майртуп и получил в ответ смертельный удар кинжалом. Рана была нанесена и генералу Лисаневичу, скончавшемуся от нее через неделю. В ответ 200 человек из числа прибывших на встречу старшин, имамов мечетей, мулл и уважаемых в своих населенных пунктах людей были заколоты штыками.

Герзель-аульская резня вызвала среди горцев взрыв возмущения, и через несколько дней отряды Бейбулата вошли в опустевший Аксай — вотчину князя Мусы Хасаева, находившегося в российском отряде. Однако уже 25 июля 1825 г. на втором общечеченском съезде в селе Майртуп между руководителями движения произошел раскол. Бейбулат был сторонником наступательной стратегии: он потребовал возвращения в родные аулы всех жителей, укрывшихся в горах и укрепления плоскостных селений. Напротив, Махома Майртупский предложил полностью переселить плоскостные селения в горы, где имелась возможность к длительному сопротивлению карательным экспедициям. Единого решения принято не было, а Бейбулат, «перессорившись со всеми», ушел со своими сторонниками за Мичик. После раскола произошел спад движения, однако 29 августа 1825 г. чеченские отряды попытались взять крепость Грозную. 10 октября того же года русские войска покинули укрепление Герзель-аул.

В январе-феврале 1826 г. вернувшийся в Чечню генерал Ермолов организовал карательную экспедицию, уничтожив аулы Атаги, Чахкери и Урус-Мартан. На реке Аргун царским войскам удалось нанести поражение отрядам чеченцев и лезгин.

Бейбулат снова вступил в переговоры с российскими властями, и опять был принят на российскую службу, восстановлен в офицерском чине и даже участвовал в составе российской армии в военных действиях против Турции. Последующее его положение неясно: он уже не имеет среди чеченцев прежнего авторитета, но в то же время лишается офицерского чина и, по российским источникам, опять пытается готовить выступление против царских войск. В 1831 г. он гибнет в результате случайной встречи со своим кровником — кумыкским князем Эльдаровым⁸³.

Что касается Алексея Ермолова, то итогом его военной кампании стало продвижение цепи русских крепостей (Линии), но не покорение Чечни. Впрочем, сам он полагал, что успех был полным, и с таким настроением вернулся в свою штаб-квартиру в Тифлис. 31 июля в поход на Кавказ двинулся персидский мирза Аббас. Вопреки предостережениям, нападение застало «проконсула» врасплох. 9 апреля 1827 г. он был отстранен Николаем I от командования, а его место занял генерал-адъютант Иван Федорович Паскевич.

Войны с Персией и Турцией продолжались вплоть до 1829 г. После их победного завершения Паскевич 25 сентября поручает благодарственное письмо от Николая I, в котором император, в частности, пишет:

«Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения, когда получу от вас план ваш, которому следуя надеюсь исполнить мое ожидание»⁸⁴.

⁸² Последний не играл самостоятельной роли, и, судя по всему, находился под влиянием Бейбулата Таймиева.

⁸³ Сигаури, 1997, с. 274-276.

⁸⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1669 опубликовано в книге Щербатова Н. Генерал-фельдмаршал гр. Паскевич-Эриванский. Т. III, стр. 229-230. || <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Dvizenie/21-40/32.htm>.

Однако когда Петербург к 1830 г. снова обратил свое внимание на горцев, то, по меткому выражению М. Гаммера, «скоро обнаружилось, что картина там сильно изменилась, и в решаемом русскими уравнении появилась новая неизвестная величина»⁸⁵.

2.5.2. Движение горцев в 30-х гг XIX в.: распространение учения накшбандийя и основание имамата

Этой неизвестной величиной стал «исламский фактор», с которым русские уже сталкивались в эпоху Мансура, но по-настоящему его не оценили, полагая, что имеют дело с отдельным фанатиком, «лжепророком», устранение которого решало все проблемы. Первоначально казалось, что так оно и вышло: «мюридизм» в Чечне не успел пустить глубоких корней и религиозный подъем в конце XVIII – начале XIX вв. сменяется здесь охлаждением к лозунгам «газавата». Однако это была лишь временная пауза. Накшбандийский таррикат укореняется в Дагестане, и отсюда учение начинает распространяться по всему Северному Кавказу, достаточно быстро меняя и общественное сознание горцев, и военно-политическую ситуацию в регионе. Уже Бейбулат Таймиев находился под значительным влиянием дагестанских проповедников, а общечеченское выступление 1824–1826 гг. возглавляется (и не только номинально) в том числе и избранными имамами.

Ветвь накшбандийского тарриката, именуемая Накшбандия-Халидийя, возникла в Ширванском ханстве (ныне – территория Азербайджана) и получила свое название по имени шейха Дийя аль-Дин Халид аль-Шахразури (1776–1828). Один из его последователей Исмаил аль-Курдумури также вел деятельность в Ширване под именем шейха Халида. После аннексии ханства в 1820 г. русские власти стали преследовать орден: некоторые ученики Исмаила были сосланы в Сибирь, а сам он вынужден был уехать в Турцию. Однако один из его последователей – Хас Мухаммед аль-Ширвани – переселился в Дагестан, и здесь его проповедь попала на благодатную почву. Он посвятил в духовный сан шейха Мухаммеда аль-Яраги (в русских источниках – Магомед Ярагский; именно с ним встречался в 1824 г. Бейбулат), а тот, в свою очередь, – шейха Саида Джамала аль-Дина аль-Кази-Кумуки⁸⁶.

Обстановка и общественные настроения в Дагестане как нельзя лучше способствовали проповеди нравственного возрождения, шариата и «священной войны». «В политической сфере, – пишет Гаммер, – все местные владетели, даже те из них, кто поначалу были к русским расположены, обнаружили, что российская власть была куда более ограничительной, нежели традиционные местные формы господства. Правители, выступавшие против России, все были изгнаны, но даже те, кто принял условия русских, лишился большей части своих властных прерогатив, а их владения, в конечном счете, были аннексированы. В этой ситуации царил настрой «после нас хоть потоп». По слабости характера, от отчаяния или по другим причинам одни пустились в пьянство, другие – в картежную игру и всякий другой разгул. Чтобы добыть на это деньги или набить чемоданы перед бегством прежде, чем русские выбросят их вон гольми, местные владыки выжимали из подданных последние соки. Поскольку власть их была уже подорвана, они прибегали к жестокости и силе. <...> Так у кавказцев появилось ощущение, что вожди бросили их в последний момент, когда физические и моральные силы народа были совершенно истощены. Именно в это время на арене появилось суфийское учение Накшбандийя-халидийя и предложило казавшимися правильными ответы на все вопросы»⁸⁷.

Основными тезисами проповеди аль-Яраги были: личное следование нравственным предписаниям ислама и нормам шариата; устройство общественной жизни по нормам шариата (послушание подданных кончается там, где поведение правителя вступает в противоречия с нормами исламского права и этики); свобода и равенство всех мусульман; джихад с целью освобождения. Впрочем, подчеркивалось, что силы для джихада и своего освобождения мусульмане обретут, лишь установив шариат и вновь встав на правильный путь. До этого горским народам не возбранялось подчиняться русским и «оказывать им гостеприимство»⁸⁸.

Однако уже первые приготовления к ударам, которые Паскевич решил нанести по Дагестану в ходе реализации программы «усмирения горских народов или истребления непокорных» в марте 1830 г., выдвинули лозунги священной войны на первое место. В конце 1829 г. собрание улемов (мусульманских ученых-богословов) и горских старейшин объявило имамом самого видного из своей среды человека – Магомеда ибн Исамлила аль-Джимрави аль-Дагестани, который в русских источниках именуется Кази-Мулла или Гази Магомед⁸⁹. Перед лицом надвигающегося нашествия новоиспеченный имам решил, что время пассивного сопротивления русским прошло: чтобы объединить горцев для отпора, шариат должен вводиться силой.

Поведение русских в 1830 г. было непоследовательно: они то пытались убить имама, то вести с ним переговоры. В конце концов в марте русские захватили селение Чарталах, а в конце мая предприняли попытку осады аула Гимры, которая провалилась. После этого Гази Магомед объявил газават и перешел к более активным действиям. В июне командующий Левым флангом русских Таубе отступил после неудачной попытки выбить горцев с их позиций, «оставив Дагестан в худшем положении чем то, которое он увидел сначала»⁹⁰. В следующем, 1831 г. значительная часть российских войск во главе с Паскевичем была отозвана с Северо-Кавказского театра военных действий для подавления восстания, вспыхнувшего в Польше. Новому командующему Ли-

⁸⁵ Гаммер, 1998, с. 68.

⁸⁶ Там же, с. 70.

⁸⁷ Там же, с. 74.

⁸⁸ Там же, с. 77.

⁸⁹ В 1827 г. он уже имел широкую известность и был приглашен Тарковским шамхалом обучить его и его народ шариату.

⁹⁰ Потто, 1889. Т. XIII, с. 209.

нией генералу Эмануэлю было предписано воздержаться от наступательных действий. Этим немедленно воспользовался Гази Магомед, окончательно перехватив военную инициативу. В начале июня он овладел Тарки, осадил русские крепости Бурная и Низовое, а затем начал операции на чеченском фронте.

Успеху нового движения содействовали настроения не только дагестанских народов, но и других этнических групп Северного Кавказа. Большинство из них не желало мириться с усиливающимся российским господством, в чем российское командование отдавало себе полный отчет⁹¹.

К апрелю 1830 г. влияние имама начинает распространяться и в Чечне. По некоторым данным, уже тогда чеченские военные и религиозные руководители признали Гази Магомеда имамом, и 4 мая 1830 г. на соединение с дагестанцами выехал чеченский отряд из 400 всадников. Сам же Гази Магомед в мае 1831 г. послал в Чечню своего помощника – шейха Абдаллу из Шалти (Абдаллах аль-Шалти), и тот собрал под знамена имама большие силы чеченцев, кумыков и кара-ногайцев. Успех Абдаллы объяснялся зимней кампанией генерала Вельяминова: в ходе карательной экспедиции тот разрушил от 30 до 35 чеченских аулов.

7 июня 1831 г. Абдалла вышел к окрестностям крепости Внезапная, к 17 июня перерезал все ведущие к ней дороги, а 26 июня приступил к осаде. Через три дня подошел и сам имам, усилил осаду и послал небольшой отряд на Кизляр. 10 июля русские двинулись на помощь Внезапной. Гази Магомед отошел и заманил противника в засаду: русские потеряли здесь 400 человек убитыми и ранеными (из 2500) и одну из десяти пушек, которую захватили чеченцы. Эта победа привлекла на сторону имама новые силы: даже полуязычники-ингуши сформировали свой отряд из 500 человек и перерезали русские коммуникации вдоль Военно-грузинской дороги⁹². В августе 1831 г. в Чечню была отправлена экспедиция под руководством генерала Вельяминова. В октябре он осуществляет штурм аула Чири-Юрт, находящегося у входа в горы по р. Аргун.

Имам переносит боевые действия в Дагестан: сначала в августе 8 дней держит в осаде Дербент, а затем, после обманного маневра в сторону Грозной, предпринимает стремительный рейд на Кизляр. Благодаря просчетам российского командования крепость оказалась защищена очень слабо. Почти весь город на короткое время оказался в руках горцев и был разграблен. Русские потеряли 134 человека убитыми (из них 126 гражданских лиц), 45 (из них 38 гражданских) ранеными, а 168 человек (в основном женщины) были захвачены и затем освобождены за денежный выкуп. Были сожжены 30 домов и 3 церкви. Слава имама разнеслась по всему Кавказу, набеги на русскую Линию участились.

В декабре российские войска нанесли ответный удар по позициям имама в ауле Агач-Кала. 13 декабря одна из атак оказалась удачной, почти все защитники аула были перебиты. Однако самому имаму с небольшим отрядом удалось уйти в Чечню, где Вельяминов к этому времени провел три карательные экспедиции, уничтожив 15 селений по левому берегу Сунжи. Это лишь увеличило озлобленность местных жителей, которые также усилили набег на Линию. В конце марта 1832 г. Гази Магомед вторгается в окрестности Владикавказа и пытается атаковать Назрань; затем выходит к Грозной, но попыток штурма не предпринимает.

В августе новый главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом барон Григорий Розен, прибыв из Тифлиса, предпринимает опустошительную карательную экспедицию в Чечню, и, уничтожив около 60 селений, направляется в Дагестан. После кровопролитных схваток, в которых успех сопутствует то одной, то другой стороне, Гази Магомед терпит поражение у Герменчука и отходит в горы. До конца этого месяца были истреблены и другие чеченские населенные пункты: Катыр-юрт, Алхан-юрт, Коса-ирза и др. В октябре 1832 г. российские войска овладели резиденцией имама в дагестанском ауле Гимры, а сам Гази Магомед погиб в бою.

В январе 1833 г. новым имамом в мечети села Гоцатль был провозглашен другой аварец – Гамзат-бек. В августе 1834 г. он совершает нападение на Гергебиль, а затем вырезает семью аварских ханов (включая всех женщин, за исключением одной беременной), проявлявших лояльность России. Не удивительно, что 19 сентября 1834 г. и сам Гамзат-бек был убит родственниками своих жертв прямо на пороге мечети.

Третьим имамом Дагестана был объявлен друг Гази Магомеда, один из немногих, кто сумел вырваться из поверженных русскими Гимров, – аварец Шамиль (род. в 1796 или 1897 г.)⁹³.

2.5.3 Имамат Шамиля – государство горцев Чечни и Дагестана (1835-1859 гг.)

С середины 30-х годов XIX века Шамиль окончательно подминает под себя или прямо истребляет представителей феодальной верхушки и создает на территории Дагестана мощное теократическое государственное образование – Имамат. Позднее в ее состав входит и Чечня. Имамат Шамиля обладает уже всеми классическими признаками государства.

⁹¹ В этом отношении показательна «Ведомость горским народам, прилегающим к Кавказской линии, с показанием числа жителей и различием степени их к нам покорности», которая была составлена на основании рапорта генерала Вельяминова от 5 ноября 1831 г. «Кумыки, Чеченцы, Абазехи, Шапсуги, Натухайцы, Убыхи, Аудовейцы, Кистинцы, Андийцы, Гумбетовцы, Салатавцы, Койсубойлинцы, Бесленевцы» охарактеризованы в документе следующим образом: «Народы сии по донесению ген.-л. Вельяминова совершенно нам не покорны, и хотя некоторые из них были проводимы к присяге на верноподданство, но ныне все отложились и действуют против наших войск». «Карабулаки, Осетины, Кабардинцы, Абазинцы, Темиргойцы, Махоши, Карачаевцы, Хамоши и бзедухи и Аварское ханство» характеризуются так: «Часть сих племен покорны, а другие непокорны. Хотя считаются покорными, но при удобном случае готовы поднять против нас оружие, исключая Малой Кабарды, оставшейся всегда покорною». Лишь о закубанских ногайцах говорится, что «их можно считать более всех нам покорными» (ЦГВИА, ВУА, д. 6259, лл. 244-244).

⁹² Гаммер, 1998, с. 89.

⁹³ Данлоп, 2001, с. 28-30. Гаммер, 1998, с. 91-104. Сигаури, 1997, с. 277-279.

В руках имама была сосредоточена верховная светская и духовная власть. Фактически имам мог назначить, уволить, наказать и даже казнить любое должностное лицо. Кроме того, имам исполнял функции верховного судьи. В 1841 г. при имаме создается совещательный орган из лиц, пользующихся наибольшим доверием Шамиля, — диван-хана, собиравшийся каждый день за исключением пятницы. В 1847 г. сын правителя — Гази Муххамед — был объявлен наследником власти имама, чем закладывались основы для превращения имамата в наследственную теократическую монархию.

Костяк системы управления составляли наибы (заместители) имама, назначаемые им самим; в ведении каждого из них находилось определенное горское общество или их группа. Наиб собирал налоги, приводил в исполнение решения шариатского суда и следил за исполнением законов и приказов главы государства. Но главной его функцией было военное командование в своем районе. В его непосредственном подчинении находились дибирь, надзиравшие за старшинами аулов и командовавшие «сотнями». Созывались и съезды наибов, которые рассматривали вопросы чрезвычайной государственной важности. Имелась у Шамиля своя тайная полиция — институт мухтасибов. Связь между имамом и его должностными лицами осуществлялась скоростной почтовой службой, гонцы которой наделялись особыми полномочиями⁹⁴. Вся государственная деятельность определялась нормами шариата. Законодательство имамата составляли уложения, разработанные имамом, шейхами и алимами, и носившие название «низамов»⁹⁵.

Шамиль учредил обязательную военную службу, от которой освобождались некоторые сословия и жители территорий, игравших важную роль в хозяйственной жизни края и военном производстве (купцы, жители двух аулов, где добывалась соль, а также жители пяти аулов, где вырабатывали селитру — основной компонент при изготовлении пороха). Все остальное мужское население поголовно было обучено, вооружено, обмундировано, обеспечено для жизни в военных условиях и было готово вступить в бой, так что имам в любой момент располагал высокоманевренной армией. В районе, где проходила военная кампания, все мужское население от 15 до 50 лет считалось мобилизованным. Другие области направляли на театр боевых действий определенную часть своего воинского резерва. Шамиль заботился об упрочении дисциплины своего войска, принимал меры по стандартизации вооружения и оснащения. Армия состояла из кавалерии, регулярной пехоты, артиллерии (с 1843 г.) и личной охраны имама (наиб-мюриды). Описанная войсковая организация позволяла вести войну сразу на нескольких театрах военных действий и не требовала постоянного присутствия главнокомандующего на месте сражения. Основной войсковой единицей была тысяча во главе с наибом, подразделявшаяся на полутысячи, на сотни и десятки со своими командирами. В 1841 г. были учреждены государственные награды (ордена и другие знаки отличия), в 1842 г. — воинские звания.

Обслуга артиллерии, а также персонал, обеспечивающий изготовление для нее боеприпасов, состояли в основном из перебежчиков из русской армии. С этой категорией подданных имама связаны отдельные интересные страницы истории горского государства. Обреченные на 25-летнюю службу солдаты из крепостных зачастую переходили на сторону противника⁹⁶. Кроме того, Шамиль старался привлечь на свою сторону преследуемые российским правительством группы населения, например, поляков и старообрядцев⁹⁷. Впрочем, веротерпимость Шамиля, как и предписывал шариат, распространялась только на «людей Книги», то есть представителей авраамических религий. Язычников надлежало обращать в ислам, в том числе и посредством силы.

Территория имамата в период своего расцвета включала значительную часть Северо-Восточного Кавказа, на которой проживало около полумиллиона человек. В государство входили почти весь нагорный Дагестан, вся Чечня (за исключением междуречья Терека и Сунжи), в том числе большая часть общества Карабулак,

⁹⁴ Разумеется, механизм государственного аппарата в описанном виде сложился не сразу, а прошел ряд ступеней своей эволюции. Так, государственная казна и система налогообложения возникла уже при первых двух имамах — Шамиль ее лишь реорганизовал. В то же время кодификация права и создание органов военного и административного управления — уже заслуга Шамиля. При нем же была создана и система исламских школ для детей и взрослых.

⁹⁵ Их появление следует, по всей видимости, отнести к 1842 г. Предписания низама касаются системы государственного управления и военного дела, вопросов общегражданского характера (включая семейно-правовые), а также отдельных положений шариата, их толкования, законодательных новелл (как правило, заменявших традиционные в шариате калечащие наказания штрафными санкциями, лишением свободы и мерами общественной стигматизации), и вопросов применения шариатских норм по аналогии. Низам запрещал одному и тому же лицу занимать одновременно две должности.

⁹⁶ Шамиль еще в 1840 г. специально обращался к своим наибам: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни» (рук. фонд ИИЯЛ, д. 2308, л. 38). Пленные, перешедшие на службу к Шамилю, становились свободными, причем имам заботился о том, чтобы они были как можно лучше устроены. Наиболее выгодное положение занимали те, кто соглашался принять мусульманскую религию, и таких случаев было немало. Многие из принявших ислам перебежчиков активно участвовали в военных действиях на стороне горцев, и даже получали поощрения за доблесть. Например, бывший драгун Нижегородского полка Родимцев был награжден орденом «За храбрость» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. — Махачкала, 1959. С. 191–292). Вместе с тем Шамиль никогда не навязывал обращения в ислам, утверждая, что это противоречит шариату. Все, кто придерживался христианства, обитали в «русском поселении» сначала в Дарго, потом — в Новом Дарго. Здесь они имели право жить по своим обычаям и традициям; могли даже курить и выпивать, правда, не на людях. В поселке была возведена православная церковь, имелся священник. Туда же отправлялись пленницы и беженки из русских, которые могли выйти замуж по своему выбору и обвенчаться в храме. Из числа русских набирались инженеры, возводившие фортификационные сооружения, разминировавшие русские фугасы и подрывавшие позиции противника во время осад. Наконец, из русских состоял военный оркестр, игравший на парадах «и забавлявший Шамиля и горских бойцов сигналами, принятыми в русской армии, которые иногда так бесили русское командование» (Гаммер, 1998, с. 345).

⁹⁷ Так, в 1849 г. старообрядцы из числа терских казаков ушли за Терек и с разрешения Шамиля организовали на его землях скит, к которому потом примыкали другие их единоверцы (Гаммер, 1998, с. 306–312, 344–345).

и некоторые ингушские аулы. Кроме того, подвластными Шамилю признавали себя некоторые селения тушин и хевсур в Грузии. В конце 1840-х гг. его власть признала и большая часть Северо-Западного Кавказа, населенная сотнями тысяч черкесов. Посланец Шамиля Магомед-Амин сумел создать здесь организованную систему управления государственного типа. Однако Черкесия была географически отделена от основной территории имамата и изолирована системой русских военных укреплений, и военные события протекали здесь в относительном отрыве от Северо-Восточного Кавказа⁹⁸.

Историю имамата можно подразделить на несколько периодов. Первый из них охватывает 1834 – 1839 гг. Начало правления третьего имама связано с восстановлением пошатнувшейся власти в Дагестане. Первым шагом в этой кампании стало убийство взятого в заложники мальчика Булач-хана – последнего представителя правящего рода аварских владетелей⁹⁹. В течение последующих лет на территории Северного Кавказа – в Чечне и Дагестане – разворачиваются ширококомасштабные военные действия. Сторонники Шамиля, с одной стороны, и российские силы, поддерживаемые частью дагестанской феодальной верхушки, – с другой, ведут войну с переменным успехом. В 1837 г. отряд генерал-майора Ивлевича пытался овладеть резиденцией имама селением Ашилты, но был отброшен с потерями. В то же время попытки Шамиля овладеть селением Хунзах также не привели к успеху. В том же году между сторонами заключается перемирие, и каждая объявляет о своей победе. В 1838 крупных операций российской стороной не проводится, что позволило имаму расширить зону своего влияния и укрепить оборону возле ключевого пункта – аула Ахульго. В 1839 г. на дагестанском театре военных действий опять возобновляются тяжелые бои (российскими войсками руководит новый командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморской области генерал-лейтенант Павел Граббе), причем положение Шамиля постепенно ухудшается. В результате боев 30 и 31 мая войска Граббе выбили отряды Шамиля с укрепленных позиций на подступах к Ахульго, правда, потеряв при этом 635 человек убитыми и ранеными. Последовавшая затем осада самого Ахульго продолжалась 75 дней, а потери российского отряда составили 140 офицеров и 2300 нижних чинов, из которых было убито 25 офицеров и 487 солдат. В ночь со 2 на 3 сентября Шамиль с несколькими близкими ему людьми прорывается из уже почти захваченного русскими селения. Потеряв опору в Дагестане, он перебирается в Чечню¹⁰⁰.

Российское командование очень высоко оценило взятие Ахульго, а в верхних слоях местной администрации началось обсуждение вопроса, «как лучше разделить племена, как повсюду рассадить своих губернаторов, как ввести ежегодную подать оружием с целью разоружить население»¹⁰¹. Но эти дискуссии, как скоро выяснилось, были явно преждевременными. В Чечне с Шамилем произошло то, что Гаммер назвал «возрождением феникса». В конце 1839 г. он, по выражению современника, был «словно выброшенный хлам; никто не глянул в его сторону, он никому не был нужен». Но уже через год «все племена между Сунжей и Аварским Койсу подчинялись его железной воле, признавали его абсолютным правителем и по мановению его руки были готовы ринуться куда угодно»¹⁰².

Именно на период 1840-1847 гг. приходится расцвет созданного Шамилем горского государства.

Уже в течение второй половины 1830-х гг. Чечня играла все возрастающую роль в Кавказской войне, и позиции имама здесь последовательно усиливались. Летом 1834 г. в Чечне возвысился Ташу-хаджи Саясанский. Он утвердил свой влияние в Большой Чечне, горной части Чечни – Ичкерии, а также в Аухе и Кумыкии (равнинный Дагестан), и был провозглашен чеченцами имамом. Однако в 1835 г. Ташу-хаджи добровольно уступил лидерство Шамилю, признав его имамом и предложив ему содействие. Уже в следующем году оба горских предводителя совместно выступают против не признававших владычества Шамиля дагестанских обществ. К весне 1839 г. Ташу-хаджи объединил практически всех горцев, обитающих между Акташем и Аргуном. Центром движения стал аул Мескеты: Ташу-Хаджи воздвиг здесь укрепленный лагерь¹⁰³. На протяжении 1835-1839 гг. военные действия на территории Чечни фактически не прекращались¹⁰⁴, но в этот период

⁹⁸ Ахмадов, 1996, с. 177.

⁹⁹ Хроника Мухаммеда тахира аль-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. – М., 1941, с. 64-66.

¹⁰⁰ Гаммер, 1998, с. 143-159. Сигаури, 1997, с. 281-282.

¹⁰¹ [Головин Е. А.] Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 г. // Кавказский Сборник. Т. 2. С. 25.

¹⁰² Гаммер, 1998, с. 160, с. 163.

¹⁰³ Исаев, 1999.

¹⁰⁴ Их хронология, вкратце, выглядит следующим образом. В середине июня 1835 г. в Чечне на р. Аргун происходят бои между отрядами подполковника Пулло и Ташу-хаджи. В том же году Ахверды Магома, Шуаиб Центароевский, Джаватхан Даргинский и другие чеченские военные предводители присоединились к Шамилю. 28 января 1836 г. полковник Пулло уничтожил аул Кошкельды. На следующий день Ташу-хаджи атаковал русских. Полковник Пулло вынужден был отступить за Терек в станицу Шедринскую. 16 февраля 1836 г. с отрядом из 200 человек Ташу-Хаджи отправился на встречу с Шамилем. 1835-1836 гг. – успешное выступление Шамиля и Ташу-хаджи против не признавших власть имама жителей дагестанских обществ. 23 августа 1836 г. полковник Пулло организовал карательную экспедицию против населенных пунктов на р. Яман-Су. Аул Зандак был уничтожен; под натиском Ташу-хаджи царские войска отступили в крепость Внезапную. Начало 1837 г. – карательная экспедиция генерала Фези в Чечню. В феврале по приглашению Ташу-хаджи, Уди-муллы, Домбая, Умахана и Оздемира Цоцинуртовского к ним на помощь с отрядом дагестанцев прибыл Шамиль. 9 февраля 1837 г. объединенные силы горцев проиграли сражение на р. Хулхулау у села Автуры. Царские войска 24 февраля уничтожили аул Мескеты. 1 марта 1837 г. на берегу Акса у аула Аллерой между отрядами генерала Фези и Уди-муллы произошел бой; карательная экспедиция продолжила движение в восточную Чечню, уничтожая аулы по Качкальковскому хребту и р. Аксай и Яман-Су. Весна 1839 в бесперывных нападениях Ташу-хаджи на Кавказскую линию для отвлечения царских войск от Дагестана. 9 мая 1839 г. войска генерала Граббе захватили укрепление Ташу-хаджи у села Мескеты; Ташу-хаджи отступил к Беною. В середине мая 1839 г. отряды генерала Граббе разорили все чеченские аулы в долине р. Аксай и Яман-Су и взял в них заложников.

движение еще не носило общечеченского характера. К концу 1839 г. обстановка, казалось, и здесь сложилась не в пользу горцев: они потерпели ряд поражений, страна была ослаблена карательными экспедициями.

Однако следующий, 1840 г., ознаменовался небывалым еще по силе выступлением чеченцев, которое спровоцировала попытка русских собрать в Чечне подати и обезоружить население. Вначале отказались принять приставов труднодоступные для российских войск горные аулы. Тогда русские не нашли ничего лучшего, как запретить «равнинным» чеченцам, которых они уже посчитали себе подвластными, иметь любые контакты с их непокорными горскими соплеменниками. Первым запрещалось продавать в горы зерно, а вторым — пасти скот на равнинных пастбищах. Эффект оказался прямо противоположным ожидаемому: запольхала вся Чечня¹⁰⁵.

Шамиля, скрывавшегося в горах нынешнего Шатойского района Чечни, чеченские общества попросили возглавить движение. Современник данных событий впоследствии писал: «Незаметная деятельность имама увенчалась поразительным результатом. По всей округе пошли разговоры о его прозорливости, мудрости и умении справедливо разрешать споры и конфликты. Местные жители стали толпами стекаться к нему, прося научить их жить по законам веры и правды. Слава имама росла и быстро распространялась среди чеченцев, находившихся под властью русских приставов, и чеченцы вольно или невольно стали сравнивать то, как вел себя Шамиль, с деятельностью наших чиновников, и сравнение это было далеко не в пользу последних. И тогда, доведенные нашим скудоумием и оскорблениями до отчаяния, чеченцы решили просить имама <...> возглавить их вооруженное восстание»¹⁰⁶. Делегации с плоскости прибывали одна за другой, и Шамиль сначала отнекивался, но потом, как бы с неохотой, уступил.

В начале марта чеченский мулла Магомед-хаджи вместе с Шамилем прибыл в верховья Аргунского ущелья с призывом к местным жителям подняться на газават. 7 марта 1840 г. в Урус-Мартане он встретился с чеченскими предводителями Исой Гендергеновским и Ахверди Магомой. Здесь же общечеченский съезд провозгласил Шамиля имамом Чечни.

Дав согласие возглавить борьбу чеченцев, Шамиль взял с них торжественную клятву в беспрекословном повиновении и велел дать ему аманатов (заложников) из самых уважаемых семей. Затем имам сам стал объезжать Чечню, везде встречая восторженный прием. Столицей имамата становится чеченское селение Дарго¹⁰⁷. Попытки русских взять ситуацию под контроль успехов последним не принесли. В апреле 1840 г. Шамиль поделил Чечню на 4 наибства и приказал каждому из наибов действовать в своем направлении¹⁰⁸.

На первую половину 1840-х гг. приходятся наибольшие военные успехи Шамиля. В 1840-1846 годах его войска, насчитывавшие около 20 тыс. человек, одержали ряд крупных побед над русской армией; в целом территория имамата увеличилась в два раза. Силами чеченцев Шамилю быстро удалось вернуть, как еще недавно казалось, навсегда утраченное господство над большей частью Дагестана, и прежде всего — над своей родной Аварией¹⁰⁹. Летом 1840 г. 10-тысячное войско имамата разбило союзные силы генерал-майора Ключефон-Ключеганау, Тарковского шамхала и Мехтулинского хана. В нагорной части Дагестана было захвачено 12 российских укреплений, русским войскам пришлось очистить почти всю Чечню и аварские земли. Не дала ожидаемого эффекта летняя экспедиция в Чечню генерала Галафеева, ознаменовавшаяся, например, потерей в битве у реки Валерик 29 офицеров и 316 нижних чинов (в этом сражении принимал участие русский поэт М. Ю. Лермонтов, посвятивший ему впоследствии одноименное стихотворение). В то же время систематическое сожжение аулов и уничтожение запасов продовольствия лишь еще больше усиливали озлобленность местного населения и решимость сражаться. В конце 1840 г. на сторону Шамиля перешел самый популярный в Аварии наездник — Хаджи-Мурат, до того действовавший совместно с российским командованием.

В 1841 г. русские укрепляют Линию и строят два новых укрепления — Казах-кичу и Закан-Юрт. Однако осенью горцы предпринимают успешный набег на Кизляр, где захватывают огромную добычу, пушку, а на обратном пути буквально опрокидывают отряд генерал-майора Ольшевского, пытавшегося пресечь отступление противника. Всю зиму 1841-1842 гг. командиры Шамиля нападали на русских по всем направлениям. В 1842 г. Шамиль продолжил активные действия в разных районах Чечни и Дагестана и лично командовал главными силами в Казикумухе. Попытка 10-тысячного отряда при 24 орудиях под командованием Граббе овладеть столицей имамата закончилась паническим отступлением абсолютно деморализованного российского войска: «отряд возвратился в Герзель-аул, потеряв убитыми, ранеными и без вести пропавшими 66 штаб- и обер-офицеров и с лишком 1700 чел. нижних чинов, одно полевое орудие и почти все военные и продовольственные свои запасы»¹¹⁰. «По-

¹⁰⁵ Предводителями чеченцев в этом выступлении стали Шуайб-мулла Центароевский, Джаватхан Даргинский, Ташу-хаджи Саясанский, Иса Гендергеновский.

¹⁰⁶ Юров, Кавказский сборник, 1886. Т. X. С. 274.

¹⁰⁷ Расположено на территории нынешнего Веденского района

¹⁰⁸ «Скоро Шамиль со своими сторонниками продемонстрировал, что хорошо усвоил уроки прошлого и многому научился. Отказавшись от попыток строить и оборонять укрепления, он перешел к классической тактике партизанской войны. <...> Она состоит в том, чтобы сдерживать наступающего противника на своей территории, где удобнее всего действовать самим, измотать его силы и затем контратаковать. <...> Эти этапы, или фазы, краткие сначала, в дальнейшем становились продолжительнее и масштабнее. В период с марта по ноябрь 40-го таких этапов было тринадцать» (Гаммер, 1998, с. 171-172).

¹⁰⁹ Уже в мае 1840 г. чеченский наиб Оздемир совершает поход в земли кумыкских князей. 12-18 октября 1841 г. следует вторжение чеченского наиба Джаватхана в Дагестан для наказания непокорных имама аварских аулов. 22 октября наиб Улубий Ауховский занял салатавские аулы Буртунай и Хубар. В ноябре 1841 г. с целью подчинения аидаляльских и койсубулинских обществ, находившихся под властью русских, имам Шамиль вместе с чеченскими наибами опять вторгается в Аварию.

¹¹⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 303.

трясение от разгрома Граббе, — отмечает Гаммер, — было усилено еще тем обстоятельством, что он столкнулся всего лишь с новобранцами двух местных наибов — Шуайба и Олубея»¹¹¹. В конце июня Граббе пытается провести еще одну экспедицию, опять несет при отступлении ощутимые потери и подает в отставку¹¹².

На Кавказ перебрасывались все новые русские войска¹¹³. Но это не помешало Шамилю в 1843-1844 гг. добиться очередных успехов в Южном Дагестане и распространить свое влияние на черкесов. Так, только за 24 дня осенней кампании 1843 г. имам захватил и разрушил все русские укрепления в Аварии кроме Хунзаха, после чего царские войска потеряли контроль над большей частью Северного Дагестана¹¹⁴. В этой кампании горцы впервые в массовом порядке применили артиллерию, к чему русские были совершенно не готовы, причем победителями в артиллерийских дуэлях благодаря более удобным позициям в ряде случаев выходили канониры Шамиля¹¹⁵. К этому времени горцы стали не только использовать трофейные орудия, но и научились сами отливать пушки.

Но самой впечатляющей победой стал разгром экспедиции, предпринятой новым главнокомандующим Кавказским корпусом и наместником Кавказа генерал-лейтенантом князем Михаилом Воронцовым с целью захватить столицу имамата. 18 июля 1845 г. после ожесточенного сопротивления он сумел овладеть Дарго, но тут же был осажден в его развалинах перерезавшим коммуникации противником. Князь оказался во вражеской столице в положении Наполеона, овладевшего Москвой: хуже всего было то, что на приступ Дарго экспедиция отправилась без необходимых запасов продовольствия. Направленная на поддержку осажденным «сухарная» экспедиция с большим обозом провианта была горцами отброшена; ее отход сопровождался большими потерями ввиду непрерывных атак чеченцев в лесистой местности. В результате 25 июля русские оставили Дарго и стали пробиваться на свою территорию через леса Ичкерии. Здесь сцены «сухарной экспедиции» повторялись день за днем: продвигаясь по несколько километров в день, войска несли тяжелые потери. В конце концов они вынуждены были вообще прекратить движение и занять круговую оборону; стоять пришлось впроголодь под непрерывным обстрелом противника. От полного уничтожения экспедицию спасло прибытие на помощь отряда под командованием генерала Фрейтага. Общие потери были для Кавказской войны с начала XIX в. еще не виданными: 984 человека убитыми (в том числе три генерала), 2753 — ранеными, 173 — пропавшими без вести¹¹⁶. Добыча, захваченная горцами, была столь велика, что цены на ряд товаров в Чечне, например, железо, резко упали¹¹⁷.

Князь Михаил Воронцов, побывавший на волосок от гибели, сумел убедить царя отказаться от проведения подобных рейдов на территорию противника и вернуться целиком к осадной стратегии. Она включала постепенное сведение лесов, медленное, но неуклонное продвижение вперед путем строительства новых линий укреплений, дорог и тактику «выжженной земли»: сожжение населенных пунктов и лишение непокорных обществ пашен и пастбищ.

Между тем, в 1846 г. Шамиль, пытаясь развить достигнутый успех, перенес военные действия в Кабарду. Но здесь его ждала неудача: потеряв 165 человек и не дождавшись всеобщего выступления кабардинцев, он вынужден был вернуться в Чечню. С этого момента ситуация начала постепенно меняться в пользу русских. Ослаблению имамата способствовали два взаимосвязанных фактора: действия превосходящего по силам и ресурсам противника, подрывающие горское хозяйство, и внутренний кризис, первые проявления которого историки обнаруживают уже в событиях конца 1840-х гг.

Этот кризис объяснялся несколькими причинами. Во-первых, ухудшением положения широких крестьянских масс. После того, как в первые годы имамата Шамиль истребил многих представителей феодальной верхушки Дагестана, крестьяне сбросили ярмо повинностей. Было освобождено и множество рабов. Однако вскоре на плечи основной массы подданных имама легли огромные расходы, которые вынуждено было нести горское государство, находившееся в состоянии непрерывной войны. Так, если первоначально Шамиль покупал хлеб (основным производителем которого по-прежнему оставалась плоскостная Чечня) по рыночной цене, то затем он ввел заниженную цену. Кончилось же все тем, что он стал собирать хлеб без платы, в виде подати с каждого двора¹¹⁸.

Далее, в имамате очень быстро сложилась правящая верхушка, которая постепенно заняла место бывших владельцев. Наибы и другие представители военно-государственной администрации наделялись большими стадами, землями и другими богатствами, да и сам Шамиль владел деньгами и ценностями на сумму около одного миллиона рублей серебром¹¹⁹. Все эти достаточно естественные процессы не были бы критичными, если бы не посто-

¹¹¹ Гаммер, 1998, с. 195.

¹¹² Там же.

¹¹³ В октябре 1842 г. численность личного состава частей Кавказской линии достигла 107 914 человек при 900 орудиях, а численность казачьих частей — 36 378 человек. Тогда же на Кавказ были переведены еще две дивизии при 32 орудиях (Смирнов, 1963, с. 184).

¹¹⁴ Всего же менее чем за 4 месяца этого года русские потеряли 2620 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен (в том числе 92 офицера), 27 пушек, 2152 винтовки, 13 811 6 зарядов (из них 6000 попали в руки Шамиля), 35 000 снарядов, 819 килограммов пороха, 368 складов оружия (Гаммер, 1998, с. 205).

¹¹⁵ Гаммер, 1998, с. 204-205, 210.

¹¹⁶ Там же, с. 222.

¹¹⁷ «Бедняк, — пишет очевидец, — который прежде не имел осла, приобрел нескольких лошадей и одевался в суконную чуху; тот, кто прежде и палки в руках не держал, добыл хорошее оружие. Наибы и народ, в особенности чеченцы, которых даже жены нападали на солдат и обирали их, торжествовали, видя неожиданные свои успехи, как будто бы русских более не осталось кроме тех, которые убиты» (Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. // Сборник сведений о кавказских горцах. — Тифлис, 1873, с. 32).

¹¹⁸ Кавказский сборник. Т. 6. — Тифлис, 1882, с. 409.

¹¹⁹ Смирнов, 1963, с. 159.

янные боевые действия. «Горцы, — пишет И. М. Сигаури, — начали уже уставать от войны, в которой на их долю приходилось страдание и нищета, а верхушка имамата скапливала в своих руках все больше богатств»¹²⁰.

Кроме того, строго вертикальная система управления очень скоро привела к возникновению коррупции и произвола. Еще в первые годы имамата многие честные и способные руководители были смещены со своих постов после доносов завистников, что впоследствии признавал и сам Шамиль. Напротив, заменившие их лица нередко разоряли состоятельных жителей подвластных им областей, штрафовали и даже казнили их, чтобы завладеть чужим имуществом.

Ну и, конечно, расправы, которые устраивал Шамиль над непокорными ему горскими обществами, селениями и отдельными лицами (начиная с ознаменовавшего его воцарение детоубийства), не добавляли ему авторитета. Поэтому неудивительно, что среди духовенства Чечни и Дагестана находилось немало противников Шамиля¹²¹.

Особой темой являются взаимоотношения Шамиля с чеченцами. Несмотря на то, что начиная с 1840 г. Чечня становится основой имамата, отношения правителя с ее жителями отнюдь не всегда были радужными. Демократические традиции, сложившиеся после победы «крестьянской революции», плохо уживались с авторитарными методами правления, практиковавшимися новым владыкой. По словам Шамиля, больше всего споров с чеченцами происходило в связи с назначением к ним наибов, которых они хотели выбирать сами, вплоть до того, что целые общества в знак протеста могли перейти на сторону русских. Такое редко, но случалось¹²². Неприятие в чеченском обществе вызвали и слишком радикальные шариатские реформы, идущие вразрез с вековым правом адата — в этом вопросе имаму даже пришлось пойти на попятную. «Постой войск Шамиля в чеченских аулах, — пишет Я. Ш. Ахмадов, — перемещения чеченцев по приказу имама с плоскости в горы вызывали сильное недовольство. Для горцев Чечни была непривычна жесткая военная дисциплина, царившая в имамате, излишняя регламентация личной и общественной жизни; произвольные действия наибов, в целом шамилевской администрации вызывали протест от простого бегства до вооруженных выступлений»¹²³. В итоге к 1850-м гг. чеченцы как между молотом и наковальней оказались перед альтернативой иноземного владычества и местного депотизма. Разумеется, все эти обстоятельства не без успеха использовались Россией в пропагандистской войне.

Итак, внутренний кризис имамата способствовал ослаблению военной мощи горского государства, а военные поражения, в свою очередь, еще более этот кризис усиливали.

В 1848 г. силы Шамиля потерпели в Центральном Дагестане поражение под сильно укрепленным селением Гергебиль, а в 1849 г. после длительной осады горцы вынуждены были оставить еще одну крепость — Салты. Правда, эти победы дались российской армии очень дорогой ценой. Контрудары Шамиля в Южном Дагестане серьезно сковали действия русских, но к убедительным победам горцев также не привели¹²⁴. Неудачей закончился и поход Шамиля в Кайтаг и Табасаран. Между тем русские войска сосредоточили свои основные усилия на продвижение вглубь Чечни. В частности, зимой 1849-1850 гг. они прорубили просеки в густых лесах и дошли до Шали. Упорные бои возле этого селения, а также в районе Гехи, Гелдеганы и Майртура продолжались и последующей зимой с переменным для сторон успехом. В 1853 г. действия русской армии закончились здесь рядом побед, в результате чего удалось установить контроль над равнинной частью Чечни и вытеснить значительную часть местного населения в горы.

Начало Крымской войны 1853-1856 гг. создало внешнеполитические условия, благоприятные для имамата, но воспользоваться ими Шамиль уже не смог. Непрерывные боевые действия истребили цвет горского

¹²⁰ Сигаури, 1997, с. 295.

¹²¹ Так, кадий Анцухского магала Джарской области Магомет Плава в 1847 г. писал Шамилю: «Ты творишь наиболее безобразные из безобразных вещей, ты проявил самые плохие стороны по пути ислама, ты создал в Дагестане бойню, о которой уши бы не захотели слышать, и с которой мысль людей не согласилась бы. Я не знаю, что тянет тебя к столь плохим действиям и что принуждает тебя идти на столь большие грехи. Ты разрешаешь убивать мусульман, проливать мусульманскую кровь, грабить их имущество, каковые вещи до сих пор запрещались» (Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1359, лл. 44-46. Перевод с арабского. Опубликовано: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. — Махачкала, 1959, с. 562-563).

¹²² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. — Тифлис, 1904, с. 287. Гаммер, 1998, с. 332.

¹²³ Ахмадов, 1996, с. 183.

¹²⁴ Здесь союзником Шамиля выступил султан Элису по имени Даныял — «правитель маленького княжества, оседлавшего Главный Кавказский хребет, [который] пользовался авторитетом и влиянием, выходящим далеко за пределы его крошечного владения» (Гаммер, 1998, с. 269). Всегда лояльный российским властям и получивший от них звание генерал-майора Даныял столкнулся с тем, что Джон Бадли назвал примером «чудовищной русской спеси и глупости» (Baddeley, 1895, с. 384). Российская администрация на Кавказе постоянно стесняла владетеля в его правах, а в 1844 г. стала искать предлог совсем избавиться от него, и захватить его владения. С этой целью в Элису был направлен специальный человек, чтобы вывести султана из себя и создать предлог для репрессий. В итоге столица княжества была разрушена, его территория включена в область Чаргалах, а Даныял после яростного сопротивления бежал в горы и стал наибом Шамиля. Это на долгие годы обеспечило Шамилю преданность всего Южного Дагестана и неиссякаемый резерв лазутчиков и гонцов, а русским — нового военного противника в лице местных горских обществ (Гаммер, 1998, с. 272). Именно под командованием Даныяла, снова вступившего в пределы захваченного княжества, а также двух других наибов в 1847 г. войска горцев атаковали Лезгинскую линию. Войска были застигнуты врасплох, местная пророссийская милиция либо разбегалась, либо переходила на сторону горцев. Затем военные действия были перенесены за Главный Кавказский хребет в Алазанскую долину. А 17 сентября 1848 г. Даныял опять начал энергичные действия в Южном Дагестане. От катастрофы русских здесь спасло лишь упорное сопротивление маленького гарнизона редута Ахты под командованием капитана Новоселова, который удерживал позиции до 2 октября. Оборона этого укрепления вошла в скрижали военной истории России. «Продвижению горцев, — пишет Гаммер, — помешало геройское сопротивление гарнизона. Его широкая слава поэтому совершенно заслужена, хотя славой русского солдата постарались прикрыть дела, которые вовсе не украшают Кавказский корпус» (Гаммер, 1998, с. 284). Здесь историк имеет в виду приказ «расстреливать и брать на штыки всех, кто был на стороне Шамиля», изданный генерал-лейтенантом Аргутинским-Долгоруковым после того, как ему удалось вынудить противника отойти.

населения, а государство все более охватывал внутренний кризис. Да и отношения между союзниками неладились: обескровленные горцы ждали от англичан и французов помощи, а те в свою очередь надеялись, что Шамиль активизирует действия и оттянет на себя часть войск. От Турции, «кроме знамен, медальонов и пустых обещаний»¹²⁵, имам также ничего не получил. Каждая из сторон воспринимала своего визави лишь в качестве инструмента для достижения собственного успеха. В результате за все время войны Шамиль предпринял лишь один крупный поход за пределы имамата: это был рывок в Закавказье на встречу с турецкой армией. Однако эта попытка потерпела неудачу и ее единственным ощутимым результатом стала гигантская военная добыча. Но и это уже не могло остановить распад государства Шамиля.

Бесперывные военные действия, захват русскими плодородных плоскостных земель привели к явлению, почти небывалому среди чеченцев: в 1856-1857 гг. наступил голод. В результате они стали отпадать от имама целыми наибствами. В декабре 1857 русские разрушили все аулы вдоль рек Джалка, Шавдон и Хулхулау, а их жителей переселили за Сунжу. 28 января следующего года генерал Евдокимов нанес Шамилю сокрушительный удар, захватив Верхнеаргунское дефиле, которое располагалось в самом центре имамата и имело стратегическое значение. Несмотря на упорное сопротивление, русские шаг за шагом продвигались вперед, устраивали просеки и прокладывали новые дороги. Летом началась капитуляция и горных обществ. «12 августа пишет Гаммер, – русские заняли Шубут [нынешний Шатойский район], и 20 августа там уже стоял редут Шатоевское. 26 августа капитулировало общество Шубут. 27 августа за ним последовало общество Чанти»¹²⁶. 28 августа сдался наиб Батока. К 12 августа, когда Евдокимов закончил летнюю кампанию, русским подчинились 15 чеченских обществ. 22 – 25 декабря Шамиль решил перехватить инициативу, и Евдокимов снова вступил в дело. 2 января 1859 года он овладел урочищем Басым-Берды и утвердился в ущелье Бас. Через десять дней все дефиле было в руках русских. Завершая устройство просек и прокладку дорог, Евдокимов расчищал себе путь, который, согласно плану, вел прямо на Новое Дарго. 27 января Евдокимов занял Тевзану. 8 февраля был взят Алишанджи [Элистанжи]. 19 – 20 февраля русские обложили Дарго. Такой натиск русских вынудил Шамиля отступить, командование обороной он возложил на своего сына Гази-Магомеда. Евдокимов не спеша занялся обустройством своих коммуникаций»¹²⁷.

13 апреля русские захватили небольшой бастион на внешнем обводе Нового Дарго (Ведено), и той же ночью Гази Магомед со своим гарнизоном покинул столицу имамата. В тот же день имам Шамиль уже в третий раз собрал наибов и улемов в ауле Эрсеной с целью мобилизовать их на борьбу, однако это уже не помогло: 18 апреля покорность России изъявило высокогорное чеберлоевское общество, 25 апреля и 25 мая предгорные ауховское и ичкерийское. 4 июля 1859 г. депутация чеченских почетных лиц, среди которых были знаменитые наибы Шамиля Талхиг, Эски, Эдил, Дуба и Умалат, явилась в крепость Грозную и поздравила главнокомандующего Кавказской армией и наместника Кавказа князя Барятинского по поводу взятия Ведено. К 15 июля 1859 г. территория Чечни была окончательно завоевана.

Театр военных действий переместился в Дагестан, но ненадолго. Уставшие от длительной и ожесточенной войны дагестанские общества один за другим стали изъявлять покорность русским войскам. Имам Шамиль, запершийся в ауле Гуниб и осажденный со всех сторон, 6 сентября (25 августа по старому стилю) 1859 г. около 15.00 сдался. Лишь небольшой отряд всадников во главе с чеченцем – одноруким и одноглазым наибом Байсунгуром Беноевским – не сложил оружие и сумел вырваться из горящего Гуниба.

20 ноября 1859 г. во главе 2-тысячного конного отряда явился в русский лагерь и сложил оружие Магомед-Эмин, с 1848 г. возглавлявший борьбу закубанских черкесов. В Причерноморье Кавказская война продолжалась до 1864 года, сопровождалась огромными человеческими жертвами, и привела к прекращению существования целых этносов – убыхов, натухайцев, шапсугов.

К Шамилю российское правительство отнеслось великодушно. На правах почетного пленника его доставили в Петербург, где он встретился с Александром II. Затем его поселили в Калуге. Он прожил там с семьей до 1866 г., после чего перебрался в Киев. Через два года ему разрешили совершить хадж. Шамиль умер в 1871 г. и был похоронен в Медине.

В 1859 г. главнокомандующий Кавказской армии и наместник Кавказа князь Барятинский обратился к чеченскому народу с прокламацией, в которой от имени императора была обещана неприкосновенность его религии, обычаев и утвердившегося в крае шариата. В прокламации говорилось, что все земли и леса на плоскости, где жил чеченский народ до 1839 г., будут отданы ему в вечное владение, если он покорится. Это, пожалуй, было первое в истории России обещание воюющему народу автономии в обмен на мир. Впоследствии правительство его нарушило.

2.5.4. Методы ведения войны и колониального закрепления захваченных земель

В ходе Кавказской войны российские войска широко использовали т.н. стратегию «топора и огня». Данная стратегия основывалась на том, что горцев, которые, как писал генерал Ермолов Александру I, «примером независимости в самих подданных Вашего императорского Величества порождают дух мя-

¹²⁵ Гаммер, 1998, с. 368.

¹²⁶ Местное укрепление Итум-Кале было переименовано в Евдокимовское.

¹²⁷ Там же, с. 380.

тежный и любовь независимости»¹²⁸, можно привести к покорности лишь путем лишения экономической базы существования. С целью уничтожения посевов, вырубки садов, разорения аулов и угона скота местных жителей на протяжении десятилетий на территорию Чечни совершались военные экспедиции.

Такие экспедиции, как правило, проводились либо зимой, когда из-за приближения войск вынужденные покинуть свои дома семьи чеченцев терпели от холода дополнительные лишения, либо летом, с тем, чтобы не дать им собрать вызревший на полях урожай. Сподвижник Ермолова генерал-лейтенант Алексей Вельяминов писал по этому поводу так: «истребление полей их в течение пяти лет сразу же даст возможность обезоружить их и тем облегчит все дальнейшие действия»¹²⁹. Лев Толстой, сам служивший на Кавказе и являвшийся участником Кавказской войны в 1851-1854 гг., с беспощадной прямотой описал последствия одной из таких карательных экспедиций в XVII главе повести «Хаджи-Мурат»¹³⁰.

Однако эти меры не приводили к ожидаемому российским командованием результату. Раз или два лишившись жилья, местные жители перестали строить добротные дома и при первой же тревоге бросали их, уходя в леса, горы или соседние аулы. Кроме того, они изменили структуру посевов: чеченцы, некогда кормившие хлебом весь Северо-Восточный Кавказ и вывозившие зерно даже в Персию, перестали сеять на своих полях озимую пшеницу, заменив ее на кукурузу, которая не требовала особого ухода, быстро созревала и давала при этом высокие урожаи.

Пытаясь выдавить население края с плоскости в горы, царское командование предприняло строительство укреплений на захваченных землях и осуществило их постепенную колонизацию. Процесс этот начат был опять-таки генералом Ермоловым, хотя затем вплоть до 1840-х гг. предпочтение было отдано карательным экспедициям. На новом этапе вновь сформулировал данную стратегию генерал Граббе, хотя в полном объеме она начала применяться лишь при князе Воронцове. Для подавления движения Шамиля Граббе в 1840 г. предлагал:

«1) Поселение козачьих станиц на Сунже, и 2) возведение укреплений при главных выходах из гор.

Первое, более медленное но вернейшее средство – покорения края учреждением в оном русского военного поселения <...> может быть употреблено только тогда, когда мы обеспечим до некоторой степени безопасность переселенцев, т. е. когда явное восстание чеченцев будет умирено. <...> А потому я полагал бы отложить поселение козачьих станиц в Чечне до устройства передовой укрепленной линии. Устройство этой линии на Чеченской равнине, безусловно, сделает нас хозяевами края. Оставив в тылу оной плодороднейшие поля и лучшие луга на плоскости, мы принудим ее жителей покориться безусловно или переселиться в горы. <...> Горы представляют весьма ограниченные средства существования, и народонаселение в оных не может значительно увеличиться против нынешнего»¹³¹.

По направлению к главным населенным пунктам через леса были прорублены просеки, в конце которых основывались крепости, соединяющиеся между собой цепью постов, застав, редутов и «окопов». Из аулов и сел, оставшихся в тылу таких укреплений, насильно изгонялись жители (нередко они истреблялись как, например, жители Дади-юрта в 1819 г.), а на их место поселяли солдат, иногда и целыми подразделениями. Впоследствии им выписывали жен – крепостных крестьянок из России, наделяли землей, и они продолжали пожизненную службу уже в качестве казаков. Таким способом на территории Чечни были образованы сначала Терская, а затем на протяжении XIX в. – Сунженская укрепленная линия. Политика вытеснения чеченцев с плоскости активно стала осуществляться с 1817 г. с постройки первого укрепления Преградный

¹²⁸ Всеподданнейший рапорт генерала Ермолова от 12 февраля 1819 года. // За стеной Кавказа. – М., 1989, с. 481.

¹²⁹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6, ч. 2, с. 502.

¹³⁰ Впервые она была издана лишь после смерти писателя в 1912 г., причем цитируемый ниже отрывок был изъят цензурой:

«Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галереи сожжены, и внутренность огажена. Сынце его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая, во время его посещения, Хаджи-Мурату, теперь, в разорванной на груди рубахе, открывавшей ее старые, обвисшие груди, с распущенными волосами, стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и непереставая выла. Садо с киркой и лопатой ушел с родными копать могилу сыну. Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее. Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения. Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить с страшными усилиями все с такими трудами заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или, противно религиозному закону и чувству отвращения и презрения к русским, покориться им.

Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи, и тотчас же принялись за восстановление нарушенного» (Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Глава XVII. // Л. Н. Толстой. Повести. – М., 1983, с. 379-380. О цензурных изъятиях см. примечания на с. 425).

¹³¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. – Тифлис, 1904, с. 429-430.

Стан на р. Сунжа в глубине их территории и, усиливаясь и охватывая новые территории, продолжалась в следующие периоды¹³².

Жить на своих прежних территориях оставляли лишь тех из чеченцев, что покорялись русским войскам. Их называли «мирными», в отличие от остальных, которых даже в официальных документах именовали не иначе, как «разбойниками», «злодеями» или «хищниками». От мирных чеченцев требовалась не только безусловная покорность, но и активное участие в борьбе против единоплеменников, не желающих подчиниться российским властям. Из их аулов брали заложников, в том числе и детей, и содержали их в крепостях. В случае восстания или даже прохода через принадлежащие им земли отрядов воюющих чеченцев, аулу угрожало разорение, а заложникам – смертная казнь через повешение. Генерал Ермолов приказывал проверять, насколько мирные чеченцы добросовестно сражаются с «немирными». Если оказывалось, что сопротивление было оказано слабое, тогда, гласила подписанная им инструкция, – «деревня истребляется огнем, жен и детей вырезывают»¹³³.

Естественно, что на таких условиях жить за спинами русских войск соглашались немногие из чеченцев. Иногда целыми селами они снимались с мест и уходили в горы. В мае-июне 1840 г. покинули насиженные места жители надтеречных и расположенных севернее крепости Грозной сунженских аулов. В освобожденные дома поселили казаков, а сами эти населенные пункты с тех пор стали именоваться станицами.

К концу Кавказской войны в плоскостной и предгорной частях Чечни не было ни одного хотя бы раз не сожженного населенного пункта. Многие из них не возродились после этого, на месте других были выстроены военные укрепления или основаны казачьи станицы. Многие аулы целенаправленно сносились уже после завершения войны¹³⁴. Окружающие их пашни также были реквизированы в пользу государства и осевших в крае колонистов-чужеземцев, в том числе чиновников царской администрации, как правило, не чеченцев. В 1875 г., например, в Нагорной Чечне 1000 десятин удобной для возделывания земли были пожалованы начальнику Аргунского округа полковнику Ипполитову.

Система изъятия земель путем устройства на них поселений колонистов, создания крепостей и укреплений получила название «чересполосицы». При ее помощи удалось изолировать Чечню от дагестанских народов на востоке и юго-востоке, и родственных ингушей на западе. Разделенными между собой оказались и разные чеченские общества.

¹³² Так, 10 июня 1818 г. была заложена крепость Грозная. Ее постройку, несмотря на противодействие отрядов Бейбулата, закончили в октябре того же года. Тогда же на правом берегу Терека основана станица Шелковская. В 1819 г. началось строительство крепости Внезапная у аула Эндери, закладка укрепления Горячеводское и рубка просеки от Грозной к Ханкальскому ущелью. В 1820 г. была начата рубка просеки к аулу Герменчук. В том же году в марте заложены укрепления Неотступный стан у села Исти-Су и Злобный окоп на р. Сунжа. Май 1820 г. – строительство Урус-Мартановского редута на Сунже при падении в нее р. Мартан. В октябре было завершено строительство укрепления Герзель. Тогда же генерал Сталь, угрожая вырезать задержанных старшин, вывел на рубку лесных просек жителей аулов Брагуны, Гудермеса, Аксай, Костек, Кошкельды, Давлетгири-аула и др. Апрель 1821 г. – строительство крепости Бурная недалеко от села Тарки. 30 июня была начата рубка Майртупского леса. Март 1825 г. – рубка просек Брагуны – Амир-Аджи-юрт, Брагуны – Аксай и Аксай – Герзель. 7 октября того же года было заложено укрепление Таш-Кечу. Начало 1830 г. – начата рубка просеки от крепости Грозной к селу Шали. В 1837 г. была продолжена рубка просеки к Шали, заложено укрепление Умхан-юрт в низовьях р. Сунжа. 1838 г. – основание станицы Николаевской. 1839 г. – начало строительства Низовского укрепления на берегу Каспийского моря у села Тарки. 1840 г. – рубка просеки от Грозной к селу Шали. В 1841 г. на р. Сунже на месте выселенных аулов были заложены сразу два укрепления: Закан-юртовское и Кечу. В мае чуть восточнее чеченских земель в Дагестане начато строительство Евгеньевского укрепления. 1844 г. – закладка укрепления у села Бердыкель. В 1845 г. в западной Чечне на месте захваченного села Обарг-юрт основана станица Троицкая. В том же году закончена рубка просеки до Шали. Декабрь 1845 – январь 1846 гг. – рубка Гойтинской и Гехинской просек. На месте выселенного аула Дибир-юрт основана станица Михайловская, закладка укрепления в Хасав-Юрте, на землях чеченцев-аккинцев, и на р. Ярык-Су на границе с владениями шамхала Тарковского. 1847 г. – закладка укрепления Чеченская башня на Староюртовской горе и станицы Ассиновской на месте отселенного аула Эха-Борзой. Основание станицы Вознесенской на землях уничтоженного села Магомет-юрт. С 8 января 1847 г. начата вырубка лесов в Малой Чечне. 21 июля – заложена станица Сунженская (впоследствии Слепцовская, ныне Орджоникидзевская в Ингушетии) на месте разрушенного аула Дибир-Юрт. Завершение строительства Верхне-Сунженской линии поселения колонистов. 3 августа 1848 г. – заложено укрепление у села Урус-Мартан. 22 августа 1849 г. было начато строительство укрепления Тепли-Кечу в 20 километрах от крепости Грозной. В 1850 г. на месте одноименного чеченского села основана станица Закан-Юртовская, заложена станица Алхан-юртовская. 1 мая 1851 г. – закладка укреплений на р. Белой и рядом со станицей Умхан-юртовской на Сунже. 11 июля – основание на месте бывшего села Самашки станицы Самашкинской. В 1857 г. на месте выселенного чеченского аула Чурт-тоги севернее крепости Грозной на р. Сунжа основана станица Чуртугаевская (впоследствии переименована в Петропавловскую). 15 января – 1 февраля 1857 г. – рубка просеки между Воздвиженским и Куринским укреплениями. В январе-феврале 1858 г. на месте уничтоженного аула Дачу-Барзой заложено укрепление Аргунское. Март – рубка просеки к хребту Даргин-Дук. 10 июля – закладка укрепления на р. Аргун напротив аула Зонах. 9 августа 1858 г. на месте уничтоженного аула Гекки размещена штаб-квартира Навангинского пехотного полка. 1859 г. – на отнятых у горцев землях заложены станицы Новосунженская и Карабулакская. На месте села Ангушт в Ингушетии основана станица Тарская. 10 марта – заложение укрепленной штаб-квартиры Куринского пехотного полка у аула Ведено. 1860 г. – включение захваченных чеченских земель в Терскую область в качестве отдельных округов: Кизлярского, Чеченского, Аргунского, Ичкерийского и Нагорного; заложение станиц Ильинской, Бяратинской (Горячеводской) и Фельдмаршальской. 15 апреля – 1 мая того же года – основание станиц Галашаевской, Даттыхской, Умхан-юртовской, Джалкинской. 1861 г. – закладка станицы Нестеровской на месте уничтоженного аула Г1ажаре-юрт.

¹³³ Акты Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Т. VI. С. 879. Потто, 1885. Т. 2. Вып. 1. С. 99.

¹³⁴ Новые линии укреплений, созданные уже с целью удержания населения в повиновении, от Сунженской линии протянулись: а) через станицы Нестеровская (бывший Г1ажаре-юрт) и Ассиновская (аул Эха-Борзе) по ущелью р. Асса до отселенных до этого хуторов и аулов галашевских чеченцев; б) по ущелью р. Фортанга до бывшего аула Даттых, ставшего станицей Даттыхской; в) от крепости Грозной через станицу Воздвиженскую (бывшее село Чахкери) вверх по р. Аргун до крепости Шатой и укрепления Аргунского, созданного на месте уничтоженного аула Дачу-Борзе; г) от станицы Джалкинской и аула Гудермес, ставшего крупным военным форпостом, вверх по р. Хулхулау до аула Ведено, из окрестностей которого были отселены местные жители; д) от укрепления Герзель вверх по рр. Яман-су и Ярык-су; е) по р. Акташ вглубь территории, занимаемой в то время ауховскими чеченцами.

Местные жители, оттесненные войной в горы и испытывавшие недостаток пахотных земель, после падения имамата желали вернуться в места своего прежнего проживания. Однако царское правительство и руководство Терской области активно этому препятствовали. Были созданы «комитеты по личным и поземельным правам», а также окружные отделы комиссии «по разбору сословно-поземельных прав туземного населения». С 1860 г. эти комитеты и комиссии пережили несколько реорганизаций, занимаясь в основном изъятием земель в пользу государства, колонистов-казаков и горцев, отличившихся в войне против соплеменников. За услуги царскому правительству князьям Таймазовым, Турловым, Бековичам-Черкасским и Эльдаровым, например, были переданы владения, размер которых варьировался от 1400 до 4900 десятин.

В 1865 г. после инспирированного правительством «добровольного переселения» чеченцев в Турцию (подробно см. ниже, раздел 2.6.3) достоянием государственного земельного фонда стали пашни и пастбища 5 тысяч чеченских семейств. Часть этих земель передали местным жителям, воевавшим на стороне русских войск. Полковнику Арцу Чермоеву, бывшему наибу Шамиля Боте Шамурзаеву и ротмистру Алханову, к примеру, отрезали от них по 556–576 десятин.

В конце мая 1869 г. при Кавказском горском управлении был образован отдел для межевания горских земель на территории Терской, Кубанской и Дагестанской областей, а в 1870 г. правительство издало закон, согласно которому рядовые казаки-колонисты наделялись 30-ю десятинами изъятой у местных жителей земли на «ревизскую душу». В 1878 г. был составлен довольно либеральный проект землеустройства горцев-крестьян Нагорной полосы. Но Главное управление наместника Кавказа отклонило его из-за несоответствия «колонизаторской политике». Впоследствии (14 июля 1888 г.) все леса на территории Чечни и Ингушетии были объявлены казенными. В 1888 г., во время посещения края наследником российского престола, ему было передано прошение от чеченского народа с жалобой на недостаток земли.

Чтобы не допустить расселения горцев рядом с аулами, где они проживали прежде, царскими властями были применены следующие меры: во-первых, выделенную колонистам землю, даже если они не в состоянии были ее обрабатывать, запретили передавать в аренду чеченцам и ингушам; во-вторых, хутора, построенные горцами вблизи от ставших казачьими станицами прежних своих аулов, решено было снести, а их жителей насильно отселить. Первое такое распоряжение, подписанное начальником Терской области генералом Кохановым, было издано в 1890 г. и в последующем неоднократно дублировалось. В 1895 г. во исполнение его была создана комиссия, которая определила уничтожить следующие хутора и села: Берешки, Мершет, Нижние Берешки, Алхасты, Футук, Верхние и Нижние Аршты, Верхний и Нижний Бамут, которые возникли на арендованных землях станиц Нестеровской, Ассиновской и Фельдмаршальской. В 1899 г. такая участь постигла хутора, построенные на арендованных землях генерала Костелянова (у села Гизель) и купца Моздокелова (у станицы Архонской). И, в-третьих, в мае 1893 г. царское правительство ввело правило, запрещавшее горцам, не состоявшим на государственной службе, либо находившимся в отставке не в офицерских чинах, селиться и владеть недвижимым имуществом в Грозном, Ведено, Шатое, Воздвиженской (Чахкери) и в целом ряде других населенных пунктов. Те же, кто к тому времени успел там поселиться, были выселены без возмещения ущерба. Ограничения на проживание в этих местах были отменены лишь в 1901–1916 гг.

Изъятие земель в пользу государства, создание на месте аулов военных укреплений и станиц для колонистов привело к тому, что при административном делении Терской области в июле 1883 г. ингушей, как остальные народы, не выделили в отдельный округ, включив оставшиеся за ними населенные пункты в Сунженский казачий отдел. Была проведена и «ревизия» чеченских территорий: горные Веденский и Аргунский округа присоединили к значительно сократившемуся в размерах равнинному Грозненскому округу. Из-за передачи земель русским переселенцам уменьшился и Хасав-Юртовский округ, где чеченцы проживали вперемешку с кумыками.

В конце 1894 г. командующий Кавказским военным округом утвердил «Временное положение о мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц нетуземного происхождения». По нему штрафом должны были облагаться жители населенного пункта, через «общественный надел» которого мог бы уйти местный житель, совершивший преступление в отношении русского. В январе 1901 г. в Терской области была введена «государственная оброчная подать со всех казенных земель, состоящих в постоянном пользовании поселян». Ее уплата была обязательна для всех, кроме колонистов-казаков.

Коренное население края не смирялось с дискриминацией и активно выступало против перераспределения земель в пользу новых поселенцев. В декабре 1905 г. наместник Кавказа Воронцов-Дашков создал специальную комиссию по землеустройству Нагорной полосы Терской области и карачаевского народа Кубанской области. Возглавить ее поручили чиновнику Абрамову, отсюда и название: «Абрамовская комиссия». Работу она закончила в 1908 г. созданием нескольких проектов. Однако ни в одном из них даже не ставился вопрос возвращения отнятой земли хозяевам¹³⁵.

В этих условиях не удивительно, что основным требованием всех выступлений чеченцев второй половины XIX – начала XX вв. становится справедливое решение аграрного вопроса.

¹³⁵ При подготовке данного раздела также использована следующая литература: Гапуров, 1997; Данлоп, 2001; Гапуров, 1999.

2.6. ЧЕЧНЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.6.1. Вооруженные выступления под руководством Байсунгура, Султан-Мурада, Атабая Атаева и Умы Дуева

После «замирения» Чечня была разделена на несколько округов и включена в состав созданной в 1860 г. после упразднения Кавказских линий Терской области (в составе Кавказского наместничества). В Чечне, как и в других горских районах Северного Кавказа, было учреждено «военно-народное» правление, элементы которого сохранялись вплоть до 1917 г. Во главе Терской области стоял наказной атаман Терского казачьего войска, подчинявшийся Военному министерству, а округа возглавляли русские офицеры, в ведении которых были сосредоточены административно-управленческие, полицейские и, в значительной мере, судебные функции. При этом судопроизводство осуществлялось при участии избравшихся в горских обществах судей на основе обычного права и шариата. На уровне сельских обществ сохранялись элементы самоуправления. Впрочем, в чеченских округах сельские старшины назначались царской администрацией, часто вопреки воле местных жителей.

Военно-народная система рассматривалась властями как необходимая форма сохранения военной администрации в мирное время в тех районах, население которых «еще не было подготовлено к гражданскому управлению» и применению общеимперского законодательства. При определении состава округов был реализован принцип военно-оперативной доступности: отдельные округа в нагорной Чечне были определены на основе сложившихся секторов военного контроля над группами смежных вольных обществ, осуществляемого из ключевых укрепленных пунктов¹³⁶.

8 мая 1860 г. в восточной Чечне (Ичкерии) произошло восстание, во главе которого стояли не прекратившие сопротивление царским войскам бывшие наибы Шамиля Байсунгур и Султан-Мурад Беноевские. 14 июня того же года под руководством Атабая Атаева и Умы Дуева поднялись жители Аргунского ущелья (Нагорная Чечня). Через шесть дней они осадили крепость Шатой и укрепления Башин-Кале и Евдокимовское. На период с мая по декабрь 1860 г. приходятся наибольшие успехи восставших чеченцев.

В конце июня в Шатоевское общество был введен отряд генерал-майора Баженова в составе шести батальонов пехоты с горными орудиями и двумя сотнями казаков. Восставшие вынуждены были снять осаду и отступить. Царские войска уничтожили 14 аулов в верховьях р. Аргун.

Крепость в Шатое была снова осаждена в октябре 1860 г. Царские власти предприняли попытку сформировать из местных жителей отряды и дружины для противодействия повстанцам, но они перешли на сторону последних. В ноябре-декабре в Нагорную Чечню была отправлена карательная экспедиция, состоявшая из 8-ми сотен казаков, 9-ти батальонов пехоты, 4-х стрелковых рот при 9-ти орудиях. В начале января 1861 г. в восточную Чечню из района сел Майртуп, Хаби-Шовдана и крепости Ведено выдвинулись отряды под командованием генерал-майора Кундухова, полковника Головачева и подполковника Чермоева. Все три отряда 9 января соединились у аула Белгатой, после чего началось уничтожение населенных пунктов. С 13 по 30 января войсками были сожжены и разграблены 15 аулов.

Казалось, 17 февраля 1861 г. восстание в Чечне было окончательно подавлено. Раненый Байсунгур был пленен вместе с семьей в местности Бена-дук недалеко от аула Беной. Весной того же года в Хасав-Юрте при большом стечении народа он был казнен через повешение. Султан-Мурад Беноевский с остатками своего отряда ушел к Атаби Атаеву и Уме Дуеву.

25 июля 1861 г. удалось подавить продолжавшееся почти год вооруженное выступление жителей Укратля (Дагестан); его руководитель Каракул-Магома был взят в плен. Остатки разгромленных дагестанских отрядов предприняли попытку перейти в Нагорную Чечню. В августе войска генерала Лазарева перекрыли Керкетский перевал на Андийском хребте, что сделало объединение повстанцев невозможным. Однако в октябре 1861 г. вновь восстали жители Малой Чечни и карабулакских аулов. В Шатоевское общество была снаряжена военная экспедиция во главе с генерал-майором Кундуховым и полковником князем Тумановым. После многочисленных и ожесточенных боев 14 ноября прекратил сопротивление один из предводителей восстания в Нагорной Чечне Атабай Атаев. 14 декабря в крепости Шатой князю Святополк-Мирскому вместе с семьей сдался и Ума Дуев. Оба руководителя восставших были высланы в центральную Россию¹³⁷.

2.6.2. Распространение учения Кадарийя

В 50-60 гг. XIX в. в Чечне утверждается новый суфийский таррикат — Кадарийя. Его главным проповедником был шейх Кунта-Хаджи Кишиев (род. ок. 1830 г.), которого более половины чеченцев и ингушей и сегодня считают своим устазом (духовным наставником, учителем). Его влияние на историческую судьбу вайнахов трудно переоценить.

¹³⁶ Цуциев, 2007, с. 24.

¹³⁷ При подготовке данного раздела использована следующая литература: Хожаяев, 1993; Акаев, 1994; Данлоп, 2001; Ахмадов Ш. Б. (составитель) История Чеченской Республики Ичкерия, – Грозный. / http://www.otlichniku.ru/lib/scr/read_130566.html; Анчабадзе, 2001; Кавказский узел. / <http://www.islamnews.ru/index.php?name=News&op=view&sid=5818>; Дагир С. Закончить противостояние в своем сознании. 144 года назад завершилась русско-кавказская война. / <http://www.islamicvoronezh.info/history/kawkaz144.htm>; Из истории волнений горцев Чечни в 1877 г. – Российский исторический журнал. / <http://klio.3dn.ru/publ/17-1-0-46>; Гриценко, 1971; Мальсагова, 1968; Мамакаев, 1967; Ахмадов и др., 1991.

Проповедовать он начал еще при Шамиле, и его проповедь в политическом плане существенно отличалась от того, что говорили накшбандийцы: он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войны и кровопролития. В конце концов за призывы к прекращению войны в 1859 г. Шамиль изгнал его за пределы имамата. Совершив паломничество к святым местам, осенью 1861 г. он вернулся на родину. Чеченцы, после поражения в Кавказской войне разочаровавшиеся в прежних идеологических догмах, обосновывавших, несмотря на все лишения и потери, необходимость ведения войны до победного конца, приняли новое учение. Его основными постулатами были смирение и покорность. Шейх Кунта-Хаджи призывал отказаться от вооруженного сопротивления русским властям, из-за катастрофического несоответствия сил считая его делом безнадежным. В своих проповедях он утверждал, что основная цель царского правительства — захват земли и поэтому, обращаясь к чеченцам, писал:

«Если вы погибнете в бою, то ваша земля и так достанется врагу. Но если сохраните себе и своим семьям жизнь, то когда-нибудь настанет время, что вы сможете ее вернуть».

Однако смиренность для Кунта-Хаджи не была абсолютной. Она понималась им как необходимое условие выживания народа, оказавшегося перед угрозой полного истребления. Характерна в этом отношении одна из его последних проповедей:

«... Хватит воевать, покоритесь судьбе. Если вам прикажут идти в церковь, идите! Это лишь здание, главное, чтобы сердца у вас оставались чистыми. Прикажут повесить на шею крест, вешайте! Это ведь только железка, важно, чтобы в душе вы были мусульманами. Но если от вас будут требовать забыть обычаи и язык, если будут покушаться на святость ваших женщин, то восстаньте и погибните как один».

В организационном отношении новое учение оформилось в мюридские братства, сплотившие верующих сначала вокруг самого шейха и его учеников, а затем, по мере увеличения числа сторонников, на сельском уровне и даже на уровне отдельных кварталов и улиц. Эти объединения стали называться «тобанаш», а их руководитель именовался как «туркх». Мюриды проводили совместные сборы, на которых читали «назмаш», поэтические истории из жизни святых, исполняли громкую молитву «зикр», сопровождаемую для достижения транс хлопаньем в ладоши и бегом по кругу. Выход из всех бед, согласно новому учению, надо было искать у Бога, уповать только на его милость. Но чтобы достичь ее, нужно измениться и человеку: соблюдать во всем шариат и творить добрые дела (то есть достичь религиозного и нравственного совершенства). Мюриды помогали вдовам или семьям, в которых не осталось кормильцев, в сборе урожая и заготовке сена, восстанавливали мосты, дороги. На основе исламских норм разбирали конфликты среди местных жителей и примиряли враждующие стороны.

В Чечне постепенно стал формироваться независимый от колониальной администрации центр власти. Представители российских властей восприняли деятельность Кунта-Хаджи как угрозу своему владычеству в крае, тем более что оно было еще достаточно шатким. В 1862–1863 гг. среди чеченцев, недовольных прежде всего изъятием земель, продолжились волнения. И в этих условиях было принято решение о запрете, как тогда говорилось в официальных документах, «зикризма». В начале 1864 г. были арестованы и сосланы в центральные губернии России 18 сподвижников шейха, а 3 января задержали и его самого.

9 января 1864 г. сотни мюридов организовали шествие к Шалинскому редуту с просьбой к генерал-майору князю Туманову освободить Кунта-Хаджи. 18 января над ними была учинена жестокая расправа: после отказа мирно настроенных людей разойтись без удовлетворения своих требований по ним был открыт прицельный огонь из винтовок и артиллерии. Мюриды, вооруженные лишь кинжалами, бросились на штыки. В рукопашной схватке, получившей название «Шалинского кинжального боя», только со стороны чеченцев погибло 164 человека. В их числе были и шесть женщин.

Кунта-Хаджи Кишиев был сослан в город Устюжино Новгородской губернии, где 19 мая 1867 г. умер от истощения. Последователи шейха, а в современной Чечне это, как минимум, 80% верующих, до сих пор полагают, что он на время скрылся и должен появиться в соответствующий для этого период¹³⁸.

2.6.3. Инспирированное царским правительством переселение части населения Чечни в Турцию

После поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.) Александр II заявил, что крымские татары вели себя «неподобающим образом и могут по-прежнему представлять постоянную угрозу безопасности державы». По его словам, «им, очевидно, будет лучше жить в мусульманском государстве». Уже в мае 1856 г. это «пожелание» стало приобретать конкретные формы: министр государственных владений граф Киселев сообщил, что император хочет «очистить» Крым от татар и заселить «освободившиеся» от них земли славянами. В последующие несколько лет территорию полуострова вынуждена была покинуть значительная часть коренного населения.

Та же самая политика стала проводиться и в отношении кавказских народов, в том числе и чеченцев. К 1860 г. в Турцию только из Чечни перебравшись 81 360 человек. Первая волна выселяемых коснулась наиболее активных участников вооруженной борьбы и их семей. Покинули родину и жители западных чеченских обществ (цечой, мерждой, галай, ганадалой, орстхой, аькки и др.), чьи земли и населенные пункты были переданы под станицы Сунженской казачьей линии.

¹³⁸ При подготовке данного раздела использована следующая литература: Акаев, 1994; Сигаури, 1997, с. 303–331; Данлоп, 2001, с. 35–36.

Активную роль в выселении чеченцев сыграл генерал-майор Кундухов. Осетин по национальности, в 1860-1861 гг. он принимал участие в подавлении вооруженных выступлений в Ичкерии и Нагорной Чечне. А после назначения начальником Чеченского округа Терской области стал главным исполнителем организованной царскими властями кампании по выселению в Турцию жителей вверенного ему края. Координировал ее начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов. Из специально сформированного правительством переселенческого фонда на это были выделены крупные денежные средства. Кундухов провел усиленную агитацию, акцентируя внимание чеченцев на том, что под христианским правлением жить им будет невыносимо и что спокойствие и надежду на будущее своих детей они могут получить только среди единоверцев. В доказательство «чистоты своих намерений» генерал подчеркивал, что готов возглавить уезжающих. В целом он склонил к отъезду с Кавказа еще около 22500 человек. Первые 500 семей выступили в дорогу 28 апреля 1865 г. и 14 июня прибыли на русско-турецкую границу в районе Хазапинской заставы. Последняя партия вышла из Владикавказа в сторону Грузии 16 августа того же года. Одновременно осуществлялось и гораздо более масштабное насильственное переселение черкесов, которое сопровождалось массовой гибелью на сборных пунктах от тифа и оспы.

Покидающие родину чеченцы не знали, что между Турцией и Россией, находившихся в перманентно враждебных отношениях, достигнуто соглашение о размещении переселенцев вблизи границы между двумя странами. Опасаясь в случае новой войны столкнуться с мотивированным и имеющим опыт длительного противостояния противником, царское правительство настояло, чтобы для их проживания были отведены отдаленные от Кавказа районы. Это обстоятельство, возможно, и спасло чеченцев от их полного исхода со своей исторической родины.

В сентябре 1865 г. переселенцы, не удовлетворенные предоставленными в Диарбекирском вилайете пустынными землями, начали обратное движение. Пытаясь не допустить этого, в их лагерь в сопровождении отряда трехтысячной регулярной конницы и пеших добровольцев прибыл Эрзерумский вали Эмин-Мухлиспаха. Но переговоры с чеченцами не привели к успеху, так как последние категорически заявили, что готовы умереть до последнего человека или вернуться на родину. Турецкие части, 7 октября получившие разрешение на применение оружия, не смогли остановить их. Дважды попытавшись захватить стоявший на пути город Муш, 17 октября 1865 г. у местечка Арпачей они вышли к границе с Россией. В связи, как было сказано, «с бесчинствами чеченцев» в конце этого же месяца турецкое правительство официально отказалось от приема новых кавказских переселенцев.

Российское командование усилило наблюдение за морским побережьем и сухопутными границами в целях воспрепятствовать возвращению. Александр II на депеше посла в Стамбуле Игнатьева, который сообщал императору о намерении чеченцев обратиться непосредственно к Его Императорскому Величеству, поставил резолюцию: «Об обратном переселении горцев и речи быть не может»¹³⁹. Начальник Терской области 18 августа 1865 г. предписал властям Чечни, «чтобы горцы, переселившиеся в Турцию, в случае возвращения на родину без билетов канцелярии моей, были немедленно препровождаемы за караулом во Владикавказ даже и в том случае, если бы эти лица имели при себе визированные паспорта наших консулов»¹⁴⁰.

В период с 1860 по 1865 гг. из Чечни вынуждено было уехать больше 20 тысяч человек, что составляло около 10 % от общего числа ее жителей, сумевших выжить после десятилетий кровопролитной войны. Вернуться обратно удалось не многим: в течение 1866-1868 гг. возвратилось примерно 2100 переселенцев¹⁴¹.

2.6.4. Новые антиколониальные выступления. Восстание под руководством Алибека-Хаджи Алданова (1877 г.)

Несмотря на запрет царских властей, число сторонников Кадарийя продолжало расти. В конце мая 1865 г. в восточной Чечне вспыхнуло первое восстание, во главе которого теперь уже оказался активист нового учения¹⁴². Житель аула Харачой Тоза Акмурзаев объявил себя имамом и попытался организовать сопротивление завоевателям. В воззваниях, которые рассылались от его имени, говорилось: «Будьте готовы к священной войне, к изгнанию неверных из принадлежащего нам края». Но российским войскам быстро удалось справиться с ситуацией. Руководитель восстания был схвачен и сослан на каторгу. Подверглись коллективному наказанию и жители подержавших его населенных пунктов. Однако воля к сопротивлению у местного населения на этом не истощилась.

В ночь с 12 на 13 апреля 1877 г. недалеко от аула Саясан собрание представителей свыше 60-ти чеченских обществ решило «разорвать всякие сношения с существующей властью» и «объявить себя независимыми». Руководителем начавшегося восстания был провозглашен 23-летний житель Симсира Алибек-Хаджи Алданов.

Через три дня Терская область, в состав которой входила и Чечня, была объявлена на военном положении. В Грозный из Владикавказа прибыл начальник области генерал-адъютант Свистунов, было переброшено значительное количество войск, мобилизованы отряды милиции, набранные из представителей различных

¹³⁹ Смирнов, 1963, с. 221.

¹⁴⁰ Дзагуров, 1925, с. 179.

¹⁴¹ Акаев, 1994, с. 90. При подготовке данного раздела также использована следующая литература: Дзагуров, 1925; Сигаури, 1997, с. 332-348; Данлоп, 2001, с. 34-35.

¹⁴² «Трагичность судьбы Кунта-Хаджи, – пишет Сигаури И. М., – не только в ее внешних обстоятельствах (арест, ссылка), но и в том, что его поучения не предотвратили все новых кровопролитий, а религиозное братство, созданное им для дела мира, оказалось идеальной «крышей» для тех, кто мечтал о продолжении вооруженной борьбы».

кавказских народов. Тем не менее уже 21 апреля в районе села Джугурты повстанцы вышли с гор на плоскость. На их сторону тут же перешли жители аулов Майртуп, Гелдагана, Цоцин-Юрт, Бачи-Юрт, Илисхан-Юрт, Аллерой и Цонтарой.

На следующий день на берегу р. Аксай при попытке прорваться к укреплению Герзель и Хасав-Юрту произошло и первое столкновение с российскими войсками. Отряд восставших, который возглавлял житель села Мескеты Акта, вынужден был отступить. В другом сражении, состоявшемся тоже 22 апреля 1877 г., повстанцы, наоборот, добились успеха: 500 человек под руководством Алибека-Хаджи заставили отойти четыре батальона пехоты, сотню всадников из Сунженского казачьего полка и добровольческий отряд, набранный из представителей местной офицерско-купеческой среды. Восставшие заняли аул Курчалой. Однако при движении в сторону Умхан-Юрта им оказали вооруженное сопротивление жители Гудермеса. Против повстанцев выступили офицеры и купцы из аула Шали, заставив их отступить к Автурам.

27 апреля отряды, возглавляемые Губаханом, вели бои в ущелье р. Хулхулау с восемью ротами Куринского пехотного полка. На следующий день столкновения продолжились у аула Ца-Ведено. В конце апреля 1877 г. к движению Алибека-Хаджи Алданова присоединились и дагестанские общества Гумбет и Салатавия. Тогда же под руководством Дады Залмаева восстали и жители Аргунского общества Чечни. 2 мая у аула Богачарой они вступили в бои с российскими войсками.

В Терской области для подавления волнений было сосредоточено 24409 солдат и 16 казачьих сотен при 104 пушках, а также соединения добровольцев из числа местных жителей. 10 мая большая часть этих войск с трех сторон выступили в восточную Чечню. Отрядами, двигавшимися из Грозного, руководил генерал-адъютант Свистунов, из Хасав-Юрта – полковник Батьянов, войска, выдвинувшиеся со стороны Андийского общества, возглавил полковник Накашидзе. По плану уже 14 мая они должны были встретиться у аула Беной.

Другая часть войск, которыми командовали полковник Нурид и подполковник Лохвицкий, совершали непрерывные передвижения по плоскостной Чечне с целью недопущения вооруженных выступлений среди жителей Грозненского округа. 13 мая 1877 г. повстанцы завязали бои с отрядом Батьянова в Акташ-Аухе и Салатавии и вынудили его отступить в Хасав-Юрт и укрепление Кечень. 16 мая следуют повторная попытка наступления на эти районы и повторное поражение российских войск. Тем не менее уже 17 мая отряду Свистунова удалось захватить Зандак, Байтарки и Симсир – родной аул руководителя восставших Алибека-Хаджи Алданова. 20 мая в поход на Аух и Салатавию выступили войска под командованием начальника Дагестанской области генерал-адъютанта Меликова. 3 июня им удалось взять селения Чечелхе, Даттах и Зандак-Ара. После выселения на равнину жителей они были уничтожены. Через два дня та же участь постигла и Симсир.

В начале июня руководство Терской и Дагестанской областей провело насильственную мобилизацию среди жителей Ауха, Салатавии и Гумбета. В боях против восставших принимала участие и милиция из числа чеченцев под командой поручика Ойшиева. 24 июня вместе с регулярными российскими частями все эти силы осадили высоту Кажал-Дук, на которой после поражения в Аухе и Салатавии укрепился со своими сторонниками Алибек-Хаджи Алданов. После восьми часов сражения они взяли ее, но повстанцы, потеряв 40 человек убитыми, прорвали окружение и ушли в Симсирские леса.

1 июля 1877 г. – начало второго этапа восстания: Алибека-Хаджи поддержали жители Махкеты, Хаттуни, Товзане, Агишты, Элистанжи и других аулов, расположенных по р. Басс. 6 июля в ущелье вторглись отряды под командованием генерала Виберга. Уже на следующий день восставшие выбили их оттуда. С 12 по 18 июля отряды полковника Накашидзе, подполковника Лохвицкого, а также местная милиция, которой командовали Курбанов и Акаев, вели бои в Аргунском округе. Ими были уничтожены аулы Буни, Кулой, Макажой, Седой, Нижалой и др. 13 июля у аула Товзане отряд Алибека-Хаджи вступил в бой с генералом Вибергом. Против повстанцев действовали семь рот пехоты с двумя горными орудиями, сотня казаков и сотня осетинской милиции. Восставшие вынуждены были отступить в Чеберлой.

22 июля 1877 г. – вооруженное выступление жителей Аргунского округа во главе с Ума-Хаджи Дуевым. 24 июля у села Дай они вступили в сражение с российскими частями: в первом же бою руководитель восстания получил серьезное ранение. К началу августа движение охватило Аух, Аргунский и Веденский округа и Салатавию. Царским властям с трудом удавалось удерживать в повиновении жителей плоскостных Грозненского и Хасав-Юртовского округов.

12 августа основные силы повстанцев собрались у аула Ведено. На высоте Гамар-Дук между отрядами Сулеймана из Центароя и полковника Накашидзе 13 августа произошло ожесточенное сражение. В тот же день Алибека-Хаджи поддержали все окрестные аулы. Тем не менее значительные силы во главе с генералом Смекаловым (семь батальонов регулярной пехоты, 500 пеших дагестанских дружинников, 350 всадников дагестанской конной милиции, казачья сотня и сотня ингушской милиции при шести орудиях) вынудили восставших отступить в ущелье р. Гумс и аул Центарой.

15 августа 1877 г. командующий войсками Терской области генерал-адъютант Свистунов отдал приказ о продвижении вперед, «беспощадно уничтожая перед собой всех и вся». 15-17 августа в районе Кхеташ-Корт и Эртен-Корт между повстанцами и развернулись ожесточенные бои, в ходе которых были уничтожены аулы Эрсенной, Ножи, Тезень-кала, Курчали, Мескеты и т. д. Генерал Смекалов вынужден был отступить в Ведено.

16 августа 1877 г. жителям Андийского округа Свистунов обещал передать чеченские земли, «если они хорошо будут драться с бунтовщиками». На следующий день он отдает приказ выселить всех жителей беноев-

ских аулов и зандаковцев на плоскость либо «выморозить их всех зимою, как тараканов, и уничтожить голодом». 17-18 августа российские войска уничтожают посеы и угоняют скот в аулах Центарой, Курчали, Гордали и Тезень-Кала. Жители Эрсеноя отказались выполнить приказ начальника области и выселиться на равнину.

19 августа отряды под командованием генерала Смекалова прибыли в аул Беной, 21 августа туда же подошли и части, которыми руководил полковник Батышов. В тот же день в расположение российских войск прибыла депутация женщин из Дишни-Ведено с просьбой пощадить аул. Генерал Смекалов отказал им в этом. С 24 по 29 августа 1877 г. российские войска насильственно переселили беноевцев на равнину. В эти же дни происходили ожесточенные бои с повстанцами в ущелье р. Басс.

26 августа 1877 г. в Агишты прибыл отряд под командованием полковника Эристова¹⁴³; уже на следующий день началось уничтожение аулов Махкеты, Тевзана и Хатуни и переселение их жителей на плоскость. 28 августа у села Элистанжи отряд Эристова вступил в бой с повстанцами под руководством Ума-Хаджи и Лорса-Хаджи.

29 августа 1877 г. в Гунибском округе Дагестанской области началось восстание под руководством Гаджи-Магомеда Согратлинского. 2 сентября генерал Смекалов предпринял наступление по р. Басс; в Элистанжинской балке произошел бой с повстанцами Ума-Хаджи. С 3 по 20 сентября российское командование, насильственно мобилизовав местное население, начало рубку просек и направило в леса «охотничьи отряды» для поиска и выселения скрывающихся жителей окрестных сел.

С просьбой не выселять их на плоскость 12 сентября к Смекалову прибыла делегация представителей аулов, расположенных на р. Басс. Генерал предьявил ультиматум о выдаче Алибека-Хаджи, Ума-Хаджи, Лорса-Хаджи, Тангая, Сулеймана, Султан-Мурада и других руководителей восстания. В ответ делегаты сказали: «Требуй от народа возможного. То, что ты предлагаешь, свыше сил наших и не может быть исполнено ни за горы золота, ни под страхом потери всего имущества, семейства и самой жизни».

22 сентября — начало операции на хребте Дарген-Дук, куда отступил отряд Ума-Хаджи. Она сопровождалась уничтожением горных аулов: российские войска угнали у местных жителей около 5000 овец, 1000 голов крупного рогатого скота и более 100 лошадей. Подобная же операция 23 сентября была проведена и в урочище Сельмень-Тевзана; добычей карательной экспедиции стали 3000 овец и более 200 коров и быков.

27 сентября 1877 г. к Алибеку-Хаджи Алданову прибыла депутация из андийского общества с просьбой возглавить их выступление. Против царского правительства выступили и другие дагестанские общества: Кумух во главе с майором Джафар-ханом; Кайтаг-Табасаран под руководством Мехтибека Уцмиева; Кюринское общество, где восставших возглавил Магомед-Али-бек; Самур — руководитель Кази-Ахмед-бек. В том же месяце дагестанские повстанцы в сражении при селе Инхали одержали верх над отрядом полковника Тихонова и проиграли сражение под Левашаи. С 27 сентября по 3 октября карательная экспедиция генерала Комарова привела к уничтожению аулов Ханмагомед-Кала, Башен, Янгикепт, Маджалис и др.; повстанцы во главе с Джафар-ханом вынуждены были уйти в Табасаран и Кюринский округ.

В конце сентября 1877 г. чеченские повстанцы вели бои с российскими частями у сел Алхан-Хутор и Булгу-Ирзу. Алибек-Хаджи со своими отрядами отступил на гору Дюр-Корт в Симсирских лесах. Туда стали стягиваться дополнительные силы регулярных войск и казаков: из укрепления Кечень на помощь генералу Смекалову выступил отряд полковника Козловского; из аула Алхан-Хутор 28 сентября и 4 октября вышли сначала пять колонн пехоты и всадников, а затем еще три. Операция в Симсирских лесах продолжалась по 9 октября 1877 г., до ухода Алибек-Хаджи Алданова в Андию. 7 октября у аула Шарой последнее сражение на территории Чечни принял и Ума-Хаджи Дуев. 12 октября вместе с Дады Залмаевым и Дады Умаевым он также ушел в Дагестан.

В октябре дагестанские отряды под руководством Ума-Хаджи сразились с царскими войсками у села Агвали. 24 октября 1877 г. генерал Смекалов взял штурмом аул Тилитли; в результате предательства захвачены в плен руководители дагестанского и чеченского восстаний Маады и Лорса-Хаджи с Тангаем. Остальным удалось прорвать окружение и уйти в аул Согратли. В тот же день начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов телеграфировал об окончательном подавлении чеченского восстания.

1-3 ноября 1877 г. отряды генерала Смекалова осадили аул Согратли. После его взятия изъявившие покорность местные жители выдали царским войскам руководителей чеченского восстания Ума-Хаджи Дуева, Дады Умаева и Дады Залмаева и дагестанского — Абдул-Меджида, Аббас-паши и Абдурахмана. Алибеку-Хаджи Алданову удалось выйти из окружения и уйти в Чечню. 27 ноября он добровольно сдался начальнику Веденского округа князю Авалову.

6 марта 1878 г. перед военно-полевым судом предстали семнадцать руководителей чеченского восстания. Одиннадцать из них, в том числе Алибек-Хаджи Алданов, Ума-Хаджи Дуев, Дады Умаев и Дады Залмаев, были приговорены к повешению. Их казнь состоялась в Грозном 9 марта того же года¹⁴⁴.

¹⁴³ В подавлении восстания в конце августа были задействованы регулярные войска, насчитывавшие 27990 пехотинцев, 3361 всадников и 104 орудия. На стороне царской администрации действовали и более 5000 добровольцев, набранных среди жителей Чечни, Дагестана и Ингушетии.

¹⁴⁴ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Василий Кривенко. Восстание в Дагестане в 1877 году. — Русский вестник. 1892. № 3; Геничутлинский Х. О восстании 1877 года в Дагестане (пер. с арабского Т. М. Айтберова). // Историко-биографические и исторические очерки. Дагестанский научный центр РАН. — Махачкала, 1992; Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн. 1. — Махачкала, 2001; Ибрагимов, 2000; Хожаев, 1993; Данлоп, 2001; Ахмадов Ш. Б. История Чеченской Республики Ичкерия. — Грозный / http://www.otlichniku.ru/lib/scr/read_130566.html; Анчабадзе, 2001; Из истории волнений горцев Чечни в 1877 г. — Российский исторический журнал. / <http://klio.3dn.ru/publ/17-1-0-46>; Гриценко, 1971; Мальсагова, 1968.

2.6.5. Движение абречества и акции неповиновения властям. Ответные репрессии

С конца 70-х г. XIX в. и до февральской революции 1917 г. преобладающей формой противодействия колониальному правлению на территории Чечни становится абречество. Массовые вооруженные выступления уже были редкостью, так как в ответ войска обрушивались не столько на мятежников, сколько на окрестные аулы и проживающих в них людей. Власть выработала систему мер, точнее, репрессий, позволявших «успешно» держать под контролем весь регион. В нее входили, например, расселение на постой солдат в «провинившемся» населенном пункте с содержанием за счет населения, наложение штрафов на общества, заподозренные в лояльности к восставшим, уничтожение домов участников вооруженного выступления, взятие в заложники их семей и т.д. Крайней формой наказания было уничтожение села с насильственным перемещением в другое место всех его жителей.

В целях удержания ситуации власти пытались использовать противоречия между местными жителями и колонистами: казаками, расселенными на изъятых землях, и крестьянами и рабочими, в поисках заработков в массовом количестве ринувшимися на вновь завоеванные территории. В некоторых случаях это выливалось в вооруженные нападения на аулы.

Однако наибольшее — наряду с изъятием земель — недовольство вызывала дискриминация в отправлении правосудия. Дела чеченцев передавались в военные трибуналы, в то время как аналогичные преступления, совершенные колонистами-казаками и русскими, осевшими в крае при освоении нефтепромыслов и строительстве железных дорог, рассматривали суды общей юрисдикции.

Сложившаяся система не привела к замирению края. Однако, несмотря на общее ослабление российской государственности в результате первой русской революции 1905–1907 гг., власть была достаточно прочной, чтобы удержать население от массовых вооруженных выступлений. В этих условиях формами противодействия существующим порядкам стали акции гражданского неповиновения, например, неуплата налогов каким-нибудь селом, отказ признать назначенных старшин, захват земель, объявленных собственностью государства, а также действия отдельных мстителей — абреков, для противодействия национально-колониальному гнету иногда объединявшихся в группы и отряды.

Часто абреками люди становились из-за конфликта с чиновниками царской администрации или поддерживаемыми ими местными жителями. Не желая мириться с несправедливостью, «обиженные» брались за оружие и убивали чиновников, грабили банки, государственные учреждения и богачей. Отобранные деньги и ценности нередко затем распределяли среди бедных крестьян. Несмотря на репрессии, население Чечни помогало абрекам, и они годами были недосыгаемы для властей. Наиболее известным из абреков стал Зелимхан Харачоевский, который то в одиночку, то во главе небольшого отряда противостоял властям с 1901 по 1913 г.¹⁴⁵

2.6.6. Возникновение национальной буржуазии и интеллигенции

В 80–90-х годах XIX века Грозный переживал экономический подъем, связанный с разработкой нефтяных месторождений (Старые промысла). В конце XIX — начале XX веков в городе активно развивались нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая и машиностроительная промышленность. Всероссийский промышленный подъем 90-х гг. XIX в. вызвал растущий спрос на нефтепродукты. Нефтяные месторождения Чечни стали чрезвычайно привлекательными для вложения капиталов. В Грозный и его окрестности устремлялись десятки частных компаний, которые вкладывали значительные средства в техническое оснащение промыслов. Нефть добывалась и перерабатывалась с применением новейшей по тем временам техники. Начиная с 1896 г., грозненская нефть большими партиями поступала в крупнейшие промышленные центры России. Примерно с этого же времени активное участие в эксплуатации грозненских месторождений нефти принимал иностранный капитал, в первую очередь английский и немецкий. Для своего проникновения в Грозненский нефтяной район иностранные бизнесмены активно скупали уже существующие российские компании. Грозный стал крупным индустриальным и транспортным центром. Открытие Ново-Грозненских нефтяных промыслов в 1913 году вызвало новую волну «нефтяной лихорадки».

Бурное развитие промышленности, торговли и транспорта привело к вовлечению чеченцев (в основном жителей равнинной части Чечни) в торгово-промышленную деятельность и к появлению слоя национальной буржуазии. В ряде случаев чеченские предприниматели выступали в качестве самостоятельных фигур в нефтяном бизнесе. В целом класс чеченских предпринимателей пополнялся за счет выходцев из офицерских семей, крупнейших торговцев, а также видных религиозных деятелей.

Население города увеличивалось в основном за счет русских переселенцев — профессиональных рабочих. Но Грозный притягивал и избыточное сельское население Чечни. Пришедшие в город чеченские крестьяне первое время являлись почти исключительно чернорабочими. Но со временем они приобретали различные доступные им рабочие специальности: токарей, слесарей, связистов и т.п. Однако приток чеченцев в грозненскую промышленность сдерживался административными барьерами. Действовало постановление, запрещающее им селиться на территории города. Запрет этот не всегда строго соблюдался, но время от времени власти вспоминали о нем, проводя выборочные высылки из города «незаконно» проживающих чеченцев.

¹⁴⁵ Грищенко, 1971.

К началу XX в. в чеченской среде возник небольшой слой национальной интеллигенции, которая стала организатором общественных и просветительских групп общедемократического характера и инициатором общественных кампаний за проведение либерально-демократических реформ. В 1905-1907 гг. чеченский просветитель и общественный деятель Таштамир Эльдарханов являлся депутатом 1-й и 2-й Государственной Думы от горских народов Северного Кавказа¹⁴⁶.

2.7. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. События на западном и кавказском фронтах, а также общая дестабилизация страны, в которой набирали обороты революционные настроения, отразились и на Северном Кавказе, в особенности на Чечне. Уже 13 августа Терскую область, в составе которой она находилась, объявили на положении «чрезвычайной охраны». Еще через три дня здесь ввели военную цензуру.

В июне 1916 г. в Грозном и его окрестностях произошли забастовки рабочих. Тогда же состоялись антиправительственные выступления чеченских крестьян, проживавших в аулах по р. Аксай. Войска под командованием генерала Степанова подавили их. Более 20 человек из числа организаторов и активных участников были преданы военно-полевому суду. В августе того же года восстали уже сами солдаты: о неподчинении командованию объявила Осетинская пехотная бригада, дислоцированная в слободе Воздвиженская на входе в Аргунское ущелье. Это восстание также было подавлено. Выжившие солдаты нашли спасение в ближайших чеченских аулах Грозненского округа.

В феврале 1917 г. после отречения Николая II на окраинах стали возникать национальные Советы и комитеты, впоследствии взявшие курс на отделение от империи. В Терской области, в которой проживали разные этнические и социальные группы, процесс этот имел свои особенности.

Сформированное в Петрограде Временное правительство назначило своим комиссаром в Терской области наказного атамана казачьего войска Караулова. Однако он не смог обеспечить проведение в крае необходимых реформ и снять возникшее между различными этническими и социальными группами напряжение. В результате обстановка стала накаляться. Стремясь не допустить анархии и насилия, 18-19 марта 1917 г. представители интеллигенции, общественные деятели и промышленники из числа коренных народов Терской области на встрече во Владикавказе объявили о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа. Был сформирован и временный исполнительный орган: Центральный комитет. В функции последнего входило образование системы демократического управления во всех национальных округах — национальных комитетов — и реорганизация горских судов.

В том же месяце в Грозном состоялся чеченский съезд, на который прибыло 10 тысяч человек. С основным докладом на нем выступил известный общественный деятель Чечни, нефтепромышленник Абдул-Межид Чермоев. В его работе активное участие приняли политические и религиозные деятели, ранее высланные из Терской области по политическим мотивам. На съезде обнаружилось два политических направления, между которыми впоследствии развернулась ожесточенная борьба за власть. Видные представители духовенства выступили с требованием установления в Чечне теократического правления. Но большинство мест в избранном на съезде Чеченском исполнительном комитете получили представители светской интеллигенции. Его председателем стал юрист и публицист Ахмедхан Мутушев.

Весной 1917 г. было избрано и «правительство» Терского казачьего войска. В Грозном стали действовать большевистский Совет рабочих депутатов, решением которого арестовали представителей царской власти в Грозненском округе, и Гражданский комитет, созданный участниками съезда терских нефтепромышленников, военно-промышленного комитета, городской думы, либеральных и монархических объединений.

Все эти объединения преследовали разные политические цели и ничего не могли противопоставить возникшему на фоне политической нестабильности разгулу преступности. В Чечне и Ингушетии тем временем продолжали набирать силу аграрные волнения. Участились случаи самовольного захвата местными жителями казенных земель, а также земель, изъятых царским правительством в пользу казачьих и иных поселенцев. Начались столкновения горцев с русским населением. К примеру, в мае в Грозном были убиты 10 чеченцев. Во Владикавказе 6 и 7 июля при поддержке военнослужащих частей, прибывших с фронтов Первой мировой войны, казаки устроили погром, в ходе которого погибли 16 ингушей. В ответ со стороны чеченцев подверглись нападению станицы Карабулакская, Троицкая и Слепцовская. 26 сентября на станции Наурская казаки расстреляли 10 человек, все убитые были чеченцами. К концу года подобного рода погромы, убийства и ответные нападения на станицы и города, в которых опять гибли люди, приобрели размах межэтнической войны.

1-9 мая 1917 г. в городе Владикавказ состоялся 1-й съезд Союза объединенных горцев. Скрепляя согласие клятвой на Коране и Евангелии (на последнем клялись осетины-христиане), его делегаты установили политическое единство Северного Кавказа в виде федерации с «кантональным» управлением каждой народной группы. Был создан двухпалатный парламент, во главе исполнительной власти должен был находиться пре-

¹⁴⁶ Ахмадов, Хасмагоматов, 2005. Глава IX. Вовлечение Чечни в экономическую систему Российской империи в пореформенный период. Музаев, 1995.

зидент. Для наблюдения за соблюдением конституции должен был быть избран «Высший государственный суд». И хотя пока не ставился вопрос о независимости создаваемого государственного образования, участники съезда постановили отказаться от работы в российских органах власти. На предоставленные Временным правительством в Петрограде шесть мест в мусульманском Совете они не направили ни одного человека. Центральный комитет Союза объединенных горцев не принял участия в формировании, а затем и в функционировании общероссийских комиссий, которым было поручено выработать закон о местном самоуправлении и порядок избрания членов будущего Учредительного Собрания. Союз объединенных горцев и его Центральный комитет запретил подразделениям Кавказской (Туземной или Дикой) дивизии, состоявшей из северокавказцев, участвовать в походе генерала Корнилова (25-31 августа 1917 г.) против правительства Керенского на том основании, что это явилось бы вмешательством «во внутренние русские дела».

По итогам съезда на местах были созданы народные советы, организованы общая и местная администрация, а также вооруженные силы, основу которых составили полки вернувшейся с фронта Кавказской (Туземной) дивизии. В сентябре 1917 г. на 2-м съезде была принята временная конституция Союза объединенных горцев. Делегаты выступили против восстановления на Северном Кавказе государства с теократической формой правления. Эта идея была озвучена собравшимися в августе в дагестанском ауле Анди религиозными деятелями, избравшими имамом Нажмуддина Гоцинского и провозгласившими шариат основой жизни горцев. Мусульманское духовенство открыто выступало не только за выход из состава России, но и за изгнание из региона пришлого русского населения.

3-й съезд Союза объединенных горцев состоялся в ноябре 1917 г. Делегаты приняли декларацию об образовании Горской Республики и преобразовали Центральный Комитет в правительство. В него вошли чеченский нефтепромышленник Абдул-Меджид Чермоев, бывший царский чиновник ингуш Вассан-Гирей Джабагиев, кумыкский князь Капланов, кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев и др. Декларативно новое государственное образование охватывало территорию всего Северного Кавказа, выходя с запада и востока к Черному и Каспийскому морям.

Становление Горской Республики проходило в условиях военного и политического противоборства между колонистами-казаками, привыкшими к своему привилегированному положению в крае, набравшим силу белым движением и большевиками, которые, выдвигая лозунги о праве народов на самоопределение и возвращении отнятых при царизме земель, пытались опереться на представителей коренных народов. Кроме того, в крае стали возрождаться традиции теократии¹⁴⁷.

2.8.ОКтябрьская революция в России, ситуация в Чечне (1917-1918)

Октябрьскую революцию 1917 г. в Чечне приняли настороженно. Многим здесь были известны решения Кавказского краевого съезда большевистской партии, незадолго до этого выступившего против «... образования федеративных государств кавказскими национальностями».

Получив известия о событиях в Петрограде и предвидя наступление в крае анархии, Союз объединенных горцев потребовал разоружения рабочих отрядов и попавших под влияние большевиков частей Грозненского гарнизона. Как бы в подтверждение этих опасений, в ноябре в разных частях Чечни произошли вооруженные стычки между солдатами и местными жителями. Наиболее крупным было столкновение гарнизона крепости Воздвиженская с населением окрестных аулов. Вскоре в городах и селах, в которых преобладали русские и казаки, возобновились грабежи и погромы. На железнодорожной станции в Грозном вооруженная толпа напала на всадников Кавказской (Туземной) дивизии. Погибли два офицера и несколько человек рядового состава. В целом по городу были убиты более тридцати чеченцев. Немногочисленные представители коренного населения бежали в ближайшие аулы.

Античеченской истерией в тот период были охвачены не только солдаты и казаки, но и находившиеся под влиянием большевиков рабочие, и даже сами члены РСДРП (б). В ответ на погромы вокруг Грозного и казачьих станиц были сконцентрированы чеченские отряды. Начались бои и межэтнические столкновения, охватившие значительную территорию. В результате нападений горцев были уничтожены насосные станции для перекачки нефти в Гудермесе и Темиргое, разрушены трубопроводы, подожжены и горели потом в течение полутора-двух лет нефтепромыслы.

23 ноября 1917 г. собравшиеся в ауле Старая Сунжа представители чеченского населения предъявили Грозненскому Совету ультиматум о полном разоружении рабочих и частей военного гарнизона, «более всех повинных в анархии и грабежах». В течение суток в спешном порядке город покинули 111-й пехотный полк и 252-я самарская дружина. Вместе с воинскими эшелонами бежали активисты из рабочих, а также члены большевистской партии, принимавшие участие в погромах. В Грозный вошли чеченские всадники.

Беспорядки в Грозном могли привести к серьезной межэтнической войне. Руководители Терского казачьего войска и Союза объединенных горцев не были в этом заинтересованы. Во Владикавказе прошли перегово-

¹⁴⁷ При подготовке данного раздела использована следующая литература: Данлоп, 2001, с. 48-50; Ахмадов Ш. Б. История Чеченской Республики Ичкерия. – Грозный. / http://www.otlichniku.ru/lib/scr/read_130566.html; Ахмадов и др., 1991; Музаев Т. М. Тапа Чермоев. / http://www.teptar.com/2007/11/01/taapa_chermoev.html; Музаев Т. М. Год длиною в век. К 90-летию союза объединенных горцев. – Журнал «Дош». 2007 г. №3 (17); Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; Нефляшева Н. Горское правительство и революция в России. / <http://www.islam.ru/pressclub/histori/gorprav>.

воры, результатом которых явилось создание временного Терско-Дагестанского правительства. Декларацию от горцев подписал князь Капланов, а от казаков — наказной атаман Караулов. Однако союз между горцами и казаками не мог быть ни долговременным, ни прочным, поскольку яблоком раздора был вопрос об изъятых царским правительством чеченских землях. Горцы намеревались их вернуть, казаки не желали отступить. В ночь на 31 декабря 1917 г., когда казачьи части захватили Владикавказ, зыбкий союз окончательно распался. Правительство Горской Республики на время вынуждено было перебраться в крепость Назрань. 13 января 1918 г. казаки совместно с частями эвакуированного гарнизона и при содействии возвратившихся с турецкого фронта пробольшевистски настроенных подразделений бывшей регулярной российской армии разгромили чеченские аулы Старый-Юрт (Толстой-Юрт), Новый-Юрт и Старая Сунжа и вошли в Грозный. В ответ горцы напали на станицы Червленую, Фельдмаршалскую, Ильиновскую и слободу Хасав-Юрт.

В январе 1918 г. в Шали состоялось совещание чеченских политических и религиозных сил. 15 января в Урус-Мартане состоялся 2-й съезд чеченского народа, на котором был избран новый состав национального Совета. В нем усилилось влияние духовенства (шейхов, мулл, руководителей религиозных братств), требовавших введения теократической формы правления, при которой верховная власть в Чечне должна была принадлежать духовным лицам — улемам. Это выразилось и в названии Совета, который стал именоваться на «исламский» лад — Меджлисом. Возглавил его Ибрагим Чуликов, а местом пребывания определили аул Старые Атаги.

В новом национальном Совете сохранили свои позиции и сторонники светского пути развития Чечни. Вместе с лидерами Союза объединенных горцев, придерживавшихся консервативных взглядов, в их число входили и либерально настроенный Ахмедхан Мутушев и Таштемир Эльдарханов — бывший депутат 1-й и 2-й Государственной думы России от народов Северного Кавказа. Впоследствии оба этих политика заняли пробольшевистскую позицию.

Воодушевленное поддержкой, оказанной большевиками при захвате Грозного и разгроме чеченских аулов, казачество инициировало проведение 1-го съезда народов Терека. Он состоялся в Моздоке 7 февраля 1918 г. На нем был поставлен вопрос о признании Советской власти в обмен на объявление «революционной войны» чеченцам и ингушам. Однако большевики отвергли предложение казачества. На Северном Кавказе новой революционной власти опереться, кроме как на коренных жителей, было не на кого: казаки пытались сохранить свои привилегии и в массе своей оставались приверженцами монархических идей. Рабочие же в структуре населения края представляли собой меньшинство. В этих условиях хорошо вооруженные горцы, горящие желанием вернуть свою землю и свободу, могли бы стать (и в итоге стали) самыми надежными и сильными союзниками большевиков.

На съезде был образован областной народный Совет, которому поручили незамедлительно начать переговоры о мире с чеченцами и ингушами. Обсуждение вопроса о признании советской власти было отложено. По предложению большевиков, Моздокский съезд решили считать первой сессией Терского народного съезда. Его вторая сессия состоялась 1-18 марта в Пятигорске. Несмотря на призывы вновь образованного Грозненского Совета рабочих и военных депутатов, Чеченский национальный меджлис (Атагинский Совет) работу съезда проигнорировал. Это объяснялось четко выраженной антибольшевистской позицией большинства его членов и руководства Союза объединенных горцев, которые после Октябрьской революции в Петрограде изменили свои взгляды на будущее Чечни: вместо широкой автономии они все более решительно требовали полной государственной независимости в рамках общегорского государства. Формально согласившись принять участие в работе съезда, все члены делегации, за исключением Асланбека Шерипова, затем от этого отказались.

Делегаты пятигорского съезда приняли резолюцию, признающую Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Лениным в качестве центральной власти, и провозгласили образование Терской Советской республики в составе кабардинского, балкарского, чеченского и ингушского народов, терского казачества и иногородних.

Весной 1918 г. происходило дальнейшее сближение большевиков с группой чеченских политических деятелей левого толка. При их поддержке в апреле в селе Гойты прошел еще один «съезд чеченского народа», на котором было объявлено о создании Чеченского народного трудового Совета, получившего известность как Гойтинский Совет. Его председателем стал Таштемир Эльдарханов.

11 мая 1918 г. горские политические силы правого и центристского характера обнародовали декларацию, провозглашавшую Горскую Республику независимым государством. Ее правительство во главе с чеченским нефтепромышленником Абдул-Межидом Чермоевым обратилось к правительству Турции с призывом установить официальные отношения. Создалась ситуация двоевластия. Кто будет управлять Чечней, зависело от того, на чьей стороне выступят массы крестьян. В отличие от руководителей Горской Республики, занимавших осторожную позицию по аграрному вопросу, у левых, входивших в Гойтинский Совет, хватило решимости в категорической форме потребовать возратить изъятые пашни и ликвидировать систему чересполосицы, созданную в ходе Кавказской войны.

Под давлением представителей чеченцев и ингушей, при лояльности которых только и можно было сохранить советскую власть, делегаты 3-й сессии съезда народов Терека, прошедшей в Грозном с 22 по 29 мая 1918 г., приняли резолюцию по земельному вопросу. В ней говорилось, что пашней «в первую очередь удовлетворяются безземельные горские жители Ингушетии, Осетии, Чечни, Балкарии и иногородние из запасного фонда области». Делегаты съезда решили переселить ряд казачьих станиц — Тарскую, Сунженскую, Аки-Юртовскую и др. — в Пятигорский отдел с обещанием обеспечить их равноценными наделами.

Казачество не собиралось возвращать горцам земли даже за компенсацию. 23 июня в г. Моздок под руководством казака-осетина Георгия Бичерахова произошло вооруженное выступление. В течение недели восставшие разгромили местный большевистский комитет, разоружили подчинявшиеся ему воинские части и перерезали железнодорожное сообщение с центральной частью России. В конце июля – в начале августа казачий отряд полковника Соколова вместе с осетинами напал на Владикавказ. Выбив оттуда революционные части, казаки приступили к грабежам и убийствам ингушей в самом городе и соседних с ним аулах и хуторах. После восьмидневных боев город был повторно взят большевиками и ингушами, возглавляемыми одним из лидеров Горской Республики Вассан-Гиреем Джабагиевым: начались расстрелы казачьих офицеров и погромы, на сей раз осетинские.

События лета 1918 г. показали шаткость положения большевиков. Они не были готовы к самостоятельным действиям. Ситуация на Тереке зависела от того, на чьей стороне окажутся горцы, и в первую очередь самый крупный северокавказский этнос – чеченцы.

Хотя основная масса населения Чечни с ее ярко выраженными антиказачьими настроениями и не считала советскую власть своей (для многих она была просто «русской властью»), им нравились данные большевиками обещания справедливо решить земельный вопрос, устранить национальный гнет и предоставить самоуправление, сформированное на основе законов шариата, народных традиций и обычного права – адата. Эти лозунги оказали влияние даже на мусульманское духовенство. В августе, когда восставшие казаки станицы Грозненская и 15-тысячный отряд бичераховцев попытались захватить Грозный, на его защиту прибыли отряды со всей Чечни. Была сформирована и «чеченская Красная Армия». Возглавил ее 20-летний Асланбек Шерипов.

Оборона города продолжалась ровно 100 дней и закончилась полным поражением казаков. 12 ноября 1918 г. Грозный был деблокирован. До конца ноября казачьи подразделения оставили станцию Прохладная, Нальчик и Моздок.

В Чечне к концу 1918 г. продолжало сохраняться двоевластие. В Грозном, в его рабочем центре, заправляли большевики и созданные ими структуры, на остальной же территории функционировали органы власти независимой Горской Республики, к тому времени уже признанной Турецким правительством (8 июня 1918 г.). Отряды местных жителей, воевавшие вместе с большевиками против казаков, во многом подчинялись указаниям Чеченского национального меджлиса (Атагинского Совета), состоявшего из духовенства и политиков, стремившихся к отделению от России. Интересно, что даже бойцы т. н. чеченской Красной Армии воевали не под красным пролетарским флагом, а под зелеными знаменами ислама и независимого государства народов Северного Кавказа.

Осенью 1918 г. турецкие войска при содействии отрядов, подчинявшихся Горской Республике, выбили из Дербента и Порт-Петровска (Махачкалы) бичераховцев – врагов как горцев, так и большевиков. Казаки и поддерживавшие их части английского экспедиционного корпуса эвакуировались в Энзели (Иран). Горское правительство начало функционировать в Темир-Хан-Шуре. Переезд туда определялся задачами, решением которых надо было заняться в первую очередь. Это и необходимость скорейшего международного признания, налаживание отношений с мировыми державами, созыв Союзного Совета (парламента, заседание которого открылось 20 января 1919 г.), создание регулярной армии, налаживание администрации и создание собственной финансовой системы.

Кроме турецкой, на Кавказе находились и части германской армии. По согласованию с ее тогдашним правительством они были дислоцированы в Грузии. В октябре в Тифлисе Вассан-Гирей Джабагиев от имени Горского правительства начал переговоры с представителем Германии генералом Кресс фон Крессенштейном. Речь на них шла о заключении договора о дружбе между двумя государствами и подписании консульского соглашения. Переговоры были прерваны после переворота в Берлине и признания немцами своего поражения в Первой мировой войне.

В ноябре 1918 г. германские и турецкие части покинули пределы Кавказа. Их место заняли англичане, сначала захватившие Баку, а затем высадившиеся в грузинском порту Батуми¹⁴⁸.

2.9. ЧЕЧНЯ И АРМИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА. ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ЭМИРАТА. СОЮЗ БОЛЬШЕВИКОВ С ИСЛАМИСТАМИ (1919–1920 ГГ.)

В начале 1919 г. на территорию Горской Республики вступили формирования Добровольческой армии генерала Антона Деникина. Разбитые и деморализованные части 11-й Красной армии в спешном порядке отступали по направлению к Астрахани. Большевистское руководство попыталось организовать оборону пролетарских центров Северного Кавказа, где у красных были сильные позиции. Однако реализации этого плана помешали казаки. На Сунженской линии они атаковали собранное в помощь Владикавказу грозненское рабочее ополчение и остатки 11-й армии. Бегством в села Чечни свои жизни сумели спасти около 5 тысяч красногвардейцев. 4 февраля деникинские части заняли Грозный.

¹⁴⁸ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Музаев Т. М. Тапа Чермоев. / http://www.teptar.com/2007/11/01/tapa_chermoev.html; Музаев Т. М. Год длиною в век. К 90-летию союза объединенных горцев. – Журнал «Дош». 2007. №3 (17); Нефляшева Н. Горское правительство и революция в России. / <http://www.islam.ru/pressclub/history/gorprav/>; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.) // Сборник документов и материалов. – Грозный, 1958; За власть Советов! // Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1967.

В тот же день на ингушском народном съезде выступил Чрезвычайный комиссар Юга России Серго Орджоникидзе. Он провозгласил создание «Горской Советской Республики», рассчитывая этим демонстративным жестом обеспечить лояльность коренных жителей края.

Руководители белого движения отрицательно относились к провозглашению национальных республик, которые могли бы претендовать на государственную независимость. Не признавая права народов на самоопределение, действуя под лозунгом «За Россию единую и неделимую» (что воспринималось как новое завоевание Кавказа), генерал Антон Деникин оттолкнул от себя горцев. Не вызывали восторга у местных жителей и практические шаги его администрации. После прихода Добровольческой армии в Терской области не только не возвратили на прежние места выселенные станицы, но и попытались обязать чеченцев и ингушей выплачивать все «убытки», понесенные казаками. В ответ оба народа оказали значительное сопротивление и в итоге изгнали деникинцев со своей территории.

Первые серьезные бои разгорелись у ингушских аулов Кантышево, Долаково и Базоркино, Кескем, Сагопши и чеченского села Пседах, расположенных северо-восточнее Владикавказа. Части генерала Ляхова (три конные дивизии, пластунская бригада и др.) понесли здесь большие потери, только погибших с их стороны было более 2500 человек. Упорное сопротивление горцев, вооруженных по преимуществу только стрелковым оружием, удалось сломить лишь массированным артиллерийским огнем.

11 февраля 1919 г. деникинские части вошли во Владикавказ. Находившиеся в городе отряды красных в беспорядке отступили по Военно-Грузинской дороге на юг и, оказавшись в Грузии, сдались местным властям.

Но ингуши и после этого продолжали воевать. В марте 1919 г. под селом Курп ингушские и кабардинские партизаны разгромили два батальона деникинцев, в июле того же года произошли кровопролитные бои в районе селений Сурхахи и Экажево и т. д. Однако в целом центр сопротивления на Северном Кавказе переместился в Чечню.

Чеченские политические силы, среди которых были и социалисты, и исламисты, и функционеры фактически действовавшей на тот момент власти в лице Чеченского национального меджлиса (Атагинского Совета), объединили свои силы перед лицом новой угрозы. Временно их поддержали и большевики. Зимой чеченцы начали систематически нападать на деникинские разъезды и перерезали железнодорожное сообщение на линии Беслан – Порт-Петровск. В марте и апреле 1919 г. под селами Гойты, Бердыкель, Алхан-Юрт, Урус-Мартан, Цоцин-Юрт и др. развернулись ожесточенные бои. Потери с обеих сторон были ощутимыми. В Гойтах пало 200 местных жителей и 20 красноармейцев. Под Алхан-Юртом погибли 400 чеченцев и 700 белых.

В июле 1919 г. деникинские армии прошли через весь Северный Кавказ до границы с Азербайджаном и формально установили здесь свою власть. Но фактически они контролировали узкую полосу вдоль железной дороги и несколько горских районов, в том числе и чеченских, на равнине и вдоль побережья Каспийского моря. На остальной же территории местные жители жили своей жизнью. В этих условиях лидеры Горской Республики допустили серьезную ошибку, в итоге оказавшуюся роковой для сторонников независимости северокавказских народов.

Большинство членов коалиционного правительства этого государства, с ноября 1918 г. возглавляемого Пшемахо Коцевым, считало, что вопрос о независимости Северного Кавказа будет положительно решен на проходящей в Париже мирной конференции. Поэтому, полагали эти политики, и портить отношения с силой, за которой стояла Англия и другие державы, победившие в Первой мировой войне, не нужно. Желание горцев строить жизнь по своему усмотрению руководители белого движения с самого начала истолковывали как «национальный большевизм», требующий искоренения «самым решительным образом». Тем не менее от структур на местах коалиционное правительство потребовало «не портить отношения с Добровольческой армией». Уже 20 мая казачьи части без сопротивления вошли в Порт-Петровск и Дербент, а через два дня было распущено и горское правительство.

Стратегия, которую выбрали его лидеры, в итоге привела к падению Горской Республики и толкнула большинство населения в сторону духовенства. Летом 1919 г. в чеченском ауле Ведено было объявлено о создании Северо-Кавказского эмирата – независимого государства с теократической формой правления. Его имамом был объявлен Нажмуддин Гоцинский – шейх-уль-ислам (духовный лидер) уничтоженной с согласия Англии, Франции и других стран Горской Республики. Фактическим же правителем эмирата стал Узун-Хаджи Салтинский, признанный на Кавказе богослов, в царское время подвергавшийся арестам и ссылкам. Он питал фанатичную ненависть к Российской империи и ко всем, кто ее защищал. В короткие сроки ему удалось создать небольшую, но боеспособную армию, которая начала теснить отряды белых и в Дагестане, и в Терской области.

Готовность Узун-Хаджи воевать с деникинцами устраивала и большевиков. В Ведено прибыла делегация, возглавляемая Николаем Гикало. В результате переговоров было достигнуто согласие на легализацию и включение в войска эмирата в качестве отдельных боевых единиц разбитых и рассеянных по чечено-ингушским и дагестанским селам красноармейских отрядов. В ответ на признание Узун-Хаджи правителем и гарантии на полное самоопределение для горцев в будущем, целый ряд руководителей терских большевиков получил посты министров и советников в правительстве этого теократического государственного образования.

В августе 1919 г. нападением на находящуюся под контролем белогвардейцев слободу Воздвиженскую отряды Узун-Хаджи возобновили боевые действия. Наиболее крупные сражения этого периода произошли на территории Чечни в районе Шали, Гудермеса, Сержень-Юрта и севернее Грозного у станицы Петропавловской. Плоскостные населенные пункты не раз переходили из рук в руки, 26 аулов было сожжено белогвардей-

цами. Для борьбы с северокавказскими повстанцами Антон Деникин вынужден был перебрасывать войска из центральной России, ослабляя наступавшие на Москву силы. Тем не менее к сентябрю войска Узун-Хаджи установили контроль над всей горной частью Дагестана, Чечни, Осетии и Кабарды и прилегающими к ним предгорными районами. В марте 1920 г. они выдвинулись в сторону Грозного. Спешно отступавшие с территории Северокавказского эмирата белогвардейские части не оказали им сопротивления. Город был взят без боя.

Так же «без боя» лидеры западных стран сдали и горскую независимость. 3 января 1920 г. Вардроп, представитель Великобритании на Кавказе, писал своему министру иностранных дел лорду Керзону:

«Исходя из наших интересов, представляется необходимым признать существование де-факто Дагестана, как Армении, Азербайджана и Грузии, и обещать поддержку их будущим требованиям о его самоопределении».

29 января он получил ответную депешу следующего содержания:

«Правительство Его Величества не предполагает, во всяком случае в настоящее время, действовать согласно Вашему предложению о том, чтобы признание, гарантия, финансовая поддержка и т. д. были распространены на Дагестан».

5 февраля 1920 г. Вардроп снова телеграфирует лорду Керзону:

«Решение правительства Его Величества не помогать республике Северного Кавказа при создавшихся в данный момент обстоятельствах является равносильным заявлению о том, что правительство Его Величества с безразличием относится к распространению большевизма в этом районе... Я смею утверждать, что весь Кавказ будет подвергаться опасности, если это произойдет, и, лишившись нашей поддержки, горцы должны будут принять большевизм... Дагестан – это ключ к Кавказу, а контроль над Дагестаном означает контроль над Кавказом, и это не отдельная сторона дела, а неотъемлемая часть кавказской проблемы. Было бы неблагоприятно, по моему мнению, надеяться, что события будут топтаться на месте и дадут нам другую такую возможность... Если Дагестан будет оставлен под контролем России и большевизм не будет уничтожен, существование трех закавказских государств будет поставлено под угрозу».

1 марта 1920 г. парламент Великобритании вынес официальное решение не признавать независимость горцев. Так же поступили и ее союзницы. В итоге, когда посланники Узун-Хаджи прибыли в Грозный (с целью добиться признания его духовным и светским главой мусульман Северного Кавказа, а также признания полной внутренней самостоятельности возглавляемого им государства), где с их помощью уже воцарились большевики, «народный комиссар» Костерин выдвинул встречное условие – публично признать советскую власть и распустить все подотчетные Узун-Хаджи организации. Их функции необходимо было передать «центральному правительству». О требованиях своих вчерашних «союзников» престарелый эмир не узнал, так как умер до возвращения делегации. Отчего наступила его смерть – неизвестно, но по официальной версии считается, что от тифа.

Бывшего главу правительства Узун-Хаджи («великого визиря») Иналука Арсанкуева (Дышнинского) убили на улице Грозного в 1921 г. В преступлении обвинили бандитов, которых, как это обычно случается в таких случаях, не нашли.

Северокавказское – все более иллюзорное – государство продержалось до образования странной автономии горцев в составе РСФСР, в которой основными законами были признаны шариат и адаты. И хотя многие соратники Узун-Хаджи впоследствии активно противодействовали советской власти, их борьба на этом этапе уже была обречена на поражение¹⁴⁹.

2.10. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.10.1. Ликвидация Горской советской республики и «зачистки» Чечни

«Чечня, – пишут историки Я. З. Ахмадов и Э. Х. Хасмагоматов, – вышла из гражданской войны в прямом смысле обескровленной. За время войны были до основания разрушены десятки чеченских селений. В ходе военных действий, а также из-за голода и болезней, вызванных разрухой, в Чечне погиб примерно каждый 8-й или даже 7-й житель»¹⁵⁰.

Для чеченцев большевики были естественным союзником в борьбе с теми, кто пытался реставрировать (в том числе и при помощи стран Антанты) царский режим, который на протяжении десятилетий ущемлял их национальные и религиозные права, отнял природные богатства и обрек большую часть населения на полуголодное существование. Провозглашаемое «право на самоопределение вплоть до отделения» и обещание справедливо решить земельный вопрос вкуче с совместной борьбой против общего врага на первых порах обеспечили новой власти лояльность со стороны многих местных жителей.

¹⁴⁹ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917-1920 гг.) // Сборник документов и материалов. – Грозный, 1958; За власть Советов! // Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1967; Гикало Н. Ф. и Узун-Хаджи – сотрудничество в борьбе против Добровольческой армии на Северном Кавказе. // Сборник статей, вып. 2. – Махачкала, 2007; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX-XX вв.). / http://www.chechnyafree.ru/article.php?BLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Жупикова, 2006.

¹⁵⁰ Ахмадов, Хасмагоматов, 2005. Глава XV. Огнем и мечом: строительство советской власти в Чечне (20-30-е гг. XX в.). Создание Чечено-Ингушской АССР.

Чеченцы принимали участие в гражданской войне не под классовыми, а под национально-освободительными лозунгами. И духовенство, и сторонники создания светского независимого государства, и незначительный слой социалистически настроенной национальной интеллигенции внесли вклад в разгром белогвардейцев и казачества, и во многом, хотя и невольно, содействовали укреплению большевиков. В апреле 1920 г. они организовали на территории Чечни революционный комитет (ревком) во главе с Таштемиром Эльдархановым. Он мыслился как переходный орган управления краем. Выборы же в местные Советы прошли летом и показали истинные политические предпочтения чеченского населения: почти повсеместно победу на них одержали представители той части общества, которая выступала за независимость от России, пусть даже и коммунистической. Стали создаваться народно-шариатские суды.

Процесс перехвата власти «кулацко-мульскими элементами», как позже это будет названо в советской историографии, стимулировался в значительной степени самими большевиками. По примеру центральных российских областей они и здесь попытались обложить население продразверсткой, ограничить торговлю. Не был решен и аграрный вопрос: казаки все еще занимали чеченские и ингушские земли. Все большие и большие обороты набирали репрессии. Кроме того, ситуацию осложняла борьба между самими большевиками, причем и здесь разделение шло по национальному признаку. Представители русской части этой партии, контролировавшие в то время почти только Грозный, настаивали на форсировании процесса «классового расщепления» в окрестных населенных пунктах, выявления и уничтожения «эксплуататоров» и «скрытых врагов советской власти». Члены Чеченского ревкома обвинялись в национализме, в нежелании бороться со своим духовенством. Все это приводило к конфликтам и вооруженным выступлениям. Первое из них, названное «восстанием» и возглавляемое внуком имама Шамиля Саид-Беком (от младшего сына Камила), вспыхнуло в горах Чечни и Дагестана уже в августе 1920 г. Лозунгом движения стали «национальное освобождение и шариатское государство». Выступление было настолько мощным и пользовалось такой поддержкой среди населения, что советская власть вынуждена была пойти на значительные уступки горцам.

В октябре 1920 г. в район Кавказских минеральных вод были переселены пять казачьих станиц. Освободившиеся земли вернули чеченцам. Одного этого шага хватило для того, чтобы снизить накал напряжения в регионе. И хотя система колониальных поселений, как выяснится впоследствии, так и не будет до конца ликвидирована, случившееся было воспринято как стремление новой власти выполнить данные в период гражданской войны обещания. В ноябре 1920 г. делегация от местных, все еще не большевистских Советов Чечни, приняла участие в работе I съезда народов Терской области. На нем было объявлено о желании центральной российской власти создать Горскую автономную республику. Окончательное согласие на это чеченские представители дали только в январе 1921 г. на собравшемся во Владикавказе учредительном съезде. Москва делегировала на него народного комиссара по делам национальностей Иосифа Сталина.

Зачитав доклад о принципах национальной политики партии большевиков, Иосиф Сталин предложил участникам восстания Саид-Бека амнистию, требуя от них только одного: признать советскую власть. Он рекомендовал создать на Северном Кавказе республику с широкой автономией для входящих в нее народов. Учредительный съезд в ответ выставил свои условия: основными законами будущего государственного образования должны быть шариат и адаты, центральное правительство не должно вмешиваться в его внутренние дела и возратить отобранные у горцев земли. Все эти условия были приняты; чеченцы на короткое время вошли в состав Горской Советской республики.

В виду того, что некоторые из требований широких слоев горского населения начали выполняться (в частности, разрешение «горско-казачьих поземельных противоречий» и ликвидация «чересполосицы» путем переселения казачьих станиц в отдельный Сунженский округ)¹⁵¹, в мае того же года сошло на нет и движение Саид-Бека. Рядовые его участники вернулись в свои населенные пункты, а некоторые из руководителей даже покинули пределы Кавказа.

В августе 1921 г. на территории Чечни были проведены новые выборы в местные Советы. Победу на них одержали силы, в организационном плане пусть и не вполне оформленные, но ориентированные на национальные, а не классовые идеи. Поэтому меньше чем через год, в июле 1922 г. большевики организовали третье со времени окончания гражданской войны голосование. И снова с тем же результатом.

Горская Советская республика, кроме своего названия, имела с «пролетарской властью» мало общего, по меткому выражению Джона Данлопа, хаотически сочетая большевистские и исламские элементы¹⁵². Основными законами ее являлись шариат и адаты. Судопроизводство отправлялось по мусульманским канонам, а управление осуществлялось на основе местных демократических традиций. Республика, в общественных местах которой были вывешены портреты не пролетарских вождей, а имама Шамиля и его наибов, стала препятствием на пути продвижения советской власти на Северном Кавказе. Именно поэтому ее и упразднили. Случилось это 7 июля 1924 г. Но Чечню декретом центрального советского правительства выделили из ее состава в качестве автономной области еще раньше, в ноябре 1922 г.¹⁵³ Высшим органом власти на его территории объявили областной ревком во главе с Таштемиром Эльдархановым.

¹⁵¹ Станицы Карабулакская, Троицкая, Ассинская, Нестеровская, Самашкинская, Вознесенская, Терская (западная часть округа) и Петропавловская, Горячеводская и Ильинская (восточная часть округа). – Цуциев, 2007, с. 62.

¹⁵² Данлоп, 2001, с. 50.

¹⁵³ 30 ноября 1922 г. декретом ВЦИК Чечня была выделена из состава ГАССР в самостоятельную автономную область. 4 января 1923 г. постановлением президиума ВЦИК РСФСР были определены границы Чеченской автономной области.

Для усиления позиции коммунистических элементов из числа чеченцев центральное правительство приняло следующие меры. Во-первых, началось уничтожение наиболее авторитетных представителей духовенства. Такая участь постигла, в частности, Али Митаева, незадолго перед этим введенного в состав областного ревкома. Весной 1924 г. его внезапно арестовали, вывезли в Ростов-на-Дону и там расстреляли. Во-вторых, было принято решение о начале операций по «разоружению Чечни». Первая из них была проведена еще в мае 1922 г. силами войск Северо-Кавказского военного округа. Суть этих операций заключалась в блокировании сначала всей области по ее административным границам, затем в оцеплении ряда конкретных сел или нескольких населенных пунктов сразу, предъявлении им ультиматума о сдаче оружия и выдаче интересующих ГПУ людей. Чтобы жители были более покладистыми, еще до выполнения требований по жилым массивам открывался пулеметно-ружейный огонь, наносили удары артиллерия и аэропланы. Был разрешен захват заложников. В случае отказа предусматривалось уничтожение «непокорных аулов».

Наиболее масштабная операция такого рода проводилась в августе-сентябре 1925 г. по решению Политбюро ВКП (б) о «разоружении Чеченской Автономной области и изъятии главарей контрреволюции и бандитизма». «Зачистке» подверглись более 200 сел, примерно половина которых подверглись обстрелам, а 16 – авиабомбардировкам. В донесении в Политбюро от 5 сентября заместитель председателя Реввоенсовета СССР И. С. Уншлихт сообщил, что операция проводилась объединенными силами Северо-Кавказского военного округа и ГПУ; задействованные военные силы насчитывали 6857 человек, вооруженных 130 орудиями тяжелого калибра, а подразделения ОГПУ составляли 341 человек. Было применено 8 бомбардировщиков¹⁵⁴.

«Разоружение Чечни» продолжалось до конца 1925 г. В ходе него были задержаны, а потом исчезли либо оказались расстрелянными без суда и следствия сотни, если не тысячи местных жителей. Еще один результат этих операций – смещение почти в полном составе областного руководства. Таштемира Эльдарханова, например, отозвали в Ростов-на-Дону. После этого никогда более в советский период чеченцу не позволялось быть первым руководителем своей автономии. Все эти меры, однако, привели к обратному результату: в Чечне усилились позиции людей, призывавших к решительным действиям против советской власти¹⁵⁵.

2.10.2. Коллективизация и новые вооруженные выступления

Осенью 1929 г. в Чечню была спущена директива центрального правительства о начале коллективизации сельского хозяйства. Северный Кавказ должен был начать этот процесс первым в Советском Союзе. Кроме принудительного слияния частных хозяйств в государственные, рекомендовалось ликвидировать зажиточную часть крестьянства как кулаков, а все их имущество экспроприировать.

Как только советская власть приступила к насильственному изъятию у чеченцев сельскохозяйственного инвентаря, домашнего скота и лошадей, они восстали. Крестьянские волнения охватили все районы автономии. Во многих из них события приобрели характер антисоветского, антиправительственного вооруженного выступления: люди громили сельские и районные учреждения, арестовывали партийное и хозяйственное руководство, начальников местных отделений ГПУ, захватывали нефтяные скважины.

Наиболее значительные восстания произошли в равнинных населенных пунктах Гойты, Шали, Автуры и в предгорном Беное. Шалинское восстание возглавил Шита Истамулов, во время гражданской войны исполнявший обязанности военного министра в правительстве Северокавказского эмирата.

Повстанцы учредили «временную народную власть», которая обратилась к советскому правительству со следующими требованиями: прекратить конфискацию имущества под видом коллективизации и аресты женщин и детей как «кулаков»; отозвать из Чечни начальников ГПУ и назначить на эти должности выборных гражданских лиц из чеченцев с правом преследования лишь уголовных элементов; ликвидировать назначаемые сверху советские суды и восстановить суды шариатские, предусмотренные учредительным съездом Горской республики в 1921 г.; прекратить вмешательство краевых и центральных властей во внутренние дела Чечни, а всякие хозяйственно-политические мероприятия в области проводить, как и записано в статуте автономии, только по решению съезда выборных представителей народа.

В Чечню срочно была направлена делегация во главе с членом ЦК ВКП (б) К. Николаевым. От имени советского правительства ее члены заявили, что в происшедших событиях вину несут исключительно местные партийные и хозяйственные работники, действовавшие якобы не по установкам из Москвы, и что их строго накажут, как только повстанцы прекратят борьбу. Была создана «миротворческая комиссия», которая состояла из трех религиозных лидеров и секретаря обкома партии. Члены комиссии огласили обращение, в котором говорилось, что «внутренние чеченские дела будет решать и впредь сам чеченский народ». Эти объяснения были приняты повстанцами, и они разошлись по домам.

Но вскоре выяснилось, что свои обещания власть выполнять не собирается. На третью ночь после их оглашения дом Шиты Истамулова окружил отряд ГПУ. Вождю повстанцев предъявили ультиматум о сдаче

¹⁵⁴ Сталин дал личное согласие. Документы о событиях в Чечне. (1925). – Журнал «Источник». Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 140–151.

¹⁵⁵ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.). // Сборник документов и материалов. – Грозный, 1958; За власть Советов! // Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1967; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX–XX вв.). / http://www.chechnyafree.ru/article.php?BLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Жупикова, 2006.

без боя. В ответ тот открыл стрельбу. В ходе перестрелки был ранен его младший брат, а дом загорелся. От неминуемой гибели обоих спасли подросшие на помощь всадники-чеченцы. В рукопашной схватке они уничтожили чекистов. Шита Истамулов призвал Чечню к «священной войне», восставлению имамата и изгнанию «неверных» с Кавказа. Его слова были услышаны, и восстание вспыхнуло с новой силой.

К середине декабря 1929 г. к границам области были переброшены регулярные части Красной Армии. К концу того же месяца на основные центры восставших двинулись четыре пехотные дивизии, Владикавказская стрелковая дивизия, курсанты пехотного училища из Владикавказа и кавалерийского из Краснодара, три артиллерийских дивизиона и два полка горных стрелков. К операции были привлечены и три эскадрона чекистов под руководством заместителя начальника краевого ГПУ. Возглавил операцию командующий Северо-Кавказским военным округом Иван Белов. В середине января повстанцы отступили в горы. В боях под Гойтами почти полностью был уничтожен 82-й пехотный полк. Сам населенный пункт красноармейцы сумели взять лишь после гибели руководителей обороны: Ахмата-муллы и Куриева. В шалинских боях советские части потеряли силы, превосходящие одну дивизию. Они сумели войти в это село только после того, как обороняющиеся организованно отступили. В конце марта 1930 г. советские части, укомплектованные новыми подразделениями из Закавказья, начали наступление на Беной. Аул был занят в апреле того же года после затяжных, со многими с обеих сторон потерями, боев. Вместе со своими семьями повстанцы отошли дальше в горы, намереваясь продолжать борьбу партизанскими методами.

Такая перспектива мало устраивала руководство СССР, так как в горных Чеберлоевском, Шатойском, Итум-Калинском и Галанчожском районах советская власть уже практически была ликвидирована. Поэтому с предложением мира и обещанием амнистии к восставшим были направлены парламентарии. Те ответили, что вернуться к мирной жизни при условии вывода из области частей Красной Армии. Москва вынуждена была отозвать войска. Все это совпало с выходом в свет постановления центрального комитета большевистской партии, осуждавшим допущенные при коллективизации «перегибы»¹⁵⁶. В некоторых районах страны, в том числе в Чечне и Ингушетии, колхозы были вообще отменены как преждевременные. Руководство области было сменено, а для успокоения населения завезли большое количество промышленных товаров по низким ценам. Участникам восстания была объявлена амнистия.

Повстанцы еще раз поверили советской власти и вернулись в свои аулы. Однако их и на этот раз обманули. Осенью 1931 г. Шиту Истамулова, который к тому времени уже был назначен на должность председателя шалинского общества сельхозпотребкооперации, вызвали к начальнику областного ГПУ Бакланову якобы за обещанным актом амнистии из Москвы, и там убили. Сразу после этого в Чечне развернулись широкомасштабные репрессии против «кулацко-контрреволюционных элементов и мулльско-националистических идеологов». По установленным ГПУ и утвержденным правительством СССР нормам были арестованы, а затем по большей части расстреляны без суда и следствия до 35 тысяч человек. Фактически тогда уничтожили каждого четырнадцатого чеченца.

На репрессии со стороны власти местные жители отвечали убийствами чекистов, партийных активистов, нападениями на советские государственные и военные объекты. В области шла полномасштабная партизанская и диверсионная война. Признанными лидерами повстанцев того времени были Хасан Истамулов, брат убитого Шиты Истамулова, Макал Газгириев, Саадула Магомадов, имам Саадуев, Ибрагим Гелдаганский, Яроч, Ходжас и мн. др. В борьбе с ними органы ГПУ практиковали захват в заложники родственников, в том числе женщин и детей. Вопреки обещанию сохранить жизнь, вынужденный сдаться расстреливался, а его семья высылалась в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока.

В середине марта 1932 г. снова восстали Шали, Гойты и Беной, волнениями были охвачены села Ножай-Юртовского района. Повстанцы захватили нефтепромыслы в местности Стеречь-Корт и атаковали дислоцированные по соседству с ними части Красной Армии. В течение месяца после этого войска Северокавказского военного округа вынуждены были вести ожесточенные сражения с местными жителями. В докладе командования СКВО от 5 апреля 1932 г. о ходе боевых действий в горах Чечни отмечалось, например, что отличительными чертами выступления являлись «... организованность, массовое участие населения, исключительная жестокость повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на большие потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях»¹⁵⁷.

Чеченские крестьяне и духовенство, таким образом, постоянно и жестко противостояли советской власти. Репрессивные органы стали фабриковать дело о «националистическом центре Чечни». Под пристальное внимание чекистов попали остатки царского чиновничества и офицеров, а также немногочисленный слой местной творческой и научной интеллигенции. Последние во многих случаях являлись членами большевистской партии и находились на ответственных постах как в самой области, так и вне ее пределов. Обвинив в установлении связи с находящимися в эмиграции бывшими руководителями Горской республики (Абдул-Меджидом Чермоевым, Вассан-Гиреем Джабаги, Ибрагимом Чуликовым и др.) и лидерами повстанческого движения для организации всеобщего «вооруженного восстания», которое якобы должно было быть поддержано западными державами, их затем арестовали. Случилось это осенью 1932 г.

Всего в чекистские застенки попало до 3 тысяч человек. Среди них оказались и известные в автономии люди, например, бывший командующий чеченской Красной Армии Магомет Мадиев, 25-летний профессор

¹⁵⁶ Постановление ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» от 1930.03.14.

¹⁵⁷ Цит. по: Павел Аптекар. Война без края и конца. – Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2000. № 1.

Нефтяного института, выпускник МВТУ Халид Батукаев, юрист Магомет Абдулкадиров. Однако большинство составляли все же рядовые работники государственных учреждений и жители различных населенных пунктов. Особенно много задержаний было произведено в селах Ножай-Юртовского и Гудермесского районов. Почти все арестованные были во внесудебном порядке — через коллегия ГПУ — осуждены. Пятерых расстреляли как «руководителей» «центра». Скольким было уничтожено рядовых «его членов», установить невозможно¹⁵⁸.

Репрессии, осуществляемые советской властью, лишь усиливали активность сопротивления. Историк и политолог Абдурахман Авторханов, сам являвшийся очевидцем данных событий, пишет: «Почти с предначертанной аккуратностью в горах Чечни происходили каждой весной крестьянские восстания, а партизанское движение было явлением перманентным»¹⁵⁹.

Оценивая события первой половины 30-х гг., А. А. Цуциев справедливо замечает: «Отсутствие или слабость просоветской элиты внутри некоторых из этнических групп создает ситуацию постоянного кризиса в отношениях между властью и этими группами, а эксцессы коллективизации и борьбы с религией лишь усугубляют зреющий конфликт. По ходу репрессий против «кулацко-мульских элементов» в 30-е годы устойчивость советской власти на территории Чечено-Ингушетии становится все более сомнительной. Удары по органичной и далеко не советской социальной и культурной элите вайнахов приводят к радикальному ослаблению среди них лояльности в отношении советского государства»¹⁶⁰.

2.10.3. Создание Чечено-Ингушской АССР и уничтожение национальной творческой и научной интеллигенции. Восстание Хасана Исраилова

15 января 1934 г. Чеченская и Ингушская области были объединены в единую автономию. При этом у ингушей в пользу соседей-осетин отняли культурный, экономический и исторический центр — город Владикавказ. Данное обстоятельство стало причиной нескончаемых противоречий и конфликтов между этими некогда братскими народами. В начале декабря 1936 г. в Москве завершил работу VIII Чрезвычайный съезд Советов, принявший вторую Конституцию СССР («Сталинская конституция»). В ней статус автономии чеченцев и ингушей номинально был повышен, она стала называться Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республикой. Минувшие краевые северокавказские структуры, ее непосредственно переподчинили Москве.

Впрочем, эти пертурбации мало сказались на жизни большинства местных жителей. Спустя полгода, в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г., по заранее подготовленным спискам во всех городах и селах республики были произведены задержания «антисоветских элементов». Под покровом темноты их свезли в столицу республики и разместили во внутренней и внешней тюрьмах НКВД (до 5000 человек), в центральном гараже объединения «Грознефть» (еще 5000), в Сталинском клубе (3000 человек), в здании милиции (300) и т. д.

Всего в ходе этой операции было арестовано 14 тысяч человек, что составило примерно 3 % от всех жителей Чечено-Ингушетии. На всех выписали один прокурорский ордер и был один суд — чрезвычайная «тройка» в составе первого секретаря областного комитета ВКП (б), начальника НКВД республики и спецпрокурора. Все трое не были местными жителями. Некоторых из задержанных приговорили к расстрелу, других — к длительным срокам заключения в лагерях. Массовые казни происходили в здании НКВД. Чтобы заглушить выстрелы, на время расстрелов заводились двигатели автомашин. Трупы тайно похоронили на Терском хребте к северу от Грозного.

Немотивированные аресты привели к новому всплеску повстанческого движения. В некоторых районах республики были убиты местные начальники отделов НКВД, был пущен под откос военный железнодорожный состав и т. д.

В начале октября 1937 г. в Грозном был созван расширенный пленум Чечено-Ингушского областного комитета ВКП (б). На нем прибывший из Москвы представитель ЦК партии приказал арестовать всех находившихся в зале чеченцев и ингушей, ответственных партийных и государственных работников. В последующие дни и недели взяли под стражу всех должностных лиц из числа коренного населения: от председателя правительства республики и до руководителей сельских советов и коллективных хозяйств. Вслед за ними были задержаны чиновники всех республиканских, городских, районных и сельских учреждений. Репрессии не обошли стороной и писателей, журналистов, актеров, художников, ученых, врачей, инженеров, деятелей культуры и просвещения. Не смогли избежать арестов и те из чеченцев и ингушей, что работали на ответственных должностях в других регионах СССР.

В течение последующих трех лет НКВД пыталось сфабриковать дело о «буржуазно-националистической, контрреволюционно-повстанческой антисоветской организации». В ходе следствия применялись пытки (два, как минимум, человека, не выдержав их, покончили с собой в камере заключения), основной доказательной базой являлись самооговоры и оговоры друг друга, выбитые при помощи избиений и угроз расправы над семьями. И хотя дело в итоге развалилось (большинство «признавшихся» отказались в зале суда от своих прежних показаний), почти всех осудили через «особое совещание» при НКВД. Республика была «обезглавлена». На место ликвидированных работников назначили пришлых людей, не знавших ни языка, ни истории и культуры вверенного им народа.

¹⁵⁸ Авторханов, 1952, с. 35-41.

¹⁵⁹ Авторханов, 1952, с. 35.

¹⁶⁰ Цуциев, 2007, с. 77. При подготовке настоящего раздела также использована следующая литература: Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX-XX вв.) / http://www.chechnyafree.ru/article.php?IBLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999.

Нигде в стране репрессии, совершенные в ходе кампании «большого террора» 1937-1938 гг., не привели к вооруженному противостоянию с властью. За единственным исключением, которым опять стала Чечено-Ингушетия. Ответом на государственный террор здесь явилось усиление партизанского движения. В горы ушли тысячи людей. В феврале 1940 г., в то время, когда Советский Союз был еще союзником нацистской Германии, и вел войну с Финляндией, их возглавил поэт и драматург Хасан Исраилов. Впервые за время советской власти во главе повстанцев оказался не представитель духовенства, не бывший участник гражданской войны, как, например, Шита Истамулов, и не крестьянин-горец, доведенный до отчаяния политикой репрессий, а представитель новой, выпестованной большевиками же национальной интеллигенции.

Руководитель восставших дважды арестовывался НКВД и провел в застенках несколько лет. После очередного освобождения в начале 1939 г. его вызвали в областной комитет ВКП (б) и предложили восстановиться в партии. Хасан Исраилов обещал подумать и ушел. Через неделю он передал руководителям республики заявление, в котором, в частности, говорилось:

«Вот уже двадцать лет, как Советская власть ведет войну на уничтожение моего народа по частям: то как кулаков, то как мулл и «бандитов», то как «буржуазных националистов». Теперь я убедился, что война отныне ведется на истребление всего народа. Поэтому я решил встать во главе освободительной войны моего народа...»¹⁶¹

Восстание с самого начала имело успех, в короткие сроки от советской власти были освобождены южные районы республики. Это позволило провести в горном ауле Галанчож съезд и провозгласить на нем создание «временного народно-революционного правительства Чечено-Ингушетии».

Подтянув войска, к лету 1940 г. советское командование нанесло ряд поражений повстанцам, но они все же сумели удержать часть территории и сохранили боеспособность. Более того, происходила постоянная подпитка формирований повстанцев людьми из-за продолжающихся антисоветских выступлений среди населения. Так, в январе 1941 г. восстали жители с. Хильдехарой, в октябре вооруженное сопротивление опергруппам НКВД оказали крестьяне, проживавшие в селах и хуторах Галанчожского района. Тогда же с оружием в руках выступили и жители сс. Борзой и Бавлой, соответственно, Шатойского и Итум-Калинского районов.

Начало войны с нацистской Германией внесло коррективы в планы Хасана Исраилова. Он предлагает воспользоваться случаем для освобождения Кавказа и объявления его независимости. В феврале 1942 г., подняв очередное восстание в Шатое и Итум-Кале, к нему присоединился Майрбек Шерипов, бывший прокурор и брат основателя чеченской Красной Армии в годы гражданской войны Асланбека Шерипова. Вскоре был создан объединенный штаб и реорганизовано повстанческое правительство.

Весной 1942 г. войскам НКВД при поддержке армейских частей и авиации удалось восстановить контроль над основными населенными пунктами горной Чечни и Ингушетии. Бомбардировки привели к значительным жертвам среди местных жителей: в некоторых аулах не пострадавших было меньше, чем убитых или раненых.

Однако уже через несколько месяцев в Шаройском и Итум-Калинском районах вновь вспыхивают бои. Восставшие захватывают райцентры Химой, Шатой и Итум-Кале. В июне 1942 года они обратились с воззванием к народу, в котором говорилось, что ожидают немцев как гостей, но окажут гостеприимство только при полном признании ими независимости Кавказа. Союз с ними лишь для свержения советской власти отвергался. Эти предложения, переданные через линию фронта, германское командование отклонило, мотивируя свой ответ тем, что в союзниках оно не нуждается¹⁶².

2.10.4. Депортация чеченцев и ингушей

Начало гитлеровской агрессии, с одной стороны, активизировало постоянно существовавшее повстанческое движение, а с другой, как и повсюду в Советском Союзе, привело к росту патриотических настроений. Чеченцы и ингуши храбро сражались на фронтах Отечественной войны. В частности, среди бойцов, в течение полутора месяцев в глубоком тылу наступающих немецких частей оборонявших Брестскую крепость, их было несколько сот человек. Те из них, что выжили и вырвались из окружения, сформировали первый на территории Белоруссии партизанский отряд, названный именем земляка Асланбека Шерипова.

По разным оценкам в войне приняли участие от 17 до 30-40 тысяч чеченцев и ингушей. В массе своей это были добровольцы. В начале войны советское правительство не разрешило формирование национальных воинских частей и призванные в одиночку или небольшой группой жители республики направлялись в на-brанные по обычному признаку подразделения. Незнание языка (а тогда русским владела незначительная часть населения республики) и необходимость питаться из общей кухни, в которой значительное место занимала приготовленная с использованием запрещенной для мусульман свинины пища, становилось причиной конфликтов и в итоге дезертирства.

Кроме того, некоторые из жителей Чечено-Ингушетии уклонились от призыва по политическим мотивам. Предвоенные репрессии коснулись каждой семьи, и потому находились те, кто не желал защищать виновную в гибели их родственников власть.

¹⁶¹ Авторханов, 1952, с. 61.

¹⁶² Авторханов, 1952, с. 48-64. При подготовке данного раздела также использована следующая литература: Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX-XX вв.). / http://www.chechnyafree.ru/article.php?IBLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999.

Немаловажно, что многие чеченцы и ингуши не считали Советский Союз своим государством. Отношение к нему было таким же, как и к царской России: для них это была держава, которая, захватив землю и лишив экономических и гражданских свобод, еще и отрицала право коренных жителей на свой язык, религию и национальную самобытность. Поэтому, в отличие, скажем, от русских или украинцев, которые не поддерживали советский строй, но при этом посчитали нужным выступить на защиту своей родины, перед многими жителями Чечено-Ингушетии подобная моральная дилемма не стояла. И власть ими воспринималась как чужая, и государство, которое предлагалось защищать, было не своим.

И все же, согласно официальной статистике, при первой мобилизации в августе 1941 г. в ряды Красной Армии из запланированных 8 тысяч было отправлено 7281 человек. В октябре того же года из республики на фронт ушло еще 3072 бойца, не явились на сборные пункты лишь 362 призывника. В результате трех обязательных мобилизаций действующая армия пополнилась 17 тысячами 413 жителями республики. В розыске же числилось 2 тысячи 45 человек, то есть только около 10% от всех призванных. Другими словами, уклонившихся от участия в войне было ничуть не больше, а, может быть, и меньше, чем среди остальных народов Советского Союза.

Однако уже в марте 1942 г. приказом наркома обороны правительство приняло решение о прекращении призыва чеченцев и ингушей на военную службу. Не согласные с этим кадровые офицеры Красной армии из числа коренных жителей республики проявили инициативу по набору добровольцев. Такое разрешение вскоре было дано, и в Чечено-Ингушетии в короткие сроки сформировали две дивизии. Одна из них, не будучи должным образом экипированной и вооруженной, в августе 1942 г. в районе Котельникова была брошена против танковых колонн, наступавших на Сталинград. В итоге почти все бойцы этой дивизии погибли.

Наступление немецких частей на Северном Кавказе было остановлено на северо-западных границах Чечено-Ингушской республики. Под недолгой оккупацией оказался лишь населенный русскими город нефтяников Малгобек. В строительстве оборонительных сооружений чеченцы и ингуши также приняли самое активное участие. Благодаря их усилиям Грозный со своими нефтяными запасами и перерабатывающими мощностями стал неприступной крепостью для германских моторизованных дивизий.

В начале 1943 г. Северный Кавказ в основном был освобожден советскими частями. Но антисоветское, антисталинское восстание Хасана Исраилова, которое началось за полтора года до войны, стало основанием для тотальной депортации чечено-ингушского населения со своей исторической родины. Не сотрудничество с немцами, которого не было в силу того, что республика ими не оккупировалась¹⁶³, и не «дезертирство», не имевшее массового характера, явились причиной этнической чистки, а противодействие репрессивной машине большевиков, не прекращавшееся с начала 20-х гг., и стремление определенной части населения восстановить национальную независимость.

Начиная с 1943 г., сталинское руководство начинает кампанию депортации «неблагонадежных» народов из мест их постоянного проживания. На все эти народы была возложена коллективная ответственность за коллаборационизм. Карачаевцы и балкарцы обвиняются в прямом пособничестве врагу: предоставлении наступающим немецким частям проводников на горные перевалы и помощи в уничтожении советского партизанского движения. Осенью 1943 г., спустя несколько месяцев после разгрома немцев под Сталинградом и их вытеснения с Кавказа, проводится тотальная депортация карачаевцев. В марте 1944 г. выселяются балкарцы. В декабре 1943 г. из Калмыцкой АССР и в марте 1944 г. из Ростовской области выселяются калмыки. Зимой 1943-1944 гг. НКВД готовит операцию по выселению чеченцев и ингушей под кодовым названием «Чечевица»¹⁶⁴.

В течение всего 1943 г. в Москву шли отчеты об активности «бандгрупп» в Чечено-Ингушетии. Согласно одному из них, составленному по итогам поездки заместителя начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Р. Руденко, в августе в республике на «оперативном учете» находились 33 группы (175 человек), 18 «бандитов-одиночек», дополнительно действовали еще 10 «бандгрупп» (80 человек). Подводя итог, в отчете сказано, что «на 15 августа... действовали в республике 54 бандгруппировки – 359 участников. Значатся в розыске 2045 дезертиров...».

Однако с осени 1943 г., когда уже было принято решение о депортации, в Москву посыпались «сведения» о многотысячных участниках сопротивления. Особенно в этом преуспели сотрудники НКВД Грузинской ССР, которая впоследствии значительно расширила свою территорию в результате депортационной политики советского государства. Нарком внутренних дел этой республики Г. Каранадзе 18 сентября в докладной записке на имя Л. Берия сообщал, например, что в рядах ОПКБ (Особой Партии Кавказских братьев, которая была создана Хасаном Исраиловым) якобы «... состоят 5 тысяч жителей Чечено-Ингушетии».

В октябре 1943 г. в республику «для изучения ситуации» прибыл заместитель наркома госбезопасности СССР Б. Кобулов. В составленной им позднее записке («О положении в районах Чечено-Ингушской АССР») говорилось, что на оперативном учете находилось «... 8356 человек, в том числе 27 немецких парашю-

¹⁶³ В тылу Советских войск на территории Чечни действовала горстка немецких диверсантов-парашютистов, в том числе группа под командованием О. Губбе (псевдоним, являлся этническим аварцем). Им удалось мобилизовать тринадцать чеченцев. В августе-сентябре 1942 г. в Чечню было заброшено еще две диверсионные группы, в числе которой было двое чеченцев – Ш. Газиев и К. Ганишев. После захвата в плен Губбе и нескольких его подчиненных остальные диверсанты, по всей видимости, присоединились к повстанцам. На этом «взаимодействие» лидеров восстания с Вермахтом исчерпывается (Данлоп, 2001, с. 64-65; Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. – Вопросы истории. 1990. № 7. С. 70-72).

¹⁶⁴ Цуциев, 2007, с. 77.

тистов; 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой; 1410 членов фашистских организаций; 619 мулл и активных сектантов; 2126 дезертиров <...> На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью в 245 человек и 43 бандита-одиночки. Свыше 4000 человек — участников вооруженных выступлений 1941-1942 гг. — прекратили активную деятельность, но оружие — пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки не сдают, укрывая его для начала нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

В ноябре и декабре 1943 г. практическая подготовительная работа по переселению была завершена. В республику были введены оперативно-чекистские группы, которые определяли маршруты предстоящего вывоза населения и готовили почву для ввода значительного контингента воинских частей. Возможный предлог для этого также был найден — тактические учения в горных условиях. Уже тогда были обозначены и регионы, куда намечалось сослать чеченцев и ингушей. И как итог этой деятельности — утверждение Л. Берия «Инструкции о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей» (29 января 1944 г.). На третий день после этого — 31 января — Государственный Комитет Обороны издал сразу два постановления, посвященных жителям Чечено-Ингушетии: «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» и «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов».

17 февраля 1944 г. Л. Берия доложил И. Сталину, что подготовка к операции заканчивается и что на учет как подлежащие переселению взято 459 тысяч 486 человек, включая проживающих во Владикавказе и Дагестане. В ходе первой же массовой операции (т. н. фазы «первых эшелонов») должно было быть отправлено 310620 чеченцев и 81100 ингушей¹⁶⁵.

20 февраля 1944 г. вместе с И. Серовым, Б. Кобуловым и С. Мамуловым Берия приехал в Грозный и далее лично руководил депортацией. В ней было задействованы небывало крупные силы: до 19 тысяч оперативных работников комиссариатов внутренних дел, государственной безопасности, военной контрразведки «СМЕРШ» и около 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых в Чечено-Ингушетию со всей страны. В целом же на каждых двух мужчин всех возрастов, считая младенцев и стариков самого преклонного возраста, приходился, если следовать официальной статистике, один хорошо вооруженный боец. Военные были размещены во всех населенных пунктах республики, многие в домах тех, кого им предстояло выселить. Местные жители, считавшие, что их прислали на учения перед отправкой на фронт, проявляли гостеприимство: кормили солдат, предоставляли им на лучшие свои комнаты и постели.

22 февраля 1944 г. Лаврентий Берия встретился с руководством республики и духовными лидерами. Он сообщил им о намеченной акции и, предупредив о самом жестком противодействии любому сопротивлению, предложил провести среди населения разъяснительную работу.

На рассвете следующего дня города и села республики были окружены войсками. Были перекрыты все дороги и тропы. У каждого дома появились автоматчики. Под предлогом того, что необходимо принять участие в мероприятиях (митингах и сходах), посвященных очередной годовщине создания Красной армии, население заставили пройти на заранее оцепленные войсками территории и там, зачитав постановление советского правительства о выселении, арестовали. Все тут же были досмотрены, а сотрудники местной милиции еще и разоружены. Часть женщин на 15 минут отпустили за вещами. Разрешив взять в дорогу только самое необходимое, их тоже погрузили на грузовики и в сопровождении солдат отправили на ближайшие железнодорожные станции.

С учетом рельефа местности и масштабов проводимой операции, вся территория Чечено-Ингушетии была разделена на 4 оперативных сектора. Центром первого с включением прилежащих к нему ингушских районов был определен г. Владикавказ (18 % населения республики). Во второй сектор с центром в станции Слепцовской вошли два горных и два плоскостных района республики (13 %). Центром третьего сектора, включавшего восточную часть республики и примыкающие районы Дагестана с преимущественным чеченским населением, являлся г. Гудермес (25 %). Самым крупным сектором был, однако, четвертый. В него вошли внутренние горные и равнинные районы Чечено-Ингушетии, а центром считался г. Грозный (43 % жителей).

Руководить депортацией населения в первом секторе был назначен Богдан Кобулов, во втором — А. Апполонов, а в третьем управлял всем С. Круглов. Практическое командование всей операцией осуществлял И. Серов, одновременно возглавлявший и четвертый оперативный сектор.

В первый же день депортации (23 февраля) было выселено 333 тысяч 739 человек, из них 176 тысяч 950 удалось погрузить в подготовленные заранее составы. Они состояли из вагонов, предназначенных для перевозки скота. Уже к 1 марта было депортировано 478 тысяч 479 человек¹⁶⁶. Многих жителей высокогорных районов из-за обильных снегопадов не удалось вывезти.

Национальная политическая элита покинула республику в последнюю очередь. Отдельным эшелоном ее отправили в Алма-Ату.

7 марта 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. Через два дня Совет Народных Комиссаров СССР принял секретное постановление (№ 255-74 СС) о за-

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 167. Опубликовано: [Документы Политбюро, НКВД и др. из центральных архивов Российской Федерации за период 1939-1956 г., касающиеся событий в Чечне]. — Документы из архива Иосифа Сталина. — Независимая газета. 29 февраля 2000 г. || http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 161. Опубликовано: там же.

селении и освоении освобожденных территорий. Вскоре на месте нескольких центральных чеченских районов был создан Грозненский округ в составе Ставропольского края. В его состав добавили районы, до 1937 г. входившие в состав Дагестана и населенные ногайцами, даргинцами, кумыками и русскими, что позволило преобразовать его в отдельную область. Не включенная в Грозненскую область часть Чечено-Ингушетии – западные и, отчасти, южные районы – была передана Грузии и Северной Осетии, а восточные и юго-восточные присоединили к Дагестану.

Соответственно, указами Президиума Верховного Совета, но уже РСФСР (от 29 апреля и 30 августа 1944 г.), и решением Грозненского областного комитета ВКП (б) (от 19 июня 1944 г.) были изменены и все названия районов, населенных пунктов, рек, ущелий, горных массивов и отдельных высот, а также равнинных местностей. В Грозный свезли древние рукописи, религиозно-философские трактаты, манускрипты чеченцев и ингушей о своем происхождении и культуре, литературу из частных библиотек и архивов. Все эти документы несколько суток сжигали в центре города. Подверглись разграблению и разрушению путем поджигания средневековые памятники архитектуры: сторожевые и жилые башни, замковые комплексы и поселения, а также мечети. Были уничтожены кладбища во всех без исключения населенных пунктах. Надмогильные камни-чурты пустили на строительство дорог, мостов и плотин, их широко использовали при заливке фундаментов свиноферм и домов – историческая память о населявших край народах должна была быть стерта. Точно таким же образом из учебников географии, исторических книг на долгие 13 лет практически исчезли все упоминания о чеченцах и ингушах.

Подавляющее большинство переселенцев из бывшей Чечено-Ингушетии поселили в Казахстане (239768 чеченцев и 78470 ингушей) и Киргизии (70097 чеченцев и 2278 ингушей). Районами сосредоточения чеченцев в первой из этих республик стали Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская и Алма-Атинская области, а во второй – Фрунзенская и Ошская. Людей, работавших на родине в нефтяной промышленности, направили на месторождения в Гурьевской области. Со временем туда потянулись дополнительные контингенты чеченцев и ингушей. В частности, осужденные (из Северной Осетии их перебросили в Карагандинский лагерь), демобилизованные из действующей армии, которых перед ссылкой собирали в этапы в городах Муроме и Новосибирске, и проживавшие в иных регионах СССР семьи. Отдельными партиями в течение последующих нескольких лет в Казахстан и Киргизию доставлялись и те, кому удалось укрыться во время основной операции по депортации. Среди них были и люди, какое-то время с оружием в руках мстившие советской власти за совершенное в отношении народа коварство.

После изгнания коренных жителей ухаживать за скотом и следить за оставшимся имуществом в сельские районы были направлены студенты, обучавшиеся в Грозном и соседних с ним городах. Однако многие населенные пункты уже были разграблены войсками НКВД. По свидетельствам очевидцев, ковры, швейные машины и другие ценные вещи грузились на автомашины и вывозились еще в процессе депортации или сразу же после нее. В некоторых местах после разграбления дома сжигались. Практически полному уничтожению подверглись аулы и села в горах.

Оставшееся имущество досталось переселенцам (по сути, новым колонистам) из Курской и Орловской областей РСФСР. Впоследствии Грозненскую область пополнили десятками тысяч этнических русских из Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Ярославской областей. Сюда же переселили значительное число украинцев, аварцев, даргинцев и осетин. Однако новые поселенцы оказались плохими «хозяевами»: дома и хозяйственные постройки обветшали и стояли полуразрушенными, снизилось количество возделываемой пашни, упала урожайность сельскохозяйственных культур и добыча нефти. И как итог их деятельности – решение правительства СССР о передаче скота, принадлежавшего чеченцам и ингушам, колхозам Украинской ССР, Ставропольского края, Воронежской, Курской и Орловской областей. При перевозке большая часть животных, однако, погибла от истощения¹⁶⁷.

2.10.5. Массовые убийства в ходе депортации и сразу после нее. Общая убыль чеченского и ингушского населения

Всесоюзная перепись 1959 г. определила, что в СССР на тот момент проживало 419 тысяч чеченцев. Со времени последнего перед депортацией подсчета в 1939 г. их численность увеличилась лишь на 18656 человек. Эти цифры свидетельствуют о колоссальных потерях, которые понес народ в результате действий советского правительства. Несмотря на сохранявшуюся в местах поселения в Казахстане, Киргизии и в других регионах СССР высокую рождаемость, чеченцев стало больше только на 4,5 %. Для сравнения: за одиннадцать лет с 1926 по 1937 гг. прирост даже по официальным данным превышал 27 %.

¹⁶⁷ Кроме того, при подготовке настоящего раздела использованы следующие источники и литература: Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. – Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32–44; Бугай, 2004; Репрессированные народы Советского Союза: наследие сталинских депортаций. // Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. – М., 1991; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. – М., 1994; Гаев и др., 1994; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX–XX вв.). / http://www.chechnyafree.ru/article.php?BLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Авторханов, 1952; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и идентификации. / <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?oard=polit;action=display;num=1080921867>; ИИЦ «Панорама». Чечня: исторический очерк / http://www.chechnya.ru/view_date.php?part=hist&dp=1114200000; Яндиева М. Д. Депортация ингушей. Фальсификации и подлинные причины. – Назрань-Москва, 2008 г.; Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; [Документы Политбюро, НКВД и др. из центральных архивов Российской Федерации за период 1939–1956 г., касающиеся событий в Чечне]; Документы из архива Иосифа Сталина. – Независимая газета. 29 февраля 2000 г. / http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html.

Точных цифр об убыли населения нет до сих пор, но со всей серьезностью можно утверждать, что в ходе депортации или по связанным с ней причинам чеченцы потеряли от 170 до 200 тысяч человек. То есть погиб почти каждый второй представитель народа.

Таковыми же большими были и потери среди ингушей. Согласно переписи 1939 г. численность народа составила 92100 человек. 40-50 % из них либо умерли, либо были убиты в период депортации. Однако по другим данным, количество высланных и, соответственно, погибших ощутимо выше. Так, под грифом «Совершенно секретно» 31 января 1957 г. в секретариат ЦК КПСС министром внутренних дел СССР Н. Дудоровым было направлено письмо (вх. №905), касающееся численности спецпоселенцев. В нем сказано, что с исторической родины было выслано 134178 ингушей, из которых на 1 января 1954 г. состояло на учете всего 85065 человек.

В ходе депортации войска НКВД и оперативные группы из сотрудников госбезопасности убивали людей в массовом количестве и во всех без исключения районах республики. Особенно — в горных, где из-за выпавшего накануне обильного снега и отсутствия хороших дорог вывезти население было достаточно сложно. Чтобы не обременять себя, командование советских частей уничтожило жителей многих аулов. Наибольшую известность получило преступление, совершенное в селе Хайбах Галанчожского района. Военные под руководством комиссара госбезопасности 3 ранга Михаила Максимовича Гвешани и генерал-майора Михаила Спиридоновича Кривенко загнали в конюшню, обложили сеном и сожгли около 750 его жителей. Попытавшихся вырваться из огня расстреливали из автоматов и пулеметов. В числе убитых были и младенцы, и беременные женщины, и глубокие старики. Каратели не пощадили никого. Массовое захоронение жертв, указанное выжившими свидетелями, было вскрыто и изучено органами прокуратуры лишь 22 августа 1990 г.¹⁶⁸. Российский социолог Владимир Воронов справедливо отмечает: «В сегодняшней Чечне название Хайбах — нарицательное. Для чеченца оно означает то же самое, что Хатынь для белоруса, Лидице для чеха, Орадур для француза»¹⁶⁹.

Известны другие случаи массового умерщвления людей:

1. В селе Ялхарой уже на месте сбора депортируемых были расстреляны 86 человек.
 2. В местности между Зингала и Бийци (общество Аьккха) под предлогом того, что не могут продолжать путь, на глазах у родственников советские солдаты расстреляли 32 человека — жителей села Хьахилге. В их числе были женщины и мужчины, больные и старые.
 3. В озере Кезеной-Ам в массовом количестве были утоплены «нетранспортабельные» жители Чеберлоевского района. Точное количество убитых неизвестно.
 4. В Итум-Калинском районе военные забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью дома, в которых оставались больные и старики. Забрать их родственникам не позволили. Множество людей уже в ходе транспортировки закололи штыками и сбросили с обрывов, были среди них и дети. Однако точное количество уничтоженных жителей района установить не представляется возможным.
 5. Жителей Малхисты (высокогорное общество в Чечне) загоняли в пещеры и там расстреливали либо забрасывали гранатами. Точное число убитых также не удалось установить, но известно, что из категории «нетранспортабельных» было уничтожено более 300 человек.
 6. В Ножай-Юртовском районе было отмечено множество случаев, когда военные заставляли людей забраться в сплетенные из веток хранилища для кукурузы (сапетки), обливали бензином, и сжигали вместе с ними.
 7. Жителей высокогорного села Пешха — всего 80 человек — по приказу командования загнали в пещеру (Щен Явлахийн хьех) и расстреляли. Среди убитых были дети, женщины, старики.
 8. В процессе депортации советские солдаты расстреляли и утопили в высокогорном озере Галанчож на юго-западе Чечни до 600 мужчин, женщин и детей.
 9. В районную больницу в селе Урус-Мартан из окрестных населенных пунктов доставили «нетранспортабельных» и вместе с находившимися там больными — всего 72 человека — убили. Трупы были сброшены в соседний овраг и засыпаны мусором.
 10. Населенный пункт Арстах (общество Тёрлой) — массовое истребление немощных людей. Точное количество убитых неизвестно.
 11. 28 февраля уже после выселения большей части населения Джейрахского ущелья в горной Ингушетии в башенном комплексе села Таргим были расстреляны 13 человек. Их трупы затем сожгли.
 12. Несколько десятков ингушских старожил и больных были заперты в жилой башне в селе Цори и сожжены заживо. Точное число убитых не установлено.
 13. 20 человек (цифра приблизительная) были убиты в селе Гули в горах Ингушетии¹⁷⁰.
- Убийствами сопровождалось выселение жителей чеченского села Мазгара. В Нашхое люди были сожжены в сельской конюшне, а в селе Сюжи — в здании школы.

О том, какие зверства совершались в процессе депортации, лучше всего видно по нижеследующим примерам:

¹⁶⁸ Материалы уголовного дела, возбужденного прокурором Урус-Мартановского района ЧИАССР юристом 1 класса Р. У. Цакаевым 31.08.1990 г. №90610010 «по факту обнаружения массового захоронения людей со следами насильственной смерти» в бывшем с. Хайбах Галанчожского района Чечено-Ингушской АССР. Опубликованы: Гаев и др., 1994, с. 23-180.

¹⁶⁹ Воронов, 2005, с. 197.

¹⁷⁰ Гаев и др., 1994, с. 77-147. Усманов Л. Преступления, которые не будут никогда забыты! // <http://www.chechenews.com/news/117/ARTICLE/3750/2008-02-16.html>.

Рядом с селом Валерик (Ачхой-Мартановский район) военнотруженики захватили Виситу Анзорова и его 10-летнего сына. Отцу они отрезали голову и на площади соседнего населенного пункта Шалажи стали играть ею в футбол. Мальчик пытался отнять ее, хватался за ноги, но военных это только веселило. В конце «игры» они жестоко избили и его самого.

Курсантами 61-го учебно-стрелкового полка с марта по апрель 1944 г. были убиты до 80 человек, которых в ходе основной операции не удалось депортировать. В основном это были женщины и старики, а также люди, оказавшиеся за пределами населенных пунктов и поэтому избежавших задержания. В хуторе Геличи 22 марта курсант Синица по приказанию младшего лейтенанта Струева и сержанта Сидорова расстрелял калеку Д. Жабиева и заколол штыком больного И. Гайсултанова и его 8-летнего сына Умара. Пять престарелых женщин, оставшихся на хуторе Амки, служащие этого же полка убили, забросив в дом через дымоходную трубу гранаты¹⁷¹.

Приказ отсечь и уничтожить нетранспортабельных жителей Чечено-Ингушетии по всей видимости отдал комиссар госбезопасности 2-го ранга Сергей Никифорович Круглов. В 1956 г., во время начавшегося (но так и не законченного) расследования обстоятельств депортации и сопровождавших ее массовых зверств, он покончил жизнь самоубийством¹⁷².

После окончания основного этапа операции по выселению чеченцев и ингушей началась охота за теми, кто в силу каких-то причин сумел остаться на своей родине. На дорогах и окраинах опустевших населенных пунктов были выставлены вооруженные дозоры, по лесам и горным ущельям рыскали оперативные группы, отряды НКВД и госбезопасности. Им было приказано уничтожать любого, кого они обнаружат. По свидетельствам выживших людей, трупами были усеяны все местности ликвидированной в одночасье республики. Их находили везде: в опустевших домах, во дворах, на дорогах и тропинках, в окрестностях сел, на опушках лесных массивов и в оврагах. Методы убийства также были разнообразными, от подрыва, расстрела или сжигания заживо до отрезания голов и сажания на кол.

Для истребления не выселившихся людей применялись и яды. Советские солдаты разбрасывали или оставляли в разоренных аулах отравленные продукты питания. Десятки изголодавшихся людей, в первую очередь дети и женщины, стали жертвами этих «пищевых сюрпризов»¹⁷³.

Наибольшее количество чеченцев и ингушей погибло в процессе перевозки и в местах расселения в первые месяцы и годы после высылки. В загруженных сверх всякой меры вагонах (в каждый из них было погружено 40–50 человек, половину из которых, как правило, составляли дети) не оказалось печей, они не были оборудованы туалетами и депортируемые сами проделывали дыры в полу и занавешивали их покрывалами и простынями. Людям не оказывалась медицинская помощь, несколько дней или даже недель подряд не выдавались ни пища, ни вода. Учитывая, что в пути железнодорожные эшелоны находились от 20 дней до месяца, очень скоро возникли инфекционные заболевания, в частности, тиф, и высылаемые погибали в массовом количестве. Среди детей количество умерших было особенно высоким. Трупы вытаскивали на ближайших станциях и складывали вдоль путей. Считалось удачей, если конвоиры разрешали зарыть их в снежных сугробах, так как отойти от эшелона дальше, чем на 5 метров, было запрещено и каралось смертью.

Достоверно неизвестно, сколько чеченцев и ингушей погибло в пути. В некоторых эшелонах процент «отсеявшихся» (т. е. умерших) доходил до половины. В любом случае речь нужно вести, как минимум, о многих и многих десятках тысячах людей.

Однако смерть от голода, холода и болезней преследовала чеченцев и ингушей и после прибытия в места ссылки. Органы власти не обеспечили их продуктами питания и жильем. Медицинская помощь также не оказывалась. Более того, были предприняты все меры, чтобы ограничить возможный контакт с местными жителями. Заблаговременно были распространены слухи о прибытии «бандитов», «пособников немцев» и «врагов народа», которые к тому же якобы поголовно заражены инфекционными болезнями. Ссылные оказались в голой степи, в некоторых местностях их не подпустили даже к окраинам населенных пунктов. Спасаясь от непривычных морозов, они вынуждены были рыть землянки и селиться в них.

Уже в апреле 1944 г. среди депортированных снова вспыхнула эпидемия тифа. Она была настолько значительной, что по этому поводу было принято срочное распоряжение советского правительства (№ 7503). Но все было тщетно: люди умирали целыми семьями. Из 760642 спецпоселенцев, размещенных в Казахской и Киргизской республиках, в период с 1 марта 1944 г. по 1 июля 1949 г. погибли 125 тысяч 564 человека. Из них 101036 человек были представителями северокавказских народов: чеченцами, ингушами, карачаевцами и балкарцами¹⁷⁴.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Гаев и др., 1994, с. 90.

¹⁷³ Гаев и др., 1994, с. 89.

¹⁷⁴ Кроме того, при подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. – Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32–44; Бугай, 2004; Репрессированные народы Советского Союза: наследие сталинских депортаций. // Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. – М., 1991; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. – М., 1994; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX–XX вв.) / http://www.chechnyafree.ru/article.php?IBLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Авторханов, 1952; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и идентификация. / <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?oard=polit;action=display;num=1080921867>; ИИЦ «Панорама». Чечня: исторический очерк. / http://www.chechnya.ru/view_date.php?part=hist&dp=1114200000; Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; [Документы Политбюро, НКВД и др. из центральных архивов Российской Федерации за период 1939–1956 г., касающиеся событий в Чечне]. – Документы из архива Иосифа Сталина. – Независимая газета. 29 февраля 2000 г. / http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html.

2.10.6. Активизация повстанческого движения

К началу депортации населения повстанческое движение в Чечне и Ингушетии оказалось в значительной мере дезорганизованным. Погибли и некоторые из руководителей восставших. Так, Майрбек Шерипов умер в ноябре 1942 г. в местечке Кулан-Чу. В результате тайной операции за месяц до этого кровником был убит Р. Сахабов. Исполнителя убийства — участника антисоветского выступления Р. Магомадова — от дальнейшего преследования власти освободили.

Активные действия органов НКВД и успехи советских войск на фронте убедили рядовых членов отрядов сопротивления в невозможности достижения в данных условиях военной победы. Осенью 1943 г. многие из них связались с властями и начали сдавать оружие. Насколько этот процесс был массовым, установить невозможно. Делегированные в республику для подготовки депортации руководители НКВД Б. Кобулов и И. Серов (докладная записка от 2 декабря 1943 г.) отмечали, в частности, что «... за два предыдущих месяца легализовано около 1300 бандитов, скрывавшихся в лесных и горных массивах». Среди сдавшихся были: Д. Муртазалиев, который, судя по записке, «18 лет руководил бандой и неоднократно провоцировал вооруженные выступления», и А. Бадаев — «главарь вооруженной группы с 15-летним стажем». Но подчеркивалось, что в процессе легализации повстанцами сдавалась лишь незначительная часть имеющегося у них вооружения. Во время операции по депортации большинство этих людей были «изъяты» (то есть арестованы) и отправлены в лагеря. Там многие и погибли.

Новая активизация повстанческого движения пришлось уже на время после выселения чеченского и ингушского населения. Оставшиеся в силу разных причин на родине и не уничтоженные сразу после этого местные жители присоединились к укрывавшимся в горах повстанцам. Они повели беспощадную истребительную войну против представителей советских и партийных учреждений, органов государственной безопасности, военных и направляемых в республику колонистов-поселенцев. Возглавил их, как и прежде, Хасан Исраилов.

Для борьбы с партизанами советское правительство вынуждено было направить в регион и держать там постоянно значительные силы, в отдельные периоды численностью до нескольких дивизий НКВД. Партизанам противостояли и тысячи сотрудников милиции из Грузинской ССР, Дагестана и Северной Осетии. Войсковые операции чередовались с тайными. В ходе одной из них в самом конце декабря 1944 г. Хасан Исраилов был убит. Однако сломить тех, кто оказывал сопротивление, заставить снизить активность стало возможно лишь ко второй половине 50-х гг.

Повстанцы организовывали акции не только на территории ликвидированной республики. Они появлялись и в сопредельных с ней регионах. Местами, где наиболее часто ими совершались диверсии и нападения, являлись, например, Душетский, Ахалхевский (был создан на землях ликвидированной Чечено-Ингушетии), Казбеговский и Ахметский районы Грузии. За девять лет (с 1944-1953 гг.) отряд знаменитого абрека Ахмеда Хучбарова, действовавшего в западных и южных районах бывшей Чечено-Ингушетии, Осетии, провел более 30 боевых операций. В ходе них было уничтожено около 100 сотрудников НКВД и военных.

Бороться с людьми, кроме идеологической, получивших еще и личную мотивацию к сопротивлению, одними силовыми мерами оказалось невозможно. И поэтому власть вынуждена была доставить обратно из Казахстана и Киргизии почитаемых в народе людей, в частности, потомков известных шейхов. Под их гарантии из гор и лесов вышло немало укрывавшихся. Всего, если судить по данным НКВД, с 1944-го по 1948 г. было «легализовано» 2213 чеченцев и ингушей. В процессе фильтрации и последовавшего за этим следствия из них за «бандитизм» было арестовано 348 человек, а за побег из мест заключения еще 22. Однако 1818 человек из отправленных под охраной к местам поселения 1843, от переселения в итоге уклонились и снова ушли в горы (письмо генерала Прошина и полковника юстиции Корунчикова министру внутренних дел и Генеральному прокурору СССР за № Г-221 от 17 декабря 1948 г.).

Некоторых из легализованных органы НКВД затем активно использовали в борьбе против партизан. При помощи «обработанных» (именно этот термин часто применялся для их обозначения в официальных отчетах) выявлялись места дислокации отрядов и совершались убийства их руководителей.

Тем не менее акции сопротивления продолжалось вплоть до возвращения на родину первых групп депортированных чеченцев и ингушей. После этого рядовые члены партизанских отрядов получили возможность затеряться среди соплеменников. Сложнее было руководителям. Ахмед Хучбаров, например, воевавший с советской властью с конца 20-х гг., в январе 1955 г. вышел на контакт с сотрудниками МВД Грузии и некоторое время свободно проживал в Тбилиси. Несмотря на предоставленные гарантии, он все же был арестован и после годичного следствия расстрелян.

Другие лидеры повстанцев продержались еще дольше. Хасуха Магомадов — последний из непримиримых борцов с советской властью — был убит только в 1976 г. на кладбище своего села Хьан-Кхела (Асланбек-Шерипово). Больной и постаревший он спустился туда, чтобы умереть рядом с могилами близких ему людей¹⁷⁵.

¹⁷⁵ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. — Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32-44; Бугай, 2004; Репрессированные народы Советского Союза: наследие сталинских депортаций. // Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. — М., 1991; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. — М., 1994; Гаев и др., 1994; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX-XX вв.) / http://www.chechnyafree.ru/article.php?IBLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Авторханов, 1952; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и идентификация. / <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?oard=polit;action=display;num=1080921867>; ИИЦ «Панорама». Чечня: исторический очерк. / http://www.chechnya.ru/view_date.php?part=hist&dp=1114200000; Ахмадов, Хасмагомадов, 2005; [Документы Политбюро, НКВД и др. из центральных архивов Российской Федерации за период 1939-1956 г., касающиеся событий в Чечне]. — Документы из архива Иосифа Сталина. — Независимая газета. 29 февраля 2000 г. / http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html.

2.10.7. Самовольное возвращение чеченцев и ингушей на родину. Восстановление автономии

Жизнь чеченцев и ингушей в Казахстане и Киргизии в первые годы выселения мало отличалась от жизни в сталинских лагерях. Они ежемесячно должны были регистрироваться в комендатурах и не могли покидать места жительства далее чем на три километра без специального разрешения. Но властям показалось, что этого недостаточно.

24 ноября 1948 г. Совет министров СССР принял строго секретное постановление № 4367-1726 сс, согласно которому переселение чеченцев и ингушей, равно как и других депортированных народов, объявлялось произведенным «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Самовольный выезд из мест обязательного поселения карался отныне 20-ю годами каторжных работ. Лица, которые укрывали бежавших, и те, кто содействовал их возврату на родину, должны были быть осуждены на 5 лет лишения свободы. Представители депортированных народов закреплялись за отдельными сельскохозяйственными и промышленными производствами. На них было распространено действие постановления Совета министров СССР за № 1841-730 с от 3 июня 1948 г., в котором уклонение «от общественно-полезного труда» и ведение «паразитического образа жизни» признавалось уголовным преступлением и «виновный» приговаривался к тюремному заключению сроком на 8 лет. Был ужесточен и порядок регистрации: всем от 10 лет и старше необходимо было являться в комендатуру уже два раза в месяц.

Чеченцы и ингуши выполняли самую тяжелую, неквалифицированную и малооплачиваемую работу на шахтах и рудниках, при строительстве железных дорог, каналов и туннелей, на лесоразработках. Но в особенно жутких, вынуждавших их регулярно совершать побег и восставать, условиях оказались узники лагерей. В Красноярске в октябре 1954 г. были обнаружены около 4 тысяч чеченцев и ингушей, бежавших из мест заключения. Милиция уничтожила половину из них, другим удалось укрыться в тайге. В лагерях на Колыме они в массовом порядке отказывались выходить на работу. Из всех окрестных жителей только ссыльные чеченцы и ингуши в мае-июне 1954 г. оказали помощь продуктами питания восставшим заключенным Особого лагеря № 4 в Карагандинской области («Кенгирское восстание», увековеченное Александром Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ»). Немало было их и среди самих бунтовщиков.

Всюду, где бы ни находились, чеченцы и ингуши старались сохранить свой уклад жизни, традиции, религию и, насколько это было возможно, независимое от власти существование. Это помогло народу не только выжить, но и вернуть себе отнятую родину.

После смерти Сталина в Советском Союзе были предприняты меры по общему ослаблению репрессивного режима. В первые же дни после этого события был распущен личный секретариат «вождя народов». Упразднили «тройки» – особые трибуналы, по которым проходили дела, находящиеся в ведении политической полиции. У министерства внутренних дел (бывшего НКВД) отобрали управления лагерями, передав их в систему министерства юстиции. В конце марта 1953 г. была объявлена амнистия.

Постановление Совета министров СССР от 24 ноября 1948 г., по которому за поездку в соседнее село к родственнику любой из представителей депортированных народов мог быть осужден на каторгу, сначала негласно скорректировали в сторону смягчения¹⁷⁶. В июле 1954 г. Совет министров СССР принял резолюцию «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев», смягчившее наказание за выезд из мест обязательного поселения. За него уже не приговаривали к 20 годам, но это все еще считалось уголовным преступлением. На учет уже не ставили детей, не достигших 16-лет и старше этого возраста, если они посещали школу или другое учебное заведение.

Следующей «порции» послаблений депортированным пришлось ждать еще около восьми месяцев. 10 марта 1955 г. правительство страны разрешило выдавать им паспорта.

Именно это решение и стало ключевым в последовавших затем событиях: получив на руки документы, чеченцы и ингуши самовольно, без разрешения властей стали покидать Казахстан и Киргизию и возвращаться на родину. Там они селились в вырытых землянках или наспех сооруженных шалашах во дворах своих прежних домов, в которых уже больше 10 лет проживали колонисты. Их отлавливала милиция и отправляла назад. Однако желающих вернуться к своим очагам становилось все больше. Несмотря на запрет властей продавать билеты на поезда и усиление патрулирования железнодорожных станций, они преодолевали препоны и все ехали и ехали на Северный Кавказ. К середине следующего года на территории только Грозненской области (не считая районов отошедших к Грузии, Дагестану и Северной Осетии) осело уже 25-30 тысяч чеченцев и ингушей.

Пытаясь воспрепятствовать их возвращению, постановлением Совета министров СССР было решено «усилить массовую агитацию и культурно-просветительскую работу среди переселенных лиц». Весной 1955 г. в Алма-Ате начала издаваться республиканская еженедельная газета на чеченском языке. В ноябре заработал национальный театр, начиная с 1957 г. планировалось начать публикацию произведений вайнахских писателей. Эти меры были направлены на укоренение депортированных народов в Казахстане и Киргизии.

Вопрос о возможности или нежелательности полной реабилитации чеченцев и ингушей в высших кругах советского партийного и государственного руководства обсуждался и после XX съезда КПСС, на котором был «развенчан культ личности» И. Сталина и дана оценка преступлениям, совершенным в период его вла-

¹⁷⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР № 139/19 от неуставленной даты апреля 1953 г. Опубликовано: [Документы Политбюро, НКВД и др. из центральных архивов Российской Федерации за период 1939-1956 г., касающиеся событий в Чечне]. – Документы из архива Иосифа Сталина. – Независимая газета. 29 февраля 2000 г. || http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html.

ствования. Только спустя полгода после него в середине июля 1956 г. указом Президиума Верховного Совета СССР последними из всех депортированных народов они были сняты с учета спецпоселений. При этом, однако, было подчеркнуто, что это не влечет за собой возвращение конфискованного при выселении имущества и не дает автоматического разрешения на расселение в местах прежнего проживания. Государственные органы попытались заставить «освобожденных» расписаться в том, что они не будут претендовать на компенсацию и не вернуться (и это самое важное!) в места, откуда их депортировали. Десятки тысяч чеченцев и ингушей отказались от сделки. В октябре, например, из МВД Казахстана докладывали в МВД СССР, что из 195911 чеченцев, ингушей (и карачаевцев), которые были исключены из республиканских списков спецпоселенцев, в общей сложности 55177 человек отвергли это «соглашение». В Киргизии процент отказавшихся был еще больше: 20735 человек из 47889. Большинство этих людей еще до конца 1956 г. самовольно поселились рядом со своими домами. Многие забрали с собой вырытые из могил кости умерших на чужбине родственников.

Против возвращения чеченцев и ингушей активно выступали руководители министерства внутренних дел СССР, предлагая взамен этого создать автономию в местах ссылки. В секретной справке «По существу писем чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков и немцев о создании для них автономии», подготовленной в этом ведомстве и подписанной 5 июня 1956 г. его руководителем Н. Дудоровым, в частности, подчеркивалось:

«... Учитывая, что территория, где проживали чеченцы и ингуши, в настоящее время заселена, возможность восстановления автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий». В связи с чем, предлагалось в справке, «... можно было бы рассмотреть вопрос о создании для чеченцев и ингушей областной автономии на территории Казахской или Киргизской ССР».

26 июня 1956 г. для работников ЦК КПСС начальником главного управления МВД СССР комиссаром милиции 2 ранга Барсуковым была подготовлена справка «О возможности размещения выселенных в военное время чеченцев, ингушей, балкарцев и других в места, откуда они были выселены». Автор документа признает, что на Северный Кавказ самовольно прибывают «отдельные переселенцы: чеченцы и ингуши и добиваются возврата изъятых у них при выселении домовладений».

Затем, сославшись на мнение начальника управления МВД Грозненской области, он делает вывод, что «разместить чеченцев и ингушей в районах, где они проживали до выселения, не представляется возможным в связи с тем, что эти районы заселены переселенцами из центральных областей РСФСР: Тульской, Орловской, Курской, Рязанской, Брянской, которые освоились и успешно трудятся в сельском хозяйстве».

Называется и главное препятствие для возвращения:

«на переселение из центральных областей были затрачены большие государственные средства, выдавались ссуды на жилищные строительства, так как <...> не хватало жилья».

«Доводы» экономического характера приводились и для подкрепления невозможности возвращения депортированных в западные и южные районы бывшей Чечено-Ингушетии, переданные Северной Осетии.

«В настоящее время вся эта территория заселена другими национальностями, и возвращение чеченцев и ингушей местные партийные советские органы считают нецелесообразным, — говорится в цитируемой справке. —... Начиная с 1944 г., колхозники, рабочие и служащие этих районов взамен старых домов построили 2209 новых капитальных домов, значительное количество лечебных и культурно-просветительных учреждений, школ, МТС и т. д. Новое же поселение внесет дезорганизацию налаженного передового хозяйства».

15 сентября 1956 г. по итогам работы группы сотрудников центрального аппарата партии, президиума Верховного Совета и МВД СССР, ознакомившихся с положением бывших спецпоселенцев, отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам была составлена записка. Констатировав в очередной раз факт занятия районов бывшей Чечено-Ингушской АССР русскими, дагестанскими и осетинскими переселенцами, которые «... на новых местах обустроились и закрепились», в ней утверждалось далее, что экономика региона «по сравнению с довоенным периодом, выросла». Записка кончалась похожим больше на предостережение выводом: «... Партийные и советские органы, а также многие жители Грозненской области, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР категорически возражают против возвращения чеченцев и ингушей».

Однако остановить поток репатриантов было уже невозможно. Предложение о создании автономии в Чимкентской области Казахской ССР ими было отвергнуто. Была проигнорирована и попытка расселения чуть севернее и восточнее исторической родины с созданием национального района вокруг г. Кизляр. Чеченцы и ингуши возвращались именно в те места, откуда были выселены, нередко вступая в открытый конфликт (доходило и до кровопролития) с проживающими там колонистами. Партийные и государственные органы страны оказались перед выбором: воссоздать Чечено-Ингушскую автономию в полной мере либо силой выселить всех, кто вернулся на ее бывшую территорию. Но подвергнуть чеченцев и ингушей новой депортации после XX съезда партии, на котором подобные акции уже называли преступными и осудили, было невозможно. Руководство СССР без особого на то желания все же согласилось восстановить ликвидированную республику. В резолюции ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. об этом говорится с плохо скрываемым сожалением.

«Невозможно не считаться с фактом, — подчеркивается в этом документе, — что недавно, особенно после XX съезда КПСС и снятия <...> статуса спецпоселенцев, стремление их вернуться в свои родные места и восстановить национальную автономию становится все сильнее и сильнее. <...> Несмотря на существующие запреты, тысячи бывших спецпоселенцев самовольно вернулись на места своего прежнего проживания...».

Но даже в этих условиях предпринимались меры по замедлению репатриации. В процитированной выше резолюции от местных и партийных органов республик и областей, в которых в то время проживали чеченцы и ингуши, требовалось «... поощрять закрепление части их населения в местах, где они живут теперь». Кроме того, возвращение предполагалось сделать поэтапным, растянув его с 1957 по 1960 гг. Очевидная цель всех этих мероприятий — замедлить набравший обороты процесс стихийного переселения — не была в итоге достигнута. До начала 1958 г. на свою землю вернулось более 200 тысяч человек — вдвое больше, чем планировалось изначально.

9 января 1957 г., фактически уже после того, как чеченцы и ингуши сами решили проблему возвращения себе своей родины, Чечено-Ингушетия официально была восстановлена. Указ президиума Верховного Совета СССР определил ее новые границы: к республике присоединили земли на левом берегу Терека (Шелковской и Наурский районы), утерянные чеченцами с 1735 по 1770 гг. во время первого этапа колонизации края. Но под предлогом «экономической зависимости от г. Орджоникидзе» за Северной Осетией были оставлены Пригородный район и территории вдоль границы с Кабардино-Балкарской АССР.

Руководство страны не пошло на полную реабилитацию депортированного населения, что означало бы и материальную компенсацию нанесенного ему вреда. Возвратившиеся чеченцы и ингуши за деньги выкупили свои же домовладения, не могли устроиться на работу в отдельные отрасли экономики. Власти чинили препятствия в поселении в отдельных горных местностях, где до депортации проживали тысячи и тысячи людей. В связи с этим с карты республики надолго исчезли Чеберлоевский, Шаройский, Галанчоужский и ряд других районов.

Кроме того, не был решен вопрос о возвращении выселенных чеченцев в Ауховский (ставший Новолакским) район и в часть сел Казбековского района Дагестанской АССР, а также ингушей в оставленный за Северной Осетией Пригородный район.

Но самое главное, будучи вынужденными разрешить чеченскому и ингушскому народам вернуться на историческую родину, руководители государства не решились на расследование обстоятельств их депортации. Соответственно, не были наказаны военные, сотрудники милиции и госбезопасности, совершившие ужасающие преступления. Расследование некоторых уголовных дел (например, в связи с массовым убийством жителей села Хайбах) было начато лишь в годы перестройки, когда виновные в подавляющем большинстве уже были мертвы¹⁷⁷.

2.10.8. Чечено-Ингушетия в конце 1950 — середине 1980-х гг.

Вернувшиеся на родину чеченцы и ингуши так и не стали хозяевами своей земли. Не были восстановлены их гражданские и политические права. Им постоянно напоминали, что они помилованы, из чего следовал вывод о «виновности» перед страной и советской властью. В этих условиях в августе 1958 г. в Грозном произошел антивайнахский погром. Бытовая драка молодых людей — ингуша и русского — привела к гибели последнего. Его похороны переросли в расправу над вернувшимися домой коренными жителями; несколько человек, включая старика-чеченца, толпа просто растерзала.

Бесчинства продолжались четыре дня. Многие русские, в том числе коммунисты, надели красные банты, чтобы разъяренная толпа не приняла их за чеченцев или ингушей. На площади перед зданием Совета министров республики был организован многотысячный митинг, на котором звучали призывы изгнать всех вернувшихся «обратно в Сибирь» и установить в регионе «русскую власть». «К счастью, — пишет Джон Данлоп, — местные горцы проявили исключительную выдержку и, как только начались расправы, добились от властей, чтобы в регионе был восстановлен порядок. Никто из участников массовых беспорядков даже не был привлечен к ответственности; лишь местный партийный руководитель А. И. Яковлев в 1959 г. был переведен из республики»¹⁷⁸.

Эти события в немалой степени стали возможны из-за половинчатости процесса реабилитации, и показали, насколько партийные и советские органы не доверяют чеченцам и ингушам. В дальнейшем недоверие это получило и организационное оформление, затронуло практически все области жизни республики.

¹⁷⁷ Кроме того, при подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г.; Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954-1950). — Социологические исследования. 1991. № 1; Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов. — Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32-44; Бугай, 2004; Репрессированные народы Советского Союза: наследие сталинских депортаций. — Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. — М., 1991; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. — М., 1994; Гаев и др., 1994; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX-XX вв.). / http://www.chechnyafree.ru/article.php?IBLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Авторханов, 1952; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и идентификация. / <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?oard=polit;action=display;num=1080921867>; ИИЦ «Панорама». Чечня: исторический очерк. / http://www.chechnya.ru/view_date.php?part=hist&dp=1114200000; Ахмадов, Хасмагоматов, 2005; [Документы Политбюро, НКВД и др. из центральных архивов Российской Федерации за период 1939-1956 г., касающиеся событий в Чечне]. — Документы из архива Иосифа Сталина. — Независимая газета от 29 февраля 2000 г. / http://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/10_top_secret.html.

¹⁷⁸ Данлоп, 2001, с. 84.

Представители коренных народов автономии не могли занимать определенные должности в ее руководстве. Чеченец или ингуш вплоть до перестройки, например, не мог стать первым секретарем обкома КПСС, секретарем грозненского городского комитета партии, министром внутренних дел, председателем КГБ республики. Присланными из других регионов людьми были и прокуроры, а также председатели Верховного суда Чечено-Ингушской АССР. Однако и подбор на другие, менее значимые, посты строго контролировался госбезопасностью. Кандидат должен был доказать лояльность советской власти, проверялись его родственные связи, отношение к религии и т. д. Важным преимуществом обладал тот, кто был женат на русской. В итоге в 60-80 гг. сформировалась обезличенная чечено-ингушская политическая и экономическая элита, представители которой из карьерных соображений демонстративно дистанцировались от своего народа. У власти оказались люди, которые, заботясь лишь о собственном благе, не препятствовали, а очень часто и сами принимали деятельное участие в активно проводившейся в республике политике дискриминации, в том числе культурной.

Политика эта заключалась в формировании у местного населения устойчивого негативного отношения к собственному историческому прошлому, культуре и традициям. В составленных для школ учебниках, например, возносилась «цивилизаторская роль», которую якобы Россия сыграла на Кавказе. Многовековое сопротивление чеченцев и других народов объявлялось инспирированным извне, «реакционным» и «антинародным». Сфальсифицированы были история гражданской войны и становления советской власти в крае, а на изучение других периодов, к примеру, депортации, наложили запрет. До перестройки эта тема была особенно строго табуирована и для научных исследований, и для публицистики.

Верхом исторических манипуляций явилась т. н. концепция «О 200-летию добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России». Ее автором считается археолог, профессор Виктор Виноградов, работавший в Чечено-Ингушском государственном университете. Будучи известным ученым, внесшим весомый вклад в изучение памятников материальной культуры Чечено-Ингушетии, он не нашел в себе достаточно мужества, чтобы отказаться от исполнения идеологического заказа властей. В результате его имя стало в Чечне едва ли не нарицательным и до сих пор ассоциируется с грубой научной фальсификацией. Инициатором проведения в национальных районах СССР аналогичных кампаний был секретарь по идеологии ЦК КПСС Михаил Сулов. В «обосновании» этой концепции, в ее «продвижении в массы» (в городах и селах даже читались публичные лекции!) весьма активную роль сыграли и некоторые вайнахские ученые.

При колоссальной тяге местного населения к своим языкам (согласно переписи 1989 г. 98.79 % опрошенных чеченцев назвали родным языком чеченский и лишь 1.06 % в качестве такового указали русский), сфера их применения была искусственно сужена. На них в республике полагалось иметь только одну газету, по одному литературному и детскому журналу, а региональные газеты (т. е. районные) должны были верстаться таким образом, чтобы в каждом номере на русском было бы не менее 70 % материалов.

В школах и институтах республики преподавание велось исключительно на русском языке, в то время как чеченский и ингушский были выделены в отдельные предметы. Но даже при этом в сельской местности на них отпускалось меньше времени, чем на изучение иностранных, а в городах их вообще исключили из программы.

В республике действовал лишь один национальный театр, состоящий из двух трупп (ингушской и чеченской), один танцевальный ансамбль и один филармонический оркестр. Иметь больше не полагалось. Формально интересы местных жителей соблюдались, однако для развития культуры этого было явно недостаточно. К тому же и репертуар упомянутых выше коллективов утверждался на уровне профильного министерства и отдела культуры областного комитета коммунистической партии.

Было запрещено публичное отправление мусульманских обрядов, а активные проповедники ислама преследовались. В республике не было ни одной действующей мечети, верующие ездили молиться в соседний Дагестан. Тем не менее полуподпольная сеть суфийских братств (в основном кадарийского тарриката) продолжала существовать и представляла собой в некотором смысле параллельную систему общественного устройства, не включенную в партийно-советскую структуру.

«Время от времени, — указывают Я. З. Ахмадов и Э. Х. Хасмагомадов, — власти пресекали деятельность легальных и полуполигальных религиозных общин, но они продолжали действовать. Так, в 1969 г. в Ингушетии состоялось собрание наиболее авторитетных руководителей крупнейших религиозных общин, на котором обсуждались проблемы различного толкования норм адата и шариата. Все это страшно возмутило партийные органы, которые с ужасом обнаружили, что в республике есть еще одна власть, кроме партийно-советской. Так называемые «шариатские» суды, против которых активно боролись советские правоохранительные органы, на самом деле таковыми в полном смысле слова не являлись. Это были третейские суды, разбиравшие конфликты на основе обычного народного права (адатов) и норм исламского права — шариата. В роли судей выступали, как правило, наиболее уважаемые религиозные деятели. По сравнению с официально действовавшими советскими судебными органами, «шариатский» суд (его правильнее было бы называть «народным») имел ряд серьезных преимуществ: его деятельность не была излишне формализованной, судебное расследование происходило быстро, при прямом участии заинтересованных сторон; все действия суда и принимаемые им решения были абсолютно прозрачны и понятны для участников процесса. Именно наличие всех этих качеств обусловило живучесть «шариатских» судов и их востребованность в чеченском обществе»¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Ахмадов, Хасмагомадов, 2005. Глава XIX. Восстановление Чечено-Ингушской АССР. Развитие республики в 60-80-е годы XX века.

Существовал целый ряд учебных заведений страны, куда чеченцам и ингушам путь был заказан. Например, их не брали в Московский государственный институт международных отношений, готовивший дипломатов. Им не предоставлялась работа на оборонных предприятиях (даже в Грозном!), в сферах, связанных с обеспечением безопасности страны. Чеченец или ингуш до горбачевской перестройки не мог стать генералом ни в армии, ни в милиции, ни в КГБ. Больше, до чего мог дослужиться самый способный из них, — это звание полковника.

Чечено-Ингушетия 1960-1980 гг. — республика с высокоразвитой экономикой. На базе нефтедобычи в Чечено-Ингушетии быстро развивалась электроэнергетика, машиностроение, химическое производство. После того, как к концу 1970-х гг. в республике началось падение добычи собственной нефти, ее предприятия стали ориентироваться на переработку привозного сырья. В 1990 г. по сравнению с 1917 г. городское население увеличилось почти в 10 раз при росте численности всего населения более чем в три раза. На 1989 год удельный вес городского населения составил 41 %, сельского — 59 %. Однако на ряд крупных промышленных предприятий чеченцев и ингушей не принимали. Они с трудом могли устроиться на работу в нефтедобывающей отрасли, нефтепереработке, машиностроении и в химическом производстве. Так, по официальным данным в конце 80-х гг. из 50 тысяч инженеров и рабочих, трудившихся на крупнейших объединениях «Грознефть» и «Оргсинтез», только несколько сот человек были вайнахами. В то же самое время искусственно поддерживался приток квалифицированной рабочей силы из российских областей, для которой в черте Грозного выделялись благоустроенные квартиры. Получить государственное жилье в столице своей республики чеченцам и ингушам, не являвшимся частью партийно-хозяйственной номенклатуры, практически невозможно.

Коренное население всегда отличалось высокими темпами рождаемости. В описываемый период численность только чеченцев приблизилась к миллионному рубежу. Рост населения вкупе с отказом в приеме на промышленные производства и недостатком рабочих мест в сельском хозяйстве привели к безработице. К началу перестройки до 200 тысяч человек трудоспособного возраста не имели постоянных источников дохода. Чтобы прокормить семьи, многие из них вынуждены были выезжать на сезонные работы в районы Крайнего Севера и Сибири, где брали подряды на возведение животноводческих ферм, складов, строили жилые дома. Вместе с деньгами они привозили домой и маргинальную культуру, разлагающе действовавшую на традиционные устои чеченцев и ингушей.

Республика, дававшая огромные доходы в бюджет страны, сама развивалась по остаточному принципу. Ее промышленность почти целиком была союзного подчинения. В обмен на отгруженные в другие регионы высокотехнологические товары, бензин, керосин, масла, продукты химического производства ей достались загрязненная природная среда и неразвитая социальная инфраструктура. Во многих селах не имелось больниц, в школах не хватало мест, отсутствовали водопровод и асфальтированные дороги, большинство населенных пунктов не были газифицированы.

Такая политика не могла иметь поддержки у большинства жителей. В Москву шли жалобы на местную власть. От партийных и государственных органов люди требовали справедливой политической и территориальной реабилитации. Уже в конце 50-х — начале 60-х гг. появились первые обращения ингушей с просьбой восстановить единство своих исторических земель. Но наибольшую известность получило открытое письмо «О судьбе ингушского народа», направленное группой видных представителей интеллигенции в ЦК КПСС и президиум Верховного Совета страны. Оно было охарактеризовано как «националистическое». Попытка партийных органов и КГБ инспирировать «народное осуждение» авторов письма привела к обратному эффекту: 16 января 1973 г. в Грозном на митинг собрались около 10 тысяч ингушей. Их поддержали и чеченцы. Митингующие потребовали вернуть в состав Чечено-Ингушской АССР земли, переданные после депортации соседней Северной Осетии. Через три дня собравшиеся были разогнаны властями при помощи пожарных машин.

Эта акция послужила основанием для ужесточения режима в республике. Гонениям, выразившимся в снятии с работы и исключении из партии, подверглись многие участники митинга. Дальнейшее развитие получила практика замалчивания и фальсификации истории вайнахов. В сельских районах республики началась «инвентаризация земель». По ее итогам урезали приусадебные участки, в пользу государства были изъяты «излишки» скота. Продолжилась ликвидация «диких хуторов». На протяжении 60-70-х гг. горцев снова переселяли в затеречные Наурский и Шелковской районы. Организаторы кампании, вероятно, рассчитывали на их ассимиляцию в местах с преимущественно русскоязычными жителями, однако ее результатом стало нарастание межэтнической напряженности и вытеснение из станиц славянского населения.

Несмотря на идеологический и политический прессинг, в Чечено-Ингушетии находились люди, оппозировавшие местной и даже центральной власти. Так, против антинаучной концепции «о добровольном вхождении в состав России» выступила группа историков: Магомед Музаев, Абдулла Вацуев, Явус Ахмадов, Х. Акиев, Я. Вагапов и др. Они были уволены с работы и до перестройки не могли публиковать свои научные труды. Репрессии против них вызвали недовольство населения. В «годы застоя» классиком чеченской литературы Абузаром Айдамировым был написан роман-трилогия о Кавказской войне «Долгие ночи». Автор подвергся остракизму со стороны партийных органов. Уже изданный тираж книги был изъят и уничтожен, на долгие годы она оказалась под запретом. Примерно в это же время в Чечено-Ингушетии возникло литературное объединение «Прометей». Вошедшие в него молодые поэты и писатели занимались пропагандой национальной

культуры, выступали против политики русификации. Вскоре они попали в поле зрения сотрудников государственной безопасности. Объединение было запрещено, а один из его членов погиб при подозрительных обстоятельствах.

Одним из главных объектов, вокруг которого кипели страсти, — памятник генералу Алексею Ермолову в центре Грозного. Бюст «душителю чеченцев» был установлен еще до революции, но в первые годы советской власти его убрали. Восстановили же в период депортации, выбив на постаменте следующую надпись: «Нет под солнцем народа подлее, коварнее и гнуснее. А. Ермолов о чеченцах». За исключением самой надписи, памятник, несмотря на неоднократные попытки подрыва, «дожил» до перестройки. На второй-третий день после очередного «покушения» его снова водружали на прежнее место.

И все же время правления Леонида Брежнева — самый спокойный период во взаимоотношениях вайнахов (особенно чеченцев) с Россией, который в настоящее время, после очередного периода войн, вызывает у большинства местного населения нескрываемую ностальгию. Итоги этого периода, его значение для истории чеченского общества противоречивы.

Параллельно с проводимой советским режимом политикой национально-культурных, религиозных и иных форм дискриминационных ограничений шел и другой процесс: ускорения культурного развития, укрепления слоя национальной интеллигенции. «В период 60–80-х гг. XX в., — справедливо указывают Я. З. Ахмадов и Э. Х. Хасмагоматов, — произошло близкое знакомство широких слоев чеченского общества с европейской культурой (в ее русско-советском варианте) и усвоение ее основных духовных ценностей на бытовом уровне. Это оказало влияние на весь образ жизни чеченского народа: подавляющее число чеченцев свободно говорило по-русски и носило европейскую одежду, они были знакомы с произведениями русской и мировой литературы и т.д. Русский язык для многих стал вторым родным языком. Происходила широкая культурная дуализация чеченского общества, когда наряду с национальными духовными ценностями получили признание и духовные ценности советской (русской) культуры. В этом весьма велика была роль русских учителей, многие из которых работали в чеченских школах даже самых глухих аулов. Чеченская молодежь и интеллигенция в первую очередь своим приобщением к мировой культуре были обязаны русскому учителю и русскому языку»¹⁸⁰.

Но самое главное, впервые в истории края власть не расстреливала и не ссылала на каторгу тех, кто не покушался на устои режима. Отпала нужда прибегать к ответному насилию. Народ получил передышку, и у него появилась возможность научиться бороться за свои права политическими методами. Первые попытки этого предпринимались во времена «застоя». Но по-настоящему широкое национальное движение зародилось и окрепло уже во второй половине 80-х гг.¹⁸¹.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Кроме того, при подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Музаев, 1995; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html; Жабраилов Р. Курс лекций по истории Чечни (XIX–XX вв.). / http://www.chechnyafree.ru/article.php?IBLOCK_ID=400&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=52674; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001; Гакаев, 1999; Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и идентификация. / <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=polit;action=display;num=1080921867>.

ГЛАВА 3. ЧЕЧНЯ НАКАНУНЕ КОНФЛИКТА

3.1. ПЕРЕСТРОЙКА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ.

Изменения, происходившие во всем Советском Союзе, не обошли стороной и Чечено-Ингушетию. Гласность и демократизация общественной жизни привели к возникновению множества, как тогда это называлось, «неформальных организаций»: независимых от власти объединений граждан. Не случайно, что первыми, кто попытался воспользоваться вдруг открывшимися возможностями, были историки. В 1987 г. в Грозном заработало научное общество «Кавказ», ставившее своей целью развенчание «теорий» и «концепций», фальсифицировавших прошлое чеченцев и ингушей. Возглавил его молодой ученый Салман Джамирзаев, активное участие в работе принимали Лема Усманов, Рамзан Гойтемиров и другие, ставшие в будущем широко известными в республике политические деятели. Общество «Кавказ» стало трибуной, используя которую национально настроенная интеллигенция повела атаку на Виктора Виноградова и его сторонников, пытавшихся сохранить за собой монополию на трактовку исторических фактов.

Поводом же для открытого противостояния с властью стало известие о строительстве в г. Гудермес биохимического завода. В феврале 1988 г. инициативная группа во главе с инженером Русланом Эзбулатовым заявила о том, что эти планы угрожают экологической безопасности жителей республики. В апреле начались массовые митинги, в ходе которых возник сначала т. н. «Союз содействия перестройке», а затем и «Народный фронт ЧИА ССР». Во главе него стал Хож-Ахмед Бисултанов.

Лидеры неформальных организаций и движений скоро сменили экологические лозунги на политические: они выступили за демократизацию общественной жизни, отмену идеологической цензуры и, естественно, потребовали восстановления исторической правды в части трактовки Кавказской войны XIX в. и включения Чечни и Ингушетии в состав России, а также подлинных причин и обстоятельств сталинского выселения народов.

В январе 1989 г. на пленуме областного комитета КПСС была принята установка рассматривать депортацию «как нашу общую трагедию, которая имела под собой скорее политические, чем национальные мотивы». Несмотря на половинчатость формулировки, она явилась прорывом в сравнении с практиковавшейся прежде политикой замалчивания самой болезненной для чеченцев и ингушей темы.

В апреле 1989 г. первый секретарь обкома КПСС Владимир Фотеев, избранный Народным депутатом СССР, стал председателем комитета Верховного Совета страны «по гласности и обращениям граждан». На освободившийся пост партийного руководителя республики в июне того же года был назначен Доку Завгаев. Местные жители восприняли это с воодушевлением, так как чеченцу не позволялось руководить своей автономией с 1925 г.

Вторая половина 1989 г. — время начала либерализации в Чечено-Ингушетии. Был смягчен диктат партийных органов, возникли независимые средства массовой информации и новые общественно-политические организации и партии. Во главе идеологических отделов областного и районных комитетов партии оказались представители национальной интеллигенции, что позволило отказаться от навязанных прежде исторических догм. Концепция «добровольности» вхождения чеченцев и ингушей была отброшена как антиисторическая, появились публикации об уничтоженных при выселении людях (в Хайбахе и Урус-Мартане, например), по итогам которых республиканская прокуратура возбудила уголовные дела и начала расследования¹.

Получил новое дыхание и процесс образования общественных организаций. В этот период появились, например, «Народный фронт содействия перестройке», ингушское общество «Нийсхо».

Летом возникла и первая открыто политическая организация «Барт» («Согласие»). Весной следующего 1990 г. она оформилась в Вайнахскую демократическую партию (ВДП). Ее лидеры — Зелимхан Яндарбиев, Лема Усманов, Муса Темишев — на первых порах позиционировали себя в качестве конструктивной оппозиции руководству республики, но затем открыто выступили против него. Главной целью партии объявлялось создание Вайнахской (т. е. чеченской и ингушской) республики как государства в составе СССР. В ее программе также содержались пункты о приоритете представителей коренных наций в расстановке кадров, возрожде-

¹ Гаев и др., 1994. Вследствие уничтожения в ходе конфликта материалов уголовного дела эта публикация сейчас приобрела роль самостоятельного исторического источника по истории депортации.

нии национальных институтов общественного самоуправления (Мехк-Кхел), об «отделении атеизма от государства», прекращении «искусственной миграции» в регион русскоязычного населения и т. д.

9 и 10 сентября 1989 г. в Грозном собрался Съезд ингушского народа, который, чтобы подчеркнуть историческую преемственность, был назван «вторым» (первый состоялся в 1919 г.). Делегаты потребовали образования отдельной автономии с возвращением отторгнутого при депортации Пригородного района. Был образован организационный комитет во главе с судьей Бексултаном Сейнароевым.

Лидеры чеченских общественных движений с настороженностью отнеслись к желанию представителей братского народа образовать свою республику на землях Сунженского района, северная часть которого до создания ЧИАССР входила в состав Чеченской автономной области.

Под давлением митингов и голодовок в феврале-марте 1990 г. были заменены семь первых секретарей районных комитетов КПСС, а также ряд партийных и советских чиновников среднего звена. Тогда же в республике прошли и первые выборы на альтернативной основе. Большинство депутатов российского парламента, избранных от Чечено-Ингушетии, впоследствии либо открыто примкнули к блоку «Демократическая Россия», либо голосовали за предложенные им резолюции.

Итоги голосования в Верховный Совет ЧИАССР оказались удачными для старого партийного и хозяйственного актива. Но были выбраны и независимо мыслящие люди, организовавшие затем такие оппозиционные фракции, как «Демократическая инициатива» (лидеры – Ганга Эльмурзаева, Юрий Черный, Владимир Тамаров) и «Суверенитет» (Лечи Умхаев, Руслан Цокаев, Амин Осмаев). Председателем республиканского парламента избрали Доку Завгаева, первого секретаря областного комитета КПСС. Посты государственного и партийного руководителя он совмещал до сентября 1991 г.

Летом 1990 г. группа видных представителей интеллигенции выступила с инициативой проведения съезда для обсуждения проблем возрождения культуры, языка, традиций, исторической памяти. Власти республики поддержали эту инициативу. Первый чеченский национальный съезд состоялся 23–25 ноября 1990 г. Его главным лозунгом стала идея республиканского суверенитета. С учетом пожелания ингушей иметь собственную государственность съезд декларировал суверенитет «Чеченской Республики Нохчий-чоь».

Для реализации решений съезда был избран Исполком чеченского национального съезда (ЧНС), в который вошли представители умеренного (реформистского) и радикального течений национального движения. Его почетным председателем стал генерал-майор авиации Джохар Мусаевич Дудаев (1944–1996), а его первым заместителем – Лечи Умхаев.

Под давлением Исполкома ЧНС и массовых акций, организованных Вайнахской демократической партией, 27 ноября 1990 г. Верховный Совет убрал из названия республики слова «советская» и «социалистическая» и принял Декларацию о государственном суверенитете. Предусматривалось, что Чечено-Ингушская Республика (ЧИР) будет подписывать федеративный и союзный договоры только на равноправной с другими субъектами основе и только, как настояла на этом ингушская часть депутатского корпуса, после положительного решения вопроса о принадлежности Пригородного района.

11 марта 1991 г. парламент республики принял постановление об отказе в проведении на своей территории референдума по введению поста президента РСФСР. С тех пор чеченцы не участвовали в общероссийских голосованиях.

Принятие Декларации о суверенитете, впрочем, мало изменило характер отношений республики с союзным и российским центрами. Недовольные этим политические силы – Вайнахская демократическая партия, Зеленое движение, Исламская партия возрождения, партия «Исламский путь» и научное общество «Кавказ» – в декабре 1990 г. сформировали блок «Общенациональное движение чеченского народа». Его главной целью была провозглашена борьба за выход Чечено-Ингушетии из состава РСФСР.

Весной 1991 г. вернувшийся на родину после отставки генерал авиации Джохар Дудаев выступил с заявлением, в котором говорилось, что после принятия Декларации о суверенитете прежний состав Верховного Совета утратил легитимность, и что единственным законным органом на территории республики, уполномоченным народом, является исполнительный комитет чеченского национального съезда.

8 и 9 июня 1991 г. в Грозном прошла вторая сессия Первого чеченского национального съезда, переименованного в Общенациональный Конгресс чеченского народа (ОКЧН). На нем в дальнейшем было принято решение о низложении Верховного Совета ЧИР и провозглашении Чеченской Республики Нохчий-чоь. Временным органом власти был объявлен исполнительный комитет во главе с Джохаром Дудаевым. В знак протеста из него вышли сторонники эволюционного пути развития республики во главе с Лечей Умхаевым. Их места тут же заняли радикально настроенные члены национального движения: Юсуп Сосламбеков, Зеллихан Яндарбиев, Хусейн Ахмадов и т. д.²

² При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. – ПЦ «Мемориал». – М., 1998; Правовые аспекты чеченского кризиса: материалы семинара. Отв. ред. Кравченко Н. А. – НИПЦ «Мемориал». – М., 1995; Гакаев, 1999; Чеченская революция и внутриполитическая борьба в Чечне (1989–1994 гг.). – Информационно-аналитический центр «Панорама». / http://www.chechnya.ru/view_all.php?part=hist&offset=17; Музаев, 1995; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html; Интервью Вячеслава Игрунова. – «Новое русское слово» от 30 января 1995 г. / http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/1083844080.html; Коган-Ясный, 1995; Серебряников, 1995; Воронов, 2005; Краснопеов Д. Гражданская война в России 1993–?. // «Абакан литературный». 2005. № 1. / http://artofwar.ru/k/krasnopeew_d_w/text_0010.shtml; Хроника событий (1992–1996 гг.). – Информационный канал «Чеченская Республика». / <http://kavkaz.strana.ru/catalogue/history/>; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001.

3.2. САМОПРОВОЗГЛАШЕННАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ПЕРИОД ФАКТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

3.2.1. Приход к власти сторонников отделения от России

События августа 1991 г. — попытка в Москве государственного переворота ГКЧП и ее крах — значительно ускорили развитие ситуации в Чечено-Ингушетии. В первый же день путча в стране исполком ОКЧН разместил свой штаб в здании бывшего горкома партии в Грозном и организовал митинг на центральной площади столицы республики. Джохар Дудаев и его сторонники уже 19 августа распространили заявление, в котором охарактеризовали действия ГКЧП как «государственный переворот, совершенный группой государственных преступников». Тогда же началось формирование силовых групп, которые позднее стали основой национальной гвардии.

Официальные власти заняли в отношении ГКЧП выжидательно-сочувственную позицию. Доку Завгаев, который в это время находился в Москве, никак не прореагировал на происходящие в стране события. А руководители рангом поменьше предприняли действия, которые можно было расценить как осторожную поддержку путчистов. Милиция, например, пыталась разогнать митинг, задержала и доставила в КГБ активистов Вайнахской демократической партии Зелымхана Яндарбиева и Салавди Яхьяева. Около 4 часов утра 20 августа по указанию первого секретаря Грозненского городского комитета КПСС правоохранительные органы на время перекрыли доступ в штаб ОКЧН. Вечером того же дня они попытались очистить от сторонников Джохара Дудаева и само здание. Столкнувшись с опасностью вооруженного противодействия со стороны охраны и митингующих, сотрудники милиции и КГБ отошли.

Второй день путча оказался для Чечено-Ингушетии самым напряженным. Он кончился тем, что по тревоге были подняты войска Грозненского гарнизона. В республику были введены дополнительные части и подразделения Советской Армии. Официально объявленный повод — помощь сельскохозяйственным предприятиям в уборке урожая — никого не обманул. Местные жители заговорили о новой депортации, о репрессиях в отношении тех, кто осмелился противиться путчистам и т.д. Исполком ОКЧН предупредил командиров этих частей, что применит силу, если с их стороны последуют какие-либо «агрессивные действия».

После краха ГКЧП и ареста путчистов партии и организации, выступавшие за независимость Чечни, потребовали отставки парламента республики и проведения новых выборов. 25 августа открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета ЧИР, на которой депутаты выразили поддержку к тому времени уже вернувшемуся из Москвы Доку Завгаеву. На следующий день в Грозный прилетели представители президента России. Они предупредили власти республики о недопустимости применения силы в отношении политических оппонентов. Одновременно была предпринята попытка «вывода из игры» Джохара Дудаева. Командующий Военно-Воздушными Силами СССР Петр Дейнекин предложил ему высокую военную должность. Уехать из республики пытались уговорить его и бывший командующий контингентом советских войск в Афганистане Борис Громов, и герой этой войны Руслан Аушев. Но тот отверг их предложения.

К началу сентября 1991 г. сторонники ОКЧН контролировали ситуацию в Грозном и в большинстве сельских регионов. Митингующие и сформированные из их числа вооруженные группы сторонников ОКЧН овладели зданиями теле- и радицентра, Совета Министров республики и т.д. На прошедшем 1 и 2 сентября Третьем съезде чеченского народа Верховный Совет Чечено-Ингушетии объявили низложенным. В ответ законодатели попытались ввести в Грозном чрезвычайное положение. Ими было предложено назначить на 29 сентября и президентские выборы. Однако 6 сентября митингующие ворвались в Дом политического просвещения, в котором собирались депутаты, и заставили Доку Завгаева отказаться от претензий на власть.

Руководство России в целом было не против замены «коммунистического» парламента Чечено-Ингушетии, оно лишь пыталось ввести этот процесс в «законное русло». С этой целью 11 сентября в республику прибыла делегация политиков из ближайшего окружения Бориса Ельцина. Их задача состояла в том, чтобы убедить депутатов объявить о самороспуске, сформировать временные органы власти и назначить новые выборы. После достижения предварительной договоренности на этот счет 14 сентября из Москвы прилетел исполняющий обязанности председателя Верховного Совета РСФСР чеченец Руслан Хасбулатов. На следующий день он принял участие в последнем заседании законодательного органа республики, назначившим на 17 ноября новые выборы. До их проведения по согласованию с оппозицией был сформирован Временный высший Совет (ВВС) ЧИР, руководителем которого стал заместитель председателя Исполкома ОКЧН Хусейн Ахмадов.

15 сентября в городе Назрань прошел съезд ингушских депутатов всех уровней. На нем была провозглашена Ингушская республика в составе России.

К началу октября между членами ВВС возник конфликт. Его причиной стало издание постановлений, узаконивших Исполком ОКЧН в качестве высшего органа власти, и объявление о разделе ЧИР на суверенную Чеченскую Республику и Ингушскую Республику в составе РСФСР. Большая часть его членов 5 октября приняла решение о смещении Хусейна Ахмадова и об отмене подписанных им законодательных актов. В этот же день вооруженные сторонники ускоренного продвижения к независимости захватили здание КГБ, а на следующий Исполком ОКЧН объявил о роспуске ВВС и принятии на себя функций «революционного комитета на переходный период».

В итоге в республике оформились два центра власти: исполком ОКЧН и созданному под его эгидой Комитету по оперативному управлению народным хозяйством (КОУНХ) во главе с бизнесменом Яраги Мамадаевым противостоял и Временный Высший Совет, опирающийся на коалиционное движение «За сохранение Чечено-Ингушетии» и продолжающий действовать прежний Совет министров под руководством Сергея Бекова. Российское руководство в лице Руслана Хасбулатова отреагировало на сложившуюся ситуацию пред-

упреждением, что не допустит узурпации власти «неформальной организацией» и не признает итогов проведенных под ее контролем выборов.

6 октября с «миротворческой миссией» в Грозный прилетел вице-президент России Александр Руцкой. Однако его сопровождали только «силовики»: министр внутренних дел и руководитель КГБ. Их встречи с представителями ОКЧН и ВВС не привели к каким-то конкретным результатам, стороны остались на прежних позициях. По возвращении делегации в Москву Верховный Совет РСФСР принял постановление «О политической ситуации в Чечено-Ингушской республике». Единственным законным органом власти в нем провозглашался ВВС, обязанный «принять все необходимые меры для стабилизации» ситуации.

Данное постановление привело к окончательному размежеванию исполкома ОКЧН и российского руководства. В республике был отменен призыв в Советскую Армию, а уже находящихся на службе чеченцев отозвали на родину. Митинг в центре столицы получил новую силу: в Грозный прибыли десятки тысяч граждан из всех районов, началась запись в национальную гвардию.

18 октября Джохар Дудаев предупредил население о необходимости быть готовым к вооруженному вторжению. Основанием для такого заявления стала концентрация войск в сопредельных республиках: Дагестане и Северной Осетии. На следующий день с угрозами в адрес лидеров ОКЧН, на которых российская прокуратура уже выписала ордер на арест, выступил Борис Ельцин. Он потребовал, чтобы Джохар Дудаев и возглавляемые им структуры в трехдневный срок подчинились постановлению Верховного Совета РСФСР. В случае отказа, заявил российский президент, «будут применены все меры, предусмотренные законами, чтобы нормализовать ситуацию и укрепить соблюдение конституционного порядка».

Несмотря на «предупреждения», «заявления» и угрозы из Москвы, 27 октября в чеченских районах республики исполком ОКЧН провел президентские и парламентские выборы. Президентом был избран Джохар Дудаев. Так как голосование проводилось без соблюдения важнейших процедур (в отдельных населенных пунктах избирательные урны выставлялись на улицах, и любой желающий мог забросить какое угодно количество бюллетеней), шансы на признание их итогов политическими оппонентами и широкими слоями населения, по видимости, были бы минимальными. Но последовавшее затем вмешательство российского руководства оказало сторонникам независимости неоценимую услугу.

1 ноября указом избранного президента Чеченская Республика была объявлена независимым государством. На следующий день члены нового парламента на первом своем заседании ратифицировали этот документ. В тот же день в Москве на 5-м съезде народных депутатов РСФСР было принято постановление, признававшее эти выборы незаконными и прямо противоречащими Конституции страны.

8 ноября 1991 г. Борис Ельцин подписал указ о введении на территории Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения. В ответ на это о поддержке Джохара Дудаева заявили даже лидеры и члены партий и организаций, прежде ему противостоявших. Произошла невиданная консолидация населения. Переброшенные в республику подразделения милицейского спецназа прямо на аэродроме были разоружены, а воинские части блокированы ополченцами и отрядами находящейся на стадии формирования национальной гвардии. Были «нейтрализованы» и сотрудники местной милиции, все еще подчинявшиеся Москве. Митингующие осадили здание МВД, в котором находился министр Ваха Ибрагимов и два российских генерала. В итоге 9 ноября при стечении огромного количества людей (не менее ста тысяч человек!) только что избранный президент независимой Чеченской Республики был приведен к присяге. Временный Высший Совет и подконтрольные ему структуры, в том числе вооруженные, распались.

21 ноября 1991 г. Джохар Дудаев отменил военное положение, а еще через пять дней наложил запрет на вывоз вооружения, находящегося в местах дислокации воинских частей на территории республики. В начале декабря в Грозный для переговоров на этот счет прибыл заместитель министра обороны РСФСР Павел Грачев. Переговоры продолжились в феврале 1992 г. В обмен на свободный вывод подразделений российской армии он согласился передать часть оружия, в том числе и тяжелого.

Таким образом, российское руководство поначалу поддержало лидеров чеченского национального движения в противостоянии с воспринимавшимся в качестве коммунистического парламентом ЧИР. Но после того, как стал очевиден курс на построение независимого государства, оно попыталось не допустить их прихода к власти. Неудачная попытка введения чрезвычайного положения стала первой, но не единственной, как выяснится потом, попыткой силой вернуть «отложившийся» народ в состав России.

Что касается ингушей, то 30 ноября 1991 г. в трех районах, в которых они компактно проживали, был проведен референдум. Большинство населения высказалось за образование «Ингушской республики в составе РСФСР с возвращением Пригородного района и со столицей в правобережной части Владикавказа». Это событие стало и прологом кровавого осетино-ингушского конфликта, освещение которого выходит за рамки настоящего очерка³.

³ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: ПЦ «Мемориал». – М., 1998; Правовые аспекты чеченского кризиса: материалы семинара. Отв. ред. Кравченко Н. А. – НИПЦ «Мемориал» – М., 1995; Гакаев, 1999; Чеченская революция и внутривластная борьба в Чечне (1989–1994 гг.). – Информационно-аналитический центр «Панорама». / http://www.chechnya.ru/view_all.php?part=hist&offset=17; Музаев, 1995; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html; Интервью Вячеслава Игрунова. – Новое русское слово. 30 января 1995 г. / http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/1083844080.html; Коган-Ясный, 1995; Серебряников, 1995; Воронов, 2005; Краснопеев Д. Гражданская война в России 1993–?. // Абакан литературный. 2005. № 1. // http://artofwar.ru/k/krasnopeew_d_w/text_0010.shtml; Хроника событий (1992–1996 гг.). – Информационный канал «Чеченская Республика». / <http://kavkaz.strana.ru/catalogue/history/>; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001.

3.2.2. Обстановка в Чечне и вокруг нее в годы правления Джохара Дудаева

Руководители объявившей о своей независимости Чеченской Республики столкнулись с множеством экономических и социальных проблем. Как и в других регионах и государствах бывшего теперь СССР, население испытывало недостаток в основных продуктах питания, дефицитными стали многие промышленные товары, «обрушились» основные отрасли народного хозяйства: добыча нефти и ее переработка. Остановились связанные с ними химические и машиностроительные предприятия. Прекратилось поступление в бюджет республики налогов, широкие слои населения перестали получать заработную плату. Как и в других республиках, трудности в экономике и ошибки, которые правительство допускало в решении тех или иных задач, «подпитывали» внутреннюю оппозицию.

12 марта 1992 г. депутаты парламента приняли Конституцию, согласно которой Чеченская Республика провозглашалась «суверенным демократическим правовым государством, созданным в результате самоопределения чеченского народа». Но уже в этот период между большей частью депутатского корпуса и окружением президента возникли первые противоречия. Они касались роли парламента при формировании кабинета министров. Кроме того, выявились разные подходы к проведению рыночных реформ и нормализации отношений с Россией.

Тогда же вновь усилились оппозиционные движения. «Даймохк», «Маршо», «Гражданское согласие» и другие выступили с требованием демократизации политического режима и новых выборов. И хотя в своих заявлениях они не отвергали курса на построение независимого государства, на практике многие из них действовали в русле часто менявшейся по отношению к республике политики Кремля.

С 12 по 14 марта 1992 г. в Дагомысе состоялись первые по-настоящему серьезные переговоры между уполномоченными чеченскими и российскими представителями. По их итогам был подписан протокол о рассмотрении вопроса признания Чеченской Республики в качестве независимого государства. Через две недели после этого, 31 марта 1992 г., в день подписания федеративного договора между центральным правительством России и входящими в ее состав автономиями, в Грозном была предпринята попытка переворота. Вооруженный отряд неизвестного до этого «Координационного комитета по восстановлению конституционного строя в Чечено-Ингушской Республике» захватил здания радио- и телецентра. Его анонимные лидеры потребовали немедленной отставки президента. Во второй половине дня подразделение национальной гвардии освободило радиоцентр, а к телецентру выдвинулись невооруженные манифестанты. Захватившие телецентр лица открыли по толпе огонь и убили идущего впереди старика. После чего, бросив оружие, покинули город и укрылись в Надтеречном районе – единственном территориальном образовании на территории республики, руководители которого все еще отказывались подчиняться Джохару Дудаеву.

Интересно, что российские средства массовой информации, опередив события, еще с утра стали распространять сообщения о захвате власти оппозицией и о якобы предстоящем подписании Доку Завгаевым федеративного договора от имени Чечни. В ответ на мятеж, за которым, по всей видимости, стояла Москва, в тот же день парламента в экстренном порядке принял постановление о передаче под контроль республиканских властей мест дислокации частей и подразделений российской армии со всем находящимся там вооружением и оборудованием. Эта мера, во-первых, должна была предотвратить возможную поддержку военными внутренней оппозиции и, во-вторых, не допустить передачи ей оружия, что уже во многих случаях и происходило.

В апреле 1992 г. правительство России вводит против самопровозглашенной республики ряд мер, призванных задушить ее посредством экономических и финансовых санкций: автомобильное, воздушное и железнодорожное сообщение с ней прекратилось, были введены ограничения на перевод денежных средств частным лицам, предприятиям и организациям. Однако это не способствовало большей «сговорчивости» Джохара Дудаева. Позиции руководителя республики и возглавляемой им администрации остались прежними: политическая независимость Чечни в обмен на ее экономическую, финансовую, транспортную и военную интеграцию в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), созданного вместо распущенного СССР.

Эти предложения стали основой состоявшихся в Москве с 25 по 28 мая переговоров. Российские представители вначале попытались откеститься от мартовских договоренностей, настаивая, что разговор надо начинать с «чистого листа». Кроме того, в повестку предлагалось внести и вопрос определения границы между Чеченской Республикой и Ингушетией. Но чеченские представители сумели вернуть разговор к основному спорному вопросу, добившись подтверждения дагомыского протокола и получив согласие на продолжение переговорного процесса в дальнейшем.

26 мая было подписано межправительственное соглашение о выводе всех размещенных на территории республики войск. Еще через два дня министр обороны России Павел Грачев отдал приказ о передаче половины военного снаряжения и оружия, в том числе и тяжелого, правительству Чечни.

4 июня 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации принял закон об образовании в своем составе автономии ингушского народа. В документе нет никакого упоминания о Чеченской Республике, что многие расценили как фактическое признание ее независимого статуса.

6 июня Джохар Дудаев в резкой форме потребовал, чтобы в течение суток из Чеченской Республики были выведены все российские части. Это было ответом на прозвучавшее в средствах массовой информации заявление Павла Грачева о готовности послать дополнительный контингент войск для защиты все еще остающих-

ся на ее территории военных и их семей. Для беспокойства об их безопасности оснований не было никаких: ни одного случая убийства, ранения или даже избиения указанной категории лиц нигде и никем не фиксировалось. Тем не менее перепалка между президентом Чечни и министром обороны России ускорила вывод российских подразделений. Пределы стремящейся к независимости республики последние из них окончательно покинули уже к 7 июля. В конечном итоге войска оставили здесь большинство имевшегося оружия: попытки его вывоза пресекались чеченскими силовыми структурами, а военные не сумели или не захотели им противостоять.

Легкость, с которой российское руководство согласилось вывести войска, вызвала множество пересудов. Одно из самых распространенных «объяснений», получившее косвенное подтверждение в последовавших затем событиях, — нежелание иметь в республике части, которые в случае ухудшения ситуации стали бы объектом для ответного удара. Эти подозрения усилились осенью 1992 г., когда отношения между Чечней и Россией дважды балансировали на грани войны.

6 сентября подразделения специального назначения российского министерства внутренних дел в сопровождении десятков БТРов выдвинулись из Хасав-Юрта (Дагестан) к чеченской границе. Мгновенно приведенная в боевую готовность Национальная гвардия заняла позиции. Но столкновения не произошло из-за активного противодействия местных жителей. Аварцы, кумыки и чеченцы заблокировали дорогу и захватили офицеров, пообещав их отпустить только после возвращения спецназовцев к месту постоянной дислокации. Впоследствии их переброску в Дагестан попытались объяснить необходимостью иметь там вооруженную силу на случай возможного возникновения «хлебных бунтов».

Переговоры между официальными представителями России и Чечни между тем продолжились. Во время встречи Александра Руцкого с заместителем председателя парламента Юсупом Сосламбековым и государственным секретарем Асламбеком Акбулатовым была достигнута договоренность о взаимном открытии представительств в Москве и Грозном и отмене финансовой, экономической и транспортной блокады республики. Подтверждением протоколов, принятых на мартовском и майском раундах переговоров, закончилась встреча и в Чишках 25 сентября. В ней участвовали первые заместители председателей российского и чеченского парламентов, соответственно Юрий Яров и Бек Межидов.

Но, видимо, уже в этот период руководство Российской Федерации приняло решение о силовом свержении Джохара Дудаева. По времени это совпало с усилением оппозиционных сил в республике. Так, в июне-июле 1992 г. сформировалась группа «Бакъо» («Право»), состоявшая из 15 депутатов парламента. Они выступали за лишение президента полномочий руководителя правительства и формирование кабинета министров, ответственного перед законодателями. В сентябре возник и «Блок демократических сил», в котором объединились организации и движения, противостоявшие ОКЧН в разгар кризиса осени 1991 г. Со стороны могло создаться впечатление, что ослабленный внутренними распрями президент не сумеет долго удерживать власть, и надо лишь ускорить этот процесс давлением извне.

Повод для силового воздействия вскоре представился. В конце октября обострившийся спор в Пригородном районе, переданном в период сталинской депортации Северной Осетии, вылился в вооруженное противостояние. Первый этнический конфликт на территории России оказался недолгим: центральное правительство поддержало одну из сторон — осетин — и чрезвычайно жесткими методами помогло им изгнать из своих домов десятки тысяч ингушей. Введенные в регион войска и бронетехника вместо того, чтобы осуществлять режим чрезвычайного положения и пресекать возможные попытки эскалации насилия, 10 ноября 1992 г. выдвинулись в сторону Чечни, в отдельных местах вклинившись на ее территорию на 12 и более километров.

Навстречу им были переброшены чеченские танки и артиллерия, в наспех вырытых окопах заняли позиции подразделения национальной гвардии. К ним на помощь со всей республики стали стекаться отряды вооруженных добровольцев. Джохар Дудаев, в очередной раз поддержанный населением, потребовал отвести российские войска до утра 11 ноября.

В разрешении ситуации большую роль сыграл исполнявший обязанности премьер-министра России Егор Гайдар и его чеченский коллега Яраги Мамодаев. При содействии будущего президента Ингушетии Руслана Аушева они провели телефонные переговоры и до указанного в ультиматуме срока договорились о разъединении войск. В дальнейшем переговоры от имени российской стороны вели министр по делам национальностей Сергей Шахрай и генерал Александр Котенков. Яраги Мамодаев встретился с ними обоими и добился подтверждения договоренностей. Окончательное соглашение о мирном разрешении ситуации было подписано 15 ноября.

При возвращении в Грозный исполняющий обязанности премьер-министра республики и сопровождающие его лица были обстреляны, а потом захвачены в заложники российскими десантниками. Это, как выяснилось, была ответная мера на действия Джохара Дудаева. Во время обхода своих подразделений он наткнулся на выдвинутый вглубь чеченской территории российский военный пост. Посчитав это нарушением договоренностей, он приказал своей охране разоружить и арестовать всех, кто там находился.

Яраги Мамодаева и сопровождавших его лиц отпустили в обмен на освобождение задержанных военных. Сразу после этого он отправился на республиканскую студию телевидения и выступил с критикой президента, обвинив его, среди прочего, и в стремлении развязать войну. В ответ Джохар Дудаев уже на следующий день заявил, что не давал никому полномочий на ведение переговоров. Сергей Шахрай, представлявший на них руководство РФ, потребовал подтверждения полномочий тех, чья подпись была поставлена под соглашением

об условиях и порядке разъединения войск. К вечеру 17 ноября, дав «уговорить» себя влиятельным политикам, президент Чеченской Республики согласился признать документ.

Ноябрьский кризис имел два важных последствия. Во-первых, руководство России взяло курс на игнорирование Джохара Дудаева в качестве политической фигуры и поощрение противостоящих ему людей и сил. Принципиальное решение об этом, видимо, было принято на заседании Совета безопасности РФ в декабре 1992 г. Во-вторых, произошел дальнейший раскол в лагере сторонников чеченской независимости. Противостояние президента и парламента приобрело и «внешнее» измерение: значительная часть депутатского корпуса стала проявлять склонность к компромиссу в вопросе о суверенитете республики.

В декабре 1992 г. Сергей Шахрай с одной стороны, и Яраги Мамодаев с Юсупом Сосламбековым с другой, стали инициаторами разработки проекта договора по разграничению властных полномочий между органами власти Российской Федерации и Чеченской Республики. Несмотря на негативную реакцию Джохара Дудаева, назвавшего произошедшее «частной инициативой» не уполномоченных никем политиков, уже 14 января 1993 г. переговоры продолжились. В Грозный прибыла российская делегация, которая на встрече с руководителями парламента согласилась на создание рабочей группы для подготовки «Договора о разграничении и взаимном делегировании полномочий».

18 января Джохар Дудаев заявил, что поддерживает проведение российско-чеченских переговоров, но не согласен «с рядом положений протокола, подписанного российской делегацией и представителями чеченского парламента». По его мнению, он нарушал суверенитет Чечни и снижал уровень договоренностей с Россией по сравнению с документами, подписанными в середине марта и конце мая 1992 г. Президент республики дезавуировал протокол и направил в Москву уже свою делегацию. Возглавил ее Зелимхан Яндарбиев.

Однако российское руководство не проявило к этим переговорам достаточного внимания. С чеченской делегацией, представленной ключевыми министрами, встретился не первого ранга чиновник комитета по делам национальностей. После двух дней работы он неожиданно заявил, что ему необходимо посоветоваться с Русланом Хасбулатовым, председателем Верховного Совета. Вернувшись же от него, сообщил, что продолжение переговоров невозможно, так как чеченская сторона отказалась от выработки соглашения по разграничению полномочий.

В течение последовавших за этим нескольких месяцев уже было не до переговоров. Кроме деклараций о намерениях в этот период никаких серьезных попыток договориться не предпринималось, так как и в России и в Чечне начался конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти, и в том и в другом случае приведший к кровопролитию.

Как уже отмечалось, к 1993 г. противоречия между президентскими структурами и парламентом, значительно обострившиеся после военного кризиса на границе с Ингушетией, привели к тому, что представители парламентской и радикальной оппозиции стали искать пути к объединению. В начале февраля был созван «Совет национального и гражданского согласия». Однако к концу того же месяца «Даймохк», «Гражданское согласие» и ряд других пророссийски настроенных организаций вышли из его состава.

Столкнувшись с резко усилившейся и перешедшей к активным действиям оппозицией и пытаясь решить накопившиеся проблемы в экономике и социальной сфере, окружение Джохара Дудаева взяло курс на расширение его полномочий. В начале 1993 г. государственному секретарю Асламбеку Акбулатову поручили подготовить поправки к Конституции, усиливающие власть президента. Поводом же для решительных действий в этом направлении послужил митинг, который оппозиция созвала на Театральной площади столицы республики. Собравшиеся потребовали отставки президента и проведения новых парламентских выборов.

На второй день после начала митинга, 17 апреля 1993 г. Джохар Дудаев объявил о роспуске парламента, Конституционного суда, Грозненского городского собрания, реорганизовал МВД и СНБ (служба национальной безопасности), назначил вице-президента и нового генерального прокурора. Вдобавок ко всему он ввел в республике комендантский час и президентское правление. Большинство членов парламента и судьи Конституционного суда не признали законность этих решений. В конце апреля среди законодателей произошел раскол. Около десяти депутатов сложили полномочия, другие же, избрав 2 мая председателем лидера «Бакъо» Юсупа Сосламбекова, приняли решение о лишении президента полномочий премьер-министра и поручили вице-премьеру Яраги Мамодаеву сформировать «правительство народного доверия».

В начале июня в Грозном недалеко от места проведения оппозиционного митинга был убит Иса Арсамигов, один из самых последовательных сторонников линии Джохара Дудаева. В ответ на это части национальной гвардии 4 июня захватили здание грозненского городского собрания, в котором проходили заседания парламента и Конституционного суда. В ходе штурма были жертвы. Под предлогом возникновения опасности вооруженных столкновений в городе организаторы распустили митинг на Театральной площади.

В середине июня в Конституцию были внесены изменения, закрепившие статус Чечни как президентской республики. В конце июня 1993 г. работа парламента возобновилась, однако он был лишен законодательских функций. 22 июля избрали и нового спикера — Ахьяда Идигова. Все оппозиционно настроенные депутаты были лишены полномочий. В числе «неудобных» оказались и прежние председатели, Хусейн Ахмадов и Юсуп Сосламбеков.

Разгром городского собрания и роспуск продолжавшегося непрерывно больше полутора месяцев митинга подвели черту под мирными формами политической борьбы в республике. В дальнейшем противостояние власти и оппозиции все больше и больше стало приобретать вооруженный характер, что в итоге было использо-

вано для сворачивания переговорного процесса между администрацией Джохара Дудаева и российским руководством. В политике России в отношении Чечни предпочтение было отдано силовым и полусиловым мерам.

Центр оппозиции из Грозного переместился в сельские районы республики: Надтеречный и частично в Урус-Мартановский. А бывший сторонник президента Ибрагим Сулейменов создал Комитет национального спасения (КНС), который 16 и 17 декабря совместно с бойцами силовых подразделений республики и добровольцами, воевавшими в Абхазии, заблокировал центр Грозного. В числе политических требований, выдвинутых тогда, были и назначение парламентских выборов, разграничение полномочий президента и премьер-министра, создание шариатского суда и министерства обороны. Впрочем, в ходе переговоров Джохару Дудаеву удалось перетянуть на свою сторону значительную часть протестующих.

Во время декабрьского обострения обстановки вооруженные сторонники оппозиции, в частности бывший мэр Грозного Бислан Гантамиров и командиры правительственных формирований, публично поклялись не применять силу друг против друга и против народа. Несмотря на это, в первых числах января 1994 г. вооруженный отряд КНС совершил нападение на дислоцирующиеся близ Грозного правительственные формирования. В начале февраля сотрудники департамента государственной безопасности арестовали Ибрагима Сулейменова. Созданные им структуры распались.

3.2.3. Обострение этнической напряженности

Политические перемены второй половины 80-х — начала 90-х гг. на территории национальных окраин СССР — союзных и автономных республик — привели к резкому обострению этнической напряженности. Положение некоренного населения национальных образований на территории Северного Кавказа, в том числе русскоязычного, начало постепенно, но неуклонно ухудшаться одновременно с развитием экономического кризиса и ростом местных националистических настроений. Уже с конца 1980-х гг. начинается процесс усиленной миграции русскоязычного населения из автономных республик.

Не стала исключением и Чечено-Ингушетия. Обострению межнациональных отношений здесь способствовало несколько факторов. Во-первых, традиционная этническая напряженность между вайнахским и пришлым населением, обусловленная депортацией 1944 г. и последующей дискриминацией коренных народов. С ослаблением полицейского и административного давления маятник качнулся в обратную сторону: если раньше ключевые управленческие посты в республике занимали в основном русские, то теперь они активно выдавливаются представителями национальных кадров. Второй причиной стал спад, а затем и почти полный коллапс промышленного производства. Так как в промышленности были заняты, прежде всего, русскоязычные кадры, именно по ним с особой силой ударила безработица, кризис с выплатой зарплат и т. п. В-третьих, в условиях ослабления государства и распада правоохранительных органов, ключевую роль в защите личности в Чечне опять начинают играть традиционные семейно-родственные институты. По понятным причинам некоренное население не было в них включено. В результате, стремительный рост преступности, отмечавшийся в этот период по всей России, особенно больно ударил здесь по данным этническим группам. На страже жизни и достоинства чеченцев и ингушей стояла семья и обычай кровной мести, что являлось для преступников очень мощным сдерживающим фактором. Применительно к русскоязычным жителям он не работал, и они, как правило, становились самой легкой жертвой бандитов. В наибольшей степени это касалось жителей преимущественно русскоязычного центра Грозного, в меньшей — сельских жителей или жителей городских окраин со смешанным населением, интегрированным в местное сообщество, члены которого во многих случаях становились на защиту своих русских соседей и друзей. Нередко убийства представителей русскоязычного населения совершались с целью завладения недвижимостью.

С провозглашением независимости все описанные процессы еще более усугубились. «Демократическая революция», произошедшая в ЧИА ССР, — справедливо указывает известный чеченский журналист Тимур Алиев, — приняла национальный характер. Объясняется это, в частности, и тем, что в организациях, совершивших ее, почти не было русских. В итоге русских не оказалось и в «новой власти». <...> Большинство русскоговорящих жителей республики не приняло эту «революцию» и не поддержало ее. Возможно, их отторжение вызвал переход от демократической фазы в национальную. Более того, многие сразу не захотели жить в независимом государстве Чечня и «голосовали за независимость ногами». Они не хотели быть негитуйной нацией в новом государстве. Ведь рушился привычный уклад власти, строившийся по <...> схеме: первое лицо — русский, второе — чеченец, третье — ингуш. Кроме того, у новой республики были неясные политические перспективы. <...> Эта политическая неопределенность не могла не внушать подозрений в плане будущей экономической стабильности»⁴.

К счастью, дело здесь никогда не доходило до открытых этнических столкновений. Идеи крайнего национализма не находили в чеченском обществе сколько-нибудь существенной поддержки. Однако ежедневный процесс экономического и криминального вытеснения некоренного населения шел очень интенсивно. О нем свидетельствуют масштабы миграции.

Как отмечает Александр Черкасов, в 70-80-е гг. из Чечено-Ингушетии выезжали не только славяне, но и вайнахи: нетто-эмиграция последних в 1979-89 гг. по данным переписей достигала 50 тысяч. Русскоязычных из них было около 20 тысяч человек. За эти годы число чеченцев, постоянно живших в Ставропольском

⁴ Алиев, 2007, с. 85-87.

крае, возросло в 3,4 раза, в Астраханской области – в 5,5 раза, в Ростовской области – в 6,8 раза, в Волгоградской области – в 13,7 раза, в Тюменской области – в 33,7 раза. Суммарно в этих пяти регионах число постоянно проживающих чеченцев выросло шестикратно: с 9,3 до 55,8 тысяч⁵. Эта миграционная волна, очевидно, была связана с общим спадом промышленного производства и ростом в республике безработицы, масштабы которой были одними из самых высоких в СССР. Однако в конце 1980-х гг. доля русскоязычных мигрантов начинает расти взрывообразно. По некоторым оценкам, с июня 1990 до июня 1991 г. уехало еще 20 тысяч, а в период с лета 1991 до лета 1992 г. поток уезжающих из республики достиг 50 тысяч человек. Согласно опросам общественного мнения, к середине 1993 г. из 170 тысяч русских, оставшихся в Чечне, большинство хотело уехать⁶.

Решающим фактором в отъезде абсолютного большинства русскоязычного населения из Чеченской Республики стали начавшиеся в 1994 и 1999 гг. вооруженные конфликты: от войны уезжали все, но возвращались к своим пепелищам в основном чеченцы.

Между тем в сопредельных с Чечней регионах набирал силу встречный процесс давления на этнических чеченцев. С 1990 г. казачьи организации начали активно добиваться возвращения в состав Ставропольского края Наурского и Шелковского районов, присоединенных к Чечне с восстановлением автономии в 1957 г. И здесь на фоне политических требований также стали совершаться уголовные преступления. В своих показаниях, данных Конституционному Суду Российской Федерации в июле 2005 г., заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Сергей Арутюнов сообщил: «Пожалуй, самый тяжкий удар нормальным взаимоотношениям [между русскими и чеченцами] был нанесен появлением казачьих – вот уж для них действительно подходит это название – бандформирований, которые уже в 1991-1992 годах выставляли пикеты, избивали людей по национальному признаку, под дулами автоматов вытряхивали детей из машин, машины грабили и так далее, что не встречало никакого противодействия со стороны правоохранительных органов»⁷. Пожалуй, своего пика эта напряженность между казаками и чеченцами достигла к середине 1994 г., когда на хуторах Ставропольского края прошли чеченские погромы, сопровождавшиеся убийствами⁸.

По счастью, межэтнические противоречия внутри и вокруг Чечни не переросли в организованное вооруженное противостояние между национальными общинами. Вооруженный конфликт, начавшийся в 1994 г., не был этническим конфликтом. Однако при оценке причин чеченской трагедии эта составляющая не должна сбрасываться со счетов.

3.2.4. Борьба с вооруженной оппозицией

Зима 1993-1994 гг. характеризуется двумя важными событиями, повлиявшими на развитие ситуации вокруг Чечни. Первое, это победа Бориса Ельцина в «малой гражданской войне» с Верховным Советом и принятие спустя короткое время после этого новой Конституции Российской Федерации. Несмотря на нерешенность вопроса о статусе республики, Чечня была провозглашена в ней одним из субъектов федерации. Чтобы отличать Чеченскую Республику как субъект Российской Федерации от независимой Чеченской Республики, руководство последней добавило к наименованию самопровозглашенного государства название одной из исторических областей Чечни – «Ичкерия». Теперь данное образование стало именоваться в официальных документах «Чеченская Республика Ичкерия» (ЧРИ).

Вторым по важности событием следует считать подписание Татарстаном федеративного договора.

Укрепив свои позиции, российское руководство начинает проводить на Северном Кавказе более агрессивную и наступательную политику. Идеологом нового курса являлся Сергей Шахрай – глава Государственного комитета РФ по делам Федерации и национальностей. Именно он настоял, чтобы в послании президента Федеральному Собранию от 24 февраля 1994 г. был вставлен абзац о незаконности органов власти Чеченской Республики и необходимости проведения новых выборов.

Через месяц Государственная Дума России приняла постановление, в котором рекомендовала правительству и президенту проводить консультации «со всеми политическими силами» республики и настаивать на том, чтобы предварительным условием возможного российско-чеченского соглашения о разграничении полномочий явились бы выборы в Федеральное Собрание России.

Требования заведомо невыполнимые, имевшие конечной целью привод к власти людей, известных про-российской ориентацией. Официальные лидеры Чечни тем не менее продолжали демонстрировать готовность к переговорам, хотя и не проявляли желания отказываться от курса на построение независимого государства. Об этом посланник президента республики Асламбек Акбулатов, в частности, сообщил на состоявшейся 25 марта встрече с главой ельцинской администрации Сергеем Филатовым.

Лишь однажды руководство России проявило желание к серьезным переговорам, в том числе напрямую и с самим с Джохаром Дудаевым. Об этом Сергей Филатов сообщил журналистам 21 мая. Одновременно он сказал, что по причине «необходимости упорядочения отношений с Чечней» Сергей Шахрай освобожден от обязанностей министра по делам национальностей.

⁵ Александр Черкасов. Книга чисел. Книга утрат. Книга страшного суда. // Демография, потери населения и миграционные потоки в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. – ПЦ «Мемориал». || http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/1cherk04.htm#_ftnref7. Прим. 7.

⁶ Данлоп, 2001, с. 142-143.

⁷ Новое время. 1995. № 29. С. 12-15.

⁸ Московские новости. 1994. 14-17 августа. С. 11.

Спустя всего пять дней после столь обнадеживающих заявлений произошло покушение на Джохара Дудаева. Взорвался автомобиль, в который он не сел только в последнюю минуту. Погибли министр внутренних дел республики и один из его заместителей.

Однако и после покушения президент Чечни продолжал выказывать желание возобновить переговоры. Но уже было очевидно, что российское руководство сделало ставку на силовое устранение его от власти. С этой целью летом 1994 г. разрозненные до этого оппозиционные партии и движения были встроены в единую структуру вокруг т.н. Временного Совета Чеченской Республики (ВСЧР). Созданный в декабре 1993 г. под председательством мэра Надтеречного района Умара Автурханова, он пользовался поддержкой Доку Завгаева, на момент описываемых событий являвшегося главным советником Бориса Ельцина по Северному Кавказу. 3 и 4 июня в с. Чулги-юрт (Знаменское) прошел «съезд народов Чечни». Приехали туда лишь представители оппозиционных организаций. Ни в одном населенном пункте республики из числа жителей делегаты на это мероприятие не избирались и не отбирались. Тем не менее несколько сот человек (разумеется, «от имени народа») выразили недоверие президенту и до проведения выборов наделили Временный Совет «полномочиями высшего органа государственной власти».

В Надтеречном районе при помощи командированных из России сотрудников ФСК (Федеральной службы контрразведки — правопреемника КГБ) и военных началось формирование и вооружение отрядов оппозиции. Кроме стрелкового оружия, им было передано большое количество бронетехники, зенитные и артиллерийские установки. Для проведения операций командование СКВО обязалось предоставлять вертолеты. На месте эта деятельность координировалась начальником московского управления ФСК Евгением Савастьяновым и заместителем министра по делам национальностей РФ Александром Котенковым, а также множеством офицеров спецслужб и армии.

29 июля российский правительство выступило с заявлением по ситуации в Чечне. В нем говорилось, что российское руководство вынуждено будет «защищать права и жизни граждан», если власти республики применят в борьбе с оппозицией силу. Уже на следующий день после этого члены Временного Совета приняли «Декрет о власти», в котором провозгласили отстранение от должности Джохара Дудаева и принятие на себя всей «полноты государственной власти». Чуть позже, 11 августа было объявлено о формировании Временного правительства ЧР. Его председателем «назначили» Али Алаудинова, а вице-премьером — Бадруддина Джамалханова.

В июле-августе 1994 г. отряды лидеров оппозиции — Бислана Гантамирова и Руслана Лабазанова — перемещались, соответственно, в село Гехи Урус-Мартановского района и в город Аргун. Одновременно с этим в Толстой-Юрте к северу от Грозного обосновалась т.н. «миротворческая группа» освобожденного из тюрьмы по амнистии бывшего председателя российского Верховного Совета Руслана Хасбулатова. На встрече 29 августа Хасбулатов и Умар Автурханов договорились объединить усилия для свержения Джохара Дудаева и возвращения Чечни «в конституционное поле РФ».

Органы исполнительной власти республики предприняли меры по нейтрализации вооруженной оппозиции. Уже 8 августа в Надтеречный район были введены подразделения силовых структур ЧР. Умар Автурханов, по сообщениям средств массовой информации, обратился за помощью к дислоцирующимся в соседнем Моздокском районе Северной Осетии российским подразделениям, но получил отказ. К исходу дня оппозиционные отряды, бросив занятые позиции и тяжелое вооружение, укрылись в населенных пунктах. В районе Толстой-Юрта, например, были захвачены несколько танков и БТРов. Бойцов правительственных подразделений возвратили к местам постоянной дислокации. Ни сами они, ни руководители республики не горели желанием проливать кровь сограждан.

В Грозном 10 августа прошел съезд, на который, в отличие от оппозиционного, прибыли делегированные представители населения. Охарактеризовав действия Доку Завгаева, Руслана Хасбулатова, Умара Автурханова и других противников президента как «антинародные», собравшиеся потребовали решительных мер по наведению порядка в республике. Джохар Дудаев подписал указ о мобилизации и ввел на территории Надтеречного района чрезвычайное положение.

Однако активных действий правительство не предпринимало еще в течение 20 дней. Объяснялось это нежеланием большинства сотрудников силовых структур воевать с соотечественниками. Жители республики воспринимали происходящее в качестве эпизода борьбы за власть между различными политическими и экономическими группировками Чечни. Связь между оппозицией и российским руководством была еще не столь очевидной. В этих условиях в глазах общественного мнения «виноватыми» оказались бы те, кто первым прольет кровь. Понимая это, Джохар Дудаев и его правительство сознательно уступили инициативу. Посчитав это слабостью власти, оппозиция начала действовать. Причем на сей раз достаточно открыто приняв на себя роль агента российского федерального центра, что опять таки подорвало доверие к ней со стороны населения и укрепило пошатнувшийся было авторитет президента республики.

В конце августа — начале сентября экипажи российских вертолетов нанесли ракетные удары по трем населенным пунктам. Танковая колонна, в которой, по-видимому, также находились российские военнослужащие, безуспешно пыталась атаковать правительственные силы на подступах к Грозному. Потеряв в бою один танк, БТР и несколько человек пленными, сторонники Временного Совета отступили.

В ответ сотрудники силовых структур разблокировали трассу Ростов-Баку в районе Аргуна. Это случилось 31 августа, а спустя еще два дня подконтрольные Джохару Дудаеву подразделения разгромили заседавшую

в этом городе группу боевиков криминального авторитета и политического авантюриста Руслана Лабазанова, терроризировавших и грабивших население. Попытка очистить территорию от вооруженных отрядов пророссийской оппозиции была предпринята и в Урус-Мартановском районе. Из-за протеста местных жителей, не пожелавших, чтобы на их территории шли боевые действия, 1 сентября операцию свернули. Правительственные силы, которые к тому времени потеряли 15 человек убитыми, снова отошли.

Командиры подчиняющихся Джохару Дудаеву силовых структур не были готовы к полномасштабной гражданской войне. Поэтому, надеясь на разрешение конфликта мирным путем, они с легкостью шли на контакты со своими противниками. С этой целью они встречались, например, с представителями Руслана Хасбулатова, Бисланом Гантамировым. Однако противная сторона, к тому времени уже открыто подталкиваемая российскими спецслужбами к более «решительным действиям», стремилась только к одному — к власти — и пыталась использовать контакты с ними в целях нейтрализации президента и правительства. В итоге переговоры раз за разом заходили в тупик.

Противостояние без серьезных боев продолжалось до середины октября. Наиболее шумевшими событиями этого периода стала пресс-конференция в Москве главы «миротворческой миссии» Руслана Хасбулатова (21 сентября), во время которой он заявил, что приехал «убедить российскую общественность в необходимости оказания военно-технической помощи Временному Совету», и операция силовых структур республики в Надтеречном районе (27 сентября). Но она опять была прекращена после возникновения опасности реального боевого столкновения с возможными жертвами среди гражданского населения.

После очередного отхода правительственных сил оппозиция значительно активизировалась. Первая половина октября прошла под знаком бомбардировок российской авиацией пригородов столицы республики и мест дислокаций правительственных сил. 10 октября в ходе одного только налета было убито 24 жителя республики и более 100 получили ранения. В этих условиях Джохар Дудаев ввел в Грозном комендантский час и военное положение.

15 октября отряды оппозиции вошли в город. Однако после первых серьезных потерь — было убито 20 человек и 10 единиц бронетехники сожжено — спешно отступили. 20 октября силовые структуры Чечни провели первую серьезную операцию против вооруженной пророссийской оппозиции. Блокировав Надтеречный район сразу в нескольких местах (по Терскому хребту с юга и востока, р. Терек с севера и у села Братское (Ломаз-Юрт) на границе с Северной Осетией — с запада), они повели наступление на Бислана Гантамирова, укrywшегося на территории бывшей советской ракетной части в окрестностях села Гехи в Урус-Мартановском районе. В течение дня его отряд был полностью разгромлен и рассеян. Стало очевидно, что даже будучи хорошо вооруженной, оппозиция не в состоянии переломить ситуацию в свою пользу. С этого времени от поддержки техникой, вооружением и деньгами российская сторона переходит к прямому участию в казавшемся еще внутричеченским конфликте.

20 ноября со стороны Моздока в сторону села Братского выдвинулись российская танковая колонна. Сельские ополченцы, прикрывавшие границу республики в этом направлении, после тяжелых четырехдневных боев отошли. Образовавшийся коридор был использован для переброски в Надтеречный район все новых партий военного снаряжения. Вместе с большим количеством бронетехники туда прибыли и офицеры Кантемировской и Таманской дивизий, солдаты срочной службы, выпускники армейских курсов «Выстрел» и т. д. Они были включены в состав антиправительственных сил, значительно укрепив и усилив последние.

24 ноября с подачи Москвы оппозиция объявила о формировании «Правительства национального возрождения». Премьер-министром был провозглашен Саламбек Хаджиев, а вице-преьерами — Абдула Бугаев и Али Алаудинов. Очевидная цель этой пертурбации — попытка заручиться поддержкой населения выдвижением прежде авторитетных и узнаваемых политиков — была сведена к нулю назначением на ключевые посты людей, не имеющих к республике никакого отношения: Григорий Хоперский должен был осуществлять роль руководителя «чеченской» ФСК, а Владимир Шумов — министра внутренних дел. Через два дня после этого была предпринята попытка штурма Грозного, приведшая к полному разгрому сил антидудаевской оппозиции и явившаяся прологом начала «первой» российско-чеченской войны.

26 ноября со стороны Толстой-Юрта и Чулги-Юрта (Знаменского) в сторону Грозного выдвинулись шесть колонн бронетехники и живой силы. В операции было задействовано 1200 человек и 50 танков, из которых только 12 были укомплектованы собственно чеченскими экипажами. С воздуха их прикрывали российские вертолеты и авиация.

Правительственные подразделения и ополченцы сняли посты и беспрепятственно впустили эти силы в город, а через определенный промежуток времени контратаковали. Потеряв в боях 20 человек убитыми и 39 ранеными, они уничтожили 39 единиц бронетехники. В плен были взяты 120 человек, 68 из них оказались российскими военными. К вечеру остатки разгромленных отрядов оппозиции бежали в Надтеречный район.

27 ноября многочисленным корреспондентам мировых средств массовой информации, в том числе и электронных, показали захваченных в плен военнослужащих российской армии. Они признались, что прибыли на Северный Кавказ по контракту со службой контрразведки. На следующий после этого день министр обороны РФ Павел Грачев отверг возможность участия своих подчиненных в отрядах «чеченской оппозиции» и назвал все это «бредом» (2 декабря 1994 г. после публикации в газете «Известия» неопровержимых документов российские спецслужбы все же вынуждены были признать свое участие в провалившемся штурме чеченской столицы).

Откреститься от случившегося попытались и представители российского МВД и той же ФСК. В ответ Джохар Дудаев заявил, что пленные будут расстреляны как наемники, если российская сторона не признает их своими. К счастью, угрозу не привели в исполнение; более того, до конца 1994 г. почти все пленные были переданы приехавшим в Грозный представителям различных российских партий и политических движений.

Провал операции по захвату столицы подвел черту под «чеченской оппозицией». Стало очевидно, что несмотря на многочисленные неудачи президента самопровозглашенной республики во внутренней и внешней политике и существенные претензии лично к Джохару Дудаеву, большинство жителей республики поддерживает его курс на построение в Чечне независимого государства⁹.

3.2.5. Подготовка к войне

Провал политики силового давления и начавшийся скандал по поводу участия в отрядах «чеченской оппозиции» завербованных российских солдат и офицеров поставили руководство РФ перед сложным выбором. Было ясно, что правительство Чечни в целом контролирует ситуацию, и что оппозиция в данных условиях не имеет никаких шансов на приход к власти в республике. У руководства России сохранялась возможность сесть за стол переговоров либо с самим Джохаром Дудаевым, либо с его полномочными представителями и урегулировать взаимоотношения мирным путем. Но тогда пришлось бы признать ответственность за случившееся кровопролитие, что, вполне возможно, для правящей российской элиты имело бы негативные политические последствия (к примеру, министерство обороны РФ в письме, направленном 1 декабря в Государственную Думу, все еще продолжало утверждать, что взятые в плен военнослужащие в российской армии не служат). По всей вероятности, во многом из-за стремления загладить позор от провала штурма Грозного Борис Ельцин решил на эскалацию конфликта.

Уже в ночь на 29 ноября от его имени было распространено «Обращение к участникам вооруженного конфликта в Чеченской Республике». Название документа и некоторые вступительные пассажи были призваны продемонстрировать, что российское руководство не причастно к происшедшим событиям и, как бы находясь в стороне, хочет повлиять на обе «провинившиеся» силы. В обращении, в частности, подчеркивалось, что конфликт является «внутренним» и что остановить его якобы «не удалось». Поэтому в течение 48 часов предлагалось «прекратить огонь, сложить оружие, распустить все вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан».

Несмотря на витиеватость текста и показное благородство намерений, это был ультиматум, и адресовался он исключительно сторонникам независимости и руководству Чечни. На следующий день в Москве собрался Совет безопасности РФ, на котором и было принято окончательное решение о военной операции. 30 ноября Борис Ельцин подписал секретный указ № 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». В нем предусматривалось осуществление мер чрезвычайного положения и предоставление руководителям планируемой операции не предусмотренных законами страны полномочий.

В начале декабря в военных округах РФ и на флоте началось формирование сводных частей для отправки на Северный Кавказ. Фронтальная авиация и боевые вертолеты были перебазированы на «аэродромы применения». Уже 1 декабря они начали бомбить Грозный и его окрестности.

По плану операция должна была быть быстрой и, естественно, «победоносной». Сосредоточение группировки войск российских министерств обороны и внутренних дел должно было быть закончено к 6 декабря. С 7 по 9 декабря планировалась выдвинуться к Грозному и блокировать его. До 13 декабря над ним необходимо было установить контроль, чтобы уже через неделю окончательно «стабилизировать военную обстановку» во всей республике.

Подготовка к войне велась одновременно с переговорами отдельных политических сил России с руководителями Чечни. В основном речь на них шла об освобождении пленных. Однако поднимались вопросы и политического урегулирования. Так, с 3 по 6 декабря в Грозном побывала группа депутатов Государственной Думы РФ от Либерально-демократической партии. После встречи с ними представители республиканской власти передали двух захваченных ранее военнослужащих. С 5 по 7 декабря в республике находились депутаты демократических фракций российского парламента. Они забрали с собой еще семерых пленных наемников.

Пытаясь, видимо, усыпить бдительность в преддверии планирующегося вторжения, руководство РФ согласилось на встречу с чеченским лидером. 6 декабря на переговоры с Джохаром Дудаевым в ст. Орджоникидзе-ская (Ингушетия) вылетел Павел Грачев. После их окончания он заявил, что в ближайшие дни проблема пле-

⁹ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. – ПЦ «Мемориал». – М., 1998; Правовые аспекты чеченского кризиса: материалы семинара. Отв. ред. Кравченко Н. А. – НИПЦ «Мемориал». – М., 1995; Гакаев, 1999; Чеченская революция и внутривнутриполитическая борьба в Чечне (1989–1994 гг.). – Информационно-аналитический центр «Панорама». / http://www.chechnya.ru/view_all.php?part=hist&offset=17; Музаев, 1995; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html; Интервью Вячеслава Игрунова. – Новое русское слово. 30 января 1995 г. / http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/1083844080.html; Коган-Ясный, 1995; Серебряников, 1995; Воронов, 2005; Краснопеов Д. Гражданская война в России 1993–?. – Абакан литературный. 2005. № 1. / http://artofwar.ru/k/krasnopeew_d_w/text_0010.shtml; Хроника событий (1992–1996 гг.). – Информационный канал «Чеченская Республика». / <http://kavkaz.strana.ru/catalogue/history/>; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001.

ненных во время штурма военных решится, и что он будет докладывать президенту Борису Ельцину о результатах поездки. А потом «на Совете Безопасности будут сделаны окончательные выводы о том, как Россия будет себя вести по отношению к Чечне». Он заявил, что с президентом республики необходима еще одна встреча.

Эти переговоры приободрили жителей Чечни. У них появилась надежда, что трагической развязки событий не произойдет, что из ситуации будет найден политический выход. Надежды эти в какой-то степени укрепились после ставших достоянием гласности итогов заседания Государственной Думы РФ от 8 декабря 1994 г. На нем было принято постановление «О ситуации в ЧР и мерах по ее политическому урегулированию», в котором деятельность российского правительства признавалась неудовлетворительной. Выступавшие депутаты говорили, что конфликт должен быть решен мирным путем, а некоторые из них направили телеграмму Борису Ельцину с предупреждением о персональной ответственности за возможное кровопролитие, и потребовали, чтобы он публично разъяснил свою позицию.

Однако уже на следующий после этого день президент России издал Указ № 2166 («О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории ЧР и в зоне осетино-ингушского конфликта»). А в его развитие тогда же, 9 декабря, правительство приняло постановление № 1360 («Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности РФ, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории ЧР и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа»). В обоих этих документах уже однозначно решался вопрос о применении военной силы в отношении мятежной Чечни. Причем, если в первом речь шла об использовании против республики «всех имеющихся у государства средств», то во втором на министерства и отдельные ведомства возлагались обязанности по введению на ее территории особого режима без объявления чрезвычайного или военного положения. Это, как выяснится очень скоро, перечеркнет всякую возможность соблюдения прав и свобод гражданского населения.

Чтобы отвлечь внимание от своих планов, российское руководство якобы согласилось на переговоры с чеченской стороной. Их планировалось провести 12 декабря во Владикавказе. Казалось, оставались еще надежды на мирный исход¹⁰.

¹⁰ При подготовке данного раздела использованы следующие источники и литература: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. – ПЦ «Мемориал». – М., 1998; Правовые аспекты чеченского кризиса: материалы семинара. Отв. ред. Кравченко Н. А. – НИПЦ «Мемориал». – М., 1995; Гакаев, 1999; Чеченская революция и внутриполитическая борьба в Чечне (1989-1994 гг.). – Информационно-аналитический центр «Панорама». /; Музаев, 1995; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html; Интервью Вячеслава Игрунова. – Новое русское слово. 30 января 1995 г. / http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/interv/all_interv/1083844080.html; Коган-Ясный, 1995; Серебряников, 1995; Воронов, 2005; Краснопеов Д. Гражданская война в России 1993-?. – Абакан литературный. 2005. № 1. / http://artofwar.ru/k/krasnopeew_d_w/text_0010.shtml; Хроника событий (1992-1996 гг.). – Информационный канал «Чеченская Республика». / <http://kavkaz.strana.ru/catalogue/history/>; Анчабадзе, 2001; Данлоп, 2001.

ГЛАВА 4. ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА 1994 – 1996 ГГ.

4.1. ВВОД ВОЙСК И ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПЕРЕГОВОРОВ

Официальная дата начала первой российско-чеченской войны – 11 декабря 1994 г. В тот день президент России подписал Указ № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». Согласно ему, руководители военной операции должны были действовать вне режима чрезвычайного положения теперь уже в течение неопределенно долгого периода времени.

Борис Ельцин выступил и по телевидению. Его объяснение начала войсковой операции было достаточно странным: «... На 12 декабря намечены переговоры между представителями России и Чечни. Мы должны предотвратить их срыв»¹, – заявил он.

К территории республики российские войска выдвинулись с трех направлений: Моздокского (с севера через контролируемые антидудаевской оппозицией районы), Владикавказского (с запада, минуя Ингушетию) и Кизлярского (с востока, с территории Дагестана). И только с одного из них – северного – их продвижение до пригородов Грозного на первом этапе не было сопряжено с какими-либо значительными трудностями. 12 декабря они подошли к поселку Долинский, где и были впервые атакованы из ракетной установки залпового огня «Град». Понеся ощутимые потери, войска остановились. Последующие три недели они вели обстрелы населенных пунктов, в результате которых среди гражданского населения появились многочисленные жертвы.

С Кизлярского направления на территорию Чечни российские войска так и не сумели войти. В приграничном Хасавюртовском районе Дагестана их блокировали проживающие там чеченцы-аккинцы. Были захвачены, а потом доставлены в Грозный несколько групп российских военнослужащих.

Местные жители блокировали и войска, двигавшиеся со стороны Ингушетии. У населенного пункта Барсуки ими были выведены из строя несколько единиц бронетехники и автомобилей. В ответ были применены боевые вертолеты. В результате обстрела села Гази-Юрт были разрушены дома, погибли люди.

Несмотря на сопротивление ингушей, 12 декабря эта колонна дошла до границ с Чечней, где у станции Ассиновская впервые попала под огонь артиллерии. Российские военные блокировали этот населенный пункт и, обойдя его, вышли к селу Новый Шарой. Здесь они, не решаясь двинуться вперед, стояли в течение недели. Свое бездействие командование объясняло тем, что не хотело жертв среди остановивших передвижение войск местных жителей (на пути действительно стояли многотысячные толпы протестующих людей). Однако может быть предложено и другое объяснение: дорога до самого Грозного в этом направлении проходит рядом с населенными пунктами, в которых уже создавались и вооружались отряды ополченцев. Кроме того, местность здесь лесистая, удобная для оборонительных боев.

Еще одна причина, по которой спланированная операция по блокированию и взятию Грозного с самого начала пошла не так, как задумывалась, – нежелание некоторых высокопоставленных российских офицеров действовать без письменного приказа своего главнокомандующего. В отношении них уже 15 декабря последовали жесткие действия: приказом министра обороны РФ Павла Грачева они были отстранены от управления операцией. Ее проведение возложили на командующего Северо-Кавказским военным округом. В дальнейшем и он был смещен с поста, но уже по другой причине: из-за провала сроков выдвижения войск к столице республики (командовать группировкой войск поручили Анатолию Квашнину, а руководителем штаба был назначен Леонтий Шевцов). Отказавшись от движения по небезопасной равнине, западная группировка подошла к окраинам Грозного по безлесному Сунженскому хребту лишь в 20-х числах декабря. То есть тогда, когда военная операция в Чечне согласно первоначальному плану должна была уже победоносно завершиться.

Затягивание сроков операции стало очевидно и для проявлявшего до этого момента пассивность Совета Федерации РФ. По Конституции страны именно члены верхней палаты парламента должны были санкционировать военную операцию. 16 декабря они приняли постановление, в котором предложили Борису Ельцину немедленно прекратить выдвижение войск и вступить в переговоры с руководством Чечни. В тот же день председатель правительства России Виктор Черномырдин отреагировал на это, заявив о своей готов-

¹ Сергеев, 2000, с. 507-508.

ности лично встретиться с Джохаром Дудаевым. Но тут же выставил невыполнимое условие: разоружение чеченских вооруженных формирований.

Борис Ельцин, в ответ на разгоревшуюся критику в свой адрес, отправил президенту Чечни телеграмму, в которой предписывал ему «без промедления встретиться» в Моздоке со своими представителями (министром по делам национальностей и региональной политике РФ Николаем Егоровым и директором ФСК Сергеем Степашиным) и подписать документ о сдаче оружия и прекращении огня. По-видимому, искренне ожидая, что так все и случится, он издал указ № 2200 «О восстановлении федеральных территориальных органов исполнительной власти на территории Чеченской Республики».

Все это время по Грозному наносились артиллерийские и бомбовые удары. Под огонь в основном попадали жилые районы, среди гражданского населения жертв становилось все больше и больше. В этих условиях очередную миротворческую акцию предприняла Государственная Дума РФ, в которой были сильны позиции демократических партий. 23 декабря депутаты проголосовали за постановление с требованием незамедлительно ввести мораторий на боевые действия в Чечне, начать мирные переговоры. Одновременно ими было принято обращение с выражением соболезнования всем родным и близким погибших.

Тогда же министр иностранных дел Андрей Козырев позвонил уполномоченному по правам человека РФ Сергею Ковалеву, который находился в это время в Грозном, и попросил выяснить у чеченских руководителей, на каких условиях они готовы начать переговоры. Джохар Дудаев попросил передать, что готов договариваться по всем вопросам, в том числе и о разоружении подконтрольных ему отрядов. Его ответ был доведен до Москвы, но никакой реакции не последовало.

Напротив, с 26 декабря российская авиация целенаправленно начала бомбить и удаленные от Грозного населенные пункты. Только за три последующих дня ударам подверглись около 40 сел республики (как и в последующие годы, российское руководство отрицало свою причастность к этому, заявляя иногда, что чеченцы сами себя бомбят, или, наоборот, утверждая, что самолеты не являются российскими и неизвестно, откуда они прилетели).

Еще одним ответом на готовность руководства Чеченской Республики начать переговоры без предварительных условий стало объявление (уже повторно) о создании «правительства национального возрождения» во главе с дискредитировавшим себя в глазах населения ноябрьским штурмом Грозного Саламбеком Хаджиевым.

И окончательным отказом от поиска мирных форм разрешения конфликта явилось выступление Бориса Ельцина по телевидению 27 декабря 1994 г. В нем он обосновал силовой путь, заявив, что поручил вести переговоры руководителям военной операции на территории Чечни Николаю Егорову, Анатолию Квашнину и Сергею Степашину. Последний уже на следующий день уточнил, что речь идет не о переговорах, а о предъявлении ультиматума.

4.2. ОТ ШТУРМА ГРОЗНОГО И РЕЗНИ В САМАШКАХ – К ЗАХВАТУ ЗАЛОЖНИКОВ В БУДЕННОВСКЕ

31 декабря 1994 г. после многочасового массированного артиллерийского обстрела города российские войска начали операцию по овладению Грозным.

Чеченские отряды по приказу своего штаба организованно отступили на заранее подготовленные рубежи в центре города, а затем, рассеяв и взяв в клещи бронетехнику и живую силу противника, приступили к ее планомерному уничтожению. Завязались ожесточенные бои, в которых преимущество было уже на стороне местных ополченцев. Общее руководство обороной Грозного осуществлял начальник штаба чеченского командования, полковник-артиллерист Советской армии в отставке Аслан Алиевич Масхадов (1951-2005).

К 3 января 1995 г. те российские части, что первыми вошли в столицу республики, перестали существовать как боевые единицы. Практически полностью была уничтожена 131-я (Майкопская) отдельная мотострелковая бригада. Существенные потери понесли и другие части, в частности, 81-й (Самарский) мотострелковый полк, подразделения Псковской воздушно-десантной дивизии и т.д. Улицы города были усеяны тысячами трупов российских военнослужащих, более сотни человек (это официальная цифра) попали в плен. Из более чем 250 танков, БТРов и БМП, которые в новогоднюю ночь были введены в город, лишь единицам удалось вырваться из котла. Остальные были либо сожжены огнем гранатометов, либо захвачены вместе с экипажами.

Чеченские ополченцы успешно отбили первую атаку. Однако российским военным удалось закрепиться на некоторых городских участках: на железнодорожном вокзале, у т.н. Бароновского моста и в микрорайоне «Ипподромный». Бои здесь шли 5 и 6 января, в то время, когда из других мест российские войска в основном были выбиты.

К 7 января российские части произвели перегруппировку и предприняли повторную попытку штурма центра города. С применением тяжелого вооружения бои за президентский дворец и прилегающую к нему территорию шли еще почти две недели. Главный штаб чеченских вооруженных формирований и руководители правительства покинули здание Президентского дворца только после того, как с самолетов на него были сброшены бетонобойные бомбы. Это случилось в ночь с 18 на 19 января.

Чеченские отряды перебрались на другой берег реки Сунжа и закрепились в 100 метрах от своих прежних позиций. Бои на этом рубеже шли до 8 февраля. Однако весь город оказался под контролем российских войск только к 6 марта 1995 г. В этот день последний чеченский отряд покинул Черноречье – южную окраину столицы республики.

К этому времени определилась и тактические приемы, которых стали придерживаться противоборствующие стороны. Чеченские отряды, у которых отсутствовало тяжелое вооружение (немногочисленные артиллерийские установки и танки стали ненужной обузой из-за отсутствия боеприпасов, и были брошены уже в первые недели боев) могли противостоять современной армии только партизанскими методами. Они активно и эффективно воевали в городских и сельских кварталах, а также в лесной и гористой местности, то есть в условиях, когда могли вступать в прямые контактные бои.

Уязвимые места чеченской стороны нащупало и российское командование. В первую очередь это было гражданское население. Оно стало рассматриваться как возможный ресурс, причем весьма эффективный, в борьбе с мотивированным и умело (что оказалось для российского командования неожиданностью) воюющим противником.

Так, в ходе новогоднего штурма, спасаясь от защищавших город участников чеченских вооруженных формирований, офицеры и солдаты 81-го мотострелкового гвардейского полка ворвались на территорию Республиканской больницы скорой помощи и захватили в заложники находившихся там врачей и пациентов. Чеченское командование вступило с ними в переговоры, обещая безопасный коридор в обмен на освобождение мирных людей. Это был первый случай захвата медицинского учреждения и использования живых щитов. 3 января 1995 г. сразу после первого неудачного штурма лично под руководством генерала Льва Рохлина была захвачена группа жителей Грозного. Несколько человек были убиты, другие загружены в автомобили и отправлены в Моздок, где удерживались в железнодорожных вагонах в качестве заложников. Некоторых из них потом обменяли на плененных в боях российских военных.

Скоро «зачистки» были проведены во многих уже захваченных населенных пунктах на севере и западе республики. Только в январе их эффект ощутили на себе жители таких сел, как Бенюй-Юрт, Гвардейское и Новый Шарой, станиц Николаевской, Червленой, Ищерской и Ассиновской. Во многих из них произвольно были задержаны гражданские лица. Для их содержания стали создаваться «фильтрационные пункты». Первый из них был организован в г. Моздок в Северной Осетии. Однако потом они появились и в Чечне. Наиболее известные – территория ПАП-1 по Петропавловскому шоссе на окраине Грозного и место дислокации группировки внутренних войск МВД РФ у станицы Ассиновская на западе республики. В «честь» генерала Анатолия Куликова, сначала командующего войсками в Чечне, а потом и министра внутренних дел РФ, последний пункт потом назовут «Куликовым полем». Считалось, что тот, кто попадет туда, живым вернется только после уплаты очень большого выкупа.

3 января 1995 г., когда стало очевидно, что первый штурм Грозного провалился, российская авиация нанесла целенаправленный удар по месту скопления гражданского населения. На рынок и больницу в городе Шали были сброшены касетные бомбы с шариковыми и игольчатыми поражающими элементами. Только из местных жителей погибли 55 человек и 186 получили ранения.

Бомбардировкам только в январе подверглись следующие населенные пункты республики: Бамут, Старые Атаги, Чечен-Аул, Чишки, Ачхой-Мартан, Аргун, Гудермес и другие. Тогда же был совершен налет и на село Аршты, которое находится в соседней Ингушетии, хотя это и пытались отрицать. В некоторых случаях (как в районе г. Гудермес 24 января) применялись касетные заряды с шариковыми и игольчатыми убийными элементами.

Угроза нанесения бомбовых и артиллерийских ударов стала впоследствии главным «аргументом» при занятии остальной – за пределами Грозного – территории республики. Под страхом смерти и уничтожения жилья и имущества российские военные вынуждали местное население выдавливать из городов и сел дислоцирующиеся там отряды ополченцев. Однако при помощи этого приема решались и менее «масштабные» задачи. 8 января чеченские ополченцы захватили в плен 47 человек из состава 22-й бригады спецназа ГРУ. Жителям Алхазурово, в окрестностях которого это произошло, был предъявлен ультиматум: либо выдача пленных, либо бомбардировка села. Таким образом, военная операция, начатая под лозунгами «защиты прав гражданского населения», очень скоро приобрела характер его коллективного наказания.

1 февраля командовать операцией поручили Анатолию Куликову, генералу МВД, первым шагом которого на новом посту стало перекрытие блокпостами административной границы с Ингушетией. Это сразу снизило поток людей, выбиравшихся из зоны боевых действий в поисках спасения.

Представляется, что все дальнейшие успехи российских войск достигались сочетанием двух вышеуказанных тактических приемов: «зачистками», сопровождающимися захватом заложников и убийствами гражданских лиц и лиц, прекративших принимать непосредственное участие в военных действиях, и бомбардировками (или угрозами бомбардировок) населенных пунктов. Так, с конца февраля-начала марта группировка внутренних войск подвергла обстрелам села западной Чечни. Многие из них были покинуты ополченцами, не желавшими подставлять под удар гражданское население. Они закрепились лишь в предгорных Бамуте, Янди-Котаре (Орехове) и Старом Ачхое, население которых добровольно оставило свои дома для нужд, как они заявили, «обороны республики». В течение последовавших полутора лет российские войска так и не сумели их взять.

Ультиматум с требованием убедить чеченские вооруженные формирования уйти предъявили жителям городов Аргун, Гудермес, Шали и села Самашки. В итоге почти все они были оставлены, причем только в первом из них, Аргуне, в значительной степени опустевшем еще в период штурма находящегося по соседству Грозного, российским войскам оказали сопротивление. 30 марта без боя был занят Гудермес, а на следующий день – Шали.

7 – 8 апреля 1995 г. внутренние войска и подразделения российской милиции провели «зачистку» в Самашки, из которого также по просьбе жителей накануне ушли чеченские отряды. Операция была спланирована таким образом, чтобы навести ужас на население близлежащих сел. Она сопровождалась убийствами гражданских лиц, которые не оказывали сопротивления, в том числе женщин, грабежами и поджогами жилых домов. Всего было убито более 120 человек, несколько сот задержанных вывезли в Моздок и, подвергая пыткам и избиениям, около месяца держали в фильтрационном пункте. «Опыт», полученный здесь, использовался российскими подразделениями во многих других местах, хотя и с меньшим количеством жертв (подробно см. раздел 30.4.2).

Трагедия села Самашки самым отрицательным образом подействовала и на чеченских военных начальников, пока еще продолжавших вести боевые действия в целом в соответствии с нормами международного гуманитарного права. Устами одного из полевых командиров, тогда еще мало кому в мире известного Шамиля Басаева 9 мая 1995 г. впервые была озвучена информация о необходимости проведения аналогичной операции на территории Российской Федерации. О возможной потере руководством Чечни контроля над частью полевых командиров заявил в те дни и Сергей Ковалев, уполномоченный по правам человека в России. Он призвал к началу переговоров с Джохаром Дудаевым во избежание перерастания войны в партизанскую и диверсионную.

Его призыв не был услышан, 12 мая российские подразделения начали наносить массированные артиллерийские и бомбовые удары по предгорным и горным селам республики. От них страдало в основном гражданское население. Официальный представитель чеченского правительства на переговорах, организованных и прошедших 25 мая под эгидой Группы содействия ОБСЕ, Усман Имаев, даже был вынужден просить своих российских визави: «Пожалуйста, бомбите позиции, линию фронта, там, где есть склады, базы и т. д., но не мирные села».

Со второй половины мая российские командование приступило к завершающему, как тогда объявлялось, этапу операции в Чечне – захвату ее горной части. Усилились бомбардировки сел Шатойского, Веденского и Итум-Калинского районов. Среди гражданского населения и здесь появились многочисленные жертвы. 27 мая командующий юго-западным фронтом вооруженных сил ЧРИ Руслан Гелаев заявил, что если к исходу дня авиация не прекратит бомбардировки населенных пунктов, он отдаст приказ о казни пяти российских военнопленных. Несмотря на опровержение со стороны чеченского командования, два офицера – подполковник Владимир Иванович Зрядний и старший лейтенант Юрий Анатольевич Галкин – были казнены.

В ответ на насилие в отношении гражданского населения наиболее влиятельные командиры чеченских формирований потребовали у Джохара Дудаева принятия решения о переносе боевых действий на территорию России. 30 мая 1995 г. на состоявшемся совещании президент республики, казалось, сумел убедить их вести войну в соответствии с международными нормами.

Тем временем, прокладывая себе дорогу массированными ракетно-бомбовыми ударами, российские войска продолжали двигаться в сторону гор. Наступление шло сразу по нескольким направлениям: Шатойском, Агиштинском, Веденском и Ножай-Юртовском. На первом из них были заняты села Дуба-Юрт, Чишки, Большие и Малые Варанды. На втором бои шли у Сержень-Юрта. 1 июня российская авиация нанесла бомбовый удар по селу Харсеной и фактически стерла его с лица земли. 3 июня российские войска вошли в оставленный чеченскими отрядами районный центр Ведено; боевые действия велись у сел Аллерой, Махкеты, Агишты. 4 июня массированным ракетно-бомбовым ударам подвергались населенные пункты в Аргунском ущелье, ведущем к районному центру Шатой. 5 июня ожесточенные бои велись в окрестностях районного центра Ножай-Юрт, на востоке Чечни, а также у села Бамут – на западе.

10 июня, после перегруппировки сил, российские войска возобновили наступление и заняли через два дня Шатой и Ножай-Юрт. При этом населенные пункты, находящиеся выше в горах, все еще продолжали подвергаться обстрелам и бомбардировкам с воздуха.

Казалось, еще немного и вся территория республики (не захваченным оставался лишь самый высокогорный, Итум-Калинский район), окажется под контролем российских войск и созданных Москвой административных структур. Однако случилась катастрофа: 14 июня отряд Шамиля Басаева вошел в город Буденновск в Ставропольском крае и после непродолжительного боя с местными милиционерами, с криками: «За Самашки!», согнал в местную больницу большое количество заложников.

На этом окончательно закончился период, названный потом некоторыми журналистами «романтическим», или «войной в белых перчатках». Теперь уже обе стороны конфликта совершали организованные, грубые и массовые нарушения международного гуманитарного права, делая объектом нападений «вражеское» гражданское население.

4.3. КРИЗИС С ЗАЛОЖНИКАМИ. ПОПЫТКА ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

14 июня отряд чеченцев под командованием Шамиля Басаева захватил в городе Буденновске Ставропольского края в качестве заложников около 1500 гражданских лиц. Выставив условием их освобождения прекращение боевых действий и начало мирных переговоров в Чечне, они закрепились в городской больнице. Во время захвата в результате стрельбы, открытой участниками отряда Басаева, появились многочисленные жертвы среди местных жителей. 17 июня спецподразделениями МВД и ФСБ была предпринята неудачная

попытка штурма больницы. В ходе него и террористы и штурмующие понесли потери, но больше всего пострадали заложники.

18 июня в результате переговоров между председателем правительства РФ Виктором Черномырдиным и Шамилем Басаевым при посредничестве группы Сергея Ковалева удалось добиться освобождения большей части заложников. Была достигнута договоренность о прекращении боевых действий в Чечне и начале полномасштабных мирных переговоров. Федеральным войскам был отдан приказ о прекращении с 20.00 всех военных операций. 19 июня чеченский отряд на предоставленных федеральной стороной автобусах, используя часть заложников в качестве «живого щита», выехал в Чечню. Колонна была остановлена у границы Ставропольского края и Северной Осетии, российские боевые вертолеты получили приказ по команде уничтожить автобусы с террористами и захваченными ими людьми. Однако, несмотря на общую готовность, такая команда не поступила.

19 июня в Грозном под эгидой ОБСЕ начался первый раунд переговоров между делегациями РФ (Аркадий Вольский, Анатолий Куликов, Николай Семенов) и ЧРИ (Ширвани Басаев, Султан Гелисханов, Усман Имаев, Аслан Масхадов), продолжавшийся до 22 июня. Стороны договорились о продлении на неопределенное время моратория на боевые действия.

20 июня колонна автобусов прибыла в горное чеченское село Зандак, где заложники были освобождены.

Террористический акт в Буденновске и необходимость войти в контакт с Шамилем Басаевым подтолкнула федеральное командование на активизацию переговоров с чеченской стороной. Ранее запланированные под эгидой ОБСЕ неофициальные переговоры, прошедшие с участием Анатолия Куликова и Аслана Масхадова 15 и 16 июня в районе селения Зандак на юго-востоке Чечни, были использованы как для поиска возможностей разрешения кризиса с заложниками в Буденновске, так и для урегулирования ситуации в Чечне в целом. В конце июня боевые действия в республике практически не велись, однако 25 июня федеральные войска обстреливали Веденский район «для задержания (sic!) террористов».

С 27 по 30 июня в Грозном под эгидой ОБСЕ прошел второй раунд переговоров между российской и чеченской делегациями. Была достигнута принципиальная договоренность об обмене пленными по схеме «всех на всех», разоружении отрядов ЧРИ, выводе федеральных войск и проведении свободных выборов.

Несмотря на первоначальный успех, начавшиеся переговоры все же не привели к подлинному урегулированию. На это повлияли сразу несколько причин. Во-первых (и это, наверно, самое главное), российскую сторону усадили за стол переговоров силой: не в результате нанесенного на поле боя поражения, а в результате шантажа жизнями гражданского населения. Несмотря на то, что нападение на Буденновск стало ударом по самолюбию российского президента, ресурсы военного давления казались еще далеко не исчерпанными. Случившееся очень скоро стали рассматривать как жест отчаяния, как последний козырь, выброшенный на стол близким к поражению противником (по формуле: «терроризм – оружие слабых»).

Во-вторых, накануне выборов в Государственную Думу российским избирателям, которые в массе своей не поддерживали войну в Чечне, необходимо было дать ясный сигнал: в регионе установился мир, причем на условиях, которые не выгодны сепаратистам. Отсюда и попытки отделить политическое урегулирование от решения вопросов сугубо военных.

В-третьих, была предпринята попытка легитимации насажденной Москвой гражданской администрации путем организации в Чечне выборной кампании в те же, что и на остальной территории страны, сроки. Сторонники независимости республики, естественно, стали этому активно противодействовать.

Ну и, в-четвертых, позиция военных. Генералитет и высшие офицеры задействованной в республике группировки войск всерьез полагали, что в состоянии выиграть войну, если им не будут мешать политики. Эта позиция не раз высказывалась в средствах массовой информации и отстаивалась, в том числе, и перед руководством РФ.

Все эти факторы, каждый по-своему, привели к тому, что начавшийся переговорный процесс, не вылившись во что-нибудь серьезное (не считая нескольких месяцев более или менее спокойной по сравнению с предшествующим периодом жизни), к зиме закончился эскалацией военных действий.

Как уже говорилось выше, на втором раунде переговоров, прошедших с 27 по 30 июня, были заключены соглашения по блоку военных вопросов. Двумя днями позже определили и сроки проведения в республике свободных выборов. Но почти сразу после этого российская сторона начала выхолащивать суть договоренностей. Аркадий Вольский, который 3 июля встречался с Джохаром Дудаевым, предложил так называемый нулевой вариант. Его суть заключалась в том, что и сепаратисты, и правительство Саламбека Хаджиева, посаженное в Грозном Москвой, одновременно объявляют об отставке, и формируют до выборов временный, коалиционный орган управления. Президент ЧРИ отверг этот план, посчитав, что таким путем Россия хочет придти к тому, чего не смогла достичь военным путем. В тот же день были подвергнуты ревизии и сами договоренности по военным вопросам: Борис Ельцин подписал указ № 663, в котором говорилось о постоянной дислокации в Чечне российских войск, хотя в соглашениях четко было подчеркнуто: войска из республики выводятся в обмен на разоружение чеченских отрядов. В довершение всего 5 июля на встрече с российской переговорной делегацией председатель правительства Виктор Черномырдин указал, что выход за рамки Конституции РФ невозможен, и потому вопрос об изменении статуса Чечни вообще не должен обсуждаться.

Вполне вероятно, что отказ от переговоров был бы более полным и быстрым, если бы не события в республике. Они же стали развиваться не так, как планировало российское руководство. Во многих населен-

ных пунктах уже была восстановлены органы управления, подконтрольные Джохару Дудаеву и его правительству. В других они действовали параллельно с пророссийскими. За короткий период статус-кво оказался восстановленным по всей республике, за исключением разве что Надтеречного района и Грозного, в котором тем не менее вполне легально обосновалась чеченская переговорная группа и действовали поддерживающие курс на независимость общественно-политические движения и партии.

Усилилась и митинговая активность, естественно направленная против российской власти и ее местных назначенцев. Поводом явилось убийство семьи Чапановых, совершенное военными в столице республики. В течение нескольких дней в Грозном проходили многотысячные демонстрации с требованием вывода войск. Попытка представителей пророссийского правительства выступить на одном из митингов кончилась для них плачевно: разъяренные люди чуть не расправились с ними. Их спасло лишь вмешательство членов правительства сепаратистов.

В этих условиях и начался третий раунд переговоров. Случилось это 24 июля, а в ночь с 29 на 30 июля были подписаны новые, уже детализированные соглашения по блоку военных вопросов. В них предусматривалось немедленное прекращение боевых действий, создание специальной наблюдательной комиссии, сопредседателями которой стали новый командующий российской группировки войск Анатолий Романов и начальник штаба вооруженных формирований ЧРИ Аслан Масхадов, обмен военнопленными и насильственно удерживаемыми лицами, разоружение «незаконных вооруженных формирований», поэтапный вывод российских войск и пресечение террористических актов и диверсий. Был узаконен возврат ополченцев в свои населенные пункты, где после сдачи большей части оружия из них создавались отряды самообороны.

И хотя новый российский министр по делам национальностей Вячеслав Михайлов заявил, что Россия «больше не связывает подписание соглашения по военным вопросам с политическим соглашением и статусом Чечни», а Джохар Дудаев назвал соглашение нелегитимным из-за игнорирования в нем вопросов признания независимости республики, обе стороны приступили к его выполнению. Уже 1 августа чеченское военное командование отдало приказ подчиняющимся ему отрядам о сдаче оружия, боевой техники, прекращении огня и боевых действий с нуля часов следующего дня.

Впоследствии соглашения позволяли избегать крупномасштабных столкновений, урегулировать конфликтные ситуации, а также начать работу по освобождению захваченных или находящихся в плену людей. Но выполнение поставленных в нем главных задач все же было сорвано. Так, вместо начала вывода войск российская сторона лишь отвела свои части от населенных пунктов, да и то не везде. В ряде случаев группировки, дислоцированные на стратегически важных направлениях, были укреплены новыми подразделениями. Отказываясь признать законными созданные в них отряды самообороны, войска блокировали города и села, что приводило к опасности возобновления боевых действий.

18 и 19 августа, например, российские подразделения оцепили районный центр Ачхой-Мартан. Возникший было конфликт удалось урегулировать на заседании специальной наблюдательной комиссии. Более серьезная ситуация сложилась вокруг Аргуна, где условия договора нарушила уже чеченская сторона. 21 августа, захватив здание районного отдела милиции, в город вошел отряд под командованием Алауди Хамзатова. В ответ по жилым кварталам был нанесен ракетный удар, к счастью, не приведший к человеческим жертвам. На следующий день, под давлением своего командования (и не вступая в бой с уже входящей на улицы бронетехникой), чеченское подразделение покинуло этот город.

В конце сентября повторно Ачхой-Мартан, а также Серноводск были блокированы российскими частями. Основанием стало присутствие в обоих селах боевиков. Чеченское руководство утверждало, что это отряды самообороны, созданные в соответствии с соглашениями по блоку военных вопросов. Однако противная сторона настаивала на том, что там должны быть только милиционеры, подчиненные созданному из Москвы «правительству национального возрождения».

6 сентября отмечалась очередная, четвертая по счету и первая с начала войны годовщина независимости республики. В Грозном прошли многотысячные митинги, шествия и демонстрации. Люди прибыли в город со всех регионов Чечни. Эти события, как и вся общественно-политическая ситуация, сложившаяся летом-осенью 1995 г., со всей очевидностью продемонстрировали: правительство Саламбека Хаджиева авторитетом у населения не пользуется. При первых же признаках ослабления давления со стороны военных его влияние ужалось до Надтеречного района. В большинстве регионов реальная власть перешла к сепаратистам. Даже в Урус-Мартане, где некогда были очень сильны антидудаевские настроения, пророссийский мэр вынужден был с ними договариваться по всем значимым вопросам.

Одна из главных причин неприятия этого правительства состояла в том, что оно было навязано населению в ходе жестокой войны, и уже поэтому не вызывало ни теплых чувств, ни особых симпатий.

Через сито выборов в предшествующий период, кроме президента и парламента ЧРИ (да и те проводились с существенными нарушениями), прошел лишь Верховный Совет Чечено-Ингушетии образца 1990 г. Его и решено было реанимировать, хотя в его отстранении от руководства республикой едва ли не решающую роль сыграли российские власти. Чеченские депутаты этого, коммунистического тогда еще, парламента 13 сентября на пресс-конференции в Грозном заявили, что осенью 1991 г. сторонники Джохара Дудаева прекратили их деятельность незаконно, и что они якобы до сих пор остаются единственными законными представителями народа. Тогда на это мало кто обратил внимание. Наверное, потому, что стали разворачиваться

события, которые сначала привели к замораживанию выполнения достигнутых летом военных соглашений, а затем и к возобновлению боевых действий.

6 октября в результате покушения тяжелую черепно-мозговую травму получил генерал Анатолий Романов. На посту командующего российской группировкой его сменил Анатолий Шкирко. Уже 8 октября авиация совершила налет на село Рошни-Чу. Погибли мирные люди, подверглись разрушению дома местных жителей. Были убиты и несколько чеченских бойцов, а также командир одного из отрядов.

На следующий день в телевизионном выступлении Борис Ельцин возложил ответственность за покушение в отношении Романова на сторонников независимости Чечни. Участие в переговорах было приостановлено, войскам отдали приказ о возобновлении операций «по разоружению боевиков». Чеченское руководство ответило на это сначала отказом от выполнения соглашений по блоку военных вопросов (об этом, как о решении Джохара Дудаева, 11 октября объявил глава переговорной делегации Хож-Ахмед Яриханов), но затем через день выразило желание продолжить их.

12 октября из-за давления промосковских властей и, в частности, мэра Грозного Бислана Гантамирова (занимавшего теперь эту должность уже при поддержке российских штыков), выступившего за продолжение боевых действий, с шести до двух человек была сокращена миссия ОБСЕ в Чечне.

Российская авиация продолжала наносить бомбовые удары по населенным пунктам республики. 14 октября налет был совершен на села Дарго и Белгатой, а 15 октября на Харсеной. Тогда же подвергся артиллерийскому обстрелу и Ачхой-Мартан. Российские военные потребовали от его жителей сдачи 150 единиц стрелкового оружия.

В те же дни в городе Шали прошел съезд общественно-политических сил Чечни, на котором присутствовали многие из командиров отрядов сепаратистов. Выступивший от их имени Шамиль Басаев заявил, что выборы на территории республики не состоятся до тех пор, пока ее не покинут российские войска.

17 октября было официально объявлено о возобновлении работы бывшего Верховного Совета Чечено-Ингушетии в качестве высшего законодательного органа. Против этого выступили даже Саламбек Хаджиев и Умар Автурханов, однако спустя неделю оба вынуждены были отказаться от претензий на первые роли в про-российских административных структурах. Председателем правительства «национального возрождения», переименованного вскоре в просто «правительство Чеченской Республики», был объявлен Доку Завгаев. Комитет «национального согласия» возглавил Леча Магомадов.

Все эти «замены» происходили в условиях весьма высокой политической активности местного населения. 24 октября, требуя вывода российских войск, в Грозном митинговали до 5 тысяч человек. Жители Веденского района учинили самосуд над военнослужащими 506-го мотострелкового полка, которые на БМП раздавили автомашину «Жигули» с пассажирами; на следующую ночь участники чеченских вооруженных формирований атаковали у села Ца-Ведено российскую колонну и убили 18 военнослужащих. И хотя в ответ прозвучала угроза нанести ракетно-бомбовый удар, все кончилось отводом в предгорья проштрафившегося полка.

25 октября состоялось последнее заседание специальной наблюдательной комиссии. «Послебуденновский» мирный процесс завершился. Российская сторона, сменив руководителей созданных ими административных структур, стала готовить их к легитимизации. Однако формат и сроки выборов, оговоренные в летних соглашениях, для этого не очень подходили. Было ясно, что местное население, имея оно альтернативу, проголосует за сторонников независимости Чечни. Следовательно, задача состояла в том, чтобы сепаратисты не приняли участия в планирующейся кампании. Обстановка этому способствовала. Мирные переговоры закончились, но не привели к решению главной проблемы — выводу из республики российских войск. Возобновились бомбардировки и артиллерийские обстрелы населенных пунктов, в ряде районов действовал комендантский час, а свободному передвижению мешали многочисленные блокпосты.

И вот с подачи Москвы 5 ноября сторонники Доку Завгаева постановили провести голосование на пост «главы республики», приурочив его ко дню общероссийских выборов в Государственную Думу. Это должно было подчеркнуть якобы состоявшееся возвращение Чечни в лоно Конституции РФ. «Свободные выборы» прошли 14-17 декабря 1995 г. Точнее, скорее были объявлены, чем состоялись. В голосовании не приняли участие жители Веденского, Шалинского, Шатойского и Ножай-Юртовского районов, находившихся под полным контролем администрации Джохара Дудаева. Во многих населенных пунктах на равнине жители также отказались принимать в них участие, в большинстве даже избирательные участки не были открыты. Какие-то попытки по организации голосования предпринимались лишь в крупных районных центрах. Однако и они были нейтрализованы вошедшими туда вооруженными отрядами. 14 декабря сторонники независимости взяли под свой контроль Гудермес, Урус-Мартан, Ачхой-Мартан, Новогрозненский (Ойсхара) и т. д. За исключением Урус-Мартана, где ситуация была урегулирована мирным путем, на территории и в окрестностях остальных населенных пунктов завязались тяжелые бои.

На севере республики и в значительной мере в самом Грозном выборы тоже не проводились. Представители более 200 населенных пунктов республики официально объявили, что на их территории голосования не было вообще. В других количество явившихся к урнам исчислялось даже не процентами, а единицами избирателей.

Тем не менее, 18 декабря было объявлено, что голосами большинства жителей (более 60%) Доку Завгаев якобы избран главой республики.

4.4. «ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ»

Период после «выборов главы республики» условно можно охарактеризовать вынесенным в заголовок термином. Российская сторона, которая и ввела его в данном контексте в оборот, ставила перед собой следующие задачи – противника либо разгромить, либо заставить его силой принять диктуемые условия. Это, во-первых, отказ от курса на независимость Чечни. Во-вторых, признание в качестве законной власти администрации Доку Завгаева. И, в-третьих, разоружение вооруженных формирований сепаратистов.

Чеченская сторона, напротив, учитывала, что воюет с гораздо более многочисленным и несравнимо лучше вооруженным противником, который, не заботясь о гражданском населении, использует все выгодные ему средства и методы ведения войны. Поэтому она стремилась к реальному прекращению боевых действий. Никаких предварительных условий лидеры сепаратистов в этот период не выдвигали. И президент Джохар Дудаев, и начальник штаба чеченских формирований Аслан Масхадов не раз заявляли, что существующие противоречия необходимо решать в спокойной обстановке за столом переговоров.

Этим определяется и выбранная сторонами тактика. Российские войска повели наступление на неконтролируемые ими районы и населенные пункты. События лета-осени 1995 г. показали, что сепаратисты по-прежнему пользуются поддержкой большинства жителей республики. Поэтому следующий этап боевых действий в значительной степени будет направлен против них. Это их будут «принуждать к миру», заставляя обстрелами и зачистками подписать соглашения «о мире и согласии».

Чеченские отряды в основном обороняли села, из которых ушли люди. Там же, где этого сделано не было, старались в первую очередь вывести из-под огня детей, стариков и женщин. Но в отличие от первых месяцев конфликта, теперь и они не обременяли себя соблюдением законов ведения войны. В качестве «обменного материала» для освобождения находящихся в плену или в фильтрационных лагерях местных жителей ими будут захвачены гражданские лица из числа присланных из других регионов строителей, энергетиков и других невоенных специалистов.

29 декабря Борис Ельцин своим указом № 1430 поменял на посту командующего российскими войсками в Чечне милицейского генерала Анатолия Шкирко на армейского – Вячеслава Тихомирова. По-видимому, это означало, что принято окончательное решение о возобновлении боевых действий.

В начале января 1996 г. прибывший в Грозный новый глава миссии ОБСЕ швейцарец Тим Гульдeman в попытке возобновить политический процесс заявил, что для достижения мира в республике необходимы полномасштабные переговоры. Начальник главного штаба чеченских вооруженных формирований Аслан Масхадов тут же отдал приказ о прекращении нападений на российские войска. Вячеслав Тихомиров в интервью корреспонденту агентства «Интерфакс» так прокомментировал это решение: «На заявление бандита я не реагирую».

Пытаясь усадить противника за стол переговоров, 9 января чеченские подразделения под командованием Салмана Радуева атаковали военный аэродром в Кизляре, но, потерпев неудачу, укрепились в городской больнице, используя мирных жителей в качестве живого щита. Были захвачены более 1500 гражданских лиц. Буденновская трагедия повторилась. В результате переговоров с руководителями Дагестана «радуевцы» освободили большую часть заложников и, посадив оставшихся в автобусы и грузовики, выехали в сторону Чечни. Однако колонна была атакована с вертолетов. Тогда участники рейда захватили стоявших на блокпосту российских милиционеров и вместе с ними и прежними заложниками укрылись в приграничном селе Первомайское. Оно было блокировано; затем 15 января начался штурм с применением залповых систем огня, артиллерии и авиации. После трех суток боев участники нападения на Кизляр прорвали кольцо оцепления и, перейдя реку Терек, ушли на свою территорию. Вместе с собой они увели и заложников, последний из которых был освобожден только через месяц.

В середине февраля начался новый виток боевых действий. Сначала в Грозном при разгоне мирной антивоенной демонстрации у стен разрушенного президентского дворца сотрудники ОМОН промосковского МВД республики, возглавляемые Лемой Хасуевым², выстрелили из подствольных гранатометов в толпу и убили несколько женщин, стариков и детей. Затем уже российскими военными был блокирован поселок Ойсхара (Новогрозненский). Артиллерийские обстрелы продолжались и после того, как чеченские вооруженные формирования покинули его. 22 февраля российские подразделения попытались взять под свой контроль село Бамут. Атака, которая велась сразу с нескольких направлений, в том числе и с территории соседней Ингушетии, с большими потерями для наступающих частей была отбита. В начале марта подверглись обстрелам Аллерой, Центарой, Бачи-Юрт и Нойбера. Разрушены дома, погибли и были ранены десятки жителей этих сел.

Однако наиболее важные события того периода развернулись на западе республики и в Грозном. Именно здесь были опробованы тактические приемы, которые в дальнейшем использовались воюющими сторонами.

Началось же все с блокированного еще осенью Серноводска. К вечеру 2 марта местные жители договорились с военными о мирном разрешении ситуации. Однако на рассвете следующего дня российские подразделения вошли в село и завязали бой с отрядом ополченцев. Получив жесткий отпор, федеральные силы отступили и стали вести обстрел жилых кварталов. Требование выпустить из села хотя бы женщин и детей поначалу отвергалось. Коридор был предоставлен только через сутки.

² В ходе второй российско-чеченской войны будет назначен заместителем полномочного представителя президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике (т.н. бюро Владимира Каламанова). После его ликвидации в сентябре 2004 г. будет утвержден российскими властями временно исполняющим обязанности Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике. Занимал эту должность до 10 февраля 2006 г.

6 марта чеченские отряды под руководством Руслана Гелаева захватили Грозный. На помощь запертым на блокпостах и в укрепленных пунктах частям милиции и внутренних войск бросили армейские подразделения и бронетехнику. В результате завязавшихся на улицах города боев они понесли большие потери. Из-за избирательного применения тяжелого вооружения погибли и сотни мирных жителей. Через два дня, захватив в заложники около ста строителей и энергетиков, присланных в республику для проведения восстановительных работ, чеченские бойцы вышли из города.

Спустя неделю войска оцепили село Самашки. Жители вступили в переговоры, и, как и в случае с Серноводском, добились согласия на мирное разрешение ситуации. Но утром 15 марта военные неожиданно заявили, что дают на эвакуацию гражданского населения два часа и еще до их окончания нанесли артиллерийский и бомбовый удар. Ополченцы успешно отразили первые атаки: на улицах остались гореть десятки единиц бронетехники. На второй день боев российские военные вывели из подвалов и укрытий женщин и стариков и посадили их на броню БМП и БТРов в качестве живых щитов. Под их прикрытием они дошли до центра села, но в дальнейшем были оттуда выбиты.

В качестве живого щита жители Самашки использовались еще не раз. Поэтому 17 марта на рассвете, заранее уведомив корреспондентов российских и мировых средств массовой информации, чеченские отряды вывели всех выживших на южную окраину села и попытались вступить в переговоры с противником. Добиться этого удалось не сразу. Российские военные попытались загнать людей обратно: вокруг начали рваться снаряды, появились убитые и раненые. В последующем количество жертв увеличилось: многотысячную толпу искавших спасения женщин, стариков и детей атаковали вертолеты. Только после того, как стало окончательно ясно, что никто не собирается возвращаться в село, военные выпустили их за кольцо оцепления. Бои продолжались еще около недели. Ополченцы покинули Самашки только после того, как противник начал применять вакуумные бомбы.

В конце марта, а также в апреле 1996 г. боями была охвачена вся территория Чечни к югу, западу и востоку от ее столицы. Населенные пункты подвергались ракетно-бомбовым и артиллерийским ударам. Так, 28 марта были сброшены бомбы на Катыр-Юрт, 3 и 4 апреля атакам с воздуха подверглось село Шалажи. Наиболее тяжелыми были бои в Гойском в центральной части республики, в Веденском и Ножай-Юртовском районах (по направлению Дарго — Ведено — Беной-Ведено) на ее юго-востоке и у Старого Ачхоя, Янди и Бамута на западе.

31 марта Борис Ельцин в обращении к гражданам страны огласил свою «программу урегулирования кризиса в Чеченской Республике». В ней говорилось о признании происходящего вооруженным конфликтом, начале переговоров, прекращении боевых действий, выводе армейских частей и внутренних войск из «умиротворенных» районов и амнистии тем, кто не совершил тяжких преступлений. Однако на практике все свелось лишь к попыткам силой оружия узаконить пророссийскую администрацию республики. С этой целью российские войска окружали село или город, наносили по нему артиллерийский или бомбовый удар и предлагали перепуганным жителям подписать «Договор о мире и согласии». Одним из главных в нем был пункт о признании Доку Завгаева «главой республики». Процесс этот жители Чечни прозвали «вторым туром выборов», намекая, что «первый» в середине декабря 1995 г. так и не состоялся из-за бойкота населением и активных действий вооруженных сторонников независимости.

Тем не менее, 20 апреля на собрании поддерживающих его политических сил (было объявлено, что это представители 22 районов, «старейшины», бизнесмены и политики, всего набралось до 400 человек) Доку Завгаев заявил, что соглашение о мире не подписано лишь в 15 населенных пунктах.

Насколько условными были эти документы для российских войск и уж тем более для сражающихся с ними отрядов вооруженных формирований, можно судить по тому, что бомбардировка Катыр-Юрта произошла на следующий день после подписания жителями села «соглашения». А 16 апреля между селами Яраш-Марды и Дачу-Борзой Шатойского района, всю территорию которого до этого успели провозгласить «зоной мира», чеченскими бойцами была разгромлена колонна 245-го мотострелкового полка. Погибли 95 военнослужащих (из них 26 — офицеры) и 54 получили ранения.

Не была спокойной обстановка и накануне упомянутого выше собрания. Отряды ополченцев из Бамута атаковали российские войска между их опорным пунктом на западе республики станицей Ассиновской и райцентром Ачхой-Мартан. В тот же день был блокирован город Шали: в нем 18 апреля состоялся съезд с участием представителей 26 движений, 12 партий, духовенства, командиров чеченских сил во главе с начальником штаба Асланом Масхадовым.

В ночь на 22 апреля в районе села Гехи-Чу самонаводящейся ракетой, запущенной с самолета, был убит президент Чечни Джохар Дудаев. Удар был нанесен после того, как российским войскам удалось запеленговать сигнал его спутникового телефона: он вел разговор с депутатом Государственной Думы РФ Константином Боровым. Согласно Конституции, обязанности президента ЧРИ стал выполнять вице-президент Зелимхан Яндарбиев.

Еще до завершения траурных церемоний (а они проходили при огромном стечении людей, остановить которых оказались бессильны многочисленные российские блокпосты), министр юстиции РФ Валентин Ковалев сделал странное заявление. Он сказал, что после гибели Джохара Дудаева сомнений в легитимности правительства Доку Завгаева уже нет. Но «законность» последнего оспаривалась уже не только сторонниками независимости. В оппозицию «главе республики» 25 апреля встал даже «коалиционный совет», собранный им самим, как было объявлено, из представителей «18 партий и движений» пророссийской направленности, и «городское собрание» Грозного. Недовольных возглавил Бислан Гантамиров, за что скоро и поплатился:

4 мая сразу после прилета в Москву его арестовали и по обвинению в растрате бюджетных денег, выделенных на восстановление экономики республики, приговорили к тюремному заключению.

Гибель Джохара Дудаева не привела к снижению военной активности. В тот же день, когда произошел раскол в лагере пророссийских сил Чечни, был нанесен бомбовый удар по Шали. Его жителям предъявили ультиматум о выдаче участников чеченских формирований, сдаче оружия и освобождении пленных. В находящийся недалеко от него город Аргун, наоборот, вошли ополченцы. Они без боя заняли здание милиции и, разоружив сотрудников, спокойно ушли.

В начале мая обе стороны неожиданно заговорили о переговорах, причем впервые отмечалось, что это могут быть переговоры между «первыми лицами». Комментируя появившиеся слухи, 1 мая Зелимхан Яндарбиев заметил, что условием переговоров должен быть полный вывод войск. Без решения этого вопроса, подчеркнул он, «встреча, может быть, и состоится, но переговоры могут не состояться».

Как бы в подтверждение того, что ситуация может вернуться в русло мирного обсуждения и решения накопившихся проблем, еще на четыре дня был продлен срок ультиматума для города Шали. Напряженность вокруг него окончательно разрядилась 6 мая: российская сторона сняла требование о выдаче ополченцев и сдаче оружия в ответ на разрешение войти в населенный пункт и провести в нем формальную проверку паспортного режима.

3 мая чеченская сторона освободила около 40 гражданских лиц, захваченных в марте в Грозном (через неделю будут отпущены еще 32 человека). На следующий после этого день было объявлено о предстоящем визите Бориса Ельцина в Чечню.

Это было не совсем то, чего добивались сторонники независимости республики. Президент России собирался посетить занятую его войсками территорию не ради переговоров и установления мира. Близилась предвыборная кампания, и необходимо было показать, что война закончена, российские войска одержали победу и, несмотря на все жертвы, проводимая на Северном Кавказе политика приносит плоды. И тем не менее не ополченцы и их командиры стали инициаторами возобновления уже затухнувших, казалось бы, боев. Еще 6 мая Аслан Масхадов говорил о готовности обсуждать вопросы обмена пленными и создания зон перемирия. А на следующий день генерал Вячеслав Тихомиров заявил: «... я планирую в мае месяце показать несколько таких контактных предметных уроков, которые вообще не позволят больше оголтелым любителям демократии, вседозволенности бросать тень на армию». Возглавляемые им войска начали очередной штурм Гойского и взяли его, понеся большие потери. С 7 по 12 мая вертолеты и артиллерия вели обстрел окрестностей районного центра Урус-Мартан, после чего с 13 по 17, а затем 18 мая были проведены проверки документов у проживающих там людей.

И только 10 мая чеченская сторона нанесла первый ответный удар: у села Мескер-Юрт была атакована колонна российской бронетехники.

В разгар всех этих событий Зелимхан Яндарбиев сообщил, что готов к прямому диалогу с представителем высшего руководства России, если он заявит о своей непричастности к покушению на Джохара Дудаева и будет правомочен ввести мораторий на ведение боевых действий. О начале уже в мае консультаций с чеченской стороной (которую в российской прессе называли теперь только «вооруженной оппозицией»), заявил и Вячеслав Михайлов, руководитель российской государственной комиссии по урегулированию в Чечне. В Государственную Думу РФ 14 мая были переданы проекты законов об амнистии «членам незаконных вооруженных формирований» и о компенсации пострадавшим в ходе боевых действий.

В самой республике в это время продолжалась операция по взятию ранее неприступных населенных пунктов. 17 мая, спустя полтора года после первой попытки, российские войска все же сумели овладеть Старым Ачхоем и Янди, затем после двухнедельных ожесточенных боев обходным маневром блокировали Бамут. Оборонявший село чеченский отряд 24 мая ночью под прикрытием тумана ушел из кольца оцепления. В тот же день официально было подтверждено, что достигнута договоренность о проведении в Москве прямых переговоров между Зелимханом Яндарбиевым и Борисом Ельциным.

Овладение последними на западе Чечни неподконтрольными населенными пунктами российская сторона рассматривала в контексте объявленной политики по принуждению к миру. Вячеслав Тихомиров заявил по этому поводу: «... крупных очагов сопротивления дудаевских вооруженных формирований больше нет, и это еще один шаг к переговорам без всяких условий».

27 мая 1996 г. Зелимхан Яндарбиев и Борис Ельцин на встрече в Москве подписали договоренность «О прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики». Утром следующего дня, когда делегации продолжали работу над документами, президент России срочно вылетел на Кавказ. Из Моздока (Северная Осетия) на вертолете он был доставлен в грозненский аэропорт, где поздравил российских военнослужащих с победой в войне.

Члены чеченской делегации, которые до некоторой степени оказались в положении заложников, спокойно отреагировали на эту пропагандистскую акцию российских властей. Сразу же после их возвращения на родину Аслан Масхадов отдал неподконтрольным ему формированиям приказ воздержаться от ведения активных боевых действий.

Через день (31 мая) российские подразделения захватили в Шали 14 человек: мирных граждан и местных милиционеров, своих же союзников. В ответ участники чеченских вооруженных формирований разоружили и увели в плен 27 военнослужащих внутренних войск, стоявших на посту у села Шуани. 3 июня авиация бомбила Ножай-Юртовский район. Но эти события на тот момент уже не могли ничего изменить. Между сторонами начался т. н. «предвыборный» цикл переговоров.

4.5. «ПРЕДВЫБОРНАЯ ТИШИНА» И НОВЫЕ БОИ

Обе воюющие стороны понимали, что переговоры, хотя и начатые «первыми лицами», имеют слабую перспективу. Их цель была сугубо пропагандистской: показать жителям России, которые в массе своей выступали за прекращение боевых действий в Чечне и вывод войск, что война завершена и идет политическое закрепление достигнутого успеха. Без этого Борис Ельцин вряд ли мог одержать победу на предстоявших президентских выборах.

Чеченская сторона в силу своего изначально неравного положения могла рассчитывать лишь на то, что после выборов достигнутые соглашения не будут отброшены. Поэтому на переговорах в Назрани 4-6 июня стороны без труда, пойдя на взаимные уступки, подписали договоренности, достичь которых раньше казалось невозможным. Это разблокирование населенных пунктов и дорог, вывод российских войск, обмен пленными и насильственно удерживаемыми лицами, закрытие фильтрационных пунктов, разоружение чеченских отрядов и лишь после этого – проведение в республике выборов. В ходе второго раунда переговоров, прошедшего там же с 9 по 11 июня, были конкретизированы сроки начала и окончания процесса ликвидации блокпостов (11 июня – 7 июля), разоружения чеченских отрядов (7 июля – 7 августа) и полного вывода российских войск из республики (30 августа). Обсуждался и вопрос выборов в парламент («Народное Собрание Чечни»), которые пророссийские власти хотели бы приурочить ко дню президентских выборов в России.

При возвращении чеченской делегации на дороге были взорваны фугасы, несколько человек, ехавших в кортеже, получили ранения.

14 – 16 июня была предпринята попытка проведения голосования по выбору депутатов «Народного Собрания» и президента РФ. Как и в декабре 1995 г., в большинстве населенных пунктов избирательные участки не открывались, хотя об их создании с присвоением номера и определением границ заранее сообщили в подконтрольных российским властям средствах массовой информации. В Грозном и на севере республики, а также в районных центрах на равнине, где завгаевские функционеры чувствовали себя увереннее, необходимый процент явки избирателей был получен путем массового вброса бюллетеней. Группа содействия ОБСЕ (о нежелательности ее пребывания на территории республики еще 9 июня объявили пророссийские структуры) осторожно отметила, что порядок голосования в Чечне не отвечает принципам свободного и справедливого волеизъявления граждан.

Тем временем в самой России в первом туре президентских выборов победу одержали Борис Ельцин и Геннадий Зюганов, лидер Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Генерал-лейтенант Александр Иванович Лебедь (1950-2002), который предлагал немедленные и энергичные меры в урегулировании «чеченского кризиса», набрав значительное количество голосов, занял третье место. От того, чью сторону возьмут поддержавшие его избиратели во втором туре голосования, зависело и то, кто станет следующим руководителем государства. На исход выборов могла повлиять и негативная информация с Северного Кавказа. Поэтому при самом худшем развитии событий чеченская сторона вполне могла рассчитывать, что мирный процесс не будет сорван до окончания избирательной кампании.

В этот период к эскалации конфликта не стремилась ни одна из сторон. Так, на следующий день после того, как 19 июня в районе села Алхан-Юрт произошло столкновение с российскими военными, Аслан Масхадов отдал участникам чеченских формирований приказ с четкой формулировкой: не вести никаких военных действий до окончания второго тура выборов президента России.

В свою очередь и российская сторона демонстрировала готовность соблюдать достигнутые договоренности. 25 июня Борис Ельцин подписал указ о поэтапном выводе из Чечни соединений и частей, входящих в состав Ленинградского, Московского, и Уральского военных округов. А 28 июня в эшелоны были посажены военнослужащие 245-го мотострелкового полка.

В целом же переговоры и консультации продолжались по 3 июля. Еще до их окончания чеченская сторона заявила, что намерена после 7 июля осуществлять «меры оборонительного характера». Причина – не ликвидирован ни один блокпост, не начат процесс разблокирования населенных пунктов.

Впрочем, возобновление боевых действий и отказ от переговоров, по-видимому, и так являлись делом предрешенным. Главная цель «мирного процесса» была достигнута: в ходе голосования во втором туре определился хозяин Кремля на следующие четыре года – Борис Ельцин. В тот же день в селе Новые Атаги и состоялась упомянутая выше последняя встреча чеченской и российской переговорных делегаций.

Дальнейшие события стали разворачиваться с калейдоскопической быстротой и отбросили ситуацию к допереговорной стадии. Уже 5 июля российская делегация была отозвана в Москву. На следующий день министр по делам национальностей и региональной политике РФ Вячеслав Михайлов выразил мнение российского руководства, что конфликт вошел в стадию, когда переговоры должны вести представители чеченского сопротивления и «правительства Доку Завгаева». Последний уже 7 июля объявил о своей готовности встретиться с Зелимханом Яндарбиевым. А еще через день в Москве состоялось заседание комиссии по урегулированию кризиса в Чечне. Председатель правительства Виктор Черномырдин принял доклад российской делегации, в котором говорилось, что процесс мирного урегулирования в республике вступил в завершающую стадию и что «участие в президентских выборах более 74 % избирателей» свидетельствует о признании большинством ее населения территориальной целостности и конституции России».

6 июля представитель Аслана Масхадова предостерег, что если к концу следующего дня в Чечне не будут ликвидированы все блокпосты, как это и предусмотрено протоколом, подписанным в Назрани, чеченская

сторона будет считать себя свободной от всех принятых на себя обязательств. Российская сторона ответила, что полного снятия блокпостов не будет, так как командование военной группировки в республике увязывает этот вопрос «с общей нормализацией обстановки».

8 июля генерал Вячеслав Тихомиров предъявил чеченской стороне ультиматум: если Зелимхан Яндарбиев не даст «пояснения по всем фактам» и «завтра к 18.00 не будут возвращены все пленные, находящиеся в руках у боевиков», он примет «адекватные меры». По каким «фактам» должны были быть даны «пояснения» он не уточнил. На следующий день российское командование объявило о введении в Чечне – с 21.00 до 05.00 – комендантского часа.

9 июля российской стороной было блокировано и обстреляно село Гехи. Это привело к многочисленным разрушениям и жертвам среди гражданского населения. Завязались бои, в ходе которых погибли Дока Махачев, заместитель командующего юго-западного направления ВФ ЧРИ, и генерал-майор Николай Скрыпник, заместитель командующего Северо-Кавказским округом ВВ МВД РФ. 10 июля подвергнуто артиллерийскому обстрелу и бомбардировке село Махкеты. Командование российских войск в республике заявило, что наносятся точечные удары по штабу Зелимхана Яндарбиева. В селе имелись многочисленные разрушения и жертвы. 13 июля, требуя от местных жителей сдачи оружия, российские войска блокировали села Аллерой, Центарой, Бачи-Юрт и Хоси-Юрт. На следующий день оказались в кольце окружения и подверглись ударам с воздуха и с земли села Веденского района: Элистанжи, Хаттуни и другие. Авиация наносила удары по окрестностям Шатоя и Ведено. 15 июля ракетные удары наносились по селам равнинной Чечни: Старым Атагам и Шалажи. Имелись разрушения и раненые. В тот же день в северо-западном пригороде Грозного два российских БТРа расстреляли три легковые автомашины. Погибли 13 мирных жителей.

16 июля федеральное командование заявило, что операция по полному разгрому чеченских вооруженных отрядов может быть завершена до конца недели, если «военным не помешают». Но мешать им никто не собирался. Еще 10 июля Александр Лебедь, назначенный к тому времени секретарем Совета безопасности РФ, в ответ на предположения в средствах массовой информации о том, что командующий группировкой российских войск в Чечне вышел из-под контроля президента страны и действует самостоятельно, заявил: «... Тихомиров – вполне управляемый генерал».

О том, что возобновление боевых действий было спланированным, свидетельствовал и подписанный 14 июля указ Бориса Ельцина «О мерах по стабилизации деятельности органов государственной власти ЧР». В нем признавалось, что конституционными органами власти на территории Чечни являются «Глава республики» и «Народное Собрание», а также сформированное ими правительство и назначенные главы районных администраций. Все прежние указы о функционировании временных органов управления отменялись.

Кроме того, на состоявшемся 17 июля заседании комиссии по урегулированию в Чечне ее председатель Виктор Черномырдин заявил, что «за прошедшие 6 месяцев ликвидирован антиконституционный режим, угрожающий территориальной целостности России». По его словам, «в обострении ситуации виновна противоборствующая сторона», «первой нарушившая» достигнутые в Москве и Назрани договоренности.

Российская сторона настолько была уверена в окончательном разгроме противника, что даже не сочла нужным обратить внимание на носившее «закрытый характер» решение Совета обороны ЧРИ от 17-18 июля. Единственный, кто на него среагировал, так это исполняющий на время отпуска Вячеслава Тихомирова (!) обязанности командующего российской группировкой Константин Пуликовский, да и то через десять дней. 28 июля он назвал блефом и сам Совет обороны, и его решения, а также высказался против каких-либо переговоров с чеченским сопротивлением.

Командующий Северо-Кавказским военным округом генерал Анатолий Квашнин за день до крупного наступления российских войск на последние, как казалось тогда, оплоты сепаратистов в горах, снисходительно согласился принять Аслана Масхадова и обсудить с ним не только последнюю ситуацию в республике, но и его «личную судьбу» (несмотря на оскорбительный характер его заявления, начальник штаба чеченских вооруженных формирований 28 июля в беседе с главой миссии ОБСЕ дал согласие на такую встречу с тем, чтобы еще раз попробовать обсудить «проблему прекращения боевых действий»).

20 июля была начата операция в горах юго-западнее Шатоя. Села южных районов Чечни – Шатойского, Веденского, Ножай-Юртовского, Итум-Калинского, Ачхой-Мартановского – подвергались непрерывным бомбардировкам. Войска без ощутимого противодействия (лишь в Бамуте в ночь на 26 июля чеченские формирования сами проявили инициативу и атаковали российских военных), достаточно легко продвигались вверх по узким горным дорогам и ущельям и заняли прежде недоступные им населенные пункты. Константин Пуликовский, уверенный в близком и теперь уже окончательном разгроме противника, 24 июля заявил, что переговоры с чеченской стороной могут вестись только о прекращении сопротивления и сдаче оружия.

Чуть мягче на этот счет выразился Вячеслав Михайлов, прежде руководивший российской делегацией на переговорах. Условием начала контактов с противоборствующей стороной он назвал публичное осуждение ее официальными представителями терроризма. Через два дня после этого – 29 июля – было совершено покушение на Аслана Масхадова.

31 июля в Москве Доку Завгаев заявил, что на территории Чечни российские войска уже восьмой день не ведут боевых действий и обстановка имеет твердую тенденцию к стабилизации. Он сказал, что полностью контролирует территорию республики, а затем пригласил в свое правительство представителей чеченского сопротивления, как особо им было подчеркнуто, «имеющих на то моральное право».

4.6. НОВАЯ БИТВА ЗА ГРОЗНЫЙ И ВЫВОД РОССИЙСКИХ ВОЙСК ИЗ ЧЕЧНИ

На рассвете 6 августа вооруженные формирования ЧРИ вошли в города Грозный, Гудермес, Аргун, а также во все райцентры и крупные села южнее столицы республики. Подразделения российской армии и милиции были окружены в местах дислокаций. Вырваться оттуда оказалось невозможным из-за плотного огня с заранее выбранных и пристрелянных позиций. От основных баз и, соответственно, подвоза продовольствия и боеприпасов, были отрезаны многочисленные российские блокпосты. Войска, которые три предыдущие недели вели бои за взятие населенных пунктов Итум-Калинского, Шатойского и Веденского районов, сами были блокированы в горах: чеченские отряды перекрыли ущелья, немногочисленные узкие дороги и эффективно пресекли все попытки выйти на равнину и оказать помощь окруженным там частям.

Наиболее тяжелые бои развернулись в столице республики. Ее штурм, как выяснилось, был тщательно подготовлен. А окончательное решение о начале операции было принято на заседании Совета обороны, на приказыв которого, назвав блефом, российские генералы не захотели обратить внимание. Для них это была неожиданность, но не тайна: о планирующейся операции представители сил сопротивления заранее оповестили местных жителей, желая, чтобы они покинули районы предстоящих боевых действий. На центральном рынке города еще в первые дни августа распространялись листовки с предупреждением об этом. Но российское командование и промосковские власти республики, видимо, посчитали, что противник пытается отвлечь войска от «победного наступления» в горах.

Российские военные и милиционеры понесли в Грозном большие потери. Весь центр города, за исключением административного комплекса, включавшего в себя здания завгаевской администрации, ФСК и МВД, в первые же часы оказался под контролем чеченских отрядов. Состоявшие из чеченцев подразделения милиции в большинстве случаев не оказали сопротивления. Не желая воевать с соотечественниками, некоторые из них либо складывали оружие, либо переходили на сторону вооруженных формирований ЧРИ. Приняли бой только 6-ой отдел завгаевского министерства внутренних дел, которым руководил Ахмед Хасамбеков³, и линейный отдел милиции на транспорте под командованием Алу Дадашевича Алханова (1957 г.р.)⁴. Последний, боясь, что его подчиненные прислушаются к парламентарам, предлагавшим безопасный коридор для выхода из окружения в обмен на сдачу оружия, по рассказам очевидцев, лично их застрелил. Милиционеры после этого подвергли обстрелу, они вынуждены были ответить тем же.

И в последующие дни в Грозном владели ситуацией только вооруженные формирования ЧРИ. Попытки же ввести в город войска для разблокирования оказавшихся в окружении частей, предпринимавшиеся со стороны военной базы в Ханкале и из района аэропорта Шейха Мансура (российская сторона называла его «Северным»), привели к большим потерям в живой силе и технике. Лишь однажды бронетехнике удалось пробиться к центру города. Вполне возможно, что ее запустили специально: в комплексе административных зданий оказались запертыми 12 журналистов. Чеченская сторона гарантировала им безопасность, но они отказались уйти. Их вывезли только на шестой день боев, 11 августа.

С самого начала боев российские военные применяли в городе тяжелую артиллерию и авиацию. Но позиции чеченских отрядов находились в непосредственной близости от блокированных ими российских подразделений, поэтому серьезных потерь удалось избежать. Зато страдали мирные жители. Пытаясь спасти себя и свои семьи, они стали покидать город в южном и северном направлениях. Места их выхода российская сторона подвергла вертолетным атакам и обстрелам артиллерии.

На Северном Кавказе Россия оказалась перед лицом военной катастрофы, но в Москве думали лишь об инаугурации Бориса Ельцина, запланированной на 9 августа. И только после ее завершения председатель правительства Виктор Черномырдин дал поручение своим силовым министрам изменить ситуацию в Грозном. Однако сделать что-либо было уже невозможно. Свой второй срок российскому президенту пришлось начинать с объявления траура по погибшим (и продолжавшим еще гибнуть) военным и сотрудникам милиции.

10 августа он, однако, назначил своего помощника по национальной безопасности и секретаря Совета безопасности генерала Александра Лебеда еще и полномочным представителем в Чечне. Тот сразу же встретился с председателем Союза мусульман России Надыром Хачилаевым и секретарем Совета безопасности Республики Дагестан Магомедом Толбоевым. Речь между ними шла о необходимости прекращения боевых действий.

В Грозном же положение блокированных российских военных продолжало ухудшаться. Пытаясь прорвать блокаду, военнотружашие внутренних войск РФ, застрелив медсестру, взяли в заложники пациентов и персонал грозненской городской больницы № 9 (всего 500 человек). Это случилось 10 августа, а на следующий день в районе 15-го городка другое подразделение захватило 20 местных жителей (17 августа в том же месте в заложники попадут еще 20 человек). По договоренности с чеченскими бойцами захватившие больницу военные под прикрытием «живого щита» из больных и врачей 12 августа вышли из города. После этого корпуса лечебного учреждения подверглись минометному обстрелу.

³ В ходе второго конфликта он возглавит Оперативно-розыскное бюро (ОРБ-2) Главного Управления МВД РФ по ЮФО, прославившееся систематическим применением пыток к подсудимым.

⁴ После окончания боевых действий он покинет республику и вернется обратно только в 1999 году в обзоре наступающих российских войск. Возглавит все тот же линейный отдел милиции, потом будет назначен министром внутренних дел республики и провозглашен президентом после очередных инициированных российской стороной выборов.

В российском руководстве во взглядах на дальнейшие действия в Чечне, по-видимому, появились разногласия. Комиссия по урегулированию во главе с Виктором Черномырдиным выступала за силовой вариант, для чего намеревалась объявить в республике чрезвычайное положение. Александр Лебедь, напротив, вылетел в Дагестан и оттуда ночью выехал в район села Старые Атаги и встретился с Асланом Масхадовым. Они договорились, что в течение семи дней решат вопросы, связанные с прекращением военных действий и началом вывода из республики российских войск.

Президент страны согласился с предложениями своего помощника по национальной безопасности, и 13 августа состоялась встреча начальника штаба чеченских формирований и исполняющего обязанности командующего группировкой российских войск в Чечне. Аслан Масхадов и Константин Пуликовский договорились о прекращении огня с 12.00 14 августа.

В тот же день, встретившись с Александром Лебедем, Борис Ельцин подписал указ № 1169 «О дополнительных мерах по урегулированию кризиса в Чеченской Республике». Комиссию по урегулированию расформировали, были ликвидированы и все другие переговорные группы. Решение вопросов военного и политического характера переложили на Совет безопасности РФ.

15 августа Александр Лебедь встретился в Старых Атагах с Асланом Масхадовым и с исполняющим обязанности президента ЧРИ Зелымханом Яндарбиевым. По возвращении в Москву он назвал министра внутренних дел Анатолия Куликова одним из главных виновников войны и обвинил его в саботаже процесса мирного урегулирования.

17 августа после встречи с начальником штаба чеченских вооруженных формирований Константин Пуликовский подписал приказ № 107, в котором говорилось о прекращении боевых действий на всей территории Чечни. Установилось фактическое прекращение огня, хотя в Грозном кое-где и возникали перестрелки.

За неделю с небольшим возобновившийся переговорный процесс привел к результатам, казавшимся прежде недостижимыми. Причем позиция чеченской стороны при этом практически не изменилась: она требовала лишь прекращения боевых действий и, соглашаясь в обмен разоружить часть своих отрядов, поэтапного вывода войск из республики. Политические вопросы, в частности, статус Чечни должен был стать предметом отдельных переговоров после окончания войны. Но зато изменилась позиция России. Что на это повлияло?

Во-первых, после занятия чеченскими отрядами всех более или менее крупных населенных пунктов на равнине ситуация в республике стала похожей на то, что происходило здесь в январе 1995 г. после новогоднего «штурма» Грозного. В случае продолжения войны российскому командованию пришлось бы заново устанавливать над ними контроль в гораздо худших условиях: группировка войск не представляла собой уже единого целого. Наиболее боеспособные части оказались запертыми в горах, а подразделения, которые оставались на равнине, находились в окружении и вели бои за собственное выживание. Во-вторых, все коммуникации находились в руках у противника. Чеченские отряды пресекали попытки подвоза к заблокированным частям продовольствия и боеприпасов. Через неделю стала проявляться нехватка патронов и снарядов. Военнослужащие, заблокированные на блокпостах, страдали из-за отсутствия пищи и воды. Через неделю, отчаявшись дожидаться помощи, они стали сдаваться. И, в-третьих, после первых же успехов чеченские формирования пополнились тысячами новых ополченцев. Если в Грозный, по признанию организаторов операции, вошло около восьмисот бойцов, то уже через несколько дней против российских военных там сражалось порядка десяти тысяч человек.

Таким образом, добрая воля Александра Лебеда и возглавляемой им «партии мира» в российском руководстве на самом деле проистекала из желания сохранить армию от окончательной деморализации. Вполне возможно, что, перебросив в Чечню еще несколько дивизий (полков, бригад и т.д.), ситуацию в конечном счете и удалось бы взять под относительный контроль. Но это лишь увеличило бы количество жертв и растянуло войну еще на несколько лет без всякой надежды на уничтожение опирающегося на поддержку населения противника.

Впрочем, такая попытка все же была предпринята. 19 августа пресс-секретарь Бориса Ельцина обнародовал поручение секретарю Совета безопасности «восстановить систему поддержания правопорядка в Грозном по состоянию на 5 августа». В тот же день Константин Пуликовский предъявил ультиматум чеченским отрядам, потребовав, чтобы они покинули Грозный (вошел в историю как «ультиматум Пуликовского»). Предоставив мирному населению на выход из зоны боев 48 часов, исполняющий обязанности командующего российскими войсками заявил, что оставляет за собой «право использовать все имеющиеся силы и средства, в том числе действия войск, бомбардировочную и штурмовую авиацию, реактивные системы залпового огня и артиллерию для нанесения удара по местам нахождения боевиков». Еще до истечения срока ультиматума 20 августа ночью российская сторона возобновила минометный и артиллерийский обстрел, по городу были нанесены бомбовые удары, применялись системы залпового огня. Подверглись нападению с воздуха (с самолетов и вертолетов) и коридоры, по которым уходили беженцы; среди них имелись многочисленные жертвы.

Возобновившуюся, как это было не раз до этого, войну остановил приезд Александра Лебеда. Заявив, что проблема ультиматума будет решена к утру 22 августа, он встретился с Асланом Масхадовым и совместно с ним выработал и подписал документ, предусматривавший разведение противоборствующих сторон, отвод войск и совместный контроль над отдельными районами Грозного.

31 августа 1996 г. в городе Хасавюрт (Республика Дагестан) возглавляемые ими полномочные делегации противоборствующих сторон, приняли «Совместное заявление» о принципах, по которым в дальнейшем должен был пойти переговорный процесс (текст данного документа см. в приложении № 1-а)⁵. До конца года все российские войска должны были быть выведены с территории Чечни, а до завершения этого процесса для поддержания порядка бывшие противники создавали совместные комендатуры. До 31 декабря 2001 г. сторонами планировалось выработать и подписать соглашение «об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, определяемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права».

31 декабря 1996 г. последний российский военнослужащий покинул чеченскую территорию. Вооруженный конфликт, казалось, был окончательно урегулирован. Чечня получила фактическую независимость от России⁶.

Необходимо отметить, что важнейшей предпосылкой урегулирования конфликта в 1996 г. стали господствовавшие тогда в российском обществе антивоенные настроения, функционирование демократических механизмов и информационная открытость конфликта. В зоне боевых действий с обеих сторон достаточно свободно работали сотни российских и иностранных журналистов, что позволяло ежедневно получать независимую и неподцензурную информацию о происходящем в Чечне. Каковы бы ни были устремления Бориса Ельцина и российского генералитета, президенту и его администрации, тем более в условиях острой политической конкуренции, приходилось считаться с мнением избирателей. Сторонниками политического урегулирования являлись и многие влиятельные политики, в том числе представители региональных элит.

Например, в 1996 г. губернатором Нижегородской области Борисом Немцовым было организован массовый сбор подписей против войны. Под обращением тогда подписались сотни тысяч граждан.

Другим характерным эпизодом стало обращение ряда политиков в Конституционный суд Российской Федерации с просьбой признать противоречащими Конституции ряд указов президента, легших в основу проведения в Чечне военной операции. И хотя 31 июля 1995 г. большинство судей признало законность большинства положений оспариваемых актов⁷, с особыми не совпадающими мнениями выступили 7 из 18 судей. Их оценки президентской политики зачастую просто поражают своей жесткостью. Так, судья Кононов отметил, что следствием неконституционных, по его мнению, решений Бориса Ельцина стали

«крайне жестокие и запрещенные международным гуманитарным правом методы ведения войны, применение неизбирательных средств массового поражения, массовая гибель населения, колоссальный поток беженцев, глобальные разрушения жилых и производственных объектов, экологически опасных сооружений, культурных и культовых ценностей, карательные экспедиции с т. н. «зачисткой территорий», создание абсолютно незаконных фильтрационных пунктов, факты бессудных расстрелов и казней, применения истязаний и пыток. <...> В результате издания и применения этих актов грубейшим образом были нарушены нормы, содержащиеся в Женевской конвенции 1949 г., дополнительных протоколах к ней и прямо относящиеся к данному случаю нормы второго протокола от 12 августа 1949 г., касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. <...> Содержащиеся в актах решения обосновываются преимущественно необходимостью защиты суверенитета, территориальной целостности, конституционного порядка, государственной безопасности и прочих государственных интересов. Права человека стоят в этом перечне на последнем месте.

⁵ Независимая газета. 3 сентября 1996. № 163.

⁶ В основу изложения фактических обстоятельств, являющихся предметом настоящей главы, положены следующие источники и литература: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. – ПЦ «Мемориал». – М., 1998; Правовые аспекты чеченского кризиса: материалы семинара. Отв. ред. Кравченко Н. А. – НИПЦ «Мемориал». – М., 1995; Орлов О. П., Черкасов А. В. За спинами мирных жителей: Захват заложников и использование гражданского населения в качестве «живого щита» федеральными войсками России в ходе вооруженного конфликта в Чечне. // Доклад. – ПЦ «Мемориал». – М., 1996; Всеми имеющимися средствами...: Операция МВД РФ в селе Самашки, 7-8 апреля 1995 г. Результаты независимого расследования Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне. – ПЦ «Мемориал». – М., 1995; Трусевич О. Г., Черкасов А. В. Неизвестный солдат кавказской войны, 1994-1996. Потери российских войск: погибшие, пропавшие без вести, пленные. – Доклад. ПЦ «Мемориал». – М., 1997; Куликов, Лембик, 2000; Журналисты на чеченской войне. Факты, документы, свидетельства. Сост. О. Панфилов. – М., 1995; Информационная война в Чечне. Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 – сентябрь 1996. Сост. О. Панфилов. – М., 1997; Воронов, 2005; Гакаев Д. Чечня: истоки и сценарий вооруженного конфликта. / <http://lib.rin.ru/i/154362p1.htm>; Малашенко, Тренин, 2002; Анчабадзе, 2001; Масхадов, 1997; Трошев, 2001; Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта. Отв. ред. д.ф.н., проф. Яндаров А. Д. – М., 2002; Музаев, 1995; Музаев, 1999; Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. – Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. / http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html.

⁷ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 31 июля 1995 г. № 10-П по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации»

Однако их нельзя признать однопорядковыми. Статья 2 Конституции Российской Федерации недвусмысленно и однозначно относит Человека, его Права и Свободы к высшей ценности. Этот основной отличительный принцип настоящей Конституции был грубо нарушен в пользу государственных предпочтений. Не может служить непреодолимым препятствием праву народа на самоопределение и принцип территориальной целостности. Являясь одним из основных прав и открывая Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., право народа на самоопределение не содержит здесь никаких оговорок и ограничений, является реально действующим в международной практике, отражает прогрессивную историческую тенденцию и в силу части 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации включено в систему основных конституционных прав. Это право выражается и в статье 3 Конституции через принцип народовластия и в статье 66, предусматривающей возможность изменения статуса субъекта Федерации в определенном порядке. Представляется, что территориальная целостность не может утверждаться насильственным, вопреки выраженному в законной форме самоопределению народа, и конфликт должен быть разрешен цивилизованным путем в пользу последнего»⁸.

Судья Лучинин в своем Особом мнении задался риторическим вопросом:

«Если согласиться с тем, что Указы Президента и Постановления Правительства соответствуют Конституции, невольно возникает вопрос: а что представляет собой сама Конституция, на основе которой могут быть приняты решения, открывающие пути к войне с собственным народом? <...> На деле же, – продолжает чуть ниже судья, – опрокинутой оказалась вся пирамида основных конституционных ценностей. Конституционный строй утверждался через жертвы и разрушения. Разве можно защищать интересы одной части общества, угнетаемой правящим режимом, за счет жизни другой части чеченского общества? Как можно говорить о защите государственной целостности Российской Федерации, если в результате якобы «точечных» бомбовых и ракетных ударов гибнут невинные люди, уничтожаются жилые дома? Фактически ликвидированы гарантии права граждан на жизнь (статья 20 Конституции), на неприкосновенность жилища (статья 25), на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства (статья 27) и др. Растоптано достоинство личности (статья 21). Конституционный строй, замешанный на крови, людском горе и бедах, как дорога, не ведущая в храм, теряет свое основное предназначение – служить Человеку. Исползованию Вооруженных Сил при разрешении внутренних конфликтов (тем более – неправомерному!) всегда существует альтернатива, сохраняется возможность мирных переговоров, компромиссов, политических решений. Только следуя этому курсу, создавая условия для заинтересованного участия всех субъектов в государственно-правовом объединении, можно обеспечить суверенитет Российской Федерации, ее независимость и государственную целостность. В последнее время все более очевидным становится стремление определенных кругов российского руководства и некоторых средств массовой информации объяснить чеченскую трагедию эксцессами исполнителей и возложить на них всю вину, сделать Вооруженные Силы заложниками политики. Никто не хочет платить за допущенные стратегические просчеты, за то, что предполагаемый бескровный блицкриг обернулся затяжными крупномасштабными боевыми действиями, унесшими многие тысячи человеческих жизней. Но отвечать должны и в первую очередь те, кто принимал политические решения, и лишь затем – все остальные в рамках «эксцессов исполнения»⁹.

Судья Зорькин (нынешний председатель КС РФ!) заявил:

«Ввиду экстраординарности сложившейся ситуации вплоть до завершения работы КС по данному делу должен быть объявлен мораторий на военные действия в Чечне. <...> Все политики, представляющие народы нашей страны, должны понять меру своей ответственности. Наивно было бы в этих условиях любой из сторон рассуждать о чьих-то победах. Мы у грани, за которой народы России просто могут исчезнуть в столь масштабных братоубийственных конфликтах и войнах, по отношению к которым чеченская трагедия может стать эпизодом мирного прошлого. Предложенный вариант решения адресуется не только к оценке прошлого, но и к настоящему и будущему. Как хранитель Конституции, конституционного развития страны Конституционный Суд должен проявить настойчивость и мудрость и отказаться от любых решений в условиях сокрытия от него информации. В противном случае будут дискредитированы в глазах народа и институт, и сама сущность правовой власти»¹⁰.

Судья Эбзеев пришел к выводу, что «имеется причинно-следственная связь между проверяемыми актами и жертвами и разрушениями в Чеченской Республике. Неадекватность этих актов и особенно мер по их реализации потребностям восстановления конституционного строя им самим придает характер посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации»¹¹.

Судья Витрук указал, что «Вопрос о массовых и грубых нарушениях прав человека как международном преступлении относится к компетенции международных судебных органов»¹².

⁸ Там же, особое мнение судьи А. Л. Кононова.

⁹ Там же, особое мнение судьи В. О. Лучина.

¹⁰ Там же, особое мнение судьи В. Д. Зорькина.

¹¹ Там же, особое мнение судьи Б. С. Эбзеева.

¹² Там же, особое мнение судьи Н. В. Витрука.

Сходные оценки содержатся в Особых мнениях и других суждениях меньшинства. Да и в самом Решении, вынесенном большинством, признается существование вооруженного конфликта немеждународного характера, и указывается, что сложившаяся в Чеченской Республике к 1994 г.

«экстраординарная ситуация исторически связана с тем, что в период сталинских репрессий чеченский народ подвергся массовой депортации, исправление последствий которой оказалось недостаточно эффективным. Государственная власть сначала СССР, а затем России не сумела правильно оценить справедливую обиду чеченцев, назревавшие в республике события и их движущие силы»¹³.

Несомненно, что приведенные оценки отражают не только правовую позицию судей высшего судебного органа России, но, шире, являются индикатором настроений, господствовавших в российском обществе и элитах.

Таким образом, именно существование, пусть в несовершенной форме, механизмов демократии, политической конкуренции, гарантий свободы распространения информации и гражданского общества стало фундаментом политического урегулирования «первого конфликта». В будущем исполнительная власть России вполне учтет свои «промахи»: начало «второго» конфликта ознаменуется системным подавлением именно этих институтов.

¹³ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 31 июля 1995 г. № 10-П.

ГЛАВА 5. МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1997-1999 ГГ.

5.1. ПЕРВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ПОКА ЕЩЕ ДРУЗЬЯ

После заключения Хасавюртовских соглашений, завершивших первую, как потом окажется, войну, в Чеченской Республике Ичкерия были приняты законодательные акты, поставившие под сомнение существовавший с момента объявления независимости ее политико-правовой статус. По инициативе исполнявшего обязанности Президента Зелимхана Яндарбиева парламент принял закон, в соответствии с которым конституционно закреплялся статус ислама как «государственной религии». «В целях создания необходимой основы для углубленного изучения и постижения религии» в качестве обязательных дисциплин в школах вводилось преподавание арабского языка и Корана.

Религиозные реформы предполагались и в других сферах. Стал действовать, например, новый уголовный кодекс, часть статей которого были основаны на исламском праве. Обычные суды заменили на суды шариатские. В дальнейшем все более-менее значимые политики и общественные движения использовали в своей риторике религиозные лозунги.

Тем не менее состоявшиеся 27 января 1997 г. при содействии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) выборы президента и парламента Чечни были проведены в соответствии с международными стандартами. Они прошли в присутствии многочисленных международных и российских наблюдателей, которые не зафиксировали серьезных нарушений. С почти двукратным перевесом над всеми остальными кандидатами победу на президентских выборах одержал Аслан Масхадов. Его соперниками были авторитетные среди местных жителей, по крайней мере тогда, Шамиль Басаев, Зелимхан Яндарбиев, Ахмед Закаев и Мовлади Удугов. Были и другие претенденты, менее известные и, соответственно, с еще меньшими, чем у них, шансами на победу.

Выборы в Чечне были признаны и российским руководством. 12 мая 1997 г. Президент РФ Борис Ельцин и Президент Чеченской Республики Ичкерия Аслан Масхадов подписали «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия», имеющий целью «прекратить многовековое противостояние, <...> установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения» (см. текст данного документа в приложении 1-б¹).

Впоследствии политические конкуренты – в первую очередь Шамиль Басаев и Мовлади Удугов – сделают все возможное для делигитимизации избранного демократическим путем Президента и перехвата из его рук власти. Заявку на лидерство они сделали еще до выборов, отказавшись идти на них единым блоком. Но и проиграв, не прекращали высказывать претензии на первые роли.

Впрочем, со стороны Аслана Масхадова это поначалу не вызывало сколько-нибудь заметного противодействия. В сформированном им после выборов правительстве все ключевые посты занимали боевые соратники. Первыми заместителями в правительстве (пост премьер-министра он сохранил за собой) были назначены Шамиль Басаев и Мовлади Удугов. Заместителями стали Ахмед Закаев и бывшие полевые командиры Руслан Гелаев и Ислам Халимов. Силловые министерства также возглавлялись участниками боевых действий. И только в сфере хозяйственного управления (да и то не везде и не в ключевых областях экономики) руководящие посты были оставлены за специалистами.

Другими словами, при формировании правительства подбор на должности осуществлялся в соответствии с военными заслугами; профессионализм и наличие знаний, необходимых для руководства какой-то конкретной отраслью хозяйства, практически не учитывались. Масхадов полагал, что главное – сохранить единство, пусть и внешнее, показное.

В дальнейшем политические процессы в ЧРИ будут главным образом развиваться в русле борьбы между президентским лагерем и стремительно радикализирующейся оппозицией. Эта борьба временами будет перерастать в вооруженное противостояние, в нее окажутся вовлеченными все ветви власти и силовые структуры. Желая избежать гражданской войны, Аслан Масхадов и в дальнейшем будет постоянно искать компромисса, и пытаться сохранить внешнее согласие иногда ценой принципиальных уступок. Это будет восприниматься его противниками как слабость и провоцировать на новые атаки.

¹ Российская газета. 20 мая 1997 г. №97.

5.2. ПОСЛЕВОЕННАЯ РАЗРУХА И РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ

С первых же дней перед новым чеченским руководством в полный рост встали кричащие социально-экономические проблемы. Экономика, жилой фонд и социальная инфраструктура республики были разрушены войной.

Зура Альтамирова, возглавлявшая отдел Национальной библиотеки, так описывает межвоенный быт большинства населения:

«Уцелевшие от разрушения заводы растаскиваются по кирпичику местными жителями. <...> На некоторых производственных объектах и хозяйствах зарплату выплачивают продукцией. На сахарном заводе вместо жалования выдают сахар, на мясокомбинате — колбасу, на фабрике мороженого — мороженое. Даже на заводе «Красный молот» одно время рассчитывались с рабочими продукцией собственного изготовления — железными дверями. <...> В самом тяжелом положении... оказались учителя. Начиная с 1992 г., они перестали регулярно получать зарплату»².

В июне 1998 г. по официальным данным в Чечне насчитывалось 300 тысяч безработных — практически все трудоспособное население. В марте 1999 г. «в связи с острым дефицитом бюджета» были понижены оклады военнослужащим чеченской армии: теперь генерал получал чуть более 1 (одной) тысячи рублей, рядовые служащие — около 600, надбавки за звания и выслугу не выплачивались вообще³.

Тысячи молодых людей научились обращаться с оружием, однако с завершением войны они не могли трудоустроиться, найти применение своим силам. В этих условиях в Чечне наблюдается стремительный рост преступности. Слабость власти, высокий уровень коррупции и разруха способствуют наиболее уродливому явлению чеченской жизни того времени — похищению людей с целью получения выкупа. Этот вид преступности превращается в почти полулегальный бизнес, а его жертвами становятся как местные жители и жители соседних республик, так и приезжавшие в республику журналисты и специалисты, включая иностранцев. Лиц, похищенных на территории России, нередко также доставляли сюда. Но чаще случалось так, что от лица преступников, удерживавших своих жертв в других регионах, выступали чеченские бандиты, которые и вели в дальнейшем все переговоры о выкупе. Сотрудники правоохранительных органов, полагая, что похищенные находятся в Чечне, не искали их по месту совершения преступления. Точных данных о числе взятых в заложники людей нет ни у кого, но несомненно, что речь идет о сотнях жертв⁴.

В то же время никаких оснований не доверять цифрам, имевшимся на этот счет у генеральной прокуратуры Чеченской Республики Ичкерия. По ее данным, на начало октября 1998 г. в руках преступников оставалось 104 человека, похищенных ими в течение двух предыдущих лет. Всего же с октября 1996 г. по октябрь 1998 г. они захватили 393 граждан республики, иностранцев и сотрудников российских силовых структур. Подконтрольным правительству республики структурам, в частности, особой следственной бригаде прокуратуры при помощи родственников или только самим родственникам, силовым путем либо путем переговоров удалось освободить 288 из них. 11 человек погибли во время проведения специальных операций. Учитывая, что прокуратура республики в то время имела представительство при генеральной прокуратуре России, а российская — при чеченской и что между ними было налажено, как минимум, информационное взаимодействие, эти цифры представляются более чем правдоподобными⁵.

Несмотря на целый ряд удачных операций чеченских правоохранительных органов, приведших к освобождению заложников, в целом правительству Аслана Масхадова не удалось справиться с этой вопиющей проблемой. Ввиду коррупции и круговой поруки многие, даже взятые с поличным преступники, уходили от ответственности или отделялись наказаниями, явно несоизмеренными тяжести содеянного.

Криминогенная обстановка в Чечне стала фактором политики. Оппозиция упрекала власти республики в неспособности противостоять бандитам, власти заявляли, что лидеры оппозиции сами причастны к похищениям людей (что нередко соответствовало действительности). В позорный бизнес оказались вовлечены государственные чиновники. Но самое главное — масштабы этого явления очень быстро оказались в числе важнейших факторов, способствовавших международной изоляции республики и ухудшению отношений с Москвой. В свою очередь идеологи реванша умело использовали информацию из Чечни для обоснования нового военного вмешательства. Впоследствии российская сторона неоднократно оправдывала свои действия необходимостью покончить «с рынком работорговли» на территории республики⁶. Впрочем, наибольший взлет похищений людей, в том числе и с целью получения выкупа, произойдет в ходе второго конфликта, став неотъемлемой частью силовой политики России в регионе...

5.3. ПОДАВЛЕНИЕ АНТИПРЕЗИДЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ

К лету 1997 г. в Чечне сложились три основные общественно-политические группировки, из которых две были представлены в правительстве. Умеренные силы, ориентирующиеся на президента и поддерживающие его политический курс, состояли из организаций, входивших в состав возникшего в годы первой войны анти-

² Альтамирова, 1999, с. 309-311.

³ Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. || <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476>.

⁴ Детальный обзор этой проблемы см.: Воронов, 2005, с. 261-270

⁵ ЗЖЛ. Ч. 2. С. 8.

⁶ Воронов, 2005, с. 261-270.

военного Координационного Совета общественно-политических партий и движений ЧР (КСПД): «Патриоты Чечни», «Вежарий», «Иман». Наиболее крупными общественными организациями умеренного толка являлись движение «Даймохк» и «Партия национальной независимости». Открыто пропрезидентские позиции заняло и движение «Чеченское исламское государство», созданное в августе 1997 г. активным участником боевых действий Турпал-Али Атгериевым.

Радикальные силы в правительстве группировались вокруг вице-премьеров Шамиля Басаева и Мовлади Удугова, возглавлявших соответственно партию «Маршонан тоба» и союз политических сил «Исламский порядок». Обе эти организации появились на политической сцене республики в январе-феврале 1997 г. и выступили с позиций «условной поддержки» Аслана Масхадова. С ними во многом блокировались Ассамблея партий и комитетов ЧРИ, возглавлявшаяся советником президента Саид-Хасаном Абумуслимовым, и блок национально-патриотических сил «Свобода», который возник в мае-июне 1997 г. путем объединения нескольких мелких радикальных групп. Фактическим руководителем последнего считался глава «Зеленого движения» Рамзан Гойтемиров.

Ультрарадикальная оппозиция сформировалась в апреле-мае 1997 г. из числа представителей движения за независимость, критиковавших президента и правительство за компромиссы в отношениях с РФ. Ее представители считали допустимым применение террористических актов в борьбе за независимость, причем даже в мирное время. Во внутренней политике они требовали привлечь к уголовной ответственности лиц, сотрудничавших с пророссийской администрацией, и углубить «исламизацию» государственных структур и общественной жизни. Наибольшую известность среди ультрарадикалов получили движение «Путь Джохара» и т. н. «Армия Джохара Дудаева», возглавляемые полевым командиром Салманом Радуевым. Его союзником выступала «Кавказская Конфедерация» во главе с бывшим и.о. президента ЧРИ Зелымханом Яндарбиевым.

В качестве отдельной силы, впоследствии сыгравшей значительную роль в эрозии государственной власти, стал выступать институт шариатских судов, введенный в конце 1996 г. Верховный Шариатский суд республики возглавлял специалист по мусульманскому праву Шамсуддин Батукаев.

Уже к осени 1997 г. между этими группировками началась острая политическая борьба. Акцентируя внимание на провалах в экономике, низких темпах восстановительных работ в республике, ставших уже хроническими невыплатами задолженности по заработной плате работникам бюджетной сферы и росте преступности, оппозиция потребовала отставки из правительства профессионалов — представителей старой хозяйственной и административной элиты. В начале октября критика президента усилилась. Пробасаевская партия «Маршонан тоба» на своем съезде отвергла возможность компромисса с Россией по вопросу о независимости республики и выступила против «единого военного и экономического пространства» с ней (это, а также решение всех спорных вопросов исключительно мирным путем было предусмотрено в подписанном 12 мая 1997 г. в Москве президентами Асланом Масхадовым и Борисом Ельциным «Договоре о мире и принципах взаимоотношений между ЧРИ и РФ»). Делегаты потребовали снять с руководящих должностей «лиц, сотрудничавших с марионеточными властями» в ходе войны и обеспечить действие закона о люстрации.

Демарш Шамиля Басаева был воспринят многими как заявка (и даже претензия) на власть. Ни официальным положением, ни фактической возможностью влиять на президента и правительство в ходе выработки решений он ограничен не был. Тем не менее 28 октября Аслан Масхадов учел раздающуюся в его адрес критику и объявил о перестановках в руководстве экономическим блоком правительства: был отправлен в отставку первый вице-премьер Муса Дошукаев, министр экономики Иса Астемиров, начальник налоговой службы Омар Туршаев и т. д. Была расформирована и государственная нефтяная компания «ЮНКО».

Одновременно с нападками оппозиции и расколом внутри правительства началось и противостояние между Верховным Шариатским судом и законодателями. Поводом для этого послужил акт об амнистии, принятый парламентом республики в отношении лиц, сотрудничавших с российскими властями, но не «запятнавших себя кровью соотечественников». Богословы, указывая на религиозные догмы, заявили в своем обращении, что «в исламе ни покаяние осужденного или задержанного, ни ходатайство кого-либо, ни какие-либо великие даты не являются основанием для их освобождения от ответственности и наказания». В ответ председатель парламентского комитета по средствам массовой информации, указав, что судьи превышают свои полномочия, обвинил приданную им шариатскую гвардию (аналог корпуса судебных приставов) в совершении уголовных преступлений, в том числе и похищениях людей.

Однако Аслан Масхадов, идя на уступки радикалам, не поддержал парламент. В декабре 1997 г. своим решением он передал уголовно-исправительные учреждения в ведение Верховного Шариатского суда. В следственных изоляторах и местах заключения были введены исламские правила: осужденных обязали молиться, им было запрещено передавать спиртные напитки и наркотики, что прежде случалось нередко. В конце этого же месяца он передал полномочия главы правительства Шамилю Басаеву. В новом кабинете Мовлади Удугов занял пост первого вице-преьера и министра иностранных дел.

Оба главных оппонента президента и его основные соперники на годичной давности выборах получили возможность исправить недочеты в экономике, прежде всего в добыче нефти и ее переработке, наладить восстановительные работы в городах и селах, придать дополнительный импульс зашедшему в тупик переговорному процессу с Россией и подавить преступность.

Ни одна из этих задач в итоге решена не была. Летом 1998 г. парламент Чечни счел, что работа премьера была неудовлетворительной, и утвердил его прошение об отставке. Наибольшее неудовольствие у депута-

тов, как, впрочем, и у остальных жителей республики, вызвало то, что правительство выдало частным лицам разрешение на добычу нефтяного конденсата⁷. В результате этого Грозный и прилегающие к нему районы были изрыты, изъедены многометровой глубины колодцами. Началась торговля лицензиями, из-за контроля над земельными участками возникли перестрелки, вокруг них появилась охрана с будками и шлагбаумами. Подлинная катастрофа обрушилась на нефтеперерабатывающие заводы. Большинство колодцев были вырыты либо непосредственно на их территории, либо поблизости. Добытчики конденсата выкапывали на продажу трубы, срезали и уносили кабели и линии электропередач, разбирали на строительные материалы здания и производственные помещения, словом, разрушали и то немногое, что пощадила война.

Дальше – больше. Вооруженные люди, среди которых нередко можно было встретить и участников боевых действий (но куда чаще тех, кто взял в руки оружие уже после войны), стали захватывать действующие и законсервированные скважины и бесконтрольно откачивать оттуда нефть. Ее переработка на самодельных перегонных установках (т. н. самоварах) и вывоз за пределы республики в сыром виде превратился в хорошо организованный криминальный бизнес, искоренить который до конца, несмотря на все прилагаемые усилия, так и не удалось.

Отставка Шамиля Басаева явилась закономерным итогом его «хозяйствования». К концу недолгого премьерства облик «героя войны» сильно потускнел, он растерял прежних своих сторонников и превратился в не очень влиятельного, неудачного политика. О дальнейших претензиях на власть ему, скорее всего, можно было и не думать, если бы не переселившиеся в республику дагестанские салафиты и организовавшиеся вокруг них местные группы «новых мусульман»...

5.4. ЭКСПАНСИЯ ДАГЕСТАНСКИХ САЛАФИТОВ

Салафиты – общее название мусульманских религиозных деятелей, которые в разные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и исповедание веры ранних мусульман – «праведных предков» (ас-салаф ас-салих). Салафиты резко выступали против различных «нововведений» (бид'а) в сферах вероучения и повседневной жизни, начиная с методов символично-аллегорического толкования Корана и кончая всевозможными новшествами, привнесенными в мусульманский мир в результате его контактов с Западом.

К салафитам причисляют таких мусульманских богословов средневековья, как Ибн Ханбаль, аш-Шафии и Ибн Таймийя. Салафитская доктрина лежала в основе идеологии возникшего в XVIII в. в Аравии ваххабитского движения. С 1920-х гг. салафитские идеи были подхвачены идеологами «Братьев-мусульман». Салафитами называют себя и последователи «пуританского», фундаменталистского течения в исламе на территории бывшего СССР (прежде всего на Северном Кавказе)⁸. Именно они стали в «межвоенный период» еще одним фактором Северо-Кавказской политики.

До начала войны 1994-1996 гг. жители Чечни о салафизме знали лишь понаслышке. Ни в организационном плане, ни в плане пропаганды своих идей в республике движение исламских фундаменталистов тогда никак не было оформлено. Первым его проповедником можно считать иорданского шейха чеченского происхождения Абу Салмана (Фатха), появившегося в республике уже в ходе «первой» войны. Для обучения молодежи основам ислама осенью 1996 г. на территории бывших пионерских лагерей у с. Сержень-Юрт в Шалинском р-не им был создан «Кавказский институт исламского призыва (Дава'а)». После его смерти в состав руководства был включен другой иорданец – эмир Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб (Хаттаб), воевавший против советских войск еще в Афганистане и прибывший в республику весной 1995 г. во главе двух десятков других добровольцев. В скором времени после этого институт трансформировался из обычного религиозного учебного заведения в учебно-тренировочный лагерь по военной подготовке религиозно настроенной молодежи.

Салафиты позиционировали себя в качестве истинных мусульман. Отрицая суфийское направление, традиционное для Чечни, и его духовенство, погрязшее, по их мнению, в грехах и не разбирающееся в основах религии, они обращались к истокам первоначального ислама. В российской прессе и политических кругах сторонников этого течения не совсем корректно стали называть ваххабитами.

Салафиты (ваххабиты) появились в Дагестане намного раньше, чем в других регионах Северного Кавказа. Поначалу их деятельность была вполне мирной и не выходила за пределы теологических споров, диспутов, совместных молитв верующих, толкования сур и аятов Корана. Сторонники нового течения призывали мусульман вернуться к «очищенному» от позднейших искажений исламу времен пророка и первых его четырех преемников-халифов. Требовали отказаться от «нововведений», в частности, от поклонения святым и почитания считающихся священными мест.

Проповеди салафитов, в которых затрагивалась и тема социальной справедливости, не могли не иметь успеха. Дагестан – регион с колоссальной разницей в доходах населения, это республика, в которой бизнес и власть поделены между руководителями разных этнических движений, возникших в годы перестройки

⁷ Добыча нефти и ее переработка в Грозном имеют более чем столетнюю историю. За это время в результате различного рода аварий просочились и возникли под землей озера (линзы) из дизельного топлива, конденсата, других продуктов перегонки нефти. Жители республики рыли колодцы для их откачки. В зависимости от рельефа местности и близости залегания грунтовых вод колодцы имели глубину от трех до пятнадцати и более метров.

⁸ Ислам: энциклопедический словарь. – М., 1991.

под флагом возрождения языка, национальных традиций и обычаев, а затем деградировавших в полукриминальные группировки. К началу 90-х здесь уже возникли наднациональные общины мусульман, отвергавших официальное, поддерживаемое местным (а значит, и российским) руководством духовенство. В некоторых населенных пунктах количество тех, кто примкнул к салафитам, вплотную приблизилось к сторонникам суфизма, в других их уже было большинство. Но главное, существовал огромный ресурс для дальнейшего распространения этого учения, особенно среди молодежи. Во властных структурах республики и правоохранительных органах процветала коррупция, значительная часть населения не имела работы, а следовательно, и легальных источников доходов. И все это на фоне всегда существовавших противоречий между разными этническими группами из-за земли, ресурсов и «доходных» должностей.

В республике постепенно начал появляться новый центр власти. Поражение России в первой «чеченской» войне лишь стимулировало этот процесс. В некоторых населенных пунктах по инициативе местных жителей – приверженцев «чистого ислама» – было введено шариатское правление, а для поддержания порядка созданы отряды ополчения. Так случилось, например, в даргинских селах т. н. Кадарской зоны: Кадаре, Чанкурбе, Карамахи и Чабанмахи. Попытки восстановить над ними юрисдикцию все чаще и чаще заканчивались вооруженным противостоянием и перестрелками с сотрудниками правоохранительных органов.

Властям республики и официальному духовенству в идеологическом плане нечего было противопоставить салафитам. Поэтому эрозия государственных институтов, скорее всего, и дальше проходила бы в тех же темпах, если бы те продолжили пропаганду своих идей мирным путем. Вместо этого некоторые из лидеров «новых мусульман», в частности, Багауддин Муххамад (Кебедов), стали призывать к созданию в Дагестане независимого исламского государства. Вооруженный джихад признавался одним из главных методов в деле достижения этой цели.

Но такие настроения среди салафитов еще не были определяющими. Победа сепаратистов в первой «чеченской» войне не являлась тем примером, который мог бы воодушевить на открытое противостояние с Россией. Да и достигнута она была под совершенно иными, демократическими лозунгами (право народов на самоопределение). Рядовые последователи нового для Северного Кавказа религиозного течения были скорее настроены на взаимодействие с государством, чем на конфликт с ним. К тому же призывал и Ахмад-Кади Ахтаев, создатель и руководитель Исламской партии возрождения, пользовавшийся огромным влиянием и авторитетом у салафитов Дагестана. Являясь сторонником просветительской деятельности, он и от своих сторонников требовал направлять силы не на борьбу с властями и остальными верующими, а на создание привлекательного для всех образа ислама.

Умеренные настроения большинства салафитов не были оценены властями. Против них последовали репрессии, значительно усилившиеся после 23 декабря 1997 г., когда группа боевиков совершила вооруженное нападение на воинскую часть в Буйнакске. Официально ответственность за него российская власть возложила на чеченского полевого командира Хаттаба. Но гонениям подверглись жители Дагестана – приверженцы нового движения и сочувствующие им. Это привело к тому, что члены многих джамаатов (общин верующих) – иногда в полном составе, часто и со своими семьями – вынуждены были бежать в Чечню. В январе 1998 г. вместе с большим числом своих сторонников туда же прибыл и радикальный лидер дагестанских салафитов Багауддин Муххамад (Кебедов). Оставшийся на родине Ахмад-Кади Ахтаев в марте того же года был убит. Обстоятельства этого преступления не расследованы до сих пор.

Бежавшие от репрессий дагестанцы нашли в соседней республике не только приют и сторонников, но и новых врагов. И прежде всего в лице легитимно избранной власти и большинства традиционно суфийского населения.

5.5. ВЫСТУПЛЕНИЕ ИСЛАМИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ, ВВЕДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

С начала 1998 г. общественно-политическая ситуация стала ухудшаться по вине заметно усилившихся последователей радикального исламского учения. Они силой пытались навязать свои правила всем остальным, что провоцировало конфликты и напряженность. Активность исламистов заметно усилилась после того, как в Чечне появились их единомышленники, бежавшие из-за репрессий из соседнего Дагестана. Значительная их часть вместе со своим духовным лидером Багаудином Муххамадом (Кебедовым) обосновались в Урус-Мартане на западе республики. Другой руководитель дагестанских салафитов, Магомед Тагаев и подконтрольные ему боевики расположились в горном Ведено на границе с Цумадинским и Ботлихским районами, откуда в большинстве своем они и были родом. Вскоре вокруг них стала группироваться местная молодежь, для более широкого ее привлечения стали открываться центры по обучению основам ислама и военному делу. Возникшие в ходе войны пока небольшие чеченские группы религиозных радикалов получили мощное идеологическое и вооруженное подкрепление. Началось их внедрение в шариатские суды, шариатскую гвардию и другие структуры. Это позволило им уже в ближайшем будущем предъявить претензии на власть, если не по всей еще Чечне, то по крайней мере в отдельных ее районах.

По отношению к салафитам в руководстве республики сложилось два совершенно разных подхода. Аслан Масхадов и национально-ориентированные члены правительства и парламента не поддерживали их, в то вре-

мя как другие считали возможным опереться на них в политической борьбе. 27 апреля 1998 г. в Грозном тогда еще премьер-министр Шамиль Басаев и его первый заместитель Мовлади Удугов провели учредительный съезд «Конгресса народов Чечни и Дагестана». В нем они оба заняли лидирующие позиции, претендуя на власть уже не столько в своей республике, сколько на всем Северо-Восточном Кавказе. Первоначально в работе форума планировали принять участие официальные руководители Дагестана, но внезапно их планы изменились. Неучастие дагестанских властей в работе конгресса назвали серьезной ошибкой не только в Грозном, но и в Москве. По мнению вице-премьера Рамазана Абдулатипова, «руководству Дагестана следовало взять инициативу в свои руки. К сожалению, объединительные идеи выдвигают те, кто на самом деле не заинтересован в стабилизации, – когда-то Гамсахурдиа, теперь Удугов. А все экстремистское несет огромную угрозу любому народу, когда не встречает на своем пути сопротивления»⁹.

Одним из немногих в Чечне, кто открыто говорил об опасности религиозного экстремизма и требовал решительной борьбы с ним, был руководитель службы национальной безопасности (СНБ) Леча Хултыгов. Еще в январе 1998 г. он заявил, что пропаганда ваххабитов (салафитов), которые, «навязывая арабскую «моду бородачества», разделяют народ на религиозные кланы»¹⁰, противоречит национальным традициям чеченцев. Весной сотрудники подчиненных ему структур провели ряд операций против исламских вооруженных формирований. Были задержаны несколько десятков боевиков, за пределы республики выдворена группа иностранных проповедников.

Действия правоохранительных органов вызвали острую реакцию со стороны ваххабитских кругов. Подконтрольная им радикальная пресса (газеты «Аль-Каф», «Чеченец» и др.) обвинила Лечу Хултыгова в сотрудничестве с российскими спецслужбами. Недовольство его действиями выразили и некоторые представители республиканского руководства, в частности, судьи Верховного Шариатского суда. Тем не менее директор СНБ и подчиненные ему структуры продолжили наступление на организованные группы иностранцев и жителей соседних регионов, в массовом порядке переселившихся в республику. «... К чеченской земле воспылали неожиданной любовью в большинстве своем лица, которые близко не нюхали порох и прибыли сюда после того, как умолкли пушки», – заметил он и заявил, что эмигранты сосредотачиваются в селах близ дагестанской границы и «активно начинают проповедовать учение ваххабитов в противовес традиционному исламу, которого исторически придерживается чеченский народ». На этой почве, по его словам, между местными жителями уже возникли серьезные разногласия и конфликты¹¹.

21 июня 1998 г. сторонники Салмана Радиева попытались захватить здание республиканского телецентра. Леча Хултыгов, который прибыл туда во главе своих подчиненных, был убит. Гибель директора СНБ стала основанием для ввода в республике чрезвычайного положения и установления комендантского часа. Начались серьезные операции правоохранительных структур против религиозных экстремистов и похитителей людей. Из ставшего оплотом вооруженных салафитов Урус-Мартана удалось освободить 9 дагестанских милиционеров, захваченных еще в декабре 1997 г. при нападении на российскую войсковую часть в Буйнакске.

14 и 15 июля в Гудермесе произошли столкновения между поддержанными населением частями национальной гвардии и министерства шариатской государственной безопасности (аналога министерства внутренних дел) с боевиками шариатской гвардии и исламского полка особого назначения. Последние находились под влиянием салафитов и возглавлялись соответственно Абдул-Маликом Межидовым и Арби Бараевым. Погибли несколько десятков человек. Далее события развивались с калейдоскопической быстротой и привели на время к безусловной победе Аслана Масхадова над его политическими оппонентами.

Выступая по телевидению сразу после гудермесских событий и осудив в резкой форме деятельность исламских радикалов, президент потребовал, чтобы их главарь в течение 24 часов покинули территорию республики. Он также обещал, что все сторонники, которые у них имеются в правительстве, будут уволены. 17 июля Аслан Масхадов продлил действие режима ЧП и комендантского часа в Чечне. В информационном сообщении пресс-службы главы государства отмечалось, что правоохранительные органы достигли «определенных успехов» в наведении порядка, однако ситуация требует активизации борьбы с преступностью. На действительную военную службу были призваны 5 тысяч резервистов из числа бывших участников первой чеченской войны. Одновременно объявили и о новых назначениях: бригадный генерал Шамиль Басаев, занимавший до начала июля пост премьер-министра, стал заместителем Главнокомандующего Вооруженными силами ЧРИ и руководителем мобильных отрядов ополченцев; а другой бригадный генерал – Асланбек Исмаилов, являвшийся министром строительства, был назначен военным комендантом.

Призыв резервистов и назначение известных в прошлом командиров на эти должности в республике расценили как подготовку силовой операции против исламистских формирований и их военных баз в Урус-Мартановском и Веденском районах республики.

20 июля Аслан Масхадов своим указом объявил о расформировании шариатской гвардии и исламского полка. Министр государственной шариатской безопасности Асланбек Арсаев в выступлении по местному телеканалу заявил, что задержанные с оружием в руках бывшие участники этих подразделений будут арестованы, а в случае сопротивления – уничтожены. Одновременно президент подписал указы о лишении полно-

⁹ Алла Барахова. Шамиль Басаев объединит Чечню и Дагестан. Коммерсант. – 28 апреля 1998. № 75 (1478)

¹⁰ Грозненский рабочий. – 4-11 января 1998 г. № 1.

¹¹ Там же.

мочий двух членов Верховного Шариатского суда, которые выступали в поддержку ваххабитов, а также о высылке из республики их и еще двух проповедников (чеченцев-реэмигрантов из Иордании), которых обвинили в антиправительственной пропаганде и разжигании внутрирелигиозной розни.

Члены распущенных формирований собрались в с. Старые Атаги, где проживал Зелимхан Яндарбиев, требуя, чтобы он их возглавил. Начался митинг, в ходе которого раздавались протесты против действий властей республики. Генеральная прокуратура направила предупреждение бывшему и.о. президента ЧРИ о недопустимости проведения массовых мероприятий в период действия ЧП. Было заявлено, что виновные в организации беспорядков будут привлечены к уголовной ответственности.

В ночь на 22 июля военный комендант издал указ о запрете деятельности частных телекомпаний в Грозном. Данная мера была направлена против вещания проваххабитских станций, которые критиковали действия властей. В тот же день поддержку действиям властей выразил Салман Радуев. Он заявил, что готов участвовать в борьбе против религиозных экстремистов.

23 июля произошло покушение на Аслана Масхадова. В 11.20 кортеж автомашин президента двигался по Старопромысловскому шоссе в Грозном, когда взорвалась стоявшая на обочине автомашина «УАЗ» без номеров. Ударной волной был отброшен в сторону и загорелся бронированный «шевроле», в котором находился руководитель республики. Ему удалось выйти оттуда невредимым, но в результате полученных ранений умер один из его телохранителей, еще несколько человек в тяжелом состоянии были доставлены в больницу.

В тот же день Аслан Масхадов провел пресс-конференцию, на которой заявил, что считает ответственными за покушение «спецслужбы некоторых иностранных государств», которые действуют «руками своих местных агентов, жаждущих власти и денег». Хотя президент и его пресс-секретарь Майрбек Вачагаев и отвергли причастность к случившемуся салафитов, Верховный Шариатский суд потребовал явки для дачи показаний по этому делу их лидеров и союзников: экс-президента Зелимхана Яндарбиева, бывшего командира исламского полка особого назначения Арби Бараева и главы Урус-Мартановского джамаата (объединения верующих радикального толка) Рамзана Ахмадова.

24 июля Зелимхану Яндарбиеву пришлось пройти процедуру допроса в Верховном Шариатском суде, после чего с него были сняты подозрения в причастности к организации покушения. Тогда же объявили, что Арби Бараев и Рамзан Ахмадов, отложившие визит в суд, будут доставлены туда силой.

Поддержку действиям руководства республики выразили все ведущие политические силы Чечни и их лидеры. О лояльности Аслану Масхадову заявили и бывшие полевые командиры высшего звена: Руслан Гелаев, Ахмед Закаев и т. д. Шамиль Басаев пришел на телевидение вместе с Хаттабом, который также заявил о своей непричастности к покушению и более широко – о своем неучастии в политической жизни республики, гражданином которой он не является.

Вечером того же дня правоохранительные органы Чечни сообщили, что установлена квартира, где было изготовлено взрывное устройство, и о задержании людей, подозреваемых в совершении террористического акта против президента.

25 июля в Грозном состоялся Конгресс мусульман Северного Кавказа, инициатором созыва которого стал муфтий (глава духовенства) Чечни Ахмат (Ахмат-Хаджи) Абдулхамидович Кадыров (1951-2004). Он занял эту должность еще в 1995 г., когда его предшественник, Башир-Хаджи Арсанукаев, отказавшийся объявить российским войскам газават (священную войну) был смещен Джохаром Дудаевым. Ахмат Кадыров сделал то, что от него ждали воюющие чеченцы, и стал после этого, по выражению политолога В. В. Воронова, чем-то вроде «военно-полевого муфтия». Он был награжден орденом ЧРИ «Честь нации». Уже после окончания «первой» войны его в установленном порядке утвердили на должность муфтия съездом алимов. В дальнейшем Ахмат Кадыров, с одной стороны, стал одним из поборников построения в республике исламского государства, а с другой – активным борцом с ваххабизмом, распространение которого сужало влияние традиционно-суфийского муфтията¹².

Конгресс мусульман Северного Кавказа стал одним из важнейших инструментов этой борьбы. Несколько тысяч участников форума осудили ваххабизм и объявили, что это учение не имеет ничего общего с подлинным исламом. Прозвучали обвинения и в адрес российского руководства, оказывающего якобы «косвенную поддержку» сторонникам радикальных течений для того, чтобы дестабилизировать ситуацию в республике и этим самым доказать неспособность чеченцев к самостоятельному государственному устройству. Основанием для столь резкого выпада стало посещение Сергеем Степашиным сел в Кадарской зоне Дагестана, являвшихся оплотом салафитов во всем Северо-Кавказском регионе. В ходе визита, состоявшегося в самый разгар общественно-политического кризиса в соседней республике, будущий премьер-министр России, касаясь учения, укоренившегося среди местных жителей, выразился в том смысле, что если это и фундаментализм, то, на его взгляд, фундаментализм достаточно симпатичный.

Радикалы из Кадарской зоны подчинялись осевшим в Чечне лидерам салафитов. Частично из людей, прибывших из Дагестана в конце 1997 – начале 1998 гг., были укомплектованы и вооруженные отряды, противостоявшие правительственным структурам в Гудермесе и распущенные указом президента. Поэтому высказывания российского чиновника высокого ранга и Аслан Масхадов, и его соратники восприняли как стрем-

¹² Воронов, 2005, с. 274-275.

ление раздуть в республике гражданский конфликт, придать ему дополнительный импульс. Об ультиматуме в отношении неподконтрольных правительству вооруженных группировок вскоре было забыто. Вопреки требованию значительной части населения, президент и правительство не стали подвергать окончательному разгрому уже деморализованных сторонников радикального ислама.

26 июля военно-политический кризис в Чечне на время разрешился. Бывший командующий шариатской гвардией Абдул-Малик Межидов и командир исламского полка Арби Бараев, а также глава Урус-Мартановского джамаата Рамзан Ахмадов заявили о лояльности президенту. Аслан Масхадов в телевизионном выступлении порекомендовал участникам расформированных отрядов устраиваться на работу и включаться в мирную жизнь.

Через два дня власти Чечни объявили об отмене режима ЧП и комендантского часа. По информации пресс-службы президента, за время их действия силовые структуры добились значительных успехов в борьбе с преступностью. Сообщалось, что удалось ликвидировать несколько крупных бандитских группировок, занимавшихся грабежами и похищениями людей.

Не менее существенным было и то, что в результате мероприятий, проведенных с 22 июня по 28 июля, Аслан Масхадов существенно укрепил положение и сосредоточил в своих руках основные рычаги управления. Он вновь лично возглавил правительство и непосредственно подчинил себе (по крайней мере формально) все силовые структуры и легально созданные вооруженные формирования. Оппозиция была дискредитирована, все более-менее значимые ее лидеры вынуждены были подчеркнуть лояльность главе государства. Создались условия, в которых он мог проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, опирающуюся на чаяния требующего порядка и стабильности населения. Но Президент вновь предпочел пойти на компромиссы со своими временно смирившимися оппонентами.

5.6. ОБВИНЕНИЯ В НАРУШЕНИИ КОНСТИТУЦИИ

Удовлетворившись внешним, показным проявлением лояльности со стороны лидеров оппозиции, Аслан Масхадов уже не настаивал на расформировании неподконтрольных ему незаконных вооруженных формирований, не выдворил из республики заезжих «миссионеров» и даже не воспрепятствовал возвращению института шариатских судов под контроль ваххабитов. Председателем Верховного Шариатского суда снова стал сторонник радикалов Шамсуддин Батукаев, со времени начала гудермесских событий и до отмены режима чрезвычайного положения самовольно, не поставив никого в известность, оставивший этот пост.

Временная, как оказалось потом, нормализация обстановки позволила Аслану Масхадову в первой декаде августа совершить поездку в Соединенные Штаты Америки, где он принял участие в работе 2-ой Международной конференции мусульманского единства. Его выступление на форуме было посвящено истории российско-чеченских взаимоотношений, предпосылкам, приведшим к войне 1994-1996 гг. и перспективам мирного процесса на Северном Кавказе. В Вашингтоне у него состоялось несколько встреч с конгрессменами и политическими советниками Билла Клинтона. 7 августа он провел пресс-конференцию, на которой отверг возможность возникновения в Чечне гражданской войны, охарактеризовав свой приезд в Вашингтон как демонстрацию того, что на родине «царит согласие».

Ошибочность этих оценок была развеяна уже в сентябре. Шамиль Басаев, Салман Радуев и примкнувший к ним бывший руководитель антитеррористического центра Хункар-Паша Исрапилов объявили о создании «Совета командующих», который, как было объявлено, ставил перед собой цель возвращение «узурпировавшего власть президента» в правовое, конституционное поле республики. В начале октября 1998 г. на свет родилась еще одна антимасхадовская структура – Центр общественно-политических партий и движений (ЦОПД), в который, по словам его организаторов, вошли 35 различных партий и движений самой разной политической направленности. Во главе же нового оппозиционного блока оказались все те же басаевско-удуговский «Конгресс народов Чечни и Дагестана», радуевская партия «Путь Джохара» и яндарбиевские «Организация исламского единства Кавказа» и «Кавказская конфедерация». Главными задачами ЦОПД объявлялись объединение «усилий в стремлении заставить руководство республики строго соблюдать Конституцию и другие законы». Фактически же за этим стояло стремление вынудить Аслана Масхадова уйти с поста президента и прекратить и так уже забуксовавшие переговоры с Россией о статусе республики.

4 октября Шамиль Басаев, Хункар-Паша Исрапилов и Салман Радуев обратились к муфтию республики Ахмат-Хаджи Кадырову с заявлением, в котором отмечалось, что, направив обвинения против президента в парламент и Верховный Шариатский суд, они надеются на признание им своей ответственности за нарушение Конституции ЧРИ. Они призвали религиозного лидера «незамедлительно вмешаться в процесс разрешения кризиса в стране».

8 октября сторонники президента собрали съезд, объявивший себя правопреемником «Общенационального Конгресса чеченского народа», под флагами которого в 1991 г. была объявлена независимость Чечни. Инициатором его проведения выступил первый вице-премьер правительства Турпал-Али Атгериев и возглавляемое им движение «Чеченское исламское государство». В съезде приняли участие большинство членов парламента и руководители муфтията (духовного управления) республики.

Делегаты осудили действия оппозиционных лидеров и потребовали от Аслана Масхадова: а) распустить незаконные вооруженные формирования; б) запретить партии и движения, «несущие угрозу раскола народа» и в) в очередной раз предложили выдворить из Чечни всех иностранцев, «занимающихся противоправными действиями и проповедующих ваххабизм». Президент охарактеризовал выступление оппозиции как провокацию несостоявшихся политиков. Обвинив салафитов (ваххабитов) в соучастии в похищениях людей и совершении актов террора, он высказался против вмешательства чеченцев во внутривнутриполитическую борьбу в Дагестане.

На своем съезде, состоявшемся двумя днями позже и тоже названном «Общенациональным Конгрессом чеченского народа», Шамиль Басаев, Мовлади Удугов, Салман Радуев, Зелимхан Яндарбиев и их сторонники повторили прежние требования, добавив к ним отставку председателя парламента Руслана Алихаджиева.

Действия оппозиционных сил не нашли поддержки среди населения. Жители республики в очередной раз высказались в пользу президента и его курса. И тогда в ход пошли террористические акты. 25 октября в результате покушения погиб начальник управления по борьбе с похищениями людей Шахид Баргишев. На следующий день была предпринята попытка убийства муфтия Ахмата-Хаджи Кадырова. Ни у кого не вызывало сомнений, что за обоими этими преступлениями стояли политические оппоненты главы исполнительной власти.

22 октября 1998 г. Аслан Масхадов потребовал в течение недели распустить все вооруженные формирования, не входящие в силовые структуры ЧРИ. По его словам, центрами антиправительственных группировок являлись с. Сержень-Юрт с расположенным рядом учебным центром «Кавказ» под руководством Хаттаба, Ведено, где дислоцировались основные силы сторонников Шамиля Басаева, и Урус-Мартан, в пригороде которого расположились подконтрольные Рамзану Ахмадову ваххабиты. Президент отметил, что все незаконные военные базы и центры «подлежат незамедлительной ликвидации». Комментируя его слова, министр шариатской государственной безопасности Асланбек Арсаев заявил, что правоохранительные органы готовы провести против незаконных вооруженных формирований широкомасштабную операцию.

Однако ни тогда, ни после этого не случилось. Вместо решительных действий Масхадов еще раз посчитал возможным попробовать договориться. 8 ноября в Грозном состоялась его встреча с группой оппонентов, возглавляемых Шамилем Басаевым. Переговоры длились 8 часов и завершились принятием соглашения. Стороны, в частности, договорились о создании консультативного Совета при президенте ЧРИ, который определял бы внутреннюю и внешнюю политику республики, решено было ввести в действие закон о люстрации и сформировать специальный суд (Суд чести) для его реализации.

Но уже на следующий день эти соглашения были дезавуированы. Несмотря на то, что Аслан Масхадов, стараясь сохранить в республике мир, пошел на значительные уступки и отказался от части полномочий, предоставленных ему на всенародных выборах, лидеры оппозиции обратились к гражданам Чечни с призывом поддержать их стремление «создать свободное и сильное государство, основанное на принципах ислама». В нем было отмечено, что руководство республики во главе с Асланом Масхадовым «не способно эффективно управлять».

Окончательно попытка компромисса провалилась из-за приговора Верховного Шариатского суда в отношении Салмана Радуева. Он был признан виновным в организации летнего захвата телецентра в Грозном, приведшего к гибели Лечи Хултыгова, и осужден на 4 года тюрьмы. В ответ бывший полевой командир, ранее требовавший вмешательства судебной власти в конфликт оппозиции с президентом, заявил, что не признает решение суда и окажет сопротивление в случае попытки своего ареста.

14 ноября в Грозном произошла стычка между сотрудниками правоохранительных органов республики и охранниками Салмана Радуева. Президент Аслан Масхадов и вице-президент Ваха Арсанов осудили его действия. Сторону одиозного полевого командира заняли лишь коллеги по оппозиции. По мнению Шамиля Басаева, арест командующего «Армией Джохара Дудаева» привел бы к кровопролитию.

5.7. МОБИЛИЗАЦИЯ РЕЗЕРВИСТОВ

В декабре 1998 г. ситуация в республике значительно ухудшилась. Причиной этого стало похищение и жестокое убийство 10 декабря четырех сотрудников английской телекоммуникационной фирмы «Грейнджер» (трех англичан и одного новозеландца), похищенных в 3 октября в Грозном. Их отрезанные головы были брошены на обочине дороги. Как и у предыдущего громкого преступления (захват 29 сентября 1998 г. и убийство 3 октября 1998 г. Акмаля Саидова, заместителя полномочного представителя правительства РФ в Чечне), целью показательной расправы, по-видимому, являлась окончательная дискредитация руководства республики. Президент Аслан Масхадов обвинил в преступлении ваххабитские группировки, в частности Урус-Мартановский джамаат под руководством Рамзана Ахмадова и группировку Арби Бараева. Ответственность за случившееся возлагалась и на лидеров оппозиции, с лета 1998 г. фактически возглавивших религиозных радикалов.

11 декабря Аслан Масхадов объявил о второй по счету за год мобилизации бывших участников военных действий и ополченцев для «решительной», как было заявлено, борьбы с преступными формированиями. К концу месяца на военную базу «Ханкала» прибыло до 1 тысячи человек, в целом же по республике в отряды ополчения записалось больше 5 тысячи жителей, имеющих навыки обращения с оружием.

Комментируя по телевидению указ президента о частичной мобилизации, вице-премьер Турпал-Али Атгериев отметил, что власти Чечни до этих пор больше всего опасались кровопролития и междоусобицы, поэтому занимали выжидательную позицию, что было ошибкой. Толчком же к решительным действиям послужило убийство иностранных заложников. По его словам, руководство намерено самым жестким образом покарать преступников.

17 декабря на площади Свободы в центре Грозного состоялся митинг. Собравшиеся потребовали от президента применения самых радикальных мер в отношении оппозиционных формирований, отказывающихся подчиниться властям, и наведения порядка в Урус-Мартановском районе. Митингующие призвали запретить пропаганду чуждой для чеченцев идеологии и выдворить всех иностранных (т.е. прежде всего дагестанских) салафитов, за пределы республики. В ближайшем окружении президента, видимо, рассчитывали, что, собрав военные силы и заручившись моральной поддержкой населения, он начнет решительные действия против преступных вооруженных формирований и поддерживающей их оппозиции. Однако Аслан Масхадов объявил о намерении договориться с противниками мирным путем, как было подчеркнуто им, теперь уже в последний раз.

5.8. НОВЫЕ КОМПРОМИССЫ И ПЕРЕХВАТ ПРЕЗИДЕНТОМ ИСЛАМСКИХ ЛОЗУНГОВ

Консультации с оппозицией велись вокруг коллегиального органа управления республикой, на мусульманский лад названного «Шурой» и, как было объявлено, «полномочного принимать законы и избирать высшее должностное лицо». Предложения о его создании были озвучены вице-президентом Вахой Арсановым.

24 декабря Верховный Шариатский суд фактически поддержал этот план, приняв резолюцию о приостановлении деятельности парламента, как «противоречащей принципам ислама» и о создании государственного совета – Шуры – из влиятельных полевых командиров и религиозных деятелей. Законодатели отказались признать это решение, с ними солидаризировались и представители правительства. 2 января уже следующего, 1999 г. состоялось совместное заседание парламента с членами Верховного Шариатского суда при участии муфтия республики. Было предложено переименовать законодательный орган с западного на мусульманский манер – Меджлис – и создать в его составе в качестве отдельного комитета Шуру. В него и могли бы быть избраны духовные лица.

В середине января группа депутатов при поддержке представителей муфтията высказались за преобразование парламентского комитета по делам религии в исламский комитет, пополнив его специалистами в области и шариата, и светского права. Оппозиционные силы, естественно, выступили против такого решения, посчитав, что это является выхолащиванием идеи мусульманского правления в республике.

Но и против образования внутри парламента религиозного комитета выступила значительная часть депутатов. Их мнение выразил заместитель председателя комитета по средствам массовой информации Докка Амагов в интервью газете «Голос Чеченской Республики». В частности, он сказал, что общественно-политический кризис вызван попытками религиозно-политических сил любой ценой захватить власть и «создать среди чеченцев правящее сословие из эмиров, князей и т.д.». Депутат назвал недопустимыми нападки на парламента и Конституцию ЧРИ. По его мнению, основной закон республики в достаточной степени отражает роль религии в чеченском обществе: в статье 4-ой, например, ислам провозглашен государственной религией, а в 95-ой говорится о шариатском судопроизводстве. «Те, кто навязывает вместо парламента некий высший религиозный совет, подрывает основы власти, ее легитимность», – заявил Докка Амагов¹³.

Споры о введении религиозного правления, навязанные оппозиционными Аслану Масхадову силами, не добившимися его смещения силовым путем, а потом и через обвинения в нарушении – светской и демократической! – конституции, сопровождались актами террора против представителей государственной власти. 6 января в Гудермесе было совершено покушение на заместителя командующего национальной гвардией Сулима Ямадаева. Мина взорвалась в непосредственной близости от джипа, в котором он ехал. Тяжело раненый генерал был доставлен в больницу. 14 января в Грозном, обстреляв из автоматического оружия машину, неизвестные легко ранили министра шариатской государственной безопасности Асланбека Арсаева.

3 февраля 1999 г. Аслан Масхадов пошел на самую крупную уступку оппозиции. Созвав совещание бывших полевых командиров и руководителей подконтрольных ему силовых структур, он объявил об издании указа, устанавливающего в республике «шариатское правление в полном объеме» (указ президента ЧРИ № 39 от 3 февраля 1999 г. «О введении полного шариатского правления на территории Чеченской Республики Ичкерия»)¹⁴. Начинаясь с суры Корана, по форме он в значительной степени напоминал воззвания и постановления антипрезидентских организаций, апеллировавших к доктринам исламской государственности. Ничего конкретного, кроме общих фраз о переходе во всех сферах жизни к шариату и необходимости реформы на его основе государственных структур, в нем сказано не было. Однако на совещании президент подчеркнул, что парламента лишен права издавать законы и будет только контролировать их соблюдение. Высшим же законодательным органом республики становится исламский совет (Шура), состоящий из влиятельных религиозных деятелей и бывших командиров. Вместо светской Конституции ЧРИ, действовавшей с марта 1992 г., заявил он, предполагается принять новый Основной закон, разработанный на основе шариата.

¹³ Голос Чеченской Республики. – 7 января 1999 г. № 1.

¹⁴ Ичкерия. – 18 февраля 1999 г. № 3.

8 февраля на пресс-конференции президента был обнародован Указ № 46 от 8 февраля 1999 г., согласно которому специальной государственной комиссии поручалось разработать проект шариатской конституции, согласовать ее с советом улемов, состоявшим из последователей традиционных для Чечни направлений ислама, и представить проект на рассмотрение общенационального съезда. Подготовка и проведение последнего поручались оргкомитету, возглавляемому последовательным сторонником президента Турпал-Али Атгериевым. Аслан Масхадов особо подчеркнул, что действующий Основной закон республики отменяться не будет, но в него внесут изменения в соответствии с требованиями шариата.

На следующий день в Грозном состоялось первое заседание государственного совета (Шуры) ЧРИ, сформированной президентом. На нем были подтверждены его полномочия как главы государства. Министру культуры, информации и печати Ахмеду Закаеву, известному своими либерально-национальными взглядами, поручили возглавить комиссию по новой редакции Конституции. Он заявил, что привлечет к ее разработке известных в республике ученых-богословов, бывших полевых командиров, политиков и депутатов парламента¹⁵.

Неожиданные шаги Аслана Масхадова были направлены на упреждение своих противников и перехват из их рук исламских лозунгов. Принеся в жертву парламент (как потом выяснится, лишь временно), он пытался укрепить собственную власть. Эти решения застали оппозицию врасплох. Состоявшийся 4 февраля съезд сторонников оппозиции, названный «съездом участников войны», показал царящую в их рядах растерянность. Президент выполнил все требования, на которых они настаивали, но к власти не подпустил ни на шаг. Через три дня Шамиль Басаев выразил поддержку последним решениям главы республики и объявил о роспуске своей партии «Маршонан тоба», основные задачи которой считал исчерпанными.

Лидеры оппозиции пытались сорганизоваться, но изменить кардинальным образом сложившуюся расстановку сил они не могли. Инициатива перешла к президенту. Заняв нишу, в которой активно действовали его противники, он лишил их свободы политического маневра: любая критика в адрес власти воспринималась уже как критика исламских реформ, к которым его склоняли последние несколько месяцев. Однако оппозиционеры отказались войти в новую структуру, так как, по словам вице-президента Вахи Арсанова, первым озвучившего идею ее создания, их не устраивают включенные в нее люди. Они объявили о создании своей, как пытались потом пропагандировать по подконтрольному оппозиции телеканалу «Кавказ», «подлинной Шуры во главе с настоящим эмиром мусульман», естественно, Шамилем Басаевым.

Тем не менее эта победа была достигнута дорогой ценой. Как отметил тогда же чеченский политолог Тимур Музаев, «наиболее опасным последствием «игры на опережение» стал фактически произошедший подрыв конституционных основ нынешней власти ЧРИ. Получив временные тактические преимущества, президент А. Масхадов серьезно проиграл в стратегическом отношении: отмена светской Конституции 1992 г., «освященной» именем Джохара Дудаева, и замена Основного закона страны неконституционным путем уже поставили под сомнение легитимность новых структур власти»¹⁶. Это понимали и депутаты чеченского парламента, большинство которых теперь перешли в оппозицию к президенту.

5.9. ВОЗВРАТ К КОНСТИТУЦИИ И ОБОСТРЕНИЕ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Во второй половине февраля и в марте 1999 г. основные политические баталии происходили между президентом и парламентом. Но это был уже конфликт внутри одного идеологического лагеря, и, хотя временами он становился достаточно острым, в конечном итоге у него мог быть только один исход: возврат всех ветвей власти в конституционное русло.

Уже 6 февраля парламент Чечни признал указ президента «О введении полного шариатского правления» не имеющим юридической силы. Депутаты пригрозили Аслану Масхадову, что отстранят его от должности за попытку изменения государственного строя. В середине месяца законодатели приняли заявление «О незаконности действий президента ЧРИ и его вооруженной оппозиции», в котором, в частности, отмечалось, что действия руководителя республики и оппозиции «способствуют ослаблению позиций чеченского государства, пока еще не признанного международным сообществом...». Возложив всю ответственность за возможные последствия на обе конфликтующие стороны, парламент призвал их «отказаться от порочной практики нарушения законодательства ЧРИ». Большинством голосов депутаты создали комиссию по импичменту президента, а потом в течение месяца избрали председателя Конституционного суда, сформировали комиссию по урегулированию общественно-политического кризиса в республике и отменили указ Аслана Масхадова о назначении Генерального прокурора. Никто этой работе особо не мешал и, несмотря на «лишение законотворческих функций», они продолжили деятельность и в этой сфере тоже.

Между тем исследования, проведенные социологами в феврале 1999 г., показали, что Президент и его сторонники по-прежнему продолжают пользоваться гораздо большей популярностью, чем лидеры оппозиции. В ответах на вопрос о том, кто из политических лидеров в состоянии выправить ситуацию в республи-

¹⁵ Грозненский рабочий. – 11-17 февраля 1999 г. № 6.

¹⁶ Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. || <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0299/20.html>.

ке, президент А. Масхадов получил около 25% голосов: в 4 раза больше, чем руководители оппозиционной Шуры. В число политических деятелей, которым доверяют граждане Ичкерии, также вошли:

председатель Парламента Руслан Алихаджиев – 14,7%;
 вице-премьер Ахмед Закаев – 13,8%;
 муфтий Ичкерии Ахмат-Хаджи Кадыров – 10,6%;
 бригадный генерал Хамзат (Руслан) Гелаев – 8,5%;
 бригадный генерал Шамиль Басаев – 6,0%;
 вице-премьер Турпал-Али Атгериев – 5,5%;
 бывший вице-премьер Мовлади Удугов – 5,4%¹⁷.

Обострение ситуации произошло в начале марта. Формальным поводом к этому явилось похищение 5 марта 1999 г. полномочного представителя МВД РФ в Чечне генерал-майора Геннадия Шпигуна. Он был активным участником военных действий, и многие не желали видеть его в республике. За несколько недель до этого президент Аслан Масхадов заявил о нежелательности его дальнейшего пребывания на данной должности. Ответа из Москвы не последовало¹⁸.

Похищение носило на редкость дерзкий характер – Геннадий Шпигун был захвачен в грозненском аэропорту Шейха Мансура («Северный») прямо с борта самолета Ту-134 авиакомпании «Асхаб», выполнявшего рейс Грозный – Москва. Когда он выруливал на взлетную полосу, путь преградили два УАЗа темно-зеленого цвета. Лайнер остановился, из его распахнувшейся двери появились двое неизвестных в масках, которые буквально выкинули наружу генерала, а затем выпрыгнули сами. Всех троих затащили в машины, и они тут же умчались в неизвестном направлении. Обеспечение безопасности аэропорта осуществлялось только силовыми структурами ЧРИ. Ими же охранялось здание российского представительства, находившееся примерно в 200 метрах от этого места.

Происшедшее нанесло сокрушительный удар по российско-чеченским взаимоотношениям, которые и без того не были особенно радужными. Согласно версии генерала ФСБ Александра Михайлова, именно «похищение Шпигуна было последней каплей в терпении руководства России»¹⁹. По его словам, попытки министра внутренних дел РФ Сергея Степашина объясниться по телефону с Асланом Масхадовым оказались тщетными. И тогда он предъявил ему ультиматум: «Не можешь контролировать ситуацию, не можешь навести порядок в республике, которая это тебе доверила, нечего называть себя президентом»²⁰.

В это непростой ситуации откровенно провокационную роль заняли лидеры антимасхадовской оппозиции. Шамиль Басаев, например, в качестве «эмира Шуры» 6 марта выступил с заявлением «В связи с подрывной деятельностью иностранных (российских) спецслужб в ЧРИ». В нем отмечалось, что обострение общественно-политической ситуации вызвано «грубым вмешательством российских спецслужб во внутренние дела суверенного государства, выразившемся в разыгрывании на территории ЧРИ всякого рода провокационных спектаклей, наносящих моральный урон и дискредитирующих независимость Чеченского государства и его народа». Обвинив российское представительство в Грозном в «дестабилизации политической обстановки в республике, подстрекательстве к преступлениям, терроризму и проявлениям национальной и религиозной вражды», он потребовал, чтобы его сотрудники в течение 48 часов покинули пределы Чечни. Шамиль Басаев также обратился к гражданам Ичкерии с призывом «принять меры для того, чтобы российское криминальное государство прекратило безответственные выпады и угрозы по отношению к Чеченской Республике Ичкерия и ее народу»²¹.

7 марта 1999 г. аппарат представительства президента и правительства Российской Федерации был эвакуирован из Чечни. В тот же день, выступая в программе «Итоги» на НТВ, Сергей Степашин дал слово «офицера» освободить Геннадия Шпигуна, сделав еще более резкие заявления в адрес официальных властей республики. По предположению политолога В. В. Воронова не исключено, что на прошедшем в тот же день заседании Совета Безопасности РФ и было принято решение о предстоящей войне²².

Позже, 23 декабря 1999 г. в эфире НТВ Сергей Степашин сказал: «То, что я говорил 7 марта [в телепрограмме] у Евгения Киселева, как раз после захвата генерала Шпигуна, – была целая кампания мер, связанная с борьбой с терроризмом, созданием санитарных кордонов, укреплением правоохранительных органов, недопущением прорыва боевиков, отключением электроэнергии, перекрытием авиационного и железнодорожного транспорта. <...> Это та программа, которую сегодня реализует Владимир Путин»²³. Наконец уже в январе в интервью «Независимой газете» он заявил:

«В отношении Чечни могу сказать следующее. План активных действий в этой республике разрабатывался, начиная с марта. И мы планировали выйти к Тереку в августе-сентябре. Так что это произошло бы, даже если бы не было взрывов в Москве. Я активно вел работу по укреплению границ

¹⁷ Грозненский рабочий – 25-31 марта 1999 г. № 12.

¹⁸ Валерий Яременко. Генерал Шпигун: похищение и смерть. Полит.Ру. Аналитика. 22 марта 2006 г. || <http://polit.ru/analytics/2006/03/22/shpigun.html>.

¹⁹ Михайлов, 2001, с. 334.

²⁰ Там же, с. 333-334.

²¹ Кавказский вестник. Март 1999 г. № 5.

²² Воронов, 2005, с. 227.

²³ Там же.

с Чечней, готовясь к активному наступлению. Так что Владимир Путин здесь ничего нового не открыл. Об этом вы можете спросить его самого. Он был в то время директором ФСБ и владел всей информацией. Я всегда был сторонником сильной и жесткой политики в Чечне»²⁴.

Как отметил тот же В. В. Воронов, «за все это время слова Сергея Степашина никто не рискнул деэвидировать. Правда, сам Сергей Вадимович тоже на эту тему больше ни разу не высказывается. Так или иначе, признано: старт военным разработкам был дан не позднее марта 1999 г., когда еще не было ни нападения на Дагестан, ни взрывов в Москве, Волгодонске и Буйнакске»²⁵.

Между тем Шамиль Басаев продолжал делать провокационные заявления. 8 марта 1999 г., на экстренном заседании своей «Шуры», он сказал, что найдет генерала и предаст его шариатскому суду за участие в российско-чеченской войне. По его мнению, операция по захвату генерала была разработана и проведена российскими спецслужбами²⁶. Лидеров оппозиции активно поддержали салафиты. Проваххабитский Союз кавказских журналистов 7 марта выступил с обращением, в котором выразил «восхищение мужеством, отвагой и удалью бойцов по задержанию особо опасного военного преступника, гражданина вражеской России, генерал-майора Шпигуна Г., виновного в массовом убийстве населения и в катастрофических разрушениях городов и сел Чеченской Республики Ичкерия». Ваххабитские журналисты предложили предать похищенного Верховному Шариатскому суду, а членов группы захвата представить к высшим правительственным наградам. Одновременно издаваемая сторонниками Мовлади Удугова газета «Кавказский вестник» опубликовала редакционную статью «По каждому шпигуну веревка плачет». В ней, в частности, отмечалось, что Геннадий Шпигун во время войны 1994–1996 гг. был руководителем Главного управления оперативных штабов (ГУОШ), являвшейся «самой ненавистной, бесчеловечной и кровожадной преступной организацией». По информации газеты, в ГУОШ «проводились пытки, травля собаками, истязания задержанных перед сортировкой и отправкой их в фильтрапункты и концлагеря, во многих случаях здесь задержанных расстреливали»²⁷. Во многом это было правдой, однако похитителей интересовали вовсе не вопросы возмездия военным преступникам. За генерала потребовали огромный денежный выкуп – по некоторым данным уже 17 марта было выдвинуто требование об уплате 17 миллионов долларов²⁸.

Президент ЧРИ назвал похищение Геннадия Шпигуна «ударом в спину народу». Поисками российского генерала занялись 20 оперативно-следственных групп, было объявлено о вознаграждении в 200 тысяч долларов для того, кто поможет установить его местонахождение. В Грозном ввели усиленное патрулирование и фактически установили комендантский час. На пятый день (10 марта) на совещании следственных групп, занимающихся расследованием похищения, Аслан Масхадов заявил, что Шамиль Басаев действует во вред чеченскому государству, и поставил вопрос о высылке Хаттаба²⁹.

Однако чеченским правоохранительным органом так и не удалось освободить Геннадия Шпигуна и найти тех, кто организовал это преступление.

В то же время и Москва, делая громкие заявления, не предприняла никаких серьезных мер к освобождению своего представителя. По данным российского журналиста Валерия Яременко, руководство МВД РФ ограничило, если не свело на нет, действия этнического отдела ГУБОПа по освобождению Геннадия Шпигуна, не шло на взаимодействие в этом вопросе с Комиссией при президенте России по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, а уже тем более – с правоохранительными органами ЧРИ. Так, многие сотрудники этнического отдела, возглавляемого полковником Сунцовым, признавали, что руководство МВД фактически запретило им заниматься освобождением похищенного в Чечне генерала. Лучший из профессионалов президентской комиссии – полковник Вячеслав Пилипенко – также не скрывал, что, похоже, его судьба руководство российского МВД не интересует: предложения специалиста по освобождению захваченных людей министр Владимир Рушайло и его помощник генерал-лейтенант Орлов проигнорировали³⁰.

31 марта 2000 года, уже в ходе «второго» вооруженного конфликта тело Геннадия Шпигуна будет обнаружено российскими военными в районе высокогорного села Итум-Кале.

В целях активизации деятельности силовых структур по нейтрализации преступных элементов и банд, среди прочего занимающихся и похищениями людей, 14 марта Аслан Масхадов подписал указ о создании министерства государственной безопасности (МГБ). В качестве структурных подразделений в него были включены служба национальной безопасности, управление по борьбе с похищениями людей, управление безопасности на транспорте и другие силовые ведомства. Руководить им поручили Турпал-Али Атгериеву, вице-премьеру правительства Чечни. На следующий день в центре Грозного состоялся митинг в поддержку действий руководства республики, в котором приняло участие более 50 тысяч человек, в основном молодого и зрелого возраста мужчин, готовых, по их словам, взять в руки оружие и силой выпроводить из республики «непроще-

²⁴ Правосудов С. Блока ОВР вообще могло и не быть. – Независимая газета. 14 января 2000 г.

²⁵ Воронов, 2005, с. 226.

²⁶ Грозненский рабочий. 11–17 марта 1999 г. № 10.

²⁷ Кавказский вестник. Март 1999 г. № 5.

²⁸ Валерий Яременко. Генерал Шпигун: похищение и смерть. – Полит.Ру. Аналитика. 22 марта 2006 г. || <http://polit.ru/analytics/2006/03/22/shpigun.html>.

²⁹ Грозненский рабочий. 18–24 марта 1999 г. № 11.

³⁰ Валерий Яременко. Генерал Шпигун: похищение и смерть. – Полит.Ру. Аналитика. 22 марта 2006 г. || <http://polit.ru/analytics/2006/03/22/shpigun.html>.

ных гостей и их местных последователей». Выступая перед собравшимися, Аслан Масхадов сначала рассказал об общественно-политической ситуации в республике, а потом заявил, что оппозиция пытается создать параллельные структуры власти, и что в этом ее поддерживают определенные международные круги, в частности, из Саудовской Аравии. Главными их агентами, по его мнению, являются политолог-ваххабит «Иса Умаров и его брат», то есть Мовлади Удугов. Шамиля Басаева, объявившего себя «эмиром оппозиционного Совета (Шуры)», он назвал марионеткой, призванной обеспечить силовую поддержку их действиям. Президент подчеркнул, что может остановить оппозицию, но не желает кровопролития. Призвав осудить противников законной власти, он закончил речь словами: «Чечня для чеченцев, нам не нужны Шура и арабские советчики»³¹.

В тот же день Аслан Масхадов провел совещание с главами сельских, городских и районных администраций. Он призвал их стать хозяевами и решительно установить порядок в своих населенных пунктах. В ответных выступлениях собравшиеся попросили, чтобы различные ветви власти не допускали противостояния и строго соблюдали законы республики.

Ответом оппозиции на действия Президента стал террор. 21 марта 1999 г. в Грозном на Аслана Масхадова было совершено очередное покушение: два противотанковых снаряда, управляемые дистанционно, взорвались, когда он возвращался после совещания с руководителями силовых структур. Семь человек, включая охранников, получили ранения. В конце месяца неизвестные вооруженные люди остановили автомашину члена парламента Докки Амагова и попытались его похитить. Вмешательство оказавшихся поблизости людей сорвало планы преступников.

Вместе с тем напряженность между Грозным и Москвой продолжала увеличиваться. 17 марта для проезда автотранспорта была перекрыта граница Чечни и Дагестана.

В конце марта и в апреле 1999 г. произошла консолидация исполнительной и законодательной ветвей власти. Парламент и глава республики вернулись в конституционное поле, были отменены незаконные указы и постановления, ограничивающие их полномочия. Спикер Руслан Алихаджиев заметил по этому поводу: «Есть, правда, люди, которым снятся и видятся во всех поступках Президента сплошной криминал и перманентные попытки совершить государственный переворот. Видимо, это параноидальная болезнь людей, спешащих вытолкнуть Президента с президентского кресла»³². Он отметил, что все возникающие противоречия между ветвями власти должен разрешать Конституционный суд.

К этому времени относится и активизация деятельности силовых структур. Сотрудники милиции, министерства государственной безопасности и служащие подразделений национальной гвардии были переведены на усиленный порядок несения службы, в селах стали создаваться отряды ополчения, вытеснявшие формирования, неподконтрольные правительству. Аслан Масхадов значительно укрепил свои позиции. Общественно-политические мероприятия, которые проводились его сторонниками, показали, что оппозиция не имела практически никаких шансов на победу в противостоянии с республиканской властью. Это поняли и ее противники. На апрельское собрание представителей населенных пунктов Чечни (на нем присутствовало по десять представителей от каждого города и села) прибыл Зелимхан Яндарбиев, один из самых яростных критиков президента, и призвал к компромиссу между всеми политическими силами.

О том, что попытка перехвата власти провалилась, окончательно ясно стало в мае 1999 г. В борьбе с Шамилем Басаевым, Мовлади Удуговым и поддерживающими их чеченскими и дагестанскими ваххабитами президент сделал ставку на национально настроенных командиров и интеллигенцию. Он назначил Руслана (Хамзата) Гелаева командующим воссозданной шариатской гвардии, а в июне сформировал правительство, в которое вошли люди с демократическими, прозападными взглядами: Иса Астамиров, Апти Бисултанов, Ахмед Закаев, Ильяс Ахмадов и др.

Одновременно возобновились контакты с российским руководством и главами соседних регионов для налаживания совместной работы по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований и борьбы с похищениями людей. Так, еще в первых числах апреля в столице Дагестана Махачкале побывала парламентская делегация Чечни, а в середине того же месяца состоялось подписание чечено-ингушского соглашения по урегулированию пограничного спора. 19 апреля из Москвы пришло сообщение, что президент России готов встретиться с Асланом Масхадовым. Чеченский руководитель приветствовал это решение и уже через неделю сформировал рабочую, а затем и переговорную группы³³.

В то же время подготовка к встрече велась на фоне резких заявлений представителей силовых структур РФ и ответных демаршей со стороны официального Грозного (после похищения Геннадия Шпигуна этот «обмен любезностями» уже не прекращался). Министр внутренних дел РФ Сергей Степашин, например, 26 апреля объявил о закрытии российско-чеченской границы. Это произошло уже после того, как были урегулированы возникшие проблемы на дагестанском и ингушском ее участках. Граница же со Ставропольским краем в одностороннем порядке в очередной раз была перекрыта еще 9 апреля. Пресс-служба главы республики подчеркнула в этой связи, что заявление российского министра не что иное, как попытка сорвать наметившийся между Москвой и Грозным диалог.

³¹ Грозненский рабочий. 18-24 марта 1999 г. № 11.

³² Parliament. 12 апреля 1999 г. № 2.

³³ Грозненский рабочий. 30 апреля-6 мая 1999 г. № 17.

Тогда же Аслан Масхадов выразил озабоченность в связи с заявлением пресс-бюро внутренних войск МВД России (19 апреля 1999 г.), согласно которому «в Чечне происходит физическое уничтожение русскоязычного населения республики». По словам пресс-секретаря президента Майрбека Вачагаева, данное заявление направлено на активизацию античеченских настроений. Именно российские власти организовали массовые убийства граждан ЧРИ, в том числе русскоязычного населения, в 1994–1996 гг. На фоне геноцида, который Югославия совершает в Косово при пособничестве России, Москва решила сместить акцент и отыгаться на Чечне³⁴.

Парламент ЧРИ выступил с заявлением, в котором отметил, что «для отвлечения российского народа от его проблем и с целью сохранения у власти, политическое руководство России идет на преступные шаги по развязыванию войны против ЧРИ и ее народа». Отметив «недопустимость подобного рода угроз против независимой суверенной Чеченской Республики Ичкерия», парламент заявил о том, что республика «ищет мир со всеми государствами мира, в том числе и с Россией»³⁵.

Министерство иностранных дел ЧРИ выступило с заявлениями «О нарушении Россией «Договора о мире» от 12 мая 1997 года» и «О независимости Чеченской Республики Ичкерия». В первом документе отмечалось, что российское руководство не соблюдает условия договора и «в нарушение норм международного права препятствует миру». В частности, дипломатическое ведомство республики обвинило Москву в том, что российскими средствами массовой информации «развернута широкая кампания на весь мир против властей Чечни», в том, что чеченцев преследуют по национальному признаку, устраивают убийства людей, прибывших в Чечню из западных стран и пр. «Россия блокировала нашу страну от всего мира и препятствует ее становлению», — говорилось в заявлении. МИД республики призвал международное сообщество «выполнить свой долг и вступить за чеченский народ», а также обратился к ООН, Совету Европы и ОБСЕ с просьбой «предоставить... трибуну для изложения истинного положения дел в Чечне»³⁶. В заявлении «О независимости Чеченской Республики Ичкерия» сообщалось «о совершаемом преступлении РФ — России против чеченского народа и его государства». В нем также говорилось, что при попустительстве ООН, ОБСЕ, Совета Европы, глав государств Россия в 1994 г. совершила агрессию против республики, в ходе которой погибло более 120 тыс. мирных граждан, было полностью разрушено народное хозяйство, многие города и села превращены в развалины. До сих пор люди продолжают гибнуть на минах, оставленных российскими оккупантами. «... Россия все эти годы, — отмечается в заявлении, — пытается все более ужесточить положение нашего государства, блокировав от остального мира. С помощью наемников — преступников и из числа чеченцев — РФ — Россия устраивает провокации, организывает похищения людей...» По мнению МИД, «необходимо срочное вмешательство международного сообщества в роли третьей стороны во взаимоотношения Чечня — Россия и признание Чеченского государства»³⁷.

Одним словом, весной 1999 г. впервые после окончания «первой» войны Чечня и Россия начали систематически употреблять друг в отношении друга откровенно враждебную риторику.

Представляется, что встреча Аслана Масхадова и Бориса Ельцина могла бы снять напряжение, но российскому и чеченскому президентам встретиться было не суждено. Однако сама подготовка к переговорам, на которых непременно была бы затронута тема исламского радикализма, наряду с усилившимся давлением правоохранительных структур и ополченцев, пытавшихся выдавить ваххабитов из населенных пунктов Чечни, вынудила их лидеров обратить внимание на Дагестан. В подконтрольных салафитам печатных изданиях в этот период все чаще появляются статьи, в которых говорится о необходимости начать джихад, т. е. священную войну за освобождение этой северокавказской республики от «владычества русских». Почти всегда остававшиеся до этого в тени Шамиля Басаева дагестанские «идеологи» ваххабизма — Адалло Алиев, Магомед Тагаев, Багауддин Мухамад (Кебедов) и Надиршах Хачилаев — стали давать пространные интервью, в которых, не скрывая, говорили о своих ближайших намерениях. Чечня в их планах была уже отыгранным материалом: перехват власти в республике не удался, народ не принял радикальные исламские лозунги, а избранная власть в итоге выстояла.

Так, в газете «Кавказская Конфедерация» (№ 3, март 1999 г.) было опубликовано послание командующего т. н. дагестанской повстанческой армией «имама» Магомеда Тагаева. «Я не иду войной на Дагестан, — отмечается в документе. — Напротив, моя цель — освободить его от врага, от векового рабства». Главным же врагом и Дагестана, и всего Кавказа, по его мнению, является «русская империя». «Я жил, живу и буду жить с одной единственной надеждой: видеть Кавказ свободным. А Дагестан в этом свободном Кавказе — как государство из нескольких свободных государств», — заявил он. На страницах газеты «Кавказский вестник» (№ 5, март 1999 г.) выступил другой лидер дагестанских радикалов, бывший депутат Государственной Думы РФ (фракция НДР) Надиршах Хачилаев. В своей статье он отметил, что мусульманин свято должен соблюдать предписания и законы Аллаха, в числе которых одно из первых — «борьба с деспотизмом и тиранией языческого мира невестства». Участие в Джихаде, священной войне за ислам, на его взгляд, является «особой милостью и миссией, которая может выпасть только на долю верующего человека, делая его участником единого фронта... под общим знаменем воинов Джихада».

³⁴ Грозненский рабочий. 22–29 апреля 1999 г. № 16.

³⁵ Parliament. 12 апреля 1999 г. № 2.

³⁶ Ичкерия. Март–апрель 1999 г. № 6.

³⁷ Ичкерия. Апрель 1999 г. № 7.

Политика президента ЧРИ характеризовалась лидерами ваххабитов в резких выражениях, а сам он награждался неслестными эпитетами. Глава джамаата Дагестана Багауддин Мухаммад (Кебедов), заявил, что полное шариатское правление, провозглашенное Асланом Масхадовым, является «очередной попыткой обмануть и тех, кто вокруг него, и нас с вами». Он отметил, что ни в его действиях, ни в политике ничего не изменилось и, «хуже того, идет реанимация давно забытых коммунистических структур». В той же газете «Кавказский вестник» (№ 6, май 1999 г.) лидер дагестанских ваххабитов заявил, что против Масхадова выдвинуты тяжелые обвинения, по которым он может считаться «мунификом (богоотступником) и кафиром (врагом мусульман)».

5.10. КОНЦЕНТРАЦИЯ ВОЙСК НА ГРАНИЦАХ И СРЫВ ВСТРЕЧИ ПРЕЗИДЕНТОВ

Размежевание с оппозицией, усиление правоохранительных органов Чечни, выдавливание из населенных пунктов радикальных вооруженных групп пришлось уже на период резкого охлаждения российско-чеченских отношений. Между тем в России набирал обороты острый политический кризис.

В окружении дряхлеющего, серьезно больного президента обострилась подковерная борьба околотовластных группировок. Одновременно левая и национал-патриотическая оппозиция открыто обвиняли Бориса Ельцина в неспособности управлять страной, в прессу регулярно просачивались сведения о злоупотреблении главы государства алкоголем. Политические и финансовые элиты, сформировавшиеся в период 1990-х гг., оказались перед лицом угрозы социального взрыва, потери власти и влияния.

Экономические неудачи сопровождалась «министерской чехардой». В марте 1998 г. Борис Ельцин объявил об отставке председателя правительства Виктора Черномырдина и с третьей попытки, под угрозой роспуска Государственной Думы, провел кандидатуру Сергея Кириенко. После экономического кризиса августа 1998 г., когда, через два дня после решительного заявления президента страны о том, что девальвации рубля не будет, российская денежная единица обесценилась в 4 раза, Борис Ельцин тут же отправил в отставку правительство и предложил вернуть на пост премьера Виктора Черномырдина, а в сентябре 1998 г. с согласия Государственной Думы назначил на эту должность Евгения Примакова. В мае 1999 г. парламент России безуспешно пытался поставить вопрос об отрешении президента от должности. Перед голосованием по импичменту Борис Ельцин отправил в отставку правительство Евгения Примакова, а затем с согласия Государственной Думы назначил на пост премьера Сергея Степашина. Однако 9 августа 1999 г. он отправил в отставку и его. На утверждение в должности председателя российского правительства была предложена кандидатура мало кому тогда известного директора Федеральной Службы Безопасности (с 25 июля 1998 г.) и Секретаря Совета Безопасности РФ (с 26 марта 1999 г.) Владимира Путина. В тот же день в телевизионном обращении Борис Ельцин объявил нового премьера своим «преемником». В 1999 г. против президента России со стороны оппозиции (в том числе со стороны популярной на тот момент группировки Лужкова-Примакова) были выдвинуты обвинения в коррупции и совершении тяжких преступлений.

На этом фоне в российских СМИ начали педализоваться в отношении Чечни реваншистские настроения, Хасав-Юртские соглашения все чаще именовали «предательством русской армии». К лету античеченская риторика стала приближаться к границам истерии. Разумеется, этому немало способствовала обстановка в самой республике – в первую очередь засилье криминала и неспособность властей в течение длительного времени справиться с организованной преступностью. Ситуация вокруг Чечни стала обвально ухудшаться.

С весны 1999 г. в Северо-Кавказский регион перебрасываются дополнительные войска и бронетехника; они разворачиваются в непосредственной близости от границ Чеченской Республики. Все чаще и чаще здесь стали возникать перестрелки. В июне и июле на некоторых ее участках были совершены нападения на чеченские погранично-таможенные пункты, в ходе которых применялись тяжелые виды вооружения. Одновременно российская сторона заявляла, что на территорию России из Чечни проникают бандиты, занимающиеся угоном скота и похищениями людей с целью получения выкупа. С 9 апреля 1999 г. по распоряжению губернатора Александра Черногорова (№ 217-р) жителей республики перестали пропускать по всему периметру Ставропольского края. Было остановлено движение электрички «Ищерская-Минеральные воды» и автобусов из Грозного в города Ставрополь и Пятигорск. В соседних регионах, где природно-климатические и географические условия напоминают чеченские (Северная Осетия, Дагестан), регулярно стали проводиться войсковые и командно-штабные учения.

Стычки российской армии с сотрудниками силовых структур Чеченской Республики, начавшиеся уже в мае и июне, в июле приобрели особую остроту (в основном на границах с соседними Дагестаном и Ставропольским краем). Они не были продолжительными по времени, однако в ходе этих столкновений военные нередко применяли бронетехнику и артиллерию. В некоторых случаях были задействованы и вертолеты. Чеченская сторона выражала протест по каждому такому факту, но представители правительства РФ отвергали обвинения, заявляя в ответ, что военные отбивали нападения боевиков, противодействовали то похитителям скота, то бандитам, пытавшимся взять заложников. Никого из официальных лиц не смущало, что открытие огня из тяжелых видов оружия скорее привело бы к гибели захваченных людей, нежели преступников. И поэтому каждое такое заявление российских властей вызывало у руководства Чечни опасение, что за происходящим стоит нечто большее, чем просто желание отвести от российской стороны ответственность за соверше-

ние неправомерных действий. Что именно, стало окончательно ясно в июле, когда столкновения на границах приобрели характер хотя и локальных, но все же военных операций.

Еще 19 мая 1999 г. президент РФ издал указ «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом в Северо-Кавказском регионе». В нем предусматривалась переброска на границы с Чеченской Республикой дополнительного количества войск и бронетехники. Такая работа вскоре была завершена и 3 июля 1999 г. Совет Федерации РФ предложил Борису Ельцину принять «эффективные меры по обеспечению безопасности на территориях, прилегающих к Чечне, и разоружению чеченских бандформирований». Столь жесткие требования, даже в примененной терминологии напомнившие многим события первой войны, вытекали из доклада министра внутренних дел Владимира Рушайло. Выступая перед сенаторами, он сообщил, что в регионе создана временная оперативная группа внутренних войск численностью в 17 тысяч человек. В случае осложнения ситуации ее собираются нарастить за счет частей министерства обороны и подразделений пограничной службы. Владимир Рушайло также заявил, что отдал приказ «о нанесении превентивных авиационных и артиллерийских ударов по обнаруженным разведкой скоплениям боевиков и технике»³⁸.

Такие обстрелы не заставили себя долго ждать: 3 и 4 июля подверглись минометному обстрелу погранично-таможенные посты Чеченской Республики, расположенные вдоль границы с Дагестаном. А 5 июля после встречи с президентом министр внутренних дел РФ сообщил журналистам, что утром того же дня в районе г. Кизляр был нанесен «предупредительный удар с помощью вертолетов, артиллерии и минометов» по скоплениям боевиков и что среди них якобы имелись потери. «Мы должны быть крайне внимательны и готовы ко всему. Но наша реакция должна быть адекватной, и мы должны отвечать ударом на удар, зачастую даже предупреждать удар», – заявил тогда Владимир Рушайло³⁹. Далее в течение всего июля Москва и Грозный обменивались заявлениями, в которых возлагали друг на друга ответственность за обострение ситуации на границе и угрожали ответными действиями.

Эскалация напряженности происходила на фоне давно планировавшейся встречи Аслана Масхадова с Борисом Ельциным. Чеченское руководство, откровенно обвиняя в провокациях на границах, заявляло, что российские части «воюют с призраками, обстреливая какие-то несуществующие скопления боевиков и отдавая приказы о нанесении точечных ударов»⁴⁰, не отказывалось от контактов и на более низком уровне. Так, для координации усилий в борьбе с похищениями людей и бандитизмом, а также с целью обсудить последние события на Северном Кавказе 7 июля в Москву прибыли представители Министерства шариатской государственной безопасности – этого республиканского аналога российского МВД. Они имели беседу с Владимиром Рушайло, но каких-либо конкретных результатов не достигли. Чеченские «силовики» вернулись домой ни с чем.

Спустя пять дней вслед за ними на Северный Кавказ отправился и министр внутренних дел РФ. Его сопровождали главнокомандующий внутренних войск Вячеслав Овчинников и министр по делам федерации и национальностей Вячеслав Михайлов. 12 июля в Ставрополе в управлении внутренних дел они провели закрытую коллегию, после чего, посоветовавшись с губернатором Александром Черногоровым, вылетели сначала в Моздок (Республика Северная Осетия-Алания), а затем в столицу Дагестана г. Махачкалу.

Комментируя визит Владимира Рушайло в сопредельные с Чечней регионы, пресса в эти дни отмечала, что у министра внутренних дел РФ, возможно, есть некий план действий и что он всерьез решил переломить ситуацию на Северном Кавказе⁴¹. Указывая на отдававшиеся им конкретные приказы и распоряжения, журналисты предположили, что последующие действия российской стороны, скорее всего, будут основаны на использовании военной компоненты. То, что в ходе поездки высокопоставленные московские чиновники проигнорировали Ингушетию, имеющую с Чечней вторую по протяженности и в отличие от остальных регионов не демаркированную должным образом границу, лишь подтверждало эту версию. На тот момент ингушский президент Руслан Аушев был единственным из северокавказских лидеров, открыто призывавший к отказу от практики превентивных ударов, которые «лишь озлобят чеченский народ», и требовавший наладить с его законным руководством «постоянный и полноценный диалог»⁴².

Надежду на такой диалог не терял и Аслан Масхадов. С целью подготовки встречи с Борисом Ельциным 16 июля он делегировал в Москву вице-премьера республиканского правительства Турпал-Али Атгериева. Сразу же после прилета в столичный аэропорт «Внуково» его арестовали.

Задержание высокопоставленного чеченского чиновника было организовано Главным управлением по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) МВД РФ. В распространенном его пресс-службой сообщении говорилось, что Турпал-Али Атгериев находился в федеральном розыске с 1996 г. за совершение преступлений, предусмотренных несколькими статьями уголовного кодекса. В частности, ему инкриминировались бандитизм, незаконное лишение свободы и терроризм. Мерой пресечения было объявлено содержание под стражей. Пресс-служба этого ведомства сообщила отдельно, что задержанный якобы находился в Москве

³⁸ Стенограмма пятидесятого заседания Совета Федерации 2-3 июля 1999 года. || www.council.gov.ru/files/sessionsf/report/20070326151056.DOC.

³⁹ Коммерсантъ-Daily. 6 июля 1999 г.

⁴⁰ Интервью Аслана Масхадова. – Санкт-Петербургские ведомости. 8 июля 1999 г.

⁴¹ Новые известия. 13 июля 1999 г.

⁴² Санкт-Петербургские ведомости. 8 июля 1999 г.

«с неофициальным визитом» и что за время пребывания в Москве «не встречался ни с одним официальным лицом органов государственной власти и управления Российской Федерации, не посетил ни одного государственного учреждения»⁴³.

Посланник чеченского президента был освобожден после личного вмешательства премьер-министра РФ Сергея Степашина. Этим, с одной стороны, было дезавуировано заявление пресс-службы силовой структуры, а с другой, подтверждалось, что Турпал-Али Агтериев приезжал по предварительно достигнутой с российскими властями договоренности. Запоздалое признание, однако, никак не отразилось на предполагавшейся встрече лидеров России и Чечни. Ей уже не суждено было состояться. А в течение какой-то недели-другой после этого события сообщения средств массовой информации с Северного Кавказа стали больше напоминать фронтовые сводки.

Уже было очевидно, что перебросенные на границы дополнительные подразделения российской армии и внутренних войск пытаются занять наиболее выгодные для возможного броска по равнинной Чечне позиции. На границе с Дагестаном к их числу можно отнести мост через р. Терек недалеко от станицы Гребенская (т.н. Гребенская плотина) и небольшой участок территории, вдающийся вглубь соседней республики и пересекающий автомобильную трассу Кизляр — Махачкала. На этих двух направлениях завязались первые и по-настоящему серьезные бои второй чеченской войны.

29 июля на рассвете российские военные и дагестанские милиционеры атаковали четырех сотрудников чеченской погранично-таможенной службы у Кизляра. В ходе непродолжительного боя один человек погиб, другой раненым попал в плен. Вагончик, в котором был оборудован пост, сожгли ракетами, выпущенными с вертолетов. Вслед за двумя отступившими таможенниками российские военные в сопровождении бронетехники углубились на сопредельную территорию и уже там окончательно закрепились⁴⁴.

Примерно по такому сценарию развивались события и у гребенского моста. И кончились они тем же: созданием опорного пункта на противоположном берегу Терека. Приграничные столкновения, в ходе которых российские войска захватили пусть и небольшую, но часть территории республики, впоследствии стали называть «июльским выравниванием границ». Министерство иностранных дел Чечни не оставило случившееся без внимания. Охарактеризовав действия российских военных как «провокацию» и «фактически пролог к новой военной агрессии», МИД Чечни заявило о праве руководства республики «на применение адекватных мер»⁴⁵.

⁴³ http://old.cry.ru/text_print.shtml?199907/19990716164253.inc.

⁴⁴ Коммерсантъ-Daily. 31 июля 1999 г.

⁴⁵ В основу изложения фактических обстоятельств, являющихся предметом настоящей главы, положены следующие источники и литература: Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. Общий обзор. Октябрь 1997-июль 1999 гг.; Музаев Т. М. Внутречеченские противоречия: велико ли их значение теперь // <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0999/20.html>; Музаев Т. М. Мониторинг прессы Чеченской Республики Ичкерия. 1999 г. / <http://www.panorama.ru>; Музаев, 1999; Малашенко, Тренин, 2002; Анчабадзе, 2001; История Кармахи и Чабанмахи. Жизнь по шариату. / <http://www.djamaat.ru/Newsview-160.html>; Марзиев И. Исламский фактор на Северном Кавказе: призрак исламизма добрался до России? / <http://www.ca-c.org/journal/2005-03-rus/05.marprimru.shtml>; Вторжение в Дагестан и его последствия: гуманитарные аспекты». Пресс-релиз по итогам сообщения ПЦ «Мемориал» в национальном институте прессы. 28 сентября 1999 г.

ГЛАВА 6. ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ТЕКУЩЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Обстоятельства текущего вооруженного конфликта обозначены нами в настоящей главе схематично, так как они являются предметом детального анализа в последующих частях книги. Подробное описание нарушений сторонами норм международного гуманитарного права и прав человека дано в части 6. Вопросы интенсивности военных действий, контроля сторонами территории, хронологических рамок конфликта затронуты в главе 17. Анализу структуры управления вооруженными формированиями сторон в конфликте посвящены главы 25–26. Ниже мы касаемся прежде всего общей канвы событий и их политического фона.

6.1. «ДАГЕСТАНСКИЕ ПОХОДЫ» ШАМИЛЯ БАСАЕВА И ВЗРЫВЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ В РОССИИ

Летом 1999 г. руководство ЧРИ и подконтрольные ему силовые структуры продолжают выдавливание из населенных пунктов отрядов дагестанских салафитов. Однако этот процесс носит не последовательный характер — Аслан Масхадов не вступает в прямой конфликт с группирующимися возле Шамиля Басаева лидерами собственно чеченской оппозиции. Более того, перед лицом обострения отношений с Россией он опять пытается создать хотя бы внешнюю видимость единства. 3 июля 1999 г. состоялся очередной акт демонстративного «примирения» президента и оппозиции. В этот день на грозненском стадионе «Динамо» прошёл Мехкан гулам (буквальный перевод: «съезд Отечества») участников войны, на котором выступили Аслан Масхадов, председатель «исламской Шуры» Шамиль Басаев, вице-премьеры Ахмед Закаев и Казбек Махашев, командующий шариатской гвардией Хамзат (Руслан) Гелаев, министр промышленности Дауд Ахмадов, бывший председатель Верховного Шариатского суда Шамсуддин Батукаев, бывший вице-премьер Мовлади Удугов и другие видные представители исполнительной власти и оппозиции.

Ораторы призвали к миру и согласию во имя строительства независимого чеченского государства. При этом имеющиеся противоречия стремительно затушевывались обеими сторонами, а вся ответственность за противостояние в республике возлагалась на «внешние силы». «Наши промахи и ошибки на руку нашим внешним и внутренним врагам, — заявил президент республики. — Мы должны строить свое государство, утверждая ислам, иман¹ и Шариат. Наши враги хотят разрушить наше государство нашими же руками, разделив единый народ по тайповым, религиозным и национальным признакам...»². Форум принял резолюцию, в которой объявил «о всеобщем согласии между всеми участниками войны и патриотически настроенными силами в деле укрепления исламской государственности», а все возникающие противоречия призвал «рассматривать исключительно мирным путем с соблюдением законов шариата». Участники схода осудили столкновения в Гудермесе в июле 1998 г. «как инспирированные вражескими спецслужбами». Съезд наложил запрет на «попытки преследования граждан по религиозному признаку, ведущие к созданию условий для раскола общества». Для стабилизации общественно-политической ситуации и выработки стратегии внутренней и внешней политики было в очередной раз рекомендовано создать Совет Национальной Безопасности (Шура) с включением в его состав известных полевых командиров, а также влиятельных политических и религиозных деятелей Чечни, «проявивших убежденность, твердость и последовательность в отстаивании интересов государства». До полной стабилизации обстановки форум запретил все митинги, шествия, демонстрации политического характера, а также «любые действия, подрывающие Шариат Аллаха в ЧРИ, в том числе и печати и других средствах массовой информации»³.

Фактически же в условиях этого «политического перемирия» оппозиции удалось сохранить не только свои вооруженные формирования, но и осуществлять контроль над рядом территорий, особенно в горных районах, а также содержать свои учебно-тренировочные военные лагеря. Де-факто юрисдикция официальной исполнительной власти ЧРИ на них не распространялась. На пороге новой войны Аслан Масхадов оказался в крайне тяжелом положении. Формально сохранить власть и не допустить внутречеченского вооруженного противостояния ему удалось лишь ценой принципиальных компромиссов. В итоге он оказался между двух

¹ Иман — ар., вера, убежденность в правильности исламских догматов.

² Ичкерия. Июль 1999 г. № 17.

³ Вайнах. Июль 1999 г. № 2.

огней – чеченскими радикалами и российскими властями. И те и другие делали ставку на силовое достижение своих целей. Первые, не сумев добиться доминирования в Чечне, рассчитывали на достижение победы своих соратников в соседнем Дагестане. Вторые готовили широкомасштабный военный реванш в Чечне. И тем и другим нужен был лишь повод, и он скоро представился.

Большая часть дагестанских салафитов в середине июля через чеченские села Кенхи и Хилди возвращаются в высокогорный Цумадинский район Дагестана, в некоторых селах которого – Эчеда, Хвайниколо, Сильди, Гакко и т. д. – к тому времени, как и в селах Кадарской зоны, была введена шариатская форма правления. «В целях пресечения проникновения на территорию района и возможных провокаций со стороны местных последователей экстремизма», 1 августа из Махачкалы туда был выдвинут специальный сводный отряд милиции численностью около 100 человек во главе с заместителем министра внутренних дел Дагестана Омаровым. На следующий день, т. е. 2 августа у села Гигатль произошло первое столкновение между сотрудниками дагестанского МВД и ваххабитами. В ночь на 3 августа у села Агвали произошел еще один бой. В тот же день личный состав МВД Дагестана был переведен на казарменное положение, а 5 августа началась переброска в Цумадинский район 102-й бригады Внутренних войск МВД России.

Духовным руководителем «Дагестанского джихада» стал известный дагестанский проповедник и богослов салафитского толка, амир Исламского Джамата Дагестана шейх Багаудин Мухаммад Дагестани (Магомедов) (он же – Багаудин Мухаммад Кебедов), который с осени 1998 г. проживал на территории Чечни. Политическое руководство взяла на себя так называемая Исламская шура Дагестана, в которую вошли глава исламского культурно-религиозного центра «Аль-Исламия» Сиражуддин Рамазанов, писатель и общественный деятель, член руководства союза «Кавказская Конфедерация» Магомед Тагаев, депутат Государственной Думы РФ, председатель Союза мусульман России Надиршах Хачилаев, поэт и общественный деятель, заместитель амира Конгресса народов Чечни и Дагестана Адалло Али Мухаммед (Алиев), близкие соратники шейха Багаудина Мохаммада ваххабитский публицист Ахмад Сардали и лидер цумадинских ваххабитов Магомед Курмагомедов и др.⁴

6 августа т. н. Исламская Шура Дагестана приняла «Декларацию о восстановлении Исламского Государства Дагестан» и постановление об оккупации «государства Дагестан». Было сформировано «исламское правительство», его главой – «раис-аль-вазар – объявили Сиражуддина Рамазанова, а министром печати и информации – Магомед Тагаева. Командующими отрядов салафитов являлись Магомед Саидбеков (командир Цумадинского ополчения), Абдурахман (возглавлял Тандовское направление), Магомед Курмагомедов и другие⁵. Несмотря на громкие заявления и далеко идущие планы, ваххабиты были достаточно быстро разбиты, отеснены к местности Эчеда-майdan и там блокированы. Часть они разбежались по окрестным лесам, и милиция вместе с подразделениями российских внутренних войск вели их поиск и уничтожение. В этих условиях руководители дагестанских исламистов во главе с Багаудином Кебедовым обратились за помощью к своим союзникам в Чечне.

На призыв откликнулись Шамиль Басаев, Хаттаб, руководитель Урус-Мартановского джамата Рамзан Ахмадов и бывшие командиры ликвидированных указом Аслана Масхадова исламского полка особого назначения и шариатской гвардии Арби Бараев и Абдул-Малик Межидов. Большинство бойцов их отрядов составляли дагестанцы. Но было немало и чеченцев, в основном молодых людей, попавших под влияние исламских радикалов. Официальные власти ЧРИ не смогли или не захотели воспрепятствовать выступлению этого ополчения.

Пытаясь оттянуть на себя войска и милицию, блокировавшую ваххабитов в Цумаде, 7 августа эти разношерстные отряды вошли в села Ансалта, Рахата, Тандо, Шодрода и Годобери Ботлихского района Дагестана. Вошли беспрепятственно – еще в апреле 1998 г. из этих мест был выведен армейский батальон, блокировавший узловые горные тропы и перевалы. На следующий день ими захвачены еще два села: Шодрота и Зиберхали. С 9 по 18 августа салафиты ведут бои за высоту Ослиное ухо, 12 августа сбивают вертолет (среди раненых оказываются три генерала внутренних войск РФ). 13 августа вооруженные формирования исламистов ведут бой у села Гагатли, а 17 августа отбивают атаку бронетехники на село Тандо.

По сообщениям агентства «Кавказ-центр», 11 августа в Ботлихском районе состоялось заседание Исламской Шуры Дагестана. Участники заседания официально возложили на Шамиля Басаева полномочия «военного амира объединенными силами моджахедов Дагестана на период до полного изгнания кафинов со священной дагестанской земли». Хаттаб был назначен «командующим исламскими силами в Дагестане». Шура приняла постановление об аресте руководителя Госсовета Дагестана Магомедали Магомедова. Тем не менее под предлогом того, что дагестанские моджахеды в Цумадинском районе вышли из окружения, 23 августа Шамиль Басаев уводит свои отряды обратно в Чечню.

Руководство ЧРИ попыталось дистанцироваться от действий исламских экстремистов. 10 августа на пресс-конференции в Грозном Аслан Масхадов заявил, что в Ботлихском районе воюют только дагестанцы, хотя, подчеркнул он, «несколько заблудших чеченцев и могут быть там». Отвечая на вопрос о провозглашении на территории Дагестана «исламского государства», президент заявил, что это внутреннее дело России. В некоторых средствах массовой информации говорилось, что в руководстве Чечни вздохнули с облегчением после отъезда из республики дагестанских «возмутителей спокойствия»...

⁴ По сообщениям пресс-службы Объединенного командования дагестанских моджахедов (ОКДМ) и информационного агентства Кавказ-Центр.

⁵ Там же.

13 августа с осуждением заявления и.о. председателя правительства РФ Владимира Путина о возможном нанесении ударов по территории республики выступил генеральный представитель Чечни Майрбек Вацагаев. Он подчеркнул, что конфликт в Дагестане — внутреннее дело России.

15 августа в республике было объявлено чрезвычайное положение. В Грозном ввели комендантский час, началась частичная мобилизация резервистов и участников войны 1994–1996 гг. На следующий день в центре чеченской столицы состоялся многотысячный митинг, на котором Аслан Масхадов обвинил руководство РФ в поиске повода для силового давления на республику. Он осудил участие чеченцев в событиях в Дагестане и потребовал их немедленного возвращения.

18 августа в Грозном состоялся съезд участников первой российско-чеченской войны, на котором многие командиры, поддерживающие президента республики, подвергли Шамиля Басаева критике за его «обремененную на провал авантюру» в Дагестане. После недели боев свой отряд оттуда вывел даже Арби Бараев. На съезде присутствовал и сам Аслан Масхадов. Однако никаких решительных действий, нацеленных на воспрепятствование дальнейшему участию лидеров чеченской оппозиции в дагестанской кампании он принять не смог или не захотел: дело опять ограничилось уговорами. Между тем было вполне очевидно, что от своих дагестанских планов Шамиль Басаев и его сторонники отказываться не собираются.

Вечером 25 августа российская авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по Веденскому ущелью и военно-учебному лагерю «Кавказ» под Сержень-Юртом.

29 августа Аслан Масхадов подписал указ о выводе Мовлади Удугова из состава Совета безопасности республики. В документе говорилось, что он, являясь членом высшего политического органа Чечни, «превратился в проводника широкомасштабной идеологической диверсии против государства». Президент подчеркнул, что его действия «поставили под угрозу разрыва братские отношения с Дагестаном»⁶.

После разгрома ваххабитов в Цумадинском районе и ликвидации там «территории с шариатской формой правления» власти Дагестана обратились к жителям Кадарской зоны с ультимативным требованием о немедленном разоружении и подчинении российским законам. Однако там было сформировано ополчение, заявившее о готовности сражаться. 29 августа российские войска и милиционеры начали операцию «по разоружению незаконных вооруженных формирований», которая сопровождалась бомбардировками и обстрелами жилых массивов, запретом на выход из зоны боев гражданского населения и последующей «зачисткой», в ходе которой совершалось насилие над мирными жителями.

В самый разгар боев, 4 сентября «раис-аль-вазар (председатель) Исламского правительства» Сиражудин Рамазанов заявил, что «намерен в ближайшее время перебраться в Дагестан» и начать там работу. По его словам, «правительственные силы безусловно окажут необходимую помощь моджахедам из Кармахи и Чабанмахи».

Как объявлялось, «с целью ослабить давление военно-милиейских сил на восставшие села и по просьбе проживающих там мусульман» 5 сентября на территорию преимущественно населенного чеченцами Новолакского района Дагестана снова вошли отряды дагестанских ваххабитов и их союзников в лице Шамиля Басаева и Хаттаба. Они без боя заняли населенные пункты Новолакское, Чапаево, Шушия, Ахар, Тухчар, Тамиях и подошли на пять километров к городу Хасав-Юрт. Более-менее серьезное сопротивление им было оказано лишь в Дучи, где дислоцировался батальон российских внутренних войск. Это село исламистами было окружено.

9 и 10 сентября российские военные вытеснили ополченцев из Кармахи и Чабанмахи, а 11 сентября Шамиль Басаев увел свои отряды обратно в Чечню. Он заявил, что после поражения в Кадарской зоне продолжать боевые действия не имеет смысла. После этого еще два дня российские силовые структуры продолжали обстрел территории, которую ранее занимали ваххабитские отряды. В Новолакское и Тухчар они вошли лишь на третий день после их ухода.

В результате предпринятых дагестанскими ваххабитами и их чеченскими союзниками действий официальное руководство ЧРИ оказалось в очень сложном положении. Заявления, что республика «ни при чем», а все случившееся — акции противостоящих правительству сил, были неубедительны. Вторжение совершалось с подконтрольной им территории, сюда же исламисты отступали после поражений в Дагестане. Кажется, только в сентябре Аслан Масхадов начал постепенно осознавать всю серьезность ситуации.

Но и начинать с боевые действия с неподконтрольными полевыми командирами было уже поздно: сначала 4 сентября в Буйнакске, затем 9 и 13 сентября в Москве, а через три дня в Волгодонске неизвестными лицами были взорваны жилые дома. Волна беспрецедентных для России по своей жестокости терактов, за которые никто не принял ответственность, унесла жизни почти 300 человек, около 600 человек получили серьезные ранения (подробно см. раздел 39.2). Российское общество оказалось в состоянии глубокого шока; власти немедленно возложили ответственность за теракты на чеченцев. Позже следствие пришло к выводу, что непосредственными исполнителями могли являться «лица славянской внешности», а в качестве организаторов взрывов в розыск были объявлены житель Карачаево-Черкесии и уроженец Средней Азии. Однако версия «чеченского следа» к тому времени уже прочно утвердилась в массовом сознании. Общественное мнение стали готовить к возможной военной операции против Чеченской Республики, целью которой объявлялась борьба с терроризмом.

«Очевидно, — указывает Тимур Музаев, — что организаторами пропагандистской кампании выступили премьер-министр В. Путин и поддерживающие его люди в федеральном правительстве и силовых структурах. Глава российского правительства, руководители МВД, Минобороны, ФСБ, представители Кремля, Госдумы

⁶ Ичкерия. 3 сентября 1999 г.

и правительства, мэр Москвы и их политические единомышленники выступили с крайне эмоциональными заявлениями о начале «террористической войны против России» и об ответственности чеченских сепаратистов за теракты. Эти заявления нагнетали напряженность в обществе, провоцируя страх и ксенофобию. Огромную роль в разжигании античеченских настроений сыграли ведущие средства массовой информации, в первую очередь телевидение. Основные российские телеканалы (ОРТ, РТР, ТВЦ, НТВ) активно поддержали пропагандистскую кампанию за силовую политику в отношении Чечни. Пик пропагандистской кампании пришелся на 11-12 сентября, когда ведущие политики и телеобозреватели с удивительным единодушием призывали к новому военному походу против Ичкерии (в числе шедевров «телеаналитики» — заявления «Уничтожим бандитское гнездо!», «Единственное решение — ковровые бомбардировки Чечни!», «Хороший чеченец — мертвый чеченец!»). Подготовка общественного мнения позволила премьер-министру получить поддержку силовой политики на Кавказе со стороны Госдумы, региональных властей, основных политических объединений страны (от коммунистов до либерал-демократов), а также значительной части населения РФ.

Другим результатом кампании стал стремительный рост популярности Владимира Путина. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», за три недели (с 13 сентября по 3 октября) президентский рейтинг премьера вырос с 2 до 10 %. К началу октября Путин обошел Сергея Степашина, Владимира Жириновского, Александра Лебеда, Григория Явлинского и Юрия Лужкова и занял третье место среди наиболее вероятных кандидатов в президенты РФ, уступив лишь Геннадию Зюганову (17 %) и Евгению Примакову (21 %). За тот же период еще больше вырос уровень доверия к главе правительства: с 14 % до 31 %. Наконец, Владимир Путин занял первое место в числе политиков, заявления которых наиболее запомнились гражданам РФ в начале октября. Данные обстоятельства позволяли некоторым наблюдателям предположить, что пропагандистская кампания федерального правительства была направлена <...> на подготовку к будущим президентским выборам в России⁷.

В итоге, новая война на Северном Кавказе стала инструментом преодоления внутривнутриполитического кризиса — шокированное сентябрьским террором российское общество консолидировалось вокруг фигуры ельцинского «преемника» и пропагандируемых властью идей военного реванша, густо замешанных на ксенофобии (об этнической ненависти, как компоненте конфликта подробно см. раздел 28.2.1). Борис Ельцин 31 декабря 1999 г. объявит о своей отставке, и его кресло займет Владимир Путин. Первым государственным актом, подписанным им на посту исполняющего обязанности руководителя страны, станет указ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Документ предоставит Борису Ельцину гарантии неприкосновенности. 26 марта 2000 г. Владимир Путин будет избран уже полноценным президентом России⁸.

...Лидеры дагестанских ваххабитов, как и их «исламское правительство», надолго исчезнут из поля зрения политиков и журналистов. О них будут вспоминать только после того, как, устав скрываться за границей, некоторые из них течение 2003-2004 гг. один за другим решат вернуться на родину. Всех их фактически освободят от ответственности. Адалло Алиева, Надиришаха Хачилаева и Сиражуддина Рамазанова (последний заявит следователям, что находился под влиянием «людей из Чечни») с первого же захода⁹. Магомед Тагаев осудят на 10 лет, но затем амнистируют¹⁰.

⁷ Музаев, 1999.

⁸ В основу изложения фактических обстоятельств, являющихся предметом настоящего раздела, помимо указанных в предыдущих примечаниях, положены следующие источники и литература: Музаев Т. М. Чеченская Республика Ичкерия. // Политический мониторинг Международного института гуманитарно-политических исследований. Август-сентябрь 1999; Осмаев, 2005; Воронов, 2005; Человечество неделимо. — Открытое письмо Организации Объединенных Наций от Генерального секретаря Международной Амнистии. Ноябрь 1999 г. AI Index: EUR 46/38/99; Сергей Ковалев, Олег Орлов, Александр Черкасов. Кармахи: и пошел брат на брата. ПЦ «Мемориал», 01.10.1999. / <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>; События в Дагестане глазами очевидцев. — Пресс-конференция Сергея Ковалева, Олега Орлова, Александра Соколова, Александра Черкасова. — ПЦ «Мемориал», 28.09.1999. / <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

⁹ В 2004 году Адалло Алиев прислал письмо на имя председателя Госсовета Дагестана Магомедали Магомедова, в котором просил способствовать его возвращению на родину. В письме он принес извинения за содеянное, жаловался на болезнь сердца и высказывал желание жить дома и умереть на родной земле, в селении Урада Шамилского района. Путем длительных переговоров, при согласии руководства Дагестана и поддержке ряда известных российских поэтов и писателей, членов российского ПЕН-клуба (Андрея Вознесенского, Андрея Битова, Фазиля Искандера и др.), удалось решить вопрос с возвращением Адалло Алиева в Дагестан, где он затем предпринял явку с повинной. Алиев был приговорён к восьми годам лишения свободы условно за призывы к насильственному изменению конституционного строя и участие в незаконных вооружённых формированиях. В 2006 г. Адалло Алиев возглавил неформальное творческое объединение «Асгардсфронт» (Asgardsfront — Warhunnennliga), после чего выступил в дагестанских СМИ и в Дагестанском Научном Центре Российской Академии Наук с критикой кириллической графики аварского народа и практики искусственного ввода в язык избыточного количества русских заимствований (см.: Алиев Абдула Магомедович (Али Адалло) // Кавказский узел // Персоналии / <http://www.kavkaz-uzel.ru/persontext/person/id/1193377.html>). В октябре 1999 года Надиришах Хачилаев был арестован на территории Чечни. 31 мая 2000 года начался суд над братьями Хачилаевыми по обвинению в организации вооружённых беспорядков в Махачкале 21 мая 1998 года. 13 июня 2000 Верховный суд Дагестана признал Магомедали и Надиришаха Хачилаевых виновными в организации захвата заложников и незаконном хранении оружия; Магомеду назначили три года лишения свободы и штраф в 41 тыс. руб., Надиришаху — полтора года лишения свободы; оба были амнистированы. В январе 2001 Н. Хачилаев избран председателем Комитета мира Всероссийского Фонда Мира по Республике Дагестан. 11 августа 2003 убит в Махачкале (см.: Хачилаев Надиришах Мугадович. Председатель Союза мусульман России, депутат Государственной Думы второго созыва (1996-99) / <http://www.anticomprotat.ru/hachilaev/hachilbio.html>). Сиражуддин Рамазанов сдался правоохранительным органам Дагестана в начале августа 2004 г. До этого скрывался в Азербайджане (см.: Лидер дагестанских сепаратистов Рамазанов сдался властям Дагестана. — NEWSru.com // Новости России / <http://www.newsru.com/russia/03aug2004/lider.html>). 15 октября того же года по обвинению в участии в вооружённых формированиях и организации вооружённого мятежа с целью свержения конституционного строя суд вынес Рамазанову приговор — 7 лет условно, как и требовал для него прокурор, с испытательным сроком в 4 года (см.: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/10/m26265.htm>).

¹⁰ Лидер дагестанских ваххабитов Магомед Тагаев приговорен к десяти годам лишения свободы в колонии строгого режима. — ПЦ «Мемориал». 12.07.2004. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/07/m28224.htm>.

6.2. БОМБАРДИРОВКИ ЧЕЧНИ И ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ДОГОВОРИТЬСЯ

Оказавшийся в патовой ситуации, Аслан Масхадов пытался искать пути политического решения возникших проблем. 3 сентября он предложил руководителям соседних государств — России, Азербайджана, Грузии и Армении — объединить усилия в борьбе с похитителями людей и создать единый орган по типу Интерпола. Было обещано, что спецслужбы и правоохранительные органы этих стран получат возможность активнее работать на территории Чечни. Однако его уже никто не слушал.

5 сентября пресс-секретарь президента ЧРИ отверг причастность властей республики к повторному вторжению исламских формирований на территорию Дагестана. 6 сентября, в день восьмой годовщины независимости, авиационным налетам подверглись села Ишхой-Юрт и Замай-Юрт в Ножай-Юртовском районе. Было убито до 40 человек. Вице-премьер правительства Казбек Махашев выразил официальный протест руководству России, расценив факт бомбардировок как нарушение российско-чеченского договора от 17 мая 1999 г.

Если еще в начале месяца масштабов надвигающейся катастрофы в руководстве республики не осознавали, то окончательно прозрение наступило 7 сентября после заседания Совета безопасности РФ. На нем новый премьер правительства Владимир Путин призвал «избавиться от синдрома вины» за первую чеченскую войну и пересмотреть хасавюртовские соглашения. А в это время российские самолеты сбросили бомбы на райцентры Ножай-Юрт и Ведено. Погибли 2 и были ранены 10 человек. 10 сентября бомбардировкам подверглись села Автуры и Сержень-Юрт, артиллерия же нанесла удар по Галайты, Зандаку, Гиляны, Ишхой-Юрту и Герзелеу, расположенным вдоль границы с Дагестаном.

В период с 12 по 18 сентября налеты были совершены на села Веденского, Ножай-Юртовского, Шалинского, Гудермесского и Шелковского районов, города Шали и Урус-Мартан. По информации чеченских властей, погибло около 200 человек и до 20 тысяч покинули свои дома и в большинстве своем осели в столице республики.

13 сентября Аслан Масхадов заявил об угрозе российского вторжения и призвал население строить оборонительные сооружения, а на следующий день объявил мобилизацию в приграничных районах.

16 сентября в Грозном состоялся многотысячный общенациональный митинг. В своем выступлении президент республики заявил, что прилагает все усилия для мирного разрешения сложившейся ситуации. Он отмежевался от террористических актов в российских городах и предложил помощь правоохранительных органов республики в обнаружении и задержании организаторов и исполнителей взрывов домов. «Чечня стала разменной картой в руках мировых держав, стремящихся стать хозяевами Кавказа и выдавить Россию», — сказал Аслан Масхадов. Он осудил участие Шамиля Басаева в дагестанском конфликте, назвав это предательством собственного народа. Муфтий Ахмат-Хаджи Кадыров назвал объявленный ваххабитами «джихад» обманом¹¹.

И митинг, и раздававшиеся на нем призывы можно было расценить как своего рода реверансы в сторону Москвы. За долгие годы чеченские власти заговорили на одном языке с российскими руководителями. Но было уже поздно. 18 сентября российские войска взяли республику в плотное кольцо по всему периметру ее административных границ. Через два дня после этого в Магасе президент Чечни встретился с президентами Ингушетии и Северной Осетии. Он еще раз осудил вторжение исламских боевиков в Дагестан и отмежевался от террористических актов в российских городах. Стороны высказались за «выработку скоординированных мер политического урегулирования» для стабилизации обстановки в регионе. Руслан Аушев и Александр Дзасохов предложили оказать содействие в организации встречи Аслана Масхадова с Борисом Ельциным. Кроме того, была достигнута договоренность об организации 27–28 сентября встречи лидеров северокавказских республик в Нальчике. На ней планировалось выработать совместные меры по недопущению эскалации российско-чеченского конфликта и определить стратегию по борьбе с террористами.

Руководители Северной Осетии и Ингушетии предложили новому российскому премьеру начать переговоры в Нальчике, но он, сославшись на то, что политическое руководство Чечни не осудило террористические акты и не выразило соболезнования родственникам погибших, отверг это предложение.

23 сентября российская авиация начала наносить удары по Грозному. Бомбардировкам подверглись и села Сержень-Юрт, Автуры, Ведено, Гелдагана. Прошло экстренное заседание правительства, парламента, Государственного Совета и Совета безопасности ЧРИ. Аслан Масхадов сообщил о мерах по подготовке к обороне, но обещал предпринять все меры «для предотвращения крупномасштабной войны». По его поручению в соседние республики выехали высокопоставленные члены правительства.

24 сентября авиация нанесла ракетный и бомбовый удар по Октябрьскому и Старопромысловскому районам Грозного; 5 человек были убиты, 21 ранены, около 30 домов разрушены. У села Самашки в результате атаки на колонну беженцев сгорели в машине 8 человек.

В ночь на 25 сентября был уничтожен центр мобильной связи, а на следующее утро телепередающий центр. Подверглись атакам нефтеперерабатывающие объекты, а также села Цоцин-Юрт и Ишхой-Юрт. В целом за два дня были убиты 31 и ранено более 60 человек. На экстренном заседании правительства и руководителей силовых структур президент республики еще раз подчеркнул, что возможности для диалога и предотвращения войны не исчерпаны. Ответом были новые бомбардировки. 27 сентября, например, из-за налетов авиации загорелись нефтяные промысла в Октябрьском районе Грозного.

¹¹ Ичкерия. 21 сентября 1999 г.

Последняя попытка недопущения войны – встреча между Асланом Масхадовым и председателем Государственного Совета Дагестана Магомед-Али Магомедовым была сорвана, скорее всего, инспирированным из Москвы «возмущением» жителей Хасав-Юртовского района. 29 сентября они перекрыли дороги и не пропустили к месту переговоров ни того, ни другого. Предложение чеченского руководства провести встречу в любом другом месте проигнорировали. На следующий день российские наземные войска начали выдвижение на чеченскую территорию.

В дальнейшем российская сторона категорически отвергала любую возможность переговоров с властями ЧРИ, кроме разве что переговоров об условиях капитуляции. На такой подход подталкивал политиков и генералитет. Иногда это «подталкивание» более походило на шантаж. 4 ноября генерал-майор Владимир Шаманов, к этому времени являвшийся командующим одной из воюющих оперативных группировок, заявил в интервью «Независимой газете»: «Если армию остановят, произойдет мощный отток из Вооруженных сил офицеров разных рангов, включая генералов. Очередной пощечины офицерский корпус России может не выдержать. Кое-кто даже считает, что страна при таком повороте событий будет поставлена на грань гражданской войны». 7 ноября в программе телекомпании РТР «Зеркало» он вновь подчеркнул: если боевые действия в Чечне будут прекращены политическим руководством, «я сразу сорву погону и пойду заниматься чем-то на гражданке. Я больше в такой армии служить не буду». Верховный главнокомандующий – Президент РФ – молчал. Зато 8 ноября высказался председатель правительства Владимир Путин: Аслан Масхадов «может обращаться к кому угодно, хоть к папе Римскому».

11 ноября президент Чечни вновь предложил переговоры. Министр внутренних дел Владимир Рушайло, выступая в Совете Федерации, так обозначил отношение правительства РФ к этому предложению: «Масхадов встал на один уровень с бандитами. Пока террористы на территории Чечни не будут уничтожены, боевые действия будут вестись». Министр обороны Игорь Сергеев и начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин сообщили, «что наконец-то руководство страны повернулось лицом к армии» («Независимая газета» от 11 ноября 1999 г.). 12 ноября опять высказался и Путин: «У нас нет другого выбора – контртеррористическая операция должна быть доведена до конца», так как «Россия имеет право на защиту». Если «мы не завершим эту операцию, то все снова вернется к нам»¹².

Отказ от любых политических переговоров с противником – последовательная линия поведения, которой придерживалось российское руководство на протяжении всего «второго» конфликта, и которая кардинальным образом отличала его от «первой войны». При этом любые попытки создать на подконтрольной российским войскам территории параллельные структуры власти жестко пресекались. Теперь не только вооруженное сопротивление, но и участие в структурах гражданской администрации сепаратистов фактически рассматривалось в качестве преступления (исключение делалось для тех, кто переходил на российскую сторону). Разумеется, таких людей не судили: их либо просто убивали, либо они исчезали после непризнанных государством задержаний. Наибольшую известность получило насильственное исчезновение спикера чеченского парламента Руслана Алихаджиева, который в боевых действиях участия не принимал и в 2000 г. все еще пытался наладить переговорный процесс. Его задержали в собственном доме, после чего российское командование отрапортовало о захвате одного из вражеских лидеров. Затем он бесследно исчез. Европейский суд по правам человека признал Российскую Федерацию ответственной за нарушение в отношении Алихаджиева статьи 2 Европейской конвенции о правах человека, защищающей право на жизнь, и нарушение статьи 3 в отношении его матери, которая в результате действий властей подверглась жестокому обращению (подробно см. раздел 31.5.6).

Другое отличие «второго» конфликта от «первого», особенно на ранних стадиях, – почти тотальная поддержка военных действий населением России. Пропагандистская кампания дала свои плоды, и теперь власти могли себе позволить делать ставку на исключительно силовое решение, не считаясь с боевыми потерями, а тем более – с жертвами среди «вражеского» гражданского населения. О последних теперь, за исключением правозащитников, почти никто не вспоминал.

Еще одной отличительной чертой рассматриваемого конфликта стала эффективная информационная блокада республики: российские власти учли опыт прошлых неудач. Теперь была введена жесткая система аккредитации журналистов, направляющихся в зону боевых действий, в аппарате Президента РФ. Корреспонденты могли передвигаться только в сопровождении военных и только по определяемым командованием маршрутам. Нарушители этих правил лишались аккредитации, зарубежные журналисты высылались из страны и в дальнейшем не могли получить виз на въезд в Россию. В этих условиях лишь немногие корреспонденты решались работать независимо от российских военных, тем более на контролируемой чеченской стороной территории. Да и желающих было гораздо меньше, чем в период 1994–1996 гг.: систематические похищения журналистов, совершавшиеся в межвоенный период, хотя и прекратились с началом боевых действий, надолго отбили охоту у большинства из них работать на территории самопровозглашенной республики. Тем немногим, кто все же на это шел, грозили репрессии со стороны российских властей. Наибольшую огласку приобрела история корреспондента радио Свобода Андрея Бабицкого. В декабре 1999 г. он был единственным представителем мировых СМИ, освещавшим осаду Грозного с чеченской стороны. При попытке выйти из заблокированного города он был задержан российскими военными, подвергнут жестокому обращению на главной базе федеральных сил «Ханкала» и в фильтрационном пункте «Чернокозово». Затем сотрудники ФСБ передали его бандитской груп-

¹² Воронов, 2005, с. 240–241.

пировке, контролируемой этим ведомством, инсценировав его «обмен» на «российских пленных». Андрею Бабицкому чудом удалось бежать, но его опять арестовали и судили за использование поддельных документов, которые подконтрольные ФСБ бандиты вручили ему в заточении перед попыткой вывезти в Азербайджан¹³.

Таким образом, теперь среднестатистический российский читатель и зритель, как правило, получал информацию о происходящем на Северном Кавказе только от одной из сторон конфликта — российской. Это позволяло сохранять высокий уровень общественной поддержки силовой операции в Чечне и после того, как волна военной истерии постепенно начала спадать.

Наконец, последнее важное отличие «второго» конфликта от «первого», которое хотелось бы подчеркнуть в данном разделе, — уровень общественной поддержки в Чечне сопротивлению федеральным силам. В течение 1994–1996 гг. он был очень высоким. Война воспринималась большинством жителей как справедливая, «народная война» с захватчиком, вплоть до того, что не участвовать в ней считалось для мужчины не совсем приличным. Редактор данного исследования никогда не забудет, как в январе 2000 г. в горящем Грозном чеченская девушка, входившая в отряд ополчения, отчитывала его за то, что он «не воюет». Лишь после того, как она поняла, что имеет дело с журналистом, с ее стороны последовали извинения.

Начало второго конфликта чеченское общество встретило с совершенно другими настроениями. «Романтическая эпоха» независимой Чечни закончилась. События «межвоенного периода», в течение которого большинство населения республики с трудом сводило концы с концами, элиты были заняты борьбой за власть, а уровень преступности достиг небывалых масштабов, породили в чеченском обществе скепсис и разочарование. Чеченцы, наученные горьким опытом «первой» войны, ничего хорошего от российских войск, разумеется, не ждали. Но и сражаться на стороне то воевавших между собой, то примирившихся «ваххабитов» и «масхадовцев» теперь желали также далеко не все. Первые — особенно после событий в Дагестане — воспринимались в качестве людей, приведших на чеченскую землю новую войну, фактически — провокаторов. На вторых возлагалась ответственность за слабость власти, ее неспособность в течение трех лет навести в республике элементарный порядок. В конечном итоге большинство населения, не желая выбирать меньшее из зол, заняло выжидательную позицию. Чеченским бойцам, ведущим тяжелые бои с противником, конечно, сочувствовали. Но желающих встать с ними в один строй заметно поубавилось. Массовая поддержка вновь появится у сил сопротивления несколько позже, после того, как, овладев территорией республики, федеральные войска начнут систематически терроризировать гражданское население. Движущей силой партизанского движения станет жажда мести за родных и близких, социальной базой — жертвы преступлений и их родственники. Конечно, никаких объективных социологических данных на сей счет не существует, изложенные сообщения основаны на личных наблюдениях авторов.

6.3. НАЧАЛО ПОЛНОМАСШТАБНЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: «ОГНЕННЫЙ КАТОК»

Формальным основанием для начала «контртеррористической операции» на территории Чечни, а именно так российская сторона официально именовала теперь свои действия, послужил секретный Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 23 сентября 1999 г. № 1255 «О мерах по повышению эффективности контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона».

Вторая российско-чеченская война начиналась на фоне разрушительных бомбардировок населенных пунктов и объектов жизнеобеспечения республики (о нарушениях гуманитарного права, совершенных в контексте этих ударов см. главу 35). Официальная дата начала наземной операции — 1 октября 1999 г. Однако еще в сентябре по территории Чечни наносили удары авиация и артиллерия. Некоторые из них вызвали значительные разрушения гражданских объектов и гибель гражданских лиц. Бомбардировка села Элистанжи в Веденском районе, обстрелы Грозного и других населенных пунктов ракетами класса «земля — земля» с кассетными убийными элементами не оставили у жителей республики сомнений в характере надвигающейся войны.

Широким применением тяжелых видов вооружения «вторая» война также радикально отличалась от «первой». Российские войска уже не пытались штурмовать позиции чеченских вооруженных формирований, а целенаправленно и методично, иногда неделями, наносили по ним и по окружающим населенным пунктам удары из всех имеющихся средств огневого поражения. Вооруженные лишь автоматами да гранатометами отряды ополченцев вынуждены были откатываться назад. Такой тактике некоторые наблюдатели дали название «огненный каток».

Под прикрытием артиллерии, авиации и ракетных частей на территорию республики российские войска выдвинулись с четырех направлений. На двух из них — северном и восточном — с подготовленных еще в ходе июльского «выравнивания границ» удобных плацдармов. В отличие от первой войны российские части сразу начали наступление и в горах. Вдоль хребта, отделяющего Чечню от Грузии, высадили десант, к которому из горной Ингушетии и Дагестана, пробивая в скалах дороги, стали подтягивать мотострелковые части и артиллерию. Республика фактически была взята в кольцо. Из обстреливаемых населенных пунктов жителям оказалось некуда бежать: еще 25 сентября 1999 г. телефонограммой командующего западной группировкой

¹³ Подробно см.: Панфилов Олег. История Андрея Бабицкого. — М., 2004.

российских войск генерала Владимира Шаманова управлениям внутренних дел соседних регионов РФ было запрещено выпускать их на свою территорию. Все, кроме президента Ингушетии Руслана Аушева, этот приказ безоговорочно исполнили (подробно см. 28.2.2).

Первые серьезные потери наступавшие российские войска понесли у Горагорска, на северо-западе республики, и Ищерской, на севере. Если у первого из этих населенных пунктов, используя рельеф местности (гористый, пересеченный, хотя и лишенный лесов ландшафт), федеральные силы удалось на время остановить, то лежащие на равнине Наурский и Шелковской районы вооруженным формированиям ЧРИ пришлось оставить. Практически весь север республики до станицы Червленной, где находятся стратегически важные автомобильный и железнодорожные мосты через Терек, российские войска прошли без особых для себя затруднений. Тактика, которая ими применялась (обстрелы и бомбардировки населенных пунктов без каких-либо лобовых атак позиций противника), лишила чеченские отряды всякой возможности для эффективного сопротивления. Кроме того, обесмысленной оказалась и поставленная перед ними командованием цель: защита мирных жителей. Чем дольше они удерживали позиции у какого-нибудь села или города, тем больше там гибли гражданских лиц (не говоря уж о разрушениях гражданских объектов и инфраструктуры).

По мнению авторов, стратегия ведения боевых действий российской стороной была спланирована таким образом, чтобы через гражданское население оказывать дополнительное воздействие на воюющих чеченцев. Так, западная группировка российских войск от границы с Ингушетией до развилок дорог в крупный населенный пункт Самашки и районный центр Ачхой-Мартан, продвинулась под прикрытием вытянувшейся вдоль трассы Ростов-Баку многокилометровой колонны беженцев. Российские части обстреливали из артиллерии и танков окружающие сады и рощи и устремлялись вперед. Чеченские отряды без боя покидали свои позиции: любой огневой контакт с наступающими частями привел бы к жертвам среди беженцев. Затем войска, предварительно «профильтровав», пропускали в Ингушетию оказавшихся в их тылу женщин, стариков и детей. А потом, когда впереди выстраивалась новая очередь из желающих покинуть охваченную войной республику, повторяли все сначала.

Завязать бои двигающимся в этом направлении войскам удалось лишь на линии Алхан-Юрт – Урус-Мартан. Случилось это во второй половине ноября, а уже в декабре вокруг столицы республики замкнулось кольцо окружения.

К началу 2000 г. чеченские подразделения сконцентрировались в двух местах: в Грозном и в горном Шатойском районе. Тем отрядам, что были отведены в горы, командование поставило задачу охраны баз для возможного продолжения войны партизанскими методами и приема ведущих оборону города формирований, в случае, если им оттуда придется отступить. Это отступление произошло уже в конце января – начале февраля 2000 г., когда, оказавшись не в силах быстро сломить сопротивление защищавших столицу ВФ ЧРИ, российское командование стало применять оружие большой разрушительной мощности, в частности, вакуумные бомбы (подробнее об осаде Грозного см. 28.2.2).

Чеченские отряды отступили из Грозного в западном направлении. Через промышленный Заводской район города они вышли к селу Алхан-Кала и далее через Закан-Юрт, Шаами-Юрт, Катыр-Юрт и Гехи-Чу ушли в горы. Российское командование оказалось не в состоянии им помешать. Впоследствии генералы распространили через СМИ версию, согласно которой чеченские подразделения якобы специально выманили из города, чтобы уничтожить на открытой местности. Однако артиллерийские удары по отступающим отрядам ни разу не наносились на марше, а села блокировались тогда, когда они их уже покидали (о нарушениях гуманитарного права, которыми сопровождалось описанные события подробно см. разделы 30.4.3 (г) и 35.2.6.2).

Тем не менее при выходе из Грозного чеченские вооруженные формирования потеряли наиболее опытных руководителей. В темноте на окраине города они вышли на минное поле. После первых же подрывов с окружающих высот по колоннам открыли огонь крупнокалиберные пулеметы, возникла паника. В этих условиях командиры вышли вперед и своим примером повели дальше рядовых бойцов. Раньше всех на mine взорвался племянник первого президента независимой Чечни Леча Дудаев, затем погибли руководитель обороны города Асламбек Исмаилов и бывший руководитель республиканского антитеррористического центра Хункар-Паша Исрапилов. Шамиль Басаев и Хамзат (Руслан) Гелаев были ранены. На минном поле и далее по ходу отступления встретили смерть и получили ранения сотни рядовых бойцов.

Однако добравшиеся до гор чеченские комбатанты вместо отдыха оказались в зоне новых боев: российские войска высадили на высотах вокруг районного центра Шатой десант и начали сжимать вокруг него кольцо окружения. В этих условиях чеченским командованием было принято решение о переходе к партизанским формам ведения войны. Наиболее боеспособные отряды отводились на базы дальше в горы, другие же выпускались. Воевавшим в их составе жителям республики был отдан приказ спуститься на равнину и разойтись по населенным пунктам. Первую группу отступающих из Шатойского района отрядов возглавили Шамиль Басаев и Хаттаб, во главе второй оказался Хамзат (Руслан) Гелаев.

29 февраля отряды под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба разгромили российских десантников у села Улус-Керт и ушли в лесные массивы юго-восточной Чечни. К отрядам Хамзата (Руслана) Гелаева, сконцентрировавшимся в местности Сураты за хребтом Демидук, отделяющим равнинный Урус-Мартановский район от Шатойского, стали прибывать беженцы, в основном молодые люди, уехавшие в начале войны в горные села, а потом, когда боевые действия начались и там, решившие вернуться в свои города и села. Идти через

российские посты решались не все. Уже получили известность случаи бесследного исчезновения на них мужчин и подростков (см. об этом подробно раздел 57.4). В итоге к началу марта здесь скопилась многотысячная и плохо управляемая масса искавших спасения людей. Холод и недостаток продуктов привели к тому, что, игнорируя требования Хамзата (Руслана) Гелаева и его командиров, они в одиночку и группами стали спускаться в Комсомольское. Затем через это село без помех ушли на равнину бойцы радикального командира Арби Бараева. Вслед за ними вниз устремились и ополченцы. Вскоре здесь развернулось самое продолжительное после боев за Грозный сражение второй российско-чеченской войны. Оно же было и самым кровавым. Только с чеченской стороны было убито не меньше 650 (число могил в двух местах захоронения) человек.

На этом, собственно, и заканчивается первый этап конфликта. Его главными итогами явились установление контроля российской армией над населенной частью республики и исход в соседнюю Ингушетию большинства ее жителей в качестве перемещенных лиц.

В ходе первого этапа боевых действий не вовлеченные в конфликт люди гибли в результате тщательно спланированных и нанесенных ударов. Так, 21 октября 1999 г. в Грозном в результате обстрела центрального рынка, республиканского родильного дома, здания главпочтамта и мечети было убито не менее 140 и ранено более 200 человек, в том числе женщины и дети. И выбор целей, и примененное оружие – тактические ракеты с кассетными боевыми частями, снаряженные для большей поражающей мощи шариковыми бомбами – свидетельствовали, что в качестве жертвы сознательно выбиралось гражданское население.

22 октября российские войска перекрыли границу с Ингушетией. А через четыре дня со ссылкой на командование государственные СМИ сообщили, что пропуск беженцев будет осуществляться с утра 29 октября. Однако съехавшиеся сюда со всей республики люди вынуждены были развернуться обратно, границу военные в этот день не открыли. У села Шаами-Юрт на трассе Ростов-Баку их атаковали штурмовики. Выпущенными с них ракетами были убиты десятки людей (подробно см. раздел 35.2.6.3). В тот же день артиллерия разгромила колонну беженцев, которая двигалась по другому объявленному официально гуманитарному коридору: на север от Грозного в сторону Толстой-Юрта. Здесь также были убиты десятки людей (подробно см. раздел 35.2.3).

Весь ноябрь и декабрь 1999 г. – это время, когда российская авиация непрерывно бомбила населенные пункты и объекты на территории Чечни. Летчики в большинстве случаев не имели конкретных боевых заданий и действовали по своему усмотрению. Они наносили удары по похоронным процессиям, по двигавшимся на дорогах автомашинам и даже по отдельно стоявшим людям. В поисках целей самолеты, сменяя друг друга, постоянно кружили в небе, а потом неожиданно пикировали и выпускали ракеты.

С ноября же стали фиксироваться и случаи массовых убийств жителей городов и сел, куда, по российской терминологии, «освободив» их, входили подразделения силовых структур Российской Федерации. Бессмысленной жестокостью был отмечен захват села Алхан-Юрт (конец ноября-начало декабря 1999 г.), жилых кварталов Старопромысловского района Грозного (январь 2000 г.), поселков Черноречье и Новые Алды (февраль 2000 г.). Счет убитым в каждом из этих случаев шел на десятки и сотни человек. Причем преступники в российской военной и милицейской форме не разбирали ни национальной принадлежности жертв, ни их возраста (подробно см. раздел 30.4.3).

Значительное число представителей гражданского населения было уничтожено российскими военными в первых числах февраля 2000 г. В результате трехдневных массированных ударов по селу Катыр-Юрт, где сосредоточилось большое количество перемещенных лиц, погибло, по разным оценкам, от 146 до 300 человек. На его улицах лежали вперемешку трупы женщин и мужчин, стариков и детей. Во избежание распространения информации о совершенном злодеянии российское командование запретило посещать этот населенный пункт сотрудникам гуманитарных организаций. В течение нескольких последовавших месяцев он оставался блокированным со всех сторон войсками. Заехать туда могли только люди с местной регистрацией (подробно см. раздел 35.2.6.2).

Не менее чудовищными были потери и среди жителей других подвергнутых бомбардировкам и обстрелам городов и сел Чеченской Республики, таких, например, как Алхан-Кала, Гехи-Чу, Шаами-Юрт, Асланбек Шерипово, Шали, Ачхой-Мартан, Урус-Мартан, Закан-Юрт, Новый Шарой и т. д.

6.4. СТРАТЕГИЯ СТОРОН В КОНФЛИКТЕ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ФРОНТАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

6.4.1. «Зачистка» Чечни

Поначалу российским властям удавалось скрывать подлинные масштабы преступлений, совершаемых против гражданского населения. Всякую критику своих действий они отменяли, объясняя «отдельные нарушения» якобы объективной невозможностью соблюдения прав человека в условиях продолжающихся активных боевых действий.

Начиная с лета 2000 г., такие оправдания потеряли всякий смысл, так как действия российских военных и сотрудников иных силовых структур приобрели характер ничем не прикрытого и систематического насилия над гражданским населением.

Чеченские вооруженные формирования уже не контролировали населенные пункты. Оттесненные в горы и частью рассеянные, они уже не могли необратимым образом изменить складывающуюся в республике си-

туацию. Появились тенденции к ее нормализации, прекращению военного противостояния. В это поверили даже те жители, которые, опасаясь за свою жизнь, покинули в предыдущие месяцы территорию республики. В этот период отмечалось их массовое и, самое важное, добровольное возвращение домой.

Возникла ситуация, когда российская армия, милиция и спецслужбы оказались лицом к лицу не с вооруженными чеченцами, а с гражданским населением. В итоге оно и стало главным объектом последующего насилия. В августе во время «зачистки» села Гехи в Урус-Мартановском районе впервые были произведены массовые задержания мужчин и применение в их отношении пыток на специально оборудованных для этого пунктах. Операция возглавлялась сразу двумя высокопоставленными российскими генералами: заместителем министра внутренних дел РФ, командующим внутренними войсками Вячеславом Тихомировым и командующим Северо-Кавказским округом внутренних войск Михаилом Лабунцом. Опыт, полученный здесь, внедряется по всей республике.

Масштабные «зачистки» населенных пунктов — наиболее характерная черта второго этапа войны в Чечне. В ходе них десятки тысяч задержанных мужчин подверглись избиениям, пыткам, оскорблениям и унижениям. Некоторые исчезли без следа, другие были убиты в ходе операции. Их обезображенные трупы или подбрасывались после окончания операций на месте, где стояли военные, или за деньги у них же выкупались. Некоторые из «зачисток» длились по две и три недели. Все это время города и села республики оставались блокированными войсками и бронетехникой; в некоторых из них, особенно в тех, которые находятся в горах, за это время начинала ощущаться нехватка продуктов. Самыми страшными и кровавыми они были в Алхан-Кале (осень 2001 г.), Цоцин-Юрте (январь 2002 г.), Старых Атагах (февраль 2002 г.), Чечен-Ауле (май 2002 г.), Мескер-Юрте (июнь 2002 г.). В некоторых из населенных пунктов подобные операции проводились чуть ли не каждый месяц. В тех же Старых Атагах с 2000 по 2003 г. их было больше тридцати, в результате чего сотни жителей были убиты или исчезли, тысячи подверглись пыткам и избиениям и почти все были ограблены. Жители села Цоцин-Юрт перенесли более сорока «зачисток», и все с теми же результатами — внесудебными казнями и похищениями людей. Не имея больше сил терпеть произвол военных, почти все его население впоследствии организованно переселилось в Ингушетию (подробно см. раздел 30.4.4).

В Чечне того периода были определенные места, куда военные сбрасывали трупы убитых и замученных местных жителей. Наибольшую известность в этой связи получил дачный поселок близ Ханкалы. Здесь были найдены десятки тел пропавших в ходе «зачисток» и более локальных операций молодых мужчин и женщин (подробно см. раздел 32.2). Многие со следами страшных пыток: с отрезанными ушами, носами и пальцами, с вырванными ногтями и выколотыми глазами. Почти все — с выстрелами в затылок. Другими известными местами сброса трупов являлись сады госхоза им. Мичурина в Урус-Мартановском районе, чернореченский лес слева от поворота с трассы Ростов-Баку на село Гойты, возвышенность Гойт-корт у Мескер-Юрта, джалкинский лес, окрестности села Чурт-тоги (ст. Петропавловская) в Грозненском (сельском) районе и т. д.

Однако после обнаружения свалки трупов у Ханкалы и возникшего из-за этого скандала их большой концентрации в одном месте больше не допускалось. Кроме того, действия были направлены на то, чтобы даже в случае обнаружения никого невозможно было опознать: трупы начали взрывать.

Начиная с весны-лета 2000 г., в Чечне впервые заговорили и о подразделениях, действующих в режиме эскадронов смерти. Поначалу их называли или «летучими голландцами» из-за их неожиданного появления и исчезновения, или «людьми Путина» по паролю, который ими назывался на блокпостах. В состав этих подразделений, действовавших, как правило, поздно ночью или на рассвете, входили сотрудники элитных российских спецподразделений.

Операции, которые проводились при помощи «эскадронов смерти», российское командование стало именовать «адресными мероприятиями». Декларировалось, что они направлены против участников чеченского сопротивления и их «пособников». Но на деле в ходе их проведения совершалось не меньше преступлений против гражданского населения, чем во время масштабных «зачисток», прежде всего убийств и насильственных исчезновений (см. подробно главу 31 и раздел 36.2). «Адресные мероприятия» проводились (и проводятся до сих пор!) сотрудниками силовых структур, приезжающими к месту проведения операции на транспорте без опознавательных знаков, в масках, в камуфляжной форме с отсутствующими на ней знаками различия. Это существенно снижает возможность поиска пропавших людей. При «зачистках» родственники еще как-то могли узнать, что за часть блокировала их город или село, кто из военных врывался к ним в дом и т. д. Во время адресных операций это уже было практически невозможно сделать. Кроме того, представители российских силовых структур смогли теперь не только отмежеваться от любого совершенного ими преступления, но и переложить ответственность за него на противоборствующую сторону, что, опять же, при масштабных «зачистках» населенных пунктов было невозможно. Не исключено, что именно эти обстоятельства и принимались в расчет, когда с осени 2002 г. российское командование постепенно стало отказываться от масштабных «зачисток» в пользу т. н. адресных операций.

Летом 2002 г. с подачи руководства России власти Ингушетии стали оказывать давление на перемещенных из Чечни лиц с целью вынудить их вернуться на родину. Зимой 2002 — 2003 г. это давление переросло в разгром палаточного лагеря в Аки-Юрте. Вмешательство международных и российских правозащитных организаций лишь на время остановило процесс ликвидации палаточных лагерей. Окончательно они были разгромлены к лету 2004 г. Лишь небольшое количество возвращающихся получило компенсацию за разрушен-

ное жилье (многие только после того, как в качестве «отката» оставили около половины причитающейся им суммы чиновникам пророссийской администрации). Только небольшой части вынужденных переселенцев предоставили возможность остаться в Ингушетии. Теперь, оборудованные в заброшенных зданиях промышленных и сельскохозяйственных предприятий места их компактного поселения (МКП), в отличие от палаточных лагерей, не особо бросались в глаза приезжающим в регион иностранным журналистам и делегациям.

Одновременно в самой Чечне стал набирать обороты процесс выдавливания на плоскость жителей горных сел. Российское командование считало, что их жители помогают продуктами питания базирующимся в окрестных лесах и ущельях участникам чеченских вооруженных формирований, и путем постоянных «зачисток» с задержаниями и убийствами людей, регулярными обстрелами из тяжелых видов оружия вынудили их покинуть свои дома. В некоторые из опустевших сел были введены войска, другие были ими разрушены. В отличие от перемещенных лиц, покинувших республику в начале войны, эти люди не получили статуса вынужденных переселенцев и, соответственно, не могли претендовать на получение компенсации (пусть и усеченной наполовину «откатами») за оставленное жилье.

6.4.2. Действия чеченской стороны – союзы и разногласия – переход исламистов к террору

В период с 2000 по 2002 гг. чеченское вооруженное сопротивление сумело оправиться от поражений, нанесенных ему в первые месяцы войны. Республика, напомним, вступила в нее, будучи расколотовой на несколько политических лагерей. С одной стороны, это избранная власть во главе с президентом Асланом Масхадковым и подконтрольными ему отрядами ополченцев и силовых структур, укомплектованными сторонниками светского пути развития Чечни. С другой, религиозные радикалы, группировавшиеся вокруг Шамиля Басаева, Амира-аль-Хаттаба и др.

Третий лагерь возник уже в ходе боевых действий вокруг бывшего муфтия республики Ахмата Кадырова и командира базировавшегося в Гудермесе второго батальона национальной гвардии под командованием Сулима Ямадаева и его братьев. В октябре 1999 г. они просто перешли на сторону федеральных сил. Во многом благодаря этим людям, российские войска с восточного направления практически без потерь подошли к Грозному. Были сохранены от разрушения села в Гудермесском и Курчалоевском районах, жертвы среди гражданского населения были сравнительно немногочисленны (их число существенно увеличится, когда здесь начнутся «зачистки»).

Разногласия между радикалами (в Чечне их называли «ваххабистами») и ориентирующимися на президента Аслана Масхадова силами (вы просторечии «боевиками») сохранялись и в дальнейшем. Так, из-за конфликта между ваххабитами и ополченцами в конце ноября 1999 г. западной группировке российских войск удалось занять Алхан-Юрт и замкнуть кольцо вокруг Грозного. Боевики-ваххабиты из отряда Арби Бараева, не подчинившись приказу, в марте 2000 г. первыми ушли на равнину через Комсомольское. Потянувшиеся за ними плохо вооруженные ополченцы и беженцы оказались в котле и в большинстве погибли. Вырвавшийся из окружения Хамзат (Руслан) Гелаев, один из наиболее авторитетных чеченских командиров, ушел сам и перебазировал остатки своих отрядов в Панкисское ущелье соседней Грузии.

Таких эпизодов на первом этапе войны было множество.

С началом массовых «зачисток» и деятельности «эскадронов смерти» в партизанские отряды начало интенсивно прибывать пополнение из числа лиц, горящих жаждой мести, в основном молодежи. Вооруженному сопротивлению, к началу лета 2000 г. в значительной степени деморализованному, был придан новый мощный импульс. Количество желающих воевать превысило возможности созданной к этому времени инфраструктуры: на базах в горно-лесистой местности не хватало оружия и продовольствия, и принимали далеко не всех желающих. Из тех, кто оставался в городах и селах, формировалось вооруженное подполье, ядром которого все чаще становились ваххабитские джамааты, возглавляемые «эмирами» сел, районов и городов. В то же время силы, ориентированные на Аслана Масхадова, пытались сохранить нелегальные органы гражданской администрации, впрочем, без особого успеха. Сообщества фундаменталистов, спаянные религиозной мотивацией и жесткой дисциплиной, оказались более живучими.

Летом 2002 г. лидеры обоих крыльев вооруженного сопротивления на заседаниях продолжавшегося почти месяц Государственного совета достигли согласия по большинству спорных вопросов, причем за счет компромиссов с обеих сторон. Были внесены изменения в порядок функционирования органов власти на период военных действий, а большинство подразделений из числа салафитов и их командиры (включая Шамиля Басаева) признали Аслана Масхадова своим главнокомандующим. В свою очередь, президент согласился на исламистские изменения в Конституции ЧРИ (принятые, разумеется, в нарушение всех прописанных в ней процедур). Итогом достигнутых договоренностей стало и возвращение на родину отрядов под общим командованием Хамзата (Руслана) Гелаева. Произошло это в конце сентября того же года (подробно см. главу 26).

Однако в октябре 2002 г. подконтрольные Шамилю Басаеву группы совершили в Москве жестокий террористический акт: захватив в Театральном центре на Дубровке около 900 зрителей и артистов, они выдвинули требования вывода войск из Чечни. Действия террористов и последовавший затем штурм, сопровождавшийся газовой атакой, унесли жизни более 100 человек (подробно см. раздел 39.3.1). Шамиль Басаев признал, что готовил это нападение в тайне от своего руководства, и заявил об отставке со всех постов в ВФ ЧРИ. В свою очередь Аслан Масхадов, настаивавший на категорической неприемлемости террористических методов ведения

войны, заявил, что в отношении Басаева будет проведено расследование и состоится суд. Ни того, ни другого, впрочем, не случилось — президент, очевидно, не решился ослаблять силы вооруженного сопротивления внутренними конфликтами. Вплоть до гибели Аслана Масхадова 8 марта 2005 г. силы «масхадовцев» и «басаевцев» продолжали действовать автономно, но, несмотря на глубокий личностный и идеологический конфликт между лидерами, наличие общего врага принуждало их к союзу.

Именно в этот период силами, подконтрольными Шамилю Басаеву, была совершена целая серия жестоких террористических атак на территории России. Самая кровавая и циничная из них — захват школы № 1 города Беслан в Северной Осетии. События 1-3 сентября 2004 г. унесли жизни более 300 человек, преимущественно детей (подробно см. разделы 39.3.2 — 39.3.9).

Концептуальное различие в методах борьбы проявилось и в подходах к вопросу о путях урегулирования конфликта. По поручению Аслана Масхадова глава МИД непризнанной республики Ильяс Ахмадов (находившийся к тому моменту в США) подготовил план мирного урегулирования с характерным названием «Обусловленная Независимость через Международное Управление». План этот был широко анонсирован в июле 2003 г.¹⁴ Предложения Ахмадова — Масхадова были близки по своей сути к модели, применявшейся в Косово после принятия Советом Безопасности ООН Резолюции 1244 от 10 июня 1999 года. В соответствии с планом Россия должна была обратиться в ООН для учреждения в Чечне системы попечительства. «Условное (или обусловленное) признание правительства или государства, — указывалось в плане, — это принцип, ставящий признание данного лица в прямую зависимость от выполнения им предварительно согласованных условий. Правильное применение этого принципа через механизм международной администрации способно решить российско-чеченский конфликт с учетом интересов всех сторон. Идея проста: преобразование Чечни в истинно демократическое, мирное государство через переходный период нескольких лет международной администрации. Предлагаемая формула может и не быть чудотворной, но она представляет собой реальный механизм решения проблемы, удовлетворяющий легитимные устремления Чечни при одновременном учете подлинных интересов безопасности России, также как и интересов безопасности Грузии и международного сообщества в целом. <...> С санкции ООН необходимо создать международный управляющий орган и поручить ему быструю и эффективную реализацию демократических реформ всех уровней, с целью подготовки Чечни к принятию обязанностей и ответственности юридически признанного независимого государства. Приоритетом, среди прочего, должны явиться экономическая реконструкция, демилитаризация, структурные реформы, обучение государственных служащих и сил правопорядка. <...> Российские войска и все другие правительственные агентства России должны покинуть территорию Чечни с самого начала. В то же время следует разработать трехстороннее соглашение по введению в Чечню временных международных сил. Постепенно новый состав международно-обученных чеченских сил правопорядка должен заменить временный международный контингент. При решенном вопросе конечного статуса Чечня будет весьма мотивирована справиться с ее частью общей проблемы. Одной из наиболее серьезных задач явится построение подлинно независимой, эффективной и аполитичной судебной власти. С укреплением сотрудничества между временной международной администрацией и местными органами власти следует разработать эффективную схему демилитаризации Чечни. <...> Чеченцам, наряду с другими этническими группами, которые проживали в Чечне до первой войны, следует предложить выбор: оставаться или переехать. Тем, кто пожелает переехать в Чечню или из нее, следует предоставить необходимую экономическую и юридическую поддержку в транспортировке и осваивании нового места жительства. Этническим чеченцам, проживающим в России, также следует предоставить аналогичный выбор. Учитывая масштаб разрушений, приоритетами также должны стать восстановление основной инфраструктуры, жилого комплекса и создание рабочих мест. Безусловно, международный управляющий орган должен приложить все усилия в создании занятости местного населения во всех областях администрации. Успех международной администрации будет оцениваться в прямой зависимости от степени обеспечения прав, свобод и возможностей местного населения.»¹⁵ Относительно последствий дальнейших военных действий и радикализации Чечни авторы плана указали, что «насилие под руку с безнаказанностью не может не привести к дальнейшему насилию. Террор и унижение гражданских жителей, и климат безнаказанности приводят к ожесточению в Чечне. Корни драмы захвата заложников 23-го октября в московском театре не в международном терроризме, как бы Кремль ни старался это изобразить, а в годах омерзительных преступлений, совершаемых самим Кремлем в Чечне. Акт насилия против гражданских жителей является преступлением и нравственно, и юридически, но отказ распознать и решить причины таких действий является политическим преступлением с куда более громадной ценой. Продолжение войны рискует превратить конфликт в замкнутый круг мести, ненависти и насилия, лишённого политической целесообразности».

Таким образом, ориентировавшиеся на Аслана Масхадова силы чеченского сопротивления предлагали разрешить конфликт в рамках международного права и исходя из накопленного международным сообществом опыта. Вопрос признания Чечни как независимого государства увязывался с ее демократизацией и демилитаризацией.

В ответ исламисты опубликовали свой план тоже с очень характерным названием: «Безопасность в обмен на независимость». Его автор (все тот же Мовлади Удугов) заклеил концепцию Масхадова — Ахмадова фактически как предательство национальных интересов, а вместе с ней — международное право и западную

¹⁴ Масхадов призвал ввести в Чечне международное правление. — Грани.ру. || <http://grani.ru/Projects/Zakaev/m.38819.html>.

¹⁵ На русском языке план Масхадова-Ахмадова опубликован по адресу: <http://www.chechenews.com/news/118/ARTICLE/5488/2008-11-05.html>.

цивилизацию как таковые. План Мовлади Удугова опять декларировал построение в Чечне исламского шариатского государства: «Никакая власть в Чечне никогда не рассматривалась в качестве легитимной в глазах народа, если она не являлась носителем Шариата. И чеченцы всегда были готовы с оружием в руках защитить свое законное право на Шариат ровно так же, как всегда были готовы подчиниться Шариату. И только Шариату». Ответный террор, практикуемый исламистами, определялся как «юридически оправданная самозащита»¹⁶. Концепция «Безопасность в обмен на независимость» была предложена Владимиру Путину в ультиматуме, выдвинутом Шамилем Басаевым в ходе кризиса с заложниками в Беслане 1-3 сентября 2005 г. Таким образом, реализация предлагаемой доктрины на практике сводилась к шантажу.

Обращение радикалов к террористическим методам борьбы способствовало дискредитации самой идеи чеченской независимости в глазах мировой общественности. Лидеров салафитов, которые воспринимали западную цивилизацию в качестве едва ли не большего врага, чем Россию, это не заботило. Российская же сторона использовала эти обстоятельства в пропагандистских целях максимально эффективно. Это было нетрудно сделать после 11 сентября 2001 г., когда угроза терроризма стала восприниматься мировым сообществом как один из главных вызовов цивилизации. Аслан Масхадов раз за разом осуждал террористов, и в своих заявлениях тщетно призывал тех, кто встал на путь террора, опомниться. Но новые атаки исламистов сильно ударили по его имиджу умеренного политика. Одновременно экстремальные условия партизанской войны, информационная изоляция бойцов, которые годами находились на своих базах в глухой горно-лесистой местности, все более усиливали позиции салафитов. Для преодоления почти невыносимых тягот они предлагали людям религиозную мотивацию. Сторонники светского пути продолжали терять свое влияние. В условиях отказа Запада от активной политики урегулирования конфликта проповеди ваххабитов вызывали больше доверия, чем призывы следовать общечеловеческим ценностям.

На данном этапе конфликта чеченские формирования продолжали вести диверсионно-партизанскую войну. Они подрывали бронетехнику и уничтожали живую силу противника, нападали на военные колонны, укрепляли подполье в расчете на то, что война продолжится неопределенно долгое время. В ряде случаев чеченским вооруженным формированиям удавалось на короткое время овладевать населенными пунктами. При этом боевые действия все чаще выплескивались за границы Чеченской Республики. В июне 2004 г. в течение ночи с 21 на 22 июня чеченским и ингушским моджахедам под командованием Шамиля Басаева удалось даже установить контроль над центральными районами Ингушетии и заставить федеральные силы обороняться (подробно о наиболее масштабных боевых операциях этого периода см. в разделе 17.2.3).

6.5. «ЧЕЧЕНИЗАЦИЯ» КОНФЛИКТА

6.5.1. Цели и методы «чеченизации»

С конца 2002 – начала 2003 гг. российское руководство приступило к осуществлению политики закрепления своего контроля над территорией Чечни посредством инициации так называемого «политического процесса». Речь вовсе не шла о переговорах со сторонниками независимости. Однако декларировалось, что федеральный центр передает полномочия самим чеченцам, которые теперь сами должны сформировать свои органы власти. Утверждалось, что именно они должны заниматься и «поддержанием порядка» в республике.

До этого система гражданской администрации, установленная в Чечне, выглядела следующим образом. Еще с межвоенного периода функционировало Представительство правительства России в Чечне, которое с 15 октября 1999 г. возглавил Николай Кошман¹⁷. По мере овладения территорией республики этот орган начал выполнять определенные функции гражданского управления, хотя вся полнота власти принадлежала, разумеется, военным. Затем 8 июня 2000 г. Владимир Путин подписал Указ «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике», а также «Положение об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике». В соответствии с этими документами во временную систему органов исполнительной власти в Чеченской Республике вошли Администрация Чеченской Республики и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти. Глава Администрации назначался на должность и освобождался от должности Президентом Российской Федерации¹⁸. 19 января 2001 г., а затем 16 мая и 6 ноября 2002 г. в этот Указ вносились некоторые технические изменения¹⁹.

11 июня 2000 Указом Президента Российской Федерации главой администрации Чеченской Республики был назначен перешедший на сторону федеральных сил муфтий Чечни Ахмат Кадыров; 20 июня 2000 г. он вступил в эту должность, а 22 августа того же года сложил с себя полномочия муфтия.

Процесс последующей «чеченизации» имел две составляющие: политическую и военную.

¹⁶ На русском языке план Мовлади Удугова опубликован по адресу: http://www.kavkazcenter.com/russ/analitik/security_for_freedom.shtml.

¹⁷ Назначен представитель правительства РФ в Чечне. – Лента.ру. || <http://www.lenta.ru/russia/1999/10/15/chechnya/koshman.htm>.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации «Об организации системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике» от 8 июня 2000 года № 1071. || <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901762702&prevDoc=901781130>.

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 19 января 2001 года № 52. – Российская газета. № 13. 20 января. 2001 г.; Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 2002 года № 475. Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 2002 года № 1296. || <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901762702&prevDoc=901781130>.

Политическая составляющая выражалась в имитации на территории Чечни демократических процедур, призванных создать видимость легитимности федеральной власти если не в глазах жителей республики, то хотя бы в глазах международного сообщества. В результате проведения данных процедур руководителями законодательной и исполнительной власти республики были объявлены лица из числа этнических чеченцев.

В соответствии с Конституцией 1993 г. Чечня, как уже говорилось, считалась субъектом Российской Федерации; однако до поры до времени только номинально. В 2000 г. территория самопровозглашенной республики была, наконец, силой оружия возвращена в лоно российской юрисдикции. Однако каких-либо актов, демонстрирующих «волеизъявление чеченского народа» на пребывание в составе Российского государства, не существовало. Их надлежало создать. Таким образом, 23 марта 2003 г. местному населению было предложено проголосовать за новую Конституцию ЧР (в составе РФ). Для этого в условиях продолжающейся партизанской войны и массового террора в отношении гражданского населения было объявлено о проведении референдума. Нужные результаты были достигнуты путем полного исключения сторонников независимости из политического процесса (публичное декларирование подобных взглядов в Чечне к этому моменту было почти равносильно самоубийству), шантажа населения и массовых фальсификаций. Затем 5 октября 2003 г. таким же образом был «избран» и «первый» (именно так было объявлено!) Президент Чеченской Республики. Им стал все тот же Ахмат Кадыров. После его гибели (в результате диверсии 9 мая 2004 г.) подобным же образом были проведены и выборы «второго президента» — Алу Алханова (30 августа 2004 г.). Его роль свелась к исполнению представительских функций при могущественном, но не достигшем конституционного срока для избрания на пост главы республики сыне «первого президента» — Рамзана Кадырове. По достижении последним «политического совершеннолетия» Алу Алханов 15 февраля 2007 г. заявил о своей отставке. «Третьего президента» Рамзана Кадырова на этот пост утвердил (2 марта 2007 г.) уже республиканский парламент: прямые выборы глав субъектов федерации были отменены. Еще одним действием развернувшегося в республике политического трагифарса стали выборы депутатов парламента.

Ни одна авторитетная международная организация результатов ни одной из перечисленных «демократических процедур» не признала, так как форма их подготовки и проведения не соответствовала базовым, международно признанным стандартам (таким, как стандарты ОБСЕ). Напротив, представителями этих организаций (не говоря уже о представителях российских и международных правозащитных НПО) неизменно отмечались грубые нарушения демократических процедур. Небезынтересно отметить, что помимо чисто силовых акций по запугиванию избирателей властями были апробированы методы, затем примененные в ходе общероссийских (2007–2008 гг.) выборов парламента и президента. К их числу, прежде всего, необходимо отнести отсечение еще до голосования всех кандидатов, которые, хотя и являлись сторонниками российской политики, демонстрировали хотя бы относительную независимость и были способны составить реальную конкуренцию продвигаемой Москвой фигуре. В избирательный бюллетень вносилась только она и несколько заведомо «безнадежных» кандидатур. Другой такой особенностью являлся массовый вброс бюллетеней: до Чечни столь грубый вид фальсификаций в таких масштабах в России не практиковался. Ну, и, разумеется, результаты всех этих «процедур» были хорошо известны заранее.

Таким образом, органы государственной власти республики были созданы российскими властями де-факто безотносительно волеизъявления ее народа. Никакими рычагами воздействия на собственно российские силы, от которых в основном и страдало в период начала «чеченизации» гражданское население, промосковские власти наделены не были. Не имели они и возможности влиять и на общую политику федерального центра в отношении Чечни. Поэтому их в полном смысле слова можно охарактеризовать как марионеточные.

Военная составляющая «чеченизации» в своей схеме представляла собой «скупку» определенной части мужского населения, ее вооружение, и передачу ей функций как законного (боевые действия с сепаратистами), так и незаконного (карательные акции в отношении гражданского населения) насилия. «Огненный каток» окончательно разрушил инфраструктуру республики; было уничтожено около 80 % жилого фонда, никаких серьезных восстановительных работ здесь вплоть до 2005 г. не велось. Большинство населения находилось за чертой бедности, зачастую просто голодало. По состоянию на 2003 г. уровень безработицы в Грозном составлял 92%²⁰. В этих условиях российские власти создают из числа этнических чеченцев различные паравоенные формирования и органы милиции, члены которых получают огромные (в 10–20 раз превышающие «среднечеченские» доходы) зарплаты, право на законных основаниях носить оружие и связанные с этим определенные гарантии безопасности. Первоначально эти структуры, в которых было включено достаточно большое количество криминальных элементов, изгоев общества, выполняли в основном охранные функции. Однако постепенно им вменяется в обязанность все более активно участвовать в операциях по уничтожению бойцов чеченских вооруженных формирований и тех, кто им предположительно сочувствует. Их участники все более повязываются кровью жертв и одновременно, наряду с федеральными силами, становятся объектом для атак «сепаратистов». На месте российско-чеченского конфликта постепенно взращивается внутричеченское вооруженное противостояние, фактически гражданская война. Именно этот процесс и вызвал к жизни термин «чеченизация конфликта» (о промосковских вооруженных формированиях и их инкорпорации в официальные силовые структуры см. подробно раздел 25.9).

²⁰ Подробно о социальной ситуации в Чечне в этот период см.: Чечня: без средств для жизни. Оценка нарушения экономических, социальных и культурных прав в Чеченской Республике. / Совместный доклад Всемирной организации против пыток (ОМСТ) с «Эхом войны» и Обществом Российско-Чеченской дружбы. – Январь 2004 г. Без выходных данных.

В пропагандистском плане эта политика принесла федеральной стороне ощутимую выгоду. Во-первых, путем инсценировки демократических процедур было продекларировано создание в республике «легитимной» национальной власти. Воюющей чеченской стороне в этой схеме отводилась роль группы отщепенцев и маргиналов, действующих теперь якобы и против воли собственного народа. Атаки ВФ ЧРИ трактовались исключительно как проявления терроризма, причем международного — и тут Шамиль Басаев со своими сторонниками оказал федеральным властям неоценимую услугу. Исходя из этого, тем более исключалась любая возможность переговоров с целью мирного разрешения конфликта.

Во-вторых, делегировав одним чеченцам право на незаконное насилие над другими, направляя и строго контролируя этот процесс, федеральный центр не только ограничивал потери своей армии и спецслужб, но и отводил от себя критику международного сообщества за совершаемые в республике преступления. Представители высшей российской власти и до этого неоднократно заявляли, что похищения людей и заложничество — якобы неотъемлемый элемент традиционной культуры горцев. Давно присутствовавшее желание представить чудовищные беззакония, творимые в Чечне, как части междоусобной борьбы «кланов» и «тейпов», стало получать долгожданное и вполне конкретное наполнение.

Ну, и, в-третьих, политика «чеченизации» закрепила федеральные позиции путем создания в республике новой социальной группы, зависимой и материально, и в плане личной безопасности, от внешней подпитки и поддержки. Членам созданных в ходе «чеченизации» силовых структур и более широко — властям всех уровней, согласившихся участвовать в убийствах и похищениях соплеменников, защита и военное присутствие России стали необходимы всерьез и на долгое время.

Во многом носящая пропагандистский характер и призванная затушевать совершенные в регионе преступления, снизить накал критики со стороны западных политиков и общественных деятелей, политика эта имела успех. С конца 2003 г. тема Чечни, нарушений прав человека в регионе постепенно начинает сходиться с повестки дня международных организаций.

В следующих разделах мы более подробно рассмотрим каждый из этапов «чеченизации».

6.5.2. Подготовка и проведение «конституционного референдума»

Основой «политического процесса» и по сей день объявляется якобы состоявшийся в Чеченской Республике референдум. Подготовка к нему началась во второй половине 2002 г., когда в администрации Президента РФ были написаны проекты Конституции ЧР в составе РФ и законов о выборах президента и парламента этой республики. Сами чеченцы имели лишь косвенное отношение к этим законопроектам. Авторами являлись некие А. Р. Парамонов, Н. Г. Нигородова и Н. В. Бондарева. К работе над ними не привлекались даже чиновники промосковской администрации республики. Некоторые из последних в частных беседах признавались, что для этого у них на тот момент даже не было сколько-нибудь квалифицированных людей. Более того, с ними никто даже и не советовался. Из Москвы привезли готовые тексты и приказали инициировать «широкое обсуждение» в подконтрольных средствах массовой информации.

Неправительственные организации в свою очередь инициировали экспертизу некоторых из этих законов. В заключении, подписанном 19 февраля 2003 г. профессором Б. Страшуним из московского «Независимого экспертно-правового совета», например, говорится, что подготовленный для Чечни проект Конституции, копируя действующий основной закон России, в наиболее важных статьях, касающихся соблюдения прав человека, отправления правосудия и статуса языка, допускает значительные от него отступления.

В статье 19 этого проекта, например, воспроизводится статья 22 Конституции РФ, в которой говорится, что арест, заключение и содержание под стражей допускаются только по решению суда. Однако в чеченском варианте «документа» опущено продолжение этого положения, гласящего, что до судебного решения никто не может быть задержан на срок более 48 часов. Были подвергнуты купюрам и другие статьи российской Конституции, переписанные в «чеченскую». В статье 2, к примеру, нет упоминания о государственной защите прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, нигде не говорится, что в случае исчерпания средств правовой защиты внутри страны жители республики могут обращаться в межгосударственные судебные органы. В тексте «чеченской конституции» исчезло упоминание о правах и свободах, не подлежащих ограничению даже в случае введения чрезвычайного положения. И это все — только часть сознательно изъятых из первоначального источника положений.

Переработке подверглись и другие статьи. В частности, те из них, что регулируют религиозную жизнь. Жители республики, в отличие от остальных граждан РФ, лишены права «распространять» свои убеждения «и действовать в соответствии с ними». Но не только это. В подготовленной для Чечни Конституции, например, указано, что государственными языками в республике являются чеченский и русский. Однако языком межнационального общения и официального делопроизводства признается только русский. То же самое и с языком судопроизводства. Профессор Б. Страшун в своем экспертном заключении задался вопросом: «Если официальное делопроизводство ведется только на русском языке, то в чем же проявляется государственный характер чеченского языка?..».

Ну и самое главное — статус республики, который стал главной причиной всех последних войн. Разработчики Конституции его обошли, охарактеризовав в начале статьи 1 Чеченскую Республику, как «демократическое социальное правовое государство с республиканской формой правления», а через несколько строк добавили, что ее территория «... является единой и неделимой и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации».

Несмотря на очевидные недоработки, данный проект Конституции без изменений и дополнений был вынесен на общереспубликанский референдум. Большинство чеченских и российских правозащитников, остатки местных политических партий и общественных организаций выступили совместно против готовящегося, как они заявили, обмана. Было подчеркнуто, что в условиях продолжающихся боевых действий и «зачисток» населенных пунктов, которые сопровождаются грабежами имущества местных жителей, похищениями людей и убийствами, соблюдения необходимые международные стандарты не удастся.

Показательна в этом отношении конференция чеченских правозащитных, неправительственных и общественно-политических организаций и движений, состоявшаяся 2 марта 2003 г. в г. Назрань (Ингушетия). На ней было подчеркнуто, что даже в период подготовки к референдуму в населенных пунктах Чечни не прекращались карательные операции против гражданского населения, продолжались артиллерийские обстрелы и бомбардировки ее территории. Кроме того, не был наложен запрет на действия эскадронов смерти, не велось расследование военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных сотрудниками силовых структур РФ, не было обеспечено реальное прекращение огня сторонами конфликта. Подчеркнув, что люди лишены свободы передвижения, в том числе и в населенных пунктах, где проживают, не гарантирована свобода митингов и собраний, и, учитывая, что в республике отсутствуют независимые средства массовой информации, а «агитация на страницах газет и по телевидению сопровождается угрозами в адрес возможных оппонентов, откровенным и беззастенчивым запугиванием населения», собравшиеся потребовали от президента России отказаться от намеченного плебисцита. Участники конференции, носившей символическое название: «Референдум – это волеизъявление народа или изъявление воли народу?..», призвали жителей республики не идти на голосование, если их к этому не будут принуждать «силой или угрозами». В своем обращении к структурам ОБСЕ и депутатам ПА СЕ они попросили воздержаться от участия их наблюдателей «в планирующемся пропагандистском мероприятии».

То, что референдум организуется лишь для пропагандистского обеспечения якобы происходящих позитивных перемен, и что в ходе него власти пойдут на массированные фальсификации, стало очевидным намного раньше. Первый шаг к этому был сделан еще в октябре 2002 г. Если верить состоявшейся тогда переписи населения, то на тот момент в Чеченской Республике проживало 1 миллион 88 тысяч 816 человек. От реальной, по данным правозащитников и работников организаций, поставляющих гуманитарную помощь населению, эта цифра отличалась, как минимум, на 350–400 тысяч человек...

Согласно официальной версии, о необходимости референдума для принятия Конституции и законов о выборах президента и парламента 10 ноября 2002 г. на встрече с Владимиром Путиным впервые заявили «авторитетные чеченские политики, религиозные и общественные деятели»²¹. Авторитетность предполагает по меньшей мере известность. Однако даже работникам местных средств массовой информации и правозащитникам фамилии этих «деятели» ничего не говорили. Многие из приглашенных в Кремль впервые там же и «засветились», чтобы потом, как выяснится, опять уйти в тень.

Дальнейшие события вокруг референдума развивались по подобному «конспиративному» сценарию. Для придания ему подобия легитимности в восьмую годовщину начала первой войны – 11 декабря 2002 г. – было объявлено о созыве «Съезда чеченского народа». Однако ни в одном из населенных пунктов делегаты не избирались. В районных администрациях составлялись списки лояльных российской власти людей, как правило, из тех, кто уже находился при должностях в административных структурах, и передавались в республиканскую же администрацию. Время и место проведения этого «форума», а также его повестка держались в секрете до самого последнего дня и даже часа. Назначенных делегатов и приглашенных лиц оповестили, что съезд пройдет в Грозном в ДК завода «Оргтехника». Но когда к названному сроку у здания стали скапливаться люди, обнаружилось, что все подходы к нему заблокированы бронетехникой. К 10.00 утра у места оцепления собралась достаточно большая толпа людей, среди которых были сотрудники администрации и правительства республики. Даже их, оказывается, не оповестили, где будет проходить съезд народа, который они якобы представляют. Об этом, однако, хорошо были проинформированы российские военные. Именно автоматчики из оцепления оповестили собравшихся, что мероприятие, на которое их пригласили, должно начаться в 11.00 в актовом зале здания администрации г. Гудермес.

Но и там люди наткнулись на мощное армейское и милицейское ограждение. Когда они все же через него пробрались, то у железных ворот перед зданием городской администрации им суждено было столкнуться с еще одной трудностью: через маленькое окошечко в калитке прибывших оповестили о приказе запускать внутрь только министров и их заместителей. По словам охранников, приглашения на съезд пропусками не являлись. Только личное вмешательство и.о. заместителя военного коменданта республики Руслана Ямадаева позволило пройти в здание съемочной группе местного телевидения.

Организованное подобным образом мероприятие не могло не пройти в удобном для властей ключе. Никакой дискуссии на съезде не наблюдалось: собравшиеся выразили единодушную поддержку проводимой политике. Руслан Ямадаев, поднявшись на трибуну, заметил, что общественные организации, не поддерживающие референдум, «надо запретить», а самыми достойными представителями чеченского народа являются Владимир Путин (sic!) и глава временной администрации ЧР Ахмат Кадыров.

²¹ Путин встретился с представителями чеченской общественности. – NEWSru.com // Новости России. || <http://www.newsru.com/russia/10nov2002/chechnya.html>.

При сборе подписей в поддержку референдума также были допущены серьезные нарушения. Инициативная группа по его проведению «не пошла в народ», ограничившись использованием административного ресурса. В селах Алпатово и Калиновская Наурского района все произошло в местах выдачи детских пособий и пенсий. Получившим свои деньги и расписавшимся за них, тут же без какого-либо объяснения выдавались бюллетени для голосования в поддержку плебисцита. Когда кто-то спрашивал, что это за листки и зачем в них нужно ставить подписи, ему просто говорили: «делай, что тебе говорят». Мало кто осмелился проигнорировать это требование.

Еще проще и «эффективнее» поступили власти Урус-Мартановского района. На сбор подписей по домам граждан были отправлены увешанные оружием сотрудники местных правоохранительных органов.

Курчалоевский район республики, по официальным данным, дал более 2-х тысяч голосов за «проведение референдума». К сбору подписей в числе прочих там были привлечены руководители предприятий и организаций. В отделах кадров своих учреждений они переписали в бюллетени паспортные данные работников и во многих случаях одной и той же рукой за них расписались.

Примеров подобного рода злоупотреблений при подготовке «судьбоносного мероприятия» можно привести много. Установившаяся в республике власть не была уверена в поддержке населением идеи референдума. Именно поэтому и агитация в подконтрольных средствах массовой информации велась с запугиванием и навешиванием ярлыков на всех возможных и реальных оппонентов в «лучших» традициях советского агитпропа.

«Вопрос о проведении референдума по принятию Конституции ЧР вызывает зубочный скрежет ястребов войны и недобитого отребья, для которых война стала привычным и очень прибыльным делом...», — писалось тогда, например, в газете «Зама» (№ 13-14, 4 февраля 2003 г., «Наша сила — в единстве»). Авторы статьи не имели в виду представителей российских силовых структур и их союзников из среды чеченского населения. Гнев журналиста вызвали сотрудники общественных и правозащитных организаций как в самой республике, так и за ее пределами, которые иногда в очень осторожных выражениях высказывались даже не против самого референдума, а проведения его «в сложившихся условиях».

Иное мнение не позволялось иметь даже иностранным наблюдателем. Некоторых из них, не особо подбывая дипломатичные выражения, со страниц печатных изданий объявляли поборниками войны. Так, в «Молодежной смене» (№ 6, 1 февраля 2003 г.) в статье «Пост-Джаддовское послевкусие» говорилось следующее: *«Непонятно его <т. е. лорда Фрэнка Джадда, председателя политического комитета ПАСЕ> предложение о перенесении референдума на три года <...>. Вообще, возникает много вопросов в связи с деятельностью ПАСЕ в целом и лорда Джадда в частности. Но ясно одно: деятельность данной комиссии не способствует урегулированию затянувшегося военного конфликта...»*

Примерно в том же духе высказалась и газета «Гумс» (№ 19-20, 14 февраля 2003 г.). Косвенно признав несоблюдение демократических процедур при подготовке к референдуму, она тут же обрушилась на противников его проведения, представляя их в качестве сторонников продолжения кровопролития: *«Нашим недругам, тем, кто жаждет противостояния в Чечне, не по душе закон, который мы намереемся принять. Они хотели бы отодвинуть и предстоящие выборы, чтобы в Чечне продолжалась вакханалия. Для кого-то наша избирательная кампания — «черный пиар», «грязные политехнологии» и тому подобное...»*

В подписанном 12 декабря 2002 г. президентом РФ «Положении о проведении референдума в Чеченской Республике» говорилось, что агитация на телеканалах и страницах печатных изданий должна побудить поддержать инициативу по его организации или отказаться от такой поддержки, голосовать или отказаться от голосования, поддержать или отвергнуть вынесенные на него вопросы. Однако даже заголовки республиканских газет не оставили никакого места для мнения, хоть в какой-то степени отличного от официального. Они были выдержаны в утверждающих тонах и содержали в себе элементы шантажа и запугивания населения. Вот некоторые из них: *«Референдуму — быть!»* («Молодежная смена», 2003 г., 1 февраля, № 6); *«Референдум — это будущее наших детей»* («Молодежная смена», 2003 г., 8 февраля, № 11-12); *«Ветераны за референдум»* («Терская правда», 2003 г., 10 февраля, № 18-19); *«Не примем конституцию — не закончится антитеррористическая операция»* («Даймохк», 2003 г., 29 января, № 10-11); *«Референдуму — ДА! Войне и беспределу — КОНЕЦ!»* (Приложение к газете «Возрождение Республики», 2003 г., 12 февраля, № 5) и т. д.

В этих публикациях было нарушено и другое требование подписанного Владимиром Путиным положения: агитация в средствах массовой информации разрешалась только за 30 дней до объявленного референдума, то есть к ней можно было приступить только с 21 февраля 2003 г.

Еще одним требованием положения являлся запрет на проведение агитации «федеральными органами государственной власти, органами исполнительной власти ЧР, иными государственными органами, главами администраций районов, населенных пунктов ЧР» (ст. 22). Его также проигнорировали. Например, 6 февраля в Грозном в средней школе № 41 по инициативе министерства образования состоялся открытый урок по референдуму для школьников, который в тот же день был продемонстрирован по республиканскому телевидению. А 8 февраля в средней школе № 1 с. Курчалой, отменив занятия и распустив детей по домам, собрались сотрудники районов и директора местных общеобразовательных учреждений. В повестке встречи был лишь один вопрос — план подготовки района к референдуму. Кроме преподавателей, на ней присутствовали и чиновники. К примеру, начальник правового отдела администрации Чечни, советник главы администрации по силовым структурам, заместитель министра образования республики, военный комендант, начальники временного и постоянного отделов милиции и глава администрации района, сотрудники бюро специального

представителя президента РФ по соблюдению прав и свобод человека и гражданина, духовенство и директора местных госхозов. Был приглашен и командир, снискавшей себе дурную славу многочисленными убийствами гражданских лиц 33-й бригады внутренних войск МВД РФ. *«Все субъекты РФ имеют свои конституции, своего президента и парламент, а мы, что, хуже них?.. Нам тоже надо иметь свою конституцию, своего президента и парламент, свою легитимную власть, с которой можно требовать за все беспорядки и беззакония, чинимые в республике»*, — говорилось в речах большинства выступавших. Они наметили меры, которые позволили бы привести к избирательным урнам как можно большее число местных жителей. А перед тем, как разойтись, учителя района обратились к прибывшим из Грозного чиновникам и российским военным с тем, что их волновало прежде всего: с просьбой помочь в установлении места содержания их похищенного накануне коллеги, директора Корин-Бенойской средней школы Алхи Абдулкадырова...

Подобные мероприятия прошли и в других учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях республики. Более того, были организованы сходы жителей населенных пунктов, на которых представители власти говорили о необходимости проведения референдума и участия в нем всех имеющих право голоса. 25 февраля, например, состоялся сход жителей села Дарго Веденского района. Чиновник районной администрации, выступавший перед женщинами, стариками и детьми, а последних среди собравшихся было большинство, имея в виду всех чеченцев, заявил, что *«мы должны иметь свою конституцию, какая бы она ни была...»*²².

Следует подчеркнуть, что в ходе подготовки к референдуму не допускалось проявление инициативы не только от какого-либо отдельного гражданина, но даже со стороны многочисленной группы людей, независимых от укрепившихся в Чечне властей. Активистки организации «Жертвы войны», созданной матерями похищенных российскими военными и милиционерами людей, собрали подписи под письмом к Президенту РФ с требованием восстановить в республике поправленную российскими военными законность. 19 февраля они обратились на местное телевидение с просьбой проинформировать население о проведенной ими акции. Связавшийся со своим руководством сотрудник телерадиокомпании через некоторое время сообщил ожидавшим ответа женщинам, что передача в эфир такой информации до референдума невозможна...

Таким образом, участие населения в планирующемся мероприятии было сведено к минимуму. Его организаторы изначально и не стремились допустить никакого свободного обсуждения. Однако от простых жителей очень скоро потребовали другого: материального подкрепления задуманного властями политического проекта. Происходило это следующим образом.

18 февраля 2003 г. руководителей общеобразовательных учреждений Старопромысловского района Грозного (всего их там двенадцать) собрали в здании местной администрации и оповестили «о необходимости активной подготовки к мероприятиям по принятию конституции и законов о выборах президента и парламента республики». Заместитель главы администрации района Султан Шахгиреев заявил, что из-за явного недостатка выделенных государством средств, школам республики надлежит внести в фонд по проведению референдума по 2000 рублей. С каждого учителя директорам было поручено собрать по 50 рублей. Некоторые из присутствующих выразили сомнение в том, что их подчиненные пойдут на это добровольно. Тогда заместитель главы администрации распорядился, чтобы ему предоставили список тех, кто откажется расстаться со своими деньгами. В конце собрания Султан Шахгиреев попросил не предавать огласке факт, как он выразился, «благодарительной помощи» учителей своей республике.

Известно, что подобным образом на референдум выбивались «пожертвования» и с работников других организаций и учреждений района. Впрочем, сбор денег с учителей, врачей, милиционеров, работников иных сфер жизнедеятельности республики, в том числе и служащих правоохранительных органов, к тому времени был делом не новым. Продолжилась эта практика и в последующие годы...

В преддверии объявленного на 23 марта 2003 референдума по принятию Конституции и законов о выборах президента и парламента Чеченской Республики при помощи других неправительственных организаций ПЦ «Мемориал» провел анонимное анкетирование. Жителям республики предложили выразить отношение к планируемому мероприятию. Итоги опроса были обнародованы в средствах массовой информации и вызвали резкое недовольство властей. Один из сотрудников правозащитной организации был вызван в управление ФСБ для дачи объяснений по факту, как ему было там сказано, «антигосударственной деятельности».

В опросе приняли участие 656 человек, проживавших на тот момент во всех районах Чечни и в палаточных лагерях в соседней Ингушетии. Из них 515 человек, то есть 79,97% от общего числа, заявили, что условия для свободного волеизъявления граждан не существуют. В числе главных причин, по которым плебисцит невозможен, они назвали отсутствие безопасности для себя и членов своих семей, угрозу жизни тем, кто выражает свое, отличное от российских властей, мнение, отсутствие свободы передвижения по территории республики и т. д.

В то же время большинство респондентов выразили сомнение в соблюдении необходимых процедур при подготовке к этому мероприятию. Так, 346 (или 53,89%) опрошенных не слышали о сборе подписей в поддержку проведения референдума в населенном пункте, где они проживали. Еще 185 (28,82%) уверенно написали, что там он вообще не проводился. Кроме того, 516 человек (то есть 74,78% принявших участие в анкетировании) посчитали, что референдум в Чечне проводится по инициативе российских властей, 145 человек (21% от их чис-

²² О проведении референдума в Чеченской Республике. – Доклад ПЦ «Мемориал». 27.02.2003. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

ла) марионеточных чеченских властей. И только 17 человек (2,46%) отметили, что идея проведения референдума принадлежит представителям чеченской общественности, выражавшей при этом интересы населения.

429 (или 52,8%) респондентов отметили в анкетах, что имена авторитетных «чеченских политиков, известных религиозных и общественных деятелей», которых принял президент РФ перед принятием решения о референдуме, им не известны. Еще 101 человек (то есть 12,4% от общего числа опрошенных) впервые увидели их во время трансляции встречи в выпусках новостей российского телевидения. 231 участнику анкетирования (28,4%) были знакомы некоторые из тех, кто поехал в Москву. И только 52 человека (6,4%) сказали, что знают многих (но не всех!) из них.

Одной из основных целей проведенного опроса было желание выявить намерение жителей республики участвовать или воздержаться от участия в референдуме. Согласно полученным ПЦ «Мемориал» данным, 76 из 646 (или 11,76%) ответивших на этот вопрос изъявили желание пойти на голосование, 439 (то есть 67,96% от общего числа), напротив, отметили, что у избирательных участков их не будет. На момент заполнения анкеты со своим выбором не определились 131 человек (20,28%).

Интересно, что из 10 предложенных вариантов ответа в пользу участия в референдуме, большинство респондентов выбрали: «если не пойду, то мой бюллетень подтасуют»; «селу / городу угрожают зачистками, если его жители не примут участия в референдуме»; «неучастие в референдуме будет воспринято властями как поддержка боевиков»; «если не пойду на референдум, моя семья может лишиться пенсий, пособий и других государственных выплат» и «если не пойду на референдум, то это отразится на моей карьере».

Другими словами, большинство людей, которые заявили о своем желании участвовать в референдуме, в последующих же графах подчеркнули, что их выбор отнюдь не свободный и что боязнь различного рода репрессий, в том числе и экономического характера, повлияла на принятие ими решения самым непосредственным образом.

Респонденты, не пожелавшие принять участие в референдуме, попытались объяснить свои действия тем, что «Чечня не является субъектом РФ», «в условиях войны выборы и референдумы не проводят» и, наконец, что «принятие Конституции освободит российских военных от ответственности за совершенные ими преступления». Таким образом, отрицательно отнесшиеся к идее референдума жители Чеченской Республики обосновали свой выбор вполне определенными политическими мотивировками. В них отсутствовали какие-либо сиюминутные прагматические интересы, что позволяет сказать о том, что у большинства анкетированных сформировалась вполне зрелая гражданская позиция²³.

Опрос правозащитников подтвердился на деле. 23 марта 2003 г. к избирательным участкам не пришло сколько-нибудь значительного количества жителей Чечни. Более того, в некоторых населенных пунктах, в том числе и в Грозном, наблюдалась необычная картина: опустевшие улицы и отсутствие на дорогах автомашин. Общее настроение отображала надпись, написанная крупными буквами на одной из искореженных остановок в Октябрьском районе чеченской столицы: «Ходить на избирательный участок опасно». Действительно, в марте практически ежедневно места будущего голосования подвергались нападениям и обстрелам со стороны партизан и участников подполья. Республика в день голосования словно замерла, абсолютное большинство ее жителей предпочли не выходить из домов. Не отличались многолюдьем и избирательные участки. Около 10.00 утра, например, в сводке новостей на местном радио прошла информация, что у входа на избирательный участок, расположенный в школе №7 г. Грозный, образовалась очередь из желающих проголосовать. Сотрудники ПЦ «Мемориал» прибыли туда через 5-7 минут после сообщения и обнаружили не более 6-7 человек, включая и членов двух съёмочных групп телевидения.

Для получения бюллетеней на участке требовалось предъявить паспорт, однако регистрацию никто не проверял, поэтому голосовать можно было в любом месте. Причем и количество таких попыток также ничем не было лимитировано. Благодаря этому сотрудникам правозащитных организаций, осуществлявших мониторинг, удавалось неоднократно «исполнить свой гражданский долг»...

Несмотря на очевидно малую активность избирателей, на избирательных участках озвучивались значительные цифры якобы проголосовавших людей. На участок №361, например, на котором сотрудники ПЦ «Мемориала» провели около 30 минут, за все это время пришло менее 10 человек. Однако члены комиссии заявили, что на момент разговора с ними, а это было около 12.00, большая часть «приписанных» к ним избирателей – 831 человек – уже успели опустить в урну бюллетени для голосования.

Следует, однако, признать, что в республике были районы, где голосование прошло при большом стечении народа. К ним относятся, например, г. Урус-Мартан и прилегающие к нему населенные пункты. При подготовке к референдуму проживающие здесь люди были запуганы слухами о неминуемых репрессиях в отношении тех, кто по каким-то причинам его проигнорирует. В селе Гойты, например, по этой причине явка избирателей составила 120% (!) от ранее заявленного списочного состава.

Власти объявили референдум состоявшимся. По официальной версии, на участки для голосования пришло около 95% всех зарегистрированных избирателей, из которых 95,37% якобы высказались за принятие новой Конституции и законов о выборах парламента и президента Чеченской Республики. Ни одна из серьезных международных организаций, осуществлявших мониторинг в зоне конфликта, среди которых ПАСЕ и ОБСЕ, его итогов не признали.

²³ ПЦ «Мемориал» провел опрос жителей Чеченской Республики об их отношении к референдуму. – ПЦ «Мемориал». 25.03.2003. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

6.5.3. Выборы «первого президента» Чечни

Продолжением мартовского референдума явились т.н. выборы «первого президента республики». Авторами «политического процесса» они были назначены на 5 октября 2003 года. Большинство независимых наблюдателей выразили сомнение, что в условиях продолжающихся боевых действий, массовых нарушений прав человека, в том числе и права на жизнь, узаконенного государством насилия в отношении тех, кто не готов поддержать официальную точку зрения на происходящие события, они могут быть честными и свободными. Но оставалась надежда на состязательность, в результате которой к руководству республикой мог прийти человек, напрямую не ассоциирующийся с совершенными в предыдущие периоды преступлениями и готовый требовать их прекращения в дальнейшем. Без особого ущерба для авторитета федеральной власти и корректировки проводимой в регионе политики одним только этим можно было бы привлечь на ее сторону намного больше местных жителей. Позволить населению самому избрать президента из числа полностью зависимых кандидатов, а затем уже с его помощью попытаться стабилизировать ситуацию – это даже в пропагандистском отношении, казалось бы, было неплохим решением.

И, действительно, поначалу в списки для голосования избирательная комиссия внесла 16 человек. В основном из числа тех, кто занимал административные и иные посты в марионеточных структурах власти, а также бизнесменов и политиков несомненно пророссийской направленности. Но вскоре выяснилось, что, за исключением Ахмата Кадырова, ни один из них не пользуется благосклонностью Кремля. В итоге президентом был назван именно он, хотя опять же, по итогам мониторинга, проведенного известными правозащитными и общественными организациями («Мемориал», МХГ, ОРЧД и т.д.), явка к урнам для голосования на этот раз вряд ли была выше, чем во время референдума. Как и тогда, улицы городов и сел Чечни опустели. Во многих населенных пунктах у избирательных участков, кроме представителей российских силовых структур, никого из местных жителей не было. По данным общественных организаций, из-за низкой явки избирателей выборы фактически провалились в следующих населенных пунктах и районах: в г. Грозный, Грозненском (сельском), Ачхой-Мартановском, Сунженском, Курчалоевском, Веденском, Шатойском, в некоторых селах Урус-Мартановского районов и ряде других.

Не поехали на голосование и перемещенные лица, проживавшие в то время соседней Ингушетии. Посланные за ними автобусы в течение всего светового дня без всякого движения простояли у ворот палаточных лагерей и уехали оттуда только вечером: пустыми, без единого пассажира в салонах.

Низкая активность избирателей не обязательно объясняется их приверженностью идеям национальной независимости. Годы бессудных казней и похищений, непрекращающихся «зачисток» и грабежей даже у тех, кто считали себя убежденными сепаратистами, вызвали жажду к размеренной и спокойной жизни. Ужасы войны пробудили в людях простые человеческие устремления, политика же отошла на второй план. Многие из них, по-видимому, готовы были смириться с властью и устройством общественной жизни республики, навязанными военной силой. Однако то, что в канун выборов путем административных и судебных манипуляций с избирательной дистанции были сняты наиболее значимые из числа выдвинувшихся кандидаты, заставило людей более трезво отнестись к происходящему. Жители республики утвердились во мнении, что от них ничего не зависит, что участие в голосовании – простая формальность, необходимая для прикрытия готовящихся массированных фальсификаций. В этих условиях очень многие из тех, кто хотел принять участие в выборах, предпочли остаться дома.

Но «выборы первого президента» были показательными и в другом отношении. Оказалось, что сторонники нахождения Чеченской Республики в составе России отнюдь не единая и тем более не монолитная сила. В ходе подготовки к голосованию происходили столкновения между вооруженными сторонниками различных кандидатов, нападения на их избирательные штабы и даже убийства.

Так, 7 сентября в селе Самашки Ачхой-Мартановского района подвергся обстрелу предвыборный штаб кандидата в президенты, известного бизнесмена Малика Сайдуллаева. В ходе ответного огня охранникам удалось убить одного из нападавших. При нем было обнаружено удостоверение сотрудника штаба другого кандидата – Ахмата Кадырова. На следующий день была взорвана граната в сайдуллаевском штабе, расположенном в Грозном на улице Дагестанская. А 9 сентября в Старопромысловском районе столицы республики на глазах у многочисленных свидетелей расстреляли Бислана Хаяури. Совершив это преступление, вооруженные люди, представлявшие сотрудниками «службы безопасности Ахмата Кадырова», блокировали и обстреляли из автоматического оружия дом, в котором проживала его семья, а затем, ворвавшись внутрь, разграбили имущество. Убитый был сыном координатора предвыборного штаба все того же Малика Сайдуллаева. Итогом беспрецедентного давления на этого кандидата стало снятие его с регистрации. Решение об этом было объявлено Верховным Судом республики, а затем подтверждено и высшей судебной инстанцией Российской Федерации.

Был вынужден сойти с предвыборной дистанции еще один значимый кандидат – милицейский генерал Асламбек Аслаханов. Комментируя свое решение, он заявил: «Исход выборов был известен еще два месяца назад. Я не хочу участвовать в театре одного актера». Существует, правда, и другое объяснение, в какой-то мере характеризующее политические и моральные качества этого человека. Асламбек Аслаханов, заявивший, что на пути к посту президента ЧР его может остановить «только пуля», отказался от своих громких слов и намерений после того, как ему предложили должность помощника президента РФ по вопросам Северного Кавказа...

Но еще раньше избирательная комиссия отменила регистрацию Хусейна Джабраилова. И хотя в многочисленных интервью он потом намекал, что решение о снятии кандидатуры принял самостоятельно, достаточно показательно, что все произошло после его беседы с руководителем администрации президента РФ. В своих притязаниях на «президентское кресло» этот московский бизнесмен опирался на Бислана Гантамирова, министра информации Чеченской Республики. Расформирование указанного министерства и увольнение его руководителя — еще один итог их предвыборного союза. Указ об этом 2 сентября 2003 г. подписал т. н. временно исполняющий полномочия президента республики Анатолий Попов. Уже через два дня после этого в селе Серноводск он провел выездное заседание правительства. На нем присутствовали министры внутренних дел, образования, сельского и жилищно-коммунального хозяйств, а также руководители и активы Сунженского, Ачхой-Мартановского и Урус-Мартановского районов. Заслушав отчеты некоторых чиновников, Анатолий Попов дал присутствующим установку о выдвижении и поддержке на предстоящих выборах «единого кандидата». Конкретную фамилию он не назвал, но построил речь таким образом, что все поняли: разговор идет об Ахмате Кадырове.

Если же говорить о нарушениях, выявленных на самих выборах, то они были, по мнению правозащитников, всеобъемлющими и носили системный, заранее спланированный характер. К примеру, в Шалинском районе подъезды к избирательным участкам были перекрыты блоками и сваленными стволами деревьев. Был отдан приказ не пропускать к ним любых незнакомых людей. В день голосования все они досрочно (за час, а в некоторых селах и за большее время) были закрыты, что, впрочем, мало отразилось на людях, желавших исполнить свой «гражданский долг». Как и всюду по республике, активностью избирателей не отличался и этот регион. Однако своя особенность здесь все же была: бюллетени с закрытых участков в сопровождении председателей избирательных комиссий, его заместителей и секретарей на российских бронетранспортерах сначала доставили в заблокированное со всех сторон вооруженными сотрудниками МВД республики здание Шалинской районной администрации, и только затем, якобы подсчитав их, составили протоколы. Наблюдателей от не снятых с предвыборной дистанции кандидатов в президенты туда, естественно, никто не допустил...

Чтобы обеспечить явку, власти использовали различные технологии. Самая распространенная — выдача пенсий и пособий в день выборов в тех же самых зданиях, где располагались избирательные участки. Так поступили в Курчалоевском и некоторых селах Ачхой-Мартановского района. Тем не менее и здесь желающих проголосовать было не особенно много. К урнам приходили в основном работники администраций, члены их семей и родственники. Причем только на те участки, куда должны были прибыть журналисты и наблюдатели от каких-то не очень известных общественных организаций и стран СНГ. На участке № 147 в селе Курчалой, например, сотрудники ПЦ «Мемориал» находились в течение часа: с 10.45 до 11.45. За это время туда пришли 105 человек — рекордное число явки за весь день. Объясняется оно очень просто: там в это время находилась съемочная бригада грозненского телевидения. Массовкой же для журналистов стали многочисленные родственники и члены семьи заместителя главы районной администрации А. Шуаипова. В кадрах телевизионных репортажей фигурировал и он сам. Часа через два после отъезда съемочной группы правозащитники вернулись на этот участок. Но наплыва людей уже более не фиксировали. По их оценкам, за весь день из 2094 закрепленных избирателей к урнам явились 250–300 человек, да и то вместе с родственниками названного выше чиновника. Однако объявили, что число проголосовавших было 62 % или 1300 человек.

В целом такими же запредельно высокими оказались и официальные итоги голосования по всей республике. По версии Кремля, победил на них Ахмат Кадыров. К чести большинства европейских стран, США, других демократических государств, их реакция на происшедшее в Чеченской Республике событие была реалистичной, хотя и не до конца последовательной. Они не посчитали выборы свободными и справедливыми (потому и отказались прислать наблюдателей), но так до конца потом и не признали, что из-за неявки избирателей кампания фактически провалилась.

6.5.4. Повторные выборы «президента» Чечни

9 мая 2004 г. на грозненском стадионе «Динамо» в результате диверсии был убит Ахмат Кадыров. Российские власти столкнулись с необходимостью определения нового проводника своего курса в республике. Предыдущие политические кампании показали, что задача эта непростая. Желавших занять хотя и эфемерный, опирающийся на штыки армии, но тем не менее главный пост в республике было немало. Годы бесправия и унижений увеличили число таких людей. Но одно дело количество, другое — «качество». Впрочем, задача эта была решена в короткий срок и не очень замысловатым способом. По воле организаторов «политического процесса» главным человеком в Чеченской Республике стал сын покойного «первого президента» Рамзан Кадыров. На такой выбор, видимо, повлияли две основные причины.

Во-первых, российские власти в предыдущие годы основательно «зачистили» под Ахмата Кадырова политическое поле республики. Все те люди, что еще с 90-х гг. противостояли стремившимся к государственной независимости лидерам Чечни и востребованные в начале второй войны, уже были оттеснены от первых ролей во властных структурах. Их противостояние с бывшим муфтием началось сразу после назначения его главой временной администрации ЧР (лето 2000 г.). Письмо-протест руководителей районов президенту РФ, попытка гантамировской милиции осадить вотчину «кадыровцев» Гудермес, политические зигзаги лидера «старых российских чеченцев» Бислана Гантамирова, его передвижения с одного поста на другой, а затем вы-

теснение из республики путем ликвидации возглавляемого им министерства (см. подробно раздел 25.9.2) — только часть того, что вышло на поверхность, став предметом публичного обсуждения. К осени 2003 г. дуализму в марионеточных структурах положили конец: политику «чеченизации» должен был претворять в жизнь погибший «первый президент» и его сторонники, значительная часть которых состояла из тех, кто оказался на стороне России в ходе второй войны. По-видимому, российские власти полагали, что это и дальше будет работать на раскол чеченского сопротивления, а «старые кадры» все равно никуда не денутся. Пусть и на вторых ролях, но они сохранят верность федеральному центру, являясь чуть ли не единственными среди чеченцев его идеологически мотивированными союзниками.

С политической сцены сошли и общественные деятели, пытавшиеся, не примыкая ни к одной из сторон конфликта, найти пути к миру. Им одинаково претили «гантамировцы» и «кадыровцы», ради благосклонности Кремля выступавшие за продолжение боевых действий, и сепаратисты, которых, наряду с руководством РФ, они склонны были считать виновниками начала второй войны. Из них одних убили, других вынудили уехать. Фигуры, сопоставимой Ахматов Кадыровым, в Чечне уже не было.

Во-вторых, главная цель «чеченизации» — придание конфликту внутринационального характера — требовала селекции не только среди политиков и общественных деятелей. Вооруженные группировки антидудаевской оппозиции, востребованные в начале второй войны, к этому времени фактически прекратили свое существование. За исключением отдельных подразделений, например, батальона ГРУ под руководством Сайд-Магомедом Какиева, позднее включенного в состав 42-й мотострелковой дивизии МО РФ под именем «Запад» (см. раздел 25.9.5.2), они не подходили для жестких действий против соотечественников. Так, в ходе боев за Грозный находившиеся в составе федеральных сил гантамировцы помогали раненым бойцам чеченского сопротивления выйти за кольцо окружения города. Особого рвения не проявили они и при «зачистках» населенных пунктов. Сотрудники республиканской милиции и ОМОН, а также промосковские «отряды самообороны» пытались защитить жителей, вступая иногда и в прямую конфронтацию с федеральными силами. Поэтому с началом политики «чеченизации» российское руководство сделало ставку на службу безопасности (СБ) Ахмата Кадырова. Ко времени гибели последнего ее штат вырос, по разным оценкам, от нескольких сот до полутора тысяч человек. Общее руководство СБ осуществлялось Региональным оперативным штабом (РОШ) по осуществлению контртеррористической операции на Северном Кавказе, а непосредственно командовал бойцами СБ сын Ахмата Кадырова Рамзан (подробно см. раздел 25.9.4).

Ставка на «кадыровцев» не была случайной. Архитекторы политики «чеченизации» учли традиционный уклад жизни местных жителей, обычаи, которым они стараются следовать. Одним из них является обычай кровной мести, игравший до последних военных кампаний сдерживающую роль в традиционном чеченском обществе. Для решившегося на убийство человека, а также его семьи последствия этого могли оказаться слишком тяжелыми, хотя и не обязательно связанными с ответным кровопролитием. Кровная месть в чеченском варианте — набор различного рода механизмов, при помощи которых пострадавшая сторона может восстановить справедливость. Это и выплата компенсаций, наложение на семью преступника ограничений и обязательств. Причем не любое убийство подпадает под кровную месть, а только тяжкое, заранее подготовленное и совершенное жестоким способом. В большинстве остальных случаев происходит примирение.

Кровная месть строго персонифицирована. К ответственности может быть привлечен только тот, кто совершил непосредственно преступление. Чеченцы называют его «куг бехке стаг», что в переводе означает: «человек, чья рука виновата». Родственники обязаны выдать или же, если это невозможно, отказаться от него. Преступника не могут оправдать никакие причины, в том числе политические. Если чья-то гибель наступила вследствие исполнения преступником приказа и при этом он находился на службе в официальных государственных структурах, то ответственность все равно возлагается на него одного. Поэтому в период правления Джохара Дудаева большинство оппозиционных движений, заявлявших, что для достижения своих целей они готовы применить силу, на практике старались избегать прямого столкновения со своими противниками. Поначалу с их стороны все ограничивалось демонстрацией намерений. Боевые действия напоминали имитацию, а противостоящие правительству вооруженные группировки походили на бутафорское войско, лишённое главного — желания воевать. В условиях существования кровной мести рядовые члены оппозиции хотели гарантий безопасности для себя самих и своих родственников.

Воинственности не проявляли тогда и поддерживающие правительство силовые структуры. Осенью 1994 г. лидеры антидудаевской оппозиции согласились на участие во внутриреспубликанских процессах российских военных и сотрудников спецслужб. И это изменило ситуацию. Руководство и жители республики увидели, что в достижении своих целей они готовы опереться на чужие штыки и пролить кровь соотечественников. Поэтому в октябре при разгроме отряда Бислана Гантамирова на территории бывшей ракетной части между Урус-Мартаном и с. Гехи и особенно во время ноябрьского (в том же году) штурма Грозного завязались серьезные бои с гибелью десятков людей (см. раздел 3.2.4).

Однако ни тогда, ни в ходе «первой» российско-чеченской войны катастрофического для республики развития событий — раскола по политическим, родственным и иным мотивам единого народа — не произошло. Во многом из-за персонифицированности обычая кровной мести и вовлечения в конфликт внешних сил. Последнее обстоятельство сыграло даже консолидирующую роль. Сторонники независимости вплоть до окончания «первой» войны с согласия жителей сохраняли под своим контролем значительную часть населенных

пунктов. Большинство членов созданной тогда профедеральной чеченской милиции старалось не допускать каких-либо силовых действий не только против гражданского населения, но и сепаратистов. Исключение составили ОМОН, шестой и линейные отделы Министерства внутренних дел Чеченской Республики, возглавляемые соответственно Лемой Хасуевым, Ахмедом Хасамбековым и Алу Алхановым.

Люди, однажды совершившие преступление и не добившиеся за него прощения, в традиционном чеченском обществе обречены. Единственный выход, да и то оттягивающий во времени то, что, как правило, должно свершиться, — уехать куда-нибудь или вести скрытный образ жизни, не покидая родины. В различные периоды Чечни, особенно в периоды ослабления государства, такие люди, «кровники», сбивались в вооруженные группы. Учитывая, что власти зачастую поддерживали одну из враждующих сторон (не обязательно правую и почти всегда мешая возможному примирению), их действия принимали антиправительственный характер. Именно так начали свою эпопею абрек Зелимхан Харачоевский и многие из его сподвижников и подражателей (см. раздел 2.6.5). Из-за кровной мести стал скрываться, а затем вступил в бескомпромиссную борьбу с советской властью и абрек Хасуха Магоматов (см. раздел 2.10.6).

Некоторые из вооруженных групп, существовавшие при правлении Аслана Масхадова и доставлявшие хлопоты правительственным структурам, также состояли из кровников. Но только нынешнее российское руководство посчитало возможным опереться на них: значительное число т. н. кадыровских отрядов создавалось с участием либо под непосредственным началом тех, кто подозревался в совершении убийств и похищений. Переступив однажды через национальные традиции, эти люди готовы были совершить подобное еще не раз. Кровная месть вряд ли будет отменена, а преследование за преступление возможно и через много лет, что связывает их с российской властью намного сильнее общих с нею идеологических пристрастий и даже денег.

Процесс формирования отрядов, в которые наряду с уголовными элементами набирались и сдавшиеся под личные гарантии Ахмата Кадырова, а значит, полностью зависимые от него участники вооруженных формирований ЧРИ, всегда находился под контролем его сына, Рамзана. Поэтому после гибели отца инициаторы «политического процесса» не могли не остановить свой выбор на нем как на главном человеке в Чечне. Но руководителем республики, согласно якобы принятой на мартовском референдуме (2003 г.) Конституции, мог стать лишь тот, кому на момент избрания исполнилось 30 лет. Менять текст Основного закона через год власть не решилась. Поэтому на пост «президента» выдвинули министра внутренних дел Алу Алханова, а реальную власть, выражающуюся в эффективном контроле над паравоенными формированиями, оставили за Рамзаном Кадыровым. К тому времени он был назначен на должность вице-премьера правительства по силовым структурам...

На 29 августа 2004 г. были намечены повторные «выборы президента». В них изъявили желание участвовать 15 человек, но к финишу избирательной кампании сумели подойти не все. Такая «честь» была предоставлена Алу Алханову и четырем его дублерам: Магомеду Айдамирову, Мухумд-Хасану Асакову, Умару Абуеву и Вахе Висаеву. Последние не вели агитации, подчеркивая в немногочисленных интервью поддержку курса «первого президента ЧР» и его соратников. В их числе назывался и милицейский министр, казалось бы, естественный соперник по выборам.

«Дожили» до дня голосования и два «независимых кандидата». В качестве таковых проходили Абдулла Бугаев, бывший вице-премьер и абсолютно пророссийский человек, и полковник ФСБ Мовсар Хамидов, на протяжении двух лет до этого исправно исполнявший обязанности вице-премьера правительства по силовым структурам. Последний вскоре почувствовал, на кого Кремлем сделана ставка. 17 августа военнослужащие подразделения внутренних войск МВД РФ и т. н. чеченские омовцы, ворвавшись в дом, захватили его брата и трех охранников. Несанкционированному обыску подвергся и предвыборный штаб Мовсара Хамидова. Сам он в это время выступал по республиканскому телевидению с разъяснением своей программы.

Остальные участники выборного марафона не пытались выйти за рамки отведенной им роли статистов. Многие не выполнили требований избирательной комиссии. Например, не собрали необходимое количество голосов в пользу выдвижения своей кандидатуры или же не внесли залог, и потому отстранение от выборов не вызвало у них каких-либо серьезных возражений.

Иное дело Малик Сайдуллаев. Этого человека, как и во время предыдущей «президентской кампании», многие жители Чечни рассматривали как возможную альтернативу установленной в республике власти. За него люди были готовы голосовать. В случае его участия в выборах какое-то подобие демократического процесса также намечалось. Но и на этот раз с ним обошлись бесцеремонно. Избирательная комиссия, не найдя более веских оснований, объявила недействительным его паспорт, в котором в качестве места рождения была указана «Республика Чечня», а не Чечено-Ингушская АССР. Паспорт был выдан в Москве, с ним он ездил по России, занимался бизнесом и политикой. При аналогичных обстоятельствах год назад та же избирательная комиссия в том же самом составе не обратила на это никакого внимания. Снятие единственного внятного кандидата окончательно превратило «досрочные выборы президента ЧР» в фарс. Все остальное происходило по уже апробированной схеме: с устройством «карусели», когда на различные избирательные участки организованно доставлялись одни и те же люди, организацией в местах голосования выплат пособий и пенсий. Все эти усилия оказались напрасными. Как и прежде, большинство жителей выборы проигнорировали.

Сотрудники ПЦ «Мемориал» и их коллеги из общественных организаций Чечни и России побывали на ряде избирательных участков в сельских районах республики и в ее столице. И везде наблюдали одну и ту же картину: почти полное отсутствие голосующих граждан при громадном стечении сотрудников силовых структур.

Так, например, около 11.00 они прибыли к зданию средней школы № 10 в Старопромысловском районе Грозного, где размещался избирательный участок № 412. Как и везде по городу, здесь стояли вооруженные посты, на которых, кроме чеченцев, дежурили и русские. Определить ведомственную принадлежность и тех, и других не представлялось возможным. Все были одеты в камуфляжную форму, на которой отсутствовали знаки воинского различия и шевроны. При помощи металлоискателей представителей общественных организаций проверили и пропустили в здание. В его коридоре период комнатой, где было организовано голосование, выставив стулья полукругом, сидели 11 женщин. Перед столами с избирательными бюллетенями стояли еще 15. Две кабинки для голосования также были заняты. По словам членов избирательной комиссии, за этим участком были закреплены 2687 избирателей, из которых почти 27 % уже якобы исполнили свой «гражданский долг». Правозащитники попросили привести точную цифру проголосовавших к моменту их прихода, но члены избирательной комиссии ступсевались и не нашли, что сказать. Остался без ответа и второй вопрос: на основании каких данных они вывели процент людей, принявших участие в голосовании?

На этом участке присутствовали наблюдатели от двух кандидатов на пост «президента» Чеченской Республики. Те из них, кто представлял интересы Алу Алханова, оказались довольны ходом голосования. Наблюдатели от Мовсара Хамидова, напротив, подчеркнули, что явка избирателей крайне низкая. По их данным, за три утренних часа на участок пришло чуть более 80 человек. В большинстве своем, подчеркнули они, указывая на находившихся в помещении людей, ими оказались жители близлежащего пункта временного размещения перемещенных лиц, прибывшие сюда во главе со своим начальством — комендантом и его заместителями...

К избирательному участку № 405, который был размещен в доме № 113 по ул. Ялтинская, представители организаций, осуществлявших независимый мониторинг выборов, прибыли в 12.01. Пройдя ставшую уже привычной за этот день проверку, они прошли в помещение, где находились всего три женщины. Члены комиссии, однако, не преминули подчеркнуть, что из закрепленных за ними 2907 избирателей человек «600-700» уже якобы проголосовали. Более точной цифры и здесь никто не смог назвать, сказали только, что число проголосовавших оценивают по оставшимся пока еще не использованными бюллетенями. Между тем наблюдатели от Мовсара Хамидова и здесь опровергли данные избирательной комиссии: по их подсчетам, за четыре часа, что прошли с момента открытия участка, туда пришло меньше 100 человек. Они же предложили поехать на избирательный участок № 406, где был зафиксирован массовый вброс бюллетеней.

К указанному участку представители «Мемориала» и их коллеги из других организаций прибыли в 13.15 дня. Войдя в помещение, они не застали ни одного голосующего. На вопрос: «Были ли они вообще?», председатель комиссии бодро сообщила: «Да, около 500 человек». Всего же, по ее словам, за участком закреплено 2565 избирателей. Из них 496 — служащие центральной военной комендатуры города. Военные, как сказала председатель комиссии, уже проголосовали. Сотрудники ПЦ «Мемориал» сразу же спросили у нее, если все военные приняли участие в голосовании, то, получается, что из местных жителей исполнить «гражданский долг» пришли всего «около 4-х человек»?.. Вопрос сильно смутил членов избирательной комиссии, и они наперебой стали говорить, что их неправильно поняли. В итоге была названа цифра 290. Именно столько военных якобы проголосовало. Выходило, что оставшиеся 210 — это местные жители. Но наблюдатель от штаба Мовсара Хамидова — Аслудин Хачукаев — опроверг их утверждения. По его данным, к моменту прихода правозащитников голосовать на участок пришли только 33 человека. Он сообщил, что в 7.30 утра вместе с другими наблюдателями, произвел осмотр урны, после чего ее заклеили. В 8.15 Аслудин Хачукаев на несколько минут покинул помещение, а когда вернулся, встряхнул урну. Оказалось, что в нее были заброшены бюллетени. Он потребовал ее вскрыть, но получил отказ.

Представители общественных организаций пробыли на избирательном участке № 376 более получаса. В момент их прихода туда, а это было ровно в 13.00, он был совершенно безлюден. Отсутствовало даже большинство членов избирательной комиссии. Через несколько минут они, правда, стали собираться, объясняя, что отлучались для того, чтобы пообедать. За все это время на участок пришел только один человек. Он оказался журналистом, который, по его собственному признанию, решил проголосовать уже в четвертый раз за день...

Примерно такая же ситуация наблюдалась и на других избирательных участках по всей республике. Люди в большинстве своем не захотели участвовать в фарсе, что было очевидно для любого непредвзятого наблюдателя. Очевидным оказалось и то, что активно продвигаемые российским руководством «лидеры» не пользуются в народе авторитетом. Ставка на них — это ставка даже не на целостность государства. Если бы организаторы «политического процесса» мыслили такими категориями, то, вполне вероятно, что Малик Сайдуллаев, человек абсолютно пророссийский, в какой-то степени даже более зависимый от центральных федеральных властей, чем его соперники (в России у него крупный бизнес), был бы более предпочтительной фигурой. Не запачканный кровью сограждан, он, видимо, сумел бы консолидировать значительную часть уставшего от войны чеченского общества. Но, скорее всего, он не стал бы противником развязывания в республике еще и междоусобной войны путем передачи функций по захвату родственников участников чеченских вооруженных формирований от собственно российских силовых структур подразделениям, укомплектованным местными жителями. И уж точно, не захотел бы, чтобы его власть ассоциировалась с откровенными уголовниками. Другими словами, возможно, он стал бы искать пути мирного урегулирования конфликта.

Но для мира в Чечне время еще не наступило, и поэтому, несмотря на бойкот населением выборов, президентом был объявлен Алу Алханов.

6.5.5. Выборы парламента

Завершающим актом «политического процесса» должны были стать выборы парламента Чечни. Они прошли на основе закона, вынесенного на объявленный состоявшимся в марте 2003 г. референдум. Согласно ему в представительный орган республики необходимо было избрать 61 человека: 40 в нижнюю палату (Народное Собрание) и 21 в верхнюю (Совет Республики). На каждое место в среднем претендовали шесть человек. Центризбирком зарегистрировал 367 кандидатов. Из них 117 являлись работниками госучреждений, а девять входили в т.н. Государственный совет, орган, который в предшествующий «выборам» период заменял парламент. Еще 13 из баллотирующихся были работниками МВД, 27 – предпринимателями. Таким образом, подавляющее большинство кандидатов представляло властные структуры или же, что будет иметь на предстоящее действие непосредственное влияние, имело родственные отношения с теми, кого Москва назначила руководить республикой.

Из 40 человек, намеченных к избранию в нижнюю палату парламента, 20 должны были представлять политические партии, естественно, федеральные. К выборам допустили «Единую Россию», «КПРФ», «Яблоко», «Союз правых сил», «Евразийский союз» и «Родину». Отбраковав более 23 % собранных в ее пользу подписей, избирком снял с предвыборного марафона «Республиканскую партию России».

Выборы парламента не имели отношения к подлинному политическому урегулированию. От участия в них, как и в предыдущие кампании, были отстранены сторонники независимости Чечни. Представители пророссийской местной власти, как, впрочем, и федеральный центр, подчеркивали в средствах массовой информации, что препятствий не будет чиниться никому, за исключением тех, кто «проповедует терроризм, войну, идеи ваххабизма и экстремизма». Но, согласно российскому Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» (ст.1), даже мирное выражение мнения о желательности выхода республики из состава России является все той же формой экстремизма...

Участие в политическом процессе партий демократической направленности («Яблоко» и «СПС») должно было создать иллюзию, особенно у международной общественности, что в Чечне что-то изменится, что могут наступить какие-то перемены к лучшему. Однако ни одна из этих партий за все время второго конфликта не предприняла каких-либо действий для снижения уровня насилия, не заявила претензий ни к российской власти, ни к военным. Что же касается остальных партий, то в «чеченском вопросе» они иногда занимали даже более жесткую, чем руководство страны, позицию, как, например, партия «Родина», использовавшая ультранационалистическую и ксенофобскую риторику.

Как и прежде, главное, что волновало избирателей, была проблема безопасности. В республике продолжались насильственные исчезновения людей, взятие их в заложники, пытки, внесудебные казни. За этими преступлениями в большинстве стояли сотрудники российских силовых структур, в том числе состоящие из местных жителей. То есть представители той стороны, которая и являлась инициатором политического процесса. Непрекращающееся насилие не способствовало тому, чтобы выборы были свободными и справедливыми. Избиратели были запуганы и не могли открыто говорить о своих подлинные пристрастиях. Но совершенно также вели себя и кандидаты в депутаты. Никто из них не ставил в своих предвыборных программах вопрос о прекращении преступлений, совершаемых представителями российского государства, о привлечении их к ответственности и обеспечении подлинной безопасности жителей Чеченской Республики. И, естественно, никто не говорил о начале мирных переговоров с вооруженными сторонниками независимости республики.

Во многом вышесказанное объясняется тем, что в избирательные списки всех федеральных партий с согласия их руководителей были введены представители нынешних властей Чечни. Фактически в выборах участвовали лишь сторонники Рамзана Кадырова, те, кто считал себя последователями курса, озвученного его отцом, «первым президентом» Чечни. Именно поэтому в период агитации избирательное законодательство формально не нарушалось, не было зафиксировано видимых нарушений предвыборной процедуры. Не наблюдалось и давления на кандидатов и партии. Не было отмечено, в отличие от предыдущих предвыборных кампаний, и случаев расправы над сотрудниками штабов кандидатов, а сами они не использовали «грязные технологии». Все было решено заранее.

И не только с теми, кто выдвигался по спискам политических партий. Во всех одномандатных округах в качестве кандидатов в депутаты были включены либо родственники вице-преьера правительства республики по силовым структурам, либо ближайшие его сподвижники, либо родственники этих сподвижников²⁴. Еще до голосования мало у кого были сомнения, что в парламент пройдут именно они. Сотрудники правозащитных организаций, к примеру, еще за несколько дней до голосования распространили информацию, что по Курчалоевскому округу № 7 объявят «избранным» кандидата-одномандатника Салмана Закриева. Так оно потом и случилось. Было заранее известно и то, что по Курчалоевскому округу № 8 «победителем» назовут Асламбека Айдамирова. По Октябрьскому избирательному округу № 19 за 10 дней до голосования от всех членов избирательных комиссий потребовали «пропустить» в депутаты Зару Таштамирову, что и было сделано. Информация эта, заранее озвученная в прессе, потом много комментировалась, став своего рода свидетельством предопределенности именно таких, а не иных «итогах» голосования, индикатором их фальсификации.

²⁴ По результатам «голосования» в Ачхой-Мартановском округе № 2 в парламент объявили прошедшими двух ближайших родственников – двоюродных братьев – главы администрации этого района Мусы Дадаева. Уже после оглашения официальных итогов имена «победителей» скорректировали: в числе такового оставили Хамзата Дадаева, а другого родственника чиновника заменили на Абуезида Митришева...

Представители партий, согласившихся принять участие в предложенной игре, выразили желание участвовать и в наблюдении за голосованием на участках. Но на вопрос сотрудников правозащитных организаций: «Значит ли это, что фальсификаций не будет?», лидер регионального отделения одной из демократических партий ответил: «Нет, это значит, что фальсификации будут происходить с согласия всех наблюдателей». Тем не менее в день выборов было отмечено разительное отличие сведений о числе проголосовавших, полученных от председателей участковых избирательных комиссий и от наблюдателей политических партий...

27 ноября 2005 г. сотрудники ряда правозащитных организаций (ПЦ «Мемориал», центра «Демос» и др.) провели мониторинг в ряде районов Грозного и республики. Предполагалось, что явка избирателей будет более высокой, чем во время «президентских» выборов в 2003 и 2004 гг., так как кандидатов в депутаты могли поддержать родственники и односельчане. Но в итоге она оказалась еще ниже. Обычно оживленный центр столицы Чечни, например, оставался пустым весь день.

Так, на участке № 361 (территория пункта временного размещения беженцев), со слов председателя избирательной комиссии, к 11.00 проголосовали 400 человек. Наблюдатели от партий, которые считали каждого входящего в здание избирателя, заявили, что бюллетени в урну опустили только 45 человек. На участке № 369 (ул. Грибоедова, 75) на 12.00, по данным председателя комиссии, проголосовали 198 избирателей. А по подсчетам наблюдателей от партии «Яблока» — 75 человек. На участке № 380 (школа № 48), по данным председателя комиссии, на 13.00 из 1468 человек проголосовали 270. Опрошенные правозащитниками наблюдатели привели другую цифру — 146 избирателей. Примерно такая же картина наблюдалась и на всех других городских участках. Поднять явку избирателей не помогло и совещание, прошедшее за несколько дней до «выборов» в Управлении по делам миграции МВД республики. На нем за пунктами временного размещения беженцев (ПВРами) закрепили транспорт, а от комендантов строго обязали привести проживающих там людей к урнам для голосования. То же самое потребовали и от работников бюджетной сферы — чиновников, учителей, врачей и т. д., то есть от всех, кто непосредственно зависел от властей. Впрочем, не лучше, чем в городе, обстояло дело с явкой и в селах.

В Курчалоевском районе, например, из-за низкой явки избирателей участки закрылись в 18.00, за два часа до официального завершения голосования. И это несмотря на то, что любой, кто имел при себе паспорта родственников и знакомых, мог проголосовать и за них тоже. Но подлинным новшеством здесь стало другое: на трех избирательных участках районного центра (№№ 147, 148, 149) с утра и до вечера постоянно присутствовали жители села, чьи родственники разыскиваются правоохранительными органами по подозрению в причастности к «незаконным вооруженным формированиям». Это было сделано для того, чтобы лишить участников вооруженных чеченских формирований возможности сорвать выборы. Другими словами, потенциальных избирателей превратили в заложников. Естественно, что бесспорную «победу» здесь одержала партия «Единая Россия».

Правозащитники вели неофициальное наблюдение за ходом голосования в Урус-Мартане, в населенных пунктах Шатойского, Ачхой-Мартановского и ряда других регионов республики. И везде ими была отмечена низкая явка избирателей при заранее predetermined итогах голосования. В частных беседах даже члены избирательных комиссий признавались, что все заранее посчитано и оговорено. Их дело — создать видимость голосования. В этих условиях прозвучавшее в середине дня заявление Рамзана Кадырова о том, что парламентские выборы в Чечне состоялись и что они были успешными, не воспринималось как чересчур поспешное.

Как и ожидалось, победителем на парламентских выборах в ноябре 2005 г. была объявлена «Единая Россия». За нее якобы отдали свои голоса 65,65% чеченских избирателей. Еще 12,2% за «КПРФ», чуть больше — 12,39% — за «СПС», а 3,85% получил «Евразийский Союз»²⁵.

6.6. ТАКТИКА СЕПАРАТИСТОВ — РАДИКАЛИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ — ТОРЖЕСТВО ИСЛАМИСТОВ

8 марта 2005 г. в селе Толстой-Юрт российские подразделения, согласно официальной версии, сумели выследить и застать врасплох Президента ЧРИ Аслана Масхадова. Сам он был убит, сопровождавшие его лица арестованы. История его «ликвидации» во многом напоминает обстоятельства гибели Дудаева. С конца января 2005 г. Аслан Масхадов объявил одностороннее прекращение огня, по всей видимости будучи уверенным, что российские власти готовы пойти на мирные переговоры. В этой уверенности его укреплял (через спецпредставителя президента ЧРИ в Европе Ахмеда Закаева) Андреас Гросс, член швейцарского парламента и бывший докладчик по Чечне Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Андреас Гросс готовил в этот период так называемый «Круглый стол» по Чечне и, по предположению Анны Политковской, российские власти использовали последнего «втемную». Потерявший бдительность чеченский президент был, судя по всему, обнаружен благодаря пеленгации посланного в Лондон SMS-сообщения²⁶.

В соответствии с последней волей Аслана Масхадова исполнять обязанности Президента ЧРИ стал бывший глава Высшего Шариатского суда Абдул-Халим Абусаламович Садулаев (1966 — 2006). В соответствии с Указом

²⁵ При подготовке раздела 6.5 использована следующая литература: Чечня 2003: политический процесс в зазеркалье. — М., 2004; В атмосфере страха. «Политический процесс» и парламентские выборы в Чеченской Республике. — М., 2006; Ситуация на Северном Кавказе: ноябрь 2006 — май 2007. Апофеоз «чеченизации». — ПЦ «Мемориал». Апрель 2007.

²⁶ Анна Политковская. Тайна уничтожения Масхадова. Как и почему убили второго президента Чечни. — Новая газета. 19 сентября 2005 г.

№ 017 от 23 августа 2005 г. «О кабинете министров ЧРИ» Шамиль Басаев был назначен Председателем кабинета министров. Еще раньше 2 июня 2005 г. вице-президентом был назначен Доку Хаматович Умаров (род. 1964 г.).

Как и его предшественник, Абдул-Халим Садулаев заявлял, что официальное руководство ЧРИ не поддерживает акции по захвату заложников из числа мирных жителей и террористические акты, приводящие к гибели мирных граждан. Более того, ему, кажется, удавалось контролировать Шамиля Басаева и обеспечить его фактический отказ от террора в отношении гражданского населения. Впрочем, возможно, что и сам Басаев к этому времени понял, что организованные им террористические акты объективно нанесли удар не по России, а по движению за независимость республики. Однако именно в период лидерства Абдул-Халима Садулаева национально-освободительная идея уже практически полностью вытесняется идеологией радикального ислама.

17 июня 2006 года на окраине города Аргун в ходе боестолкновения с сотрудниками российских правоохранительных органов и силовых структур гибнет и сам Абдул-Халим Садулаев²⁷. Его место занимает вице-президент Доку Умаров. 7 октября 2007 г. он провозглашает Кавказский Эмират (Имарат) во главе с собой, а ЧРИ преобразует в его «вилаят» (провинцию)²⁸. Таким образом, завершение эволюции целей вооруженного сопротивления — от строительства независимого чеченского государства к созданию теократического северокавказского многонационального государственного образования — получило свое институциональное закрепление. С этого момента можно говорить и о полном торжестве идеи радикального ислама над национально-освободительной идеологией.

В послемасхадовский период расширяется и география конфликта.

Принимая во внимание усталость населения Чечни от войны, понесенные им потери и учитывая курс российского руководства на «чеченизацию» конфликта (по сути, на развязывание внутречеченской гражданской войны), еще Абдул-Халим Садулаев объявил о сокращении числа боевых операций на территории республики. Этим самым, во-первых, сводились к минимуму столкновения с оказавшимися по другую сторону баррикад чеченцами, во-вторых, сохранялся на будущее костяк сил сопротивления. Заявив, что в ближайшее время не стоит полагаться на международную поддержку, «пока Россия не станет проблемой для мира», Абдул-Халим Садулаев сообщил о создании т. н. Кавказского фронта в составе чеченских сил сопротивления. То есть был взят курс на перенос основных военных действий в сопредельные регионы и даже вглубь России²⁹.

Фактическая реализация этой стратегии налицо: в последние два года сообщения о боевых столкновениях в Ингушетии, Дагестане и, пусть и в меньшей степени, Кабардино-Балкарии временами преобладают над подобными новостями из Чечни. Ее успех связан, прежде всего, с массовыми и грубыми нарушениями прав человека, которые создали здесь питательную среду для возникновения вооруженного исламистского подполья и партизанских отрядов. Мало кто из жителей соседних регионов в начале второй войны поддерживал чеченцев. Теперь же северокавказская молодежь иногда целыми институтскими группами (как это случилось осенью 2007 г. в Махачкале) берет в руки оружие и уходит в леса. В Кабардино-Балкарии в течение ряда лет местные и федеральные правоохранительные органы целенаправленно и методично преследовали мусульман: закрывали мечети, задерживали и доставляли в отделы милиции тех, кто исправно молился, держал пост, избивали, пытали, фабриковали против них уголовные дела. В октябре 2005 г. здесь произошло восстание религиозной молодежи, по всей видимости, инспирированное при участии Шамиля Басаева; после его разгрома окончательно сформировалось вооруженное подполье. В Ингушетию после привода к власти в 2002 г. генерала ФСБ Мурата Зязикова российские власти ввели дополнительный контингент войск. Начались «зачистки», сначала в лагерях чеченских беженцев, а после их ликвидации — и в ингушских селах. Появились похищенные и убитые. Когда в сверхлояльной некогда республике счет им перевалил за две сотни, сформировался «ингушский джамаат». Почти столько же лет, сколько длится «вторая чеченская» война, продолжается конфликт в Дагестане. Эта республика разделена на коррумпированные кланы и сотни погрязших в соперничестве различных суннитских сект. Насилие российских спецслужб, как и везде по региону, выражается и здесь в бессудных казнях и похищениях людей, что толкает в отряды сопротивления все большее число молодежи. Еще одной причиной распространения войны на сопредельные республики является фактическая ликвидация их автономного статуса в связи с отменой выборности глав субъектов федерации³⁰.

Таким образом, в течение 2006–2007 гг. вооруженный конфликт, хотя и имел достаточно слабую интенсивность, демонстрировал тенденцию к расширению географического охвата. А в 2008 г. наблюдается новая волна интенсификации диверсий и военных действий как в Чечне, так и сопредельных с ней регионах³¹.

²⁷ Profile: Chechen rebel Saydullayev. – BBC. 17 June 2006. || <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4336445.stm>.

²⁸ <http://www.chechentimes.net/content/view/2081/37>.

²⁹ Президент ЧРИ подписал указы о создании Уральского и Поволжского фронтов. – Кавказ-центр. 9 июля 2006 г.

³⁰ Эскалация конфликта за пределами Чечни в 2004–2005 гг. (Ингушетия и Кабардино-Балкария). – ПЦ «Мемориал». || <http://www.memo.ru/hr/news/ngo2006/report2.htm>.

³¹ Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. – Бюллетень ПЦ «Мемориал». Лето 2008 г. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

ГЛАВА 7. ФАКТИЧЕСКИЕ И ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ЦЕЛИ СТОРОН В КОНФЛИКТЕ И МЕТОДЫ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

Рассмотренные в предыдущих главах обстоятельства показывают, что причины вооруженных конфликтов в Чечне последнего десятилетия XX — первого десятилетия XXI вв. уходят своими корнями в многовековую историю российско-чеченских взаимоотношений.

В середине XIX в. в результате долгих и кровопролитных войн, с незначительными перерывами длившихся без малого столетие, территория Чечни была завоевана и окончательно включена в состав Российской империи. Политика России в отношении Чечни была частью колониальной политики Российского государства XVIII–XIX веков и принципиально мало чем отличалась от политики, проводимой в отношении других захваченных территорий. Однако были у нее и свои особенности: социально-политическое устройство чеченского общества в означенный период предопределило почти исключительно силовые методы овладения территорией. Отсутствие феодальной верхушки исключило возможность «покупки» царской администрацией правящего класса, установления вассальных отношений с местной знатью. Дело пришлось иметь с конфедерацией свободных общинников, которые вовсе не горели желанием отдавать свою землю. Итогом колонизации, кроме значительного сокращения численности коренного населения, стало перераспределение наиболее плодородных земель в пользу русских колонистов и опора, прежде всего, на военно-полицейские методы управления захваченной территорией.

В более широком плане можно сказать, что политика России мало отличалась от политики других великих держав этого периода в отношении своих колоний. Правда, Чечня не была заморской территорией, а стала национальной окраиной метрополии. В этом отношении, *mutatis mutandis*, ее можно сравнить с взаимоотношениями Великобритании и Ирландии, с той лишь разницей, что период российского владычества над чеченцами имеет гораздо менее продолжительную историю.

Советское правительство, лишь сменив декларируемые задачи, по сути продолжило осуществление колониальной политики. Конечно, имелись и свои особенности; например, возвращенные было коренному населению земли были изъяты уже не в пользу отдельных колонизаторов или их групп, а в пользу государства как такового в ходе коллективизации. И опять же эта политика мало отличалась от политики Советского правительства в отношении других национальных «автономий», да и вообще от политики этого правительства в отношении подвластного населения. Однако беспрецедентный для советской истории уровень сопротивления властям стал причиной наиболее жестоких форм подавления национально-освободительного движения Чечни в период 1920–1940-х гг.

Для истории российско-чеченских отношений, начиная с включения Чечни в состав империи, и вплоть до распада СССР, можно выделить несколько характерных черт.

Во-первых, они представляли собою почти непрерывную цепочку весьма масштабных по территориальному охвату, интенсивности и длительности вооруженных восстаний и их жестокого подавления. Практически единственный длительный период «передышки» мы наблюдаем с 1957 по начало 1990-х. Сопротивление было здесь необычайно живучим. Так, массовые сталинские репрессии 1937–1938 гг., проводившиеся на территории всего Советского Союза в обстановке полной покорности и запуганности населения, только в Чечне встретили организованное вооруженное сопротивление.

Во-вторых, начиная с 1860-х годов, эта история будто ходит по одному замкнутому кругу: предоставление центральными властями гарантий той или иной формы автономии — нарушение этих гарантий — вооруженное восстание — его подавление.

В-третьих, центральные власти делали мало попыток опереться в своей политике на какие-то силы внутри самого чеченского общества. Коренное население воспринималось ими, скорее, как препятствие на пути установления и поддержания прочного суверенитета российского государства над данной территорией. Это отношение очень ярко проявилось в попытках удаления чеченцев путем недобровольного выдвигания в Турцию (при Александре II) и, особенно, — в их тотальной депортации (при Сталине). Опять же период с 1957 по начало 1990 является исключением из этого правила. В этот период была сформирована административная прослойка, ставшая частью партийно-государственной номенклатуры и лояльная центральным властям.

В-четвертых, в сопротивлении российским властям четко выделяются две политические линии – религиозная, опирающаяся на идею построения исламского теократического государства и апеллировавшая к соответствующим ценностям, и светская, базировавшаяся на национально-освободительной идее и многовековых демократических традициях. В разные периоды то одна, то другая линия становилась определяющей; иногда они причудливо переплетались. Религиозный характер очевиден в движениях шейха Мансура, государстве Шамиля, Северо-Кавказском Эмирате. Светское направление ярко проявилось в восстаниях 1920-1940-х гг. и, отчасти, в выступлениях конца XIX – начала XX вв. Лидеры, действовавшие под исламскими знаменами, обычно не ограничивали свои задачи достижением чеченской независимости, но ориентировались на создание многонационального кавказского государства, спаянного общей религией. Устремления светских лидеров, напротив, ограничивались борьбой либо за независимость, либо за наиболее широкую (из всех возможных в конкретной ситуации) форму автономии собственно для Чечни. Важно понимать, что лидеры и участники «светских» движений, разумеется, не отрицали религии; скорее, она воспринималась как неотъемлемая часть традиций, культуры, элемент самоидентификации народа и как внутренняя моральная доминанта составляющих его людей. Однако собственно «исламский» элемент не занимал значительной роли в их политических программах.

Таким образом, во всех случаях, когда противостояние между российским государством и жителями Чечни достигало уровня вооруженной борьбы, фактическими целями, которые преследовали стороны конфликта, являлись:

для российской стороны – установление, восстановление либо сохранение своего полного государственного суверенитета над территорией Чечни. При этом если в дооктябрьский период эти цели формулировались открыто, то в Советский период маскировались различного рода идеологической риторикой;

для чеченской стороны – сохранение, отстаивание, либо восстановление независимости от России (СССР) в форме либо существования самостоятельного государства, либо в составе многонационального государства в союзе с другими северо-кавказскими народами; в отдельных случаях – восстановление широкой автономии, договоренности о существовании которой нарушались центральной властью. Все эти цели, как правило, декларировались открыто.

Обращаясь теперь к вооруженным конфликтам 1994-1996 гг. и 1999 и последующих годов, трудно не заметить, что им присущи почти все вышеозначенные черты: и в части причин возникновения, и в части преследуемых сторонами целей, и в части методов их реализации.

Начиная с одностороннего провозглашения государственной независимости и фактического создания собственных органов власти в октябре 1991 года и вплоть до гибели последнего избранного президента ЧРИ Аслана Масхадова главной и декларируемой, и фактической целью чеченской стороны конфликта была реализация права на самоопределение чеченского народа в виде отделения от России и создания собственного независимого государства.

В соответствии с Конституцией данного самопровозглашенного государства, вступившей в силу 12 марта 1992 г., оно позиционировалось как «суверенное и независимое демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения чеченского народа» (ст. 1).

Одновременно, начиная с межвоенного периода, в Чечне возникают и расширяют влияние военно-политические группы, декларирующие в качестве своей идеологии радикальный (салафитский) ислам, а в качестве цели – создание на Северном Кавказе единого, независимого от России исламского государства, либо содружества таких государств. Эти группы начинают оказывать все более существенное влияние на органы власти самопровозглашенной республики, вынуждая ее к проведению радикальных исламистских реформ. В то же время, находясь в оппозиции к этой власти, они принимают участие в вооруженных выступлениях на территории сопредельного Дагестана с фактической и декларируемой целью создания на его территории исламского теократического государства. В ходе первых лет «второго» вооруженного конфликта эти силы действуют то отдельно, то находясь в тактическом союзе. Таким образом, в этот период национально-освободительный и радикально-исламский сегмент существуют параллельно, отчасти конкурируя, отчасти влияя друг на друга.

По мере затягивания конфликта радикально-исламское течение оказывает все более сильное влияние на командиров и рядовых бойцов, находящихся в экстремальных условиях партизанской войны. Религиозная мотивация продолжения борьбы усиливается. Разногласия между «светскими» (Аслан Масхадов) и исламистскими (Шамиль Басаев) лидерами вооруженного сопротивления касаются и методов ведения войны. Если первые декларируют приверженность международному праву вообще, и заявляют о необходимости соблюдения международного гуманитарного права в частности, то вторые отрицают и то, и другое, заявляя, что имеют право вести себя также, как и их противник. Особенно активно национально-освободительное целеполагание стало вытесняться пан-исламистской идеологией после гибели Аслана Масхадова. Эта тенденция окончательно возобладала 7 октября 2007 г., когда второй по счету преемник президента ЧРИ Докку Умаров провозгласил Кавказский Эмират во главе с собой, а Чечню преобразовал в его «вилаят»

(провинцию)¹. Сторонники национально-освободительной идеологии теперь уже незаметны среди лидеров вооруженных сепаратистов. Это течение сильно лишь среди невоюющего населения республики и политической активной части эмиграции за рубежом. Причем лидеры последней и фактические руководители вооруженной борьбы находятся в глубоком конфликте и обвиняют друг друга в предательстве национальных интересов.

В тоже время очевидно, что, несмотря на используемую риторику, основной целью российской (федеральной) стороны в ходе обоих вооруженных конфликтов было восстановление суверенитета над территорией Чечни и удержание этого суверенитета. В 2002 г. эту мысль емко выразил эксперт ПЦ «Мемориал» Александр Черкасов:

«Чеченская Республика – единственный регион Российской Федерации, в котором у федеральной власти имеются существенные трудности при осуществлении государственного суверенитета. Собственно, хотя операция в Чечне именуется «контртеррористической», именно суверенитет и является целью РФ и предметом конфликта (хотя открыто об этом говорит лишь противостоящая сторона), а оппонентами Российской Федерации – сепаратисты. <...> Таким образом, в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике власти Российской Федерации сознательно и последовательно отождествляли (а по сути – подменяли) борьбу с терроризмом и борьбу с сепаратизмом, ликвидацию бандитов и восстановление суверенитета»².

В ходе вооруженного конфликта 1994–1996 гг. эта цель декларировалась открыто в формуле «восстановление конституционного (конечно, российского) порядка». В ходе второго конфликта декларируемой целью стала «борьба с терроризмом». Однако восстановление и сохранение суверенитета над данной территорией осталось главной фактической целью российской стороны.

О данной цели как основной наиболее ярко свидетельствует так называемый «политический процесс», в ходе которого на территории Чечни в атмосфере продолжающегося конфликта и террора, путем квазидемократических процедур были сформированы пророссийские органы власти и приняты законодательные акты, признающие республику в качестве субъекта РФ. С отменой в 2004 г. выборов глав регионов и превращением Российской Федерации де-факто в унитарное государство, Чечня (вместе с другими национальными республиками) была лишена даже формальных признаков автономии.

Резюмируя, целью чеченской стороны конфликта являлась сецессия от Российской Федерации и государственная независимость – до 2007 г. в форме самостоятельного независимого государства, с 2007 г. – в форме участия в многонациональном теократическом Северо-Кавказском государстве. Целью российской стороны конфликта являлось восстановление и сохранение своего суверенитета над территорией Чеченской Республики.

Следует подчеркнуть, что трагическая история российско-чеченских взаимоотношений дает ключ к пониманию не только причин нынешнего вооруженного противостояния, но и психологии, идеологии и мотивации поведения его участников. Российско-чеченские войны и восстания XVIII–XX вв. в традиционном чеченском обществе не столько предмет академического и литературного анализа, сколько живое предание каждой семьи. Но особенно это касается депортации 1944 г., многие жертвы которой живы до сих пор. Это не зажившая, некомпенсированная рана. Провозглашение независимости объективно воспринималось в чеченском обществе, с одной стороны, как закономерный и справедливый итог многовековой борьбы, с другой стороны, как гарантия от повторений таких трагедий, как сталинская высылка. Вполне естественно, что попытка России силовым путем воспрепятствовать отделению была воспринята чеченцами как продолжение имперской и советской политики. Этот мотив звучит во всех выступлениях лидеров сепаратистов, чеченской публицистике, литературе, включая поэзию. Но наиболее интересный факт заключается в том, что и многие представители российской стороны действительно воспринимали себя наследниками сталинской политики в отношении Чечни в частности и национально-освободительных движений вообще. Наиболее откровенно эту доктрину выразил начальник Общевойсковой Академии Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковник Л. С. Золотов:

«Контртеррористическая операция появилась не на пустом месте – у нее есть своя предыстория. Так, в Чечне в 20-х годах была проведена не одна операция по ликвидации бандформирований с участием войск Северо-Кавказского военного округа и частей НКВД. Правда, тогда такие операции именовались по-иному – «чеченско-войсковые», но сущность их та же. Подобные операции осуществлялись и в годы Великой Отечественной войны, и после нее (разгром бандеровщины на Украине и «лесных братьев» в Прибалтике)»³.

¹ <http://www.chechentimes.net/content/view/2081/37/>.

² Александр Черкасов. Природа не терпит пустоты. Некоторые проблемы оценки правовой ситуации и правоприменительной практики в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/misc/nospace/nospace.htm>.

³ Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы. // Материалы круглого стола. || http://ryadovoy.ru/militarizm/dokumet/s/analiz_KTO_zolotov.htm.

Методы, которые стороны (представители сторон) вооруженных конфликтов, начавшихся в 1994 и 1999 гг., использовали для достижения своих целей, включают в себя серьезные и широкомасштабные нарушения норм международного гуманитарного права и международного права в области прав человека. Массовое нарушение этих норм российской стороной конфликта началось в первые же дни начала вооруженного противостояния (декабрь 1994 г.), чеченской стороной – не позднее 14 июня 1995 г. «Второй» конфликт ознаменовался еще более жестокими, массовыми и систематическими нарушениями с обеих сторон.

К числу этих нарушений прежде всего относятся:

- нападения на гражданское население, как в форме огневых ударов, так и в иных формах, включающих массовое терроризирование больших групп гражданских лиц;
- коллективные наказания;
- убийства лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях (как гражданских лиц, так и участников вооруженных формирований, оказавшихся во власти противоположной стороны вооруженного конфликта (пленных));
- пытки и иные виды жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения и наказания;
- насильственные исчезновения;
- захват заложников;
- использование живых щитов;
- разграбление и незаконное, произвольное и не вызываемое военной необходимостью присвоение и уничтожение гражданской собственности.

Масштабы и серьезность этих нарушений поднимают вопрос о совершении представителями сторон вооруженного конфликта преступлений по международному праву и переводят правовую ситуацию в сферу действия международного уголовного права.

II

**ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО:
ОБЩАЯ ЧАСТЬ**

ГЛАВА 8. ПРЕДМЕТ, ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

8.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Задачей настоящего исследования, как уже было сказано, является оценка преступлений, совершенных представителями сторон вооруженного конфликта в Чечне, с точки зрения норм *международного уголовного права*. Поэтому в первую очередь необходимо разъяснить, что понимают авторы под этим понятием.

Такая необходимость возникает в связи с некоторой терминологической неопределенностью. В юридической литературе словосочетание «международное уголовное право» употребляется в трех существенно различных значениях.

В самом широком и традиционном смысле международное уголовное право — это совокупность норм, устанавливающих и регулирующих взаимоотношения государств в сфере борьбы с преступностью вообще или, как писал в начале XX века выдающийся русский юрист Ф. Ф. Мартенс, «при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения»¹. Понятно, что в этом значении данная отрасль включает в себя весь комплекс норм, регулирующих вопросы взаимопомощи и взаимодействия правоохранительных и судебных органов разных стран, экстрадиции, разрешения конфликтов юрисдикции и т. п., вне зависимости от вида совершенных преступлений.

Во втором, более узком значении под международным уголовным правом понимается совокупность норм, регулирующих отношения между государствами (и другими субъектами международного права) и отношения государств с индивидами «в связи с предотвращением и пресечением преступной деятельности, которой присуща международная общественная опасность»². К таким видам преступной деятельности обычно относят как «международные преступления», так и «преступления международного характера». Под последними понимается практически любое преступление, запрещенное международными договорами: от распространения порнографической продукции³ до пиратства, незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, киберпреступности и различных форм транснациональной организованной преступности. Именно в этом значении международное уголовное право чаще всего упоминается в российской юридической литературе⁴.

Наконец, в самом узком и строгом значении, международное уголовное право — это комплекс международно-правовых норм, направленных на борьбу с международными преступлениями, под которыми понимаются только самые тяжкие деяния, криминализованные в общепринятом международном праве в целях защиты фундаментальных прав личности и/или мирового правопорядка. Обычно к ним относят геноцид, преступления против человечности и военные преступления (т. н. «основные международные преступления»), а также агрессию, пытки и (с некоторыми оговорками) международный терроризм. Важный признак, характеризующий международные преступления, заключается в том, что они, *как правило*, совершаются с той или иной формой государственного участия: либо как часть официальной политики, либо, как минимум, при молчаливой поддержке или терпимости со стороны государства. Таким образом, если «преступления международного характера» обычно совершаются *против* государств, и охотно ими преследуются, то преследование международных преступлений теми государствами, от имени или при попустительстве которых они совершаются, по очевидным причинам затруднено. Это обстоятельство, а также присущая данным преступлениям особая тяжесть, определяют необходимость борьбы с ними не только отдельных государств или их групп, но международного сообщества в целом (*подробно об определении международного преступления см. раздел 10.1*).

В данном исследовании термин *международное уголовное право*, если не оговорено иное, употребляется авторами исключительно в этом, наиболее узком значении.

¹ Мартенс, 1905, с. 388.

² Тиунов, Игнатенко, 2006, с. 535.

³ См.: Международная конвенция «О пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими». Женева, 12 сентября 1923 г.

⁴ Тиунов, Игнатенко, 2006, с. 534-565.

Международное уголовное право в оговоренном нами выше значении данного термина — одна из самых молодых отраслей международного закона. По-настоящему она начала формироваться только в ходе работы Международных Военных Трибуналов Нюрнберга и Токио. Однако в 1950-ом году известный юрист-международник Георг Шварценберг еще отказывал этой отрасли в праве на существование, обвиняя правоведов, не разделявших его осторожного подхода, в отсутствии реализма⁵. Холодная война, на десятилетия заморозившая международное сотрудничество в борьбе с международными преступлениями, казалось, подтвердила скепсис Шварценберга и его многочисленных сторонников. Однако события, последовавшие с первой половины 1990-х гг. (создание и плодотворная работа двух Международных трибуналов ООН, четырех гибридных — «национально-международных» — уголовных судов, учреждение Международного Уголовного Суда и большое количество внутригосударственных судебных процессов по международным преступлениям, проводимых на основе принципа универсальной юрисдикции), коренным образом изменили ситуацию⁶. К настоящему моменту в главных чертах сформировался и продолжает уверенно развиваться отдельный, самостоятельный раздел международного права, имеющий своим предметом международные преступления и борьбу с ними.

Международное уголовное право является одной из отраслей международного публичного права. В свою очередь, международное публичное право представляет собой комплекс юридических норм и принципов, создаваемых государствами, и регулирующих межгосударственные и иные международные отношения («отношения между нациями»), а также (в соответствующих случаях) и определенные внутригосударственные отношения. В сферу регулирования международного права могут быть вовлечены не только государства и международные организации (как его основные субъекты), но и физические лица. Именно с такой ситуацией мы и сталкиваемся в международном уголовном праве.

В юридической науке пока отсутствует твердо устоявшееся, общепринятое определение международного уголовного права, что не удивительно в свете его молодости и нынешнего стремительного развития. По мнению авторов, определение, в наибольшей степени соответствующее нынешнему состоянию данной отрасли, принадлежит выдающемуся современному юристу, первому Президенту Международного трибунала по бывшей Югославии Антонио Кассесе. В своей фундаментальной монографии, посвященной этому предмету, он пишет:

«Международное уголовное право — корпус международных норм, разработанных с целью как запрещения международных преступлений, так и наложения на государства обязательств судебного преследования и наказания по крайней мере некоторых из этих преступлений. Оно также регулирует международные судебные слушания, проводимые с целью преследования лиц, обвиняемых в таких преступлениях.

Первый раздел этого корпуса составляет материальное право. Это свод норм, устанавливающих, какие деяния составляют международные преступления, каковы субъективные элементы, требуемые для того, чтобы такие деяния считались запрещенными, каковы возможные обстоятельства, при которых лица, обвиняемые в таких преступлениях, не могут, однако, подлежать уголовной ответственности, а также то, каковы международные правила, позволяющие государствам или обязывающие государства преследовать по суду или предавать суду лиц, обвиняемых в каком-либо из этих преступлений.

Свод норм, регулирующих международные судебные слушания, составляет уголовно-процессуальное право. Оно регламентирует ход судебного преследования и различные стадии международных судебных процессов»⁷.

Исходя из целей данного исследования, его авторы почти исключительно сосредоточатся на вопросах материального права. На этом этапе разработки темы нам необходимо дать правильную квалификацию преступлений, совершенных в ходе чеченского конфликта, и в самых общих чертах определить круг лиц, предположительно ответственных за те или иные виды участия в этих преступлениях. Определение оптимальных правил для возможной в будущем международной судебной процедуры — задача пока явно преждевременная.

8.2. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Как раздел международного публичного права, международное уголовное право имеет с ним и общие источники (международный договор, международный обычай, общие принципы права и т. п.), и общие принципы интерпретации⁸. В то же время, будучи уголовно-правовой отраслью, международное уголовное право родственно внутригосударственным системам уголовного права. Однако оно обладает целым рядом уникальных, присущих только ему особенностей. Одни из них выделяют международное уголовное право из других разделов международного закона, другие подчеркивают принципиальные отличия международного уголовного права от национальных уголовно-правовых систем.

⁵ Schwarzenberger, 1950, p. 263.

⁶ Bhuta.

⁷ Cassese, 2003, p. 15.

⁸ Там же, p. 16.

Во-первых, для правильного понимания природы международного уголовного права следует подчеркнуть, что *его предметом является установление вины конкретных физических лиц, ответственных за преступления, а не определение вины государства, от имени или при попустительстве которого эти лица, возможно, действовали*. Иными словами, данный раздел права имеет дело не с международно-противоправными деяниями государств, а с международными преступлениями, совершаемыми людьми. Эту особенность необходимо считать фундаментальной, так как она отделяет данную отрасль от других разделов международного публичного права.

В течение длительного времени субъектами международного права считались исключительно государства. Именно они и только они могли участвовать в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, обладая для этого необходимыми правами и обязанностями⁹. Соответственно, если какое-либо деяние считалось грубым нарушением международного права, только государство могло нести за него ту или иную ответственность. Никаких последствий для физических лиц, действовавших от имени государства, международными нормами не предусматривалось¹⁰; вопрос возможного судебного преследования конкретных виновников считался исключительно внутренним делом государства-нарушителя. «Все изменилось сразу после окончания Второй мировой войны. Нюрнбергский приговор, — подчеркивает Якоб Реймер, — стал первым ясным изложением понятия, что под международным правом у людей есть конкретные обязанности»¹¹.

«Утверждалось, — говорится в приговоре, — что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществляли это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства. По мнению Трибунала, [оба эти утверждения] должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства»¹².

Нюрнбергский Трибунал далее заключил, что «за нарушения международного права могут быть наказаны и отдельные лица»¹³.

Дальнейшее закрепление этого подхода в основополагающих международных документах и обширная судебная практика сделали принцип индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления общепринятой нормой. В итоге, как справедливо отметил Пьер-Мари Дюпюи, сегодня человек стал полноценным предметом публичного международного права, которое, с одной стороны, защищает его права, а с другой, обращается к случаям нарушения его международных обязательств в отношении других людей¹⁴.

Долгое время эта норма относилась лишь к преступлениям, совершенным в контексте межгосударственных войн. Однако, начиная по крайней мере с середины 1990-х годов, международное право развилось таким образом, что данный принцип был распространен и на преступления, совершенные в контексте внутренних вооруженных конфликтов. Кристаллизация этого положения прежде всего связана с Резолюцией ООН об учреждении Международного трибунала по Руанде (1994 г.), историческим решением Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии по промежуточной апелляции Тадича (1995 г.), дальнейшим формированием прецедентного права этих судебных органов, и, наконец, с подписанием Римского статута Международного Уголовного Суда (1998 г.). В настоящее время принцип индивидуальной уголовной ответственности за основные международные преступления (такие, как военные преступления, преступления против человечности и геноцид) вне зависимости от типа вооруженного конфликта является прочной нормой общепринятого (обычного) международного права. Более того, геноцид и преступления против человечности в настоящее время вообще не требуют связи с существованием какого-либо вооруженного конфликта. Это же касается и преступления пытки, которое теперь выделяется как самостоятельное (дискретное) международное преступление. Указанное преодоление в достаточно краткий период времени традиционной дихотомии между правом международного и правом внутреннего конфликта, и постепенное устранение требований связи, по крайней мере, некоторых международных преступлений с вооруженным конфликтом можно охарактеризовать как настоящую революцию международного уголовного права (более подробно об этом см. раздел 9.2.2.4).

В то же время принцип индивидуальной уголовной ответственности физических лиц, ответственных за международные преступления, не отменяет принципа ответственности государств, от лица которых или при попустительстве которых эти преступления были совершены. Ответственность за международное преступление может быть вменена государству, если совершившее его лицо действовало в качестве «агента государства», «от лица государства», «от имени государства» или в качестве агента де-факто без каких-либо юридических полномочий¹⁵. Однако международно-правовая ответственность государств не является предметом международного уголовного права, и относится к другим областям и институтам международного публичного права, в том числе и к праву прав человека. Так, например, Европейский Суд по правам человека в соответствии

⁹ Тиунов, Игнатенко, 2006, с. 50.

¹⁰ Pierre-Marie Dupuy, 2002, p. 1085-1086.

¹¹ Ramer.

¹² Нюрнбергский процесс, 1968, с. 368.

¹³ Там же.

¹⁴ Pierre-Marie Dupuy, 2002, p. 1086.

¹⁵ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 2, комментарий, п. 4.

с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года (Европейской конвенцией) уполномочен устанавливать ответственность государств за нарушения прав физических лиц. Сходными полномочиями обладает и Межамериканская комиссия / Межамериканский суд по правам человека. Межгосударственные иски разрешает Международный Суд ООН (АСЖ). Случается, что одни и те же факты рассматриваются разными судами в связи с установлением вины физических лиц и вины государства. Так, вопрос ответственности физических лиц за геноцид в Боснии рассматривает Международный трибунал по бывшей Югославии, а вопрос о предполагаемой ответственности Федеративной Республики Югославии за данный акт геноцида недавно рассмотрел Международный Суд ООН в связи с иском, поданным Боснией и Герцеговиной¹⁶.

В связи с принципом индивидуальной ответственности Марко Сассоли и Антуан Бувье справедливо говорят о «цивилизующей и миротворческой миссии» международного уголовного права: «Пресечение преступлений также помогло бы покрыть преступников позором и индивидуализировать виновность и меры пресечения, разорвав, таким образом, порочный круг коллективной ответственности и ответных злодеяний против ни в чем не повинных людей. Уголовное преследование возлагает ответственность и наказание на отдельных лиц. Оно показывает, что отвратительные преступления XX века совершены не народами, а отдельными людьми. И наоборот, пока ответственность возлагается на государства и народы, каждое нарушение несет в себе зародыш следующей войны»¹⁷.

Вторая особенность международного уголовного права подчеркивает его фундаментальное отличие от внутрисударственных уголовно-правовых систем. Она заключается в том, что *в международном уголовном праве используются принципиально иные, чем в национальных правовых системах, методы криминализации*, (т.е. объявления какого-либо поведения преступным). Как подчеркнул Международный трибунал по бывшей Югославии, если в любой национальной системе уголовного судопроизводства процесс криминализации зависит от законодателя, устанавливающего точную дату, начиная с которой определенное поведение становится запрещенным (например, путем издания Уголовного кодекса или внесения в него соответствующих изменений), то в системе международного уголовного судопроизводства эта цель достигается или путем заключения договоров и конвенций, или в результате формирования международного обычая, проистекающего из практики одностороннего применения государствами принудительных мер, направленных на запрещение определенного поведения¹⁸.

Следующей важной особенностью международного уголовного права является его *ярко выраженная гибридная природа*¹⁹. Несмотря на то, что у международного уголовного права есть свой особый, регулируемый только им предмет правоотношений, оно «пропитано понятиями, принципами и юридическими конструкциями, заимствованными из национального уголовного права и права прав человека»²⁰, так же, как и из международного гуманитарного права. Как будет показано ниже (см. раздел 9.2), названные отрасли являются одновременно и основными источниками международного уголовного права. Соотношение международного права прав человека и международного гуманитарного права, с одной стороны, и международного уголовного права, с другой, можно, *mutatis mutandis*, сравнить с взаимодействием диспозиции и санкции в национальных уголовно-правовых системах. Гуманитарное право и право прав человека устанавливают запрещенное поведение, в то время как международное уголовное право создает механизмы наказания за нарушения физическими лицами этих запретов. Одновременно международное гуманитарное право, право в области прав человека и национальные уголовно-правовые системы оказывали и продолжают оказывать очень серьезное влияние на формирование корпуса международного уголовного права, и, наоборот, международное уголовное право существенно воздействует на прогрессивное развитие названных отраслей закона²¹.

Наконец, *международное уголовное право является относительно новой и интенсивно развивающейся отраслью. Далеко не все его нормы кодифицированы; их значительная часть до сих пор имеет форму международно-правового обычая. Это предопределяет высокую роль международных и национальных судов в его применении, толковании и развитии*. Антонио Кассесе называет следующие причины такого положения вещей:

«Действующий список международных преступлений, совершение которых делает лиц уголовно ответственными по международному праву, формировался путем постепенного расширения. Первоначально, с конца XIX столетия и в течение долгого времени, наказанию подлежали лишь военные преступления. Только начиная со Второй мировой войны <...> Уставы Международного Военного Трибунала в Нюрнберге (МВТ) и Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ), установили новые классы международных преступлений. Таким образом, в 1945 году были добавлены преступления против человечности и против мира, затем, в 1948 году, — геноцид как отдельная подкатегория преступлений против человечности (которая вскоре превратилась в автономный класс преступлений), и затем, в 1980-х, — попытка как дискретное преступление. Недавно с определенными условиями был криминализован международный терроризм. Что касается правил международного уголовного преследования, то они были сначала установлены в Уставах МВТ и МВТДВ, затем — в уставах МТБЮ

¹⁶ Подробно о различии и взаимовлиянии ответственности государств за международно-неправомерные деяния и индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за международные преступления см.: Pierre-Marie Dupuy, 2002, p. 1085-1098.

¹⁷ Правовая защита во время войны, 2008, с. 364-365.

¹⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г. пар. 404.

¹⁹ Cassese, 2003, p. 19.

²⁰ Там же, p. 19.

²¹ Там же, p. 16.

и МТР, и позднее – в Римском Статуте МУС. Тем не менее они все еще скудны и, что даже еще более важно, относятся только к тем уголовным судам, для которых и были приняты, то есть у них нет всеобщего применения. Абсолютный корпус общеприменимых международных уголовно-процессуальных норм пока еще только находится в процессе постепенного развития»²².

В другом месте Антонио Кассезе указывает:

«Постепенное развитие материального уголовного права было сложным процессом. Среди прочего, когда появлялся новый класс преступлений, составляющие его элементы (объективная и субъективная сторона или, в других терминах, *actus reus* и *mens rea*) не были сразу же очевидны. При этом в международных нормах не были установлены и масштабы наказания. Этот процесс легко объясним. Выделяются три главные особенности формирования международного уголовного права. Прежде всего в течение долгого времени и соглашения, и (реже) обычные нормы ограничивались *запрещением* определенных действий (например, убийств военнопленных и гражданских лиц), не добавляя, однако, ничего относительно уголовно-правовых последствий таких деяний. Другими словами, они просто устанавливали запрещения, не предусматривая уголовно-правовой природы нарушения таких запрещений, не говоря уж об условиях для их уголовного преследования и наказания. Когда международное право продвинулось дальше, криминализовав некоторые категории действий (военные преступления, преступления против человечности и т. д.), оно отнесло задачу судебного преследования и наказания подозреваемых <...> к компетенции национальных судов. Как следствие, местные суды каждого государства применяли свои процедурные правила <...> и правила «общей части» материального уголовного права <...>. Среди прочего, очень часто национальные суды, сталкивающиеся с *неопределенностью* большинства уголовно-правовых норм, нашли необходимым их конкретизировать и придать им юридическую точность. Они, таким образом, уточнили понятия, которые вначале в соответствии с соглашениями или обычным правом, скорее оставались свободными и неясными. Наконец <...>, когда были созданы международные уголовные суды (сначала в 1945-1947, затем в 1993-1994, и позднее в 1998 годах), они установили в своих Уставах различные классы подлежащих наказанию преступлений. Однако эти классы были задуманы и прописаны как преступления, юрисдикцией по которым обладали только данные суды; <...> и не подразумевалось, что они имеют общеупотребительное действие.

Учитывая эти свойства эволюции международного уголовного права, не должно быть удивительным, что даже недавнего дополнения набора писанных норм не оказалось достаточно для построения последовательной юридической системы, охватывающей все обычные нормы или неписанные общие принципы»²³.

Таким образом, в отличие от национальных уголовно-правовых систем, в международном уголовном праве (как и в большинстве других областей международного права) не существует каких-либо исчерпывающих и обязательных для всех «кодексов». Международное уголовное право пока еще только движется «от элементарного беспорядка правил и принципов к довольно последовательному корпусу закона»²⁴. Применимые нормы международного уголовного права разбросаны по различным источникам (включая обычное право), которые не всегда содержат детальное регулирование их предмета, и поэтому оставляют широкое поле для судебного толкования.

«В этом отношении, – отмечает Кассезе, – международное уголовное право имеет значительное сходство с уголовным правом таких стран общего права, как Англия, где рядом с предусмотренными законом преступлениями существует много преступлений, развитых через судебные прецеденты <...>. Контраст между относительной неопределенностью и «податливостью» международных уголовно-правовых норм, проистекающих из их в значительной степени обычной природы, и императивным требованием того, чтобы составы преступлений были установлены четко и ясно, отводит решающую роль национальным и международным судам. Задача национальных и международных судов – пролить свет на нормы обычно-правовой природы и дать им юридическую точность всякий раз, когда их содержание и смысл все еще окружены неуверенностью, а также обстоятельно разъяснить и уточнить содержание соглашений, которые зачастую сформулированы кратко.

В частности, суды играют обязательную роль для: (i) установления существования и определения содержания норм обычного права, (ii) интерпретации и разъяснения условий соглашения и (iii) основанной на общих принципах разработки юридических категорий и конструкций, обязательных для применения международных уголовно-правовых норм. Именно благодаря судебным решениям прогресс международного права идет столь быстро»²⁵.

Следует отметить, что недооценка роли обычного международного права как важнейшего источника международного уголовного закона, приводит к совершенно неверному пониманию его правовой природы со сторо-

²² Там же, р. 17.

²³ Там же, р. 17.

²⁴ Там же, р. 22.

²⁵ Там же, р. 20-21.

ны ряда российских юристов-международников. Так, в российской науке весьма распространена точка зрения, в соответствии с которой под международным уголовным правом следует понимать «систему принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами»²⁶. Однако, как было уже показано выше, значительное количество норм этой отрасли ясно не закреплено в договорном праве, и их существование и содержание устанавливается международными и национальными судами исходя из практики государств и международных организаций. В свою очередь такие трактовки приводят к недооценке в российской юридической науке ведущего значения международного и национального прецедентного права в развитии и применении норм МУП. Удивительно, но ряд монографий и учебников российских юристов, претендующих на обобщающий характер в этой области, либо вообще не содержат ссылок на судебные решения, либо эти ссылки единичны и касаются почти исключительно Нюрнбергского приговора²⁷. Действующие нормы международных соглашений трактуются в этих работах исключительно в свете отечественной доктрины, поразительным образом никак не связанной с обширной судебной практикой последних десятилетий.

Итак, к главным особенностям международного уголовного права следует отнести индивидуальную уголовную ответственность физических лиц, криминализацию поведения через международный договор и международно-правовой обычай, гибридный характер данной отрасли права, ее стремительное развитие и высокую роль прецедентного права в этом процессе.

В итоге — и это следует особенно подчеркнуть, завершая данный раздел — международное уголовное право, несмотря на его тесную связь с национальными уголовно-правовыми системами и гибридный характер, является самостоятельной отраслью закона, оперирующей собственными нормами, понятиями и юридическими конструкциями. Они возникли не путем механического заимствования юридических категорий из других отраслей права и внутригосударственных систем, а в результате длительного процесса их синтеза и адаптации к уникальным требованиям данной отрасли. Поэтому использование в системе международного уголовного правосудия внутригосударственных судебных принципов и подходов имеет крайне ограниченное применение. В международном судебном процессе внутренние законы страны, на территории которой или гражданином которой были совершены предполагаемые международные преступления, могут в лучшем случае играть лишь вспомогательную роль, уступая основное место нормам и принципам международного уголовного права.

8.3. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

8.3.1. Определение общих принципов международного уголовного права

Под принципами в общей теории права подразумеваются «основные идеи, руководящие положения, которые определяют содержание и направление правового регулирования. Принципы выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на основе которой создаются и реализуются не только нормы, институты или отрасли, ни и вся система права»²⁸. Принципы права делятся на общеправовые, межотраслевые и отраслевые.

Как будет показано ниже, общие принципы международного уголовного права одновременно являются одним из его источников. На первый взгляд их логичнее было бы рассмотреть в главе, посвященной источникам права. Однако, учитывая, что данная работа обращена не только к узкому кругу специалистов, авторы считают целесообразным осветить этот вопрос именно здесь. Без уяснения специфики данных принципов неподготовленному читателю трудно будет понять, как работает механизм международного уголовного правосудия и в чем состоят его главные отличия от национальных систем уголовного права. В свете понимания общих принципов специфический вопрос об источниках международного уголовного права, рассмотренный в следующей главе, может быть осознан неподготовленным читателем с гораздо большей легкостью.

Общие принципы международного уголовного права не являются уникальными только для данной отрасли закона. Как справедливо отметил Н. Г. Михайлов, «специфические черты международного уголовного и международного уголовно-процессуального права по большей части совпадают с основными принципами соответствующих отраслей внутригосударственного права любой страны. Это обусловлено тем, что и на государственном, и на международном уровнях эти отрасли регулируют определенные, во многом сходные общественные отношения, возникающие в сфере борьбы с преступностью. Вследствие этого основополагающие принципы, свойственные внутреннему уголовному и уголовно-процессуальному праву, присущи и одним отраслям международного права»²⁹. «Появление этих принципов на международном уровне, — пишет Антонио Кассесе, — возникло в процессе их постепенного заимствования из национальных юридических систем»³⁰. В то же время данный процесс обусловлен и значительным влиянием на международное право и внутреннее уголовное законодательство государств доктрины прав человека.

К общим принципам международного уголовного права следует отнести принцип презумпции невиновности, принцип справедливости, принцип индивидуальной уголовной ответственности, принцип законности (со-

²⁶ Панов, 1997, с. 15.

²⁷ См., например: Кибальник, 2002; Костенко, 2002.

²⁸ Головистикова, Дмитриев, 2005, с. 374.

²⁹ Михайлов, 2006, с. 136.

³⁰ Cassese, 2003, p. 31.

ставной частью которого является запрет обратной силы закона), принцип недопустимости двойного преследования за одно и то же нарушение (*non bis in idem*), принцип, в соответствии с которым все сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого, принцип запрета объективного вменения (или обязательности установления субъективной стороны преступления), принцип последовательности, уверенности и предсказуемости правосудия и т. д. — одним словом, все те базовые принципы, которые лежат в основе современных цивилизованных систем уголовного правосудия. Нельзя не согласиться с мнением Н. Г. Михайлова, который считает, что некоторые из этих принципов одновременно являются и элементами отдельных институтов уголовного права, таких, например, как институт действия уголовного закона во времени, институт преступления и наказания и т. п.³¹.

Содержание указанных принципов раскрыто во множестве специальных работ по теории уголовного права, поэтому мы не будем подробно останавливаться здесь на этом вопросе. В данной главе мы укажем лишь на те специфические особенности, которые приобретают некоторые из них при инкорпорировании в международное право. Как пишет Антонио Кассезе, в международном праве «некоторые из этих принципов в конечном счете имеют скудное сходство с теми же принципами, содержащимися в национальных юридических системах, поскольку они сформировались уникальным образом, чтобы соответствовать характерным особенностям международного правопорядка»³². Сходное мнение в одном из своих дел высказал и Международный трибунал по бывшей Югославии: «Может постулироваться, что принципы законности в международном уголовном праве отличаются от соответствующих принципов в национальных правовых системах в плане их применения и стандартов. Эти отличия, вероятно, обусловлены очевидной целью поддержания баланса между защитой интересов правосудия и справедливости в отношении к обвиняемому, и вниманием к сохранению мирового порядка»³³.

О специальных принципах данной отрасли международного уголовного права, таких, как верховенство международного уголовного права над национальным правом в контексте обязательств отдельных лиц, недопустимость ссылки на должностное положение, уязвимость применения сроков давности и амнистии и т. п., а также о природе индивидуальной уголовной ответственности в международном праве мы подробно скажем в других разделах настоящего исследования (см. главу 12).

8.3.2. Принцип законности в международном уголовном праве

Принцип законности относится к числу важнейших общих принципов права. Как отмечает Н. Г. Михайлов, в настоящий момент «он распространяется на всю систему права в целом, охватывая и международное уголовное право»³⁴. Шериф Бассиони называет этот принцип одной из наивысших ценностей уголовного права, который является «необходимым условием реализации норм уголовного права в свете теории прав человека и государственной власти»³⁵.

То, что обычно обозначается общим термином «принцип законности», в действительности представляет собой достаточно широкий комплекс, включающий в себя принцип *nullum crimen sine lege* (нет преступления без предусматривающего его закона) и принцип *nulla poena sine lege* (нет наказания без предусматривающего его закона). В свою очередь принцип *nullum crimen* выражается в требовании специфичности закона, запрете ретроактивности (обратной силы) закона и запрете применения уголовного закона по аналогии.

В соответствии с несколько иной классификацией принцип законности может быть выражен через четыре следующих правила или запрета:

- запрет выносить уголовное наказание вне процедуры, предусмотренной формальным законом (*lex scripta*);
- запрет применять уголовный закон к ситуациям, этим законом не предусмотренным, или запрет применения уголовного закона по аналогии (*lex stricta*);
- запрет придания уголовному закону, устанавливающему или ухудшающему положение обвиняемого, обратной силы (*lex praecia*);
- запрет устанавливать уголовные законы с неопределенным содержанием (*lex certa*)³⁶.

С одной стороны, благодаря стремительному развитию и внедрению в национальное и международное право доктрины прав человека, принцип законности сегодня прочно внедрен в международное уголовное право. С другой стороны, именно с этим принципом (или, скорее, с комплексом принципов) связана масса специфических для международного уголовного права особенностей его применения.

Вообще, как указывает Кассезе, в национальных юридических системах можно различить две альтернативные доктрины, на которых основывается уголовное право: доктрину субстанциального (*substantive*) правосудия и доктрину строгой законности³⁷. К настоящему моменту вторая доктрина в цивилизованных правовых системах практически вытеснила первую. Согласно первой доктрине, правосудие должно «прежде всего стремиться запрещать и наказывать любое поведение, которое социально вредно или опасно для общества, вне

³¹ Михайлов, 2006, с. 137.

³² Cassese, 2003, p. 136.

³³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 405.

³⁴ Михайлов, 2006, с. 138.

³⁵ Bassiouni, 1994, p. 50.

³⁶ Manuel Jaén Vallejo, 2006, p. 29-30.

³⁷ Cassese, 2003, p. 139.

зависимости от того, было ли оно криминализовано на момент совершения»³⁸. Этот подход ставит интересы общества и государства над интересами личности. Варварские эксцессы применения этого подхода ярко проявились в законах и правоприменительной практике тоталитарных режимов Советского Союза, нацистской Германии и т.п. Тем не менее, большинство комментаторов полагает, что на современном уровне данная доктрина (с необходимыми ограничениями и изменениями) была применена Конституционным судом Германии в решении от 3 ноября 1992 г. (а за ним и Европейским Судом по правам человека) для некоторых случаев, касающихся нарушений фундаментальных прав человека в ГДР (так называемое Дело Берлинской стены, касающееся расстрелов лиц, пытавшихся бежать на Запад)³⁹.

Напротив, доктрина строгой законности (выраженная в латинской формуле *nullum crimen sine lege*) постулирует, что лицо может подлежать уголовной ответственности только за деяние, которое на момент его совершения уже было признано преступным согласно применимому закону⁴⁰. Сформулированный еще мыслителями эпохи Просвещения, этот принцип теперь прочно имплементирован в национальное законодательство практически любого государства, которое считает себя правовым. Как подчеркнула Апелляционная камера Международного трибунала по бывшей Югославии, «цель этого принципа состоит в том, чтобы предотвратить обвинения и наказание лица за действия, при совершении которых оно, рассуждая здраво, полагало, что они были законными на момент их совершения»⁴¹. Более общее обоснование принципа законности еще в 1893 году было дано выдающимся немецким специалистом по уголовному праву Францем Листом: «принципы *nullum crimen sine lege*, *nulla poena sine lege* являются защитой гражданина от государственного всемогущества; они стоят на страже человека против зверской силы большинства, против Левиафана»⁴².

В качестве примера применения данного принципа на внутрисударственном уровне можно привести часть 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации: «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением». Также и часть 1 статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает: «Преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния».

Сходным образом данный принцип сформулирован и в международных соглашениях по правам человека. Так, статья 15 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает: «Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления, вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутрисударственно-

³⁸ Там же, р. 139.

³⁹ ЕСПЧ. Решения по делу Стрелец, Кесслер и Кренц (Streletz, Kessler and Krenz) против Германии и К. против Германии (жалобы №34044/96, 35532/97 и 44801/98) от 22 марта 2001 г. || www.menschenrechte.ac.at/orig/01_2/Streletz.pdf. Трое первых заявителей являлись высокопоставленными должностными лицами ГДР – заместителем Министра обороны, Министром обороны и председателем Государственного Совета соответственно. Четвертый заявитель был пограничником. Все четверо были осуждены судами ФРГ после объединения Германии 3 сентября 1990 г. согласно Уголовному кодексу ГДР, а затем, Уголовному кодексу ФРГ, который предполагал более мягкое наказание. Первые три заявителя были приговорены соответственно к пяти с половиной, семи с половиной и шести с половиной годам лишения свободы за преднамеренное убийство в качестве соучастников на том основании, что через их участие в принятии высшей властью ГДР (Национальный Совет Обороны и Политбюро) решений, касающихся режима действий пограничников и полицейских, они были ответственны за гибель многих людей, которые пытались бежать из страны между 1971 и 1989 гг. и по которым открывался огонь на поражение. К. был приговорен к одному году десяти месяцам лишения свободы за умышленное убийство на том основании, что используя огнестрельное оружие, он причинил в 1972 г. смерть человеку, который пытался бежать через границу. ЕСПЧ рассматривал дело в составе Большой палаты из семнадцати судей. Заявители настаивали, что их действия в момент совершения не являлись преступлением в соответствии с законодательством ГДР (заявители указывали на Закон о полиции и Закон о государственной границе) или международным правом, и таким образом их осуждение нарушило параграф 1 статьи 7 Конвенции (*nulla poena*). Они также ссылались на статью 1 (уважение прав человека) и параграф 2 статьи 2 (исключительные случаи, в которых может быть оправдано нарушение права на жизнь). Суд отметил, что его задача заключалась в том, чтобы определить, представляли ли действия заявителей в момент их совершения преступления, определенные с достаточной доступностью и предсказуемостью законодательством ГДР или международным правом. Суд указал, что государственная практика ГДР заключалась в том, чтобы защитить границы «любой ценой» в целях сохранения существования государства, которое было под угрозой из-за массового исхода его собственного населения. Однако, по мнению судей, ссылка на государственную практику имеет ограниченное значение ввиду того, что принцип необходимости сохранения человеческой жизни был закреплен в Конституции и законодательстве ГДР, а также на международном уровне – как наивысшая ценность в иерархии прав человека. Суд счел, что огромная пропасть между законодательством и практикой ГДР была в значительной степени следствием деятельности самих трех первых заявителей. Ввиду высоких постов, которые они занимали в государственном аппарате, невозможно предположить, чтобы они ничего не знали о Конституции и законодательстве ГДР, международных обязательствах этого государства и критике его пограничного режима, которая высказывалась на международном уровне. Сами заявители ответственны за осуществление и сохранение этого режима, путем публикации секретных приказов и инструкций, которые предписывали применение огнестрельного оружия в манере, противоречащей официально опубликованным законам. Заявители, таким образом, несут прямую ответственность за ситуацию, которая сложилась на границе двух немецких государств с начала 1960-х гг. до падения Берлинской стены в 1989 г. В отношении К. Суд заявил, что даже обычный военнослужащий не может оправдать свое поведение слепым подчинением приказу, которые нарушали не только внутренние правовые принципы ГДР, но и международно-признанные права человека. Даже несмотря на то, что заявитель находился во время совершения преступления в особенно сложной ситуации, политическая обстановка того времени и соответствующие приказы не могут оправдать открытие огня по безоружным людям, которые просто пытаются покинуть страну. Суд пришел к выводу, что приказы и инструкции, противоречащие Конституции и международно-правовым обязательствам страны в области прав человека не могут рассматриваться в качестве «закона» в смысле ст. 7 Конвенции. Принимая во внимание указанные обстоятельства, Суд счел, что на момент совершения заявителями действий, являющихся предметом рассмотрения, они представляли собой преступления, определенные с достаточной степенью доступности и предсказуемости в праве ГДР и международном праве в области защиты прав человека.

⁴⁰ Cassese, 2003, р. 141.

⁴¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 313.

⁴² F. von Liszt. Die deterministischen Gegner der Zweckstrafe, 13. – Zeitschrift für das gesamte Strafrechtswissenschaft (1893). Цитата по: Cassese, 2003, р. 141.

му законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением». Близкие формулировки находим и в статье 7 (1) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: («Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением»), а также статье 9 Американской конвенции о правах человека.

Далее, принцип строгой законности закреплен в международном гуманитарном праве, в частности, в ст. 99 (1) Третьей Женевской конвенции, ст. 67 Четвертой Женевской конвенции и, наконец, в ст. 75 (4)(с) Первого дополнительного протокола («ни одно лицо не может быть обвинено в совершении уголовного преступления или осуждено за него на основании любого действия или упущения, которые не представляли собой уголовное правонарушение в соответствии с нормами национального законодательства или международного права, действие которых распространялись на это лицо во время совершения такого действия или упущения»).

Наконец, доктрина строгой законности нашла свое выражение в международном уголовном праве: сначала неявно в Уставах двух специальных трибуналов ООН по Югославии и Руанде (и более определенно — в их прецедентном праве), затем явно в ст. 22 Римского Статута Международного Уголовного Суда.

8.3.3. Модальности принципа законности в международном уголовном праве

8.3.3.1. Принцип специфичности

Доктрина строгой законности имеет несколько модальностей, или, другими словами, реализуется в ряде принципов. Во-первых, она находит свое выражение в *принципе специфичности*. Он заключается в том, что нормы уголовного закона должны быть изложены, насколько это возможно, определенно и детально, «чтобы ясно указать их адресатам запрещенное поведение»⁴³. «В национальном уголовном праве, — пишет Н. Г. Михайлов, — эти требования выполняются путем перечисления всех уголовно-наказуемых деяний <...> в уголовных законах или кодексах»⁴⁴. Например, в диспозиции каждой из статей особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации перечислены объективные и субъективные элементы состава каждого соответствующего преступления. Сам перечень преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, является исчерпывающим. Однако, как мы уже говорили, международное право не знает какого-либо законодательного акта, перечисляющего диспозиции всех криминализованных на настоящий момент деяний. Поэтому, как показывает Кассесе, этот принцип еще далек от того, чтобы быть в полном объеме применимым в международном праве, так как некоторые его нормы изложены в достаточно общей манере. В качестве примера можно привести дефиницию преступления против человечности, которая включает состав в виде «других негуманных действий»⁴⁵, а также такие понятия, как пытки, изнасилование, преследование, порабощение, детальное содержание которых в Уставах международных уголовных судов не раскрывается⁴⁶.

Такая неопределенность восполняется судебной практикой. Это до некоторой степени сближает международное право с системами стран «общего» права, в которых при установлении нормы закона ключевую роль играет судебный прецедент (см. ниже, раздел 9.2.7). «Национальные и международные суды играют очень важную роль в постепенном определении понятий, обстоятельном разъяснении объективных и субъективных элементов преступлений, в определении таких общих юридических категорий, как реабилитирующие обстоятельства и т. п.»⁴⁷.

В качестве примеров можно привести решения специальных международных трибуналов ООН. Так, Международный трибунал по Руанде в деле Жана-Поля Акайесу, рассматривая обвинение в геноциде, дал подробное определение объективных и субъективных элементов данного преступления⁴⁸. Отдельные вопросы, связанные с данным составом преступления, были в дальнейшем прояснены рядом судебных решений обоих трибуналов, например, в решениях Судебной и Апелляционной камеры МТБЮ по делу Горана Елисича⁴⁹. В решении Апелляционной камеры МТБЮ по делу Душко Тадича впервые было дано детальное определение такого вида соучастия в международном преступлении, как объединенное преступное предприятие⁵⁰. В решении по промежуточной апелляции Хаджихасановича и др. Апелляционная камера МТБЮ впервые обосновала применимость доктрины ответственности командиров и иных начальников к преступлениям, совершенным в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера⁵¹. Список подобных «прецедентных» дел можно продолжить. В дальнейшем выводы этих судебных решений применялись при рассмотрении судами других дел.

⁴³ Cassese, 2003, p. 145.

⁴⁴ Михайлов, 2006, с. 139.

⁴⁵ Лондонский статут, ст. 6 (с), Устав МВТДВ, ст. 5 (с), Закон Контрольного совета № 10 ст. II(1)(с), Устав МТБЮ, ст. 5 (i), Устав МТР, ст. 3 (i). Римский Статут, ст. 7 (к).

⁴⁶ Cassese, 2003, p. 145.

⁴⁷ Там же, p. 146.

⁴⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г.

⁴⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 59-108. Решение Апелляционной камеры по делу Елисича от 5 июля 2001 г., пар. 41-77.

⁵⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 172-232.

⁵¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 16 июля 2003 г., пар. 20-57.

8.3.3.2. Принцип неретроактивности закона и ретроактивность международных судов

Следующим принципом, вытекающим из доктрины строгой законности, является *принцип неретроактивности закона* или запрета приданию норме уголовного права обратной силы. Иными словами, норма уголовного права, устанавливающая или отягчающая ответственность за то или иное деяние, не распространяется на такое деяние, если оно было совершено до принятия этой нормы. В отличие от эпохи Нюрнбергского и Токійского трибуналов, которые еще во многом руководствовались доктриной «субстанциального правосудия», в настоящее время принцип неретроактивности закона прочно инкорпорирован в корпус международного уголовного права. Из этого следует, что суды могут обращаться только к тем нормам материального права, которые уже существовали на момент совершения инкриминируемого деяния⁵².

Применительно к международному уголовному праву это означает, что суд, применяя ту или иную норму материального права, должен доказать, что она уже существовала на момент совершения преступления⁵³, являясь либо частью обычного международного права, либо применимого в данной ситуации договорного права. Например, в случае, если то или иное деяние криминализовано международным договором, нужно продемонстрировать, что, во-первых, данный договор распространялся на то государство, гражданином (представителем) которого или на территории которого было совершено предполагаемое преступное деяние, и, во-вторых, что этот договор на момент совершения этого деяния уже действовал. Короче говоря, следует показать, что договор применим к рассматриваемой судом ситуации. О том, каким образом суды устанавливают факт существования нормы обычного права, мы подробно скажем в следующей главе, посвященной источникам международного уголовного права (см. раздел 9.1.4).

В то же время принцип неретроактивности закона не означает запрета *ретроактивности суда*. Иными словами суд имеет право вынести приговор за деяние, совершенное до создания этого суда, если будет доказано, что данное деяние уже считалось международным преступлением на момент его совершения. На это прямо указывает ст. 15 (2) Международного пакта о гражданских и политических правах, в соответствии с которой принцип отсутствия обратной силы уголовного закона, устанавливающего или отягчающего ответственность, не препятствует «преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние и упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом». Практически та же формулировка содержится в ст. 7 (2) Европейской конвенции по правам человека.

Действительно, целый ряд уставов международных и гибридных уголовных судов предусматривает возможность преследования преступлений, совершенных до создания этих судебных органов. Так, Международный трибунал по бывшей Югославии был учрежден Советом Безопасности ООН 25 мая 1993 года, а временная юрисдикция данного суда распространяется на преступления, совершенные начиная с 1991 года⁵⁴. Международный трибунал по Руанде был учрежден тем же органом 8 ноября 1994 года, однако он уполномочен рассматривать преступления, совершенные с 1 января по 31 декабря того же года⁵⁵. Это связано с тем, что уставы всех современных международных судов, наделенных правом ретроактивности, не являются документами, устанавливающими какие-либо новые нормы материального права. Данные документы лишь перечисляют те нормы, которые уже существовали в международном праве на момент совершения предполагаемых преступлений.

Как подчеркнуто в докладе Генерального секретаря ООН об учреждении МТБЮ, «возлагая на Международный трибунал задачу преследования по суду людей, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, Совет Безопасности не подразумевал издание или создание законов. Скорее, Международный трибунал имеет задачу применения существующего международного гуманитарного права <...> Применение принципа *nullum crimen sine lege* требует, чтобы международный трибунал применял нормы международного гуманитарного права, которые, без всякого сомнения, являются частью обычного права»⁵⁶. Разъясняя данное положение, Международный трибунал по бывшей Югославии указал, «что Совет Безопасности, не будучи законодательным органом, не может предусмотреть особые составы преступлений. Поэтому он наделяет Трибунал юрисдикцией по тем преступлениям, которые уже признаны в международном гуманитарном праве. Устав не создает материального права, но обеспечивает форму и структуру для принудительного применения уже существующего международного гуманитарного права»⁵⁷. В другом месте тот же Суд отмечает, что «Организация Объединенных Наций не может «криминализовать» ни одного из условий международного гуманитарного права простым актом предоставления предметной юрисдикции международному трибуналу. Международный трибунал просто идентифицирует и применяет существующее общепринятое международное право»⁵⁸.

Для пояснения сказанного можно привести следующий пример. Уставы специальных трибуналов ООН по Югославии и Руанде предусматривают ответственность за преступление геноцида, дают его определение

⁵² Cassese, 2003, p. 149.

⁵³ Например, в деле Алексовского (МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 126) апелляционная камера МТБЮ прямо сформулировала, что в соответствии с требованием принципа законности «человек может быть признан виновным в преступлении только за действия, которые составляли нарушение закона во время их совершения».

⁵⁴ Устав МТБЮ, ст. 1.

⁵⁵ Устав МТР, ст. 1.

⁵⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 414-416.

⁵⁷ Там же, пар. 418.

⁵⁸ Там же, пар. 310.

и перечисляют наказуемые формы участия в данном преступлении⁵⁹. Однако криминализация данного преступного деяния в международном праве произошла гораздо раньше: в 1948 году была принята, а в 1961 году вступила в силу Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Уставы трибуналов в данном случае лишь повторяют определения этой Конвенции и наделяют конкретные суды предметной юрисдикцией по данному преступлению. Это же касается и всех других составов преступлений, перечисленных в упомянутых уставах.

Таким образом, ретроактивность судов, в отличие от ретроактивности уголовного закона, не нарушает принципа *nullum crimen sine lege*. Как подчеркнула Апелляционная камера МТБЮ в деле Челебичи, является неправомерным допущением утверждать, что обвиняемые в совершении таких деяний, как убийства, пытки, изнасилования и бесчеловечное обращение в момент их совершения не осознавали преступную природу этих действий. Поэтому тот факт, что они не могли предвидеть создание в будущем Международного трибунала, который будет уполномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за такие деяния, является несущественным⁶⁰.

Единственным в истории неретроактивным международным уголовным судом является Международный Уголовный Суд, Устав которого был принят значительным количеством государств в качестве международного договора. Как будет показано ниже, некоторые его положения шире общепринятого международного права. Однако в связи с тем, что юрисдикция суда распространяется только на государства, договорившиеся о его учреждении, и что этот суд уполномочен рассматривать преступления, совершенные только после его учреждения, такое расширение не нарушает принципа законности.

Ретроактивность суда допускается не только в отношении международных, но и в отношении внутригосударственных судов, в случае, если они рассматривают международные преступления. Как справедливо указывает российский юрист-международник А. Г. Кибальник, «национальный суд обязан применить имеющую обязательность для государства норму международного уголовного права в случае, если в национальном законе этого государства отсутствует соответствующее положение. Этот вывод следует из конституционного предписания большинства государств о том, что действующие для них нормы международного права являются неотъемлемой частью их национальной правовой системы»⁶¹.

Этот подход на практике продемонстрирован в деле Адольфо Шилинго, рассмотренном 19 апреля 2005 г. испанской Национальной судебной палатой (Audiencia Nacional). Шилинго, капитан аргентинского военно-морского флота, сдавшийся испанскому правосудию, был обвинен в том, что в 1977 г., в период т. н. «грязной войны» в Аргентине, участвовал в двух полетах, в течение которых 30 человек, подозреваемых в терроризме, были сброшены в море с борта самолета. Суд нашел, что данные убийства составляли преступления против человечности, и были совершены в контексте существования системы секретных мест заключения, где заключенные подвергались пыткам, включая постоянное содержание в наручниках, задержку дыхания путем погружения лица в воду, удары электрическим током и др., и приговорил обвиняемого к 640 годам тюремного заключения.

Суд постановил, что злодеяния, совершенные обвиняемым, должны быть охарактеризованы как преступления против человечности, несмотря на то, что как на момент их совершения, так и на момент ареста обвиняемого в 1997 г. Уголовный кодекс Испании не предусматривал этого преступления (преступления против человечности были включены в испанский УК лишь в 2004 г.). Суд постановил, что совершенные Шилинго преступления против человечности были явным нарушением общепринятых норм международного права, берущих начало по крайней мере с Нюрнбергского приговора. Поэтому не было никакой проблемы нехватки обвиняемым понимания незаконности его действий, и, таким образом, нарушения принципа *nullum crimen sine lege* или придания закону обратной силы⁶².

В то же время в связи с тем, что Уставы международных трибуналов, наделенных правом ретроактивности, не создают новых норм материального права, а только фиксируют уже существующие нормы, судьи трибунала не должны применять ту или иную норму, если установят, что ее не существовало в обычном или применимом договорном праве на момент совершения преступления. Так, например, в соответствии с правилом 73 Правил процедуры и доказывания МТБЮ, суд может рассмотреть возражения обвиняемого, основанные на предполагаемой нехватке у суда юрисдикции. Как заявил Прокурор Международного трибунала по бывшей Югославии в процессе по делу Тадича, судьи вправе подвергать сомнению Устав для того, чтобы убедиться, действительно ли норма Устава соответствует международному праву⁶³. В ходе данного судебного разбирательства Апелляционная камера трибунала по ходатайству защиты подробно рассмотрела вопрос о предполагаемой нехватке у Трибунала предметной юрисдикции по двум статьям, предполагающим ответственность за военные преступления и преступления против человечности, и аргументированно отклонила данную апелляцию⁶⁴. Из этого логически должно вытекать, что в случае, если Суд установит, что той или иной нормы Устава не существовало в обычном или применимом договорном международном праве, то эта норма не должна применяться. На практике такая ситуация никогда не складывалась, очевидно, благодаря взвешенному подходу конструкторов Уставов международных уголовных судов. Однако в деле Нормана, которое рассматривал Специальный суд по Сьерра-Леоне, вопрос был поднят именно в этом ключе. В своем особом мнe-

⁵⁹ Устав МТБЮ, ст. 4, Устав МТР, ст. 2.

⁶⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 179.

⁶¹ Кибальник, 2002, гл. V.

⁶² 19 abr 05. Sentencia por crímenes contra la humanidad en el caso Adolfo Scilingo. Sentencia num.16/2005.

⁶³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 5.

⁶⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 65-142.

нии по данному делу судья Робертсон заявил, что обвиняемый не должен был преследоваться за преступление вербовки детей, которое было предположительно совершено в конце июля 1998 г., несмотря на то, что ответственность за это деяние прямо предусмотрена Уставом суда. Судья посчитал, что вербовка детей еще не считалась преступлением на момент его совершения, и сослался на принцип неретроактивности⁶⁵. Судьи большинства не разделили этот вывод, посчитав, что данное деяние уже было криминализовано под применимым международным правом, но при этом также признали обязанность Суда «гарантировать, что принцип неретроактивности не нарушен»⁶⁶.

8.3.3.3. Принцип запрета аналогии уголовного закона

Третьим принципом, артикулирующим доктрину строгой законности, является *запрет применения уголовного права по аналогии*. Он состоит в том, что суд не может расширительно применять нормы уголовного права по вопросам, которые не регулируются этими нормами. В статье 22 (2) Римского Статута эта норма описывается следующим образом: «Определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии. В случае двусмысленности определение толкуется в пользу лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным».

Применение данного принципа удобно проиллюстрировать примерами, связанными с запретом того или иного вида оружия или того или иного вида использования оружия. Так, если норма договорного или обычного права запрещает применение определенных типов наземных мин, то нельзя применять эту норму к другим типам мин, не запрещенных данной нормой. Или, если другая норма запрещает применять то или иное оружие в густонаселенных районах, то нельзя применять этот запрет в ситуациях, когда это оружие используется вне населенных пунктов.

Разумеется, запрет применения уголовного закона по аналогии не означает запрета судебного толкования, интерпретации судом норм уголовного права⁶⁷.

Антонио Кассезе указывает три ситуации, в которых запрет на аналогию носит ограниченный характер.

Первая ситуация касается обращения суда к общим принципам права для того, чтобы установить, охватывает ли какая-либо норма международного права тот или иной предмет. Эта потребность возникает в случаях пробелов и неясностей в международном праве. Такая «аналогия» является не созданием новых норм права, а методом их интерпретации, позволяющим «обстоятельно объяснить, разъяснить или дать ясный юридический контур запрещения, которое уже было установлено в обычном или договорном праве»⁶⁸. Разумеется, данное обращение к общим принципам «никогда не должно использоваться, чтобы криминализовать поведение, которое не было ранее запрещено нормой уголовного права»⁶⁹, или, другими словами, для установления новых, неизвестных ранее международному праву составов преступлений.

Вторая ситуация относится к случаям, когда нормы международного права прямо требуют обращения к аналогии. Так, например, статья 7 (1)(k) Римского Статута, завершая перечень составов преступлений против человечности, называет «другие бесчеловечные деяния *аналогичного характера*, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью <курсив наш – авт.>». Как видно из текста, для установления конкретного состава этого вида преступления данная норма прямо требует обращения к другим составам преступлений против человечности.

Третья ситуация касается обращения суда к общим принципам какой-либо из отраслей применимого права, например, международного гуманитарного права. «В некоторых случаях международное право допускает логический подход, который на первый взгляд противоречит запрету на аналогию, но который фактически допустим потому, что это относится к общим принципам. Лучше всего объяснить это положение примером. В случае появления нового оружия, которое не подпадает под существующее запрещение из-за своих новых особенностей, расширение по аналогии запрета, содержащегося в договоре, не допустимо. Однако необходимо задаться вопросом: не противоречат ли свойства этого нового оружия общему принципу, запрещающему всякое оружие, которое по своей природе неизбежно или вызывает ненужное страдание. <...> Такая постановка вопроса не составит применения запретов, содержащихся в договоре, по аналогии; скорее она является способом установить, не являются ли особенности нового оружия противоречащими общему принципу»⁷⁰.

8.3.3.4. Принцип законности наказания

Наконец, доктрина строгой законности выражается в *принципе законности наказания*, выраженном латинской формулой *nulla poena sine lege* (нет наказания без предусматривающего его закона). Данный принцип нацелен на однородное применение уголовного права всеми судами государства и на то, чтобы уведомить по-

⁶⁵ CCCЛ. SCSL Norman (SCSL-04-14-AR72 (E)), Decision on Preliminary Motion Based on Lack of Jurisdiction (Child Recruitment, 31 may 2004, para. 47.

⁶⁶ CCCЛ. SCSL Norman (SCSL-04-14-AR72 (E)), Decision on Preliminary Motion Based on Lack of Jurisdiction (Child Recruitment, 31 may 2004, para. 25.

⁶⁷ См. об этом, например: Larenz, 1983, p. 188.

⁶⁸ Cassese, 2003, p. 155.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, p. 157.

тенциальных нарушителей закона о возможных последствиях. В национальных системах права эти цели достигаются через перечисление в уголовных кодексах государств санкций за совершение тех или иных видов преступлений.

«Этот принцип, — пишет Кассезе, — не применим на международном уровне <...>. Государства еще не согласовали масштаб наказаний из-за широко отличающихся представлений о серьезности различных преступлений, серьезности вины за каждое уголовное преступление и последовательности в строгости наказания. Из этого следует, что суды пользуются гораздо большей свободой усмотрения при избрании наказания для лиц, признанных виновными в международных преступлениях»⁷¹.

После Второй мировой войны выкристаллизовалась норма международного права, в соответствии с которой отсутствие международного договора о наказании за международные преступления не препятствуют наложению уголовной ответственности на лицо, признанное виновным в таких преступлениях.

В соответствии с решением Нюрнбергского Трибунала привлечение лица к индивидуальной уголовной ответственности за преступления по международному праву не запрещено отсутствием договорных положений о наказании таких преступлений⁷². Это же положение повторено в Нюрнбергских Принципах (Принцип II): «То обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказание за какое либо действие, признаваемое согласно международному праву преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву». В подтверждение этого принципа в Международный пакт о гражданских и политических правах было внесено соответствующее условие статьи 15 (2) (см. выше, раздел 3.3.2)⁷³. Таким образом, и международное право прав человека не распространяет действие принципа *nulla poena sine lege* на международные преступления.

8.3.3.5. Принцип запрещения двойного преследования за одно и то же преступление

Данный принцип, выраженный в латинской формуле *non bis in idem*, запрещает преследовать лицо по суду за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого это лицо уже было признано виновным или оправдано данным или каким-либо иным судом. В настоящее время принцип *non bis in idem* прочно инкорпорирован в международное право через его включение в основные соглашения по правам человека. Так, ст. 14 (7) Международного пакта о гражданских и политических правах гласит: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны».

Принцип запрещения двойного преследования как один из важнейших принципов международного уголовного права закреплен в Уставах Специальных международных трибуналов ООН⁷⁴, гибридных судов⁷⁵ и Международного Уголовного Суда⁷⁶.

Однако при определенных обстоятельствах этот принцип не подлежит применению судом, рассматривающим международные преступления. Эти обстоятельства сформулированы в уставах международных и гибридных судов⁷⁷. В настоящее время в ст. 20 (3) Римского Статута содержится формулировка, которая, по всей видимости, может считаться общепринятой. Это случаи, когда разбирательство в другом суде:

«а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию».

Как разъяснила Комиссия международного права ООН, подобные ограничения в применении принципа *non bis in idem* продиктованы тем, что на практике «то или иное государство может оградить от судебного преследования лицо, совершившее преступление против мира и безопасности человечества и находящееся не его территории, путем вынесения оправдательного приговора, в ходе фиктивного судебного разбирательства или путем его осуждения или назначения наказания, которое не является соразмерным тяжести преступления, но которое позволяет ему избежать осуждения или более строгого наказания в другом государстве, и, в частности, в государстве, где было совершено данное преступление, или в государстве, являющемся главной жертвой такого преступления»⁷⁸.

Кроме того, Уставы специальных Международных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде устанавливают, что международное преступление может быть повторно рассмотрено Трибуналом, если оно

⁷¹ Там же.

⁷² The Trial of Major War Criminals: Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg Germany. Part 22, at 445, 467. — 1950.

⁷³ Manfred Nowak. UN Convention on Civil and Political Rights, CCPR Commentary. — 2nd rev. edn. Kehl: NP Engel, 2005, p. 368.

⁷⁴ Устав МТБЮ, ст. 10 (1); Устав МТР, ст. 9 (1).

⁷⁵ Устав СССЛ, ст. 9 (1); Постановление Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15, Секция 11 (1) UNTAET Regulation № 2000 / 15. || <http://www.un.org/peace/etimor/untaetR/Reg0015E.pdf>.

⁷⁶ Римский Статут МУС, ст. 20 (1-2).

⁷⁷ Устав МТБЮ, ст. 10 (2); Устав МТР, ст. 9 (2) Устав СССЛ, ст. 9 (2); Постановление Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15, Секция 11 (3) UNTAET Regulation № 2000 / 15. || <http://www.un.org/peace/etimor/untaetR/Reg0015E.pdf>.

⁷⁸ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 12. Комментарий, п. 2.

было квалифицировано национальным судом как обычное преступление⁷⁹. Этот же принцип был предложен Комиссией международного права ООН в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества редакции 1996 года (статья 12 (a)(i)). Данное положение связано с тем, что международные преступления по определению имеют более серьезный характер, чем обычные преступления по внутригосударственному праву (см. разделы 10.4 и особенно – 12.2). В таком случае, как разъяснила Комиссия международного права, лицо оказывается судимым и осужденным не за международное преступление, а за «менее тяжкое преступление», которое не охватывает всей меры его преступного поведения. «Так, то или иное лицо может быть судимо национальным судом за убийство и повторно привлечено к уголовной ответственности международным уголовным судом за преступление геноцида в связи с тем же деянием»⁸⁰.

Данное положение, однако, не нашло отражения в Римском Статуте Международного Уголовного Суда. Авторы настоящего исследования не принимают на себя смелость разрешать вопрос о том, может ли оно считаться частью обычного международного права.

8.3.4. Принцип всеобщности и обязательности закона

Принцип всеобщности и обязательности закона является общеправовым принципом, действующим во всех отраслях права, в том числе и в уголовном. В соответствии с ним закон обязателен для всех, и его избирательное применение недопустимо. Модальностью данного принципа в уголовном праве является положение о неотвратимости наказания за совершенные преступления.

К сожалению, данный принцип пока не нашел своего полного выражения в международном уголовном праве: большинство совершаемых в мире и потрясающих совесть человечества злодеяний остаются безнаказанными, а ответственные за них лица наслаждаются неприкосновенностью в тени государственных суверенитетов. Скорее, можно констатировать, что международное сообщество лишь постепенно, шаг за шагом преодолевая инерцию государств и доктрин прошлого, приближается к утверждению принципа всеобщности закона и неотвратимости наказания в качестве универсального.

Очень ярко ущербность селективного применения международного уголовного права показал бывший прокурор МТБЮ Ричард Голдстоун в своем описании разговора с Министром юстиции Федеративной Республики Югославия:

«Он [министр] закончил [свою речь] очень эмоциональной критикой решения Организации Объединенных Наций об учреждении Международного трибунала по бывшей Югославии. Он сказал: почему для нас, почему не для Пол Пота в Камбодже? Он сказал: почему для нас, почему не для Саддама Хуссейна в Ираке? Он сказал, что в других странах, например, в Африке, миллионы людей были убиты и изгнаны. Он спросил: почему международное сообщество должно экспериментировать на бывшей Югославии? И что я мог ему ответить: ведь он был прав. На той стадии МТБЮ действительно был своего рода актом дискриминации. Все, что я мог сказать, было то, что если бы МТБЮ был первым и последним международным уголовным трибуналом, он был бы абсолютно прав в своей критике. Но если считать, что МТБЮ должен стать одним из многих таких трибуналов, нет никаких оснований, по которым Югославия могла бы жаловаться, что стала предметом первого из них. Несмотря на учреждение Трибунала по Руанде, учитывая право вето пяти постоянных членов Совета Безопасности, решение устанавливать международные уголовные трибуналы остается политически сомнительным, оно было и всегда будет неравным политическим решением. Ни один из постоянных членов не одобрил бы учреждение международного уголовного трибунала, чтобы расследовать действия их собственных граждан, они не санкционируют такой трибунал и для того, чтобы расследовать действия своих политических союзников. Правосудие и судебная система не должны зависеть от такого рода политических решений. Если правосудие должно уважаться, то оно должно быть беспристрастным, оно должно быть непредубежденным, и потенциальные военные преступники во всех странах, во всем мире должны знать, что они подвластны одному и тому же международному правосудию»⁸¹.

Удручающую ситуацию избирательности международного уголовного правосудия демонстрируют и чеченские события, рассматриваемые на фоне работы Международных трибуналов ООН. В 1999 – 2000 годах, когда Международный трибунал по бывшей Югославии выносил ряд важнейших приговоров, осуждающих зверства участников вооруженного конфликта в Боснии, сходные, а зачастую и просто идентичные преступления в массовом порядке совершались в ходе вооруженного конфликта в Чечне. Международное сообщество было хорошо осведомлено об этих преступлениях, но не сумело применить к предполагаемым преступникам те же критерии, что были использованы в отношении их югославских «коллег». Эта ситуация не осталась вне зоны внимания многочисленных жертв, которые до сих пор небезосновательно говорят о «двойном стандарте» и размене глобальных ценностей международного сообщества на пресловутый «realpolitic».

⁷⁹ Устав МТБЮ, ст. 10 (2)(а). Устав МТР, ст. 9 (2)(а).

⁸⁰ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, ст. 12. Комментарий, п. 10.

⁸¹ Richard J. Goldstone, *International Jurisdiction and Prosecutorial Crimes*, (1999) 47 *Cleveland State Law Review* 473 at p. 479. Цитата дана по книге: Schabas, 2006, p. 71.

Нынешняя ситуация селективного применения норм международного уголовного закона обусловлена очевидной коллизией. Она заключается в конфликте между универсальными интересами международного сообщества, остро заинтересованного во всеобщности применения международной уголовной юрисдикции, и эгоистическим интересами политических и военных элит отдельных государств, стремящихся защитить преступников, которые действуют либо от имени этих государств, либо при подстрекательстве или попустительстве этих государств, либо сами являются высокопоставленными государственными чиновниками.

В то же время нельзя отрицать постепенного прогресса в международных отношениях, в рамках которого международное уголовное правосудие шаг за шагом приближается к подлинной универсальности. Мир не становится добрее, но, кажется, он становится чуть более справедливым. В начале, когда были созданы трибуналы Нюрнберга и Токио, избирательность применения закона была не просто очевидна, но и открыто продекларирована. При несомненной правосудности приговоров и их неопределимом вкладе в борьбу за торжество справедливости, это были суды победителей над побежденными. Закон был применен ими селективно: справедливо осудив зверства преступников, представлявших страны Оси (нацистов и их японских союзников), трибуналы не смогли (да и не могли, в силу юрисдикции, которой пожелали наделить их государства-учредители) дать оценки преступлениям, совершенным самими союзниками, таким, например, как массовые казни военнопленных Советской армией и НКВД, американские ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и т.п. Когда в Нюрнберге, благодаря адвокату Геринга доктору Штамеру была доказана непричастность нацистов к катынскому расстрелу, и трибунал отказался далее рассматривать этот эпизод, британский статс-секретарь Александр Кадоган записал в своем дневнике: «Все это в высшей степени отвратительно. <...> Как можем мы сами, глядя на все это сквозь пальцы, как ни в чем не бывало обсуждать с русскими вопрос о наказании немецких «военных преступников»⁸². Еще более жестко по тому же поводу высказался в наши дни Сергей Ковалев: «В Нюрнберге один людоед судил другого людоеда за каннибализм»⁸³.

Указанные недостатки союзнических судов, созданных после Второй мировой войны, были преодолены при Учреждении Советом безопасности ООН Международного трибунала по бывшей Югославии. Будучи действительно международным судом, он не выражает интересы ни одной из сторон конфликта и рассматривает преступления представителей всех противоборствующих сил (см. подробно раздел 11.2.1). Однако проблема, обозначенная Ричардом Голдстоуном (применение правосудия лишь в отношении конкретной части мира, в то время как в других странах сходные преступления остаются безнаказанными), вышла при этом на первый план. Последующее создание специального трибунала по Руанде, а затем так называемых смешанных судов по Сьерра-Леоне, Восточному Тимору, Косово и Камбодже, несомненно, расширило ареал действия международного уголовного права, но не сделало его применение универсальным. Специальные (*ad hoc*) суды, юрисдикция которых ограничена лишь определенными территориями и временными промежутками, по определению селективны.

Началом подлинного перелома в решении проблемы избирательности международного уголовного правосудия можно считать учреждение Международного Уголовного Суда, юрисдикцию которого к настоящему моменту признали уже 105 государств, включая двух постоянных членов Совета Безопасности ООН — Францию и Великобританию (что полтора десятка лет назад представлялось Ричарду Голдстоуну совершенно невыносимым). Однако думается, что такой перелом можно будет считать состоявшимся только после того, как Римский Статут будет ратифицирован, как минимум, Соединенными Штатами и Россией. Но даже если предположить, что в ближайшее время МУС получит подлинно всемирное признание (до чего, на самом деле, еще очень далеко), сохранится проблема временной юрисдикции. Международный уголовный суд уполномочен рассматривать преступления, совершенные лишь начиная с 1 июля 2002 года. Проблема наказания за предшествующие этой дате злодеяния, не «покрытые» юрисдикцией других международных судов, остается нерешенной, и будет будоражить совесть человечества по крайней мере до тех пор, пока не умрут их последние жертвы.

Некоторый вклад в решение данной проблемы в последние годы начали вносить национальные суды государств, обладающих развитым законодательством об универсальной юрисдикции. Примером является осуждение испанским судом аргентинского военного офицера Адольфо Шилинго за преступления против человечности, совершенные им в Латинской Америке в 1978 году, а также другие дела, рассматриваемые в Испании, включая дело о геноциде в Тибете. Однако такие решения — пока лишь капля в море безнаказанности. К тому же возможности универсальной юрисдикции национальных судов все еще очень серьезно ограничены.

В этом смысле вопрос о привлечении к ответственности лиц, виновных в злодеяниях, совершенных в ходе чеченского конфликта, актуален не только как самостоятельная проблема. Он находится на острие борьбы сообщества наций за придание международному уголовному правосудию подлинной универсальности.

⁸² Борис Соколов. Небезупречное правосудие. — Грани.ру. 28.09.2006 г. || <http://www.grani.ru/Society/Law/m.112116.html>.

⁸³ Сергей Ковалев. Шестьдесят лет по пустыне. Почему не работает Всеобщая декларация прав человека? Текст выступления на Конференции правозащитных организаций России, посвященной 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 2008 года в Музее и общественном центре имени А. Д. Сахарова. — Ежедневный журнал. 13 декабря 2008 г. || <http://www.ej.ru/?a=note&id=8651>.

ГЛАВА 9. ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

9.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

9.1.1. Понятие источников международного права

Как уже было сказано выше, международное уголовное право – особый раздел международного публичного права. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению специфических источников международного уголовного права, необходимо дать обзорную характеристику источников международного права вообще.

Традиционно под источниками права понимаются формы закрепления (общего выражения) правовых норм, то есть установленных и общеобязательных правил поведения. К основным видам этих источников относят *правовой акт, правовой обычай, судебный прецедент, правовую доктрину, нормативный договор и общие принципы права*. Их основные характеристики приложимы как к внутригосударственному, так и к международному праву. Однако существуют и важные отличия.

Источники внутреннего права определяются как «действующие в государстве официальные документы, устанавливающие или санкционирующие нормы права, внешние формы выражения правотворческой деятельности государства, с помощью которой воля законодателя становится обязательной для исполнения»¹. Из этого определения следует, что, во-первых, данные нормы (по крайней мере в современном государстве) устанавливаются специальными законодательными органами (например, парламентом), а во-вторых, что они излагаются в виде актов, содержащих ясно очерченный перечень этих норм (конституция, законы, подзаконные акты и т. п.).

«В отличие от внутригосударственного права, международное право не имеет таких конституционных норм или специальных актов, в которых дается перечень нормативных актов в привязке к компетенции принимающих их органов государства. Сами государства, международные организации и (в предусмотренных случаях) некоторые другие субъекты, согласуя свои интересы, определяют не только содержание международно-правовых норм, но и внешнюю форму их существования»². Кроме того, если в современных государствах практически все или подавляющее большинство норм права кодифицированы, то в международном праве огромное значение до сих пор сохраняет правовой обычай – исторически складывающиеся правила поведения, имеющие обязательный характер. Эти нормы зачастую не имеют документального выражения, т. е. относятся к разряду так называемого «неписанного закона». Тем не менее нормы международно-правового обычая имеют ту же обязательную силу, что и документальные акты.

Статья 38 Статута Международного Суда ООН (ICJ) перечисляет источники права, на основании которых Суд обязан решать переданные ему споры:

- «а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;
- б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;
- в) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;
- д) <...> судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм».

Перечисленные в данном перечне источники международного права следует считать общепринятыми, по крайней мере для государств – членов ООН. В своем совместном особом мнении, приобщенном к решению Апелляционной камеры МТБЮ по делу Эрдемовича, судьи МакДональд и Вохра отметили: «считается общепризнанным, что в статье 38 Устава Международного Суда источники международного права перечислены исчерпывающе»³.

Источники международного права подразделяются на основные (первичные) и вспомогательные (вторичные), которые, как правило, являются производными от основных. Если основные источники (между-

¹ Головистикова, Дмитриев, 2005, с. 439.

² Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 111.

³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Эрдемовича от 7 октября 1997 г. Совместное особое мнение судьи МакДональда и Вохра, пар. 40.

народный договор, международно-правовой обычай) являются прямыми индикаторами воли государств, то вспомогательные источники (судебные решения и труды выдающихся юристов) помогают точному установлению значения и правильному истолкованию норм, содержащихся в первичных источниках, и зачастую выраженных в достаточно общей форме. К списку вспомогательных, по всей видимости, могут быть добавлены так называемые источники «мягкого права» (soft law), т. е. стандарты и юридические принципы, не имеющие обязательной юридической силы⁴, но тем не менее маркирующие волю государств. Они содержатся в актах международных конференций, организаций и органов – таких, как резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и других международных органов и организаций, «которые имеют рекомендательный характер или служат программными установками»⁵ и «устанавливают не конкретные права и обязанности, а общие направления взаимодействия субъектов»⁶

Особняком стоят общие принципы права: императивные нормы, свойственные международной юридической системе в целом.

Национальные законы государств не являются источниками международного права, однако, как будет показано ниже, они наряду с заявлениями государств, могут выступать источниками формирования норм международно-правового обычая.

9.1.2. Договорное и обычное право

Международный договор и международный обычай – два основных, равных по своему значению источника международного права. Нормы, содержащиеся в этих источниках, имеют одинаково общеобязательный характер. «Международное право не дает оснований для предположения о различной юридической силе обычая и договора в пользу договора. Договор и обычай в равной мере обязательны для тех государств (субъектов вообще), на которые они распространяются», – указывают в своем учебнике по международному праву российские юристы Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов⁷.

Однако если определение и значение международного договора, как правило, хорошо осознается даже не специалистами, то роль международного обычного права иногда требует разъяснения даже в аудитории, не чуждой правовых знаний. Авторы нередко сталкивались с тем, что упоминание обычного права вызывает недоумение даже у правозащитников, многие годы работающих над проблематикой нарушений, совершенных в ходе вооруженных конфликтов. Удивительно, но ни один из изученных авторами докладов российских неправительственных организаций, посвященных ситуации в Чечне, не содержит ссылок на нормы обычного гуманитарного права, которые, как мы увидим далее, играют определяющую роль в оценке нарушений, совершенных в ходе немеждународного вооруженного конфликта. Возможно, это связано с тем, что правозащитное сообщество привыкло прежде всего оперировать международным правом прав человека, практически все нормы которого содержатся в договорных источниках. Однако в международном уголовном праве и праве вооруженного конфликта роль международного обычая неизмеримо выше, и его недооценка часто приводит некоторых экспертов к поверхностным, а иногда и просто ошибочным суждениям. Учитывая это, ниже мы подробно остановимся на характеристике международного обычного права, методах установления международно-правового обычая, а также на сравнительном анализе норм договорного и обычного права.

9.1.3. Международный договор

Емкое определение *международного договора* мы находим у российских ученых Каламкаряна и Мигачева. В соответствии с ним «международный договор представляет собой заключенное субъектами международного права письменное соглашение под любым наименованием и документальным оформлением, регулируемое международным правом»⁸. Под субъектами международного права понимаются, во-первых, суверенные государства, во-вторых, международные (межправительственные) организации. Традиционно суверенные государства – основной субъект международного права. Международные организации являются производными (вторичными) субъектами международного права, так как сами они учреждены государствами. «С некоторыми оговорками к той же категории принято относить так называемые государствовподобные образования, т. е. особо исторически сложившиеся политико-религиозные или политико-территориальные единицы с относительно самостоятельным статусом. Специальное положение в ряду субъектов международного права занимают нации и народы, борющиеся против колониализма, иностранного господства, за создание собственного государства на базе национального суверенитета»⁹.

Статья 2 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года определяет международный договор как «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного

⁴ Cassese, 2003, p. 20.

⁵ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 111.

⁶ Лукашук, 1996, с. 103.

⁷ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 119.

⁸ Каламкарян, Мигачев, 2006, с. 207.

⁹ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 53.

наименования». Обычно документы договорного (или, как его еще называют, конвенционного) права могут носить названия договоров, конвенций, соглашений, уставов, протоколов или другие наименования. Договоры также могут заключаться между государствами и международными организациями или исключительно между международными организациями. Такие соглашения регулируются соответствующей Венской конвенцией 1986 года.

Международный договор является формой юридически обязывающего документа, соблюдение положений которого обязательно для подписавших его государств. Это отличает договор от таких видов «мягкого» права, как декларация или коммюнике. Нередко к основному договору даются дополнения в виде протоколов или иных приложений, которые расцениваются как его составные части¹⁰. Подобным дополнением является, например, «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» как приложение к одноименной Гаагской конвенции от 18 октября 1907 года. «Известны случаи заключения комплекса договоров, каждый из которых считается самостоятельным источником международного права, но их толкование и реализация предполагают согласованное действие»¹¹. В международном гуманитарном праве таким комплексом договоров являются четыре Женевских конвенции 1949 с дополнительными протоколами I и II от 1979 года. «По факту выражения согласия на обязательность договора государство или международная организация призваны соблюдать все его постановления в совокупности на основе добросовестности. При этом логика выражения согласия на обязательность договора исключает возможность ссылки на внутреннее право государства или правила международной организации с намерением уклониться от добросовестного соблюдения договора»¹². Эта норма выражена в ст. 27 и 46 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Правила интерпретации международных договоров также содержатся в двух указанных Венских конвенциях 1969 и 1986 годов. Международный договор может быть заключен по любому вопросу, но не может вступать в противоречие с основными принципами международного права, обязательствами государств-членов Организации Объединенных наций, а также императивными нормами международного права (см. ниже, раздел 9.1.4).

Действие международного договора распространяется только на участвующие в нем стороны, за исключением случаев, когда его нормы стали частью международного обычного права, т. е. нормами, общепринятыми и общеобязательными по своей сути (подробно об этом чуть ниже, раздел 9.1.4).

Российская Федерация как правопреемник СССР является участником международных договоров, заключенных Союзом Советских Социалистических Республик, в том числе договоров, являющихся важнейшими источниками международного гуманитарного и уголовного права. «Для Российской Федерации вопрос о договорах как источниках международного права в современной ситуации имеет специфический характер, поскольку после прекращения существования СССР термином «международные договоры Российской Федерации» охватываются три категории договоров: 1) договоры, заключенные непосредственно Российской Федерацией как самостоятельным субъектом международного права; 2) договоры, заключенные Союзом ССР, вступившие в силу в период существования СССР и воспринятые Российской Федерацией в порядке правопреемства (большинство действующих договоров относится к этой группе); 3) договоры, подписанные от имени СССР, но не вступившие в свое время в силу в виду незавершенности предусмотренной для этого процедуры и ратифицируемые уже от имени Российской Федерации»¹³. Дополнительной небольшой категорией являются договоры Российской Империи, воспринятые советским правительством в порядке правопреемства, «которые сохраняют юридическую силу и регулирующее значение»¹⁴.

9.1.4. Международно-правовой обычай

В отличие от международного договора *международный обычай* приобретает юридическое значение не в результате подписания того или иного документа, а «в результате однородных или идентичных действий государств и определенным образом выраженного ими намерения придать таким действиям нормативное значение»¹⁵. Кроме того (и это особенно важно), в отличие от договорных норм, нормы обычного международного права обязательны для всех государств, за исключением тех, которые постоянно возражали против их применения. Однако и для таких государств является обязательным соблюдение императивных норм международного права, или так называемых норм *jus cogens*. Эти нормы носят столь фундаментальный характер, что ни одно государство не может их игнорировать или пытаться отказаться от них на основе договоров; отступление от них не может быть оправдано никакими обстоятельствами, в том числе войной, политической нестабильностью или крайней необходимостью.

Доктрина норм *jus cogens* закреплена в Венских конвенциях¹⁶ и подтверждена решениями Международного Суда ООН¹⁷. К числу императивных норм международного права относится, например, запрет геноцида, работорговли, пыток и т. п. Норма *jus cogens* не может быть отменена международным договором. Более того,

¹⁰ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 111.

¹¹ Там же.

¹² Каламкарян, Мигачев, 2006, с. 234.

¹³ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 117.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., ст. 53. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г., ст. 53.

¹⁷ ICJ Reports (1986) 100.

в соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер». Императивные нормы не кодифицированы и, таким образом, относятся к категории норм обычного права. Императивный характер несут все основные принципы общего международного права, являющиеся главным критерием применимости всех международно-правовых норм.

Следовательно, нормы обычного международного права можно подразделить на две группы: общие нормы, обязательные для всех государств, за исключением тех, которые всегда возражали против их применения, и нормы *jus cogens*, обязательные для всех без исключения государств.

Для читателя, специально не интересовавшегося рассматриваемым вопросом, может показаться удивительным то высокое значение, которое придается в международном праве обычаю. Ведь в национальных системах правовой обычай являлся главным источником права лишь на ранних стадиях становления государственности. По мере кодификации обычного права его значение постоянно уменьшалось, пока не было практически сведено на нет. В современных государствах правовой обычай применяется довольно редко (хотя и может сохранять силу в традиционных обществах, как например, в чеченском). Он используется в основном для заполнения лакун, которые могут изредка возникать в сфере гражданских правоотношений. Так, ст. 5 ГК РФ признает в качестве источника права «обычай делового оборота».

В отличие от внутреннего права, право международное – относительно новая юридическая отрасль. Поэтому процессы кодификации в нем еще далеко не завершены. Более того, представляется, что полная кодификация общепринятого международного права – задача практически невыполнимая, так как область его правоотношений стремительно меняется. Иными словами мир, а за ним и правила отношений между нациями изменяются сейчас столь быстро, что любая попытка их исчерпывающего изложения неизбежно будет не поспевать за этими изменениями.

Как уже было сказано, в соответствии с определением ст. 38 Устава Международного суда ООН международный обычай рассматривается «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Таким образом, как указывает С. Розен, международное обычное право «состоит из правовых норм, вытекающих из последовательного поведения государств, действующих с убеждением, что они поступают в соответствии с требованием закона»¹⁸.

На первый взгляд может показаться, что норма международного обычного права, в отличие от договорной нормы, – достаточно расплывчатое и неопределенное понятие. Однако это совсем не так. Существуют достаточно ясные критерии, при помощи которых международные и национальные суды устанавливают факт существования и уточняют значение обычной международно-правовой нормы. Классический подход для определения того, существует ли та или иная норма обычного права, выработан в целом ряде решений Международного суда ООН, в частности, в делах о континентальном шельфе Северного моря. В настоящее время он является общепризнанным как в практике иных международных судов, так и в юридической науке (отечественной и зарубежной), и детально описан в ряде учебников и монографий.

«Общепризнанно, – указывают авторы фундаментального исследования Международного Комитета Красного Креста по обычному гуманитарному праву, – что для существования нормы обычного международного права необходимо два элемента, а именно: практика государств (*usus*) и вера в то, что такая практика необходима, запрещена или разрешена, в зависимости от природы нормы, в соответствии с правом (*opinio juris sive necessitatis*)»¹⁹. Как постановил Международный суд в Деле о континентальном шельфе: «Не требует доказательств тот факт, что нормы международного обычного права следует искать, прежде всего, в существующей практике и *opinio juris* государств»²⁰.

«Длительная повторяемость, т.е. устойчивая практика, – разъясняют российские ученые Г. Игнатенко и О. Тиунов, – это традиционное основание признания обычая как источника права (таково, например, становление обычая в отношении исторических заливов государств). Однако возможно рождение обычая в качестве источника права в короткий промежуток времени (так случилось с почти мгновенным признанием государствами свободы использования космического пространства, позднее получившее договорное закрепление). Сказанное позволяет выделить следующие неотъемлемые черты обычая: практика и *opinio juris*. Практика включает несколько элементов. Она должна быть, во-первых, продолжительной: необходимо время, чтобы формирующееся правило было признано сообществом в качестве нормы. Во-вторых, единообразной и постоянной. Противоречивость и прерывистость практики не способствует возникновению обычной нормы. В-третьих, всеобщей, т.е. свидетельствующей, что определенное правило применяется убедительным большинством государств»²¹. Ян Браунли указывает, что не существует точной формулы для определения того,

¹⁸ Rosenne, 1984, p. 55.

¹⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. Стр. Xlii.

²⁰ ICJ. Continental Shelf case (Libyan Arab Jamaheriya v. Malta). Judgement, 3 June 1985. – ICJ Reports, 1985, pp. 29-30, & 27.

²¹ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 117-118.

насколько распространенной должна быть подобная практика, но «она должна отражать широкое признание среди тех государств, которые особенно вовлечены в соответствующие отношения»²².

«Однако названные элементы образует еще не обычай, а только *обыкновение* — правило, которому государства могут следовать длительное время, но которому не придается юридического значения. Достаточно много обыкновений в дипломатической практике, в морском судоходстве. Для формирования же обычной нормы международного права необходим второй, субъективный признак — *opinio juris*, т. е. признание правила в качестве юридически обязательного. На первый взгляд трудно установить, признает или нет конкретное государство юридическую обязательность определенного правила. В действительности же целый ряд действий государств выражает не только занимаемую позицию, но и мотивы юридического характера, субъективное отношение к той или иной норме — например, выступления в обоснование своих претензий, протесты против поведения других государств, показания в международных судебных и иных органах, выступления по проектам договоров, голосование по ним, выступления на международных конференциях, ссылки на резолюции Генеральной ассамблеи ООН и других органов, принятие внутреннего закона, даже воздержание от протестов против поведения других государств»²³.

Как подчеркивают авторы исследования МККК, в большинстве случаев очень трудно четко разделить элементы практики и элементы правовой убежденности; это разделение в основном остается чисто теоретическим. Чаще одно и то же действие государства отражает и практику, и правовую убежденность. В подтверждение этого тезиса исследователи ссылаются на мнение Ассоциации международного права, в соответствии с которым Международный суд ООН «фактически не заявил определенно, что только потому, что существует (якобы) два четко отличающихся друг от друга элемента в обычном праве, одно и то же поведение не может быть выражением их обоих. На самом деле часто трудно или даже невозможно разделить эти два элемента»²⁴. По мнению авторов исследования МККК, «это особенно очевидно в случае вербальных действий, поскольку они считаются практикой государств и часто одновременно отражают и правовую убежденность соответствующего государства»²⁵.

Для того, чтобы сформировалась норма обычного права, практика государств должна быть, по выражению сэра Хемфри Уолдека²⁶, достаточно «плотной», т. е. единообразной, обширной и репрезентативной²⁷. «И хотя для удовлетворения этих критериев требуется, естественно, чтобы практика применялась некоторое время, никакого точного периода не установлено»²⁸. В делах о континентальном шельфе Северного моря Международный Суд ООН заявил: «Хотя краткий период времени не обязательно сам по себе является препятствием для формирования новой нормы обычного международного права на основе того, что изначально было просто привычным правилом, необходимым должно быть требование, что в течение этого периода, каким бы он ни был кратким, практика государств, включая тех, чьи интересы особенно затрагиваются, должна быть не только обширной, но и практически единообразной в том, что касается применяемого положения, и, более того, она должна осуществляться таким образом, чтобы стало очевидным общее признание того, что речь идет о норме права или юридическом обязательстве»²⁹.

Кроме того, практика должна быть публичной, или о ней должно каким-либо образом сообщаться. «Это не обязательно значит, что следует всему миру сообщать об этой практике, но о ней, по крайней мере, надо проинформировать другое государство или соответствующую международную организацию»³⁰.

Практика международных (межправительственных) организаций также может способствовать формированию норм обычного международного права, так как данные организации «обладают международной правосубъектностью и могут участвовать в международных отношениях в своем собственном качестве, независимо от государств, являющихся их членами»³¹. Учитывая, что Международный Комитет Красного Креста обладает международной правосубъектностью, что подтверждено Международным трибуналом по бывшей Югославии³², его практика также может иметь значение при формировании норм обычного международного права, прежде всего гуманитарного.

Решения международных судов, в отличие от внутригосударственного прецедентного права, не составляют практики государств. Однако эти решения могут стать убедительным свидетельством существования той или иной нормы обычного права.

К практике государств и международных организаций, которая способствует созданию обычного международного права, относятся *физические акты и вербальные акты*. Например, в применении к обычному меж-

²² Ian Brownlie. Principles of Public International Law 6-7. — 3d ed. 1979.

²³ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 118.

²⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. Стр. lii.

²⁵ Там же.

²⁶ General Course on Public International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 106, 1962. P. 44.

²⁷ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. xlvi.

²⁸ Там же.

²⁹ ICJ. North Sea Continental Shelf cases, 12, p. 43, & 74.

³⁰ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. xlv.

³¹ Там же, с. xlvi.

³² МТБЮ. Обвинитель против Симича. Решение по ходатайству об уголовном преследовании в соответствии с Правилем 73 на предмет вынесения постановления относительно показаний свидетеля от 27 июля 1999 г., опубликовано в качестве открытого документа Приказом от 1 октября 1999 г., пар. 46 и прим. 9.

дународному гуманитарному праву к физическим актам будет относиться «поведение на поле боя, применение определенных видов оружия, и обращение с различными категориями лиц»³³. Вербальная практика будет включать в себя «военные уставы и наставления, национальное законодательство, национальное прецедентное право, инструкции вооруженным силам и силам безопасности, сводки командования во время войны, дипломатические протесты, мнения официальных юридических советников, комментарии к проектам соглашений, предлагаемые правительствами, правительственные решения и постановления, судовождение в международных судах, заявления в международных организациях и на международных конференциях и позиция правительства в отношении резолюций международных организаций»³⁴.

Оба вида государственной практики являются одинаково значимыми при формировании обычной нормы международного права. Единственное обязательное условие заключается в том, что любая такая практика должна быть официальной. «Поэтому физические действия сторон в вооруженном конфликте способствуют формированию норм обычного права, только если представляют собой официальную практику»³⁵. Например, нанесение неизбирательных ударов или применение мин-ловушек не будет считаться государственной практикой, если государство гласно не признает такие действия официально санкционированными. Напротив, официальное опровержение государством данных фактов или осуждение такого поведения со стороны других государств будут составлять акты государственной практики.

Из этого следует, что нарушение, и даже частое нарушение обычных норм гуманитарного права само по себе никак не может свидетельствовать об их отсутствии или подрывать существование этих норм, так как данные нарушения, как правило, совершаются вопреки официальной позиции государств, выраженной путем вербальных актов.

Хорошей иллюстрацией к сказанному является пример установления Международным трибуналом по бывшей Югославии факта существования обычной нормы международного права, запрещающей использование химического оружия в немеждународных вооруженных конфликтах. Рассматривая промежуточную апелляцию обвиняемого Душко Тадича, Суд показал, каким образом нормы договорного права, регулирующие средства и методы ведения международных войн, были постепенно перенесены государствами в контекст вооруженного конфликта немеждународного характера. В качестве иллюстрации суд обратился к вопросу использования химического оружия. Как известно, текст Женевского протокола о газах 1925 года, запрещающий использование химического оружия, касается лишь международных вооруженных конфликтов. Ни одна норма договорного международного права прямо не запрещает государствам использовать химическое оружие против собственных граждан. Однако Суд заявил, что в настоящее время обычное международное право запрещает применять отравляющие вещества также и в ходе внутренних конфликтов. Для подтверждения этого тезиса Суд сослался на широкую государственную практику, возникшую в 1988 году в связи с реакцией международного сообщества на использование Ираком химического оружия против курдов. Вначале Суд упомянул заявление двенадцати государств, членов ЕЭС от 7 сентября 1988 года, в котором они осуждают данный факт, а также любое использование химического оружия, и призывают к уважению гуманитарного права, включая Женевский протокол 1925 года. Затем судьи обратились к протестам Министерства Иностранных дел Великобритании, властей Германии и правительства Соединенных Штатов (от 9 сентября 1988 г.), которые, в частности, заявили: «Был поднят вопрос, применяется ли к внутренним конфликтам запрещение Женевского протокола 1925 г. об использовании химического оружия «на войне». Однако ясно, что такое использование против гражданского населения противоречило бы обычному международному праву, применимому к внутренним конфликтам, также как и другим международным соглашениям».

Указав на другую подобную государственную практику, судьи затем специально отметили, что иракское правительство категорически отрицало все обвинения в использовании ядовитого газа и подтвердило как «свою приверженность международному праву, включая Женевский протокол 1925 года», так и то, что оно отказывается «от использования химических средств внутри Ирака так же, как и против своих врагов». Затем Суд подчеркнул, что множество государств (Турция, Саудовская Аравия, Египет, Иордания, Бахрейн, Кувейт) и Лига арабских стран на встрече Министров иностранных дел в Тунисе 12 сентября 1988 года категорически не согласились с утверждениями других государств, что Ирак использовал химическое оружие против своих курдских подданных. Однако, как показали судьи, это разногласие не включало утверждений о законности использования отравляющих веществ; скорее эти страны обвиняли Соединенные Штаты в клевете против Ирака³⁶.

«Поэтому, — заявил суд, резюмируя данную экспертизу, — действительно ли Ирак использовал химическое оружие против своих собственных курдских подданных — вопрос, по которому [Апелляционная] камера не может выразить и не выражает никакого мнения. Однако бесспорно, что в данном случае появилось общее согласие международного сообщества о принципе, в соответствии с которым использование химического оружия также запрещено и во внутренних конфликтах»³⁷.

³³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. xliii.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар.120-123.

³⁷ Там же, пар. 124.

Как специально подчеркнули авторы в исследовании МККК, подход Международного Суда ООН также демонстрирует, что «иная практика» государств, которая на первый взгляд подрывает единообразие «соответствующей» практики, не мешает формированию нормы обычного международного права, если эта «иная практика» осуждается другими государствами или отрицается самим правительством и, таким образом, не представляет собой *официальной* практики³⁸. «Благодаря такому осуждению или отрицанию изначальное правило фактически подтверждается»³⁹. В качестве примера авторы приводят позицию Международного Суда по делу Никарагуа, в котором судьи столкнулись с подобной ситуацией при рассмотрении принципов неприкосновенности силы и невмешательства. По этому поводу Суд заявил следующее:

«Нельзя ожидать, что в практике государств применение этих норм было идеальным, в том смысле, что государства с абсолютной последовательностью воздерживались от применения силы или от вмешательства во внутренние дела друг друга. Суд не считает, что для того, чтобы данная норма сформировалась как обычная, соответствующая практика должна абсолютно точно соответствовать норме. Суд считает, что для того, чтобы сделать вывод о существовании обычных норм, достаточно, чтобы действия государств в целом соответствовали таким нормам, и что случаи, когда поведение государств не соответствует той или иной норме, должны рассматриваться как нарушение этой нормы, а не как указание того, что признана новая норма. Если государство действует способом, *prima facie* несовместимым с признанной нормой, но оправдывает свое поведение, обращаясь к исключениям или оправдывающим обстоятельствам, упоминаемым в самой норме, тогда, независимо от того, оправдано ли поведение государства на этом основании, значение такой позиции скорее подтверждает, нежели ослабляет норму»⁴⁰

Приведенные примеры указывают на особый вес вербальных актов при установлении существования той или иной нормы обычного права. Международный трибунал по бывшей Югославии прямо постановил, что при оценке формирования обычных норм международного гуманитарного права Суд прежде всего должен опираться «на такие элементы, как официальные заявления государств, военные уставы и наставления и судебные решения»⁴¹. Международный Суд ООН рассматривал официальные заявления в качестве практики государств в целом ряде своих дел, в том числе в делах о рыболовстве, в деле «Никарагуа против США» и деле о проекте Габачиково-Надьямарош⁴².

Отказ от определенного поведения, когда он является официальным, также может быть принят во внимание в качестве государственной практики.

Официальные возражения и протесты государств являются ясным выражением правовой убежденности (*opinio juris*). Поэтому, как уже говорилось, обычная норма не действует в отношении того государства, которое всегда возражало против ее применения. Однако, как подчеркнул Международный Суд ООН в деле Континентального шельфа и в деле «Никарагуа против США», нормы обычного права являются обязательными и для государств, которые не разделяют этих норм, до тех пор, пока они четко и настойчиво не высказали возражения по развитию таких норм⁴³.

9.1.5. Отличия международного договора и международного обычая

«Чтобы лучше понять суть и особенности обычая, как источника международного права, — пишут Г. Игнатенко и О. Тиунов, — необходимо представлять его отличие от договора. Прежде всего, договор включает в себя совокупность тематически однородных норм, обычаев, в каждом конкретном случае — это одна норма, вследствие чего понятия обычая как правовой нормы и обычая как источника права переплетаются. Далее, договорной процесс есть согласование воли и позиций сторон во время переговоров, взаимные уступки, определение конкретного содержания норм, тогда как обычная норма приобретает юридическую значимость в результате однородных аналогичных действий, практики, «молчаливого» признания. Наконец договор — это документ либо комплекс документов, явно выраженное соглашение. Обычай же — не фиксированное, не формализованное правило»⁴⁴. К этому необходимо добавить, что договор имеет ограниченный круг его участников, для которых его нормы обязательны к исполнению, тогда как обычай обязателен для всех субъектов международного права, за исключением тех, кто всегда возражал против его применения.

Так как наличие факта существования того или иного международного обычая не всегда очевидно, в его установлении ведущую роль играют суды, и прежде всего международные суды, такие, как Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Европейский и Межамериканский суды по правам

³⁸ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006, с. xlix.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ICJ Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, p. 98 & 34. Цитата дана по: Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. Стр. xlix., прим. 35.

⁴¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадица от 2 октября 1995 г., пар. 99.

⁴² Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006, с. xliv.

⁴³ Никарагуа против США, решение Международного суда от 27 июня 1986 года; Решение Международного суда по делу о континентальном шельфе Северного моря (W. Ger. v. Den.; W. Germ. v. Neth., 1969. ICJ. 3., 41-44, 1969).

⁴⁴ Игнатенко, Тиунов, 2006, с. 119.

человека, международные третейские суды, специальные международные трибуналы, и другие судебные органы, включая, в перспективе, Международный уголовный суд.

9.1.6. Взаимодействие и взаимовлияние договора и обычая.

Нормы международного договорного и международного обычного права находятся в процессе постоянного взаимодействия и взаимного влияния друг на друга. Обычно выделяют четыре формы такого взаимовлияния.

Первая форма — кодификация международного обычая. Обычные нормы заменяются договорными по мере принятия кодифицирующих соглашений. В качестве примера можно привести Венскую конвенцию о праве международных договоров и Венскую конвенцию о дипломатических сношениях, в тексты которых были включены международные обычаи, давно и прочно установленные практикой государств. «Поскольку при переходе от обычая к договору новый источник заменяет прежний только для участвующих в договорах государств, типичны ситуации, когда по одному и тому же вопросу применяются одновременно оба источника — и международный договор, и международный обычай, но каждый применительно к «своей» группе государств. Например, правила, регламентирующие дипломатические иммунитеты, проистекают из Венской конвенции о дипломатических сношениях для участвующих в ней государств, и из многовекового обычая для государств, не участвующих по каким-либо причинам в Конвенции»⁴⁵.

Вторая возможная форма — замена договорной нормы на обычную. Обычная норма может заменять договорную в случае возникновения новой нормы *jus cogens*. Статья 64 Венской конвенции о праве международных договоров определяет: «Если возникает новая императивная норма общего международного права, то любой существующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, становится недействительным и прекращается».

Третья форма — предметное дополнение. Она касается ситуаций, когда обычные нормы расширяют сферу действия договорных. «Во многих договорах формулируется положение о сохранении и дальнейшем применении обычаев по вопросам, не решенным в договорах. Так, в преамбуле Венской конвенции о дипломатических сношениях подтверждается, что «нормы международного обычного права будут продолжать регулировать вопросы, прямо не предусмотренные положениями настоящей Конвенции»»⁴⁶.

Четвертая форма — субъектное дополнение. Она относится к ситуациям, «когда государства, не становясь формально участниками договора, признают его нормы обязательными в своей практике. Договор, таким образом, становится обязательным для них «обычным путем» т.е. действует в форме обычая»⁴⁷. В качестве примера можно привести норму гуманитарного права в виде запрета отдавать приказ не оставлять никого в живых. Данная норма закреплена в Дополнительных протоколах I и II к Женевским конвенциям и является обязательной для участвующих в них государств как норма договорного права. Для государств, не подписавших данные протоколы, эта норма проистекает из международно-правового обычая, который подтверждается практикой и *opinio juris* государств. В частности, запрещение угроз, что никто не получит пощады, поддерживается практикой нескольких государств, которые не являются или не являлись на соответствующий момент участниками данных протоколов, например, военными уставами и наставлениями Кении и Франции, заявлениями США и практикой Израиля»⁴⁸.

9.2. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

9.2.1. Классификация источников международного уголовного права

Специфические источники международного уголовного права могут быть классифицированы по двум признакам. Во-первых, как источники международного права вообще по своему значению они подразделяются на основные и вспомогательные, или первичные и производные. Во-вторых, учитывая гибридный характер данного раздела права, можно выделить те самостоятельные отрасли права, которые одновременно являются источниками МУП.

В своей монографии по международному уголовному праву Антонио Кассезе указывает на следующий иерархический порядок значимости источников для международных уголовных судов: первичные источники (договоры и обычное право), вторичные источники (правила, вытекающие из норм обычного права и условий договоров), общие принципы международного уголовного права, или общие принципы закона, и такие вспомогательные источники, как общие принципы права, признанного сообществом государств⁴⁹. «Порядок, в котором могут быть использованы эти источники (и который в настоящее время в значительной степени кодифицирован в ст. 21 Устава МУС⁵⁰), следующий: прежде всего нужно обратиться к нормам до-

⁴⁵ Там же, с. 120.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 208-209 и Прим. 10.

⁴⁹ Cassese, 2003, p. 26.

⁵⁰ Статья 21 Римского Статута, озаглавленная «Применимое право», имеет следующее содержание:

«1. Суд применяет:

говоров или нормам, установленным такими международными инструментами, как обязательные решения Совета Безопасности ООН (как это имеет место в ситуации с МТБЮ и МТР), когда данные нормы соглашения или решения содержат условия юрисдикции суда или трибунала и излагают процедуру. Когда этих норм недостаточно, или в них имеются пробелы, необходимо обратиться к обычному праву или к договорам, неявно или явно упомянутым в вышеуказанных нормах. Когда даже этот общий набор или нормы соглашения не проясняют вопроса, необходимо применить общие принципы международного уголовного права (которые могут быть выведены путем индукции и обобщения, из условий договоров или норм обычного права) или, как исключение, общие принципы права. Если и после этого вы все еще не нашли применимого правила, можно обратиться к общим принципам уголовного права, разделяемым нациями мира»⁵¹.

Данный подход поддерживается международным прецедентным правом, в частности, прецедентным правом Специальных международных трибуналов ООН. В решении Судебной камеры МТБЮ по делу Делалича и др. судьи специально указали, что при интерпретации Устава и Правил процедуры и доказывания трибунала «следует обращаться к разнообразным источникам международного права, как они перечислены в ст. 38 Устава Международного Суда, т.е. к международным конвенциям, обычаям, общим принципам права, также, как и к таким вспомогательным источникам, как судебные решения и труды юристов». В деле Купрешкича тот же Трибунал определил, что в случае, когда Устав Трибунала не регулирует тот или иной вопрос, а доклад генерального секретаря ООН (представленный Совету Безопасности и утвержденный им как сопроводительный документ к Резолюции о создании данного Трибунала) не содержит положений для соответствующей интерпретации Устава, необходимо применить: «(i) нормы обычного международного права или (ii) общие принципы международного уголовного права, или, если таких принципов недостаточно, (iii) общие принципы уголовного права, свойственные главным юридическим системам мира, или, если и этого недостаточно, (iv) общие принципы права, соответствующие основным принципам международного правосудия»⁵².

Более подробно последовательность обращения к источникам права и методику их интерпретации разъяснили судьи МакДональд и Вохра в своем совместном особом мнении, приложенном к решению Апелляционной камеры МТБЮ по делу Дражена Эрдемовича: «Первый шаг в надлежащем толковании Устава и Правил процедуры и доказывания трибунала должен содержать в себе исследование положений самого Устава и Правил <...>. Второй шаг <...> включает в себя рассмотрение источников международного права, которые могут предложить дополнительное разъяснение значения терминов, употребляемых в Уставе и Правилах. Мы, однако, хотим сделать предостережение о том, что не следует полагаться на такие источники международного права, которые несовместимы с сутью, целью и предназначением Устава и Правил процедуры и доказывания, как они понимаются из обычного значения использованных в них терминов. <...> В случае, когда источники международного права совершенно недостаточны или не удовлетворяют предъявляемым к ним требованиям, в качестве третьего шага можно обратиться к национальному праву за помощью в толковании терминов и понятий, использованных в Уставе и Правилах. Мы хотели бы снова подчеркнуть, что не следует полагаться на такие источники национального права, которые не согласуются с сутью, целью и предназначением Устава и Правил процедуры и доказывания»⁵³.

Таким образом, для международных судов, непосредственно применяющих нормы международного права, главным источником права являются их собственные Уставы, в соответствии с которыми международное сообщество наделило их определенной юрисдикцией, а также Правила процедуры и доказывания. Однако поскольку обычно Уставы содержат лишь самые общие определения, не разъясняя, например, элементы каждого из преступлений, а лишь давая перечень наказуемых деяний, для их надлежащего применения суды обращаются, во-первых, к нормам договорного и обычного права и, во-вторых, к общим принципам права. Для установления существования и прояснения содержания данных норм и принципов суды используют вспомогательные источники, в том числе прецедентное право иных международных и национальных судов и трибуналов, труды выдающихся юристов и т.п. При этом используемые источники не должны противоречить духу, цели и содержанию Устава суда. Если какая-либо норма, пусть даже носящая общепринятый характер, шире ясных ограничений Устава, суд не должен ее применять. Так, Статут Международного Уголовного Суда, в соответствии с волей утвердивших его государств, содержит не все составы преступлений, которые к моменту его подписания были криминализованы в обычном международном праве. Например, Между-

а) во-первых, настоящий Статут, Элементы преступлений и свои Правила процедуры и доказывания;

б) во-вторых, в соответствующих случаях, применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов;

с) если это невозможно, Суд применяет общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая, соответственно, национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления, при условии, что эти принципы не являются несовместимыми с настоящим Статутом и с международным правом и международно признанными нормами и стандартами.

2. Суд может применять принципы и нормы права в соответствии с тем, как они были истолкованы в его предыдущих решениях.

3. Применение и толкование права в соответствии с настоящей статьей должно соответствовать международно признанным правам человека и не допускать никакого неблагоприятного проведения различия по таким признакам, как гендерный признак, как это определено в пункте 3 статьи 7, возраст, раса, цвет кожи, язык, религия или вероисповедание, политические или иные убеждения, национальное, этническое или социальное происхождение, имущественное, сословное или иное положение».

⁵¹ Cassese, 2003, p. 26.

⁵² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича и др от 14.01.2000 г., пар. 591.

⁵³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Эрдемовича от 7 октября 1997 г. Совместное особое мнение судьи МакДональда и Вохра, пар. 40.

народный Уголовный Суд не наделен юрисдикцией по преступлению в виде использования голода среди гражданского населения, совершенного в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера, хотя данное деяние криминализовано обычным правом вне зависимости от типа конфликта. Однако это не значит, что международное сообщество не может наделить юрисдикцией по такому преступлению другой суд, или что такое преступление не может рассмотреть компетентный национальный суд. Действие устава каждого из международных судов распространяется только на данный суд и не имеет универсального характера.

В то же время, в соответствии с принципом законности, сами положения уставов не должны противоречить общепринятым нормам и принципам международного права. Это правило особенно строго для ретроактивных судов, рассматривающих преступления, совершенные до их учреждения. Поэтому при конструировании уставов таких судов их авторы не могут выйти за рамки общепринятого международного права. Нормы таких уставов могут быть уже, но не могут быть шире этих рамок. Более того, судьи ретроактивных судов вправе подвергать сомнению их собственные Уставы для того, чтобы проверить, действительно ли та или иная его норма соответствует международному праву, и, исходя из данной логики, не должны применять такую норму, если придут к выводу, что ее не существовало в применимом международном праве на момент совершения преступления. Кроме того, даже при учреждении Международного Уголовного Суда, Статут которого является международным договором (в связи с чем государства, в принципе, имели право устанавливать в нем новые правила), «все согласились о том, что определения преступлений, в Статуте МУС должны были отражать существующее обычное международное право, а не создавать новые нормы»⁵⁴.

Как будет показано ниже, некоторые положения Римского Статута все же расширяют границы обычного международного права, существовавшего на момент его подписания, некоторые же, напротив, уже существовавшего обычного права.

Учитывая, что:

(1) уставы международных трибуналов сами по себе не могут создавать новых норм материального права, а лишь обеспечивают условия для применения уже существующего обычного или договорного права (см. выше, раздел 8.3.3.2);

(2) устав единственного существующего на настоящий момент неретроактивного судебного органа (который может расширять границы обычного права) – Международного Уголовного Суда – сам представляет собой международный договор;

(3) и что именно международное договорное и обычное право является тем каркасом, который используется международным сообществом при конструировании Уставов и Правил международных уголовных судов,

главным источником международного уголовного права как самостоятельной отрасли следует считать применимое договорное и обычное международное право как таковое.

Уставы и Правила процедуры и доказывания каждого конкретного суда являются главным источником права только для данного суда, но не для всей отрасли международного уголовного права в целом. В общем корпусе источников международного уголовного права уставы международных судов и трибуналов являются его составной частью наряду с другими источниками договорного и обычного права. Тем не менее они имеют важнейшее значение для всей отрасли, так как сами являются ясным свидетельством закрепления тех или иных норм на международном уровне.

Что касается договорного права, то, как заявила Апелляционная камера МТБЮ, Трибунал имеет полномочия применить «любое соглашение, которое (i) бесспорно связывало стороны во время предполагаемого преступления и (ii) не находится в конфликте ни с одной из безапелляционных норм международного права, таких, как обычные нормы международного гуманитарного права»⁵⁵. Разумеется, эти условия применимы ко всем уголовным судам, рассматривающим международные преступления. При применении обычной нормы также необходимо установить, что она уже существовала на момент совершения предполагаемого преступления. Все сказанное относится не только к судам, которые применяют и толкуют нормы права, но также к государствам и международным организациям, которые формулируют и принимают уставы международных уголовных трибуналов.

Вспомогательные источники международного уголовного права (такие, как «мягкое право», судебные решения, труды выдающихся юристов и т. п.) помогают установить существование той или иной правовой нормы или общего принципа, уточнить их содержание или содержание терминов и т. п. Международные уголовные суды могут обращаться к ним за помощью, исследовать их, принимать их во внимание, «в подобающих случаях опираться на них при рассмотрении уголовных дел и принятии решений по ним»⁵⁶. Однако, в отличие от обычного и применимого договорного права, они не имеют для судов обязательной силы или, другими словами, их положения не могут жестко связывать суд при принятии решений⁵⁷.

К самостоятельным отраслям закона, которые одновременно играют роль важнейших источников международного уголовного права, следует прежде всего отнести международное гуманитарное право и междуна-

⁵⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. lviii, прим. 60 со ссылками на отчеты Подготовительного комитета МУС.

⁵⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 143.

⁵⁶ Михайлов, 2006, с. 98.

⁵⁷ Там же.

родное право прав человека. Нормы материального права именно этих отраслей положены в основу криминализации тех или иных видов поведения в МУП. Другими словами, именно грубые нарушения норм международного гуманитарного права и фундаментальных прав человека образуют военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, нормы международного права прав человека легли в основу ряда положений процессуального раздела международного уголовного права, в частности, касающихся гарантий прав обвиняемых. Наконец, существует корпус непосредственных источников международного уголовного права как самостоятельной отрасли (в частности, Уставы и Правила процедуры и доказывания международных трибуналов, их прецедентное право, ряд международных соглашений и т. п.).

Дальнейшее описание источников права учитывает оба способа их классификации. Мы последовательно рассмотрим каждый из упомянутых в предыдущем абзаце разделов, указав внутри него на основные и вспомогательные источники. Затем мы отдельно рассмотрим значение общих принципов. После этого мы подробно остановимся на содержании и значении прецедентного права. В заключении мы кратко упомянем о трудах известных юристов и некоторых других вспомогательных источниках и средствах, которые используются международными уголовными судами при определении международного обычая и при судебном толковании.

9.2.2. Международное гуманитарное право

9.2.2.1. Определение и основные принципы международного гуманитарного права

Международное гуманитарное право (МГП) — один из важнейших источников международного уголовного права, так как грубые нарушения запрещений гуманитарного права составляют одну из категорий международных преступлений, а именно военные преступления. Автором этого относительно нового названия данной отрасли считается Жан Пикте. До сих пор иногда используется и более традиционное ее наименование — «законы и обычаи войны».

Гуманитарное право как самостоятельная отрасль публичного международного права⁵⁸ зародилось в 1860-е годы, когда начали заключаться первые межгосударственные соглашения об ограничении средств и методов ведения войны⁵⁹. У его истоков стоял великий гуманист, основатель движения Красного Креста Анри Дюнан⁶⁰. Однако корни МГП уходят в далекое прошлое в связи с существовавшими издревле представлениями о недопустимых видах поведения в отношении «вражеского» гражданского населения, военнопленных, вышедших из строя солдат противника, парламентаров и т. п., и пониманием того, что нарушение этих норм подлежало тому или иному виду, как минимум, общественного осуждения. На протяжении всей истории человечества можно проследить, как развивались правила, которые, несмотря на фундаментальное различие политико-идеологических, моральных, культурных, религиозных и социально экономических понятий и условий, характерных для различных цивилизаций, имели очень сходное содержание в том, что касалось поведения человека на войне⁶¹. «Уже в далеком прошлом случалось, что полководцы приказывали своим войскам сохранять жизнь взятых в плен неприятельских солдат, хорошо обращаться с ними, щадить гражданское население стороны противника, и нередко по окончании военных действий стороны договаривались об обмене пленными. Со временем подобная практика превратилась в совокупность основанных на обычае правил ведения войны, то есть норм, подлежавших соблюдению сторонами в вооруженном конфликте даже при отсутствии одностороннего заявления или двустороннего соглашения на этот счет»⁶². Со второй половины XIX, а особенно в XX веке международное гуманитарное право претерпевало и до сих пор претерпевает прогрессивное развитие; значительное количество его норм было кодифицировано в ходе заключения многосторонних международных договоров. Однако, благодаря односторонней практике государств, групп государств и международных организаций, еще более стремительно развиваются его обычные нормы. Начиная с 1960-годов, международное гуманитарное право развивается при благотворном воздействии доктрины прав человека. А с середины 1990-х годов значительное влияние на прогрессивное развитие гуманитарного права и разъяснение его норм оказывает прецедентное право Специальных международных трибуналов ООН. В итоге к настоящему моменту международное гуманитарное право представляет развитую и разветвленную отрасль, основанную как на конвенционном, так и на обычном праве.

В соответствии с определением Международного Комитета Красного Креста, содержащимся в его комментарии к Дополнительным протоколам I и II к Женевским конвенциям, под международным гуманитарным правом понимается «установленные договорами или обычаем международные нормы, которые специально предназначены для решения гуманитарных проблем, являющихся непосредственным результатом конфликтов международного или немеждународного характера, и которые, по гуманитарным соображениям, ограничивают право сторон, находящихся в конфликте, использовать методы и средства войны по своему вы-

⁵⁸ Сассоли, Бувье, 2008, с. 93.

⁵⁹ Первым из них стала Женевская конвенция об улучшении во время сухопутных войн участи раненых и больных воинов от 10 (22) августа 1864 г.

⁶⁰ См: Анри Дюнан. Воспоминание о битве при Сольферино / Пер. с французского. — Издание 2-е, исправленное. — М., 2001 (с прекрасной историко-биографической справкой о Дюнане).

⁶¹ Свинарски, 1997, с. 8.

⁶² Кальсховен, 1994, с. 7.

бору и защищают лиц и имущество, затронутых, или могущих быть затронутыми конфликтом»⁶³. Ханс-Питер Гассер дает следующее определение МГП: «Международное гуманитарное право, которое называется также правом вооруженных конфликтов, а ранее было известно под названием права войны, является особым разделом права, действующим в условиях вооруженных конфликтов, т. е. в условиях войны. Международное гуманитарное право стремится смягчить последствия войны, во-первых, ограничивая выбор средств и методов ведения военных действий, и, во-вторых, обязывая воюющие стороны щадить лиц, не принимающих или переставших принимать участие в военных действиях»⁶⁴.

Фриц Кальсховен уточняет: «Гуманитарное право вооруженного конфликта никоим образом не ставит перед собой целью превратить войну в престижный и гуманный в своей основе вид деятельности, более или менее сопоставимый со средневековыми рыцарскими турнирами. Скорее цель этого права, гораздо более скромная, состоит в том, чтобы удерживать воюющие стороны от бессмысленной жестокости, а также обеспечить необходимую защиту тем, кто самым непосредственным образом страдает от войны»⁶⁵.

Международное гуманитарное право действует вне зависимости от целей сторон конфликта, предполагаемой «справедливости» или «несправедливости» ведения войны, характера или причины возникновения конфликта. В этом смысле МГП должно рассматриваться в свете четко установленного в 1942 г. Квинси Райтом различия между правом прибегнуть к войне (лат. *jus ad bellum*), определяющего обстоятельства, при которых разрешается прибегать к оружию, например, в целях самозащиты или применения санкции против агрессора, и правом войны (лат. *jus in bello*), установившим условия ведения войны и одинаково применимым ко всем жертвам. Как подчеркивает Жан Пикте, различие это очень важно и должно проводиться при любых обстоятельствах⁶⁶. Международное гуманитарное право не касается вопросов *jus ad bellum*; его исключительным содержанием являются нормы *jus in bello*⁶⁷. Гуманитарное право не затрагивает вопросов законности самого вооруженного конфликта, действует вне зависимости от квалификации конфликта согласно *jus ad bellum* и применяется в условиях фактического существования такого конфликта, ограничивая средства и методы его ведения. Вопросы *jus ad bellum* регулируются другими отраслями права; в случае международных конфликтов — инструментами ООН (в частности, нормами о неприменении силы и запрещении угрозы силой⁶⁸, нормами о коллективной и индивидуальной самообороне⁶⁹, нормами о праве народов на самоопределение и т. п.), в случае внутренних конфликтов — внутренним законодательством государств и некоторыми международными механизмами (типа механизмов СБСЕ-ОБСЕ).

На наш взгляд, основные черты международного гуманитарного права очень точно определил Н. Г. Михайлов в своей монографии, посвященной Международному трибуналу по бывшей Югославии⁷⁰. Несколько скорректировав его определение, данные черты можно представить следующим образом.

Международное гуманитарное право:

- состоит из норм договорного и обычного права;
- действует в период вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера;
- имеет целью предотвратить или ограничить людские страдания во время таких конфликтов;
- защищает лиц, не принимающих, или прекративших принимать непосредственное участие в военных действиях, включая гражданских лиц и военнослужащих, которые вышли из строя из-за болезни, ранения, взятия в плен или по каким-либо другим причинам прекратили сопротивление, а также имущество (объекты), которые затронуты или могут быть затронуты конфликтом, и которые не используются для поддержания военных усилий;
- ограничивает право сторон конфликта использовать методы и средства ведения войны по своему выбору и определяет механизмы, предназначенные для обеспечения соблюдения предписываемых его нормами правил ведения войны;
- должно соблюдаться не только правительствами и их вооруженными силами, но также и вооруженными группами оппозиции и любыми другими лицами и сторонами, участвующими в конфликте.

Говоря о структуре международного гуманитарного права, Н. Г. Михайлов обращает внимание на то, «что положение о том, что оно состоит из норм как договорного, так и обычного права, не относится к числу дискуссионных»⁷¹. Далее исследователь указывает, что «ни среди ученых, ни среди практикующих юристов-международников не отмечается принципиальных расхождений и во взглядах на то, какие общественные отношения оно регулирует. Не наблюдается среди них существенных разногласий по вопросу о том, какие международные договоры, соглашения, конвенции и иные международно-правовые акты, а также обычаи, определяющие гуманитарные правила ведения войны, образуют эту отрасль права»⁷².

⁶³ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. // Geneva, ICRC, 1987. P. XXVII.

⁶⁴ Гассер, 2001, с. 9.

⁶⁵ Кальсховен, 1994, с. 2.

⁶⁶ Пикте, 2001, с. 96.

⁶⁷ Сассоли, Бувье, 2008, с. 109-111.

⁶⁸ Устав ООН, ст. 2 (4).

⁶⁹ Устав ООН, ст. 39, 42, 51.

⁷⁰ Михайлов, 2006, с. 79.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

Прежде чем перейти к описанию основных источников международного гуманитарного права, необходимо сказать несколько слов о его базовых принципах и основных понятиях.

Главным принципом гуманитарного права, вытекающего из самого его названия, является *принцип гуманизма*. В соответствии с ним стороны вооруженного конфликта при любых обстоятельствах должны предпринимать все возможные усилия, чтобы сократить вызываемые войною страдания. По нашему мнению, лучше всего этот принцип сформулирован в так называемой поправке российского юриста Фридрих-Фромгольда (Федора Федоровича) фон Мартенса, принятой на Брюссельской международной конференции 1874 года. Представители государств, констатируя, что далеко не по всем вопросам «законов и обычаев сухопутной войны» удастся договориться, заявили, что в их намерение не входит «чтобы непредвиденные случаи, за отсутствием на сей счет письменных постановлений, были предоставлены на произвольное усмотрение военнo-начальствующих», напротив, в подобных случаях как гражданские лица, так и комбатанты «остаются под защитой и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требованием общественного сознания»⁷³.

Спустя 25 лет, на Первой Конференции Мира в Гааге сходное предложение Мартенса буквально спасло принятие исторической Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. На сей раз поправка была сформулирована следующим образом:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие договаривающиеся стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Положение Мартенса было принято аплодисментами делегатов и позволило принять единогласно всю конвенцию без изменения первоначальных статей. Оно находилось среди других положений преамбулы («служить делу человеколюбия», «ввести известные ограничения», чтобы смягчить «суровость» законов и обычаев войны, и т. п.), которые, подобно другим преамбулам, определяли цели документа. Однако только формулировка, предложенная Мартенсом, получила широкое признание и, как «оговорка Мартенса», вошла в международное право в виде отдельного положения, продолжая играть важную роль и на сегодняшнем этапе его развития. Она почти дословно повторено в п. 2 ст. 1 Дополнительного Протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. В преамбулу Протокола II также включена часть оговорки Мартенса. С некоторыми редакционными изменениями оговорка Мартенса вошла в обширную преамбулу Женевской конвенции о запрещении определенных видов обычного вооружения 1980 г. На нее ссылался Международный Суд ООН при выработке Консультативного заключения 1996 г. относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения⁷⁴.

Из принципа гуманизма вытекают все иные принципы и нормы международного гуманитарного права.

Важнейшим принципом гуманитарного права является *принцип различия*. В соответствии с ним стороны вооруженного конфликта в любое время должны проводить различие между гражданскими лицами и комбатантами. Нападения могут быть направлены лишь против комбатантов, и не могут быть направлены против гражданских лиц⁷⁵, или, шире, против покровительствуемых (защищенных) лиц. Нападения также не могут быть направлены против гражданских объектов (защищенных объектов), если они не используются противником для поддержания военных усилий. Из принципа различия вытекают такие нормы гуманитарного права, как запрет нападений неизбирательного характера, запрещение неизбирательных средств и методов ведения войны, запрет на размещение военных объектов в густонаселенных районах и т. п.

Комбатантами считаются все лица, входящие в состав военных формирований, за исключением медицинского и духовного персонала. Однако значение термина «комбатант» разнится в зависимости от типа конфликта. В праве международного вооруженного конфликта он имеет четкое юридическое наполнение. Комбатант — это любое лицо, которое, находясь под ответственным командованием, участвует в боевых действиях от имени стороны конфликта⁷⁶. Из этого статуса вытекают три важнейших последствия. Во-первых, комбатант имеет право участвовать во враждебных действиях против противника, и такое участие не может быть расценено противной стороной как преступление. В свою очередь комбатант может подвергаться нападению, или, другими словами, является «законным объектом нападения». Во-вторых, в случае пленения комбатант получает статус военнопленного, включающий ряд прав и детально прописанных гарантий гуманного обращения, а также гарантию незамедлительного освобождения и репатриации после окончания активных военных действий. В-третьих, хотя комбатант обязан соблюдать нормы международного гуманитарного права и несет индивидуальную ответственность за нарушение этих норм, даже такие нарушения «не лишают комбатанта его права считаться комбатантом или, если он попадает во власть противной стороны, его права

⁷³ Кальсховен, 1994, с. 2.

⁷⁴ Тайхерст Р. Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов. // Международный журнал. Красного Креста. 1977. № 15. С. 149 – 154; Пустогаров В. В. Оговорка Мартенса – история и юридическое содержание. // Право и политика. 2000. № 3; Досвальд-Бек Л. Международное гуманитарное право и Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 14; Miyazaki S. The Martens Clause and international humanitarian law // Studies in Honor of J. Pictet. Geneva. – The Hague, 1984. С. 433 – 444.

⁷⁵ Хенкерст, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 3.

⁷⁶ Там же, с. 19.

считаться военнопленным»⁷⁷. Очень точно и одновременно образно различие между положением комбатанта и покровительствуемого лица в международном вооруженном конфликте определил Уильям Абреш: «Комбатанты согласно гуманитарному праву не имеют никакого права на жизнь. Любой человек рассматривается или как комбатант, или как своего рода защищенное лицо, такое, как военнопленный (захваченный комбатант) или гражданское лицо. Права человека меняются вместе с его классификацией. Гражданское лицо имеет право не подвергаться нападению и право получать определенную защиту от нападения. Если гражданское лицо присоединяется к вооруженным силам, он обменивает права гражданского лица на права комбатанта. Комбатант имеет право принимать участие в военных действиях. С одной стороны, это означает, что если он захвачен, комбатант не может преследоваться по суду как убийца за то, что он убивал вражеских комбатантов; вместо этого он становится военнопленным и удерживается только до конца активных военных действий. С другой стороны, как комбатант, он теряет любое право не подвергаться нападению. <...> Никакое запрещение не защищает его от нападения со стороны вражеских комбатантов с намерением убить, а не захватить. Свободно выбравший свой статус комбатант продает свое право на жизнь в обмен на право убивать»⁷⁸.

В праве немеждународного вооруженного конфликта эта схема не работает: термин «комбатант» употребляется лишь в техническом смысле, в основном в целях соблюдения принципа различия. Здесь он обозначает лиц, которые участвуют в военных действиях и не пользуются защитой от нападений, но и не имеют права на статус комбатанта или военнопленного, применимый в международных конфликтах. Хотя в случае пленения (задержания) такое лицо в любом случае пользуется гарантиями гуманного обращения, участники антиправительственных вооруженных формирований могут быть подвергнуты уголовному преследованию за сам факт участия в боевых действиях в соответствии с внутренним законодательством того государства, на территории которого происходит конфликт. Разница эта обусловлена тем, что международное право не ограничивает возможность суверенного государства преследовать свои граждан или иных лиц, за действия, которые расцениваются по национальному закону как вооруженный мятеж и т. п. В ряде соглашений лица из числа антиправительственных вооруженных формирований также именуется «сражающимися», «лицами, принимающими непосредственное участие в военных действиях», «лицами из состава антиправительственных вооруженных сил или других организованных вооруженных групп», «гражданскими лицами, принимающими непосредственное участие в военных действиях» и т. п.⁷⁹

В любом случае (как в контексте международных, так и в контексте внутренних конфликтов) комбатант не пользуется защитой от нападений лишь до тех пор, пока он не прекратил принимать непосредственное участие в военных действиях по причине ранения, болезни, явно выраженного намерения сдать в плен, пленения и т. п.

Покровительствуемыми лицами (в случае внутренних конфликтов применяется термин «защищенные лица») считаются все лица, не принимающие или прекратившие принимать непосредственное участие в военных действиях (франц. *hors de combat*). Во-первых, это гражданские лица, во-вторых, это лица из числа вооруженных сил или иных вооруженных формирований, вышедшие из строя (прекратившие принимать непосредственное участие в военных действиях по причине ранения, болезни, пленения и т. п.), в-третьих, это лица из числа медицинского и духовного персонала, представители организаций, оказывающих гуманитарную помощь, персонал миссий по поддержанию мира и журналисты. Представители третьей группы обобщенно именуется лицами, пользующимися особой защитой.

Гражданские и иные покровительствуемые (защищенные) лица пользуются защитой от нападений до тех пор, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях.

Отдельной особо защищенной категорией являются дети (лица, не достигшие 14 лет): их участие в боевых действиях запрещено, но они пользуются особой защитой даже в случае, если все-таки принимают в них участие.

Защищенными объектами в широком смысле считаются гражданские объекты, т. е. все невоенные объекты. Особо защищенным статусом пользуются объекты, необходимые для выживания гражданского населения, медицинские и религиозные объекты, объекты, задействованные в оказании гуманитарной помощи или миссиях по поддержанию мира, культурные ценности, установки и сооружения, содержащие опасные силы, санитарные, безопасные, нейтрализованные и демилитаризованные зоны, открытые города и необороняемые местности. Защищенные объекты пользуются защитой до тех пор, пока не становятся военными объектами, т. е. не используются для поддержания военных усилий.

Еще одним важнейшим принципом международного гуманитарного права является *принцип соразмерности (пропорциональности)*. Очевидно, что даже нападения на законные военные цели могут повлечь и, как правило, влекут за собой попутные жертвы среди гражданских лиц и ущерб гражданским объектам. В условиях войны этого зачастую просто невозможно избежать. Однако в соответствии с принципом соразмерности «запрещены нападения, которые, как можно ожидать, попутно повлекут за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преиму-

⁷⁷ Дополнительный протокол I, ст. 44 (2).

⁷⁸ William Abresch. A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya. // European Journal of International Law. 2005. № 16. С. 757.

⁷⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 16.

шеству, которое предполагается таким образом получить»⁸⁰. Другой модальностью этого принципа является недопустимость причинения излишних страданий и чрезмерных повреждений, не оправданных военной необходимостью. Он выражается в запрете или ограничении использования определенных видов оружия и оружия неизбирательного действия. Так, запрещено применение ядов и химического оружия (за исключением нелетального химического оружия, применяемого для борьбы с беспорядками), биологического оружия, разворачивающихся в теле и разрывных пуль, оружия, действие которого заключается в нанесении повреждений необнаруживаемыми осколками, мин-ловушек, определенных типов наземных мин, ослепляющего лазерного оружия. Существенно ограничено использование зажигательного оружия, а также незапрещенных типов наземных мин. Таким образом, от последствия применения этих средств ведения войны защищены не только гражданские лица, но и комбатанты.

Наконец, принципом, также непосредственно вытекающим из принципа гуманизма, является *принцип гуманного обращения*. Международное гуманитарное право гарантирует всем гражданским лицам, лицам, вышедшим из строя, и лицам, попавшим во власть неприятеля, гуманное обращение. Данный принцип артикулируется в виде недопустимости проведения неблагоприятного различия по признакам, расы, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, происхождения и т. п., а также в виде запрета совершения убийств, применения пыток и других видов бесчеловечного обращения, причинения увечий, применения телесных наказаний, коллективных наказаний, проведения научных, медицинских или биологических экспериментов, изнасилований и других форм нарушения половой неприкосновенности, порабощения, принудительного труда, взятия заложников, использования живых щитов, осуществления насильственных исчезновений и произвольного лишения свободы. Также в связи с этим принципом для всех лиц, обвиненных в преступлении, гарантируется справедливое судебное разбирательство, уважение убеждений и религиозных обрядов и уважение к семейной жизни. Лицам, лишенным свободы, должен быть предоставлен кров, продовольствие, вода, одежда и медицинская помощь. Раненых, больных и потерпевших кораблекрушение надлежит подбирать, эвакуировать, оказывать им медицинскую помощь и обеспечивать надлежащий уход, а также защищать их от дурного обращения и разграбления их личного имущества. На формирование раздела гуманитарного права, связанного с реализацией принципа гуманного обращения, значительное влияние оказало международное право прав человека.

Традиционно в соответствии с предметом регулирования международное гуманитарное право подразделяется на два направления: «право Гааги» и «право Женевы» (в связи с названиями городов, где были заключены основные соответствующие конвенции). Гаагские правила посвящены в основном средствам и методам ведения войны, тогда как Женевские уделяют особое внимание положению жертв войны, попавших в руки противной стороны. Иногда отдельно выделяют также «право Нью-Йорка», сформировавшееся в 60-х и 70-х годах прошедшего столетия в результате активного интереса ООН к вопросу соблюдению основных прав человека в ситуациях вооруженных конфликтов⁸¹. Однако благодаря процессу слияния этих направлений (так, например, Третья Женевская конвенция в том числе определяет различные классы комбатантов, вторгаясь, таким образом, в «право Гааги», Дополнительный протокол I существенно дополняет нормы, обращенные к средствам и методам ведения войны и т. д.) различие между этими двумя сводами правил исчезает, и в настоящее время данная классификация имеет преимущественно лишь описательно-историческое значение⁸².

9.2.2.2. Договорное гуманитарное право

В настоящее время основными источниками договорного (конвенционного) международного права являются следующие соглашения.

Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, Гаага, 19 октября 1907 г. (Гаагская конвенция IV), и являющееся приложением к данной конвенции Положение о законах и обычаях сухопутной войны, Гаага, 18 октября 1907 г. (Гаагское положение).

Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, Женева, 17 июня 1925 г. (Женевский протокол о газах).

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, 13 января 1993 г. (Конвенция о химическом оружии).

Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, Женева, 10 октября 1980 г. (Конвенция о конкретных видах обычного оружия) и пять Протоколов к ней.

Четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г.:

Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Первая Женевская конвенция);

Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Вторая Женевская конвенция);

Конвенция об обращении с военнопленными (Третья Женевская конвенция);

⁸⁰ Там же, с. 59.

⁸¹ Кальсховен, 1994, с. 8.

⁸² Cassese, 2003, p. 48.

Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Четвертая Женевская конвенция).

Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 г. от 11 декабря 1977 г.:

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Дополнительный протокол I);

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II).

Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, Гаага, 14 мая 1954 г. (Гаагская конвенция о защите культурных ценностей) и два ее Протокола 1954 и 1999 годов.

Следует упомянуть такие новые соглашения, как Оттавская конвенция о запрещении противопехотных мин и Факультативный протокол 2000 г., касающийся участия детей в вооруженных конфликтах.

В данном перечне не упомянуты некоторые соглашения, регулирующие отдельные, не относящиеся к теме данного исследования вопросы (такие, как война на море, бактериологическое оружие и т. п.), а также договоры, имеющие сейчас уже преимущественно историческое значение.

Иногда к международному гуманитарному праву относят такие документы, как Лондонский Статут (Устав Международного военного трибунала) и Римский Статут Международного Уголовного Суда. Разумеется, их влияние на развитие гуманитарного права нельзя переоценить. Однако, по нашему мнению, данные соглашения правильнее отнести к источникам собственно международного уголовного права как самостоятельной правовой отрасли. Поэтому они будут рассмотрены нами в соответствующем разделе.

Международный Комитет Красного Креста к числу главных нормоустанавливающих (*law treaties*) договоров, образующих международное гуманитарное право, относит четыре Женевских конвенции и оба дополнительных протокола к ним, Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей и Конвенцию о конкретных видах обычного оружия⁸³. Действительно, данные основополагающие соглашения образуют основной каркас договорного гуманитарного права.

При рассмотрении договорного гуманитарного права следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, как и любые международные соглашения, договоры в области международного гуманитарного права применяются только в отношении государств, которые их ратифицировали. «Это означает, что разные договоры международного гуманитарного права применяются к различным вооруженным конфликтам в зависимости от того, какие из этих договоров ратифицировало то или иное втянутое в конфликт государство. И если почти все государства ратифицировали четыре Женевские конвенции 1949 г., Дополнительный протокол I все еще не является универсальным документом. <...>. Аналогичным образом обстоят дела и с Дополнительным протоколом II»⁸⁴. Впрочем, эта проблема, не имеет принципиального значения для целей данного исследования, так как Российская Федерация является участником обоих упомянутых Протоколов.

Второе обстоятельство имеет для нас гораздо более важное значение. При рассмотрении основных соглашений в области международного гуманитарного права бросается в глаза следующее: в то время как его нормы детально регулируют поведение сторон во время международного вооруженного конфликта, регламентация внутренних вооруженных конфликтов представлена в самом общем виде. Если правила поведения в международных войнах подробно прописаны на сотнях страниц соглашений, то защите лиц и объектов в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера посвящены, по большому счету, лишь статья 3, общая для четырех Женевских конвенций, Дополнительный протокол II, который насчитывает всего лишь 15 основных статей (для сравнения, в Дополнительном протоколе I их более восьмидесяти), да некоторые нормы Гаагской конвенции о защите культурных ценностей.

Вследствие этого в договорном гуманитарном праве между регламентацией международных и немеждународных вооруженных конфликтов существует значительная разница, и для последних здесь явно недостаточно норм, определений, деталей и требований⁸⁵. «Такова ситуация, хотя большинство современных вооруженных конфликтов носит немеждународный характер»⁸⁶. Данное положение вещей является следствием отражения в конвенционном праве известной коллизии, которую судьи Международного трибунала по бывшей Югославии назвали «традиционной дихотомией» между правом международного и внутреннего конфликта⁸⁷.

«Здравый смысл подсказывает, что нормы и ограничения, которые [договоры] налагают на методы ведения войны, должны в равной степени применяться как в международных, так и немеждународных вооруженных конфликтах»⁸⁸. Так ли это на самом деле? Насколько современное состояние права согласуется со здравым смыслом? К этому мы вернемся после краткого обзора обычного гуманитарного права.

9.2.2.3. Обычное гуманитарное право

Как заявлено еще в Нюрнбергском приговоре, «законы войны могут быть найдены не только в договорах, но и в обычаях и методах действия государств, которые постепенно получили универсальное признание,

⁸³ Report on protection of war victims prepared by International Committee of the Red Cross, p. 4. – International Conference for the protection of war victims. Geneva, June 1993, FS/RSB/17/06/93/.

⁸⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. xxxviii.

⁸⁵ Там же, с. xxxix.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 96.

⁸⁸ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006, Том I. Нормы. С. xxxix.

а также в общих принципах правосудия, применяемых юристами и военными судами. Это право не является статичным, но в процессе непрерывной адаптации следует за потребностями изменяющегося мира»⁸⁹.

Как и всякие нормы обычного права, нормы обычного гуманитарного права обязательны для всех государств, за исключением тех, которые постоянно возражали против их применения (хотя базовые принципы гуманитарного права, очевидно, носят характер *jus cogens*, и обязательны для всех государств без исключения)⁹⁰. Сразу необходимо оговориться, что практики возражения Российской Федерацией относительно применимости каких-либо основополагающих норм гуманитарного права нами не обнаружено. Единственным исключением являются оговорки, сделанные СССР при подписании четырех Женевских конвенций (ставших к настоящему моменту частью обычного права), которые касаются некоторых специфических вопросов, связанных с участием нейтральных держав в судьбе переданных ей военнопленных, а также статуса держав-покровительниц в международных вооруженных конфликтах⁹¹. Таким образом, можно констатировать, что весь остальной корпус обычно-правовых норм, существующий в международном гуманитарном праве, обязателен для Российской Федерации.

Формирование норм обычного гуманитарного права и его взаимодействие с нормами договорного права осуществляется несколькими основными путями.

Во-первых, нормы, возникающие вследствие практики *opinio juris* государств, могут существовать, не будучи кодифицированными в международных договорах. Например, норма обычного права, запрещающая заключать соглашение о перемирии с намерением неожиданно напасть на неприятеля, полагающегося на это соглашение, не закреплена ни в одном международном договоре. Однако ее существование подтверждается вербальной практикой государств, выраженной во многих военных уставах и наставлениях, также как и многовековой физической практикой.

Второй путь – кодификация обычных норм в международных договорах.

Третий путь – превращение договорной нормы в обычную, т. е. обязательную не только для подписавших договор сторон, но и для всех государств, постоянно не возражающих против ее применения. Так, в докладе Генерального секретаря ООН от 3 мая 1993 г., посвященном учреждению МТБЮ, констатируется, что «некоторые основополагающие нормы договорного гуманитарного права стали частью обычного международного права», в том числе «нормы, <...>, которые были закреплены в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны; Гаагской конвенции (IV) о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и положениях, изложенных в Приложении к ней»⁹². Это касается и общей для Женевских конвенций статьи 3, регулирующей немеждународные вооруженные конфликты. Как постановил Международный Суд ООН в деле «Никарагуа против США», нормы этой статьи, в связи с тем, что она стала частью обычного права, обязательны не только для государств, но и для представителей оппозиционных вооруженных группировок. Также, как постановила Апелляционная камера МТБЮ в деле Тадича, это же касается и сущности Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, многие положения которого «сейчас могут рассматриваться как разъясняющие содержание существующих норм, подлежащих применению, или как кристаллизовавшиеся появляющиеся нормы обычного права, или же как весьма способствующие их развитию как общих принципов»⁹³.

Четвертый путь – предметное дополнение, когда благодаря практике государств действие нормы, регулирующей одни правоотношения, постепенно распространяется и на другие. Благодаря этому процессу обычные нормы расширяют действие договорных. Типичным примером предметного дополнения является перенос правил, регулирующих международные вооруженные конфликты, на контекст вооруженных конфликтов немеждународного характера. Так, пробелы в регламентации ведения военных действий и защиты гражданского населения, имеющиеся в Дополнительном протоколе II, теперь в значительной степени заполнены практикой государств, «что привело к созданию норм, существующих параллельно с нормами Дополнительного протокола I, но применяемых в качестве обычного права к немеждународным вооруженным конфликтам»⁹⁴. Другими словами, многие нормы Дополнительного протокола I, регулирующего международные конфликты, были распространены обычным путем на внутренние вооруженные конфликты.

Благодаря перечисленным выше обстоятельствам обычное международное гуманитарное право гораздо шире конвенционного; его нормы к настоящему времени значительно восполнили пробелы, существующие в договорном праве.

Методика установления факта существования международно-правового обычая – общая для всех отраслей международного права, и гуманитарное право не является исключением. Важным свидетельством существования той или иной нормы обычного гуманитарного права является факт установления ее наличия компетентным международным судом, отправляющим правосудие от имени международного сообщества. С этой точки зрения, бесценным для нас является прецедентное право двух Специальных международных трибуна-

⁸⁹ France et al. v. G ring et al., (1946) 22 IMT 203, 13 ILR 203, 41. // American Journal of International Law 172, at p. 219.

⁹⁰ Свинарски, 1997, с. 17-18.

⁹¹ Оговорки СССР, сделанные при подписании четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года. // Гуманитарное право. Сборник международно-правовых документов. – Ереван, 1997.

⁹² Доклад Генерального секретаря ООН № IS/25704, пар. 34,35,41-45.

⁹³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2.10.1995 г., пар. 117.

⁹⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. xxxix.

лов ООН по бывшей Югославии и Руанде. В данном исследовании, утверждая о существовании той или иной обычной нормы, мы широко опираемся на данное прецедентное право, как на авторитетный источник.

В качестве другого авторитетного источника при установлении существования той или иной обычной нормы нами в данной работе широко используется фундаментальное исследование Международного Комитета Красного Креста «Обычное международное гуманитарное право», выполненное группой всемирно известных юристов-международников, и отредактированное Жан-Мари Хенкертс и Луизой Досвальд-Бек при участии Каролин Алверман, Кнута Дёрмана и Батиста Ролла⁹⁵. В этой и предыдущих главах мы уже неоднократно ссылались на этот труд и будем ссылаться на него и дальше. В связи с этим следует сказать несколько слов об этой работе, которую по праву можно считать выдающимся вкладом в развитие международного права.

Участники Международной конференции по защите жертв войны, состоявшейся в Женеве в августе – сентябре 1993 года, призвали правительство Швейцарии создать неограниченную по составу межправительственную группу экспертов для изучения практических средств содействия наиболее полному уважению и соблюдению гуманитарного права, а также подготовить доклад для представления государствам – участникам следующей сессии Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца.

На встрече Межправительственной группы экспертов по защите жертв войны, которая состоялась в Женеве в январе 1995 года, МККК было предложено подготовить при содействии специалистов в области МГП, представляющих различные регионы и разные правовые системы, а также при участии консультантов от правительств и международных организаций доклад об обычных нормах МГП, применимых в вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера, а также распространить этот доклад среди государств и компетентных международных организаций. В декабре 1995 года XXVI Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца поддержала эту рекомендацию и официально поручила МККК подготовить доклад об обычных нормах гуманитарного права, применимых во время международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Почти десять лет спустя, в 2005 году, после углубленных изысканий и широких консультаций этот доклад был опубликован в виде исследования, состоящего из трех книг на нескольких тысячах страниц. В первой книге приводятся нормы обычного права с их обоснованием, в двух остальных содержатся все использованные источники, т. е. документы, отражающие практику государств и международных организаций.

Исследование МККК поражает широтой охвата материала, который был проанализирован в свете классической методики определения международного обычая, выработанной Международным судом ООН. Руководящий комитет исследования, состоящий из двенадцати всемирно известных экспертов, провел широкие консультации с привлечением более 100 видных представителей различных органов власти государств.

Для исследования национальных источников примерно в 50 странах (9 в Африке, 11 в Америке, 15 в Азии, 1 в Австралии и 11 в Европе) была отобрана группа исследователей, которым было поручено подготовить доклады о практике своих государств. Страны отбирались по принципу географического представительства с учетом опыта различного рода недавних вооруженных конфликтов. Военные наставления и национальные законодательства стран, не охваченных докладами о государственной практике, также изучались и обобщались. Эта работа была проведена с помощью делегаций МККК во всем мире, а Консультативная служба МККК по международному гуманитарному праву собрала обширный ряд документов национальных законодательств.

Данные о практике государств из международных источников собирались шестью группами, каждая из которых сосредоточилась на одном из направлений, соответствующем одной из частей исследования. Эти группы проводили изыскания в ООН и других международных организациях, в том числе в Африканском Союзе, Совете Европы, Совете сотрудничества государств Персидского залива, Европейском Союзе, Лиге арабских государств, Организации американских государств, Организации исламской конференции и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Материалы по прецедентному праву собирались в той мере, в какой это было необходимо для доказательства существования норм обычного международного права.

В дополнение МККК проанализировал свои собственные архивы, относящиеся примерно к 40 недавним вооруженным конфликтам (21 в Африке, 2 в Америке, 8 в Азии и 8 в Европе). Благодаря тому, что изыскания велись сразу по трем направлениям (в международных и национальных источниках, а также в архивах МККК), удалось отразить практику всех регионов мира. Исследование было сфокусировано на практике последних 30 лет, для того чтобы результатом стало подтверждение современного обычного международного права, но при необходимости приводились примеры и из более ранней практики.

Методической основой для написания окончательного доклада стала оценка, произведенная Руководящим комитетом и отредактированная группой экспертов, представляющих академические круги и правительства государств. Рассматривая эту работу как исследование, носящее академический характер, МККК не навязывал свою волю ни авторам исследования, ни экспертам, стараясь получить как можно более четкую картину того, что сегодня представляет собой обычное международное гуманитарное право. В результате была получена научно обоснованная оценка данного предмета, достоверность которой не была подвергнута сомнению никем из серьезных специалистов в данной отрасли⁹⁶.

9.2.2.4. Право международного и немеждународного конфликтов: преодоление дихотомии

Как уже было отчасти показано в предыдущем разделе, разница между правовым регулированием внутренних и международных вооруженных конфликтов, существующая в договорном праве, теперь в значительной степени

⁹⁵ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы.

⁹⁶ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. xix, lviii – lxx.

нивелирована благодаря развитию обычного гуманитарного права. Ниже мы рассмотрим причины данной дихотомии, пути, по которым шло ее преодоление, и границы, до которых правила, регулирующие международный вооруженный конфликт, применимы теперь к вооруженному конфликту немеждународного характера.

Исторически, государства, имевшие очевидный взаимный интерес к установлению правил, защищавших их подданных в период межгосударственных войн, долгое время противились установлению каких-либо норм, ограничивающих выбор средств и методов ведения боевых действий против лиц, которых они считали мятежниками. Данное явление было связано с таким пониманием государственного суверенитета, который кто-то из публицистов метко охарактеризовал сентенцией «каждому мяснику — свое стадо». Процесс постепенного и болезненного преодоления этой доктрины ярко обрисовали судьи Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии в знаменитом решении по промежуточной апелляции Тадича.

«Всякий раз, — указывают судьи, — когда вооруженное насилие давало о себе знать международному сообществу, в традиционном международном праве юридический ответ был основан на абсолютной дихотомии: состояние войны или мятеж. Первая категория применялась к вооруженным конфликтам между суверенными государствами (если не было признано состояние войны в гражданской войне), в то время как последняя применялась к вооруженному насилию, вспыхивающему на территории суверенного государства. Соответственно, международное право рассматривало два класса конфликта существенно различными способами. Межгосударственные войны регулировались целым корпусом международно-правовых норм, управляющих и ведением военных действий и защитой людей, не участвующих (или более не участвующих) в боевых действиях <...>. В отличие от этого, существовало очень немного международных норм, регулирующих народное волнение, поскольку государства предпочитали расценивать внутреннюю борьбу как восстание, мятеж и измену, подпадающую под действие национального уголовного права и, к тому же, исключать любое возможное вмешательство со стороны других государств в их собственную внутреннюю компетенцию. Эта дихотомия ясно ориентировалась на суверенитет и отразила традиционное состояние международного сообщества, основанное на сосуществовании суверенных государств, более склонных заботиться об их собственных интересах, чем о проблемах сообщества или требованиях гуманизма.

Однако с 1930-х годов вышеупомянутое различие постепенно стало все более стираться, и появлялось или было согласовано все больше и больше международно-правовых норм, регулирующих внутренний вооруженный конфликт. Этот прогресс был обусловлен различными причинами. Во-первых, гражданские войны стали более частыми, не только потому, что технологический прогресс облегчил для групп людей доступ к вооружению, но также и из-за увеличивающейся напряженности, идеологической, межэтнической или экономической. Как следствие, международное сообщество больше не могло закрывать глаза на правовой режим таких войн. Во-вторых, внутренние вооруженные конфликты стали более жестокими и длительными, вовлекая все население государства, где они происходили. Всеобщее обращение к вооруженному насилию достигло такого уровня, что его различие с международными войнами все более и более стиралось <...>. В-третьих, крупномасштабный характер внутренних волнений вместе с увеличивающейся взаимозависимостью государств в мировом сообществе способствовали тому, что третьим государствам стало трудно оставаться в стороне. Экономические, политические и идеологические интересы третьих государств вызвали прямое или косвенное вовлечение их в эту категорию конфликтов. Вследствие этого требовалось, чтобы международное право уделило больше внимание их правовому режиму, чтобы в максимальной возможной степени предотвратить для третьих стран неблагоприятные последствия. В-четвертых, интенсивное развитие и распространение в международном сообществе доктрины прав человека, особенно после принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948, вызвало существенные изменения в международном праве, особенно в подходе к проблемам, затрагивающим мировое сообщество. Подход, ориентированный на государственный суверенитет, был со временем вытеснен подходом, ориентированным на человека. Постепенно принцип римского права *hominum causa omne jus constitutum est* (весь закон создан для пользы людей), получил устойчивую точку опоры в международном сообществе. Из этого следует, что в области вооруженного конфликта различие между межгосударственными войнами и гражданскими войнами теряет свое значение, когда дело касается живых людей»⁹⁷.

Процесс появления норм международного права, регулирующих вооруженный конфликт немеждународного характера имел несколько этапов. Первые примеры внутригосударственной кодификации правил, касающиеся гуманизации военных действий в ходе гражданских войн, относятся еще к XIX в.⁹⁸. Далее, как показал МТБЮ в промежуточном решении по апелляции Тадича, с 1930-х годов практика государств и международных организаций (Лиги Наций) привела к появлению набора международных обычно-правовых норм, связанных с защитой гражданского населения в связи со средствами и методами, используемыми сторонами в вооруженном конфликте. Это такие нормы, как запрет нанесения ударов по гражданскому населению, запрет неизбирательных нападений (типа бомбардировок по площади)⁹⁹ и т. п. (см. подробней разделы 19.2 и 19.6.20).

Затем нормы, касающиеся гуманного обращения и запрещения наиболее вопиющих зверств в отношении лиц, не участвующих в вооруженном конфликте, были кодифицированы: сначала в статье 3, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года, а затем, в 1977 году, в Дополнительном протоколе II. Процесс длительного и трудного согласования государствами этих договорных обязательств, проходивший на острие борьбы между гуманизмом и эгоистичным консерватизмом, — одна из самых драматичных страниц истории международного гуманитарного права¹⁰⁰. Выдающаяся роль в принятии этих документов, несомненно, принадлежит движению Красного Креста, в особенности его Международному Комитету.

⁹⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 96-97.

⁹⁸ Аби-Сааб, 2000, с. 34-63.

⁹⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2.10.1995 г., пар.101-102.

¹⁰⁰ Блестящий очерк истории принятия этих норм см.: Аби-Сааб, 2000.

Статья 3, которую часто называют «мини-конвенцией» или «конвенцией в конвенциях»¹⁰¹, устанавливает правила, которые стороны, находящиеся в состоянии немеждународного вооруженного конфликта, обязаны «применять как минимум». Как подчеркивает в своем комментарии Международный Комитет Красного Креста, одно из ее основных достоинств состоит в том, что она применяется автоматически, без любых условий взаимности¹⁰². Протокол II, обладая тем же самым достоинством, развивает и дополняет статью 3, общую для Женевских конвенций, гуманитарные принципы которой «лежат в основе уважения человеческой личности»¹⁰³.

Тем не менее общая статья 3 и Дополнительный протокол II — две самостоятельные системы правил, область действия которых пересекается лишь частично. На этом акцентирует особое внимание авторитетный комментарий МККК¹⁰⁴. Рамки общей ст. 3 относят ее действие к широкому спектру случаев «вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон». Формулировки Протокола II более развернуты. Статья 1 (1) указывает, что Протокол «применяется ко всем вооруженным конфликтам <...>, происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Как справедливо отметил Фриц Кальсховен, «Протокол II явно не предназначен для применения в том случае, когда «противной стороной» является подпольное партизанское движение, которое лишь время от времени, то здесь, то там применяет «тактику булавочных уколов»»¹⁰⁵.

Таким образом, Дополнительный протокол II применяется только к конфликтам определенной (довольно высокой) степени интенсивности¹⁰⁶, в то время как общая Статья 3 применяется ко всем немеждународным конфликтам вообще¹⁰⁷. Такой порядок применения установлен оговоркой, содержащейся в начале ст. 1 Протокола: «настоящий Протокол, развивающий и дополняющий ст. 3, общую для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, не изменяя существующих условий ее применения, применяется...» Таким образом, сфера применения этих норм различная, и статья 3 охватывает более широкий спектр ситуаций вооруженного противостояния внутри государства, чем Дополнительный протокол II.

«Следовательно, при всех обстоятельствах, отвечающих условиям применения Протокола [II], Протокол и общая статья 3 будут применяться одновременно, поскольку сфера применения Протокола включена в более широкую сферу применения общей статьи 3. С другой стороны в конфликте, степень интенсивности которого невелика, и который не имеет характерных черт, требуемых Протоколом, будет применяться только общая статья 3. В действительности общая статья 3 сохраняет свое независимое существование, то есть ее применение не ограничивается и не изменяется основной сферой применения Протокола. Эта формулировка, юридически довольно сложная, имеет преимущество — она дает гарантию против любого снижения уровня защиты, уже давно предоставляемой общей статьей 3»¹⁰⁸.

Важность принятия данных договорных норм нельзя переоценить. Однако, как уже было сказано, их правила и определения содержат лакуны, в основном вследствие того, что первоначальный текст Дополнительного протокола II, предложенный МККК, был подвергнут в процессе согласования между государствами значительному упрощению на Дипломатической конференции 1974-1977 гг.¹⁰⁹

Эти недостатки были в целом преодолены благодаря прогрессивному развитию обычного гуманитарного права в период, последовавший после принятия Дополнительных протоколов 1977 года.

Степень, до которой правила, традиционно регулировавшие международные конфликты, применимы теперь к вооруженным конфликтам немеждународного характера, хорошо иллюстрирует фундаментальное исследование МККК по обычному гуманитарному праву. Из 161 нормы обычного права, выявленной в исследовании, 140 применимы к внутренним вооруженным конфликтам. В отношении еще нескольких норм практика государств демонстрирует тенденцию, направленную на их постепенный перенос в контекст внутренних конфликтов. В качестве примеров запрещающих норм, явно не сформулированных в договорном праве, но являющихся теперь безусловной частью обычного права внутреннего конфликта, можно привести запрет неизбирательных нападений (к которым отнесены, во-первых, нападения, не направленные на конкретные военные объекты, во-вторых, нападения, при которых применяются методы или средства, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты, и, в-третьих, нападения, при которых применяются методы и средства, последствия которых не могут быть ограничены военными объектами), запрет нападений, при которых явно отстоящие друг от друга и различимые военные объекты, расположенные в населенном пункте, рассматриваются как единая цель (бомбардировка по площади), запрет нападений, нарушающих принцип пропорциональности, запрет произвольного лишения свободы, запрет медицинских и научных эксперимен-

¹⁰¹ Кальсховен, 1994, с. 77.

¹⁰² Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. P. 51.

¹⁰³ Дополнительный протокол II, Преамбула.

¹⁰⁴ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. Paras. 4446-4447.

¹⁰⁵ Кальсховен, 1994, с. 184.

¹⁰⁶ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. / Перевод с английского. — М., МККК, 2000. Пар. 4438. С. 52.

¹⁰⁷ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. P. 50.

¹⁰⁸ Там же, пар. 4457.

¹⁰⁹ Аби-Сааб, 2000, с. 177-183.

тов над людьми, запрет возмездного или унижительного принудительного труда, запрет использования людей в качестве живого щита, запрет насильственных исчезновений и т. п.¹¹⁰

В то же время распространение норм, регулирующих международный вооруженный конфликт, на внутренние вооруженные конфликты все же имеет определенные границы. Как указала апелляционная камера МТБЮ в деле Тадича, «появление <...> общих норм для внутренних вооруженных конфликтов не подразумевает, что внутренний конфликт регулируется общим международным правом во всех его аспектах. Могут быть отмечены два специфических ограничения: (i) только множество норм и принципов, регулирующих международные вооруженные конфликты [но не все нормы и принципы], было постепенно расширено, чтобы стать применимым к внутренним конфликтам; и (ii) эти расширения не имели форму полного и механического переноса этих норм на внутренние конфликты; скорее, общая сущность этих норм, а не детальное регулирование, которое они могут содержать, стала применимой к внутренним конфликтам»¹¹¹.

Указанные ограничения прежде всего распространяются на такие области, как статус комбатанта и военнопленного, а также принудительная юрисдикция по военным преступлениям. Как уже было показано выше, лица, сражающиеся на стороне антиправительственных вооруженных сил или групп, не обладают юридическим статусом комбатанта; ничто в международном законе не ограничивает право государств судить таких лиц за сам факт участия в вооруженном конфликте. Единственным условием такого осуждения являются гарантии справедливого судебного разбирательства. Соответственно в случае пленения (задержания) участники международного вооруженного конфликта не пользуются статусом военнопленного: они считаются лишь «лицами, лишенными свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом»¹¹². Хотя они пользуются всеми основными гарантиями гуманного обращения, условия освобождения таких лиц остаются на усмотрении удерживающей их стороны. В Дополнительном протоколе II содержится норма, в соответствии с которой «по прекращении военных действий органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте, и лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны»¹¹³. Однако, как видно из самого текста, эта норма носит не обязывающий, а рекомендательный характер.

Относительно принудительной юрисдикции необходимо отметить следующее. Договорное гуманитарное право знает два различных типа нарушений его норм, названия которых на русский язык переводятся одним и тем же словом «серьезные». Первый тип серьезных нарушений, обозначенный английским термином «grave», прямо объявляется военными преступлениями. Он включает нарушения, совершаемые только в контексте международного вооруженного конфликта. Условия Женевских конвенций и Дополнительного протокола I прямо обязывают государства предусматривать в своем законодательстве универсальную юрисдикцию (подробно о понятии универсальной юрисдикции см. в разделе 11.1.2) в отношении таких нарушений¹¹⁴. Так, «Высокие Договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные (grave) нарушения настоящей Конвенции <...>. Каждая высокая договаривающаяся сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных (grave) нарушений и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду»¹¹⁵.

Второй тип серьезных нарушений обозначен термином «serious». По смыслу он носит более общий характер, обозначающий и собственно grave-нарушения, и все другие грубые нарушения норм гуманитарного права, включая и грубые нарушения права внутренних конфликтов. В ст. 89 Дополнительного протокола I указывается, что «в случае серьезных (serious) нарушений Конвенций или настоящего Протокола Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются принимать меры как совместно, так и индивидуально, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций и в соответствии с Уставом Организации Объединенных наций». Это означает, что по другим серьезным (serious) нарушениям, не составляющими grave-нарушений, государства лишь имеют право (но не обязанность) устанавливать универсальную юрисдикцию¹¹⁶. Этим же правом наделены и компетентные международные организации, такие, как ООН. Например, Международный трибунал по Руанде, учрежденный Советом Безопасности ООН на основании гл. VII Устава Организации Объединенных Наций, «полномочен осуществлять судебное преследование лиц, которые совершают или отдают приказ о совершении серьезных (serious) нарушений статьи 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года о защите жертв войны и Дополнительного протокола II к ним от 8 июня 1977 года»¹¹⁷. Сходной компетенцией обладает и Международный трибунал по бывшей Югославии по статье 3 Устава, как установленно в его прецедентном праве (подробно см. раздел 19.2).

Таким образом, можно констатировать, что в современном обычном гуманитарном праве традиционная дихотомия между нормами, регулирующими внутренний и международный конфликт, в основном преодолена

¹¹⁰ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 48-59, 409-412, 421-426, 429-450.

¹¹¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 126.

¹¹² Дополнительный протокол II, ст. 5 (1).

¹¹³ Дополнительный протокол II, ст. 6 (5).

¹¹⁴ Первая Женевская конвенция, ст. 49; Вторая Женевская конвенция, ст. 50; Третья Женевская конвенция, ст. 129; Четвертая Женевская конвенция, ст. 146; Дополнительный протокол I, ст. 85 (6).

¹¹⁵ Первая Женевская конвенция, ст. 49.

¹¹⁶ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006, Том I. Нормы. С. 776-780.

¹¹⁷ Устав МТР, ст. 4.

на. Практически все правила, серьезные нарушения которых образуют составы военных преступлений, одинаково применимы и во время международных, и во время внутренних конфликтов. Однако определенное различие между правом международного и внутреннего конфликта все еще сохраняется. Оно выражается прежде всего в том, что (1) нормы права международного конфликта, как правило, содержат более детальное регулирование предмета их правоотношений, (2) что право внутреннего конфликта не предусматривает статуса комбатанта и военнопленного, и (3) что в отношении серьезных нарушений, совершенных в контексте внутреннего конфликта, не предусмотрено принудительной универсальной юрисдикции.

9.2.2.5. Понятие вооруженного конфликта и типы вооруженных конфликтов

Как ни странно, международные договоры в области гуманитарного права не содержат общего определения вооруженного конфликта. Поиск этого определения долгое время был темой жарких дискуссий среди юристов-международников. Соответственно в доктрине можно найти достаточно много определений, каждое из которых вряд ли может претендовать на то, чтобы считаться общепринятым. По нашему мнению, для корректного разрешения этой проблемы необходимо обратиться к такому важному вспомогательному источнику, как судебное толкование, данное компетентным международным судом.

Такая возможность теперь имеется: в 1995 году международное прецедентное право обогатилось достаточно четкой формулировкой, данной Апелляционной камерой Международного трибунала по бывшей Югославии в решении по промежуточной апелляции Душко Тадича. В Третьем докладе Трибунала Генеральной Ассамблеи ООН это решение по праву названо «уникальным по своей важности событием в процессе развития международного права, поскольку международный апелляционный орган впервые высказался по поводу нынешнего состояния международного уголовного права и, в частности, международного гуманитарного права»¹¹⁸. Следует отметить, что данное определение широко использовалось Судом в других делах, и ни разу не было поставлено под сомнение ни одним авторитетным экспертом.

В данном решении Суд, проанализировав тексты Женевских конвенций, Дополнительных Протоколов и различные вспомогательные источники права, включая комментарии Международного Комитета Красного Креста, дает следующее определение:

«Вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда в отношениях между государствами прибегают к вооруженной силе или когда в отношениях между государственными властями и организованными вооруженными группами или в отношениях между такими группами в рамках того или иного государства уже давно прибегают к насилию с применением оружия. Международное гуманитарное право применяется с самого начала таких вооруженных конфликтов и продолжает применяться и после прекращения боевых действий, пока не достигнуто общее мирное соглашение или, в случае внутренних конфликтов, пока не достигнуто мирное урегулирование. До такого момента международное гуманитарное право продолжает применяться на всей территории воюющих государств или, в случае внутренних конфликтов, на всей территории, находящейся под контролем той или иной стороны, независимо от того, имеют ли место боевые действия»¹¹⁹.

В целях настоящего исследования данное определение будет использоваться авторами как авторитетное изложение нормы обычного гуманитарного права.

Как уже было показано в предыдущих разделах, вооруженные конфликты подразделяются на международные и внутренние, или конфликты международного и немеждународного характера. Исходя из критериев, содержащихся в договорном (конвенционном) гуманитарном праве, можно выделить следующие четыре основные категории вооруженных конфликтов.

1. Международные вооруженные конфликты в смысле четырех Женевских конвенций, а именно объявленная война, или всякий другой вооруженный конфликт, возникающий между двумя или несколькими суверенными государствами, включая случаи, когда одна из сторон конфликта не признает состояния войны¹²⁰. Очевидно, что сторонами данного типа конфликта могут считаться только признанные международным сообществом суверенные государства или международные организации.

2. Международные вооруженные конфликты в смысле ст.1 (4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, т.е. «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

3. Вооруженные конфликты немеждународного характера в смысле статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций, а именно все вооруженные конфликты, возникающие на территории суверенных государств.

¹¹⁸ ООН. Генеральная ассамблея. Совет безопасности. Пятьдесят первая сессия. Третий ежегодный доклад МТБЮ. Пар. 33.

¹¹⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 70.

¹²⁰ Ст. 2, общая для четырех Женевских конвенций, ст. 1 (3) Дополнительного протокола I.

4. Вооруженные конфликты немеждународного характера в смысле Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, т. е. конфликты высокой степени интенсивности, а именно все вооруженные конфликты, происходящие на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны «между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»¹²¹.

Важно, что не любой акт вооруженного столкновения, имеющий место на территории суверенного государства, можно считать конфликтом, подпадающим под действие международного гуманитарного права. Статья 2 (1) Дополнительного протокола II уточняет, что «настоящий Протокол не применяется в случаях нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами». Исходя из последней фразы можно утверждать, что данное требование применимо и к ст. 3, общей для Женевских конвенций. Кроме того, в соответствии с приведенным выше определением, данным Апелляционной камерой МТБЮ, стороны должны прибегать к вооруженному насилию «давно». Таким образом, для установления факта внутреннего вооруженного конфликта не достаточно продемонстрировать, что имел место одномоментный эпизод вооруженного столкновения: противостояние сторон должно иметь определенную временную протяженность.

Однако между категориями внутренних и международных конфликтов могут существовать и пограничные ситуации. Во-первых, это внутренние вооруженные конфликты, по поводу которых официально признается состояние войны. Признание состояния войны — акт, посредством которого либо правительство страны, на территории которой имеет место вооруженный конфликт, признает, что последний является войной, подпадающей под действие всей совокупности законов и обычаев международного вооруженного конфликта, либо правительство третьего государства заявляет, что данный вооруженный конфликт — война, в отношении которой оно намерено занять реальную позицию. Такие конфликты часто именуется гражданскими войнами. Верховный суд США следующим образом высказался по поводу гражданской войны между Севером и Югом: «Гражданская война никогда торжественно не объявляется; она становится таковой в силу случайных факторов: численности, силы и организованности людей, которые ее начали и ведут. Когда мятежная сторона занимает и удерживает военными средствами часть территории, провозглашает свою независимость, отказавшись от своего долга верности, располагает организованными вооруженными силами и начинает военные действия против своей бывшей верховной власти, международное сообщество признает стороны в качестве воюющих, а конфликт — в качестве войны».

Во-вторых, это вооруженные конфликты, имеющие одновременно черты и внутренних, и международных, т. е. внутренние конфликты со значительным иностранным участием. Так, Международный трибунал по бывшей Югославии признал, что конфликт между сербами и мусульманами Боснии имел черты международного конфликта вследствие участия в нем Союзной Республики Югославия (СРЮ). Судом было установлено, что силы боснийских сербов действовали как *de facto* органы СРЮ, т. е. они находились под общим контролем Югославской армии, и такой контроль выражался не только в финансовой помощи, но и в общем руководстве, координации и надзоре за деятельностью Армии Сербской Республики Боснии и Герцеговины¹²². «Такой способ определения степени вовлечения какого-либо государства в вооруженный конфликт, участником которого оно формально не является, стали называть правовым принципом, или критерием, «общего контроля»¹²³.

Понятно, что обе указанные пограничные ситуации в действительности должны рассматриваться как разновидности международного конфликта, так как в этом случае к ним применяется весь корпус гуманитарного права вооруженного конфликта международного характера.

9.2.3. Международное право в области прав человека

Международное право прав человека — следующий важнейший источник международного уголовного права. Во-первых, его грубые нарушения (нарушения фундаментальных прав человека) могут образовывать составы международных преступлений, в частности, военных преступлений (если они связаны с вооруженным конфликтом), преступлений против человечности (если они носили массовый или (и) систематический характер) и такого самостоятельного (дискретного) международного преступления, как применение пыток. Во-вторых, общепризнанные стандарты в области прав человека оказывают значительное влияние на международное уголовное право.

Учитывая аудиторию читателей данного исследования, мы не будем останавливаться на праве прав человека столь же подробно, как и на международном гуманитарном праве. Ниже будет дана лишь общая характеристика этой отрасли и перечислены основные международные документы, содержащие его нормы.

Необходимо различать права человека как моральную доктрину, и права человека как самостоятельный раздел международного права. Если первая является отраслью философии (философии права), то второй представляет собой корпус правовых норм, обязательных для государств. Однако нельзя забывать, что именно развитие философии прав человека, которую некоторые авторы называют «светской религией современно-

¹²¹ Дополнительный протокол II, ст. 1 (1).

¹²² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 156-162.

¹²³ Михайлов, 2006, с. 141.

сти», оказала определяющее влияние на возникновение и развитие этой отрасли права и появлению его норм. Основным стимулом распространения философской доктрины прав человека на область права явилась Вторая мировая война, ужаснувшая человечество беспрецедентным для «цивилизованных наций» уровнем зверств. Принятие Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. Всеобщей Декларации Прав Человека и последующее заключение ряда многосторонних договоров в этой области является одновременно и реакцией международного сообщества на эти ужасы, и попыткой создания действенного правового механизма, способного гарантировать мир от их повторения. В основе философии прав человека является убежденность в том, что любой человек по самому факту рождения обладает комплексом неотъемлемых прав, которых он не может быть кем-либо произвольно лишен. В юридическом смысле права человека — это нормы, которыми должны руководствоваться государственные органы при обращении с отдельными людьми и группами лиц¹²⁴.

Международное право прав человека (*international law of human rights*) состоит из комплекса норм, связанных с правами и свободами личности и содержащих гарантии и механизмы защиты этих прав и свобод. Права человека носят универсальный характер и не могут быть исключительно внутренним делом государств. Однако на своей территории государство является основным гарантом соблюдения прав и свобод человека. Поэтому, если объектом возможного нарушения этих прав является человек, то субъектом — государство или лица, действующие как представители государства. При определенных обстоятельствах, например в условиях внутреннего вооруженного конфликта, субъектами нарушений прав человека могут выступать структуры, осуществляющие на данной территории функции фактической власти и лица, действующие как представители этих структур. Лицо, действующее в частном качестве, не может быть субъектом нарушения прав человека. Оно может совершать уголовное преступление против личности, но такое преступление не может быть охарактеризовано как нарушение прав человека, если только такое лицо не действовало по приказу или при прямом или косвенном подстрекательстве со стороны государства либо его представителей. Таким образом, нормы прав человека нацелены на защиту личности от государственного произвола, или, шире, от произвола власти.

Роль международного обычая в системе прав человека существенно ниже, чем в гуманитарном праве. Это связано с тем, что возникновение норм прав человека шло, как правило, не по пути кодификации уже существующего обычая, а скорее, по пути закрепления в международных конвенциях определенных базовых ценностей, которые после этого становились юридически обязательными нормами. Таким образом, международное право в области прав человека — преимущественно договорное. Тем не менее об обычном праве прав человека можно говорить в том смысле, что многие его договорные нормы стали сейчас нормами обычного права, и даже нормами *jus cogens*, то есть обязательными для всех государств вне зависимости от того, являются ли они участниками соответствующих соглашений. К таким нормам относятся, например, запрет произвольного лишения жизни, запрет пыток и иных форм жестокого обращения, запрет рабства и т. п. Другой особенностью международного права прав человека является высокая роль прецедентного права в его развитии и применении. Нормы прав человека в ряде случаев сформулированы в международных соглашениях в достаточно общих чертах, и поэтому важное значение для их толкования имеют судебные решения таких судебных органов, как Европейская и Межамериканская комиссии и суды по правам человека, решения Комиссии ООН по правам человека и других подобных органов.

Обычно права человека подразделяют на гражданские, политические, социально-экономические и культурные. Отдельно выделяют также гендерные права, права ребенка и т. п. Особняком стоят такие права, как право на самоопределение народов, права национальных меньшинств и т. п. Они не являются правами человека в собственном смысле, а относятся к правам групп.

Следует сразу оговориться, что международные преступления, как правило, могут образовывать не все нарушения прав человека, а только нарушения ряда так называемых «основных» или «фундаментальных» прав, которые не могут быть ограничены государством ни при каких обстоятельствах. Эти права составляют ядро группы «гражданских прав». К их числу относятся право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободу от пыток и других форм жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения, право на свободу от рабства и принудительного труда, право на справедливое судебное разбирательство, право на защиту от произвольного лишения имущества и т. п. Несомненно, что нарушение, как минимум, одного из прав групп также образует международное преступление, причем самое тяжкое — это нарушение права на защиту от геноцида. Однако источники этого права будут рассмотрены нами в разделе, посвященном источникам международного уголовного права как самостоятельной отрасли (см. ниже, раздел 9.2.4).

Для международного уголовного права наиболее важное значение имеют следующие международные (универсальные и региональные) документы в области прав человека.

Всеобщая декларация прав человека, 10 декабря 1948 года. Хотя этот документ формально не является юридически обязывающим, многие его нормы стали теперь нормами обычного международного права.

Международный пакт о гражданских и политических правах и его Факультативный протокол, 16 декабря 1966 года.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Рим, 4 ноября 1950 г. (Европейская конвенция о правах человека), измененная и дополненная Протоколом № 11.

¹²⁴ Бергем, Карлсен, Слюдал, 2003, с. 15.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984 г.

Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений, принятая Резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1992 года.

Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, открыта для подписания и ратификации 20 декабря 2006 г.

Также следует упомянуть такие источники «мягкого» права, как соответствующие Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Комитета и Комиссии по правам человека ООН, других органов ООН, документы ОБСЕ в области человеческого измерения и т. п. Упомянутые решения вместе с прецедентным правом международных судов и комиссий в области прав человека являются вспомогательными источниками международного уголовного права и используются международными уголовными судами при установлении существования той или иной нормы права и при судебном толковании.

Взаимосвязь и взаимодействие норм международного гуманитарного права и норм международного права прав человека очень точно охарактеризованы в Комментариях МККК к Дополнительному протоколу II:

«У [Женевских] Конвенций и Дополнительных протоколов к ним та же цель, что и у международных документов по правам человека, а именно: защита человеческой личности. Однако это две разные правовые системы, каждая из которых имеет свою основу и свои механизмы. Международное гуманитарное право применяется в ситуациях вооруженного конфликта. Права человека продолжают применяться одновременно с ними в период вооруженного конфликта (см. резолюцию 2675 (XXV) генеральной Ассамблеи ООН). Договоры по правам человека предусматривают, что от отдельных положений в этой области допускаются временные отступления «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой», то есть когда происходит серьезная борьба или конфликт, но и тогда они отменяются только в той степени, в какой этого требует острота положения. Однако принятые положения не допускают отмены так называемых основных прав, защищающих человеческую личность, которые гарантируют уважение к физической и психической неприкосновенности. Это неизменное ядро прав человека, также известное как «неотменяемые права», соответствует низшей степени защиты, на которую может претендовать любое лицо в любое время. Протокол II [к Женевским конвенциям] содержит практически все неизменные права Пакта о гражданских и политических правах <...>. Эти права основаны на нормах, имеющих всеобщую юридическую силу, нормах, которые государства должны соблюдать даже при отсутствии у них каких-либо обязанностей в соответствии с договором или иных четко обозначенных обязательств. Можно считать, что эти права являются частью *jus cogens*. Такая точка зрения может быть спорной по отношению некоторых из этих прав. Но нет никакого сомнения, что она справедлива, если дело касается, например, запрещения рабства и пыток, причем даже не надо вдаваться в дискуссию о том, существует ли вообще *jus cogens*»¹²⁵.

В условиях вооруженного конфликта права человека и международное гуманитарное право относятся друг к другу как *lex generalis* и *lex specialis*. Если права человека определяют основные стандарты защиты личности, то гуманитарное право конкретизирует их применительно к «экстремальным» условиям и специфическим особенностям вооруженного конфликта. Иногда высказывается мнение, что в свете развития доктрины прав человека гуманитарное право становится избыточной или как минимум вспомогательной отраслью: ведь основные права и так находятся под защитой в любом случае. Однако это суждение в корне не верно. Международное гуманитарное право содержит ряд положений, которые рассчитаны на защиту прав человека именно в условиях войны. Они проектировались и принимались государствами с намерением создать условия защиты личности с учетом тех специфических опасностей, которые несет вооруженный конфликт. Таковы нормы, касающиеся принципа различия, нормы обращения с пленными и иными лицами, лишенными свободы в связи с вооруженным конфликтом, нормы защиты перемещенных лиц, нормы, запрещающие определенные методы и средства ведения военных действий и т. п.

9.2.4. Самостоятельные источники международного уголовного права

9.2.4.1. Определение

Как уже было показано выше, международное уголовное право имеет гибридный характер и оперирует широким кругом источников, проистекающих из других отраслей международного закона. Однако отдельную группу составляют источники, возникшие в процессе развития международного уголовного права, как самостоятельной отрасли. Это уставы и иные важнейшие документы международных судов и трибуналов, их прецедентное право, а также корпус международных договоров, регулирующих правоотношения в области борьбы с международными преступлениями. Здесь мы обратимся к этой группе, исключая прецедентное право, которое будет рассмотрено нами ниже отдельно.

¹²⁵ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1077 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. / Перевод с английского. – М., МККК, 2000. Пар. 4429-4430. С. 47.

9.2.4.2. Уставы международных уголовных судов и трибуналов и связанные с ними документы

а) Уставы международных военных трибуналов и судов, созданных после Второй мировой войны и связанные с ними документы

Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, принятый в Лондоне 8 августа 1945 г. (известный еще как Лондонский статут или Нюрнбергский устав), является важнейшим источником международного уголовного права как отрасли в целом. Его основные положения, касающиеся составов международных преступлений, а также общих принципов уголовной ответственности за эти преступления, безусловно, стали частью обычного международного права.

Это же в значительной степени касается и *Устава Международного Военного Трибунала для дальнего Востока, принятого в Токио 19 января 1946 г.*, хотя в истории права Токийский трибунал обычно оказывается как бы в тени своего старшего, нюрнбергского «брата». Токийский устав был смоделирован на основании Нюрнбергского, однако между ними имеются некоторые различия, касающиеся структуры Трибуналов, состава суда и норм материального права¹²⁶.

Необходимо подчеркнуть, что непреходящее значение для международного уголовного права имеют только нормы материального права, нашедшие отражение в этих уставах, а затем в приговорах данных судов. В свете развившейся доктрины прав человека процессуальные нормы данных судов имеют теперь почти исключительно историческое, а не практическое значение.

Свидетельством признания международным сообществом универсального значения материальных норм, отраженных в Нюрнбергском Уставе и приговоре, стали *Нюрнбергские принципы, или «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала»*. Данный документ может считаться самостоятельным источником международного уголовного права. История его появления такова. 11 декабря 1946 г. Генеральная ассамблея ООН своей Резолюцией № 95 (I) «единогласно подтвердила принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его решении». Резолюцией № 177 (II) от 21 ноября 1947 Генеральная Ассамблея поручила Комиссии международного права «сформулировать принципы международного права, признанные в статуте Нюрнбергского трибунала и в решении трибунала». В ходе рассмотрения этого предмета возник вопрос, действительно ли Комиссия должна установить, до какой степени принципы, содержащиеся в Уставе и судебном решении, составили принципы международного права. Комиссия заключила, что так как Нюрнбергские принципы были подтверждены Генеральной Ассамблеей, задача, порученная Комиссии, состояла не том, чтобы дать какую-либо оценку этим принципам, а в том, чтобы просто их сформулировать. Это и было сделано на Второй сессии Комиссии, которая проходила с 5 июня по 29 июля 1950 года¹²⁷; на ней в очень лаконичной форме были сформулированы семь принципов, охватывающих определения составов международных преступлений и основы индивидуальной уголовной ответственности за такие преступления. Как отмечает Альбин Эсер, Комиссия международного права «с некоторыми модификациями и обобщениями» закрепила положения Устава Международного Военного Трибунала¹²⁸.

Хотя «Нюрнбергские принципы» следует отнести к категории так называемого «мягкого» права, их юридическое значение очень высоко. Особенно важно, что данные «Принципы» относятся не к какому-либо отдельному суду, а к системе международного права в целом. В качестве источника права они используются Специальными трибуналами ООН. Так, Судебная камера МТБЮ отклонила два ходатайства бывшего президента СРЮ Слободана Милошевича, в которых он утверждал, что ст. 7 (2) Устава Трибунала, в соответствии с которой «должностное положение обвиняемого в качестве главы государства или правительства или ответственного чиновника не освобождает это лицо от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания», противоречит международному праву. Суд, отклонив данное ходатайство, сослался в числе прочего на Принцип III «Нюрнбергских принципов», который гласит: «Тот факт, что лицо, которое совершило действие, признаваемое преступлением согласно международному праву, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву».

Наконец, к данной группе источников относится Закон Контрольного Совета № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности», изданный в Берлине командованием держав-победительниц 20 декабря 1945 года. Целью закона являлось обеспечить «юридически однородное основание для судебного преследования в Германии военных преступников и других подобных правонарушителей, за исключением тех, с которыми имеет дело Международный Военный Трибунал»¹²⁹. В соответствии с этим законом каждое из союзнических государств осуществляло правосудие в своей оккупационной зоне¹³⁰.

Антонио Кассесе следующим образом резюмирует значение Международных Военных Трибуналов и судов, созданных после Второй мировой войны: «Во-первых, они сломали «монополию» по уголовной юрисдикции по таким преступлениям, как военные преступления, до того момента твердо находившуюся в ком-

¹²⁶ Cassese, 2003, p. 332.

¹²⁷ Report of the International Law Commission Covering its Second Session, 5 June – 29 July 1950, Document A/1316. // Yearbook of the International Law Commission, 1950, Vol. II, pp. 374 – 380.

¹²⁸ Albin Eser, 2002, p. 981.

¹²⁹ Закон Контрольного Совета № 10, Преамбула.

¹³⁰ Там же, ст. 1.

петенции государств. Впервые государствами были установлены учреждения, имеющие международное измерение и международную область действия, имеющие целью преследование по суду и наказание лиц, не являвшихся гражданами этих государств. Во-вторых, Лондонским соглашением были предусмотрены и сделаны наказуемыми новые составы преступлений: преступления против человечности и преступления против мира. Было ли это сделано в нарушении принципа *nullum crimen sine lege* или нет, но фактом является то, что после 1945 года эти преступления постепенно стали предметом общепринятых международных юридических запрещений. В-третьих, уставы и прецедентное право МВТ и МВТДВ и различных трибуналов, созданных Союзниками после Второй мировой войны, установили и развили новые юридические нормы и стандарты ответственности, которые продвинули на международный уровень принцип верховенства закона, выразившийся, например, в устранении в качестве реабилитирующего обстоятельства выполнение обвиняемым приказа вышестоящего начальства, а также в ответственности глав государств. Наконец, эти события имели символическое значение и создали моральное наследие в интересах создания постоянной, эффективной, и независимой от политических интересов системы международного уголовного правосудия»¹³¹.

б) Проекты Кодексов преступлений против мира и безопасности человечества

Существуют два Проекта Кодексов преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленных Комиссией международного права ООН в 1953 и 1994 годах. Первый из них был разработан в связи с поручением генеральной Ассамблеи, содержащимся в Резолюции № 177 (II) от 21 ноября 1947 для предполагаемого Международного Уголовного Суда. Однако его учреждение стало невозможным вследствие начала Холодной войны, и дальнейшая работа ООН в этом направлении была приостановлена. Генеральная Ассамблея вернулась к этому вопросу только 1989 году в своей Резолюции 44/39. В результате Комиссией международного права в 1993 году подготовлен текст, в который в следующем году был внесен ряд изменений¹³². Окончательная версия была представлена в 1996 году. В дальнейшем этот текст был отложен, так как в 1996 г. работу над проектом Устава Международного Уголовного Суда начал учрежденный Генеральной Ассамблеей Предварительный комитет, что положило начало формулированию документа, известного теперь как Римский Статут Международного Уголовного Суда.

Проекты Кодексов 1953 и 1996 годов имеют сейчас ограниченное значение, так как ни один из этих документов в конечном итоге не был утвержден. Однако как плод работы ряда выдающихся юристов, выдвинутых государствами — членами ООН, они использовались Специальными трибуналами ООН в качестве авторитетного вспомогательного источника при установлении существования той или иной нормы обычного права и при судебном толковании.

в) Уставы Специальных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде

Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (МТБЮ), был принят Резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 года.

Устав Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года (МТР) был принят Резолюцией Совета Безопасности ООН № 995 от 8 ноября 1994 года.

Высокое значение данных уставов и резолюций как источников международного уголовного права определяется тем, что они в соответствии со статьей 25 Устава ООН обязательны для всех государств — членов Организации Объединенных Наций. Вместе с тем они относятся к категории «вторичных» источников, так как приняты на основе положений, содержащихся в международном договоре, каковым является Устав ООН¹³³.

Для толкования данных источников необходимо использовать правила интерпретации, установленные Венской конвенцией о праве международных договоров, так как во многих отношениях данные Уставы и Резолюции Совета Безопасности могут быть приравнены к международным соглашениям¹³⁴. Этот подход поддержан в ряде решений Апелляционной камеры МТБЮ¹³⁵.

г) Уставы гибридных (смешанных) судов

Так называемые гибридные суды были установлены путем заключения соглашений между Организацией Объединенных Наций и правительствами тех стран, на чьей территории были совершены преступления, в отношении которых данные судебные органы наделены юрисдикцией. Эти соглашения по своей форме являются международными договорами между государствами и межправительственной организацией — «разновидностью публичного инструмента международного права, предусмотренного Венской конвенцией о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными

¹³¹ Cassese, 2003, p. 333

¹³² Report of the International Law Commission, 46th Sess., 2 May-22 July 1994, UN GAOR, 49th Sess., Supp. No. 10, UN Doc. A/49/10 (1994).

¹³³ Cassese, 2003, p. 26

¹³⁴ Там же, p. 27

¹³⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 282-305.

организациями»¹³⁶. Уставы данных судов в ряде случаев предусматривают ответственность как за международные преступления, так и за серьезные преступления по национальному законодательству.

Документом, регулирующим деятельность Групп Окружного суда Дили с исключительной юрисдикцией по серьезным уголовным преступлениям в Восточном Тиморе, является Постановление Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15 от 6 июня 2000 года. Это постановление по сути является Уставом суда, который содержит нормы материального и процессуального права. Составы преступлений, предусмотренные этим документом, практически копируют материальную часть Римского Статута Международного Уголовного Суда.

Устав Специального суд по Сьерра-Леоне принят в соответствии с договором между ООН и Правительством Сьерра-Леоне от 16 января 2001 года и Резолюцией Совета Безопасности № 1315 (2000) от 14 августа 2000. Он предусматривает ответственность как за международные преступления (преступления против человечности, нарушения ст. 3, общей для Женевских конвенций, Дополнительного протокола II и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права), так и за серьезные преступления по законодательству Сьерра-Леоне (преступления против детей и их половой неприкосновенности и поджог).

Закон об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии, принят парламентом (Народным Собранием) Камбоджи 2 января 2001 г. и утвержден Договором между ООН и Королевским правительством Камбоджи 6 июня 2003. Он предусматривает ответственность за геноцид, преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., Гаагской конвенции 1954 г. и некоторые преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Камбоджи 1956 г. (убийство, пытки, религиозное преследование).

Наконец, к данной группе источников необходимо отнести Распоряжения Специального представителя генерального Секретаря ООН и главы Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) № 1999/1 (S/1999/987) от 25 июля 1999 «Об органе временной администрации в Косово» и № 2000/6 (S/2000/177/Add.2) от 15 февраля 2000 г. «О назначении и отрешении от должности международных судей и международных прокуроров». Международные судьи здесь работают с 2000 года.

Данные документы, хотя и не имеют такого же значения для государств-членов ООН, как Уставы Специальных трибуналов, являются важным свидетельством закрепления тех или иных норм материального права на международном уровне.

д) Римский Статут Международного Уголовного Суда

Римский Статут Международного Уголовного Суда принят Заключительным актом Дипломатической конференции полномочных представителей 17 июля 1998 года и вступил в силу 1 июля 2002 года. В соответствии со статьей 9 к данному Статуту прилагаются «*Элементы преступлений*», которые помогают Суду в толковании и применении норм материального права.

Римский Статут, ратифицированный к настоящему моменту 105-ю государствами, является сегодня важнейшим документом международного уголовного права. Однако при его оценке как источника права необходимо учитывать следующие ограничения. Во-первых, нормы материального права Статута предусматривают только те составы преступлений, по которым МУС был наделен юрисдикцией в связи с волей учредивших его государств. Таким образом, Римский Статут не является неким универсальным международным уголовным кодексом, кодифицировавшим все международные преступления, признанные таковыми в соответствии с обычным международным правом¹³⁷. Во-вторых нормы Римского Статута и «не предназначены для того, чтобы зафиксировать, или вновь заявить, или способствовать развитию международного уголовного права»¹³⁸. На это ясно указывает статья 10, в соответствии с которой ничто в части Второй Статута (которая регулирует вопросы юрисдикции, приемлемости и применимого права, в том числе дает перечень преступлений) не должно истолковываться «как каким бы то ни было образом ограничивающее ныне действующие или складывающиеся нормы международного права или наносящее им ущерб для целей, отличных от целей настоящего Статута». Поэтому, по выражению Антонио Кассесе, юридическая ценность норм Римского Статута ограничена, «хотя они, конечно, могут найти опору и вызвать постепенное изменение в существующем праве»¹³⁹. Сходную характеристику Римского Статута дают и другие академические комментаторы, включая, например, Вильяма Шабаса. Он характеризует данный Статут как один из международных договоров, являющихся «продуктами дипломатического компромисса», в связи с чем они могут идти шире норм обычного права, или, наоборот, сужать эти нормы¹⁴⁰.

В целом выделяются три категории ситуаций: (1) когда Римский Статут фиксирует, уточняет и разъясняет обычные нормы, (2) когда нормы Римского Статута более узки, чем нормы обычного права, и (3) когда нормы Римского Статута шире обычно-правовых норм¹⁴¹.

«Вообще говоря, — пишет Кассесе, — Римский Статут, кажется, достоин похвалы во многих отношениях, насколько это касается материального уголовного права. Многие преступления определены здесь с не-

¹³⁶ Schabas, 2006, p. 53-54.

¹³⁷ Cassese, 2003, p. 159.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Schabas, 2006, p. 99-100.

¹⁴¹ Cassese, 2003, p. 92.

обходимой степенью детализации, а общие принципы уголовной ответственности изложены подробно. <...> Кроме того, понятие военных преступлений справедливо расширено на преступления, совершаемые во время внутреннего вооруженного конфликта. Однако в некоторых областях условия <...> Римского Статута в сравнении с существующим международным правом являются шагом назад¹⁴². Это, например, относится к различиям, имеющимся между регулированием международных и внутренних вооруженных конфликтов. «Поскольку статья 8 отделяет право, применимое к первой категории вооруженных конфликтов, от права, применимого к последней, она является несколько ретроградной. Напротив, в соответствии с текущей тенденцией это различие должно быть отменено: необходим общий корпус закона, применимый ко всем конфликтам»¹⁴³. В частности, автор указывает на то, что Римский Статут не криминализирует в качестве военного преступления использование в вооруженных конфликтах немеждународного характера запрещенного оружия¹⁴⁴. Это же касается и некоторых важных норм, относящихся к преступлениям против человечности. Например, требования к уровню участия государства или организации в совершении таких преступлений гораздо более строги, чем в обычном праве (см. ниже, раздел 20.1.2.6)¹⁴⁵. Антонио Кассезе приводит и множество других примеров.

С другой стороны, в некоторых случаях Римский Статут формулирует свои нормы шире, чем обычное международное право. Во-первых, им впервые вводятся такие самостоятельные составы преступлений против человечности, как принудительная беременность, насильственные исчезновения и апартеид. Во-вторых, он весьма существенно расширяет группу дискриминационных оснований, по которым совершается преступление против человечности в виде преследования¹⁴⁶.

Для целей данного исследования важно подчеркнуть следующее. Сфера применения Римского Статута, как и любого другого международного договора, ограничена лишь правоотношениями, являющимися его непосредственным предметом. В данном случае — исключительно вопросами учреждения, функционирования и юрисдикции Международного Уголовного Суда. Римский Статут, ограничивая возможности МУС по сравнению с существующими рамками обычного международного права, не сужает этих рамок для других существующих и возможных в будущем судов. Специальный (ad hoc) международный судебный орган, который может быть создан для Чечни, не связан договорными положениями учредительных документов другого, пусть даже очень авторитетного международного суда. Пределы юрисдикции возможного уголовного трибунала для Чечни априори ограничены лишь рамками обычного международного права. Поэтому при конструировании Устава такого трибунала необходимо использовать положения Римского Статута с определенной осторожностью, всегда сверяя их с обычно-правовыми нормами.

В то же время, если будут созданы обстоятельства, при которых МУС сможет осуществлять юрисдикцию по международным преступлениям, совершенным в Чечне, все его нормы — как сужающие, так и расширяющие рамки обычного права — будут, безусловно, распространяться и на эти преступления.

9.2.4.3. Правила процедуры и доказывания международных уголовных судов и трибуналов

Правила процедуры и доказывания являются процессуальными документами, определяющими порядок судебных, досудебных и апелляционных слушаний, вопросы допустимости доказательств, защиты жертв и свидетелей и т. п. Процессуальные нормы, регламентировавшие работу трибуналов Нюрнберга и Токио, были сформулированы в самом общем виде, большинство процедурных вопросов разрешалось путем принятия судьями индивидуальных решений. Поэтому значение данных норм для современного международного уголовного права весьма невелико. Правила процедуры и доказывания Специальных международных трибуналов ООН, гибридных судов и Международного Уголовного Суда содержат уже очень детальное регламентирование. Правила процедуры и доказывания Специальных трибуналов были в соответствии с уставами этих судов, составлены самим судьями¹⁴⁷. Правила Специального Суда для Сьерра-Леоне были заимствованы у МТР, хотя судьи имеют право вносить в них необходимые изменения¹⁴⁸. Правила процедуры и доказывания Международного Уголовного Суда приняты в соответствии со ст. 51 Римского Статута Ассамблеей государств-участников.

«Вероятно, — пишет Антонио Кассезе, — с постепенным прекращением судебной деятельности МТБЮ и МТР и одновременным усилением МУС, правила процедуры этого суда могут стать общепринятыми для государств и затем превратиться в общие международные правила. Это, однако, процесс, который, вероятно, растянется на многие годы»¹⁴⁹. Несмотря на отсутствие сейчас общепринятого корпуса международных уголовно-процессуальных норм, общие принципы, регулирующие международный уголовный процесс, можно выделить при помощи обобщения норм уставов и правил существующих международных судов и анализа их судебной практики. Антонио Кассезе указывает на четыре основных принципа: презумпция невиновности, право обвиняемого на независимый и беспристрастный суд, принцип справедливого и быстрого судебного разбирательства и принцип, запрещающий осуществлять судебное преследование в отсутствие обвиняемого¹⁵⁰.

¹⁴² Там же, р. 59.

¹⁴³ Там же, р. 61.

¹⁴⁴ Там же, р. 62.

¹⁴⁵ Там же, р. 93.

¹⁴⁶ Там же, р. 94.

¹⁴⁷ Устав МТБЮ, ст. 15. Устав МТР, ст. 14.

¹⁴⁸ Устав СССЛ, ст. 14.

¹⁴⁹ Cassese, 2003, р. 389.

¹⁵⁰ Там же.

9.2.4.4. Международные договоры в области международного уголовного права

К данной группе источников относятся соглашения, устанавливающие нормы материального права, и регулирующие вопросы сотрудничества государств в борьбе с международными преступлениями.

Помимо римского Статута Международного Уголовного Суда (который, как уже отмечалось, является международным договором), к ней в первую очередь следует отнести *Конвенцию «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»*, утвержденную Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. и вступившую в силу 12 января 1961 г.

Кроме того, важное значение имеют *Конвенция ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г.*, *Европейская конвенция о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности и военным преступлениям 1974 г.*, а также *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г* и некоторые другие международные соглашения.

9.2.5. Другие применимые международные договоры

Разумеется, данный выше перечень источников международного уголовного права не является исчерпывающим. Также существует значительное количество международных соглашений, которые трудно отнести к какой-либо из перечисленных категорий: они могут затрагивать вопросы, смежные для различных отраслей международного права. В качестве примера можно привести Дополнительную конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Женева, 7 сентября 1956 года), Конвенцию о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала от 9 декабря 1994 года и т.п. Суд может использовать любые международные соглашения, если будет установлено, что они применимы к рассматриваемой им ситуации.

9.2.6. Общие принципы права

Как было показано выше, отдельной группой источников международного уголовного права являются общие принципы права. Обращение к ним оправдано в тех случаях, когда основные источники (Устав и Правила процедуры и доказывания, применимое договорное и обычное право) прямо не регулируют разрешаемый судом вопрос. К данной категории обычно относят (1) общие принципы международного уголовного права, (2) общие принципы международного права (3) общие принципы уголовного права, признанные сообществом наций¹⁵¹.

Общие принципы международного уголовного права были рассмотрены нами выше (см. раздел 8.3).

Что касается группы общих принципов международного права, то, как указывает Антонио Кассезе, она состоит из принципов, присущих международно-правовой системе в целом. «Следовательно, их идентификация не требует всестороннего сравнительного обзора всех главных юридических систем мира и может быть выполнена посредством обобщения и индукции главных особенностей международно-правового порядка»¹⁵². Для установления существования общего принципа международного права важнейшую роль играет обращение к таким универсальным международным документам, как Устав Организации Объединенных Наций (принят 26 июня 1945 г.), Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24 октября 1970 г.), а также к принципам, лежащим в основе отдельных отраслей международного права. Так, в деле Фурунджия МТБЮ столкнулся с тем, что в международном праве не существует ясной нормы, позволяющей четко определить, является ли проникновение мужским половым членом в рот жертве видом изнасилования, или его нужно отнести к другому виду преступления против половой неприкосновенности личности. Предприняв анализ главных юридических систем мира, Суд не нашел в них какого-либо единого и последовательного подхода к этому вопросу. Тогда судьи посчитали необходимым обратиться к общим принципам международного права¹⁵³ и, в числе прочего, положили в основу своего решения «общий принцип уважения к человеческому достоинству», лежащий в основе международного гуманитарного права, международного права прав человека и корпуса международного права в целом¹⁵⁴.

В отличие от общих принципов международного права, общие принципы уголовного права, признанные сообществом наций, или международным сообществом, могут быть найдены только путем сравнительного обзора основных уголовно-правовых систем мира. Поэтому, как указывает Кассезе, изложение этих принципов «основано не просто на интерпретации и обобщении, а скорее, на применении сравнительно-правового подхода»¹⁵⁵. «Этот источник является факультативным по своей природе. Следовательно, обращение к нему за помощью может быть сделано только в случае, если обращение к другим источникам <...> не привело ни к какому уверенному результату. <...> Именно этот подход предусмотрен в статье 21 Статута МУС. В соответствии с ней обращение к данным общим принципам – крайняя мера для МУС. Ясно, что принцип уго-

¹⁵¹ Там же, р. 31-36.

¹⁵² Там же, р. 31.

¹⁵³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 182.

¹⁵⁴ Там же, пар. 183.

¹⁵⁵ Cassese, 2003, р. 32.

ловного права может принадлежать к данному классу только если суд находит, что он разделяется системами общего и континентального права так же, как и другими правовыми системами, такими, как системы исламского мира, некоторых азиатских стран, таких, как Япония и Китай, а также стран Африканского континента. <...> Международные суды делали оговорки при обращении к таким общим принципам. Они подчеркнули, что нельзя перемещать юридические конструкции, типичные для национальных правовых систем, в международное право всякий раз, когда эти конструкции не гармонируют с определенными особенностями международно-правовой системы»¹⁵⁶. Это особенно подчеркивается в статье 21 (1)(с) Римского Статута.

Судебная камера МТБЮ изложила ограничения, налагаемые на обращение международных судов к «общим принципам уголовного права, свойственным главным юридическим системам мира», следующим образом: »(i) Если [противоположного] не предусмотрено международной нормой, не должна делаться ссылка на только одну национальную правовую систему или только на систему государств общего либо континентального права. Скорее, международные суды должны вычлнить общие понятия и юридические конструкции, присущие всем главным правовым системам мира. Это предполагает процесс идентификации в этих правовых системах общих знаменателей, чтобы точно определить основные понятия, которые ими разделяются. (ii) Так как «международные слушания имеют много особенностей, отличающих их от национальных судебных процессов» (здесь Суд сослался на Особое Несовпадающее мнение судьи Кассезе по делу Эрдемовича от 7 октября 1997 г.), при использовании понятий государственного права необходимо принимать во внимание специфику международного уголовного преследования. Таким образом, необходимо избегать механического импорта или перемещения [понятий] из государственного права в область международного уголовного преследования и сопутствующего такому процессу искажения уникальных черт таких судов»¹⁵⁷.

К этому следует добавить, что, как сформулировали судьи МТБЮ МакДональд и Вохра¹⁵⁸, «принцип опоры на юридические термины и понятия национальных судебных систем является оправданным, когда международные нормы права делают ясно выраженную ссылку на национальное право, или где само содержание и природа понятия неизбежно подразумевают такую ссылку»¹⁵⁹. Примеры, где нормы международного права содержат ясную ссылку на внутреннее законодательство, могут быть найдены в ст. 24 (1) Устава МТБЮ, в соответствии с которой «при определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах бывшей Югославии» и в «зеркальной» ст. 23 (1) МТР.

9.2.7. Международное и национальное прецедентное право

9.2.7.1. Определение

В соответствии со ст. 38 Статута Международного суда ООН судебные решения относятся к вспомогательным источникам международного права. В других терминах, это вспомогательное средство для определения и уточнения значения правовых норм. В юридической литературе часто используется термин «прецедентное право». Обычно он употребляется в двух значениях. *В первом значении* прецедентное право (в самом общем смысле) — это правовая система, в которой нижестоящие суды обязаны следовать решениям вышестоящих судов по аналогичным делам. Концепцию, лежащую в основе этого принципа, обычно именуют «доктриной судебного прецедента» (доктрина *stare decisis*). *Во втором значении* под прецедентным правом подразумевается определенный корпус судебных решений, т. е. то, что в российской юридической науке принято называть судебной практикой. Например, когда говорится, что при принятии какого-либо решения суд руководствовался прецедентным правом, сформировавшимся после Второй мировой войны, или прецедентным правом Специальных международных трибуналов ООН, имеется в виду не доктрина судебного прецедента, а корпус судебных решений, к анализу которого прибегли судьи, и, возможно, некий общий подход к той или иной проблеме, который судьи нашли в решениях этих судов.

Для правильного понимания системы международного правосудия нам необходимо ответить на два вопроса: существует ли в международном праве в каком-либо виде доктрина или практика судебного прецедента, и какую роль играют судебные решения одних судов при принятии решений другими судами.

Доктрина судебного прецедента (лат. *praecedens / praecedentis* — предшествующий) в ее классическом выражении развита в странах англо-американской правовой семьи, или, как еще говорят, в странах «общего права». Она возникла в Великобритании (изначально — в Англии) и распространилась на десятки стран, где мы можем наблюдать различные ее модификации: прежде всего США, ЮАР, Австралию, Канаду, Новую Зеландию, Индию и др. Суть доктрины судебного прецедента состоит в обязанности судов следовать решениям судов более высокого уровня и в связанности апелляционных судов своими собственными более ранними решениями. В Англии судебный прецедент может быть установлен только судом т. н. «неограниченной юрисдикции». Так, решения, выносимые Палатой лордов, являются обязательными для нее самой и всех прочих

¹⁵⁶ Там же, р. 33.

¹⁵⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 178.

¹⁵⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Эрдемовича от 7 октября 1997 г. Отдельное Несовпадающее мнение судьи МакДональд и судьи Вохра пар. 5 со ссылкой на Решение Франко-Итальянской комиссии по примирению от 25 июня 1952 г.

¹⁵⁹ Михайлов, 2006, с. 98.

судов; решения, принятые Апелляционным судом, обязательны для всех судов, кроме Палаты лордов; решения, принятые Высоким судом правосудия, обязательны для судов низших инстанций.

Соответственно под судебным прецедентом следует понимать решение суда по конкретному делу, обязательное в последующем в качестве образца при разрешении аналогичных дел этим же судом либо судами, равными или нижестоящими по отношению к нему. В такой системе судебное решение не только правоприменительный, но и правоустанавливающий акт. Создавая прецедент, суд одновременно создает и норму права, фактически выступая в роли законодателя. Таким образом, в странах англосаксонской системы судебные прецеденты представляют собой самостоятельный источник права. Судья, рассмотрев все прецеденты, должен принять собственное решение на основе более ранних судебных решений, наиболее соответствующих обстоятельствам данного дела. Важную особенность прецедента во внутригосударственном праве составляют такие элементы, как общеобязательность (для однородных отношений), всеобщность и устойчивость его применения.

Однако, в отличие от парламентского правотворчества, особенность судебского правотворчества предопределяется тем, что: 1) «судебное правотворчество всегда есть побочный продукт акта правосудия»; 2) оно «не самостоятельно» в том смысле, что «привязано» к основной функции судебной власти — осуществлению правосудия; 3) оно осуществляется в рамках закона и на основе закона, исходящего от высшей законодательной власти страны; 4) правотворчество суда в значительной мере связано с толкованием (конкретизацией) права и восполнением пробелов в праве; 5) судебные правовоположения вырабатываются судьями только на основе имеющихся норм и правовых принципов, а не своей субъективной воли; 6) эти правовоположения не должны противоречить существующим, и в первую очередь, конституционным законам; 7) сами по себе они не могут изменить или отменить закон; 8) существуют определенные границы или пределы судебского правотворчества, предусмотренные законом, которые, по мнению некоторых исследователей, представляют собой «стержень доктрины и практики прецедентного права, охватывающий сущность взаимоотношений и компетенцию судебной и законодательной властей, гарантии от узурпации прав последней»¹⁶⁰.

Обязательным является не все судебное решение, а лишь та его часть, которая именуется *ratio decidendi*. *Ratio decidendi* определяется как «правовоположение, применяемое к правовым вопросам, возникающим в связи с установленными судом фактами, на которых основано решение»¹⁶¹. Другой важной составной частью судебного решения является *obiter dictum*, или «сказанное попутно». Оно представляет собой умозаключение либо основанное на факте, который не был предметом данного судебного разбирательства, либо, хотя и основанное на установленном данным судом факте, но не составляющее сути решения. Соответственно прецеденты делятся на «обязательные» (которые иначе называют связывающими или руководящими) и «убедительные» (*persuasive authority*). В классическом прецедентном праве прецедентом в полном смысле этого слова можно назвать лишь *ratio decidendi*, обязательный в любом случае. *Obiter dictum* не имеет связывающей силы и может быть применен судом лишь в силу его авторитетности.

В правовой системе Австралии судебный прецедент является источником права, но при этом подчеркивается, что то, из чего складывается общее право, есть не только и не столько «решения по каждому делу, сколько принципы, на основе которых выносятся эти решения»¹⁶².

Связывающий прецедент может быть отменен в интересах правосудия высшей судебной инстанцией лишь при исключительных обстоятельствах. Практически этим правом пользуются весьма редко. В странах «общего права» судебный прецедент отменяется либо законом, либо вышестоящим судом.

Значение доктрины судебного прецедента хорошо сформулировано Верховным судом Австралии в одном из его решений:

«Никакой орган правосудия не может игнорировать решения и умозаключения своих предшественников и формулировать свои собственные суждения так, как если бы страницы сборника судебных решений были чисты, или как если бы сила судебного решения вышестоящего суда не действовала. Орган правосудия, в отличие от законодателя, не может принять программу реформы, которая аннулирует принятые прежде принципы и решения. Только после самого осторожного и почтительного рассмотрения более ранних решений, и определения должного веса всех обстоятельств, орган правосудия может предпочесть собственное мнение более раннему решению суда»¹⁶³.

В странах континентального права доктрины связывающего судебного прецедента официально не существует. Считается, что законодательство теоретически охватывает любую ситуацию, с которой могут столкнуться судьи. Однако на практике и здесь суды низших инстанций следуют по сходным делам решениям вышестоящих судов, а кассационные (апелляционные) суды не отменяют своих предыдущих решений без исключительных причин. «Едва ли будет преувеличением сказать, что и доктрина *stare decisis* в общем праве, и практика континентальных судов в целом приводят к одним и тем же результатам. <...> Фактически, когда судья может найти в одном или более решениях Верховного Суда правило, которое представляется ему

¹⁶⁰ Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 22.

¹⁶¹ Уолкер Р. Английская судебная система. — М., 1985. С. 159. Максимов А. А. Прецедент как один из источников английского права. // Государство и право. 1995. № 2. С. 97.

¹⁶² Марченко, 2005, с. 509.

¹⁶³ *Queensland v. Commonwealth* (1977) 16 ALR 487 at 497 (emphasis added). Цитата дана по: МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 92.

важным для разрешения находящегося в его производстве дела, он будет следовать за этими решениями или правилами»¹⁶⁴.

Близкий к этому подход принят и в Европейском суде по правам человека. Например, в деле *Cossey* суд отметил, что хотя он не строго связан своими предыдущими решениями, но, как правило, следует им и отступает от них только в случае «убедительных причин», например, в случае необходимости гарантировать надлежащую интерпретацию Конвенции в свете происшедших социальных изменений¹⁶⁵.

Как заключила Апелляционная камера МТБЮ, «принципы, поддерживаемые общей тенденцией как систем общего, так и систем континентального права, в соответствии с которой высшие судебные инстанции либо в рамках доктрины, либо в рамках практики, обычно следуют за своими предыдущими решениями и отступают от них только при исключительных обстоятельствах, продиктованы потребностями в последовательности, предсказуемости и уверенности правосудия»¹⁶⁶. Данный подход совершенно необычен для российского уголовного права, в котором ссылки на другие судебные решения (судебную практику) чрезвычайно редки, а по делам со сходными обстоятельствами могут быть приняты прямо противоположные решения. Однако его разделяют практически все цивилизованные правовые системы мира.

Применяется ли данная концепция в международном уголовном праве? И да, и нет одновременно. Суть данной антиномии емко сформулировал Антонио Кассесе: «Этот корпус закона в значительной степени состоит из прецедентного права без доктрины прецедента»¹⁶⁷. В других формулировках эта же мысль была выражена в ряде решений Международного трибунала по бывшей Югославии. С одной стороны, для данного Трибунала связывающей силой обладают лишь решения его собственной Апелляционной камеры, в остальном же МТБЮ «не может поддерживать доктрину обязывающей силы прецедентов (доктрину *stare decisis*)»¹⁶⁸. С другой стороны, Апелляционная камера разъяснила, что «принцип законности не содержит в себе ничего такого, что запрещало бы интерпретировать законы через решения судов, и, в уместных случаях, опираться на эти решения при рассмотрении последующих дел»¹⁶⁹.

Разумеется, к системе международного уголовного правосудия строгая доктрина связывающего судебного прецедента не применима в принципе, так как для ее реализации необходимо существование единой судебной структуры, состоящей из судов низших и высших инстанций. Система же международного правосудия, в отличие от национальных систем, не является структурой, состоящей из судебных органов, находящихся между собой в отношении иерархической субординации. Она включает различные суды, имеющие разную юрисдикцию, и учрежденные по разным поводам различными международными организациями или группами государств. По отношению друг к другу эти суды не являются выше — или ниже стоящими: они осуществляют свою деятельность параллельно, независимо друг от друга. Это справедливо для международных судов вообще, но особенно это касается международного уголовного правосудия, поскольку международные преступления рассматриваются и рассматривались не только существующими или уже прекратившими свое существование международными судами и трибуналами, но и национальными судами разных государств.

Жесткая доктрина прецедента может быть установлена только внутри каждого из таких судов (как это имеет место в МТБЮ, где предыдущие решения Апелляционной камеры связывают и ее саму, и судебные камеры)¹⁷⁰ или отдельных судебных систем, но не для системы международного уголовного правосудия в целом.

Однако, учитывая саму природу международного уголовного права, в значительной степени состоящего из обычно-правовых норм, роль судебных решений в его толковании, применении и развитии чрезвычайно велика (см. выше, раздел 8.2). Это предопределяет высокое значение «убедительного» или «авторитетного» (*persuasive authority*) прецедента¹⁷¹ в системе международного уголовного правосудия.

Действительно, при рассмотрении уголовных дел международные суды и трибуналы неизменно обращаются не только к своим собственным решениям (которые при определенных обстоятельствах могут играть роль обязательных прецедентов), но и к решениям других судов, как международных, так и национальных, как уголовных, так и работающих в других отраслях права. С одной стороны, каждое из таких решений не имеет для суда никакой обязательной силы. С другой стороны, суды не могут основывать свои решения на положениях, находящихся в противоречии с нормами международного права, существование которых было ранее установлено решениями авторитетных судов и подтверждено устойчивой судебной практикой. Более того, зачастую суды просто не имеют физической возможности уклониться от анализа предшествующего прецедентного права, так как стороны процесса (и обвинение, и защита) в обоснование своих позиций ссылаются на решения других судебных органов. В итоге — и это хорошо видно при анализе решений Специальных трибуналов ООН — при разрешении вопросов права международные уголовные суды очень часто обосновывают свои решения ссылками не только на свои предыдущие решения, но и на решения других судебных органов.

¹⁶⁴ Zweigert and Kotz, *An Introduction to Comparative Law* (1998), p. 263. Цитата дана по: МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 112.

¹⁶⁵ См. подробный обзор этого предмета в: МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 92-96.

¹⁶⁶ Там же, пар. 97.

¹⁶⁷ Cassese, 2003, p. 149.

¹⁶⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича и др. от 14 января 2000 г., пар. 540.

¹⁶⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 126.

¹⁷⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 107-111, 113.

¹⁷¹ Schabas, 2006, p. 110.

В ряде случаев судьи трибуналов ООН по Югославии и Руанде специально обращались к критериям, которые должны быть учтены при рассмотрении возможности использования в качестве прецедентов решений других трибуналов и судов¹⁷².

Так, в решении Судебной камеры МТБЮ по делу Фурунджия Суд определил, что «для правильной оценки авторитетности судебного права при исследовании каждого отдельного дела весьма важно учитывать, на каком уровне это дело рассматривалось, а также какой применялся закон. Эти факторы предопределяют, заслуживает ли конкретное дело быть использованным в качестве судебного прецедента»¹⁷³. В деле Купрешкича Судебная камера МТБЮ заявила: «Трибунал не связан прецедентами, установленными другими международными судами, типа трибуналов Нюрнберга и Токио, уж не говоря о делах, рассмотренных национальными судами, имеющими юрисдикцию по международным преступлениям. Точно так же трибунал не может положиться на ряд дел, не говоря уже об отдельном прецеденте, чтобы установить принцип права: власть прецедентов (*autoritas rerum similiter iudicatarum*) может состоять лишь в проявлении возможного существования нормы международного права. Более определенно, прецеденты могут составить свидетельство существования обычной нормы, когда они демонстрируют *opinio juris sive necessitatis* и международную практику по определенному вопросу, или показывают появление общего принципа международного права. Альтернативно, прецеденты могут иметь убедительную силу относительно существования нормы или принципа, если они могут убедить Трибунал, что решение, принятое в предшествующем деле, представило правильную интерпретацию существующего закона. Ясно, что в этом случае предшествующие судебные решения могут убедить суд, что он избрал правильный подход, но они не заставляют сделать это заключение просто в силу того, что они имеют вес, как предшествующие»¹⁷⁴.

Можно выделить несколько типичных ситуаций обращения международных уголовных судов к прецедентному праву других судебных органов. В некоторых случаях суды расценивали идентичный или сходный подход различных судов и трибуналов к какому-либо вопросу в качестве основного критерия, подтверждающего (или опровергающего) существование обычно-правовой нормы. Так, в деле Тадича Апелляционная камера МТБЮ, рассматривая вопрос о том, могут ли преступления против человечности совершаться из личных побуждений, предприняла тщательное изучение «прецедентного права, как свидетельства обычного международного права»¹⁷⁵. Камера, сославшись, с подачи Обвинителя, на пять судебных решений Верховного Суда британской оккупационной зоны и немецких Федеральных судов, действовавших на основании Закона Контрольного Совета № 10, три судебных решения, вынесенных Военными трибуналами США на основании того же Закона, дело Эйхмана, рассмотренное Верховным Судом Израиля в 1962 году и дело Финта, рассмотренное Верховным Судом Канады в 1994 году, пришла к выводу, что «соответствующее прецедентное право и дух международных норм относительно преступлений против человечности проясняют, что согласно обычному праву наличие [у обвиняемого] «просто личных побуждений» не имеет значения при разрешении вопроса, было ли совершено преступление против человечности»¹⁷⁶.

В других делах судьи рассматривали и использовали судебные решения «как ряд прецедентов, которые могут быть полезными для установления применимого закона»¹⁷⁷. Так поступила Судебная камера МТБЮ в деле Квочки, выделяя критерии для отделения друг от друга различных форм участия в преступлениях (сопреступления от пособничества и подстрекательства)¹⁷⁸.

В некоторых случаях суды приходили к выводу, что по тому или иному вопросу существующее прецедентное право непоследовательно или противоречиво, и само по себе не может помочь установить содержание обычной нормы международного права или применимого к данному случаю правила. Так, при рассмотрении дела лагеря для задержанных «Челебичи» (Делалича и др.) перед Апелляционной камерой МТБЮ возникла необходимость установить субъективный элемент, требуемый для наложения на командиров и иных начальников ответственности за преступления, совершенные их подчиненными. В своем решении Трибунал, обратившись к прецедентному праву (дела Ямашита, Вильгельма Листа, Поля и др., Рохлинга, рассмотренные судами США и Франции) заявил, что не находит никакой «последовательной тенденции в решениях, которые появились в результате разбирательств, проведенных военными судами после Второй Мировой войны»¹⁷⁹, и использовал для разрешения данного вопроса другие источники.

Следует еще раз подчеркнуть, что если для системы международного уголовного правосудия в целом применима лишь доктрина «убедительных» или «авторитетных прецедентов», то внутри структуры каждого из судов могут быть установлены гораздо более жесткие правила, практически вводящие доктрину обязательной силы прецедента применительно к предыдущим решениям этого же суда, как это имеет место в МТБЮ (подробнее см. ниже, раздел 9.2.7.2 (б)).

Также необходимо еще раз подчеркнуть, что высокое значение для международного уголовного права имеют не только решения международных судов и комиссий, но и решения национальных уголовных судов,

¹⁷² Михайлов, 2006, с. 95.

¹⁷³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 194.

¹⁷⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 540.

¹⁷⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 17 июля 1999 г., пар. 254-255.

¹⁷⁶ Там же, пар. 270.

¹⁷⁷ Cassese, 2003, p. 30.

¹⁷⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 290-312.

¹⁷⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 229.

рассматривавших дела по обвинению лиц в международных преступлениях. В общем корпусе прецедентного права, имеющем значение для осуществления международного уголовного правосудия, раздел, состоящий из решений национальных судов, занимает очень важное место.

В юридической науке (в том числе российской) высказываются разные мнения относительно того, являются ли судебные решения источниками международного права в строгом смысле этого слова, или их можно считать лишь «свидетельством существования обычных норм» и вспомогательными средствами для их интерпретации. Мы не считаем здесь нужным входить в тонкости этого давнего академического спора, так как для целей нашего исследования важно лишь то, что судебный прецедент (вне зависимости от его теоретических оценок) на практике играет важнейшую роль в международном уголовном судопроизводстве и прогрессивном развитии международного уголовного права.

9.2.7.2. Основные разделы прецедентного права, имеющие значение для международного уголовного правосудия

а) Решения международных военных трибуналов, рассматривавших дела о преступлениях, совершенных во время Второй мировой войны

Решения международных военных трибуналов Нюрнберга и Токио имеют универсальное значение для системы международного права. Именно в них были сформулированы многие из фундаментальных принципов, на которых до сих пор покоится международное уголовное правосудие. Что касается норм материального права, развитых и разъясненных в Нюрнберге и Токио, то до настоящего момента они используются Специальными трибуналами ООН «в качестве убедительного авторитетного источника судебного прецедента»¹⁸⁰.

Так, в 1997 году в деле Тадича Судебная камера МТБЮ посчитала, что важнейшее значение для определения условий наступления уголовной ответственности в случаях, когда обвиняемый не является непосредственным исполнителем преступлений, имеют «нюрнбергские судебные процессы о военных преступлениях, имевшие своим результатом несколько обвинительных приговоров за соучастие»¹⁸¹. В своем особом мнении по делу Дражена Эрдемевича судья Ли, излагая свою позицию относительно принуждения, как обстоятельства, возможно, освобождающего от уголовной ответственности, заявил следующее: «так как по этому вопросу общий принцип права не может быть найден, то за помощью следует обратиться к решениям как международных, так и национальных трибуналов, применявших международное право <...> и в этом отношении решения Международного Военного трибунала 1946 года должны быть упомянуты в первую очередь»¹⁸².

Как было уже сказано, высокое значение судебных решений Нюрнберга и Токио для современного международного права не простирается на процессуальные вопросы.

б) Прецедентное право Специальных международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и гибридных судов

Деятельность специальных трибуналов ООН по Югославии и Руанде и Специального суда по Сьерра-Леоне сыграла выдающуюся роль в развитии МУП на современном этапе, сравнимую с ролью трибуналов Нюрнберга и Токио для развития этой отрасли права в середине XX столетия. Без преувеличения можно сказать, что сегодняшнее состояние международного уголовного права определяется прежде всего корпусом решений этих судов.

«Решения, вынесенные в Нюрнберге и Токио и в ходе связанных с ними различных национальных судебных процессов, — пишет Вильям Шаббас, — впервые обеспечили существенное юридическое основание для судебного преследования за военные преступления и преступления против человечности. Некоторые из принципов, разработанных в этой юриспруденции, были впоследствии развиты в слишком, однако, редких решениях национальных судов, которые состоялись в последующие десятилетия <...>. Но когда МТБЮ и МТР начали свою деятельность, стало очевидно, на сколь бедную правовую базу они опираются. Теперь, когда они заканчивают свою работу, этого уже нельзя сказать о международном уголовном праве. Правовое наследие трех международных уголовных трибуналов составляет развитый и сложный корпус права, в котором исследованы определения и область применения дефиниции военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида, также как и различные виды участия в этих преступлениях, формы уголовной ответственности за них, реабилитирующие и смягчающие обстоятельства, проблемы прав обвиняемых и принципы вынесения наказаний»¹⁸³.

Крайне важно (и авторы особенно подчеркивают данное обстоятельство), что прецедентное право двух специальных трибуналов ООН и СССЛ является не просто набором приговоров и иных судебных актов. Оно представляет собою единый и последовательный корпус судебных решений, связанных одними и теми же принципами интерпретации и применения правовых норм.

Правовая последовательность работы этих судебных органов обеспечивается следующими условиями.

Во-первых, нормы применимого материального права каждого из судов мало отличаются друг от друга, различия в их уставах незначительны.

¹⁸⁰ Михайлов, 2006, с. 94.

¹⁸¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 673-674.

¹⁸² МТБЮ. Особое не совпадающее мнение судьи Ли в приложении к Решению Апелляционной камеры по делу Эрдемевича от 7 октября 1997 г., пар. 4.

¹⁸³ Schabas, 2006, p. 44.

Во-вторых, данные суды имеют одинаковую двухступенчатую иерархическую структуру, состоящую из Судебных камер и Апелляционной камеры. Соответственно внутри каждого из этих судов действуют правила иерархии судебных решений, сходные с доктриной обязательной силы прецедента.

В юриспруденции МТБЮ такие правила были установлены решением Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г.

Они сформулированы следующим образом:

«<...> в интересах уверенности и предсказуемости Апелляционная палата должна следовать за своими предыдущими решениями, но свободна отступить от них по убедительным причинам в интересах правосудия.

Случаи ситуаций, где убедительные причины в интересах правосудия требуют отступления от предыдущего решения, включают в себя ситуации, в которых предыдущее решение было вынесено на основе неправильного правового принципа или ситуации, в которых предыдущее решение было принято *per incuriam* (по невнимательности) и которое является судебным решением, «неправильно решенным обычно потому, что судья или судьи были не осведомлены о применяемой правовой норме».

Необходимо подчеркнуть, что нормой является ситуация, в которой предыдущие решения имеют обязательную силу, а отступление от них — исключение. Апелляционная камера отступит от предыдущего решения только после самого осторожного рассмотрения этого вопроса и относительно закона, включая процитированные части, и относительно фактов.

Обязательным в предыдущих решениях является правовой принцип (*ratio decidendi*), и обязательство следовать этому принципу применяется к подобным или существенно подобным случаям. Это, как минимум, означает, что и факты, и вопрос, для решения которого был использован в предыдущем деле правовой принцип, должны быть подобны или существенно подобны <...>. Не существует никакого обязательства следовать за предыдущими решениями, которые по одному из этих двух критериев отличаются от дела, рассматриваемого судом.

В случае, если Апелляционная камера сталкивается с предыдущими решениями, противоречащими друг другу, она обязана определить, последовать ли за одним из них, или отступить от обоих по убедительным причинам в интересах справедливости <...>.

Апелляционная камера полагает, что надлежащее применение Устава требует, чтобы *ratio decidendi* его решений связывало Судебные камеры <...>.

<...> Решения Судебных камер, которые являются органами с одинаковой юрисдикцией, не имеют никакой обязательной силы друг для друга, хотя Судебная камера свободна следовать за решением другой Судебной камеры, если находит это решение убедительным»¹⁸⁴.

В юриспруденции МТР такие правила формально не устанавливались, но на практике и в этом Трибунале существует точно такая же система иерархии судебных решений. Такой порядок обеспечил последовательность и единообразие подходов к вопросам права внутри каждого из судов.

В-третьих, статья 12 (2) Устава Международного трибунала по Руанде предусматривает, что члены Апелляционной камеры МТБЮ являются также членами Апелляционной камеры МТР. На практике это означает, что оба суда имеют одну и ту же апелляционную палату. Фактически объединив два специальных трибунала в одну судебную систему, Совет Безопасности ООН создал условия для общей правовой последовательности решений обоих судов. И этот подход принес обильные плоды.

Хотя формально судебные акты одного трибунала не связывают другой трибунал, на практике данные суды очень часто используют решения друг друга в качестве источника убедительного судебного прецедента. Такие случаи можно подразделить на три группы. Первая, когда апелляционная камера одного трибунала ссылается на решение Апелляционной камеры другого. То есть, фактически, сама на себя. Типичный пример — решение Апелляционной камеры МТР по делу Акайесу. Обвинение в своей апелляции настаивало, что Судебная камера допустила ошибку, решив, что обязательным квалифицирующим признаком всех преступлений против человечности является дискриминационное намерение. Разрешая данный вопрос, апелляционная камера МТР приняла за основу подход Апелляционной камеры МТБЮ, изложенный ею ранее в деле Тадича¹⁸⁵. Также и в деле Рутаганда, уточняя элементы связи между военным преступлением и вооруженным конфликтом, Апелляционная камера МТР использовала формулировки из решений Апелляционной камеры МТБЮ по делам Тадича и Кунараца¹⁸⁶. Вторая группа случаев, когда судебная камера одного трибунала ссылается на апелляционное решение другого. Так, в деле Семанза Судебная камера МТР, разрешая вопрос о том, является ли политика государства или организации обязательным элементом преступления против человечности, положила в основу своего вывода решение Апелляционной камеры МТБЮ по делу Кунараца¹⁸⁷. Опираясь на данное апелляционное решение как на «убедительное», судебные камеры МТР отказались от своего предшествующего подхода по этому вопросу¹⁸⁸. Третья группа случаев — это ссылки судебных камер одного трибунала на решения судебных камер другого. Так, в деле Челебичи (Делалича и др.) при определении элементов преступления пытки (в частности, изнасилования как формы пытки), Международный трибунал по бывшей Югославии сослался на формулировки, содержащиеся в решении МТР по делу Акайесу¹⁸⁹.

¹⁸⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 107-114.

¹⁸⁵ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Акайесу от 1 июня 2001 г., пар. 464-469.

¹⁸⁶ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Рутаганда от 26 мая 2003 г., пар. 569-570.

¹⁸⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 329.

¹⁸⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Каджелиджели от 1 декабря 2003 г. пар. 915.

¹⁸⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 478-479, 490.

Очень часто при разрешении тех или иных правовых вопросов судебные и апелляционные камеры анализируют и суммируют подходы, содержащиеся в разных судебных решениях своего трибунала — «двойника». Например, в деле Елисича МТБЮ разрешил вопрос статуса гражданского населения в условиях, когда в него вкраплено некоторое количество комбатантов, «в соответствии с прецедентным правом данного Трибунала и Трибунала по Руанде»¹⁹⁰. В том же деле, определяя элементы преступления геноцида, МТБЮ придал «особое значение решениям, вынесенным Трибуналом по Руанде, в особенности делам Акайесу и Кайяшема»¹⁹¹. В деле Крстича, давая определение серьезного физического или умственного вреда, а также определяя элементы преступления геноцида, судебная камера МТБЮ неоднократно ссылалась на решения, вынесенные МТР, в частности, по делу Акайесу и делу Кайяшема и Рузиндана¹⁹².

Подобные примеры можно приводить и далее: они содержатся едва ли не в каждом судебном решении. По мере развития судебной практики таких взаимных ссылок становилось все больше и больше. Со временем судьи стали все чаще отмечать последовательность в подходе обоих судов к тем или иным вопросам¹⁹³ и оперировать такими терминами, как «прецедентное право трибуналов», «прецедентное право двух трибуналов», и «прецедентное право международных трибуналов»¹⁹⁴.

В-четвертых, в соответствии со статьей 20 (3) Устава Специального суда по Сьерра-Леоне «судьи Апелляционной камеры Специального Суда должны руководствоваться решениями Апелляционной камеры Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде». Данный пункт был внесен в Устав по предложению Генерального Секретаря ООН¹⁹⁵.

Таким образом, вопрос о существовании общего прецедентного права двух Международных трибуналов не является более дискуссионным, и область действия этого права распространяется на еще один международный уголовный суд. Разумеется, как справедливо подчеркнули судьи СССЛ, выражение «должны руководствоваться» не означает «рабскую и некритичную экстраполяцию связывающих и убедительных прецедентов, принципов и доктрин, изложенных нашими трибуналами-сестрами»¹⁹⁶. Таким образом, и в данном случае речь идет скорее не о «связывании» одного суда решениями другого, а об убедительной силе уже сформировавшегося корпуса прецедентного права для вновь созданного суда.

Однако значение указанного прецедентного права не ограничивается тремя данными судами, но к настоящему моменту имеет универсальный характер. Это обусловлено авторитетностью данных судебных органов, созданных от имени всего международного сообщества, непререкаемой репутацией их судей, отобранных по всему миру на основе жестких требований, предъявляемых к их профессиональным и моральным качествам, и, наконец, высочайшим юридическим уровнем, на котором исполнены практически все решения. Наконец, чрезвычайно важным является то обстоятельство, что интерпретация закона, данная судьями трибуналов, учитывает и отражает гигантские изменения, происшедшие в международном праве в течение второй половины XX столетия. Трибуналы пристально рассмотрели, синтезировали и интерпретировали в свете современной доктрины огромный корпус предшествующего прецедентного права международных и национальных судов.

«Юридические нормы и принципы, развитые международными уголовными трибуналами Организации Объединенных Наций, — указывает Вильям Шабас, — уже влияют на работу так называемых «гибридных» судов, основанных ООН в Восточном Тиморе и Косово. Появляется все больше свидетельств, что национальные суды также полагаются на прецедентное право международных трибуналов. Например, в Соединенных Штатах некоторые судьи обращаются к прецедентам МТБЮ и МТР при применении Закона о правах иностранцев, Закона о защите жертв пыток, а Иммиграционные суды Канады рассматривают прецеденты МТБЮ как источник сравнительного уголовного права. Они также привлекают прецедентное право Трибуналов при использовании законодательства об иммиграции, беженцах и государственном иммунитете. В деле Мугешера Верховный Суд Канады положился на определение, данное МТР преступлению в виде подстрекательства к геноциду. Что касается преступлений против человечности, которые теперь предусмотрены в канадском уголовном праве и в Законе об иммиграции, Верховный Суд высказался следующим образом: «Хотя решения МТБЮ и МТР не связывают этот Суд, власть, которой наделены эти трибуналы относительно экспертизы обычного международного права, предполагает, что их результаты не могут быть легко проигнорированы канадскими судами, применяющими условия внутреннего законодательства». Верховный Суд Канады полностью изменил свое более раннее заключение о том, что все преступления против человечности требуют доказательства дискриминационного намерения в свете прецедентного права МТБЮ и МТР, в соответствии с которым этот элемент обязателен только для преступления против человечности в виде преследования. <...> Конституционный Суд Южной Африки сослался на дела МТБЮ в определении военных преступлений. В Австралии прецеденты МТР были процитированы как важные при установлении правильной интерпретации норм международного права, а также в целях определения элементов преступления геноцида. В Швейцарии

¹⁹⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 54.

¹⁹¹ Там же, пар. 61.

¹⁹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 508, 510, 513, 532, 571, 582, 586.

¹⁹³ См., например, МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца от 12 июня 2002 г., пар. 385.

¹⁹⁴ См., например: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 778. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 ноября 2003 г., пар. 168. Решение Судебной камеры по делу Благоевича от 17 января 2005 г., пар. 645.

¹⁹⁵ Report of the Secretary-General on the Establishment of the Special Court for Sierra Leone, UN Doc. S/2000/915, paras. 42-46.

¹⁹⁶ СССЛ (SCSL). Sesay (SCSL-03-05-PT) Decision, 23 May 2003 para. 11.

обращение к юриспруденции МТР потребовалось при установлении факта, был ли в 1994 году совершен геноцид в Руанде. Британские суды принимали во внимание прецеденты МТБЮ при разрешении вопросов, касающихся государственного иммунитета и в делах об иммиграции. В одном из дел Европейский суд по правам человека обратился к определению пытки, данному Судебными камерами МТБЮ. В другом деле Европейский суд рассмотрел определение изнасилования, развитое в юриспруденции Международного трибунала по бывшей Югославии»¹⁹⁷.

К сказанному можно добавить, что приговор, вынесенный Национальным Судом Испании 19 апреля 2005 г. в отношении аргентинского офицера Адольфо Шилинго, признанного виновным в преступлениях против человечности, также основан на «юриспруденции, развитой в делах Международного трибунала по бывшей Югославии»¹⁹⁸.

«Не может вызывать сомнения, — пишет в другом месте проф. Шабас, — что прецедентное право Международных уголовных трибуналов станет важнейшим руководством для Международного Уголовного Суда, <...>. Есть существенное различие между применимым правом МУС и применимым правом данных специальных трибуналов, но есть также и много точек соприкосновения между ними. Там, где судьи МУС отступят от прецедентов, установленных специальными трибуналами, они будут вынуждены объяснить это и специально подчеркнуть различие, так же, как сделали и судьи специальных трибуналов, когда они устанавливали факт существования принципов обычного права, которые отличаются от содержащихся в Римском Статуте»¹⁹⁹.

По тем же причинам не подлежит сомнению, что в случае создания международного судебного органа, уполномоченного рассматривать преступления, совершенные в ходе вооруженного конфликта в Чечне, прецедентное право Международных трибуналов ООН будет иметь для такого суда решающее значение. Именно поэтому авторы настоящего исследования при рассмотрении применимого права в первую очередь опираются на подходы и толкования, изложенные в решениях этих судов.

в) Решения национальных судов

Это очень большой корпус дел, преимущественно состоящий из решений национальных уголовных судов различных государств, рассматривавших международные преступления. Его можно разделить на несколько основных подгрупп.

Во-первых, это *дела о военных преступлениях, рассмотренные в период до Второй мировой войны*. Эти решения к настоящему моменту имеют в основном историческое значение, в связи с тем, что они принимались в условиях совершенно иного правового климата. К данной категории относятся дела, рассмотренные американской Военной Комиссией в конце гражданской войны (1865 г.), дела, рассмотренные Военными трибуналами в США в связи с вооруженным конфликтом на Филиппинах (1902), дела о преступлениях, совершенных в период Первой мировой войны, в том числе рассмотренные Имперским Верховным судом в Лейпциге и т. п.

Во-вторых, это *решения национальных судов, рассматривавших дела о преступлениях, совершенных во время Второй мировой войны*. К ним относятся судебные решения, вынесенные судами держав-победительниц в соответствии с Законом Контрольного Совета № 10, а также судами государств на основании их внутреннего законодательства. Процессы над нацистскими военными преступниками продолжались в разных государствах с 1940-х вплоть до 1980-х годов прошлого столетия. В качестве примеров можно привести такие знаковые дела, как дело Эйхмана, рассмотренное сначала Иерусалимским судом, а затем Верховным Судом Израиля в 1962 году и дело шефа Лионского гестапо Клауса Барбье, окончательно рассмотренное Кассационным судом Франции в 1988 году. Важность этих решений в качестве источников авторитетного судебного прецедента подтверждается неоднократными ссылками на данные дела Специальных международных трибуналов ООН.

В-третьих, это небольшое количество *решений, вынесенных национальными судами по преступлениям, совершенным в ходе других вооруженных конфликтов до начала 1990-х годов*, типа дела Келли, рассмотренного американским Военным судом в 1973 году в связи с преступлениями, совершенными американскими военнослужащими во Вьетнаме.

В-четвертых, это *решения национальных судов, вынесенные после создания Специальных международных трибуналов ООН*. Деятельность этих трибуналов дала гигантский толчок для применения национальными судами механизмов универсальной юрисдикции. В результате лиц, ответственных за международные преступления в бывшей Югославии и Руанде, стали привлекать к ответственности не только международные трибуналы, но и суды третьих стран, которые не имели бы при обычных обстоятельствах юрисдикции по данным преступлениям. Такие преступления рассматривали и рассматривают суды Дании, Германии, Финляндии и других государств. По мере становления судебной системы в странах бывшей Югославии эти преступления стали рассматривать и суды этих государств на основании традиционных принципов территориальности и гражданства. Наконец, в ряде государств судами, действующими в рамках универсальной юрисдикции, были рассмотрены и в настоящее время рассматриваются дела по международным преступлениям, совершенным вне контекста вооруженных конфликтов, имевших место в Югославии и Руанде. Прежде всего здесь следует упомянуть дела, рассмотренные и рассматриваемые в Испании в связи с преступлениями, совершенными военной хунтой в Аргентине, геноцидом в Тибете, Гватемале и т. п.

¹⁹⁷ Schabas, 2006, p. 46.

¹⁹⁸ <http://www.derechos.org/nizkor/espana/juicioral/doc/nizkor2.html>.

¹⁹⁹ Schabas, 2006, p. 44.

Наконец, в-пятых, это *решения национальных судебных органов, не имеющих характера уголовных судов*. К этой категории относятся определения конституционных судов, судов, рассматривающих вопросы экстрадиции подозреваемых, предоставления убежища, иммиграции и т. п. В качестве примеров можно привести решение Палаты Лордов по делу об экстрадиции Аугусто Пиночета от 24 марта 1999 г., Решение Магистратского суда на Боу-Стрит по делу об экстрадиции Ахмеда Закаева от 13 ноября 2003 года, Постановление Конституционного Суд РФ по делу о законности Указов Президента РФ в связи с вооруженным конфликтом в Чечне от 31 июля 1995 г. и т. п.

Разумеется, решения национальных судов должны использоваться с большей осторожностью, чем международных. МТБЮ подчеркнул, что должен быть «более строгий уровень исследования национальных решений по сравнению с международными, поскольку последние, по крайней мере, основаны на том же самом корпусе закона, что применяется международными судами, тогда как первые имеют тенденцию применять национальный закон, или прежде всего национальный закон, или интерпретирует международные нормы через призму национального законодательства»²⁰⁰.

з) Решения международных судебных органов, трибуналов и комиссий, не носящих характера уголовных судов

К числу таких органов прежде всего относятся Международный Суд ООН, Европейский и Межамериканский суды и комиссии по правам человека, Комиссия (Комитет) ООН по правам человека и другие судебные и квазисудебные структуры.

Высокая роль прецедентного права Международного суда для международной уголовной юстиции определяется прежде всего тем, что им разработана классическая методика установления факта существования норм обычного международного права. Международные трибуналы ООН неоднократно ссылались на решения Международного суда, в которых эта методика была применена, в том числе в таких важнейших делах, как решение Апелляционной камеры МТБЮ по промежуточной апелляции Тадича²⁰¹.

В ст. 92 Устава ООН Международный суд определяется как «основной судебный орган организации». Тем не менее, несмотря на авторитетность данного органа, его решения также не связывают международные уголовные суды ввиду различной правовой природы их юрисдикции. Апелляционная камера МТБЮ, рассматривая вопрос о роли решений Международного Суда для данного Трибунала, определила: «настоящий Трибунал представляет собою автономный международный судебный орган. Несмотря на то, что Международный Суд является главным судебным органом внутри системы ООН, к которой Трибунал принадлежит, иерархических отношений между двумя этими судами не существует. Хотя Апелляционная камера непременно будет принимать во внимание решения других международных судов, она может после внимательного рассмотрения того или иного вопроса прийти к другому заключению»²⁰².

Весьма авторитетную роль для международных уголовных судов могут иметь и решения международных судов и комиссий, разрешающих вопросы ответственности государств за нарушения прав человека. Это подтверждается широкой практикой Специальных трибуналов ООН. Особенно решения таких судов важны при определении элементов международных преступлений, которые одновременно являются нарушением фундаментальных прав, закрепленных в универсальных и региональных договорах по правам человека. Так, например, в деле Челебичи (Делалич и др.), определяя элементы преступления пытки, МТБЮ обратился к подробному анализу трех дел, рассмотренных Комиссией по правам человека ООН, пяти дел, рассмотренных Европейским Судом и Европейской Комиссией по правам человека, и одному делу, рассмотренному Межамериканской комиссией по правам человека²⁰³. В том же деле при определении преступления жестокого обращения МТБЮ сослался на пять дел, рассмотренных Европейским Судом и Европейской Комиссией и четыре дела, рассмотренные Комитетом ООН²⁰⁴.

9.2.8. Работы выдающихся юристов (доктрина)

Статья 38 (1)(d) определяет «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм». Хотя доктрина имеет меньший вес, чем прецедентное право, она может в существенной степени способствовать разъяснению международно-правовых норм²⁰⁵, что подтверждается практикой международных уголовных судов. Как показывает Н. Г. Михайлов, ссылки на труды известных юристов встречаются в определениях, решениях и приговорах МТБЮ довольно часто. «Обычно такие труды используются для демонстрации обоснованности решений, принятых Апелляционной и Судебными камерами по какому-либо относящемуся к делу вопросу. Высказанные известными юристами мнения цитируются судьями в качестве веских аргументов для подкрепления своих суждений и выводов»²⁰⁶.

²⁰⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 540.

²⁰¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 93.

²⁰² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 года, пар. 24.

²⁰³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 461-497.

²⁰⁴ Там же, пар. 512-544.

²⁰⁵ Cassese, 2003, p. 37.

²⁰⁶ Михайлов, 2006, с. 105.

Так, например, в решении Судебной камеры по делу Челебичи для подкрепления своей позиции по вопросу об ответственности командиров за преступления, совершенные их подчиненными, судьи сослались на труды Майкла Боса, Карла Джозефа Партша, Вальдемара А. Солфа и Шерифа Бассиони²⁰⁷. Подобная практика принята и в других трибуналах. Так, судебная камера МТР при разрешении вопросов, связанных с перекрестным допросом свидетелей, сослалась на работу Адриана Кина²⁰⁸. В том же деле для подкрепления своей позиции о специальном намерении как элементе преступления геноцида судьи сослались на труд Роджера Мерла и Андре Витю²⁰⁹. Судья СССЛ Робертсон в своем Особом мнении по делу Нормана для подтверждения своей позиции по вопросу неретроактивности сослался на монографию Антонио Кассезе «Международное уголовное право»²¹⁰.

9.2.9. Иные вспомогательные средства, используемые при определении международно-правового обычая и при судебном толковании

Как уже говорилось, при установлении факта существования международного обычая международные уголовные суды пользуются классической методикой, разработанной Международным Судом ООН. Соответственно в качестве свидетельства существования государственной практики и *opinio juris* они учитывают заявления государств, национальное законодательство и подзаконные акты, военные уставы и наставления, решения национальных судов, участие государств в тех или иных международных соглашениях и т. п. Однако «в процессе доказывания обоснованности тех или иных положений, в отношении которых они должны определить свою позицию, а также для подтверждения существования международного обычая и в целях уяснения значения и разъяснения содержания тех или иных социально-юридических терминов»²¹¹ судами используются и иные вспомогательные средства.

Во-первых, суды зачастую обращаются к положениям, содержащимся в документах так называемого «мягкого» права. Во-вторых, они пользуются документами дипломатических конференций и различных подготовительных комиссий, которые вели работу по проектам тех или иных международных соглашений. Это позволяет судам уточнить позицию государств по поднимаемым вопросам. В-третьих, суды используют комментарии, решения, заявления и доклады международных организаций по правам человека и иным гуманитарным проблемам²¹².

В частности, при интерпретации договоров в области гуманитарного права и норм собственных уставов, связанных с применением этой отрасли права, судьи Международных трибуналов ООН в первую очередь используют Комментарии Международного Комитета Красного Креста. Этот источник рассматривается судами как чрезвычайно авторитетный, что следует из его широкого использования практически во всех основных судебных решениях, связанных с военными преступлениями. Кроме того, судами используются комментарии, решения, рекомендации и доклады Комиссии ООН по правам человека, Комитета ООН против пыток, Европейской комиссии по предупреждению пыток, Специальных Докладчиков ООН и т. п.

²⁰⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 369, 392, 406.

²⁰⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 46, прим. 35.

²⁰⁹ Там же, пар. 518, прим. 98.

²¹⁰ СССЛ (SCSL). Norman (SCSL-04-14-AR72 (E)), Decision on Preliminary Motion Based on Lack of Jurisdiction (Child Recruitment), 31 may 2004, para. 47.

²¹¹ Михайлов, 2006, с. 99.

²¹² Там же.

ГЛАВА 10. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

10.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Термины «международные преступления» или «преступления по международному праву» обычно используются как синонимичные более громоздкому определению «преступления против мира и безопасности человечества»¹. В основе понятия международного преступления лежит концепция индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за нарушения фундаментальных международно-правовых норм, сформулированная в Нюрнбергском приговоре (см. раздел 8.2, и более детально – 12.1).

Источники международного права содержат определения основных классов международных преступлений, однако само определение термина международного преступления в них отсутствует. Комиссия международного права ООН в 1995 году г. «постановила не предлагать общего определения преступлений против мира и безопасности человечества». Она пришла к выводу, что «определение общих контуров концепции преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, указанных в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала, должно стать результатом практики»². «Международное право, – определила Комиссия, – служит основой для уголовной квалификации видов поведения, представляющих собой преступления против мира и безопасности человечества <...>. Таким образом, запрещение таких видов поведения и их наказуемость прямо следуют из международного права»³.

Однако в период, истекший с момента составления данного комментария, международными судами была наработана гигантская практика по международным преступлениям, что вновь подстегнуло ученых к поискам адекватных формулировок. К настоящему моменту в юридической науке (как мировой, так и российской) предложено достаточно много определений дефиниции международного преступления.

Слабость формулировок, содержащихся в российской доктрине международного права, связана со смешением многими отечественными учеными понятия ответственности государства за международно-противоправное деяние с уголовной ответственностью физических лиц за преступления, совершенные, возможно, от имени или при попустительстве такого государства⁴.

Однако эта тенденция постепенно преодолевается. Так, российский ученый А. Г. Кибальник предложил считать международным преступлением «нарушающее мировой правопорядок, виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены в международном уголовном праве»⁵.

Близкое по сути определение мы находим у Антонио Кассесе, который специально подчеркивает в нем различие между государственным деликтом и преступным деянием физического лица:

«Международные преступления – это нарушения международных норм, влекущие за собой индивидуальную уголовную ответственность совершивших их лиц (в противоположность ответственности государства, представителями которого могут быть данные лица)»⁶.

Далее Кассесе указывает на общие признаки международных преступлений. Во-первых, они охватывают как нарушения обычных международно-правовых норм, так и условий международных договоров, «когда такие условия фиксируют или (и) обстоятельно разъясняют обычное право, или способствуют его формированию»⁷.

¹ Термин выведен из непрямых формулировок ст. 6 Лондонского статута и затем сформулирован в документах Комиссии международного права ООН: см., например, Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., разработанный Комиссией Международного права ООН.

² Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 1, комментарий 6.

³ Там же. Комментарий 6.

⁴ Хуже того, некоторыми исследователями, например Ушаковым Н. А., утверждалось, что хотя физические лица и являются субъектами международного преступления, отвечать за них он могут только по национальному праву и только перед внутригосударственным судом. В соответствии с этой позицией, международного правосудия не существует, а деятельность Нюрнбергского и Токийского трибуналов – исключение из правила (см.: Ушаков, 1988, с. 112-114; Ушаков, 2000, с. 85).

⁵ Кибальник, 2002. Часть II.

⁶ Cassese, 2003, p. 23.

⁷ Там же.

Во-вторых, нарушаемые нормы должны быть направлены на защиту ценностей, которые рассматриваются в качестве важнейших всем международным сообществом и, следовательно, связывают все государства и всех людей. «Эти ценности, — пишет Кассезе, — не плод работы ученых или раздумий мечтательных философов. Они установлены (хотя и не всегда подробно разъяснены) международными инструментами, самыми важными из которых являются Устав ООН 1945 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о правах человека 1950 г., два Международных пакта ООН о гражданских и политических и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Американская конвенция о правах человека 1969 года, Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества 1970 г. и Африканская конвенция о правах человека и правах народов 1981 г. Другие соглашения также стоят на страже этих ценностей, хотя и иным способом: они не декларируют их непосредственно, но запрещают поведение, которое их попирает; например, Конвенция 1948 г. о геноциде, Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и два Дополнительных протокола к ним от 1977 г., Конвенция против пыток 1984 г. и различные соглашения, предусматривающие судебное преследование и наказание отдельных форм терроризма»⁸.

В-третьих, международное сообщество имеет универсальный интерес в подавлении этих нарушений⁹.

Международные преступления сегодня включают в себя несколько групп или классов, а именно: (1) военные преступления, (2) преступления против человечности, (3) преступление геноцида, (4) преступление пытки (в настоящий момент — дискретное преступление, отличное от пытки как одной из форм военных преступлений и преступлений против человечности), (5) агрессию и (6) некоторые экстраординарные формы терроризма (серьезные проявления поощряемого государством или терпимого государством международного терроризма)¹⁰.

Следует согласиться с проф. Вильямом Шабасом, который относит к международным преступлениям все серьезные нарушения норм международного права, нацеленных на защиту фундаментальных прав человека¹¹. Однако международные преступления не ограничены только этими нарушениями, что видно из примера преступления агрессии, запрещение которой прежде всего направлено на защиту международного порядка как такового. Проф. Бассиони подчеркивает, что международные преступления затрагивают интересы мирового сообщества в целом постольку, поскольку они (1) угрожают миру и безопасности человечества и (2) потрясают совесть человечества. Это два различных элемента, однако присутствия хотя бы одного из них достаточно, чтобы деяние могло считаться международным преступлением¹². Проф. Бассиони рассуждает следующим образом: «Агрессия по своей природе составляет угрозу миру и безопасности, но не все акты агрессии фактически угрожают миру и безопасности человечества. Одновременно геноцид и преступления против человечности потрясают совесть человечества, но определенные случаи таких действий, возможно, не угрожают миру и безопасности. <...> Военные преступления время от времени могут угрожать миру и безопасности; однако их совершение — только обстоятельство ухудшения уже разрушенного мира и безопасности, потому что они совершаются во время вооруженного конфликта международного или немеждународного характера. Кроме того, степень, до которой военные преступления потрясают совесть человечества, может зависеть от контекста их возникновения и количественной и качественной природы совершенных преступлений»¹³. В то же время — и это следует особенно подчеркнуть — в современной доктрине международного права понятия «международный порядок» и «фундаментальные права человека» ни в коей мере не могут быть противопоставлены. Скорее, уважение к фундаментальным правам человека расценивается и как одна из важнейших составляющих мирового порядка, и как условие его соблюдения. «Злодеяния Второй мировой войны и послевоенное признание прав человека в ряду основополагающих принципов международного сообщества, — пишет американский исследователь Нихэл Бхута, — открыли путь к признанию широкомасштабных и серьезных посягательств на жизнь и физическую неприкосновенность в качестве угрозы международному сообществу»¹⁴. Совет Безопасности ООН в своей Резолюции об учреждении Международного трибунала по бывшей Югославии прямо охарактеризовал «вопиющие нарушения гуманитарного права», в частности, «убийства, массовое, организованное и систематическое задержание и изнасилование женщин и практику «этнической чистки» как «угрозу для международного мира и безопасности»¹⁵.

В историческом решении МТБЮ по промежуточной апелляции Тадича указано, что предметная юрисдикция данного Трибунала, включающая военные преступления, преступления против человечности и геноцид, распространяется на преступления, которые «не затрагивают интересы только одного какого-либо государства, но потрясают совесть человечества»¹⁶. В обосновании этого Апелляционная камера, в частности, процитировала Решение Высшего Военного Трибунала Италии, в соответствии с которым «эти нормы из-за их огромного этического и морального содержания имеют не территориальный, но универсальный характер. <...> Солидарность наций, нацеленная на как можно большее облегчение ужасов войны, вызвала потреб-

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Schabas, 2006, p. 153.

¹² Bassiouni a.

¹³ Там же.

¹⁴ Bhuta.

¹⁵ ООН. Совет Безопасности. Резолюция 827 (1993) от 25 мая 1993 г.

¹⁶ 13 March 1950, in Rivista Penale 753, 757 (Sup. Mil. Trib., Italy 1950; unofficial translation). Цитата дана по: МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 57.

ность создания правил, которые не признают границ, наказывая преступников везде, где они только могут находиться». В деле Эйхмана Верховный Суд Израиля подчеркнул, что международные преступления «составляют действия, которые вредят жизненным международным интересам, основам и безопасности международного сообщества и нарушают моральные ценности и гуманитарные принципы, содержащиеся в системах уголовного права, принятых цивилизованными нациями. <...> Такие преступления влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность, ибо они бросают вызов основам международного сообщества и оскорбляют совесть цивилизованных наций. <...> Эти преступления суть международные преступления, в предотвращении которых заинтересованы все нации мира»¹⁷. Апелляционный и Кассационный суды Франции в деле бывшего шефа лионского гестапо Клауса Барбье указали, что «преступления против человечности не только подпадают под действие <...> внутригосударственного уголовного права, но и регулируются международным уголовным правом, которому понятия границ и норм о выдаче, вытекающих из них, абсолютно чужды»¹⁸.

Вильям Шабас отмечает, что после Нюрнберга и принятия в 1948 г. Конвенции о предотвращении и наказании преступления геноцида, стала весьма распространенной идея о том, что данные преступления являются «международными» в силу свойственного им ужаса, а не потому, что их преследование требует международных усилий. Иными словами, согласно американским судьям, «эти немногие преступления осуждены столь универсально, что лица, их совершающие, являются врагами всех людей. Поэтому любая нация, на территории которой находятся преступники, может наказывать их согласно своему закону, применимому к таким преступлениям»¹⁹. «Но это объяснение, — пишет проф. Шабас — имеет свои недостатки. Преступления типа убийства, изнасилования, сексуального злоупотребления детьми также «универсально осуждены», но не существует никакой тенденции, направленной на придание им статуса международных преступлений. <...> Есть другое объяснение того, почему геноцид, преступления против человечности и военные преступления требуют международной криминализации: как правило, они совершаются государствами, или, точнее, людьми, которые находятся в положении лидеров или руководителей этих государств. Поэтому такие преступления обычно избегают судебного преследования национальными судами, которые в обычном случае осуществляли бы по ним юрисдикцию. Другие преступления, которые «универсально осуждены» <...>, не требуют признания их международными потому, что государство, [обычно] осуществляющее юрисдикцию, почти неизменно желает преследовать их по суду»²⁰.

Шериф Бассиони также обращает внимание на решающее значение элемента явного или неявного участия государства в совершении международного преступления, «независимо от того, проявляется ли он в действии или в упущении»²¹.

Сходные мысли высказывает и Антонио Кассезе, обосновывая, почему дефиниция международных преступлений не включает в себя незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, незаконную торговлю оружием, контрабанду ядерных и других потенциально смертельных материалов или отмывание денег: «С одной стороны, этот широкий диапазон преступлений предусмотрен только в международных договорах и решениях международных организаций, но не в обычном праве. С другой стороны, такие преступления обычно совершают частные лица или преступные организации, и государства борются против них, зачастую официально объединяя свои усилия. Другими словами, эти преступления, как правило, совершаются *против* государства. Они обычно не совершаются при участии государств, а если и совершаются государственными агентами, то чаще всего действующими в частных интересах. Данные деяния национальное законодательство обычно расценивает как общеуголовные преступления».

В другом месте тот же автор подчеркивает: «Достоинства и недостатки уголовного преследования нарушений законов войны (и, более широко, международных преступлений) национальными судами должна быть оценена в свете фундаментального различия, отмеченного крупным голландским юристом-международником Бертом Рёлингом, между «индивидуальной» и «системной» преступностью. Первая охватывает преступления, совершенные комбатантами по их собственной инициативе и из «эгоистичных» побуждений <...>. Последняя относится к преступлениям, совершаемым крупномасштабно, в основном для поддержки военных усилий, по требованию или, по крайней мере, при поддержке или терпимости правительственных структур (убийство гражданских лиц с целью терроризировать [гражданское население], отказ в пощаде, использование запрещенного оружия, пытки захваченных противников с целью получения информации и т.д.). Обычно «индивидуальная преступность» подавляется национальными властями (армейские командиры не любят этот тип недостойного поведения, так как это отрицательно сказывается на моральном духе армии и настраивает против нее вражеское население). В отличие от этого «системная преступность» подавляется только международными трибуналами или национальной юрисдикцией противника. Есть, конечно, исключения, типа дела Келли — типичного примера «системной преступности» (Рёлинг), возбужденное властями США под давлением американского и иностранного общественного мнения.

¹⁷ Верховный Суд Израиля. Решение по делу «Израиль против Эйхмана» (1968 г.), стр. 291-293. Цит. по: Schabas, 2006, p. 154.

¹⁸ Fédération Nationale des Déportés et Internés Résistants et Patriotes and others v. Barbie, Judgement of 6 October 1983, Cass. crim., RGDI, 1984, p. 508 (in French), (1985) 78 I. L. R 125. Цит. по: ООН. Генеральная Ассамблея. Совет безопасности. 29 августа 1994 г. Доклад Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. A/49/342 S/1994/1007 Russian. С. 9.

¹⁹ Schabas, 2006, p. 155.

²⁰ Там же.

²¹ Bassiouni a.

Но в целом преследование «индивидуальной преступности» наблюдается более часто, чем преследование «системной преступности», по той простой причине, что последнее влечет оценку и осуждение всей правительственной системы, недостойного поведения самых высоких властных сановников»²².

Таким образом, элемент государственного участия является важным аспектом при оценке опасности деяния, образующего международное преступление, и определяет необходимость противодействия таким преступлениям со стороны международного сообщества как такового.

Наконец еще одной характеристикой международных преступлений является их не просто межгосударственная, а подлинно международная криминализация. Это означает, что правила, нарушение которых образует международные преступления, носят характер норм обычного международного права, либо, если эти правила содержатся в договорах, участниками которых не является подавляющее большинство государств, правовые принципы, лежащие в их основе, также являются частью обычного международного права или способствуют их активному становлению. Именно таким образом Генеральный секретарь ООН и судьи Международных трибуналов по Югославии и Руанде охарактеризовали нормы Дополнительных протоколов I и II к Женевским конвенциям²³.

В трудах ряда известных комментаторов содержится схема, в соответствии с которой правовая природа международных преступлений описывается через взаимодействие норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*²⁴. В соответствии с ней запрещение таких международных преступлений, как агрессия, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, пиратство, рабство и обычаи, сходные с рабством, а также пытки, является нормой *jus cogens*, т.е. безапелляционной императивной нормой обычного международного права. Это влечет за собой *erga omnes* обязательство для всех государств преследовать такие преступления, судить или выдавать лиц, виновных в их совершении, и требовать этого же от других государств вне зависимости от наличия или отсутствия соответствующих договорных обязательств, и соответственно лишает лиц, подозреваемых в этих преступлениях, всех возможных международных иммунитетов, устраняет применимость к таким преступлениям любых амнистий или сроков давности. Таким образом, норма *jus cogens* характеризует правовую сущность международного преступления, а *obligatio erga omnes* (обязательство между всеми) — правовые последствия совершения такого преступления. Оба этих понятия являются как бы двумя сторонами одной медали²⁵. Однако при всей логической красоте данного построения, это, скорее, идеальная схема, в значительной степени упрощающая гораздо более сложные процессы, характеризующие развитие международного права. Как справедливо отмечает Шериф Бассиони, практика государств не всегда соответствует академическим работам, поддерживающим это представление, и поэтому промежуток между юридическими ожиданиями и юридической действительности весьма широк²⁶. Безусловно, что запрещение всех или подавляющего большинства составов международных преступлений предусмотрено нормами обычного международного права. Однако сомнительно, что каждое из этих запрещений достигает уровня нормы *jus cogens*. По всей видимости, можно говорить о том, что нормой *jus cogens* является запрещение «основных» классов международных преступлений (геноцид, преступления против человечности и военные преступления) как таковых. Однако утверждать, что, например, все без исключения составы военных преступлений запрещены нормами *jus cogens* — откровенная передержка. Скорее, такими нормами регулируются наиболее brutальные составы преступлений против личности, типа убийств, пыток, изнасилований и т.п. Также безусловно, что борьба с международными преступлениями относится к типу обязательств *erga omnes*, то есть обязательств, которые касаются не отношений отдельных государств друг с другом, а международного сообщества в целом²⁷. Как определил Международный Суд ООН, эти обязательства «являются заботой всех государств. С учетом значения соответствующих прав все государства могут считаться обладающими юридическим интересом в их защите»²⁸. Однако «юридический интерес» и «императивное обязательство» не одно и то же. В международном праве пока нет абсолютного обязательства сотрудничать в расследовании и судебном преследовании международных преступлений, а скорее, существует ожидание, что государства будут добросовестно к этому стремиться, насколько это возможно²⁹. В связи с этим в случаях, когда международное преступление не имеет достаточной связи с каким-либо государством, такое государство не связано обязанностью осуществлять уголовное преследование, а лишь имеет право поступать таким образом (см. ниже, раздел 11.1.2). Также, как будет показано ниже (см. разделы 12.4 и 12.5), хотя в большинстве ситуаций иммунитеты, амнистии и сроки давности действительно не применимы к международным преступлениям, в некоторых случаях их действие может сохраняться.

На основе сказанного можно выделить основные признаки дефиниции международного преступления.

Такие преступления:

- совершаются физическими лицами;
- являются грубыми нарушениями общепризнанных норм международного права (то есть либо обычных норм, либо договорных норм, в основе которых лежат принципы, являющиеся частью обычного права), обязательных как для государств, так и для физических лиц, и нацеленных на защиту фундаментальных прав личности и (или) мирового правопорядка;
- влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность по международному праву;

²² Cassese b.

²³ Доклад Генерального секретаря об учреждении специального суда по Сьерра-Леоне от 4.10.2000 г., UN Doc S/2000/915, пар. 16. МТЮБ. Дело Кродича и Черкеза. Решение относительно протеста защиты по обвинительному акту от 2 марта 1999 г., пар. 30. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 117.

²⁴ Подробный обзор этой доктрины см. Bhuta.

²⁵ Bassiouni a.

²⁶ Там же.

²⁷ Абашидзе, 2008, с. 51.

²⁸ Barcelona Traction, Light and Power Co. Ltd. // ICJ. Reports. 1970. P. 32.

²⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 796.

— как правило, прямо или косвенно поддерживаются государством, либо совершаются при попустительстве или неспособности государства подавить данные преступления, что затрудняет или делает практически невозможным их уголовное преследование судами этого государства.

Последний признак является факультативным: он не составляет юридического элемента (квалифицирующего признака) всех международных преступлений. Так, военные преступления и геноцид не требуют обязательного доказывания той или иной формы государственного участия. Однако, в подавляющем большинстве случаев такое участие фактически присутствует. Именно это обстоятельство определяет необходимость преследования таких преступлений не только отдельными государствами, но международным сообществом в целом.

10.2. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДЕЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Однако лучше всего природу рассматриваемых преступлений демонстрируют даже не их общие признаки, а те правовые последствия, которые проистекают из объявления того или иного деяния международным преступлением. Эти последствия еще ярче подчеркивают отличие международных преступлений от общеуголовных преступлений, предусмотренных во внутригосударственном праве.

Можно выделить шесть наиболее значимых последствий.

1) Международные преступления наказуются как таковые вне зависимости от того, наказуемы ли они по внутригосударственному праву (см. подробно раздел 12.2).

2) Международные преступления могут преследоваться судами, которые при обычных обстоятельствах не обладали бы по ним юрисдикцией³⁰. Это означает, что лица, предположительно ответственные за такие преступления, в принципе могут быть преданы суду и наказаны любым государством, независимо от любой территориальной связи с преступлением, независимо от гражданства преступника или жертвы и независимо от того, затрагивает ли данное преступление безопасность или национальные интересы данного государства. Другими словами, судебное преследование может быть осуществлено судом даже при отсутствии традиционных оснований для юрисдикции (см. подробно разделы 11.1.1 – 11.1.2). Кроме того, государства либо непосредственно, либо через свое участие в международных организациях могут расследовать международные преступления и осуществлять судебное преследование подозреваемых, учреждая для этого международные или смешанные (гибридные) суды (см. подробно раздел 11.2.1)³¹. Две эти формы компетенции судов по международным преступлениям обобщенно именуется «международной юрисдикцией». В первом случае, когда преследование осуществляет национальный суд, обычно используется более узкий термин «универсальная юрисдикция» (подробно см. раздел 11.2.3).

3) Суд может наделяться временной юрисдикцией по международным преступлениям, совершенным до учреждения этого суда³². Разумеется, это правило ограничено лишь случаями, когда такие преступления уже были криминализованы в международном праве на момент их совершения, что гарантирует соблюдение принципа неретроактивности закона (см. выше, раздел 8.3.3.2).

4) Международные преступления смягчают традиционные нормы, касающиеся иммунитета глав государств и иных высших должностных лиц от судебного преследования³³. Это означает, что если лицо, совершившее такое преступление, действовало *de jure* в официальном качестве как высокий государственный чиновник или *de facto* как представитель государства, от имени которого было совершено запрещенное деяние, на такое лицо не распространяется неприкосновенность от гражданской или уголовной юрисдикции иностранных государств и компетентных международных судов. Исключение составляют действующие главы государств, министры иностранных дел и дипломатические представители, которые пользуются неприкосновенностью от юрисдикции иностранных судов до тех пор, пока не покинут данный пост³⁴ (подробно см. раздел 12.3.2).

5) По крайней мере к ряду классов международных преступлений — геноциду, преступлениям против человечности, пыткам и военным преступлениям — не могут применяться сроки давности³⁵ (подробно см. раздел 12.5).

6) Акты амнистии в отношении международных преступлений, принятые властями государства, гражданами которого являются предполагаемые преступники или на территории которого были совершены предполагаемые преступления, не связывают суды других государств и международные суды³⁶ (подробно см. раздел 12.4).

10.3. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Становление понятия международного уголовного преступления — продукт развития международного права главным образом в XX веке, хотя его корни можно найти в и более ранних исторических эпохах. По-

³⁰ Schabas, 2006, с. 155

³¹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С.784.

³² Schabas, 2006, р. 155.

³³ Там же.

³⁴ Cassese, 2003, р. 23-24.

³⁵ Там же, р. 319; Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 790-795.

³⁶ Cassese, 2003, р. 316.

сколькo отдельные классы международных преступлений были признаны таковыми не сразу, удобнее всего рассмотреть их появление и развитие в исторической ретроспективе.

Важнейшей особенностью международных преступлений следует считать их принципиальную подсудность суду любого государства, которое желает и имеет возможность осуществить в их отношении уголовное преследование. Это отличает их от обычных преступлений, преследование которых тесно связано с доктриной государственного суверенитета. Традиционно исключением являлось пиратство: пираты рассматривались как враги всего человечества (*hostes humani generis*), и любое государство, захватившее пирата, могло судить его своим судом вне зависимости от подданства преступника и его жертв³⁷. Однако в соответствии с современной доктриной международного уголовного права пиратство не может считаться международным преступлением: оно не совершается при участии государств и поэтому не требует международной криминализации.

Шесть перечисленных ниже классов международных преступлений безусловно считаются таковыми в обычном международном праве. Они разделяются на две подгруппы. Первая охватывает так называемые «основные преступления», которые, как считается, включают самые отвратительные злодеяния: военные преступления, преступления против человечности и преступление геноцида. Вторая подгруппа включает в себя агрессию, пытки (как самостоятельное международное преступление, отличное от пыток как одной из форм военных преступлений и преступлений против человечности) и международный, финансируемый государством либо поддерживаемый государством терроризм (также самостоятельное преступление, отличное от терроризма как формы военного преступления и преступления против человечности). В настоящее время три эти преступления по различным причинам не подпадают под юрисдикцию ни одного из международных судов³⁸. Как будет показано ниже (см. главу 18), актуальностью для настоящего исследования обладают лишь сведения о преступлениях «основной» категории. Поэтому на них мы остановимся подробнее. Об остальных мы упомянем лишь в общих чертах.

а) Военные преступления

По времени становления наиболее ранним классом международных преступлений в современном значении этого термина являются *военные преступления* или, как они именуется более традиционно, «нарушения законов и обычаев войны». Становление дефиниции военных преступлений неразрывно связано с развитием «права войны», точнее, той его отрасли, которая впоследствии получила название «международного гуманитарного права». Еще в древности и средние века нарушение некоторых обычных или кодифицированных правил «благородства» в отношении вышедшего из строя противника, вражеского мирного населения, а также вероломство подлежали, как минимум, общественному осуждению. Иногда такие нарушения влекли ответственность по внутреннему праву. Так, в указе, опубликованном в 1386 году королем Англии Ричардом II, устанавливалась ответственность за поведение при проведении военных действий и под страхом смерти были запрещены насилие над женщинами и невооруженными священниками, сжигание домов и осквернение церквей.

Принципы подобной ответственности были включены в Орлеанское Постановление, выпущенное французским королем Карлом VII в 1439 г., в указы, выпущенные королем Фердинандом Венгерским в 1526 г., императором Максимилианом II в 1570 г. (гуманитарные правила установлены в статьях 8 и 9) и королем Швеции в 1621 г. Статья 100 Военного Уложения, утвержденного Густавом II Адольфом, устанавливает, в частности, что никто не должен «тиранствовать над любыми священнослужителем, старыми людьми (мужчинами или женщинами), сумасшедшими и детьми»³⁹.

Подобная же ответственность предусматривалась в ряде отечественных правовых актов. Так, юрисдикция воеводских судов и судов полковых судей, действовавших на основе Устава ратных, пушкарских и иных дел (1621) распространялась в том числе на ограбления церквей, занятие их на постой, разорение мельниц. Согласно Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649) к преступлениям, совершаемым во время военных действий, относились преступления против местных жителей на занятых у неприятеля территориях, в том числе причинение им убытков при покупке припасов, потрава хлеба и употребление его в корм лошадям. «Артикулом воинским» Петра I предусматривалась уголовная ответственность за ограбление и разрушение церквей и больниц, убийство и причинение «обид» женщинам, детям, священникам и старикам, причинение убытков со стороны постояльца хозяину дома и членам его семьи, нанесение им побоев и оскорблений, разрушение строений, дворов, порча огородов, потрава посевов и т. п.⁴⁰

Первый случай «международного» судебного преследования за военные преступления историки права усматривают в решении специального трибунала Священной Римской Империи 1474 г. по делу Петера фон Хагенбаха. Хагенбах был признан коллегией из двадцати восьми судей, представлявших союзнические государства, виновным в убийстве, изнасиловании и других преступлениях «против закона Божеского и человеческого», которые «он, как рыцарь, имел обязанность предотвратить». По приговору Суда обвиняемый был лишен рыцарства и казнен.

Карл Смелый, Герцог Бургундии (1433-1477), утвердил Петера фон Хагенбаха наместником укрепленного города Брейсах на Верхнем Рейне. С целью подавления воли к сопротивлению наместник создал в городе атмосферу террора. Убийства, изнасилования, незаконное налогообложение и произвольная конфискация частной собственности стали универсальными методами управления, приведшими к значительному сокращению численности населения. Подобные же

³⁷ Там же, р. 38.

³⁸ Там же, р. 111.

³⁹ Шимоволос, 2000.

⁴⁰ Шулепов, 2008, с. 231.

действия совершались и против жителей соседних территорий, в том числе швейцарских торговцев на их пути к ярмарке Франкфурта. Коалиция (Австрия, Франция, Берн и города Верхнего Рейна) блокировала Брейсах и в 1477 году разгромила войска наемников Петера фон Хагенбаха. После пленения Хогенбаха эрцгерцог Австрии, под чьим командованием освобождался Брейсах, установил специальный суд, состоящий из 28 судей – представителей Коалиции стран и городов. На суде эрцгерцог выступил в качестве истца и обвинил Петера фон Хагенбаха в том, что он своими действиями «вотптал в грязь законы Божеские и человеческие». Более конкретно, ответчик был обвинен в организации убийств, изнасилований и лжесвидетельстве. Были представлены факты, когда наемники, подчиненные подсудимому, убивали мужчин в тех домах, где они останавливались, и по своей прихоти расправлялись с женщинами и детьми. Защита построила свои доводы на обязанности обвиняемого по исполнению приказа, и заявила, что «Сэр Петер фон Хагенбах не может признавать иного судью и господина, кроме герцога Бургундского», чьи приказы и распоряжения он оспаривать не мог. Обвинение утверждало, что исполнитель только исполнителем не бывает, и сам принимает решения. Это основное соображение подтверждалось тем, что сам герцог приказами о назначении Петера фон Хагенбаха дал ему неограниченные полномочия, признавая *post factum* «все, что делается от его имени». Обвиняемый просил об отсрочке, чтобы затребовать подтверждение от герцога Бургундского, но суд отказал ему в ходатайстве, поскольку преступления ответчика уже были установлены вне сомнения. В итоге суд определил, что обвиняемый виновен, и лишил его звания рыцаря, отменяя тем самым своеобразный иммунитет от наказания⁴¹.

Однако это решение следует считать нехарактерным для своего времени исключением: в абсолютном большинстве случаев на протяжении человеческой истории такие действия оставались безнаказанными или даже рассматривались как «законное право победителя».

Появление дефиниции *военных преступлений* как класса международного преступления следует отнести ко второй половине XIX века. Оно стало следствием кодификации «законов войны» сначала в национальном, а затем и в международном праве.

Так, статья 44 Кодекса Либера (Инструкции полевым войскам Северо-Американских Соединенных Штатов, составленные профессором права Колумбийского университета Фрэнсисом Либером и опубликованные в Общем приказе № 100 президента Авраама Линкольна, Вашингтон, 24 апреля 1863 г.) гласит, что «всякое бессмысленное насилие, совершаемое против жителей в оккупированной стране, уничтожение собственности, <...> всякое ограбление, мародерство или дезертирство <...> и всякое насилие, истязание, искалечение или убийство таких жителей» являются наказуемыми. В Статье 47 определено, что «преступления подлежат наказанию всеми установленными санкциями»; согласно санкции за «поджог, убийство, искалечение, нападения и ограбление на дороге, кражу, кражу со взломом, мошенничество, подлог и насилие», преступления, совершенные американским солдатом на территории противника, рассматриваются как если бы они произошли «дома».

Лица, обвинявшиеся в таких преступлениях, могли быть наказаны не только судами их собственного государства (по принципу гражданства преступника), но и судами противника (по принципу гражданства жертвы). Конец XIX и начало XX века демонстрируют целый ряд таких судебных процессов, в котором проявились обе эти тенденции⁴². Следует, однако, отметить, что перед судами, как правило, предстали преступники очень невысокого ранга.

Первые призывы основать международный трибунал для уголовного преследования лиц, виновных в совершении массовых тяжких преступлений во время военных действий, прозвучали в 1872 году из уст основателя Международного Комитета Красного Креста Густава Муанье в связи со злодеяниями, совершенными в ходе франко-прусской войны⁴³. Основная на доктрине абсолютного суверенитета позиция государств по этому вопросу не позволила тогда реализовать эти поистине пророческие идеи. Однако, по мере развития практики международных соглашений, в особенности после кодификации «законов и обычаев войны» в ходе Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., вопрос и о международном преследовании их серьезных нарушений, а также о привлечении к ответственности высших должностных лиц, ответственных за эти нарушения, начал ставиться уже государствами.

Первая заметная попытка такого рода была предпринята после Первой Мировой войны в ходе Предварительной Мирной конференции 1919 года в Версале⁴⁴. Созданная ей «Комиссия по вопросам ответственности авторов войн», состоявшая из пятнадцати видных юристов, должна была разрешить вопрос о том, существуют ли какие-либо основания для обвинения подданных Германии и ее союзников в нарушении международного права. Эта же комиссия составила первый подробный международный перечень военных преступлений. В отношении лиц, которые были названы Конференцией в качестве подозреваемых, Комиссия предварительно установила факт их виновности «в нарушении законов и обычаев войны и законов человечности». Члены комиссии заключили, что «они подлежат уголовному преследованию», и предложили создать для этого международный трибунал⁴⁵. Однако в тот исторический период данное предложение также осталось «благим намерением»: в результате дипломатических разногласий между союзниками данный судебный орган создан не был, а Германия заявила о категорическом отказе в выдаче подозреваемых. Немецкий император Вильгельм II, который должен был предстать перед судом (будучи виновным в соответствии со статьей 227 Версальского договора «в тяжком оскорблении мо-

⁴¹ Шимоволос, 2000.

⁴² Кратко см. выше, раздел 9.2.7.2., а также Cassese, 2003, p. 39; W. Winthrop. *Military Law and Precedents*. – 2nd edn. Buffalo, NY: William S. Helm & Co., 1920. P. 839–62.

⁴³ Ковалев, 2006.

⁴⁴ Committee on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties, Report Presented to the Preliminary Peace Conference, Mar., 19, 1919, reprinted in (1920) 14 *American Journal of International Law*, 95. Ссылка по: Eugenia Levine, 2005.

⁴⁵ Костенко, 2004, с. 9.

рали и нерушимости международных договоров»), получил убежище в Голландии. Нидерланды отказались выдать кайзера союзникам. В порядке компромисса немецкое руководство судило лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений, Имперским Военным судом в Лейпциге⁴⁶. Однако из нескольких сот подозреваемых, дела которых были переданы союзниками немецкой юстиции, осуждены были в итоге лишь несколько человек, а само наказание носило весьма символический характер. Например, майор Стенгер, отдавший приказ об убийстве всех раненных на поле боя французских солдат, был признан виновным в причинении смерти через преступную халатность и приговорен к двум годам тюремного заключения⁴⁷. Как пишет Роберт Крайер, наследие Лейпцига — это «опасение, что государство вряд ли будет активно преследовать своих подданных [обвиняемых в международных преступлениях] в своих собственных судах, и поэтому необходимы международный контроль или международное разбирательство, либо преследование судами другого государства»⁴⁸.

Военные преступления впервые подверглись международному судебному преследованию лишь в Нюрнберге⁴⁹. Судьи Нюрнберга отметили, что запрещение военных преступлений было частью обычного международного права уже в 1907 г. Нюрнбергский и Токийский трибуналы, а также издание державами-победительницами Закона Контрольного Совета № 10 дали существенный толчок для преследования военных преступников национальными судами. В связи с этим рядом государств были приняты соответствующие внутренние законы. Однако следует признать, что до новейшего периода этот законодательный потенциал, за редчайшим исключением, использовался только против лиц, совершивших военные преступления в период Второй мировой войны. Еще одной существенной особенностью «постнюрнбергского» этапа было то, что дефиниция военного преступления применялась только к нарушениям, совершенным в ходе международных вооруженных конфликтов.

Началом новейшего периода развития международного уголовного права послужило учреждение и деятельность двух специальных международных трибуналов ООН: в 1993 г. по бывшей Югославии и в 1994 г. по Руанде. Важнейшим последствием этого этапа стало распространение дефиниции военного преступления на деяния, совершенные во время вооруженного конфликта немеждународного характера, и реальное судебное преследование таких преступлений (подробно об этом см. раздел 19.2). Деятельность трибуналов дала мощный толчок к преследованию военных и иных международных преступлений национальными судами.

В настоящее время под военными преступлениями понимаются деяния, совершенные в ходе вооруженного конфликта как международного, так и немеждународного характера, являющиеся серьезными нарушениями норм гуманитарного права, вызывающие серьезные последствия для жертв и влекущие по международному праву индивидуальную уголовную ответственность (более развернутое определение см. в разделе 19.1).

б) Преступления против человечности

Упоминание о «законах человечности» как источнике «начал международного права», определяющих поведение представителей воюющих сторон, содержится уже в поправке Мартенса, принятой Брюссельской конференцией 1874 года и повторенной в Преамбуле к Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года (см. выше, п. 9.2.2.1). По мнению Шерифа Бассиони, эту Преамбулу можно считать юридическим основанием для криминализации преступлений против человечности⁵⁰.

Непосредственно термин «преступление против человечности» впервые был использован в 1915 году в объединенной декларации правительств Франции, Великобритании и России, которая осудила резню более чем миллиона армян, предпринятую по распоряжению турецкого правительства. В частности, в декларации говорилось: «Ввиду этих новых преступлений Турции против человечности и цивилизации, Союзнические правительства публично заявляют Высокой Оттоманской Порте, что они будут считать лично ответственными за эти преступления всех членов Оттоманского правительства и тех из ее агентов, которые вовлечены в эту резню»⁵¹. В первоначальном тексте, подготовленном российским министром иностранных дел Сазоновым, содержалась фраза о преступлениях «против христианства и цивилизации». Однако глава французского министерства иностранных дел Деласе, справедливо опасаясь, что отсылка к христианству может быть воспринята мусульманами, населяющими колонии, как знак предвзятого к ним отношения, предложил термин «преступления против человечности». Это предложение было принято и вошло в окончательный текст⁵².

Термин «преступления против человечности» употреблялся в последующих заявлениях государств, касающихся Первой мировой войны. По предложению «Комиссии по вопросам ответственности авторов войн» (1919 г.) юрисдикция планировавшегося на Версальской конференции 1919 года международного трибунала должна была охватывать «преступления против человечности». Однако представители США парализовали это решение. Они заявили, что «если законы и обычай войны являются неизменным стандартом, который мы черпаем в авторитетных исследованиях по праву и международной практике, то представление о законах и принципах человечности у каж-

⁴⁶ Там же, с. 10–11.

⁴⁷ Stenger and Crusius, Germany, Leipzig Supreme Court (Reichsgericht, Zweiter Strafsenat), judgment of 6 July 1921, in Verhandlungen, 2563–72. См. также: van Slooten. Betrachtungen aus Anlass des Prozesses Stenger-Crusius. Zeitschrift für Völkerrecht. 1923. № 12 (сноска дана по Cassese, 2003).

⁴⁸ Cryer, 2005, p. 35.

⁴⁹ Лондонский статут, ст. 6 (b).

⁵⁰ Bassiouni, 1999, p. 42.

⁵¹ Cassese, 2003, p. 69.

⁵² Там же.

дого свое, поэтому их надо исключить из предмета судебного рассмотрения даже при отсутствии иных к этому оснований, особенно если речь идет о суде, на который возложено применение норм уголовного права»⁵³.

Первым международным инструментом кодификации преступлений против человечности стал Устав Нюрнбергского трибунала⁵⁴. Решение предоставить Нюрнбергскому трибуналу юрисдикцию по таким преступлениям «следовало из решения союзников не ограничить их карательные полномочия преследованием тех, кто совершил военные преступления в традиционном смысле, но распространить их и на лиц, которые совершили другие тяжкие преступления, находящиеся вне диапазона традиционных военных преступлений, где жертва не имела гражданства или имела то же гражданство, что и преступник»⁵⁵.

Во время Второй мировой войны некоторые из наиболее отвратительных зверств, совершенных нацистами, не были прямо запрещены традиционным международным правом. «Законы войны запрещали только те нарушения, которые были направлены против противника и вражеского гражданского населения, тогда как немцы совершили жестокости также по политическому и расовому признакам против их собственных граждан: евреев, членов профсоюзов, социал-демократов, коммунистов, цыган, членов церкви. Кроме того, в 1945 году такие действия, как простое преследование по политическим или расовым мотивам, не были запрещены, даже если совершались против гражданских лиц оккупированных территорий»⁵⁶.

Учитывая это, ст. 6 (с) Устава Международного военного трибунала была сформулирована следующим образом:

«преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Термин «против любого гражданского населения» подчеркивает, что преступления против человечности могут совершаться как против иностранных подданных, так и против собственных граждан и лиц без гражданства.

Таким образом, в Нюрнберге были определены основные черты дефиниции преступлений против человечности, отличающие их от традиционного понятия военных преступлений, а именно то, что они могут совершаться против «любого» гражданского населения, и то, что они совершаются в широком масштабе.

В отличие от преступления агрессии и военных преступлений, Нюрнбергский трибунал не рассматривал подробно вопрос о законности включения преступлений против человечности в его Устав, т. е. о существовании запрещения совершения такого рода преступлений в общепринятом международном праве на момент их совершения нацистскими преступниками. Он лишь отметил, что «с начала войны в 1939 году военные преступления были совершены в обширном масштабе и являлись также преступлениями против человечности»⁵⁷. Таким образом, включение преступлений против человечности в Лондонский статут было оправдано их отношением к военным преступлениям, общепринятая природа запрещения которых была установлена, и предназначалось для заполнения пробелов их традиционного определения⁵⁸. Дополнительно судьи Нюрнберга отметили, что в отношении применяемого закона Устав является «решающим» источником права, связывающим Трибунал, и что включение в его текст преступлений против человечности «отражает состояние международного права на момент его [Трибунала] существования, и, в этом смысле — самостоятельный вклад [Трибунала] в международное право»⁵⁹.

Рассуждая о том, почему до 1945 года преступления против человечности не были явно предусмотрены международным правом, Шериф Бассиони указывает, что новые законы зачастую просто являются ответом на такие проблемы, вероятность возникновения которых ранее невозможно было вообразить. Обращаясь к событиям 1932-1945 гг., он пишет: «Факты, которые положили начало «преступлениям против человечности», были столь непредвиденно варварскими и столь значительными, что никакой определенной положительной [нормы] международного права, определенно покрывающей все ужасные деяния, которые были совершены в этот период времени нацистским режимом, не существовало. Просто это была ситуация, когда факты вышли за пределы того, что установило международное право. Вследствие того, что они были столь очевидно незаконны по своей природе, закон просто не упоминал такие злодеяния определенно. Действительно, закон редко ожидает невероятного»⁶⁰. Комментируя это мнение, Якоб Реймер указывает: «Хотя послевоенное международное право того времени определенно не покрывало ранее невероятные события, такие, как Холокост, все же это не было первым случаем массовых злодеяний. Это было, однако, первым случаем, когда у нескольких стран появилась политическая воля и возможность объединить усилия для развития международного права в этом направлении»⁶¹.

⁵³ Костенко, 2004, с. 9.

⁵⁴ Лондонский статут, ст. 6 (с).

⁵⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 619.

⁵⁶ Cassese, 2003, p. 69.

⁵⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 620.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Bassiouni, 1999, p. 42.

⁶¹ Jacob Ramer. Hate By Association: Individual Criminal Responsibility for Persecution Through Participation in a Joint Criminal Enterprise. || <http://operationkosovo.kentlaw.edu/jar-final-seminr.htm>.

Авторам настоящего исследования представляется, что в данном случае государства-победительницы применили доктрину субстантивного (*substantive*) правосудия, а не принцип строгой законности. Однако вне сомнения, что в тех обстоятельствах обращение к этой доктрине не являлось злоупотреблением правом: по сути, доктрина строгой законности, сформулированная еще в эпоху Просвещения, превратилась в общий принцип права несколько позже — с принятием основополагающих международных документов в области прав человека. В юридической науке вопрос о том, был ли авторами Лондонского статута нарушен принцип неретроактивности при введении нового класса преступлений, до сих пор остается дискуссионным. Так это или нет, в настоящий момент не столь важно: дальнейшее развитие международного права превратило дефиницию преступлений против человечности в обычно-правовую норму.

Юрисдикция по преступлениям против человечности была включена в Устав трибунала для Дальнего Востока (Токийский устав)⁶², и Закон Контрольного Совета № 10⁶³. Условия наказания данных преступлений были включены в мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией и Финляндией⁶⁴. Запрещение преступлений против человечности было впоследствии подтверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (I) от 11 декабря 1946 г., единогласно подтвердившей «принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его решении», и затем в 1950-м году — в Нюрнбергских Принципах⁶⁵. Последующая кодификация международного права в Конвенциях по геноциду, апартеиду и — недавно — по насильственным исчезновениям подтвердили общепринятый статус запрещения преступлений против человечности как международных преступлений. Преступления против человечности были включены в уставы всех международных трибуналов и гибридных судов, созданных в новейший период.

Осторожно вводя новый класс преступлений, конструкторы Лондонского статута связали преступления против человечности «с любыми преступлениями в пределах юрисдикции трибунала», т. е. с военными преступлениями и преступлениями против мира, которые считались традиционными. Это означало, что они могли преследоваться по суду и быть наказуемыми только в пределах контекста войны или агрессии⁶⁶. Однако дальнейшее развитие международного права устранило эту связь. В современном международном праве преступления против человечности запрещены и наказуемы вне зависимости от того, совершены ли они во время войны или в мирное время⁶⁷ (подробнее см. раздел 20.1).

Говоря иначе, современное международное обычное право подразумевает под преступлениями против человечности особенно одиозные преступные деяния, когда они являются частью широкомасштабного или (и) систематического нападения на любое гражданское население (развернутое определение см. в разделе 20.1.1).

з) Геноцид

Преступление геноцида — наиболее поздняя по времени формирования дефиниция международного уголовного преступления из числа «основных». Хотя массовое истребление людей по признаку принадлежности к какой-либо устойчивой группе с намерением уничтожить ее полностью или частично неизменно осуждалось международным сообществом как наиболее тяжкая форма преступления против человечности, отдельный термин для этого преступления был найден лишь в 1944 г. Международное запрещение данного вида поведения и выделение его в качестве самостоятельного преступления относится к 1948 году. Таким образом, даже на момент Нюрнбергского процесса преступление геноцида еще не было криминализовано в обычном международном праве. Поэтому массовое уничтожение нацистами евреев и представителей других этнических групп было квалифицировано Трибуналом как преступление против человечности в виде преследования⁶⁸.

Геноцид по праву считается самым тяжким международным преступлением. Оно часто определяется как «преступление преступлений»⁶⁹. Как установил Международный Суд ООН, а затем и Международные трибуналы по Югославии и Руанде, запрещение геноцида является нормой *jus cogens*⁷⁰.

Авторство термина «геноцид» принадлежит польскому юристу-криминологу профессору Рафаэлю Лемкину (Лемке). Этимология этого термина несколько неоднозначна. Геноцид — гибридное слово, восходящее к двум языкам — греческому и латинскому. И если латинский источник неологизма (глагол «caedere» — убивать) ясен, то греческую часть слова можно вывести из двух форм: «genos» — род, племя, либо «genesis» — происхождение. Соответственно буквальным значением термина геноцид является убийство по признаку национальности либо происхождения⁷¹.

⁶² Устав Токийского трибунала. Ст. 5 (с).

⁶³ Закон Контрольного совета № 10, ст. II(с).

⁶⁴ Cassese, 2003, p. 73.

⁶⁵ Нюрнбергские Принципы, принцип VI.

⁶⁶ Cassese, 2003, p. 69.

⁶⁷ Там же, p. 65. Также: МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар.141.

⁶⁸ Cassese, 2003, p. 96.

⁶⁹ См., например: МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 16. Решение Судебной камеры по делу Кайшема и Рузиндана от 21 05.1999 г., приговор, пар. 8-9.

⁷⁰ Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, International Court of Justice, Advisory Opinion of 28 May 1951. // ICJ Reports, 1951, 15 ff... 269, 303 para. 24. МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 88. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 15. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 541.

⁷¹ Тернон Ив. Размышления о геноциде. // Российский бюллетень по правам человека. 1996. Вып. 8. ll www.hrights.ru http://www.genocide.ru/lib/moshenskaya/1-1.htm.

Толчком к выделению отдельного состава международного преступления в форме геноцида послужили факты массового и систематического истребления национальных групп, «потрясающие совесть человечества» в XX веке. Это прежде всего истребление армян на территории Турции в 1915-1920 гг. и уничтожение евреев, цыган и других этнических групп нацистами накануне и в период Второй мировой войны.

Термин «геноцид» явился неологизмом, обозначающим известное на момент его создания, но формально безымянное преступление. «В октябре 1933 г. на 5-й Конференции по унификации международного уголовного права, — пишет Ив Тернон, — профессор Рафаэль Лемкин предложил объявить «*delictio juris gentium*» действия, направленные на уничтожение этнических, религиозных и социальных сообществ. Он разделил такие действия на две группы: агрессия против физических или социальных лиц как членов данного сообщества («варварство») и разрушение культурных ценностей («вандализм») и предложил проект международной конвенции об ответственности за эти преступления. Проект кодекса об ответственности был представлен двумя годами позже в Бухаресте профессором Пеллой. Он предложил создать международный суд, обеспечивающий защиту прав человека и гражданина от патологических эксцессов национального государства. Лига Наций имела возможность учредить такой орган, но она ограничилась тем, что в 1937 г. разработала Конвенцию об ответственности за международный терроризм. Таким образом, «безымянное преступление» <...> законодательно не было оформлено»⁷².

Сам термин «геноцид» был найден тем же Рафаэлем Лемкиным позднее — в конце Второй мировой войны. В 1944 г. он опубликовал книгу «*Axis Rule in Occupied Europe*» (Основное правило в оккупированной Европе). В этой работе он обращался к анализу бесчеловечных действий нацистов на захваченных ими территориях.

«Под геноцидом, — пишет профессор Лемкин, — мы понимаем уничтожение нации или этнической группы <...>. В целом геноцид не обязательно означает моментальное уничтожение нации <...>. Он, скорее, предполагает координированный план действий, направленный на разрушение основ существования национальных групп с целью искоренения самих этих групп. Составные части такого плана — уничтожение политических и общественных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии, экономических основ существования национальных групп, а также лишение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самих жизней людей, принадлежащих к этим группам. Геноцид направлен против национальной группы как целого, и предпринимаемые действия обращены против людей не как отдельных личностей, а именно как членов национальной группы»⁷³.

Данное здесь определение преступления геноцида (более узкое, по сравнению с «*delictio juris gentium*» 1933-го года) стало основой для его последующего формулирования в международных документах.

Преступление геноцида не было предусмотрено уставом Международного Военного Трибунала. Геноцид упоминался в ходе Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками еще не как самостоятельное преступление, а, скорее, как одна из форм преступления против человечности в виде преследования. В обвинительном акте от 18 октября 1945 г. сказано, что обвиняемые «осуществляли намеренный и систематический геноцид, то есть истребление расовых и национальных групп, истребление гражданского населения части оккупированных территорий с целью уничтожения определенных народов и классов, определенных национальных, этнических и религиозных групп, особенно евреев, поляков и цыган, а также других»⁷⁴. Как видно из данной цитаты, понятие объекта геноцида трактовалось Обвинителем шире, чем у Лемкина, и включало не только расовые, национальные и религиозные группы, но и «классы». Лица, виновные в данных деяниях, были осуждены Трибуналом по ст. 6 (с) Лондонского статута, т. е. за преступления против человечности⁷⁵.

Следующим этапом международно-правовой криминализации преступления геноцида стала Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о предупреждении преступления геноцида от 11 декабря 1946 г. В этом документе данному преступлению давалась следующая характеристика: «Геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп, подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ; такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества, которое лишается культурных и прочих ценностей, представляемых этими человеческими группами, и противоречит нравственному закону, духу и целям ООН. Можно указать на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частично уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и другие группы. Наказание за преступление геноцида является вопросом международного значения». Здесь объект преступления трактуется еще достаточно широко, включая в себя «политические и другие группы».

В деле Гесса, рассмотренном в 1948 г. Польским военным судом, и в деле Грейфелта и других, рассмотренном в том же году Военным трибуналом Соединенных Штатов в Нюрнберге, геноцид упоминался в качестве формы преступления против человечности⁷⁶.

Окончательное оформление дефиниции преступления геноцида и его международное запрещение произошло с принятием Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. (вступила в силу 12 января 1961 г.). К разработке текста Конвенции был привлечен широкий круг экспертов, включая профессора Лемкина. Результатом

⁷² Там же.

⁷³ Lemkin, 1944.

⁷⁴ Нюрнбергский процесс, 1999. Т. 8. Франция против Геринга.

⁷⁵ Schabas a.

⁷⁶ Cassese, 2003, p. 96.

этой работы стало сужение круга групп, являющихся объектом преступления, и ясная концепция субъективной стороны преступления, выраженной в специальном намерении.

В настоящей момент в соответствии с данной конвенцией под преступлением геноцида понимается ряд бесчеловечных действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую (развернутое определение см. в разделе 21.1). Политические группы в соответствии с Конвенцией о геноциде исключены из числа групп, в отношении которых может быть совершен геноцид. Действия, направленные на уничтожение таких групп, могут быть квалифицированы как преступление против человечности в виде преследования (см. раздел 20.4.9).

Геноцид, первоначально рассматривавшийся как одна из форм преступления против человечности, в настоящее время образует самостоятельный класс международных преступлений.

д) Агрессия

Агрессия, то есть развязывание войны в нарушение международных соглашений, начала рассматриваться как международно-противоправное деяние еще с начала XX столетия. Разработанный Лигой Наций типовой договор о взаимной помощи 1923 года, Декларация об агрессивных войнах 1927 г. и многосторонний Парижский пакт об отказе от войны как орудия национальной политики 1928 г. объявляли агрессивную войну грубым нарушением международного права⁷⁷. Одно из наиболее полных определений агрессии было дано в статье II Лондонской конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г.⁷⁸

Статья 6 (а) Устава Международного Военного Трибунала впервые ясно определила агрессию как международное преступление:

«Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий».

Однако после Нюрнберга ни один международный суд не наделялся юрисдикцией по преступлению агрессии. Хотя Римский Статут в ст. 5 предусматривает такую юрисдикцию, государства-участники пока не смогли договориться о приемлемом определении агрессии. В 2002 году на основе резолюции Ассамблеи государств – участников Статута МУС была создана Специальная рабочая группа по агрессии. В настоящее время она продолжает свою деятельность по разработке универсального понятия агрессии⁷⁹. Таким образом, после 1946 г. ни один международный или национальный уголовный суд не рассматривал данное преступление, хотя в нескольких случаях Совет Безопасности ООН решил, что акт агрессии был совершен государствами⁸⁰. 14 декабря 1974 г. на XXIX сессии Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 3314 «Определение агрессии».

Главной особенностью преступления агрессии является то, что оно может совершаться только от лица государства⁸¹ в связи с вооруженными конфликтами, носящими международный характер, или, по крайней мере, включающим элементы международного вооруженного конфликта (например, посылка от имени государства вооруженных групп, действующих против другого государства)⁸².

е) Пытка, как самостоятельное международное преступление

Применение пытки не только является одним из составов военного преступления (когда они совершаются в контексте вооруженного конфликта) и преступления против человечности (когда они являются частью массового или систематического нападения на гражданское население), но и образуют сейчас самостоятельное (дискретное) международное преступление. Его криминализация в обычном международном праве стала возможной после принятия в 1984 году Конвенции против пыток и появления обширного национального и международного прецедентного права по данному вопросу. В настоящее время под пыткой в международном праве понимается

«любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно»⁸³.

⁷⁷ Костенко, 2004, с. 9.

⁷⁸ Иногамова-Хегай, 2008, с. 164.

⁷⁹ Там же, с. 173.

⁸⁰ Cassese, 2003, p. 112.

⁸¹ Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 16, комментарий, п. 3.

⁸² Об объективных и субъективных элементах агрессии см. подробно: Иногамова-Хегай, 2008, с. 164-186; Cassese, 2003, p. 114-118.

⁸³ Конвенция против пыток, ст. 1.

ж) Международный терроризм

Следует признать, что вопрос о том, существует ли дискретное международное преступление терроризма, до сих пор остается дискуссионным. Терроризирование гражданского населения является отдельным составом военного преступления. Для того чтобы акт терроризма был признан военным преступлением, должна быть установлена связь между террористическим актом и международным либо внутренним вооруженным конфликтом. Терроризм также может составить преступление против человечности, проявляясь в виде истребления, пыток, изнасилований, преследования или «других бесчеловечных актов», если он является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население⁸⁴, либо если единственный теракт имеет экстраординарные масштабы, будучи направленным против значительного числа жертв. Существует мнение, что государства так и не согласовали определение терроризма как отдельного преступления в международном праве. Однако авторы склонны согласиться с Антонио Кассезе, который убедительно показывает, что в обычном международном праве определение преступления терроризма существует⁸⁵. Об этом говорит обширная практика государств, значительное количество международных соглашений в области борьбы с терроризмом и прецедентное право.

Авторитетное определение терроризма содержится в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. Это:

«любое <...> деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».

Данное определение ясно исключает из понятия терроризма нападения, направленные против комбатантов противника, когда они являются законной военной целью. Это особенно важно подчеркнуть в данном исследовании, т.к. российские суды часто признают актами терроризма нападения чеченских сепаратистов на воинские колонны, блокпосты, на сотрудников полиции и пророссийских паравоенных формирований, минирование военных объектов и т.п. Однако, как видно из сказанного, такое определение с точки зрения международного права некорректно; вряд ли оно является оправданным и с точки зрения российского законодательства.

Существенной особенностью субъективной стороны преступления терроризма является деперсонализация жертвы: преступник выбирает объект преступления не из-за личных качеств конкретного человека или группы людей (пола, возраста, социального положения, национальности). Для него важно лишь то, что причиняя жертвам страдание или смерть, он достигает или приближает достижение своей политической, идеологической или религиозной цели. «В глазах преступника жертва — просто анонимный и удобопотребимый инструмент» для ее достижения. Эта черта до некоторой степени сближает терроризм с такими преступлениями, как геноцид и преступление против человечности в виде преследования⁸⁶.

Кассезе выделяет три основных элемента преступления международного терроризма:

(i) Действия должны составлять уголовное преступление в соответствии с большинством национальных юридических систем (например, нападение, убийство, похищение, захват заложников, вымогательство, бомбежка, пытки, поджог и т.д.); (ii) они должны быть нацелены на распространение террора (то есть страха и запугивания) через насильственные действия или угрозы таких действий, направленных против государства, общества или специфических групп людей; (iii) они должны быть политически или идеологически мотивированы, то есть не преследовать просто частные интересы⁸⁷.

Терроризм составляет отдельное (дискретное) международное преступление, если удовлетворены еще три обязательных элемента. Во-первых, эффект террористических актов не должен быть ограничен лишь территорией одного государства; он распространяется за государственные границы. Это касается людей и средств, задействованных для осуществления насильственных действий. Во-вторых, террористические акты должны совершаться в условиях поддержки, согласия или терпимости со стороны того государства, где расположена террористическая организация, или третьего государства. «Элемент государственного поощрения, государственной терпимости или даже государственных уступок из-за неспособности уничтожить террористическую организацию представляется крайне важным для отнесения данного преступления к разряду международных, — указывает Кассезе. — Именно в этих условиях терроризм перестает быть преступной деятельностью, против которой государства могут бороться при помощи двухстороннего или многостороннего сотрудничества, и становится (и это — третий элемент) объектом обеспокоенности всего международного сообщества и угрозой миру»⁸⁸. Именно так Совет Безопасности ООН в своей Резолюции 1368 (2001) расценил террористическую атаку на США 11 сентября 2001 года⁸⁹.

⁸⁴ Cassese, 2003, p. 126-128.

⁸⁵ Там же, p. 120-124.

⁸⁶ Там же, p. 125.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, p. 129.

⁸⁹ Там же.

10.4. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ КЛАССАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ТЯЖЕСТЬ

По своей природе международные преступления как деяния, затрагивающие интересы всего международного сообщества и угрожающие международному правопорядку, являются более опасными и, соответственно, более тяжкими, чем обычные уголовные преступления, предусмотренные национальными правовыми системами (о последствиях этого положения в связи с принципом верховенства международного права над национальным см. раздел 12.2).

Международные преступления из числа основных традиционно ранжируются по степени тяжести. Геноцид как «преступление преступлений» считается самым тяжким преступлением. Далее идут преступления против человечности и военные преступления, причем ничто не говорит о более тяжком характере первых по сравнению со вторыми: их соотношение в большей степени вопрос факта, а не права⁹⁰. Как справедливо отметила Комиссия международного права ООН, «степень тяжести преступления определяется обстоятельствами, при которых оно было совершено, и чувствами, побудившими исполнителя к действию»⁹¹.

Особенностью дефиниции международных преступлений является то обстоятельство, что одно и то же деяние может одновременно образовывать составы различных классов международных преступлений. Такая ситуация в теории уголовного права именуется «идеальной совокупностью преступлений». Например, убийство гражданских лиц, совершенное военнослужащим во время вооруженного конфликта, образует состав военного преступления в виде убийства. Если данное деяние не было изолированным бесчеловечным актом, а совершено в контексте массового или систематического нападения на гражданское население, оно должно быть также квалифицировано как преступление против человечности в виде убийства. Наконец, если это убийство было вдобавок совершено с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, то это же самое действие образует состав преступления геноцида в виде убийства.

Международные суды часто сталкивались с подобными ситуациями и должны были дать им правовую оценку в связи с коллизией, именуемой в уголовном праве «проблемой множественности преступлений». Эта проблема возникает в связи с запретом двойного преследования лица за одно и то же деяние (*non bis in idem*). В таких ситуациях суды должны квалифицировать действия обвиняемого в соответствии с «принципом специфичности», то есть по тому составу преступления, который содержит более специфические элементы, не поглощаемые элементами других составов⁹². Из этого следует, что в приведенном примере данное убийство должно быть квалифицировано как геноцид. Фактически это означает квалификацию деяния по более тяжкому составу преступления. Однако в обвинительном акте не запрещается вменять данные составы как альтернативные, что является обычной практикой Специальных трибуналов ООН. При этом суд «должен определить, какое из обвинений может быть сохранено [в приговоре], основываясь на имеющихся доказательствах»⁹³.

Существуют другие, гораздо более сложные ситуации множественности преступлений, в которых необходимо проводить различие между «идеальной», «мнимой» и «реальной» совокупностью. Они разрешаются судами с применением различных специфических тестов. Данный вопрос не является предметом настоящего исследования. На русском языке читатель может ознакомиться с его подробным и добросовестным рассмотрением, обратившись к главе IV книги Н. Г. Михайлова «Международный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности»⁹⁴. На английском языке вопрос детально рассмотрен в целом ряде публикаций, в том числе главе 11 «Международного уголовного права» Антонио Кассесе⁹⁵.

10.5. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Специальная криминализация международных преступлений во внутреннем уголовном законодательстве государств началась сразу после окончания Второй мировой войны в связи с необходимостью преследования нацистских преступников.

Описывая процесс этой криминализации, российский ученый Вячеслав Додонов показывает, что первыми национальными правовыми актами в рассматриваемой области стали Ордонанс Временного правительства Франции «О преследовании военных преступлений» от 28 августа 1944 г., Закон Израиля о преступлении геноцида 1950 года, Закон СССР о защите мира от 12 марта 1951 года, Закон Нидерландов об уголовном праве военного времени 1952 года, Закон Дании о наказании геноцида 1955 года, а также Уголовный кодекс Эфиопии 1957 года, разработанный лучшими европейскими специалистами и впервые включивший целый ряд со-

⁹⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Камбанда от 4 сентября 1998 г., пар. 12-14, 16. Решение Судебной камеры по делу Серушаго от 5 февраля 1999 г., приговор, пар. 13-15. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 979-981. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., приговор, пар. 8-9.

⁹¹ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 3, комментарий, п. 3.

⁹² См., например: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2001 г., пар. 684-686.

⁹³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 400.

⁹⁴ Михайлов, 2006, с. 155-181.

⁹⁵ Cassese, 2003, p. 212-218.

ставов международных преступлений⁹⁶. К этому списку необходимо добавить также Закон Китая от 24 октября 1946 «О Суде над военными преступниками» и Закон Герцогства Люксембург «О наказании военных преступлений» от 2 августа 1947 г.⁹⁷

Однако в целом, как справедливо указывает В. Додонов, этот процесс до поры носил фрагментарный, несистемный характер. «Положение стало коренным образом меняться в начале 1990-х годов в связи с общим повышением внимания мирового сообщества к таким проблемам, как защита прав человека и преследование виновных в совершении международных преступлений. Создание международных трибуналов для рассмотрения дел, связанных с событиями в бывшей Югославии и Руанде, учреждение Международного Уголовного Суда, наметившееся практическое применение принципа универсальной юрисдикции и широкое обновление уголовных законодательств в связи с социально-политическими преобразованиями способствовали тому, что законодатели всерьез занялись имплементацией норм международного уголовного права в национальных уголовных кодексах и законах. Поскольку закрепленный в Статуте МУС каталог международных преступлений далеко не полон, ряд стран в ходе его имплементации включили в свое законодательство дополнительные составы преступлений или сделали отсылки к иным актам международного гуманитарного права (Новая Зеландия)»⁹⁸.

Германия, Нидерланды и Португалия издали специальные законы о международных преступлениях, исключив соответствующие составы из «обычных» уголовных кодексов. Другие страны включили составы международных преступлений либо в существующие уголовные кодексы путем внесения соответствующих поправок (Бельгия, Грузия, Испания, Коста-Рика, Финляндия), либо во вновь принятые УК (Австралия, Литва, Мали, Румыния, Словакия, Федерация Боснии и Герцеговины, Черногория)⁹⁹. Ряд стран СНГ также включили в свое уголовное законодательство нормы, предусматривающие ответственность за международные преступления. Помимо названной выше Грузии, особый интерес в этом отношении представляют УК Белоруси, Азербайджана, Армении, Таджикистана, Казахстана и др.

С кодификацией международных преступлений в российском законодательстве дело обстоит не лучшим образом. Неполнота и фрагментарность УК РФ в этом отношении очевидна. Глава 34 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за ряд преступлений «против мира и безопасности человечества». Так, статья 353 предусматривает ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, статья 354 — публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, статья 356 — применение запрещенных средств и методов ведения войны, статья 357 — геноцид, статья 360 — нападения на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой.

Статья 356, посвященная запрещенным средствам и методам ведения войны, по существу носит бланкетный характер, так как содержит ссылку на международные договоры Российской Федерации. Перечень конкретных деяний, составляющих уголовно наказуемые нарушения международного гуманитарного права, конкретизированы теперь в пунктах 9 и 14 «Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» (от 8 августа 2001 г.) безотносительно типа вооруженного конфликта¹⁰⁰. Преступления, перечисленные в остальных статьях главы 34 УК РФ (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; экоцид; наемничество), не являются международными в строгом значении, использованном в данной работе, и иногда описываются в юридической литературе как «преступления международного характера». По обычному международному праву они не влекут за собой международной юрисдикции и иных последствий, вытекающих из признания преступления международным (см. выше, раздел 10.2).

Терроризм предусмотрен в российском уголовном законодательстве только как обычное преступление (ст. 205-206 УК РФ). Пытка упоминается лишь в статье 302 УК РФ (принуждение к даче показаний), но не как самостоятельное преступление, а как отягчающее обстоятельство одного из внутригосударственных преступлений против правосудия. Преступления против человечности не криминализованы российским уголовным законодательством вообще.

⁹⁶ Додонов, 2008, с. 80.

⁹⁷ Ilias Bantekas. The Contemporary Law of Superior Responsibility. // American Journal of International Law v.93. July 1999. № 3. Примечание 34. || http://74.125.77.132/search?q=cache:_kfA4vuUehUJ:www.nesl.edu/lawrev/Vol35/2/schabas.PDF+www.nesl.edu/lawrev/VOL35/2/schabas.PDF&hl=ru&ct=clnk&cd=3&client=opera.

⁹⁸ Додонов, 2008, с. 80.

⁹⁹ Там же, с. 81.

¹⁰⁰ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министерством обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва 2001 г., с. 12-13, 15-17.

ГЛАВА 11. МЕЖДУНАРОДНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

11.1. ОСНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

11.1.1. Традиционные основания юрисдикции

Уголовная юрисдикция может осуществляться государствами по нескольким основаниям. Эти основания можно подразделить на традиционные и экстраординарные. Традиционные основания относятся ко всем без исключения уголовным преступлениям, тогда как экстраординарные основания могут быть применены только в ситуации преследования международных преступлений.

Как правило, суды государства осуществляют юрисдикцию по уголовным преступлениям в соответствии с четырьмя основаниями или принципами: (1) принципом территориальности, (2) принципом личности субъекта преступления, (3) принципом личности объекта преступления и (4) принципом защиты национальных интересов. Эти четыре основания юрисдикции являются традиционными и прямо вытекают из понятия государственного суверенитета. В том или ином виде они содержатся в уголовных законах подавляющего большинства стран, в том числе и в российском уголовном законодательстве¹.

Принцип территориальности подразумевает, что преступление было либо совершено на территории государства, которое осуществляет по нему юрисдикцию, либо вызвало на территории этого государства существенные негативные последствия. В связи с этим принципом юрисдикцию осуществляет государство, на территории которого было совершено преступление (или на территории которого им были вызваны негативные последствия) вне зависимости от гражданства преступника.

Принцип личности субъекта преступления подразумевает, что преступление было совершено гражданином государства, которое осуществляет юрисдикцию. В случае, если преступление совершено за границей против иностранного гражданина, государство, чей гражданин совершил это преступление, имеет право предать его своему суду.

Принцип личности объекта преступления подразумевает, что преступление было совершено против гражданина государства, которое осуществляет юрисдикцию. В случае, если такое преступление было совершено за границей иностранным гражданином, государство, чей гражданин является жертвой, может осуществлять юрисдикцию по данному преступлению, т. е. предавать подозреваемого своему суду.

Принцип защиты национальных интересов означает, что суды государства обладают юрисдикцией по преступлениям, совершенным за границей его гражданами или иностранцами, если такие преступления направлены против национальной безопасности или интересов данного государства (например, политических, экономических, валютных и т. п.)².

Конфликты юрисдикции, которые могут возникать между заинтересованными государствами при применении этих принципов, обычно разрешаются на основании двухсторонних и многосторонних договоров, регулирующих вопросы выдачи (экстрадиции) подозреваемых. Следует также отметить, что понятия «гражданство преступника» и «гражданство жертвы» трактуются достаточно широко: в целях осуществления юрисдикции «гражданами» могут считаться и лица без гражданства, длительное время и на законных основаниях пребывающие на территории данной страны.

Разумеется, все перечисленные принципы применимы и к преследованию международных преступлений. Более того, обязанность государств расследовать международные преступления и осуществлять судебное преследование лиц, подозреваемых в таких преступлениях, если они совершены их гражданами или вооруженными силами или на их территории, является нормой обычного международного права³. Государство местонахождения преступника имеет выбор между двумя альтернативными вариантами действий, любой из которых должен вести к судебному преследованию предполагаемого правонарушителя. Оно может выполнить свое обязательство преследовать международные преступления либо через возбуждение дела против данного

¹ УК РФ ст. 11-13. Гайков и др., 2006, с. 45-52.

² Schabas, 2006, p. 156-157. Подробный обзор применения данных принципов в национальном и международном праве см.: Cassese, 2003, p. 277-284.

³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 781.

лица в своих национальных судах, либо через удовлетворение просьбы о выдаче предполагаемого нарушителя, с которой обратилось любое другое государство, заявившее о своей компетенции⁴. Коротко эта альтернатива выражена в известной фразе: «Суди или выдай!».

Однако, как уже было сказано выше, на практике государства очень часто не желают осуществлять эффективное судебное преследование своих граждан, ответственных за международные преступления.

11.1.2. Принцип универсальности и понятие международной юрисдикции

Принцип универсальности является исключительным, экстраординарным основанием для осуществления уголовной юрисдикции. Он может применяться только к международным преступлениям и только в том случае, если государство, которое в обычных условиях (по традиционным основаниям) должно осуществлять юрисдикцию по данным преступлениям, не желает или не может этого сделать. *Принцип универсальности* заключается в том, что любое государство наделено полномочиями осуществлять судебное преследование в отношении лиц, подозреваемых в совершении международных преступлений, независимо от места совершения преступлений, гражданства преступника или жертвы и какой-либо существенной связи между данным государством и этими преступлениями⁵. Таким образом, данный принцип дополняет традиционные основания уголовной юрисдикции⁶. Основанием для юрисдикции здесь служит не та или иная форма связи государства или его граждан с преступным деянием, а сама природа международных преступлений⁷.

Впервые данный принцип был установлен обычным международным правом в XVII веке в отношении пиратства: любое государство было уполномочено судить людей, подозреваемых в пиратстве безотносительно их гражданства и места совершения преступлений.⁸ В дальнейшем это положение было перенесено на военные преступления, преступления против человечности, геноцид, пытки и т. д.

Однако если в отношении ряда преступлений государства в соответствии международными договорами *обязаны* устанавливать универсальную юрисдикцию, то в отношении других преступлений они лишь *имеют на это право*. Так, Женевские Конвенции 1949 года прямо обязывают государства установить универсальную юрисдикцию в отношении их «серьезных» (grave) нарушений (см. выше, раздел 9.2.2.4). Такие же условия содержат Конвенция 1984 г. против пыток⁹ и Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.¹⁰, а также ряд соглашений в области борьбы с международным терроризмом. Эта форма универсальной юрисдикции именуется принудительной универсальной юрисдикцией. Международный трибунал по бывшей Югославии в решении по промежуточной апелляции Тадича нашел, что условия «серьезных (grave) нарушений» Женевских конвенций, «создают принудительную универсальную юрисдикцию для договаривающихся государств»¹¹. К сходным выводам пришел в 2005 г. и Гаагский Окружной суд, вынесший приговор двум афганским офицерам за нарушение условий Конвенции против пыток и Женевских конвенций 1949 г. Суд указал, что Женевские конвенции налагают на государства обязательства преследовать «грубые (grave) нарушения», что составляет основание для универсальной юрисдикции¹². По отношению к другим видам преступлений международное право не налагает обязательств, а лишь предоставляет государствам право устанавливать универсальную юрисдикцию. В последнем случае это право вытекает из норм обычного международного права (в ряде случаев – *jus cogens*), запрещающих те или иные виды поведения, и обязательства *erga omnes*, т. е. основанной на общем интересе обязанности международного сообщества в целом и каждого государства в отдельности пресекать такое поведение¹³.

Принцип универсальности может быть реализован государствами как путем создания ими международных или гибридных судов, так и путем наделения национальных судов универсальной юрисдикцией по международным преступлениям. Об этих формы обобщенно именуется «международной юрисдикцией»¹⁴.

11.1.3. Общие условия для осуществления международной юрисдикции

Как подчеркнуто в докладе Генерального Секретаря ООН, международная юрисдикция – «запасной инструмент» в борьбе против безнаказанности, который может быть применен лишь там, где «система правосудия

⁴ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 9, комментарий, 6.

⁵ Schabas, 2006, p. 157. Cassese, 2003, p. 278.

⁶ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 777.

⁷ Bhuta.

⁸ Ian Brownlie. Principles of Public International Law (4th ed, 1990) 238 – 9. – in re Piracy Jure Gentium [1934] AC 586, 589 (Viscount Sankey LC). Cassese, 2003, p. 284.

⁹ Ст. 5 (3).

¹⁰ Ст. 9 (3).

¹¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 79.

¹² Case against Heshamuddin Hesam and Habibulla Jalalzoy, Hague District Court, 14 October 2005, Case No. 09/751004-04. Ссылка дана по After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities; by Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. – The ICLR Annual lecture, 2006, p. 11.

¹³ Bhuta.

¹⁴ Schabas, 2006, p. 157.

страны, в которой было совершено нарушение, неспособна или не склонна» наказать преступника¹⁵. Этот принцип, известный как «subsidiarity» (дополняемость), подразумевает, что государство, на территории которого совершено международное преступление, должно иметь приоритет в осуществлении по нему своей юрисдикции¹⁶.

В соответствии с данным принципом международная юрисдикция может быть в той или иной форме осуществлена в отношении международного преступления только в одном из следующих случаев:

- государство, которое обладает в его отношении юрисдикцией, не желает или неспособно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом¹⁷;
- национальный суд государства, которое обладает в его отношении юрисдикцией, вынес в отношении такого преступления решение, целью которого было оградить лицо от уголовной ответственности¹⁸;
- государство, которое обладает в его отношении юрисдикцией, допустило необоснованную задержку с проведением судебного разбирательства, которая в сложившихся обстоятельствах несовместима с намерением предать соответствующее лицо правосудию¹⁹;
- судебное разбирательство в национальном суде государства, которое обладает в его отношении юрисдикцией, не проводилось или не проводится независимо и беспристрастно, и порядок, в котором оно проводилось или проводится, в сложившихся обстоятельствах является несовместимым с намерением предать соответствующее лицо правосудию²⁰.

Эти условия, закрепленные в уставах Специальных международных трибуналов ООН и Римском Статуте Международного Уголовного Суда, являются основанием для повторного рассмотрения данными Суда дел, уже рассмотренных судами государств, и в настоящее время могут считаться общепринятыми. По сути, они являются набором ограничений, которые призваны сохранить баланс между государственным суверенитетом и интересом мирового сообщества в подавлении преступлений, являющихся угрозой для мира и международного правопорядка. Данные ограничения связывают как международные суды, так и государства, применяющие в своей судебной практике принцип универсальности.

11.2. ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

11.2.1. Международные и гибридные (смешанные) суды

Первой формой международной юрисдикции являются международные и гибридные (смешанные) суды. Государства могут выполнять свое обязательство расследовать международные преступления и осуществлять судебное преследование подозреваемых в них лиц, учреждая для этого международные или смешанные суды, «что нашло отражение в военных уставах и наставлениях, внутригосударственном прецедентном праве и официальных заявлениях»²¹. Актами практического воплощения этой формы международной юрисдикции стали создание после Второй мировой войны Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а в новейший период – учреждение Советом Безопасности ООН Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, создание на основе договоров между ООН и заинтересованными государствами четырех гибридных судов (Специального суда по Сьерра-Леоне, Групп Окружного суда Дили с исключительной юрисдикцией по серьезным уголовным преступлениям в Восточном Тиморе, Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии, института международных судей в Косово) и, наконец, учреждение через межгосударственный договор Международного Уголовного Суда.

Комиссия международного права ООН определила, что в современном праве под термином «международный уголовный суд» понимается «компетентный, беспристрастный и независимый суд или трибунал, созданный по закону в соответствии с правом обвиняемого быть судимым таким судебным органом, который признается в Международном пакте о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14). Кроме того, этот термин необходимо понимать, как означающий суд, учрежденный при поддержке международного сообщества. <...> Данное положение не предписывает метод учреждения подобного суда»²². Очевидно, что данному широкому определению соответствуют как международные трибуналы в строгом смысле данного значения, так и гибридные (интернационализованные) суды.

Прочно утвердилось мнение, что создание международных уголовных судов – наиболее адекватный способ преследования международных преступлений. Б. В. А. Рёлинг подчеркнул, что «в силу самого того факта, что во-

¹⁵ Правовые нормы и транзитное правосудие. – Доклад Генерального Секретаря ООН. Пар. 48. UN Secretary-General. «Rule of Law and Transitional Justice», para. 48.

¹⁶ Universal Jurisdiction in Europe. – Human Rights Watch. June 27, 2006. Section 3E. И <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

¹⁷ Римский Статут МУС, ст. 17 (1)(а), ст. 17 (1)(b).

¹⁸ Римский Статут МУС, ст. 17 (2)(а), ст. 20 (3)(а). Устав МТБЮ, ст. 10 (2)(b). Устав МТР, ст. 9 (2)(b).

¹⁹ Римский Статут МУС, ст. 17 (2)(b). Устав МТБЮ, ст. 10 (2)(b). Устав МТР, ст. 9 (2)(b).

²⁰ Римский Статут МУС, ст. 17 (2)©, ст. 20 (3)(b). Устав МТБЮ, ст. 10 (2)(b). Устав МТР, ст. 9 (2)(b).

²¹ Хенкергс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 784.

²² Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 8, комментарий, п. 11.

енные преступления представляют собой нарушения законов войны, т. е. международного права, дела о международных преступлениях должен рассматривать международный судья. Он лучше всего подходит для этого»²³.

Более обстоятельно эту мысль развивает Антонио Кассезе:

«Международные трибуналы, особенно те, которые находятся на территории того государства, где были совершены злодеяния, имеют множество преимуществ перед внутренними судами.

Прежде всего – и это факт – национальные суды [*сейчас: большинства стран – авт.*] не склонны назначать слушания по преступлениям, которые испытывают недостаток территориальной связи или связи, основанной на принципе гражданства, с государством [от имени которого действует данный суд]. До учреждения Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, которое дало существенный импульс судебному преследованию и наказанию предполагаемых военных преступников, условия [для наказания] преступлений, заложенные в Женевских конвенциях 1949 года, никогда не применялись. <...>

Во-вторых, для рассмотрения преступлений, являющихся международными, то есть серьезными нарушениями международного права, международные суды – самые подходящие органы, чтобы высказаться по их поводу. Они находятся в лучшей позиции с точки зрения знания и применения международного права.

В-третьих, международные судьи имеют больше оснований для того, чтобы быть беспристрастными или, во всяком случае, более беспристрастными, чем национальные судьи, которые связаны с обстановкой, в которой было совершено преступление. Наказание предполагаемых виновников международных преступлений международными трибуналами обычно встречается с меньшим сопротивлением, чем наказание национальными [судами других государств], так как это намного меньше задевает национальное самолюбие.

В-четвертых, международные суды с большей легкостью могут расследовать преступления с проведением следственных действий во многих странах, чем судьи национальных судов. Часто свидетели проживают в различных странах, определенные свидетельства могут быть получены в результате сотрудничества нескольких государств, и, кроме того, часто необходима специальная экспертиза, касающаяся сложных юридических проблем, поднимаемых использованием законодательств разных стран.

В-пятых, международными судами может гарантироваться своего рода однородность в применении международного права, тогда как слушания, проводимые национальными судами, могут привести к большим различиям и в применении этого права, и в наказаниях для осужденных.

Наконец, создание международных судов сигнализирует о желании международного сообщества порвать с прошлым и наказать тех, кто отклонился от приемлемых стандартов человеческого поведения. При определении наказания цель международного сообщества не столько в возмездии, сколько в стигматизации преступного поведения – в надежде, что это будет в дальнейшем оказывать сдерживающий эффект [на потенциальных преступников]»²⁴.

Существовавшие и ныне действующие международные суды, исходя из способа их учреждения, можно подразделить на четыре типа.

К первому типу следует отнести Нюрнбергский и Токийский трибуналы. Они были созданы державами антигитлеровской коалиции на основе соответствующих международных соглашений между ними. Эти трибуналы часто называют «судами победителей», и приходится признать, что данное определение является справедливым. При всем неопределимом значении этих трибуналов и выдающейся роли их правового наследия, их учреждение «победителями» для суда над «побежденными» подчеркивает их определенную юридическую ограниченность в плане избирательного применения закона (см. выше, раздел 8.3.4).

Второй тип – специальные международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии (место расположения – Гаага, Нидерланды) и Руанде (место расположения Судебных камер – Аруша, Объединенная Республика Танзания, Апелляционной камеры – Гаага, Нидерланды), учрежденные решением Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с главой VII Устава ООН. Значительное отличие их правовой природы от правовой природы трибуналов Нюрнберга и Токио прекрасно подчеркнуто в Первом докладе МТБЮ Генеральной Ассамблеи и Совету Безопасности ООН:

«Некоторые основные характерные черты Трибунала отличают его не только от созданных в прошлом трибуналов для судебного преследования за военные преступления, но и от какого-либо иного механизма международного урегулирования споров. Во-первых, в отличие от Нюрнбергского и Токийского трибуналов, настоящий Трибунал является подлинно международным. Как справедливо отмечалось, Нюрнбергский и Токийский трибуналы были «многонациональными трибуналами, а не международными трибуналами в строгом смысле», поскольку они представляли лишь один сегмент международного

²³ B. V. A. Roling. «The Law of War and the National Jurisdiction since 1945». – in Hague Academy of International Law, Collected Courses, 1960-II p. 354 (Leyden, A. W. Sijthoff, 1961). Цит. по ООН. Генеральная Ассамблея. Совет безопасности. 29 августа 1994 г. Доклад Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезное нарушение международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. A/49/342 S/1994/1007 Russian. Пар. 4.

²⁴ Cassese a.

сообщества, т.е. победителей. Это было признано самим Нюрнбергским трибуналом, когда он указал, что при создании Нюрнбергского трибунала и определении правовых норм для регулирования его деятельности четыре державы, подписавшие его Устав, «сделали вместе то, что любая из них могла бы сделать в одиночку». Другими словами, в Нюрнберге каждая из четырех держав-победительниц могла судить обвиняемых самостоятельно; однако вместо этого они предпочли создать совместный трибунал, действовавший одновременно от имени всех. Это же справедливо по отношению к Токийскому трибуналу, хотя в его случае судьи, назначенные Верховным главнокомандующим союзных держав генералом Дугласом МакАртуром, были гражданами 11 стран, пострадавших от японских военных действий. <...> В отличие от них Трибунал является органом не группы государств, а всего международного сообщества. Судьи трибунала собрались со всех частей мира, и обладают широким кругозором и опытом, необходимым для выполнения этой сложной задачи. Трибунал не связан национальными нормами, как с точки зрения своей процедуры, так и юрисдикции. Даже отделение содержания под стражей <...> является международным по своему характеру и не подконтрольно принимающему государству. <...> В то время, как Нюрнбергский и Токийский трибуналы рассматривали лишь преступления, совершенные во время международного вооруженного конфликта, Трибунал имеет право рассматривать преступления, совершенные как во время межгосударственных войн, так и внутренних конфликтов»²⁵.

Сказанное в равной степени относится и к МТР, за исключением того, что последний рассматривает преступления, совершенные исключительно в контексте вооруженного конфликта *немеждународного* характера, так как конфликт в Руанде являлся именно таковым.

Еще одно краеугольное отличие специальных трибуналов ООН от Нюрнбергского и Токийского трибуналов состоит в том, что их юрисдикция не ограничена судебным преследованием представителей только какой-либо одной стороны вооруженного конфликта. Другими словами, для них не существует категорий «победители» и «побежденные». Действительно, приговоры МТБЮ были вынесены в отношении представителей всех противостоящих сторон конфликта: сербов, хорватов и боснийских мусульман²⁶.

Трибуналы имеют двухступенчатую структуру, которая включает Судебные камеры (палаты) и Апелляционную камеру (палату), которая, как мы уже говорили, фактически одна на два суда (см. раздел 9.2.7.2). Также в состав каждого из трибуналов входит Прокурор (Обвинитель) в качестве отдельного независимого органа. Он не имеет права запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или из какого-либо другого источника.

Третий тип международных уголовных судов – так называемые гибридные или «интернационализованные» суды, которые были созданы не решением Совета Безопасности, а соглашениями между Организацией Объединенных Наций и правительствами тех стран, в отношении преступлений, совершенных на территории которых, данные судебные органы наделялись юрисдикцией. Эти соглашения по своей форме являются международными соглашениями между государством и межправительственной организацией – «разновидностью публичного инструмента международного права, предусмотренного Венской конвенцией о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями»²⁷. К категории гибридных судов относятся Специальный суд по Сьерра-Леоне, Чрезвычайные Палаты в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии, институт Международных судей в Автономном Крае Косово и, с определенной оговоркой, Группы Окружного суда Дили с исключительной юрисдикцией по серьезным уголовным преступлениям в Восточном Тиморе (учреждены не соглашением, а решением временной администрации ООН в этом государстве, в соответствии с полномочиями, предоставленными ей Советом Безопасности).

Данные суды являются гибридными как по своему составу (их палаты состоят как из международных, так и из национальных судей), так и по применяемому ими праву (нормы, которыми руководствуются данные суды, привнесены как из международного права, так и из внутреннего права соответствующих государств). Они разделяются на две подгруппы: в первом случае они являются частью государственной судебной системы (как в Камбодже, Косово и Восточном Тиморе), во втором случае они являются подлинно международными и не включены в национальную систему органов правосудия (как в Сьерра-Леоне)²⁸.

Все три названные категории объединяют важные общие черты. Во-первых, эти суды были созданы по принципу *ad hoc*, т.е. в качестве специального временного инструмента для рассмотрения преступлений, совершенных в связи с определенным вооруженным конфликтом, т.е. в только в ограниченный этим кон-

²⁵ ООН. Генеральная Ассамблея. Совет безопасности. 29 августа 1994 г. Доклад Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезное нарушение международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. A/49/342 S/1994/1007 Russian. Пар. 10, 19.

²⁶ Всего обвинения были предъявлены более чем 160 лицам. Среди них – главы государств, премьер-министры, министры обороны, внутренних дел и многие другие высокопоставленные чиновники и чиновники среднего звена, политические, военные и полицейские руководители, представлявшие разные стороны югославского конфликта. Приговоры вынесены в отношении представителей различных этнических групп Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Косово и бывшей югославской Республики Македонии. Более 60 человек были осуждены, в настоящее время дела более 50 человек находятся в различных стадиях разбирательства в трибунале (см. данные на официальном сайте МТБЮ: <http://157.150.195.168/sections/AbouttheICTY>).

²⁷ Schabas, 2006, p. 53-54.

²⁸ Cassese, 2003, p. 343.

фликтом период и на ограниченной географической территории. Во-вторых, эти суды ретроактивны, т. е. наделены компетенцией рассматривать преступления, совершенные до их учреждения.

К *четвертому типу* относится Международный Уголовный Суд (место расположения — Гаага, Нидерланды), созданный на основе соглашения между большим количеством государств (в настоящее время Римский Статут Международного Уголовного Суда ратифицирован 105 государствами). Его существенные отличия от упомянутых выше судебных органов состоят в том, что он является постоянно действующим, его личная и территориальная юрисдикция не связана с конкретным вооруженным конфликтом, и он не ретроактивен, т. е. имеет право рассматривать только преступления, совершенные после вступления его Статута в законную силу (фактически — начиная с 1 июля 2002 г.). Как и Специальные международные трибуналы ООН, он имеет двухступенчатую структуру и Прокурора в качестве отдельного независимого органа.

11.2.2. Взаимодействие международных и национальных судов

Принцип «subsidiarity» (дополняемости), безусловно, распространяется на деятельность всех международных судов. В то же время, создавая трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, Совет Безопасности ООН наделил их приоритетом по отношению к национальным судам, применив принцип так называемой «параллельной юрисдикции»²⁹. Этот принцип означает, что трибуналы,

- с одной стороны, не лишили национальные суды юрисдикции над военными преступлениями, преступлениями против человечности и преступлением геноцида, однако,
- с другой стороны, наделены полномочиями «вступать в любой этап разбирательства в национальном суде и изымать дело из его производства всякий раз, когда это будет отвечать интересам правосудия»³⁰.

Это обстоятельство не подрывает принципа дополняемости. Однако в данном случае презюмировалось, что в условиях, в которых были созданы трибуналы ООН, суды республик бывшей Югославии и суды Руанды, не были способны привлечь к ответственности лиц, ответственных за совершение международных преступлений, в силу своей политической ангажированности либо полного разрушения судебной системы в результате гражданской войны.

В соответствии с собственными правилами процедуры и доказывания, Трибуналы также имеют право передавать по своему усмотрению дела, ожидающие его производства, любому государству, обладающему юрисдикцией, а также желающему и готовому принять такое дело и преследовать обвиняемого в своем собственном суде³¹. Принятие этого порядка, несомненно, было важным «жестом поддержки концепции универсальной юрисдикции»³² со стороны специальных трибуналов ООН.

Кроме того, Уставы специальных Международных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде устанавливают, что международное преступление может быть повторно рассмотрено Трибуналом, если оно было квалифицировано национальным судом как обычное преступление³³. Это правило отражает убежденность Совета Безопасности ООН, что международные преступления в принципе имеют гораздо большую тяжесть, чем обычные преступления по национальному праву, и квалификация международных преступлений как общеуголовных является формой ограждения обвиняемых от надлежащего уровня ответственности.

Международный Уголовный Суд может осуществлять свою юрисдикцию в случаях, когда ситуация передается Прокурору либо государством-участником, либо Советом Безопасности ООН, либо когда Прокурор начинает расследование по собственной инициативе³⁴. Суд имеет право отказаться от принятия дела к производству, если найдет, что государство, имеющее юрисдикцию по преступлению, добросовестно ее осуществляет или осуществило³⁵. В то же время в случае принятия Судом решения о принятии дела к производству и заинтересованные государства, и сам обвиняемый имеют право обжаловать это решение в апелляционном порядке. Также Суд может вынести постановление по вопросу о юрисдикции на основании соответствующего запроса прокурора³⁶. Таким образом, в рамках, установленных Статутом, окончательное разрешение вопроса о юрисдикции оставлено на усмотрение Суда. Следовательно, механизм Международного Уголовного Суда так же, как и, *mutatis mutandis*, специальных трибуналов ООН, основан на принципе «параллельной юрисдикции», и МУС, таким образом, имеет приоритет перед национальными судами государств, находящихся под его юрисдикцией. Несомненно, однако, что приоритет это носит более «смягченный» характер, чем у специальных трибуналов. Антонио Кассезе характеризует систему взаимоотношений между юрисдикциями го-

²⁹ Устав МТБЮ, ст. 9. Устав МТР, ст. 8.

³⁰ ООН. Генеральная Ассамблея. Совет безопасности. 29 августа 1994 г. Доклад Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезное нарушение международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. A/49/342 S/1994/1007 Russian. Пар. 20.

³¹ МТБЮ. Правила процедуры и доказывания. Правило 11 bis.

³² Schabas, 2006, p. 126.

³³ Устав МТБЮ, ст. 10 (2)(а). Устав МТР, ст. 9 (2)(а).

³⁴ Римский Статут МУС, ст. 13.

³⁵ Римский Статут МУС, ст. 17.

³⁶ Римский Статут МУС, ст. 19.

сударств и МУС как принцип «взаимозависимости»³⁷, так как без поддержки национальных законодательных органов (ратификации) данный международный суд просто не имеет возможность реализовать свою миссию. Другие авторы используют для обозначения таких взаимоотношений понятие «комплиментарность».

11.2.3. Универсальная юрисдикция национальных судов

Термин «универсальная юрисдикция» означает право (а в некоторых случаях и обязанность) государств осуществлять уголовную юрисдикцию, базирующуюся исключительно на правовой природе преступления безотносительно места совершения этого преступления, гражданства преступника или жертвы, или любой другой связи с государством, осуществляющим такую юрисдикцию. «Практическое последствие такой юрисдикции, — отмечает проф. Нихэл Бхута, — состоит в том, что обвинители или занимающиеся расследованием судьи могут начинать следствие и/или судебное преследование лиц за преступления, совершенные вне территории данного государства и которые не связаны с этим государством гражданством подозреваемого или жертвы или вредом для его национальных интересов»³⁸.

Вильям Шабас сходным образом определяет универсальную юрисдикцию как «компетенцию национального суда судить человека, подозреваемого в серьезном международном преступлении — типа геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности или пытке — даже если ни подозреваемый, ни жертва не являются подданными той страны, где расположен суд, и преступление имело место вне этой страны»³⁹.

Емко и лаконично положение об универсальной юрисдикции изложено в Секции 1 Международного уголовного кодекса ФРГ (Völkerstrafgesetzbuch, VStGB) от 26 июня 2002 г.: «Настоящий Закон применяется ко всем указанным в нем уголовно-наказуемым деяниям против международного права, к указанным в нем преступлениям также тогда, когда деяние было совершено за границей и не имеет отношения к территории страны»⁴⁰.

Государства имеют право наделять свои национальные суды универсальной юрисдикцией в отношении военных преступлений. Практика государств устанавливает эту норму в качестве нормы обычного права в отношении военных преступлений, совершенных как во время международных, так и немеждународных конфликтов⁴¹. Это же справедливо в отношении других классов международных преступлений. Практика государств наделять свои национальные суды универсальной юрисдикцией широко поддерживается национальным законодательством⁴². На сегодняшний день многие страны имеют законодательство, которое, при тех или иных условиях, позволяет им преследовать международные преступления, совершенные не их подданными и не на их территории. «Несмотря на задержки типа юридических реформ в Бельгии, с 2000 года в Западной Европе наблюдалось устойчивое повышение числа случаев преследования по суду согласно законам об универсальной юрисдикции, что свидетельствует об усиленной готовности ряда европейских государств использовать универсальную юрисдикцию, — указывается в специальном исследовании правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч», посвященном универсальной юрисдикции в Европе. — [В 2003 г.] Совет европейского Союза по правосудию и внутренним делам, принял решение, признающее, что государства — члены ЕС «противостоят на регулярном основании» людям, вовлеченным в геноцид, преступления против человечности и военные преступления, которые пытаются въехать и проживать в ЕС. В своем решении Совет объявил, что эти преступления «не должны остаться безнаказанными, что должно быть обеспечено их эффективное судебное преследование, как принятием мер на национальном уровне, так и путем усиления международного сотрудничества»⁴³. Более ранним решением [2002 года] Совет создал сеть национальных центров, предназначенных для увеличения объема информации относительно расследования международных преступлений⁴⁴. Успешное судебное преследование в 2005 г. международных преступлений судами Испании, Франции, Бельгии, Великобритании и Нидерландов — с большим количеством судов, намечаемых на 2006 г. — указывает, что теперь универсальная юрисдикция — практическая действительность, которая постепенно ассимилируется в функционирование систем уголовного права на части территории Западной Европы»⁴⁵.

К настоящему моменту около 120 государств приняли законы, наделяющие их суды правом осуществлять ту или иную форму универсальной юрисдикции⁴⁶. Однако условия, при которых механизмы универсальной юрисдикции могут быть приведены в действие, в каждом из этих государств очень разные.

³⁷ Cassese a.

³⁸ Bhuta.

³⁹ Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Introduction. || <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁴⁰ Международный уголовный кодекс ФРГ от 26 июня 2002 г. Перевод на русский язык опубликован: Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. Под ред. Богуша Г. И., Трикоз Е. Н. — М., 2008, с. 656-668.

⁴¹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 776.

⁴² Там же. С. 777.

⁴³ Council Decision 2003/335/JHA of 8 May 2003, Official Journal L 118, 14/05/2003 P.0012-0014. Preambular paras. 1, 6. || http://europa.eu.int/eur-lex/pri/en/oj/dat/2003/l_118/l_11820030514en00120014.pdf.

⁴⁴ Decision 2002/494/JHA of 13 June 2002, Official Journal L 167, 26/06/2002 P.0001-0002 (retrieved January 2006). || http://europa.eu.int/eur-lex/pri/en/oj/dat/2002/l_167/l_16720020626en00010002.pdf

⁴⁵ Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Introduction. || <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁴⁶ Amnesty International, Universal Jurisdiction: The Duty of States to Enact and Enforce Legislation (2001) n,38 ch 4A. || <http://web.amnesty.org/library/index/ENGIOR530022001>.

Самым ранним делом о международных преступлениях, рассмотренным национальным судом на основании универсальной юрисдикции, является дело Эйхмана (суд города Иерусалим, затем — Верховный Суд Израиля, 1962 г.). Толчок к применению национальными судами инструментов универсальной юрисдикции дало создание и функционирование Специальных трибуналов ООН, а затем — подписание и ратификация Римского Статута. За последнее десятилетие на основании универсальной юрисдикции национальные суды ряда государств уже осудили ряд лиц за международные преступления (дело Польюковича, рассмотренное в Австралии, дело Джаджича, дело Джорджича, дело Соколовича и дело Куслджича, рассмотренные в Германии, дело Сарича, рассмотренное в Дании, дело Финта, рассмотренное в Канаде, дело Аبلбреча и дело Рохрига и других, рассмотренные в Нидерландах, дело Савоньюка, рассмотренное в Великобритании)⁴⁷, в том числе за преступления, совершенные во время вооруженных конфликтов немеждународного характера (дело Бутаре, рассмотренное в Бельгии, дело Мунешхаяка, рассмотренное во Франции, дело Кнешвича, рассмотренное в Нидерландах, дело Грабежа и дело Нийонтезе, рассмотренные в Швейцарии). При этом государства гражданства обвиняемых не возражали против осуществления универсальной юрисдикции⁴⁸.

11.2.4. Дополнительные условия для осуществления национальными судами универсальной юрисдикции

Специфические условия, требуемые для того, чтобы государство могло осуществить в отношении международного преступления универсальную юрисдикцию, разнятся в зависимости от законодательства конкретного государства. В конечном итоге эти условия связаны с двумя различными концепциями этого вида юрисдикции, на которые обращает внимание Антонио Кассесе.

В соответствии с узкой концепцией универсальной юрисдикции для начала процедуры ее осуществления присутствие обвиняемого на территории государства является обязательным условием. В соответствии широкой концепцией (или концепцией абсолютной универсальной юрисдикции) для начала процедуры такого присутствия не требуется (хотя судебный процесс, разумеется, не может проходить заочно, что стало бы существенным нарушением прав подозреваемого)⁴⁹. Президент Международного Суда ООН Дейм Розалин Хиггинс именуется этот вид «универсальной юрисдикцией должным образом так называемой»⁵⁰. Законодательство каждого из государств, в том или ином виде предусматривающего осуществление его судами универсальной юрисдикции, в конечном итоге либо отражает одну из этих тенденций, либо опирается на смешанный подход, предусматривая, по крайней мере, «ожидаемое присутствие» подозреваемого.

«Практика неоднородна в отношении того, требует ли принцип универсальной юрисдикции конкретной связи с государством, осуществляющим судебное преследование. Требование, чтобы между обвиняемым и государством, осуществляющим судебное преследование, существовала какая-то связь, в частности, чтобы обвиняемый находился на территории или оказался во власти этого государства, отражено в военных уставах и наставлениях, законодательстве и прецедентном праве многих государств. Однако существуют также законодательные акты и прецедентное право, которые не требуют наличия такой связи. Женевские конвенции также не требуют наличия такой связи», — отмечают авторы фундаментального исследования МККК по обычному гуманитарному праву⁵¹.

Так, законы большинства стран, криминализировавших международные преступления в своем внутреннем законодательстве, требуют для начала судебного преследования «фактического» или «вероятного» присутствия подозреваемого на территории данного государства (принцип *forum deprehensionis*). В некоторых странах фактическое или ожидаемое присутствие подозреваемого — необходимое условие для начала предварительного расследования органами полиции⁵².

Присутствие подозреваемого на территории государства — условие для предъявления обвинения, остающееся на усмотрении властей в Дании, Франции и Нидерландах. В Великобритании ордер на арест не может быть выпущен, если подозреваемый не присутствует или, вероятно, не будет присутствовать на ее территории. Законодательство Норвегии требует, чтобы подозреваемый присутствовал прежде, чем ему будет предъявлено обвинение. Законодательство Испании не требует присутствия подозреваемого для начала расследования или предъявления обвинения. Немецкое законодательство не требует присутствия подозреваемого, но оставляет на усмотрение обвинителя право отказаться от проведения расследования, если такое присутствие не может ожидаться (ст. 153 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ)⁵³.

«Принцип универсальности в международном праве *не требует*, чтобы государства преследовали и осуществляли расследования и судебное преследование в случаях, когда подозреваемый находится вне пределов

⁴⁷ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 777, прим. 195, с. 780, прим. 207.

⁴⁸ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 777.

⁴⁹ Cassese, 2003, p. 285-286.

⁵⁰ After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities. — The ICLR Annual lecture, 2006. By Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. || <http://www.lawreports.co.uk/AboutICLR/Lecture%20PDF/A4%20Transcript%20ICLR%20Pinochet.pdf>.

⁵¹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 779.

⁵² Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Section 3D. || <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁵³ Там же, прим. 112-113. Также см: After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities. — The ICLR Annual lecture, 2006. By Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. || <http://www.lawreports.co.uk/AboutICLR/Lecture%20PDF/A4%20Transcript%20ICLR%20Pinochet.pdf>.

их территории и не восприимчив к их правоприменительной деятельности; в то же самое время ничто в международном праве не запрещает государству требовать выдачи лица, не являющегося его гражданином и находящегося вне ее территории, чтобы попытаться преследовать это лицо за международные преступления», — подчеркивают авторы исследования МККК⁵⁴. Прямые упоминания о возможности начать судебную процедуру экстрадиции в отношении лица, подозреваемого в международных преступлениях, которое не находится на территории государства, осуществляющего судебное преследование, содержатся в законодательстве Канады, Люксембурга и Новой Зеландии, а также в прецедентном праве Германии, Соединенных Штатов⁵⁵ и Испании. В 2003 году испанские суды добились выдачи Мигеля Кавальо, бывшего аргентинского военного атташе, с целью предания его правосудию на территории Испании⁵⁶.

Особенно важно, что с заявлениями о судебном преследовании предполагаемых преступников могут обращаться заинтересованные лица: жертвы, их родственники и представители. Существует возможность судебного обжалования отказа соответствующего органа начать расследование.

Необходимо отметить, что универсальная юрисдикция — сравнительно новая и стремительно развивающаяся область права. Практика в ряде случаев демонстрирует активное столкновение интересов правосудия, с одной стороны, и интересов «realpolitic», с другой. И, к сожалению, в ряде случаев государства делают выбор в пользу последней. «Несмотря на успехи, имеющиеся в осуществлении универсальной юрисдикции в последние годы, она остается хрупким механизмом. Государства продолжают быть озабоченными последствиями использования законодательства об универсальной юрисдикции и возможностью охлаждения отношений с государствами, с которыми они имеют политические и экономические связи»⁵⁷. Тем не менее универсальная юрисдикция, даже в существующем виде (безусловно, далеко не идеальном) — уникальный механизм, содержащий огромный и пока еще не до конца осознанный правозащитным сообществом потенциал борьбы с безнаказанностью независимо от государственных границ. Нельзя не согласиться с тем, что «расследование и судебное преследование могут быть успешными и без сотрудничества государств, на территории которых совершено преступление, в случаях, где частные заявители хорошо идентифицируют свидетелей и источники доказательств»⁵⁸.

Интересен и поучителен опыт универсальной юрисдикции в Испании. Статья 23.4 Закона о судебной власти (*Ley Organica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial*) устанавливает, что такие преступления, как геноцид, терроризм, пиратство «и любые другие, которые в соответствии с международными договорами и конвенциями, должны преследоваться в Испании», преследуются испанскими судами, даже когда они совершены иностранцами за пределами территории Испании. Статья 607 Уголовного кодекса Испании 1995 г. устанавливает ответственность за геноцид. Статьи 608–616 устанавливают ответственность за военные преступления вне зависимости от того, были ли они совершены в контексте международного или внутреннего вооруженного конфликта (устанавливающая категории жертв ст. 608 относит к числу «защищенных лиц» «гражданское население и гражданских лиц, имеющих защиту по IV Женевской конвенции от 12 августа 1949 года или по I Дополнительному Протоколу от 8 июня 1977 года, лиц, выведенных из строя, <...> имеющих защиту по Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года или по I Дополнительному Протоколу от 8 июня 1977 года, <...> других лиц, имеющих защиту по II Дополнительному Протоколу от 8 июня 1977 года или по другим международным Договорам, которые подписала Испания». Кроме того, статья 607-bis, введенная в действие Законом 15/2003 от 25 ноября 2003 г. (вступил в силу 1 октября 2004 года), предусматривает ответственность за преступления против человечности. Формулировки этой статьи заимствованы из Римского Статута.

Уголовному преследованию в Испании, основанному на универсальной юрисдикции, положило начало дело Аугусто Пиночета, когда было возбуждено расследование, и испанский суд запросил у Великобритании ареста и выдачи бывшего чилийского диктатора. Бывший диктатор был арестован в Великобритании. Хотя Пиночет и не был выдан, это дело стало отправной точкой для последующих случаев использования универсальной юрисдикции в Испании и других государствах. «Такие случаи, как судебное преследование Пиночета, подорвали климат безнаказанности в Чили и других латиноамериканских странах, расширяя пределы возможного местных сообществ и катализируя большое количество внутренних судебных разбирательств. Латиноамериканский опыт показывает, что международное судебное преследование на основании универсальной юрисдикции может быть катализатором для изменения в постконфликтном социуме, усиливая борьбу с безнаказанностью»⁵⁹. После Пиночета рассмотренные в Испании дела включают в себя дело бывшего перуанского президента Альберто Фухимори и аргентинского военного офицера Адольфо Шилинго, который был осужден и приговорен Испанским Национальным Судом к 640 годам заключения <...> за преступления, совершенные в 1970-е гг. в ходе «грязной войны» в Аргентине⁶⁰. Рассматриваемые в настоящее время уголовные дела касаются геноцида в Тибете, а также преступлений, совершенных в Руанде, Гватемале и Аргентине (дело Мигеля Ковальо)⁶¹.

⁵⁴ Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Section 3D. Il <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁵⁵ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 779, прим. 202.

⁵⁶ Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Section 3E. Il <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, глава 3D.

⁵⁹ Bhuta.

⁶⁰ Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Section 12. «Spain». Il <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁶¹ Там же.

Законодательство Испании не требует присутствия подозреваемого для начала расследования и предъявления обвинения. Присутствие требуется только для фазы судебного процесса и может быть достигнуто через выдачу. Испанское законодательство не признает амнистий, объявленных другими государствами в отношении своих подданных, подозреваемых в международных преступлениях, а также не применяет сроков давности к геноциду, военным преступлениям и преступлениям против человечности. Конституционный Суд Испании в «деле Гватемалы» (26 сентября 2005 г.) установил, что универсальная юрисдикция может быть осуществлена испанскими судами в случае, если имеются доказательства, демонстрирующие нежелание или невозможность государства, обычно осуществляющего юрисдикцию, преследовать по суду преступления, указанные в жалобе заявителя. При этом для начала расследования НЕ ТРЕБУЕТСЯ (1) присутствия подозреваемого на испанской территории, (2) чтобы жертвы были гражданами Испании и (3) чтобы существовала связь между преступлением и какими-либо иными интересами Испании⁶². Вслед за Конституционным судом Национальная судебная палата в «деле о Тибетском геноциде» также подчеркнула, что Испания может осуществлять универсальную юрисдикцию по геноциду, совершенному в Тибете, в отсутствие связи преступления с интересами Испании. Как отметил Председатель Международного Суда ООН Дейм Розалин Хиггинс, сегодня «испанские суды — одни из самых открытых в мире для международного судебного преследования»⁶³.

Все дела, рассмотренные и рассматриваемые в настоящее время испанскими судами в рамках законодательства об универсальной юрисдикции, были возбуждены в связи с заявлениями жертв или неправительственных организаций. Статья 125 Конституции Испании, Закон о судебной власти и Уголовно-процессуальный кодекс обеспечивают право для испанских граждан, имеющих свои интересы в конкретном деле или представляющих интересы жертвы, инициировать судебное преследование в порядке частного обвинения (*acción popular*)⁶⁴. «Допустимость *acción popular* была решающей в уведомлении властей о международных преступлениях и позволила зарегистрировать случаи, которые в конечном итоге привели к осуждению [преступников]»⁶⁵.

Таким образом, испанское законодательство об универсальной юрисдикции имеет необычайно широкий потенциал, который может быть эффективно использован международным правозащитным сообществом.

Важную роль национальных судов в преследовании международных преступлений даже в условиях существования постоянно действующего международного уголовного суда еще в 1996 году подчеркнула Комиссия международного права ООН: «На практике международный уголовный суд в сущности был бы не в состоянии в одиночку преследовать и наказывать бесчисленное количество лиц, ответственных за преступления по международному праву, не только из-за многочисленности таких преступлений в последние годы, но и по причине того, что такие преступления зачастую совершаются в рамках общего плана или политики, сопряженных с участием значительного количества лиц в систематических или массовых преступных деяниях против очень многих жертв»⁶⁶.

Оценивая перспективы универсальной юрисдикции в современном мире, Антонио Кассесе пишет: «К настоящему времени права человека стали *bonum commune humanitatis*, ядром ценностей большого значения для всего человечества. Поэтому логично и последовательно представить судам всех государств возможность, а также наложить на них обязанность преследовать по суду, приводить к суду и наказывать людей, которые подозреваются в нетерпимом попрании таких ценностей. Поступая так, суды, в конечном счете действовали бы как «органы мирового сообщества». Другими словами, они работали бы не от имени их собственных государств, а от имени и по поручению всего международного сообщества. Таким образом, в конце концов, теоретическая конструкция, выдвинутая в 1930-х годах крупным французским юристом-международником Джорджесом Скелле, конструкцию, которую он назвал *dùdoublement fonctionnel* (разделение ролей), долгое время — утопическая доктрина, будет воплощена на практике. Скелле подчеркивал, что, так как международному правопорядку недостает законодательных, судебных и исполнительных органов, действующие от имени целого сообщества национальные органы по необходимости выполняют двойную роль: они действуют как государственные органы всякий раз, когда они работают в пределах национальной юридической системы, и они действуют как международные агенты, когда действуют в пределах международной юридической системы. <...> Другими словами, хотя с точки зрения своего правового статуса они являются и остаются государственными органами, они могут функционировать и как национальные, и как международные агенты»⁶⁷.

⁶² Guatemala Genocide Case. Judgment no. STC 237/2005. Part II, paras. 7-10. || <http://www.tribunalconstitucional.es/jurisprudencia/Stc2005/STC2005-237.html>.

⁶³ After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities. — The ICLR Annual lecture, 2006. By Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. P. 8. || <http://www.lawreports.co.uk/AboutICLR/Lecture%20PDF/A4%20Transcript%20ICLR%20Pinochet.pdf>.

⁶⁴ Universal Jurisdiction in Europe. — Human Rights Watch. June 27, 2006. Section 12. «Spain». (b)(2). || <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 8, комментарий, 4.

⁶⁷ Cassese a.

ГЛАВА 12. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

12.1. ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Индивидуальная уголовная ответственность лиц, ответственных за совершение международных преступлений, – краеугольный принцип международного уголовного права. Как было заявлено судьями Нюрнбергского трибунала, «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»¹. Как указала Комиссия международного права ООН, «данный принцип – непреходящее наследие Нюрнбергского устава и приговора, поскольку он наполняет смыслом запрет преступлений по международному праву, обеспечивая, что отдельные лица, совершившие такие преступления, несут за это ответственность и подлежат наказанию»². Индивидуальная ответственность физических лиц в определенном смысле противостоит ответственности государств, которая, безусловно, является формой коллективной ответственности (а в ряде случаев, к сожалению, и коллективной безответственности).

В соответствии с принципом индивидуальной уголовной ответственности лицо подлежит таковой не только за действия, но и за упущения (бездействие). В первой ситуации лицо несет уголовную ответственность за поведение, состоящее в совершении какого-либо деяния в нарушении обязательства воздерживаться от совершения такого деяния, наложенного международным правом. Во второй ситуации лицо несет уголовную ответственность за бездействие, когда оно воздерживается от совершения какого-либо действия в нарушение международно-правового обязательства его совершить³. Также лицо подлежит уголовной ответственности не только в случае прямого совершения преступления, но и в случае других видов участия (соучастия) в преступлении, таких, как приказ на совершение преступления, пособничество, подстрекательство и т. п. (подробно см. главу 13). В то же время никто не может считаться ответственным за действия, которых он не совершал, за деяния, в которых он в каком-либо виде не участвовал, и за упущения, которые не могут быть ему приписаны⁴.

Как разъясняет Антонио Кассесе, из принципа индивидуальной уголовной ответственности вытекают два следствия. Во-первых, никто не может считаться ответственным за уголовные преступления, совершенные другими людьми, так как для современного уголовного права наложение коллективной ответственности неприемлемо. Соответственно национальная, этническая, расовая или религиозная группа не является ответственной за действия, совершенные членом такой группы. В то же время и член такой группы не несет уголовной ответственности за незаконные действия, совершенные ее лидерами и иными членами, если он не имеет к ним отношения. Во-вторых, лицо может считаться уголовно ответственным только за *виновно совершенное*, то есть в той или иной форме осознанное нарушение уголовно-правовых норм. Объективное вменение, то есть наложение уголовной ответственности, основанное только на факте незаконного деяния, запрещено⁵.

Казалось бы, ст. 9-10 Лондонского статута, предусматривающие ответственность лиц за сам факт участия в организациях, признанных Трибуналом преступными, нарушают принцип индивидуальной уголовной ответственности. Действительно, Нюрнбергский трибунал признал ряд организаций (Руководство НСДАП, Гестапо, СД, СС) преступными организациями. Однако, применяя данные нормы, Суд, в конечном итоге, отталкивался от понятия личной вины, налагая уголовную ответственность только на тех членов организации, которые знали, что организация использовалась для совершения международных преступлений (и членство

¹ The Trial of Major War Criminals: Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg Germany, Part 22, at 447 (1950). Нюрнбергский приговор, 1961. Т. VII, с. 368.

² Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., статья 2, комментарий, п. 1.

³ Там же, п. 7.

⁴ Cassese, 2003, p. 136.

⁵ Там же, p. 137.

в них, таким образом, рассматривалось как форма соучастия в достижении общей преступной цели), или лично были причастны к совершению таких преступлений⁶.

Дальнейшее развитие международного уголовного права демонстрирует отказ от доктрины «преступной организации» в том виде, как она сформулирована в Уставе Нюрнбергского трибунала. Это связано с тем, что, как справедливо указывает Шериф Бассиони, у понятия групповой или коллективной ответственности уже в Нюрнбергский период не было никакого основания в международном праве⁷.

12.2. ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА НАД НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАВОМ В КОНТЕКСТЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

Международное право применяется к международным преступлениям вне зависимости от существования соответствующих национальных законов. Результатом этого является самостоятельность международного права в вопросах уголовной квалификации видов поведения, которые составляют международные преступления. Данное положение обычно именуется принципом верховенства международного уголовного права над национальным правом в контексте обязательств отдельных лиц. Проистекающий из Устава и приговора Нюрнбергского трибунала, он поддерживается последующими международно-правовыми инструментами и прецедентным правом в качестве императивной нормы, и должен считаться специальным принципом МУП. Комиссия международного права ООН подробно изложила содержание данной нормы в своих Комментариях к Статье 1 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г.⁸, которые положены в основу данного раздела.

В Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге прямо говорится о связи международного и национального права в отношении уголовной квалификации конкретного поведения только в связи с преступлениями против человечности. В статье 6 (с) определенные виды поведения квалифицируются в качестве преступлений против человечности «независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»⁹. Однако Нюрнбергский приговор признал принцип верховенства международного уголовного права уже в общем плане, заявив, что «сама сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством»¹⁰.

Комиссия международного права ООН подтвердила данное положение об автономности международного права по отношению к национальному праву в связи с уголовной квалификацией поведения, составляющего международные преступления, в принципе II Нюрнбергских принципов: «То обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказание за какое-либо действие, признаваемое согласно международному праву преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву».

Комиссия международного права разъяснила, что в связи с применением этого принципа может сложиться две ситуации. Во-первых, может случиться, что какой-либо вид поведения, квалифицируемый в качестве международного преступления, не будет запрещаться или даже будет обязательным по национальному праву. Во-вторых, может случиться, что такое поведение будет квалифицироваться не как международное преступление, а лишь как преступление по национальному праву. «Ни одно из этих обстоятельств, — указывает Комиссия, — не может служить препятствием для квалификации этого вида поведения в качестве уголовно наказуемого по международному праву. Различие между квалификацией преступления по национальному праву и квалификацией преступления по международному праву существенно, так как соответствующие правовые режимы являются различными»¹¹. Это различие имеет важные последствия в отношении применения принципа *non bis in idem* (недопустимости двойного преследования за одно и то же преступление). Как было показано выше (см. раздел 8.3.3.5), уставы Международных трибуналов ООН допускают повторное привлечение лиц к уголовной ответственности, если деяние, составляющее международное (а следовательно, более серьезное) преступление, было квалифицировано национальным судом как обычное преступление.

В то же время следует отметить, что применение данного положения касается только уголовно-правовой квалификации определенных видов поведения и не затрагивает компетенции национальных судов по другим вопросам материального и процессуального права. В соответствии с этим оно не подрывает принципов «дополняемости» и «параллельной юрисдикции», как они изложены в предыдущей главе (см. разделы 11.1.3 и 11.2.2).

В свете сказанного авторы подчеркивают, что отсутствие в российском уголовном законодательстве тех или иных норм, предусматривающих ответственность за международное преступление, не препятствует привлечению граждан Российской Федерации к уголовной ответственности по международному праву.

⁶ Там же, п. 137-138.

⁷ Bassiouni, 1999, p. 384.

⁸ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, ст. 1 (2). «Преступления против мира и безопасности человечества являются преступлениями по международному праву и наказуются как таковые вне зависимости от того, наказуемы ли они по внутреннему государственному праву». См. Комментарий, п. 6-13, на которых основывается дальнейшее изложение настоящего раздела.

⁹ Там же, п. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, п. 10.

12.3. НЕДОПУСТИМОСТЬ ССЫЛКИ НА ДОЛЖНОСТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВОПРОС ОБ ИММУНИТЕТАХ ОТ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

12.3.1. Недопустимость ссылки на должностное положение

Должностное положение лиц, виновных в совершении международных преступлений, не является основанием для освобождения от ответственности или смягчения наказания. Данная норма закреплена во всех известных уставах международных судов, рассматривавших и рассматривающих преступления данной категории.

Впервые она была установлена Уставом Нюрнбергского Трибунала, ст. 7 которого гласит: «Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания». В той же формулировке она была перенесена в п. 4 (а) ст. 2 Закона Контрольного Совета № 10. Следует отметить, что Устав Токийского Трибунала допускает, что должностное положение может быть учтено при определении наказания как смягчающее обстоятельство, если этого потребуют интересы правосудия¹². Однако в дальнейших источниках международного права такой подход развития не получил. Комиссия международного права пришла к выводу, «что с учетом особой ответственности лица, занимающего такое положение, было бы нецелесообразным рассматривать его официальный статус в качестве смягчающего фактора при назначении наказания»¹³.

Нюрнбергские Принципы формулируют норму недопустимости ссылки на должностное положение уже применительно ко всему корпусу международного права: «Тот факт, что человек, который совершил акт, который является преступлением по международному праву, действовал в качестве главы государства или ответственного правительственного чиновника, не освобождает его от ответственности по международному праву» (принцип III).

В последующем этот принцип нашел свое выражение в Уставах международных и гибридных судов: Международного Трибунала по бывшей Югославии¹⁴, Международного Трибунала по Руанде, Специального суда для Сьерра-Леоне¹⁵ и в Законе об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии¹⁶. Наиболее полное и развернутое его выражение содержится в ст. 27 Римского Статута Международного Уголовного Суда: «1. Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора. 2. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица». Данный текст практически дословно повторен и в Секции 15 Постановления Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15. Кроме того, данная норма закреплена в статье IV Конвенции о геноциде¹⁷, и — явно — в системе статей 1-4 Конвенции против пыток.

К настоящему моменту может считаться, что принцип недопустимости ссылки на должностное положение является нормой обычного права. Однако вопрос об условиях его применения возникает в связи с комплексом международно-правовых норм об иммунитетах глав государств, членов правительства и дипломатических представителей от иностранного уголовного и гражданского судебного преследования.

12.3.2. Международные иммунитеты и границы их применения в отношении лиц, подозреваемых в международных преступлениях

В международном праве прочно утвердился комплекс обычно-правовых норм, в соответствии с которыми главы государств, дипломатические представители, и, возможно, некоторые высшие правительственные

¹² Устав международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19 января 1946 г.), ст. 6: «Ответственность подсудимого. Ни служебное положение подсудимого в любой период времени, ни то, что он действовал по приказу правительства или вышестоящего начальника, не освобождают его от ответственности за совершение любого преступления, в котором его обвиняют, однако эти обстоятельства могут быть учтены Трибуналом при определении наказания как смягчающие, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

¹³ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 7, комментарий, п. 6.

¹⁴ Устав МТБЮ, ст. 7 (2), Устав МТР, ст. 6 (2): «Должностное положение обвиняемого в качестве главы государства или правительства или ответственного чиновника не освобождает это лицо от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания».

¹⁵ Статут Специального суда для Сьерра-Леоне (14 августа 2000 г.), ст. 6 (2): «Официальное положение любых обвиняемых лиц, в качестве или главы государства, или правительства, или ответственного правительственного чиновника, не должно ни освобождать такого человека от уголовной ответственности, ни смягчать наказание».

¹⁶ Закон об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии, ст. 29, абзац 2: «Положение или должность подозреваемого не должны освобождать такое лицо от уголовной ответственности или смягчать наказание».

¹⁷ «Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами».

чиновники обладают иммунитетом от судебного преследования со стороны других государств. Таким образом, в практике международного уголовного судопроизводства могут возникать (и действительно возникают) коллизии ситуации, связанные, с одной стороны, с применением данного комплекса норм и, с другой стороны, с применением принципа недопустимости ссылки на должностное положение. Для правильного разрешения таких ситуаций является принципиальным, что нормы иммунитета высших должностных лиц и нормы, предполагающие недопустимость ссылки на должностное положение, в принципе регулируют не полностью совпадающие комплексы правоотношений. Если первый обращается к процедуре привлечения лица к уголовной ответственности, то второй прежде всего связан с исключением предполагаемых реабилитирующих или смягчающих обстоятельств. Международный Суд ООН в деле «Демократическая Республика Конго против Бельгии» («дело ордера на арест») отметил: «Иммунитет от уголовной юрисдикции и индивидуальная уголовная ответственность — весьма различные понятия. В то время как данный иммунитет является по своей природе процессуальным, уголовная ответственность — вопрос материального права. Данный иммунитет может полностью запретить судебное преследование в течение определенного периода времени или за определенные преступления, но не может реабилитировать лицо, к которому он применяется для освобождения от уголовной ответственности»¹⁸.

В каких случаях должностные лица — главы государств, высшие правительственные чиновники и дипломаты (действующие и покинувшие свой пост) — защищены иммунитетом, а в каких могут быть приведены к суду, осуществляющему международную юрисдикцию? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует сказать о двух основных видах международной неприкосновенности.

Первый вид международного иммунитета именуется *функциональной неприкосновенностью*. Доктрина функционального иммунитета основывается на положении, в соответствии с которым государственное официальное лицо не ответственно перед другими государствами за действия, которые оно совершает в официальном качестве, в связи с тем, что такие действия должны быть юридически приписаны государству как таковому. Хотя это обстоятельство само по себе и не реабилитирует представителя государства, индивидуальной уголовной (а также гражданско-правовой) ответственности в этом случае не возникает: всю международно-правовую ответственность за предполагаемое нарушение несет государство. Следовательно, функциональный иммунитет от таких нарушений сохраняется и после того, как должностное лицо оставляет свой пост. Обязательства по данному виду иммунитета носят характер *erga omnes*, то есть касаются всего мирового сообщества, любого государства в одинаковой степени. В силу своей правовой природы этот вид иммунитета не защищает должностное лицо от действий, совершенных им в личном качестве, то есть вне связи с исполнением государственных функций.

Второй вид международного иммунитета именуется *личной неприкосновенностью*. Он вытекает из необходимости обеспечения беспрепятственного исполнения высшими должностными лицами государств их обязанностей и защищает деятельность главы государства, правительства, дипломатического представителя или министра иностранных дел от какого-либо вмешательства со стороны иностранной юрисдикции. Действительно, угроза ареста, экстрадиции и суда, исходящая от другого государства, способна существенно ограничить (или вообще сделать невозможным) исполнение этими должностными лицами своих обязанностей за границей, стать препятствием для участия этих лиц в международных контактах и подорвать международные отношения. Таким образом, основная функция личного иммунитета — защита международного правопорядка и стабильности международных отношений. Отличие данного вида иммунитета от функциональной неприкосновенности заключается в том, что он:

- имеет не материально-правовую, а процессуально-правовую природу;
- защищает лицо от иностранной юрисдикции не только в связи действиями, выполненными в официальном качестве, но также и в связи с действиями, выполненными в личном качестве и совершенными как в период исполнения лицом своих обязанностей, так и в период, предшествующий вступлению в должность (то есть гарантирует полную неприкосновенность);
- защищает только некоторые категории чиновников, таких, как главы государств, правительств, министры иностранных дел, дипломаты и, возможно, некоторые высшие члены правительства;
- прекращает действие после того, как данное должностное лицо покидает свой пост;
- по всей видимости, не носит характера обязательства *erga omnes*, то есть связывает только те иностранные государства, на территории которых находится или через территорию которых следует данное должностное лицо¹⁹.

Из сказанного следует, что оба вида иммунитета действуют в период, пока официальное государственное лицо занимает свой пост. Прекращение официальных полномочий в соответствии с разными видами иммунитета влечет и разные правовые последствия. Личный иммунитет прекращает действовать с того момента, когда лицо покидает этот пост, тогда как функциональный иммунитет продолжает действовать и после этого, защищая бывшего чиновника от действий, совершенных им при исполнении должностных обязанностей²⁰.

¹⁸ Международный Суд. Решение по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии» от 14 февраля 2002 г., пар. 60.

¹⁹ Cassese b.

²⁰ Cassese, 2003, p. 267.

Кроме того, определенные должностные лица (главы государства и правительства, члены кабинета министров и парламента, судьи и т. д.) могут пользоваться различного рода иммунитетами в соответствии с внутригосударственным правом, которое обеспечивает им неприкосновенность от юрисдикции своих собственных национальных судов. В большинстве стран (как и в Российской Федерации) такая неприкосновенность может быть преодолена в порядке применения специальных процедур, обычно предусмотренных конституциями. Однако в связи с принципом верховенства международного уголовного права над национальным в контексте обязательств отдельных лиц (см. раздел 12.2) такие иммунитеты не могут являться препятствием для преследования международных преступлений международными или иностранными судами. Следовательно, при рассмотрении данного вопроса нас будут интересовать исключительно международные иммунитеты: функциональный и личный.

Для того чтобы уяснить, применимы ли данные виды неприкосновенности к лицам, подозреваемым в международных преступлениях, необходимо обратиться как к нормам, изложенным в предыдущем разделе, так и к практике их применения в международном и национальном прецедентном праве. Особенно важными являются прецедентное право Нюрнбергского и Токийского трибуналов, судов, осуществлявших свои функции на основании Закона Контрольного Совета № 10, Международных трибуналов ООН по Югославии и Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне, а также решения по ряду дел о выдаче, рассмотренных национальными судами: дела об экстрадиции Аугусто Пиночета, рассмотренные в Испании и Великобритании, дело Фиделя Кастро, рассмотренное в Испании, дело Мигеля Ковальо, рассмотренное в Испании, дело Каддафи, рассмотренное во Франции, дело Роберта Мугабе, рассмотренное в Великобритании и Соединенных Штатах и т. п. Важное значение имеет также дело «Демократическая Республика Конго против Бельгии» («дело ордера на арест»), рассмотренное Международным Судом ООН в связи с выпуском последней международного ордера на арест действующего конголезского министра иностранных дел, обвиненного в геноциде и преступлениях против человечности.

Упомянутое прецедентное право демонстрирует определенное различие в подходах к вопросу об иммунитетах применительно к двум разным группам ситуаций. Первая группа включает ситуации, в которых преследование подозреваемых осуществляют международные уголовные суды и трибуналы. Вторая группа включает ситуации, в которых такое преследование осуществляют национальные суды, наделенные универсальной юрисдикцией.

а) Преследование международными судами и трибуналами

Несомненно, что по крайней мере *функциональный иммунитет* от уголовной ответственности теряет для международного уголовного суда или трибунала всякую силу, если им рассматривается дело о международном преступлении.

В отношении неприменимости функционального иммунитета, нормы, содержащиеся в Уставах, практика государств и прецедентное право единообразны. Об этом прямо свидетельствуют многочисленные факты привлечения к ответственности международными судами бывших высших должностных лиц и глав государств. В связи с тем, что функциональный иммунитет не прекращается с уходом должностного лица со своего поста, такие факты прямо указывают на то, что в случае, если лицо подозревается в международном преступлении, по крайней мере функциональный иммунитет теряет свою силу перед международным судом.

Принцип, в соответствии с которым ответственность государственных служащих за международные преступления более не поглощается ответственностью государства и не служит основанием для освобождения от уголовной ответственности, ясно выражен в Нюрнбергском приговоре:

«Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществляли это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства. По мнению Трибунала, [это утверждение] должно быть отвергнуто. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания»²¹.

Нюрнбергский трибунал также установил, что «у людей есть международные обязательства, которые превышают национальные обязательства повиновения, накладываемые отдельным государством. Тот, кто нарушает законы войны, не может получить неприкосновенность, действуя согласно власти государства, если государство, поручая эти действия, выходит за границы своей компетенции по международному праву»²².

Наказание Нюрнбергским трибуналом ряда высших должностных лиц, дипломатов и членов верховного командования Третьего Рейха за преступления против мира (агрессию), военные преступления и преступления против человечности, явилось первым практическим воплощением данного принципа в судебной прак-

²¹ Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. Сборник материалов. – М., 1970. С. 127.

²² Цитата дана по: Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 981, com. 19.

тике. Так, среди прочих к уголовной ответственности были привлечены Франц фон Папен, бывший до Гитлера канцлером Германии, а затем — послом в Австрии и Турции, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп, министр внутренних дел Вильгельм Фрик, Яльмар Шахт и Вальтер Фук, последовательно занимавшие должность министра экономики, рейхсминистр по делам Восточных территорий Альфред Розенберг, имперский министр вооружений Альберт Шпеер, главнокомандующий ВВС Герман Геринг, начальник штаба Верховного командования Вильгельм Кейтель, главнокомандующий ВМФ Эрих Редер и др.

В последующем этот принцип был применен и Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока в отношении бывших высших должностных лиц Японии. Так, перед судом предстали военный министр, позже министр просвещения Араки, премьер-министр, позже председатель тайного совета Хиранума, вице-премьер Хосино, военный министр, позже командующий армией в Корее Итагаки, министр финансов Кайя, министр двора, позже лорд-хранитель печати и главный тайный советник императора Кимура, министр колоний, позже премьер-министр Мацуи, министр иностранных дел Мацуока, посол в Германии генерал Осима, командующий Квантунской армией и последний начальник штаба японской армии Умадзу и др.

Далее, на современном этапе принцип неприменимости функционального иммунитета к лицам, ответственным за международные преступления, подтвержден Специальными трибуналами ООН, причем как их Уставами (статьи 7 (2) и 6 (2) Уставов МТБЮ и МТР соответственно), так и прецедентным правом. Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде возбудили уголовные дела против глав государств или глав правительств без согласия самих этих государств. Бывший президент Федеративной Республики Югославия Слободан Милошевич был выдан МТБЮ и скончался в ходе суда, не дождавшись приговора. Бывший премьер-министр Временного правительства Руанды Джин Камбанда был признан МТР виновным в геноциде и преступлениях против человечности в виде убийства и истребления, и приговорен к пожизненному заключению²³. Это же касается и Специального Суда по Сьерра-Леоне, который возбудил уголовное дело против президента Либерии Чарльза Тейлора²⁴. Под давлением ООН 20 июня 2006 года бывший президент был выдан Сьерра-Леоне Нигерией, где он скрывался последние годы, и в настоящее время предстал перед Судом.

Очевидно, что принцип недопустимости ссылки на должностное положение, изложенный в Уставах всех международных трибуналов, необходимо толковать как прямо устранивающий по крайней мере функциональный международный иммунитет высших государственных чиновников. Относится ли это и к *личному иммунитету*? Ответ на этот вопрос должен быть положительным по следующим основаниям.

Начнем с того, что Римский Статут является единственным инструментом, в котором прямо устанавливается принцип неприменимости любых видов неприкосновенности: «Иммуниеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица»²⁵. Однако данная норма является договорной, распространяется лишь на государства, ратифицировавшие Статут и относится только к юрисдикции данного суда. Фактически, ратифицируя Римский Статут, государства сами добровольно отказались от иммунитетов своих должностных лиц в отношении МУС. Для того чтобы понять, действует ли подобная норма в отношении других международных судов и трибуналов, необходимо вновь обратиться к их Уставам и прецедентному праву. При этом безусловным индикатором неприменимости обоих видов иммунитетов могут являться факты осуществления юрисдикции в отношении *действующих* высших должностных лиц, так как личная неприкосновенность действует лишь до тех пор, пока лицо занимает свою должность.

Статуты Нюрнбергского и Токийского трибуналов сами по себе не могут пролить достаточно света на этот вопрос: в силу исторических обстоятельств они предназначались для преследования *бывших* должностных лиц побежденных, капитулировавших стран. Поэтому важно рассмотреть, как вопрос иммунитетов разрешается современными международными уголовными судами.

Крайне важно, что первый обвинительный акт (от 22 мая 1999 г.²⁶) в отношении Президента Союзной Республики Югославия (СРЮ) Слободана Милошевича, президента Сербии Милана Милутиновича, заместителя премьер-министра СРЮ Николы Саиновича, начальника штаба Югославской Армии Драголюб Ожданича и министра внутренних дел Сербии Влажко Стоджилжковича прокурор МТБЮ выпустил еще в тот период, когда последние занимали свои посты (Слободан Милошевич признал свое поражение на выборах 6 октября 2000 года). Акт был публично оглашен Прокурором 27 мая 1999 года; в этот же день Суд выпустил международные ордера на арест данных подозреваемых²⁷. Суд специально заявил, что этот документ является первым в истории данного трибунала актом «обвиняющим главу государства в серьезных нарушениях международного гуманитарного права в ходе текущего вооруженного конфликта»²⁸.

²³ МТБЮ. Дело Слободана Милошевича. Решение Судебной камеры относительно предварительного рассмотрения дела от 8 ноября 2001 г., пар. 26–34. МТР. Решение Судебной камеры по делу Камбанда от 4 сентября 1998 г.

²⁴ СССЛ. Решение Апелляционной камеры по делу Тейлора от 31 мая 2004 г. относительно иммунитета от юрисдикции, пар. 41.

²⁵ Римский Статут МУС, ст. 27 (2).

²⁶ МТБЮ. Прокурор против Слободана Милошевича, Милана Милутиновича, Николы Саиновича, Драголюб Ожданича, Влажко Стоджилжковича. Иницирующий обвинительный акт от 22 мая 1999 г.

²⁷ МТБЮ. Пресс-релиз от 27 мая 1999 г.

²⁸ Там же.

Правовую природу этой практики международных трибуналов ООН как отношение между *jus generalis* (общая норма об иммунитете) и *jus specialis* (норма, касающаяся ситуации, в которой данный иммунитет теряет силу), очень точно охарактеризовала Паола Гаета²⁹. В частности, данный комментатор указывает:

«В пределах вертикальной структуры, которую представляют собой отношения между государствами-членами Организации Объединенных Наций с одной стороны, и Международных трибуналов с другой, Уставы двух специальных Трибуналов предусматривают ослабление от правовых механизмов личного иммунитета, содержащихся в обычном международном праве. По общему признанию, эти Уставы не предусматривают никакого подобного ослабления *явно*. Однако они устанавливают обязательство для всех государств-членов ООН сотрудничать с Международными трибуналами, в особенности в части исполнения ордера на арест. Это обязательство, будучи основанным на обязательном решении Совета Безопасности, принятом в соответствии с главой VII Устава ООН, на основании статьи 103 Устава ООН, имеет приоритет по обычному праву относительно личного иммунитета и составляет обязательство по договорному. Следовательно, всякий раз, когда государство-член, которому Международный трибунал направляет ордер на арест, предписывающий задержать главу другого государства — участника ООН, который оказался на его территории, выполняет это предписание, оно не нарушает никакой обычной нормы или договорного обязательства в отношении соответствующего иностранного государства. Например, если бы президент Милошевич (когда он все еще был главой государства) приехал на территорию другой страны с официальной миссией или как частное лицо, власти такой страны находились бы под обязательством исполнить требования международного ордера на арест, выпущенного МТБЮ; следовательно, они не могли считаться ответственным за любое нарушение личной неприкосновенности, которой, в соответствии с обычным международным правом, Милошевич был наделен как глава государства»³⁰.

14 февраля 2002 года Международный Суд ООН в деле «Конго против Бельгии» постановил, что и действующие, и бывшие министры иностранных дел могут быть подвергнуты уголовному преследованию международными уголовными судами, обладающими соответствующей юрисдикцией, как, например МТБЮ и МТР, которые наделены ею в соответствии с решением Совета Безопасности на основании глав VII Устава ООН, и Международный Уголовный Суд, наделенный ею Римским договором 1998 г.³¹

Таким образом, в случае если международный суд наделен юрисдикцией либо в соответствии с решением Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (которое обязательно для всех государств-членов ООН), либо в соответствии с многосторонним договором, в ходе подписания которого государства добровольно приняли на себя предусмотренные в нем обязательства, любые виды национальных и международных иммунитетов (в том числе и личный иммунитет) теряют свою силу перед таким судом.

«Что касается Специального Суда по Сьерра-Леоне, — пишет Вильям Шабас, — то здесь возникла несколько более сложная проблема. Если принять положение, что Специальный Суд по Сьерра-Леоне представляет собой форму делегирования правительством Сьерра-Леоне своей национальной юрисдикции международной организации, то условие Устава Суда, которое отменяет иммунитет представителей высшей власти, может быть применимым только к главе государства Сьерра-Леоне. Если, с другой стороны, Специальный Суд по Сьерра-Леоне рассматривается как настоящий международный Трибунал, подобный по своей природе другим Специальным трибуналам, то он может беспрепятственно осуществлять юрисдикцию и по «иностраным» главам государств»³².

Этот вопрос активно обсуждался Специальным Судом по Сьерра-Леоне в связи с тем, что Прокурор данного Суда 7 марта 2003 года выпустил, а 4 июня 2003 г. опубликовал обвинительный акт в отношении Чарльза Тейлора, который на тот момент являлся действующим президентом Либерии.

31 мая 2004 года Апелляционная камера СССЛ голосами трех судей постановила, что данный Суд действительно является международным уголовным трибуналом, «широко подобным» МУС, МТБЮ и МТР», в том числе и в отношении условий, подтверждающих отсутствие права любого человека на неприкосновенность». Следовательно, «нет никакой причины считать, что Специальный Суд нужно рассматривать как нечто, не являющееся международным трибуналом или судом, включая все, что касается вопросов иммунитета лица, являющегося главой государства»³³. На этом основании СССЛ отклонил протест Чарльза Г. Тэйлора по [предполагаемому отсутствию] юрисдикции³⁴.

12 ноября 2005 года Совет Безопасности ООН единогласным решением продлили срок действия ордера на арест Чарльза Тейлора, подтвердив тем самым данный подход суда. После ареста Тейлора правительство Великобритании заявило, что в случае осуждения бывшего диктатора оно готово обеспечить его тюремное заключение в одной из английских тюрем³⁵.

²⁹ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 983.

³⁰ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 989.

³¹ Международный Суд. Решение по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии» от 14 февраля 2002 г., пар. 61.

³² Schabas, 2006, p. 159-160.

³³ СССЛ (SCSL). Taylor (SCSL 2003-01-I). Decision on Immunity of Jurisdiction. 31 May 2004. Para. 41.

³⁴ Schabas, 2006, p. 159-160.

³⁵ After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities. — The ICLR Annual lecture, 2006. By Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. || <http://www.lawreports.co.uk/AboutICLR/Lecture%20PDF/A4%20Transcript%20ICLR%20Pinochet.pdf>.

Резюмируя, в настоящий момент никакие формы международных иммунитетов, включая функциональные и личные иммунитеты, не действительны для международных трибуналов и судов, наделенных в соответствии с международным правом необходимой юрисдикцией.

б) Преследование национальными судами, действующими на основании универсальной юрисдикции

В случаях, когда преследование международных преступлений осуществляется национальными судами, наделенными универсальной юрисдикцией, вопрос об иммунитетах представляется не столь однозначным в связи с определенной непоследовательностью прецедентного права.

Предварительно может быть заявлен следующий тезис: бывшие высшие государственные чиновники, включая глав государств и дипломатических представителей, могут быть привлечены к уголовной ответственности судами иностранных государств в связи с тем, что функциональный иммунитет теряет свою силу применительно к международным преступлениям; однако до тех пор, пока такие чиновники занимают свою должность, они пользуются личным иммунитетом от иностранного судебного преследования.

Действительно, положение Нюрнбергского приговора о том, что лица, подозреваемые в международных преступлениях, больше не находятся под защитой доктрины о государственном суверенитете, имеет универсальный характер. Позднее оно было поддержано такими важнейшими инструментами, как Статья 11 (4)(а) Закона контрольного совета № 10, статья IV Конвенции о геноциде, Принцип III Нюрнбергских принципов, принятых генеральной Ассамблеей ООН, Статья III Конвенции 1973 г. об апартеиде. В настоящее время это бесспорная норма обычного международного права³⁶, в связи с чем ее применение не должно зависеть от того, в какой из форм осуществляется международная юрисдикция: в форме ли международного суда или в форме национального суда, наделенного универсальной юрисдикцией³⁷. Однако данное положение касается только функционального иммунитета.

С другой стороны, личный иммунитет действующих высших должностных лиц теряет силу только перед международным судом, так как обратное создает опасность для стабильности международных отношений и мирового правопорядка в целом.

Данный подход широко поддерживается прецедентным правом. Даже если не принимать во внимание суды, которые действовали на основании закона Контрольного Совет № 10 (так как их юрисдикция не была в полном смысле универсальной: прежде всего она основывалась на традиционных принципах территориальности, личности объекта преступления и защиты национальной безопасности), последующие судебные процессы показывают, что обвиняемые не пытались сослаться на свое бывшее официальное положение, как на реабилитирующее обстоятельство, осознавая, что это не принесет им пользы. В качестве примеров можно сослаться на дело Барбье (Франция), дело Кепплера и Прибке (Италия), дело Рантера, Альберти и Бутерсе (Нидерланды, рассмотрено апелляционным судом Амстердама 20 ноября 2000 г.) и др.³⁸. В деле Эйхмана, где обвиняемый пытался выстроить свою защиту на том, что он действовал в соответствии с законами государства как официальное должностное лицо, Суд заявил, что в случае совершения международных преступлений это обстоятельство не освобождает обвиняемого от ответственности.

Эту же тенденцию еще более ясно демонстрируют дела об экстрадиции глав государств и высоких дипломатических представителей. Во всех случаях, когда такие лица являлись действующими чиновниками, суды неизменно констатировали их иммунитет. В решении по делу Фиделя Кастро, рассмотренному Национальной судебной палатой Испании (Audiencia Nacional) от 4 марта 1999 г., судьи постановили, что Кастро не может преследоваться испанским национальным судом, так как действующие главы государств и дипломатические представители пользуются международным иммунитетом. Так же в деле Муамора Каддафи французский суд признал, что «международный обычай препятствует тому, чтобы действующие главы государств могли бы, в отсутствие противных международных мер, предписанных соответствующим сторонам, являться объектом преследования со стороны иностранного государства»³⁹. 14 января 2004 г. в деле по частному заявлению об экстрадиции действующего президента Роберта Мугабе Лондонский магистратский суд на Боу-стрит (судья Тимоти Уоркман) установил, что «обычное международное право, которое воплощено в нашем Общем праве, в настоящее время предоставляет абсолютную неприкосновенность любому главе государства»⁴⁰. В том же году в связи с предполагаемым нарушением Закона о защите жертв пыток и других норм о защите прав человека гражданский иск против Мугабе был подан в Соединенных Штатах. В это время диктатор находился в Нью-Йорке на встрече ООН. Апелляционный суд Второго округа постановил, что президент Мугабе пользуется абсолютной неприкосновенностью от юрисдикции США⁴¹. И в том же году Суд Седьмого округа постановил, что бывший президент КНР

³⁶ Cassese, 2003, p. 267.

³⁷ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 979-982.

³⁸ Cassese, 2003, p. 268, com. 8.

³⁹ Cassese b.

⁴⁰ Application for a Warrant for the Arrest and Extradition of Robert Gabriel Mugabe, President of the Republic of Zimbabwe, on charges of torture under Section 134 of the Criminal Justice Act 1988, before Bow Street Magistrate's Court, 7 and 14 January 2004, decision of Judge Timothy Workman 14 January 2004 (unreported). Цитата дана по: After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities. – The Annual lecture, 2006. By Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. P.12. || <http://www.lawreports.co.uk/About/CLR/Lecture%20PDF/A4%20Transcript%20ICLR%20Pinochet.pdf>.

⁴¹ Tachiona v. United States, 386 F.3d 205, 2004 U. S. App. LEXIS 20879 (2d Cir. Oct. 6, 2004) (Tachiona II). Непрямая цитата приведена по тому же источнику.

Цзян Цзэминь, против которого был выдвинут иск в связи с предполагаемой причастностью к геноциду, пыткам и другим нарушениям основных прав человека в связи с преследованием движения «Фалуньгун», пользуется иммунитетом от преследования гражданским судом США, так как исковое заявление против него было подано в то время, когда он был действующим главой государства⁴². 24 сентября 2003 г. Кассационный суд Бельгии в решении по делу Ариэля Шарона заявил, что не имеет юрисдикции в отношении действующего главы иностранного государства, против которого пытались возбудить уголовное дело по обвинению в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Однако это решение оставило открытым возможность возвращения к этому вопросу после того, как Шарон покинет свою должность⁴³.

В то же время в случаях, когда бывший высший государственный чиновник или дипломат уже покинул свой пост, иностранные суды признавали возможность преследования таких лиц. Так, в деле Пиночета, рассмотренном 4 ноября 1998 г. Национальная судебная палата Испании постановила, что Аугусто Пиночет как бывший глава государства больше не обладает международной неприкосновенностью. К такому же выводу пришли и члены Палаты Лордов Великобритании, заключив, что Пиночет пользовался неприкосновенностью от судебного преследования лишь до тех пор, пока не оставил свой пост⁴⁴. В 2003 г. Испанский Верховный Суд добился экстрадиции из Мексики Мигеля Ковальо, который ранее являлся аргентинским военным атташе во Франции⁴⁵. После решения Конституционного Суда Испании от 26 сентября 2005 г., по делу геноцида в Гватемале (см. раздел 11.2.4), Верховный суд Испании 5 июня 2006 г. признал за собой право рассмотреть дело о геноциде, которому, как утверждают заявители, подверглось население Тибета со стороны китайских властей. Заявление по обвинению представителей высшей власти КНР в геноциде было подано правозащитными организациями «Комитет в поддержку Тибета», «Фонд Тибета в Барселоне» и директором последнего Тубтенем Вангченгом, тибетцем в изгнании, гражданином Испании в Верховный суд 28 июня 2005 года. Лицами, предположительно ответственными за преступления в заявлении названы бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Цзян Цзэминь (Jiang Zemin), бывший премьер-министр КНР Ли Пен (Li Peng), Жэнь Жун (Ren Rong), являвшийся с 1980 по 1985 гг. секретарем КПК в Тибете, Инь Фатан (Yin Fatang), занимавший этот пост с 1992 по 2001 гг., а также глава китайских сил безопасности Дэн Дэюнь (Deng Deyun) и министр по делам семьи Чэнь Куйянь (Chen Kuiyan)⁴⁶.

Наконец, в 2005 году бельгийский суд выдал ордер на арест Хиссена Хабре, бывшего президента Чада. Сенегал, который ранее предоставил убежище диктатору, отказался выдать Хабре. В мае 2006 года Комитет против пыток ООН обратился к Сенегалу с просьбой либо судить Хабре своим судом, либо выдать его Бельгии или любому другому государству, которое готово преследовать его по суду. 31 января 2007 года Национальное Собрание Сенегала приняло закон, который позволяет национальным судам рассматривать дела о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях и пытках, даже когда они совершены за границей. Ожидается, что в ближайшее время Хабре может предстать перед сенегальским судом⁴⁷.

Однако в деле «Конго против Бельгии» Международный Суд ООН в *obiter dictum* принял другую точку зрения. В соответствии с ней юрисдикция иностранного суда распространяется на бывшего министра иностранных дел только в случаях, когда государство само отказывается от иммунитета, либо когда международные преступления были совершены им до или после того, как он вступил в должность, либо когда такие преступления были совершены им хотя и в период нахождения в этой должности, но «в личном качестве»⁴⁸. Данную позицию Суд практически никак не аргументировал.

Эта часть решения подверглась достаточно единодушной критике со стороны авторитетных специалистов в области международного права (Антонио Кассесе, Марина Спинеди, Стефан Вирз, Марк А. Саммерс и др.)⁴⁹. В частности подчеркивалось, что суд отказался различать функциональный и личный иммунитет министра иностранных дел, что в конце концов привело к смешению понятий. Различение действий на «совершенные в официальном качестве» и «совершенные в личном качестве» распространяется только на функциональный иммунитет. Однако данный вид иммунитета, как было показано выше, больше не защищает государственных чиновников, подозреваемых в международных преступлениях, по меньшей мере со времен Нюрнбергского процесса. Личный иммунитет охватывает все деяния, совершенные как в официальном, так и в личном качестве, и защищает лицо даже в случае, если он подозревается в международных преступлениях. Однако действие этого вида иммунитета прекращается в тот момент, как только высший государственный чиновник покидает свой

⁴² Wei Ye v. Jiang Zemin, 383 F.3d 620, 2004 U. S. App. LEXIS 18944 (7th Cir. Sept. 8, 2004). Непрямая цитата приведена по тому же источнику.

⁴³ 24 September 2003 (no. P031217F), Cour de Cass. 2e ch., Belgium. Непрямая цитата приведена по тому же источнику.

⁴⁴ Ex p Pinochet Ugarte (No 3) [1999] 2 All ER 97, [2000] 1 AC 147. Непрямая цитата приведена по тому же источнику.

⁴⁵ Universal Jurisdiction in Europe. – Human Rights Watch. June 27, 2006. Section IV. Conclusion. II <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2>. Ibid., com. 114.

⁴⁶ Christine A. E. Bakker. Universal Jurisdiction of Spanish Courts over Genocide in Tibet: Can it Work? // Journal of International Criminal Justice 2006 4 (3). Дарья Юрьева. Китайцы ответят за геноцид. – Российская газета. Центральный выпуск № 3968. 12 января 2006 г.; Испанский суд принял к рассмотрению иск тибетцев к властям Китая. – Лента.ру. 05.08.2008. 18:44:04. || <http://www.lenta.ru/news/2008/08/05/lawsuit>.

⁴⁷ http://www.trial-ch.org/en/trial-watch/profile/db/facts/hissene_habre_87.html.

⁴⁸ Международный Суд. Решение по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии» от 14 февраля 2002 г., пар. 60.

⁴⁹ Cassese b; Marina Spinedi. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // European Journal of International Law. Vol. 13. 2002. № 4. P. 895-902; Steffan Wirth. Immunity for Core Crimes? The ICJ's Judgment in the Congo v. Belgium Case // European Journal of International Law. Vol. 13. 2002. № 4. P. 877-984; Mark A. Summers. Immunity or Impunity? The Potential Effect of Prosecutions of State Officials for Core International Crimes in States Like the United States That Are Not Parties To the Statute of the International Criminal Court. || http://www.brooklaw.edu/students/journals/bjil/bjil31ii_summers.pdf.

пост. Таким образом, утверждение, что министр иностранных дел и после отставки защищен от преследования иностранными судами за международные преступления, совершенные им в официальном качестве, оказывается сомнительным. Это утверждение особенно удивительно на фоне Меморандума, представленного Конго 15 мая 2001 года, в котором данное государство явно признало существование принципа международного уголовного права, в соответствии с которым официальный статус государственного агента не может реабилитировать его от индивидуальной ответственности за преступления, совершенные им в официальном качестве. В Меморандуме Конго также отмечено, что по данному пункту у него не было никаких разногласий с Бельгией⁵⁰.

Безусловно, данное суждение неявно апеллирует к консервативным доктринам прошлого, отвергнутым международным сообществом после трагедии Второй мировой войны, и создает предпосылки для безнаказанности лиц, ответственных за самые brutальные нарушения международного права. Вероятно, осознавая возможные негативные последствия этого суждения, трое судей (Хиггинс, Койджманс и Бургенталь) в своем совместном Особом мнении «попытались сделать невозможное»⁵¹, допустив, что международные преступления не могут быть расценены как официальные действия, «потому, что они не являются ни нормальными государственными функциями, ни функциями, которые просто государство (в отличие от лица) может реализовать»⁵². Следовательно, международные преступления следует рассматривать как «частные действия», подлежащие, исходя из этого, судебному преследованию иностранными судами. «Искусственность этой юридической конструкции, — пишет Антонио Кассесе, — очевидна. Это, к примеру, означало бы, что преступления, за которые Йоахим фон Риббентроп (министр иностранных дел Рейха в период с 1938 по 1945 гг.) был приговорен к смерти, а именно преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, нужно рассматривать как «частные действия»⁵³. Более того, как справедливо отметила Марина Спинеди, утверждение о том, что военные преступления и преступления против человечности совершаются государственными деятелями не как официальные действия, а «в личном качестве», влечет устранение международно-правовой ответственности государства-нарушителя. Как следствие, другие государства не смогут настаивать на ответственности такого государства за международно-противоправные деяния»⁵⁴. Однако такой вывод пришел бы в противоречие с императивными нормами публичного международного права, касающимися межгосударственных отношений.

При разрешении вопроса о значении данного решения для национальных судов, действующих на основании универсальной юрисдикции, необходимо учитывать статью 59 Устава Международного Суда ООН, в соответствии с которой «решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу». Исходя из этого, ни одно государство, кроме Бельгии и Конго, формально не связано этим решением (да и они связаны им лишь в части признания незаконным конкретного ордера на арест). Это обстоятельство специально оговаривается в данном судебном решении в связи с тем, что Суд отказал Конго в требовании сделать его обязательным и для третьих стран⁵⁵. Необходимо отметить, что законность *ratio decidendi* данного решения не вызывает никакого сомнения. Оно устанавливает, что ордер на арест г-на Йеродия (Yerodia Abdoulaye Ndomasi), выпущенный Бельгией в момент, когда он был действующим министром иностранных дел, признается недействительным⁵⁶. Такой подход соответствует международным стандартам личного иммунитета. Эта главная часть судебного решения может быть использована национальными судами в качестве свидетельства существования обычной нормы международного права. Что же касается рассмотренного выше *obiter dictum*, то его ценность в качестве убедительного прецедента весьма сомнительна в свете высказанной критики. Действительно, в 2006 г. Президент Международного Суда Дейм Розалин Хиггинс, анализируя в своей лекции для Британского Объединенного Совета Юридических Исследований (Incorporated Council of Law Reporting) данную часть судебного решения, подчеркнул: «Но это — *obiter*, и не может быть расценена как полноценное определение Международного Суда, который не рассматривал этот вопрос»⁵⁷. В том же выступлении судья Хиггинс подверг критике решение Апелляционного суда Даккара (который, ссылаясь на дело «Конго против Бельгии», отказал в аресте Хиссена Хабре по запросу Бельгии), заявив, что сенегальские судьи «по-видимому, неправильно поняли наше решение»⁵⁸.

Однако в некоторых случаях государства, не желающие (судя по всему, исходя из политических причин) осуществлять универсальную юрисдикцию по преступлениям, предположительно совершенным влиятельными иностранными чиновниками, используют подход этого *obiter dictum* в своей практике. Так, в 2005 году федеральная прокуратура Германии пришла к выводу, что бывший китайский президент Цзянь Цземинь обладает иммунитетом от немецкой уголовной юрисдикции⁵⁹. Однако, как уже было показано выше, в 2006 году

⁵⁰ См.: Cassese b. Прим. 65.

⁵¹ Там же, пар. 7 (в).

⁵² Международный Суд. Решение по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии» от 14 февраля 2002 г. Особое Объединенное мнение судей Хиггинса, Койджманса и Бургенталья, пар. 85.

⁵³ Cassese b, par. 7 (b).

⁵⁴ Marina Spinedi. State Responsibility v. Individual Responsibility for International Crimes: Tertium Non Datur? // European Journal of International Law. Vol. 13. 2002. № 4. P. 895-902.

⁵⁵ Международный Суд. Решение по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии» от 14 февраля 2002 г., пар. 77.

⁵⁶ Международный Суд. Решение по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии» от 14 февраля 2002 г., пар. 76.

⁵⁷ After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities. — The ICLR Annual lecture, 2006. By Dame Rosalyn Higgins QC, President of the International Court of Justice. 26 June 2006. P. 17. || <http://www.lawreports.co.uk/AboutICLR/Lecture%20PDF/A4%20Transcript%20ICLR%20Pinochet.pdf>.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Der Generalbundesanwalt beim Bundesgerichtshof. Strafanzeige gegen Jiang Zamin und andere. 21 Nov. 2003. || www.diefirma.net/download.php?8651010ea2af5be8f76722e7f35c79de&hashID=44b8c6eba6a3530e554210fa10d99b3a.

Верховный суд Испании согласился принять к рассмотрению дело по обвинению Цзян Цземиня, бывшего премьер-министра Ли Пэна и еще пяти высокопоставленных чиновников в геноциде населения Тибета в 1980-х — 1990-х годах. Ранее, в 2005 году Конституционный Суд Испании пришел к выводу, что в соответствии с Решением Международного Суда по делу «Конго против Бельгии» и национальных судов других государств иммунитет от судебного преследования иностранных судов распространяется только на действующих высших государственных чиновников⁶⁰. Таким образом, позиции национальных судов по вопросу об иммунитете бывших правительственных чиновников весьма различны в зависимости от конкретного государства.

Каким же образом государства могут моделировать правовой подход для разрешения подобных ситуаций? Авторам представляются справедливыми правовые положения, выдвинутые Паолой Гаета. Она отмечает:

«Рациональное разрешение проблемы того, должна ли личная неприкосновенность отрицаться в случае международных преступлений, может быть найдено через достижение баланса между двумя находящимися под угрозой противоречия ценностями: гарантиями осуществления [государством] суверенных полномочий за границей и отправлением правосудия в случае отвратительного попрания основ человечности. Как правило, нужно уделить первостепенное значение первой ценности, пока нет никакого риска безнаказанности. <...> Следовательно, пока государство, пославшее [за границу подозреваемого], желает и готово осуществить свою уголовную юрисдикцию по инкриминируемому преступлению, совершенному его чиновником, требования правосудия должны считаться удовлетворенными, и против заявления такого государства о личной неприкосновенности данного чиновника нельзя возражать. Однако нормы о личном иммунитете должны уступить место интернациональному запрещению международных преступлений, когда в результате множества фактических и юридических факторов очевидно, что предполагаемый преступник не может быть отдан или не будет отдан под суд. Следовательно, в этом случае национальные суды государства, на территорию которого прибывает преступник, были бы уполномочены игнорировать личную неприкосновенность и судить предполагаемых преступников за международные преступления. Однако исключение должно быть сделано для лица, занимающего должность главы государства (и, возможно, занимающего должность главы правительства и министра иностранных дел), чей возможный арест и судебное преследование за границей могли бы подвергнуть серьезной опасности стабильность их собственной страны»⁶¹.

Чуть выше этот же автор указывает:

«Объяснение вышеупомянутого суждения состоит в том, что приведение главы государства к суду могло бы подвергнуть опасности структуру и функционирование иностранного государства, так как он выполняет важные и значительные конституционные функции. <...> Скорее, перед нами необходимость соблюсти баланс между требованиями правосудия, с одной стороны, и потребностью избежать любого поведения, которое могло бы привести к разрушению высших учреждений иностранного государства, с другой стороны. Кроме того, вероятность для главы государства быть арестованным и подвергнуться суду за границей содержала бы риск серьезного злоупотребления, что, конечно, могло бы поставить международные мирные отношения перед угрозой значительной опасности.

Эти соображения уверенно приводят к заключению, что в рассмотренном случае личный иммунитет должен преобладать. Сталкиваясь с утверждением, что глава иностранного государства совершил международные преступления, власти государства прибытия должны или не разрешить ему въезд на свою территорию, или, если обвинения были заявлены после его прибытия, просить иностранного сановника немедленно уехать из страны».⁶²

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы относительно иммунитетов глав государств и высших правительственных чиновников перед международными и иностранными судами, рассматривающими международные преступления в соответствии с принципом универсальности⁶³.

⁶⁰ Guatemala Genocide Case. Judgment no. STC 237/2005. Раздел II, параграф 6. || <http://www.tribunalconstitucional.es/jurisprudencia/Stc2005/STC2005-237.html>.

⁶¹ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 988-989.

⁶² Там же, p. 988.

⁶³ Не только правовые, но и моральные обоснования того, что традиционные иммунитеты не должны приниматься во внимание в случае совершения высшими государственными чиновниками международных преступлений, были очень удачно сформулированы Комиссией международного права ООН в комментарии к статье 7 Проекта Кодекса против мира и безопасности человечества: «Преступления против мира и безопасности человечества зачастую подразумевают участие лиц, занимающих государственные должности, которые обладают полномочиями разрабатывать планы или политику, связанные с осуществлением действий исключительной серьезности и масштабности. Такие преступления предусматривают наличие полномочий для применения или санкционирования основных средств уничтожения, а также для мобилизации персонала, требуемого для осуществления этих преступлений. Государственное должностное лицо, которое планирует эти преступления, побуждает к их осуществлению, санкционирует их совершение или отдает приказы о совершении таких преступлений, не только обеспечивает средства и персонал, требуемые для совершения преступления, но и превышает свои полномочия, которыми оно наделено. Поэтому можно полагать, что его виновность превосходит вину подчиненного, который фактически совершает преступные деяния. Было бы странным разрешать лицам, которые в некоторых отношениях несут наибольшую вину за совершение преступлений, охватываемых Кодексом, пользоваться суверенитетом государства и прикрываться иммунитетом, которым они наделяются в силу занимаемых ими должностей, тем более что эти тяжчайшие преступления шокируют сознание человечества, нарушают некоторые из фундаментальных принципов международного права и угрожают международному миру и безопасности» (п. 1).

1. Любые иммунитеты теряют силу перед международными судами, наделенными соответствующей юрисдикцией компетентными органами Организации Объединенных Наций.

2. Любые иммунитеты теряют силу перед Международным Уголовным Судом.

3. Личный иммунитет сохраняет силу перед национальным судом, действующим на основании универсальной юрисдикции. Это означает, что руководители государства, министры иностранных дел и, возможно, главы правительств, занимающие свои должности, не могут быть привлечены такими судами к уголовной ответственности.

4. Функциональный иммунитет теряет силу перед национальным судом, действующим на основании универсальной юрисдикции. Это означает, что бывшие высшие государственные чиновники, включая бывших руководителей государства, бывших министров иностранных дел и бывших глав правительств могут быть привлечены такими судами к уголовной ответственности. На практике государства могут воздерживаться от использования этого права.

12.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АМНИСТИИ

Акты амнистии в отношении международных преступлений, принятые властями государства, гражданами которого являются предполагаемые преступники или на территории которого были совершены предполагаемые преступления, не связывают суды других государств и международные суды. Однако при определенных обстоятельствах такие амнистии могут быть приняты данными судами во внимание.

Вообще международная практика последнего времени склоняется к тому, что государства должны воздерживаться от издания актов амнистии, освобождающих лиц от уголовной ответственности за международные преступления. Как отметил Антонио Кассесе, такая практика исходит из представления, что поскольку международные преступления посягают на универсальные ценности, никакое отдельное государство не должно присваивать себе права отменять ответственность за такие преступления⁶⁴. В ряде случаев недопустимость таких амнистий прямо вытекает из норм договорного права. Как справедливо указывает проф. Паола Гаета, некоторые международные соглашения (например, Конвенция о геноциде 1948 г., Женевские конвенции 1949 г.) налагают на государства обязательства уголовного преследования по ряду международных преступлений. Поэтому издание и применение законов об амнистии в отношении таких преступлений противоречило бы договорным обязательствам⁶⁵.

Однако нормы договорного права такого рода действуют в отношении далеко не всех преступлений. По сути, к ним относится лишь геноцид и грубые нарушения гуманитарного права, совершенные в ходе международного вооруженного конфликта. В то же время государства, находящиеся в состоянии постконфликтной реконструкции, зачастую принимают акты амнистии, которые либо прямо подразумевают освобождение от уголовного преследования лиц, предположительно совершивших международные преступления, либо это неизбежно вытекает из данных законов. В частности, такие акты были приняты Чили, Аргентиной, ЮАР и некоторыми другими государствами, прошедшими через расколовшие общество периоды войн и диктатур. Эта практика демонстрирует, что в обычном международном праве в настоящее время не существует нормы, запрещающей государствам принимать акты амнистии по международным преступлениям (возможно, исключая преступление геноцида и серьезные — «grave» — нарушения Женевских конвенций 1949 года). Таким образом, амнистия, в том числе и за международные преступления, — прерогатива властей суверенного государства.

В то же время существует и другая практика, включающая осуждение таких амнистий со стороны других государств и международных организаций и непринятия таких амнистий национальными и международными судами.

Обязательство органов, находящихся у власти, стремиться представить по завершению военных действий как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим во внутреннем конфликте или лишенным свободы по причинам, связанным с конфликтом, прямо закреплено в статье 6 (5) Дополнительного протокола II. Однако уже при принятии данного Протокола СССР в объяснении своего голосования указал, что это положение не может быть истолковано как позволяющее военным преступникам или лицам, виновным в преступлениях против человечности, избежать наказания⁶⁶.

Данная трактовка, безусловно, поддерживается Международным Комитетом Красного Креста⁶⁷. Как подчеркивает эксперт МККК проф. Ясин Накви, применяя к Дополнительному протоколу II правила Венской конвенции о праве международных договоров, обязывающие государства «толковать соглашения добросовестно, в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте,

⁶⁴ Cassese, 2003, p. 315.

⁶⁵ P. Gaeta. Les regies internationales sur les criteres de competence des juges nationaux. — in Cassese and Delmas-Marty (eds). Crimes internationally 197-209. Ссылка дана по: Cassese, 2003, p. 314.

⁶⁶ СССР. Заявление на дипломатической конференции (Акты Дипломатической конференции, т. IX CDDH/I/SR.64, 7 июня 1976 г., с. 333-334, пар. 85).

⁶⁷ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 788, прим. 236.

а также в свете объекта и целей договора»⁶⁸, трудно прийти к выводу, что ст. 6 (5) может интерпретироваться, как позволяющая принимать амнистию, освобождающую от ответственности за военные преступления. Дополнительный протокол II был разработан для того, чтобы гарантировать защиту жертвам вооруженных конфликтов немеждународного характера. Интерпретация статьи 6 (5) как позволяющей предотвращать судебное преследование самых вопиющих нарушений прав человека, противоречила бы главной цели Протокола⁶⁹. В своем официальном письме от 24 ноября 1995 г., обращенном к Прокурору МТБЮ, глава юридического отдела МККК заявил, что статья 6 (5) по существу предусматривает «боевой иммунитет», гарантирующий, что комбатант не может быть наказан за простой факт участия в военных действиях, «включая убийство вражеских комбатантов, пока он уважал международное гуманитарное право»⁷⁰. Впоследствии эта интерпретация была подтверждена Межамериканской Комиссией по правам человека и Комитетом по правам человека ООН⁷¹. Наконец, Совет Безопасности ООН в своих резолюциях по Сьерра-Леоне и Хорватии подтвердил, что амнистии не могут распространяться на военные преступления⁷².

Далее, существует обширная практика национальных и международных судов и международных организаций, в соответствии с которой законы об амнистии признавались несовместимыми с условиями договоров о правах человека, в особенности с такими условиями, которые гарантируют право на судебную защиту от любых нарушений прав человека⁷³. Антонио Кассесе обращает внимание на практику Комитета по правам человека ООН, в частности, на его Общий комментарий № 20 от 1994 года, а также на положения, содержащиеся в делах Лауреано Атачхна против Перу, Родригеса против Уругвая и комментариях к докладам по Перу и Гаити; практику Межамериканской комиссии по правам человека, содержащуюся в ее докладах по ситуации в Сальвадоре, Уругвае, Аргентине, Чили и Колумбии⁷⁴, а также на практику Межамериканского Суда по правам человека, в частности, на «дело старых кварталов», в котором судьи указали, что представление амнистии в Перу предполагаемым виновникам таких грубых нарушений прав человека, как пытки, внесудебные казни и насильственные исчезновения, противоречит фундаментальным положениям, установленным в корпусе международного права. В данном деле Суд признал, что представление таких амнистий не имеет юридических последствий, и перуанские власти должны были начать уголовное преследование против предполагаемых виновников таких преступлений⁷⁵.

Кроме того, в деле Видела (1994 г.) чилийский Апелляционный суд в Сантьяго постановил, что преступления, составляющие серьезные нарушения, не подпадают под амнистию⁷⁶. В деле Менгисту и др. (1995 г.) Специальный прокурор Эфиопии указал, что «согласно давно укоренившемуся обычаю и убеждению амнистия не распространяется на военные преступления и преступления против человечности»⁷⁷. В деле Фортунато Галтери (1997 г.) испанский судья отказался принять во внимание закон об амнистии, как противоречащий международному праву⁷⁸. В деле Ковальо Федеральный судья Аргентины постановил, что амнистия не распространяется на преступления против человечности⁷⁹.

Наконец, инструменты международного уголовного правосудия также демонстрируют тенденцию не учитывать национальные амнистии. Еще 7 июля 1999 года Специальный Представитель генерального Секретаря ООН сделал следующую правовую оговорку к Мирному соглашению между правительством Сьерра-Леоне и Революционным Объединенным фронтом Сьерра-Леоне: «Организация Объединенных Наций интерпретирует его таким образом, что амнистия и прощение, предусмотренные статьей 9 соглашения, не должны относиться к международным преступлениям геноцида, преступлениям против человечности, военным преступлениям, и другим серьезным нарушениям международного гуманитарного права»⁸⁰. В соответствии с этим статья 10 Устава Специального Суда для Сьерра-Леоне обеспечивает, что амнистия «не должна быть препятствием к судебному преследованию». Такие же требования содержатся в статье 40 Закона об учреждении

⁶⁸ Ст. 38 (1).

⁶⁹ Yasmin Naqvi. Amnesty for war crimes: Defining the limits of international recognition. // IRRC. September 2003. Vol. 85. №851. С. 504 || [http://www.icrc.org/Web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/5SSDUX/\\$File/irrc_851_Naqvi.pdf](http://www.icrc.org/Web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/5SSDUX/$File/irrc_851_Naqvi.pdf).

⁷⁰ 91 Letter of the ICRC Legal Division to the ICTY Prosecutor of 24 November 1995 and to the Department of Law at the University of California of 15 April 1997.

⁷¹ Inter-American Commission on Human Rights, Report № 199, Case 10,480, Lucio Parada Cea and ors. El Salvador), 27 January 1999, para. 115. UN Doc. CCPR/C/79/Add.78, para. 12 (concerning the amnesty for human rights violations committed against civilians during the civil war in Lebanon).

⁷² Совет Безопасности ООН. Резолюции 1120 от 14 июля 1997 г., пар. 7 и 1315 от 14 августа 2000 г., преамбула.

⁷³ Cassese, 2003, p. 313.

⁷⁴ Там же, p. 113, прим. 2-6 со ссылкой на: Report № 26/92, IACHR Annual Report, 1992-3 (at www.oas.org); Report № 29/92, IACHR Annual Report, 1992-3 (ibid.); Report № 24/92, IACHR, Annual Report, 1992-3 (ibid.); Report № 25/98, IACHR Annual Report, 1997 (ibid.); Third Report on Colombia, Chapter IV, §345, IACHR 1999 (ibid.).

⁷⁵ Cassese, 2003, p. 313-314 со ссылкой на: Barrios Altos case (Chumbipuma Aguirre and others v. Peru), Inter-American Court of Human Rights, judgment of 14 March 2001, on line: www1.unm.edu/hunaurts/iachr/c/.

⁷⁶ Хенкергс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 788. прим 238.

⁷⁷ Там же, прим. 239.

⁷⁸ Cassese, 2003, с. 314 со ссылкой на: Galteri Leopoldo Fortunato, Spain, National Criminal Court (Audiencia Nacional), Bill of indictment (auto de procesamiento) of 2 November 1999 issued by the Court of Investigation (Juzgado Central de Instruccion no. 5) against Argentine military commanders; on line: www.derechos.org/nizkor/arg/espana/arrest.html.

⁷⁹ Хенкергс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. Стр. 789, прим. 240.

⁸⁰ UN Doc. S/1999/777.

специальных палат в судах Камбоджи. В деле Фурунджия МТБЮ признал, что военные преступления в виде пытки не могут быть предметом амнистии⁸¹.

Антонио Кассезе приходит к следующим выводам относительно правовой природы национальных амнистий по международным преступлениям: «Еще нет никакого общепринятого обязательства, предписывающего государствам воздерживаться от принятия законов об амнистии по таким преступлениям. Следовательно, если государство принимает любой такой закон, оно не нарушает обычной нормы. Тем не менее, если суды другого государства, в руках которого находятся лица, обвиняемые в международных преступлениях, решат преследовать их по суду, то, хотя эти лица в своих странах и защищены амнистией, такие суды не нарушат международного права»⁸². В соответствии с этой логикой национальные амнистии не связывают суды, осуществляющие юрисдикцию по международным преступлениям. Впрочем, из этого правила может быть одно исключение, на которое справедливо указывает Ясмин Накви: «Единственная мыслимая ситуация, в которой третье государство может быть юридически связано амнистией, это когда такая амнистия поддержана (или одобрена) Советом Безопасности ООН с целью поддержания безопасности и мира во всем мире. <...> Ясно, что этим требованием устанавливается очень высокий порог для связывающей третьи государства амнистии. <...> Внутренние и международные суды обычно не связываются амнистиями за военные преступления, кроме крайних случаев, в которых судебное преследование обвиняемого, к которому относится амнистия, принятая при посредничестве ООН как часть мирного урегулирования, может угрожать безопасности и миру во всем мире. Однако даже в этих обстоятельствах амнистия, чтобы являться действительной и приемлемой для международного сообщества, должна быть совместима с фундаментальными принципами международного права»⁸³. Впрочем, такая ситуация в настоящий момент носит чисто умозрительный характер.

Тем не менее суды, не будучи связанными национальными амнистиями, в большинстве случаев не связаны и обязательством не применять такие амнистии. Это означает, что в некоторых случаях в интересах правосудия или национального примирения Суды могут принимать такие амнистии во внимание, освобождая лиц, обычно из числа исполнителей низшего звена, от уголовной ответственности. Для определения случаев, когда такой подход представляется оправданным, многие выдающиеся судьи и комментаторы⁸⁴ проводят различие между амнистиями, принятыми как часть процесса национального примирения, и общими амнистиями. «Юридическое право иностранных государств не принимать национальные амнистии, — пишет Кассезе, — должно относиться ко второй категории. Если вместо этого амнистии следуют из определенного индивидуального решения Суда или Комиссии Правды и Примирения, острые потребности правосудия, как может считаться, были удовлетворены, и иностранные суды должны воздержаться от преследования преступлений»⁸⁵. Этот подход более подробно развивает Ясмин Накви. Он выделяет набор из четырех «положительных» критериев, которые могут помочь суду выделить приемлемые формы амнистии: (1) амнистия объявлена для достижения таких целей, как обеспечение мира или содействие примирению; (2) амнистия сопровождается другими мерами по наложению ответственности или раскаянию, как в случаях разнообразных Комиссий Правды; (3) амнистия принята не в одностороннем порядке, а в результате переговоров между уходящим и приступающим к осуществлению властных полномочий режимом; (4) амнистия применяется только к подозреваемым, занимавшим незначительное положение в военной или политической структуре, или к группам, которые в наименьшей степени ответственны за совершение международных преступлений⁸⁶.

В конечном итоге при разрешении вопроса об уважении к национальной амнистии Суд должен установить, была ли амнистия принята с намерением гарантировать для предполагаемых преступников режим безнаказанности, или ее издание было направлено на достижение последствий, совместимых с целями правосудия. Таким образом, критерии неприменимости амнистии (или «отрицательные» критерии) могут быть аналогичны тем, что определяют допустимость повторного уголовного преследования за то же самое преступление (см. выше, раздел 8.3.3.5).

Наконец представляется, что существуют ситуации, в которых Суд не просто имеет право, но *обязан* отвергнуть национальные амнистии. Эта обязанность возникает, когда амнистия охватывает преступления, запрещенные нормой *jus cogens*, т. е. императивной нормой международного права, обязательной для всех государств, отклонение от которой не может быть позволено ни при каких обстоятельствах⁸⁷ (см. выше, раздел 9.1.4). По крайней мере такой подход изложен Судебной камерой МТБЮ в деле Фурунджия (относительно пытки как военного преступления)⁸⁸, Аргентинским судом в деле Simon Julio, Del Cerro Juan Antonio и испанским Верховным Судом в делах Адольфо Шилино и Аугусто Пиночета⁸⁹.

Все сказанное выше можно резюмировать в следующих тезисах.

⁸¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 155.

⁸² Cassese, 2003, p. 315.

⁸³ Yasmin Naqvi. Amnesty for war crimes: Defining the limits of international recognition. // IRRC September 2003 Vol. 85. No 851. P. 590, 593.

⁸⁴ Cassese, 2003, с. 315 со ссылкой на: D. Vandermeersch. Droit beige. — in Cassese and Delmas-Marty (eds), Juridictions nationales, at 108. Также: J. Dugard, in Cassese, Gaeta, John, ICC Commentary, at 695-8.

⁸⁵ Cassese, 2003, с. 315.

⁸⁶ Yasmin Naqvi. Amnesty for war crimes: Defining the limits of international recognition. // IRRC September 2003 Vol. 85. No 851. P. 616.

⁸⁷ Cassese, 2003, p. 316.

⁸⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 155.

⁸⁹ Cassese, 2003, p. 316.

1. Суды, осуществляющие международную юрисдикцию, не связаны национальными амнистиями по международным преступлениям за исключением возможных случаев, когда такая амнистия поддержана решением Совета безопасности ООН.

2. Суды, осуществляющие международную юрисдикцию, обязаны отвергнуть национальные амнистии по международным преступлениям, когда такие амнистии входят в противоречие с нормами международного права, носящими характер *jus cogens*.

3. В остальных случаях суды, осуществляющие международную юрисдикцию, могут принять во внимание национальные амнистии по международным преступлениям, когда речь идет об освобождении от ответственности исполнителей низшего звена, и когда это соответствует интересам правосудия и процессу национального примирения.

В заключение этого раздела хотелось бы сказать несколько слов об ущербности серии амнистий⁹⁰, принятых Российской Федерацией в связи со «вторым» вооруженным конфликтом на Северном Кавказе. Эта ущербность связана с отказом российской уголовной юстиции применять нормы международного гуманитарного права, а следовательно, отделять общеуголовные преступления от военных (шире – международных) преступлений. Так, например, и действия чеченских комбатантов, совершивших нападение на российскую воинскую колонну, и действия чеченских комбатантов, осуществивших расстрел плененных ими солдат, одинаково квалифицируются судами, как убийство. В свою очередь и подрыв российского бронетранспортера, и захват заложников-детей в школе № 1 города Беслан одинаково квалифицируются российскими судами, как террористические акты. Между тем очевидно, что в первых случаях совершаются только преступления по внутреннему праву, тогда как во вторых – международные преступления. В связи с этим при принятии актов амнистии, которые, как декларировалось, должны были способствовать возвращению «боевиков» к мирной жизни, российский законодатель оказался перед дилеммой, предполагающей выбор между двумя ущербными вариантами. В первом варианте прощение распространялось бы на все преступления, включая тяжкие (как связанные с простым участием в боевых действиях, так и являющиеся грубыми нарушениями международного гуманитарного права и прав человека). Этот вариант, возможно, действительно был бы способен вернуть часть чеченских вооруженных сепаратистов к мирной жизни. Но он нарушал бы фундаментальные нормы справедливости и был бы крайне сомнителен с точки зрения международного права. Второй вариант предполагает амнистию лишь за преступления небольшой и средней тяжести. Такой подход, на первый взгляд, кажется юридически безупречным. Однако он не разрешает декларируемой задачи, так как исключает из числа амнистируемых действительно активных борцов вооруженного сопротивления. В итоге законодатель пошел именно по этому пути, формально предполагающем прощение только тем, кто, по меткому выражению одного из публицистов, лишь «варил для боевиков суп».

Этот выбор привел к последствиям, явно несовместимым с задачами национального примирения и «пост-конфликтной реконструкции». Подавляющее большинство чеченских бойцов, не совершавших нарушений международного гуманитарного права, и приговоренных к длительным срокам тюремного заключения только за факт активного участия в боевых действиях, так и осталось в местах лишения свободы. Правозащитники неоднократно в той или иной форме высказывали предложения применить в законах об амнистии принцип «боевого иммунитета», однако эти предложения остались не востребованными. Авторам данного исследования представляется, что это объясняется не только и не столько международно-правовым невежеством представителей российской законодательной власти. По нашему мнению, главной задачей объявляемых Российской Федерацией амнистий было вовсе не восстановление мира. Они были направлены на достижение прямо противоположной цели – поддержания собственных военных усилий в продолжающейся партизанской войне. Осознавая, что конфликт далеко не завершен, российские власти не желали (и до сих пор не желают) освобождения из тюрем тысяч бывших комбатантов, которые при случае опять могут пополнить ряды вооруженного сопротивления. В отношении же тех, кто продолжал сражаться на стороне сепаратистов, была избрана тактика селективного применения закона. Отданная на откуп местным правоприменителям в лице органов

⁹⁰ Постановление ГД ФС РФ от 13.12.1999 № 4784-ii гд «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе». Постановление ГД ФС РФ от 13.12.1999 № 4785-ii гд (ред. От 25.02.2000) «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе». Постановление ГД ФС РФ от 25.02.2000 № 125-iii гд «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе». Постановление ГД ФС РФ от 06.06.2003 № 4125-iii гд «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Чеченской Республики». Постановление ГД ФС РФ от 06.06.2003 № 4127-iii гд «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Чеченской Республики». Постановление ГД ФС РФ от 22.09.2006 № 3498-4 гд «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа». Постановление ГД ФС РФ от 22.09.2006 № 3500-4 гд «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа».

ФСБ, прокуратуры и «кадыровской» администрации, амнистия была использована для пополнения промосковских вооруженных формирований, набираемых из числа этнических чеченцев. Фактически «прощение» предоставлялось не в обмен на отказ от вооруженной борьбы, а при условии перехода амнистируемых в ряды своих бывших противников. В этом случае вопрос о возможном совершении в прошлом тяжких преступлений (в том числе и грубых нарушений гуманитарного права) вообще не поднимался. Однако если такие сведения имелись, они превращались в «компромат», и становились дополнительной гарантией лояльности «прощаемого». Лица, все же подпавшие под действие амнистии, но отказавшиеся служить рядах промосковских подразделений, впоследствии зачастую подвергались внесудебным казням и насильственным исчезновениям⁹¹.

Представляется, что в целях подлинного постконфликтного примирения (вне зависимости от будущего статуса Чечни) помимо амнистии необходим механизм массового пересмотра всех судебных решений, вынесенных в отношении лиц, принимавших участие в конфликте на стороне сепаратистов. И амнистия, и пересмотр судебных решений должны опираться на принцип «боевого иммунитета», в соответствии с которым лица должны быть освобождены от наказания за простой факт участия в военных действиях, включая убийство вражеских комбатантов, пока такие лица уважали международное гуманитарное право.

12.5. НЕПРИМЕНИМОСТЬ СРОКОВ ДАВНОСТИ К ОСНОВНЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Действующее договорное право ясно устанавливает неприменимость сроков давности к военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноциду. Это положение закреплено Конвенцией ООН 1968 года о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности (Российская Федерация является участником этой Конвенции) и Европейской Конвенцией 1974 года о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности и военным преступлениям. Статья 29 Римского Статута также запрещает устанавливать сроки давности по преступлениям, подпадающим под юрисдикцию Международного Уголовного Суда. Существует ли подобная норма в обычном международном праве?

Следует отметить, что упомянутые договоры ратифицированы не очень значительным количеством государств: участниками Конвенции ООН являются 49 государств, а Европейской — всего лишь 3 государства⁹². Однако практика государств, выраженная в их национальном законодательстве, национальное и международное прецедентное право (практически то же, что охарактеризовано в предыдущем разделе в связи с неприменимостью амнистий) демонстрируют, что, как минимум, в отношении геноцида, преступлений против человечности и попыток применения сроков давности запрещено и обычным международным правом⁹³. В последние годы в связи с ратификацией рядом государств Римского Статута, а также предпринятыми в этой связи реформами внутреннего законодательства, это правило распространилось и на военные преступления⁹⁴. В то же время не существует достаточной практики, позволяющей прийти к выводу, что существует норма обычного международного права, запрещающая устанавливать сроки давности для преступления агрессии и преступления международного терроризма.

12.6. ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

12.6.1. Определение состава преступления

В теории уголовного права под составом преступления подразумевается набор признаков, позволяющих оценить конкретное деяние как преступное. Если преступление является актом человеческого поведения, то состав преступления — это способ его законодательного описания путем выделения образующих его частей и элементов⁹⁵.

Каждое преступление, в том числе преступление по международному праву, требует наличия в его составе материального и умственного (психического) элемента, то есть преступного деяния и определенной формы отношения преступника к данному деянию. Для обозначения данных элементов (точнее, групп элементов) в различных национальных правовых системах используются различные понятия. Специальные международные трибуналы ООН часто употребляют латинские юридические термины: *actus reus* (дословно — виновный акт) и *mens rea* (дословно — виновное мнение). Российская и некоторые другие системы права оперируют понятием «объективная и субъективная сторона преступления». Эта терминология иногда используется и в практике международных трибуналов⁹⁶. Кроме объективного и субъективного элементов состав некоторых международных преступлений включает в себя так называемые контекстуальные обстоятельства или контекстуальный элемент.

⁹¹ Асламбек Аслаханов: «То, что в Чечне стабилизируется ситуация, — ложь». — ИЦ ОРЧД. Пресс-релиз № 445 от 10 июня 2003 г. Орлов О. П. Амнистия в стиле Иосифа Виссарионовича. — Независимая газета. 29 апреля 2004.

⁹² Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 790, прим. 251.

⁹³ Cassese, 2003, p. 319.

⁹⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 790-795.

⁹⁵ Гайков, 2006, с. 120-121.

⁹⁶ См., например, МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 220.

Подробное рассмотрение вопроса об объективном и субъективном элементах преступления, обсуждению которого посвящено огромное количество работ по общей теории уголовного права, выходит за рамки данного исследования. Поэтому здесь мы коснемся только самых общих соображений, применимых к проблеме ответственности за преступления по международному праву.

12.6.2. Объективный элемент преступления (*actus reus*)

Объективный или материальный элемент состава преступления, т.е. преступное деяние, может составлять как преступное действие, так и преступное упущение. Эквивалентом слову «упущение» (*omission*) в российском уголовном законодательстве является термин «бездействие». Однако, по нашему мнению, термин «упущение», используемый в соглашениях по международному гуманитарному праву, более адекватен, так как по смыслу он включает в себя не только бездействие, но и недостаточно неэффективное действие, которое приводит в результате к преступным последствиям.

Лицо несет уголовную ответственность за бездействие (упущение) лишь в том случае, если существует правовая обязанность действовать и невыполнение этого обязательства приводит к преступлению⁹⁷.

Преступное упущение может, например, выражаться:

- в отказе командира от мер, направленных на предотвращение или пресечение преступлений, совершаемых его подчиненными, или в недостаточно эффективных мерах, направленных на такое предотвращение или пресечение (ст. 86 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям);
- в необеспечении справедливого судебного разбирательства в отношении лица, задержанного в связи с вооруженным конфликтом (ст. 6 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям);
- в преднамеренном оставлении раненных, больных, потерпевших кораблекрушение из числа личного состава вооруженных сил, ополчения, добровольческих отрядов противника, организованных движений сопротивления без медицинской помощи и ухода (ст. 12-13 Второй Женевской конвенции);
- в непредоставлении продовольствия, медицинской помощи лицам, задержанным в связи с вооруженным конфликтом (ст. 5 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям);
- в непринятии мер, направленных на защиту женщин и детей от различных форм нападения (ст. 76-77 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям) и т.п.

12.6.3. Субъективный элемент преступления (*mens rea*)

В российской юридической науке субъективная сторона преступления описывается как «элемент состава преступления, дающий представление о внутренних психических процессах, происходящих в сознании и воле лица, совершающего преступление, и характеризуется виной, мотивами, целью и эмоциями»⁹⁸. Установление субъективного элемента состава преступления (который также именуют умственным, психическим или ментальным элементом) – обязательное условие для признания деяния преступным. «Объективное вменение» или признание преступлением невиновного причинения вреда, запрещено практически во всех цивилизованных уголовно-правовых системах мира. В этом состоит один из главнейших общих принципов уголовного права, именуемый обычно «принципом вины». Антонио Кассесе подчеркивает, что, как и в национальных юридических системах, поведения вопреки материальной норме международного права еще недостаточно для возникновения индивидуальной уголовной ответственности. Требуется также и умственный элемент, который направлен на совершение преступления или связан с его совершением⁹⁹. «Для вменения преступления по международному уголовному праву, – пишет российский юрист А. Г. Кибальник, – требуется установить определенное психическое состояние лица, совершающего это деяние (а в ряде случаев мотивацию и (или) целеполагание действий такого лица). В науке уголовного права такое психическое состояние, психические процессы получили определение «вина в совершении деяния». При этом надо заметить, что виновность как признак преступления означает не только сам факт наличия того или иного психического отношения к совершенному деянию, но и необходимость доказанности этого психического отношения при правоприменении»¹⁰⁰.

Статья 30 Римского Статута специально устанавливает:

- «1. Если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно.
2. Для целей настоящей статьи, лицо имеет намерение в тех случаях, когда:
 - а) в отношении деяния, это лицо собирается совершить такое деяние;
 - б) в отношении последствия, это лицо собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий.

⁹⁷ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 6, комментарий, п. 3.

⁹⁸ Гайков, 2006, с. 180-181.

⁹⁹ Cassese, 2003, p. 159.

¹⁰⁰ Кибальник, 2002. Часть II.

3. Для целей настоящей статьи, «сознательно» означает с осознанием того, что обстоятельство существует или что последствие наступит при обычном ходе событий. «Знать» и «знание» должны толковаться соответствующим образом».

Практика специальных трибуналов придает большое значение установлению умственного элемента состава преступления и использует при этом терминологию, заимствованную из разных правовых систем. Системы общего (англо-американского) права называют в числе форм вины преднамеренность, намерение, безрассудство и небрежность. Континентальные системы права используют близкие по значению (но не синонимичные) латинские юридические термины *dolus specialis*, *dolus generalis*, *dolus directus*, *dolus eventualis*. В российском уголовном праве выделяются умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности. В свою очередь умышленные преступления подразделяются на преступления, совершенные по прямому¹⁰¹ либо косвенному умыслу¹⁰², а неосторожные преступления — на совершенные по легкомыслию либо небрежности¹⁰³. Таким образом, термины российской уголовно-правовой систем в целом соотносятся с терминологией, употребляемой международными трибуналами (не считая «специального намерения», *dolus specialis*, которое прямо не предусмотрено в УК РФ и требуется при установлении ряда международных преступлений: геноцида, преступления против человечности в виде преследования и терроризма). Конкретный умственный (психический) элемент меняется в зависимости от состава рассматриваемого преступления.

Ниже мы рассмотрим основные виды умственного (психического) элемента состава международного преступления и понятия, имеющие важное значение для установления этого элемента:

а) Намерение

Намерение (англ. *intention*, лат. *dolus*) означает желание, нацеленное на достижение определенного результата (например, смерть гражданского лица или военнопленного, разрушение гражданского объекта и т.п.). Таким образом, данная форма вины соответствует термину «прямой умысел» российского уголовного права. Намерение требуется для большинства международных преступлений. Антонио Кассезе иллюстрирует этот вид субъективного элемента следующим примером: «Я хочу убить гражданское лицо. Я в него стреляю, и оно умирает в результате моего действия. Поэтому я должен понести ответственность за это преступление. Или иначе, я думаю, что оно мертво, но фактически оно не умерло. Оно умирает позже от переохлаждения, потому что его оставляют на холоде. Не имеет значения, что оно было убито не мною, потому что: (1) я желал, чтобы оно умерло (*mens rea*); и (2) оно умерло в результате моих действий (потому, что оно не лежало бы мертвым, если бы не мои действия). Как правило, намерение должно быть связано только с определенным результатом (смерть жертвы), а не с определенным результатом, вызванным определенным поведением»¹⁰⁴.

При доказывании намерения суды обычно исходят из презумпции, в соответствии с которой любой человек, находящийся в здравом уме, намеревается достигнуть тех последствий, которые становятся естественным результатом его действий. Как подчеркивает Вильям Шабас, в основе этой презумпции лежит очевидное предположение, что люди, которые совершают действия или упущения, поступают намеренно, если отсутствуют признаки обратного. Таким образом, бремя доказывания того, что лицо фактически не намеревалось совершить инкриминируемый ему акт, лежит на обвиняемом¹⁰⁵.

Намерение, как правило, доказывается косвенными уликами, и прежде всего — поступками и словами самого обвиняемого.

В деле Йоханна Нейтза (Военный суд Канады, 1946 г.) обвиняемый ранил пленного канадского летчика, что привело к смерти жертвы. При обсуждении проблемы намерения обвиняемого Военный прокурор заявил:

«Намерение не может быть установлено при помощи положительных доказательств и соответственно выводится из откровенных действий. Свидетельство конкретных действий — чаще намного лучшее свидетельство, чем свидетельство самого человека, который, в конце концов, только один достоверно знает, что думает. Суд не может изучить ум, чтобы увидеть, что там происходит. Человек может категорически возражать относительно его намерений, но такое свидетельство может определяться человеческой слабостью или человеческим вероломством. В связи с этим намерение выводится из откровенного действия. Это простое применение принципа, что действия говорят громче, чем слова, и, я добавлю, зачастую и более правдиво. Это известный принцип права, что человек, как предполагают, желал наступления естественных последствий своих действий. Если один человек преднамеренно ударяет другого по голове топором, закон предполагает, что он намеревался убить другого. Точно

¹⁰¹ Ч. 2 ст. 25 УК РФ: «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления опасных последствий и желало их наступления».

¹⁰² Ч. 3 ст. 25 УК РФ: «преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично».

¹⁰³ В соответствии со ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело наступление общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (легкомыслие), либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было или могло предвидеть эти последствия (небрежность).

¹⁰⁴ Cassese, 2003, p. 162.

¹⁰⁵ Schabas, 2006, p. 295.

так же, если один человек стреляет в другого, будет предполагаться намерение убить. <...> Если человек направляет оружие на другого и преднамеренно стреляет, предполагается, что он намеревается убить другого. Однако это — предполагаемый факт, который может быть опровергнут»¹⁰⁶.

В деле Горана Елисича МТБЮ с целью установить, имел ли обвиняемый намерение на геноцид, подробно проанализировал его высказывания, в которых, как показали свидетели, он сообщал жертвам о своем желании истребить всех мусульман или их существенную часть¹⁰⁷ (подробно см. об этом деле ниже, раздел 21.2.3).

Разновидностью намерения является *преднамеренность*, когда намерение участвовать в поведении, нарушающем материальную норму международного права, формируется прежде, чем такое поведение фактически осуществляется. Преднамеренность может быть элементом такого вида участия в международном преступлении, как его планирование¹⁰⁸.

б) Знание

При установлении субъективной стороны преступления существенную роль может играть такая категория, как *знание*. Знание как элемент формы вины может иметь два разных значения. Во-первых, если норма международного права, запрещающая определенное поведение, предусматривает те или иные специфические факты или обстоятельства, то знание означает понимание лицом того, что эти факты или обстоятельства действительно существуют. В таком случае знание является частью намерения как формы вины. Например, статья 85 (3)(е) Дополнительного протокола I перечисляет среди серьезных нарушений (которые должны совершаться «умышленно» и являться «причиной смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью») «совершение нападения на лицо, когда известно [или, в другом переводе «в знании»], что оно прекратило принимать участие в военных действиях». Также статья 7 (1) Римского Статута предусматривает, что под преступлением против человечности подразумеваются перечисленные в ней действия, «когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, со знанием о таком нападении». Здесь знание означает понимание обвиняемым необходимых обстоятельств: в первом случае того, что лицо прекратило принимать участие в военных действиях, во втором, что имеет место факт нападения на гражданских лиц, и что действия обвиняемого являются частью этого нападения. Также и международные нормы об ответственности командиров требуют простого знания обстоятельств, а именно знания командиром факта, что его подчиненные совершили международные преступления (когда он не предпринимает необходимых мер для подавления этих преступлений)¹⁰⁹.

Во-вторых, если норма международного права касается результатов запрещенного поведения, то знание означает, что лицо (1) понимало, что его действия наиболее вероятно вызовут такой результат, и тем не менее (2) приняло на себя высокий риск того, что этот результат наступит. Такой вид знания образует форму вины в виде безрассудства (см. подпункт «е» настоящего раздела). Например, статья 85 (3)(b) Дополнительного протокола I рассматривает как серьезное нарушение «совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающее гражданское население или гражданские объекты, когда известно [в знании], что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам».

Наконец, ст. 30 (3) Римского Статута предусматривает обе изложенные выше версии понятия «знание»¹¹⁰.

Знание может быть фактическим или конструктивным (оценочным). Под фактическим знанием понимается, что лицо действительно было осведомлено о соответствующих фактах или обстоятельствах. Под конструктивным (оценочным) знанием подразумевается, что лицо в рассматриваемом контексте должно было знать (имело основание знать) о соответствующих фактах или обстоятельствах. Более подробно концепция «конструктивного знания» рассмотрена нами ниже в связи с доктриной ответственности командиров и иных начальников (см. раздел 13.8.5.3 (б)).

в) Цель

Категория цели часто используется в международном уголовном праве, во-первых, при рассмотрении преступлений специального намерения (см. подпункт «д» настоящего раздела), во-вторых, при рассмотрении преступлений, совершенных организованной группой лиц (объединенное преступное предприятие, см. раздел 13.7). Таким образом, цель может составлять форму субъективного элемента в рамках намерения. Под целью подразумевается предполагаемый эффект, которого определенными действиями намеревается достичь лицо. Так, например, в соответствии со статьей 1 Конвенции против пыток под пыткой понимается умышленное причинение сильной боли или страдания, с целью «получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого

¹⁰⁶ Neitz Johann. Canada, Military Court, judgment of 20 March 1946. See Record of Proceedings of the Trial by Canadian Military Court of Johann Neitz held at Aurich, Germany, 15-20 March 1946. The summing up of the Judge Advocate is at 195-205... 50, 177. Цитата дана по: Cassese, 2003, p. 177.

¹⁰⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 102-104.

¹⁰⁸ Cassese, 2003, p. 163.

¹⁰⁹ Там же, p. 164-165.

¹¹⁰ Там же, p. 165.

оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера». Такая цель именуется «запрещенной целью»¹¹¹.

Часто различаются «первичная цель» и «конечная цель» преступления. Под первичной целью обычно понимают тот непосредственный результат, которого хочет достичь преступник для того, чтобы через него приблизить достижение конечной цели. Так, генерал Станислав Галич был признан МТБЮ виновным в нарушении законов и обычаев войны и преступлениях против человечности в связи с тем, что он «содействовал кампании незаконных насильственных действий против гражданских лиц <...>, и имел намерение проведения этой кампании с первичной целью распространять террор среди гражданского населения Сараево»¹¹². В случае различия первичной и конечной цели последняя не обязательно должна быть преступной. Так, в деле Мартича МТБЮ признал, что «первичной целью» объединенного преступного предприятия было насильственное удаление с территории Республики Сербска несербского населения¹¹³. В то же время конечной политической целью, ради которой и осуществлялось незаконное перемещение несербского населения, являлось создание «объединенной сербской области» как «этнически сербской территории»¹¹⁴. Судьи пришли к выводу, что «цель объединения с другими этнически подобными областями» сама по себе не является преступной. Однако там, «где создание объединенной территории предполагается осуществить через совершение преступлений, предусмотренных Уставом, этого достаточно, чтобы составить цель уголовного преступления»¹¹⁵. В описанном случае «первичная цель» фактически является незаконным средством для достижения конечной легитимной цели. В таких ситуациях утверждение философов-моралистов о том, что «цель не оправдывает средства» находит и свое бесспорное юридическое подтверждение.

г) Мотив

Мотив — еще один аспект субъективного элемента состава преступления. Хотя, как подчеркивает Вильям Шабас, большинство правовых систем не называют мотив элементом уголовной ответственности¹¹⁶, он может иметь важное значение для установления вины или невиновности, а также при определении наказания. Российское уголовное право называет мотив факультативным признаком субъективной стороны преступления и определяет его как «побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей»¹¹⁷. Установление мотива может играть решающую роль при определении вины по преступлениям «специального намерения».

д) Специальное намерение

Специальное намерение (англ. *special intent*, лат. *dolus specialis*) требуется для специфических классов преступлений: преступлений против человечности в виде преследования, преступлений геноцида и терроризма (как военного преступления и преступления против человечности, так и как самостоятельного класса международных преступлений). Установление специального намерения обязательно, когда норма международного права в дополнение к требованию намерения вызвать определенный результат требует также, чтобы субъект преследовал определенную цель, которая простирается вне границ этого непосредственного результата. При этом фактическое достижение данной цели не обязательно.

Для преступления геноцида таким специальным намерением, в соответствии со ст. II Конвенции о геноциде, является намерение «уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Таким образом, массовое убийство евреев или мусульман можно назвать геноцидом, только если присутствует это специальное намерение, независимо от того, достигнута ли поставленная цель. Также в преступлении преследования необходимо, чтобы вдобавок к совершению основного преступления (убийства, пытки, изнасилования, высылки и т. п.) присутствовало дискриминационное намерение, а именно предвзятое отношение к определенной национальной, этнической, расовой, политической или другой группе, которым и мотивировано совершение преступлений. Наконец, в различных видах преступления терроризма преступник должен не просто совершать те или иные акты насилия, но выполнять их с целью терроризировать гражданских лиц (даже если фактически эта цель не достигается).

е) Безрассудство

Безрассудство (англ. *recklessness*, лат. *dolus eventualis*) — психическое состояние субъекта преступления, при котором он предвидит, что его действие, вероятно, приведет к незаконным последствиям, и тем не менее производит такое действие, осознанно принимая на себя риск наступления этих последствий. При этом субъект преступления не обязательно желает наступления результата. Форма вины в этом случае менее тяжкая, чем в намерении¹¹⁸.

¹¹¹ См., например: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 450, 470-474. Решение Судебной камеры по делу Квачки и др. от 2 ноября 2001 г., пар. 140, 153. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 188. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 142, 155.

¹¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 749.

¹¹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Мартича от 12 июня 2007 г., пар. 454.

¹¹⁴ Там же, пар. 445.

¹¹⁵ Там же, пар. 442.

¹¹⁶ Schabas, 2006, p. 295.

¹¹⁷ Гайков, 2006, с. 182.

¹¹⁸ Cassese, 2003, p. 168.

Анализируя внутригосударственное право, Антонио Кассезе обращает внимание на Уголовный кодекс Нью-Йорка, который дает следующее определение безрассудства: «Человек действует опрометчиво, относительно результата или обстоятельства, описанного в соответствии с нормой, определяющей преступление, когда он знает и сознательно игнорирует существенный и незаконный риск того, что такой результат наступит или что такое обстоятельство существует. Риск должен иметь такую природу и степень, когда игнорируется грубое отклонение от стандарта поведения, о котором разумный человек в данной ситуации должен отдавать себе отчет»¹¹⁹. В российском уголовном праве понятию безрассудства практически соответствует термин «косвенный умысел», описание которого содержится в ч. 3 ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации: «преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично».

Как уже говорилось выше (см. п. б настоящего раздела), случаи безрассудства явно предусмотрены в некоторых международных нормах, в частности, в нормах, устанавливающих ответственность командира (или иного начальника) за преступления, совершенные его подчиненными, когда он сознательно игнорировал информацию, которая ясно указывала, что его подчиненные собирались совершить или совершили международные преступления (подробно см. ниже, раздел 13.8). Кроме того, безрассудство может быть формой вины в преступлении, совершенном группой лиц в соответствии с общей целью, планом или проектом (объединенное преступное предприятие). Как установила Апелляционная камера МТБЮ, в этих случаях для наступления вины требуется, чтобы «(i) было обозримо, что такое преступление могло бы быть совершено одним или несколькими членами группы и (ii) обвиняемый охотно принял на себя этот риск»¹²⁰.

ж) Преступная халатность

Грубая или преступная халатность (англ. *gross or culpable negligence*, лат. *culpa gravis*) — форма вины, возникающая, когда (1) от лица ожидается или требуется следование определенным стандартам поведения или принятие определенных мер предосторожности, и (2) такое лицо знает о риске наступления вреда, но принимает его на себя, поскольку полагает, что такой вред не наступит вследствие шагов, которые оно предприняло или предпримет. Отличие преступной халатности от безрассудства заключается в том, что в последнем случае субъект преступления рискует вне зависимости от любых шагов, которые он, вероятно, предпринял, чтобы предотвратить возможный риск. Из этого следует, что в случае преступной халатности степень вины менее значительна, чем в случае безрассудства¹²¹.

Очевидно, что значение термина «преступная халатность» полностью совпадает со значением термина «легкомыслие», как оно определено в российском уголовном законодательстве: преступление признается совершенным по легкомыслию, «если лицо, его совершившее, предвидело наступление общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий».¹²² Однако, учитывая чрезвычайно серьезный характер международных преступлений, не всякое преступное деяние, совершенное с данной формой вины против защищенного международным правом лица, может быть признано таковым. Требуется, чтобы ценности, на которые в результате халатности было совершено посягательство, являлись фундаментальными, а вызванный этим посягательством вред — серьезен¹²³.

Преступная халатность — стандарт вины, предусмотренный для случаев ответственности командиров, когда такой командир не знал, но «должен был знать», что его подчиненные собираются совершить, совершают или совершили международные преступления (так называемое «конструктивное знание», см. раздел 13.8.4.3). В этом случае начальник обязан был быть осведомлен о таких преступлениях, проверяя всю необходимую информацию, которая могла бы указать ему на возможность преступлений, и контролировать действия и поведение подчиненных. Если он игнорирует данный стандарт поведения, он действует с крайней небрежностью и соответственно несет за нее ответственность¹²⁴.

12.6.4. Контекстуальные обстоятельства

В отличие от общеуголовных преступлений, некоторые составы международных преступлений в дополнение к объективной и субъективной стороне требуют еще и наличия определенных контекстуальных обстоятельств. Прямо упоминаемые в «Элементах преступлений» Международного Уголовного Суда¹²⁵, они являются обязательным квалифицирующим признаком определенных классов международных преступлений. Таким образом, контекстуальные обстоятельства по сути можно считать отдельным элементом состава преступления.

Под «контекстуальными обстоятельствами» подразумевается, что преступление совершается в определенном контексте. Для дефиниции военного преступления таким обязательным контекстом выступает воо-

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 228.

¹²¹ Cassese, 2003, p. 172.

¹²² Ч. 2 ст. 26 УК РФ.

¹²³ Cassese, 2003, p. 172.

¹²⁴ Там же, p. 173.

¹²⁵ МУС. Элементы преступлений. Общее введение, п. 7.

руженный конфликт: преступное деяние должно совершаться в ходе вооруженного конфликта и быть с ним тесно связанным. Для преступлений против человечности контекстом является массовое или систематическое нападение на гражданское население: преступное деяние должно быть частью этого нападения или само, в силу своей масштабности, образовывать такое нападение. В преступлении геноцида преступное деяние с умыслом уничтожить полностью или частично конкретную национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, должно совершаться (по крайней мере в целях Римского Статута) «в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы», или являться поведением, «которое само по себе может привести к такому уничтожению»¹²⁶.

Из сказанного видно, что в ряде случаев именно от контекстуального элемента зависит, к какому классу международных преступлений будет отнесено то или иное конкретное деяние (например, убийство).

Требование контекстуального элемента накладывает свой отпечаток и на субъективный элемент преступления: исполнитель преступления должен осознавать, что его деяния совершаются в указанном контексте или (и) являются частью этого контекста. Этот вид *mens rea* иногда именуют «умозаключительным элементом».

Подробнее вопросы, связанные с контекстуальным элементом и сопряженным с ним требованием к субъективной стороне преступления, будут рассмотрены нами в разделах, посвященных конкретным видам преступлений (см. ниже, часть IV).

12.7. ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Как отметила Комиссия международного права ООН, «международное уголовное право выполняет те же три основные функции, что и национальное уголовное право, путем обеспечения господства права, в результате чего устанавливаются нормы поведения индивидуумов, и путем закрепления принципа личной ответственности и принципа наказания за нарушение этих норм, а следовательно, сдерживания от совершения таких нарушений»¹²⁷. Эту установку можно считать точкой отсчета для определения целей уголовного наказания за совершение международных преступлений.

Национальные правовые системы различают множество различных целей уголовного наказания. Однако международные преступления, ввиду присущей им тяжести и направленности против всего мирового сообщества, диктуют особые подходы к целям наказания, которые по ряду пунктов могут не совпадать с принципами, заложенными во внутригосударственном праве. Военными трибуналами Нюрнберга и Токио данный вопрос напрямую не поднимался. Однако на современном этапе он стал предметом пристального внимания судей Специальных международных трибуналов ООН. К целям или принципам уголовного наказания за международные преступления эти суды относят возмездие, сдерживание, реинтеграцию обвиняемого в общество, общественное осуждение, защиту общества, прекращение безнаказанности, содействие примирению, восстановление мира и правосудие¹²⁸. Большинство этих принципов вытекает из целей данных трибуналов, которые названы в их Уставах и решениях Совета Безопасности ООН. Апелляционная камера Международного трибунала по бывшей Югославии в деле Эрдемовича сформулировала это следующим образом: «Цели Международного трибунала, как отмечено Советом Безопасности, – общее предотвращение (или сдерживание), осуждение, возмездие (или «заслуженное наказание»), так же, как общественное примирение, вписываются в более широкую цель Совета Безопасности, а именно поддержание мира и безопасности в бывшей Югославии. Эти цели и функции Международного трибунала <...> могут составить методическое руководство в определении наказания за преступление»¹²⁹.

Главными целями обычно называются возмездие и сдерживание¹³⁰. Апелляционная камера МТБЮ в деле Алексовского и Международный трибунал по Руанде в ряде своих решений подчеркивают, что возмездие «не должно пониматься как удовлетворение желания к отмщению, но как должным образом выраженная реакция международного сообщества на эти преступления», подразумевающая его решимость «не допускать серьезных нарушений международного гуманитарного права и прав человека»¹³¹. В деле Рутаганда МТР заявил, что наказание «должно быть, с одной стороны направлено на возмездие в отношении конкретного обвиняемого, который должен увидеть, что его преступления наказаны, и с другой стороны на сдерживание, чтобы навсегда предостеречь других, которые могут соблазниться в будущем, от совершения таких злодеяний»¹³². В деле Симича судебная камера МТБЮ, назвав сдерживание и возмездие главными общими факторами приговора, разъяснила их значение следующим образом: «В первую очередь наложенное наказание должно быть пропорциональным серьезности преступления и степени ответственности правонарушителя, и, далее, такое

¹²⁶ МУС. Римский статут, ст. 6. Элементы преступлений, ст. 6.

¹²⁷ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., статья 3, комментарий, п. 1.

¹²⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Руиндана от 21 мая 1999 г., пар. 2. Решение Судебной камеры по делу Руггиу от 1 июня 2000 г., пар. 32-33.

¹²⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Эрдемовича от 29 ноября 1996 г., пар. 58.

¹³⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 288.

¹³¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 185.

¹³² МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 456.

наказание должно иметь достаточную сдерживающую ценность, чтобы гарантировать, что оно предостережет от совершения подобных преступлений, и, следовательно, будет содействовать уважению норм права и признанию вреда, причиненного жертвам»¹³³. Однако в ряде своих решений МТБЮ предостерег, что, несмотря на свою важность, фактор сдерживания «не должен получить неуместно выдающееся положение при полной оценке наказания, которое будет наложено на лиц, осужденных Международным трибуналом»¹³⁴. Таким образом, судом в первую очередь должны быть учтены все обстоятельства дела, включая смягчающие и отягчающие факторы, и степень вины конкретного подсудимого.

Реинтеграция обвиняемого в общество также признается трибуналами одной из целей наказания. Однако, учитывая чрезвычайно тяжкий характер большинства международных преступлений, она не может быть основным фактором при определении строгости приговора. Особенно, когда речь идет о массовых зверствах. Апелляционная камера МТБЮ в деле лагеря «Челебичи» заявила: «Фактор восстановления (rehabilitation) означает реинтеграцию признанного виновным лица в общество. Обычно это уместно, когда достаточно молодые или малообразованные члены общества признаны виновными в преступлениях. Поэтому становится необходимо воссоединить их с обществом таким образом, чтобы они смогли стать его полезными членами, и позволить им вести нормальную и результативную жизнь после освобождения из заключения. Возраст обвиняемого, его личные обстоятельства, его способности, которые будут поддержаны в местах заключения, могут быть и должны быть в этом отношении важными соображениями. Однако дела, которые рассматриваются Трибуналом, во многом отличаются от тех, что обычно рассматривают национальные суды, прежде всего из-за серьезного характера преследуемых судом преступлений, которыми являются «грубые нарушения международного гуманитарного права». Хотя и национальные юридические системы, и определенные международные и региональные документы о соблюдении прав человека предусматривают, что такое восстановление должно быть одной из первичных задач суда при вынесении приговора, оно не может играть первенствующую роль в процессе принятия решения Судебной камерой. Напротив, Апелляционные камеры и Судебные камеры этого Трибунала и МТР последовательно указали, что две главных цели приговора за такие преступления – это сдерживание и возмездие. Соответственно, хотя восстановление нужно рассматривать (в соответствии с международными стандартами прав человека) как важный фактор, ему не нужно придавать неуместного веса»¹³⁵.

В деле Блашкича при определении срока наказания Судебная камера МТБЮ следующим образом высказалась о функции общественного осуждения преступлений: «Международный трибунал видит общественное осуждение и стигматизацию со стороны международного сообщества, которое таким образом выражает свое негодование по поводу отвратительных преступлений и осуждает преступников, одной из необходимых функций тюремного срока за преступления против человечности. Это соображение применимо не только к преступлениям против человечности, но также к военным преступлениям и другим серьезным нарушениям международного гуманитарного права»¹³⁶.

12.8. СМЯГЧАЮЩИЕ, ОТЯГЧАЮЩИЕ И РЕАБИЛИТИРУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Подробное рассмотрение данного аспекта уголовной ответственности не входит в задачу данного исследования. Этот вопрос детально разработан в национальных правовых системах, в том числе и в теории уголовного права Российской Федерации. Можно утверждать, что основные принципы, определяющие тяжесть преступления и обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности, содержащиеся в большинстве национальных уголовно-правовых систем, прочно инкорпорированы сейчас и в систему международного уголовного права. Подробно изложенные соображения относительно смягчающих и реабилитирующих обстоятельств в международной уголовной юрисдикции заинтересованный читатель может найти в монографиях Вильяма Шабаса и Антонио Кассесе¹³⁷. Анализу смягчающих, реабилитирующих и отягчающих обстоятельств посвящены значительные разделы многих судебных решений МТБЮ и МТР; существенным подспорьем для самостоятельного изучения этой практики могут послужить Актуальные обзоры прецедентного права этих судов, подготовленные под редакцией Дженифера Трэйхана и Аделлы Мэлл в 2004 г.¹³⁸

В данном разделе мы лишь перечислим основные смягчающие, отягчающие и реабилитирующие обстоятельства, и чуть более подробно коснемся некоторых наиболее важных особенностей их применения в международном уголовном праве.

В своих комментариях к Проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 года Комиссия международного права ООН констатировала общий принцип уголовного права, разделяемый

¹³³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Симича от 17 октября 2002, пар. 33.

¹³⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 185. Практически в тех же словах данная мысль высказана: МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 801; Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 26 января 2000, пар. 48.

¹³⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 805-806.

¹³⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000, пар. 761-764.

¹³⁷ Cassese, 2003, p. 219-263. Schabas, 2006, p. 325-347.

¹³⁸ Trahan, 2004.

основными правовыми системами мира, в соответствии с которым степень тяжести преступления определяется обстоятельствами, при которых оно было совершено, и чувствами, побудившими исполнителя к действию:

«Предшествовала ли ему подготовка (план или засада)? Степень тяжести также определяются чувствами, которые испытывал исполнитель и которые обычно называют мотивом. Она также определяется тем, каким образом было совершено преступление (с жестокостью или варварством). Лицо может намереваться не только совершить уголовно наказуемый акт, но и причинить в ходе его совершения максимальную боль или страдание жертве. Таким образом, хотя с правовой точки зрения уголовно наказуемое деяние является одним и тем же, используемые способы и методы различаются в зависимости от степеней порочности и жестокости. Все эти факторы должны учитываться судом при принятии решения о наказании. <...>

В случае системы универсальной юрисдикции применяемое наказание определяется каждым государством, заявляющим о своей компетенции; наказание может, например, предусматривать максимальные и минимальные меры, а также может или не может допускать принятие во внимание смягчающих или отягчающих обстоятельств. В этом случае, применяя наказание, суд может выбрать из перечня наказаний, предусмотренных государством, наиболее подходящее наказание и принять решение по вопросу о смягчающих или отягчающих обстоятельствах. С другой стороны, если соответствующей компетенцией обладает международный суд, применимое наказание определяется на основе международной конвенции либо в уставе международного суда, либо в другом документе, если устав международного суда не содержит положений по данному вопросу»¹³⁹.

К обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность, или (в зависимости от конкретных обстоятельств дела) смягчающим обстоятельствам относятся прежде всего невменяемость (психическое расстройство), необходимая самооборона, недобровольное алкогольное или наркотическое опьянение или интоксикация, ошибка в факте, ошибка в праве (в чрезвычайно редких случаях), юный возраст и, при определенных условиях, принуждение (особенно, если оно сопровождается физическим насилием или угрозой жизни).

Ошибка в факте (фактическая ошибка) — это неправильное представление, заблуждение лица относительно фактических обстоятельств деяния, его объективных признаков, являющихся обязательными элементами состава преступления. В теории уголовного права выделяют фактические ошибки, относящиеся к объекту, предмету, объективным признакам преступления¹⁴⁰. Обычно подразумевается, что лицо разумно и добросовестно заблуждалось, полагая, что существуют фактические обстоятельства, делающее поведение законным. Например, вербовщик вооруженных сил, обвиненный в призыве детей в возрасте до 15 лет (что запрещено нормами международного гуманитарного права) мог бы ошибочно полагать, что его жертва была старше этого возраста¹⁴¹. В некоторых процессах над военными преступниками, проведенных после Второй мировой войны, ошибка в факте признавалась в качестве оправдания. В «деле заложников» Военный трибунал Соединенных Штатов изложил обстоятельства, в которых фактическая ошибка может исключить вину:

«При определении вины или невинности любого воинского начальника, обвиняемого в непредставлении или отказе в предоставлении статуса комбатанта захваченным членам сил сопротивления, следует прежде всего рассмотреть ситуацию так, как та ему представлялась. Такому начальнику не будет разрешено, делая вывод, игнорировать очевидные факты. Любой изучивший военное дело обычно сможет без труда принять правильное решение, и если по любой причине он злонамеренно не делает этого, впоследствии он будет нести уголовную ответственность за противоправные деяния, совершенные против тех, кто имеет права комбатанта. Если же существует возможность добросовестного заблуждения, то такой воинский начальник имеет на него право в силу презумпции невинности»¹⁴².

Ошибка в праве (юридическая ошибка, ошибка в противоправности деяния) — это неправильное представление лица о правовой сущности или правовых последствиях совершаемого им деяния¹⁴³. В национальных системах (в том числе и в российской) юридическая ошибка обычно не может истолковываться в пользу обвиняемого: «незнание закона не освобождает от ответственности». Однако, учитывая упомянутую выше неопределенность некоторых международно-правовых норм, ошибка в праве в исключительных случаях может выступать в качестве оправдания (как минимум, в виде смягчающего обстоятельства). Для этого должно быть установлено, что обвиняемый не осознавал незаконности своего поведения потому, что (1) у него не было никакого знания существенного элемента международного права, запрещающего определенное поведение и (2) это незнание не следовало из небрежности. В этой ситуации, хотя материальный элемент преступления и присутствует, недостает необходимого субъективного элемента (*mens rea*)¹⁴⁴. Крайне ограниченное применение этого положения определяется тем, что большинство основных норм международного гуманитарного права и прав человека яв-

¹³⁹ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 3, комментарий, п. 3, 5-7.

¹⁴⁰ Гайков, 2006, с. 222.

¹⁴¹ Schabas, 2006, p. 337.

¹⁴² Law Reports of Trials of War Criminals, London 1947-1949, vol. XV, p. 184. Ссылка дана по: Проект Кодекса против мира и безопасности человечества, ст. 14, комментарий, п. 13.

¹⁴³ Гайков, 2006, с. 221.

¹⁴⁴ Cassese, 2003, p. 256.

ляются одновременно и фундаментальными нормами общечеловеческой морали. Таким образом, там, где эти нормы ясны, неопровержимы и универсально признаны (как в случае убийств, изнасилований, пыток и других бесчеловечных действий), суд не должен принимать во внимание предполагаемое незнание закона¹⁴⁵.

Приказ вышестоящего начальника сам по себе не служит реабилитирующим обстоятельством, но в некоторых ситуациях может смягчать вину, особенно если незаконный приказ отдан на поле боя (см. ниже, раздел 13.3.3). Тот факт, что нарушение норм международного права было совершено в ответ на подобные злодеяния, предпринятые противником (*tu quoque*), не может быть защитой для обвиняемого¹⁴⁶.

Относительно принуждения Комиссия Организации Объединенных Наций по военным преступлениям пришла к выводу, что оно может составить реабилитирующее или смягчающее обстоятельство при наличии трех существенных признаков:

- а) вменяемое в вину деяние совершено для того, чтобы избежать неминуемой угрозы, одновременно серьезной и непоправимой;
- б) других надлежащих способов скрыться не имелось;
- с) цена спасения не была соразмерна причиненному злу¹⁴⁷.

Принуждение под страхом смерти, даже в случае, когда преступления носят brutальный характер, иногда признавалось не только смягчающим обстоятельством, но и обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности. Так, в деле Айншатгруппен, рассмотренном Военным трибуналом Соединенных Штатов в Нюрнберге, судьи заявили:

«Нет никакого закона, который требует, чтобы невиновный человек потерял свою жизнь или понес серьезный вред, чтобы не совершать преступления, которое он осуждает. Угроза, однако, должна быть неотвратимой, реальной и неизбежной. Никакой суд не накажет человека, который с заряженным пистолетом у его виска, вынужден нажать на смертельный курок. <...> Но был ли любой из подсудимых действительно принужден к убийству евреев под угрозой непосредственного убийства в случае своего отказа участвовать в смертоносной миссии? Тест, который будет применен, состоит в том, чтобы определить, действовал ли подчиненный под принуждением или одобрял сам принцип, лежащий в основе приказа» (следует отметить, что в данном деле все подсудимые были признаны виновными)¹⁴⁸.

Однако в большинстве других дел прецедентное право демонстрирует подход, в котором принуждение не может являться обстоятельством, полностью освобождающим от уголовной ответственности. Этот подход разделяется и Международными трибуналами ООН. Так, в деле Дражена Эрдемовича МТБЮ установил, что обвиняемый принял участие в массовых расстрелах мусульман Сребреницы только после того, как в ответ на отказ участвовать в убийстве безоружных людей ему самому предложили встать в шеренгу обреченных на расстрел. Кроме того, в случае отказа командир Дражен Эрдемович обещали расправиться и с его семьей. Судьи подчеркнули, что «был реальный риск, что обвиняемый будет убит, если откажется повиноваться приказу. Он понял, что не имел никакого выбора: он должен был убить или должен был быть убит»¹⁴⁹. Далее, обвиняемый на следующий день все же уклонился от участия в расстрелах, пережил тяжелый стресс, сам предал себя в руки правосудия, оказал неоценимую помощь следствию и т. п. Тем не менее, в итоге на него было наложено наказание в виде пяти лет лишения свободы. Большинство из трех судей Апелляционной камеры постановило, что «международное право <...> не может допустить принуждение [в качестве реабилитирующего обстоятельства] в делах, которые связаны с крупномасштабной резней невинных людей <...> и не может предоставить полную защиту солдату, обвиненному в преступлениях против человечности и военных преступлениях <...>, включающих отнятие невинных жизней. Мы исходим из этого положения в соответствии с нашим мандатом и обязательством по Уставу, дабы гарантировать, что международное гуманитарное право, которое служит защите человечности, ни в коем случае не было подорвано»¹⁵⁰.

При назначении наказания Дражену Эрдемовичу судебная камера мотивировала свое решение следующим образом:

«Он правдиво признал свою причастность к резне в то время, когда ни одно государство не стремилось преследовать его по суду, и к тому же зная, что в связи с этим он, наиболее вероятно, окажется в результате перед судом. Понимание ситуации тех, кто сдается Международному трибуналу и кто признает свою вину, важно для того, чтобы поощрить других подозреваемых или неизвестных преступников сделать шаг навстречу. Международный трибунал, в дополнение к его мандату расследовать, преследовать по суду и наказывать серьезные нарушения международного гуманитарного права, имеет обязанность, через свои функции, внести свой вклад в урегулирование более широких проблем ответственности, примирения и установления правды о злодеяниях, совершенных в быв-

¹⁴⁵ Cassese, 2003, p. 257.

¹⁴⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца от 12 июня 2002 г., пар. 87.

¹⁴⁷ Law Reports of Trials of War Criminals, London 1947-1949, vol. XV, p. 174. Ссылка дана по: Проект Кодекса против мира и безопасности человечества, ст. 14, комментарий, п. 10.

¹⁴⁸ Cassese, 2003, p. 249.

¹⁴⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Эрдемовича от 5 марта 1998 г., пар. 17.

¹⁵⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Эрдемовича от 7 октября 1997 г., Объединенное особое мнение судьи Макдональда и судьи Вохра, пар. 75. Особое и несопадающее мнение судьи Ли, пар. 12.

шей Югославии. Установление правды – краеугольный камень нормы права и фундаментальный шаг на пути к примирению, поскольку это правда, которая очищает от этнической и религиозной ненависти и начинает процесс исцеления. Международный трибунал должен демонстрировать, что те, кто имеет честность, чтобы признаться, справедливо оцениваются в процессе, подкрепленном принципами правосудия, справедливого судебного разбирательства и защиты фундаментальных прав человека. С другой стороны, международный трибунал – средство, через которое международное сообщество выражает свое возмущение злодеяниями, совершенными в бывшей Югославии. Поддерживать ценности международных прав человека – это значит, что, защищая права обвиняемого, Международный трибунал не должен терять из виду трагедию жертв и страдание их семей»¹⁵¹.

Несмотря на серьезные правовые возражения, заявленные судьями Апелляционной камеры Кассезе и Стивенсом (которые полагали, что в данном случае обвиняемый вообще должен быть освобожден от ответственности), представляется, что данное решение демонстрирует взвешенный и мудрый подход, в котором найден необходимый баланс между требованиями правосудия, возмездия, сдерживания будущих преступлений и примирения.

Комиссия международного права отметила, что при определении смягчающих вину обстоятельств суду надлежит руководствоваться общими принципами права¹⁵². К смягчающим обстоятельствам относится деятельное раскаяние, сотрудничество со следствием и судом, любые усилия, принятые подсудимым для облегчения страданий или ограничения числа жертв, в соответствующих случаях возраст, семейное положение и т.п. Степень, в которой данные обстоятельства могут быть учтены судом, разумеется, зависит от фактов конкретного уголовного дела.

Отягчающими обстоятельствами являются тяжесть совершенных преступлений, преднамеренность, дискриминационное намерение, добровольное и охотное участие в преступлениях, особая уязвимость жертв, «энтузиазм» и «восторженность» при совершении зверств и т.п.

Важнейшим обстоятельством, которое учитывается судами при вынесении наказания, является положение обвиняемого в структуре государственной власти или военной иерархии. По общему правилу, чем выше это положение, тем большую ответственность несет лицо за совершенное при его участии преступление, а вина начальников, планировавших, подстрекавших или иным образом оказывавших поддержку преступлениям, а тем более отдававших приказ об их совершении, серьезней, чем вина непосредственных исполнителей¹⁵³.

В деле Сикирицы и др. судебная камера МТБЮ постановила: «Положение Дамира Дозена [начальника охраны в лагере «Кератерм»] как лидера – фактор отягощения относительно рассматриваемого преступления. Он злоупотреблял доверием, разрешая преследование и освобождая от ответственности виновных в насилии, от которого он должен был защищать людей»¹⁵⁴.

В деле генерала Радислава Крстича (начальник штаба, а затем командующий корпуса «Дрина» Армии Республики Сербска), Суд подчеркнул: «Высокое положение в вооруженных силах или политическом руководстве само по себе не приводит к более суровому наказанию. Но лицо, которое злоупотребляет или неправильно использует свое властное положение, заслуживает более сурового наказания, чем лицо, действующее в личном качестве. Последствия действий человека обязательно более серьезны, если он, находясь на вершине военной или политической иерархии, использует свое положение для совершения преступления»¹⁵⁵. Важно, что в данном деле, касающемся геноцида боснийских мусульман в анклав Сребреница, суд установил, что обвиняемый не приказывал совершать убийства; ни он сам, ни кто-либо из его подчиненных лично не участвовал в убийствах и не находился на месте убийств. Однако он позволил своему командующему, генералу Младичу, использовать транспортные ресурсы своего корпуса для подготовки массовых убийств тысяч мужчин (доставка будущих жертв к местам содержания и местам казней) и личный состав и транспортные средства для незаконной высылки женщин и детей. Кроме того, хотя он и отдал приказ не причинять вреда беженцам из числа мусульман, он не предпринял никаких действий для того, чтобы гарантировать исполнение этого приказа. «Его история, – констатировали судьи, – это история одного из уважаемых профессиональных солдат, который не смог помешать безумному желанию своих начальников навсегда избавить область Сребреница от мусульманского гражданского населения, и который, наконец, участвовал в незаконной реализации этого отвратительного проекта»¹⁵⁶. Суд признал генерала Крстича виновным, и осудил его на 46 лет лишения свободы¹⁵⁷. Позднее Апелляционная камера смягчила приговор до 35 лет тюремного заключения, признав, что его бездействие составило форму пособничества и подстрекательства к геноциду¹⁵⁸ и к преступлениям против человечности в виде преследования и истребления, а не прямое участие в этих преступлениях¹⁵⁹.

¹⁵¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Эрдемовича от 5 марта 1998 г., пар. 21.

¹⁵² Проект Кодекса против мира и безопасности человечества, ст. 15, комментарий, п. 1.

¹⁵³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 26 января 2000, пар. 55-5; Решение Судебной камеры по делу Симича от 17 октября 2002, пар. 67. Решение Судебной камеры по делу Сикирицы и др., от 13 ноября 2001, пар. 138-139.

¹⁵⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Сикирицы и др. от 13 ноября 2001, пар. 172.

¹⁵⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 709.

¹⁵⁶ Там же, пар. 724.

¹⁵⁷ Там же, пар. 727.

¹⁵⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Крстича от 19 апреля 2004 г., пар. 144.

¹⁵⁹ Там же, часть VII. Disposition.

В деле генерала Тихомира Блашкича, командующего Хорватского Вече Оборона, МТБЮ также отметил: «Вне сомнения, командная должность может служить поводом для более сурового наказания <...> или, по крайней мере, обязывает Судебную камеру придавать меньшее значение смягчающим обстоятельствам, независимо от проблемы формы участия в преступлении»¹⁶⁰.

Международный трибунал по Руанде также сформулировал эту позицию в ряде своих дел. Так, в деле Жана Камбанда, бывшего премьер-министра временного правительства Руанды (в тот период — главы государства) Суд установил: «Злоупотребление властными полномочиями и доверием вообще считается отягчающим обстоятельством <...> Факт, что он совершил преступления сознательно и преднамеренно, и что он злоупотреблял обязанностями и полномочиями защищать население, которые он имел как премьер-министр, <...> отрицает смягчающие обстоятельства»¹⁶¹.

При вынесении приговора суд должен взвесить все факторы, свидетельствующие как в пользу смягчения, так и в пользу утяжеления ответственности, и вынести справедливый приговор.

12.9. СТАНДАРТ ДОКАЗЫВАНИЯ

Вообще вопросы доказательства и доказывания регулируются нормами уголовно-процессуального права, которое не является предметом отдельного рассмотрения в настоящем исследовании. В системе международного уголовного правосудия они регулируются Уставами и «Правилами процедуры и доказывания» каждого из судов. Однако необходимо все же сказать несколько слов о стандартах доказывания, так как они имеют непосредственное отношение к установлению вины обвиняемого, и представления о них важны для правильного понимания дальнейшего изложения.

«Российскому праву термин «стандарт доказывания» неизвестен. В американском и английском праве под ним понимается критерий, согласно которому судья выносит решение по делу. Стандарт доказывания не преследует цель установить истину. Это лишь показатель того, смогли ли стороны успешно выполнить возложенное на них бремя доказывания», — указывает российский правовед В. А. Новицкий¹⁶².

Необходимо отличать ситуацию, в которой бремя доказывания¹⁶³ лежит на Обвинении, от ситуации, где бремя доказывания лежит на защите.

Каждая из сторон процесса обязана доказать те факты, на которых она строит свои утверждения, или, как сформулировано еще в Дигестах Юстиниана, «доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает»¹⁶⁴. Обвинение обязано доказать все фактические обстоятельства, которое оно кладет в основу утверждений о предполагаемой вине подсудимого. Напротив, подсудимый имеет право, но не обязан доказывать свою невиновность, и считается невиновным до тех пор, пока Судом не будет установлено обратное. В этом и состоит принцип презумпции невиновности. Таким образом, бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о вине подсудимого, лежит на Обвинении. Если подсудимый ссылается на обстоятельства, свидетельствующие в его пользу, бремя доказывания лежит на защите. В каждом из этих случаев суд использует разный стандарт доказывания.

Общепринятым стандартом, которым руководствуются международные уголовные суды в ситуации, когда бремя доказывания лежит на обвинении, в настоящее время является стандарт «вне разумного сомнения». Это значит, что при оценке факта судьи должны быть убеждены «вне разумного сомнения» в его достоверности. Если этот стандарт не удовлетворен, факт не может считаться установленным и лечь в основу обвинительного судебного решения. Данная норма зафиксирована в Правиле 87 (А) «Правил процедуры и доказывания» МТБЮ и Статье 66 (3) Римского Статута Международного Уголовного Суда.

Источником появления данного стандарта в международных судах является англо-американская система права. В деле «Миллер против Министра пенсионного обеспечения» лорд Деннинг разъяснил, что выражение «доказательство вне разумного сомнения» должно быть понято следующим образом: «Оно не должно достигать уверенности, но должно иметь высокую степень вероятности. Доказательство «вне разумного сомнения» не означает доказательства вне тени сомнения. Закон не смог бы защищать общество, если бы эта [последняя формулировка] создала причудливые возможности избежать отправления правосудия. Если свидетельство против человека столь сильно, чтобы допустить только отдаленную возможность его невиновности, которая может быть отклонена предложением: «конечно, это возможно, но несколько не вероятно», факт доказан вне разумного сомнения. Но ничего, за исключением этого, не будет достаточно»¹⁶⁵.

¹⁶⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 788.

¹⁶¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Камбанда от 4 сентября 1998, пар. 61-62.

¹⁶² Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. 2002. Раздел 2. Глава 2. || http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1169503&subID=100065774,100065776,100065778,100065790,100069414#_ftnref. Со ссылкой на: Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. — Городец, 1999. || <http://pravoved.jurfak.spd>; Коваленко А. Г., Ткачев Н. И. Рецензия на монографию Решетниковой И. В. — Правоведение. 1 апреля 1998 г. № 2; Доказательственное право Англии и США. — Екатеринбург, 1997.

¹⁶³ Бремя доказывания — процессуальная обязанность проявления способности по отстаиванию правовой позиции субъектом доказывания, отказ от которой ведёт к получению отрицательных правовых последствий для данного субъекта доказывания (Мурадьян Э. М. Истина как проблема судебного права. — М., 2002, с. 60-62).

¹⁶⁴ Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана: Избранные фрагменты. — М., 1984, с. 361.

¹⁶⁵ Miller v. Minister of Pensions [1947] 1 All ER 372, 373-4. Ссылка дана по: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 601.

В деле «Грин против R» лорд Бэрвик разъяснил: «Разумное сомнение — это сомнение, которое в сложившейся ситуации разделяют присяжные. Сами присяжные устанавливают стандарт того, что является разумным в сложившейся ситуации. Именно эта способность, которой они должны обладать, является одним из достоинств нашего способа судебного разбирательства: для выполнения задачи решения [вопроса] фактов они пускают в ход свой опыт и рассудительность»¹⁶⁶.

В деле «Челебичи» (Делалича и др.) судебная камера МТБЮ отметила, что обвинение имеет законную обязанность доказать факт, свидетельствующий против обвиняемого вне разумного сомнения. Решение должно быть вынесено исходя из трактовки любого разумного сомнения в пользу обвиняемого¹⁶⁷.

Напротив, в случае, когда обвиняемый настаивает на каком-либо факте, и бремя доказывания этого факта лежит на защите, принят менее строгий стандарт: «разумная возможность»¹⁶⁸. Это значит, что «обвиняемый обязан доказывать любые обстоятельства, о которых он желает сообщить, на балансе вероятностей. Относительно обвинений, предъявленных против него, обвиняемый обязан предоставить вероятное и не опровергнутое свидетельство, которое вызвало бы разумное сомнение: не является ли его версия, а не версия Обвинения, верной?»¹⁶⁹. Данный стандарт вытекает из фундаментального постулата современного уголовного права, в соответствии с которым все сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого (*of favor rei*).

Для решения Обвинителя начать судебное разбирательство и для предъявления обвинения применяется менее жесткий стандарт — *prima facie*¹⁷⁰ (лат. *на первый взгляд, по внешнему виду явлений*). «Судья Судебной камеры, — указано в статье 18.1 МТБЮ, — которому было направлено обвинительное заключение, рассматривает его. Если он или она убедится в том, что Обвинитель выявил основания *prima facie* для судебного разбирательства, он или она утверждает обвинительное заключение. Если он не убедится в этом, обвинительное заключение отклоняется». Сходные нормы имеются в Уставах других международных уголовных судов и трибуналов¹⁷¹. Сущность этого стандарта еще в конце XIX в. очень точно определил русский юрист К. Малышев (применительно к гражданскому судопроизводству): «В каждом факте есть совокупность признаков, которые на первый взгляд, *prima facie*, делают его достоверным и возбуждают в нас убеждение в его существовании. Если истец доказал искимые факты в этой мере, то возникает предположение против ответчика впредь до дальнейшего развития состязания»¹⁷². Европейский суд по правам человека определяет стандарт *prima facie* как «стройную, правдоподобную и непротиворечивую версию»¹⁷³. Разумеется, такая версия обвинения может быть опровергнута в ходе судебного разбирательства по существу.

Относительно допустимости доказательств начиная еще с Устава Нюрнбергского Трибунала принято правило, согласно которому международный суд «устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу»¹⁷⁴. Как разъясняет Антонио Кассесе, это связано с тем, что (1) в международных судах нет никакого непрофессионального жюри присяжных; суд состоит из профессионалов, которые имеют соответствующие знания и навыки для того, чтобы оценить доказательную ценность каждого свидетельства; и (2) определенные особенности международной судебной системы требуют, чтобы суды были гибкими и руководствовались прежде всего потребностью гарантировать справедливое судебное разбирательство. Из этого принципа вытекает, что Судебная камера «может исключить доказательство, если его доказательная ценность существенно перевешивается потребностью гарантировать справедливый суд» (Правило 89 (D) «Правил процедуры и доказывания» МТБЮ). Прецедентное право МТБЮ (в делах Элисича, Кунараца, Квочки, Делалича и др.) устанавливает, что Суды должны исключить доказательство, которое получено в нарушении фундаментальных принципов права, например в случае нарушений фундаментальных гарантий прав человека (типа свидетельства, полученного под пытками)¹⁷⁵.

Доказательствами могут являться как прямые, так и косвенные улики. Последние особенно важны при установлении субъективного элемента преступления (см. выше, раздел 12.6.3 (а)): именно косвенными уликами прежде всего доказывается намерение преступника.

¹⁶⁶ Green v. R. (1972) 46 ALJR 545. Ссылка дана по тому же источнику.

¹⁶⁷ Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 601.

¹⁶⁸ Там же, пар. 602-603.

¹⁶⁹ Там же, пар. 603.

¹⁷⁰ Устав МТБЮ, ст. 17.4 и 18.1.

¹⁷¹ «Зеркальные» ст. 18.4 и 19.1 МТР.

¹⁷² Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. — СПб., 1876.

¹⁷³ ЕСПЧ. Решение по делу «Зубайраев против России» (жалоба № 67797/01) от 10 января 2008 г., пар. 80.

¹⁷⁴ Лондонский статут, ст. 19.

¹⁷⁵ Cassese, 2003, p. 422.

ГЛАВА 13. ВИДЫ УЧАСТИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

13.1. ФОРМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ УЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Как и в национальных правовых системах, отдельные лица несут индивидуальную уголовную ответственность не только за непосредственное совершение международных преступлений, но также за иные формы участия (соучастия) в данных преступлениях. Эта норма закреплена во всех известных уставах международных судов, рассматривавших и рассматривающих преступления данной категории, начиная с Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов и заканчивая Римским Статутом Международного Уголовного Суда¹. Отдельные лица ответственны за содействие совершению преступления, облегчение его совершения, пособничество в его совершении, планирование или побуждение (в том числе в виде приказа или подстрекательства) к его совершению. Кроме того, при определенных обстоятельствах командиры и иные начальники ответственны за неспособность предотвратить, подавить или наказать преступления, совершаемые их подчиненными.

Как и в подавляющем большинстве национальных правовых систем, для установления вины соучастников преступления большое значение имеют такие категории, как цель преступления, совместный преступный план, проект или заговор и организованная преступная группа.

Наиболее подробный перечень видов участия (соучастия) в международном преступлении дает ст. 25 (3) Римского Статута²:

«В соответствии с настоящим Статутом лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, если это лицо:

- a) совершает такое преступление индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности;
- b) приказывает, подстрекает или побуждает совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;
- c) с целью облегчить совершение такого преступления пособничает, подстрекает или каким-либо иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;
- d) любым другим образом способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:
 - i) в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда; либо
 - ii) с осознанием умысла группы совершить преступление;
- e) в отношении преступления геноцида, прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида;

¹ Лондонский Статут, ст. 6: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана»; Устав Токийского трибунала, ст. 5: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, принимавшие участие в разработке или осуществлении совместного плана или заговора, предусматривавших совершение какого-либо из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом при выполнении подобных планов». Нюрнбергские принципы, принцип VII. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 г., пункт 13 (iii). Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст.2 (3). Устав МТБЮ, ст. 7 (1); Устав МТР, ст. 6 (1) и Статут специального Суда для Сьерра-Леоне, ст. 6 (1) содержат практически идентичные тексты: «Лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступления, указанного в статьях 2-5 (2-5) настоящего Устава, несет личную ответственность за это преступление». Сходные формулировки содержатся в ст. 29 Закона об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии. См. также Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, ст. III(e).

² Обстоятельный обзор вопроса о видах участия в преступлении по Римскому Статуту см.: Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 767-821.

г) покушается на совершение такого преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений данного лица. Вместе с тем лицо, которое отказывается от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом за покушение на совершение этого преступления, если данное лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели».

Данный текст практически дословно повторен в секции 14 (3) Постановления Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15.

Лицо, непосредственно совершающее преступление, обычно именуется исполнителем. Так же, как и в национальных правовых системах, различие проводится между простым соисполнительством преступления (сопреступлением) и более сложными формами соучастия. В российском уголовном праве под соисполнительством подразумевается ситуация, когда два или более лица непосредственно выполняют объективную сторону преступления, либо выполняют определенную часть действий, описанных в объективной стороне конкретного состава преступления. Например, одно лицо угрожает оружием потерпевшему, а другое изымает имущество³. В практике международного уголовного правосудия соисполнительство понимается сходным образом, однако требования к нему, кажется, несколько более строги. Антонио Кассесе определяет со-преступление как ситуацию, в которой множество лиц «принимает существенное участие в фактическом исполнении одного и того же преступления и совершают *одно и то же действие* (например, все они — члены одной расстрельной команды, убивающие невинных гражданских лиц). Участие в преступлении характеризуется одним и тем же преступным поведением и сопутствующей *mens rea*»⁴. Разумеется, в данном примере лицо, отдающее приказ о казни, не будет считаться соисполнителем. Он будет являться соучастником данного преступления. И если в российском уголовном праве в случае, когда преступление совершается группой лиц, простое исполнение преступления считается одной из форм соучастия, то в практике международных судов со-преступление и соучастие часто описываются, как альтернативные формы участия в преступлении.

Проф. Вильям Шабас следующим образом суммирует различие между непосредственными исполнителями и иными участниками преступления, принятое в практике специальных международных трибуналов ООН:

«Человек, который «совершает» преступление, обычно описывается как «первичный» преступник, в то время как тот, кто планирует, подстрекает, приказывает или оказывает пособничество и подстрекает в планировании, подготовке или исполнении, — «вторичный» преступник. «Вторичное» преступление также иногда описывается как «соучастие» или «дополнительная ответственность»⁵. Серьезным основанием, чтобы не слишком настаивать на различии между первичным и вторичным участием в случае совершения международных преступлений, является то, что так называемые «вторичные» преступники, то есть, те, кто планируют, подстрекают, или отдают приказ на совершение злодеяния, являются, возможно, намного более жестокими, чем те, кто «просто» совершает грязные дела. Большинство людей не затруднилось бы выразить мнение, что Эйхман является более серьезным преступником, чем обычная охрана концентрационного лагеря, и возразили бы против предположения, что охрана в некотором роде «первичный» преступник, тогда как Эйхман отнесен к категории «вторичных». Но трибуналы действительно признают здесь степень иерархии для того, чтобы в случаях, когда установлено, что человек и совершил, и планировал совершить преступление, он был бы осужден за совершение, а не за планирование⁶. До этой степени планирование, так же как подстрекательство, приказ и пособничество, рассматриваются как формы «вторичного» участия»⁷.

Следует отметить, что все указанные формы участия (соучастия) в преступлении носят в основном описательный характер, то есть сами по себе, безотносительно фактических обстоятельств, не влияют на строгость наказания. Однако вид участия в преступлении может быть принят во внимание при вынесении наказания, если будет, например, установлено, что участие лица в данном преступлении менее серьезно, чем участие организатора такого преступления. С этой целью судьи часто проводят в приговоре различие между организаторами (руководителями), подстрекателями, пособниками и т. п.⁸

В соответствии с практикой специальных трибуналов ООН для доказательства участия лица в преступлении нет необходимости показывать, что это участие стало причиной совершения преступления. Достаточно, что акт участия просто значительно облегчает совершение преступления. Обвиняемый должен участвовать в противоправном действии в полном осознании того, что он делает. Намерение преступника определяется

³ Уголовное право, с. 269.

⁴ Cassese, 2003, p. 181.

⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г.

⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 386.

⁷ Schabas, 2003, p. 297.

⁸ Cassese, 2003, p. 179-180.

как понимание акта участия вместе с сознательным решением участвовать. «Если оба этих элемента доказаны, обвиняемый будет нести ответственность за все естественные последствия незаконного акта»⁹.

Как установил МТБЮ в ряде своих решений, формы участия, признанные достаточными в обычном международном праве, не ограничены оказанием физической помощи во время совершения незаконного действия¹⁰. Участие в совершении преступления не требует обязательного фактического физического присутствия и оказания физической помощи. Участие может произойти прежде, в течение или после совершения незаконного акта. Оно может выражаться в обеспечении средств для совершения преступления или в обещании выполнить определенные действия, как только преступление будет совершено. Поэтому «акт, вносящий свой вклад в совершение преступления, и само совершение могут быть географически и по времени дистанцированы»¹¹. Моральная или словесная поддержка, или даже простое присутствие на месте преступления в некоторых случаях может быть достаточным для заключения, что обвиняемый участвовал в преступлении¹².

Обычно различают простое участие в преступлении, участие в общей цели, проекте или плане преступления, и косвенные виды участия с целью облегчения совершения преступления. В последнем случае лицо не обязательно должно разделять намерение «основных» преступников.

В уставах международных судов и трибуналов и международном прецедентном праве описываются следующие важнейшие виды участия (соучастия) в преступлении: прямое совершение (commission), приказ (ordering), планирование (planning), подстрекательство (instigating), а также пособничество и подстрекательство (aiding and abetting) к планированию, подготовке или совершению преступления. Значительную роль в современном международном уголовном праве играет доктрина «объединенного преступного предприятия» (joint criminal enterprise).

13.2. ПРЯМОЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (COMMISSION)

Прямое совершение преступления (или «первичное» участие в преступлении) «требует прямого личного или физического участия обвиняемого в фактических действиях, которые составляют преступление»¹³. Обвиняемый должен участвовать «физически или иначе, прямо или косвенно, в материальных элементах преступления, которые выражаются в положительных действиях или в основанных на обязанности действовать упущениях, индивидуально или совместно с другими. Обвиняемый непосредственно не должен участвовать во всех аспектах предполагаемого преступного поведения»¹⁴. Таким образом, как уже было показано выше, в одном преступлении может участвовать либо один, либо несколько лиц, прямо совершающих преступление («первичных» преступников, или соисполнителей преступления), а деяние может выражаться как в действии, так и в упущении.

В «Элементах преступлений» Международного уголовного суда, как и в российском уголовном праве, для лица, непосредственно совершающего преступление, принят нейтральный с точки зрения виновности термин «исполнитель»¹⁵.

13.3. ПРИКАЗ (ORDERING)

13.3.1. Определение преступного приказа

Международное право налагает ответственность на вышестоящее должностное лицо, которое отдает приказание о совершении международного преступления. Как указала Комиссия международного права ООН, «этот принцип уголовной ответственности применяется к лицу, которое осуществляет властные полномочия и пользуется этими полномочиями для принуждения другого лица к совершению преступления»¹⁶.

В соответствии с прецедентным правом Международных трибуналов ООН под преступным приказом¹⁷ понимается ситуация, когда лицо, наделенное властью, использует свое положение для того, чтобы понудить

⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 674. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 61.

¹⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 62.

¹¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 687.

¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 62.

¹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 376. См также МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 251; Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 62; Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 390. МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 41; Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 123; Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 383.

¹⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стакича от 31 июля 2003 г., пар. 439.

¹⁵ МУС. Элементы преступлений. Общее введение, пар. 8.

¹⁶ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 2, комментарий, п. 8.

¹⁷ Об отдаче преступного приказа любым лицом в договорах по международному гуманитарному праву см.: Первая Женевская конвенция, ст. 49, Вторая Женевская конвенция, ст. 50, Третья Женевская конвенция ст. 129, Четвертая Женевская конвенция, ст. 146, Гагская конвенция о защите культурных ценностей, ст. 28.

другое лицо совершить преступление¹⁸. Таким образом, приказ является видом преступного поведения, которое совершается командиром или иным начальником, т.е. лицами, которые ввиду своего должностного положения имеют возможность отдавать приказы и ожидать, что такие приказы будут исполнены людьми, находящимися в их подчинении или под их контролем. При этом международное прецедентное право устанавливает, что в данной ситуации наличие формальных отношений подчинения не обязательно: достаточно, что отношения «начальник — подчиненный» существуют де-факто, т.е. чтобы лицо фактически обладало политической или военной властью отдавать приказы о совершении преступлений¹⁹.

Судебная камера МТР при рассмотрении дела Сильвестра Гакумбитси сделала несколько ценных замечаний относительно природы фактической власти, а также грани, отделяющей «приказ» от таких форм участия в преступлении, как «подстрекательство» и «пособничество и подстрекательство». «Власть влиятельного человека, — указывает Суд, — может происходить из его социального, экономического, политического или административного положения, или из его прочного морального авторитета. Такая власть может осуществляться де-юре или де-факто. Когда люди сталкиваются с критическим положением или опасностью, они, естественно, могут обратиться к такому влиятельному человеку, ожидая его решения, помощи, или мер, направленных на преодоление кризиса. Когда он говорит, каждый слушает его с острым интересом; его совет внушает большее уважение, чем мнение других людей, и легко может быть воспринят как побуждение к действию. Такие слова и действия не обязательно преступны, но, где это соответствует [обстоятельствам], могут составить формы участия в преступлении типа «подстрекательства» и «пособничества и подстрекательства». <...> В определенных условиях власть такого человека может быть усилена как законным, так и незаконным элементом принуждения, типа объявления чрезвычайного положения, фактического осуществления административных функций или даже использованием угрозы или незаконной силы. Присутствие элемента принуждения может указать, каким образом будут восприняты слова влиятельного человека. Так, простые слова увещания или поддержки могут быть восприняты как приказы в пределах значения ст. 6 (1) Устава²⁰. Итак, критерий, отделяющий «подстрекательство» и «пособничество и подстрекательство» от «приказа», — наличие элемента принуждения, которое лицо осуществляет на основе либо официальных или фактических властных полномочий, либо на основе применения или угрозы применения физического насилия.

Практика специальных международных трибуналов однозначно указывает, что приказ необязательно должен быть отдан в какой-либо официальной форме, и факт его отдачи может быть установлен в том числе через косвенные улики. В решении Судебной камеры по делу Блашкича МТБЮ заявил: «нет необходимости, чтобы приказ был отдан в письменной или любой другой специфической форме. Он может быть явным или подразумеваемым. Факт, что приказ был отдан, может быть доказан через косвенные улики»²¹.

Яркую иллюстрацию к изложенным выше положениям в контексте российско-чеченского конфликта мы находим в деле «Базоркина против России», рассмотренном в 2006 г. Европейским Судом по Правам Человека. Суд в числе прочего установил следующие факты. 2 февраля 2000 г. группа старших российских офицеров во главе с начальником штаба Объединенной группировки войск (сил) генерал-полковником Александром Барановым прибыла в чеченское селение Алхан-Кала, где находилась группа взятых в плен чеченских комбатантов. Офицеров сопровождали журналисты. Приведенный ниже диалог между Барановым и одним из плененных чеченских комбатантов, а также последующие действия военных были зафиксированы на видеоканалы журналистами телекомпаний НТВ и CNN, и затем продемонстрированы по телевидению. В ходе допроса Хаджи-Мурата Яндиева генерал Баранов обратился к охранявшим его военнослужащим со следующими словами: «Уведите его, к черту, прикончите его, дерьмо, — вот и весь приказ. Уведите его, черт побери. Давай, давай, давай, делай, уведи его, прикончи, пристрели к черту...». После этого Яндиева увели двое солдат. Из объяснений корреспондента CNN Райана Чилкоута следует, что через некоторое время Баранов отчитывал солдат за то, что пленный до сих пор не расстрелян, после чего солдаты посадили его на БТР и увезли. Баранов предложил г-ну Чилкоуту заснять сцену казни, но тот отказался по этическим соображениям. Яндиев не был в этот день доставлен вместе с другими задержанными в фильтрационный пункт, расположенный в селе Толстой-Юрт, и бесследно исчез. В середине февраля 2000 года на окраинах Алхан-Калы были обнаружены и доставлены в отдел милиции пять мужских рупов в камуфляжной и гражданской формах одежды, однако расследования по данному факту не проводилось, а место захоронения на настоящий момент остается неизвестным.

Европейский Суд по Правам Человека установил нарушение Россией ст. 2 Конвенции (право на жизнь) в отношении Яндиева, признав его умершим после непризнанного задержания агентами государства.

По факту исчезновения Яндиева органами российской прокуратуры было возбуждено уголовное дело № 19112, в ходе которого были проведены экспертизы видеозаписи допроса Яндиева генералом Барановым. Эксперты Института Криминалистики ФСБ установили, что видеозапись не имела признаков изменений или редактирования изобра-

¹⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 281. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 601. См. также: МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 483: «Приказ подразумевает отношения начальник — подчиненный между лицом, отдающим приказ и исполнителем. Другими словами, лицо, обладающее властным положением, использует его для того, чтобы убедить другого человека совершить преступление. В определенных юридических системах приказ является формой соучастия, которое выражается через инструкции, данные непосредственному исполнителю преступления»; то же: Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 39, Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 121.

¹⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 388: «Никаких формальных отношений «начальник — подчиненный не требуется для установления «приказа», когда продемонстрировано, что обвиняемый обладал властью приказывать». МТР. Решение Судебной камеры по делу Гакумбитси от 17 июня 2004 г., пар. 281.

²⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Гакумбитси от 17 июня 2004 г., пар. 281.

²¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 281.

жения или звука, и что голос, отдавший приказ казнить Яндиева, принадлежал г-ну Баранову. Однако, «в ноябре 2005 года комиссия экспертов, состоящая из трех профессоров военных академий, пришла к выводу, что фрагмент видеозаписи не содержал действительного приказа командующего из-за его содержания и ненадлежащей формы. В частности, заключение экспертов указало на то, что приказы должны соответствовать Конституции и другим нормативно-правовым актам, и что они могут относиться только к вопросам, связанным с работой военных и должны входить в компетенцию отдающего его лица. Более того, приказы могли отдаваться только вышестоящим начальником лицу, находившемуся у него в подчинении; их следовало отдавать ясным и недвусмысленным образом. Ни одно из этих условий соблюдено не было, и поэтому эксперты пришли к выводу, что ни генерал-полковник Баранов, ни другие присутствовавшие на месте военнослужащие не могли посчитать его слова приказом». На этом основании Баранов был освобожден от уголовной ответственности²².

Авторам данного исследования представляется, что это заключение экспертов противоречит изложенным выше критериям и здравому смыслу. Действительно, факт отдачи ясного приказа не подлежит в данном случае сомнению. Слова Баранова не могут быть истолкованы иначе, как недвусмысленное требование расстрелять пленного. То, что генерал вопреки положениям воинского Устава не отдал честь, не назвал подчиненного по званию, и употребил грубые слова, не имеет значения. Напротив, использование ругательств лишь подчеркивает категоричность распоряжения. То, что данный приказ действительно противоречит Конституции Российской Федерации «и другим нормативно-правовым актам», говорит не о том, что приказа не было как такового, а о том, что он был «заведомо незаконным». Наконец, приказ был отдан начальником штаба Объединенной группировки войск, в состав которой в соответствии с Указом Президента РФ № 1255с от 23.09.1999 г. входили подразделения разной ведомственной принадлежности, включая подразделения МВД, к которым, судя по всему, и относились солдаты, которые увели Яндиева. Поэтому то, что Баранов был офицером Министерства обороны, а солдаты, вероятно, принадлежали к другим ведомствам, не означает, что они не должны были исполнять его приказ. Более того, генерал-полковник Баранов был самым старшим по званию и должности лицом, находившимся в тот момент в Алхан-Кале, и его фактический контроль над всеми военными, а также его высокий авторитет для всего личного состава Объединенной группировки, особенно для нижних чинов, не подлежит сомнению. Кроме того, как будет показано ниже, для наложения индивидуальной уголовной ответственности достаточно, чтобы отношения «начальник-подчиненный» были не прямыми, а косвенными (см. раздел 13.8.4.2).

Из всего сказанного можно заключить, что действия лиц, проводивших экспертизу, имели своей единственной целью увести высокопоставленного военачальника от уголовной ответственности.

Кроме того, должна быть доказана причинно-следственная связь между преступлением и приказом. Проф. Шабаб, опираясь на решение Апелляционной камеры МТБЮ по делу Блашкича²³, иллюстрирует это положение следующим образом: «Поскольку приказ — форма участия, а не законченного преступления, должны быть своего рода причинные отношения между актом и приказом. Другими словами, недостаточно показать, что приказ был отдан и что другой человек совершил акт, совместимый с этим приказом, если нет также свидетельства некоторой связи между двумя (этими событиями). Преступник должен знать о существенной вероятности, что преступление будет совершено во исполнение этого приказа»²⁴.

Эти положения также имеют прямое отношение к описанной выше ситуации с генерал-полковником Барановым. Несомненно, что генерал, отдающий солдатам приказ о расстреле пленного, знал о вероятности того, что преступление будет совершено, и, более того, настаивал на его совершении. Во-вторых, множество фактов указывают на взаимосвязь между приказом, и последовавшим за ним бесследным исчезновением жертвы, которая, вероятно, была убита в тот же день. В этой связи применима норма прецедентного права, в соответствии с которой доказательство убийства не обязательно требует обнаружения трупа. Факт смерти жертвы может быть установлен комплексом других доказательств²⁵ (что и сделал в данном случае Европейский суд). В данной ситуации принципиальным является вопрос о возможностях доказывания «вне разумного сомнения» связи между приказом генерала и смертью жертвы.

Факт отдачи преступного приказа может быть установлен Судом не только благодаря прямым свидетельствам (что случается крайне редко), но и через косвенные доказательства, включая анализ линии поведения военных формирований, подчиненных обвиняемому. Например, в деле Станислава Галича, рассмотрев свидетельства систематических снайперских и артиллерийских обстрелов гражданского населения осажденного Сараево, Судебная камера МТБЮ установила:

«В сумме, доказательства побуждают заключить, что генерал Галич, который хотя и был уведомлен о преступлениях, совершенных его подчиненными, над которыми он имел полный контроль, и который последовательно и за длительный период времени (двадцать три месяца) был не в состоянии предотвратить совершение преступлений и наказать виновных несмотря на это знание, содействовал кампании незаконных насильственных действий против гражданских лиц через приказы, переданные вниз по цепи инстанций SRK [Сараевского корпуса «Romanija»], и что он намеревался проводить эту кампанию с первичной целью распространения террора среди гражданского населения Сараево. Большинство [Судебной камеры] находят, что генерал Галич виновен в том, что приказал совершить преступления, доказанные Судом»²⁶.

²² ЕСПЧ. Решение по делу «Базоркина против России». (Заявление № 69481/01) от 27 июля 2006 г.

²³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 42.

²⁴ Schabas, 2006, p. 302.

²⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 326.

²⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 749.

13.3.2. Правовые последствия для лица, отдающего преступный приказ

Командиры и другие начальники несут уголовную ответственность за преступления, совершенные по их приказу. Как было показано выше, это положение содержится во всех известных истории уставах международных уголовных судов. Практика государств устанавливает данную норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов²⁷.

Значительное количество воинских уставов и наставлений предусматривает эту норму; она также закреплена в законодательстве многих государств, в том числе и Российской Федерации. Часть 1 статьи 42 УК РФ предусматривает: «...Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение». Эта формулировка воспроизводится и в Наставлении по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации²⁸. Существует значительная государственная практика и практика международных организаций, подтверждающая данную норму. Существует также внутригосударственное прецедентное право, возникшее после Первой мировой войны (решения судов Аргентины, Канады, Германии, США и др.) и существующее до настоящего времени, которое также подтверждает, что командиры несут ответственность за военные преступления, совершенные по их приказу²⁹. Эта норма нашла свое выражение в значительном количестве приговоров и в утвержденных судом обвинительных заключениях специальных международных трибуналов ООН³⁰.

Комиссия международного права ООН подчеркнула:

«Вышестоящее должностное лицо, отдающее приказание о совершении преступления, является в определенном отношении более виновным, нежели его подчиненный, который лишь исполняет приказание и таким образом совершает преступление, которое он не совершил бы по своей собственной инициативе. Вышестоящее должностное лицо существенным образом содействует совершению преступления, используя свое положение начальника для понуждения подчиненного к совершению преступления. Вышестоящее должностное лицо, отдающее приказание подчиненному о совершении преступления, не выполняет два основных обязательства, которые несет любое лицо, находящееся в положении начальника. Во-первых, вышестоящее должностное лицо не выполняет обязательства обеспечивать законное поведение своих подчиненных. Во-вторых, вышестоящее должностное лицо нарушает обязательство действовать в соответствии с законом при выполнении своих полномочий и, таким образом, злоупотребляет властью, которой оно наделено ввиду своего положения»³¹.

В фундаментальном исследовании МККК по обычному гуманитарному праву содержатся следующие важные разъяснения:

«В связи с действиями, предпринимаемыми подчиненными в соответствии с приказом о совершении военных преступлений, можно выделить три ситуации. Во-первых, в том случае, когда военные преступления действительно совершены, практика государств однозначно указывает, что ответственность командиров существует, как заявлено в данной норме. Во-вторых, если военные преступления в действительности не совершены, а лишь сделана попытка их совершить, практика государств склоняется к тому, что командиры также несут за это ответственность. Статут Международного уголовного суда (ст. 25 (3)(b)) и Постановление Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15 (секция 14 (3)) предусматривают, что командир несет ответственность за отдачу приказа о совершении военного преступления, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление. В национальных законодательствах некоторых государств предусмотрено, что командир, отдающий приказ о совершении преступления, виновен, даже если подчиненный лишь покушается на совершение такого преступления. В-третьих, в том случае, когда военные преступления не совершены, и не сделана попытка их совершить, несколько государств возлагают уголовную ответственность на командира лишь за отдачу приказа о совершении военного преступления. Однако в большинстве случаев практика показывает, что в таких случаях командир не несет ответственности. Однако очевидно, что если норма заключается в запрещении отдавать приказ, например, не оставлять никого в живых, командир, отдающий такой приказ, виновен, даже если приказ не выполнен»³².

13.3.3. Правовые последствия для лица, исполняющего преступный приказ

Исполнение приказа начальника не освобождает подчиненного от уголовной ответственности, если подчиненный знал, что действие, которое ему приказано совершить, является незаконным, или должен был знать об этом в связи с явно незаконным характером этого действия. В то же время тот факт, что лицо действовало во ис-

²⁷ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 711.

²⁸ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001 г. Приложение № 5. Стр. 75.

²⁹ Подробно см.: Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 711.

³⁰ См., например: МТБЮ. Судебные решения по делам Делалича и др., Блашкича, Кордича и Черкеза, Крстича. МТР. Судебные решения по делам Акайесу, Кайяшема и Рузиндана.

³¹ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 2, комментарий, п. 8.

³² Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 714-715.

полнение приказа, может быть учтено как смягчающее обстоятельство. Данный принцип именуется «принципом ответственности подчиненного» или «принципом недопустимости ссылки на приказ вышестоящего начальника».

Военный трибунал Соединенных Штатов в Нюрнберге в деле Верховного командования установил, что всякий раз, когда имеет место явно незаконный приказ, подчиненный больше не имеет право полагаться на распоряжения, данные его или ее начальником, и должен соответственно либо отказаться повиноваться таким приказам, либо принять на себя риск уголовной ответственности³³.

Как отметила Паола Гаета, эта норма сформировалась в ответ на тенденции современной войны, в ходе которой нарушения международных юридических стандартов обычно совершается на всех уровнях воинской иерархии, а также исходя из необходимости эффективной защиты жертв вооруженных конфликтов. Появление данного правила позволяет пресекать такие нарушения, наказывая не только высших начальников, но и непосредственных исполнителей преступлений, даже если они действуют в соответствии с приказами старших. «Принятие приказов начальства как абсолютного реабилитирующего обстоятельства, — пишет проф. Гаета, — довело бы ситуацию до абсурда: чтобы призвать к ответу лиц, ответственных за всю сумму нарушений, необходимо было бы подняться по цепи военных инстанций и даже политической иерархии, с нелепым результатом, что только исключительно Верховный Главнокомандующий или даже глава государства могут считаться уголовно ответственными за эти нарушения»³⁴.

Комиссия международного права ООН разъяснила, что хотя лицо, отдающее преступный приказ, несет особую ответственность за совершение преступления, «нельзя игнорировать ту виновность и ту неизбежную роль, которую играет подчиненный в деле фактического совершения преступного деяния. В противном случае правовая сила и последствия запрещения преступлений по международному праву были бы в значительной мере ослаблены отсутствием какой-либо ответственности или наказания фактических виновников этих чудовищных преступлений, какого-либо фактора сдерживания потенциальных нарушителей»³⁵. Большинство главных военных преступников, которых осудил Нюрнбергский трибунал, в качестве довода защиты ссылались на исполнение ими приказа своих начальников. Трибунал отклонил ссылку на приказы вышестоящих лиц и отметил: «Положения этой статьи [статьи 8 Устава МВТ] соответствует законам всех наций. То, что солдат убил или подвергал пыткам по приказу в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в этих жестоких действиях. <...> Сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания»³⁶.

Практика государств устанавливает принцип ответственности подчиненного в качестве нормы обычного международного права, применяемой к преступлениям, которые совершаются во время как международных, так и внутренних конфликтов³⁷. Она тесно связана с нормой, в соответствии с которой каждый комбатант (включая как представителей государства, так и представителей оппозиционных вооруженных групп) обязан не повиноваться незаконному приказу, и с императивной обязанностью соблюдать международное гуманитарное право³⁸. Часть 2 статьи 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации и Наставление по международному гуманитарному праву вооруженным силам Российской Федерации устанавливают, что неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность³⁹.

Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов устанавливают недопустимость ссылки на приказ без каких-либо оговорок о знании исполнителем незаконного характера или явной незаконности такого приказа. Ст. 8 Лондонского Статута гласит: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия». Эта же формулировка почти дословно повторена в ст. 4 (b) Закона Контрольного Совета № 10⁴⁰. Ст. 6 Устава военного трибунала для Дальнего Востока формулирует эту норму следующим образом: «Ни служебное положение подсудимого в любой период времени, ни то, что он действовал по приказу правительства или вышестоящего начальника, не освобождает его от ответственности за совершение любого преступления, в котором его обвиняют, однако эти обстоятельства могут быть учтены Трибуналом при определении наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия». В Нюрнбергские Принципы эта норма была включена в следующей редакции (Принцип IV): «Факт, что человек действовал в соответствии с приказом его правительства или начальника, не освобождает его от ответственности по международному праву, если моральный выбор был для него фактически возможен».

³³ Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10 (1946-1950). Vol.4, p. 185-186.

³⁴ Paola Gaeta. The Defence of Superior Orders: the Statute of the International Criminal Court v. Customary International Law. // 10 EJJIL. 1999. P. 175.

³⁵ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 5, комментарий, п. 3.

³⁶ Нюрнбергский процесс, 1961. Т. VII, с. 368.

³⁷ Хенкергс, Досвальд-Бек, 2006, Том I. Нормы. С. 724.

³⁸ Там же, с. 721-723, 631-635.

³⁹ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001 г. Приложение № 5. Стр. 75.

⁴⁰ «Факт, что любой человек действовал в соответствии с приказом его правительства или начальника, не освобождает его от ответственности за преступление, но может рассматриваться как смягчающее обстоятельство».

Ст. 7 (4) Устава Международного Трибунала по бывшей Югославии фактически воспроизводит данную норму в редакции Нюрнбергского устава: «Тот факт, что обвиняемый действовал по приказу правительства или начальника, не освобождает его от уголовной ответственности, однако может рассматриваться как основание для смягчения наказания, если Международный трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия». Практически дословно это формулировка повторена и в ст. 6 (4) Международного Трибунала по Руанде, а также в секции 21 Постановления об учреждении Суда с исключительной юрисдикцией по серьезным уголовным преступлениям в Восточном Тиморе и статье 6 (4) Устава специального суда для Сьерра-Леоне.

Такая формулировка принципа ответственности подчиненного обычно именуется комментаторами «Нюрнбергским стандартом».

Формулировка ст. 33 Римского Статута («Приказы начальника и предписание закона») расставляет акценты несколько иначе:

«1. Тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда:

- а) это лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника;
- б) это лицо не знало, что приказ был незаконным; и
- с) приказ не был явно незаконным.

2. Для целей настоящей статьи приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными».

Следует отметить, что русский перевод данной статьи не корректен. Множественное число, использованное переводчиком в конструкции «за исключением *случаев*, когда», позволяет предположить, что три перечисленных пункта являются альтернативными, и, таким образом, наличия хотя бы одного из этих элементов достаточно для освобождения лица от уголовной ответственности. Однако это не так. Официальный английский текст использует для данной оговорки единственное слово «unless» (буквально – «кроме», «исключая», «за исключением»), нейтральное с точки зрения грамматической категории числа. Это обстоятельство вместе с добавлением союза «и» (and) в конце пункта «b» указывает, что данные пункты необходимо рассматривать в совокупности. Следовательно, освобождение от уголовной ответственности возможно лишь в случае, если все три требования удовлетворены.

Таким образом, категорически отвергая ссылку на приказ, как на реабилитирующее обстоятельство для преступления геноцида и преступлений против человечности, Статут МУС обуславливает ответственность исполнителя приказа о совершении военного преступления ответом на вопрос о том:

- а) имел ли исполнитель право в соответствии с внутренним законодательством не исполнить данный приказ;
- б) знал ли исполнитель о незаконном характере приказа;
- с) был ли такой приказ явно незаконен.

Все комментаторы подчеркивают, что пункты а-с должны быть выполнены кумулятивно⁴¹. Это означает, что лишь совокупность отрицательных ответов на все данные вопросы может освободить лицо от уголовной ответственности. В таком случае можно будет констатировать ошибку в праве, когда норма международного права действительно не ясна или противоречива (что и предусматривает пункт «с»), в связи с чем исполнитель полагал, что его действия являются законными, и такая уверенность была добросовестной, т.е. не следовала из преступной небрежности. Очевидно, что отсутствие знания не может быть реабилитирующим обстоятельством в случаях, включающих такие очевидно запрещенные деяния, как убийства гражданских лиц и военнопленных, изнасилования, пытки и т.п.

Английский военный юрист Чарльз Гэрвэй, бывший членом делегации Великобритании на Римской дипломатической конференции Международного Уголовного Суда в своей статье, опубликованной в Журнале МККК, указывает:

«Подход, который было принято по Статье 33, представляет, по мнению большинства, разумное и практичное решение, которое может применяться во всех случаях. Ограничение относится лишь к военным преступлениям, так как было признано, что поведение, составляющее геноцид или преступления против человечности, столь явно незаконно, что в его защите [под предлогом исполнения приказа] должно быть отказано полностью, в соответствии с Нюрнбергским стандартом, если, конечно, приказы не сопровождались другими обстоятельствами в пользу обвиняемого, типа принуждения.

<...> Статью 33 нужно интерпретировать в комплексе с перечнем преступлений и других положений Статута, касающихся субъективной стороны (статья 30) и ошибки в факте и в праве (статья 32). Она предусматривает высокий уровень. Три требования статьи 33 (1) взаимодополняющие (кумулятивные), а не дизъюнктивные (are cumulative not disjunctive). Для начала обвиняемый должен быть под юридической обязанностью исполнять приказы: просто морального долга недостаточно. <...>

⁴¹ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 967.

Таким образом, правительственный чиновник, который выполняет инструкции, подразумевающие совершение военных преступлений, не защищен, если он не находится под определенным правовым давлением. Если в результате неисполнения инструкции он просто потеряет свою работу, то предполагается, что [для освобождения от уголовной ответственности] этого не достаточно. Но даже если этот первый барьер преодолевается, защита предоставляется только в случае, если обвиняемый не знал, что приказ был незаконным, и приказ не был явно незаконным.

Обращение к перечню преступлений, содержащемуся в статье 8, показывает, что данный вид защиты, если таковая существует, будет крайне ограниченным. Большинство преступлений столь явно незаконны, что такой вопрос никогда не возникнет»⁴².

Далее автор приводит единственное мыслимое исключение – использование запрещенных пуль, по поводу технических характеристик которых у солдата просто может не быть информации⁴³. При этом важно, что комментарий писался Чарльзом Гэрвэем до принятия «Элементов преступлений», которые подробно разъясняют все материальные нормы Статута. Сходным образом данное положение понимает и Паола Гаета⁴⁴, подчеркивающая совокупный (кумулятивный) характер трех пунктов ст. 33 (1) Римского Статута.

Следовательно, в соответствии с изложенными выше подходами лицо освобождается от уголовной ответственности вовсе не потому, что исполнило юридически обязательный для него приказ, а из-за отсутствия субъективного элемента преступления, вызванного либо ошибкой в праве, либо ошибкой в факте, либо обоими факторами вместе. Такая трактовка вопроса об ответственности за исполнение приказа находит свое обоснование и в практике государств. В воинских уставах, наставлениях, законодательстве и национальном прецедентном праве большинства государств говорится о «явно незаконных приказах»⁴⁵. Это касается и российского уголовного законодательства, которое использует термин «заведомо незаконный». Ч. 2 ст. 42 УК РФ гласит: «Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнении заведомо незаконного приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность». Та же формулировка содержится и в Приложении № 4 к Наставлению по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации⁴⁶.

В то же время имеется и определенная государственная практика, говорящая лишь о незаконности действия, которое приказано совершить, не требуя знания исполнителя о незаконности. Этот подход применен и в некоторых судебных решениях. Так, в деле Блашкича Судебная камера МТБЮ постановила, что «несущественно, была ли незаконность приказа очевидна»⁴⁷. Однако такая практика «недостаточно широко распространена и единообразна, чтобы установить норму обычного международного права»⁴⁸.

Следует отметить, что ряд известных комментаторов (в том числе Паола Гаета⁴⁹ и Антонио Кассесе⁵⁰), очень критично относятся к формулировке ст. 33 Римского Статута. Однако их критика касается не «римского стандарта» вообще, а его возможного применения в практике МУС. Они отмечают, что в условиях подробной кодификации преступлений в Римском Статуте и «Элементах преступлений» никто не может сослаться на неточность закона и его незнание. Однако данные авторы признают, что в отношении обычных норм международного права (которые, действительно, в ряде случаев могут быть не ясны) «римский стандарт» соответствует общепринятой практике.

Исходя из сказанного, в настоящем исследовании авторы будут исходить из «римского стандарта», т. е. из нормы, в соответствии с которой для наложения уголовной ответственности за военные преступления, совершенные во исполнении юридически обязательного приказа, требуется осознание исполнителем незаконности полученного приказа.

Понятно, что разрешение вопроса об ответственности исполнителя в каждом случае должно устанавливаться с учетом фактических обстоятельств дела. При установлении умозаключительного элемента у исполнителя преступного приказа, возможно обращение к критерию «здравомыслящего человека», который часто используется специальными международными трибуналами по Югославии и Руанде. Установление виновности будет зависеть от ответа на следующий вопрос: должен ли был, вне разумного сомнения, здравомыслящий человек в данных обстоятельствах прийти к заключению, что приказ является незаконным. Еще Херш Лаутерпрахт утверждал, что явная незаконность приказа должна быть «очевидна для человека обычного

⁴² Charles Garraway. Superior orders and the International Criminal Court: Justice delivered or justice denied *International Review of the Red Cross* № 836, p. 785-794. || <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/html/571Q7H>.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Paola Gaeta. The Defence of Superior Orders: the Statute of the International Criminal Court v. Customary. *International Law*. // 10 *EJIL*. 1999. P. 173.

⁴⁵ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 721-726.

⁴⁶ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва 2001 г. Приложение № 5. Стр. 75.

⁴⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г, пар. 282.

⁴⁸ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 726.

⁴⁹ Paola Gaeta. The Defence of Superior Orders: the Statute of the International Criminal Court v. Customary *International Law*. // 10 *EJIL*. 1999. P. 172-191.

⁵⁰ Cassese, 2003, p. 232-239.

понимания».⁵¹ Андреас Зиммерман в своем разделе фундаментального комментария к Римскому Статуту подчеркивает, что незаконность не должна определяться исходя из внутреннего законодательства. Правильный тест состоит в том, был ли приказ явно незаконен по международному праву. «Учитывая, — полагает автор, — что нужно применить восприятие обычного человека, требуется найти, что даже непрофессионал лишь с элементарным знанием международного гуманитарного права должен был полагать, что действие незаконно и составляет уголовное преступление»⁵².

Как настаивает Кассесе, Международный Уголовный Суд, учитывая детальную кодификацию преступлений в Римском Статуте и Элементах преступлений, в подобных ситуациях должен исходить из предположения, что приказ участвовать в военных преступлениях «явно незаконен», если не сталкивается с тем редким случаем, где норма материального права действительно может быть неясна⁵³. Таким образом, бремя доказывания этого реабилитирующего обстоятельства должно лежать на обвиняемом.

При каких обстоятельствах исполнение преступного приказа, не освобождая от ответственности, может быть учтено как смягчающее обстоятельство? Комиссия международного права разъяснила это следующим образом:

«Одно лишь наличие приказа вышестоящих должностных лиц не может обуславливать автоматическое вынесение более мягкого приговора. Нижестоящее должностное лицо может понести более легкое наказание лишь в том случае, если наличие приказа <...> фактически снижает степень его ответственности. Так, нижестоящее должностное лицо, выражающее готовность участвовать в совершении преступления независимо от приказа своего начальника, несет ту же степень ответственности, как если бы такого приказа не отдавалось. В подобной ситуации наличие приказа вышестоящего должностного лица не оказывает какого-либо влияния на поведение подчиненного. И напротив, подчиненный, который вынужден совершить преступление по приказу вышестоящего должностного лица из страха перед серьезными последствиями для себя лично и своей семьи в результате неисполнения этого приказа, виновен в иной степени, чем подчиненный, который с готовностью участвует в совершении преступлений. <...> В соответствующих обстоятельствах [это] может служить оправданием для смягчения приговора, который в ином случае был бы более суровым. Фраза «если это диктуется интересами правосудия» используется для того, чтобы показать, что даже в таких случаях назначение менее сурового наказания должно также отвечать интересам правосудия. В связи с этим компетентный суд должен рассмотреть вопрос о том, существует ли у подчиненного оправдание для выполнения приказа о совершении преступления для избежания последствий его невыполнения. Так, суд должен взвесить серьезность последствий, которые фактически возникли в результате выполнения приказа с одной стороны, и серьезность последствий, которые могли бы, по всей вероятности, иметь место в результате невыполнения приказа, с другой стороны. С одной стороны, суд не имеет оснований для проявления снисхождения к подчиненному, совершившему тяжчайшее преступление по приказу вышестоящего должностного лица в отсутствие непосредственной или сколько-нибудь значительной опасности возникновения серьезных последствий в результате невыполнения такого приказа. С другой стороны, суд может прийти к выводу о том, что правосудие требует вынесения более мягкого приговора подчиненному, совершившему тяжкое преступление по приказу вышестоящего должностного лица, с тем чтобы избежать непосредственной или сколько-нибудь значительной опасности таких же или более серьезных последствий в результате выполнения такого приказа»⁵⁴.

При всей безукоризненности данной трактовки, основанной, как указывают его авторы, на подходе Х. Лаутерпрахта⁵⁵, речь в ней по существу идет не о самом приказе, как таковом, а о сопровождающем его принуждении. Именно таким подходом руководствовался Международный трибунал по бывшей Югославии, назначая наказание Дражену Эрдемовичу: в качестве смягчающего обстоятельства рассматривалось не исполнение приказа, а именно принуждение, сопровождаемое реальной угрозой убийства (см. выше, раздел 12.8). Но в каких случаях исполнение приказа вышестоящего лица вне элемента принуждения может учитываться как обстоятельство, смягчающее вину? В Нюрнбергском приговоре отмечено: «Подлинным критерием в этом отношении, который в той или иной степени содержится в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор»⁵⁶. Этот же довод, внесенный Комиссией международного права в Нюрнбергские принципы, повторил и Военный трибунал Соединенных Штатов в деле Фарбена⁵⁷.

⁵¹ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 970. Со ссылкой на: Unpublished memorandum «Punishment of War Crimes» of 1942 submitted to the Committee on Crimes against International Public Order, p. 73. Y. Dinstein, The Defence of Obedience to Superior Orders 'in International Law (1965).

⁵² Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 970.

⁵³ Cassese, 2003, p. 241.

⁵⁴ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 5, комментарий, п. 5.

⁵⁵ Приводится ссылка на: H. Lauterpacht. The Law of Nations and the Punishment of War Crimes. British Yearbook of International Law, 1944. Vol. 21, p. 73.

⁵⁶ Нюрнбергский приговор, с. 369.

⁵⁷ Trials of War Criminals Before the Nuernberg Militari Tribunals, vol. VIII, p. 155-157. Ссылка дана по: Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 14, комментарий, п. 10.

Как показывает Кассесе, обычно приказ рассматривается в качестве смягчающего обстоятельства, если он был отдан в ходе боя, когда, по понятным причинам, подчиненному труднее отказаться от повиновения. Тем не менее, даже в таких экстраординарных условиях он обязан оценивать законность приказа, если юридическое регулирование вопроса признано универсально и ясно вне сомнения. В деле Уильяма Келли, в котором рассматривался эпизод резни двадцати двух младенцев, детей, женщин и стариков, учиненной американскими военными в южно-вьетнамской деревне Сонгми 16 марта 1968 года, обвиняемый ссылаясь на приказ непосредственного командира — капитана Эрнста Медины. Трибунал Соединенных Штатов постановил, что преднамеренное убийство невооруженных людей, не оказывающих сопротивления и находящихся под контролем военных, было очевидно незаконным. Таким образом, даже в высоко накале сражения явно незаконные приказы не должны быть исполнены и, в случае исполнения, не могут использоваться как аргумент защиты. Апелляционный военный суд США разделил данную точку зрения в деле Шварца и Грина, касающегося убийства морским патрулем, осуществлявшим спецоперацию по поиску и уничтожению противника, шестнадцати женщин и детей⁵⁸.

Израильский суд в деле Шмюэля Малинки и др. определил, что исполнение приказа может быть смягчающим обстоятельством в условиях, когда приказ дан в пылу сражения, внезапно и когда промедление могло бы, возможно, угрожать жизни солдата и его боевым товарищам⁵⁹. Это же соображение было принято государствами на Римской конференции при формулировании статьи 33 Статута Международного Уголовного Суда, «чтобы защитить военных, находящихся на поле битвы, и повинующихся приказам, которые они не имеют возможности оценить»⁶⁰.

13.4. ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО (INSTIGATING)

Подстрекательство (*instigating*) в прецедентном праве специальных международных трибуналов ООН понимается как побуждение другого лица к совершению преступления⁶¹. От формы участия в преступлении в виде приказа подстрекательство отличается тем, что не предполагает каких-либо субординационных отношений между подстрекателем и непосредственным исполнителем преступления. При этом отмечается, что осуществление влияния вряд ли возможно без определенной способности оказывать воздействие на других лиц⁶².

При подстрекательстве необходимо доказать причинно-следственную связь между фактом подстрекательства и объективной стороной преступления (*actus reus*). Хотя нет необходимости доказывать, что преступление не произошло бы без участия подстрекателя, необходимо показать, что вклад обвиняемого оказал существенный эффект на совершение преступления⁶³.

К настоящему времени общим правилом прецедентного права специальных трибуналов является то, что подстрекательство может быть осуществлено различными способами: как явным, так и неявным поведением, как действием, так и бездействием. При этом в последнем случае подстрекатель должен быть наделен обязанностью предотвратить преступление⁶⁴. Это отличает международное уголовное право от российского, среди теоретиков которого господствует мнение, что «сам характер подстрекательства исключает его совершение путем бездействия»⁶⁵.

В прецедентном праве международных трибуналов простое присутствие на месте злодеяния может составить подстрекательство, если обвиняемый является представителем власти и ничего не делает для того, чтобы воспрепятствовать или остановить преступление⁶⁶. Подстрекательство не обязательно должно носить «прямой и публичный характер» (за исключением прямого и публичного подстрекательства к геноциду, как отдельной формы участия, предусмотренной Конвенцией о геноциде) или подразумевать присутствие подстрекателя на месте преступления. Воздействие подстрекателя может быть осуществлено как напрямую, так и через посредников, как на небольшую, так и на большую группу людей⁶⁷.

В деле Насера Орича Судебная камера МТБЮ дала важное разъяснение относительно того, чем подстрекательство в значении термина «*instigation*» отличается от «пособничества и подстрекательства» (*aiding*

⁵⁸ Cassese, 2003, p. 240.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Paola Gaeta. *The Defence of Superior Orders: the Statute of the International Criminal Court v. Customary International Law.* // 0 EJJIL. 1999. P. 189.

⁶¹ Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 601. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 280.

⁶² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 272.

⁶³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 387. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 278, 280. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 30. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 381.

⁶⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 273. МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 41.

⁶⁵ Уголовное право, 2006, с. 273.

⁶⁶ Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 198, со ссылкой на Schonfeld et al., (1948) II LRTWC 64 (British Military Court), at pp. 69-70. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 387. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 280.

⁶⁷ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Акайесу от 1 июня 2001 г., пар. 474-483. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 273.

and abetting). Важным критерием здесь является настроение лица, совершающего основное преступление. «С одной стороны, — указали судьи, — оно [подстрекательство, instigation] должно более чем просто облегчить совершение исполнителем преступления, чего может быть достаточно для пособничества и подстрекательства (aiding and abetting). Оно [подстрекательство, instigation] требует некоторого влияния на основного преступника посредством подстрекательства, уговора или иного способа стимулирования его или ее на совершение преступления. Это не обязательно предполагает, что самостоятельная идея или план совершить преступление был выработан подстрекателем (instigator). Даже если основной преступник уже размышлял о совершении преступления, окончательное решение поступить именно так все-таки должно быть вызвано убеждением или существенной поддержкой со стороны подстрекателя. Однако, если основной преступник «omnimodo facturus», т.е. уже определенно решил совершить преступление, дальнейшая поддержка или простая моральная поддержка является пособничеством и подстрекательством (aiding and abetting)»⁶⁸.

Интересно отметить, что еще в 1902 г. почти теми же словами этот вид участия в преступлении характеризовал известный российский юрист Н. С. Таганцев. Он писал: «Несколько иной характер имеет подстрекательство, не удавшееся потому, что подговариваемый и помимо того уже решился на совершение преступного деяния (alias seu omnimodo facturus — намеревающийся совершить в другое время или другим способом (лат)). В этом случае, по моему мнению, необходимо различать несколько оттенков. Если у кого-нибудь мелькала мысль о преступлении, если он находился в таких условиях, что готов был решиться на всякое преступление, и таким его состоянием воспользовалось третье лицо, окончательно убедившее или обольстившее его, то это последнее лицо может быть признано подстрекателем. Если подговариваемый решился уже на преступление, но подговор только укрепил его решимость, решившийся извлек из него полезные сведения, указания, то подговаривающий может считаться интеллектуальным пособником. Наконец, если подговор не имел никакого значения и подговоривший, кроме этой бесплодной попытки, не принимал другого участия в преступном деянии, ни физического, ни психического, то, казалось бы, его вовсе нельзя признавать соучастником»⁶⁹. В современном российском уголовном праве «подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом»⁷⁰. Российские юристы отмечают: «Объективная сторона деятельности подстрекателя характеризуется совершением активных действий, направленных на возбуждение у исполнителя либо иных соучастников решимости совершить преступление»⁷¹. В то же время действительность конкретного способа подстрекательства зависит от фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе от воли непосредственного исполнителя преступления. Как справедливо отмечает М. И. Ковалев, «для того, чтобы принудить человека помимо его воли к совершению каких-либо нежелательных действий, порой употребляются весьма жесткие средства, но они разбиваются, натываясь на стойкость и несокрушимую волю человека. Однако иногда бывает и так, что незначительный жест, едва заметное движение глаз, вскользь брошенное слово являются достаточными, чтобы человек согласился на самый серьезный по своим последствиям поступок»⁷².

Прецедентное право Международных трибуналов склоняется к тому, что необходимый субъективный элемент (mens rea) подстрекательства — намерение⁷³. Хотя в некоторых делах было высказано мнение, что достаточно простого знания подстрекателем того, что его действия помогут в совершении преступления⁷⁴, или понимания существенной вероятности такого исхода событий⁷⁵, в большинстве судебных решений содержится утверждение, что подстрекательство (в значении instigation) должно совершаться намеренно⁷⁶. Термин «прямое намерение» в связи с подстрекательством употребляется Апелляционной камерой МТБЮ в деле Кродича и Черкеза⁷⁷.

Подробную экспертизу данного вопроса Судебная камера МТБЮ провела в деле Насера Орича, рассмотренного 30 июля 2006 года. После обращения к предыдущим судебным решениям обоих трибуналов Суд установил:

«Рассматривая это развитие в интерпретации mens rea подстрекателя в свете типа и серьезности преступлений, по которым имеет юрисдикцию Трибунал, Судебная камера далее придерживается мнения, что это намерение содержит познавательный элемент знания и волевой элемент принятия, и что это намерение должно относиться и к собственному поведению участника, и к основному преступлению, в котором он участвует. Это, во-первых, означает, что относительно своего собственного поведения подстрекатель должен знать о его эффекте влияния на основного преступника, направленном на совершение преступления. В то же время подстрекатель, даже если не стремится и не желает, должен, по крайней мере, осознавать, что преступление [будет] совершено. Во-вторых, в от-

⁶⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 271, также см. пар. 274.

⁶⁹ Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 г. — Allpravo.ru — 2003. Гл. 182. || <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/print922.html>.

⁷⁰ Часть 4 ст. 33 УК РФ.

⁷¹ Уголовное право, 2006, с. 273.

⁷² Ковалев, 1987, с. 34.

⁷³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 273.

⁷⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Камуханда от 22 января 2004 г., пар. 599. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 198.

⁷⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 252. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 60. Решение Судебной камеры по делу Бржанина и др. от 1 сентября 2004 г., пар. 269.

⁷⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 31. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 388 (здесь содержится даже требование «преднамеренности»). МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 387.

⁷⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кордича и Черкеза от 17 декабря 2004 г., пар. 29.

ношении основного преступника, подстрекатель должен знать и соглашаться на намеренное завершение основного преступления. В-третьих, волевой элемент намерения, в условиях, когда подстрекатель осведомлен о более чем вероятном совершении преступления, которое будет следовать из его поведения, может быть охарактеризован, как принятие его совершения. Хотя не требуется, чтобы подстрекатель точно предвидел, кем и при каких обстоятельствах будет совершено основное преступление, и что это исключило бы косвенное побуждение, подстрекатель, по крайней мере, должен знать основные и существенные элементы преступления, которое будет совершено»⁷⁸.

В этом же смысле, комментируя статью 30 Римского Статута, высказывается и Альбин Эсер:

«Во-первых, относительно своего собственного поведения подстрекатель должен проявить свое намерение и знание. Это означает, что намерение подстрекателя должно быть направлено на то, чтобы заставить исполнителя совершить преступление. Во-вторых, подстрекатель должен предполагать, что исполнитель совершит преступление в психическом состоянии, требуемом в соответствии со Статутом. Если, например, преступление требует намерения (а не просто небрежности или безрассудства), подстрекатель должен предвидеть и принимать, что исполнитель совершит преступление преднамеренно, со всеми соответствующими его [намерения] элементами. В этом смысле у подстрекателя должно быть «двойное намерение» относительно его собственного поведения и поведения исполнителя»⁷⁹.

Подстрекательство к совершению преступления наказуемо только в случае, если оно ведет к преступлению, которого желал подстрекатель⁸⁰. Однако в случае подстрекательства к совершению геноцида виновный может быть привлечен к ответственности уже за сам факт подстрекательства, даже если это не привело к осуществлению акта геноцида⁸¹. Это вытекает как из ст. 2 (b) Конвенции о предотвращении геноцида, так из Уставов специальных трибуналов по Югославии и Руанде, в соответствии с которыми само это деяние является законченным преступлением.

13.5. ПЛАНИРОВАНИЕ (PLANNING)

В соответствии с прецедентным правом специальных трибуналов под планированием понимается ситуация, когда одно или несколько лиц «проектируют» совершение преступления, как в предварительных фазах, так и в фазах его выполнения⁸². За планирование преступления может быть осуждено как несколько, так и один человек. Человек, который непосредственно совершал преступление, не может одновременно нести ответственность и за его планирование. Планирование должно быть существенным, типа формулирования преступного плана или одобрения плана, предложенного другими⁸³. Существование плана может быть доказано в том числе и через косвенные улики⁸⁴.

Прецедентное право специальных трибуналов демонстрирует, что для обвинения лица в планировании нужно доказать, что преступление было действительно совершено. Исключение составляет заговор на совершение геноцида, так как само это деяние является законченным преступлением вне зависимости от того, имел ли место сам акт геноцида⁸⁵.

13.6. ПОСОБНИЧЕСТВО И ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО (AIDING AND ABETTING)

Данные термины, употребляемые в уставах международных трибуналов, заимствованы из систем англо-американского права. Слово «abetting» традиционно переводится на русский язык как подстрекательство, и, таким образом, сливается в переводах с термином «instigating». Однако в действительности «abetting», кажется, имеет значение менее активного действия, чем «instigating».

Проф. Вильям Шабас разъясняет формулировку «aiding and abetting» следующим образом:

«Aiding and abetting» — заключительная форма участия, внесенная в список в общей статье, посвященной этому предмету в трех уставах <трибуналов по Югославии, Руанде и суда для Сьерра-Леоне —

⁷⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 279.

⁷⁹ Cassese, Gaeta, Jones, 2002, p. 797.

⁸⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 210.

⁸¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г. пар. 38.

⁸² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 279. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 601. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 480. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 37. Решение Судебной камеры и по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 119; Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 30.

⁸³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 386; Решение Судебной камеры по делу Стакича от 31 июля 2003 г., пар. 443. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 30. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 380.

⁸⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 279.

⁸⁵ Это вытекает из ст.3 (b) Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. См. также: Schabas, 2006, p. 299.

авт. >. Эти термины — довольно классическая формулировка общего права для понятия соучастия (complicity). «Aiding» вообще относится к некоторой форме физической помощи в совершении преступления, но «вторичного» характера, в то время как «abetting» предполагает поддержку или другое проявление морального уговаривания. Как и многие из терминов общего права, «abetting» фактически образовано от старого нормандского (французского) слова *abeter*, означающего «подстрекать» или «поощрять». Очевидно, «abetting» имеет значительные наложения с другими понятиями участия, разъясненными в уставах, а именно, «подстрекая» (inciting) и «приказывая», так же как и «прямое и публичное подстрекательство (incitement) на совершение геноцида»⁸⁶.

В судебных решениях специальных международных трибуналов ООН подчеркивается разница между пособничеством и подстрекательством, которые могут на первый взгляд казаться синонимичными понятиями. Пособничество — помощь кому-то через предоставление средств. Подстрекательство — облегчение незаконного акта, к совершению которого подстрекатель испытывает «сочувствие», через действия типа «ободрения» основного преступника⁸⁷. При этом для наступления уголовной ответственности достаточно хотя бы одной из этих форм участия в преступлении⁸⁸. Приведенные здесь критерии указывают, что пособничество в значении aiding близко по своему содержанию термину «физическое пособничество», принятому в российском уголовном праве. Физическим пособничеством признается способствование совершению преступления предоставлением средств или устранением препятствий; оно может состоять как в действии, так и в бездействии⁸⁹. В то же время подстрекательство в значении abetting весьма близко российскому уголовно-правовому понятию «интеллектуального пособничества», которое состоит в содействии совершению преступления советами, указаниями, а также заранее данным обещанием скрыть преступника. В российском уголовном праве интеллектуальный пособник лишь укрепляет решимость совершить преступление, в то время как подстрекатель своими действиями вызывает такую решимость⁹⁰. Это различие, предлагаемое российскими юристами, может быть полезным для определения тонкой грани, отделяющей в международном праве подстрекательство как «instigating» от подстрекательства как «abetting».

Из ст. 25 (3) (с) Римского Статута усматривается, что цель пособника и подстрекателя должна состоять в облегчении совершения преступления. Прецедентное право специальных трибуналов демонстрирует множество случаев вменения данной формы соучастия. Следует отметить, что вина пособничества и подстрекательства, кажется, менее серьезна, чем в других формах участия в преступлении, так как пособник и подстрекатель не должен разделять намерения основного преступника, а только иметь о нем некоторую информацию. Между тем вклад пособника и подстрекателя в совершение преступления должен быть существенным, т. е. должен «оказывать фактическое влияние на совершение преступления»⁹¹.

В практике Международных трибуналов ООН элементы пособничества и подстрекательства были впервые детально определены Судебной камерой МТБЮ в деле Фурунджия, после подробного анализа судебных решений, вынесенных после Второй мировой войны. Это определение, в последствие подтвержденное в ряде других дел, и именуемое некоторыми комментаторами «стандартом Фурунджия», по всей видимости, формулирует норму обычного права. Оно следующее:

«Юридические компоненты пособничества и подстрекательства в международном уголовном праве следующее: *actus reus* состоит в практической помощи, поддержке или моральной поддержке, которая оказывает существенный эффект на совершение преступления. Необходимый элемент *mens rea* — знание, что эти действия помогают совершению преступления»⁹².

Материальный элемент (*actus reus*) — практическая помощь, поддержка или моральная поддержка преступного акта⁹³ — может представлять собой как действие, так и упущение⁹⁴. Хотя такая помощь не должна быть причиной совершения исполнителем преступного акта⁹⁵, она должна оказывать существенный эффект на совершение преступления⁹⁶. Кроме того, разумеется, требуется, чтобы само основное преступление было совершено⁹⁷.

⁸⁶ Schabas, 2006. p. 302.

⁸⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др., от 2 ноября 2001 г., пар. 254. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 484. Решение Судебной камеры по делу Нтакирутимана и Нтакирутимана от 21 февраля 2003 г., пар. 384.

⁸⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 484.

⁸⁹ В. Т. Гайков [и др.], 2006, с. 276-277.

⁹⁰ Там же, с. 275-276.

⁹¹ Сообщение Комиссии Международного права. Сорок восьмая Сессия, 6 мая-26 июля 1996. ООН. А/51/10, р. 24.

⁹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 249.

⁹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 235, 249. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70.

⁹⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 284. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70.

⁹⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 285. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70.

⁹⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 691. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1996 г., пар. 234. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70.

⁹⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стакича от 31 июля 2003, пар. 561. Решение Судебной камеры по делу Благоевича от 17 января 2005 г. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998, пар. 527, 530. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000, пар. 171, 172.

Простое присутствие на месте преступления не обязательно составляет пособничество и подстрекательство. Для вменения этой формы участия необходимо, чтобы присутствующий оказывал на исполнителя существенный эффект, например, демонстрируя свое одобрение происходящего⁹⁸. Присутствие на месте преступления человека, обладающего неоспоримой властью над исполнителями незаконного акта, при некоторых обстоятельствах может интерпретироваться как одобрение их поведения (эффект «одобряющего зрителя»)⁹⁹. Поэтому, как заявила судебная камера МТБЮ в деле Алексовского, «нужно полагать, что властное положение человека является важным знаком для установления, что простое присутствие составляет акт намеренного участия <...>. Тем не менее такая ответственность не является автоматической и заслуживает рассмотрения на фоне фактических обстоятельств»¹⁰⁰. В то же время физическое присутствие на месте преступления и физическая помощь в его совершении не являются обязательным элементом «пособничества и подстрекательства»¹⁰¹. Акт помощи преступлению, выраженный в «пособничестве и подстрекательстве», может произойти прежде, в течение или после того, как преступление совершено¹⁰². Как отметила судебная камера МТР в деле Рутаганда, «акт помощи может быть географически и хронологически не связан с фактическим совершением преступления»¹⁰³. При этом пособник и подстрекатель несут ответственность за все естественно возникшие последствия преступного акта¹⁰⁴.

Субъективный элемент (*mens rea*) «пособничества и подстрекательства» — знание. В ряде дел судебные камеры разъяснили, что пособник и подстрекатель должны либо намереваться помочь в совершении преступления или облегчить его совершение, либо, как минимум, осознавать, что такая помощь будет возможным и обозримым последствием их поведения¹⁰⁵. В соответствии с этими определениями вина может состоять как в намерении, так и в простом знании. Апелляционная камера МТБЮ в деле Алексовского определила: простого знания «пособника и подстрекателя» о том, что его действия помогают совершению основного преступления, достаточно для установления вины¹⁰⁶.

Данное определение соответствует первоначальному стандарту, установленному в деле Фурунджия, где Судебная камера, опираясь на прецедентное право, сформировавшееся после Второй мировой войны, подчеркнула:

«Это особенно очевидно в свете всех дел, в которых лица были признаны виновными за то, что доставляли жертв и преступников к месту казни. В этих делах Обвинение не доказывало, что водитель ехал с целью помощи в убийстве, то есть с намерением убить. Здесь было знание преступной цели палачей со стороны водителя, ответственного как пособник и подстрекатель. Следовательно, если бы не было доказано, что водитель разумно осознавал, что целью поездки является незаконная казнь, то он был бы оправдан»¹⁰⁷.

Соответственно, пособник и подстрекатель не должен разделять намерение основного преступника, но должен знать об этом намерении и о главных элементах преступного акта¹⁰⁸. В то же время нет никакого требования, чтобы пособник и подстрекатель точно знал, какое именно преступление готовилось и было в действительности совершено. Если лицо знало, что хотя бы одно из множества преступлений, вероятно, будет совершено, и одно из них действительно совершается, и оно намеревалось облегчить совершение такого преступления, то это лицо виновно как пособник и подстрекатель¹⁰⁹.

Вина лица может быть установлена на основании различных обстоятельств, в частности, таких, как положение лица в качестве начальника и его присутствия на месте преступления¹¹⁰.

⁹⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 64. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 689. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2002 г., пар. 393. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70.

⁹⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Орича от 30 июля 2006 г., пар. 284.

¹⁰⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 65. Также см. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 284.

¹⁰¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 691. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 33.

¹⁰² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 62. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 285. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 48. МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 43. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 125. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 484. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 33. Решение Судебной камеры по делу Кайшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 200.

¹⁰³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 43.

¹⁰⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 692.

¹⁰⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 286. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др. от 2 ноября 2001 г., пар. 255. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 32.

¹⁰⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Васильевича от 25 февраля 2004 г., пар. 102.

¹⁰⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 245.

¹⁰⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 245. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 162. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 71.

¹⁰⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 246.

¹¹⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 65.

Яркий пример установления данной формы участия в преступлениях содержится в деле сербского генерала Радислава Крстича, рассмотренном Международным трибуналом по бывшей Югославии, на котором следует остановиться подробно.

Данное дело связано с геноцидом боснийских мусульман области Сребреница, расположенной в восточной Боснии и Герцеговине¹¹¹. Этот анклав был объявлен ООН «зоной безопасности», его жители были разоружены и находились под защитой миротворческого контингента Организации Объединённых Наций. Однако в период с 6 по 11 июля 1995 года вооруженные силы Республики Сербска под командованием генерала Младича осуществили операцию по захвату анклава и разоружению дислоцированного здесь голландского батальона, входящего в состав миротворческих сил Организации Объединённых Наций¹¹². К вечеру 11 июля от 20 до 25 тысяч беженцев — преимущественно женщин, стариков и детей — собрались в районе Поточари, на территории места дислокации миротворцев и вблизи него, в различных производственных корпусах. В последующие дни здесь разразился гуманитарный кризис, связанный с нехваткой пищи, воды и медицинской помощи. 12 июля сербские солдаты и члены сербских паравоенных формирований начали убивать беженцев, включая даже детей. Они выхватывали людей из толпы, уводили, и расстреливали их, либо перерезали им горло. Также имели место изнасилования, убийства и жестокие избиения женщин. В этот же день сербские силы начали отделять мужчин боеспособного возраста и подростков от женщин, детей и стариков. Женщины, дети и старики были посажены в автобусы и насильственно перемещены к границе соседнего анклава, находящегося под контролем боснийско-мусульманских вооруженных сил. Операция по высылке производилась в целом корректно, без эксцессов грубого насилия. Тем не менее, отдельных мужчин, которым удалось сесть в автобусы, при посадке также отделяли от остальных. Операция по перемещению закончилась 13 июля¹¹³. В течение последующих дней отделенные мужчины, а также другие мужчины-мусульмане, задержанные в разных районах Сребреницы, были распределены по различным сельским поселениям и фермам, и там казнены. Всего было расстреляно около 7-8 тысяч мужчин, их трупы были помещены в массовые захоронения¹¹⁴. Данное массовое уничтожение мужчин, вместе с незаконной высылкой всех остальных гражданских лиц из числа боснийских мусульман, было квалифицировано судом как акт геноцида¹¹⁵.

Генерал Радислав Крстич, занимавший в дни поглощения Сребреницы должность начальника штаба, а затем командира корпуса «Дрина», был признан МТБЮ виновным в пособничестве и подстрекательстве к геноциду и преступлениям против человечности в виде истребления и преследования в связи с тем, что он позволил использовать транспортные ресурсы вверенного ему подразделения для организации массовых казней, а также некоторых представителей личного состава — для конвоирования жертв к местам расстрелов. При этом он лично не участвовал в убийствах, не приказывал их совершить и не присутствовал при их совершении. Однако он знал, что в планы его руководства входит «избавление от мусульман» анклава Сребреница. Хотя он не разделял намерение своего командующего — генерала Младича — на совершение геноцида, он знал об этом намерении и позволил осуществить этот бесчеловечный план вопреки своей обязанности по международному праву пресекать подобные преступления.

Апелляционная камера МТБЮ пришла к следующим выводам:

«По крайней мере с 15 июля 1995 года Радислав Крстич знал о направленном на геноцид намерении некоторых членов Главного Штаба ВРС (Войска Республики Сербска). Радислав Крстич знал, что Главный Штаб имел недостаточно собственных ресурсов, чтобы осуществить казни, и что без использования ресурсов корпуса «Дрина» Главный Штаб будет не в состоянии осуществить его направленный на геноцид план. Крстич знал, что, позволяя использовать ресурсы корпуса «Дрина», он вносил существенный вклад в убийства заключенных из числа боснийских мусульман. Хотя доказательства показывают, что Радислав Крстич не был сторонником этого плана, как командующий корпусом «Дрина» он разрешил Главному Штабу задействовать ресурсы корпуса «Дрина» и использовать эти ресурсы. Поэтому уголовная ответственность Крстича более должным образом должна быть охарактеризована как пособничество и подстрекательство к геноциду»¹¹⁶.

«Крстич знал, что автобусы, которыми он помог для обеспечения перемещения женщин, детей и стариков, [затем] использовались, чтобы доставить мужчин к различным местам содержания под стражей. Он также знал, что транспортные средства корпуса «Дрина» и персонал использовались, чтобы изыскать места, пригодные для содержания под стражей, сопровождать и охранять заключенных из числа боснийских мусульман в различных местах содержания. Он также знал, что тяжелая техника и оборудование, принадлежащие корпусу «Дрина», находящемуся под его командованием, далее использовались для казней гражданских лиц из числа боснийских мусульман»¹¹⁷.

«Нет никаких доказательств, подтверждающих, что он приказал осуществить любое из этих убийств или что он непосредственно участвовал в них. Все, что доказательства позволяют установить, — это то, что он знал, что такие убийства совершались, и что он разрешил Главному Штабу использовать персонал и ресурсы, находящиеся под его командованием, чтобы облегчить их совершение. При этих обстоятельствах уголовная ответственность Радислава Крстича — ответственность пособника и подстрекателя убийств, истребления и преследования, а не основного сопричастника»¹¹⁸.

Кроме того, при установлении вины Крстича как пособника и подстрекателя, были учтены свидетельства «длительной лояльности Радислава Крстича генералу Младичу, несмотря на его знание роли генерала Младича в геноциде, осуществленном в Сребренице»¹¹⁹.

¹¹¹ Подробные сведения о трагедии Сребреницы изложены в докладе Генерального Секретаря ООН «Падение Сребреницы» UN A/54/549 15 November 1999. || http://www.un.org/russian/site_index/a54-549.pdf.

¹¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г, пар.31-36.

¹¹³ Там же, пар. 37-59.

¹¹⁴ Там же, пар. 60-84.

¹¹⁵ Там же, пар. 599.

¹¹⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Крстича от 19 апреля 2004 года, пар. 137.

¹¹⁷ Там же, пар. 283.

¹¹⁸ Там же, пар. 144.

¹¹⁹ Там же, пар. 136.

13.7. ОБЪЕДИНЕННОЕ ПРЕСТУПНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ (JOINT CRIMINAL ENTERPRISE)

13.7.1. Определение объединенного преступного предприятия

Международное уголовное право, как и национальные уголовно-правовые системы, оперирует понятием соучастия, направленного на реализацию общей цели, плана или проекта¹²⁰. Такой вид участия многих лиц в преступлении характеризуется Международными Трибуналами по бывшей Югославии и Руанде термином «объединенное преступное предприятие». Дефиниция объединенного преступного предприятия, не фигурирующая прямо в Уставах этих Трибуналов, теперь неявным образом отражена в ст. 25 (d) Римского статута Международного Уголовного Суда. Концепция этого вида участия в преступлении, используемая под разными наименованиями многими национальными системами уголовного права, до некоторой степени приближается к понятиям «организованная преступная группа»¹²¹ и «преступное сообщество»¹²², применяемым российским законодательством, но далеко им не синонимична. Некоторые комментаторы называют доктрину объединенного преступного предприятия «самой сложной и концептуально стимулирующей теорией в международном уголовном праве»¹²³.

Подробно разработанная в юриспруденции МТБЮ доктрина объединенного преступного предприятия имела решающее значение для рассмотрения ряда знаковых дел этого трибунала, и позднее стала использоваться МТР¹²⁴. Некоторые обвинительные акты Специального суда по Сьерра-Леоне, включая обвинительный акт в отношении президента Либерии Чарльза Тейлора¹²⁵ (а также в делах Брима и др., Сесей и др.), также используют понятие объединенного преступного предприятия¹²⁶.

Суть понятия объединенного преступного предприятия была подробно разъяснена Апелляционной камерой МТБЮ при рассмотрении дела Душко Тадича, которое, по справедливому замечанию Якоба Рэймера¹²⁷, легло в основу современного понимания данной доктрины соучастия в международном преступлении. При обосновании ее применимости судьи МТБЮ исходили из следующего положения: «Устав обеспечивает юрисдикцию над лицами, которые планируют, подстрекают, приказывают, физически совершают преступление, или иначе оказывают пособничество и подстрекают к его планированию, подготовке или выполнению. <...> Это не исключает такие способы участия в совершении преступлений, когда несколько человек имеют общую преступную цель, которая реализуется или совместно, или некоторыми членами этой группы»¹²⁸.

Вместе с тем Суд заявил, что уголовная ответственность, вытекающая из участия в объединенном преступном предприятии, не эквивалентна «вине ассоциаций». Суд сослался на Доклад Генерального секретаря ООН, напрямую отклоняющий вину простого членства в организации, и вновь подтвердил принцип индивидуальной ответственности, заявив: «никто не может считаться уголовно ответственным за действия или упущения, в которых он лично или каким-либо иным способом не участвовал»¹²⁹.

Прецедентное право МТБЮ выделяет три категории или формы объединенного преступного предприятия.

13.7.2. Первая форма объединенного преступного предприятия

Первая форма объединенного преступного предприятия относится к случаям, где все подсудимые, действующие в соответствии с общим умыслом, имеют одно и то же преступное намерение. Например, соучастники имеют план, нацеленный на убийство. Даже если каждый из них выполняет различную роль в пределах реализации общей цели, все они имеют намерение убить. Объективные и субъективные предпосылки, необходимые для того, чтобы возложить уголовную ответственность на участника, который лично не убивал, или когда факт причинения им смерти не может быть доказан, следующие:

- обвиняемый должен участвовать в реализации одного из аспектов общего умысла (например, причиняя нелетальное насилие жертве, оказывая материальную помощь, или облегчая действия соучастников);
- обвиняемый, даже если он лично не совершил убийство, должен, однако, желать наступления этого результата¹³⁰.

¹²⁰ Cassese, 2003, p. 181-189.

¹²¹ См. ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации.

¹²² См. ч. 4 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации.

¹²³ Allison Danner & Jenny S. Martinez, *Guilty Associations: Joint Criminal Enterprise, Command Responsibility, and the Development of International Criminal Law*, 93 Cal. L. Rev. 110-120. Цитата приведена по: Jacob Ramer *Hate By Association: Individual Criminal Responsibility for Persecution Through Participation in a Joint Criminal Enterprise*. || <http://operationkosovo.kentlaw.edu/jar-final-seminr.htm>.

¹²⁴ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Нтакирутима и др. от 13 декабря 2004 г., пар. 467-484.

¹²⁵ СССЛ. Прокурор против Чарльза Тейлора (Case № SCSL-03-01-PT). Обвинительный акт от 7 марта 2003 г.

¹²⁶ Подробно об этой практике см: Schabas, 2006, с. 311-312.

¹²⁷ Jacob Ramer. *Hate By Association: Individual Criminal Responsibility for Persecution Through Participation in a Joint Criminal Enterprise*. || <http://operationkosovo.kentlaw.edu/jar-final-seminr.htm>.

¹²⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 190. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др. от 2 ноября 2001 г., пар. 255.

¹²⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 186.

¹³⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 196.

В качестве иллюстрации подобной ситуации можно привести дело Альфонса Кляйна и др.¹³¹, рассмотренное в 1945 году Американской военной комиссией в Висбадене, на которое при описании данного вида совместного участия в преступлении обращает особое внимание Антонио Кассезе¹³². Обвиняемыми были восемь немцев, которые в период с июля 1944 по апрель 1945 года убили более четырехсот польских и советских граждан, угнанных на работу в Германию и страдавших от туберкулеза или пневмонии. Они доставлялись в больницу города Гадамар, где им обещали предоставить лечение. Там их убивали инъекциями ядовитых наркотиков; впоследствии медицинские отчеты о лечении и свидетельства о смерти фальсифицировались. Убийства производились с целью освободить в больницах места для немецких военных. Перед судом предстал Кляйн, администратор больницы и лидер местной ячейки нацистской партии, который осуществлял все необходимые приготовления для совершения злодеяний, врач Вахльманн, который участвовал в предварительных встречах, где планировались эти убийства, и согласился на приспособление больницы под «конвейер смерти», три медсестры Руофф, Виллиг и Губер, которые осуществляли смертельные инъекции, бухгалтер Мерке, который фальсифицировал документы о причинах смерти, и швейцар Блюм, в обязанности которого входил контроль за тем, что отравленные жертвы действительно умерли, и их захоронение в братских могилах.

Все семеро были обвинены в нарушении международного права и законов войны, выразившемся в том, что они, «действуя совместно и согласно общему намерению <...>, преднамеренно и противоправно пособничали, подстрекали и участвовали в убийстве граждан Польши и России». И хотя наряду с понятием «общего намерения» использовалось понятие «пособничества и подстрекательства», Обвинитель, описывая нормы применимого права, подчеркнул, что все лица, участвующие в преступном предприятии, одинаково виновны как «со-руководители». В отношении убийства, совершаемого несколькими лицами, он отметил, что «каждый из тех, кто в любом виде участвовал в достижении этого результата, одинаково виновен, как человек, который непосредственно привел в действие смертельный механизм». «На этом заводе в Гадамаре, — указал Обвинитель, — действовала поточная линия смерти. Ни один из обвиняемых не мог самостоятельно совершить все действия, необходимые, чтобы целиком осуществить операцию. Например, обвиняемый Кляйн, администратор, не мог осуществлять начальные приготовления, принимать этих людей, раздевать их, оборудовать для них смертельную палату и в то же самое время находиться там и, используя смертельную иглу, делать грязную работу, а затем буксировать тела, хоронить их и фальсифицировать отчеты и свидетельства о смерти. Нет, когда Вы занимаетесь коммерцией на основе оптового производства, как это и было в учреждении Гадамара, на этой фабрике убийств, это означает, что у Вас должно быть несколько человек, выполняющих разные стадии этой незаконной операции, чтобы достичь необходимого результата. И Вы не можете провести различия между человеком, который, возможно, первоначально задумал идею убийства, и теми, кто участвовал в совершении этих преступлений». Суд поддержал данное обвинение и приговорил администратора и двух медсестер к смертной казни, врача — к пожизненному заключению, бухгалтера — к 35 годам, третью медсестру — к 25 годам, а швейцара — к 30 годам каторжных работ¹³³.

13.7.3. Вторая форма объединенного преступного предприятия

Вторая категория, во многих отношениях подобная первой, охватывает так называемые ситуации «концентрационного лагеря». Понятие общей цели здесь применяется к случаям, где преступления совершаются «членами военных или административных единиц, типа тех, которые управляют концентрационными лагерями; то есть группами людей, действующими в соответствии с согласованным планом». Апелляционная камера МТБЮ в деле Тадича иллюстрирует данный вид объединенного преступного предприятия на примере концентрационных лагерей Дахау и Белсена, преступления, совершенные в которых, рассматривались судами Соединенных Штатов и Великобритании. Подсудимые занимали различные должности в системе иерархии персонала этих лагерей и обвинялись в том, что действовали согласно общему умыслу, нацеленному на убийства и плохое обращение с заключенными, т. е. на совершение военных преступлений. Их вина в каждом случае устанавливалась на основе следующих критериев: 1) существования организованной системы, нацеленной на плохое обращение с задержанными и совершение в их отношении различных преступлений; 2) понимания обвиняемыми характера этой системы; 3) факте, что обвиняемые в некотором роде активно участвовали в работе системы, то есть поощряли, оказывали пособничество и подстрекали, или в любой другой форме участвовали в реализации проекта уголовного преступления. Обвиняемые были признаны соучастниками жестоких преступлений из-за их властного положения в структуре концлагеря и потому, что они обладали полномочиями заботиться о заключенных и делать их жизнь удовлетворительной, но не воспользовались этой возможностью. В этом случае объективная сторона (*actus reus*) преступления выражается в активном участии обвиняемых в репрессивной системе (в той степени, в которой это может быть выведено из должностных полномочий и определенных функций, которые выполнял каждый из обвиняемых). Субъективная же сторона (*mens rea*) включает два следующих элемента: знание характера системы и общее намерение, выраженное в согласованном проекте плохо обращаться с заключенными¹³⁴.

Таким образом, и первая, и вторая категория объединенного преступного предприятия подразумевает прямое намерение его участников на совершение определенного вида (или видов) преступления. Соответ-

¹³¹ Klein Alfons and others (the Hadamar trial), US Military Commission sitting at Wiesbaden, judgment of 15 October 1945. The bulk of the proceedings has been printed in the book: E. W. Kintner (ed.), Trial of Alfons Klein, Adolf Wahlmann, Heinrich Ruoff, Karl Willig, Adolf Merkle, Irmgard Huber and Phipp Blum (The Hadamar Trial), (London, Edinburgh, Glasgow: William Hodge and Co., 1949). Ссылка дана по: Cassese, 2003, p. XXXII.

¹³² Cassese, 2003, p. 183.

¹³³ Там же, pp. 183-184 со ссылками на параграфы 202-203, 205-207, 247 указанного решения.

¹³⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 202-203.

ственно каждый из участников такого объединенного преступного предприятия несет ответственность за все действия, вытекающие из преступного плана.

13.7.4. Третья форма объединенного преступного предприятия

Третью категорию иногда называют «расширенной формой объединенного преступного предприятия»¹³⁵. Она касается ситуации, когда общий умысел нацелен на следование единому курсу поведения, и когда преступный акт, хотя и находящийся вне общего умысла, был, однако, естественным и обозримым последствием осуществления общей цели. При этой схеме каждый из участников объединенного преступного предприятия несет ответственность за все обозримые преступления, совершенные другими его участниками.

В качестве примера МТБЮ в деле Тадича приводит общее намерение, нацеленное на насильственное удаление членов определенной этнической группы из их города, деревни или региона («этническая чистка»), влекущее при его воплощении убийство одного или множества лиц. Хотя убийство могло и не быть явной частью общего умысла, было, однако, предсказуемо, что насильственное изгнание мирных жителей под дулами автоматов могло привести к смертельным случаям. Уголовная ответственность может быть возложена на участников такого объединенного предприятия в тех случаях, где риск смертельного исхода был предсказуемым последствием реализации общего умысла, и обвиняемый относился к такому риску легкомысленно или безразлично. Другой пример — общий план изгнания гражданских лиц, принадлежащих к определенной этнической группе, путем сожжения их домов. Если некоторые из участников плана убивают мирных жителей, поджигая их дома, то все другие участники плана являются уголовно ответственными за убийство, если эти смертельные случаи были предсказуемы¹³⁶.

Другие примеры этой категории были взяты судьями Апелляционной камеры МТБЮ из прецедентного права, сформировавшегося в ходе судов над военными преступниками после Второй мировой войны. Одни касались случаев насилия толпы над военнопленными, которые происходили при подстрекательстве, личном участии или бездействии со стороны конвоиров и офицеров. Другими словами, речь шла о ситуациях «где множество правонарушителей преследуют общую цель, где каждый из них совершает насилие против жертвы, но где неизвестно или невозможно точно установить, какие действия были выполнены каким преступником, или когда не определена причинная связь между каждым действием и совокупным вредом, причиненным жертвам»¹³⁷.

Элемент вины для этой категории объединенного преступного предприятия состоит в «намерении участвовать в преступной деятельности или в достижении преступной цели группы и внести свой вклад в объединенное преступное предприятие или в любое действие этой группы. Кроме того, ответственность за преступление, не согласованное в общем плане, возникает, только если в связи с обстоятельствами дела (i) было обозримо, что такое преступление могло быть совершено одним или несколькими членами группы и (ii) обвиняемый охотно принял на себя этот риск»¹³⁸.

Как видно из сказанного, третья категория позволяет признать виновным лицо, которое фактически не намеревалось совершить преступление и не имело фактического знания того, что его сообщники совершат это преступление, в случае, если преступный акт был обозримым последствием реализации общей цели и «обвиняемый охотно принял на себя этот риск». Именно обозримость преступного акта и охотное принятие его риска блокирует в данном случае возможную ссылку на «эксцесс исполнителя»¹³⁹.

Вменение Судом расширенной формы объединенного преступного предприятия демонстрируется большим количеством судебных решений МТБЮ. Первым из них, как мы уже сказали, было решение Апелляционной камеры по делу Тадича.

Как и многие жители Югославии накануне распада страны, серб Душко Тадич жил в многонациональном обществе. Будучи владельцем кафе и тренером карате, он постоянно общался с мусульманами до начала 1990-х годов. Однако впоследствии на волне националистической пропаганды он стал лидером местной организации Сербской Демократической партии муниципалитета Приедор Боснии и Герцеговины. Как участник паравоенного формирования он помогал боснийско-сербским силам в поглощении данной области, а затем участвовал в изгнании из нее мусульманского населения, и, пользуясь своими бывшими знакомствами среди других этнических групп, участвовал в выявлении и арестах видных мусульманских лидеров. В ходе операции по изгнанию мусульман множество гражданских лиц было убито, подвергнуто пыткам, ограблено. Многие были задержаны и помещены в лагерь Омарска, Кератерм и Трнополе, где затем подверглись жестокому обращению, пыткам и убийствам.

Судебная камера признала Тадича виновным в преступлениях против человечности и военных преступлениях по нескольким эпизодам и приговорила его к двадцати годам тюремного заключения. Однако Тадич был оправдан по эпизоду убийства пяти мужчин из числа мусульман в деревне Яскичи, которое инкриминировалось ему Прокурором в обвинительном акте. Судебная камера установила вне разумного сомнения, что в ходе кампании «этнической чистки» Тадич в составе вооруженной группы вошел в деревню с целью поиска мужчин. Жертвы были живы перед тем, как данное подразделение зашло в населенный пункт, и были найдены застреленными после того, как подразделение

¹³⁵ Schabas, 2006, p. 310.

¹³⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 203-204.

¹³⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 205-219.

¹³⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 228.

¹³⁹ УК РФ, ст. 36: «Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат».

покинуло деревню¹⁴⁰. Однако судьи нашли, что не могут вне разумного сомнения прийти к выводу, что обвиняемый каким-либо образом участвовал в этом убийстве.

Прокурор обжаловал данный пункт судебного решения, после чего он был полностью изменен в ходе рассмотрения апелляции. Апелляционная камера заключила, что «единственный разумный вывод, который, возможно, сделала Судебная камера, это то, что вооруженная группа, в которую входил Тадич, убила этих пятерых мужчин»¹⁴¹. Судьи указали на правильность вывода о том, что Душко Тадич «с другими вооруженными людьми участвовал в отправке мужчин, которые были отделены от женщин и детей, из деревни Сивичи в лагерь Кератерм и также участвовал в допросах жителей, отделении мужчин от женщин и детей, и избиении и удалении мужчин из деревни Яскичи», и что пятеро мужчин были убиты именно в этой последней деревне¹⁴². Апелляционная камера указала, что этого вывода было достаточно для того, чтобы признать Тадица виновным в этих убийствах, и, несмотря на отсутствие прямых улик об участии обвиняемого в непосредственном совершении этого преступления, отменила оправдательный приговор. Судьи нашли, что Тадич был участником преступного проекта и действовал в соответствии с преступным планом, нацеленным на то, чтобы «избавить область Приедор от несербского населения, совершая бесчеловечные действия против его представителей»¹⁴³. «То, что несербы могли быть убиты при осуществлении этой общей цели, было, в сложившихся обстоятельствах данного дела, обозримо. Апеллянт знал, что действия группы, членом которой он являлся, вероятно, приведут к таким убийствам, однако он охотно принял на себя этот риск», — заявили судьи¹⁴⁴.

Другим показательным примером является дело Милана Мартича. С 1991 до августа 1995 г. Мартич последовательно занимал ряд постов Республики Сербская Краина, в том числе пост министра обороны, заместителя командующего, министра внутренних дел, а с начала 1994 г. стал президентом республики. Обвинение инкриминировало ему убийства, нападения на гражданских лиц, пытки, жестокое обращение и другие составы военных преступлений и преступлений против человечности, совершенные совместно с другими в рамках первой и третьей формы объединенного преступного предприятия. Эти преступные деяния были совершены в ходе кампании, приведшей к изгнанию из республики огромного числа представителей несербского населения.

Суд пришел к выводу, что перемещение хорватов и другого несербского населения не было просто последствием военных действий, но являлось «первичной целью» нападений. Далее судебная камера нашла, что Милан Мартич намеревался насильственно переместить несербское население за пределы республики, и что он активно участвовал в содействии реализации общей цели объединенного преступного предприятия, направленной на создание объединенного сербского государства путем насильственного удаления с его территории несербского населения. Судебная камера пришла к выводу, что преступления, совершенные против несербского населения, за исключением высылки и насильственного перемещения, находились вне общей цели объединенного преступного предприятия. Однако судьи заключили, что Милан Мартич знал, что несербское население подвергалось широко распространенным и систематическим преступлениям, включая убийства, незаконные задержания, избиения во время задержания и преступления против собственности, которые совершались в атмосфере принуждения. Судебная камера пришла к выводу, что «эта атмосфера была создана и поддержана действиями Милана Мартича и другими членами объединенного преступного предприятия. Судебная камера поэтому нашла, что преступления, которые находились вне общей цели, были обозримы Милану Мартичу. Кроме того, имеются только незначительные свидетельства того, что Милан Мартич принимал меры по предотвращению или наказанию таких преступлений. Фактически, несмотря на неоспоримые свидетельства масштаба и серьезности преступлений, совершаемых против несербского населения, Милан Мартич продолжал преследовать общую цель объединенного преступного предприятия. Таким образом, Судебная камера считает доказанным вне разумного сомнения, что Милан Мартич охотно принял риск того, что преступления, которые, как установлено, были вне общей цели, могли быть совершены против несербского населения»¹⁴⁵. На основании этого Мартич был признан виновным в соответствии со ст. 7 (1) Устава МТБЮ¹⁴⁶.

Еще один типичный пример участия в расширенной форме объединенного преступного предприятия мы находим в деле Крстича, который, кроме пособничества и подстрекательства к геноциду и преступлениям против человечности, был признан виновным в убийствах, как нарушении законов и обычаев войны. Данный пункт приговора касался трагических событий в Поточари с 10 по 13 июля 1995 года (фабулу дела см. выше, раздел 13.6).

«Апелляционная камера пришла к заключению, что Радислав Крстич охотно участвовал в объединенном преступном предприятии, которое привело к гуманитарному кризису в Поточари, и знал, что естественным и разумным последствием этого гуманитарного кризиса будет совершение преступлений против гражданского населения. Поэтому Апелляционная камера поддержала осуждение Крстича за убийства, жестокое и бесчеловечное обращение, терроризирование гражданского населения, насильственное перемещение и уничтожение личной собственности гражданских лиц из числа боснийских мусульман, ставших следствием их содержания в Поточари. Поддерживая это осуждение, Апелляционная камера, однако, признала, что Радислав Крстич и корпус «Дрина», находящийся под его командованием, лично не совершали никаких преступлений против гражданских лиц из числа мусульман, кроме помощи в организации насильственного перемещения. Особенно важно, что как было установлено, Крстич присутствовал в Поточари в течение часа, или, самое большее, в течение двух часов, и нет никаких доказательств, что он фактически стал свидетелем любого из преступлений, которые совершались против гражданских лиц из числа боснийских мусульман, или что его подчиненные из корпуса «Дрина» непосредственно засвидетельствовали их и сообщили об этом Крстичу. Кроме того, Судебная камера признала, что перемещение гражданских лиц из числа боснийских мусульман, проведенная корпусом «Дрина», была дисциплинированной

¹⁴⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадица от 7 мая 1997 г., пар. 373.

¹⁴¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадица от 15 июля 1999 г., пар. 183.

¹⁴² Там же, пар. 187.

¹⁴³ Там же, пар. 232.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Мартича от 12 июня 2007 г., пар. 454.

¹⁴⁶ Там же, пар. 545.

и организованной операцией, и что Крстич определенно не отдавал никаких приказов о причинении вреда гражданским лицам из числа боснийских мусульман, которые подвергались насильственному перемещению»¹⁴⁷.

Апелляционная камера отвергла аргумент, что Крстич не может считаться ответственным за преступления, о факте совершения которых он не знал, подчеркнув, что «защита неправильно понимает ответственность [за участие] в третьей форме объединенного преступного предприятия»¹⁴⁸. «Чтобы признать обвиняемого уголовно ответственным за действия, которые являются естественными и обозримыми последствиями объединенного преступного предприятия, — подчеркнули судьи, — нет необходимости устанавливать его фактическое знание того, что эти иные действия будут совершены. Достаточно показать, что эти действия, находящиеся вне согласованного преступного предприятия, были естественным и обозримым последствием согласованного преступного предприятия, и что обвиняемый участвовал в этом предприятии, зная о вероятности, что эти иные преступления могут быть совершены. Также судебной палате не нужно было устанавливать, что Радислав Крстич фактически знал о совершении этих иных преступных действий; достаточно было показать, что их совершение было ему обозримо и что эти иные преступления в действительности фактически были совершены»¹⁴⁹.

Апелляционная камера посчитала эти условия удовлетворенными. «Этническая чистка Сребреницы от гражданских лиц-мусульман являлась частью операции «Кривая — 95», в которой Крстич, как было установлено, играл ведущую роль. Радислав Крстич знал, что артобстрел Сребреницы вызовет приток в Поточари десятков тысяч беженцев из-за присутствия здесь [контингента] ООН. Он также хорошо знал, что в Поточари не было адекватных условий для размещения боснийских гражданских лиц. Также Судебная камера нашла, что он ответственен за подготовку почвы для последовавших затем преступлений. Далее, в связи с присутствием на двух совещаниях, созванных генералом Младичем в отеле «Фонтана», он знал, что гражданские лица из числа мусульман фактически оказались перед лицом гуманитарного кризиса в Поточари. Поэтому Судебная палата располагала необходимыми свидетельствами, чтобы установить, что Радислав Крстич знал, что гражданские лица из числа мусульман будут подвергнуты в Поточари другим преступным действиям. <...> Крстич присутствовал в Поточари в течение одного или двух часов днем 12 июля. Однако солдаты ВРС вообще плохо обращались с гражданскими лицами из числа боснийских мусульман, и ситуация, в которой оказались в Поточари гражданские лица из числа боснийских мусульман, была столь очевидно ужасной, что <...> эти обстоятельства должны были быть для него ясны. Далее, <...> личный состав корпуса «Дрина» имел возможность наблюдать широко распространенное плохое обращение к гражданским лицам из числа боснийских мусульман со стороны других сербских подразделений. В то время, как доказательства демонстрируют, что Крстич дважды отдавал приказ о том, что гражданские лица из числа боснийских мусульман, транспортируемым в автобусах, нельзя причинять вред, не было никаких свидетельств каких-либо попыток, предпринятых Радиславом Крстичем для того, чтобы эти приказы были выполнены. <...> При этих обстоятельствах аргумент Защиты о том, что данные преступления, совершенные против гражданского населения в Поточари, не были естественными и обозримыми последствиями объединенного преступного предприятия, направленного на насильственное перемещение боснийских гражданских лиц, не убедителен. Судебная камера пришла к разумному выводу, что <...> в то время, когда план был составлен, Радислав Крстич должен был знать, что вспышка этих преступлений была неизбежна из-за недостаточности мест для убежища, плотности толпы, уязвимого состояния беженцев, присутствия в области многих представителей как регулярных, так и нерегулярных вооруженных формирований, при явной нехватке числа солдат ООН, достаточного, чтобы обеспечить защиту. <...> Учитывая роль Крстича в создании гуманитарного кризиса в Поточари, факта отдачи приказов, запрещающих причинять вред гражданским лицам, не достаточно для вывода о том, что совершенные преступления не были естественным и обозримым последствием плана насильственного перемещения гражданского населения»¹⁵⁰.

13.7.5. Объективные и субъективные элементы объединенного преступного предприятия

В соответствии с прецедентным правом МТБЮ объективная сторона (*actus reus*), общая для всех трех видов объединенного преступного предприятия, должна быть выражена в следующих элементах:

«i. *Множественность лиц*. Они не должны быть¹⁵¹ организованы в военной, политической или административной структуре <...>.

ii. *Существование общего плана, проекта или цели, которые предусматривают или влекут за собой совершение преступления, предусмотренного в Уставе*. Нет никакого требования, чтобы этот план, проект или цель были предварительно составлены или сформулированы. Общий план или цель могут осуществиться импровизированно и могут быть установлены на основании факта, что группа людей действует согласованно¹⁵² <буквально: «в унисон» — авт.>, чтобы осуществить объединенное преступное предприятие.

iii. *Участие обвиняемого в общем умысле*, влекущем совершение одного из преступлений, предусмотренных в Уставе. Это участие не должно повлечь совершение определенного преступления (например, убийства, истребления, пытки, насилия, и т. д.), но может принять форму помощи или вклада в выполнение общего плана или реализации общей цели»¹⁵³.

¹⁴⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Крстича от 19 апреля 2004 года, пар. 239.

¹⁴⁸ Там же, пар.150.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, пар. 147-149.

¹⁵¹ Но могут быть, как во втором виде объединенного преступного предприятия.

¹⁵² Как в третьем виде объединенного преступного предприятия.

¹⁵³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 227.

Следует также отметить, что договоренность или взаимопонимание, которые составляют общий проект или цель, не должны обязательно быть конкретными: они могут быть не высказанными, и установлены Судом из фактических обстоятельств¹⁵⁴.

Комментируя данные элементы, проф. Вильям Шабас указывает: «Сама общая цель должна быть преступной по своей природе. Очевидно, что на человека не может быть возложено никакой уголовной ответственности за действия членов группы, с которой он связан, если сама цель невинна»¹⁵⁵.

В то же время, нет никакого обязательного требования, чтобы конечная цель была преступной. Достаточно, чтобы таковой являлась «первичная» цель, т.е. фактически те методы, которыми предполагается достичь конечной цели. Это хорошо видно из приведенных выше примеров. В деле Клейна и др. конечной целью было освобождение в больницах мест для немецких военных. Однако эта вполне легитимная с точки зрения гуманитарного права цель достигалась путем убийства военнопленных, которые нуждались в медицинской помощи. Именно этот метод был избран в качестве средства для достижения конечной цели и согласован всеми участниками объединенного преступного предприятия. Таким образом, убийство военнопленных являлось его «первичной» целью. В деле Мартича Суд прямо признал, что конечной политической целью, ради которой осуществлялось незаконное перемещение несербского населения, было создание «объединенной сербской области» как «этнически сербской территории»¹⁵⁶. Судебная камера пришла к выводу, что «цель объединения с другими этнически подобными областями не составляет общую цель в правовом значении объединенного преступного предприятия», т.е. не является преступной целью. Однако там, «где создание объединенной территории предполагается осуществить через совершение преступлений, предусмотренных Уставом, этого достаточно, чтобы составить цель уголовного преступления»¹⁵⁷. Суд признал, что «первичной целью» этого объединенного преступного предприятия было насильственное удаление с территории Республики Сербска несербского населения¹⁵⁸.

Субъективная сторона (*mens rea*) преступления, совершенного в рамках объединенного преступного предприятия, может, в зависимости от категории, колебаться от намерения (преднамеренности) до безрассудства. В первой категории элемент вины состоит в намерении совершить определенное преступление, которое разделяется всеми со-преступниками. Во второй категории требуется знание обвиняемым жестокого характера системы и намерение участвовать в деятельности этой системы. В третьей категории требуется намерение участвовать в преступной деятельности или преступной цели группы и внести свой вклад в объединенное преступное предприятие или, в любом случае, в совершение группой преступления. Ответственность за преступления, не согласованные в общем плане, возникает, если (1) было обозримо, что такое преступление могло быть совершено одним или несколькими членами группы, и (2) обвиняемый охотно принял на себя этот риск¹⁵⁹. Таким образом, в третьей форме объединенного преступного предприятия одно и то же лицо может иметь намерение на совершение одних преступлений (которые находились в пределах общей цели) и проявлять безрассудство в отношении других, которые не входили в общую цель, но являлись ее обозримыми последствиями.

13.7.6. Отличие объединенного преступного предприятия от пособничества и подстрекательства

Апелляционная камера МТБЮ в деле Тадича следующим образом разъяснила отличие между пособничеством и подстрекательством и объединенным преступным предприятием:

1. Пособник и подстрекатель — всегда соучастник преступления, совершенного другим человеком, руководителем.

2. В случае пособничества и подстрекательства не требуется никакого доказательства существования общего согласованного плана, не говоря уж о предварительном существовании такого плана; руководитель, возможно, даже не знает о вкладе сообщника.

3. Пособник и подстрекатель выполняет действия, определенно направленные на помощь, поощрение или моральную поддержку того или иного преступления, и эта поддержка оказывает существенный эффект на совершение преступления. В отличие от этого, в случае действия согласно общей цели или общего проекта, для участника достаточно выполнить действие, которые в некоторой степени направлены на содействие реализации общего плана или цели.

4. В случае пособничества и подстрекательства субъективный элемент составляет знание преступником того, что его действия помогают совершению исполнителем определенного преступления. В отличие от этого, в случае действия согласно общей цели или проекта в первую очередь требуется намерение совершить преступление или намерение следовать проекту уголовного преступления, плюс предвидение, что преступления, находящиеся вне общей цели, вероятно, будут совершены¹⁶⁰.

¹⁵⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 66.

¹⁵⁵ Schabas, 2006, p. 311.

¹⁵⁶ Там же, пар. 445.

¹⁵⁷ Там же, пар. 442.

¹⁵⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Мартича от 12 июня 2007 г., пар. 454.

¹⁵⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 228.

¹⁶⁰ Там же, пар. 229.

Таким образом, если пособничество и подстрекательство — явно вторичная форма участия в преступлениях, то все участники объединенного преступного предприятия одинаково расцениваются как соисполнители (сопреступники), так как они «полны решимости» достигнуть общей преступной цели¹⁶¹. Таким образом, вина участника объединенного преступного предприятия существенно серьезней, чем вина пособника и подстрекателя.

13.8. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДИРОВ И ИНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ В СЛУЧАЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИХ ПОДЧИНЕННЫМИ (SUPERIOR RESPONSIBILITY)

13.8.1. Определение

Командиры и другие начальники несут уголовную ответственность в случаях совершения преступлений их подчиненными, если они знали или должны были знать, что их подчиненные намереваются совершить или совершают такие преступления, и не приняли всех необходимых и разумных мер в пределах своих полномочий для предотвращения преступлений, или, если такие преступления были совершены, для наказания совершивших их лиц.

Таким образом, данный вид уголовной ответственности — это ответственность за упущение или бездействие в условиях, когда международное право налагает положительное обязательство действовать. Субъективная сторона может колебаться от намерения до безрассудства или даже преступной халатности и включает обязательный элемент знания.

Высокий уровень ответственности военных начальников за действия подчиненных обусловлен тем, что первые на основании власти, которой они наделены в большей степени, чем кто-либо еще, могут предотвратить нарушения международного гуманитарного права, создавая соответствующий настрой, обеспечивая рациональное использование боевых средств и поддерживая дисциплину¹⁶². Однако при определенных обстоятельствах гражданские начальники также несут ответственность за преступления, совершенные их подчиненными.

Данный вид индивидуальной уголовной ответственности обычно именуют «ответственностью старших», «ответственностью командиров» или «ответственностью вышестоящих должностных лиц». Практика государств устанавливает этот вид ответственности в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹⁶³.

Антонио Кассесе отмечает особую важность доктрины ответственности командиров и иных начальников: «Сегодня международные преступления все более и более имеют тенденцию планироваться, организовываться и совершаться по приказу вышестоящих властей либо при их потворстве, либо в условиях терпимости с их стороны. Другими словами, в мировом сообществе появляется ясная тенденция к совершению таких преступлений или военачальниками высокого уровня, или политическими лидерами, или мелкими чиновниками и военным персоналом, которые, однако, совершают преступления потому, что вышестоящие власти (будь то военные или гражданские) или их не предотвращают, или их терпят, или, во всяком случае, не в состоянии их подавить. Следовательно, проблема ответственности старших постепенно приобрела огромную важность в международном уголовном праве»¹⁶⁴.

Авторы данного исследования полагают, что доктрина ответственности старших имеет важнейшее значение в контексте проблемы международного правосудия для Чечни. Поэтому вопросы, связанные с этим видом уголовной ответственности, излагаются здесь с максимально возможной степенью детализации.

13.8.2. Развитие доктрины ответственности вышестоящего должностного лица и ее источники

Происхождение доктрины ответственности командиров за преступные деяния, совершенные их подчиненными, теряется в глубине веков.

Еще около 500 г. до н.э. китайский император Сун Цзу писал в трактате «Искусство войны» об обязанности командующих гарантировать соответствие поведения подчиненных определенному уровню «любезности» в вооруженном столкновении. В 1439 г. французский король Карл VII выпустил Орлеанское Постановление, которое налагало общую ответственность на командующих за все незаконные действия их подчиненных, не требуя никакого стандарта знания. Первое «международное» признание принципа ответственности командиров истории права усматривают в решении специального трибунала Священной Римской Империи 1474 г. по делу Петера фон Хагенбаха¹⁶⁵ (подробнее см. выше, раздел 10.3 (а)).

Далее эта норма была развита в связи с американской гражданской войной в Кодексе Либера (1863 г.), в котором уголовная ответственность предусматривалась для командующих, приказывающих причинить или *одобрять* причинение ранений и смерти вышедшим из строя противникам. Первая попытка кодифицировать принцип ответственности командиров на международном уровне была предпринята в Четвертой Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной

¹⁶¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Васильевича от 25 февраля 2004 г., пар. 102.

¹⁶² Комментарий МККК к ст. 87 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, пар. 3560.

¹⁶³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 715.

¹⁶⁴ Cassese, 2003, p. 205.

¹⁶⁵ Levine, 2005, p. 2; Walter Gary Sharp, Sr. International obligations to search for and arrest war criminals: government failure in the former Yugoslavia? p. 4. || <http://www.law.duke.edu/shell/cite.pl?7+Duke+J.+Comp.+&+Int'l+L.+411>.

войны 1907 г. Статья 1 Приложения к данной Конвенции (Положения о законах и обычаях сухопутной войны) установила, что вооруженными силами должен командовать человек, ответственный за своих подчиненных, но не детализировала специфическую ответственность командующих.

Упомянутые источники подготовили основу для развития современной доктрины ответственности старших.

Однако общепринятой доктрина ответственности командиров стала только после Первой мировой войны. В 1919 году на Предварительной Мирной конференции Комиссия по вопросам ответственности авторов войн представила доклад, в котором среди прочих рекомендаций предлагалось создание трибунала в отношении тех, «кто приказывал или, осознавая это и имея возможность вмешаться, воздерживался от предотвращения или принятия мер к предотвращению, прекращению или наказанию за нарушения законов или обычаев войны»¹⁶⁶.

Как пишет Евгения Левин, эта рекомендация составила «революционный прогресс в международной юриспруденции», так как предусматривала ответственность командиров за упущения, так же как и за прямые приказы, и явно признавала, что командующий может быть уголовно ответственным за такое упущение, если он имеет некоторое определенное знание о незаконных действиях своих подчиненных»¹⁶⁷. Однако данный трибунал так и не был создан, а немецкий Имперский Суд в Лейпциге не обращался к случаям бездействия командиров в ситуациях совершения преступлений их подчиненными. Дальнейшее развитие доктрины и ее практическое применение связано с процессами над военными преступниками, проходившими после Второй мировой войны.

Хотя ответственность командира за преступления подчиненных не была явным образом предусмотрена ни Нюрнбергским и Токийским уставами, ни Законом Контрольного Совета № 10, множество государств в этот период ввело законодательство, признающее принцип ответственности старших. Например, статья 4 французского Ордонанса от 28 августа 1944 «О наказании военных преступлений» гласит: «Где подчиненный преследуется по суду как фактический виновник военного преступления, и его старшие не могут быть обвинены как являющиеся одинаково ответственным, их будут рассматривать как сообщников, поскольку они организовали или допустили преступные действия их подчиненных». Точно так же статья IX Закона Китая от 24 октября 1946 «О Суде над военными преступниками» устанавливает: «Лица, которые, занимая надзорное или командное положение относительно военных преступников, <...> не выполнившие свою обязанность препятствовать совершению преступлений их подчиненными, будут рассматриваться как сообщники таких военных преступников». Сходным образом формулируется доктрина ответственности начальников и в ст. 3 Закона Герцогства Люксембург «О наказании военных преступлений» от 2 августа 1947 г.¹⁶⁸.

Концепция о том, что военные командиры несут уголовную ответственность за действия своих подчиненных, нашла свое подтверждение во множестве судебных решений, вынесенных после Второй мировой войны в отношении немецких и японских военных преступников. Первым из череды этих дел является процесс командующего 14-й японской армией на Филиппинах генерала Томойуки Ямашита, который рассматривался Военным судом Соединенных Штатов в Маниле. В приговоре Суд утвердительно ответил на вопрос о том, накладывают ли законы войны на армейского командира обязанность предпринимать такие надлежащие меры в рамках своих полномочий, которые позволяли бы ему контролировать подчиненных и препятствовать совершению ими деяний, нарушающих законы войны. Суд постановил, что генерал Ямашита несет уголовную ответственность в связи с тем, что он не принял таких мер¹⁶⁹. Затем Военный трибунал Соединенных Штатов в Нюрнберге, рассматривая дело «Соединенные Штаты против Карла Брандта и других», объявил, что «закон войны налагает на военного офицера, находящегося на командной должности, обязательства, <...> принимать меры в пределах своей власти и при соответствующих обстоятельствах управлять теми, кто находится в его подчинении, для предотвращения действий, которые являются нарушениями закона войны»¹⁷⁰. Аналогично, в деле «Соединенные Штаты против Вильгельма Листа и др.» («Дело заложников») суд постановил, что «командующий корпусом должен нести ответственность за действия подчиненных ему командиров при выполнении ими его приказов и за действия, о которых командующий корпусом знал или должен был знать»¹⁷¹. Далее, в деле «Соединенные Штаты против Вильгельма фон Леба и др.» («Дело Верховного командования») Трибунал заявил, что в соответствии с основными принципами командных полномочий и ответственности офицер, который безучастно наблюдает за совершением его подчиненными преступного приказа его начальников, о преступном характере которого ему известно, нарушает моральные обязательства по международному праву. В данном случае он не может считать себя освобожденным от международной ответственности»¹⁷².

¹⁶⁶ Levine, 2005, p. 2; Committee on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties, Report Presented to the Preliminary Peace Conference, Mar., 19, 1919, reprinted in (1920) 14 // American Journal of International Law, 95.

¹⁶⁷ Levine, 2005, p. 2.

¹⁶⁸ Ilias Bantekas. The Contemporary Law of Superior Responsibility. // American Journal of International Law v.93, no. 3, July 1999. Примечание 34. || <http://www.torturers.net/analysis/bantekas.html>.

¹⁶⁹ Law Reports of Trials of War Criminals, (London, H. M. Stationary Office, 1947-1949) vol. IV, p. 43; United States Reports (Washington, D. C.), vol. 327 (1947), pp. 14-15.

¹⁷⁰ United States v. Karl Brandt et al., Vol. II, Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, (U. S. Govt. Printing Office: Washington 1950) 186, (hereafter «TWC») p. 212.

¹⁷¹ Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949) (Washington, D. C., U. S. Government Printing Office, 1949-1953), case No. 7, vol. XI, p. 1303.

¹⁷² Law Reports of Trials of War Criminals, (London, H. M. Stationary Office, 1947-1949) vol. IV, p. 43; United States Reports (Washington, D. C.), vol. XII, p. 75. United States v Wilhelm von Leeb et al., Vol. XI, TWC, 462, 512.

Наконец в деле «Соединенные Штаты против Соемы Тойоды», которое рассматривалось военным трибуналом в Токио, Суд, тщательно исследовав прецеденты других трибуналов, выделили следующие элементы ответственности командиров:

1. Злодеяния были фактически совершены.
2. Имело место уведомление командующего об их совершении. Это уведомление может быть: (а) фактическим, как в случае обвиняемого, который видел совершение преступлений или ему сообщили об этом вскоре после их совершения; или (b) конструктивным. Это подразумевает, что совершено такое большое число преступлений в пределах зоны его контроля, что разумный человек не мог бы прийти ни к какому другому заключению, чем к тому, что обвиняемый, должно быть, знал о преступлениях <...>.
3. Власть командующего. Должно быть доказано, что обвиняемый имел фактическую власть над преступниками, чтобы отдавать им приказы не совершать противоправных действий, и наказывать виновных.
4. Непринятие мер, находящихся в пределах его компетенции, чтобы управлять войсками и предотвращать действия, которые являются нарушением законов войны.
5. Отказ от действий по наказанию лиц, совершивших нарушения¹⁷³.

Таким образом, в период, последовавший после Второй мировой войны, доктрина ответственности старших прочно утвердилась в прецедентном праве держав-победительниц¹⁷⁴. Следующим этапом стала ее международная кодификация: в 1977 году она была закреплена в системе правил статей 86–87 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям¹⁷⁵. Эти статьи обязывают стороны принимать меры для пресечения *всех* нарушений Конвенций (т.е. и нарушений, перечисленных в общей ст. 3, посвященной конфликтам немеждународного характера). Статья 86 (2) гласит: «Тот факт, что нарушение Конвенций или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальников от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практически возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения».

Дальнейший этап развития и применения доктрины ответственности старших связан с учреждением и деятельностью Специальных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде. Идентичные статьи 7 (3) и 6 (3) Уставов обоих Судов содержат следующую формулировку: «Тот факт, что любое из деяний, упомянутых в статьях 2-5 (2-4) настоящего Устава, было совершено подчиненным, не освобождает его начальника от уголовной ответственности, если он знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или совершил такое деяние, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких деяний или наказанию совершивших их лиц». Та же формулировка содержится и в ст. 6 (3) Устава Специального суда для Сьерра-Леоне и в Секции 16 Постановления Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15. Чуть более подробно сформулирован принцип ответственности старших в ст. 29 Закона об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии: «Тот факт, что любое из деяний, упомянутых в статьях <...> этого закона, было совершено подчиненным, не освобождает начальника непосредственного исполнителя преступления от ответственности, если начальник осуществлял эффективное командование и контроль или власть и контроль над подчиненными, и начальник знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или совершил такие деяния, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких деяний или наказанию преступника». Прецедентное право специальных трибуналов содержит детальный перечень элементов и скрупулезный анализ этой формы ответственности, о чем будет подробно сказано ниже.

Наконец, статья 28 (1) Римского Статута Международного Уголовного суда «Ответственность командиров и других начальников» формулирует эту норму следующим образом:

¹⁷³ United States v. Soemu Toyoda, Official Transcript of Record of Trial, p. 5006.

¹⁷⁴ Вышеприведенный фрагмент о развитии доктрины в период после Второй мировой войны в основном опирается на обзор, сделанный Судебной камерой МТБЮ в решении по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 335–339.

¹⁷⁵ Статья 86. Непринятие мер. 1. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, должны пресекать серьезные нарушения и принимать необходимые меры для пресечения всех других нарушений Конвенций или настоящего Протокола, являющихся результатом непринятия мер, которые должны были быть приняты. 2. Тот факт, что нарушение Конвенций или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальников от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практически возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения. Статья 87. Обязанности командиров. 1. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, должны требовать от военных командиров, поскольку это касается лиц, входящих в состав подчиненных им вооруженных сил, и других лиц, находящихся в их подчинении, чтобы они не допускали нарушений Конвенций и настоящего Протокола и, в случае необходимости, пресекали эти нарушения и уведомляли о них компетентные власти. 2. В целях предупреждения и пресечения нарушений Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, должны требовать, чтобы командиры, в пределах возложенной на них ответственности, принимали меры к тому, чтобы лица, входящие в состав подчиненных им вооруженных сил, были осведомлены об обязанностях, налагаемых на них Конвенциями и настоящим Протоколом.

«а) Военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда:

i) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо в сложившихся на тот момент обстоятельствах должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и ii) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения, либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования».

Данная норма была подтверждена в ряде состоявшихся судебных решений Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, том числе в делах Делалича и др., Алексовского, Блашкича, Кунараца, Кордича и Черкеза, Крстича, Квочки, Стругара и др., Мартича, Хаджихасановича и др, а также в ряде утвержденных Судами обвинительных заключений, в т. ч. по делам Караджича и Младича. В делах Стругара и Хаджихасановича и др. обвиняемые были привлечены к уголовной ответственности *исключительно* на основании доктрины ответственности старших. Ответственность командиров за преступления, совершенные их подчиненными, в настоящее время предусматривается в военных уставах и наставлениях, военных инструкциях и законодательстве ряда государств, в том числе тех, которые не являются или не являлись на соответствующий момент участниками Дополнительного протокола I. Среди них Великобритания, США, Италия, Азербайджан, Бангладеш, Испания, Люксембург, Нидерланды, Филиппины, Франция и Швеция. Эта норма упоминалась в резолюциях о конфликте в бывшей Югославии, принятых Генеральной Ассамблеей ООН и Комиссией ООН по правам человека¹⁷⁶.

13.8.3 Доктрина ответственности старших применительно к внутренним вооруженным конфликтам

Как уже говорилось, доктрина ответственности командиров и иных начальников применима как к преступлениям, совершенным в контексте международного вооруженного конфликта, так и к преступлениям, совершенным в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера. Практика государств устанавливает эту норму в качестве нормы обычного международного права. Кроме того, обязательность ее применения во время внутреннего конфликта вытекает из ст. 86 (1) и 87 (1) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, участником которого является Российская Федерация.

Уставы трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Специального суда для Сьерра-Леоне, Постановление Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15, а также Римский Статут Международного уголовного суда в прямой форме предусматривают этот вид ответственности в связи с немеждународными вооруженными конфликтами. Тот факт, что эта норма будет применяться к преступлениям, совершенным во время немеждународных конфликтов, не вызвал никаких разногласий во время обсуждения Статута Международного уголовного суда¹⁷⁷.

Для ситуации внутреннего вооруженного конфликта данная норма подтверждена судебными решениями Международного трибунала по Руанде по делу Акайесу и делу Кайяшема и Рузиндана, а также судебными решениями Международного трибунала по бывшей Югославии по делу Хаджихасановича и других.

В своем решении от 16 июля 2003 г. по промежуточной апелляции Хаджихасановича и др. Апелляционная камера Международного трибунала по бывшей Югославии в составе судей Теодора Мерона, Фаусто Покара, Мохаммеда Шахабадина, Дэвида Ханта и Мехмета Гюнея, единогласно отвергла аргументы защиты о том, что общепринятое международное право якобы не распространяет доктрину ответственности командиров на ситуацию немеждународного вооруженного конфликта¹⁷⁸.

Исследование МККК упоминает ряд прецедентов внутригосударственного права, когда норма ответственности старших применялась к ситуациям, не являвшимся международными вооруженными конфликтами: «Федеральный суд США во Флориде применил ее в 2000 г. в деле «Форд против Гарсия», которое касалось гражданского иска в связи с совершенными в Сальвадоре внесудебными убийствами и пытками. Временный трибунал по правам человека в Восточном Тиморе применил эту норму в 2002 г. в деле Абилио Соареса, в котором Трибунал пришел к выводу, что конфликт в Восточном Тиморе является внутренним конфликтом в значении статьи 3 Женевских конвенций. В деле Боланда в 1995 г. канадский Военный апелляционный суд признал начальника виновным в том, что он не предотвратил смерть заключенного, хотя и имел основание опасаться, что его подчиненный угрожает жизни этого заключенного. В деле Военной хунты Аргентинский апелляционный суд построил свое решение на том факте, что командиры не наказали лиц, виновных в пытках и внесудебных убийствах. Другая подобная практика включает в себя отчет Комиссии ООН по установле-

¹⁷⁶ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 716.

¹⁷⁷ Там же, с. 716-717.

¹⁷⁸ МТБЮ. Дело Хаджихасановича и др. Решение от 16 июля 2003 г. по встречной апелляции, оспаривающей юрисдикцию относительно ответственности командиров.

нию истины в Сальвадоре в 1993 г., в котором указывалось, что судебные инстанции не приняли мер к тому, чтобы определить уголовную ответственность начальников лиц, виновных в произвольных убийствах»¹⁷⁹.

Таким образом, современное обычное международное право уверенно распространяет доктрину ответственности старших на ситуации вооруженных конфликтов немеждународного характера.

13.8.4. Элементы ответственности командиров и иных начальников в прецедентном праве специальных международных трибуналов ООН

13.8.4.1. Определение

Прецедентное право специальных трибуналов выделяет три основных элемента ответственности начальника за преступные деяния подчиненных. Вне разумного сомнения должно быть доказано:

1. существование отношений «начальник — подчиненный» между обвиняемым и человеком, непосредственно совершившим преступление;
2. субъективный элемент: начальник знал (фактическое знание) или должен был знать (конструктивное знание), что подчиненный совершил или намеревался совершить преступление;
3. бездействие или упущение вышестоящего лица в ситуации, когда он мог предотвратить преступление или наказать виновных¹⁸⁰.

13.8.4.2. Существование отношений «начальник — подчиненный»

Существование отношений «начальник — подчиненный» — обязательный элемент доктрины ответственности старших. Начальник несет ответственность только за действия подчиненных ему лиц. «Право не знает универсального начальника без соответствующего подчиненного. Доктрина ответственности командиров ясно сформулирована и поставлена на якорь отношений между начальником и подчиненным. <...> Поэтому наличие зависимой единицы начальника или командира — обязательное условие для ответственности старших»¹⁸¹.

В то же время отношения «начальник — подчиненный» могут быть как официальными иерархическими отношениями, так и проистекать из неофициальных и косвенных взаимоотношений. Сами иерархические отношения могут существовать как де-юре, так и де-факто, и быть как прямыми, так и косвенными. Отношения между командиром и его подчиненными не обязательно должны быть формализованы: «достаточно, чтобы между ними существовало молчаливое или подразумеваемое понимание в отношении их положения друг к другу»¹⁸².

Согласно прецедентному праву МТБЮ для установления отношений «начальник — подчиненный» необходимо доказать, что обвиняемый обладал эффективным контролем над действиями лиц, совершивших преступление. Под «эффективным контролем» понимается «физическая возможность предотвратить совершение преступления или наказать за него»¹⁸³.

Для военного командира факт обладания лицом «значительного влияния» на подчиненных еще не является достаточным основанием для привлечения его к уголовной ответственности. Командир отвечает за действия своих подчиненных только в случае, если он обладал эффективным контролем над ними и ситуацией, и не воспользовался этим фактором контроля для подавления преступлений.

В решении по делу Хаджихасановича, ссылаясь на решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи»), судебная камера МТБЮ напоминает различие между уровнем ответственности на занятой и не занятой территории. «В то время как власть командира на оккупированной территории является территориальной, власть на незанятой территории ограничена солдатами, находящимися под его командованием. Из этого следует, что обязанности командира на оккупированной территории более широки, чем обязанности командира вообще. В то время как командир на оккупированной территории может быть подвергнут ответственности на основании его существенного влияния, должно учитываться, что то же самое не относится к командиру на незанятой территории»¹⁸⁴. Однако в деле Челебичи Апелляционная камера в действительности заявила о том, что по данному вопросу в прецедентном праве, возникшем после Второй мировой войны (на которое полагается судебная камера), она не обнаружила единообразной практики¹⁸⁵. Проанализировав это прецедентное право, а также прецедентное право МТР и другие источники, судьи пришли к выводу, что ответственность командира, обладающего «существенным влиянием», в условиях, когда он теряет эффективный контроль над подчиненными (т. е. физическую возможность предотвращать преступления его подчиненных или наказывать за их совершение), «испытывает недостаток существенной поддержки в практике государств и судебных решениях. Ничто не указывает, что есть достаточное доказательство в государственной

¹⁷⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 717.

¹⁸⁰ МТБЮ Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар.401; Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 294; Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 346; Решение Судебной камеры по делу Стакича от 31 июля 2003 г. Решение Судебной камеры по делу Благоевича от 17 января 2005 г., пар. 790. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 38.

¹⁸¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 254.

¹⁸² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 397.

¹⁸³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 378. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 252, 266, 302-303.

¹⁸⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича от 15 марта 2006 г., пар. 81, со ссылкой на пар. 258 и 267 решения Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г.

¹⁸⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 260.

практике и судебных решениях, чтобы поддержать теорию, что существенное влияние как основание для ответственности командиров является нормой обычного права, особенно нормой, в соответствии с которой может быть возложена индивидуальная уголовная ответственность»¹⁸⁶. Из этого следует, что хотя степень ответственности командира на занятой территории, вероятно, выше, чем на незанятой, конечным критерием для определения вины все равно является наличие у него эффективного контроля над возможными нарушителями.

Статус власти де-факто эквивалентен статусу власти де-юре для привлечения к ответственности начальника за действия его подчиненных¹⁸⁷. Апелляционная камера МТБЮ в деле «Челебичи» определила, что владение властью де-юре само по себе не достаточно для установления ответственности старших, если такая власть не выражается в эффективном контроле. Однако суд может исходить из того, что владение властью де-юре прежде всего подразумевает эффективный контроль, если доказательств обратного не приведено¹⁸⁸. Командир может быть наделен полномочиями де-юре, не обладая при этом возможностью эффективно контролировать ситуацию. Такое лицо не подлежит уголовной ответственности. В то же время командир, не имеющий формального назначения, вышестоящего ранга или полномочий, но обладающий властью де-факто, в реальности может обладать возможностью эффективно контролировать действия подчиненных и ситуацию. В соответствии с доктриной ответственности начальника индивидуальная уголовная ответственность налагается именно на таких лиц¹⁸⁹.

При рассмотрении дела «Челебичи» судьи Апелляционной камеры также подтвердили, что «власть или полномочия предотвратить или наказать не проистекают только из полномочий де-юре <...>. Во многих современных конфликтах могут существовать только полномочия де-факто <...>. В то время как формальное назначение является важным аспектом реализации власти командира или начальника, действительное обладание властью в случае отсутствия формального назначения является достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности. Соответственно критическим фактором в наложении ответственности на командиров является реальная возможность или невозможность контролировать действия подчиненных»¹⁹⁰.

Согласно прецедентному праву МТБЮ индикаторы «эффективного контроля» в большей степени вопрос не права, а факта. Эти индикаторы должны показывать, что обвиняемый действительно обладал властью предотвращать или наказывать преступления или, где возможно, предпринимать меры, ведущие к суду над предполагаемыми преступниками¹⁹¹. При этом «статус начальника, в случае если он не четко сформулирован в приказе о назначении, может быть установлен путем анализа фактических обязанностей, которые исполнялись возможным обвиняемым»¹⁹².

Прецедентное право МТБЮ идентифицировало несколько элементов, которые помогают установить, осуществлял ли начальник эффективный контроль над подчиненными, включая:

- официальное положение обвиняемого, даже если «фактическая власть» не определяется только его формальным положением¹⁹³;
- власть отдавать приказы и наказывать за их неисполнение¹⁹⁴;
- силы, вовлекаемые [командиром] в проведение боевых операций¹⁹⁵;
- полномочия налагать дисциплинарные меры взыскания¹⁹⁶;
- власть управлять выдвижением личного состава¹⁹⁷;
- участие обвиняемого в переговорах относительно действий войск¹⁹⁸ и др.

Простого участия в одной боевой операции нескольких подразделений недостаточно, чтобы прийти к выводу, что командиры каждого из подразделений осуществляют эффективный контроль над всеми участниками сражения. Хотя такое сотрудничество и может быть индикатором эффективного контроля, необходимо определять в каждом отдельном случае, какую власть имел обвиняемый над этими частями¹⁹⁹.

Прецедентное право МТР также устанавливает, что принцип ответственности командира касается только тех начальников, которые имеют эффективный контроль над своими подчиненными²⁰⁰. По мнению Судей

¹⁸⁶ Там же, пар. 266.

¹⁸⁷ Там же, пар. 185, 266.

¹⁸⁸ Там же, пар. 197.

¹⁸⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 196-198, 256, 266, 378. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 76. Решение Судебной камеры по делу Благоевича от 17 января 2005 г., пар. 791.

¹⁹⁰ Решение Апелляционной камеры по делу Мучича и др. от 8 апреля 2003 г., пар. 192-194.

¹⁹¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 69. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 82.

¹⁹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 419-424.

¹⁹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 418.

¹⁹⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 421. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г., пар. 394-396, 406, 408.

¹⁹⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г., пар. 394.

¹⁹⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 767. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г., пар. 406, 408.

¹⁹⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 767. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г., пар. 404, 411, 413.

¹⁹⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г., пар. 398.

¹⁹⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 84.

²⁰⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 229-231, со ссылкой на пар. 378 решения Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г.

Трибунала, именно эта физическая возможность контролировать действия подчиненных является критерием принципа индивидуальной ответственности. МТР сослался на мнение Судей МТБЮ в деле Делалича и др., согласно которому «начальник имеет эффективный контроль над лицам, совершившими преступления, то есть физическую возможность предупредить и наказать совершение преступлений»²⁰¹. При этом способность предупредить и наказать преступление непосредственно определяется фактической ситуацией. Судьи МТР также отметили, что «контроль начальника над определенной географической территорией не является определяющим элементом. Таковым является вопрос, обладал он или она эффективным контролем над лицами, совершившими преступление»²⁰².

В случае если обвинение не может идентифицировать непосредственных исполнителей преступлений по именам, достаточно определить группу (подразделение), к которой принадлежали преступники, и показать, что обвиняемый осуществлял над этой группой эффективный контроль²⁰³.

Несколько начальников могут нести ответственность за одно и то же преступление, совершенное тем же самым человеком, если установлено, что исполнитель преступления был в момент его совершения под командованием нескольких начальников²⁰⁴.

Как указала Комиссия международного права ООН, принцип ответственности вышестоящих должностных лиц «применяется не только к непосредственному начальнику подчиненного, но и к другим вышестоящим должностным лицам в системе военного командования или в государственной иерархии при наличии соответствующих критериев»²⁰⁵.

13.8.4.3. Начальник знал или должен был знать

При установлении уголовной ответственности начальника в связи с преступлениями, совершенными его подчиненными, необходимо установить наличие умственного элемента (субъективной стороны, *mens rea*), т. е. «знания». Должно быть доказано, что начальник знал или должен был знать (имел основание знать), что подчиненный намеревается совершить преступление или уже совершил его. Первый стандарт знания обычно называют «фактическим», второй — «конструктивным».

Комиссия международного права ООН специально подчеркнула, что первым критерием для определения того, должно ли вышестоящее должностное лицо нести уголовную ответственность за противоправное поведение подчиненного, является знание.

Этот критерий свидетельствует о том, что вышестоящее должностное лицо может иметь *mens rea* для возникновения уголовной ответственности в двух различных ситуациях. В первой ситуации вышестоящее должностное лицо реально знает о том, что его подчиненный совершает или намерен совершить преступление. В этой ситуации он может рассматриваться в качестве соучастника преступления в соответствии с общими принципами уголовного права, касающимися соучастия в преступлении. Во второй ситуации он имеет в своем распоряжении достаточно информации, которая в обстановке, существовавшей в то время, дает ему основание прийти к заключению, что его подчиненные совершают или намереваются совершить преступление. В этой ситуации вышестоящее должностное лицо не обладает фактической информацией о незаконном деянии, планируемом или осуществляемом его подчиненными, но при этом он имеет достаточно соответствующих данных общего характера, позволяющих ему прийти к такому заключению. Вышестоящее лицо, которое попросту игнорирует информацию, однозначно свидетельствующую о возможности совершения преступного действия его подчиненными, допускает серьезную небрежность, не принимая мер для выполнения своей обязанности по предотвращению или пресечению такого деяния, поскольку данное лицо не принимает реальных усилий для получения необходимой информации, позволяющей ему принять соответствующие меры. Как указывается в комментарии [МККК] к статье 86 дополнительного протокола I, «это не означает, что каждый случай небрежности может носить преступный характер... небрежность должна быть настолько серьезной, чтобы она могла быть приравнена к злому умыслу»²⁰⁶.

Знание не может быть презюмировано. Оно может быть установлено при помощи как прямых, так и косвенных доказательств²⁰⁷, на основании которых можно сделать вывод, что начальник знал или должен был знать о преступных действиях своих подчиненных.

²⁰¹ Там же.

²⁰² МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 45.

²⁰³ МТБЮ. Дело Крноелаца. Предварительное решение Судебной камеры по форме обвинительного акта от 24 февраля 1999 г., пар. 46. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 217. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 90.

²⁰⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 93, Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 303.

²⁰⁵ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 6, комментарий, п. 4.

²⁰⁶ Там же, ст. 6, комментарий, п. 5.

²⁰⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 307. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 427.

а) Фактическое знание

Под термином «знал» понимается осознание, что соответствующие преступления были совершены или должны были быть совершены²⁰⁸.

Должностное положение ответственного лица является «существенным знаком того, что оно знало о преступлениях, совершаемых его подчиненными»²⁰⁹, однако одного этого факта еще недостаточно для доказывания такого знания²¹⁰. Вес, который может быть придан этому знаку, среди прочего, зависит от географических и временных обстоятельств. Большое количество дополнительных доказательств требуется в связи с удаленностью начальника от места совершения преступления. С другой стороны, если преступления были совершены вблизи от места расположения командира, сам этот факт является важным свидетельством того, что начальник знал о совершенных преступлениях. Особенно это относится к ситуациям, когда преступное поведение повторялось неоднократно²¹¹.

При рассмотрении ряда дел судьи столкнулись с отсутствием прямых доказательств того, что обвиняемый знал о преступлении. Для установления «действительного знания» обвиняемого Суд пользовался набором критериев, изложенных в Заключительном отчете специальной комиссии экспертов, созданной в 1992 г. в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН № 780²¹². Эти критерии включают в себя:

1. количество, тип и рамки незаконных действий;
2. период, в течение которого совершались незаконные действия;
3. частоту незаконных действий;
4. скорость операций;
5. способ осуществления (*modus operandi*) однотипных незаконных действий;
6. участвующих офицеров и штабы;
7. местонахождение начальника в момент совершения незаконных действий²¹³.

То, что начальник, скорее всего, входил в состав организованной структуры с разработанной системой коммуникации и наблюдения, является обстоятельством, облегчающим установление факта обладания действительным (фактическим) знанием²¹⁴. В случае, если начальник имел средства, необходимые для получения соответствующей информации о преступлении, и воздержался от этих действий, наличие знания может быть презюмировано. Свидетельства, необходимые для доказательства знания, могут варьироваться в зависимости от ранга начальника, как военного, так и гражданского, как де-юре, так и де-факто, в цепи командования. Знание военного начальника может быть доказано с большей легкостью, если он входил в организованную структуру, обладающую системой отчета и мониторинга. В случае, если речь идет о командирах менее формальных подразделений, обладающих властью де-факто, или о невоенных начальниках, уровень представленных доказательств должен быть значительно выше²¹⁵.

б) «Конструктивное» знание

Субъективный элемент преступления, связанного с бездействием начальника в условиях, когда он не знал, «но должен был знать» о злодеяниях подчиненных, обычно именуется «конструктивным» или «оценочным» знанием. Как ясно показала Евгения Левин в своей статье «Ответственность командиров. Требования *mens rea*»²¹⁶, в современном международном праве существуют два стандарта доказывания субъективной стороны данного вида участия в преступлении, и пока трудно сделать окончательный вывод, какой из них следует считать общепринятым. Первый стандарт, накладывающий на командира более строгие обязательства, в конечном итоге сводится к тому, что на военном начальнике лежит императивная обязанность знать обо всех незаконных действиях подчиненных. В случае, если такие действия совершены, незнание расценивается как грубая небрежность (преступная халатность), и не может освободить его от ответственности. Второй стандарт, менее строгий, говорит о том, что командиру должна быть доступна хотя бы некоторая информация о возможности совершения преступлений, способная дать толчок к дальнейшему расследованию.

Прежде чем приступить к обзору судебной практики (который в данном разделе будет в основном следовать за логикой упомянутой выше статьи Евгении Левин), следует сказать несколько слов о терминах. Употребляемое в Уставах специальных трибуналов по Югославии и Руанде словосочетание «*had reason to know*», которое традиционно переводится на русский язык как «должен был знать», в дословном переводе звучит, как «имел основание знать» или «имел причину знать», и, таким образом, в оригинале лишено категоричности русского перевода. В то же время существует и выражение «*should have known*» — «должен был знать» в строгом значении этого понятия. Это выражение используется в том числе в ст. 28 (а) Римского Статута.

²⁰⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 427.

²⁰⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 80.

²¹⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 57.

²¹¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 80. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 72.

²¹² Final Report of the Commission of Experts established pursuant to Security Council Resolution 780 (1992), (UN Document S/1994/674), para. 58.

²¹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др., пар. 386; Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 70-71; Решение Судебной камеры по делу Благоевича от 17 января 2005 г., пар. 792.

²¹⁴ Решение Судебной камеры по делу Благоевича от 17 января 2005 г., пар. 792.

²¹⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 428.

²¹⁶ Levine, 2005.

Проблема двух подходов в определении объективной стороны (психического элемента) «конструктивного знания» уходит своими корнями в процессы над военными преступниками, прошедшие после Второй мировой войны. В деле генерала Ямашита, подчиненные которого совершили злодеяния против сотен мирных жителей на Филиппинах (жестокое обращение, убийства гражданских лиц и военнопленных, массовый грабеж, уничтожение религиозных памятников), Военный Суд США определил, что там, «где мстительные действия — широко распространенные преступления, и нет никакой эффективной попытки со стороны командующего обнаруживать и пресекать преступные действия, такой командующий должен считаться ответственным, даже уголовно ответственным». Неясность формулировки суда относительно умственного элемента (*mens rea*) дала повод исследователям давать диаметрально противоположные трактовки. Одни утверждали, что Суд применил здесь строгий стандарт «должен был знать», имея в виду ссылку Суда на отказ командующего обнаружить преступные деяния. Другие предположили, что Суд имел в виду, что Ямашита либо знал о злодеяниях его подчиненных, либо «должен был знать в сложившейся ситуации», применив, таким образом, менее строгий стандарт.

Последующие процессы (дело Верховного командования, дело Заложников, дело Тойоды) предложили противоречивые трактовки необходимого стандарта «конструктивного знания». Во всех этих делах судьи обсуждали необходимый стандарт *mens rea*, и были единодушны во мнении, что меньший уровень знания, чем фактический, может считаться достаточным. Однако данный корпус судебных решений создал определенную двусмысленность относительно точного стандарта конструктивного знания, которое налагает индивидуальную уголовную ответственность²¹⁷.

Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям, казалось бы, достаточно ясно изложил доктрину «конструктивного знания». Ст. 86 (2) гласит, что начальники не освобождаются от ответственности, «если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение». Буквальная интерпретация этого условия, по всей видимости, налагает уголовную ответственность на командира только в случае, когда он узнал о незаконном поведении подчиненных или хотя бы о существенной вероятности такого поведения из уже доступной для него информации. Однако последующее рассмотрение дел Международным Трибуналом по бывшей Югославии снова вызвало дебаты относительно того, может ли статья 86 (2) интерпретироваться в смысле более строгого стандарта умственного элемента «должен был знать» (*should have known*).

Формулировка ст. 7 (3) Устава «*had reason to know*» (досл. «имел основание знать») получила едва ли не диаметрально противоположные интерпретации Судебными камерами МТБЮ в деле Делалича и др. («Челебичи»), и в деле Блашкича.

Оценивая стандарт «имел основание знать» в решении по делу Делалича, вынесенном 16 ноября 1998 г., Судебная камера отметила, что она принимает за отправной пункт своего рассуждения принцип, согласно которому начальнику не разрешается оставаться умышленно слепым к действиям его подчиненных. «Без сомнения, — указали судьи, — что там, где начальник просто игнорирует информацию, находящуюся в пределах его фактического владения, заставляющую сделать заключение, что уголовные преступления совершаются или готовятся его подчиненными, он допускает самое серьезное нарушение своих обязанностей, за которое он может считаться уголовно ответственным согласно доктрине ответственности старших. Однако неуверенность возникает относительно ситуаций, где начальник испытывает недостаток в такой информации из-за его отказа должным образом контролировать своих подчиненных»²¹⁸.

Рассматривая этот вопрос, судебная камера нашла, что юриспруденция после Второй мировой войны подтвердила существование обязанности командующих быть информированными о действиях подчиненных. «Из исследования этих судебных решений вытекает принцип, что отсутствие знания нельзя было бы счесть защитой, если, выражаясь словами Токийского трибунала, «начальник проявил оплошность в том, что был не в состоянии получить такое знание». Таким образом, речь может идти о строгом стандарте «должен был знать» (*should have known*).

Однако судьи сочли, что общепринятое международное право изменилось в 1977 г. с принятием Дополнительного протокола I, и указали, что участники Дипломатической конференции не приняли предложенной МККК редакции статьи 86, в которой предусматривался более строгий стандарт «должен был знать» (*should have known*). Интерпретация терминов действующей редакции этой статьи, по мнению судей, заставляет прийти к заключению, что «начальник может считаться уголовно ответственным только тогда, когда небольшое количество определенной информации, уведомляющей его о преступлениях, совершенных его подчиненными, было для него фактически доступно. Это информация не должна быть столь достаточной, чтобы только на ее основании можно было бы сделать заключение о существовании таких преступлений. Достаточно, когда начальник поставлен перед надобностью дальнейшего запроса информации, или, другими словами, чтобы была указана потребность в дополнительном расследовании, дабы установить, совершались ли или готовились ли его подчиненными преступления. Этот стандарт, который, как нужно полагать, отражает состояние обычного права

²¹⁷ Там же, р. 3-4.

²¹⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 387.

в то время, когда преступления, предполагаемые в Обвинительном акте, были совершены, и определяет стандарт *вины*, установленный в Статье 7 (3)». Судебная камера, однако, оговорила, что не делает никаких выводов относительно современного состояния общепринятого права, которое, возможно, изменилось после принятия Римского статута, предусматривающего более строгий стандарт «должен был знать» (*should have known*)²¹⁹.

В решении по делу Блашкича, вынесенном 3 марта 2000 г., другая судебная камера пришла к прямо противоположному выводу. Судьи согласились с мнением, содержащимся в решении по делу Делалича и др., что прецедентное право, сформировавшееся после Второй мировой войны, установило общепринятое правило, накладывающее на старших превентивную обязанность быть информированными о действиях подчиненных²²⁰. Однако вывод о том, что с принятием Дополнительного протокола I общепринятое право изменилось, они назвали ошибкой²²¹. Судебная палата в деле Блашкича интерпретировала ст. 86 (2) в широком контексте всего Дополнительного протокола I. В частности, в связи со ст. 43 (1), где указано, что подразделения вооруженных сил находятся под командованием лица, «ответственного <...> за поведение своих подчиненных», и ст. 87 (1), которая обязывает командиров не допускать нарушений Конвенций и Протокола и в случае необходимости пресекать эти нарушения и уведомлять о них компетентные власти. Правильность такого толкования судьи подкрепили ссылкой на Комментарий МККК к данным статьям протокола²²². По мнению судей, слова «имели информацию», содержащиеся в ст. 86 (2) Дополнительного протокола I, должны трактоваться расширительно, в том смысле, что такая информация включает «сообщения, обращенные к начальнику, тактическую ситуацию, уровень обучения и инструктирования подчиненных офицеров и личного состава и черты их характера»²²³.

Кроме того, в обоснование своей позиции судьи положили мнения двух экспертных комиссий: Специальной комиссии экспертов, созданной в 1992 г. в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН № 780, и Израильской комиссии по расследованию злодеяний, совершенных в лагерях беженцев в 1982 г.²²⁴

В итоге судебная камера пришла к выводу, что «если командир проявил должное старание в выполнении своих обязанностей и все же испытывает недостаток знания о готовящихся или совершенных преступлениях, такая нехватка знаний не может быть вменена ему в вину. Однако, принимая во внимание конкретное положение командира и сложившиеся в конкретное время обстоятельства, такое невежество не может быть защитой в ситуации, где отсутствие знания — результат небрежности в исполнении его обязанностей. Этот командующий имел основание знать (*had reason to know*) в пределах значения Устава²²⁵. Таким образом, суд в данном случае применил более строгий стандарт знания.

Коллизия между этими двумя подходами была разрешена Апелляционной камерой МТБЮ 20 февраля 2001 г. при рассмотрении апелляции по делу Делалича. В своем решении Апелляционная камера не согласилась одновременно с обеими судебными камерами относительно стандарта, установившегося в обычном праве после второй мировой войны, заявив, что не находит «никакой последовательной тенденции» в решениях военных судов²²⁶. Исходя из этого, судьи определили, что ст. 86 (2) Дополнительного протокола I обобщает и разъясняет стандарт знания, необходимый для ответственности начальников, и согласились с формулировкой Судебной камеры, высказанной в решении по делу Делалича²²⁷.

Апелляционная камера дополнительно разъяснила, что тот минимум информации, который определяет стандарт вины, не должен «содержать конкретных сведений о совершенных или готовящихся незаконных действиях. Например, когда военный командир получил информацию, что некоторые из его солдат имеют склонный к насилию или неустойчивый характер, или выпили [спиртного] перед тем, как быть посланными на задание, это может рассматриваться как наличие необходимого знания»²²⁸. Данный подход был подтвержден Апелляционной камерой и при рассмотрении ею дела Блашкича²²⁹. Судьи дополнительно разъяснили, что старший может считаться ответственным за то, что преднамеренно воздерживался от получения информации, но не за провал попытки получить информацию, который последовал из-за небрежности²³⁰.

Практика Международного трибунала по Руанде первоначально придерживалась своеобразного синкретического подхода, допуская существование обеих форм стандарта «конструктивного» знания. Так, при рассмотрении дела Багилишема (7 июня 2001 г.) судебная камера сформулировала это следующим образом:

«он или она имели информацию, которая уведомляла его или ее о риске таких преступлений, указывая потребность в дополнительном расследовании, чтобы установить, готовились ли такие преступления, совершались или были совершены, подчиненными; или,

²¹⁹ Там же, пар. 390-393.

²²⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 322.

²²¹ Там же, пар. 324.

²²² Там же, пар. 325-327.

²²³ Там же, пар. 328.

²²⁴ Там же, пар. 330-331.

²²⁵ Там же, пар. 332.

²²⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 229.

²²⁷ Там же, пар. 236.

²²⁸ Там же, пар. 238.

²²⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 24 июля 2004 г., пар. 62-64.

²³⁰ Там же, пар. 406.

отсутствие знания — результат небрежности в выполнении начальником своих обязанностей; то есть, где начальник не применил средства, доступные для него или нее, чтобы быть способным получать информацию о преступлениях»²³¹.

Однако в более поздних решениях, содержащих ссылку на решение Апелляционной камеры МТБЮ по делу Делалича и др., вторая, более строгая форма стандарта «конструктивного знания» исключается²³².

Таким образом, в прецедентном праве Специальных международных трибуналов ООН на сегодняшний день принят менее строгий стандарт *mens rea* «имел основание знать», предполагающий наличие у командира некоего минимума первоначальной информации о возможности совершения его подчиненными преступлений, и не предусматривающий ответственности за неспособность получить такую информацию вследствие ненадлежащего исполнения командиром своих обязанностей.

Следует, однако, отметить, что данные трибуналы рассматривали преступления, совершенные в первой половине 1990-х г.г., и состояние обычного международного права устанавливалось именно на момент совершения данных преступлений. Об этом говорит и упомянутая выше оговорка Судебной камеры в деле Делалича и др. («Челебичи»). В июле 1998 года 120 государств — членов ООН приняли в Риме Статут Международного уголовного суда. Ст. 28 (а) Статута, посвященная ответственности старших, налагает индивидуальную уголовную ответственность на военного командира или на лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, если «военный командир или такое лицо либо знало, либо в сложившихся на тот момент обстоятельствах должно было знать (*should have known*), что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления».

«Интерпретируемая буквально, — пишет Евгения Левин, — статья 28 (а) предусматривает более строгий стандарт «должен был знать». Важно, что судебная камера в деле Челебичи выразила уверенность, что язык статьи 28 (а) может быть разумно истолкован, как налагающий твердую обязанность быть информированным о действиях подчиненных. Однако, учитывая пример противоречивых интерпретаций МТБЮ требования знания, содержащихся в ст. 86 (2) Дополнительного протокола I, нельзя быть уверенным, что буквальная интерпретация статьи 28 (а) будет принята МУС. Значение фразы «в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать (*should have known*)» уже стало предметом разногласий в литературе по международному праву». Далее Левин, ссылаясь на публикации Михала Стрыжака и Кристен Кейс²³³, высказывает мнение о том, что МУС должен принять буквальную интерпретацию стандарта *mens rea* «конструктивного знания» для ответственности командиров. «Этот стандарт объективно оценивает конкретное положение командира и предусматривает для него знание, обладание которым было бы для него разумно. Главное преимущество этого более строгого требования, предъявляемого к знанию, состоит в том, что оно служит средством устрашения, давая стимул командующему знать, что делают его подчиненные. Более снисходительный стандарт <...> позволит начальникам утверждать, что они не несут уголовной ответственности за действия своих подчиненных, потому что, будучи по небрежности не в состоянии наладить надлежащую систему получения информации, они никогда не получали сообщений о действиях этих подчиненных. Кроме того, это может даже подтолкнуть командира к уничтожению документов, которые доказали бы его знание о военных преступлениях <...>. Такие возможности должны быть предотвращены, чтобы реализовать профилактическую роль международного гуманитарного права. Комментаторы, выступающие против более строгого стандарта «должны были знать, что...», утверждают, что это требование знания неприемлемо, ибо налагает на командиров слишком тяжелое бремя быть информированным относительно каждого действия, которое происходит на контролируемой ими территории. Однако при условии, что военные командиры принимают свое положение добровольно, эта превентивная обязанность, возможно, допустима. Также утверждается, что стандарт «должен был знать, что...» слишком неточен для установления индивидуальной уголовной ответственности. Однако при применении данного теста Суд может учесть различные конкретные факторы, типа положения командира в цепи инстанций, его близости к ситуации, разумной возможности поиска и надежности информации, достигающей командира. Этот тест признает, что есть реалистические ограничения того, что командующий должен знать в конкретной ситуации, в то же самое время он стимулирует бдительность со стороны старших в предотвращении... нарушения гуманитарного права»²³⁴.

С этими выводами трудно не согласиться. Учитывая, что преступления, совершенные в ходе Второго вооруженного конфликта в Чечне, произошли уже после принятия государствами Римского статута (который подписала и Российская Федерация), возможно, что к ним применим более строгий стандарт знания. Однако, принимая во внимание сегодняшнее состояние международного прецедентного права, в данном исследовании мы будем исходить из наиболее консервативной позиции, сформулированной МТБЮ в деле Делалича и др. («Челебичи»). Таким образом, для утверждения о том, что командир ответственен за преступления под-

²³¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 46.

²³² МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 405, со ссылкой на пар. 239 решения Апелляционной камеры МТБЮ по делу Делалича и др.

²³³ Michal Stryszak. *Command Responsibility: How Much Should a Commander be Expected to Know?* // (2002) 11 *United States Air Force Academy Journal of Legal Studies* 27 at 33; Kirsten M Keith. *The Mens Rea of Superior Responsibility as Developed by ICTY Jurisprudence.* // (2001) 14 *Leiden Journal of International Law* 617 at 63.

²³⁴ Levine, 2005, p. 6.

чиненных, нам нужно будет показать, что ему был фактически доступен минимум информации, позволяющий предположить, что преступления могут быть совершены или уже были совершены.

в) Дополнительные индикаторы «конструктивного» знания

В своем недавнем решении по делу Хаджихасановича Судебная камера МТБЮ высказала несколько дополнительных соображений по поводу ситуаций, в которых командир должен знать о вероятности совершения его подчиненными преступлений, и соответственно может нести за такие преступления уголовную ответственность.

Одно из соображений касается случая, когда командир привлекает к проведению войсковых операций недисциплинированных солдат. «Если командующий использует солдат, зная, или имея основание знать о серьезном риске, что они не будут повиноваться его приказам, в том числе приказам о выполнении норм международного гуманитарного права, он, возможно, не может утверждать, что испытывал недостаток в эффективном контроле над ними, чтобы избежать ответственности, предусмотренной ст. 7 (3) Устава. Командующий, по-видимому, не реабилитирует себя <...>, если его поведение до совершения преступлений демонстрирует, что он предвидел возможность того, что впоследствии он будет не в состоянии управлять войсками»²³⁵.

Когда начальник знает, что некоторые преступления уже были совершены его подчиненными, он, таким образом, имеет достаточную информацию о риске того, что они могут быть совершены и в дальнейшем, и имеет обязанность вмешаться, чтобы их предотвратить. Однако такое предшествующее знание должно трактоваться узко и касаться не всего личного состава, находящегося в подчинении командира, а распознаваемых групп подчиненных²³⁶.

13.8.4.4. Необходимые и разумные меры

Непринятие «необходимых и разумных мер» — второй критерий для установления того, должен ли начальник нести уголовную ответственность за противоправное поведение своих подчиненных. Если первый критерий — фактическое или конструктивное знание — призван установить субъективный элемент (*mens rea*) данной формы уголовной ответственности, то второй маркирует объективный элемент (*actus reus*), выражающийся в бездействии (упущении). В комментариях Комиссии международного права ООН к Проекту Кодекса 1996 г. подчеркивается:

В основе этого критерия лежит обязанность вышестоящего должностного лица командовать своими подчиненными и осуществлять контроль над ними. Вышестоящее должностное лицо несет уголовную ответственность лишь в том случае, если оно могло принять все необходимые меры для предупреждения или пресечения незаконного поведения своих подчиненных и не приняло таких мер. Этот второй критерий признает, что могут возникать ситуации, при которых армейский командир знает или имеет основания знать о незаконном поведении своих подчиненных, но при этом он не может предотвратить или пресечь такое поведение. <...> Вышестоящее должностное лицо не будет нести уголовной ответственности в случае невыполнения действия, осуществить которое никоим образом не представлялось возможным»²³⁷.

Данные тезисы были подтверждены и развиты прецедентным правом Специальных международных трибуналов.

Практика МТБЮ определяет, что подобные действия начальника ограничены сферой, находящейся «в границах его власти», то есть в пределах его физических возможностей. От командира не требуется невозможного, но у него есть обязанность, используя все средства, находящиеся в его распоряжении, предпринять меры, осуществимые в конкретных обстоятельствах²³⁸. При этом может потребоваться и принятие мер, не входящих в сферу его юридических полномочий²³⁹. В определенных ситуациях обязанность предотвратить преступление или наказать за его совершение может быть выражена в докладе о преступлении вышестоящему начальнику, компетентным органам,²⁴⁰ передаче дела в суд²⁴¹ или в непосредственном наказании исполнителя преступления²⁴². Начальник не обязательно должен стать человеком, назначающим наказание, но он «должен сделать важный шаг в дисциплинарном процессе»²⁴³ или «начать расследование»²⁴⁴. Трибуналы, действовавшие после Второй мировой войны, интерпретировали обязанность «наказывать» как обязательство проводить эффективное расследование преступлений, обеспечивающее, что преступники будут отданы под суд²⁴⁵. Это суждение находит поддержку и в прецедентном праве специальных международных трибуналов по Югославии и Руанде.

²³⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 89.

²³⁶ Там же, пар. 103, 118.

²³⁷ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 6, комментарий, п. 6.

²³⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 441; Решение Судебной камеры по делу Крноеллаца от 15 марта 2002 г., пар. 95; Решение Судебной камеры по делу Благовича от 17 января 2005 г., пар. 793.

²³⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Благовича от 17 января 2005 г., пар. 793.

²⁴⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 335.

²⁴¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стугара от 31 января 2005 г., пар. 377 со ссылкой на комментарий МККК к ст. 87 (3).

²⁴² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 446.

²⁴³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др. от 2 ноября 2001 г., пар. 316.

²⁴⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 446, сноска 623.

²⁴⁵ Анализ данных прецедентов см.: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стугара от 31 января 2005 г., пар. 376, Решение Судебной камеры по делу Халиловича от 16 ноября 2005 г., пар. 98.

Обязанность начальника «предотвращать и наказывать» не исчерпывается в ситуации, где санкция, которую он имеет власть наложить, недостаточна в соотношении с тяжестью совершенного преступления²⁴⁶. Так, в деле Кайяшема и Рузиндана, в котором Международный Трибунал по Руанде рассматривал эпизод массовой резни беженцев в церкви Мубуга, защита обвиняемого заявила, что единственной санкцией, которую мог наложить префект Кайяшема на исполнителей массового убийства, было заключение в тюрьму на срок не более тридцати дней. Суд признал, что такое «смехотворное наказание» было бы явно недостаточным²⁴⁷. Однако при некоторых обстоятельствах командир может быть освобожден от обязательств «предотвращать или наказывать», если он сообщает о преступлении компетентным властям. Особенно это касается случаев, где полномочия начальника существенно ограничены²⁴⁸. В конечном итоге прецедентное право специальных международных трибуналов ООН последовательно исходит из того, что конкретные меры, принятые начальником, должны быть оценены на разовом основании с учетом его физических возможностей²⁴⁹.

«Предотвращать» и «наказывать» — две разные обязанности, налагаемые на начальника. Обязанность предотвращать преступления возникает с того момента, когда он узнает, что преступление готовится или планируется, или когда он имеет разумные основания подозревать подчиненных в возможности их совершения²⁵⁰. Согласно позиции Судебной камеры МТБЮ, высказанной в деле Хаджихасановича и др., начальник несет ответственность за невозможность предотвратить преступление, когда соблюден ряд условий. «Во-первых, начальник должен осуществлять эффективный контроль над своими подчиненными и иметь основание знать, что они собираются совершить преступления, но в тоже время быть не в состоянии предотвратить эти преступления. Такой начальник подлежит ответственности потому, что его упущение создало усиленный, реально и разумно обозримый риск, что эти преступления будут совершены, риск, который он принял охотно, и потому, что этот риск реализовался в совершении этих преступлений. В этом смысле начальник играет существенную роль в совершении данных преступлений. Во-вторых, предполагается, что имеется связь между упущением начальника и этими преступлениями. Обвинение не имеет никакой обязанности доказывать наличие этой связи. Бремя опровержения такой связи лежит на обвиняемом»²⁵¹.

Обязанность наказывать возникает после того, как преступление уже было совершено²⁵². В случае, если командир знал или имел основание знать о том, что его подчиненные намереваются совершить преступления, но не смог их вовремя предотвратить, он не может восполнить свое упущение, наказывая подчиненных впоследствии²⁵³. Соответственно, если установлено, что начальник не сделал ничего, чтобы не дать подчиненным совершить преступление, экспертиза мер, принятых начальником для того, чтобы их наказать, не имеет смысла²⁵⁴. В то же время командир не несет никакой ответственности, если подчиненные совершили преступления до того, как он стал их начальником²⁵⁵.

В случае, когда начальник знает о том, что подчиненные уже совершили преступления, и в связи с этим имеется риск их повторения, между различными по своей природе обязанностями «предотвращать» и «наказывать» возникает причинно-следственная связь. В таком случае наказание уже совершенного преступления имеет последствием предотвращение преступлений, возможных в будущем²⁵⁶ (то есть такие меры будут носить профилактический характер). Напротив, отказ вмешаться в ситуацию влечет за собой для начальника дополнительную ответственность, так как его пассивность потворствует совершению новых преступлений²⁵⁷. Однако обязанность предотвращать повторение подобных действий ограничена подчиненными, которые являются частью «опознаваемой группы», некоторые члены которой уже совершили преступления. «Это ограничение имеет отношение к самой природе обязанности предотвращать, которая основана на риске повторения подобных действий. Фактически такая обязанность может быть установлена только тогда, когда повторение обозримо, и факт безнаказанности является предпосылкой поощрения тех солдат, которые уже совершили незаконные действия, на повторение их еще раз. Отказ вмешаться приводит к обозримому последствию в виде повторения такого поведения»²⁵⁸.

В то же время при рассмотрении подобных ситуаций Суд не должен доказывать причинную обусловленность. Хотя причинная связь между отказом командира наказать уже совершенные преступления и воз-

²⁴⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 514.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 335.

²⁴⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар.123., там же см. обзор прецедентного права МТБЮ по данному вопросу.

²⁵⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 445-446. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 317.

²⁵¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 193.

²⁵² МТБЮ. Дело Хаджихасановича и др. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 445-446. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 317.

²⁵³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 336. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 47-50.

²⁵⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 515.

²⁵⁵ МТБЮ. Дело Хаджихасановича и др. Решение Апелляционной камеры от 16 июля 2003 г. по встречной апелляции, оспаривающей юрисдикцию относительно ответственности командиров (Decision on Interlocutory Appeal Challenging Jurisdiction in Relation to Command Responsibility, 16 July 2003), пар. 44-51.

²⁵⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 128.

²⁵⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Крнелаца от 17 сентября 2003 г., пар. 172.

²⁵⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 164.

возможностью повторения таких преступлений в будущем не только возможна, но и вероятна, ее доказывание не должно быть неперемным условием для наложения на командира ответственности. Требование причинной связи не является отдельным элементом доктрины ответственности старших²⁵⁹. Это обусловлено тем, что ответственность старших — ответственность за упущение, т. е. за невозможность исполнить обязанности, налагаемые международным правом. Требование причинной связи изменило бы основание этого вида ответственности, и сделало бы начальника виновным в нарушениях, совершенных его подчиненными, а не им самим. Это противоречило бы самой природе доктрины²⁶⁰.

В деле Крноелаца, рассмотренном Международным Трибуналом по бывшей Югославии, Апелляционная камера указала, что апеллянт получил информацию, которая дала ему основание прийти к выводу о том, что его подчиненные применяли или собирались применить к задержанным пытки. Несмотря на это знание, Крноелац не предпринял мер, чтобы наказать преступников и предотвратить совершение подобных преступлений в дальнейшем. После этого по крайней мере один из задержанных был повторно подвергнут пыткам. Эти обстоятельства были признаны Апелляционной камерой достаточными, чтобы признать апеллянта ответственным за то, что он не смог предотвратить новое преступление²⁶¹.

Прецедентное право также устанавливает обязанность для начальника «подавить» преступление, если преступный акт находится в процессе совершения. Обязанность «подавлять» (или пресекать) нужно считать частью обязанности «предотвращать», поскольку в данном случае цель подавления состоит в том, чтобы предотвратить дальнейшее совершение незаконных действий²⁶².

В решении по делу Хаджихасановича и др. МТБЮ высказал важные соображения относительно «необходимых и разумных мер», касающихся возможности применения командиром силы против своих подчиненных. Судебная камера, в частности, отметила:

«Когда командир имеет материальную возможность применить силу, чтобы претворить в жизнь международное гуманитарное право, он может оказаться вынужденным поступить именно так, если обстоятельства не оставляют ему другого выбора. Камера напоминает, что для нормального функционирования армии войска должны повиноваться отданным приказам. Как таковой командир должен гарантировать подчинение его приказам. Он не будет смущаться применить силу против его собственных подчиненных в тех случаях, когда они откажутся повиноваться боевому приказу. В военное время и в исключительных обстоятельствах командир может оказаться в ситуации, где он должен казнить солдат, которые отказываются подчиняться его приказам или которые дезертируют. Обязательство гарантировать исполнение приказов не ограничено только приказом сражаться, но охватывает все распоряжения, данные командующим его войскам, включая приказы, направленные на гарантии соблюдения международного гуманитарного права.

Камера сознает, что командир, имеющий в своем подчинении только ограниченное число солдат и ограниченные материальные ресурсы, может быть затруднен в применении силы против своего собственного личного состава, чтобы обеспечить дисциплину со стороны нарушителей международного гуманитарного права. Такая ситуация должна рассматриваться в каждом случае отдельно, и это рассмотрение может привести к выводу, что командир действительно не имел материальной способности обеспечить соблюдение международного гуманитарного права»²⁶³.

Судьи Судебной камеры МТР при рассмотрении дела Багилишемы определили различие между «необходимыми» и «разумными» мерами. Под «необходимыми мерами» Судьи понимали «те действия, которые требовались для исполнения обязанности предотвратить или наказать в обстоятельствах, преобладающих на данный момент», а под «разумными» — меры, которые были возможны для начальника в силу его положения в данных обстоятельствах. Судебная камера также сочла, что «начальник может быть привлечен к ответственности в случае, если он или она не предприняли мер в сфере его или ее полномочий», а также, что Камера будет определять, были ли предприняты все необходимые меры для предотвращения, пресечения или наказания за преступления их подчиненных в зависимости от уровня эффективного контроля. Степень обладания возможностью эффективно контролировать ситуацию, по мнению Судей, должна оцениваться в каждом индивидуальном случае с учетом всех обстоятельств²⁶⁴.

Таким образом, прецедентное право обоих Трибуналов определяет элемент «необходимых и разумных мер» сходным образом.

К «необходимым и разумным» можно отнести и общие меры, которые командир обязан принимать для обеспечения дисциплины во вверенных ему подразделениях. Однако халатность командира в исполнении

²⁵⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 400. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 77. Решение Судебной камеры по делу Халиловича от 16 ноября 2005 г., пар. 75-78.

²⁶⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Халиловича от 16 ноября 2005 г., пар. 78.

²⁶¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2006 г., пар. 170-172.

²⁶² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Халиловича от 16 ноября 2005 г., пар. 87. Решение Судебной камеры по делу Стугара от 31 января 2005 г., пар. 446. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 127. МТР. Решение Судебной камеры по делу Каджелиджели от 1 декабря 2003 г., пар. 740.

²⁶³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 86-88.

²⁶⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишемы от 7 июня 2001 г., пар. 47-50.

данных обязанностей сама по себе не влечет уголовной ответственности по международному праву. В то же время ответственность командира, принимающего профилактические меры, чтобы обеспечить дисциплину и порядок, и тем не менее терпящего неудачу в обязанности «предотвращать и наказывать», отличается от ответственности командира, где эта неудача стала следствием халатного непринятия мер, направленных на поддержание дисциплины. Усилия командира по поддержанию дисциплины и законности являются в этом случае решающим обстоятельством для смягчения наказания²⁶⁵.

13.8.5. Ответственность невоенных начальников

Как уже отмечалось, описанная выше форма уголовной ответственности распространяется не только на военных, но и на гражданских начальников. Ответственность гражданских начальников в случае совершения преступлений их подчиненными была подтверждена в ходе ряда процессов над военными преступниками, проходивших после Второй мировой войны, а на современном этапе — прецедентным правом Международного трибунала по бывшей Югославии, и особенно — Международного трибунала по Руанде.

Ответственности невоенных начальников посвящена специальная статья 28 (b) Римского Статута, которая гласит:

«Применительно к отношениям начальника и подчиненного, не описанным в пункте (a), начальник подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные подчиненными, находящимися под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными, когда:

- i) начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления;
- ii) преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника; и
- iii) начальник не принял всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения, либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

Из пункта (i) усматривается, что Статут предусматривает для невоенного начальника менее строгий стандарт *mens rea* знания, чем для военного командира: «знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала», вместо «знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать».

Прецедентное право специальных международных трибуналов ООН однозначно подтверждает принцип ответственности невоенных начальников, причем критерии этой ответственности устанавливаются практически те же, что и в Римском Статуте. Вслед за Комиссией международного права ООН судьи обоих Трибуналов постановили, что доктрина ответственности командиров касается гражданских начальников только в той степени, в которой они способны осуществлять контроль над своими подчиненными, подобный контролю военных командиров²⁶⁶. Следует, конечно, учитывать, что природа власти гражданских начальников иная, чем военных, поэтому слово «подобный» не означает «идентичный». Например, в решении по делу братьев Нтакирутимана Судебная камера МТР отметила что «Статья 6 (3) Устава налагает уголовную ответственность на невоенных начальников за действия своих подчиненных или других лиц, действовавших в зоне их «эффективного контроля». При этом осуществляемый контроль не обязательно должен иметь такой же характер, как и контроль, осуществляемый военными командирами»²⁶⁷.

Тем не менее, контроль гражданского лица над своими подчиненными должен быть «эффективным» и он должен обладать физической возможностью («*material ability*») предотвратить или наказать любое преступление. Наличие власти де-факто должно сопровождаться рядом признаков наличия властных полномочий де-юре. Наиболее важными признаками обладания властью являются:

- сознание субординационных отношений;
- практика отдачи приказов и подчинения им;
- ожидание реального дисциплинарного наказания в случае неподчинения начальнику²⁶⁸.

Судебная камера МТБЮ при рассмотрении дела Кордича и Черкеза также отметила, что гражданские лица, наделенные властью на части территории, могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии с доктриной ответственности командира только при условии доказательства обладания ими необходимой властью контролировать действия лиц, совершивших преступные деяния. Правительственный чиновник может быть привлечен к ответственности, только если он был встроен в систему отношений «начальник — подчиненный». При этом такие отношения могут быть как прямыми, так и косвенными. Невоенный начальник может обладать значительным влиянием на подчиненных. Однако доказательство того, что чиновник занимал высокое положение, не является достаточным доказательством его вины за преступле-

²⁶⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 151.

²⁶⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 378. МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 42-43.

²⁶⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нтакирутимана и Нтакирутимана от 21 февраля 2001 г., пар. 819.

²⁶⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 42-43.

ния подчиненных. Важно доказать, что он обладал эффективным контролем и мог предотвратить совершение преступлений²⁶⁹. В деле Алексовского Судебная камера МТБЮ подчеркнула, что невоенный начальник подпадает под юрисдикцию статьи 7 (3) Устава, если он обладал возможностью, как де-факто, так и де-юре, отдавать приказы с целью предотвращать преступления и наказывать преступников. Судьи также отмечают, что власть гражданского лица накладывать наказание должна трактоваться широко. У невоенного начальника нет возможности налагать дисциплинарное наказание, каковым обладают военные начальники с тем же уровнем власти. Для привлечения к ответственности невоенного начальника достаточно, чтобы он обладал возможностью доложить о преступлениях, совершенных его подчиненными, а также, чтобы в силу его властных полномочий налицо была высокая вероятность возбуждения расследования или даже уголовного дела²⁷⁰.

В деле Акайесу МТР заявил, что «необходимо оценивать в каждом отдельном случае уровень власти, делегированной обвиняемому, для того, чтобы определить, обладал ли он возможностью предпринять все необходимые и разумные меры для предотвращения преступлений или для наказания преступников после их совершения»²⁷¹.

Таким образом, как и для военного командира, необходимым элементом, определяющим уголовную ответственность гражданского начальника, является «эффективный контроль».

Что касается *mens rea* стандарта знания, то здесь Международный Трибунал по Руанде прямо солидаризируется со ст. 28 (b) Римского Статута, называя ее подход «поучительным». По мнению судей, военные командиры обладают более активной обязанностью быть осведомленными о действиях своих подчиненных. В отношении всех остальных начальников, они должны были «либо знать, либо сознательно проигнорировать информацию, которая явно указывает на то, что подчиненные совершили или намеревались совершить преступления»²⁷².

13.8.6. Ответственность вышестоящих должностных лиц и другие виды уголовной ответственности

Теперь необходимо специально остановиться на разграничении доктрины ответственности вышестоящих должностных лиц и других видов уголовной ответственности.

Прецедентное право последовательно в том, что ответственность старших не является формой прямой ответственности за преступление. Это форма ответственности не за чужую вину²⁷³, а за свое собственное преступное поведение. Начальник отвечает не за действия исполнителей преступления, а за собственное бездействие или упущение²⁷⁴.

В деле Халиловича Судебная камера МТБЮ высказала по этому поводу следующее соображение: «Ответственность старших <...> – это ответственность за упущение. Командир отвечает за отказ от совершения действия, требуемого международным правом. Это упущение влечет вину потому, что международное право налагает на старших позитивную обязанность предотвращать и наказывать преступления, совершенные их подчиненными. Таким образом, фраза «за действия подчиненных», как в целом упомянуто в юриспруденции Трибунала, не подразумевает, что командир разделяет ту же самую ответственность, что и подчиненные, которые совершили преступления. Скорее, из-за преступлений, совершенных его подчиненными, командир должен нести ответственность за свой отказ действовать. Наложение ответственности на командира за нарушение исполнения его обязанности должно быть взвешено в соотношении с преступлениями его подчиненных. Командир не несет такой ответственности, как если бы он совершил преступления непосредственно, но его ответственность рассматривается в пропорции к серьезности совершенных преступлений»²⁷⁵.

Перечисленные выше признаки определяют отличие данного вида уголовной ответственности от описанных выше. В случае исполнения, приказа, планирования, подстрекательства, пособничества и подстрекательства и участия в объединенном преступном предприятии лицо в той или иной форме участвует в преступном акте и несет ответственность именно за данный преступный акт. В случае «ответственности начальника» лицо, как правило, не является участником преступного акта и несет ответственность только за собственное бездействие. Таким образом, ответ на вопрос о том, участвовал ли начальник в преступном акте своего подчиненного, и позволяет разграничить «ответственность вышестоящего должностного лица» от других форм уголовной ответственности.

Однако при определенных обстоятельствах одно и то же преступное поведение может включать и действие, и упущение. Такие ситуации часто складывались в практике работы Международных трибуналов ООН, и в этом случае суд, как правило, квалифицировал поведение лица как одну из форм участия в преступлении.

В результате трибуналами было осуждено весьма небольшое количество лиц, признанных виновными в соответствии с доктриной ответственности командиров и иных начальников. Хотя такие обвинения предъяв-

²⁶⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 415-416.

²⁷⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 78.

²⁷¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 491.

²⁷² МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 227-228.

²⁷³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Делалича и др. от 20 февраля 2001 г., пар. 197, 239. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 369.

²⁷⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 24 марта 2000 г., пар. 67. Решение Апелляционной камеры по делу Крное-лаца от 17 сентября 2003 г., пар. 171. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 75.

²⁷⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Халиловича от 16 ноября 2005 г., пар. 54.

лялись едва ли не каждому подсудимому, занимавшему командные должности, Суд в итоге признал большинство из них виновными в тех или иных формах участия в преступлениях. Там, где было доказано фактическое знание о преступлениях, суд обычно вменял начальнику ту или иную форму соучастия или даже признавал непосредственным соисполнителем. Как отметила Судебная камера МТБЮ в деле Кордича и Черкеза, «в случае, когда представленные свидетельства демонстрируют, что начальнику не только сообщили о преступлениях, совершенных его подчиненными, но он также осуществлял деятельность по планированию, подстрекательству или иначе оказывал пособничество и подстрекательство в планировании, подготовке и совершении этих преступлений, тип уголовной ответственности может быть лучше охарактеризован статьей 7 (1). Где упущения обвиняемого, осуществляющего властные полномочия, вносят вклад в совершение преступлений его подчиненным (например, в виде поощрения преступника), поведение начальника может составить основание для ответственности, предусмотренной статьей 7 (1)»²⁷⁶. В деле Крстича судебная камера МТБЮ отметила, что там, «где командир участвует в совершении преступления через его подчиненных, «планируя», «подстрекая», или «приказывая» совершить преступление, любая ответственность под статьей 7 (3) включена в категорию под статьей 7 (1). То же самое относится к командиру, который привлекается к уголовной ответственности согласно доктрине объединенного преступного предприятия за физические действия его подчиненных»²⁷⁷.

Необходимо отметить, что приведенные примеры касаются двух принципиально разных ситуаций.

Одна ситуация, когда суд устанавливает прямой вклад начальника в преступление через планирование, подстрекательство, приказ или участие в объединенном преступном предприятии. В этом случае «ответственности старших» в значении используемой доктрины не возникает вообще. Действительно, было бы странно признать человека виновным в отдалении приказа на совершение убийства, и одновременно вменить ему в вину непринятие мер к пресечению того же убийства.

Другая ситуация, когда суд устанавливает вклад в преступление через бездействие, то есть когда упущение начальника поощряет подчиненного к совершению действия, составляющего уголовное преступление. В этом случае суд, при определенных обстоятельствах, может прийти к выводу, что ответственность наступает и за бездействие, и за определенную степень участия в преступлении (например, за пособничество и подстрекательство). Здесь форма уголовной ответственности в виде «ответственности начальника» сохраняется, но суд квалифицирует поведение обвиняемого как участие. Таким образом, менее тяжкая форма уголовной ответственности просто поглощается более тяжелой.

Для рассматриваемого в данном разделе вопроса важна именно вторая ситуация. Из нее видно, что иногда линия, пролегающая между «ответственностью начальника» и другими видами уголовной ответственности, достаточно тонка. В чем заключается различие, и какие индикаторы сигнализируют о том, что преступное поведение переходит грань упущения, и становится формой соучастия в преступлении?

Как уже говорилось, Комиссия международного права ООН пришла к выводу, что когда вышестоящее должностное лицо реально знает о том, что его подчиненный совершает или намерен совершить преступление, такое должностное лицо «может рассматриваться в качестве соучастника преступления в соответствии с общими принципами уголовного права, касающимися соучастия в преступлении»²⁷⁸. Сходный подход предусмотрен в Международном уголовном кодексе ФРГ (*Völkerstrafgesetzbuch, VStGB*) от 26 июня 2002 г. (секция 4 (1)): «Военный командир или гражданский начальник, бездействуя, не препятствует своим подчиненным совершить деяние, предусмотренное настоящим Законом, наказывается как исполнитель деяния, совершенного подчиненным»²⁷⁹. Как указывает комментарий, такое должностное лицо юридически рассматривается либо в качестве соисполнителя преступления (со-преступника), либо в качестве простого сообщника²⁸⁰. Антонио Кассесе также согласен с тем, что в этом случае «начальник в некотором роде участвует в преступлениях своих подчиненных»²⁸¹.

Этот подход согласуется и с прецедентным правом МТБЮ. Как уже было показано выше, судебная камера в деле Кордича и Черкеза установила, что там, где упущения обвиняемого, осуществляющего властные полномочия, вносят вклад в совершение преступлений его подчиненным, поведение начальника может составить основание для ответственности, предусмотренной статьей 7 (1) Устава²⁸², которая описывает перечисленные в предыдущих разделах настоящей главы формы участия в преступлении. В том же деле Обвинение утверждало, что «пособничество и подстрекательство может принимать разнообразные формы помощи, включая упущения, когда есть юридическое обязательство вмешаться»²⁸³. В деле Васильевича МТБЮ также отметил, что материальный элемент пособничества и подстрекательства может составить упущение²⁸⁴. Наконец в деле Блашкича тот же Суд разъяснил, что *actus reus* пособничества и подстрекательства «может быть

²⁷⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 371.

²⁷⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 605.

²⁷⁸ Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 6, комментарий, п. 5.

²⁷⁹ Международный уголовный кодекс ФРГ от 26 июня 2002 года. Перевод на русский язык опубликован: Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. / Под ред. Богуша Г. И., Трикоз Е. Н. – М., 2008, с. 656-668.

²⁸⁰ Cassese, 2003, p. 207.

²⁸¹ Cassese, 2003, p. 210.

²⁸² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 371.

²⁸³ Там же, пар. 540.

²⁸⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 70.

совершен через упущение, когда отказ действовать имел решающий эффект на совершение преступления, и когда одновременно есть необходимая вина»²⁸⁵.

Следовательно, преступное упущение начальника одновременно становится и формой его участия в преступлении, если удовлетворены следующие условия:

1. субъективный элемент — фактическое знание: начальник фактически знает о том, что его подчиненные готовятся совершить или совершают преступления;
2. объективный элемент — бездействие: начальник намеренно воздерживается от предотвращения или пресечения таких преступлений;
3. контекстуальный элемент — преступное поведение: эти преступления фактически совершаются подчиненными.

Намеренное бездействие (а не бездействие по грубой преступной халатности) прямо вытекает из фактического знания начальника о преступлениях. Таким образом, «конструктивного» (оценочного) знания недостаточно.

В описанной ситуации вид участия начальника в преступлении его подчиненного удовлетворяет элементам пособничества и подстрекательства (*aiding and abetting*). Бездействие здесь составляет форму поддержки преступного акта. Эта поддержка оказывает существенный эффект на совершение преступления: ведь в случае своевременного и эффективного вмешательства оно было бы предотвращено либо пресечено. Таким образом, объективный элемент пособничества и подстрекательства удовлетворен. Далее, в ситуации фактического знания начальник вне разумного сомнения осознает, что совершение преступления станет естественным и обозримым последствием его бездействия. Следовательно, и субъективный элемент пособничества и подстрекательства удовлетворен также.

В случае, если имеют место массовые преступления, совершающиеся уже в течение длительного периода времени (продолжаемые преступления²⁸⁶), и начальник, имеющий фактическое знание о таких преступлениях, раз за разом отказывается принять меры к их наказанию, такое бездействие также может быть охарактеризовано как пособничество и подстрекательство. В этой ситуации начальник не может не осознавать, что его отказ от действий создает возможный и обозримый риск дальнейшего совершения подобных преступлений. Кроме того, такой отказ от действий может быть воспринят подчиненными как одобрение их преступного поведения. Если отказ наказать в условиях фактического знания о преступлении сопровождается мерами морального или административного поощрения предполагаемых преступников (например, в виде представления к воинским наградам и повышения по службе), то, возможно, имеет место более активная форма подстрекательства в значении термина *instigating*.

13.8.7. Значение доктрины ответственности вышестоящих должностных лиц в контексте международного правосудия для Чечни

В публикациях известных комментаторов присутствуют разные, в том числе противоположные оценки эффективности практического применения доктрины ответственности вышестоящих должностных лиц. Отрицательные комментарии связаны прежде всего с тем, что международными трибуналами ООН в конечном итоге было осуждено весьма небольшое количество лиц, признанных виновными в соответствии с данной формой уголовной ответственности.

Образцом скептической оценки является позиция, высказанная проф. Вильямом Шабасом в его замечательной монографии, посвященной международным трибуналам ООН: «В ранние годы Трибуналов, — пишет ирландский исследователь, — ответственность старших была представлена в виде прокурорской серебряной пули, но практически она достигла немногих конкретных целей. Хотя и было несколько приговоров на основе ответственности старших и в МТБЮ и в МТР, все они, за одним исключением, касались преступников, которые также были осуждены или как непосредственные исполнители преступлений, или как сообщники. Одна камера МТБЮ <проф. Шабас имеет в виду решение Судебной камеры по делу Стакича²⁸⁷ — авт.> даже описала обвинение в соответствии с доктриной ответственности начальников как «трату судебных ресурсов в случаях, где ответственность как непосредственного исполнителя преступлений или как сообщника уже была установлена». В большинстве случаев свидетельство того, что начальник «имел основание знать» о действиях непосредственного исполнителя преступления, было лишним и давало основание прийти к выводу, что командующий «фактически знал» в условиях, когда устанавливалась его вина как сообщника или как соучастника преступления. Напротив, теория объединенного преступного предприятия имеет для Обвинителя многие из тех же самых преимуществ, но без потребности устанавливать отношения «начальник — подчиненный»²⁸⁸. Далее проф. Шабас приводит единственное (на момент написания его монографии) исключение — дело генерал-

²⁸⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 284.

²⁸⁶ Продолжаемое преступление — преступление, складывающееся из ряда идентичных или сходных актов действия или бездействия, направленных к общей цели и составляющих в итоге единое преступление. В российском уголовном праве началом продолжаемого преступления считается совершение первого действия из числа нескольких однородных, составляющих одно целое преступление, а концом — момент совершения последнего преступного действия.

²⁸⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стакича от 31 июля 2003 г., пар. 466.

²⁸⁸ Schabas, 2006, p. 315-316.

лейтенанта Югославской Народной Армии Павле Стругара, который был осужден в соответствии статьёй 7 (3) устава МТБЮ за артобстрел исторического города Дубровник, произведенный подчиненными ему силами.

Стругар был признан виновным в нарушении законов и обычаев войны (ст. 3 Устава МТБЮ) в виде нападения на гражданское население и разрушения или преднамеренного повреждения учреждений, предназначенных для целей религии, благотворительности, образования и науки, исторических памятников или произведений искусства, и осужден к восьми годам тюремного заключения. Суд установил, что обвиняемый узнал об обстреле Старого Города, являющегося памятником истории, из протеста Европейской Комиссии. Однако он не предпринял срочных мер для того, чтобы проверить данную информацию, отдать командирам, находящимся на месте событий, и особенно командующим артиллерией, приказ о прекращении огня, и довести до их сведения информацию о специальном статусе города. Кроме того, впоследствии Стругар не предпринял никаких мер, чтобы гарантировать наказание преступников, хотя это было в пределах его власти²⁸⁹.

Исследователь приходит к выводу, что дело Стругара является «классическим, но чрезвычайно редким случаем эффективного применения доктрины ответственности начальников»²⁹⁰ (иначе говоря, исключением, подтверждающим правило), и несколько ниже резюмирует:

«В итоге «ответственность старших» оказывается большим разочарованием. Она наложила огромное бремя на обвинение, и затратила ресурсы защитников и судей. И все это ради столь скромных результатов. Как только МТБЮ развил теорию объединенного преступного предприятия, стало очевидно, что на ее основании легче получить приговор, нежели на основании доктрины ответственности старших. Существенное количество судебной энергии было потрачено на разработку теоретически неуклюжих и неудовлетворительных объяснений относительно применимости ответственности начальников к гражданским «командующим» в контексте внутреннего вооруженного конфликта и к преступлениям, совершаемым с определенным намерением, таким, как геноцид или преступление против человечности в виде преследования. Как бы то ни было, ничего из этого не принесло пользы для получения судебного решения. В каждом случае виновный был осужден или как пособник, или как подстрекатель, или как участник объединенного преступного предприятия. Единственное исключение — осуждение генерала Стругара — демонстрирует самую традиционную из парадигм: военный командующий в международном вооруженном конфликте, ответственность которого возникает относительно методов ведения войны. Если бы МТБЮ и МТР уделяли меньше внимания доктрине ответственности командиров, то они, возможно, уже исполнили бы свои мандаты и закончили работу»²⁹¹.

С уважением относясь к данной позиции, авторы не разделяют категоричности ее выводов. Возможно, она отчасти смягчилась бы недавним решением МТБЮ по делу Хаджихасановича и Кубуры, которое судебная камера Трибунала вынесла 15 марта 2006 года. Оба обвиняемых были признаны виновными исключительно в соответствии с доктриной ответственности старших (ст. 7 (3) Устава) и исключительно за преступления, совершенные их подчиненными в ходе вооруженного конфликта *немеждународного* характера.

Дело касается вооруженного конфликта в Центральной Боснии в 1993 г., который Трибунал признал «внутренним вооруженным конфликтом»²⁹². Осужденные — офицеры вооруженных сил боснийских мусульман, были признаны виновными в неспособности предотвратить или наказать преступления, совершенные их подчиненными (зарубежными добровольцами-моджахедами) в отношении представителей гражданского населения: боснийских хорватов и сербов.

В случае обвиняемого Энвера Хаджихасановича, командующего Третьим корпусом Боснийской Армии, Суд, в частности, пришел к выводу, что тот не руководствовался никакими дискриминационными намерениями, и не испытывал никакой религиозной или этнической ненависти. Напротив, он делал все, чтобы обеспечить соблюдение его подчиненными норм международного гуманитарного права, включая проведение специальных учебных занятий по МГП для солдат и офицеров²⁹³. В то же время суд установил, что Хаджихасанович как начальник виновен:

— «в провале попытки принять необходимые и разумные меры» чтобы наказать подчиненных за убийство одного из задержанных, и предотвратить убийство другого;

— в «провале попыток принять необходимые и разумные меры», чтобы предотвратить или наказать жестокое обращение с задержанными (по шести эпизодам), и приговорил его к пяти годам тюремного заключения.

В случае обвиняемого Амира Кубуры, командира Седьмой бригады Третьего корпуса Боснийской Армии, Суд признал его виновным в «провале попытки принять необходимые и разумные меры», чтобы предотвратить и наказать разграбление имущества гражданского населения (по двум эпизодам), и приговорил его к двум с половиной годам тюремного заключения²⁹⁴.

Конечно, с точки зрения соотношения сил и времени, потраченных Трибуналом, и достигнутого результата, проф. Шабас и здесь оказывается прав. Дело рассматривалось судом с 2001 года, объем только окончательного судебного решения, в соответствии с которым подсудимые были приговорены к весьма мягкому наказанию, составляет 690 страниц...

Нельзя не согласиться, что с позиции эффективности работы конкретных Трибуналов оценка известного ирландского юриста абсолютно справедлива. Однако мы считаем, что правовое наследие данных Судов нельзя оценивать, глядя на него только сквозь узкую призму вынесенных ими обвинительных приговоров.

²⁸⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г.

²⁹⁰ Schabas, 2006, p. 317.

²⁹¹ Там же, p. 324.

²⁹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 28.

²⁹³ Там же, пар. 2080.

²⁹⁴ Там же, раздел IX.

Его значение гораздо шире. Уникальный для истории международной юриспруденции корпус прецедентного права, созданный данными трибуналами, может быть востребован и, несомненно, будет востребован в будущем. Определенно, что и Международный Уголовный Суд, и другие национальные, гибридные и возможные в будущем международные суды и трибуналы в значительной степени будут опираться на созданные МТБЮ и МТР прецеденты. В том числе и при рассмотрении дел, касающихся вооруженных конфликтов, непохожих на югославский и руандийский. И здесь наработки международных трибуналов ООН, касающиеся доктрины ответственности старших, могут стать востребованы в гораздо большей степени. И тогда, до поры висящее на стене ружье, заряженное «серебряной пулей прокурора», может выстрелить.

Сказанное непосредственно касается вопроса возможного международного правосудия для Чечни. Характер чеченского конфликта в корне отличается от характера конфликтов в бывшей Югославии и Руанде. Войны, взорвавшие бывшую Югославию, носили откровенный межнациональный и межконфессиональный характер. Еще в большей степени это касается Руанды, где к геноциду привел всплеск давней межплеменной вражды. Заведомо преступные по своей сути цели противоборствующих сторон (изгнание или уничтожение «чужих» этнических или религиозных групп для создание мононациональных или моноконфессиональных государств) открыто представлены в официальных документах и публичных выступлениях их лидеров. В случае чеченского конфликта все оказывается гораздо сложнее. Чисто этнические или религиозные мотивы представлены здесь достаточно слабо. По сути, война в Чечне — типичный образчик сепаратистского конфликта. И если отстраниться от политической риторики, то ни цели чеченских сепаратистов (состоящие в отделении от России и создании собственного независимого государства), ни цели российского руководства (которое пытается силой удержать Чечню в составе Федерации), нельзя признать с точки зрения международного права заведомо незаконными. Поэтому предметом рассмотрения Трибунала или любого другого суда, который получит возможность осуществлять уголовную юрисдикцию по международным преступлениям, совершенным в Чечне, станут не политические цели сторон конфликта, а методы их достижения. Во всяком случае, доказывание участия в преступном плане высших государственных чиновников Российской Федерации, включая Президента Владимира Путина, может натолкнуться на непреодолимые препятствия.

В то же время доказывание не только «конструктивного», но и «фактического» знания руководителями государства массовых и систематических преступлений против гражданского населения, совершенных их подчиненными в Чечне, уже сейчас не составляет для потенциального Обвинителя особенного труда. Как будет показано ниже, свидетельств такого знания, в том числе и прямых, предостаточно. Система ответственного командования с вертикальными субординационными отношениями «начальник — подчиненный» пронизывает всю систему Вооруженных Сил, МВД и спецслужб Российской Федерации и замыкается на профильных министрах, директоре ФСБ и Верховном Главнокомандующем, который одновременно является и Президентом страны. Последний осуществляет де-факто и де-юре эффективный контроль над всеми вооруженными силами и иными силовыми структурами (подробно см. главу 23). Таким образом, привлечение этих лиц к уголовной ответственности в соответствии с доктриной ответственности старших не имеет никаких видимых юридических препятствий. И, учитывая масштабы злодеяний, совершенных подчиненными этих лиц, предлагаемое наказание может быть весьма суровым.

Другими формами участия в преступлениях, доказывание которых вероятно в отношении представительской указанной категории должностных лиц, могут быть «подстрекательство» либо «пособничество и подстрекательство» путем внесения вклада в совершение преступлений в виде поощрения преступников через безнаказанность. Но и здесь нам прежде всего необходимо будет установить наличие «фактического знания». Критерии же его доказывания также разработаны специальными трибуналами ООН в рамках доктрины ответственности старших.

То же самое в значительной степени касается и установления вины за преступления, совершенные высокопоставленными представителями чеченской стороны конфликта. С той лишь разницей, что большинство руководителей ЧРИ, на которых могла бы быть возложена подобная ответственность, к настоящему моменту уже мертвы.

В итоге доктрина ответственности начальников, детально развитая специальными международными трибуналами ООН по бывшей Югославии и Руанде, представляет собой ценнейший инструмент для возможного уголовного преследования лиц, ответственных за совершение международных преступлений в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО
ВООРУЖЕННОГО
КОНФЛИКТА**

ГЛАВА 14. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ В ЧАСТИ III

В предыдущих главах мы познакомили читателя с основными разделами «общей части» международного уголовного права. Мы рассмотрели его источники, общие принципы, дали определение понятию международного преступления и указали на те правовые последствия, которые проистекают из объявления того или иного деяния международным преступлением. Далее мы осветили вопросы, связанные с международной юрисдикцией и уголовной ответственностью, рассмотрели основные элементы состава международного преступления, формы участия в таких преступлениях и т. д. В соответствии с традиционным порядком изложения нам теперь следовало бы перейти к «особенной части» международного уголовного права, т. е. к подробному описанию конкретных составов преступлений.

Однако, прежде чем обратиться к этим вопросам, мы вынуждены сделать пространное отступление, которое и составляют главы, входящие в настоящую часть. Такое отступление продиктовано целями данного исследования. Они не подразумевают создание учебника по международному уголовному праву, а преследуют гораздо более скромную задачу: определить и описать те его нормы, которые могут быть применимы к преступлениям, совершенным в ходе чеченского вооруженного конфликта. Для того чтобы выделить эти нормы из общего корпуса материального права, необходимо обратиться к контекстуальным обстоятельствам (см. выше, раздел 10.9.4).

В первую очередь нам следует разрешить вопрос о применимости к чеченскому конфликту норм международного гуманитарного права. А значит, ответить на вопрос о существовании вооруженного конфликта. Ведь понятие военных преступлений — грубых нарушений норм международного гуманитарного права — применимо только к преступным деяниям, совершенным в контексте вооруженного конфликта.

Далее, в случае положительного ответа на первый вопрос, нам нужно определить, с конфликтом какого типа мы имеем дело: международным или внутренним. Хотя, как мы уже показали выше (см. раздел 9.2.2.4), разница между разделами гуманитарного права, регулируемыми международными и внутренними конфликтами к настоящему времени в существенной степени стерта, определенные различия продолжают сохраняться. Прежде всего эти различия имеют значение для методики выделения составов преступлений: если в условиях международного конфликта, как правило, достаточно сослаться на связывающие стороны соглашения, то в условиях внутреннего конфликта зачастую приходится предпринимать серьезную экспертизу норм обычного права.

Следующий вопрос — территориальные и хронологические рамки конфликта. Их определение важно для того, чтобы понять, какие из известных нам эпизодов могут быть рассмотрены как военные преступления, а какие должны быть исключены из этого списка. В свою очередь этот вопрос тесно связан с периодизацией конфликта и уровнем его интенсивности на разных этапах. В определенных случаях уровень интенсивности конфликта также должен быть учтен при применении некоторых норм международного права.

Наконец, из имеющейся практики следует, что любой специальный (*ad hoc*) международный или интернационализованный судебный орган территориально и хронологически должен быть «привязан» к тем или иным событиям, связанным с массовыми актами насилия (вооруженным конфликтом, как в Югославии и Руанде, или жестокой диктатурой, как в Кампучии). Таким образом, рассмотрение вопросов, обозначенных в предыдущем абзаце, поможет наметить контуры для определения территориальной, временной и предметной юрисдикции будущего Трибунала по Чечне.

ГЛАВА 15. СУЩЕСТВОВАНИЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

15.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вообще говоря, для людей, которые непосредственно связаны с проблематикой российско-чеченского вооруженного конфликта, для его участников и особенно для его жертв сама постановка данного вопроса может показаться удивительной, если не кощунственной. Положительный ответ на вопрос о существовании вооруженного конфликта представляется столь очевидным, что его обсуждение, возможно, кто-то сочтет пустой тратой бумаги и внимания читателей. Тем не менее подробная экспертиза проблемы существования конфликта чрезвычайно важна, и ниже мы предпримем ее, как минимум, по двум причинам.

Во-первых, как уже было подчеркнуто, установление факта существования конфликта – требование права. По крайней мере в том случае, если мы намереваемся ставить вопрос о военных преступлениях и индивидуальной уголовной ответственности за их совершение. А правовой подход требует обоснования любого значимого обстоятельства: критерий «само собой разумеется» тут неприемлем.

Во-вторых, российские власти пытались отрицать наличие «второго» вооруженного конфликта в Чечне. «Первая война» 1994-1996 гг. была признана законодательной властью вооруженным конфликтом практически с самого ее начала (см. ниже раздел 15.6). Это подход подтвердил и Конституционный Суд Российской Федерации, прямо назвав события в Чечне вооруженным конфликтом немеждународного характера в значении Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям¹. Однако с возобновлением военных действий в 1999 году официальные представители Российской Федерации стали настойчиво избегать упоминания о конфликте, предпочитая пользоваться термином «контртеррористическая операция». Так, 4 апреля 2000 года во время встречи с Верховным комиссаром ООН по правам человека Мэри Робинсон Министр юстиции РФ Юрий Чайка заявил, «что российские власти рассматривают события в Чечне не как вооруженный конфликт, а как контртеррористическую операцию, а действующее российское законодательство разрешает в подобной ситуации использование вооруженных сил и внутренних войск МВД внутри страны»².

Таким образом, необходимо опровергнуть возражения со стороны тех, кто полагает, что нормы международного гуманитарного права не применимы к чеченским событиям. Кстати, адепты этого мнения имеются по обе стороны вооруженного и пропагандистского противостояния – достаточно вспомнить высказывания господ Басаева и Удугова о «так называемом международном праве».

15.2 КРИТЕРИИ ПРИМЕНИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Как уже было сказано, в риторике, используемой российскими властями, термины «контртеррористическая операция» и «вооруженный конфликт» нередко прямо противопоставляются. Российские власти заявляют, что контртеррористическая операция в Чечне не является вооруженным конфликтом. Следовательно, к ней не могут применяться механизмы международного гуманитарного права.

Однако в данном случае постановка вопроса по модели «либо – либо» неправомерна и является способом ввести в заблуждение, так как содержит логическую и юридическую подмену. Логическая подмена заключается в том, что термины «вооруженный конфликт» и «контртеррористическая операция» не являются взаимоисключающими. Выражение «это контртеррористическая операция, а не вооруженный конфликт» имеет такую же логическую ценность, как утверждение, что «этот стол зеленый, а не деревянный». Юридическая подмена заключается в том, что данные термины относятся к разным областям права. Понятие «контртеррористическая операция» является частью *jus ad bellum*, и характеризует цели одной из сторон конфликта. Понятие «вооруженный конфликт» является частью *jus in bello*, и характеризует степень интенсивности вооруженной борьбы вне зависимости от целей участвующих в ней сторон (см. определение этих областей права в разделе 9.2.2.1).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П, пар. 5 описательно-мотивировочной части.

² Юрий Чайка отвечает на вопросы Мэри Робинсон. – Лента.ру. 04.04.2000 г. || <http://lenta.ru/vojna/2000/04/04/robinson/gull.htm>.

Кроме того, «вооруженный конфликт» — термин международного права, содержащийся в международных договорах Российской Федерации, тогда как «контртеррористическая операция» (по крайней мере в употребляемом здесь смысле) — понятие внутригосударственного закона. В соответствии со ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров, участник международного договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора.

Рассмотрим эти аргументы, начиная с последнего, более развернуто.

Правовой режим регулирования контртеррористической операции — сугубо внутригосударственный механизм, предусмотренный Федеральным законом РФ «О борьбе с терроризмом»³. Таким образом, этот режим может регулировать только внутригосударственные правоотношения. Хотя терроризм при определенных условиях и может становиться международным преступлением (см. выше, раздел 10.3 (ж)), международное право не знает никакого общепринятого правового режима операций по борьбе с террористами. Напротив, правовой режим регулирования вооруженного конфликта — международно-правовой механизм, предусмотренный международными договорами Российской Федерации и международными обычно-правовыми нормами. Он касается обязательств государства и обязанностей физических лиц по международному праву. Поэтому в силу ст. 27 Венской конвенции, а также части 4 статьи 15 Конституции РФ⁴ в случае возникновения коллизии между этими двумя правовыми режимами, должны применяться правила, предусмотренные международно-правовыми обязательствами Российской Федерации.

Понятие «контртеррористическая операция» сформулировано в российском законодательстве столь неопределенно, и используется правоприменителями столь широко, что за ним может скрываться как обезвреживание самодельного взрывного устройства на остановке общественного транспорта, так и масштабные боевые действия⁵.

Вообще, те или иные наименования вооруженного противостояния, которые применялись и применяются сторонами, как правило⁶, не имеют никакого отношения к его международно-правовой характеристике. Такие термины, как «операция по разоружению незаконных вооруженных формирований», «операция по восстановлению конституционного порядка», «контртеррористическая операция», «война за независимость», «священный джихад» и т. п. характеризуют *цели* (фактические или декларируемые) сторон вооруженного конфликта и не имеют никакого значения для разрешения вопроса о применимости либо неприменимости норм международного гуманитарного права. Последнее, по меткому выражению Вильяма Абреша, — «агностик относительно целей»⁷. Предметом его регулирования являются не цели сторон, а *исключительно средства и методы*, которые эти стороны используют в ходе военных действий (см. выше, раздел 9.2.2.1).

Понятие «контртеррористическая операция» характеризует цели, которые ставит перед собой государство, вступая в силовое противостояние с теми или иными лицами либо группами лиц, и относится к вопросам *jus ad bellum*, т. е. к законности применения силы как таковой. Понятие «вооруженный конфликт» характеризует средства, методы и интенсивность силового противостояния вне зависимости от целей, которые ставит перед собой государство или противостоящие ему вооруженные группы. Международное гуманитарное право применяется везде, где де-факто происходит вооруженный конфликт, вне зависимости от квалификации конфликта согласно *jus ad bellum*; доводы из области *jus ad bellum* не могут использоваться для разрешения вопроса о применимости и толковании международного гуманитарного права, которое является правом *jus in bello*⁸.

Резюмируя, даже если согласиться с позицией российской стороны, что она проводит в Чечне исключительно контртеррористическую операцию, это никак не исключает ситуации, в которой данная операция достигает уровня вооруженного конфликта в значении, придаваемом этому термину международным гуманитарным правом⁹. А последнее обладает собственными, независимыми от внутригосударственных критериями применения (хотя, конечно, внутренние механизмы могут существенно способствовать выполнению его позитивных обязательств).

Юристы Международного Комитета Красного Креста по этому поводу указывают:

³ Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», ст. 3. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», п. 5 ст. 3.

⁴ Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», действовавший на момент начала «второго» конфликта, дает следующее определение (ст. 3): «контртеррористическая операция — специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также на минимизацию последствий террористической акции». Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», вступивший в силу с 1 января 2007 г. (п. 5 ст. 3): «контртеррористическая операция — комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта».

⁶ За одним исключением — статья 1 (4) Дополнительного протокола I, — речь о котором пойдет в главе 16.

⁷ William Abresch. A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya. (2005) // European Journal of International Law 16, p. 765.

⁸ Сассоли, Бувье, 2008, с. 111, 114.

⁹ По поводу таких ситуаций очень точно высказался Президент МККК Якоб Келленбергер: «Когда борьба с терроризмом принимает форму вооруженного конфликта, государства обязаны соблюдать принципы международного гуманитарного права, даже если речь идет об их безопасности» (Якоб Келленбергер. Ни одна война не может быть выше международного гуманитарного права. — Financial Times. 19 May 2004. / <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwplList99/280C5DE6F31A8AFCC1256F3300489A14>).

«Террористические акты <...> могут привести к вооруженному конфликту (когда они совершаются государством — или его агентами де-юре или де-факто — против другого государства) или к немеждународному вооруженному конфликту (когда совершаются организованной вооруженной группой, сражающейся против государства и органов государственной власти). <...> МГП в равной степени применяется как к тем, кто совершает террористические акты (регулярным вооруженным силам, национально-освободительным движениям, оппозиционным вооруженным силам, участвующим во внутреннем вооруженном конфликте, или группам, которые можно считать террористическими группами, поскольку террористические акты являются их основным видом деятельности), так и к их противникам. Поэтому война против групп, считающихся террористическими, подчиняется тем же нормам, что и любой другой вооруженный конфликт»¹⁰.

Единственным условием, которое требуется для применения международного гуманитарного права, является само существование вооруженного конфликта: международного или внутреннего. Когда это условие удовлетворено, международное гуманитарное право применяется автоматически «при любых (всех) обстоятельствах»¹¹, не требует никаких условий согласия или взаимности сторон¹², признания сторонами состояния войны¹³ или факта существования вооруженного конфликта¹⁴.

Наиболее полно этот принцип сформулирован в Преамбуле к Дополнительному протоколу I:

«<...> положения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года и настоящего Протокола должны при всех обстоятельствах полностью применяться ко всем лицам, которые находятся под защитой этих документов, без какого-либо неблагоприятного различия, основанного на характере или происхождении вооруженного конфликта или на причинах, выдвигаемых сторонами, находящимися в конфликте, или приписываемых им».

Следует подчеркнуть, что формулировки «положения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года» и «полностью применяться» подразумевают, что данный принцип относится ко всем положениям указанных Конвенций, в том числе и к положениям, содержащимся в общей Статье 3, посвященной вооруженным конфликтам немеждународного характера.

Комментарии Международного Комитета Красного Креста специально подчеркивают автоматический характер применения норм международного гуманитарного права, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов, в частности, Статьи 3, общей для Женевских конвенций, и Дополнительного протокола II:

«Протокол II и общая статья 3 применяются автоматически, если фактически существует ситуация вооруженного конфликта. Принцип <...> автоматического применения диктуется требованиями гуманности, поскольку соблюдение норм, предоставляющих защиту жертвам, не должно зависеть от субъективного суждения сторон»¹⁵.

На Дипломатической конференции одна из делегаций предложила, чтобы государство определяло, отвечает ли ситуация условиям применения Дополнительного протокола II. Однако это предложение не нашло поддержки, поскольку оно являлось бы шагом назад по сравнению с условиями применения общей статьи 3, определенными в 1949 году¹⁶.

В ряде своих решений Международный трибунал по Руанде также напомнил, что международное гуманитарное право внутреннего конфликта «должно применяться объективно, независимо от субъективного заключения сторон конфликта»¹⁷.

Таким образом, для того, чтобы сделать вывод о применимости гуманитарного права к той или иной ситуации, необходимо и достаточно показать, что объективно имеет место вооруженный конфликт.

И наоборот, заявления государств или международных организаций, содержащие призывы или требования соблюдать международное гуманитарное право в конкретной ситуации, будут свидетельствовать о том, что эти государства и организации признают существование вооруженного конфликта.

15.3. КРИТЕРИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В международном праве существуют два типа критериев для установления факта существования вооруженного конфликта: положительный и отрицательный. Первый указывает на то, какие ситуации являются вооруженными конфликтами, второй — какие ими не являются.

¹⁰ Сассоли, Бувье, 2008, с. 122-123.

¹¹ Женевские конвенции 1949 г., общая ст. 1, общая ст. 3.

¹² Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 635-637.

¹³ Женевские конвенции 1949 г., общая ст. 2.

¹⁴ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. P. 51.

¹⁵ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Перевод с английского. — М., МККК, 2000. Пар. 4438. С. 52.

¹⁶ Там же, прим. 4 со ссылкой на Акты дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов 1974-1977 гг.; VII, с.70-72, CDDH/SR, 49, в частности пп. 39, 51-52.

¹⁷ МТБЮ. Решение судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998, пар. 624. См также: там же, пар. 603; МТР. Решение судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001, пар. 101; Решение судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003, пар. 357.

Положительные критерии ясно изложены в параграфе 70 решения Апелляционной камеры МТБЮ по промежуточной апелляции Тадича, формулировку которого авторы настоящего исследования используют как авторитетное изложение нормы обычного гуманитарного права (см. выше, раздел 9.2.2.5):

«Вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда в отношениях между государствами прибегают к вооруженной силе или когда в отношениях между государственными властями и организованными вооруженными группами или в отношениях между такими группами в рамках того или иного государства уже давно прибегают к насилию с применением оружия.

Международное гуманитарное право применяется с самого начала таких вооруженных конфликтов и продолжает применяться и после прекращения боевых действий, пока не достигнуто общее мирное соглашение, или, в случае внутренних конфликтов, пока не достигнуто мирное урегулирование. До такого момента международное гуманитарное право продолжает применяться на всей территории воюющих государств или, в случае внутренних конфликтов, на всей территории, находящейся под контролем той или иной стороны, независимо от того, имеют ли место боевые действия»¹⁸.

Отрицательный критерий содержится в Статье 2 (1) Дополнительного протокола II, из которой следует, что вооруженным конфликтом не являются нарушения внутреннего порядка и возникновение обстановки внутренней напряженности, такой, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера¹⁹.

Сказанное позволяет выделить основные признаки вооруженного конфликта, причем существует три варианта, каждый из которых сигнализирует о том, что определенные отношения между субъектами достигли стадии вооруженного конфликта:

ВАРИАНТ I

1. Субъектами отношений являются государства.
2. Эти отношения характеризуются обращением к вооруженной силе.

ВАРИАНТ II

1. Субъектами отношений являются государственные власти и организованные вооруженные группы.
2. Эти отношения характеризуются обращением к насилию с применением оружия.
3. Это насилие с применением оружия имеет более высокую степень интенсивности, чем нарушения внутреннего порядка и возникновение обстановки внутренней напряженности, такой, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера.
4. Эти отношения длятся «уже давно», т. е. имеют характеристику значительной временной протяженности.
5. Эти отношения осуществляются в рамках того или иного государства.

ВАРИАНТ III

1. Субъектами отношений являются организованные вооруженные группы.
2. Отношения между ними характеризуются обращением к насилию с применением оружия.
3. Это насилие с применением оружия имеет более высокую степень интенсивности, чем нарушения внутреннего порядка и возникновение обстановки внутренней напряженности, такой, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера.
4. Эти отношения длятся «уже давно», т. е. имеют характеристику значительной временной протяженности.
5. Эти отношения осуществляются в рамках того или иного государства.

¹⁸ МТБЮ. Решение апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 70.

¹⁹ Понятия нарушения внутреннего порядка и обстановки внутренней напряженности не получили точного определения в конвенционном международном праве. МККК, как организация, обладающая международной правосубъектностью, представил некоторые определения, первоначально принятые для общего пользования, на рассмотрение группы правительственных экспертов в 1970-м году. На основании их замечаний МККК дал следующее описание внутренних беспорядков на первой сессии Совещания правительственных экспертов в 1971 г.: «К ним относятся ситуации, которые не являются немеждународными вооруженными конфликтами как таковыми, но в которых существует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью серьезности и продолжительности и актами насилия. Эти последние могут принимать различные формы, от спонтанного зарождения акций протеста до борьбы между более или менее организованными группами и властями. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, власти прибегают к крупным силам полиции или даже к вооруженным силам, чтобы восстановить порядок внутри страны. Большое количество жертв обусловило необходимость применить минимум гуманитарных норм». Что касается ситуаций внутренней напряженности, то МККК полагает, что «они включают в себя, в частности, ситуации серьезной напряженности (политической, религиозной, расовой, социальной, экономической и т. д.), а также могут быть последствием вооруженного конфликта или внутренних беспорядков). Такие ситуации характеризуются одним или несколькими из следующих признаков, если не всеми сразу:

- массовые аресты;
- большое количество «политических» заключенных;
- возможное плохое обращение с задержанными или негуманные условия их содержания;
- приостановка действия основных судебных гарантий, либо в рамках провозглашения чрезвычайного положения, либо просто фактическое;
- заявления об исчезновениях».

Сфера применения международного гуманитарного права не распространяется на такие ситуации – эти случаи подпадают под действие международных и региональных соглашений по правам человека. (Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Перевод с английского. – М., МККК, 2000. Пар. 4475-4476, 4479), С. 68-69).

Очевидно, что первый вариант касается только классических международных вооруженных конфликтов в значении Статьи 2, общей для Женевских конвенций, то есть конфликтов между суверенными государствами. Этот вариант не предусматривает каких-либо условий временной протяженности и интенсивности. Таким образом, любой межгосударственный конфликт с применением вооруженной силы, даже незначительный и кратковременный пограничный конфликт, вызванный случайными обстоятельствами, регулируется нормами международного гуманитарного права. Эта трактовка соответствует духу международного права, основными субъектами которого являются государства, и важнейшими принципами которого является защита их суверенитета и запрещение силы и угрозы ее применения в межгосударственных отношениях.

Второй вариант может включать как международные вооруженные конфликты в значении Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, так и вооруженные конфликты немеждународного характера (как в значении Дополнительного протокола II, так и в значении Статьи 3, общей для Женевских конвенций).

Третий вариант может включать только вооруженные конфликты немеждународного характера (как в значении Дополнительного протокола II, так и в значении общей Статьи 3).

Из приведенных выше формулировок видно, что общими критериями, позволяющими установить существование вооруженного конфликта в вариантах II и III, являются:

- наличие сторон вооруженного конфликта;
- наличие интенсивного насилия с применением оружия, характеризующего отношения между этими сторонами (или, другими словами, боевых действий между ними);
- существенная временная протяженность такого насилия (боевых действий);
- распространение этого насилия на определенной территории внутри государства.

Эти же критерии поддерживаются и формулировкой статьи 8 (2)(f) Римского статута, посвященной условиям применения норм Статута к военным преступлениям, совершаемым во время вооруженного конфликта немеждународного характера. Она не содержит требований, чтобы конфликт обязательно происходил между правительственными силами и повстанческими силами, и включает ситуацию конфликта между вооруженными группами. Она, далее, не содержит требований о том, чтобы повстанческие силы контролировали часть территории или находились под ответственным командованием. Однако конфликт должен быть продолжительным, а вооруженные группы должны быть организованными. Как видно из сказанного, при принятии этой нормы государства приняли фактически тот же подход, что и Апелляционная камера МТБЮ в деле Тадича.

Следует отметить, что практически те же критерии МККК устанавливает и для определения ситуации, в которой антитеррористическая операция достигает уровня вооруженного конфликта:

«Когда война с терроризмом сводится к использованию силы внутри государства, т.е. между этим государством и группой повстанцев, или между группами повстанцев внутри государства, ситуация может быть классифицирована как немеждународный вооруженный конфликт если: а) масштабы боевых действий доходят до определенного предела и/или боевые действия длятся по времени дольше, чем то, что принято относить к категории внутренних или отдельных беспорядков; б) конфликтующие стороны можно определить и обозначить; в) территориальные границы конфликта можно определить и обозначить; г) начало и конец конфликта можно определить и обозначить»²⁰.

Далее мы покажем, что оба чеченских конфликта (или, в другой формулировке, оба его основных этапа), удовлетворяют всем критериям по крайней мере варианта II. Из содержания главы 17 станет ясно, что и вариант III также может быть применим к отдельным периодам вооруженного противостояния в Чечне.

15.4. ПРИМЕНЕНИЕ КРИТЕРИЕВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА К СИТУАЦИИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

15.4.1. Предметные ограничения

В данном разделе мы пока не касаемся вопроса о том, когда в действительности начался и когда, возможно, закончился вооруженный конфликт в Чеченской Республике. Здесь мы лишь намерены продемонстрировать, что по меньшей мере в определенные промежутки времени вооруженный конфликт существовал вне разумного сомнения. Вопрос о его хронологических и территориальных рамках будет рассмотрен в главе 17.

15.4.2. Стороны конфликта

В соответствии с выделенными критериями нам сначала необходимо установить наличие субъектов правоотношений, характеризующихся «обращением к насилию», т.е. сторон вооруженного конфликта. В рассматриваемом варианте II это должны быть государственные власти с одной стороны и организованные вооруженные группы – с другой.

²⁰ Когда война войной не является? // Какова надлежащая роль права вооруженных конфликтов в рамках «глобальной войны с терроризмом». – Семинар по вопросам защиты прав человека в рамках борьбы с терроризмом «Международная деятельность по предотвращению терроризма и борьбе с ним». Копенгаген, 15-16 марта 2004 года. Выступление Габора Роны, советника по правовым вопросам Правового департамента МККК. || <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwplList99/AD798D6B7AD99A39C325714D00272BC4>.

Существование «государственных властей» в лице органов власти Российской Федерации очевидно. Также очевидно и существование в Чеченской Республике «организованных вооруженных групп», с которыми, по указанию органов власти Российской Федерации вели (и продолжают вести) борьбу ее силовые структуры: подразделения Вооруженных сил, органы МВД и спецслужбы. Наличие организованных вооруженных групп чеченских сепаратистов никогда не ставили под сомнение и российские власти. Для обозначения таких групп они использовали и используют термин «незаконные вооруженные формирования», содержащийся в Уголовном кодексе Российской Федерации²¹. На это прямо указывают все основные указы Президента РФ, посвященные войсковой операции на Северном Кавказе. Так, уже Указ президента Б. Н. Ельцина от 9 декабря 1994 г. № 2166, на основании которого и были начаты боевые действия, имеет в своем заголовке формулировку «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики»²². Указ президента РФ Б. Н. Ельцина от 23 сентября 1999 г. № 1255с, положивший начало «второй» военной кампании на территории ЧР, уже содержит формулировку «уничтожение незаконных вооруженных формирований на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»²³.

Более того, в течение длительного периода времени стороной конфликта, противостоящей государственным властям, являлись не просто организованные вооруженные группы. Российской Федерации противостояла непризнанная республика (ЧРИ), обладавшая всеми основными атрибутами государственного образования, контролем над значительной территорией и вооруженным контингентом, организованным по принципу регулярных вооруженных сил. Причем, как мы покажем чуть ниже, Российская Федерация признавала правосубъектность этого образования, что подтверждается подписанием между РФ и ЧРИ двухсторонних договоров.

Международный Комитет Красного Креста в своих комментариях к Женевским Конвенциям прямо указывает на подобные обстоятельства, как на критерий того, что имеет место «подлинный вооруженный конфликт» а не «простой акт бандитизма или неорганизованное и недолгое восстание»²⁴. В числе индикаторов существования вооруженного конфликта МККК приводит, в частности, следующие формулировки, которые предлагались государствами на Дипломатической конференции 1949 года при обсуждении ст. 3, общей для Женевских конвенций: «Повстанцы имеют организацию, имеющую характеристики государства»; «Повстанческая гражданская власть осуществляет фактическую власть над людьми в пределах определенной территории»; «Вооруженные силы действуют под руководством организованной гражданской власти и готовы соблюдать законы и обычаи войны» и т. п.²⁵

В другом месте Международный Комитет Красного Креста указывает:

«Центральным элементом понятия вооруженного конфликта является наличие «сторон» в конфликте. Сторонами в международном вооруженном конфликте могут быть два или более государств (или государства и национально-освободительные движения), в то время как в немеждународном вооруженном конфликте друг другу могут противостоять в качестве сторон либо государства и вооруженные группы (например, повстанческие силы), либо просто вооруженные группировки. В любом случае сторона в вооруженном конфликте должна быть в определенной степени организована наподобие вооруженных сил, иметь определенную структуру командования и возможность соблюдать МГП и обеспечивать его соблюдение»²⁶.

Действительно, 6 сентября 1991 г. органы государственной власти Российской Федерации на территории Чечни были сторонниками независимости ликвидированы, Верховный Совет распущен. 27 октября 1991 г. в Чечне были проведены новые выборы в высший орган государственной власти и выборы Президента Республики, на которых одержал победу Джохар Дудаев. Несмотря на то, что эти выборы были признаны Пятым Съездом народных депутатов РСФСР незаконными, а принятые новыми органами власти акты — не подлежащими исполнению, новая администрация Чечни приступила к осуществлению государственных функций, а федеральный центр вынужден был вести с ней переговоры (подробно см. главу 3). Так, например, в докладе Конституционному Суду РФ (июль 1995 г.) министр по делам национальностей и вице-премьер РФ Сергей Шахрай отметил, что только в течение 1992 г. года состоялось более 10 встреч между представителями Верховного Совета России и чеченским парламентом и правительством. Одна из встреч состоялась с 12 по 14 марта в Сочи: согласно официальному протоколу, повестка дня, подписанная обеими сторонами, включала политические, юридические и экономические вопросы и проблемы коллективной безопасности (протокол подписан заместителем председателя ВС В. Жигулиным и гла-

²¹ Ч. 1 ст. 208 УК РФ подразумевает под незаконными вооруженными формированиями «объединение, отряд, дружину или иную группу, не предусмотренную федеральным законом». Данный термин отличается от понятия «устойчивой вооруженной группы (банды)», которая создается «в целях нападения на граждан и организации» (ч. 1 ст. 209 УК РФ) и «преступного сообщества (преступной организации)», которая создается «для совершения тяжких или особо тяжких преступлений» (ч. 1 ст. 110 УК РФ).

²² См. также Постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа».

²³ О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (выписка). Указ. Президент РФ. 23 сентября 1999 г. № 1255с (НЦПИ). Преамбула.

²⁴ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. P. 50.

²⁵ Там же.

²⁶ Международное гуманитарное право и терроризм: вопросы и ответы. || <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwpList99/8A9F52E6E7E0EC75C3256F4800483FD6>.

вой делегации ЧР Зелимханом Яндарбиевым). Основной пункт протокола гласит: «О признании политической независимости и государственного суверенитета Чеченской Республики; об определении политико-правовой формы взаимоотношений между Чеченской Республикой и Российской Федерацией»²⁷. 12 марта 1992 года Парламент ЧР принял Конституцию Чеченской Республики, согласно которой Чечня провозглашалась «суверенным демократическим правовым государством, созданным в результате самоопределения чеченского народа».

31 марта 1992 года чеченский парламент принял постановление, в соответствии с которым все места дислокации российских войск, оружие и оборудование вооруженных сил СНГ на территории Чечни должно перейти под юрисдикцию Чеченской Республики. Вслед за этим по приказу министра обороны РФ Павла Грачева «во избежании кровопролития» все военнослужащие и их семьи были выведены из Чечни²⁸. Вывод войск был завершен к 8 июня 1992 г.²⁹. При этом значительная часть оружия и военной техники осталась на территории Чечни. Так, по данным газеты «Известия» в Чечне были оставлены 426 самолетов, в том числе 5 боевых, 2 вертолета, 42 танка, 14 бронетранспортеров, 139 артиллерийских установок и орудий, 101 единица противотанковых средств, 27 зенитных установок и орудий, 37 795 единиц стрелкового оружия, 27 вагонов боеприпасов³⁰.

Таким образом, с конца 1991 года на территории Чеченской Республики перестали действовать федеральные органы власти, а к середине 1992 года Российская Федерация утратила над ней и всякий военный контроль. Эта ситуация оставалась неизменной до декабря 1994 г., когда Россия предприняла попытку восстановить на данной территории свою юрисдикцию, закончившуюся в конце концов полным провалом. Оставшееся в Чечне оружие позволило властям непризнанной республики создать не просто «организованные вооруженные группы», но боеспособные вооруженные силы, которые в течение 1994-1996 гг. смогли эффективно противостоять российской армии и в конце концов одержать над ней победу.

Следует отметить, что в июле 1995 г. Швейцарскому Федеральному совету, который является депозитарием Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, было направлено заявление парламента ЧРИ от 14 июля 1995 г. за подписью председателя парламента ЧРИ Ахьяда Идигова. В заявлении, в частности, говорилось: «Парламент Чеченской Республики Ичкерия – полномочный орган власти, представляющей чеченский народ, ведущий борьбу за свои права с Россией – заявляет о принятии Чеченской Республикой Ичкерия обязательств по соблюдению Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 г.»³¹.

Не стоит далее подробно говорить о «первой войне», так как высший орган судебной власти РФ признал существование вооруженного конфликта в этот период³². Однако следует отметить, что все вышеперечисленные признаки (только еще в более яркой форме) имели место к началу «второго» конфликта в 1999 г.

После того, как 31 августа 1996 г. в присутствии главы миссии ОБСЕ представители РФ и ЧРИ подписали Хасавюртские соглашения³³, все российские подразделения вновь были выведены с территории Чечни (вывод войск был завершен к 31 декабря 1996 г.)³⁴. Сами соглашения в разделе «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой» (п. 1) устанавливали: «Соглашение об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, определяемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года». Это положение вошло в историю конфликта как «концепция отложенного статуса». Переговоры по этому вопросу к началу второго конфликта так и не были завершены.

В ноябре 1996 года Государственный совет обороны и Парламент ЧРИ назначили выборы президента и Парламента ЧРИ на январь 1997 года. 27 января под эгидой и на средства ОБСЕ состоялись выборы президента, вице-президента и депутатов Парламента ЧРИ. Президентом был избран Аслан Масхадов, получивший 59,1% голосов избирателей.

12 мая 1997 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин и Президент Чеченской Республики Ичкерия А. А. Масхадов подписали «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия», имеющий целью «прекратить многовековое противостояние, <...> установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения» (Преамбула). Этот документ является беспрецедентным как для Российской Федерации, так и для истории федерализма вообще. По форме это международный дого-

²⁷ Текст опубликован: Коган-Ясный, 1995, с. 18.

²⁸ Данлоп, 2001, с. 173.

²⁹ Локшина, Мнацаканян, Пархоменко, Черкасов, 2007, с. 108.

³⁰ Известия. 1995. 12 января, стр. 4. Также см: Белая книга. Чечня. 1991-1995; факты, документы, свидетельства. В 2 частях. – М., 1995. Ч. 1. С. 7-8.

³¹ Орлов, Черкасов, 1998. Раздел 4. Нарушение прав человека и норм гуманитарного права вооруженными формированиями и властями Чеченской Республики Ичкерия.

³² Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 31 июля 1995 г. № 10-П По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

³³ Текст опубликован: Независимая газета. 3 сентября 1996. № 63.

³⁴ Локшина, Мнацаканян, Пархоменко, Черкасов, 2007, с. 45.

вор, о чем говорит, во-первых, Преамбула, где его субъекты названы «высокими договаривающимися сторонами», во-вторых, пункт 2, в соответствии с которым стороны договорились «строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права». Ни одной ссылки на российское законодательство соглашение не содержит. В соответствии с пунктом 1 стороны договорилось «навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов» (эта формулировка представляет непрямую цитату из ст. 2 (4) Устава ООН). В соответствии с пунктом 3 «договор является основой для заключения дальнейших договоров и соглашений по всему комплексу взаимоотношений»³⁵. Текст договора официально опубликован в правительственной «Российской газете» (что в Российской Федерации является обязательным для вступления закона в силу). Что еще более удивительно, договор не был денонсирован РФ и до настоящего времени остается де-юре действующим документом.

В дальнейшем РФ и ЧРИ заключили еще ряд соглашений в экономической, таможенной и иной сфере. Отдельно следует назвать Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Чеченской Республики Ичкерия от 20 мая 1997 года, подписанное председателем правительства РФ Виктором Черномырдиным и Президентом ЧРИ Асланом Масхадовым, также официально опубликованное в «Российской газете»³⁶.

Официальные взаимоотношения между РФ и ЧРИ не прерывались вплоть до кануна «второго» вооруженного конфликта; вплоть до 7 марта 1999 г. на территории Чечни действовало официальное Представительство Президента и правительства Российской Федерации. «Зеркальное» Генпредставительство ЧРИ в РФ действовало в Москве вплоть до конца сентября 1999 г. Даже после марта 1999 г., когда отношения между сторонами обострились, они не прекращали официальных контактов. Так, 11 июня 1999 г. во время праздника по случаю открытия новой столицы Ингушетии города Магас состоялась встреча президента Ичкерии А. Масхадова и премьер-министра России С. Степашина. Во встрече принимали участие президент Ингушетии Р. Аушев и министр внутренних дел РФ В. Рушайло. По официальной информации, стороны «договорились действовать вместе по наведению порядка», в частности, в сфере борьбы против терроризма, похищений людей, организованной преступности. С. Степашин подтвердил А. Масхадову выполнение новым правительством РФ обязательств по пенсионному обеспечению, выплате зарплаты учителям, восстановлению ряда объектов в Чечне. 12 июня состоялась встреча министров внутренних дел России и Ичкерии В. Рушайло и А. Абалаева. В качестве первого шага к возобновлению сотрудничества, которое было практически свернуто после похищения в Грозном генерала Г. Шпигуна, министры подписали соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи МВД РФ и МВД ЧРИ. Документ регламентирует процессы обмена оперативной информацией, а также совместные меры по борьбе с терроризмом, похищениями людей, незаконным оборотом оружия. Стороны констатировали, что «пришли к полному взаимопониманию по всем обсуждаемым вопросам»³⁷.

Приведенные факты вряд ли прямо свидетельствуют об официальном признании Россией независимости ЧРИ (как склонны трактовать их некоторые сторонники чеченской независимости): ведь в соответствии с Хасавюртовскими соглашениями этот вопрос подлежал урегулированию в ходе дальнейших переговоров. Однако из них однозначно следует пять выводов:

1. Российская Федерация, подписывая Договор о мире, признала ЧРИ стороной вооруженного конфликта, существовавшего в 1994-1996 годах.
2. Российская Федерация признала правосубъектность ЧРИ.
3. Российская федерация признала президента ЧРИ Аслана Масхадова легитимным руководителем ЧРИ.
4. Российская Федерация признала ЧРИ стороной таких официальных отношений, которые по своей форме и содержанию не являются субординационными отношениями между федеральным центром и субъектом федерации, а являются отношениями равноправных партнеров, регулирующимися нормами международного права.
5. Данный статус взаимоотношений сохранялся на момент начала «второго» вооруженного конфликта 1999 года.

Таким образом, участниками «второго» вооруженного конфликта являлись, с одной стороны, «государственные власти» Российской Федерации, с другой стороны – подобное государству образование: Чеченская Республика Ичкерия. Причем к моменту начала конфликта стороны были связаны определенными договорными отношениями, по своей форме и содержанию подобными международным. Несмотря на внутреннюю нестабильность и череду политических кризисов, сотрясавших ЧРИ с 1997 по 1999 год, ее администрация осуществляла контроль над большей частью территории непризнанной республики. Органы управления Чеченской Республики Ичкерия включали законодательную, исполнительную и судебную власть, правительственные министерства и ведомства (включая Министерство обороны), структуру местного самоуправления, органы охраны порядка и вооруженные силы.

Что представляли собой Вооруженные силы непризнанной ЧРИ и иные организованные вооруженные группы к началу «второго конфликта»?

³⁵ Российская газета. 20 мая 1997 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Музаев, 1999.

Главкомандующим Вооруженными силами ЧРИ, согласно Конституции непризнанной республики, являлся президент — бывший полковник-артиллерист Советской Армии Аслан Масхадов. После ликвидации поста министра обороны в феврале 1997 года вторым лицом в управлении Вооруженными силами ЧРИ являлся начальник Главного штаба Вооруженных сил, а Главный штаб фактически выполнял роль военного ведомства. Вооруженные силы ЧРИ состояли из локальных групп (полков и батальонов), сформированных в основном по территориальному признаку; полевые командиры, возглавлявшие вооруженные группы, одновременно являлись и их неформальными лидерами. До весны 1997 года полки и батальоны были объединены в фронты (направления), созданные по территориальному принципу (Юго-Восточный, Юго-Западный, Шалинский и пр.) или исходя из необходимости проведения боевых операций (Центральный, Агиштинский и пр.). В марте-июне 1997 года структура Вооруженных сил была реорганизована: Масхадов учредил Национальную гвардию (численность — 2 тыс. человек), которая должна была стать единственным регулярным вооруженным формированием — основой Вооруженных сил ЧРИ. Остальные вооруженные группы должны были быть распущены. В состав Национальной гвардии входили автономные Президентская гвардия (была подчинена непосредственно президенту ЧРИ) и Шариатская гвардия (находилась в распоряжении Верховного Шариатского суда, позднее упразднена и вновь воссоздана). Кроме того, отдельные батальоны находились в подчинении Главного штаба (батальон обеспечения охраны военных объектов и управления ГШВС) и председателя правительства (спецбатальон при Кабинете министров ЧРИ). 25 мая 1997 г. Масхадов издал приказ, в котором упразднил командование фронтов и направлений и определил порядок системы дислокации Вооруженных сил ЧРИ. В мае был утвержден Устав внутренней службы Вооруженных сил ЧРИ³⁸.

Указом президента Масхадова № 202 от 23 июня 1999 г. было сформировано Министерство обороны ЧРИ. Этим же указом министром обороны назначен дивизионный генерал Магомед Хамбиев, ранее занимавший должность командующего Национальной гвардией ЧРИ.

По данным российских независимых источников, в 1999 году вооруженные формирования ЧРИ имели следующую структуру.

Национальная гвардия ЧРИ, не входившая к этому моменту в структуру вооруженных сил, включала две роты охраны президента и роту почетного караула (всего около 300 человек).

Вооруженные силы управлялись Главным штабом, включающим отделы боевого управления, тыла и транспорта, кадров, службы войск, идеологии и религии, а также батальон управления и обеспечения (пос. Ханкала).

В структуру Вооруженных Сил входили:

- 6 мотострелковых батальонов (около 60 БТР и БМП), дислоцированных в пос. Северном (Грозный), пос. Ханкала, г. Гудермес и станице Наурская;
- Шалинский танковый полк (около 25 танков);
- смешанный артиллерийский батальон (3 самоходных артиллерийских установки (САУ), 5 ракетных систем залпового огня «Град», 20 орудий калибра свыше 100 миллиметров);
- зенитный батальон (15 зенитно-артиллерийских установок и около 40 переносных зенитно-ракетных комплексов);
- саперный батальон;
- медицинский батальон;
- разведывательно-диверсионная рота;
- несколько кадрированных полков территориальной обороны.

Личный состав этих подразделений включал около 2500 человек.

Кроме того, вооруженными подразделениями располагали отдельные министерства и ведомства ЧРИ.

Министерство шариатской безопасности включало департамент шариатской общественной безопасности, департамент шариатских учреждений исполнения наказаний, 1-й Исламский полк специального назначения (был дислоцирован в Алхан-Кале и Ачхой-Мартане) и 2-й Исламский полк специального назначения (Грозный). Личный состав этих формирований насчитывал около 1300 человек.

Антитеррористический центр (Гудермес), включавший следственные бригады и группу быстрого реагирования, насчитывал около 350 человек.

Национальная служба безопасности (департаменты внешней разведки, контрразведки, безопасности на транспорте, безопасности в промышленности и Отряд специального назначения «Борз») насчитывала около 500 человек.

Самой крупной военизированной структурой непризнанной ЧРИ являлось Министерство внутренних дел. Оно включало отделы кадров, криминальной полиции, автоинспекции, пожарной охраны и районные отделы МВД. Личный состав насчитывал около 5000 человек.

Пограничная и таможенная службы насчитывала около 400 человек, налоговая служба — около 100 человек.

Кроме того, в начале июня 1999 г. Масхадовым была воссоздана Шариатская гвардия под командованием Руслана (Хамзата) Гелаева. Практически в ее состав (около 500 человек) вошли члены вооруженного формирования этого авторитетного полевого командира (см. примечание 42).

Таким образом, к началу «второго» вооруженного конфликта «под ружьем» у непризнанной республики было около 10550 человек. Разумеется, это не означает, что все они приняли участие в конфликте; так, многие

³⁸ Там же.

сотрудники МВД и других правоохранительных органов не принимали участие в боевых действиях и позднее перешли на службу в российские правоохранительные органы.

Существовал институт воинского учета. Так, по сообщениям чеченских СМИ за первое полугодие 1999 г. через призывные медкомиссии мобилизационного управления Главного штаба Вооруженных сил ЧРИ прошло более 7 тыс. юношей 17-летнего возраста. По данным мобилизационного управления, 70% из них были признаны годными к несению военной службы³⁹. 15 августа 1999 г. в связи с событиями на территории Дагестана указом президента А. Масхадова в Ичкерии было введено чрезвычайное положение. В республике началась частичная мобилизация резервистов и участников боевых действий 1994-1996 гг. По информации чеченской стороны, к концу августа общее число мобилизованных резервистов достигло 8 тысяч человек. Отряды резервистов были сформированы в пограничных районах Чечни⁴⁰. Официальные релизы о численности мобилизованных вряд ли соответствовали действительности. Скорее всего, в вооруженное противостояние вступило значительно меньшее количество лиц этой категории. Однако мобилизация, несомненно, проводилась, а определенное количество мобилизованных приняло участие в конфликте.

Кроме того, в республике существовала и другая мощная сила: отряды полевых командиров, которые в большинстве случаев находились в оппозиции к президенту Масхадову и состояли из людей, исповедовавших радикальный ислам. Часть этих групп сыграла активную роль в дагестанской авантюре августа-сентября 1999 г., которая и положила начало «второму» вооруженному конфликту.

Еще 14 июня 1997 г. в связи с тем, что большинство полевых командиров фактически проигнорировало акты о реорганизации Вооруженных сил, Аслан Масхадов издал указ «Об упорядочении ношения оружия», которым запретил ношение оружия членами вооруженных групп, не входящих в состав регулярных Вооруженных сил. 15 июня 1997 г. Масхадов обязал полевых командиров распустить нерегулярные вооруженные формирования, разрешив оставить лишь личную охрану. Однако фактически полевые командиры сохранили свои вооруженные группы, превратив их в отряды муниципальной полиции, ведомственной или вневедомственной охраны, частные охранные предприятия и т. п.⁴¹ В ряде случаев эти формирования, находившиеся в острой конфронтации с республиканской властью, были тесно связаны с криминальным бизнесом (похищения людей, незаконная добыча и торговля нефтепродуктами и т. п.). Во время вооруженного конфликта 1999-2000 годов некоторые из этих полевых командиров со своими бойцами перешли на сторону федеральных сил, однако большая часть, состоявшая из исламистов, активно противостояла российской военной группировке. В конечном итоге к 2001 году большинство из оставшихся в живых полевых командиров формально признали лидерство Масхадова как Верховного главнокомандующего ВС ЧРИ.

К концу лета 1999 года «негосударственные» формирования чеченских полевых командиров состояли из следующих отрядов:

Отряд Шамиля Басаева и Хасана Долгуева (Ведено, Шали) насчитывал около 2500 человек. Отряд Руслана Хайхороева (Бамут, Ачхой-Мартановский и Сунженский районы) – около 500 человек. Отряд Елхоева (Бамут) – около 50 человек. Отряд Богураева (ст. Ищерская) – около 100 человек. Отряд Салмана Радуева – около 600 человек. Отряд Мурдашева и братьев Ямадаевых – около 150 человек (25 октября 1999 г. перешел на сторону федеральных сил). Отряд Гелисханова (Ножай-Юртовский район) – около 150 человек. Отряд иорданского добровольца Эмира ибн аль-Хаттаба, располагавшего своими военно-тренировочными лагерями (Сержень-Юрт, Шали, Ведено) – около 550 человек. Отряд Арби Бараева (Урус-Мартан) – около 200 человек. Отряд Турпал-Али Аггириева (Шелковская) – около 200 человек. Отряд Хаташева (Урус-Мартан) – около 300 человек. Отряд Магомеда Аслутдинова (Кенхи) – около 100 человек. Отряд Абалаева (Зандак) – около 150 человек (25 ноября 1999 г. перешел на сторону федеральных сил).

К этим отрядам нужно прибавить еще формирования самообороны, которые создавались практически в каждом населенном пункте, а также определенное количество иностранных добровольцев (российские источники называют цифру около 1000 человек, но, по всей видимости, она завышена в разы)⁴².

Тем не менее, если из общего числа членов организованных вооруженных групп исключить полицию, пограничную, таможенную и налоговую службы, отряды полевых командиров-перебежчиков, а также не учитывать резервистов, членов отрядов самообороны и иностранных моджахедов, то число комбатантов, противостоявших федеральным силам на начальном этапе конфликта, все равно получается очень значительным, никак не менее 10 тысяч человек. По оценкам же Генштаба Вооруженных сил РФ, «с учетом резервистов и добровольцев армия Аслана Масхадова могла насчитывать около 16-17 тысяч человек»⁴³.

А вот как оценивает численность противника российский генерал Геннадий Трошев (сначала командующий оперативным направлением «Восток», затем командующий Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе):

³⁹ Грозненский рабочий. – Грозный. 1999. 14-20 июля. № 26.

⁴⁰ Музаев. Политический мониторинг. Август-сентябрь 1999 г.

⁴¹ Музаев. Политический мониторинг. Июнь 1999 г.

⁴² Противник федеральных сил: Чечня, 1994-2000 гг. – Сержант. Военно-исторический журнал. № 13. || http://chechnya.genstab.ru/chech_99oob.htm; см. также: Музаев. Политический мониторинг. Июнь 1999 г.

⁴³ Сергей Ищенко. «Войска уходят – война продолжается». – Труд. 21 марта 2001 г. № 52. || <http://www.trud.ru/trud.php?id=200103210520506>.

«К октябрю группировка бандитов выросла почти в два раза и к началу контртеррористической операции достигла 20 тысяч человек, или в переводе на военную терминологию — приблизительно 50 батальонов. А если учитывать, что практически в каждом населенном пункте «мирные» жители имели оружие (это позволяло создавать свои вооруженные отряды), то общая численность боевиков могла достигать 30 и более тысяч человек. На вооружении у них было несколько десятков танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, артиллерийских и зенитных установок, десятки тысяч единиц стрелкового оружия и огромное количество боеприпасов. Наиболее мощные, боеспособные, отборные отряды подчинялись Э. Хаттабу (до 2 тысяч человек), Ш. Басаеву (до 1500 человек), С. Радуеву (около 500 человек). В остальных бандгруппах — от 100 до 300 человек»⁴⁴.

В ходе боевых действий структура ВС ЧРИ претерпевала неоднократные преобразования. Важно отметить, что 3 июля 2000 г., когда сепаратисты уже перешли к партизанским методам ведения боевых действий, Президент ЧРИ Аслан Масхадов издал Указ № 10/390 «О мерах по соблюдению требований Женевских Конвенций», в соответствии с которым предписывалось «всем командирам ВС ЧРИ довести требования Женевских Конвенций» а также «предпринять необходимые меры для предоставления свободного доступа международным правозащитным организациям к военнопленным, вне зависимости от места их содержания»⁴⁵.

О степени организованности и боеспособности чеченской стороны конфликта ярко свидетельствуют оценки, данные военачальниками противника. Геннадий Трошев следующим образом описывает созданную сепаратистами к декабрю 1999 года систему обороны города Грозный:

«Если брать в разрезе районов, то картина выглядела следующим образом:

- в Старопромысловском районе — до 200 человек под руководством Бакуева;
- в Октябрьском — около 1200 человек, подчинены А. Бажиеву и Ш. Басаеву;
- в Заводском — бандформирования Р. Ахмадова и Х. Исрапилова (до 800 человек), половина из них — ваххабиты;
- в Ленинском — до 300 человек под командованием А. Исмаилова;
- в районе Черноречья — до 300 человек.

Передовые позиции занимали отряды полевых командиров Арафата, Джандуллы и Зубаира.

К числу сильных сторон противника можно отнести: высокие мобилизационные возможности незаконных вооруженных формирований (НВФ), четкую систему управления. Она осуществлялась централизованно, с использованием современных средств связи. Постоянно велась активная разведка группировки федеральных войск; строгую дисциплину, опирающуюся на религиозные и тейповые принципы; хорошо обученных, опытных наемников.

Наиболее крупные и подготовленные бандформирования находились непосредственно в Грозном. Там же действовали и подразделения специального назначения.

В черте города была создана система очаговой обороны, включавшая огневые позиции минометов и противотанковые заграждения. Нижние этажи домов на основных направлениях были оборудованы под долговременные огневые точки. Окна и входы в подвалы домов на окраинах, вдоль магистральных улиц и на перекрестках закрывались мешками с песком, камнями и кирпичами. Оставлялись лишь бойницы для наблюдения и ведения огня.

Большая часть артиллерии (основу составляли минометы) была замаскирована в жилых кварталах и на предприятиях. На крышах и верхних этажах зданий располагались огневые позиции снайперов и зенитчиков, а важные объекты и подступы к отдельным военным городкам минировались.

Перекрестки улиц заваливали железобетонными плитами, сооружали доты, соединявшиеся между собой, а также с прилегающими дворами ходами сообщения.

Территория города была разделена на три оборонительных рубежа. Первый — вдоль Старопромысловского шоссе; второй — по улице Ленина (в основном в подвалах многоэтажных домов); третий — по улице Сайханова, юго-западнее железнодорожного вокзала.

Здания, расположенные на выгодных в тактическом отношении позициях, были превращены в опорные пункты, приспособленные для круговой обороны. С целью снижения вероятности поражения отрядов боевиков огнем артиллерии и ударами авиации федеральных войск опорные пункты соединялись между собой подземными ходами. Используя их, боевики имели возможность скрытно выйти из-под обстрела, покинув свои позиции, а затем вернуться после окончания арт- или авианалета.

Основной тактической единицей в ходе городских боев у бандитов, как и в прошлом, была маневренная группа из 5-6 человек. В ее состав обязательно входил снайпер. Остальные его прикрывали, ведя при этом огонь из гранатометов и автоматов. Для обеспечения свободы маневра снайпера в высотных домах пробивались сквозные ходы сообщения, как правило, на нечетных этажах»⁴⁶.

Таким образом, мы видим, что силы, противостоящие федеральным подразделениям, были весьма значительны и хорошо организованны. Для их подавления власти Российской Федерации создали войсковую группировку, во много раз превосходящую их по численности и оснащенности, включающую подразделения

⁴⁴ Трошев. Глава 7, раздел «На ошибках учатся».

⁴⁵ Ичкерия. Ежедневный орган правительства Чеченской Республики Ичкерия — Июль 2000 г. № 24.

⁴⁶ Трошев. Глава 8.

практически всех силовых ведомств и находящуюся под непосредственным руководством самых высших эшелонов российского военного командования. В соответствии с Приказом Президента РФ от 23 сентября 1999 г. № 1255с для проведения «контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» была создана Объединенная группировка войск (сил) «с привлечением в ее состав объединений, соединений, воинских частей, подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации и их подразделений, органов и подразделений Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной пограничной службы Российской Федерации, Федеральной службы железнодорожных войск Российской Федерации, Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации». Командующим этой группировкой был назначен командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Виктор Казанцев.

В свою очередь Объединенная группировка была подчинена специально созданному «Оперативному штабу по управлению контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», руководителем которого был назначен Министр обороны РФ а его заместителями – начальник Генштаба Вооруженных Сил РФ, Первый заместитель Министра обороны РФ, Министр внутренних дел РФ и директор ФСБ.

Важно отметить, что, по признанию Президента РФ Владимира Путина, сделанному им в ежегодном послании Федеральному Собранию 2006 года, для участия в боевых действиях пришлось привлечь практически все боеспособные подразделения Вооруженных Сил, но и их оказалось недостаточно. «В 1999 году, – заявил Владимир Путин, – когда возникла необходимость противостоять масштабной агрессии международного терроризма на Северном Кавказе, проблемы армии обнажились до боли. <...> Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек. А во всех Сухопутных войсках, в боеготовых подразделениях – 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране. Армия – 1 миллион 400 тысяч человек, а воевать некому. Вот и посылали необстрелянных пацанов под пули. Никогда этого не забуду»⁴⁷.

К началу февраля 2001 года общая численность группировки федеральных войск в Чечне достигла 80 тыс. военнослужащих и сотрудников МВД⁴⁸.

На первоначальном этапе войсковой операции в Чечне (октябрь 1999 – 2000 гг.) федеральные силы вели наступление силами трех мощных войсковых (оперативных) группировок: «Восток», «Запад» и «Север». Штурм чеченской столицы – города Грозного – потребовал создания еще одной оперативной группировки «Особый район г. Грозный». Для овладения горными районами Чечни были сформированы войсковые группировки «Центр», «Юг» и «Высокогорная» (подробно о составе данных оперативных группировок см. раздел 25.2.2).

Принимая во внимание приведенные выше сведения, наличие сторон вооруженного конфликта может считаться установленным.

15.4.3. Насилие с применением оружия и его интенсивность

Учитывая прямое признание Российской Федерацией наличия вооруженного конфликта 1994 – 1996 гг., мы не будем останавливаться на описании боевых действий в этот период (сведения о главных военных событиях см. в главе 4). Отметим лишь, что они характеризовались высокой степенью интенсивности: почти за два года боевых действий федеральная сторона, несмотря на отчаянные усилия, так ни разу и не смогла взять под свой контроль всю территорию республики, включая ряд населенных пунктов.

Первоначальный период «второго» вооруженного конфликта (август 1999 – март 2000 гг.) характеризовался столь же высоким уровнем интенсивности. В течение этого времени подразделения российской Объединенной группировки войск, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, постепенно устанавливали контроль над территорией Чеченской Республики. Основное наступление осуществлялось одновременно со стороны Дагестана (группировка «Восток»), Ингушетии (группировка «Запад») и Ставропольского края (группировка «Север») при поддержке фронтовой авиации, артиллерии, ракетных систем залпового огня и бронетехники. Вот как описывает данные события официальный сайт министерства обороны:

«2 августа 1999 года боевики численностью около 2000 человек вторглись на территорию Ботлихского и Цумандинского районов Дагестана. <...> Сложная войсковая операция была проведена федеральными силами в т.н. Кадарской зоне, в селениях Чабанмахи и Кармахи. Началась она еще 28 августа 1999 года, готовилась и проводилась в основном силами МВД, но особых успехов не наблюдалось. 4 сентября 1999 года была осуществлена перегруппировка войск. К исходу дня Кадарская зона была взята в два кольца блокирования. К 11 сентября российские войска заняли господствующий над всей местностью г. Чабан. Уже в полдень, 12 сентября, над Кармахи реял триколор, а к вечеру того же дня российский флаг взвился над Чабанмахи. Остатки боевиков в Кадарской зоне были

⁴⁷ http://kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml.

⁴⁸ Россия и СССР в войнах XX века. // Под общей ред. кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Кривошеева Г. Ф. – М., 2001.

ликвидированы к 15 сентября 1999 года. В целом в ходе операции была разгромлена мощная группировка противника — до 1000 человек.

Потерпев поражение в горных районах Дагестана, бандиты предприняли вылазку в Новолакском районе. 5 сентября 1999 года около 700 боевиков прорвали на границе с Дагестаном заслоны милиции и внутренних войск и устремились вглубь республики. Однако и здесь бандитов ожидал провал. Тогда они начали готовиться к нападению на приграничные с Чечней районы Дагестана. <...>

В декабре 1999 года была освобождена вся равнинная часть территории Чеченской Республики. Боевики сосредоточились в горах (около 3000 человек) и осели в Грозном. Для борьбы с боевиками была создана специальная группировка войск. 26 декабря 1999 года она приступила к выполнению своей задачи. При штурме Грозного пришлось прорывать три кольца обороны, но 6 февраля 2000 года город был взят под контроль федеральных сил. Для борьбы в горных районах Чечни, кроме восточной и западной группировок, действовавших в горах, была создана новая группировка «Центр». В 25-27 февраля 2000 года подразделения «Запада» блокировали Харсеной, а группировка «Восток» закрыла боевиков в районе Улус-Керт, Дачу-Борзой, Ярышмарды. 2 марта Улус-Керт был освобожден.

Последней крупномасштабной операцией была ликвидация группировки Р. Гелаева в районе с. Комсомольское. 4 марта 2000 года его банда прорвалась в селение. Уже 7 марта федеральные войска приступили к операции по освобождению Комсомольского, а к 14 марта 2000 года она была успешно завершена. После этого боевики перешли на диверсионно-террористические методы ведения войны»⁴⁹.

Начальник Общевоинской академии Вооруженных сил РФ генерал-полковник Р. С. Золотов признал:

«На практике контртеррористическая операция, проведенная в Дагестане и Чечне, вылилась в крупномасштабные военные действия с участием вооруженных формирований практически всех силовых структур государства. Ее целью являлся разгром чеченских незаконных вооруженных формирований, угрожавших целостности государства, его конституционному строю»⁵⁰.

Еще более недвусмысленно высказался по этому поводу Начальник ракетных войск и артиллерии ВС РФ генерал-полковник М. И. Каратуев:

«Итоги контртеррористической операции необходимо рассматривать в контексте мировой практики локальных войн и вооруженных конфликтов»⁵¹.

Для того, чтобы наглядно продемонстрировать уровень интенсивности боевых действий, мы обратимся к следующим индикаторам: (а) используемые сторонами виды вооружений и способы ведения боевых действий; (б) число человеческих потерь; (в) число беженцев или внутриперемещенных лиц; (г) уровень разрушений.

а) Используемые сторонами виды вооружений и способы ведения боевых действий

Важным индикатором, позволяющим дать оценку интенсивности вооруженного насилия, являются используемые сторонами виды вооружений и способы ведения боевых действий. Использование федеральной стороной бронетехники, артиллерии, ракетных систем залпового огня и фронтовой авиации подтверждается официальными заявлениями военного командования и документами пресс-службы ОГВ (с), огромным массивом фото- и кинодокументов, сообщениями СМИ и свидетельствами очевидцев. Эта военная техника и эти средства поражения использовались не эпизодически, а постоянно и массово.

Начальник Главного управления Сухопутных войск генерал-полковник Ю. Л. Букреев подчеркивает:

«Большой объем задач операции выполняли ракетные войска и артиллерия. Ими впервые был применен на практике зонально-объектовый метод огневого поражения. Суть его заключается в максимальной децентрализации управления артиллерией, предоставлении широких прав и возможностей общевоинскому командиру (от роты и выше) в организации огневого поражения по принципу «обнаружил — уничтожил». В числе новых задач, выполнявшихся артиллерией, можно назвать такие, как огневое блокирование, огневое прочесывание, огневое окаймление, создание огневого коридора»⁵². <...> В основу **огневого поражения группировок НВФ** в ходе проведения контртеррористической операции был положен принцип дальнего огневого поражения противостоящего противника в целях значительного сокращения боевых потерь наших войск. При его планировании особое внимание уделялось решению таких задач, как уничтожение окруженной (блокированной) группировки НВФ, воспреещение ее прорыва из блокированного района и подхода резервов. Наибольший эффект при этом достигался в результате внезапного открытия залпового огня с применением боеприпасов различных видов».

Роль авиации во «втором» чеченском конфликте была охарактеризована Главнокомандующим ВВС генералом армии А. М. Корнуковым:

⁴⁹ Официальный сайт Министерства обороны РФ. || <http://www.mil.ru/848/1045/1272/1365/1366/8796/index.shtml>.

⁵⁰ Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы. – Материалы круглого стола. || http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/voenteoriya/analiz_KTO_zolotov.htm.

⁵¹ Там же. || http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/voenteoriya/analiz_KTO_karatuev.htm.

⁵² Там же. || http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/voenteoriya/analiz_KTO_bukreev.htm.

«Значительное удаление района боевых действий от аэродромов базирования ударной авиации, его ограниченные размеры и горный рельеф исключили возможность массированного применения авиации, вынуждали использовать штурмовую авиацию в непосредственной близости от переднего края своих войск, затрудняли привязку к местности для нанесения удара с первого захода.

Бомбардировочная авиация на начальном этапе операции применялась в основном ночью для минирования и разрушения путей выдвижения бандформирований с последующим уничтожением жилой силы и техники в районах сосредоточения. Кроме того, она наносила удары по площадным целям в районе боевых действий, по местам сосредоточения боевиков в развалинах, обособленных лесных массивах и летниках. В последующем бомбардировочная авиация выполняла задачи и в светлое время суток. Удары, как правило, наносились последовательно – парами или звеном.

Штурмовая авиация использовалась для уничтожения опорных пунктов, огневых точек, отдельных транспортных средств и групп боевиков, а также для авиационной поддержки войск, так как эффективность применения армейской авиации со средних высот и с больших дальностей была низкой. Днем в сложных метеорологических условиях и ночью боевой порядок ударных групп выбирался с учетом соблюдения мер безопасности и обеспечения качественного прицеливания. Как правило, он представлял собой колонну одиночных самолетов ударной группы на минутном интервале с эшелонированием по высоте 300 м. В некоторых случаях с целью увеличения длительности воздействия по противнику полеты выполнялись на увеличенных интервалах (от 20 мин до 1 ч) парами. Широкое распространение получил такой способ боевых действий, как самостоятельный поиск и уничтожение целей. Для этого назначались наиболее подготовленные экипажи, способные принимать самостоятельные решения на уничтожение объектов. Это в какой-то мере компенсировало отсутствие внезапности нанесения ударов.

Бомбардировочная авиация действовала на высотах от 3500 м и выше, штурмовая – 1000-3000 м.»⁵³.

Только с начала августа по 25 сентября 1999 года самолеты фронтовой и военно-транспортной авиации совершили более 1700 боевых вылетов, 1250-1300 из которых – непосредственно для нанесения ракетно-бомбовых ударов⁵⁴. Такая же высокая интенсивность использования авиации сохранялась и во время проведения операции в Чечне. Так, например, 25 сентября, по данным российских СМИ, было совершено 50 боевых вылетов⁵⁵, 12 октября – 16 самолето-вылетов⁵⁶, 22 октября – 10 самолето-вылетов⁵⁷, 31 октября – 100 самолето-вылетов⁵⁸, 7 ноября – также 100 самолето-вылетов⁵⁹, 12 ноября – 180 самолето-вылетов⁶⁰, 17 ноября – 80 самолето-вылетов⁶¹, 20 ноября – 40 самолето-вылетов⁶², 20 декабря – 60 самолето-вылетов.

Комплексное применение различных средств поражения противника генерал-полковник М. И. Каратуев иллюстрирует примером захвата укрепленных пунктов у поселка Горагорский,

«которые были взяты благодаря сочетанию ударов ракетных войск и авиации, огня артиллерии с закрытых огневых позиций, танков и ПТРК – прямой наводкой. Штурму поселка и атаке укрепленных пунктов мотострелковыми формированиями командующий западной группировкой предпечел дальний огневой разгром противника. В результате наши войска овладели пос. Горагорский и заняли высоты на Терском хребте практически без потерь (всего один раненый). Потери бандитов составили около 250 человек»⁶³.

В деле «Исаева против России», рассмотренном Европейским судом по правам человека⁶⁴, упоминаются следующие средства поражения, использованные российской стороной в ходе только одной операции 24-25 февраля 2000 г. в чеченском селе Катыр-Юрт:

«ФАБ-500» – большие авиабомбы свободного падения большой мощности, длиной 3 метра и весом 500 кг.

«ФАБ-250» – большие авиабомбы свободного падения большой взрывной силы, весом 250 кг.

«С-24» – тяжелые неуправляемые ракеты класса «воздух – земля» весом более 230 кг. и длиной свыше 2,3 метров. При взрыве дают около 4000 осколков и имеют радиус поражения свыше 300 метров.

⁵³ Там же. || http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/voentoriya/analiz_KTO_kornukov.htm.

⁵⁴ Россия и СССР в войнах XX века. // Под общей ред. кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Кривошеева Г. Ф. – М., 2001.

⁵⁵ Осмаев, 2005, с. 21.

⁵⁶ Там же, с. 25.

⁵⁷ Там же, с. 27.

⁵⁸ Там же, с. 29.

⁵⁹ Там же, с. 30.

⁶⁰ Там же, с. 32.

⁶¹ Там же, с. 33.

⁶² Там же, с. 34.

⁶³ Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы. – Материалы круглого стола. || http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/voentoriya/analiz_KTO_karatuev.htm.

⁶⁴ ЕСПЧ. Решение по делу «Исаева против России» (заявление № 57950/00) от 24 февраля 2005 г. На русском языке опубликовано: Решения Европейского Суда по правам человека / Перевод с англ. – М., 2005 г., с. 145-222. При пользовании данным изданием следует иметь в виду, что нумерация параграфов судебного решения в нем не совпадает с оригиналом.

«Град» — 122-миллиметровая 320-ракетная передвижная установка ракетного залпового огня с 40 залповыми трубами.

«Ураган» — 200-миллиметровая 16-зарядная установка ракетного залпового огня, выстреливающая 2 ракеты в секунду, каждая из которых оснащена осколочной боеголовкой высокой мощности. Вес ракеты — 280 кг, длина — 4,8 метра, взрывной заряд — 51,7 кг, боеголовка — 100 кг.

ТОС-1 «Буратино» — термобарическая система ракетного залпового огня, использующая 220-миллиметровые «огненные ракеты» или термобарические боеголовки. Зона гарантированного поражения — 200 X 400 метров. При взрыве боеголовки испаряется содержащаяся в ней горячая жидкость, образуя аэрозольное облако, которое, смешиваясь с кислородом, взрывается, сначала создавая высокотемпературное огненное облако, а затем — разрушительное сверхвысокое давление. Известна также как «вакуумная бомба».

Следует добавить, что в ходе этой операции, только по данным российского следствия (закончившемуся прекращением уголовного дела), было убито 46 и ранено 53 гражданских лица из числа жителей Катыр-Юрта⁶⁵.

Как установил Европейский Суд по правам человека в деле «Исаева, Юсупова и Базаева против России», в ходе обстрела колонны беженцев на трассе Ростов — Баку 29 октября 1999 г. также было использовано «чрезвычайно мощное оружие»: два боевых самолета выпустили 12 неуправляемых ракет С-24, по 6 с каждого самолета, что составляет полную боевую нагрузку⁶⁶. По данным Международного Комитета Красного Креста, в результате этого нападения погибло 25 и было ранено свыше 70 гражданских лиц⁶⁷.

Обеими сторонами конфликта широко применялась тактика установки минных заграждений.

Не только средства и методы поражения, используемые в конфликте, но и сам способ планирования и ведения боевых действий описывается российскими военачальниками в традиционных терминах войсковой операции. Вот как характеризует их генерал-полковник Букреев:

«Боевые действия носили маневренный характер, характеризовались жесткой позиционной обороной в масштабе взвода, роты, батальона. *Боевые порядки войск* были, как правило, более компактными, элементы размещались на сокращенных интервалах и дистанциях. В ряде случаев некоторые из них (ПТРез, ПОЗ, второй эшелон) вообще не создавались или использовались не по прямому назначению (зенитные средства). Тыловые и технические части размещались сразу за общевойсковыми подразделениями.

Окружение (блокирование) вооруженных группировок стало основным способом действий при ликвидации бандформирований. Оно осуществлялось как на значительной, так и на небольшой территории с последующим уничтожением противника. Опыт проведения контртеррористической операции показал высокую эффективность применения тактических воздушных десантов при изоляции незаконных вооруженных формирований.

Данные мероприятия проводились решительно, в высоком темпе, тщательно готовились, обеспечивались огнем артиллерии и авиации. Мотострелковые подразделения по заранее разведанным маршрутам выходили на установленные рубежи, занимали (захватывали) господствующие высоты и перекрывали все направления, доступные для выхода окруженных бандформирований, с широким применением минно-взрывных заграждений и других средств поражения.

Последующее уничтожение противника осуществлялось последовательно в несколько этапов. В первую очередь наносили удары авиация и артиллерия. Затем блокированные районы прочесывали общевойсковые части и подразделения, которые выявляли и уничтожали оставшихся бандитов, их склады, базы и оборонительные инженерные сооружения»⁶⁸.

В заключение стоит отметить, что интенсивное и широкомасштабное использование мощной военной техники и систем огневого поражения имело место не только в период фронтального противостояния сторон в конфликте, но и позднее, когда боевые действия перешли в стадию партизанской войны. Весьма показательным в этом отношении является использование военной авиации. Например, по данным штаба ОГВ (с), только в течение 6 сентября 2000 года (т. е. через полгода после завершения фронтальной войны) ее силы осуществили в Чечне следующие операции:

«<...> в сложных метеоусловиях штурмовики Су-25 выполнили десять боевых вылетов, самолет-разведчик Ан-30 — два, вертолеты Ми-24, Ми-8 и Ми-26 — около сорока вылетов. По предварительным данным, уничтожены база мятежников, склад с вооружением, четыре опорных пункта и долговременная огневая точка. Военно-транспортным самолетом Ил-76 из района боевых действий вывезено 149 военнослужащих и 3 тонны технических грузов. Транспортные вертолеты перевезли на погранпосты 6 тонн грузов и 80 военнослужащих»⁶⁹.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ЕСПЧ. Решение по делу «Исаева, Юсупова и Базаева против России» (заявления № 57947/00, 57948/00 и 57949/00) от 24 февраля 2005 г., пар. 195.

⁶⁷ Там же, пар. 31 со ссылкой на пресс-релиз МККК от 30 октября 1999 г. (Женева).

⁶⁸ Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы. — Материалы круглого стола. || http://www.ryadovoy.ru/geopolitika&war/voenteoriya/analiz_KTO_karatuev.htm.

⁶⁹ Авиация федеральных сил совершила в Чечне за минувшие сутки более 50 вылетов. // Нижегородский бизнес. Экономические новости России. Новости из регионов. 7 сентября 2000 г.

Очевидно, что этот уровень «насилия с использованием оружия» не может быть охарактеризован, как «нарушения внутреннего порядка и возникновение обстановки внутренней напряженности, такой, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера». Средства и методы противостояния сторон показывают, что мы имеем дело с вооруженным конфликтом высокой степени интенсивности.

б) Число человеческих потерь

Следующим индикатором, позволяющим оценить интенсивность вооруженного противостояния, является число боевых потерь сторон конфликта и потерь среди гражданского населения.

По официальным данным, представленным СМИ в аппарате помощника Президента РФ Сергея Ястржембского, потери федеральных сил в Чечне в период с октября 1999 года по 15 мая 2001 года составили 3096 человек убитыми⁷⁰. В 2003 году Министерство обороны Российской Федерации сообщило, что с 1 октября 1999 года по 23 декабря 2002 года общие потери федеральных сил в Чечне составили 4572 человека убитыми и 15549 ранеными⁷¹. Таким образом, с 15 мая 2001 г. по 23 декабря 2002 года, только по официальным данным, российская сторона потеряла в Чечне убитыми 1456 человек; и это в период, когда стадия фронтального противостояния войск была давно завершена, и боевые действия вооруженных формирований ЧРИ носили исключительно партизанский характер.

При этом данная статистика не учитывает число потерь в Дагестане в период тяжелых боев августа-сентября 1999 г. и в Ингушетии, где также имели место боевые столкновения. По заслуживающим доверия данным, опубликованным в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века», безвозвратные потери личного состава войск Министерства обороны, Внутренних войск и органов МВД в ходе операции на территории Республики Дагестан в августе-сентябре 1999 года составили 279 человек, в том числе 62 офицера, 8 прапорщиков, 74 сержанта и 135 солдат⁷². Что же касается Ингушетии, то данные о погибших здесь участниках конфликта, кажется, никто не обобщал. Однако они существенны. Так, только 11 мая 2000 г. между селами Галашки и Алхасты чеченскими бойцами в ходе операции по уничтожению моторизованной колонны МВД РФ было убито 19 и ранено трое военнослужащих.

17 февраля 2003 года агентства ИТАР-ТАСС и «Интерфакс» сообщили со ссылкой на неназванные источники в руководстве российских Вооруженных Сил, что только в 2002 году количество российских военных, погибших в Чечне, составляет около 4,5 тысяч человек, т.е. почти в три раза больше, чем по данным официальной статистики. Министерство обороны заявило, что эти сведения не соответствуют действительности. Однако официальные цифры включали только данные о тех, кто погиб на поле боя; сведения об умерших от ран в госпиталях за пределами Чечни в сводки не попадали. Глава Комитета солдатских матерей России Валентина Мельникова заявила Русской службе BBC следующее: «Наши подсчеты показывают, что во время войны более 11 тысяч солдат погибли в бою или умерли от ран, а еще 25 тысяч были ранены. Я думаю, цифры [ИТАР-ТАСС] вполне реальны, они включают тех, кто умер в больницах»⁷³.

Что касается чеченской стороны, то ее командование оценивало потери своих бойцов с сентября 1999 по середину апреля 2000 года в 1300 погибших и 1500 раненых⁷⁴. Федеральная сторона всегда озвучивала куда более существенные цифры потерь своих противников. Так, по данным генерала Трошева, к 31 декабря 2000 года федеральные силы уничтожили более 10800 человек⁷⁵. Согласно другому источнику, на начало 2001 г. было убито более 15000 чеченских комбатантов⁷⁶. В июле 2002 года сообщалось о 13517 уничтоженных боевиках⁷⁷.

Даже если отталкиваться от самых консервативных цифр, то есть от оценки сторонами конфликта их собственных потерь, получается, что только в Чечне и Дагестане и только в период с августа 1999 по 23 декабря 2002 года с обеих сторон было убито не менее 6251 и ранено не менее 17049 участников конфликта. Учитывая, что данные по Ингушетии здесь не учтены, а главное, известную аксиому, в соответствии с которой любая воюющая сторона склонна занижать собственные потери, реальные цифры должны быть гораздо выше.

Официальной статистики потерь среди гражданского населения Чечни никем и никогда не велось. Весной 1997 г., во время подготовки российско-чеченского договора о мире, Госкомстат сделал вывод о «30-40 тысячах погибших» в период «первого» конфликта. Эта цифра была основана на данных Международного Комитета Красного Креста и Правозащитного центра «Мемориал»⁷⁸. Анализ потерь «второго конфликта» также предпринимали лишь неправительственные организации: «Хьюман Райтс Вотч» и ПЦ «Мемориал». По очень взвешенной и осторожной оценке эксперта «Мемориала» Александра Черкасова, обобщившего данные двух организаций, картина потерь 1999-2002 года выглядит следующим образом: «Общее число гражданских лиц, погибших за всю «вто-

⁷⁰ www.smi.ru/text/01/05/29/126613.html.

⁷¹ Новый спор о потерях в Чечне. – Русская служба BBC. 17 февраля 2003 г. // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2773000/2773997.stm.

⁷² Россия и СССР в войнах XX века. // Под общей ред. кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Кривошеева Г. Ф. – М., 2001.

⁷³ Новый спор о потерях в Чечне. – Русская служба BBC. 17 февраля 2003 г. // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2773000/2773997.stm.

⁷⁴ Потери российских войск и боевиков в Чечне. – Коммерсант. 10 мая 2000 г.

⁷⁵ Трошев, 2001, с. 363.

⁷⁶ Россия и СССР в войнах XX века. // Под общей ред. кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Кривошеева Г. Ф. – М., 2001.

⁷⁷ Яков В. Убийственный рекорд. // www.hro.org/editions/press/0702/24/24070220.htm.

⁷⁸ Александр Черкасов. Книга чисел. Книга утрат. // В сборнике: Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье. – Московская Хельсинкская Группа. – М., 2004. С. 159.

рую» чеченскую войну, включая «исчезнувших», составляет от 14,8 до 24,1 тысячи, учитывая точность оценок — «от 15 до 24 тысяч». Консервативная оценка, без учета числящихся пропавшими без вести — «от 10 до 20 тысяч»⁷⁹. По данным «Мемориала», после задержания федеральными силовыми структурами «исчезли» (по 2002 год включительно) около 3000 человек. По данным Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике, на 21 апреля 2006 г. зарегистрировано 2707 фактов насильственных исчезновений граждан неустановленными сотрудниками силовых структур, причем ряд эпизодов включает похищение двух и более лиц⁸⁰.

Никаких попыток проанализировать число ранений и увечий среди гражданских лиц не предпринималось вообще никем. Однако, если отталкиваться от сдержанных оценок «Хьюман Райтс Вотч», в соответствии с которыми в первые девять месяцев «второй» военной кампании погибло от 6,5 до 10,4 тысяч человек (а гибли они в основном от бомбежек и артобстрелов), и что число раненых в период активных боевых действий обычно превышает число убитых, как минимум, в два раза (обычно приводится соотношение 1 к 3), то самая консервативная оценка (6,5 X 2) составляет число в 13 тысяч человек.

Итак, самые консервативные из возможных оценок численности человеческих потерь «второго» конфликта за период с августа 1999 по конец 2002 года выглядят следующим образом:

убитые (6251 комбатант + 10000 гражданских лиц) — 16251 человек;
раненые (17049 комбатантов + 13000 гражданских лиц) — 30049 человек;
пропавшие без вести — 3000 человек.

Вполне очевидно, что даже это число человеческих потерь, выведенное исходя из принципа «абсолютной презумпции наименее возможного ущерба», не может быть объяснено «беспорядками, отдельными и спорадическими актами насилия и иными актами аналогичного характера» и сигнализирует о существовании вооруженного конфликта. Учитывая, что реальные цифры по обозначенным выше причинам гораздо более существенны, этот вывод представляется неоспоримым.

в) Число перемещенных лиц

Еще одним индикатором существования вооруженного конфликта может считаться число беженцев или внутривосемещенных лиц, которые покинули места своего постоянного проживания в связи актами вооруженного насилия. Это число правильно рассматривать в пропорции с общим числом населения района боевых действий.

По данным «Российского статистического ежегодника», на 1 января 1998 г. в Чеченской Республике проживало 792488 человек. Согласно переписи населения, проведенной властями Чеченской Республики Ичкерия в период с августа по октябрь 1998 года, всего в Чечне в этот период насчитывалось около 800 тысяч жителей. Таким образом, эти оценки практически совпадают и могут считаться достоверными. По данным главы Федеральной миграционной службы Владимира Каламанова, число беженцев, покинувших Чечню осенью 1999 года, составило 350 тысяч человек. Правозащитные организации, проводившие собственный мониторинг, считают эту оценку соответствующей действительности. По данному поводу сам Каламанов заявил: «Вся Чечня снялась, зарегистрировалась и мигрирует»⁸¹.

Таким образом, с началом боевых действий из республики бежало 43,75 % населения — едва ли не его половина!

Однако в этой статистике учтены только лица, выехавшие за пределы ЧР. Вместе с тем многие лица перемещались внутри Чеченской Республики: либо ища спасения от опасности в ее северных районах, где боевые действия закончились уже осенью 1999 года, либо просто в связи с тем, что их жилье было разрушено. Общее число лиц, выехавших за пределы Чечни в сопредельные республики и ставших беженцами в ее пределах, устанавливается с точностью до человека. В соответствии с ответом Заместителя Министра по делам Федерации, Национальной и Миграционной политики РФ А. П. Благовидова на запрос Депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ Вячеслава Игрунова,

«в период с сентября 1999 года по 2001 год террористами ФМС России и Минфедерации России в Чеченской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Республике Северная Осетия-Алания и Ставропольском крае учтено по форме № 7 — «Учет семьи, прибывшей при чрезвычайных ситуациях» — 568449 граждан, покинувших постоянное место жительства на территории Чеченской Республики»⁸².

Таким образом, всего в связи с конфликтом оказалось перемещено более 71 % жителей Чеченской Республики!

Но и это еще не полная цифра: ведь, как явствует из письма, в нем приведена лишь статистика по Южному федеральному округу. Между тем из приложения к данному документу видно, что неуказанное число беженцев прибыло также в Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа.

⁷⁹ Там же, с. 160.

⁸⁰ Нухажиев Н. С. Доклад Уполномоченного по правам человека в ЧР о проблеме без вести пропавших. 21 апреля 2006 года.

⁸¹ Александр Черкасов. Книга чисел. Книга утрат. // В сборнике: Чечня 2003. Политический процесс в зеркале. — Московская Хельсинкская Группа. — М., 2004. С.159.

⁸² Документ опубликован в издании: Ганнушкина С. А. О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию. — М., 2002, с. 57.

Возвращение беженцев, несмотря на беспрецедентное давление со стороны гражданских и военных властей РФ, растянулось на несколько лет. По данным Еврокомиссии, в 2002 году свыше 120000 жителей Чечни оставались в Ингушетии: людей приютили семьи местных жителей или родственники, часть размещалась в палаточных лагерях и стихийно возникших поселениях⁸³. Большая часть беженцев и жителей Чечни выживала за счет гуманитарной помощи. Ее оказывали Международный Комитет Красного Креста, ряд Агентств ООН (Управление Верховного Комиссара ООН по координации гуманитарных вопросов, Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, Детский Фонд ООН, Всемирная организация здравоохранения – ВОЗ, Всемирная продовольственная программа ООН), Движение против голода (Франция), CARE (Австрия), Датский совет по беженцам, Международная организация инвалидов, Help – «Помощь из Германии», Hilfswerk – «Помощь из Австрии», «Врачи без границ» (Бельгия, Нидерланды, Франция), «Врачи мира» (Франция) и др. Самым крупным донором выступала Европейская Комиссия: в 1999 году она выделила 2 млн. евро, в 2000 – 22,7 млн. евро, в 2001 – 40,5 млн. евро, в 2002 – 4, 5 млн. евро и продолжала финансирование в последующие годы.

Такой масштаб исхода и оказываемой международной помощи неопровержимо свидетельствует о масштабном гуманитарном кризисе, который вряд ли может быть вызван просто «нарушениями внутреннего порядка и возникновением обстановки внутренней напряженности, такой, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера».

г) *Уровень разрушений*

Наконец, существенный индикатор вооруженного конфликта – *уровень разрушений*, вызванный «насилием с применением оружия». Для Чечни он, кажется, является беспрецедентным для истории Европы после Второй мировой войны. В этом отношении даже трагические результаты длительной осады Сараево меркнут в сравнении с чеченской картиной. Разумеется, это связано с использованием Вооруженными силами РФ исключительно мощных средств поражения в населенных пунктах Чеченской Республики. Парламентская Ассамблея Совета Европы в своей Рекомендации № 1456 (2000) от 6 апреля 2000 г. констатировала «полное и преднамеренное разрушение Грозного – наиболее вопиющий пример неизбирательных и несоразмерных военных действий, которые стоили жизни сотням, а может быть, и тысячам гражданских лиц»⁸⁴. Член Европейской Комиссии по развитию и гуманитарной помощи назвал уровень разрушений в Грозном «чудовищным»⁸⁵.

Верховный комиссар ООН по правам человека Мэри Робинсон, побывавшая в Грозном в начале 2000 г., в своем официальном докладе изложила свои впечатления следующими словами: «Степень разрушения Грозного вызывает шок даже у тех, кто видел это по телевизору. В центральной части города едва ли можно найти большое или малое здание, которое не было бы полностью разрушено или сильно бы не пострадало. Вид города, который когда-то был знаменит на Северном Кавказе, превращенного в руины, символизирует опустошительные (разрушительные) последствия конфликта»⁸⁶.

Примерно в тех же словах состояние чеченской столицы оценивали российские военные и гражданские власти. 7 февраля 2000 года военный комендант города генерал-майор Василий Приземлин заявил представителями средств массовой информации: «Грозный – мертвый город, в который вряд ли скоро вернутся люди». По его данным, около 50 процентов всех домов и до 80 процентов высотных административных зданий не подлежали восстановлению: их предполагалось разрушить с помощью взрывчатки⁸⁷. В этот же день полномочный представитель РФ в Чеченской республике Николай Кошман сообщил, что временно столицей Чечни станет Гудермес. «Восстанавливать сейчас Грозный нецелесообразно, поскольку денег на это нет, – заявил он журналистам, – дешевле построить новую столицу Чечни, чем восстановить Грозный»⁸⁸. Через несколько лет, уже в 2004 году президент РФ Владимир Путин впервые посетил Грозный и облетел его на вертолете. По словам журналистов, вид города произвел на него «удручающее впечатление». Он заявил: «С вертолета это выглядит ужасно»⁸⁹. Первые сдвиги в восстановлении чеченской столицы стали заметны только в 2005 году, но процесс до сих пор окончательно не завершен.

Практически все населенные пункты к югу от Терека в той или иной степени пострадали от боевых действий. В некоторых городах и селах имелись лишь отдельные разрушения, другие были стерты с лица земли, как, например, село Комсомольское Урус-Мартановского района.

15.4.4. Временная протяженность

Сказанное выше свидетельствует о том, что непрерывные и чрезвычайно интенсивные боевые действия имели место в Чеченской Республике и ряде районов Дагестана по крайней мере с августа 1999 года по март 2000 года, т. е. около 8 месяцев. Очевидно, что этого периода вполне достаточно, чтобы констатировать не про-

⁸³ Северный Кавказ: обеспечение жизненных потребностей. – Европейская Комиссия. Бюро по гуманитарной помощи. 2002.

⁸⁴ Пункт 9 (а).

⁸⁵ Северный Кавказ: обеспечение жизненных потребностей. – Европейская Комиссия. Бюро по гуманитарной помощи. 2002 г.

⁸⁶ Выступление Мэри Робинсон, Верховного Комиссара по Правам Человека на 56ой Сессии Комиссии по Правам Человека ООН по Пункту 4: Доклад Верховного Комиссара по Правам Человека и Продолжение Конференции по Правам Человека Женева, 5 апреля 2000 года. Положение с Правами Человека в Чечне в Российской Федерации.

⁸⁷ Lenta.ru // Кавказ. || <http://lenta.ru/vojna/2000/02/07/grozny/half.htm>.

⁸⁸ <http://euro.svoboda.org/archive/crisis/caucasus/1199/ll.111599-1.asp>; <http://www.lenta.ru/vojna/2000/02/07/grozny/>.

⁸⁹ Новости телекомпании НТВ. 11.05.2004. || <http://www.ntv.ru/text/news/index.jsp?nid=44572>.

сто краткосрочный всплеск вооруженного насилия, но длящиеся боевые действия. Как будет показано ниже (см. раздел 17.2.3), хотя после марта 2000 года их интенсивность уменьшилась, они продолжались и далее, и продолжают на момент написания настоящего исследования в форме партизанской войны.

15.4.5. Территориальный охват

Аксиоматично, что рассматриваемое вооруженное противостояние имело место «в рамках того или иного государства», т.е. Российской Федерации. Вместе с тем следует подчеркнуть, что территориальный охват этого противостояния весьма существенен — это территория целой Северо-Кавказской республики и ряд сопредельных территорий. В дальнейшем, на партизанской стадии, конфликт только распространялся вширь. Это не только мнение правозащитников и авторов данного исследования. Весьма симптоматично, что 9 ноября 2007 года об этом заявил в Москве советник Министра обороны РФ, бывший командующий оперативной группировкой «Запад» генерал-лейтенант Владимир Шаманов. По его мнению, «контртеррористическая операция на Северном Кавказе еще не закончена». Об этом, по его словам, «свидетельствуют последние события, происходящие в разных республиках, а не в одной Чечне, как это было когда-то; <...> наиболее серьезное противостояние отмечается в соседних с Чечней Дагестане и Ингушетии, где находятся как боевики, ушедшие из Чечни, так и «свои» бандиты»⁹⁰.

Резюмируя, анализ фактических обстоятельств свидетельствует о существовании на части территории Российской Федерации, *по меньшей мере*, в периоды с декабря 1994 по август 1996 и с августа 1999 по март 2000 года таких отношений между государством и организованными вооруженными группами, которые по уровню насилия с применением оружия являются вооруженным конфликтом в значении, придаваемом этому термину международным гуманитарным правом.

15.5. ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВОПРОСУ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ниже мы обратимся к краткому анализу практики международных организаций, которая свидетельствует о признании ими факта существования вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Составляющие эту практику вербальные акты включают несколько видов высказываний. В одних случаях речь идет о призывах к Российской Федерации начать переговоры с властями и вооруженными группами ЧРИ. Такие формулировки свидетельствуют о признании этих властей или групп стороной вооруженного конфликта. В других случаях имеют место призывы соблюдать международное гуманитарное право или констатируется его несоблюдение, что свидетельствует о признании существования вооруженного конфликта. В иных случаях говорится о военных преступлениях или вооруженный конфликт прямо именуется таковым.

а) Практика Организации Объединенных Наций

В своей Резолюции от 25 апреля 2000 года под названием «Ситуация в Чеченской Республике Российской Федерации» Комиссия ООН по правам человека, «учитывая, <...> что Российская Федерация является стороной *Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительного Протокола II к ним*, <...> подчеркивая необходимость *уважения принципа пропорциональности* и соблюдения международного права по правам человека и *гуманитарного права* в ситуациях конфликта и деятельности, предпринятой против терроризма, сожалея о большом количестве жертв и перемещенных лиц и страданиях, понесенных *гражданским населением* в результате действий *обеих сторон*, включая серьезные и систематические разрушения установок и инфраструктуры, вопреки *международному гуманитарному праву*, выражая озабоченность эффектом распространения *конфликта* на соседние республики Российской Федерации <...>. 2. Призывает все *стороны конфликта* предпринять немедленные шаги для *прекращения военных действий* и неправомерного использования силы и начать без промедления проведение политического диалога и эффективных *переговоров* с целью достижения мирного решения кризиса <...>; 4. Призывает Правительство Российской Федерации срочно установить в соответствии с признанными международными стандартами национальную, широкомасштабную и независимую комиссию по незамедлительному рассмотрению предполагаемых *нарушений <...> международного гуманитарного права*, совершенных в республике Чечня; 5. Обращается с просьбой к Российской Федерации убедиться в том, что военные на всех уровнях знают основные принципы <...> международного гуманитарного права; 6. Обращается с просьбой к <...> Специальному представителю Генерального секретаря *по детям и вооруженному конфликту* предпринять поездки в республику Чечня и соседние республики <...>. 9. Также побуждает Правительство Российской Федерации разрешить международным гуманитарным организациям <...> доступ в районы расположения перемещенных лиц и населения, на которое оказала влияние *война*, в Республике Чечня и соседних республиках в соответствии с *международным гуманитарным правом* <...> 11. Обращается с просьбой к Верховному комиссару по правам человека

⁹⁰ Генерал Шаманов: Кавказская война еще не закончена. 9.11.2007. || <http://www.nr2.ru/ekb/publications/149155.html>.

<...> способствовать мерам укрепления доверия, основанным на уважении <...> *гуманитарного права*⁹¹ (*здесь и далее термины, свидетельствующие о признании существования вооруженного конфликта и применимости норм международного гуманитарного права, выделены нами курсивом — авт.*).

В следующей Резолюции по данному вопросу от 20 апреля 2001 года (2001/24) Комиссия по правам человека ООН характеризует ситуацию в Чечне в тех же терминах. Снова напоминая, «что Российская Федерация является участником *Женевских конвенций от 12 августа 1949 года и Дополнительного протокола II к ним*, вновь подтверждая свою резолюцию 2000/58 от 25 апреля 2000 года», Комиссия выражает беспокойство в связи с сообщениями о «*несоразмерном и неизбирательном применении силы* российскими военными, в том числе о нападениях на *гражданских лиц*» а также «в связи с сообщениями о <...> *серьезных нарушениях международного гуманитарного права*, преступлениях и актах насилия, совершаемых чеченскими боевиками». Далее Комиссия выражает сожаление «в связи со страданиями *гражданского населения* в результате действий всех *сторон*, в том числе серьезного и систематического разрушения зданий и инфраструктуры вопреки *международному гуманитарному праву*, и выражает обеспокоенность в связи с тем, что последствия *конфликта* сказываются на положении в других республиках Российской Федерации и в соседних странах» (Преамбула).

В резолютивной части Комиссия «призывает все *стороны конфликта* предпринять незамедлительные шаги по прекращению продолжающихся *боевых действий, неизбирательного применения силы* и в срочном порядке заняться поиском *политического решения* в целях *достижения мирного урегулирования* кризиса (п. 2); <...> решительно осуждает продолжающееся *несоразмерное и неизбирательное применение силы* российскими военными, <...> призывает правительство Российской Федерации соблюдать все его международные обязательства в области <...> *гуманитарного права* <...> и принимать все меры для защиты *гражданского населения* (п. 3); решительно осуждает <...> также *нарушения международного гуманитарного права*, совершаемые чеченскими боевиками (п. 4); <...> вновь обращается к Российской Федерации с призывом учредить в соответствии с признанными *международными стандартами* национальную независимую комиссию в широком составе для оперативного расследования предполагаемых нарушений прав человека и *международного гуманитарного права*, совершенных в Чеченской Республике Российской Федерации (п. 7); <...> выражает серьезное беспокойство в связи с медленным ходом расследования предполагаемых серьезных нарушений прав человека и *международного гуманитарного права*, совершаемых федеральными силами, представителями федеральных служб и сотрудниками правоохранительных органов в отношении *гражданских лиц* (п. 8); призывает Российскую Федерацию обеспечить проведение органами гражданской и военной прокуратуры систематических, эффективных и исчерпывающих уголовных расследований и привлечение ими к ответственности всех *лиц, виновных в нарушениях международного гуманитарного права* (п. 9); <...> настоятельно призывает правительство Российской Федерации обеспечить международным, региональным и национальным гуманитарным организациям <...> свободный, беспрепятственный и безопасный доступ в Чеченскую Республику и соседние республики Российской Федерации *в соответствии с нормами международного гуманитарного права* (п. 15); <...> настоятельно призывает правительство представить такой доступ во все места задержания для обеспечения обращения со всеми задержанными *в соответствии с нормами международного гуманитарного права* (п. 18); призывает правительство Российской Федерации обеспечить распространение сведений об *основных принципах* <...> *международного гуманитарного права* <...> и проводить политику в соответствии с *нормами международного гуманитарного права* (п. 19)».

Верховный комиссар по правам человека ООН также характеризует события в Чечне 1999–2000 годов в качестве вооруженного конфликта. В своем докладе «Положение с правами человека в Чечне в Российской Федерации» от 5 апреля 2000 года Верховный комиссар отмечает: «В Чечне это уже второй *военный конфликт* за 6 лет. <...> Должны быть найдены решения путем *мирных переговоров*»⁹².

Далее в своем докладе «О положении в области прав человека в Чеченской Республике Российской Федерации» от 20 февраля 2001 г. Верховный комиссар по правам человека ООН в связи с сообщениями «о серьезных нарушениях прав человека, совершаемых чеченскими боевиками в отношении <...> гражданского населения <...> настоятельно призывает ответственных за это лиц прекратить подобные нападения <...> и соблюдать *нормы* <...> *международного гуманитарного права*»⁹³.

Наконец, Генеральный секретарь ООН в своем докладе «Дети и вооруженный конфликт» от 10 ноября 2003 года прямо определяет ситуацию в «Чеченской Республике Российской Федерации» как «*вооруженный конфликт*» и называет «*группы чеченских повстанцев*» («*chechen insurgency groups*») одной из его «*сторон*» («*parties*»)»⁹⁴.

б) Практика Совета Европы

В своей Резолюции 1201 (1999) от 4 ноября 1999 года Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) призвала Российскую Федерацию «не применять авиационные бомбардировки против *гражданского населения* <...> и начать *мирный диалог с избранными властями Чечни*».

⁹¹ Ситуация в Чеченской Республике Российской Федерации. Резолюция Комиссии ООН по правам человека. 25 апреля 2000 года. E/CN.4/RES/2000/58.

⁹² Выступление Мэри Робинсон, Верховного Комиссара по Правам Человека на 56ой Сессии Комиссии по Правам Человека ООН по Пункту 4: Доклад Верховного Комиссара по Правам Человека и Продолжение Конференции по Правам Человека Женева, 5 апреля 2000 года. Положение с Правами Человека в Чечне в Российской Федерации.

⁹³ E/CN.4/2001/36, пар. 46.

⁹⁴ Дети и вооруженный конфликт. Доклад Генерального секретаря ООН. 10 ноября 2003 г. A/58/546 – S/2003/1053. Annex II (1).

В своей Рекомендации 1444 (2000) от 27 января 2000 года, озаглавленной «Конфликт в Чечне», ПАСЕ напомнила, что при вступлении в Совет Европы в 1996 году Россия дала обязательство решать все внутренние споры, включая случаи *вооруженных конфликтов* на своей территории, <...> строго соблюдая принципы *международного гуманитарного права*» (п. 3). Далее «Ассамблея осудила <...> текущее ведение *военной операции* в Чечне с ее трагическими последствиями для большого количества *гражданского населения* республики. В результате этого *неизбирательного и несоразмерного применения военной силы мирное население* в Чечне страдает <...>» (п. 7). По мнению ПАСЕ, «Россия, таким образом, нарушает *принципы международного гуманитарного права*» (п. 8). Ассамблея потребовала, чтобы *чеченская сторона* ввела немедленное и полное *прекращение огня*, а *законно избранные представители Чечни* обеспечили освобождение всех *военнопленных*» (п. 11). Ассамблея призвала Россию «ввести немедленное и полное *прекращение огня* и, в частности, немедленно остановить дискриминационные и непропорциональные *военные действия в Чечне* <...> и прекратить атаки против *гражданского населения*; <...> немедленно *начать политический диалог без предварительных условий с избранными властями Чечни*» (п. 16)».

В своей Рекомендации 1456 (2000) от 6 апреля 2000 года ПАСЕ приняла во внимание, что Россия «пока не ответила на два выдвинутых Ассамблеей ключевых требования, а именно – осуществить незамедлительное и полное *прекращение огня* и начать политический диалог без предварительных условий с *избранными чеченскими властями*» (п. 6). Ассамблея вновь заявила, «что *Россия нарушила* и продолжает нарушать ряд своих наиболее важных *обязательств* <...> по *международному гуманитарному праву*» (п. 8), и осудила, в частности «*продолжающиеся нападения на гражданское население*, начиная с применения воздушных бомбардировок в густонаселенных районах и кончая *военными преступлениями* федеральных войск, включая убийства и изнасилования гражданских лиц; <...> изнасилования – жестокое *средство ведения военных действий* – в отношении чеченских женщин и девушек» (п. 9). Ассамблея также осудила тот факт, «что *чеченская сторона* до сих пор не выполнила требования» (п. 10), содержащиеся в предыдущей рекомендации. Ассамблея потребовала от России «незамедлительно прекратить <...> плохое обращение и преследования *гражданских лиц и некомбатантов* в Чеченской Республике российскими федеральными войсками <...>, разрешить проведение независимых расследований нарушений прав человека и *военных преступлений* в Чеченской Республике; осуществить <...> уголовное преследование <...> военнослужащих федеральных войск, участвовавших в *военных преступлениях*» (п. 19). ПАСЕ также настаивала, чтобы Чеченская Республика был «как можно шире» представлена на семинарах под эгидой Совета Европы «не в последнюю очередь представителями *избранных чеченских властей*, обязавшихся искать мирное решение» (п. 24).

Наконец, как уже говорилось, в Резолюции № 1323 от 2 апреля 2003 г. ПАСЕ предложила международному сообществу «рассмотреть возможность создания трибунала по *военным преступлениям* и преступлениям против человечности в Чеченской Республике» (п. 10 (iii)).

в) Практика Европейского Союза

Практика Европейского Союза оперирует примерно тем же набором понятий. Так, резолюция Европейского Парламента по делу Андрея Бабицкого, о свободе средств массовой информации и правах человека в Чечне от 17 февраля 2000 года говорит «о *гражданских жертвах военного конфликта в Чечне*, убитых во время целиком *неизбирательных* и непропорциональных атакующих действий Российских Федеральных Сил», содержит термин «*война в Чечне*» и «напоминает им о том, что произвольные аресты, жестокое обращение с гражданскими лицами и убийство гражданских лиц приводит виновных к обвинению последних в *военных преступлениях* и преступлениях против человечности».

В Резолюции Европейского Парламента по ситуации в Чечне от 15 февраля 2001 г. выражается глубокая обеспокоенность «сообщениями <...> о серьезных и крупномасштабных нарушениях *международного гуманитарного права* в Чечне» (пункт А). В этом же документе Европарламент напоминает о том, что «президент Аслан Масхадов и избранный парламент [Чечни] были признаны и ОБСЕ и правительством Российской Федерации» (пункт G), и «обращается к *этим двум сторонам конфликта*, чтобы они объявили непосредственное *перемирие*» (пункт 1), <...> обращается к президенту Российской Федерации, чтобы начать переговоры с *законными представителями Чеченской Республики* в присутствии международных организаций» (пункт 2); убеждает все *участвующие стороны* уважать фундаментальные права человека» (пункт 3) а также «подчеркивает потребность в независимой Комиссии, чтобы изучить утверждения о *военных преступлениях*, совершенных *обеими сторонами* конфликта» (пункт 4).

15.6. ЗАЯВЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ, ЗАКОНЫ И ПОДЗАКОННЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О СУЩЕСТВОВАНИИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ

Несмотря на то, что, как было показано выше, отдельные должностные лица Российской Федерации делали заявления о том, что «второго» вооруженного конфликта в Чечне не существовало, наличествует другая, более последовательная практика, говорящая о признании российскими властями факта существования в этот период вооруженного конфликта.

Особенно важными в этом отношении являются официальные и публичные заявления, сделанные главой государства, – президентом Российской Федерации. В «Обращении Президента РФ В. Путина к жителям Чеченской Республики» от 16 марта 2003 года, которое было официально опубликовано в «Российской газете» и транслировалось по всем федеральным телеканалам, содержится следующая фраза:

«Сегодня необходимо вспомнить, что начавшийся конституционный процесс в 1991 году был насильственно прерван, и это стало исходной точкой чеченской трагедии. Тогда, после разгона Верховного Совета Чечено-Ингушетии, в республике возникла ситуация, по сути и приведшая к *гражданской войне*. А впоследствии к многолетнему *вооруженному конфликту* <курсив наш – авт.>⁹⁵.

Данный фрагмент показывает, что президент признает существование в Чечне вооруженного конфликта, однако не проясняет, к какому периоду чеченской трагедии относится это определение. Ответ на данный вопрос содержится несколькими абзацами ниже:

«Однако совместными усилиями – и я хочу обратить на это внимание – удалось все-таки переломить ситуацию. И нынешние трудности совсем другие, чем были еще два или даже год тому назад, когда в республике шли *открытые вооруженные действия* <курсив наш – авт.>⁹⁶.

Обращение было сделано 16 марта 2003 г. Таким образом, словосочетание «год тому назад» содержит отсылку к марту 2002 года, а термин «открытые вооруженные действия» вряд ли можно истолковать иначе, чем синоним термина «вооруженный конфликт», использованного выше.

Следовательно, по крайней мере на период до марта 2002 года глава Российского государства признал существование на его территории вооруженного конфликта.

Напомним также, что и в своем Обращении к Федеральному Собранию 2006 г., упоминая о событиях 1999 года, президент Путин употребил термин «воевать» (см. выше, раздел 15.4.2).

Далее. Термин «вооруженный конфликт» фигурирует в ряде законодательных актов Российской Федерации. Для нас важны документы, которые дают оценку событиям в Чеченской Республике и сопредельных регионах. Важно отметить, что большинство законов и доступных сейчас подзаконных актов обращается к вопросу о существовании боевых действий в связи с установлением дополнительного материального поощрения и льгот их участникам.

В этом отношении ключевым для нас является Закон Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах». Данный закон был принят 1 августа 1993 г.; в последующие годы в него неоднократно вносились существенные изменения. Так, Федеральным законом от 16 мая 1995 года № 75-ФЗ его действие было распространено на военнослужащих и сотрудников МВД, «выполняющих и выполнявших задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике»⁹⁷. В нынешней редакции в статье 5 Закона «О дополнительных гарантиях...» содержится следующая формулировка: «Военнослужащим, выполнявшим задачи в условиях *вооруженного конфликта немеждународного характера* в Чеченской Республике и на непосредственно прилегающих к ней территориях Северного Кавказа, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, наряду с гарантиями и компенсациями, предусмотренными настоящим Законом, предоставляются следующие права и социальные гарантии» <курсив наш – авт.>. Ранее, еще 9 декабря 1994 г. пунктом 10 Постановления Правительства РФ № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа» было установлено, что вся территория Чеченской Республики относится к «зоне вооруженного конфликта».

31 марта 1994 года Правительство Российской Федерации выпустило Постановление № 280, в соответствии с которым отнесение тех или иных местностей к зонам вооруженных конфликтов производится решением Правительства. 11 декабря 1995 г. было издано Постановление Правительства РФ № 1210 «Об определении зоны вооруженного конфликта в Чеченской Республике», в котором было вновь подтверждено отнесение всей территории Чеченской Республики к зоне вооруженного конфликта и, кроме того, предоставлено право Министерству обороны и другим федеральным органам исполнительной власти принимать совместные решения об отнесении отдельных местностей, прилегающих к территории Чеченской Республики, к зоне вооруженного конфликта. Однако таких совместных решений не принималось, а руководство Федеральной пограничной службы РФ издало отдельный приказ (секретный), об отнесении ряда территорий, не входящих в состав Чеченской Республики, к зоне вооруженного конфликта⁹⁸.

⁹⁵ Обращение Президента РФ В. Путина к жителям Чеченской Республики. – 16 марта 2003 года. – Российская газета. 15 марта 2003 г. № 50 (3164).

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Российская газета. 20 июня 1995 года. № 117.

⁹⁸ Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с предоставлением дополнительных льгот и компенсаций военнослужащим и приравненным к ним лицам, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах, участникам боевых действий и контртеррористических операций. Отдел обобщения судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 26.05.2003 г. || http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=1506.

Несколько иначе обстояло дело со «вторым» конфликтом. Никаких постановлений об определении зоны вооруженного конфликта (по крайней мере не секретных) Правительство РФ не издавало. Однако в постановлениях, регулирующих льготы и дополнительные выплаты, правительство РФ широко употребляло термин «боевые действия». Данные постановления принимались как секретные и остаются таковыми на настоящий момент. Однако их содержание устанавливается из огромного количества судебных решений и обзоров судебной практики, опубликованных Верховным Судом РФ.

20 августа 1999 года Правительство Российской Федерации принимает секретное Постановление № 930-54 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел, выполняющим задачи по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в Республике Дагестан». Согласно пункту 1 данного постановления основным условием предоставления данных гарантий и компенсаций является «фактическое участие в боевых действиях»⁹⁹. Перечень частей, подразделений и групп, принимающих участие в боевых действиях по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в Республике Дагестан, а также время и место выполнения ими указанных боевых действий определяются в соответствии с данным Постановлением командующим Временной оперативной группировкой сил на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации по согласованию с начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Далее, 28 октября 1999 года правительство Российской Федерации принимает Постановление № 1197 – 68 «О предоставлении дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел и сотрудникам уголовно-исполнительной системы». Пунктом 1 данного постановления расширена территория боевых действий, на которую распространяется его действие: вместо Республики Дагестан указана более широкая территория Северо-Кавказского региона.

31 декабря 1999 года Министр внутренних дел Владимир Рушайло издает Приказ № 1109 «О предоставлении дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим внутренних войск МВД России и сотрудникам органов Внутренних дел, выполняющим (выполнявшим) задачи на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, и членам их семей»¹⁰⁰. Пункт 1 данного Приказа оперирует термином «участие в боевых действиях и иных мероприятиях по обеспечению правопорядка и общественной безопасности на территории Северо-Кавказского региона»¹⁰¹. Пункт 2 говорит о военнослужащих и сотрудниках органов внутренних дел, «непосредственно участвующих в боевых действиях», а также устанавливает, что «перечень воинских частей, подразделений и групп, принимающих участие в боевых действиях, а также время и место выполнения указанных боевых действий определяются соответственно по органам внутренних дел и внутренним войскам МВД России по представлениям первого заместителя командующего Объединенной группировкой от МВД России и заместителя командующего Объединенной группировкой от внутренних войск МВД России командующим Объединенной группировкой по согласованию с начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации»¹⁰². Данный Приказ в редакции от 21.07.2001 г. сохранял силу вплоть до 9 апреля 2003 года¹⁰³.

Лишь в Постановлении от 27 февраля 2001 года № 135-9 «О дополнительных компенсациях военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы, выполняющим задачи по обеспечению правопорядка и общественной безопасности на территории Северо-Кавказского региона» Правительство Российской Федерации уходит от термина «боевые действия», предпочитая использовать формулировку «участие в контртеррористической операции». Любопытно, что этим же постановлением было ограничено (видимо, в целях экономии бюджетных средств) количество привлекаемых к участию в проведении контртеррористических операций до 10000 человек ежемесячно¹⁰⁴.

Комментируя судебную практику по делам, связанным с нарушением установленного порядка выплат, Военная коллегия Верховного Суда РФ указывает: «Основной причиной возникновения спорных ситуаций, связанных с данной выплатой, стало не различное толкование и применение правовых норм спорящими сторонами, а простое занижение в силу различных причин в приказах времени фактического участия конкретных военнослужащих в боевых действиях, либо неиздание в отношении фактически участвовавших в боевых действиях военнослужащих таких приказов вовсе. В таких случаях военные суды принимали правильные решения, не ограничиваясь лишь теми периодами, на которые формально имелись приказы, а основываясь на времени, в течение которого военнослужащий в действительности принимал участие в боевых действиях, доказанном в судебном заседании»¹⁰⁵.

Из проанализированных документов вытекают следующие выводы. Законодательство Российской Федерации прямо признает существование вооруженного конфликта немеждународного характера в Чеченской

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ <http://www.bestpravo.ru/fed1999/data01/tex10100.htm>.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Утратил силу в соответствии с Приказом МВД РФ от 09.04.2003 № 238.

¹⁰⁴ Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с предоставлением дополнительных льгот и компенсаций военнослужащим и приравненным к ним лицам, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах, участникам боевых действий и контртеррористических операций. Отдел обобщения судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 26.05.2003.

¹⁰⁵ Там же.

Республике и некоторых сопредельных регионах в период 1994–1996 годов. Относительно событий в Дагестане и Чечне 1999–2001 г. термин «вооруженный конфликт» прямо не употребляется, однако Постановления правительства и ведомственные приказы на протяжении полутора лет признают существование «боевых действий», которые вряд ли возможны вне контекста существования вооруженного конфликта.

Следует отметить, что в российской юридической науке «контртеррористическая операция» в Чечне также характеризуется как вооруженный конфликт немеждународного характера. В 2003 году в Калининградском военном институте Федеральной пограничной службы РФ Григорием Вишней была защищена диссертация по теме: «Особенности правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию преступлений в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера: По материалам деятельности военной прокуратуры Чеченской Республики». Как указывает автор, «эмпирическая база исследования строилась на обобщении опыта деятельности военной прокуратуры (в том числе личной практики автора) по раскрытию и расследованию преступлений в условиях контртеррористической операции, осуществляемой в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в Чеченской Республике в 2001 – 2002 гг.»¹⁰⁶. В первой главе автор анализирует правовое положение органов военного управления, осуществляющих военные операции в зоне вооруженного конфликта, органов следствия и дознания и дает характеристику этому конфликту. Он приходит к следующему выводу: «Из анализа международных договоров, нормативных актов Правительства Российской Федерации следует, что контртеррористическая операция в Чеченской Республике обладает всеми признаками вооруженного конфликта немеждународного характера»¹⁰⁷.

Важно, что данные выводы – не просто частное мнение исследователя и его научного руководителя. Основные пункты данной диссертации были положены в основу доклада на заседании кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России и выступления на методических сборах прокурорских работников Главной военной прокуратуры. Результаты исследования оформлены в виде монографии, предназначенной для использования в правоохранительных органах и юридических вузах. Указанная монография была принята Комитетом Совета Федерации по обороне и безопасности для использования в работе по совершенствованию законодательства Российской Федерации. Отдельные разделы диссертации используются в учебном процессе в Калининградском военном институте Федеральной пограничной службы РФ¹⁰⁸.

Что же касается российских военных, в том числе военачальников высокого уровня, то они, как правило, не стесняются называть вещи своими именами. Генерал Геннадий Трошев, бывший сначала заместителем командующего, а затем командующим Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе, в своих воспоминаниях называет события в Дагестане и Чечне «военным конфликтом»¹⁰⁹. Ему же вторит и генерал Владимир Шаманов, бывший командующим оперативной группировкой войск «Восток»: «Необходимо подходить к анализу тех процессов, учитывая, что там была война...»¹¹⁰. А вот заголовок статьи о Шаманове из газеты «Красная звезда» (центральный орган Министерства обороны РФ): «Легенда чеченской войны»¹¹¹.

15.7. ВЫВОДЫ

Таким образом, на части территории Российской Федерации, *по меньшей мере* в периоды с декабря 1994 по август 1996 и с августа 1999 по март 2000 года, существовала ситуация вооруженного конфликта высокой степени интенсивности. Несмотря на то, что для периода с августа 1999 по март 2000 года Российская Федерация прямо не признавала существования на своей территории вооруженного конфликта, о нем неоспоримо свидетельствуют силы и средства, использованные его сторонами, интенсивность и длительность боевых действий, высокие человеческие потери, масштабы разрушений и количество перемещенных лиц.

Правильность данных выводов подкрепляется практикой международных организаций (ООН в лице Комитета по правам человека, Верховного комиссара по правам человека и Генерального секретаря; Совет Европы в лице Парламентской Ассамблеи и Европейский Союз в лице Европейского Парламента), которые также признали факт существования вооруженного конфликта в значении, придаваемом этому термину международным гуманитарным правом. Подзаконные акты и судебная практика Российской Федерации также говорят о существовании в этот период «боевых действий» на территории Чечни и Дагестана.

Соответственно факт существования вооруженного конфликта авторы данного исследования считают установленным и не подлежащим сомнению.

¹⁰⁶ АР В557 Вишня Г. И. (Григорий Иванович). Особенности правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию преступлений в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера. По материалам деятельности военной прокуратуры Чеченской Республики. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс; Криминалистика и судебная экспертиза; Оперативно-розыскная деятельность / Г. И. Вишня; Науч. рук. Соколов А. Н. – Калининград, 2003, с. 27. Библиогр.: с. 26 – 27, 8 ссылок. С. 6.

¹⁰⁷ Там же, с. 10.

¹⁰⁸ Там же, с. 8.

¹⁰⁹ Трошев, глава 7.

¹¹⁰ Телекомпания НТВ. «Глас народа» со Светланой Сорокиной. – 30 марта 2001 г.

¹¹¹ Константин Расщепкин. Легенда чеченской войны. – Красная звезда. 28 мая 2005 г.

ГЛАВА 16. ТИП ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

16.1. ВНУТРЕННИЙ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И КРИТЕРИИ

В предыдущей главе мы установили факт существования на территории Российской Федерации вооруженного конфликта между государственными властями и организованными вооруженными группами. Как было показано выше (см. раздел 15.3), конфликты подобного рода могут являться как вооруженными конфликтами немеждународного характера, так и международными вооруженными конфликтами в значении Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям.

Повторим, что к вооруженным конфликтам немеждународного характера относятся все вооруженные конфликты, происходящие на территории суверенных государств и удовлетворяющие критериям вооруженного конфликта, изложенным в разделе 15.3. Однако существует одно исключение. Статья 1 (4) Дополнительного протокола I, касающегося «защиты жертв *международных* вооруженных конфликтов», относит к таковым и

«вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства, и иностранной интервенции и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

При обращении к данной норме мы сталкиваемся с исключительной для международного гуманитарного права ситуацией: в данном случае *цели* одной из сторон конфликта имеют существенное значение для определения его международно-правовой характеристики.

К какому из этих двух типов конфликтов должен быть отнесен вооруженный конфликт в Чечне?

Традиционно в правозащитном и экспертном сообществе установилось мнение, в соответствии с которым обе «чеченские войны» конца XX – начала XXI века являются вооруженными конфликтами немеждународного характера. Такая позиция прямо подкрепляется решением Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 года, и косвенно – практикой международных организаций, например, уже цитированной нами Резолюцией Комитета по правам человека ООН 25 апреля 2000 года, упоминающей об обязательствах РФ по Дополнительному протоколу II.

Напротив, чеченская сторона постоянно настаивала на международном характере данного конфликта, прямо апеллируя к международным нормам о праве народов на самоопределение, в том числе и к нормам Дополнительного протокола I. Так, в одностороннем «Заявлении президента Чеченской Республики Ичкерия депозитарию Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним»¹, сделанном в соответствии со ст. 96 (3) Дополнительного протокола I, Аслан Масхадов указывает:

«борьба чеченского народа с Высокой Договаривающейся Стороной Конвенций – с Россией – является борьбой за свое выживание и сохранение, борьбой с расистским режимом в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе ООН и в Декларации о принципах международного права, попадающей в соответствии со статьей 1, пункт 4 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям под регулирующее воздействие механизмов и норм, предусмотренных этими Высокими Соглашениями, в случае принятия властью, представляющей народ, ведущий борьбу с расистским режимом, обязательств по соблюдению Дополнительного протокола I и Женевских конвенций».

¹ Проект данного заявления, подготовленный российским правозащитником и миротворцем Виктором Попковым, опубликован по адресу: http://www.krotov.info/libr_min/p/popovsk/19991225.html. Масхадов подписал данный документ в ночь с 22 на 23 апреля 2000 г. без внесения в него изменений (см. интервью Аслана Масхадова «Новой газете» под заголовком «Я пытался предотвратить эту войну» – апрель 2000 г., № 16; стенограмму пресс-конференции Попкова В. А. от 28 апреля 2000 г. в Национальном институте прессы. / <http://viktorpopkov.narod.ru/articles/press.htm>; а также статью Ярослава Головина «Миротворец» / <http://viktorpopkov.narod.ru/biog.htm>). По сведениям авторов, это Заявление было передано одному из зарубежных представителей Масхадова Усману Фирзаули для вручения Швейцарскому Федеральному Совету, однако представители депозитария отказались принять данный документ.

Данный текст Масхадова может показаться кому-то излишне пафосным. Однако эта пафосность в действительности не снимает вопроса, может ли чеченский конфликт объективно считаться международным конфликтом в значении ст. 1 (4) Дополнительного протокола I.

Следует отметить, что применение этой нормы сталкивается с большим количеством практических проблем ввиду ее необычной для гуманитарного права степени политизированности. Как справедливо отметил Уильям Абреш, «применение Протокола I к конфликтам против национально-освободительного движения никогда не признавалось вовлеченным государством»², по той простой причине, что ни одно государство не желает признавать себя осуществляющим «колониальное господство» или «интервенцию», а тем более «расистским режимом». Наметьте объективные критерии представляется крайне сложным, ввиду того, что раздел международного права, касающийся права народов на самоопределение, носит крайне противоречивый характер. Тем не менее попытаемся это сделать хотя бы «в первом приближении».

Во-первых, следует отметить, что текст статьи 1 (4) по сути содержит характеристику целей обеих сторон конфликта. Сторона повстанцев должна вести борьбу «в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». При этом борьба должна осуществляться «против колониального господства, и иностранной интервенции и против расистских режимов», что характеризует уже не повстанческую, а государственную сторону вооруженного конфликта. При удовлетворении этого «двойного требования»³ статья 1 (4) считается применимой к конкретной ситуации вооруженного конфликта.

Авторитетный комментарий Международного Комитета Красного Креста содержит два важных разъяснения. Во-первых, три возможных характеристики действий противоположной повстанцам стороны конфликта (колониальное господство / иностранная интервенция / расистский режим) должны применяться дисъюнктивно, т. е. наличия хотя бы одного из них достаточно, чтобы удовлетворять требованиям данной нормы. Во-вторых, это список является исчерпывающим и закрытым⁴.

Комментаторы МККК до некоторой степени разъясняют значение использованных терминов:

«Выражение «колониальное господство» включает, конечно, наиболее часто встречающиеся в последние годы случаи, когда люди должны были взяться за оружие, чтобы освободить себя от господства других людей: нет необходимости объяснять это здесь детально. Выражение «иностранная интервенция» в значении этого параграфа, в отличие от военной интервенции в традиционном смысле, оккупации всей или части территории одного государства другим государством, включает случаи частичной или полной оккупации территории, которая еще не сформировалась полностью как государство. Наконец, выражение «расистский режим» описывает ситуации режимов, основанных на расистских критериях. Первые две ситуации подразумевают существование разных народов. Третья подразумевает если и не существование двух полностью отличных народов, то, по крайней мере, разделение между людьми, которое обеспечивает гегемонию одной их части в соответствии с расистскими идеями. Нужно добавить, что конкретная ситуация может соответствовать сразу двум или даже всем трем из перечисленных вариантов»⁵.

Что касается «права на самоопределение», осуществление которого должно являться целью повстанческой стороны, то для его интерпретации статья содержит ссылку на два международных документа: Устав Организации Объединенных Наций и Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Принцип самоопределения упоминается в Уставе ООН в Статье 1 (2), в соответствии с которой Организация призвана «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». Практически та же формулировка повторена в Статье 55.

Комментарий МККК подчеркивает, что «развитие, достигнутое в соответствии с Уставом ООН, состояло в превращении этого принципа самоопределения народов в право, установленное в инструментах универсального применения, участниками которых сегодня являются почти все государства <курсив наш — авт.>»⁶. Одним из самых важных документов ООН, посвященных этому вопросу, является Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г., принятая Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи, положения которой были затем неоднократно подтверждены в ряде последующих резолюций, в том числе в отношении Несамоуправляющихся и Подопечных территорий.

Резолюция 2105 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1965 года признала «право колониальных народов на вооруженную борьбу». Резолюция 2621 (XXV), принятая в декабре 1970 года, вновь указав, «что ко-

² William Abresch. A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya // The European Journal of International Law Vol. 16 no.4, p. 756.

³ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. P. 53-54, para. 107.

⁴ Там же, p. 54, paras. 111-113.

⁵ Там же, para. 112.

⁶ Там же, p. 43, para. 72.

лониализм в любой его форме является международным преступлением, представляющим собой нарушение Устава ООН, международного права, положений Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», подтвердив еще раз неотъемлемое право народов на борьбу «всеми имеющимися в их распоряжении средствами против колониальных держав, которые подавляют их стремление к свободе и независимости», подчеркнула, что «государства – члены организации должны оказывать всю необходимую моральную и материальную помощь народам колониальных территорий в их борьбе за достижение свободы и независимости». Резолюция 3103 (XXVIII) «Основные принципы правового статуса комбатантов, борющихся против колониального господства и расистских режимов», принятая 12 сентября 1973 года, как и Резолюция 2621, указала, что вооруженные конфликты, связанные с борьбой народов против колониального господства и расистских режимов, должны рассматриваться в качестве вооруженных конфликтов в смысле Женевской конвенции 1949 года. Лица, участвующие в такой борьбе, обладают правовым статусом, предусмотренным для комбатантов Третьей Женевской конвенцией 1949 года, а также другими международно-правовыми актами. Нарушение указанного правового статуса борцов против колониального господства и расистских режимов влечет за собой, как отмечается в резолюции 1973 года, ответственность на основании норм международного права.

Далее, право народов на самоопределение закреплено в статье 1, общей для Международных пактов об экономических, социальных и культурных и о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. Эта норма была включена в данные международные договоры в связи с позицией Генеральной Ассамблеи ООН.

Удивительно, что ни один из вышеназванных документов не содержит ясных критериев для определения понятий «колониальное господство», «колониальная территория», «колониальный народ», «иностранная интервенция» и «расистский режим», которыми они постоянно оперируют. Эти документы не проливают света и на то, в каких случаях обращение к оружию для «достижения свободы и независимости» становится легитимным с точки зрения международного права, и, таким образом, должно быть квалифицировано как международный вооруженный конфликт.

Отчасти последний недостаток восполняется Декларацией о принципах международного права от 24 октября 1970 г. – вторым инструментом, на который прямо ссылается Статья 1 (4) Дополнительного протокола I. Но именно только отчасти. Перечислив в первых шести абзацах раздела «Принцип равноправия и самоопределения народов» основные гарантии народов⁷, Декларация формирует «отрицательные критерии», т. е. критерии ситуации, в которой самоопределение в форме сепарации (отделения) не является легитимным, так как приходится в противоречие с принципом территориальной целостности государств:

«Ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше; и вследствие этого имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи.

Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны».

⁷ «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава.

Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава и оказывать помощь Организации Объединенных Наций в выполнении обязанностей, возложенных на нее Уставом в отношении осуществления данного принципа, с тем чтобы:

а) способствовать дружественным отношениям и сотрудничеству между государствами; и

б) незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов, а также имея в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением настоящего принципа, равно как и отказом в основных правах человека, и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций.

Каждое государство обязано содействовать путем совместных и самостоятельных действий всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом.

Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение.

Каждое государство обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится выше, в конретизации настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих действиях против таких насильственных мер и в сопротивлении им эти народы, добиваясь осуществления своего права на самоопределение, вправе испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Территория колонии или другая самоуправляющаяся территория имеет согласно Уставу Организации Объединенных Наций статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею; такой отдельный и отличный согласно Уставу статус будет существовать до тех пор, пока народ данной колонии или самоуправляющейся территории не осуществит свое право на самоопределение в соответствии с Уставом и в особенности с его целями и принципами».

Из смысла сказанного вытекает, что вооруженная «борьба за свободу и независимость», имеющая целью отделение от суверенного государства, не может считаться легитимной в случае, если это государство действует с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, вследствие чего имеет правительство, представляющее все население страны без различия расы, вероисповедания или цвета кожи. Напротив, если государство действует дискриминационно, и эта дискриминация достигает той степени, в которой те или иные народы не могут принимать полноценного участия в управлении государством, эти народы имеют право на сепессию, и их вооруженная борьба «в осуществление своего права на самоопределение» не противоречит международному праву.

Такая интерпретация представляется довольно взвешенной, так как в конечном итоге опирается на общепризнанные положения доктрины прав человека. В данном случае принцип легитимности государственного суверенитета над той или иной территорией ставится в зависимость от соблюдения государством одного из основных прав населения этой территории: не подвергаться дискриминации. По этому поводу хорошо высказался американский философ права Аллен Бьюкенен: «Никакое государство не имеет безусловного права на территорию, поскольку никакое государство не имеет безусловного права править. Право государства на территорию основывается, в конечном счете, на соблюдении этим государством прав человека и легитимности его власти, которая зависит от того, как оно относится к меньшинствам и соблюдает ли оно соглашения об автономии»⁸.

Данный подход согласуется с критериями Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I, так как, безусловно, что и «колониальное господство», и «иностранный интервенция», и «расистский режим» предполагают высокую степень дискриминации. Можно даже сказать, что они являются различными формами осуществления дискриминации.

К этому следует добавить, что признание национально-освободительного движения той ли иной международной организацией не является обязательным критерием применимости Статьи 1 (4). На Дипломатической конференции 1977 года предложение об обязательности такого признания региональной межправительственной организацией выдвигалось рядом государств, но не было принято большинством участников⁹.

Таким образом, круг замыкается: право народа на вооруженную борьбу зависит от того, осуществляет ли государство в отношении этого народа дискриминацию, выраженную в форме либо «колониального господства», либо «иностранный интервенции», либо «расистского режима». Если эти элементы вместе с общими элементами вооруженного конфликта присутствуют, то борьба между таким народом и таким государством должна рассматриваться как вооруженный конфликт международного характера в значении ст. 1 (4) Дополнительного протокола I. При этом признания национально-освободительного движения международной организацией не требуется.

И все же очевидно, что в этих формулировках больше широты, чем конкретики. В связи с этим остается значительный простор для произвольных интерпретаций и выводов.

Термин «расистский режим» представляется наиболее ясным. Однако и здесь «серая зона» между простой дискриминацией и институционализированной системой превосходства одной человеческой группы над другой довольно широка. Может ли официально одобряемая или просто терпимая государством систематическая дискриминация той или иной группы считаться «расистским режимом»? И если да, то какого уровня она должна достигать? Представляется, что попытка найти объективный критерий без обращения к конкретным ситуациям будет носить в значительной мере схоластический характер.

Также, казалось бы, не должен вызывать дискуссий термин «иностранный интервенция». Однако может ли интервенция, осуществленная одну или две сотни лет назад (как, например, завоевание Российской Империей Северного Кавказа), являться основанием для применения Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I? Если да, то требуются ли для этого какие-либо дополнительные условия, и если требуются, то какие?

Наиболее проблемным является термин «колониальное господство» ввиду того, что в международном праве нет общепринятого развернутого определения колонии. Источники международного права позволяют выделить лишь самые общие признаки; так, в юридической литературе под колонией (от лат. *colonia* – поселение) обычно понимается страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима¹⁰.

Исследователи выделяют ряд индикаторов, которые помогают установить, что данная территория является колонией. Однако каждый из них также допускает достаточно широкие и субъективные трактовки.

В качестве примера приведем наиболее часто выделяемые индикаторы.

1. Политическая несамостоятельность, особый правовой статус, как правило, отличающийся от статуса регионов (провинций) метрополии.

⁸ Бьюкенен, 2001, с. 13.

⁹ Commentary on the Additional Protocols 8 June 1977. Geneva, ICRC, 1987. P. 53, para. 105. Примеры признания государствами органов, выступающих от имени борющегося народа, в качестве субъектов международного права имеются – это Организация освобождения Палестины (как представитель палестинского народа) и Народная организация Юго-Западной Африки (как представитель народа Намибии).

¹⁰ Большой юридический словарь, 2007. VI. С. 858.

2. Географическая обособленность.

3. Экономическая эксплуатация территории и ее населения.

4. Этническое, религиозное, лингвистическое, культурное или иное подобное отличие большинства жителей данной территории от жителей метрополии, дающее первым основания считать себя отдельной, обособленной группой.

5. Так называемый исторический фактор, выражающийся либо в прямом захвате территории, либо в ее лишении самостоятельного правового статуса путем:

– навязывания неравноправных, кабальных договоров местным властям о протекторате, вассалитете, аренде, концессии, опеке, выкупе, иных форм лишения или ограничения полноты их суверенитета;

– насаждения военной силой или инспирирование прихода к власти зависимого, марионеточного режима;

– аннексии территории, формирования колониальной администрации либо прямого управления колонией из метрополии.

6. Дискриминация коренных жителей колонии в виде отказа предоставить им равные гражданские и политические права, подавления культуры, в некоторых случаях – институционализированная система национальной или расовой дискриминации (типа апартеида).

7. (1) Устойчивое стремление большинства жителей колонии к изменению сложившегося положения в виде наличия в течение длительного времени ярко выраженного сепаратизма (национально-освободительного движения), стремление к сецессии, восстановлению или обретению суверенитета для самостоятельного решения своей судьбы (независимости или воссоединению с другой страной) и (2) меры со стороны метрополии по насильственному подавлению такого стремления.

16.2. ТИП РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: ПОЗИЦИЯ АВТОРОВ

Итогом предпринятого в предыдущем разделе анализа следует считать правовую неопределенность. Расплывчатость основных формулировок, наличие индикаторов, предполагающих анализ исторической ретроспективы а также политических, экономических и культурных факторов, делают оценку применимости Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I к вооруженному конфликту в Чечне крайне сложным вопросом. По сути это тема отдельной междисциплинарной комплексной экспертизы.

Главной проблемой, осложняющей проведение такой экспертизы в рамках настоящего исследования, является отсутствие соответствующего прецедентного права. Насколько нам известно, ни один международный суд или трибунал до сих пор не рассматривал вопроса о применимости ст.1 (4) к какому-либо вооруженному конфликту вообще.

Исходя из этого, авторы не берут на себя смелости давать в данном исследовании окончательную оценку типа российско-чеченского вооруженного конфликта. Мы уверены, что экспертиза данного вопроса должна стать одной из первых задач будущего международного трибунала или любого другого (гибридного, национального) суда, который сможет осуществлять юрисдикцию по международным преступлениям, совершенным в контексте вооруженного конфликта в Чечне. Такая экспертиза будет иметь важнейшее значение не только для правильной квалификации данного конфликта, но должна стать существенным шагом в развитии международного уголовного права.

Тем не менее, мы считаем необходимым высказать здесь свою позицию по данному вопросу. По нашему мнению, изложенный ниже подход (вернее, схема подхода) может быть предложен Суду стороной обвинения.

Мы полагаем, что вооруженный конфликт между Российской Федерацией и вооруженными формированиями непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (как минимум для периода до 8 марта 2005 года) может быть охарактеризован как вооруженный конфликт международного характера в значении Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года. Этот вывод мы основываем на выделенных выше критериях, связанных как с целями сторон конфликта, так и с характеристикой отношений между чеченским народом и российским государством по крайней мере на протяжении последних двух столетий.

Как было уже показано выше (см. главу 7), начиная с одностороннего провозглашения независимости в 1990 г. и фактического создания собственных органов власти в октябре 1991 года, и вплоть до гибели последнего избранного президента ЧРИ Аслана Масхадова, главной декларируемой и фактической целью чеченской стороны конфликта была реализация права на самоопределение чеченского народа в виде отделения от России и создания собственного независимого государства. Только после гибели Масхадова национально-освободительное целеполагание в руководстве сепаратистов стало активно вытесняться пан-исламистской идеологией и проектом строительства на территории северо-кавказских республик исламского теократического государства. Эта тенденция, возникшая задолго до гибели Масхадова, окончательно возобладала 7 октября 2007 года, когда второй по счету преемник президента ЧРИ Докку Умаров провозгласил Кавказский Эмират, а ЧРИ преобразовал в его «вилаят» (провинцию)¹¹.

¹¹ <http://www.chechentimes.net/content/view/2081/37/>.

Одновременно очевидно, что, несмотря на используемую риторику, основной фактической целью российской (федеральной) стороны в ходе обоих вооруженных конфликтов было противодействие сецессии, восстановление суверенитета над территорией Чечни и удержание этого суверенитета.

Что касается требований ст.1 (4) Дополнительного протокола I относительно поведения государственных властей России в Чечне, то оно, как минимум, может быть охарактеризовано как «колониальное господство». При этом следует принимать во внимание следующие факторы.

1. Военное завоевание Российской Империей территории Чечни в ходе Кавказской войны XIX века является бесспорным историческим фактом (см. главу 2); при этом вопрос о том, сформировалась ли данная территория на момент интервенции как государство, не имеет существенного значения (см. выше, раздел 16.1).

2. Возможно добровольное вхождение народа Чечни в состав Советского государства как части Горской республики было затем перечеркнуто нарушением Советским государством условий автономии, что вызвало массовые вооруженные выступления, и привело в конце концов к депортации 1944 года (см. раздел 2.10), которую Европейский Парламент обоснованно квалифицирует как акт геноцида. «Депортация чеченцев в 1944 году для чеченского сознания значит приблизительно то же, что для еврейского – гитлеровский геноцид или для армянского – резня 1915 года. Это – страшная травма, воспоминание об этом и ужас перед возможностью повторения этого преследует каждого чеченца»¹², – указывает Главный научный сотрудник Института Европы РАН проф. Дмитрий Фурман. Показательно, что даже Конституционный суд Российской Федерации признал: «В период сталинских репрессий чеченский народ подвергся массовой депортации, исправление последствий которой оказалось недостаточно эффективным. Государственная власть сначала СССР, а затем России не сумела правильно оценить справедливую обиду чеченцев, назревавшие в республике события и их движущие силы»¹³. После восстановления автономии дискриминационная политика в отношении коренного населения Чечни, хотя и в значительно «смягченном» виде, продолжала осуществляться (см. раздел 2.10.8).

3. Односторонняя независимость была провозглашена Чечней не от Российской Федерации, а от Советского Союза, в условиях, когда, в соответствии с действующим законодательством, статус союзных и автономных республики был уравнен. Статья 2 действовавшего на тот момент Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом Союзной Республики из СССР» № 1409-1 от 3 апреля 1990 г. устанавливала: «за народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». Избранные органы власти, представлявшие народ Чеченской Республики, отказались подписать Федеративный договор, население Чечни не принимало участие в Референдуме по Конституции Российской Федерации 1993 г., в соответствии с которой Чеченская Республика была включена в число субъектов РФ. Референдум 23 марта 2003 года по «Конституции Чеченской Республики», которая определяет последнюю субъектом РФ, был организован Россией в условиях де-факто военного положения, и не может считаться легитимным и отражающим волю народа Чечни (см. раздел 6.5).

По мнению авторов, чрезвычайно емко и точно суть колониальной и дискриминационной политики Российского государства в отношении народа Чечни выразил Аллен Бьюкенен в предисловии к русскому изданию своей блестящей монографии, посвященной праву на самоопределение:

«Не может быть никаких сомнений, что чеченский народ был жертвой постоянных и тяжелых нарушений прав человека, начиная с вторжения в Чечню царских имперских войск и на протяжении всего ранне-большевистского и сталинского периодов. Были систематические попытки уничтожить религию чеченцев, особенно в ранне-советский и средне-советский периоды, и запретить использование арабского языка. Для того, чтобы разрушить традиционную экономику и социальную структуру горцев и сломить их сопротивление репрессивной политике государства, уничтожались горные деревни, в том числе и совершенно мирные. Сталинская депортация чеченцев в 1944 г. была самой ширококомасштабной и тщательно организованной и самой жестокой, но отнюдь не первой.

Не менее важно и то, что соглашения об автономии чеченцев постоянно нарушались. В 1917 г., во время падения царизма, Чеченский Конгресс был готов к автономии в составе России. Но в мае 1918 г., после захвата власти большевиками чеченцы провозгласили независимую Горскую республику. В 1920 г. в Чечню вступила Красная армия. Вскоре советские чиновники стали нападать на религию горцев и вообще притеснять местное население. Чеченцы стали сопротивляться. В 1921 г., стремясь привлечь чеченцев к инкорпорации в большевистское государство, Сталин, тогда народный комиссар по делам национальностей, гарантировал чеченскую автономию во внутренних делах и свободу исповедания ислама. Однако большевики снова нарушили соглашение. И снова чеченцы восстали. В 1925 г. восстание было подавлено жесточайшим образом. Затем последовала принудительная коллективизация и разрушение традиционной общинной системы собственности. Перед германским вторжением в Советский Союз в Чечне было новое восстание, опять жестоко подавленное. Никто и не думал выполнять соглашения об автономии, вступать с чеченцами в честные переговоры

¹² Дмитрий Фурман. Самый трудный народ для России / Чечня и Россия: общества и государства. // Сборник материалов к конференции. – М., 1999.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П, пар. 2 описательно-мотивировочной части.

или пытаться как-то компенсировать причиненное им зло. В 1944 г. все чеченцы были насильственно депортированы в Казахстан. Условия депортации были таковы, что в дороге погибли по разным оценкам от 25% до 33 % чеченцев. Официальным оправданием депортации было то, что «чеченский народ» вступил в предательское сотрудничество с нацистами, но реально лишь единицы среди чеченцев действительно сотрудничали с немцами, а тысячи сражались против них в рядах Красной Армии. Очевидно, Сталин использовал сотрудничество с нацистами как предлог для «окончательного решения» чеченского вопроса, для того, чтобы положить конец чеченскому сопротивлению и чеченским восстаниям.

После смерти Сталина в 1953 г. ограничения, наложенные на «переселенцев», были ослаблены, и тысячи чеченцев стали возвращаться на Родину. Однако советское правительство не пыталось облегчить возвращение и как-то компенсировать чеченцам их жертвы. Наоборот, правительство брало с возвращавшихся чеченцев подписку в том, что они отказываются от каких-либо претензий к русским колонистам, захватившим их собственность.

Подведём итог. С самого начала советского режима к чеченцам относились так же, как европейские колонизаторы относились к народам Африки и Азии. Это были отношения *колониального господства* <выделено авторами исследования>, неизбежно влекущего за собой массовые нарушения прав человека. Ведь главный отличительный признак колониального господства — то, что колониальное государство относится к «туземцам» как к объектам, которыми оно манипулирует, преследуя свои цели, а не как к равным, которые имеют свои представления о собственном благе и имеют право стремиться к их реализации посредством собственных политических структур. Соглашения с «туземцами» при этом — только инструменты управления ими для достижения целей, не ими поставленных.

Можно сказать, что, как удачно сформулировал один аналитик, «к началу горбачёвской эры чеченцы пришли как народ с грандиозным списком жалоб». Когда СССР начал распадаться, чеченцы, как и другие меньшинства, стали требовать большей автономии. В ноябре 1991 г., ещё до формального роспуска СССР, Чечня провозгласила независимость от Российской Федерации. Эту декларацию следует рассматривать в свете другой декларации, принятой годом раньше, в которой Общенациональный Съезд Чеченского Народа требовал для Чечено-Ингушской Автономной Республики статуса союзной республики. Очевидно, эти события надо интерпретировать как попытку добиться в переговорах такого равного статуса, с позиций которого можно было бы прийти к новым и более удовлетворяющим чеченцев условиям союза с Россией. На этой ранней стадии, до того, как Ельцин стал использовать силу, чеченцы, несомненно, могли бы согласиться и не на полную независимость. Если бы в этот период крайней институциональной неопределённости они не стремились к большей автономии, это бы просто означало, что они согласны с колониальной моделью отношений, при которой Москва может односторонне определять статус чеченского народа. В этом контексте важно подчеркнуть, что чеченская Конституция 1992 г. говорила только о «государственном суверенитете», что совместимо с новой формой автономии в составе Российской Федерации, и не использовала термина «независимость». <...>

Не менее важно и то, что российское государство, наследник СССР, проявляло по отношению к чеченцам то же колониалистское отношение, от которого чеченцы страдали столько времени. Возможность обсуждения нового статуса автономии серьёзно не рассматривалась — чеченцам просто предложили подписать Федеративный Договор. Колониалистское отношение явственно видно в действиях Ельцина в отношении Чечни. Его готовность использовать военную силу ещё в 1991 г., его поддержка попыток свергнуть и позже убить Дудаева, и прежде всего — его нежелание вести переговоры с Дудаевым — всё это слишком хорошо укладывалось в модель, отлично известную чеченцам. <...> Встретившись с отказом от нового определения статуса в переговорном процессе и с грубой жестокостью, с которой Россия отвечала на их требования, чеченцы с полным правом предприняли попытку создать своё собственное независимое государство»¹⁴.

Еще более откровенно высказался Анатолий Ливен, главный редактор журнала «Strategical Comments» (Лондон):

«Борьба чеченцев в 1994-1996 годах была последней в серии антиколониальных войн (от Индокитая, Алжира и португальских колоний в Африке до Афганистана), свидетелями которых были два последних поколения»¹⁵.

Авторы разделяют вышеприведенные характеристики и полагают, что приведенные соображения вместе с фактами, изложенными в Части II настоящего исследования, может рассматриваться как весомый аргумент в пользу признания российско-чеченского вооруженного конфликта международным вооруженным конфликтом в значении Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года.

¹⁴ Бьюкенен, 2001, с. 8-12.

¹⁵ Анатолий Ливен. Война в Чечне и упадок российского могущества / Чечня и Россия: общества и государства. // Сборник материалов к конференции. — М., 1999.

16.3. ТИП РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: ПОДХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на выводы предыдущего раздела, авторы не считают возможным положить свое мнение в основу дальнейшего изложения правовых норм. Учитывая отмеченную выше нечеткость критериев применимости ст.1 (4) Дополнительного протокола I, неизбежную историко-политическую составляющую этих критериев и отсутствие прецедентного права по рассматриваемому вопросу, мы в дальнейшем будем исходить из наиболее консервативной и устоявшейся точки зрения на данную проблему.

А именно, при дальнейшем изложении мы будем исходить из того, что рассматриваемый нами российско-чеченский конфликт конца XX – начала XXI (или «первый» и «второй» конфликты) является вооруженным конфликтом немеждународного характера (в соответствии со стандартом «*по меньшей мере*»).

Такой подход продиктован заявленной в самом начале исследования методикой, в соответствии с которой, если правовая норма не ясна, или если возможны различные варианты интерпретации фактических обстоятельств, авторы предпочитают опираться на наиболее консервативную из существующих в настоящее время точек зрения. Кроме того, он обусловлен нежеланием ставить применение правовых норм в зыбкую зависимость от политических оценок (как видим, последовательное применение ст.1 (4) делает такие оценки просто неизбежными). Наступая «на горло собственной песне», мы не лишаем себя права отстаивать собственное мнение в других публикациях, и в особенности перед будущим Судом, если таковой когда-либо будет создан. Однако описание дальнейших норм международного уголовного права с учетом применения их к внутреннему вооруженному конфликту представляется нам наиболее благоразумным и взвешенным решением.

Следует еще раз подчеркнуть, что в современном международном уголовном праве определение конфликта как внутреннего или как международного не имеет принципиального значения. Правовое описание войны в Чечне как «вооруженного конфликта немеждународного характера» не имеет значения для признания того или иного поведения преступным. Оно не может также стать основанием для освобождения от ответственности или смягчить вину потенциальных обвиняемых. В конце концов, если когда-либо суд признает войну в Чечне «конфликтом Дополнительного протокола I», это только облегчит аргументацию обвинения.

Напротив, применяя избранную методику мы продемонстрируем, что даже опираясь на наиболее консервативный подход, доказывание фактов совершения в Чечне международных преступлений не является сложной юридической задачей.

ГЛАВА 17. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

17.1. ДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВО ВРЕМЕНИ

В предыдущих главах мы установили существование в Чечне вооруженного конфликта между государственными властями Российской Федерации и организованными вооруженными группами, и, в соответствии со стандартом «по меньшей мере» определили его тип как «вооруженный конфликт немеждународного характера». В настоящей главе нам предстоит определить протяженность этого конфликта в пространстве и во времени.

На первый взгляд хронологические и территориальные рамки военных и политических событий, совокупно обозначенных нами как «российско-чеченский конфликт», легко уясняются из описания, данного в Части I настоящего исследования (главы 4-6). Однако это рамки скорее исторические и политические, которые отнюдь не всегда могут совпадать с правовыми. Ниже нам предстоит ответить на следующие вопросы: с какого момента и по какой момент, а также в каких географических пределах к вооруженному противостоянию в Чечне должны применяться нормы международного гуманитарного права? От ответа на них напрямую будет зависеть разрешение двух важнейших проблем данного исследования: (1) к каким актам насилия, имевшим место в Чечне или в связи с конфликтом в Чечне, могут быть применимы нормы международного уголовного права, предполагающие индивидуальную уголовную ответственность за военные преступления, и (2) какова должна быть территориальная и временная юрисдикция международного трибунала (или любого другого специального уголовного суда) для Чечни.

Прежде чем приступить к анализу фактических обстоятельств, нам необходимо еще раз обстоятельно прояснить:

а) когда начинается и когда заканчивается действие международного гуманитарного права в ситуации внутреннего конфликта и б) каковы территориальные границы действия международного гуманитарного права в ситуации внутреннего конфликта, ограничено ли оно районом непосредственных боевых действий или простирается на другие территории и ситуации.

Для ответа на данные вопросы нам снова необходимо вернуться к формулировке параграфа 70 решения Апелляционной камеры МТБЮ по промежуточной апелляции Тадича:

«Вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда в отношениях между государствами прибегают к вооруженной силе или когда в отношениях между государственными властями и организованными вооруженными группами или в отношениях между такими группами в рамках того или иного государства уже давно прибегают к насилию с применением оружия.

Международное гуманитарное право применяется с самого начала таких вооруженных конфликтов и продолжает применяться и после прекращения боевых действий, пока не достигнуто общее мирное соглашение, или в случае внутренних конфликтов, пока не достигнуто мирное урегулирование. До такого момента международное гуманитарное право продолжает применяться на всей территории воюющих государств или, в случае внутренних конфликтов, на всей территории, находящейся под контролем той или иной стороны, независимо от того, имеют ли место боевые действия»¹.

Для правильного уяснения сказанного необходимо обратиться к аргументации, использованной Апелляционной камерой при обосновании этого определения и к ее дополнительным разъяснениям.

Прежде всего, констатируя, что определение термина «вооруженный конфликт» изменяется в зависимости от того, являются ли военные действия международными или внутренними, Суд отметил, что временные и географические рамки и внутренних, и международных вооруженных конфликтов простираются вне точного времени и места военных действий. Рассмотрев правовой контекст международного конфликта, судьи, что для нас особенно важно, подробно проанализировали ситуацию конфликта, не имеющего международного характера.

¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 70.

Приступая к данному анализу, Апелляционная камера подчеркнула, что бенефициариями общей для Женевских конвенций Статьи 3 являются лица, не принимающие никакого участия или прекратившие принимать активное участие в военных действиях. Это, по мнению судей, указывает на то, что правила, содержащиеся в Статье 3, применяются вне узкого географического контекста фактического театра военных действий. Те же категории покровительствуемых лиц называет и Статья 1 Дополнительного протокола II. Далее Суд обратил особое внимание на Статью 2 этого Протокола, которая говорит, что Протокол применяется «ко всем лицам, затрагиваемым вооруженным конфликтом, как он определен в статье 1», и что «по окончании вооруженного конфликта все лица, которые были подвергнуты лишению или ограничению свободы по причинам, связанным с таким конфликтом, а также те лица, которые подвергаются лишению или ограничению свободы по тем же причинам после конфликта, пользуются защитой, предусмотренной статьями 5 и 6, до конца периода такого лишения или ограничения их свободы».

Согласно толкованию Суда, это условие ясно демонстрирует, что временные рамки этих правил распространяются за пределы фактических военных действий. Кроме того, по мысли судей, относительно свободный языковой характер оборота «по причинам, связанным с таким конфликтом» также говорит о широком географическом охвате. В данном случае требуется только наличие связи между конфликтом и фактом лишения свободы, однако совсем не требуется, чтобы это лишение свободы имело место в ходе боевых действий. Даже если существенные боевые столкновения не происходили в конкретной области, в конкретное время и в конкретном месте, где и когда преступления предположительно были совершены, международное гуманитарное право тем не менее применяется и к этим событиям. Поэтому, для применения норм права «достаточно, что инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта»².

Этого же подхода придерживается и Международный трибунал по Руанде. В решениях по делам Акайесу, Рутаганда, Кайяшема и Рузиндана, Мусема, Семанза и других решениях Судебная камера МТР подчеркнула, что общая для Женевских конвенций Статья 3 и Дополнительный протокол II применяется на всей территории, где существует конфликт, и их применение не ограничено «военным фронтом» или «узким географическим контекстом театра боевых операций»³. В деле Багилишема Суд заявил: «С момента, когда материальные требования общей статьи 3 или Дополнительного протокола II удовлетворены, эти инструменты немедленно применяются не только в пределах ограниченного театра военных действий, но также и *на всей территории государства*, участвующего в конфликте. Следовательно, стороны, участвующие в военных действиях, обязаны уважать условия этих инструментов на всей этой территории»⁴ (*курсив наш — ред.*).

Таким образом, из текстов общей Статьи 3 Женевских конвенций, Дополнительного протокола II, других источников права и их судебного толкования следует:

1. Международное гуманитарное право применяется без различия как в ситуациях вооруженного конфликта между государственными и антиправительственными силами, так и в ситуациях вооруженного конфликта между организованными вооруженными группами, не являющимися государственными (варианты II и III, изложенные в разделе 15.3; как уже было показано, это соответствует и формулировке ст. 8 (2)(f) Римского Статута).
2. Временные и географические рамки вооруженного конфликта простираются вне точного времени и места военных действий.
3. Началом вооруженного конфликта является момент, когда противостояние между государственными и антиправительственными силами или между негосударственными организованными вооруженными группами достигает стадии насилия с применением оружия.
4. Прекращение боевых действий само по себе не является завершением вооруженного конфликта.
5. Вооруженный конфликт считается завершенным, когда достигается общее мирное соглашение или мирное урегулирование (для внутреннего конфликта достаточно последнего условия).
6. Международное гуманитарное право действует в течение всего времени вооруженного конфликта.
7. Территорией, охватываемой действием гуманитарного права, является вся территория, контролируемая сторонами вооруженного конфликта, или, иными словами, вся территория государства, вовлеченного в конфликт. Международное гуманитарное право применяется не только к боевым действиям, но и к ситуациям, близко связанным с боевыми действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами вооруженного конфликта, а также в отношении лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом.

² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 67-70.

³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 102-103. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 635. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 182-183; Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 284; Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 367.

⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 101.

8. В отношении лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом, международное гуманитарное право продолжает действовать и после завершения вооруженного конфликта в течение всего времени, пока такие лица лишены свободы или свобода таких лиц ограничена.

Теперь для того, чтобы определить временные и географические рамки действия международного гуманитарного права применительно к ситуации российско-чеченского вооруженного конфликта, нам необходимо наложить данные критерии на фактические обстоятельства этого конфликта. Попутно также мы коснемся вопроса, связанного с интенсивностью вооруженного конфликта на разных его этапах.

17.2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА

17.2.1. Хронологические рамки «первого конфликта»

Под «первым конфликтом», «первой чеченской войной» или «первой кампанией» обычно подразумевают вооруженный конфликт между властями Российской Федерации (федеральным центром) и вооруженными формированиями непризнанной Чеченской Республикой Ичкерия 1994-1996 гг. Однако даже если рассматривать данный конфликт только в свете достаточно высоких требований к интенсивности, содержащихся в Статье 1 Дополнительного протокола II (ответственное командование, контроль над частью территории, непрерывные и согласованные военные действия противоправительственной стороны), существует некоторая неопределенность с датой его начала.

Если исходить из факта, что сторонами конфликта исключительно являлись, с одной стороны, власти Российской Федерации (Высокая Договаривающаяся Сторона), поддержанные ее военными и полицейскими силами (федеральные силы), а с другой стороны, непризнанная ЧРИ, поддержанная ее военными и иными вооруженными формированиями (антиправительственные организованные вооруженные группы), датой начала конфликта следует считать 28 ноября 1994 г., когда по Грозному впервые был нанесен авиационный удар. Военная авиация федеральных сил уничтожила в этот день все самолеты, которыми располагало правительство Дудаева (как военные, так и гражданские), и разрушила взлетно-посадочные полосы на обоих грозненских аэродромах. Эта первая крупномасштабная военная операция, открыто проведенная федеральными силами на территории Чеченской Республики, стала началом воздушной войны. Затем, 11 декабря, после того, как на территорию Чечни были введены войска Министерства обороны и силы МВД (около 23700 человек, поддержанных 80 танками и 208 БТРами), началась и полномасштабная наземная операция⁵.

Однако, если учитывать, что внутренний конфликт может происходить и между вооруженными группами, не являющимися правительственными, мы должны отодвинуть дату его начала более чем на два года назад. Сторонами этого этапа конфликта следует считать, с одной стороны, руководство непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (правительство Джохара Дудаева) и, с другой стороны, так называемую вооруженную оппозицию этому правительству. При этом следует отметить, что хотя данное противостояние во многом имело внутречеченские причины, антидудаевская оппозиция по мере развития конфликта все в большей степени использовалась властями Российской Федерации для достижения своих целей и принимала на себя роль агента этих властей. Начало вооруженного противостояния между этими силами можно отнести к 31 марта 1992, когда представители так называемого «Координационного комитета по восстановлению конституционного строя в Чечено-Ингушетии» предприняли в Грозном попытку захвата власти и временно установили контроль над телецентром и радиостанцией. Путч был подавлен силами, верными правительству Дудаева, а его участники бежали в Надтеречный район, который возглавлял один из лидеров оппозиции Умар Автурханов⁶. Начиная с 1992 г. оппозиция в значительной степени контролировала северные районы республики, а федеральный центр усиленно вооружал формирования ее сторонников, надеясь уничтожить режим Дудаева руками недовольных в самой Чечне. В последующие годы боевые столкновения становились все более частыми и кровавыми. Апофеозом этого противостояния стал штурм Грозного «силами оппозиции» при поддержке значительной танковой колонны 26 ноября 2004 г. После того, как штурмующие были разгромлены, а их значительная часть попала в плен к сторонникам Дудаева, оказалось, что многие танки имели российские расчеты из числа военнослужащих Кантемировской дивизии, завербованных ФСК (Федеральной Службой Контрразведки). Пленных русских танкистов, продемонстрированных тележурналистам, увидел весь мир. По данным центральной российской газеты «Известия», в составе атаковавших было 78 российских контрактников; 21 из них были пленены вместе с 74 вооруженными представителями антидудаевской оппозиции⁷ (подробнее см. разделы 3.2.3-3.2.4).

Таким образом, даже если считать, что на данном этапе роль чеченской оппозиции в качестве агента федерального центра является вопросом факта, подлежащего дополнительному судебному доказыванию, несомненно, что в очерченный период в Чечне, как минимум, имел место вооруженный конфликт между организованными вооруженными группами достаточно высокой степени интенсивности.

⁵ Данлоп, 2001, с. 211.

⁶ Там же, с. 153.

⁷ Известия. 1994. 10 декабря. С. 1,4.

Несколько проще обстоит дело с определением даты завершения «первой войны», так как она фиксируется двумя мирными соглашениями, заключенными противоборствующими сторонами. Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 года, подписанные представителями сторон в присутствии главы миссии ОБСЕ⁸, являются итоговым документом, завершившим мирные переговоры (см. Приложение 1-А). После него боевых действий в прямом смысле этого слова не велось, начался процесс вывода из республики российских войск (завершен к 31 декабря 1996 г.), а до его завершения стороны поддерживали порядок общими усилиями путем функционирования совместных военных комендатур. Процесс урегулирования вооруженного конфликта был окончательно подтвержден в Москве 12 мая 1997 г. «Договором о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия»⁹ (см. Приложение 1-б).

По нашему мнению, временем окончания первого конфликта должна считаться дата подписания Хасавюртовских соглашений, так как именно они явились главным правовым инструментом для фактического завершения боевых действий и урегулирования конфликта. В пользу данной трактовки говорит тот факт, что в период между подписанием первого и второго документа в Чечне под эгидой ОБСЕ (и по достаточно высоким международным стандартам, установленным этой организацией) прошли президентские и парламентские выборы, что само по себе относит этот период к категории постконфликтной реконструкции.

17.2.2. «Межвоенный» период

«Межвоенным периодом» принято называть период между подписанием Хасавюртовских соглашений и началом «второй военной кампании» в 1999 году. В этот период в республике сохранялась политическая нестабильность, осложненная беспрецедентной криминальной активностью, и постепенно усиливалась напряженность между избранным Президентом Масхадовым, его правительством и верными ему силовыми структурами, с одной стороны, и отдельными вооруженными группами во главе с известными полевыми командирами, с другой. При этом администрация Масхадова все больше и больше утрачивала фактический контроль над территорией республики. Эта напряженность в ряде случаев выливалась в вооруженные столкновения, которые, впрочем, никогда не достигали интенсивности ноября 1994 г. Также сохранялась и с 1998 г. опять постепенно усиливалась и напряженность между ЧРИ (чей статус так и не был определен в ходе переговоров) и РФ. В ряде случаев дело доходило до пограничных вооруженных конфликтов с человеческими жертвами (например, 29 июля 1999 г. на участке чеченско-дагестанской границы¹⁰). Мы оставляем за скобками данного исследования вопрос о том, можно ли считать степень данного противостояния достигающей уровня вооруженного конфликта (это вопрос факта, требующий дополнительного изучения). Однако несомненно, что международное гуманитарное право должно считаться применимым и к этому периоду по меньшей мере в части защиты лиц, «лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом». А такие лица действительно продолжали удерживаться сторонами, и в течение данного отрезка времени осуществлялся процесс их освобождения. Пункт 3 «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Чеченской Республики Ичкерия», подписанного Виктором Черномырдиным и Асланом Масхадовым и опубликованного 20 мая 1997 г., прямо предусматривал: «На основе соответствующих Указов Президента Российской Федерации и Президента Чеченской Республики Ичкерия завершить необходимые мероприятия по розыску и освобождению всех насильственно удерживаемых лиц, а также работы по опознанию и захоронению погибших»¹¹. Есть веские основания для утверждения, что эти мероприятия к началу следующего конфликта так и не были до конца завершены. Одновременно на территории республики росло число политических убийств и похищений людей (в том числе журналистов, сотрудников гуманитарных миссий, включая иностранцев и официальных представителей федерального центра), в причастности к которым российской стороной подозревались должностные лица ЧРИ.

17.2.3. Хронологические рамки «второго конфликта»

Под «вторым конфликтом» обычно подразумевается конфликт между вооруженными формированиями ЧРИ и властями Российской Федерации, начавшийся в 1999 году. Однако его начало связано с боевыми действиями августа – сентября в Дагестане, которые велись между объединенными силами местных и чеченских исламистов с одной стороны и федеральными силами с другой. Эти события, как правило, и считаются точкой отсчета истории данной вооруженной кампании.

Бытует мнение, усиленно пропагандируемое федеральной стороной, что данный конфликт уже завершён и Чечня сейчас находится в состоянии постконфликта¹². Правда, даты завершения при этом называются самые разные: от весны 2000-го, когда сепаратисты утратили контроль над большей частью территории республики и война стала приобретать черты партизанской, до весны 2003-го, когда федеральный центр провел

⁸ Независимая газета. 1996. 3 сентября. № 163.

⁹ Российская газета. 1997. 20 мая.

¹⁰ Музаев. Политический мониторинг. Июль 1999 г.

¹¹ Российская газета. 1997 г. 20 мая.

¹² Так, например, министр обороны РФ Сергей Иванов на брифинге, прошедшем 15 июля 2006 года, заявил, что в Чечне давно уже нет войны. Об этом сообщило российское агентство «РБК».

референдум по пророссийской Конституции ЧР. Насколько обоснованы данные утверждения, мы покажем чуть ниже, рассмотрев сначала вопрос о дате начала конфликта.

По нашему мнению, начало «второго конфликта» необходимо отнести к периоду провозглашения так называемой Исламской Республики Дагестан и начала боевых действий между ее сторонниками и правительственными вооруженными подразделениями. Исламисты распространили информацию о провозглашении «республики» 10 августа 1999 г. Но уже тремя днями раньше, 7 августа, началось вторжение формирований исламских радикалов, возглавляемых неконтролируемыми Масхадовым полевыми командирами, со стороны юго-западных районов Чечни в Ботлихский район Дагестана. Однако первое серьезное боевое столкновение относится к еще более ранней дате: 2 августа состоялся бой между сотрудниками МВД Дагестана и дагестанскими вооруженными исламистами на Гигатлинском перевале близ селения Гигатль Цумадинского района, а в ночь на 3 августа — в 2 км от селения Агвали Цумадинского района. В дальнейшем наблюдается стремительная эскалация вооруженного конфликта: масштабные боевые действия с использованием авиации, систем залпового огня, артиллерии и бронетехники велись в Дагестане вплоть до 14 сентября.

Датой начала боевых действий непосредственно на территории Чечни следует считать 25 августа 1999 г., когда российская авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по Веденскому ущелью, окрестностям села Сержень-Юрт и самому селу. Массированные же бомбардировки чеченской территории начались в ночь на 6 сентября, когда ракетно-бомбовые удары были нанесены по райцентру Ножай-Юрт, селам Ишхой-Юрт и Замой-Юрт Ножай-Юртовского района. Таким образом, к 7 сентября, когда на заседании Совета безопасности РФ было принято решение об изменении федеральной политики по отношению к Чечне, а премьер Владимир Путин заявил, что правительство должно «избавиться от синдрома вины» за чеченскую войну и пересмотреть хасавюртовскую политику, боевые действия на территории Чечни фактически уже велись федеральными силами. Наземная операция началась позже, 30 сентября 1999 г., когда бронетанковые подразделения российской армии со стороны Ставропольского края и Дагестана вошли на территорию Наурского и Шелковского районов Чечни¹³.

Теперь рассмотрим вопрос о том, действительно ли, как утверждает российская сторона, вооруженный конфликт в Чечне завершен. Прежде всего следует сказать, что мирного урегулирования, которое, как было показано выше, является обязательным условием окончания внутреннего конфликта, не произошло. Никакой политической договоренности, включающей отказ вооруженных формирований, противостоящих властям РФ, от продолжения вооруженной борьбы, достигнуто не было. Более того, российская сторона (прежде всего устами Президента РФ) неизменно и последовательно отвергала всякую возможность достижения такой договоренности. Одновременно не было озвучено никаких односторонних заявлений руководства сепаратистов об отказе сражаться (имели место лишь объявленные в одностороннем порядке и на ограниченный срок перемирия). Таким образом, даже если бы с какого-то момента боевые действия вообще прекратились (чего, как будет показано чуть ниже, не произошло), это обстоятельство само по себе вряд ли могло бы свидетельствовать о завершении конфликта в юридическом смысле этого слова.

Однако сторонники концепции завершения чеченского конфликта могут возразить, что актом политического урегулирования является проведенный федеральной властью 23 марта 2003 г. референдум, в котором приняло участие около 95 % жителей Чечни, 95,37 % из которых проголосовало за Конституцию, признающую Чеченскую Республику субъектом Российской Федерации. Завершением этого процесса сторонники такого подхода называют выборы законодательной и исполнительной власти ЧР. Однако референдум и последовавшие за ними выборы, которые были проведены российскими властями в условиях фактического военного положения, продолжающейся партизанской войны, в атмосфере страха и запугивания населения, сопровождались такими масштабными фальсификациями и манипуляциями, что вряд ли можно говорить даже о каком-либо подобии свободного волеизъявления граждан.

Ни Совет Европы, ни ОБСЕ (последняя организация, как мы помним, принимала деятельное участие в проведении выборов 1997 г.) не признали легитимность этих процедур (см. разделы 6.5.2-6.5.3).

Однако даже если допустить, что все зафиксированные факты манипуляций, фальсификаций и запугивания, приведенные НПО, — злонамеренная ложь, позиция ЕС и ОБСЕ не объективна и продиктована «антироссийским настроением» этих организаций, а цифры, приведенные ЦИК РФ абсолютно достоверны (на чем и настаивает российская сторона), это никак не меняет ситуации с завершением конфликта. Сторона вооруженных сепаратистов в лице ее лидеров легитимности этого референдума и выборов не признала, выразила решимость и дальше продолжать вооруженную борьбу и действительно ее продолжила. Российские пропагандисты могут сколь угодно долго доказывать, что вооруженных сепаратистов поддерживает абсолютное меньшинство населения. Эти утверждения, даже если признать их справедливыми, никак не влияют на установление факта существования вооруженного конфликта немеждународного характера как такового.

Разумеется, теоретически возможен вариант завершения конфликта в связи с полным физическим уничтожением всех повстанцев или таким сокращением числа противостоящих властям комбатантов, при котором их действия уже не могут рассматриваться как участие в вооруженном конфликте, а должны характеризоваться как «отдельные и спорадические акты насилия». Однако, как будет показано ниже, этого на Северном

¹³ Музаев. Политический мониторинг. Август-сентябрь 1999 г.

Кавказе не произошло. А то, что в период 2005–2007 годов цели руководства оппозиционных вооруженных формирований трансформировались от борьбы за независимость собственно Чечни к борьбе за создание северо-кавказского исламского государства, вовсе не говорит об окончании внутреннего вооруженного конфликта. Скорее, это свидетельствует об обратном: теперь на месте сепаратистского конфликта, политическое урегулирование которого при наличии доброй воли российской стороны представлялось вполне вероятным, взрос «неуправляемый» конфликт с ярко выраженной религиозной составляющей.

Что касается собственно ведения боевых действий, то они продолжались с разной степенью интенсивности и продолжаются в момент написания данного исследования. При этом вооруженные формирования сепаратистов сохраняли относительно высокую степень организованности, а конфликт распространился на другие регионы Северного Кавказа, выплескиваясь в ряде случаев в виде беспрецедентных террористических актов, направленных против гражданского населения. Постепенное снижение боевой активности в равнинных и предгорных районах Чечни с лихвой «компенсируется» актами вооруженного насилия (диверсиями, подрывами, нападениями, терактами) в сопредельных регионах. В этом отношении лидируют Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Кабардино-Балкария, где действуют вооруженные группы, либо непосредственно подчиненные лидерам чеченских сепаратистов, либо так или иначе координирующие с ними свои действия. Это вынуждены признавать и официальные представители федеральной стороны. Но и в самой Чечне, особенно в горных районах, боевые действия также не затухают.

Даже если рассматривать интенсивность конфликта в свете требований Статьи 1 Протокола II к Женевским конвенциям, то мы увидим, что и после его перехода в партизанскую фазу он в целом удовлетворял большинству обозначенных в них критериев.

а) Ответственное командование.

В соответствии с комментарием МККК к ст. 1 Протокола II «наличие ответственного командования предполагает определенную степень организованности вооруженной группы повстанцев или антиправительственных вооруженных сил, но оно не обязательно означает наличие иерархической системы военной организации, подобной системе, существующей в регулярных вооруженных силах. Оно означает организацию, способную, с одной стороны, планировать и осуществлять непрерывные и согласованные военные действия, а с другой – устанавливать дисциплину именем фактической власти»¹⁴. Сходным образом определяет данный термин и Международный трибунал по Руанде: «Ответственное командование подразумевает степень организации в пределах вооруженной группы или оппозиционных вооруженных сил. Эта степень организации должна быть таковой, чтобы позволить вооруженной группе или вооруженным силам, выступающим против правительства, планировать и совершать согласованные военные действия и устанавливать дисциплину в соответствии с фактическими полномочиями»¹⁵.

Как уже было показано выше (см. разделы 15.4.2–3), на первом этапе конфликта (до марта-апреля 2000 г.) вооруженные силы ЧРИ имели правильную организацию, подобную регулярной армии. Однако и после перехода к партизанскому этапу военных действий ответственное командование сохранялось и осуществлялось прежде всего демократически избранным президентом и Верховным главнокомандующим ЧРИ Асланом Масхадовым. Хотя на определенных этапах подразделения полевых командиров-салафитов (таких, как Шамиль Басаев, Хаттаб и др.) и не подчинялись Масхадову, эти группы сами обладали достаточно высокой степенью организации командования. О том, что Масхадов контролировал действия подчиненных ему подразделений и имел хотя бы ограниченное влияние на неподчинявшиеся ему формирования исламистов, ярко свидетельствует тот факт, что объявленное им в январе-феврале 2005 года в одностороннем порядке перемирие строго соблюдалось чеченской стороной, т. е. как «масхадовским», так и исламистским крылом вооруженного сопротивления¹⁶. После гибели Масхадова 8 марта 2005 года в соответствии с законом ЧРИ «О военном положении» и указом самого Масхадова функции Президента и Верховного главнокомандующего перешли к Абдул-Халиму Садулаеву, который ввел Басаева в правительство сепаратистов, формально ликвидировав тем самым раскол между сторонниками национально-освободительной идеологии и исламистами. После гибели Садулаева его полномочия по той же схеме были возложены на Докку Умарова. Таким образом, формально структура командования сепаратистов сохранялась в течение всего периода вооруженного конфликта. Степень контроля центральных командных структур над теми или иными группами в тот или иной конкретный момент является вопросом факта. Однако, как будет показано ниже, существование у сепаратистов «ответственного командования» подтверждается их способностью осуществлять «непрерывные и согласованные военные действия».

¹⁴ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. – Перевод с английского. – М., МККК, 2000. Пар. 4463. С. 64.

¹⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 626. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 257.

¹⁶ Авторы данного исследования находились в этот период в Чечне и осуществляли мониторинг одностороннего перемирия. Единственный масштабный эпизод гибели военнослужащих, преподнесенный российскими СМИ в качестве «нападения боевиков», на проверку оказался несчастным случаем, усугубленным последующей инсценировкой федеральной стороной боевых действий с расстрелом задержанного лица. См.: РЧИА. // Доклады. «Боестолкновение» на окраине Грозного 22 февраля 2005 г. и вопрос соблюдения одностороннего перемирия, объявленного Асланом Масхадовым. || <http://www.ria-hrnov.ru/index.php?go=Content&id=31>.

б) Контроль над частью территории.

Как видно из вышесказанного, в Протоколе II не существует никаких требований, чтобы территория, контролируемая антиправительственными силами, включала населенные пункты, или чтобы такая территория имела некие минимальные географические масштабы. Комментарий МККК подчеркивает, что критерий контроля над частью территории тесно связан с критерием способности осуществлять непрерывные и согласованные военные действия. «Для осуществления контроля над частью территории требуется, чтобы вооруженные группы повстанцев были организованы (в этом смысле «контроль» является синонимом слов «власть»). Какую часть территории они должны контролировать, не уточняется. На самом деле было внесено несколько предложений с определениями, что это должна быть «значительная часть территории» или «большая часть территории», но [Дипломатическая] конференция их не приняла. <...> Контроль должен быть достаточным для того, чтобы позволить проводить непрерывные и согласованные военные действия и применять данный Протокол, то есть, например, ухаживать за ранеными и больными или задерживать пленных и соответствующим образом обращаться с ними, как это предусмотрено в статье 4 (Основные гарантии) и статье 5 (Лица, свобода которых была ограничена). <...> Практически, если вооруженные группы повстанцев организованы в соответствии с требованиями Протокола, размер территории, на контроль над которой они могут претендовать, будет определяться размером территории, которую уже не контролируют правительственные вооруженные силы. Однако контроль даже над небольшим районом страны должен быть достаточным стабильным, чтобы они могли эффективно применять нормы Протокола»¹⁷.

Также и в соответствии с определением Международного трибунала по Руанде «территория под их [противоправительственных сил] контролем – обычно та, которую не контролируют правительственные силы»¹⁸.

Несмотря на то, что после марта 2000 года сепаратисты утратили контроль над большей частью территории республики, несомненно, что значительная часть горно-лесистой местности на юге Чечни не контролировалась федеральными силами даже в период, последовавший за гибелью Аслана Масхадова, и в той или иной степени находилась под контролем партизан в период написания данного исследования. Этот вывод подтверждается фактами непрекращающихся массированных артиллерийских и авиационных ударов, наносимых федеральными силами по значительным участкам местности. Мониторинг таких ударов в основном не осуществляется неправительственными организациями. Звуки канонады в южных районах республики стали настолько привычным явлением, что на них уже не обращают никакого существенного внимания, информационным поводом обстрелы не становятся. Исключения составляют случаи, когда снаряды начинают падать на населенные пункты и приводят к человеческим жертвам и разрушениям. Тем не менее только за период с 8 марта 2005 (то есть с момента гибели Масхадова) и по ноябрь 2006 г. включительно ОРЧД зафиксировано 35 фактов массированных обстрелов и бомбардировок на юге республики. Причем в ряде случаев речь идет не о разовых ударах, а об обстрелах, которые велись с перерывами систематически, в течение нескольких дней, а то и недель. География этих ударов включает прежде всего Веденский, Шатойский и южную часть Шалинского района (сектор Сержень-Юрт – Автуры). Необходимо отметить, что мониторинг, осуществляемый ОРЧД в горных районах, имел очень ограниченный характер, а Итум-Калинский и Шаройский районы им практически не были охвачены. Таким образом, нами зафиксирована лишь незначительная часть имевших место в действительности обстрелов и авианалетов¹⁹. Очевидно,

¹⁷ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. – Перевод с английского. – М., МККК, 2000. Пар. 4464-4467. С. 64-65.

¹⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 626.

¹⁹ Для иллюстрации сказанного приведем ряд типичных сообщений:

«04.06.2005 г. лесной массив, расположенный между селами Элистанжи и Эшилхатой Веденского района Чеченской Республики, подвергся ракетному обстрелу авиацией федеральных сил. По словам местных жителей, ракетные удары наносились по данной территории с двух вертолетов в течение 1-1,5 часов».

«10.06.2005 г. В течение последних семи дней окрестности села Памятой Шатойского района Чеченской Республики, а также горно-лесистая местность вблизи этого села неоднократно подвергалась артиллерийским обстрелам с места дислокации подразделения федеральных сил в селе Барзой. Как правило, обстрелы начинаются после 19-20 часов и продолжаются 15-20 минут. 5 июня 2005 года глава администрации Шатойского района Саид-Хасан Дузаев направил обращение в адрес президента ЧР Алу Алханова в связи с регулярными обстрелами пастбищ, расположенных рядом с населенными пунктами Хал-Келой, Шаро-Аргун, Дай, Асланбек-Шерипово, Гатин-Кали, Марш-Кали, Мусолт-Аул Шатойского района. На обращение главы администрации Шатойского района в адрес военного коменданта района генерал-майора А. В. Перязева с просьбой разрешить выпас скота на отгонных летних пастбищах в районах развалины Босой, Боган-Корт и Гичу-Лам, военный комендант ответил, что от вышестоящего командования ОГВ (с) получен запрет в связи с возможными перемещениями в данных районах бандгрупп. Также комендант уведомляет, что комендатура Шатойского района ЧР не гарантирует безопасность жителей, находящихся в вышеуказанных районах».

«02.09.2005 г. на рассвете лесной массив, расположенный в окрестностях села Элистанжи Веденского района Чеченской Республики, подвергся артиллерийскому обстрелу с мест дислокации федеральных сил. Накануне вечером был обстрелян участок горно-лесного массива, расположенный между селами Элистанжи и Хаттуни. По сообщению некоторых информантов, в частности агентства «Чеченпресс», 1 сентября днем в 1,5 км от села Элистанжи группой моджахедов был подорван бронетранспортер федеральных сил».

«12.09.2005 г. Окраины сел Памятой и Урдюхой Шатойского района Чеченской Республики с начала сентября регулярно подвергаются артиллерийским обстрелам. Артобстрелы ведутся с мест дислокации федеральных сил в основном в ночное время. 1 сентября данный участок обстреливался с 23 часов до 23 часов 30 минут. 2 сентября обстрел велся примерно в такой же временной период. 4 сентября окрестности сел Памятой и Урдюхой обстреливались с 22 до 23 часов. Через два дня 6 сентября артобстрел повторился в это же время. 7 сентября артобстрел данного участка начался около 6 часов утра».

«28.09.2005 г. около 21.15 два самолета военно-воздушных сил Российской Федерации нанесли ракетный удар по лесному массиву вблизи села Нефтянка Веденского района Чеченской Республики. Было выпущено более десяти ракет класса «воздух – земля». В ходе обстрела взрывной волной в ряде домов выбиты стекла, повреждены кровли».

что ни одна армия, имеющая во главе своих вооруженных сил здравомыслящих военачальников, не будет подвергать систематическим артобстрелам и авиаударам контролируемую собственными подразделениями территорию.

Еще одним важным фактором при оценке степени контроля над территорией является численность партизанских отрядов. Понятно, что объективных данных на сей счет получить невозможно, так как все озвучиваемые сторонами цифры являются элементом их пропагандистских кампаний. Чеченская сторона, заинтересованная в рекламе своей борьбы, склонна преувеличивать число своих сторонников, российская же, пропагандирующая наличие «мирного процесса», — преуменьшать силы и активность противника. В этом отношении особенно показательной является оценка сил партизан российской стороной, которая никак не может быть завышенной. 3 ноября 2006 г. в Грозном командующий Объединенной группировкой войск (сил) на Северном Кавказе генерал Баряев заявил журналистам, что в горах на юге Чечни находится около 700 боевиков. «Все службы сходятся именно на этой цифре <...> Наличие такого большого количества боевиков объясняется притоком в НВФ молодых людей», — приводит слова генерала российское агентство «Интерфакс». Генерал подчеркнул, что боевики мигрируют, «перескакивая из Дагестана, Ингушетии в Чечню и обратно». Также в своем выступлении генерал подтвердил использование федеральными силами артиллерии для обстрелов горно-лесистой местности: «В горах бандиты пытаются оборудовать базы и укрытия. Эти попытки мы пресекаем артиллерийскими обстрелами в соответствии с данными разведки»²⁰.

Таким образом, на момент подготовки данного исследования оппозиционные вооруженные формирования продолжали контролировать значительные участки территории труднодоступных горных районов вне населенных пунктов. Однако этот контроль, возможно, не является достаточным, чтобы иметь возможность в полном объеме применять нормы статьи 5 Дополнительного протокола II.

в) Непрерывные и согласованные военные действия.

В соответствии с комментариями МККК слово «непрерывные» означает, что действия не имеют перерывов и промежутков. Следовательно, в данном контексте «непрерывные» противопоставляются «спорадическим». «Согласованные» означает такие, при которых «достигнуто единство, согласие». Следовательно, мы говорим о военных действиях, задуманных и спланированных организованными вооруженными группами. Критерии продолжительности и интенсивности как таковые не были сохранены в определении, потому что они внесли бы элемент субъективности. Применимость защитных норм Протокола на самом деле не должна зависеть от субъективного суждения сторон. С другой стороны, критерий непрерывности и согласованности военных действий, хотя и подразумевает элемент продолжительности и интенсивности, согласуется с объективной оценкой ситуации»²¹.

В соответствии с практикой Международного трибунала по Руанде, под непрерывными и согласованными военными действиями понимается, что «в основном операции должны быть непрерывными и запланированными»²².

После перехода к партизанской стадии конфликта подразделения ЧРИ в целом сохранили способность к ведению согласованных военных действий. Разумеется, в отличие от событий осени 1999 — весны 2000 года уже нельзя говорить о том уровне непрерывности, которым характеризовался этап фронтального противостояния войск. Однако чеченская сторона продолжала практиковать частые и систематические нападения на противника. Под согласованностью мы понимаем осуществление этих нападений в ограниченный промежуток времени в разных районах республики и за ее пределами, а также уровень планирования и организации самих нападений. Такие боевые операции, как взятие под контроль крупного села Автуры 12-13 июля 2004 г. (*в село вошли не менее 200 сепаратистов, ими было убито 18 и взято в плен 12 бойцов полка*

«3 и 4 октября 2005 года окрестности сел Хаттунни, Элистанжи, Махкеты, Эшилхатой, расположенных в Веденском районе Чеченской Республики, подверглись артиллерийским обстрелам с мест дислокации федеральных сил. По словам местных жителей, артобстрелы ведутся в основном по горно-лесным массивам и продолжаются с 3-х до 6-ти часов утра».

«27.10.2005 г. В течение последней недели окрестности сел Урдюхой и Дехесты Шатойского района Чеченской Республики подвергаются регулярным артиллерийским обстрелам с мест дислокации федеральных сил. Также обстреливается близлежащий горно-лесной массив. 19 октября данный участок обстреливался в 4 часа утра, 21 октября — около 5-6 часов, 22-24 октября — в 7 часов утра. 25 октября в течение всего дня данный участок обстреливался с вертолетов».

«03.06.2006. Шалинский и Веденский районы Чеченской Республики. В течение месяца продолжаются интенсивные обстрелы лесного массива, расположенного на горных склонах восточнее села Автуры. Удары также наносятся по периметру сел Ники-Хита, Эрсеной и Курчалой на стыке Веденского и Шалинского районов. По свидетельству жителей с. Автуры, артобстрел из тяжелых орудий начинался в утренние часы, а также в ряде случаев ведется ночью. Несколько раз в течение месяца применялась и фронтовая авиация».

«14.08.2006 г. в Шалинском районе Чеченской Республики с 19 до 20 часов со стороны так называемых Волчьих ворот — входа в Аргунское ущелье — раздавалась мощная канонада и слышались разрывы тяжелых снарядов. Стреляли, по всей видимости, с места расположения Шалинского военного гарнизона. Была задействована залповая система «Град» или «Ураган»».

«11 сентября 2006 года обстрелу подверглись населенные пункты в Веденском районе Чеченской Республики. Обстрел продолжался с 21 часа 11 сентября до утра 12 сентября и велся из тяжелых систем залпового огня «Град» и «Ураган» и танковых орудий. Обстреливались не только лесные массивы Аргунского и Веденского ущелий, но и некоторые населенные пункты Веденского и Шалинского районов. В частности, снаряды и ракеты упали на села Хажы-Ейль, Ца-Ведено, Эрсеной, Беной Веденского района, райцентр Ведено, а также село Сержень-Юрт Шалинского района ЧР».

«24.10.2006 г. во второй половине дня территория лесного массива, расположенного в Итум-Калинском районе Чеченской Республики, подверглась интенсивному ракетно-бомбовому удару с воздуха. По утверждению местных жителей, три бомбардировщика штурмовой авиации федеральных сил в течение довольно продолжительного времени вели обстрел леса и окрестностей некоторых населенных пунктов».

²⁰ См.: Горы полны боевиков. — Интернет-газета «Каспаров.ру». || <http://www.kasparov.ru/material.php?id=454B86C2B1FFB>.

²¹ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1077 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Перевод с английского. — М., МККК, 2000. Пар. 4469. С. 65.

²² МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 626.

им. А. Кадырова²³), взятие под контроль центральных районов и населенных пунктов Ингушетии в ночь с 21 на 22 июня 2004 г. (под руководством Шамиля Басаева чеченские и ингушские комбатанты одновременно атаковали подразделения в Назрани, Карабулаке, Слепцовске и других населенных пунктах, погибли 79 человек, из них 49 – сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие РФ, 113 человек получили ранения), атака на Грозный 21 августа 2004 г. (в город с севера и юга группами по 20–50 человек одновременно вошли по разным оценкам от 250 до 400 вооруженных сепаратистов²⁴, потери среди федеральной стороны и гражданского населения по данным российской прессы составили 78 человек²⁵), свидетельствуют о высоком уровне планирования, подготовки и осуществления этих атак.

Безусловно, в предыдущем абзаце упоминаются только наиболее масштабные военные операции сепаратистов. В то же время открытые источники информации позволяют оценить уровень непрерывности и согласованности военных действий в периоды, не связанные со столь «знаковыми» событиями. В этом отношении весьма показательны документы из архива УВД Вологодской области, опубликованные прапорщиком Сергеем Солодягиным, проходившим службу в состав оперативной группы ВОГОиП МВД РФ Ленинского района города Грозного²⁶. Согласно этим документам, только на территории Ленинского района города Грозный и только в период с 1 января по 1 октября 2001 г. было совершено 97 подрывов различных видов взрывных устройств, в результате которых погибло 28 человек (в том числе 4 гражданских лица) и ранено 130 человек (в том числе 14 гражданских лиц). Подрывы осуществлялись проводными фугасами, радиоуправляемыми фугасами, гранатами, минами-растяжками на основе ручных гранат. За период с 1 июля по 25 сентября 2001 года на территории того же района в «Журнале учета боевых действий» Вологодского сводного отряда милиции зарегистрировано 347 обстрелов КПП, бронетехники, автотранспортных средств и пунктов временной дислокации подразделений МВД. За период с 1 января по 25 сентября того же года в дежурной части Ленинского ВОВД в Журнале учета информации (ЖУИ) зарегистрировано 96 сообщений об обстрелах, «совершенных на обслуживаемой территории», в результате которых погибло 24 человека и 110 получили ранения. Обстрелы велись из автоматического оружия, подствольных гранатометов, противотанковых гранатометов, снайперского оружия, а также использовалось метание ручных гранат. Нередко обстрел начинался сразу после подрыва. Необходимо подчеркнуть, что эти данные касаются только одного, центрального района Грозного (пара десятков квадратных километров), который в это период был наводнен российскими войсками и наспигован блокпостами, находящимися в ряде случаев в зоне прямой видимости друг от друга. В данном районе предполагалась «территория правительства ЧР», которую тоже обстреливали из гранатометов²⁷.

Достаточно высокая активность партизан сохранялась и во время написания данного исследования (хотя нельзя не согласиться с тем, что по сравнению с первыми годами партизанской войны она становится несколько ниже). Только по данным российских СМИ и только в Чечне с июня по ноябрь 2006 г. зафиксировано 156 эпизодов боевых действий (подрывы, боестолкновения, нападения на военные колонны, подразделения, группы и отдельных военнослужащих и милиционеров), в ходе которых было убито 97 и ранен 241 представитель российской стороны конфликта (из них 1 военнослужащий был убит и 1 ранен в результате нападения под обстрел собственной артиллерии, еще двое убитых и семеро раненых милиционеров пострадали в результате перестрелки, возникшей между различными подразделениями милиции, принявшими друг друга за противника), а потери моджахедов составили не менее 51 человека убитыми и 2 человек ранеными²⁸. При этом

²³ Подробно об этом см. сообщение ПЦ «Мемориал» от 12.07.2004 г.: «Вечером в с. Автуры Шалинского района вошли участники вооруженных формирований ЧРИ». || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

²⁴ Подробно об этом см. сообщение ПЦ «Мемориал»: «Вечером 21 августа 2004 г. вооруженные формирования Чеченской Республики Ичкерия провели масштабную военную операцию в столице Чечни г. Грозный». || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

²⁵ См., например: <http://accoona.ru/news/index.php?id=3460>.

²⁶ Солодягин С. В. Чечня. – Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/.

²⁷ Там же. Пояснительная записка по подрывам и обстрелам, совершенным на территории ленинского района г. Грозный в период с 1 января по 1 октября 2001 года. || http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0110.shtml. Данные по подрывам: http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0120.shtml. Данные по обстрелам: http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0130.shtml.

²⁸ Мониторинг осуществлен по данным следующих СМИ: РИА «Новости», ИТАР ТАСС, ИНТЕРФАКС, Радио «Свобода», Агентство Национальных Новостей, Кавказский Узел, а также ежедневной интернет-газеты «Грани.ру». Приведем наиболее типичные сообщения последнего из перечисленных изданий:

«12.11.2006 15:51 Двое военнослужащих федеральных сил получили ранения в результате подрыва фугаса близ села Новый Центорой Грозненского района Чечни. Как сообщает Интерфакс со ссылкой на МВД Чечни, инцидент произошел в ночь на воскресенье, когда колонна из автомашин КамАЗ, ГАЗ-66 и БМП подъезжала к мосту через железную дорогу. Осколочные ранения получили двое военнослужащих, в том числе командир взвода одного из подразделений, отметили в МВД республики. Также сегодня в Грозном совершено нападение на сотрудников МВД Чечни, передает радио «Свобода». Двое получили тяжелые ранения.»

«11.11.2006 10:15 Двое военнослужащих 42-й дивизии Минобороны пострадали в результате подрыва на фугасе боевой машины пехоты в районе населенного пункта Беркерт-юрт в Чечне. Об этом сообщает Интерфакс со ссылкой на источник в штабе временной объединенной группировки войск на Северном Кавказе.»

«08.11.2006 08:06 В Чечне в результате обстрела двух автомобилей УАЗ погибли пять сотрудников Мордовского сводного отряда милиции, один милиционер получил ранения. Об этом сообщает РИА «Новости», ссылаясь на прокурора Чечни Валерия Кузнецова. Интерфакс со ссылкой на источник в штабе Объединенной группировки войск на Северном Кавказе сообщает о семи погибших. Во вторник около 16.00 мск группа сотрудников СОМ Мордовии возвращалась в пункт временной дислокации после выполнения служебного задания в Шатойском районе. На дороге, ведущей из Шатойского в Шаройский район, милиционеры попали в засаду и были обстреляны неизвестными. В результате обе машины загорелись, погибли семеро сотрудников милиции, один ранен. Среди погибших – четыре офицера, ранения получил майор милиции.»

«19.10.2006 14:54В Чечне в районе сел Орехово и Котар-Юрт вчера вечером были убиты двое и ранены четверо бойцов батальона внутренних войск «Север» и районного отдела милиции. По информации сайта «Кавказский узел», перестрелка возникла после того, как наряд

не учитываются данные о сотнях задержанных в ходе спецопераций и «явившихся с повинной» боевиках²⁹. Кроме того, в результате обстрелов и подрывов за этот период было убито 9 и ранено 17 представителей гражданского населения.

Таким образом, в Чечне российскими СМИ в этот период каждые 5 дней фиксировалось в среднем по 4 боевых столкновения, обстрела или диверсии, значительная часть которых сопровождалась потерями сторон.

Источники же сепаратистов приводят гораздо более внушительный перечень боевых действий и потерь. Согласно информационному агентству «Даймохк» («Отечество»), за тот же период в Чечне имело место не менее 246 эпизодов боевых действий (из них 47 случаев подрывов военной техники), в ходе которых убито 683 и ранено 700 представителей федеральной стороны конфликта. Потери сепаратистов, по этим данным, составили 36 человек убитыми и 33 ранеными³⁰.

При оценке данных цифр следует отметить, что ни одно российское СМИ не имеет собственных корреспондентов в горных районах Чечни и очень редко посылает туда специальных корреспондентов³¹. Все данные о боях и потерях в труднодоступных районах, где активность сепаратистов наиболее высока, они черпают из официальных и неофициальных источников в силовых структурах РФ. Вполне очевидно, что эти данные заведомо не полны. С другой стороны, данные сепаратистов также не могут считаться объективными: урон, нанесенный врагу, в них должен быть сильно завышен. По всей видимости, истина лежит где-то посередине. Но даже если отталкиваться от наиболее консервативных цифр, предоставляемых российской прессой, интенсивность конфликта (учитывая условия партизанской войны и довольно ограниченную территорию небольшой северокавказской республики) представляется сравнительно высокой. Достигает ли она интенсивности, необходимой для применения Дополнительного протокола II, или может быть охарактеризована в пределах общей для Женевских конвенций статьи 3, вопрос, который может быть окончательно разрешен только компетентным Судом. Однако то, что мы имеем дело именно с вооруженным конфликтом, а не с «беспорядками» или «отдельными и спорадическими актами насилия», несомненно.

О последнем из приводимых нами здесь эпизодов российские новостные агентства сообщили уже 29 января 2008 года, когда работа над этой книгой близилась к завершению. В этот день артиллерийскому обстрелу подверглось село Гехи Урус-Мартановского района Чеченской Республики. Обстрел продолжался 45 минут. В результате были повреждены 26 жилых домов, сети газоснабжения и линии электропередачи, несколько автомашин. Исполняющий обязанности командующего Объединенной группировкой войск (сил) генерал-лейтенант Юрий Виноградов прокомментировал это событие следующим образом: «На окраине села Бамут произошло боестолкновение разведгруппы федеральных сил с передовым отрядом неуставленной бандгруппы численностью 8-10 человек, в результате которого один военнослужащий погиб и трое получили тяжелые ранения. Гаубичная батарея должна была отрезать пути предполагаемого отступления боевиков в лесной массив в сторону Ингушетии, но в результате ошибки при наводке батареи на цель был произведен обстрел села Гехи»³². Очевидно, что когда на окраине населенного пункта разведгруппа правительственных войск вступает в бой с «передовым отрядом» антиправительственной вооруженной группы, несет потери, а затем правительственные войска СИЛАМИ ГАУБИЧНОЙ БАТАРЕИ ОТРЕЗАЮТ ПУТИ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ОТСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА и по ошибке обстреливают село, расположенное в 25 километрах от места боя, эту ситуацию вряд ли можно охарактеризовать как «беспорядки» или «отдельный и спорадический акт насилия». Очевидно, мы имеем дело с боевой операцией.

милиции попытался остановить группу людей на окраине Котар-Юрта. В четверг в войсковой операции по преследованию боевиков приняли участие дополнительные силы, в том числе четыре вертолета. Однако, как сообщает источник в военной комендатуре Чечни, «бандитам пока удается уходить от преследования». При этом он подчеркнул, что «район полностью блокирован».

«21.09.2006 15:48 Пятеро сотрудников МВД погибли в четверг в Старопромысловском районе Грозного про обстреле автомобиля УАЗ. Как сообщает ИТАР-ТАСС, все они – сотрудники оперативной группировки МВД, прикомандированные из Свердловской области».

«23.08.2006 10:53 В Чечне в среду подорвали колонну федеральных сил. Четверо военнослужащих ранены, сообщили Интерфаксу в МВД республики. Как рассказал собеседник агентства, на трассе Грозный-Шатой, недалеко от входа в Аргунское ущелье, был осуществлен подрыв фугаса в момент проезда военной колонны, которая состояла из автомашины «Урал» и двух БТРов сопровождения».

«04.07.2006 22:56 В Чечне боевики убили шесть и ранили десять военнослужащих федеральных сил. Как передает Интерфакс, об этом сообщил прокурор республики Валерий Кузнецов. «Во второй половине дня в Шалинском районе в засаду попала военная колонна. Не установленные пока бандиты открыли огонь по военнослужащим. От полученных ран скончались шесть человек. Более десяти военнослужащих получили ранения различной степени тяжести», – рассказал прокурор. Инцидент произошел между населенными пунктами Автуры и Сержень-Юрт Шалинского района Чечни».

«29.06.2006 13:37 Командир роты внутренних войск погиб в Чечне в результате обстрела. Как сообщает Интерфакс, инцидент произошел в лесу у селения Согунты Ножай-Юртовского района Чечни, где военнослужащие проводили разведку».

«11.06.2006 14:01 В Чечне в результате обстрелов погиб один и получили ранения трое военнослужащих, сообщил РИА «Новости» в воскресенье источник в правоохранительных органах республики. «В субботу в 13.10 мск у села Бугарой Итум-Калинского района в лесу боевики обстреляли группу солдат Минобороны, – рассказал источник. – В результате двое военнослужащих по контракту получили ранения и были госпитализированы». В тот же день в 23.30 мск в лесу на окраине села Ники-Хита Курчалоевского района боевики обстреляли военнослужащих батальона «Юг» Внутренних войск МВД России. Один военнослужащий по контракту погиб, еще один был ранен. О потерях боевиков не сообщается».

²⁹ Массовая практика принуждения к даче показаний и фабрикации уголовных дел об участии в НВФ, имеющая место в Чечне, не позволяет даже с минимальной степенью объективности оценить достоверность этих данных.

³⁰ Мониторинг проведен по данным сайта <http://www.daymohk.org/>

³¹ Исключение составляла «Новая газета», однако после убийства Анны Политковской такие командировки прекратились.

³² Интерфакс. 29.01.2008. Интерфакс. 30.01.2008. Грани.ру. 30.01.2008, 08:24.

г) Способность применять Дополнительный протокол II в полном объеме

Следует признать, что по состоянию на 2006 год чеченская сторона вооруженного конфликта, возможно, уже не обладала той «минимальной инфраструктурой»³³, которая позволяла бы ей выполнять *все* требования Дополнительного протокола II. Очевидно, что контроль над определенной частью территории позволяет ей осуществлять основные гарантии в значении статьи 4 Протокола (и статьи 3, общей для Женевских конвенций). Однако сомнительно, чтобы она имела возможность в полном объеме реализовывать все требования статьи 5 Протокола, такие, как получение лишенными свободы лицами помощи в индивидуальном или коллективном порядке, получение ими писем и почтовых карточек, а также полноценного медицинского обследования. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что, несмотря на определенные усилия, предпринятые Асланом Масхадовым, после 2000 г. гуманитарные организации так и не смогли получить доступа к содержащимся чеченской стороной военнопленным.

Таким образом, можно констатировать, что вооруженный конфликт в Чеченской Республике (и шире – в ряде республик Северного Кавказа) на момент подготовки данного исследования не являлся завершенным. Несмотря на очевидное снижение интенсивности военных действий, он определенно обладает всеми достаточными признаками немеждународного вооруженного конфликта в значении статьи 3, общей для Женевских конвенций, всеми достаточными признаками немеждународного вооруженного конфликта в значении статьи 8 (2)(f) Римского статута (организованный характер вооруженных групп и продолжительность конфликта) и значительным количеством признаков вооруженного конфликта в значении Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям (ответственное командование, определенный контроль над частью территории).

17.2.4. Хронологические рамки и интенсивность конфликта: выводы

Исходя из вышесказанного, хронологические границы этапов российско-чеченского вооруженного конфликта мы должны определить следующим образом:

I. 31 марта 1992 г. – 28 ноября 1994 г. Конфликт между властями самопровозглашенной ЧРИ и вооруженной оппозицией, в ходе которого последняя по мере развития событий принимала на себя роль агента федеральной власти.

II. 28 ноября 1994 г. – 31 августа 1996 г. Конфликт между самопровозглашенной ЧРИ и российским федеральным правительством.

III. 31 августа 1996 г. – 3 августа 1999 г. Период временного урегулирования конфликта («межвоенный период»). Гуманитарное право применяется к этому периоду, как минимум, в отношении лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом.

IV. 3 августа 1999 г. – 14 сентября 1999 г. Конфликт между российским федеральным центром и совместными формированиями чеченских и дагестанских вооруженных исламистов.

V. С 25 августа 1999 г. и по настоящее время. Конфликт между самопровозглашенной ЧРИ (с октября 2007 г. – вооруженными формированиями т. н. Кавказского эмирата) и российским федеральным правительством, по мере развития захватывающий территории других республик Северного Кавказа.

Как видно, четвертый и пятый этапы данной хронологической схемы частично пересекаются, так как в период с 25 августа по 14 сентября 1999 г. военные действия проходили уже на территории обеих республик, а федеральные силы, установив контроль над мятежными районами Дагестана, перенесли их театр в Чечню.

Повидимому, провозглашение 7 октября 2007 г. так называемого «Кавказского эмирата (имарата)» должно открывать начало нового, шестого этап конфликта. Начиная с этой даты властям российской федерации формально противостоят не чеченские сепаратисты, а объединенные вооруженные группы исламских радикалов Северного Кавказа. Однако в настоящее время («по горячим следам») трудно оценить реальное значение изменений, произошедших в среде антиправительственных вооруженных групп, поэтому мы оставляем данный вопрос открытым.

Что касается интенсивности конфликта, то очевидно, что «первая война» (этап II) должна быть целиком охарактеризована как «конфликт Дополнительного протокола II» (это согласуется и с его оценкой в российском законодательстве и решении Конституционного Суда РФ). Вопрос о первом этапе авторы считают подлежащим дополнительной проработке, так как, с одной стороны, группы оппозиции, безусловно, осуществляли контроль над частью территории республики и имели ответственное командование, с другой стороны, боевые действия этого периода нельзя назвать непрерывными (скорее, имело место несколько отдельных эпизодов вооруженного насилия высокой степени интенсивности).

События в Дагестане (этап IV) по уровню интенсивности и непрерывности вооруженного противостояния, безусловно, должны быть охарактеризованы в качестве «конфликта Дополнительного протокола II». Бо-

³³ Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1077 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Перевод с английского. – М., МККК, 2000. Пар. 4470. С. 66.

евые действия в Чечне августа 1999 – марта 2000 года также, несомненно, представляют собой вооруженный конфликт в значении Дополнительного протокола II. Что касается последующих событий, то переход чеченской стороны к партизанской тактике ведения войны с последующим ослаблением характеристик «непрерывности» боевых действий, возможно, сигнализирует о том, что мы имеем дело с вооруженным конфликтом в значении общей Статьи 3 Женевских конвенций. Однако в настоящее время назвать конкретный момент завершения этой трансформации затруднительно, так как мы обладаем очень скудной фактической информацией о военной ситуации в горных районах Чечни. Для уточнения этой даты на следующих этапах разработки проблемы необходимо, как минимум, провести полную систематизацию и статистическую оценку данных СМИ и иных открытых источников о боевых действиях за весь период с марта 2000 года.

17.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА

Определение географических границ российско-чеченского конфликта в правовом значении этого понятия не является столь же кропотливой задачей, как определение его хронологических рамок. Мы уже показали, что «гуманитарное право продолжает применяться <...> в случае внутренних конфликтов, на всей территории, находящейся под контролем той или иной стороны, независимо от того, имеют ли место боевые действия» (раздел 17.1), иными словами, на территории всего государства, вовлеченного в конфликт. В связи с этим международное гуманитарное право должно считаться действующим на всей территории Российской Федерации для всех ситуаций, непосредственно связанных с рассматриваемым вооруженным конфликтом. Следовательно, все серьезные нарушения гуманитарного права, совершенные в связи с российско-чеченским конфликтом вне административных границ Чечни, также являются потенциальными объектами международной уголовной юрисдикции.

К указанным ситуациям следует, прежде всего, отнести следующие эпизоды:

1. Боевые действия, если доказано, что они непосредственно связаны с конфликтом. В качестве наиболее ясных примеров следует назвать:

а) рейды чеченских вооруженных формирований на Буденновск (14-20 июня 1995 г.) и Кизляр (9-18 января 1996 г.), в ходе которых чеченской стороной осуществлялись акции массового захвата заложников и использование их в качестве живых щитов;

б) боевые действия в Дагестане летом и осенью 1999 г.;

в) атака совместных сил чеченских и ингушских моджахедов на силовые структуры Ингушетии 21-22 июня 2004 г.

Тесная связь этих эпизодов с вооруженным конфликтом в Чечне не вызывает сомнений. Есть, однако, и более спорные ситуации, например, вопрос о событиях в Нальчике 14 октября 2006. Был ли это только вооруженный мятеж местных исламистов, или, как утверждается, нападение планировалось и координировалось из Чечни (в частности, Шамилем Басаевым, занимавшим тогда пост премьер-министра в правительстве сепаратистов), все это вопрос факта, требующий дополнительного расследования.

2. Террористические акты, если установлено, что они тесно связаны с конфликтом в Чечне. Наиболее характерными примерами здесь являются:

а) Взрывы и попытки взрывов жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске и Рязани (сентябрь 1999 г.). Связь этих трагических событий с вооруженным конфликтом очевидна вне зависимости от того, кто их спланировал и осуществил, так как эти теракты (наряду с вторжением вооруженных групп чеченских исламистов в Дагестан) были использованы российской стороной в качестве главного *casus belli*³⁴ для ввода войск в Чечню.

б) Захваты заложников в Театральном центре на Дубровке (Москва) и Школе № 1 города Беслан (РСО-А). Вне зависимости от того, контролировались ли действия террористов руководством сепаратистов или influentialными полевыми командирами, политические требования, выдвигаемые исполнителями теракта (вывод российских войск из Чечни и начало мирных переговоров), демонстрируют непосредственную связь терактов с вооруженным конфликтом. Кроме того, данные террористические акты, представлявшие собой массовые (по количеству жертв) нападения на гражданское население, могут быть квалифицированы как преступления против человечности, для которых в современном международном праве связь с существованием вооруженного конфликта вообще не требуется (см. подробно ниже, раздел 20.2).

3. Грубое нарушение прав лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом, в том числе прав подсудимых и осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы в различных субъектах РФ в связи с участием в т. н. незаконных вооруженных формированиях.

Таким образом, нормы международного гуманитарного и нормы международного уголовного права, касающиеся военных преступлений, применимы как к событиям в самой Чечне, так и к актам вооруженного насилия или грубого нарушения прав покровительствуемых лиц в других регионах РФ, когда такие события, акты или нарушения непосредственно связаны с российско-чеченским вооруженным конфликтом.

³⁴ Повод для войны – лат.

17.4. ВОЗМОЖНАЯ ВРЕМЕННАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО ЧЕЧНЕ

Исходя из вышесказанного, можно предварительно определить следующие рамки юрисдикции будущего Международного (либо гибридного) уголовного суда для Чечни.

Международный трибунал будет уполномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Российской Федерации в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике в период с 31 марта 1992 г.

Понятно, что предложенные нами нижние хронологические рамки носят сугубо предварительный характер. Возможно, они могут быть существенно отодвинуты вглубь, например, к моменту провозглашения фактической независимости Чечни в 1991 году. Такая постановка вопроса может оказаться справедливой в связи с обвинениями дудаевских властей в дискриминации русскоязычного населения или, как минимум, в повороте или терпимости такой дискриминации. Такие обвинения неоднократно выдвигались федеральным центром, и они имеют под собой определенные фактические основания: исход представителей невайнахских народов из Чечни с начала 1990-х годов действительно приобрела массовый характер. Эти группы оказались наименее защищенными перед лицом социальных потрясений и всплеска криминальной активности. Однако данные процессы в 1990-х годах были характерны почти для всех республик Северного Кавказа, и Чечня здесь вовсе не уникальна. Положение русскоязычного населения в Чечне гораздо чаще становилось предметом политических спекуляций, чем скрупулезного и беспристрастного анализа³⁵. С другой стороны, к этому же периоду относятся обвинения в дискриминации чеченцев в сопредельных с Чечней регионах, прежде всего в Ставропольском и Краснодарском крае и Астраханской области (подробно см. раздел 3.2.2). Тем не менее вопрос о масштабах предполагаемой дискриминации, связанных с ней тяжких уголовных преступлениях и степени ответственности тогдашних должностных лиц должен быть поднят и досконально изучен на дальнейших этапах разработки концепции органа международного правосудия для Чечни. Лишь после беспристрастной экспертизы этой проблемы можно будет окончательно определить рамки временной юрисдикции будущего Трибунала.

³⁵ Подробно о положении русскоязычного населения в Чечне см.: Воронов, 2005, с. 249-261; Алиев Тимур. Исход русских из Чечни. / Жизнь на войне. – М., 2007. С. 82-88.

IV

**ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО:
ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ**

ГЛАВА 18. ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, АКТУАЛЬНЫЕ ДЛЯ КОНТЕКСТА РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Рассмотрев международно-правовые характеристики российско-чеченского вооруженного конфликта, мы должны теперь перейти к подробному описанию применимых норм «особенной части» международного уголовного права. Для решения этой задачи необходимо предварительно определить, какие классы и виды международных преступлений могут быть (по крайней мере теоретически) актуальными для контекста данного вооруженного конфликта, а какие нет. Этот «отсев» следует осуществить в свете выводов, полученных в предыдущей части исследования.

В данной главе мы не рассматриваем вопрос о том, были или не были в действительности совершены в ходе российско-чеченского вооруженного конфликта те или иные виды международных преступлений. Пока нам надо лишь установить, какие нормы права, предусматривающие ответственность за совершение международных преступлений, вообще применимы к интересующему нас конфликту, а какие не могут быть применены ни при каких обстоятельствах, либо их применение юридически нецелесообразно.

По нашему мнению, актуальными для рассматриваемого контекста могут быть три класса международных преступлений: *военные преступления*, *преступления против человечности и геноцид*. Как мы уже указывали, эти классы именуются «основными международными преступлениями».

Актуальность норм о *военных преступлениях* не вызывает сомнения, так как контекстуальным обстоятельством, требующимся для их выделения, является вооруженный конфликт. Его существование нами установлено (см. выше, глава 15). Поскольку *преступления против человечности* могут совершаться как в контексте вооруженного конфликта, так и в мирное время, их выделение также представляется возможным. Это же касается и *преступления геноцида* (в котором стороны конфликта неоднократно обвиняли друг друга), т.е. определенных преступных деяний, совершаемых с намерением полного или частичного уничтожения национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой.

Все остальные классы применительно к рассматриваемому конфликту являются либо вообще неприменимыми, либо их применение в данном контексте нецелесообразно.

Во-первых, неактуальным является *преступление агрессии*, так как оно может быть совершено только суверенным государством в отношении другого суверенного государства (подробно см. выше, раздел 10.3 (д)). Хотя и власти непризнанной ЧРИ, и власти России неоднократно обвиняли друг друга в «агрессии», употребление этого термина в данном контексте не может иметь под собой никакой реальной правовой основы. Преступление агрессии в соответствии с существующими нормами права не может совершаться в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера. Но даже если считать российско-чеченский конфликт международным вооруженным конфликтом в значении Статьи 1 (4) Дополнительного протокола I, понятие агрессии также к нему не применимо: Чеченская Республика Ичкерия не была признана международным сообществом в качестве суверенного государства¹.

Не является актуальным для рассматриваемого контекста и преступление *международного терроризма*. Как было показано выше, терроризм в качестве отдельного (дискретного) международного преступления, должен включать два обязательных элемента: (1) эффект террористических актов не должен быть ограничен территорией одного государства, а распространяться за государственные границы, и (2) террористические акты должны совершаться в условиях поддержки, согласия или терпимости со стороны того государства, где расположена террористическая организация, или третьего государства.

Террористические акты, совершенные чеченской стороной, не могут считаться актами международного терроризма в силу уже упомянутого обстоятельства: ЧРИ не являлась признанным международным сообществом суверенным государством. Это же касается и терроризирования гражданского населения российской стороной конфликта. Хотя элемент государственного участия в последнем случае устанавливается (терроризирование совершалось представителями государства при исполнении ими своих должностных обязанно-

¹ Хотя определение агрессии, изложенное в приложении к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года, и не исключает того, что акт агрессии может быть совершен против непризнанного государства (пояснительное примечание «а» к статье 1 в сочетании со статьей 7), вряд ли данное положение может в настоящее время считаться нормой обычного права.

стей), с международно-правовой точки зрения территория Чечни являлась частью Российской Федерации. Таким образом, эффект данных действий юридически не распространялся за государственные границы РФ.

Пожалуй, единственным исключением может считаться убийство российскими агентами Анатолием Яблочковым, Василием Пугачевым и Александром Фетисовым экс-президента ЧРИ Зелимхана Яндарбиева, осуществленное 13 февраля 2004 года в Катаре. Данные действия суд Катара квалифицировал как теракт, совершенный по распоряжению российских властей с использованием дипломатических каналов. Однако тема политических убийств за границей, в причастности к которым могут быть обвинены или были обвинены представители российских спецслужб — предмет отдельного серьезного рассмотрения, находящийся вне рамок настоящей книги.

Остальные действия, имеющие целью терроризировать гражданское население, совершенные обеими сторонами конфликта, безусловно, должны быть охарактеризованы как международные преступления, но не в значении дискретного преступления международного терроризма, а в значении других классов преступлений. В зависимости от обстоятельств они могут быть квалифицированы либо как состав военного преступления, либо как состав преступления против человечности в виде терроризма (терроризирования гражданского населения). Подробно этот вопрос будет рассмотрен нами в главе 46 (см. раздел 46.2).

Наконец, использование дефиниции *пытки* как самостоятельного международного преступления также не может быть юридически целесообразным. В условиях вооруженного конфликта все случаи пыток, связанные с его контекстом, должны быть квалифицированы как состав военного преступления, а в случае выявления массовой или систематической практики их применения — и как состав преступления против человечности.

В свете полученных выводов в следующих главах нам будет дана детальная характеристика дефиниций трех классов международных преступлений: военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида, а также подробно описаны те составы этих преступлений, которые, по мнению авторов, являются наиболее актуальными в контексте чеченского вооруженного конфликта. Нормы, предусматривающие ответственность за военные преступления, будут описаны с учетом их применения к контексту вооруженного конфликта немеждународного характера.

Материалы данной части призваны также наметить общий подход к определению предметной юрисдикции Международного трибунала или иного суда, который будет уполномочен осуществлять преследование лиц, ответственных за международные преступления, совершенные в ходе чеченского вооруженного конфликта.

ГЛАВА 19. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

19.1. ДЕФИНИЦИЯ ВОЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

19.1.1. Определение военного преступления

Понятие «военное преступление» обозначает преступное деяние, совершенное в ходе вооруженного конфликта против покровительствуемых (защищенных) лиц или объектов. Традиционный термин «военное преступление» синонимичен более архаичному понятию «нарушение законов или обычаев войны» или современному определению «серьезное нарушение международного гуманитарного права»¹.

Если говорить более развернуто, то под военным преступлением понимаются действия или упущения, совершенные в контексте вооруженного конфликта как международного, так и немеждународного характера, которые (1) являются серьезным нарушением норм обычного или договорного гуманитарного права, защищающих важные ценности, (2) вызывают серьезные последствия для лиц и объектов, защищенных международным гуманитарным правом, и (3) влекут индивидуальную уголовную ответственность.

Источниками запрещений, нарушения которых образуют военные преступления в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, являются:

- статья 3, общая для Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.;
- Дополнительный Протокол II к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера;
- Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 года);
- другие применимые нормы договорного и обычного международного гуманитарного права².

Состав военного преступления предполагает три обязательных элемента: объективный (материальный), субъективный (умственный) и контекстуальный.

Под объективным (материальным) элементом понимается противоправное поведение субъекта преступления и последствия этого поведения для защищенных лиц или объектов.

Под контекстуальным элементом (или контекстуальными обстоятельствами) понимается, что деяние имело место в контексте вооруженного конфликта и было тесно связано с ним.

Под субъективным (психическим, умственным) элементом подразумевается, во-первых, форма вины (в большинстве случаев в виде намерения или безрассудства) и, во-вторых, осознание исполнителем фактических обстоятельств, свидетельствовавших о существовании в момент преступления вооруженного конфликта (умозаключительный элемент).

Таким образом, отличие военного преступления от любого другого преступного деяния состоит прежде всего в том, что оно совершается в контексте вооруженного конфликта, тесно связано с ним, а исполнитель преступления отдает себе отчет в том, что вооруженный конфликт действительно имеет место. Эти условия можно назвать «родовыми признаками» военного преступления.

Военное преступление может совершаться членами вооруженных формирований против вражеских комбатантов или гражданских лиц и гражданскими лицами против вражеских комбатантов или гражданских лиц. Однако преступления, совершенные членами вооруженных формирований против комбатантов своей собственной стороны, не могут составить военные преступления³.

Из сказанного выше следует, что не каждое тяжкое преступление, совершенное в ходе вооруженного конфликта, может считаться военным преступлением. Например, убийство военнослужащим своего сослуживца или даже попытка старшим офицером своего подчиненного не будут считаться военными преступлениями. Между тем по национальному законодательству такие деяния, безусловно, образуют составы тяжких преступлений против личности, воинской службы и интересов общества и государства. И уж, конечно, уничтожение живой силы и боевой техники противника не составит военного преступления. Убийство и ранение воору-

¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г, пар. 87.

² Там же.

³ Кассезе, 2003, р. 48 со ссылкой на решения Голландского Специального кассационного суда по делу Пилза от 5 июня 1959 г., пар. 1210-1211, а также на решение Временного трибунала Нидерландов в Ост-Индии по делу Мотосукэ от 28 января 1948 года, пар. 682-684.

женного противника, а также нападение на военные цели в ходе боестолкновения является для комбатанта, с точки зрения международного гуманитарного права, легитимным действием (если, разумеется, в ходе этих действий не были применены запрещенные средства и методы ведения войны). В то же время даже простой факт участия в боевых действиях против правительственных войск в условиях внутреннего конфликта может определяться внутренним законодательством как уголовное преступление. Именно таким образом данное деяние рассматривает УК РФ: оно может быть квалифицировано в виде участия в незаконных вооруженных формированиях и образовывать другие составы преступления, например, убийство⁴.

19.1.2. Объективный элемент военного преступления

19.1.2.1. Преступное поведение

Как верно отмечает Антонио Кассезе, в общепринятом международном праве не существует никакого авторитетного и юридически обязательного списка военных преступлений. Их перечисление содержится в Статье 8 Римского Статута, однако ее формулировки не предназначены для того, чтобы зафиксировать нормы обычного права. Поэтому объективный элемент преступления в каждом конкретном случае должен выводиться из той материальной нормы международного гуманитарного права, которая была предположительно нарушена⁵.

Критерии выделения военного преступления были определены Апелляционной камерой МТБЮ в деле Тадича. Выработанный в данном деле четырехступенчатый тест в дальнейшем неизменно использовался Международными трибуналами ООН и к настоящему моменту может считаться наиболее авторитетным. В соответствии с ним требуется, чтобы определенное деяние являлось нарушением обычной (*customary*) по своей сути или применимой договорной нормы международного гуманитарного права, защищающей важные ценности, имело серьезные последствия для жертвы и влекло за собой индивидуальную уголовную ответственность по обычному или применимому конвенционному праву⁶. Подробно применение данного теста будет рассмотрено нами ниже (см. раздел 19.3).

Ниже мы перечислим основные виды военных преступлений, опираясь на классификацию, предложенную Антонио Кассезе⁷:

1. Преступления, совершенные против лиц, не принимающих или прекративших принимать непосредственное участие в военных действиях, и находящихся во власти лиц, совершающих преступления. Этот тип преступлений включает в себя убийство, пытки и другие виды жестокого обращения (преступления дурного обращения), включая биологические эксперименты, преступления против половой неприкосновенности, разграбление и уничтожение собственности и т. п. Фактически это наиболее часто встречающийся тип военных преступлений.

2. Преступления против гражданских лиц и комбатантов противника, совершенные в ходе применения запрещенных методов ведения войны. Примеры этого типа включают преднамеренное нападение на гражданское население или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях; совершение насильственных действий или угрозу совершения насильственных действий с первичной целью терроризирования гражданского населения; преднамеренное осуществление нападения неизбирательного характера, приводящего к смерти или ранениям гражданских лиц либо ущербу гражданским объектам, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам; преднамеренное нападение на лицо в знании, что оно прекратило участвовать в боевых действиях, преднамеренное нападение на медицинский персонал и медицинские объекты, преднамеренное использование голода среди гражданского населения как метода ведения войны, уничтожение объектов, необходимых для выживания гражданского населения, использование «живых щитов», заявление о том, что никто не будет оставлен в живых (то есть, что все вражеские комбатанты будут убиты, включая вышедших из строя и сдающихся в плен), вероломное ранение или убийство комбатантов неприятеля и т. п.

3. Преступления против гражданских лиц и комбатантов противника, совершенные в ходе применения запрещенных средств ведения войны. Примерами является использование боеприпасов, по своей природе вызывающих чрезмерные повреждения или излишние страдания, использования яда, химического или бактериологического оружия, расширяющихся пуль, боеприпасов, производящих необнаруживаемые рентгеном осколки, лазерного ослепляющего оружия, запрещенных видов противопехотных мин и мин-ловушек, напалма и другого запрещенного зажигательного оружия и т. п.

4. Преступления против особо защищенных лиц и объектов (медицинского персонала и объектов, персонала и объектов, задействованных в оказании гуманитарной помощи, персонала и объектов миссий ООН по поддержанию мира и т. п.).

⁴ Такая практика, в принципе, не противоречит международному гуманитарному праву внутренних конфликтов. Однако осуждение российских судами чеченских комбатантов, не совершавших нарушений международного гуманитарного права, по обвинению в терроризме, представляется абсолютно незаконным.

⁵ Кассезе, 2003, р. 53.

⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г, пар. 94. Подробнее об этом см. в разделе 19.3.

⁷ Кассезе, 2003, р. 55-57.

5. Преступления, выражающиеся в ненадлежащем использовании международно признанных защитных признаков и эмблем (белый флаг перемирия, эмблемы, указанные в Женевских конвенциях, формы персонала ООН и т. п.).

На практике исполнитель (субъект) военного преступления, как правило, является комбатантом, государственным служащим или иным представителем одной из сторон конфликта. Однако в обычном международном праве нет никакого обязательного требования, чтобы преступник был представителем одной из сторон конфликта или имел какие-либо специальные отношения с одной из сторон конфликта. Это обстоятельство особенно подчеркнуто Апелляционной камерой МТР в решении по делу Акайесу, где заявлено, что Судебная камера «допустила ошибку в вопросе права», определив, что потенциальными субъектами военного преступления могут быть только лица, принадлежащие к вооруженным силам, или должностные лица, имеющие де-юре и де-факто мандат на действия, связанные с поддержанием военных усилий⁸. Достаточно того, что деяние имело место в контексте вооруженного конфликта и было тесно связано с ним⁹. Поэтому виновным в военных преступлениях может быть признано и гражданское лицо¹⁰.

19.1.2.2. Объект преступления

Объектом военного преступления являются лица и объекты, защищенные международным гуманитарным правом. Применительно к вооруженному конфликту немеждународного характера — лица и объекты, защищенные правом внутреннего вооруженного конфликта¹¹. Под защищенными лицами в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера согласно Статье 3, общей для Женевских Конвенций понимаются «лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения или по любой другой причине». Такие лица «должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманитарным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев».

Таким образом, для определения лиц, пользующихся покровительством (защитой) в ходе внутреннего вооруженного конфликта, Статья 3 дает так называемый «отрицательный критерий». Для того, чтобы определить, является ли данное лицо защищенным, необходимо установить, принимала ли предполагаемая жертва в момент совершения преступления непосредственное участие в военных действиях. Если ответ на это вопрос будет отрицательным, то жертва будет признана защищенным лицом. Очевидно, что установление защищенного лица на основании данного критерия является не вопросом права, а вопросом факта¹².

Дополнительный протокол II к Женевским Конвенциям детализирует перечень защищенных лиц, данный в общей ст. 3. Он относит к ним:

- всех лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет (статья 4 (1));
- лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, интернированы они или задержаны (статья 5 (1));
- всех раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, независимо от того, принимали ли они участие в вооруженном конфликте (статья 7 (1));
- медицинский и духовный персонал (статья 9 (1));
- гражданское население и отдельных гражданских лиц (статья 13 (1)).

Особая защита предусматривается в отношении детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста; она продолжает применяться к ним, даже если они принимают непосредственное участие в военных действиях и попадают в плен (статья 4 (2)(d)). Это, пожалуй, единственная группа, которая не может быть уверенно выделена из общей Статьи 3 на основании «отрицательного критерия», т. к. детям гарантируется защита даже в случае, если они являются фактическим комбатантами. Данное требование тесно связано с условиями статьи 4 (2)(c), в соответствии с которой «дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы или группы и им не разрешается принимать участие в военных действиях».

Под защищенными объектами Дополнительный протокол II понимает:

- медицинские формирования и санитарно-транспортные средства. Защита, на которую имеют право медицинские формирования и санитарно-транспортные средства, прекращается лишь в том случае, если они используются для совершения враждебных действий, выходящих за рамки их гуманитарных функций. Однако

⁸ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Акайесу от 1 июня 2001 г., пар. 425-446.

⁹ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Акайесу от 1 июня 2001 г., пар. 425-446. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 358-362.

¹⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 274-275 (со ссылками на прецедентное право, сформировавшееся после Второй Мировой войны).

¹¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 124. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 34. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 180.

¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 615. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 177. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 629.

предоставление защиты может быть прекращено только после предупреждения с установлением, когда это требуется, разумного срока и после того, как такое предупреждение не было принято во внимание (статья 11);

– объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие, как запасы продуктов питания, производящие продовольственные сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения (статья 14);

– установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно: плотины, дамбы и атомные электростанции, которые не должны становиться объектом нападения даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными объектами (статья 15);

– исторические памятники, произведения искусства или места отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов (статья 16). Последняя категория объектов, как будет показано ниже, дополнительно защищена Гаагской Конвенцией о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (см. раздел 19.6.14).

Комбатанты (лица, принимающие непосредственное участие в военных действиях) также могут считаться защищенными лицами в соответствии с нормами обычного права, если в их отношении используются запрещенные средства или методы ведения военных действий.

19.1.3. Контекстуальный элемент военного преступления

Под контекстуальным элементом (контекстуальными обстоятельствами) военного преступления подразумевается фактическое существование вооруженного конфликта и очевидная связь преступного действия (упущения) с этим конфликтом¹³. Соответственно, для деяний, образующих военное преступление в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, требуется фактическое существование вооруженного конфликта немеждународного характера¹⁴.

При этом не обязательно, чтобы преступное деяние было совершено в ходе активных боевых действий или на территории, непосредственно охваченной этими боевыми действиями. Такая прямая связь в каждом конкретном случае не требуется. Международный трибунал по бывшей Югославии установил: «Достаточно, что инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта»¹⁵, так как гуманитарное право продолжает действовать на всей территории, находящейся под контролем любой из сторон конфликта, независимо от того, в каком конкретном месте этой территории совершаются нарушения¹⁶.

Используя данную норму, МТБЮ признал виновными в военных преступлениях боснийских мусульман, ответственных за убийства, пытки и бесчеловечное обращение в отношении заключенных-сербов в лагере Челебичи муниципалитета Конджич Республики Босния и Герцеговина, причем на территории муниципалитета в момент инкриминируемых деяний вообще не происходило никаких боевых действий. Суд признал достаточным, что лица, удерживаемые на территории лагеря, ранее «были арестованы и задержаны в результате военных действий, проводимых от имени правительства Боснии и Герцеговины и в ходе вооруженного конфликта, стороной которого являлась последняя»¹⁷.

Прецедентное право специальных трибуналов ООН позволяет выделить основные критерии связи между преступным действием и вооруженным конфликтом. Существование конфликта должно, как минимум, оказать значительное влияние на способность преступника совершить преступление, на принятие им решения о совершении преступления, на способ его совершения или на цель, для достижения которой оно было совершено. Для того, чтобы сделать вывод о тесной связи деяния с вооруженным конфликтом, достаточно установить, что действия преступника способствовали достижению цели какой-либо из сторон конфликта или были совершены с использованием обстановки вооруженного конфликта. При установлении данного обстоятельства могут быть приняты во внимание, в числе прочего, следующие критерии:

- преступник являлся комбатантом;
- преступление совершено в процессе или контексте исполнения преступником своих официальных обязанностей;
- жертва преступления является некомбатантом и принадлежит к противоположной стороне вооруженного конфликта;
- преступное деяние может быть оценено в качестве способствующего достижению конечной военной цели кампании, преследуемой какой-либо из сторон (однако вовсе не обязательно, чтобы оно в действительности способствовало этой цели или было совершено в подлинных интересах стороны конфликта).

¹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 22. Решение Судебной камеры по делу Фундунджа от 10 декабря 1998 г., пар. 258.

¹⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 601–602. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 99. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 99.

¹⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 70. Так же см. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 58–59.

¹⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 57, 407. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 32. См. также: МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Акайесу от 1 июня 2001 г., пар. 425–445.

¹⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 196.

Не существует никакого обязательного требования относительно того, чтобы военное преступление являлось частью политики либо частью официально одобренной или дозволенной практики какой-либо из сторон конфликта, либо было совершено с целью осуществления политики государства или организации, либо чтобы оно совершалось в контексте массового и систематического совершения подобных деяний¹⁸.

Особое внимание к контекстуальным обстоятельствам должно быть уделено в ситуации преступления, совершенного гражданскими лицами против других гражданских лиц. Если существует связь между таким преступлением и вооруженным конфликтом, то оно может составить военное преступление. Если такая связь отсутствует, то деяние составляет обычное преступление согласно внутригосударственному закону, применимому на данной территории¹⁹.

19.1.4. Субъективный элемент военного преступления

Субъективная сторона (*mens rea*) военного преступления состоит из формы вины и (по крайней мере в целях Римского Статута) дополнительного умозаключительного элемента, касающегося осознания исполнителем контекстуальных обстоятельств.

Форма вины в зависимости от конкретного состава преступления может состоять либо в *намерении*, либо в *безрассудстве*. В последнем случае обычно присутствует элемент *знания* в смысле «осознания исполнителем предсказуемости вероятных последствий действия». Так, например, в случае неизбирательного нападения должно быть доказано не только намерение лица осуществить такое нападение, но и предсказуемость для него высокой вероятности чрезмерных потерь среди гражданского населения или вреда гражданским объектам вследствие такого нападения²⁰. В некоторых случаях может быть достаточно грубой преступной халатности.

Для умозаключительного элемента, касающегося осознания контекстуальных обстоятельств, достаточно, чтобы исполнитель преступления сознавал, что вооруженный конфликт действительно существует. При этом совершенно не требуется, чтобы он понимал, к какому типу относится конфликт: международному или внутреннему. «Элементы преступлений» Международного уголовного суда формируют это следующим образом:

- «— не существует никакого требования в отношении правовой оценки исполнителем факта существования вооруженного конфликта или его характера как международного или немеждународного;
- в этом контексте не существует никакого требования в отношении знания исполнителем фактов, определяющих характер конфликта как международного или немеждународного;
- существует только требование в отношении знания фактических обстоятельств, определяющих существование вооруженного конфликта, что подразумевается во фразе «имело место в контексте и было связано с ним»²¹.

Кроме того, исполнитель должен осознавать фактические обстоятельства, свидетельствующие о защищенном статусе жертв.

Необходимо отметить, что требование умозаключительного элемента, связанного с контекстуальными обстоятельствами, не выражено в прецедентном праве специальных трибуналов ООН и других судов и содержится только в «Элементах преступлений» Международного Уголовного Суда. Поэтому оно, возможно, не является нормой обычного права.

19.2. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В КОНТЕКСТЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Рассмотрев главные признаки класса военных преступлений, остановимся теперь подробнее на проблеме уголовной ответственности за военные преступления, совершенные в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера. Специальное обращение к этому вопросу необходимо в связи с тем, что вплоть до середины 1990-х годов он не был урегулирован в международном праве.

В принципе то, что «законы войны» ограничивают средства и методы ведения боевых действий как в международных, так и во внутренних вооруженных конфликтах, было признано уже давно. Так, Кодекс Либера, выпущенный президентом Авраамом Линкольном 24 апреля 1863 г., регулировал действия армии в ситуации гражданской войны. Однако условия первых международных соглашений по данному предмету были ясно ограничены войнами между государствами, то есть международными вооруженными конфликтами²². Поэтому традиционно считалось, что наказание лиц, совершивших серьезные нарушения гуманитарного права в ходе немеждународных конфликтов, является исключительно внутренним делом государств, а международная юрисдикция на них не распространяется.

¹⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 58-59 См. также решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 225.

¹⁹ Кассезе, 2003, р. 49.

²⁰ Там же, р. 58.

²¹ Элементы преступлений МУС, ст. 8 «Военные преступления». Введение.

²² Schabas, 2006, р. 231.

Как это ни покажется странным, начало формированию нормы обычного права, в соответствии с которой индивидуальная уголовная ответственность за военные преступления распространяется и на лиц, совершивших нарушения в условиях внутренних конфликтов, было положено международной практикой Советского Союза (правопреемником которого является Российская Федерация). 7 июня 1976 года при принятии статьи 6 (5) Дополнительного протокола II, предусматривающей, что после завершения вооруженного конфликта немеждународного характера «органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте», СССР посчитал необходимым разъяснить свою позицию по голосованию. В своем объяснении на Дипломатической конференции Советский Союз указал, что это положение не может быть истолковано как позволяющее военным преступниками или лицам, виновным в преступлениях против человечности, избежать наказания²³. Данный подход был поддержан Международным Комитетом Красного Креста²⁴.

Однако в корне ситуация изменилась лишь в первой половине 1990-х гг., после того, как Советом Безопасности ООН были созданы и начали свою работу Международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде. Следует, конечно, отметить, что эти поистине революционные изменения произошли не на пустом месте: они были подготовлены интенсивным развитием международного гуманитарного права и права прав человека. Принятие Статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций, Дополнительного протокола II, ряда универсальных договоров в области прав человека, и параллельное формирование норм обычного права заложили прочную основу для распространения принципа индивидуальной уголовной ответственности на ситуации внутренних конфликтов и для придания этому принципу универсального характера.

2 ноября 1994 г. Резолюцией 955 (1994) Совета Безопасности ООН был принят Устав Международного трибунала по Руанде, статья 4 которого прямо предусматривает «судебное преследование лиц, которые совершают или отдают приказ о совершении серьезных нарушений статьи 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года о защите жертв войны и Дополнительного протокола II к ним от 8 июня 1977 года».

2 октября 1995 г. в своем историческом решении по промежуточной апелляции Тадича апелляционная камера Международного Трибунала по бывшей Югославии признала, что предметная юрисдикция статьи 3 Устава этого Трибунала — «нарушение законов и обычаев войны» — распространяется на все серьезные нарушения норм договорного и обычного международного гуманитарного права, совершенные как в контексте международного, так и в контексте внутреннего конфликта. Суд подавляющим большинством (один из пяти судей заявил особое мнение) установил, что уголовная ответственность за военные преступления вне зависимости от типа конфликта является нормой обычного международного права, и что лица, виновные в таких преступлениях, подсудны международному Трибуналу²⁵. Так как временная юрисдикция МТБЮ распространяется на преступления, совершенные в период с 1991 года, то из этого следовало, что данные преступления могут преследоваться судом «ретроактивно».

Данное решение затем постоянно использовалось МТБЮ в качестве руководящего прецедента, рассматривалось в качестве авторитетного прецедента Международным Трибуналом по Руанде и стало важнейшей частью корпуса прецедентного права специальных международных трибуналов ООН. Ряд лиц был привлечен этими трибуналами к индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления, совершенные в контексте внутреннего конфликта. Особенно следует отметить несколько знаковых судебных решений. В деле Георгеса Рутаганда, одного из руководителей руандийской молодежной милиции, Апелляционная камера МТР признала подсудимого виновным в убийствах, как нарушении Статьи 3, общей для Женевских конвенций²⁶. В деле Энвера Хаджихасановича и Амира Кубуры, офицеров вооруженных сил боснийских мусульман, Судебная камера МТБЮ, определив конфликт в Центральной Боснии 1993 года как «внутренний вооруженный конфликт», признала подсудимых виновными в «нарушении законов или обычаев войны» в связи с провалом их попыток предотвратить и наказать преступления своих подчиненных (убийства, жестокое обращение с задержанными и разграбление)²⁷.

Решение Апелляционной камеры по делу Тадича (которую возглавлял тогдашний Президент трибунала Антонио Кассесе) было для своего времени поистине революционным. По меткому замечанию Вильяма Шабаса, «судьи большинства предприняли довольно смелый и драматический шаг»²⁸, который в тот период не избежал критики со стороны сторонников консервативного подхода. Однако позиция Апелляционной камеры получила убедительную поддержку, «когда Римская Конференция по учреждению Международного Уголовного суда согласилась криминализировать диапазон "военных преступлений", совершенных в ходе немеждународного вооруженного конфликта. Теперь вне всякого сомнения, что военные преступления, совершенные в ходе немеждународного вооруженного столкновения, влекут международную уголовную ответственность,

²³ СССР. Заявление на дипломатической конференции (Акты Дипломатической конференции, т. IX CDDH/1/SR.64, 7 июня 1976 г., с. 333-334, пар. 85).

²⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 788, прим. 236.

²⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г. пар.71-137.

²⁶ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Рутаганда от 26 мая 2003 г., пар. 584.

²⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Хаджихасановича и др. от 15 марта 2006 г., пар. 28, 2080 и раздел IX.

²⁸ Schabas, 2006, p. 235.

и это произошло, безусловно, благодаря смелой инициативе четырех судей большинства Апелляционной камеры в упомянутом решении по делу Тадича»²⁹.

Для целей настоящего исследования особенно важно, что Суд подтвердил существование данной нормы уже на момент начальной даты своей временной юрисдикции, т.е. на 1 января 1991 г. Таким образом, в соответствии с этим решением на момент начала конфликта в Чечне норма, предусматривающая уголовную ответственность за военные преступления, совершенные в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера, уже была частью обычного международного права.

6 июня 2000 г. Секцией 6 (1) Постановления Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15 Группы по серьезным уголовным преступлениям Окружного Суда в Дили были наделены юрисдикцией в отношении «серьезных нарушений законов и обычаев, применимых в вооруженных столкновениях немеждународного характера в пределах установленной структуры международного права». На основании Соглашения между Организацией Объединенных Наций и Правительством Сьерра-Леоне от 16 января 2002 был принят Устав Специального Суда для Сьерра-Леоне, в который также включены две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение норм гуманитарного права в ходе внутренних конфликтов. Статья 3 предусматривает ответственность за нарушение ст. 3, общей для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II, а ст. 4 – за «другие серьезные нарушения международного гуманитарного права». Кроме того, в соответствии со ст. 6-7 Закона об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии, принятого 10 августа 2001 г. и снабженного поправками от 27 октября 2004 г. (Палаты учреждены на основании Соглашения между ООН и Камбоджей от 6 июня 2003 г.)³⁰, данные Палаты в прямой форме были наделены юрисдикцией по военным преступлениям, совершенным во время немеждународного вооруженного конфликта³¹. Еще раз напомним, что все данные суды ретроактивны.

Наконец, как было уже упомянуто, индивидуальная уголовная ответственность за военные преступления, совершенные во время немеждународных вооруженных конфликтов, предусмотрена ст. 6 и 25 Римского Статута Международного Уголовного Суда.

Индивидуальная уголовная ответственность за военные преступления, совершенные во время внутренних вооруженных конфликтов, в прямой форме предусмотрена и двумя недавними договорами по международному гуманитарному праву: Протоколом II к Конвенции об обычном оружии с поправками (ст. 14) и Вторым протоколом к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей (ст. 15, 22). Она неявным образом признается в Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин (ст. 9), а также в Факультативном протоколе 2000 г. к Конвенции о правах ребенка (ст.4), которые требуют, чтобы государства криминализовали запрещенные действия, совершенные в том числе и в ходе внутренних конфликтов. Очевидно, что упомянутые статьи представляют собой кодификацию положений, уже ставших нормами обычного международного права.

Исследование МККК по обычному гуманитарному праву отмечает, что к настоящему моменту 53 государства приняли законодательные акты, криминализирующие военные преступления, совершенные во время внутренних конфликтов. К их числу относится и Российская Федерация (Уголовный кодекс РФ 1996 г., ст. 356-360 в сочетании со ст. 4). Законодательство еще 13 государств не исключает применения данной нормы к немеждународному конфликту. Наконец, ответственность за данные деяния в условиях внутренних конфликтов предусматривают проекты законодательства еще семи государств. Несколько лиц были судимы национальными судами за военные преступления, совершенные во время немеждународных вооруженных конфликтов. Авторы исследования МККК также подчеркивают, что с начала 1990-х годов на внутригосударственных и международных встречах было сделано множество официальных заявлений, касающихся индивидуальной уголовной ответственности во время немеждународных вооруженных конфликтов. Преступность серьезных нарушений международного гуманитарного права, совершенных в контексте внутренних конфликтов, подтверждает и практика международных организаций: Совета Безопасности ООН, Генеральной Ассамблеи ООН, Комиссии ООН по правам человека, а также Европейского Союза и Организации Африканского Единства³².

Таким образом, к настоящему моменту индивидуальная уголовная ответственность за военные преступления, совершенные в ходе внутренних конфликтов, является нормой обычного международного права.

19.3. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДЛЯ КОНТЕКСТА ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Как мы сказали выше (см. раздел 19.1.2.1), авторитетный набор критериев, в соответствии с которыми то или иное деяние может быть отнесено к категории военных преступлений, содержится в решении Апелляционной камеры МТБЮ по промежуточной апелляции Тадича от 2 октября 1995 г. С тех пор данный тест

²⁹ Там же, р. 236.

³⁰ <http://www.cambodia.gov.kh/krt/pdfs/Agreement%20between%20UN%20and%20RGC.pdf>.

³¹ The Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia for the Prosecution of Crimes Committed during the Period of Democratic Kampuchea, Articles 6-7. || <http://www.cambodia.gov.kh/krt/pdfs/KR%20Law%20as%20amended%2027%20Oct%202004%20Eng.pdf>.

³² Подробно об этом см.: Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 707-709.

последовательно применяется специальными трибуналами ООН в их прецедентном праве, относящемся к серьезным (serious) нарушениям международного гуманитарного права, которые не относятся к числу нарушений, специально перечисляемых Женевскими конвенциями в числе «серьезных» (grave).

В соответствии с данным решением те или иные нарушения образуют состав военного преступления (нарушения законов и обычаев войны) безотносительно к типу конфликта, если они удовлетворяют следующим условиям:

- «(i) нарушение должно составить нарушение нормы международного гуманитарного права;
- (ii) норма должна быть обычной по своей сути, или, если она относится к договорному праву, все необходимые условия должны быть соблюдены;
- (iii) нарушение должно быть «серьезным», то есть оно должно составить нарушение нормы, защищающей важные ценности, и повлечь серьезные последствия для жертвы <...>;
- (iv) нарушение нормы должно повлечь за собой, по обычному или договорному праву, индивидуальную уголовную ответственность для человека, нарушающего эту норму»³³.

Суд заключает, что «не имеет значения, совершено ли «серьезное нарушение» в пределах контекста международного или внутреннего вооруженного конфликта, если требования, изложенные выше, соблюдены»³⁴.

Для правильно понимания п. (ii) следует обратиться к толкованию Суда. Военные преступления могут представлять собой серьезные нарушения как норм обычного права, так и применимых договорных положений, то есть тех положений, которые «бесспорно были обязательны для сторон на момент совершения предполагаемого правонарушения»³⁵. В качестве примера норм обычного права, не закрепленных в международных договорах, но являющихся общепринятыми и общеобязательными для внутреннего вооруженного конфликта, Суд называет запрещение неизбирательных нападений, запрещение применения отравляющих веществ и некоторые другие запрещения³⁶. К применимым договорным положениям относятся международные соглашения, имеющие юридически обязывающий характер, участником которых на момент предполагаемых нарушений является сторона конфликта.

Иллюстрируя положение, содержащееся в п. (iii), суд приводит пример нарушения гуманитарного права, не достигающего, однако, требуемой для преступления степени серьезности: «Действия представителя воюющей стороны, просто присваивающего ломоть хлеба в оккупированной деревне, не составили бы «серьезного нарушения международного гуманитарного права», хотя они могут быть расценены, как противоречащие основному принципу, установленному в параграфе 1 Статьи 46 Гаагского положения (и соответствующей нормы обычного международного права), в соответствии с которым «частная собственность должна уважаться» любой армией, занимающей вражескую территорию».

Разрешая вопрос о том, влечет ли то или нарушение определенного запрещения индивидуальную уголовную ответственность «по обычному или договорному праву» (пункт iv), Суд ссылается на решение Нюрнбергского трибунала: «Международный Военный трибунал в Нюрнберге заключил, что возложение индивидуальной уголовной ответственности не запрещено отсутствием договорных положений о наказании нарушений». Напоминая критерии, которые назвал Нюрнбергский трибунал в качестве определяющих индивидуальную уголовную ответственность, Суд указал на «ясное и определенное признание правил войны в международном праве и государственной практике, указывающее на намерение криминализовать запрещение, включая заявления правительственных чиновников и международных организаций, так же как и наказание нарушений федеральными судами и военными трибуналами. Где эти условия удовлетворены, люди должны считаться уголовно ответственными». Суд указывает, что, «применяя предшествующие критерии к рассмотренным здесь нарушениям [т. е. серьезным нарушениям международного гуманитарного права — ред.], мы не сомневаемся, что они влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность независимо от того, совершены ли они во внутренних или международных вооруженных конфликтах. Принципы и нормы гуманитарного права отражают «элементарные соображения человечности», широко признанные как принудительный минимум для поведения в вооруженных конфликтах любого вида. Никто не может сомневаться ни в серьезности рассматриваемых действий, ни в интересе международного сообщества в их запрещении»³⁷.

Далее суд подкрепляет данный вывод тем, что «многие элементы международной практики показывают, что государства намереваются криминализовать серьезные нарушения общепринятых норм и принципов для внутренних конфликтов», и иллюстрирует это соображение национальной судебной практикой, а также нормами национального уголовного законодательства ряда государств, в соответствии с которыми наказания за серьезные нарушения общепринятых норм гуманитарного права предусмотрены либо вне зависимости от статуса конфликта, либо особо оговаривается, что они применяются и в условиях внутренних конфликтов.

Завершая этот обзор, Суд констатирует: «Все эти факторы подтверждают, что обычное международное право возлагает уголовную ответственность за серьезные нарушения как общей [для Женевских конвенций] Статьи 3 и дополняющих ее других общих принципов и норм защиты жертв внутреннего вооруженного кон-

³³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г, пар. 94.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, пар. 143.

³⁶ Там же, пар. 96-127.

³⁷ Там же, пар. 129.

фликта, так и за серьезные нарушения определенных фундаментальных принципов и норм, касающихся средств и методов ведения войны в ходе гражданских волнений»³⁸.

Важные дополнительные соображения относительно критериев, позволяющих установить, что то или иное нарушение гуманитарного права составляет уголовное преступление, высказаны Антонио Кассезе:

«Во-первых, может случиться так, что нарушение последовательно считали военным преступлением национальные или международные суды <...>.

Во-вторых, возможно, что нарушение называет военным преступлением Устав международного трибунала. В этом случае, даже если нарушение никогда не рассматривалось национальным или международным трибуналом, оно может обоснованно расцениваться как военное преступление или, по крайней мере, как военное преступление, подпадающее под юрисдикцию этого международного трибунала.

В-третьих, допустимы случаи (их следует отнести к числу наиболее трудных), когда [соответствующие] прецедентное право и уставы международных трибуналов отсутствуют или обходят данный вопрос молчанием. Как тогда определить, составляет ли нарушение запрета нормы международного гуманитарного права военное преступление? В свете прецедентного права <...> и общих принципов международного уголовного права в каждом случае в поиске ответа на этот вопрос необходимо исследовать: (i) военные руководства, (ii) национальные законодательства государств, принадлежащие главным юридическим системам мира, или, если этих элементов недостаточно, (iii) общие принципы уголовного правосудия, признанные нациями мира, как они изложены в международных инструментах, действиях, решениях и т. п.; и (iv) законодательную и судебную практику государства, к которому принадлежит обвиняемый или на территории которого было предположительно совершено преступление»³⁹.

Таким образом, при выделении составов военных преступлений определяющее значение имеют запрещение того или иного деяния в обычном или применимом договорном международном праве, степень серьезности этого нарушения и тенденция криминализации данного деяния в практике государств.

При определении норм, бесспорно, обязательных для сторон российско-чеченского вооруженного конфликта, мы исходим из следующего:

1. Для федеральной (российской) стороны конфликта обязательными должны считаться:

- а) нормы обычного международного гуманитарного права, применяемые во время вооруженных конфликтов немеждународного характера, существовавшие на момент совершения предполагаемых правонарушений;
- б) нормы международных соглашений по международному гуманитарному праву, применяемые во время вооруженных конфликтов немеждународного характера, участником которых была Российская Федерация на момент совершения предполагаемых правонарушений (Статьи 3, общей для Женевских конвенций 1949 г., Дополнительного протокола II, Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и др).

2. Для сепаратистской (чеченской) стороны конфликта обязательными должны считаться:

- а) нормы обычного международного гуманитарного права, применяемые во время вооруженных конфликтов немеждународного характера, существовавшие на момент совершения предполагаемых правонарушений;
- б) нормы международных соглашений по международному гуманитарному праву, применяемые во время вооруженных конфликтов, к которым непризнанная Чеченская Республика Ичкерия присоединилась в одностороннем порядке или иным явным образом официально подтвердила для себя их обязательность.

19.4. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Данный раздел носит исключительно справочный характер и может быть пропущен читателем без ущерба для понимания дальнейшего изложения.

Ниже мы покажем, какие конкретные составы военных преступлений перечисляются в основных и вспомогательных источниках уголовного права: уставах судов и трибуналов, судебных решениях и трудах выдающихся юристов. Хотя, как уже подчеркивалось, исчерпывающего списка общепризнанных военных преступлений в международном праве не существует, обращение к имеющимся перечням может оказаться полезным при выделении составов, актуальных для контекста российско-чеченского вооруженного конфликта.

Первый подробный перечень военных преступлений был составлен в 1919 году Комиссией по вопросам ответственности авторов войн, созданной Предварительной Мирной конференцией. После этого составы военных преступлений были перечислены в Статье 6 (b) Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси:

«военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

³⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г, пар. 128-134.

³⁹ Кассезе, 2003, р. 51.

Эта статья, как явствует из самого текста, дает не исчерпывающий, а обзорный перечень составов преступлений. Этот список практически дословно был перенесен в пункт «b» Принципа VI «Нюрнбергских принципов», сформулированных Комиссией международного права ООН в 1950 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 177 (II) от 21 ноября 1947 г. Для иллюстрации обзорного характера данной статьи в ее начале присутствует следующая фраза: «Нарушения законов или обычаев войны, которые включают, но не ограничены...». Далее следует перечень, приведенный в Лондонском статуте.

Как известно, данные нормы применялись исключительно в контексте международного вооруженного конфликта. Распространение дефиниции военного преступления на серьезные нарушения гуманитарного права, совершенные во время вооруженного конфликта немеждународного характера, связано с деятельностью специальных международных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде.

В статье 3 Устава МТБЮ «Нарушение законов или обычаев войны» так же, как и в источниках права, относящихся к периоду после Второй мировой, дан обзорный, а не исчерпывающий перечень возможных составов военных преступлений:

«Международный трибунал полномочен подвергать судебному преследованию лиц, нарушающих законы и обычаи войны. Такие нарушения включают перечисленные ниже преступления, однако этот перечень не является исчерпывающим: а) применение отравляющих веществ или других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий; б) бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разорение, не оправданное военной необходимостью; в) нападение на незащищенные города, деревни, жилища или здания либо их обстрел с применением каких бы то ни было средств; г) захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений; е) разграбление общественной или частной собственности».

В то же время в решении по промежуточной апелляции Тадича от 2 октября 1995 г. Суд определил, что под данную статью подпадают все деяния, составляющие серьезные нарушения норм обычного международного гуманитарного права, в том числе статьи 3, общей для Женевских конвенций, которая касается вооруженных конфликтов немеждународного характера, а также других общепринятых норм и соглашений, участниками которых являются стороны конфликта⁴⁰.

Устав Международного трибунала по Руанде в ст. 4 уже прямо предполагает ответственность за деяния, составляющие нарушения статьи 3, общей для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II:

«Международный трибунал по Руанде полномочен осуществлять судебное преследование лиц, которые совершают или отдают приказ о совершении серьезных нарушений статьи 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года о защите жертв войны и Дополнительного протокола II к ним от 8 июня 1977 года. Такие нарушения включают перечисленные ниже преступления, однако этот перечень не является исчерпывающим: а) посягательство на жизнь, здоровье и физическое или психическое благополучие лиц, в частности убийство, а также жестокое обращение, как, например, пытки, увечья или любые формы телесного наказания; б) коллективные наказания; в) взятие заложников; г) акты терроризма; д) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение, изнасилование, принудительная проституция и любые формы непристойного нападения; е) мародерство; ж) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями; з) угрозы совершения любого из вышеперечисленных деяний».

Следует обратить внимание, что и здесь Устав не предлагает исчерпывающего перечня деяний, образующих военные преступления в контексте внутреннего конфликта.

Более развернутый перечень деяний, составляющих военные преступления в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера, дан в статьях 8 (2)(с) — 8 (2)(е) Римского Статута Международного Уголовного Суда:

«<...> серьезные нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, а именно: любое из следующих деяний, совершенных в отношении лиц, не принимающих активного участия в военных действиях, включая военнопленных, сложивших оружие, и лиц, выведенных из строя в результате болезни, ранения, содержания под стражей или по любой другой причине: i) посягательство на жизнь и личность, в частности убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки; ii) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение; iii) взятие заложников; iv) вынесение приговоров и приведение их в исполнение без предварительного судебного разбирательства, проведенного созданным в установленном порядке судом, обеспечивающим соблюдение всех судебных гарантий, которые, по всеобщему признанию, являются обязательными».

Другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права, а именно любое из следующих деяний: i) умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях; ii) умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями; iii) умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов; iv) умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями; v) разграбление города или населенного пункта,

⁴⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г. пар. 65-173.

даже если он взят штурмом; vi) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как она определена в пункте 2 (f) статьи 7, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также представляющие собой грубое нарушение статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций; vii) набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав вооруженных сил или групп или использование их для активного участия в боевых действиях; viii) отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера; ix) вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля; x) заявление о том, что пощады не будет; xi) причинение лицам, которые находятся во власти другой стороны в конфликте, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубоврачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые причиняют смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц; xii) уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват действительно диктуются обстоятельствами конфликта».

В то же время в данный перечень не вошел ряд преступных деяний, безусловно, криминализованных в обычном праве. Фундаментальное исследование Международного Комитета Красного Креста по обычному международному гуманитарному праву в главе 44 (дополнительно отредактированной Антонио Кассезе⁴¹) перечисляет следующие составы военных преступлений для контекста вооруженного конфликта немеждународного характера:

Серьезные нарушения общей статьи 3 Женевских конвенций:

- посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение и пытки;
- посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;
- взятие заложников;
- осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии общепризнанных необходимых гарантий.

Другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные во время немеждународного вооруженного конфликта:

- нападение на гражданское население или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;
- грабеж;
- сексуальное насилие, в частности изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная стерилизация и принудительная беременность;
- отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера;
- совершение над лицами, которые находятся во власти неприятеля, медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не требуются по состоянию здоровья соответствующих лиц и серьезно угрожают их здоровью;
- заявление о том, что пощады не будет;
- нападение на медицинский или духовный персонал и объекты;
- набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав вооруженных сил или групп или использование их для активного участия в боевых действиях;
- нападение на религиозные объекты или объекты культуры, при условии, что они не являются военными целями;
- нападение на гражданские объекты;
- захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда этого требует военная необходимость;
- нанесение ударов по персоналу или объектам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира, проводимой в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты в соответствии с международным гуманитарным правом;
- вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля;
- применение запрещенных видов оружия;
- совершение нападения неизбирательного характера, приводящего к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершение нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам;
- превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения;
- использование живых щитов;
- рабство;
- коллективные наказания;
- совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны путем лишения его предметов, необходимых для выживания, включая создание препятствий для предоставления помощи;
- насильственные исчезновения (в качестве «смешанного военного преступления», т.е. действия, состоящего из сочетания ряда военных преступлений);
- этнические чистки, (то есть незаконные действия, предпринимаемые с целью изменить этнический состав тех или иных территорий, также в качестве «смешанного военного преступления»)⁴².

⁴¹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. Введение. С. lxii.

⁴² Там же, с. 757-776.

19.5. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Военные преступления предусмотрены двумя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, вступившими в силу 13 июня 1996 года.

Статья 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны»:

1. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок до двадцати лет.

2. Применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Статья 360: «Нападения на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой»:

1. Нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное в целях провокации войны или осложнения международных отношений, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Как видно из формулировок обеих статей, они не описывают подробно диспозиции всех возможных составов военных преступлений, а носят бланкетный (отсылочный) характер, либо прямо отсылая правоприменителя к «международным договорам Российской Федерации», либо косвенно — к нормам, определяющим «международную защиту».

Составы уголовно наказуемых деяний были конкретизированы в «Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации», вступившему в силу 8 августа 2001 года⁴³. Пункт 14 данного Наставления гласит:

Лица, виновные в нарушении норм международного гуманитарного права, в соответствии с нормами международного гуманитарного права и уголовного законодательства Российской Федерации привлекаются к уголовной ответственности.

К таким нарушениям относятся действия, направленные против лиц и объектов, находящихся под защитой международного гуманитарного права:

- преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая медицинские, биологические эксперименты, умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение вреда здоровью;
- умышленное нападение на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в боевых действиях, если оно повлекло его смерть или серьезное телесное повреждение или ущерб здоровью;
- взятие заложников;
- умышленное превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях, в объект нападения, если оно является причиной смерти, серьезных телесных повреждений, или ущерба здоровью;
- незаконный арест;
- умышленное вероломное использование международных и национальных отличительных эмблем, знаков, флагов и сигналов, если оно является причиной смерти или серьезных телесных повреждений или ущерба здоровью;
- незаконная депортация или перемещение гражданского населения оккупированной территории за ее пределы;
- принуждение военнопленных и других лиц противной стороны служить в своих вооруженных силах и (или) к участию в боевых действиях, направленных против их собственной страны;
- незаконное произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью;
- умышленное совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, предполагаемому получить, потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или ущерба гражданским объектам;
- умышленное совершение нападения на особо опасные объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или ущерба гражданским объектам по отношению к прямому военному преимуществу, которое предполагается получить;

⁴³ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001 г. С. 12-13, 15-17.

– умышленное превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов и которым, специальным соглашением, заключенным в рамках компетентной организации, представляется особая защита, в объект нападения, в результате чего им наносятся большие разрушения, когда не имеется свидетельства об использовании таких объектов противной стороной для поддержки военных усилий, и когда такие исторические памятники, произведения искусства и места отправления культа не находятся в непосредственной близости от военных объектов;

– умышленное превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект поражения, если оно является причиной смерти, или серьезных телесных повреждений или ущерба здоровью;

– умышленное лишение лиц, находящихся под защитой международного гуманитарного права, права на беспристрастное и нормальное судопроизводство.

Применение запрещенных средств ведения боевых действий, указанных в пункте 9 настоящего Наставления, также относится к преступлениям. Виновные в их применении в соответствии с нормами международного гуманитарного права и уголовного законодательства Российской Федерации привлекаются к уголовной ответственности.

Пункт 9 Наставления устанавливает запрет на разворачивающиеся, сплюсывающиеся и разрывные боеприпасы, боеприпасы с обнаруживаемыми осколками, отравляющее, зажигательное оружие, мины-ловушки и т. п.⁴⁴

Указанные положения приведены в части «Основные положения международного гуманитарного права» безотносительно типа вооруженного конфликта.

19.6. СОСТАВЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

19.6.1. Общие замечания

Учитывая специфику нашего исследования, ниже мы рассмотрим только те составы военных преступлений, которые, по мнению авторов, наиболее актуальны для контекста российско-чеченского конфликта. Авторы не утверждают, что преступления, составы которых не рассматриваются нами подробно, не были совершены в его ходе. Мы лишь утверждаем, что проанализированные нами источники не свидетельствуют о таких преступлениях, либо таких сведений недостаточно.

Вначале мы приводим составы преступлений, которые нашли свое отражение в Римском Статуте Международного Уголовного Суда (разделы 19.6.2-19.6.19). Затем мы обращаемся к тем составам, которые, хотя и не содержатся в Римском Статуте, криминализованы в обычном международном праве (разделы 19.6.20-19.6.25). При выделении этих составов мы руководствуемся критериями, описанными в разделе 19.3.

19.6.2. Военное преступление в виде убийства

Запрещение убийства устанавливается в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и внутренних конфликтов⁴⁵. В договорном гуманитарном праве источником запрещения убийства защищенных лиц в условиях внутреннего конфликта является ст. 3 (1)(а), общая для четырех Женевских конвенций, и ст. 4 (2)(б) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, принятая на основе консенсуса. «Убийство гражданских лиц и лиц, вышедших из строя, также запрещается в соответствии с международным правом прав человека, хотя и другими выражениями. Договоры по правам человека запрещают «произвольное лишение права на жизнь»⁴⁶. Согласно этим договорам, от данного запрещения невозможны отступления, следовательно, оно применяется всегда⁴⁷. <...> Запрещение «произвольного лишения права на жизнь» в соответствии с правом прав человека также относится к незаконному убийству при ведении боевых действий, т. е. убийству гражданских лиц и лиц, вышедших из строя <...>, которое не оправдано нормами ведения военных действий. В своем консультативном заключении о ядерном оружии Международный суд заявил, что «понятие произвольного лишения жизни определяется в таком случае *lex specialis*, а именно правом, применимым в период вооруженного конфликта и предназначенным регулировать порядок ведения военных действий»^{48,49}.

⁴⁴ Там же, с. 16-17, п. 14, с. 12-13; п. 9, с. 12-13.

⁴⁵ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 397.

⁴⁶ См. договоры, участником которых является Российская Федерация: Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 6 (1); Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 2. В последней не используется слово «произвольно», но предусматривается общее право на жизнь и приводится исчерпывающий перечень тех случаев, когда лишение права на жизнь может быть законным.

⁴⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 4 (2). Ст. 15 (2) Европейской конвенции указывает, что отступлений от права на жизнь быть не может, за исключением случаев «правомерных военных действий» в ситуации, которая приравнивается к вооруженному конфликту.

⁴⁸ Консультативное заключение о ядерном оружии, пар. 25.

⁴⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 400.

«Незаконные убийства могут стать следствием, например, непосредственного нападения на гражданское лицо, нападения неизбирательного характера или нападения на военные объекты, вызвавшего чрезмерные потери среди гражданского населения. Все эти нападения запрещены нормами военных действий»⁵⁰.

Убийство защищенных лиц в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(с)(i) Римского Статута. «Элементы преступлений» Международного уголовного суда описывают данный состав следующим образом:

- «1. Исполнитель убил одно или несколько лиц.
2. Такое лицо или лица либо перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, либо членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.
3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.
4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Элементы объективной стороны убийства совпадают как для дефиниции военного преступления, так и для дефиниции преступления против человечности и преступления геноцида⁵¹.

Международный Трибунал по Руанде определил, что акт убийства состоит из двух материальных элементов:

- жертва мертва;
- смерть последовала из незаконного действия или упущения обвиняемого или его подчиненного⁵².

Субъективный (психический) элемент выражается в намерении обвиняемого или его подчиненного «убить, или причинить покойному серьезное телесное повреждение, при его знании, что такое телесное повреждение, вероятно, вызовет смерть жертвы, или при его безразличии относительно того, вызовет оно смерть или нет»⁵³.

Сходным образом, Международный Трибунал по бывшей Югославии определяет, что «для материального элемента преступления должно быть доказано, что смерть жертвы стала результатом действий обвиняемого <...>. Вина может считаться доказанной в случае, когда установлено преступление преднамеренного убийства, то есть когда обвиняемый намеревался вызвать смертельные или серьезные телесные повреждения, и когда, как можно разумно предположить, он должен был понимать, что они, вероятно, приведут к смерти»⁵⁴.

Касательно субъективной стороны данного преступления МТБЮ уточняет: «В то время как различные правовые системы используют отличающиеся формы классификации умственного элемента, вовлеченного в преступление убийства, ясно, что некоторая форма намерения требуется. Однако это намерение может быть выведено из <...> перспективы предвидеть смерть как следствие действий обвиняемого или как принятие [обвиняемым] чрезмерного риска [наступления смерти], который составляет безрассудство. Комментарий к Дополнительным протоколам [имеются виду комментарии МККК к Дополнительным протоколам Женевских конвенций – авт.] явно включает концепцию «безрассудства» в пределах значения слова «преднамеренных» как термина в системах правил 11 и 85 из Дополнительного протокола I. (...) Необходимое намерение, означающее вину, требуемую для установления преступления (...) убийства, как признано в Женевских конвенциях, присутствует там, где демонстрируется намерение со стороны обвиняемого убить или причинить серьезную рану в опрометчивом игнорировании человеческой жизни»⁵⁵.

Таким образом, форма вины для этого преступления может включать как намерение, так и безрассудство.

Доказательство вне разумного сомнения того, что человек был действительно убит, не обязательно требует обнаружения его трупа. Факт смерти жертвы может быть установлен комплексом других доказательств⁵⁶.

Следует отметить, что подобным подходом руководствуется и Европейский Суд по Правам Человека, в том числе при рассмотрении чеченских дел. Так, Суд признал, что житель Чечни Шахид Байсаев, исчезнувший после непризнанного задержания российскими военнослужащими 2 марта 2000 года, должен «вне разумного сомнения» считаться мертвым⁵⁷. Сходным образом суд установил смерть Саид-Хусейна и Саид-Магомеда Имакаевых⁵⁸, тоже подвергнутых насильственным исчезновениям представителями федеральной стороны конфликта. Также был признан мертвым Хаджи-Мурат Яндиев, «исчезнувший» после приказа о его расстреле, отданного высокопоставленным российским офицером⁵⁹. Во всех случаях Российская Федерация была признана ответственной за смерть этих людей и виновной в нарушении ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Schabas, 2006, p. 249.

⁵² МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 3 сентября 1998 г., пар. 589.

⁵³ Там же.

⁵⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 153. Решение Судебной камеры по делу Делалича, Муцича, Делича и Ланджо («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 420-439 и др.

⁵⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича, Муцича, Делича и Ланджо («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 437-439.

⁵⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 326.

⁵⁷ ЕСПЧ. Решение по делу «Байсаева против России» (заявление № 74237/01) от 5 апреля 2007 г., пар. 115-119.

⁵⁸ ЕСПЧ. Решение по делу «Имакаева против России» (заявление № 7615/02) от 9 ноября 2006 г., пар. 139-143 152-157.

⁵⁹ ЕСПЧ. Решение по делу «Базоркина против России» (заявление № 69481/0) от 27 июля 2006 г., пар. 108-112.

При определенных обстоятельствах обвиняемый может быть признан виновным в убийстве в случае самоубийства жертвы. Обвиняемый несет уголовную ответственность, если он сознательно вызвал самоубийство жертвы или если он совершил действие или допустил бездействие, рассчитанное на то, чтобы вызвать самоубийство жертвы, или если он знал, что самоубийство может быть вероятным и обозримым результатом действия или бездействия⁶⁰.

19.6.3. Военное преступление в виде пытки

Запрещение пытки устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов⁶¹. В договорном гуманитарном праве источники запрещения пытки в условиях внутреннего конфликта те же, что и для преступления убийства. Кроме того, запрещение пытки содержится во всех универсальных и региональных международных соглашениях по правам человека⁶². Особенно следует отметить Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Запрещение применения пытки — *jus cogens* международного права, оно является абсолютным. «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток»⁶³.

Пытка является одним из деяний, относящихся к категории «преступлений дурного обращения».

Пытка, совершаемая в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(с)(i) Римского Статута.

«Элементы преступлений» МУС определяют для военного преступления в виде пытки следующие элементы:

«1. Исполнитель причинил сильную физическую или нравственную боль или страдания одному или нескольким лицам.

2. Исполнитель причинил боль или страдание с такими целями, как получение информации или признаний, наказание, запугивание или принуждение, или же по какой-либо причине, основанной на дискриминации любого рода.

3. Такое лицо или лица либо перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.

4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.

5. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.

6. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Специальные международные трибуналы ООН не делают никаких существенных различий в интерпретации термина «пытка» в пределах контекстов военных преступлений и преступлений против человечности⁶⁴. Вопросы определения элементов преступления пытки как военного преступления и отделения его от других преступлений «дурного обращения» МТБЮ уделил особое внимание в Решении Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») ⁶⁵. Следует отметить, что, помимо международных соглашений в области прав человека, при определении этих элементов Суд руководствовался решениями других международных судов и комиссий, в том числе Европейского Суда по Правам Человека.

Суд установил, что под пыткой понимается:

«действие или упущение, вызывающие серьезную боль или страдание, умственные или физические, которые причинены преднамеренно и в таких целях, как получение от жертвы или третьего лица информации или признания, наказание жертвы за действия, которые он или она или третье лицо совершили или подозреваются в том, что совершили, запугивающие или принуждающие жертву или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого рода, и такое действие или упущение совершаются чиновником или другим выступающим как должностное лицо человеком, или при его подстрекательстве, или с его согласия или уступки»⁶⁶.

⁶⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 329.

⁶¹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 402.

⁶² См. договоры, участниками которых является Российская Федерация: Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 7, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 3.

⁶³ Ст. 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

⁶⁴ Schabas, 2006, p. 205.

⁶⁵ Решение Судебной камеры по делу Делалича, и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 446-497.

⁶⁶ Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 494.

Как мы увидим чуть ниже, прецедентное право Трибуналов впоследствии установило, что последний элемент, заимствованный из права прав человека, не является обязательным для судебного решения, выносимого в соответствии с нормами международного гуманитарного и уголовного права.

К данным элементам МТБЮ впоследствии обращался в делах Фурунджия, Крноелаца, Кунараца и ряде других дел⁶⁷, а МТР — в деле Мусема⁶⁸.

Таким образом, главным элементом военного преступления в виде пытки, отличающим его от других военных преступлений, относящихся к категории «преступлений дурного обращения», является *запрещенная цель*. Под запрещенной целью подразумевается цель, которую стремится достичь исполнитель, причиняя жертве страдание (получение информации, признания, наказание, или что-то другое, что основано на «дискриминации любого рода»). Список таких запрещенных целей вытекает не из норм гуманитарного права, а из таких источников права прав человека, как ст. 1 Конвенции против пыток и Декларация о защите всех лиц от пыток. В то же время данный список, согласно прецедентному праву трибуналов, является не исчерпывающим, а обзорным, а сама запрещенная цель не обязательно должна быть единственной или даже главной целью лица, причиняющего серьезную боль или страдание⁶⁹. В деле Фурунджия Судебная камера МТБЮ установила, что к возможным целям применения пытки относится и оскорбление жертвы, которое близко понятию запугивания, прямо упоминаемому в статье 1 Конвенции против пыток⁷⁰.

Под «должностным лицом» подразумеваются не только представители государства как Высокой договаривающейся стороны, но и, в условиях внутреннего конфликта, представители негосударственной стороны конфликта, т.е. участники антиправительственных сил и чиновники стороны конфликта, противостоящей государству, на территории которого происходит конфликт⁷¹. В ряде своих решений Апелляционная камера МТБЮ определила, что устанавливаемая в ранних делах Трибунала обязательность требования того, что хотя бы одно из лиц, виновных в пытке, должно быть представителем государства, не поддерживается обычным международным правом вне соглашений по правам человека, в частности международным уголовным и гуманитарным правом⁷². Этот подход разделяют и решения Международного трибунала по Руанде⁷³.

Другим серьезным критерием, отделяющим пытку от иных видов плохого обращения, является серьезность причиненного страдания. В то же время МТБЮ признал, «что трудно ясно сформулировать с какой-либо степенью точности пороговый уровень страдания, при котором другие формы плохого обращения становились бы пыткой. Однако существование такой серой области не должно быть воспринято как приглашение к тому, чтобы создать исчерпывающий список действий, составляющих пытку, дабы аккуратно категоризировать это запрещение <...> Юридическое определение не может зависеть от каталога ужасающих методов; это просто стало бы вызовом изобретательности мучителей, но не сделало бы юридическое запрещение жизнеспособным»⁷⁴. Поэтому Суд должен выносить свое суждение относительно степени причиненного страдания в каждом отдельном случае основываясь на фактической стороне дела. «Дурное обращение, которое не превышает порогового уровня серьезности, чтобы быть охарактеризованным как пытка, может составить другое преступление»⁷⁵.

При оценке серьезности действий, предположительно составляющих пытку, Суд «должен принять во внимание все обстоятельства дела, включая характер и контекст причинения боли, преднамеренности и институционализации жестокости, физическое состояние жертвы, используемые приемы и методы, положение уязвимости жертвы. То, что с человеком дурно обращались в течение длительного промежутка времени, также должно быть учтено»⁷⁶. Хотя пытка зачастую приводит к причинению необратимого вреда здоровью, причинение такого вреда не является обязательным элементом преступления⁷⁷. Уровням серьезности, требуемым для преступления пытки, могут соответствовать и моральные страдания человека, например, в случаях, когда истязаниям подвергаются его близкие⁷⁸.

Изнасилование и другие формы сексуального насилия рассматриваются как форма пытки: «Изнасилование вызывает серьезную боль и страдания — и физические, и психологические. Психологическое страдание людей, которым причинено изнасилование, может быть усилено социальными и культурными условиями и может быть особенно острым и длительным. Кроме того, трудно предусмотреть обстоятельства, при которых изнасилование, совершаемое или подстрекаемое должностным лицом, или с согласия или уступки чиновника, можно было бы рассматривать как проявление цели, которая, в некотором роде, не включает в себя

⁶⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 21 июля 2000 г., пар. 111; Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 179; Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 142.

⁶⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 285.

⁶⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др. от 15 марта 2002 г., пар. 153; Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 486.

⁷⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 162.

⁷¹ Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 473.

⁷² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца от 12 июня 2002 г., пар. 148. Решение Апелляционной камеры по делу Квочки от 28 февраля 2005 г., пар. 280-284.

⁷³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 342-343.

⁷⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 469.

⁷⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 468.

⁷⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца от 12 июня 2002 г., пар. 182.

⁷⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 148.

⁷⁸ Там же, пар. 149.

наказание, принуждение, дискриминацию или запугивание <...> Это изначально присуще ситуациям вооруженного конфликта. Следовательно, всякий раз, когда изнасилование и другие формы сексуального насилия соответствуют вышеупомянутым критериям, тогда они должны составить пытку таким же образом, как любые другие действия, которые соответствуют этим критериям»⁷⁹.

19.6.4. Военное преступление в виде жестокого и бесчеловечного обращения

Источники запрещения жестокого и бесчеловечного обращения те же, что и для запрещения пытки. Римский статут определяет это преступление как «жестокое обращение», в то время как «Элементы преступлений» МУС оперируют термином «бесчеловечное обращение». Прецедентное право специальных международных трибуналов ООН также оперирует термином «жестокое обращение». Последний термин прямо употребляется в ст. 3 (1)(а), общей для Женевских конвенций, и ст. 4 (2)(б) Дополнительного протокола II. В то же время словосочетание «бесчеловечное обращение» содержится в ряде универсальных международных соглашений по правам человека, в частности в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека («никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию»), а также в Конвенции против пыток и Декларации о защите всех лиц от пыток. Поэтому представляется, что термины «жестокый» и «бесчеловечный» в целях данного запрещения являются синонимами.

Бесчеловечное обращение в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(с)(i) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС определяют для этого преступления следующие элементы:

- «1. Исполнитель причинил сильную физическую или нравственную боль или страдания одному или нескольким лицам.
2. Такое лицо или лица либо перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.
3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.
4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Определение элементов преступления жестокого обращения содержится в решении судебной камеры МТБЮ по делу Делалича и др.⁸⁰ Рассматривая данный вопрос, Суд, в числе прочего, обращается к комментариям МККК к Женевским конвенциям, в частности к общей статье 3. В этом комментарии «бесчеловечное обращение» противопоставляется «гуманному обращению» и делается вывод, что всякий вид обращения, который не является гуманным, может быть охарактеризован как бесчеловечный или негуманный. Также Суд обращает внимание на комментарий МККК к ст. 147 Четвертой Женевской конвенции, который указывает, что жестокое обращение не может означать исключительно нападение на физическую неприкосновенность или здоровье. «Цель Конвенции состоит в том, чтобы предоставить гражданским лицам, находящимся в руках врага, защиту, которая сохранит их человеческое достоинство и будет препятствовать низведению их до уровня животных. Это заставляет прийти к заключению, что под «жестоким обращением» Конвенция не подразумевает только физическую травму или вред здоровью. Определенные меры, которые могли бы полностью отрезать интернированных гражданских лиц от внешнего мира и, в особенности, от их семей, или которые нанесли бы серьезный ущерб их человеческому достоинству, можно, очевидно, рассматривать как жестокое обращение. <...> Жестокое обращение – намеренное действие или упущение, которое <...> вызывает серьезное душевное или физическое страдание или травму или составляет серьезное посягательство на человеческое достоинство»⁸¹.

Данное определение было воспроизведено в ряде последующих судебных решений. При этом подчеркивалось, что «жестокое обращение», предусмотренное ст. 3, общей для Женевских конвенций, «эквивалентно преступлению жестокого обращения в структуре серьезных (grave) нарушений условий Женевских конвенций»⁸².

Разграничение таких преступлений, как «пытка» и «жестокое обращение» может быть сделано только с учетом обстоятельства каждого отдельного случая. В отличие от пытки, преступление жестокого обращения не требует элемента запрещенной цели⁸³, а порог тяжести физических или душевных страданий ниже порога, необходимого для преступления пытки⁸⁴.

Так как преступление жестокого обращения имеет своим объектом лиц, находящихся во власти субъекта, в том числе и в условиях ограничения свободы, Суд рассматривает негуманные условия содержания под стра-

⁷⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 495-496.

⁸⁰ Там же, пар. 512-553.

⁸¹ Там же, пар. 543.

⁸² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 34,41. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 186. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 265.

⁸³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 226.

⁸⁴ Там же, пар. 161.

жей как одну из форм жестокого обращения. Правовая норма в каждом из преступлений плохого обращения очерчивает минимальный стандарт обращения, который применяется к условиям содержания под стражей. В течение вооруженного конфликта люди не должны содержаться в условиях, где этот минимальный стандарт не может соблюдаться и поддерживаться⁸⁵. К числу условий, которые нарушают этот стандарт, Суд, в числе прочего, относит:

- атмосферу террора (ужаса), создаваемую в месте содержания (когда каждый из заключенных находится под страхом возможного убийства, применения пыток или других негуманных действий);
- недостаточное или некачественное питание;
- нехватку воды;
- отсутствие надлежащего медицинского обслуживания;
- ненадлежащие условия для сна;
- ненадлежащие условия отправления естественных надобностей⁸⁶.

Использование людей в качестве живых щитов практика МТБЮ также относит к одному из видов жестокого обращения⁸⁷. Кроме того, формой жестокого обращения являются телесные наказания, запрещение которых устанавливается в качестве нормы обычного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов⁸⁸.

Причинение сильных страданий жертве может быть квалифицировано как пытка или как жестокое обращение в зависимости от конкретных фактических обстоятельств, в том числе от степени причиненного страдания и наличия запрещенной цели. Система правил, установленная Римским статутом для внутренних конфликтов, не выделяет отдельного преступления в виде «умышленного причинения сильных страданий». В этом состоит ее отличие от системы правил, применяемой к международным конфликтам, где данное нарушение образует отдельное преступление, вытекающее из ст. 147 Четвертой Женевской конвенции, перечисляющей «серьезные нарушения». В то же время прецедентное право специальных трибуналов ООН выделяет данное деяние как отдельный состав преступления. Авторы данного исследования не считают этот вопрос принципиальным, так как умышленное причинение сильных страданий в принципе является элементом и преступления пытки, и преступления жестокого обращения. Форма и тяжесть причиненного потерпевшим вреда может в каждом конкретном случае рассматриваться как обстоятельство, влияющее на оценку тяжести преступления. В этом отношении представляется важным определение, данное в прецедентном праве специальных трибуналов ООН термину «серьезное физическое или психическое расстройство».

Судебная камера МТР в деле Кайяшема и Рузиндана нашла, что термин «серьезное телесное повреждение» относится к вреду, который серьезно повреждает здоровье, вызывает обезображивание или наносит любые серьезные повреждения внешним, внутренним органам или чувствам. При этом вред не должен быть постоянным или непоправимым, но «он должен быть вредом, который приводит к серьезному и долгосрочному неудобству в способности человека вести нормальную и конструктивную жизнь». В решении МТР по делу Семанза Суд определил, что умственное расстройство относится к более чем незначительному или временно ухудшению умственных способностей. Кроме того, вред должен быть причинен преднамеренно.

19.6.5. Военное преступление в виде нанесения увечий

Запрещение увечий устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и во время внутренних вооруженных конфликтов⁸⁹. В договорном гуманитарном праве источником запрещения нанесения защищенным лицам увечий в условиях внутреннего конфликта является ст. 3 (1)(а), общая для Женевских конвенций, и ст. 4 (2)(а) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям. Запрет нанесения увечий тесно связан с нормой обычного международного права, запрещающей проведение медицинских или научных экспериментов или каких-либо иных медицинских процедур, которые не требуются по состоянию здоровья⁹⁰.

Это преступление так же, как и предыдущие, относится к группе преступлений «дурного обращения».

Нанесение увечий в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(с)(i) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС описывают его следующим образом:

«1. Исполнитель нанес увечья одному или нескольким лицам, в частности, причинив этому лицу или лицам постоянное уродство либо лишив способности функционировать или удалив какой-либо орган или придаток.

⁸⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 557.

⁸⁶ Там же. 1086-1124.

⁸⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки от 2 ноября 2001 г., пар. 161.

⁸⁸ Телесные наказания запрещены ст. 4 (2)(а) Дополнительного протокола II, которая принята консенсусом. Телесное наказание является отдельным военным преступлением согласно ст. 4 (а) МТР и ст.3 (1)(а) Специального Суда для Сьерра-Леоне. Подробно о запрещении этой формы жестокого обращения см.: Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 407-408.

⁸⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 409.

⁹⁰ Там же, с. 409-412.

2. Деяние не было оправдано необходимостью медицинского, зубоврачебного или больничного лечения такого лица или лиц и не было совершено в интересах этого лица или лиц.

3. Такое лицо или лица либо перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.

4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.

5. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, и было связано с ним.

6. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Очевидно, что основным элементом, выделяющим это преступление из других преступлений группы дурного обращения, является необратимость причиненного вреда, который касается только телесных повреждений и не относится к психическим травмам и расстройствам. В то же время увечье может быть причинено в ходе пытки или акта бесчеловечного обращения, которые сами по себе образуют отдельные составы преступлений.

19.6.6. Военное преступление в виде посягательства на человеческое достоинство

Источником запрещения посягательства на человеческое достоинство защищенных лиц в условиях внутреннего конфликта является ст. 3 (1)(с), общая для Женевских конвенций, гласящая, что «запрещаются и всегда будут запрещаться <...> посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение». Статья 4 (2)(с) Дополнительного протокола II использует термин «надругательство над человеческим достоинством», относя к нему, в частности, «унизительное и оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме». Таким образом, данное преступление также относится к преступлениям дурного обращения и может быть теснейшим образом связано как с другими преступлениями этого типа, так и с преступлениями против половой неприкосновенности личности, которые, в свою очередь, могут рассматриваться как форма пытки.

Посягательство на человеческое достоинство в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(с)(ii) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС определяют для данного состава следующие элементы:

«1. Исполнитель оскорбил, унизил или иным образом нарушил достоинство одного или нескольких лиц.

2. Оскорбление, унижение или иное нарушение достоинства имело такую степень тяжести, что, по всеобщему признанию, его следует считать посягательством на человеческое достоинство.

3. Такое лицо или лица либо перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.

4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.

5. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.

6. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Развернутая характеристика данного преступления дана в решении Судебной камеры МТБЮ по делу Златко Алексовского. По мнению судей, неоспоримо, что запрещение действий, составляющих посягательство на личное достоинство, охраняет важную ценность. Может считаться, что весь комплекс международного права прав человека и развитие международного гуманитарного права опирается на этот принцип. Чтобы определить элементы данного преступления, Палата Судебного разбирательства рассматривает, какие действия составляют *преступное деяние* (действие или упущение) и какова необходимая форма *вины* (необходимое намерение). При этом суд обращается к комментариям МККК к Женевским конвенциям, в соответствии с которыми «посягательство на личное достоинство относится к действиям, которые, непосредственно не нанося вред целостности физического и умственного здоровья людей, нацелены на их оскорбление и высмеивание».

Согласно судьям, посягательство на личное достоинство — акт, который характеризуется презрением к достоинству другого человека. Этот акт должен серьезно оскорбить или унижить жертву. При этом нет никакого требования, чтобы этот акт нанес непосредственный вред физическому или психическому здоровью; достаточно, что он вызывает реальное и длительное страдание человека, являющиеся результатом оскорбления или насмешки. Степень страдания, которое переносит жертва, будет очевидно зависеть от его/ее характера. Чувствительные люди более восприимчивы к оскорблениям, кроме того, они более тяжело страдают от таких оскорблений. Другие имеют тенденцию лучше справляться с подобными ситуациями, не обращая на оскорбления внимания. Таким образом, согласно судьям, один и тот же акт, совершенный преступником, может

причинить интенсивное страдание первым и несущественный дискомфорт последним. Это различие в результате деяния Суд называет субъективным фактором, который должен быть уравновешен объективным, иначе виновность будет зависеть не от серьезности самого акта, а исключительно от чувствительности жертвы. Следовательно, оскорбление жертвы должно быть настолько серьезным, что любой «благоразумный человек» был бы им существенно затронут.

Преступник должен действовать или бездействовать преднамеренно. И хотя он не обязательно должен иметь определенное намерение оскорбить или унижить жертву, он должен быть в состоянии чувствовать, что оскорбление или унижение будет обозримым и логичным последствием его действий.

Серьезность акта и его последствий может наступить или вследствие характера самого акта, или вследствие повторения акта, или даже вследствие комбинации различных действий, которые, рассматриваемые в отдельности, не являлись бы преступлением. «Форма, серьезность и продолжительность насилия, а также интенсивность и продолжительность физического или психического страдания должны служить критерием оценки того, были ли преступления действительно совершены. Другими словами, оценка, которая будет сделана на основании доказательств, представленных жертвами, или выражено обвинением, в значительной степени зависит от анализа обстоятельств дела»⁹¹.

Данные элементы были подтверждены рядом других судебных решений, в том числе Апелляционной камерой в деле Кунараца и др.⁹². Относительно субъективного (психического) элемента апелляционная камера подчеркнула, что для обвиняемого достаточно знания «возможных», а не «фактических» последствий инкриминируемого действия или упущения⁹³.

В качестве примеров посягательства на человеческое достоинство практика МТБЮ называет использование задержанных людей в качестве живых щитов или для рытья траншей⁹⁴, несоответствующие условия содержания, унижительное раздевание и постоянное опасение быть подвергнутым физическому или сексуальному насилию⁹⁵.

19.6.7. Военное преступление в виде изнасилования

Запрет изнасилования и других форм сексуального насилия устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов⁹⁶. Изнасилования, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме запрещено ст. 4 (е) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям. Между тем, как говорилось выше, изнасилование в условиях вооруженного конфликта может рассматриваться как форма пытки, и, таким образом, источники абсолютного запрещения данного деяния лежат не только в сфере гуманитарного права, но и в сфере права прав человека.

Изнасилование, совершаемое в контексте немеждународного конфликта, является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(е)(viii) Римского Статута. «Элементы» преступлений МУС описывают состав этого преступления следующим образом:

«1. Исполнитель посягнул на тело лица, совершив деяние, в результате которого имело место проникновение, даже самое незначительное, в любую часть тела потерпевшего или исполнителя, половым членом либо любым предметом или любой частью тела в анальное или генитальное отверстие потерпевшего.

2. Посягательство было совершено с применением силы или угрозы силой в отношении данного или другого лица, либо путем принуждения, вызванного, например, страхом перед насилием, грубым принуждением, задержанием, психологическим давлением или злоупотреблением властью, либо путем использования обстановки, характеризующейся принуждением, либо посягательство было совершено в отношении лица, неспособного дать согласие, выражающее его истинную волю.

3. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.

4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

При этом понятие «посягательство» призвано быть достаточно широким, чтобы сохранялась нейтральность с точки зрения половой принадлежности. Также понимается, что лицо может быть неспособно дать согласие, выражающее его истинную волю, в результате искусственно вызванной или возрастной недееспособности.

В то же время Международный трибунал по Руанде, на наш взгляд, справедливо постановил, что «изнасилование является формой агрессии», а «основные элементы преступления изнасилования не могут быть опре-

⁹¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999, пар. 54-57.

⁹² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 161-166.

⁹³ Там же, пар. 165.

⁹⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999, пар. 229.

⁹⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др. от 2.11.2001 г., пар. 173.

⁹⁶ Хенкерс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 412.

делены механическим описанием объектов и частей тела»⁹⁷. Он определил изнасилование как «физическое посягательство сексуального характера, совершенное в отношении лица в обстоятельствах принуждения»⁹⁸.

Важно отметить, что Правила процедуры и доказывания как МУС, так и обоих специальных трибуналов содержат статьи, подробно описывающие стандарт доказывания по преступлениям против половой неприкосновенности личности и, в частности, блокирующие использование предыдущего и последующего сексуального поведения жертвы в качестве доказательства согласия⁹⁹.

19.6.8. Военное преступление в виде сексуального насилия

Источники запрещения данного деяния те же, что и для предыдущего состава преступления. Сексуальное насилие, совершаемое в контексте немеждународного конфликта, является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(e)(viii) Римского Статута. МУС определяет для него следующие элементы:

- «1. Исполнитель совершил в отношении одного или нескольких лиц акт сексуального характера либо вовлек такое лицо или лиц в совершение акта сексуального характера путем применения силы или угрозы силой, либо путем принуждения, вызванного, например, страхом перед насилием, грубым принуждением, задержанием, психологическим давлением или злоупотреблением властью, либо путем использования обстановки, характеризующейся принуждением, или же неспособности такого лица или лиц дать согласие, выражающее их истинную волю.
2. По своей степени тяжести это деяние являлось сопоставимым с серьезным нарушением статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций.
3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о тяжести деяния.
4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

19.6.9. Военное преступление в виде взятия заложников

Запрещение захвата и удержания заложников устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и во время немеждународных вооруженных конфликтов¹⁰⁰. В договорном гуманитарном праве источником запрещения взятия заложников в условиях внутреннего конфликта является ст. 3 (1)(b), общая для Женевских конвенций, а также ст. 4 (2)(c) Дополнительного протокола II. В международном праве прав человека это нарушение приравнивается к произвольному лишению свободы¹⁰¹.

Взятие заложников в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(c)(iii) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС определяют для данного состава следующие элементы:

- «1. Исполнитель захватил, задержал или иным образом взял в заложники одно или несколько лиц.
2. Исполнитель угрожал убить, нанести увечья или продолжать задерживать такое лицо или таких лиц.
3. Исполнитель имел умысел вынудить какое-либо государство, международную организацию, физическое или юридическое лицо или группу лиц совершить действия или воздержаться от совершения действий в качестве явного или подразумеваемого условия обеспечения безопасности или освобождения такого лица или таких лиц.
4. Такое лицо или лица либо перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.

⁹⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 597.

⁹⁸ Там же, пар. 598.

⁹⁹ Правила процедуры и доказывания МУС: Правило 70 «Принципы доказывания в делах, связанных с сексуальным насилием. В делах, связанных с сексуальным насилием, Суд руководствуется следующими принципами и, в соответствующих случаях, применяет их: а) согласие не может быть презюмировано на основании каких бы то ни было слов или поведения потерпевшего лица, когда сила, угроза силой, принуждение или использование вынужденных обстоятельств подорвали способность потерпевшего лица дать добровольное и подлинное согласие; б) согласие не может быть презюмировано на основании каких бы то ни было слов или поведения потерпевшего лица, когда у него отсутствует способность давать подлинное согласие; в) согласие не может быть презюмировано на основании молчания или отсутствия сопротивления со стороны потерпевшего лица в ответ на предполагаемое сексуальное насилие; г) доверие, характер и предрасположенность к половым связям потерпевшего лица или свидетеля не могут быть презюмированы на основании сексуального характера предшествующего или последующего поведения потерпевшего лица или свидетеля». Правило 71 «Доказательство в отношении иного сексуального поведения. В свете определения и характера преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и с учетом пункта 4 статьи 69 Палата не принимает доказательства, касающиеся предшествующего или последующего сексуального поведения потерпевшего лица или свидетеля». См также: МТБЮ. Правила процедуры и доказывания. Правило 96.

¹⁰⁰ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 426.

¹⁰¹ Там же, с. 428.

5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.

6. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, и было связано с ним.

7. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

МТБЮ при определении элементов состава данного преступления обращается к комментарию МККК к статье 3 Женевских конвенций и дает следующее определение: заложниками являются «люди, незаконно лишённые свободы, часто произвольно и иногда под угрозой смерти, <...> задержанные, чтобы получить некоторое преимущество или гарантировать, что воюющая сторона, другой человек или другая группа людей совершат некое действие»¹⁰².

Таким образом, захват заложников отличается от обычного незаконного лишения свободы тем, что имеет *запрещенную цель* — заставить организацию, юридическое или физическое лицо совершить какое-либо действие или, напротив, воздержаться от какого-либо действия. Авторам данного исследования представляется, что сам акт задержания может быть произведен на вполне законном основании. Однако с момента, когда захватившая сторона начинает выдвигать условия, от выполнения которых будет зависеть освобождение, физическая неприкосновенность или жизнь задержанных лиц, такие лица становятся заложниками, а их насильственное удержание — незаконным.

Обычно подразумевается, что захват заложников имеет целью добиться некоего военного преимущества или достижения неких политических требований. Такой захват осуществляется в реальных или мнимых интересах стороны конфликта или организации. Однако широкие рамки запрещенных целей, обозначенные как в «Элементах преступлений» МУС, так и в прецедентном праве специальных трибуналов, позволяют сделать вывод, что захват заложников может совершаться исполнителем и по личным мотивам, если только «инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта»¹⁰³. Таким образом, удержание гражданских жителей представителями стороны конфликта с целью получения выкупа также может рассматриваться как форма захвата заложников. В этом случае захват заложников может быть сопряжен с военным преступлением в виде разграбления.

19.6.10. Военное преступление в виде вынесения приговоров или приведения их в исполнение без соблюдения процессуальных требований

Норма, в соответствии с которой никто не может быть осужден или приговорен иначе, как в результате справедливого судебного разбирательства, представляющего все основные судебные гарантии, устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹⁰⁴.

В конвенционном праве источником запрещения вынесения приговоров или приведения их в исполнение без соблюдения процессуальных требований в условиях внутреннего конфликта являются статья 3 (1)(d), общая для Женевских конвенций, и статья 6 Дополнительного протокола II. Последняя применяется к судебному преследованию и наказанию за уголовные правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом, и подробно описывает гарантии приемлемого в такой ситуации судебного разбирательства. Пункты 2-4 этой статьи настолько актуальны для ситуации, связанной с вооруженным конфликтом в Чечне, что стоит привести их полностью:

«2. Никакое судебное решение не выносится и никакое наказание не налагается в отношении лица, признанного виновным в правонарушении, кроме как на основе приговора суда, обеспечивающего основные гарантии независимости и беспристрастности. В частности: а) процедура должна предусматривать, чтобы обвиняемый был без промедления информирован о деталях правонарушения, вменяемого ему в вину, и предоставлять обвиняемому до и во время суда над ним все необходимые права и средства защиты; б) ни одно лицо не может быть осуждено за правонарушение, кроме как на основе личной уголовной ответственности; в) ни одно лицо не может быть признано виновным в каком-либо уголовном правонарушении в связи с каким-либо действием или упущением, которое не являлось уголовным правонарушением по закону во время его совершения; равным образом не может налагаться более суровое наказание, чем то, которое было применено, когда было совершено данное уголовное правонарушение, если после совершения правонарушения законом устанавливается более легкое наказание, то действие этого закона распространяется и на данного правонарушителя; д) каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана по закону; е) каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, имеет право на судебное разбирательство в его присутствии; ф) ни одно лицо не может быть принуждено к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

¹⁰² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 187.

¹⁰³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадица от 2 октября 1995 г., пар. 70. Подробнее об этом см. в главе 17.

¹⁰⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 450.

3. При вынесении приговора осужденному должно быть сообщено о его праве на обжалование в судебном или ином порядке, а также о сроке, в течение которого он может воспользоваться этим правом. 4. Смертный приговор не выносится лицам, которые в момент совершения правонарушения не достигли восемнадцатилетнего возраста, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей».

К судебным гарантиям, являющимся неотъемлемыми согласно международному праву в условиях не-международного конфликта, должны быть отнесены не только нормы международного гуманитарного права, но и фундаментальные гарантии международного права прав человека, в частности, содержащиеся в ст. 14-15 Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о правах ребенка и других договорах, носящих обязательный характер. Для федеральной стороны конфликта будут считаться обязательными требования, содержащиеся и в региональных соглашениях, участниками которых является Российская Федерация, в частности требования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

«Вынесение приговоров и приведение их в исполнение без предварительного судебного разбирательства, проведенного созданным в установленном порядке судом, обеспечивающим соблюдение всех судебных гарантий, которые по всеобщему признанию являются обязательными», является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(c)(iv) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС описывают состав данного преступления следующим образом:

1. Исполнитель вынес одному или нескольким лицам приговор или привел его в исполнение.
2. Такое лицо или лица перестали принимать участие в военных действиях, либо являлись гражданскими лицами, членами медицинского или духовного персонала, не принимавшими непосредственного участия в военных действиях.
3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.
4. Не имелось ранее вынесенного судом решения, либо суд, вынесший решение, не был создан «в установленном порядке», т.е. не обеспечивал существенных гарантий независимости и беспристрастности, либо суд, вынесший приговор, не обеспечивал всех иных судебных гарантий, являющихся, по всеобщему признанию, неотъемлемыми согласно международному праву.
5. Исполнитель сознавал факт отсутствия ранее вынесенного судом приговора либо факт отказа в предоставлении соответствующих гарантий и то, что они являются существенными или неотъемлемыми гарантиями беспристрастного судебного разбирательства.
6. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
7. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

«В нескольких судебных процессах, прошедших после Второй мировой войны, но еще до принятия Женевских конвенций в 1949 г., подсудимые были признаны виновными в том, что отказали военнопленным или гражданским лицам в праве на справедливое судебное разбирательство»¹⁰⁵.

19.6.11. Военное преступление в виде нападения на гражданское население

Фундаментальный принцип запрещения нападений, направленных против гражданских лиц, устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов. Стороны, находящиеся в конфликте, в любое время должны проводить различие между гражданскими жителями и комбатантами (принцип различия). Нападения могут быть направлены лишь против комбатантов. При этом в праве внутреннего конфликта термин «комбатант» используется в общем значении, обозначая лиц, которые не пользуются предоставляемой гражданским лицам защитой, не подразумевая при этом права на статус комбатанта или военнопленного¹⁰⁶.

Источником запрещения, образующего данный состав преступления, в договорном праве немеждународных конфликтов является статья 13 (2) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям. Она определяет: «Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население».

Международный трибунал по бывшей Югославии определил нарушение этого запрещения во время немеждународного вооруженного конфликта как военное преступление¹⁰⁷. «Умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях», совершенное в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, является военным преступлением и в соответствии со ст. 8 (2)(e)(i) Римского Статута.

¹⁰⁵ Хенкерцс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 450, прим. 328.

¹⁰⁶ Там же, с. 3.

¹⁰⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по промежуточной апелляции Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 100-118.

Достаточно широкие формулировки статьи 13 (2) Протокола II предполагают, что нападения на гражданское население могут иметь самые разнообразные формы — от авиационных или артиллерийских ударов до картельных операций и «этнических чисток». Именно так понимаются эти нападения в практике специальных международных трибуналов ООН. В то же время нападения должны иметь существенные последствия для защищенных лиц и объектов: смертельные случаи и/или серьезные телесные повреждения среди гражданского населения или ущерб гражданской собственности. Нападение должно быть совершено преднамеренно и в условиях, когда исполнитель осознавал или не мог не осознавать, что оно предпринимается против гражданских лиц или гражданской собственности¹⁰⁸. Запрещение нападения на гражданских лиц носит абсолютный характер и «не может умягчаться от из-за военной потребности»¹⁰⁹. «Такие нападения находятся в прямом противоречии с запрещениями, явно признанными в международном праве»¹¹⁰.

МТБЮ в деле Станислава Галича определил, что этот состав преступления включает в себя следующие элементы:

1. Насильственные действия, направленные против гражданского населения или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, вызывающие смерть или серьезные телесные повреждения или серьезный вред здоровью среди представителей гражданского населения.

2. Обвиняемый преднамеренно сделал гражданское население или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, объектом этих насильственных действий¹¹¹.

«Элементы преступлений» Международного Уголовного Суда описывают состав данного преступления сходным образом:

«1. Исполнитель совершил нападение.

2. Объектом нападения было гражданское население как таковое или отдельные гражданские лица, не принимающие непосредственного участия в военных действиях.

3. Исполнитель умышленно избрал объектом нападения гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях.

4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.

5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Судебная камера МТБЮ в деле Купрешкича назвала три исключительных обстоятельства, при которых защита гражданских лиц и гражданских объектов, гарантированная современным международным правом может полностью прекратиться, быть уменьшена или временно приостановлена. Они следующие: «(i) когда гражданские лица злоупотребляют их правами; (ii) когда, хотя объект военного нападения состоит из военных целей, комбатанты не могут избежать так называемого сопутствующего вреда гражданским лицам; и (iii) <...> гражданские лица могут быть законным объектом репрессалий»¹¹². При этом следует учитывать, что в вооруженном конфликте немеждународного характера репрессалии запрещены безусловно¹¹³ (подробно об этом см. ниже, в главе 43).

Как будет показано в соответствующем разделе, неизбирательные и непропорциональные нападения при определенных обстоятельствах могут быть квалифицированы в качестве прямых нападений на гражданское население (раздел 19.6.20).

19.6.12. Военное преступление в виде нанесения ударов по объектам или лицам, использующим отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями

Источником запрещения данного деяния являются многочисленные нормы Женевских конвенций, посвященные статусу медицинского персонала (в частности, гл. III Конвенции I и ст.3 Приложения 1 к Дополнительному Протоколу I), которые стали неотъемлемой частью обычного гуманитарного права, применяемого независимо от типа конфликта. Статья 9 Дополнительного протокола II гарантирует защиту медицинского и духовного персонала. Гарантии защиты медицинских формирований и запрещение нападения на них в условиях внутреннего конфликта содержатся в ст. 11 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям. Статья 12 этого же протокола определяет порядок использования отличительных эмблем: «Под контролем соответствующих компетентных властей предусматривается ношение или размещение на видном месте отличительной эмблемы красного креста, красного полумесяца или красного льва и солнца на белом фоне медицин-

¹⁰⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 180. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 328

¹⁰⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Галича от 30 ноября 2006 г., пар. 130.

¹¹⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 328.

¹¹¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 56.

¹¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 328.

¹¹³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 672-678.

ским или духовным персоналом, медицинскими формированиями и санитарно-транспортными средствами. Она пользуется уважением при всех обстоятельствах. Эмблема не должна использоваться не по назначению».

«Медицинский персонал, предназначенный исключительно для выполнения медицинских обязанностей, должен пользоваться уважением и защитой при любых обстоятельствах. Принадлежащие к нему лица утрачивают право на защиту, если совершают, помимо своих гуманитарных обязанностей, действия, направленные против неприятеля. Практика государств устанавливает данную норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов»¹¹⁴. Эта норма также подразумевается в статье 3 (2) Женевских конвенций, которая требует, чтобы больных и раненых подбирали и оказывали им помощь.

Умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями, совершенное в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, является военным преступлением и в соответствии со ст. 8 (2)(e)(ii) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС описывают данный состав преступления следующим образом:

- «1. Исполнитель нанес удары по одному или нескольким лицам, зданиям, медицинским учреждениям или транспортным средствам, использующим в соответствии с международным правом отличительную эмблему или иной метод опознания, указывающие на защиту согласно Женевским конвенциям.
2. Исполнитель умышленно избрал объектом нападения таких лиц, такие здания, учреждения или транспортные средства либо другие объекты, использующие такие методы опознания.
3. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

19.6.13. Военное преступление в виде нападения на персонал или объекты, задействованные в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира

Запрет нападений на персонал и объекты, задействованные в оказании гуманитарной помощи или миссии по поддержанию мира, практика государств устанавливает в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и внутренних конфликтов. Источником запрещения деяний, образующих данный состав преступления, являются нормы обычного гуманитарного права, базирующиеся, в частности, на системе правил Женевских конвенций 1949 г. и дополнительных протоколов к ним, определяющих статус особо покровительствуемых лиц и объектов¹¹⁵.

«Умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов», совершенное в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, является военным преступлением и в соответствии со ст. 8 (2)(e)(iii) Римского Статута.

«Элементы преступлений» МУС описывают состав данного преступления следующим образом:

- «1. Исполнитель совершил нападение.
2. Объектом нападения были персонал, объекты, материалы, подразделения или транспортные средства, задействованные в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.
3. Исполнитель умышленно избрал объектом нападения такой персонал, такие объекты, материалы, подразделения или транспортные средства.
4. Такой персонал, такие объекты, материалы, подразделения или транспортные средства имели право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты в соответствии с нормами международного права, применимыми в вооруженных конфликтах.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом статусе.
6. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
7. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

¹¹⁴ Хенкерцс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 3.

¹¹⁵ Специфической нормой, регуливающей оказание гуманитарной помощи в условиях внутреннего конфликта, является ст. 18 Дополнительного протокола II. Однако следует отметить, что защита персонала и объектов, задействованных в оказании гуманитарной помощи или миротворческой операции, более подробно регламентированная в праве международных конфликтов, в настоящее время может безоговорочно считаться частью обычного гуманитарного права, действующего независимо от того, является ли вооруженный конфликт внутренним или международным. Подробно об этом см.: Хенкерцс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 136-147.

19.6.14. Военное преступление в виде нанесения ударов по охраняемым объектам или совершения иного вида нападений на охраняемые объекты

Перечень объектов, охраняемых от нападения, и запрещение нанесения ударов по таким объектам содержатся в статьях 27 и 56 Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., которые к настоящему моменту являются частью обычного международного права, статьях 11-12 и 14-16 Дополнительного протокола II, а также в Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года. Непосредственно к вооруженному конфликту, не носящему международного характера, относится система правил статей 4 и 19 этой Конвенции.

Ответственность за захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений предусматривается статьей 3 (d) Устава Международного трибунала по бывшей Югославии. МТБЮ определил, что эта статья «является нормой международного гуманитарного права, которая не только отражает обычное международное право, но и применима как к международному, так и к немеждународному вооруженному конфликту»¹¹⁶.

Римский статут Международного уголовного суда в ст. 8 (2)(c)(iv) устанавливает для этого преступления следующий состав: «умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями». «Элементы преступлений» конкретизируют его следующим образом:

«1. Исполнитель нанес удар.

2. Объектом удара являлись одно или несколько зданий, предназначенных для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, исторические памятники, госпитали или места сосредоточения больных или раненых, которые не были военными целями.

3. Исполнитель умышленно избрал объектом нападения такое здание или здания, предназначенные для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, исторические памятники, госпитали или места сосредоточения больных или раненых, которые не были военными целями.

4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, и было связано с ним.

5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

В примечании к данным элементам оговаривается, что присутствие в том или ином месте полицейских сил, оставленных там исключительно с целью поддержания правопорядка, само по себе не делает эту местность военной целью.

Авторам настоящего исследования представляется, что Римский статут определяет более узкие рамки состава данного преступления, чем предусмотрено международным правом (по крайней мере в части обязательств, принятых на себя Российской Федерацией).

Во-первых, Дополнительный протокол II запрещает нападения не только на перечисленные объекты, но и на:

— объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие, как запасы продуктов питания, производящие продовольственные сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения (ст. 14);

— установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно: плотины, дамбы и атомные электростанции, которые не должны становиться объектом нападения даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными объектами (ст. 15);

Во-вторых, Римский статут предусматривает ответственность только за «удары» по защищенным объектам. Под ударами же традиционно понимаются огневые нападения достаточно высокой степени мощности или интенсивности: авиаудары, артобстрелы, массированные обстрелы из других, более легких видов оружия и т. п. Между тем Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в системе правил, предусмотренных в качестве минимального стандарта для вооруженных конфликтов немеждународного характера, предусматривает защиту от гораздо более широкого спектра возможных нападений.

Пункт 1 статьи 4 Конвенции, применимый для ситуации внутреннего конфликта в соответствии с условиями статьи 19, запрещает использование культурных ценностей, сооружений, предназначенных для их защиты и непосредственно прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению этих ценностей в случае вооруженного конфликта, и обязывает стороны конфликта воздерживаясь от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей. Пункт 2 этой статьи указывает, что эти обязательства могут быть нарушены только в случае настоятельной военной необходимости. Кроме того, пункт 2 обязывает участников Конвенции «запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые

¹¹⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стругара от 31 января 2005 г., пар. 230.

акты вандализма в отношении указанных ценностей». Наконец, пункт 4 говорит о том, что стороны «должны воздерживаться от принятия любых репрессивных мер, направленных против культурных ценностей».

Данная Конвенция подписана значительным числом государств (на момент написания настоящего исследования их насчитывается 116), и ее минимальные стандарты являются нормами обычного международного права, устанавливаемыми практикой государств¹¹⁷.

Дополнительный протокол II подписан 162 государствами. Большинство его норм также, несомненно, является частью обычного международного права. Безотносительно к сказанному Российская Федерация является участником Гаагской конвенции (СССР присоединился к ней в 1954 г.) и Дополнительного протокола II, и на нее в полном объеме распространяются все содержащиеся в них обязательства.

Таким образом, запрещенными в любом случае должны считаться нападения на объекты, необходимые для выживания гражданского населения.

В то же время запрещенными в отношении культурных ценностей должны считаться, как минимум, следующие виды нападений:

- кража, грабеж и иные формы незаконного присвоения;
- акты вандализма;
- принятие любых репрессивных мер.

Возможно, наказанию также должно подлежать использование культурных ценностей в военных целях, если оно привело к значительному или невосполнимому ущербу для этих ценностей.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что в целях правосудия для ситуации вооруженного конфликта в Чечне элементы данного преступления могут быть предварительно сформулированы следующим образом:

1. Исполнитель нанес удар или совершил иное нападение.
2. Объектом удара или иного нападения являлись одно или несколько зданий, предназначенных для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, исторические памятники, госпитали или места сосредоточения больных или раненых, или объекты, необходимые для выживания гражданского населения, которые не были военными целями.
3. Исполнитель умышленно избрал объектом нападения такое здание или здания, предназначенные для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, исторические памятники, госпитали или места сосредоточения больных или раненых, или объекты, необходимые для выживания гражданского населения, которые не были военными целями.
4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта.

19.6.15. Военное преступление в виде разграбления

Запрещение грабежа устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и внутренних конфликтов¹¹⁸. В применимом договорном праве грабеж лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать участие в военных действиях, запрещен статьей 3 (g), общей для Женевских конвенций.

Статья 8 (2)(e)(v) Римского Статута предусматривает ответственность за «разграбление города или населенного пункта, даже если он взят штурмом» в контексте немеждународного конфликта, а «Элементы преступлений» описывает данный состав следующим образом:

- «1. Исполнитель присвоил определенное имущество.
2. Исполнитель имел умысел лишить собственника его имущества и присвоить его для частного или личного пользования.
3. Присвоение было осуществлено без согласия собственника.
4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Практика МТБЮ уделяет элементам преступления разграбления значительное внимание. Суд подчеркивает, что международное гуманитарное право не только запрещает определенное поведение, направленное против человеческой личности, но также и содержит нормы, нацеленные на защиту прав собственности во время вооруженного конфликта. В этой связи устанавливается, что запрещение против необоснованной конфискации общественной и частной собственности простирается как на грабеж, совершенный отдельными военнослужащими в целях их личного обогащения, так и на организованную конфискацию собственности. Ссылаясь на решения Нюрнбергского трибунала и практику французских военных трибуналов, рассматривавших дела о военных преступлениях после Второй мировой войны, МТБЮ устанавливает, что «изолированные случаи воровства личной собственности скромной стоимости» также расцениваются как военные преступления, влеку-

¹¹⁷ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 171-174.

¹¹⁸ Там же, с. 234-239.

щие индивидуальную уголовную ответственность по международному праву. Вслед за Комиссией по военным преступлениям ООН суд определяет данные деяния как «военные преступления более традиционного типа»¹¹⁹. Так, МТБЮ, в числе прочего, признал членов персонала лагеря «Челебичи» виновными в грабеже за действия, которые выражались в том, что они отнимали у заключенных часы, деньги и другую мелкую частную собственность¹²⁰. Также Горан Елинич был признан виновным в грабеже за присвоение денег, часов, драгоценностей и других ценностей, которые отнимали у задержанных по их прибытии в концентрационный лагерь¹²¹.

С другой стороны, при рассмотрении ряда дел МТБЮ определил, что разграбление должно достигать некоего порога серьезности, требуемого для «серьезного нарушения» международного гуманитарного права. Хотя разграбление не должно быть «обширным» или совершаться в отношении собственности, обладающей «большой экономической ценностью»¹²², нарушение может считаться «серьезным» в обстоятельствах, где конфискации «имеют место в отношении большого количества людей, даже при том, что нет никаких серьезных последствий для каждого человека». В этом случае эффект преступления распространяется на гражданское население в целом, и «множество преступлений делает нарушение серьезным»¹²³.

19.6.16. Военное преступление в виде уничтожения или захвата имущества неприятеля либо нападения на гражданские объекты

Запрет уничтожать и захватывать имущество неприятеля, если этого не требует настоятельная военная необходимость, устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹²⁴. Данная норма кодифицирована Гаагским положением о законах и обычаях сухопутной войны (статья 23 (ж)), которая является частью обычного международного гуманитарного права, и тесно связана с обычной нормой, запрещающей нападения на гражданские объекты¹²⁵. Запрет уничтожения имущества неприятеля включает в себя запрет нападения на гражданские объекты¹²⁶.

В деле Стругара, касающегося артобстрела исторического города Дубровник в конце 1991 года, судебная камера МТБЮ констатировала, что норма, запрещающая нападение на гражданские объекты, относится также и к немеждународным вооруженным конфликтам¹²⁷.

«Уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват настоятельно диктуются обстоятельствами конфликта», совершенные в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, являются военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(с)(xii) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС описывают данный состав следующим образом:

- «1. Исполнитель уничтожил или захватил определенное имущество.
2. Это имущество являлось собственностью неприятеля.
3. Такое имущество пользовалось защитой от уничтожения или захвата согласно нормам международного права, применимым в вооруженных конфликтах.
4. Исполнитель признавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о статусе этого имущества.
5. Уничтожение или захват не были вызваны военной необходимостью.
6. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
7. Исполнитель признавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Очевидно, что в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера под «имуществом неприятеля» понимается прежде всего общественная и частная собственность гражданского населения, которая воспринимается стороной конфликта в качестве «неприятельской», тогда как легитимным трофеем может считаться только военное оборудование¹²⁸.

В соответствии с практикой МТБЮ уничтожение имущества, чтобы составить «серьезное нарушение», должно быть «обширным, незаконным и необоснованным». «Понятие обширности должно оцениваться по обстоятельствам дела; единственного деяния, такого, как разрушение больницы, может быть достаточно, чтобы преступление подпало под этот пункт обвинения»¹²⁹. Под «необоснованностью» должна пониматься необоснованность военной необходимости.

Следует отметить, что понятие «захват имущества» близко к понятию «разграбления». Авторам представляется, что под «захватом» следует прежде всего понимать присвоение или приспособление для военных нужд

¹¹⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича, Муичича, Делича и Ланджо («Челебичи») от 16 ноября 1998 г., пар. 587-592.

¹²⁰ Там же. Часть IV, Приговор, пункт 49.

¹²¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елиничича от 14 декабря 1999 г., пар. 49.

¹²² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Налетиличича и др. от 31 марта 2003 г., пар. 612-613.

¹²³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кордича и Черкеза от 17 декабря 2004 г., пар. 83.

¹²⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 226.

¹²⁵ Там же, с. 32.

¹²⁶ Там же, с. 767.

¹²⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Стугара от 31 января 2005 г., пар. 228.

¹²⁸ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 223.

¹²⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 157.

объектов общественной собственности (школ, больниц, предприятий и т. п.), а под «разграблением» — присвоение частной собственности граждан.

19.6.17. Военное преступление в виде перемещения гражданских лиц

Запрет отдавать приказ о перемещении всего или части гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если этого не требуется в силу необходимости обеспечить безопасность соответствующих гражданских лиц или в силу настоятельных причин военного характера, устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время немеждународных вооруженных конфликтов¹³⁰. В источниках договорного права, применимых в условиях внутреннего конфликта, запрет на перемещение гражданских лиц содержится в статье 17 Дополнительного протокола II, принятой на основе консенсуса. Такие действия неоднократно подвергались осуждению со стороны Совета Безопасности ООН, Генеральной Ассамблеи ООН и Комиссии ООН по правам человека во время немеждународных вооруженных конфликтов в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Бурунди, Заире, Ираке, Либерии, Руанде и Судане¹³¹.

«Отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера», совершаемая в контексте немеждународного вооруженного конфликта, является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(e)(viii) Римского Статута. «Элементы преступлений» МУС определяют этот состав следующим образом:

- «1. Исполнитель отдал распоряжение о перемещении гражданского населения.
2. Такое распоряжение не было оправдано соображениями безопасности соответствующих гражданских лиц или военной необходимостью.
3. Исполнитель занимал положение, позволяющее ему добиться такого перемещения путем отдачи такого распоряжения.
4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

19.6.18. Военное преступление в виде вероломного убийства или ранения

Источником запрещения вероломного убийства или ранения является обычное право вооруженных конфликтов. Запрещение убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству, устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹³².

Вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля, совершаемое в контексте немеждународного конфликта, является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(e)(ix) Римского Статута и включает в себя следующие элементы:

- «1. Исполнитель вызвал у одного или нескольких комбатантов неприятеля доверие к себе, убедив в том, что они имеют право на защиту или обязаны получить защиту в соответствии с нормами международного права, применимыми в вооруженных конфликтах.
2. Исполнитель имел умысел обмануть это доверие.
3. Исполнитель убил такое лицо или лиц или причинил ему или им телесное повреждение.
4. Исполнитель воспользовался этим доверием или верой для убийства или причинения телесного повреждения такому лицу или лицам.
5. Такое лицо или лица принадлежали к неприятельской стороне.
6. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
7. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта».

Для правильного уяснения того, какие конкретные действия понимаются под термином «вероломство» в контексте законов и обычаев войны, необходимо обратиться к исследованию МККК по обычному международному гуманитарному праву. Запрещение вероломных действий сформулировано в следующих нормах:

Норма 57. Военные хитрости не запрещаются, пока они не нарушают нормы международного гуманитарного права.

Норма 58. Ненадлежащее использование белого флага перемирия запрещено.

Норма 59. Ненадлежащее использование отличительных эмблем, указанных в Женевских конвенциях, запрещено.

¹³⁰ Хенкерцс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 583.

¹³¹ Там же, с. 726.

¹³² Там же, с. 285.

Норма 60. Запрещается использовать эмблему и форму Организации Объединенных Наций, кроме как с разрешения этой организации.

Норма 61. Ненадлежащее использование других международно признанных эмблем запрещено.

Норма 62. Запрещается использовать флаги, военные эмблемы, воинские знаки различия или форменную одежду противной стороны.

Норма 63. Запрещается использовать флаги, военные эмблемы, воинские знаки различия или форменную одежду нейтральных государств или других государств, не являющихся сторонами в конфликте.

Норма 64. Запрещается заключать соглашение о временном прекращении боевых действий с намерением неожиданно напасть на неприятеля, полагающегося на это соглашение.

Норма 65. Запрещается убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству.

Следует отметить, что МККК в данной работе выражает неполную уверенность относительно того, требует ли обычное международное право обязательности применения норм 62 и 63 в условиях внутреннего конфликта. Эти правила безоговорочно признаны обязательными лишь для конфликта международного характера. Остальные нормы устанавливаются практикой государств в качестве норм обычного международного права, применяемых как во время международных, так и во время немеждународных вооруженных конфликтов¹³³.

19.6.19. Военное преступление в виде заявления о том, что пощады не будет

Запрещение отдавать приказ не оставлять никого в живых, угрожать этим противнику или вести военные действия на такой основе устанавливается в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и во время немеждународных вооруженных конфликтов¹³⁴.

Статья 4 (1) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям определяет: «Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых». Кроме того, статья 4 (2)(h) запрещает угрожать убийством лиц, вышедших из строя. В своем докладе об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне Генеральный секретарь ООН отметил, что положения данной статьи давно считаются частью обычного международного права¹³⁵. «Ведение военных действий на основе того, что никого не оставляют в живых, стало бы нарушением общей статьи 3 Женевских конвенций, поскольку оно привело бы к убийству вышедших из строя лиц. Оно также нарушило бы основополагающую гарантию, запрещающую убийство», — отмечается в фундаментальном исследовании МККК по обычному гуманитарному праву¹³⁶.

Заявление о том, что пощады не будет, сделанное в контексте немеждународного конфликта, является военным преступлением в соответствии со ст. 8 (2)(e)(viii) Римского Статута. «Элементы» преступлений МУС описывают состав данного преступления следующим образом:

«1. Исполнитель заявил о том, что никто не будет оставлен в живых, или отдал приказ о том, что никто не должен быть оставлен в живых.

2. Такое заявление или такой приказ преследовали цель запугать неприятеля или вести военные действия исходя из того, что никто не будет оставлен в живых.

3. Исполнитель занимал положение, позволявшее ему эффективно командовать или осуществлять контроль над подчиненными ему силами, к которым было обращено такое заявление или которым был отдан такой приказ.

4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, и было связано с ним.

5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствующие о существовании вооруженного конфликта».

Приказ или заявление не давать пощады является законченным преступлением с момента его отдачи, вне зависимости от того, был ли он исполнен¹³⁷, так как норма запрещает саму отдачу приказа.

19.6.20. Военное преступление в виде нападения неизбирательного либо непропорционального характера, приводящего к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершения нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам¹³⁸.

Неизбирательные и несоразмерные (непропорциональные) нападения, совершенные в контексте внутреннего конфликта, — наиболее яркий образец военного преступления, криминализированного в обычном международном праве, но не предусмотренного Римским статутом Международного уголовного суда.

¹³³ Там же, с. 262-292.

¹³⁴ Там же, с. 207.

¹³⁵ Доклад генерального секретаря ООН об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне. Док. ООН S/2000/915, 4 октября 2000 г., пар. 14.

¹³⁶ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 210.

¹³⁷ Там же, с. 763.

¹³⁸ Данная формулировка заимствована нами из ч. VI Исследования МККК по обычному гуманитарному праву, дополнительно отредактированной Антонио Кассезе. См.: Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 771-772.

В ходе обоих конфликтов в Чеченской Республике наиболее значительные потери гражданского населения были вызваны именно неизбирательными бомбардировками и обстрелами контролируемых (в той или иной степени) сепаратистами населенных пунктов. Эти потери, как минимум, исчисляются десятками тысяч убитых, еще большим количеством раненых и беспрецедентными для послевоенной Европы разрушениями. ПАСЕ в своей рекомендации 1456 (2000) от 6 апреля 2000 г., в частности, «осуждает <...> полное и преднамеренное разрушение Грозного — наиболее вопиющий пример неизбирательных и несоразмерных действий, которые стоили жизни сотням, а может быть, и тысячам гражданских лиц; продолжающиеся нападения на гражданское население, начиная с применения воздушных бомбардировок и другого тяжелого оружия в густонаселенных районах». Таким образом, вопрос об индивидуальной уголовной ответственности за эти нарушения является для данного исследования одним из фундаментальных и нуждается в подробном рассмотрении.

Договорное гуманитарное право немеждународных конфликтов не содержит прямого запрета на совершение неизбирательных нападений. Общая для Женевских конвенций статья 3 запрещает лишь посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность лиц, непосредственно не принимающих участия в военных действиях, в частности, всякие виды убийства и увечья. Запрещение нападений неизбирательного характера было включено в проект Дополнительного протокола II, но было выпущено в последний момент в рамках мер, направленных на упрощение текста¹³⁹. В результате протокол говорит только о том, что «гражданское население как таковое и отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений» (ст. 13 (2)).

Вскоре после подписания Дополнительного протокола II экспертами было высказано мнение, что норма, запрещающая неизбирательные нападения, непрямо содержится в этой статье, логически вытекающая из предусмотренного в ней запрещения нападений на гражданских лиц¹⁴⁰. Этот вывод подкрепляется и практикой Комиссии ООН по правам человека, которая выразила серьезную озабоченность в связи с «сообщениями о несоизмерном и неизбирательном использовании российской военной силы» в ходе конфликта в Чечне на основании Дополнительного протокола II¹⁴¹. Однако, этих соображений самих по себе еще недостаточно для вывода о том, что неизбирательные нападения, равно как и нападения, при которых не соблюдается принцип соразмерности, совершенные в контексте немеждународного конфликта, составляют военное преступление.

В 1979 году неизбирательные нападения криминализированы договорным правом международных конфликтов (Дополнительный протокол I). К ним относятся нападения, которые «поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия» (ст. 51 (4)). В соответствии с пунктами 3b и 5 статьи 85 этого Протокола такие действия, «когда известно, что нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам», рассматриваются как военные преступления. Статья 8 (2)(b)(iv) Римского статута предусматривает ответственность за «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством». Однако эта статья в целях Римского статута применима только к контексту вооруженного конфликта международного характера.

Для того, чтобы обосновать выделение данного состава преступления и для ситуации внутреннего конфликта, рассмотрим его в свете критериев, названных Апелляционной камерой МТБЮ в ее решении по промежуточной апелляции Тадича от 2 октября 1995 г.

(i) нарушение должно составить нарушение нормы международного гуманитарного права

Нападения неизбирательного характера, приводящие к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершение нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, являются нарушением нормы международного гуманитарного права.

Это утверждение не может быть подвергнуто сомнению, так как запрещение такого рода нападений относится к сфере права, регулирующего средства и методы ведения боевых действий и направленного на защиту жертв вооруженных конфликтов, т. е. к сфере международного гуманитарного права по определению. Более того, запрещение неизбирательных нападений содержится в одном из основополагающих документов МГП — Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1949 г.

(ii) норма должна быть обычной по своей сути, или, если она относится к договорному праву, все необходимые условия должны быть соблюдены

Запрещение нападений неизбирательного характера, приводящих к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершения нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, является нормой, обычной по своей сути.

¹³⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 59, прим. 11 со ссылкой на: Draft Additional Protocol II submitted by the ICRC to the Diplomatic Conference leading to the adoption of the Additional Protocols, Article 26 (3).

¹⁴⁰ Bothe, Partsch, Solf, 1982, с. 667.

¹⁴¹ UN Commission on Human Rights, Res. 2000/58, 25 April 2000, preamble and par. 2.

Запрещение нападений неизбирательного характера устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹⁴². Авторы фундаментального исследования МККК указывают: «Военные уставы и наставления, которые применимы и применялись во время немеждународных вооруженных конфликтов, предусматривают запрещение нападений неизбирательного характера. Многие государства приняли законодательные акты, объявляющие совершение таких нападений преступлением во время любого вооруженного конфликта. Ряд официальных заявлений, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов, ссылаются на данную норму. <...> Официальной практики, противоречащей данной норме, не было найдено ни в отношении международных, ни в отношении немеждународных вооруженных конфликтов. Нарушения этой нормы обычно осуждаются государствами вне зависимости от того, во время какого конфликта — международного или немеждународного — они произошли. ООН и другие международные организации осуждали и осуждают нарушение этой нормы, например, во время конфликтов в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Бурунди, Косово, Нагорном Карабахе, Судане и Чечне. <...> В своем Консультативном заключении о ядерном оружии Международный суд постановил, что запрещение тех видов оружия, при применении которых невозможно провести различие между гражданским и военными целями, является «незыблемым» принципом обычного международного права. Суд отметил, что в соответствии с этим принципом гуманитарное право с самого начала существования запретило конкретные виды оружия «из-за их неизбирательного действия в отношении комбатантов и гражданских лиц»¹⁴³.

Прецедентное право Международного трибунала по бывшей Югославии также свидетельствует о том, что запрещение нападений неизбирательного характера является обычной нормой как для международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов. Именно к такому выводу приходит Апелляционная камера МТБЮ в используемом здесь решении по делу Тадича.

Определяя обычные нормы международного гуманитарного права, регулирующие внутренние конфликты, Суд посчитал необходимым дать собственную экспертную оценку проблемы, необходимость которой обосновал недостатком авторитетных судебных заявлений и юридической литературы по этому вопросу¹⁴⁴. В начале своей экспертизы Суд излагает историю постепенного слияния норм, регулирующих международные и внутренние вооруженные конфликты (подробнее об этом смотри выше, раздел 9.2.2.4). Далее Суд иллюстрирует описанную тенденцию конкретными примерами из международной практики. При этом он обращается к проблеме бомбардировок гражданского населения и неизбирательных нападений и уделяет ей значительное внимание.

По мнению суда, уже государственная практика периода Гражданской войны в Испании (1936 — 1939 гг.) показала тенденцию игнорировать различие между международными и внутренними войнами и применять определенные общие принципы гуманитарного права по крайней мере к тем внутренним конфликтам, которые составили крупномасштабные гражданские войны. В частности, это касается и вопроса неизбирательных нападений, то есть нападений без выбора цели. Суд ссылается на заявления Великобритании, резолюции Лиги Наций и на декларации и соглашения противоборствующих сторон в ходе Испанской войны.

Суд подчеркивает, что хотя Испанская гражданская война имела элементы и внутреннего, и международного вооруженного конфликта, важно, что и республиканское правительство, и третьи государства отказались признавать повстанцев в качестве воюющей стороны. Тем не менее они настаивали, что определенные нормы, применимые для международного вооруженного конфликта, должны непременно соблюдаться. Среди норм, которые считали применимыми, было в том числе и правило о необходимых предосторожностях при нападении на военные цели. Например, 23 марта 1938 года премьер-министр Чемберлен, объясняя британский протест против бомбардировки Барселоны, заявил следующее:

«прямая и преднамеренная бомбежка некомбатантов находится при всех незаконных обстоятельствах, и протест Правительства Ее Величества был основан на информации, которая вела к заключению, что бомбардировка Барселоны, которая очевидно осуществлялась наугад и без специальной цели в военных целях, фактически носила такой характер».

Отвечая на вопросы члена парламента относительно гражданской войны в Испании, 21 июня 1938 года Чемберлен заявил следующее:

«Есть, во всяком случае, три нормы международного права или три принципа международного права, которые являются столь же применимыми к войне с воздуха, как и к войне на море или на земле. Во-первых, бомбардировка гражданских лиц так же, как и преднамеренные нападения на гражданское население, противоречит международному праву. Это, несомненно, нарушение международного права. Во-вторых, цели, которые намечены с воздуха, должны быть законными военными целями и должны иметь возможность к идентификации. В-третьих, разумная забота должна быть предпринята при нападении на эти военные цели таким образом, чтобы вследствие небрежности гражданское население в окрестностях не бомбили»¹⁴⁵.

Далее Суд отмечает, что 30 сентября 1938 г. Ассамблея Лиги Наций, единодушно приняв соответствующую резолюцию, предложила «признать следующие принципы, как необходимое основание для любых последующих инструкций:

- (1) Намеренная бомбежка гражданского населения незаконна;
- (2) Цели, поражаемые с воздуха, должны быть законными военными целями и должны быть опознаваемыми;

¹⁴² Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 48.

¹⁴³ Там же, с. 48-55.

¹⁴⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по промежуточной апелляции Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 96-127.

¹⁴⁵ Там же, пар. 100.

(3) Любое нападение на законные военные цели должно быть выполнено таким способом, чтобы гражданское население в окрестности не бомбили вследствие небрежности»¹⁴⁶.

По мнению суда, дальнейшее развитие международного права сделало эту норму обычной как для международных, так и для внутренних конфликтов. Апелляционная камера установила: «Нельзя отрицать, что нормы обычного права развились таким образом, чтобы регулировать внутренние конфликты. Эти нормы <...> охватывают такие области, как защита гражданских лиц от военных действий, в особенности от нападений без выбора целей»¹⁴⁷.

Данный подход был впоследствии дополнительно подтвержден МТБЮ в решениях по делу Кордича и Черкеза¹⁴⁸ и делу Купрешкича¹⁴⁹.

В дополнение к приведенной Судом практике государств и международных организаций, можно добавить аналогичные примеры, непосредственно касающиеся оценки неизбирательных нападений, совершенных в ходе вооруженного конфликта в Чечне. В первых строках данного раздела мы уже процитировали рекомендацию ПАСЕ № 1456 (2000) от 6 апреля 2000 г. Приведенный пример, однако, не является единственным. Ранее, в рекомендации № 1444 (2000), принятой 27 января 2000 г., ПАСЕ, напоминая об обязательствах России, данных при вступлении в Совет Европы, «решать все внутренние споры, включая случаи вооруженных конфликтов на своей территории, <...> мирным путем, строго соблюдая принципы международного гуманитарного права» (п. 3), также «осудила как полностью неприемлемое текущее ведение военной операции в Чечне с ее трагическими последствиями для большого количества населения республики. В результате этого неизбирательного и несоразмерного применения военной силы мирное население в Чечне страдает от серьезного нарушения таких основных прав человека, как право на жизнь, право на свободу и право на безопасность» (п. 7). ПАСЕ подчеркивает, что «достижение целей должно проводиться в соответствии с международными обязательствами, данными Российской Федерацией, исключая, в частности, несоразмерное и неизбирательное применение военной силы, причиняющей ущерб гражданскому населению (п. 6)».

Кроме того, Комиссия ООН по правам человека в Резолюции E/CN.4/RES/2000/58 от 25 апреля 2000 года, «учитывая, что Российская Федерация является стороной Женевских Конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительного протокола II к ним от 10 июня 1977 года», высказывает «глубокую озабоченность в связи с продолжающейся жестокостью в Республике Чечня Российской Федерации, в частности, в связи с отчетами, указывающими на непропорциональное и неизбирательное использование российских вооруженных сил, включая атаки против гражданских лиц...».

Наконец, в резолюции по Чечне 2001/24 от 20 апреля 2001 г. Комиссия ООН по правам человека вновь выразила «решительное осуждение продолжающегося несоразмерного и неизбирательного применения силы российскими военными» (п. 3).

В приведенных примерах обращают на себя внимание три важных обстоятельства. Во-первых, данная практика четко отделяет неизбирательные удары от других видов нарушений, совершенных в отношении гражданского населения, в том числе от прямых нападений, «включая убийства и изнасилования гражданских лиц» (п. 8 (б) рекомендации ПАСЕ № 1456 (2000)). Таким образом, неизбирательные атаки выделяются как отдельное, самостоятельное нарушение международного гуманитарного права. Во-вторых, ни Совет Европы, ни ООН никогда не признавали ЧРИ субъектом международного права, а конфликт в Чечне — международным конфликтом. Тем не менее они единодушно и уверенно осуждают неизбирательные нападения как противоречащие международным обязательствам Российской Федерации в области прав человека и в сфере международного гуманитарного права, определяя, таким образом, запрещение неизбирательных атак в качестве нормы, подлежащей применению в условиях внутреннего конфликта. В-третьих, помимо неизбирательности, приведенные документы обращаются к категории несоизмеримости.

Не менее важно, что Российская Федерация в лице своих высокопоставленных чиновников последовательно отвергала обвинения в неизбирательных нападениях, высказываемые прессой, правозащитниками и международными организациями, и никогда не заявляла о допустимости таких нападений на собственной территории. Должностные лица утверждали, что удары с воздуха наносились исключительно по военным целям.

Так, например, в ночь на 22 декабря 1994 г., когда корреспондент агентства Рейтер зафиксировал не менее 12 атак с воздуха на Грозный, пресс-служба Правительства РФ заявила, что «федеральная авиация не атаковала город, а жилые и административные здания с провокационными целями взрывают сами чеченские боевики». На пресс-конференции 11 января 1995 г. главком ВВС России генерал-полковник П. С. Дейнекин утверждал: «Мы применяли 21, 22, 23 и 24 числа обычные авиационные бомбы не по городу Грозный, а по военным объектам в городе. Мы нанесли удары по танкоремонтным цехам одного из заводов, по скоплению бандформирований в двух военных городках, по «президентскому дворцу» и, к сожалению, по телецентру для того, чтобы прекратить оголтелую антироссийскую пропаганду». Генерал П. С. Дейнекин неоднократно (на пресс-конференциях 11 января и 23 марта 1995 г.) утверждал, что «последний бомбовый удар был нанесен по военным объектам в городе Грозный в 18.55 24-го числа» [декабря 1994 г.]. В интервью корреспонденту «Московского

¹⁴⁶ Там же, пар. 101.

¹⁴⁷ Там же, пар. 127.

¹⁴⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры относительно обвинительного акта по делу Кордича и Черкеза от 2 марта 1999 г., пар. 31.

¹⁴⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 524.

комсомольца»¹⁵⁰ он уточнил: «С 24 декабря по 3 января мы вообще не наносили ударов по Грозному». Подобные заявления делали и другие должностные лица РФ. Так, 6 января 1995 г. председатель Совета Федерации РФ В. Ф. Шумейко сообщил СМИ, что на заседании Совета Безопасности РФ прозвучало утверждение, что с 23 декабря 1994 г. бомбардировок Грозного не было, а дома взрывали сами чеченцы. Вечером 27 декабря 1994 г. президент РФ Б. Н. Ельцин в выступлении на телеканале ОРТ заявил: «Ради сохранения жизни людей мною дано указание исключить нанесение бомбовых ударов, которые могут привести к жертвам среди мирного населения Грозного». В связи с сообщениями о том, что и после 24 декабря удары с воздуха по Грозному продолжали наноситься, секретарь Совета Безопасности О. И. Лобов, выступая по телевидению, заявил: «Должна быть создана специальная комиссия, которая и установит истину». Впрочем, такая комиссия создана так и не была¹⁵¹.

Выступая на радио «Голос России» директор Департамента информации и печати МИД РФ В. О. Рахманин, в частности, заявил: «Решая задачу искоренения терроризма и бандитизма, восстановления прав человека в Чечне, российским федеральным войскам приходится вести достаточно масштабные операции в этом регионе. Однако при этом первостепенное внимание уделяется избирательности применения силы, ее соразмерности поставленным задачам, необходимости минимизации ущерба гражданскому населению и гражданским объектам, как это предусматривается международным гуманитарным правом, в том числе Женевскими конвенциями 1949 года. <...> Что касается оговорки Госдепартамента, что Россия якобы не соблюдает в Чечне Женевских конвенций и Кодекса поведения ОБСЕ, то, к сожалению, они, по-видимому, вызваны тем, что информация представителя Госдепартамента о «неизбирательном применении силы федеральными войсками в отношении гражданского населения в ходе операции в Чечне» черпается из источников, которые и превратили Чечню в зону террора и беззакония»¹⁵².

В ответ на Резолюцию Комиссии по правам человека ООН от 20 апреля 2001 г., в которой, в частности, осуждалось несоразмерное и неизбирательное применение силы, заместитель главы МИД РФ Сергей Орджоникидзе заявил, что Россия «не считает себя связанной положениями необъективной и неконструктивной резолюции по Чечне»¹⁵³.

Список подобного рода заявлений можно продолжить.

Таким образом, в лице своих официальных лиц российское государство старалось доказать, что действует избирательно и соразмерно или вообще опровергало факты ударов, не ставя, таким образом, под сомнение сам принцип недопустимости неизбирательных и несоразмерных атак.

Более того, в период Второго российско-чеченского конфликта официальные лица и официальные структуры РФ неоднократно осуждали неизбирательные и несоразмерные нападения, совершенные другими государствами в других вооруженных конфликтах. Правда, данная практика касается лишь международных конфликтов. Так, МИД России в своем Информационном бюллетене от 13 июня 2000 г. выражает свою солидарность с выводами доклада «Международной амнистии» «НАТО/СРЮ: Побочный ущерб или противозаконные убийства и нарушения законов войны со стороны НАТО в ходе операции «Союзные силы»». Доклад касается недостаточного соблюдения силами НАТО в Югославии предписаний МГП при выборе целей, а также средств и методов нападения (т.е. нападения на гражданские объекты и неизбирательные нападения). МИД РФ соглашается с тем, что «МТБЮ должен расследовать все достоверные утверждения о нарушении норм МГП в ходе операции против СРЮ с целью предания правосудию лиц, против которых имеются достаточные свидетельства», и выражает свое возмущение тем, что Прокурор трибунала Карла дель Понте отказалась от расследования этих обвинений¹⁵⁴.

Выступая в Государственной Думе Федерального Собрания РФ 21 марта 2003 г., министр иностранных дел РФ Игорь Иванов, в частности, заявил: «Серьезное беспокойство вызывает складывающаяся гуманитарная ситуация в Ираке. Уже сейчас имеются данные о жертвах среди мирного населения. В этой связи встает вопрос о том, как будут соблюдаться в ходе данного конфликта нормы международного гуманитарного права. В частности, речь идет о запрете нападения на гражданские лица и объекты; о неиспользовании оружия неизбирательного действия, наносящего чрезмерный ущерб»¹⁵⁵.

9 апреля 2004 г. МИД РФ сделал заявление по ситуации в Ираке, в котором, в частности, говорится: «МИД РФ отмечает, что в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1483 «оккупировавшие державы обязались строго соблюдать соответствующие положения международного гуманитарного права». «Это предполагает, в частности, недопущение неизбирательного и непропорционального применения силы»¹⁵⁶.

Но наиболее ярко позиция Российской Федерации в отношении неизбирательных и непропорциональных нападений проявилась в осуждении обстрела грузинскими войсками города Цхинвали (в том числе из ракетных

¹⁵⁰ Будберг А. Апокалипсис сегодня: ВВС России на чеченской войне. – Московский комсомолец. 1995. 21 марта.

¹⁵¹ Орлов О. П., Черкасов А. В., Соколов А. В. Нарушение прав человека и норм гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике. – Доклад ПЦ «Мемориал». М., 1996.

¹⁵² Директор Департамента информации и печати МИД РФ В. О. Рахманин отвечает на вопросы корреспондентов. – Архив Интернет-сайта «Российской газеты». || http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid_99/471.htm.

¹⁵³ Россия отказывается признавать Резолюцию ООН по Чечне. – NEWSru.com. 21 апреля 2001 г. || <http://www.newsru.com/russia/21apr2001/rezolicia.html>.

¹⁵⁴ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Информационный бюллетень. 13 июня 2000 г. Сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации. Международный трибунал по бывшей Югославии (справочная информация). N 548-10-6-2000. || <http://www.mid.ru/ns-dmo.nsf/4b9690a3ec38c547432569ff003ccd49/432569f10031eb934325699c003b5ebd?OpenDocument>.

¹⁵⁵ Выступление министра иностранных дел РФ И. Иванова. Распространено Департаментом информации и печати российского МИД 21 марта 2003 г. || http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/F4064AAD497D48A43256CF0004A3C60.

¹⁵⁶ МИД РФ призывает к проявлению сдержанности в Ираке. || <http://grani.ru/Politics/World/Iraq/p.66737.html>.

систем залпового огня) в начале «пятидневной» войны августа 2008 г. Отметим, что резкое осуждение этого обстрела со стороны официальных лиц Российской Федерации относятся к событиям 8 августа, когда конфликт еще не приобрел международного измерения и представлял собой противоборство между грузинскими войсками и вооруженными формированиями самопровозглашенной республики Южная Осетия. Уже 8 августа МИД России назвал массированный обстрел Цхинвали открытой агрессией против Южной Осетии со стороны Тбилиси и призвал срочно созвать смешанную контрольную комиссию по урегулированию грузино-осетинского конфликта¹⁵⁷. В тот же день Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил: «Грузинская сторона, как вы можете видеть на экранах телевизоров, использует тяжелые вооружения, тяжелую технику и, по сути дела, развязала агрессивные действия против югоосетинского народа. Ведется массированный огонь по жилым кварталам как Цхинвали, так и других населенных пунктов, в том числе и вне зоны югоосетинского конфликта <...> В Южной Осетии продолжают гибнуть мирные жители, женщины, старики, дети»¹⁵⁸. 9 августа 2008 г. премьер Владимир Путин назвал произошедшее «геноцидом осетинского народа»¹⁵⁹. 10 августа МИД РФ поддержал идею о создании трибунала по расследованию преступлений Грузии в непризнанной республике Южная Осетия, о чем и сообщил СМИ заместитель главы МИД РФ Григорий Карасин. Ранее с предложением создать специальный международный трибунал для наказания тех, кто отдал приказ разрушить Цхинвали, выступил уполномоченный по правам человека в России Владимир Лукин¹⁶⁰. В тот же день Президент России Дмитрий Медведев поручил Следственному комитету при прокуратуре РФ собрать и задокументировать доказательства преступлений, совершенных в Южной Осетии, назвав «геноцидом» действия Грузии в непризнанной республике¹⁶¹. В разговоре с президентом США Джорджем Бушем Медведев заявил: «Результатом спланированных и осуществленных грузинским руководством варварских действий стали многочисленные – счет идет на тысячи – человеческие жертвы, десятки тысяч беженцев, массовые разрушения и, по сути дела, попрание права на жизнь целого народа»¹⁶².

Сказанное неопровержимо подтверждает, что запрещение неизбирательных нападений установлено в качестве нормы обычного международного гуманитарного права как практикой государств (в том числе Российской Федерации) и международных организаций, так и международным прецедентным правом.

(iii) нарушение должно быть «серьезным», то есть оно должно составить нарушение нормы, защищающей важные ценности, и повлечь серьезные последствия для жертвы

Нападения неизбирательного характера, приводящие к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершение нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, являются серьезным нарушением международного гуманитарного права, так как они составляют нарушение нормы, защищающей важные ценности, и повлекли серьезные последствия для значительного количества жертв.

Норма, запрещающая неизбирательные нападения, безусловно, защищает важные ценности, признанные международным правом и всеми цивилизованными юридическими системами мира. Это право на жизнь, право на личную неприкосновенность, право владеть имуществом и другие права, закрепленные, в частности, во Всеобщей Декларации Прав Человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в других универсальных и региональных международных документах, участниками которых является Российская Федерация.

Нарушение данной нормы в условиях вооруженных конфликтов 1994 – 1996 и 1999 – 2008 гг. в Чечне повлекло трагические последствия для тысяч жертв. Это массовая гибель и ранения представителей гражданского населения, в результате которых многие пострадавшие стали калеками, массовое разрушение жилого фонда, инфраструктуры городов и сел, объектов жизнеобеспечения, здравоохранения, образования и культуры.

(iv) нарушение нормы должно повлечь за собой, по обычному или договорному праву, индивидуальную уголовную ответственность для человека, нарушающего эту норму

Нарушение запрещения на нападения неизбирательного характера, приводящие к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершение нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, влечет за собой по обычному праву индивидуальную уголовную ответственность человека, нарушающего эту норму.

¹⁵⁷ МИД РФ: обстрел Цхинвали – открытая агрессия против Южной Осетии. – Телекомпания РТР. «Вести», 20:00. «Вести недели». 08.12.2008. || www.vesti.ru/doc.html?id=192232&tid=59533.

¹⁵⁸ Заявление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции для российских и зарубежных СМИ в связи с ситуацией в Южной Осетии. N 1144-08-08-2008. || http://www.russian-embassy.org/Press/20080808_Lavrov_YuOsetia_rus.htm.

¹⁵⁹ Путин: война в Южной Осетии – это геноцид. – Телекомпания НТВ. 09.08.2008, 23:20. || <http://news.ntv.ru/137837/>. Термин «геноцид югоосетинского народа» был далее употреблен в Указе Президента РФ от 12 августа 2008 г. «Об объявлении траура в российской федерации в связи с гуманитарной катастрофой в Южной Осетии».

¹⁶⁰ МИД РФ поддерживает идею создания трибунала по Южной Осетии. – РИА «Новости», 10.08.2008. || <http://www.rian.ru/politics/20080810/150242939.html>.

¹⁶¹ Медведев поручил СКП собрать доказательства преступлений в Юж. Осетии. – РИА «Новости». 10.08.2008. || <http://www.rian.ru/politics/20080810/150242939.html>.

¹⁶² Власти России: Грузия устроила в Южной Осетии геноцид. – РИА «Новости». 10.08.2008. || <http://www.rian.ru/politics/20080810/150235861.html>.

Криминализация неизбирательных нападения в условиях внутреннего конфликта подтверждается практикой государств и международным прецедентным правом. При рассмотрении систем уголовного законодательства разных стран выявляется не только «наличие намерения» криминализировать неизбирательные нападения вне зависимости от типа конфликта, но и устойчивый процесс его фактической криминализации. К настоящему моменту неизбирательные нападения криминализированы значительным числом государств, причем начало этого процесса уходит в 1950-е гг.

Уголовная ответственность за неизбирательные нападения независимо от характера вооруженного конфликта устанавливается в законодательствах Бельгии, Боснии и Герцеговины, Испании, Колумбии, Литвы, Нигера, Норвегии, Словении, Хорватии, Швеции, Эстонии, бывшей Югославии и других государств. Кроме того, криминализация неизбирательных и несоразмерных нападения предусмотрена проектами уголовного законодательства Аргентины, Иордании, Никарагуа и Сальвадора¹⁶³.

Также неизбирательные нападения объявлены преступлением и в уголовных кодексах ряда стран СНГ: Армении, Беларуси, Грузии и Таджикистана¹⁶⁴.

Так, ч. 1 статьи 403 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, принятого в 1998 году, предусматривает уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет за «умышленное нарушение норм международного гуманитарного права, совершенное во время международного или внутреннего вооруженного конфликта», включая «нападения неизбирательного характера, затрагивающие гражданское население или гражданские объекты <...> и повлекшие за собой смерть или серьезный ущерб физическому и психическому состоянию любого лица или причинившие крупный ущерб».

9 июля 1999 г. был принят Уголовный кодекс Республики Беларусь, который также устанавливает ответственность за это деяние вне зависимости от того, совершено ли оно в ходе международного или внутреннего конфликта. Статья 136 УК РБ «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов» в числе прочего объявляет преступлениями «1) применение средств и методов ведения войны, которые могут считаться наносимыми чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие; <...> 11) совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда заведомо известно, что такое нападение повлечет чрезмерные потери среди гражданских лиц либо причинит чрезмерный ущерб гражданским объектам». Перечисленные деяния наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

Следует обратить особое внимание, что данные положения были внесены в уголовное законодательство стран СНГ еще до начала массовых бомбардировок Грозного осенью – зимой 1999 – 2000 гг. Устойчивость процесса криминализации неизбирательных нападения вне зависимости от статуса конфликта демонстрирует и Уголовный кодекс Республики Армения, принятый уже 18 апреля 2003. Часть 3 Статьи 390 – «Серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов» – предусматривает ответственность в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет либо в виде пожизненного лишения свободы за «деяния, признанные серьезным нарушением норм международного гуманитарного права, совершенные во время вооруженных конфликтов, причинившие серьезный вред физическому или психическому состоянию лица либо повлекшие смерть человека», в том числе «нападения неизбирательного характера, поражающие гражданское население или гражданские объекты, если очевидно, что такое нападение приведет к чрезмерным потерям среди гражданских лиц или причинит чрезмерный ущерб гражданским объектам, если причинение таких повреждений чрезмерно для достижения конкретного и непосредственного военного превосходства».

Наконец, как было уже сказано выше, «Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» от 8 августа 2001 года, конкретизировавшее составы преступления в виде «Применения запрещенных средств и методов ведения войны», называет в числе уголовно наказуемых видов нарушения международного гуманитарного права (безотносительно типа конфликта) «умышленное совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, предполагаемому получить, потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или ущерба гражданским объектам»¹⁶⁵.

Таким образом, практика многих государств, включая Российскую Федерацию, демонстрирует устойчивую тенденцию криминализации неизбирательных и непропорциональных нападения.

Еще одним убедительным свидетельством криминализации неизбирательных нападения является международное прецедентное право. Крайне важно отметить, что и Международный суд ООН в деле о ядерном оружии¹⁶⁶, и Международный трибунал по бывшей Югославии в нескольких решениях¹⁶⁷ указали, что нападения

¹⁶³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 51, прим. 16.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001. С. 17, п. 14.

¹⁶⁶ Международный Суд. Консультативное заключение относительно законности угрозы или использования ядерного оружия, 1996 г., пар. 78-79.

¹⁶⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 57, со ссылкой на решения Судебной камеры по делам Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 501,512, и промежуточное решение Судебной камеры относительно Правила 61 по делу Мартича.

неизбирательного характера на практике представляют собой нападения на гражданских лиц (которые специально запрещены конвенционным правом внутренних конфликтов). В деле Галича судебная камера МТБЮ, рассматривая обстрелы осажденного города Сараево, постановила: «Нападения неизбирательного характера, то есть нападения, при которых не проводится различия между гражданскими лицами и гражданскими объектами и военными объектами, могут квалифицироваться как прямые нападения на гражданских лиц. [Судебная камера] отмечает, что неизбирательные нападения явно запрещены в соответствии с Дополнительным протоколом I. Это запрещение отражает известную норму обычного права, применимую во всех вооруженных конфликтах»¹⁶⁸. В примечаниях к процитированному параграфу судьи сослались на ряд предшествующих дел, в которых Трибунал пришел к выводу «что нападения, в ходе которых используются определенные средства ведения войны, неизбирательно поражающие гражданских лиц и гражданские объекты и военные цели, эквивалентны преднамеренному нападению на гражданских лиц»¹⁶⁹.

Так, Судебная камера в решении по делу Блашкича на основании характеристик оружия, использованного при нападении на город Стари Витез, пришла к выводу, что это нападение было направлено против гражданских лиц. Суд отметил, что поскольку это «слепое» оружие (самодельные минометы) было трудно навести точно, так как его траектория была «нерегулярна и нелинейна», имелась вероятность поражения невоенных целей. Действительно, использование упомянутого оружия привело к гибели большого количества гражданских лиц и серьезному ущербу для гражданских объектов¹⁷⁰.

В предварительных слушаниях по делу Мартича относительно Правила 61 Судебная камера расценила использование ракеты «Orkan» с кассетной боеголовкой как вид преднамеренного нападения на гражданское население. Камера заключила, что «использование ракеты «Orkan» в этом случае, из-за ее точности и ударной силы, не было предназначено для того, чтобы поразить военную цель, но [для того, чтобы] терроризировать мирных жителей Загреба. Эти нападения, следовательно, противоречат нормам обычного международного права». Судебная камера исходила из того, что ракета была неточна и разорвалась в районе, где поблизости не было военных целей¹⁷¹. Как будет показано ниже, данный подход был подтвержден вынесенным приговором.

В деле Купрешкича, делая вывод относительно характера нападения на деревню Ахмичи, Трибунал заявил: «Согласно этим аргументам [защиты], случаи гибели гражданских лиц в Ахмичи стали результатом перестрелок между противоборствующими сторонами и, следовательно, были в военном отношении оправданными. Соответствует ли это действительности — вопрос, который будет рассмотрен позже. Однако несомненно, что среди комбатантов, как минимум, было вкраплено большое количество гражданских лиц, ставших жертвами. Пункт, который должен быть подчеркнут, — священный характер обязанности защищать гражданских лиц, которая влечет за собой, среди прочего, абсолютный характер запрещения репрессалий против гражданского населения. Даже если может быть доказано, что мусульманское население Ахмичи не было полностью гражданским, но включало некоторые вооруженные элементы, все равно не будет существовать никакого оправдания для широко распространенных и неизбирательных нападений на гражданских лиц. Даже в ситуации полномасштабного вооруженного конфликта определенные фундаментальные нормы, типа правил, имеющих отношение к пропорциональности, все же однозначно объявляют такое поведение вне закона»¹⁷².

Тем не менее не каждое неизбирательное или несоразмерное нападение должно автоматически считаться видом прямого нападения на гражданское население. При рассмотрении дела Галича и Судебная, и Апелляционная камеры МТБЮ подчеркнули, что хотя факт прямого нападения может быть установлен исходя из неизбирательного характера используемого оружия, такой вывод каждый раз должен делаться на разовом основании в свете имеющихся доказательств. То же самое касается и непропорциональных нападений¹⁷³.

Наиболее важным для нас примером применения данных положений является недавний приговор Судебной камеры МТБЮ по делу Милана Мартича от 12 июня 2007 года. В числе прочего Суд рассмотрел эпизод обстрела города Загреб ракетами «Orkan», в ходе которого было убито и ранено значительное число гражданских жителей.

Утром 2 мая 1995 г. по Загребу были без предупреждения выпущены ракеты «Orkan». Ударам подверглись главная городская площадь, несколько улиц, на которых располагались посещаемые магазины, школа, деревня около Загребского аэропорта и сам аэропорт. В ходе этого нападения пять человек (все гражданские лица) было убито, по крайней мере 160 человек получили тяжелые ранения. На следующий день, 3 мая, Загреб был снова обстрелян такими же ракетами. Ударам подвергся Хорватский Национальный Театр, расположенный на площади маршала Тито, детская больница и еще одна городская площадь. Эти нападения привели к смерти двух человек и ранениям еще пятидесяти четырех лиц. Многие из жертв до сих пор страдают от полученных тогда травм¹⁷⁴.

Вначале Суд, сославшись на консультативное заключения Международного Суда по делу о ядерном оружии, опять подтвердил, что «неизбирательные нападения, затрагивающие гражданских лиц или граждан-

¹⁶⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 57.

¹⁶⁹ Там же, прим. 101.

¹⁷⁰ Там же. МТБЮ. Решения Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 501,512

¹⁷¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 57, прим. 101.

¹⁷² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 512-513.

¹⁷³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 60. Решение Апелляционной камеры по делу Галича от 30 ноября 2006 г., пар. 131-134.

¹⁷⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Мартича от 12.06.2007 г., пар. 305-313.

ские объекты и военные объекты без различия, могут также быть квалифицированы как прямые нападения на гражданское население», а «прямое нападение на гражданских лиц может быть выведено из неизбежного характера использованного оружия»¹⁷⁵. Затем Суд отметил, что «М 87 Оркан» — неуправляемый снаряд, предназначенный для уничтожения живой силы и бронированных транспортных средств. «Каждая ракета может нести боеголовку с 288-ю бомбами малого калибра или 24 противотанковых снаряда. Свидетельства показывают, что в нападениях на Загреб 2 и 3 мая 1995 г. были использованы боеголовки с бомбами малого калибра. Каждая бомба малого калибра содержит 420 шариков диаметром 3 мм. Бомбы малого калибра выбрасываются из ракеты на высоте 800–1000 м, и взрываются после этого. Максимальная дальность обстрела «М 87 Оркан» — 50 километров, ошибка дисперсии ракеты в 800–1000 м в воздухе увеличивается с дальностью обстрела. При запуске на максимальную дальность эта ошибка достигает 1000 м для любого направления. Площадь рассеивания бомб малого калибра — приблизительно два гектара. Каждый шарик имеет диапазон поражения примерно 10 метров»¹⁷⁶. На этом основании Суд пришел к выводу, что данная ракета в силу ее технических характеристик в рассматриваемом случае была неспособна к удару по конкретным целям. «По этим причинам Судебная палата также находит, что «М 87 Оркан» — неизбежное оружие, использование которого в плотно заселенной гражданскими лицами местности, типа Загреба, приведет к причинению серьезных жертв. 2 мая 1995 г. эффект запуска «Оркан» на Загреб был известен вовлеченным [в это деяние лицам]. Кроме того, прежде чем было принято решение еще раз использовать это оружие в Загребе 3 мая 1995 г., воздействие использования такого неизбежного оружия полностью было известно вне сомнения вследствие обширного освещения 2 мая 1995 г. в печати эффекта нападения на Загреб»¹⁷⁷.

Защита Мартича настаивала на том, что во время обстрелов в Загребе были военные цели, в частности Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Загребский аэропорт и Президентский дворец. Судебная камера нашла, что в свете технических характеристик ракеты «М 87 Оркан» присутствие в Загребе военных целей является несущественным¹⁷⁸.

Также, исходя из характеристик ракеты и из-за крупномасштабного характера нападения, Суд нашел, что обстрел составил «широкомасштабное нападение», направленное против гражданского населения Загреба. Таким образом, были удовлетворены требования статьи 5 Устава МТБЮ, предусматривающей ответственность за преступления против человечности¹⁷⁹.

Судебная камера указала, что Милан Мартич, приказывая использовать ракету «М 87 Оркан», знал, что смерть будет вероятным последствием этого нападения, и, таким образом, нашла, что умственный элемент преступления убийства установлен. На этом основании обвиняемый был признан виновным в убийстве¹⁸⁰. Кроме того, Судьи признали, что обстрел вызвал серьезное душевное и/или физическое страдание тех, кто был ранен, и что обвиняемый знал, что обстрел, вероятно, вызовет такое страдание, и, таким образом, преднамеренно совершил действия, которые составляют жестокое обращение и бесчеловечные акты¹⁸¹. Наконец, учитывая, что нападения привели к смертельным случаям и серьезным ранениям среди гражданского населения, и что обвиняемый знал об эффекте использованного оружия, Судебная камера нашла, что Милан Мартич преднамеренно сделал гражданское население Загреба объектом этого нападения. Поэтому он был признан ответственным за нападение на гражданских лиц¹⁸².

В итоге по двум эпизодам обстрела Загреба ракетами неизбежного действия обвиняемый был признан виновным в убийстве как преступлении против человечности, бесчеловечных актах как преступлении против человечности и нападении на гражданских лиц как нарушении законов и обычаев войны¹⁸³.

Согласно более раннему решению Апелляционной камеры МТБЮ, нападения без выбора целей в городах и деревнях могут в обычном международном праве являться формой преступления против человечности в виде преследования¹⁸⁴ (разумеется, если установлены другие его элементы в виде массового или систематического характера нападения и дискриминационного намерения).

Из сказанного следует, что серьезное нарушение нормы, запрещающей нападение неизбежного характера, приводящее к смерти или ранениям гражданских лиц, или совершение нападения, когда известно, что оно приведет к чрезмерным потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, совершенное в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность, и что эта ответственность уже была установлена в обычном международном праве во время совершения данных деяний в Чеченской Республике. При этом неизбежные и несоразмерные (непропорциональные) нападения в зависимости от обстоя-

¹⁷⁵ Там же, пар. 69.

¹⁷⁶ Там же, пар. 462.

¹⁷⁷ Там же, пар. 463.

¹⁷⁸ Там же, пар. 461.

¹⁷⁹ Там же, пар. 469.

¹⁸⁰ Там же, пар. 470.

¹⁸¹ Там же, пар. 471.

¹⁸² Там же, пар. 472.

¹⁸³ Там же, пар. 518.

¹⁸⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 159.

тельств дела могут рассматриваться либо как форма военного преступления в виде прямого (непосредственного) нападения на гражданское население, либо как отдельный состав преступления.

В Римском статуте описание «намерения» на совершение данного преступления включает в себя «условие, что лицо, собирающееся причинить последствие, «осознает, что [это последствие] наступит при обычном исходе событий». Ясно, что само по себе совершение нападения, если известно, что оно может привести к жертвам среди гражданского населения, необязательно составляет нападение неизбирательного характера, поскольку случайные ранения и побочный ущерб сами по себе не запрещены и являются частью почти каждой военной операции. Как справедливо отметил Женель Метро, сам факт появления жертв среди гражданского населения не обязательно означает, что нападение было незаконным¹⁸⁵. Однако нападение, при котором не делается попытки как следует нацелить удар на военный объект или затрагиваются гражданские лица, и при этом не уделяется внимания вероятному числу погибших или раненых и не принимается предосторожностей для их минимизации, является нападением неизбирательного характера, запрещенным МГП¹⁸⁶.

По мысли разработчиков «Элементов преступлений» МУС, «выражение «конкретное и непосредственное военное превосходство» означает военное превосходство, которое предвидит исполнитель в конкретный момент времени. Такое превосходство может быть или не быть по времени или географически связано с объектом нападения. Тот факт, что в положении об этом преступлении допускается возможность причинения на законных основаниях случайной гибели или сопутствующего ущерба, никоим образом не оправдывает какое-либо нарушение права, применяемого в вооруженном конфликте. В нем также не рассматривается вопрос об оправдании действий в военное время или об иных нормах, связанных с *ius ad bellum*. Оно отражает требование соизмеримости, которое обязательно учитывается при определении правомерности любых военных действий во время вооруженного конфликта»¹⁸⁷.

Выделяя элементы неизбирательного и несоразмерного нападения как формы нападения на гражданское население, МТБЮ отметил следующие важные обстоятельства: «Один тип неизбирательных нападений нарушает принцип соразмерности. Практическое применение принципа различия [между гражданскими лицами и комбатантами, заключается в том], что те, кто планирует и осуществляет нападение, приняли все выполнимые меры, чтобы проверить, что цели нападения — действительно не гражданские лица и не гражданские объекты, чтобы уберечь гражданских лиц насколько возможно. Как только военный характер цели установлен, командиры должны рассмотреть, вызовет ли нанесение удара по этой цели «ожидаемую не планируемую потерю жизней, нанесение ранений гражданским лицам или комбинацию этих событий, которые будут чрезмерны относительно ожидаемого военного превосходства. Если ожидается, что нападение закончится такими жертвами, оно не должно производиться. <...> Решая, было ли нападение соразмерно, необходимо исследовать вопрос, мог ли разумный и хорошо осведомленный человек, находившийся в ситуации конкретного обвиняемого, исходя из разумного использования доступной ему информации сделать вывод, что результатом нападения станут чрезмерные потери среди гражданских лиц. Чтобы установить *mens rea* непропорционального нападения, обвинение должно доказать <...>, что нападение было совершено преднамеренно и в знании обстоятельств, дающих повод ожидать, что жертвы среди гражданских лиц будут чрезмерными. Судебная камера полагает, что определенные, явно непропорциональные нападения могут привести к выводу, что фактическим объектом нападения были гражданские лица. Это должно быть определено на разовом основании в свете имеющихся доказательств. <...> Стороны конфликта обязаны в максимально выполнимой степени удалить гражданских лиц от военных целей и избегать размещения военных объектов в пределах или вблизи плотно заселенных районов. Однако отказ противника соблюдать эти обязательства не освобождает нападающую сторону от ее обязанности соблюдать принцип различия и пропорциональности»¹⁸⁸.

Прецедентное право МТБЮ содержит и индикаторы, позволяющие убедиться, выходит ли то или иное нападение за рамки, установленные международным правом. К числу таких индикаторов относится повторяемость нападений. В деле Купрешкича судебная камера определила:

«Может случиться, что однократные нападения на военные цели, сопровождающиеся ущербом для гражданских лиц, хотя и могут посеять сомнения в их законности, но явно не приходят в противоречие со свободными предписаниями статей 57 и 58 [Дополнительного протокола I] (или соответствующих норм обычного права). Однако, в случае повторных нападений, все или большинство из которых находятся в пределах серой области между бесспорной законностью и незаконностью, может быть гарантированно заключение, что совокупный эффект таких нападений влечет за собой возможный вывод об их несоответствии международному праву. Действительно, этот образец военного поведения подвергает чрезмерной опасности жизни и имущество гражданских лиц вопреки требованиям человечности»¹⁸⁹.

В дополнение отметим, что обычное гуманитарное право относит к неизбирательным нападениям:

а) нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты;

¹⁸⁵ Guenael Mettraux. *Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda* (2002). 43 *Harv. L. Jnl.* P. 248.

¹⁸⁶ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 756.

¹⁸⁷ МУС. Элементы преступлений. Статья 8 (2)(b)(iii) Прим. 36.

¹⁸⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 57-61.

¹⁸⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 526.

б) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты;

с) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены, как это требуется в соответствии с международным гуманитарным правом, и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия¹⁹⁰.

Отдельно запрещены «бомбометания по площади», т. е. «нападения путем бомбардировок любыми методами и средствами, при которых в качестве единого военного объекта рассматривается ряд явно отстоящих друг от друга и различимых военных объектов, расположенных в городе, деревне или другом районе, где сосредоточены гражданские лица и гражданские объекты. Практика государств устанавливает эту норму в качестве нормы обычного международного права, применимой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов»¹⁹¹. Практически те же определения содержатся в «Наставлении по гуманитарному праву Вооруженным силам Российской Федерации» 2001 года¹⁹².

Учитывая сказанное, для данного состава преступления можно выделить следующие элементы:

1. Исполнитель совершил нападение.

2. Такое нападение имело:

а) либо неизбирательный характер, приводящий к смерти или ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам,

б) либо при совершении нападения было известно, что оно приведет к потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, и такие последствия по своему характеру явно несоизмеримы с ожидаемым конкретным и непосредственным общим военным превосходством.

3. Исполнитель знал или должен был знать, что нападение имеет неизбирательный характер, приводящий к смерти или ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, либо что оно приведет к потерям жизни среди гражданского населения, ранениям гражданских лиц или ущербу гражданским объектам, и такие последствия по своему характеру явно несоизмеримы с ожидаемым конкретным и непосредственным общим военным превосходством.

4. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера, и было связано с ним.

5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта.

Очевидно, что *mens rea* данного преступления – безрассудство. Оно выражается в намерении совершить нападение в сочетании со знанием о высокой вероятности наступления тяжких последствий для гражданских лиц или гражданских объектов. Лицо, совершающее такое нападение или отдающее приказ о его совершении, принимает риск наступления этих последствий охотно либо относится к ним безразлично.

19.6.21. Военное преступление в виде использования живого щита

Запрещение использование живых щитов устанавливается в качестве нормы обычного международного права, применимой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов¹⁹³.

Применительно к международным вооруженным конфликтам использование живых щитов запрещено ст. 23 (1) Третьей Женевской конвенции (относительно военнопленных), ст. 28 Четвертой Женевской конвенции (относительно покровительствуемых гражданских лиц) и ст. 51 (7) Дополнительного протокола I (относительно гражданских лиц вообще).

Договорное право внутренних конфликтов не выделяет отдельного нарушения в виде использования покровительствуемых лиц в качестве живых щитов. В Дополнительном протоколе II использование живых щитов в открытой форме не упоминается, однако подобные действия в неявной форме запрещены ст. 4 (2)(с), принятой на основе консенсуса, в соответствии с которой «гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями». К тому же намеренное использование гражданских лиц для прикрытия военных операций противоречит принципу проведения различия и нарушает обязательство принимать все возможные меры предосторожности, направленные на то, чтобы отделить гражданских лиц от военных объектов¹⁹⁴. Кроме того, «использование живых щитов запрещается в нескольких военных уставах и наставлениях, которые применяются во время немеждународных вооруженных конфликтов» (например, уставы и наставления Австралии, Германии, Италии, Канады, Кении, Колумбии,

¹⁹⁰ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 52.

¹⁹¹ Там же, с. 56-58.

¹⁹² Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001 г. С. 27, п. 54.

¹⁹³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 429.

¹⁹⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 431.

Хорватии и Эквадора)¹⁹⁵. Использование живых щитов в условиях немеждународного вооруженного конфликта криминализовано уголовным законодательством ряда стран, в том числе Азербайджана, Беларуси, Германии, Грузии, Демократической Республики Конго, Литвы, Польши, Таджикистана, законодательством Йемена и Перу, применение которого не исключается во время внутренних вооруженных конфликтов, а также проектом законодательства Бурунди¹⁹⁶. «Использование живых щитов во время международных конфликтов осуждалось и осуждается государствами ООН, например, в связи с конфликтами в Либерии, Руанде, Сомали, Сьерра-Леоне, Таджикистане и бывшей Югославии. Практики, противоречащей данной норме, обнаружено не было»¹⁹⁷.

Римский статут Международного Уголовного Суда, криминализируя использование живых щитов для контекста международного конфликта¹⁹⁸, не предусматривает данного состава преступления для вооруженного конфликта немеждународного характера. Однако запрещение использования живых щитов является нормой обычного гуманитарного права, защищающего важные ценности (жизнь и неприкосновенность личности), его нарушение обычно влечет серьезные последствия для жертв, а в законодательстве государств имеется устойчивая тенденция криминализации данного деяния в ситуации внутреннего конфликта.

Несомненно, что такое обращение с покровительствуемыми лицами, как использование живого щита, является формой взятия заложников, поскольку создание живого щита, безусловно, относится к запрещенным целям, а свобода лиц, которые используются в качестве живого щита, ограничивается. Этот подход подтверждается практикой государств и международных организаций¹⁹⁹. Следовательно, использование живых щитов во всяком случае может рассматриваться как форма военного преступления в виде взятия заложников.

МТБЮ признавал использование живых щитов формой военного преступления либо в виде жестокого обращения²⁰⁰, либо посягательства на человеческое достоинство²⁰¹. Так, в решении по делу Блашкича Судебная камера установила: «20 апреля 1993 г. сельские жители <...> служили живыми щитами для штаба обвиняемого в Витез. Совершенно очевидно, что это причинило указанным лицам значительное душевное страдание. Поскольку они были гражданскими лицами из числа мусульман или мусульманами, больше не принимающими участия в военных действиях, Судебная камера объявляет, что в результате данного акта они подверглись жестокому обращению»²⁰². В деле Алексовского Суд постановил, что «использование задержанных в качестве живых щитов или на работах по рытью боевых траншей составляют посягательство на человеческое достоинство»²⁰³. Таким образом, использование живых щитов включает в себя признаки сразу нескольких составов военных преступлений и может рассматриваться как «смешанное военное преступление».

В соответствии с определением МККК «использование живых щитов подразумевает намеренное совмещение в пространстве военных объектов и гражданских лиц или лиц, вышедших из строя, с конкретной целью постараться предотвратить нападение на эти военные объекты»²⁰⁴.

Основываясь на «Элементах преступлений» МУС, можно описать данный состав следующим образом:

1. Исполнитель переместил одно или несколько гражданских лиц или других лиц, охраняемых согласно нормам международного права, применимым в вооруженных конфликтах, или каким-либо иным образом воспользовался их местонахождением.
2. Исполнитель имел умысел защитить военный объект от нападения или прикрыть военные операции, содействовать или препятствовать им.
3. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта.

19.6.22. Военное преступление в виде действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны или путем лишения его предметов, необходимых для выживания, включая создание препятствий для предоставления помощи

Этот состав преступления также не предусмотрен Римским статутом Международного Уголовного Суда для контекста вооруженного конфликта немеждународного характера. Римский статут криминализирует использование голода среди гражданского населения только для условий международного конфликта (Статья 8 (2)(b)(xxv)). Однако эти действия запрещены Дополнительным протоколом II (ст. 14 и 18), участником которого является Российская Федерация, и обычным международным правом²⁰⁵. Запрещение использования

¹⁹⁵ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 431, прим. 240

¹⁹⁶ Там же, с. 432, прим. 241.

¹⁹⁷ Там же, с. 432.

¹⁹⁸ Римский статут, статья 8 (2)(b)(xxiii).

¹⁹⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 431, прим. 238.

²⁰⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 716. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 256.

²⁰¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 229.

²⁰² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 716.

²⁰³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Алексовского от 25 июня 1999 г., пар. 229.

²⁰⁴ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 434.

²⁰⁵ Там же, с. 241-244, 774-775.

голода включены во многие уставы и наставления, которые применимы или применялись во время немеждународных вооруженных конфликтов²⁰⁶, в том числе и в Российской Федерации²⁰⁷. «Согласно законодательству нескольких государств использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны является военным преступлением во время любого вооруженного конфликта²⁰⁸. Норму о запрещении голода применил Окружной суд Задара [Хорватия] в деле Перишича и остальных в 1997 г. Она также подтверждается относящимися к немеждународным вооруженным конфликтам официальными заявлениями и отраженной в отчетах практикой. Государства обычно осуждают предполагаемое использование голода в качестве метода войны во время немеждународных вооруженных конфликтов, например, во время гражданских войн в Нигерии и Судане»²⁰⁹. «Эта практика доказывает, что подобные деяния являются не только нарушением обычного международного права, но и очень серьезным нарушением с точки зрения международного сообщества. Комиссия ООН по правам человека охарактеризовала намеренное создание препятствий для доставки гуманитарной помощи гражданским лицам в Судане как «оскорбление человеческого достоинства»²¹⁰. Особого внимания заслуживает тот факт, что Комиссия экспертов ООН, учрежденная в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 935 (1994), включила нарушение статьи 14 Дополнительного протокола II в свой промежуточный доклад о нарушениях международного гуманитарного права в Руанде»²¹¹.

«Кроме того, на практике эти нарушения составляют убийство гражданских лиц (что само по себе является военным преступлением), поскольку каждое нарушение состоит из намеренных действий, которые при обычном ходе событий приведут к смерти этих лиц. Они могут также считаться бесчеловечным обращением»²¹².

Из сказанного очевидно, что использование голода среди гражданского населения в качестве способа ведения войны соответствует критериям, установленным Апелляционной камерой МТБЮ в деле Тадича для «серьезных нарушений», а потому данное деяние криминализировано в обычном международном праве.

Используя подход «Элементов преступлений» МУС, можно описать состав данного преступления следующим образом:

1. Исполнитель лишил гражданское население предметов, необходимых для выживания.
2. Исполнитель имел умысел подвергнуть гражданское население голоду в качестве способа ведения войны.
3. Деяние имело место в контексте вооруженного конфликта немеждународного характера и было связано с ним.
4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта.

19.6.23. Военное преступление в виде коллективных наказаний

Запрещение коллективных наказаний устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применимой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов²¹³. Это запрещение является частичным выражением другой обычной нормы — запрета осуждения за преступление кроме как на основании индивидуальной уголовной ответственности. «Однако сфера действия запрещения коллективного наказания шире, поскольку она применяется не только к уголовным наказаниям, но и к «санкциям и преследованию любого вида, административным санкциям, действиям полиции или иными санкциям»^{214»}²¹⁵. В конвенционном праве немеждународных вооруженных конфликтов источником запрещения данного деяния является ст. 6 (2)(b) Дополнительного протокола II, принятая на основе консенсуса.

Запрещение коллективных наказаний содержится во многих военных уставах и наставлениях, закреплено в законодательстве многих государств и подкрепляется официальными заявлениями²¹⁶. Комиссия по ответственности, учрежденная после Второй мировой войны, включила коллективные наказания в состав военных преступлений²¹⁷.

Хотя наложение коллективных наказаний не предусмотрено в Римском Статуте в качестве отдельного состава преступления, оно «в зависимости от характера наказания может составлять одно или более из других военных преступлений, как было признано, например, в деле Прибке в 1997 г., которое касалось убийств как ре-

²⁰⁶ Там же, с. 242.

²⁰⁷ Приказ Министра обороны СССР № 75 от 19 февраля 1990 г. Руководство по применению Вооруженными Силами норм международного гуманитарного права, пар. 5 (г). Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженными Силами Российской Федерации. Утверждено Министром обороны РФ 8 августа 2001 г., пар. 85.

²⁰⁸ Законодательство Азербайджана, Беларуси, Боснии и Герцеговины, Германии, Литвы, Словении, Хорватии, Эфиопии, и Югославии.

²⁰⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 242

²¹⁰ UN Commission of Human Rights, Res. 1996/73, 23 April 1996, preamble.

²¹¹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 775.

²¹² Там же.

²¹³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 477.

²¹⁴ Yves Sandoz, Christophe Swinarski, Bruno Zimmermann (eds.), Commentary on the Additional Protocols, ICRC, Geneva, 1987, par. 1055; см. Также комментарий МККК к Дополнительному протоколу II, пар. 4536.

²¹⁵ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 478.

²¹⁶ Там же. с. 478-479.

²¹⁷ Там же. с. 478, прим. 497.

прессалий во время Второй мировой войны^{218,219}. В качестве самостоятельного состава военного преступления коллективные наказания предусмотрены в Уставах Международного трибунала по Руанде (ст. 4 (b)) и Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 3 (b)).

Таким образом, наложение коллективных наказаний соответствует критериям, установленным Апелляционной камерой МТБЮ в деле Тадича для «серьезных нарушений», и влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность.

19.6.24. Военное преступление в виде насильственного исчезновения

Насильственные исчезновения относятся к типу так называемых смешанных военных преступлений, так как «на практике составляют лишение лица права на справедливое судебное разбирательство и часто также убийство»²²⁰. Кроме того, Европейский Суд по Правам Человека при рассмотрении турецких, а затем и чеченских дел квалифицировал насильственные исчезновения как форму бесчеловечного обращения, которому подвергаются близкие родственники жертвы²²¹. Такой подход основан, в частности, на Декларации ООН о защите всех лиц от насильственных исчезновений²²².

Практика государств устанавливает запрет на насильственные исчезновения в качестве нормы обычного международного права, применимой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов²²³. «Не было обнаружено официальной практики, противоречащей данной норме, в том смысле, что ни одно государство не утверждало, что имеет право осуществлять акты исчезновения людей»²²⁴.

Подробно запрещение насильственных исчезновений в международном праве прав человека и элементы этого преступления рассмотрены нами в главе 20, посвященной преступлениям против человечности (см. ниже, раздел 20.4.5).

19.6.25. Военное преступление в виде терроризма

Акты терроризма запрещены ст. 4 (b) Дополнительного протокола II. Кроме того, ст. 13 (2) этого протокола устанавливает: «Запрещаются акты насилия, имеющие основной целью терроризировать гражданское население». Такая же формулировка содержится и в ст. 51 (2) Дополнительного протокола I. «Римская конференция была не в состоянии договориться, включать ли терроризм [в Статут] как запрещенный акт, хотя широко признано, что террористические акты часто соответствуют параметрам других преступлений в пределах юрисдикции МУС, до степени, в которой они отвечают контекстуальным требованиям»²²⁵. Римская конференция не ставила под сомнение общепринятый характер запрещения актов терроризма, признав, что «террористические акты, кем бы и где бы они ни совершались и вне зависимости от их форм, методов или мотивов, являются серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества»²²⁶. Представители государств не могли прийти к согласию лишь относительно общеупотребимого определения данного преступления и порекомендовали Конференции в будущем вернуться к этому вопросу²²⁷.

Терроризм криминализован законами практически всех цивилизованных стран, хотя определяется он ими по-разному. Однако следует оговориться, что терроризм как военное преступление неизбежно имеет более узкое определение, чем терроризм как преступление общеуголовное. Оно, во-первых, ограничено требованием контекстуального элемента, во-вторых, — специфическим объектом преступления. Другими словами, террористический акт, во-первых, должен совершаться в контексте вооруженного конфликта и быть тесно связанным с ним, а во-вторых, должен быть направлен против покровительствуемых (защищенных) лиц. В условиях вооруженного конфликта немеждународного характера ими являются лица, которые непосредственно не принимают или прекратили принимать участие в военных действиях. Понятно, что такое определение имеет мало общего с трактовкой терроризма российскими судами, которые зачастую квалифицируют в качестве терактов нападения чеченских комбатантов на российских военнослужащих или милиционеров.

Кроме того, необходимо помнить, что терроризм — преступление специального намерения, что в определенной степени сближает его с геноцидом и преступлением против человечности в виде преследования.

Терроризм как состав военного преступления также отличен от дискретного преступления международного терроризма (см. выше, раздел 10.3 (ж) и главу 18).

²¹⁸ Italy. Military Tribunal of Rome, Pribke case.

²¹⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 753.

²²⁰ Там же, с. 776.

²²¹ ЕСПЧ. Решение по делу «Базоркина против России» (заявление N 69481/1) от 27 июля 2006 г., пар. 142. Решение по делу «Байсаева против России» (заявление N 74237/1) от 5 апреля 2007 г., пар. 143. Решение по делу «Имакаева против России» (заявление N 7615/02) от 9 ноября 2006 г., пар. 167.

²²² Ст. 1 (2).

²²³ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 434.

²²⁴ Там же, с. 435.

²²⁵ Schabas, 2006, p. 280.

²²⁶ Дипломатическая конференция полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного Уголовного Суда. Рим, Италия 15 июня – 17 июля 1998 года A/CONF.183/10. Приложение I.

²²⁷ Там же.

Существует национальное прецедентное право, относящееся как к периоду после Второй мировой войны, так и к современному периоду, в соответствии с которым лица признавались виновными в военных преступлениях за незаконные действия, составляющие «терроризирование гражданского населения» или «систематический терроризм в отношении гражданского населения»²²⁸.

«Акты терроризма» выделяются в качестве отдельного преступления Уставами Международного трибунала по Руанде (ст. 4 (d)) и Специального Суда по Сьерра-Леоне (ст.3). Тем не менее в такой формулировке, взятой из ст. 4 (b) Дополнительного протокола II, обвинение этими судами никому до сих пор не предъявлялось.

Более востребованной в правоприменительной практике международных судов оказалась формулировка ст. 51 (2) Дополнительного протокола I и ст. 4 (b) Дополнительного протокола II, известная как «терроризирование гражданского населения». По-видимому, это произошло потому, что она позволяет более детально конкретизировать намерение преступника и объект преступления. В большинстве дел, рассмотренных МТБЮ, «терроризирование», «кампания террора» и создание «атмосферы террора» рассматривались не как самостоятельные преступления, а как деяния, образующие другие составы преступления или как элемент субъективной стороны преступления (в виде цели преступника). Например, в деле «Челебичи» действия запугивания, создающие «атмосферу террора» в лагерях для военнопленных, были определены Судом как пытка и жестокое обращение²²⁹. В деле Блашкича «атмосфера террора, царящая в местах содержания под стражей», также была расценена судом как часть фактического основания для обвинения в жестоком обращении²³⁰. Кроме того, вменение генералу Блашкичу «незаконного нападения на гражданское население» частично базировалось на том, что его солдаты «терроризировали гражданских лиц интенсивным артобстрелом, убийствами и жестоким насилием»²³¹. Генерал Крстич обвинялся в преступлении против человечности в виде преследования на основании его предполагаемого участия в «терроризировании гражданских лиц из числа боснийских мусульман». При рассмотрении дела Крстича судебная камера установила существование «кампании террора», так как многочисленные свидетели показали, что Войско Республики Сербска подвергло анклав Сребреница интенсивному обстрелу «с очевидным намерением ужаснуть народные массы»²³². Кроме того, «12 и 13 июля 1995 г., по прибытию сербских сил в Поточари, мусульманские беженцы, находящиеся в убежище и вокруг него, были подвергнуты кампании террора, состоящей из угроз, оскорблений, разграбления и сожжения зданий, избиений, изнасилований и убийств»²³³. В этом же деле судебная камера охарактеризовала «преступления террора» и насильственной высылки женщин, детей и стариков, имевшие место в Поточари, как деяния, составляющие преступление против человечности в виде преследования и других бесчеловечных актов²³⁴. В решении относительно Правила 61 по делу Мартича Суд установил, что использование ракеты «Откан» не было предназначено для того, чтобы поразить военную цель, но имело целью «терроризировать мирных жителей Загреба»²³⁵.

Также некоторые из обвинительных актов Специального суда по Сьерра-Леоне определяют ряд предполагаемых военных преступлений и преступлений против человечности «как часть кампании, направленной на терроризирование гражданского населения Сьерра-Леоне»²³⁶.

В 2003 г. судебная камера МТБЮ в деле Галича впервые признала подсудимого виновным в «терроризировании гражданского населения», используя данную формулировку для описания самостоятельного состава преступления²³⁷. 30 ноября 2006 г. апелляционная камера подтвердила данное решение²³⁸. Генерал Станислав Галич был признан виновным в нарушении законов и обычаев войны и преступлениях против человечности в связи с тем, что он «содействовал кампании незаконных насильственных действий против гражданских лиц через приказы, передаваемые вниз по цепи инстанций <...>, и имел намерение проведения этой кампании с первичной целью распространять террор среди гражданского населения Сараево»²³⁹. Действиями, посредством которых осуществлялось терроризирование гражданского населения, Суд назвал артобстрелы города и стрельбу из укрытий (снайперский огонь) по гражданским лицам²⁴⁰.

Подробно рассмотрев «терроризирование гражданского населения» в свете критериев, выделенных Апелляционной камерой в деле Тадича, Суд пришел к выводу, что данное преступление находится в пределах предметной юрисдикции Трибунала²⁴¹, и выделил для него следующие элементы:

²²⁸ Детальный обзор национального прецедентного права, а также национального и международного законодательства см: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 114-128.

²²⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Делалича и др. от 16 ноября 1998 г., пар. 976, 1056, 1086-91, 1119.

²³⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 695, 700, 732-733.

²³¹ Там же, пар. 505, 511, 630.

²³² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 553.

²³³ Там же, пар. 150.

²³⁴ Там же, пар. 607; см. также пар. 1, 41, 44, 46, 147, 153, 292, 364, 517, 527, 537, 653, 668, 671, 677.

²³⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 ноября 2003 г., пар. 66, прим. 114.

²³⁶ СССЛ (SCSL). Сесай и др. (SCSL-04-15-PT) Исправленный объединенный обвинительный акт от 13 мая 2004, пар. 77; Норман и др. (SCSL-03-14-1) Обвинительный акт от 4 февраля 2004, пар. 27; Брима и др. (SCSL-04-16-PT) Исправленный объединенный обвинительный акт от 13 мая 2004, пар. 74-79.

²³⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 749.

²³⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Галича от 30 ноября 2006 г., пар. 110-140.

²³⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 749.

²⁴⁰ Там же, пар. 751.

²⁴¹ Там же, пар 94-130.

«1. Насильственные действия, направленные против гражданского населения или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, приводящие к смерти или серьезным телесным повреждениям или серьезному вреду здоровью среди гражданского населения.

2. Преступник преднамеренно сделал гражданское население или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, объектом этих насильственных действий.

3. Вышеупомянутое преступление было совершено с первичной целью распространять террор (ужас) среди гражданского населения»²⁴².

Относительно насильственных действий суд особо подчеркнул, что «они не включают законные нападения на комбатантов, но только незаконные нападения на гражданских лиц»²⁴³.

В то же время, рассматривая апелляцию Галича, Апелляционная камера МТБЮ установила, что объективный элемент преступления терроризирования может включать также неизбирательные и непропорциональные нападения, в случае, если эти нападения осуществлялись с определенным намерением терроризировать гражданское население»²⁴⁴.

Термин «первичная цель» характеризует *mens rea* (умственный элемент) преступления терроризма. «Это должно быть понято как исключение *dolus eventualis* или безрассудства из намерения, требуемого для [доказательства] террора. Таким образом, Обвинение обязано доказать не только то, что обвиняемый принял вероятность того, что террор будет следовать из противоправных действий (или, другими словами, что он знал о возможности того, что они приведут к террору), но и то, что он был результатом, которого он [обвиняемый] определенно намеревался достигнуть. Преступление террора – преступление специального намерения»²⁴⁵.

Рассматривая то же дело Станислава Галича, Апелляционная камера МТБЮ определила, что распространение террора (ужаса) не должно являться единственной целью насильственных действий или угроз насилеием. Тот факт, что одновременно с целью распространения террора преступник может преследовать и другие цели, не освобождает его от обвинения в терроризировании при условии, что намерение распространять террор среди гражданского населения было в числе основных целей. Такое намерение может быть установлено Судом из самого характера насильственных действий или угроз насилеием, способа их осуществления, количества и продолжительности»²⁴⁶.

Следует отметить, что понятия «террор» и «ужас» в английском языке обозначаются одним словом «terror». Суд определил этот термин как «чрезвычайное опасение»²⁴⁷. Таким образом, «терроризирование гражданского населения» и «распространение ужаса среди гражданского населения» являются в целях определения данного состава преступления синонимичными понятиями.

Сходным образом определяет элементы терроризма как военного преступления Антонио Кассезе: «Actus reus составляет нападение или угроза нападением на гражданских лиц (или гражданские объекты), или принятие других угрожающих мер, разработанных, чтобы распространять страх и страдание среди гражданских лиц. Субъективный элемент должен быть намерением совершить незаконные действия или угрозы или насилеие в отношении гражданских лиц. Однако это *общее намерение* должно всегда сопровождаться *специальным преступным намерением*, то есть намерением вызвать террор (страх, беспокойство) среди гражданских лиц. Из этих условий очевидно, что распространение угрозы или страха среди гражданских лиц должно быть «первичной целью» незаконных действий и угроз насилеием»²⁴⁸.

²⁴² Там же, пар. 133.

²⁴³ Там же, пар. 135.

²⁴⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Галича от 30 ноября 2006 г., пар. 102.

²⁴⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 136.

²⁴⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Галича от 30 ноября 2006 г., пар. 103-104.

²⁴⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 137.

²⁴⁸ Кассезе, 2003, р. 127.

ГЛАВА 20. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

20.1. ДЕФИНИЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

20.1.1. Определение преступления против человечности

Под преступлениями против человечности понимаются особенно тяжкие преступные деяния, являющиеся частью широкомасштабного (широко распространенного) или (и) систематического нападения на любое гражданское население и совершающиеся с той или иной формой участия государства или организации. При этом данное участие может представлять собой либо элемент политики или плана, либо практику, которая допускается государством или организацией. Как мы увидим ниже, существуют определенные разногласия относительно того, является ли последнее обстоятельство обязательным юридическим элементом преступления или только констатацией того факта, что данные преступления, как правило, совершаются при соответствующем участии государства и организации.

В соответствии со Статутом Международного Уголовного суда (статья 7) «для целей настоящего Статута «преступление против человечности» означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, со знанием нападения». Далее перечисляются конкретные деяния, составляющие преступления против человечности.

Развернутую характеристику преступлений против человечности дала Комиссия ООН по военным преступлениям (the United Nations War Crimes Commission) в своем докладе от 28 мая 1948 года:

«Изолированные преступления не охватываются понятием преступлений против человечности. Как правило, методичная массовая акция, в особенности, если она отличалась жестокостью, была необходима для того, чтобы трансформировать обычное преступление, наказуемое по внутригосударственному праву, в преступление против человечности, которое, таким образом, стало затрагивать также и интересы международного права. Только преступления, которые подвергли международное сообщество опасности или глубоко потрясли совесть человечества тем, что характеризовались широким размахом и жестокостью или большим количеством преступных актов, или тем, что при совершении преступных актов в различное время и в различных местах применялись схожие способы действий, оправдывали вмешательство других государств, кроме того, на чьей территории эти преступления совершены или чьи граждане стали их жертвами»¹.

В «Элементах преступлений» (введение к статье 7) Международного Уголовного Суда отмечается, что «преступления против человечности входят в число самых серьезных преступлений, вызывающих обеспокоенность международного сообщества в целом, обуславливают и влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность и предполагают совершение деяния, которое является недопустимым в соответствии с общепризнанными нормами международного права, признаваемыми основными правовыми системами мира».

В одном из своих решения Международный трибунал по бывшей Югославии указал, что нападения, составляющие преступления против человечности, имеют такую степень тяжести, что объектом преступления становятся не только индивиды и их группы, но и сама концепция гуманизма как таковая².

Антонио Кассезе отмечает, что хотя в общем международном праве дефиниция преступлений против человечности меняется, ее ядро образуют следующие характеристики:

1. Это особенно одиозные преступления, составляющие серьезное посягательство на человеческое достоинство либо серьезное оскорбление или деградацию одного или более человеческого существа.
2. Это не изолированные или спорадические события, но они являются существенной частью либо правительственной политики, либо *широко распространенной* или *систематической* практики

¹ History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of Laws of War 32-38 (The United Nations War Crimes Commission: London, 1948) («War Crimes Commission»), p. 179. Цитата дана по МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 644.

² О концепции гуманности как объекте преступления против человечности см: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Эрдемовича от 29 ноября 1996 г., пар. 28.

допускаемых злодеяний, которой потворствует или которую допускает (*acquiesced*, с которой «молча соглашается») правительство или фактическая власть. Из этого следует, что конкретное преступление должно быть одним из многих повторяющихся подобных преступлений или быть частью последовательности таких преступлений (широко распространенной практики), либо быть реализацией политики или плана, составленного или вдохновленного государственной властью или руководящими сотрудниками *de facto* подобной государству организации, или организованной политической группы (систематическая практика).

3. Они запрещены и, следовательно, могут быть наказаны независимо от того, совершены ли они во время войны или в мирное время. <...>

4. Жертвами преступлений могут быть *гражданские лица* или, в случае преступлений, совершенных во время вооруженного конфликта, лица которые не принимают (или больше не принимают) участие в военных действиях, а также, в *обычном* международном праве (но не согласно Уставам МТБЮ, МТР и МУС), *вражеские комбатанты*³.

Женель Метро (Guenael Mettraux), автор одного из первых опытов фундаментального обобщения практики Международных трибуналов ООН по рассматриваемому классу преступлений, приходит к выводу, что

«в обычном международном праве преступления против человечности определены как особенно серьезное нарушение, направленное против жизни, человеческого достоинства или, при некоторых обстоятельствах, собственности человека, сознательно совершенное как часть широко распространенного или систематического нападения на гражданское население. Начальное преступление (например, изнасилование или убийство) выдвигает на первый план преступную природу нарушений и фундаментальный характер защищаемых интересов. Одновременно общие элементы — «широко распространенное или систематическое нападение на любое гражданское население» — подчеркивают и масштаб акта, и международный характер преступления»⁴.

Тогда как раздел международного уголовного права, касающийся военных преступлений, имеет своим главным источником гуманитарное право, раздел, посвященный преступлениям против человечности, большей частью основан на принципах и нормах международного права прав человека. В то же время в нем активно используются инструменты и понятия, выработанные МГП, такие, например, как «гражданское население».

Состав любого преступления против человечности, как и военного преступления, также предполагает, как минимум, три обязательных элемента: объективный (материальный), субъективный (психический) и контекстуальный.

Под объективным элементом понимается противоправное поведение субъекта преступления и последствия этого поведения. Под контекстуальным элементом понимается, что деяние имело место в контексте широкомасштабного или (и) систематического нападения на любое гражданское населения и было частью такого нападения. Под субъективным элементом подразумевается, во-первых, форма вины (обычно в виде намерения или безрассудства) и, во-вторых, знание исполнителем о наличии широкомасштабного или (и) систематического нападения на гражданское население и осознание им по крайней мере вероятности того, что его действия являются частью такого нападения.

Таким образом, отличие преступления против человечности от любого другого, в том числе и военного преступления, состоит в следующем:

1. Преступление против человечности является частью широкомасштабного или (и) систематического нападения на любое гражданское население. Изолированные деяния, хотя и представляющие собой отдельные нападения на представителей гражданского населения, но не являющиеся частью широкомасштабного или (и) систематического нападения и не образующие в своей совокупности устойчивой линии поведения в виде широкомасштабного или (и) систематического нападения, не могут квалифицироваться как преступления против человечности.

2. Связь преступления против человечности с существованием какого-либо вооруженного конфликта не обязательна. В качестве преступления против человечности могут быть квалифицированы как деяния, совершаемые в ходе вооруженного конфликта и имеющие с ним связь, так и деяния, совершаемые в мирное время и не связанные с каким бы то ни было конфликтом.

Определение элементов преступлений против человечности стало предметом масштабных дебатов и скрупулезного анализа судей Международного трибунала по бывшей Югославии. При этом некоторые выводы Судебных камер были отвергнуты или уточнены в ходе апелляционных слушаний. Тем не менее можно констатировать, что к середине 1999 г. по этому вопросу были вынесены решения, которые затем неизменно использовались в качестве руководящих судебных прецедентов. В 2001-2003 гг. Международный Трибунал по Руанде (в рамках своей предметной юрисдикции), прямо ссылаясь на решения Апелляционной камеры МТБЮ, присоединился к базовым выводам относительно дефиниции преступления против человечности в обычном международном праве. Таким образом, к этому времени окончательно сложился единый, внутренне не проти-

³ Cassese, 2003, p. 64.

⁴ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl., p. 314.

воречивый корпус прецедентного права, в котором общие элементы составов преступления против человечности были определены. Дальнейшее развитие судебной практики шло по пути дополнительного судебного толкования в связи с вопросами, возникавшими в ходе слушания тех или иных конкретных дел.

Прецедентное право Специальных трибуналов ООН выделяет ряд общих базовых элементов, свойственных любому преступлению против человечности:

1. Должно быть совершено нападение.
2. Действия преступника должны быть частью этого нападения.
3. Нападение должно быть направлено против любого гражданского населения.
4. Нападение должно быть широко распространенным или (и) систематическим.
5. Преступник должен быть осведомлен: а) о более широком контексте, в который вписываются его действия, и б) о том, что его действия являются частью нападения⁵.
6. Преступный акт должен быть по своей природе бесчеловечным актом, имеющим тяжелые последствия для жертвы, например, вызывающим большое страдание или серьезные телесные повреждения или повреждение умственного или физического здоровья⁶.

Эти элементы в свою очередь могут быть разбиты на ряд подэлементов, относящихся к объективной, субъективной и контекстуальной стороне преступления против человечности. Прецедентное право специальных трибуналов ООН содержит подробную характеристику этих подэлементов и судебное толкование наиболее важных терминов и понятий.

20.1.2. Объективный элемент и контекстуальные обстоятельства преступления против человечности

20.1.2.1. Преступное деяние

Деяния, образующие те или иные конкретные виды преступлений против человечности, подробно рассмотрены нами ниже (см. раздел 20.4).

Не имеет значения, были ли действия преступника направлены против населения, являющегося объектом основных нападений, или исключительно против его конкретных жертв. Лишь само нападение, а не индивидуальные действия конкретного обвиняемого, должно быть «широко распространенным или систематическим». Поэтому единичный преступный акт становится преступлением против человечности в том случае, если он совершается в соответствующем контексте. Преступление, совершенное против одной жертвы или против ограниченного числа жертв, может квалифицироваться как преступление против человечности, если действия преступника являлись частью широко распространенных или (и) систематических нападений на любое гражданское население⁷. Для разъяснения данного положения МТБЮ, опираясь на прецедентное право, сформировавшееся после Второй мировой войны, приводит следующий пример. Единичный донос властям нацистской Германии на соседа-еврея, тем не менее, должен быть расценен как преступление против человечности, так как он был совершен на фоне широко распространенного преследования евреев⁸. Следовательно, объективный элемент преступления против человечности тесно связан с контекстуальными обстоятельствами (контекстуальным элементом).

Таким образом, основное условие, которое превращает криминальный акт, совершаемый конкретным лицом, в преступление против человечности – связь этого преступного акта с нападением. При этом действия конкретного лица, чтобы стать «частью нападения», не должны переставлять собой ряд преступных актов: достаточно и единственного акта. Также нет необходимости, чтобы этот преступный акт влек за собой множество жертв⁹. Убийство или попытка одним преступником одной жертвы может быть признана преступлением против человечности при условии, что это преступление было частью «нападения».

20.1.2.2. Термин «нападение»

Действия обвиняемого должны совершаться в контексте нападения, направленного против любого гражданского населения¹⁰.

Термины «нападение» и «вооруженный конфликт» означают разные, независимые понятия, хотя нападение на гражданское население и может быть частью вооруженного конфликта¹¹.

Термин «нападение» в контексте преступлений против человечности может быть определен как линия поведения, включающая совершение насильственных действий. Поэтому понятие «нападение» не означает

⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 410.

⁶ МРТ. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 578. Решение Судебной камеры по делу Рулаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 66. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 201.

⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 30. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 550. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 178. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 431. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 103.

⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 431.

⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 649.

¹⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 251, 271. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 234. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 33. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 410. МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 326.

¹¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 251. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 30.

только военные нападения. Им охватываются не только средства и методы ведения войны, но также и любые ситуации жестокого обращения (например, убийства, пытки, изнасилования, высылка и т. п.) с гражданским населением, лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях, в том числе с лицами, находящимися в местах содержания под стражей. Характер этих насильственных действий (их интенсивность, сила тяжести, природа) в процессе осуществления нападения может меняться¹².

Женель Метро делает важные замечания относительно сходства и различия понятия «нападение» в правовых режимах военного преступления и преступления против человечности:

«Понятие нападения базируется в обоих режимах на одинаковой исходной посылке: война должна идти между вооруженными силами или вооруженными группами, а гражданское население не может быть законной целью. Однако нападение на гражданское население в соответствии с нормами права, определяющими преступления против человечности, не обязательно подразумевает нарушение законов войны, особенно если преступление совершается в мирное время. Обратное тоже верно. Военная операция не обязательно «нападение на гражданское население» только в силу того, что нарушения законов войны совершаются, или потому, что она приводит к жертвам среди гражданского населения, даже тяжелым. Однако в случае, когда может быть показано, что военная операция нацелена или направлена против гражданского населения, возникает предпосылка для установления факта совершения преступления против человечности. В этом отношении законы войны становятся надежным юридическим критерием, чтобы определить природу военного мероприятия, которое привело к нападению или сопровождалось нападением на гражданское население. Таким образом, в случае, когда преступления против человечности совершены в ходе военных действий, законы войны устанавливают структуру целей нападения и помогают определить обстоятельства, при которых нападение, как может считаться, было направлено против гражданского населения»¹³.

Анализируя прецедентное право МТБЮ Ж. Метро также приходит к справедливому выводу, что даже если в ходе военной операции были нарушены один или оба основополагающих принципа международного гуманитарного права (различия и пропорциональности), это еще не обязательно означает, что было совершено преступление против человечности. Прежде чем сделать такой вывод, суд должен убедиться, что нападение было направлено прежде всего против гражданского населения, а не было просто последствием «чрезмерно фанатичного» использования военной силы. В то же время это не означает, что параллельно с «нападением на гражданское население» не проводилась военная операция, которая могла бы преследовать какие-либо другие, возможно, законные цели. Точно так же тот факт, что вооруженные силы преследовали одну законную цель, еще не гарантирует того, что они одновременно не пытались достичь и некоторых других целей, которые не могут быть признаны законными, как, например, этническая чистка данной территории¹⁴.

Поэтому гражданское население, хотя и не должно быть единственной целью нападения, должно быть его первичной целью¹⁵ (или одной из его первичных целей), а не просто случайной непредвиденной жертвой. Это, однако, не означает, что субъективная сторона преступления против человечности ограничена исключительно прямым намерением. Преступления против человечности, как мы покажем ниже, могут совершаться и по безрассудству, когда обвиняемый своими действиями осознанно принимает на себя высокий риск гибели гражданского населения, и даже в отдельных случаях (как в преступлении в виде истребления) — по крайней преступной небрежности (см. ниже, раздел 20.4.3).

20.1.2.3. Характер и объект нападений

Требование о том, что нападения на гражданское население, образующие преступления против человечности, должны быть широкомасштабными и (или) систематическими, прямо не содержалось в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге. Однако оно прямо вытекает из его приговора¹⁶ и, как указывает Уильям Фендрик, всегда рассматривалось в качестве элемента преступления¹⁷. Данное требование подтверждено в Докладе генерального секретаря ООН от 3 мая 1993 г. об учреждении Международного трибунала по бывшей Югославии¹⁸ и в статье 3 Устава международного трибунала по Руанде.

Нападения на гражданское население не обязательно должны быть одновременно и широкомасштабными (широко распространенным), и систематическими: деяние может составлять преступление против чело-

¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 416. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июля 2002 г., пар. 86. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 29-30. МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 122.

¹³ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl., p. 246.

¹⁴ Там же, p. 247-248.

¹⁵ В деле Кунараца Судебная камера МТБЮ определила: «Выражение «направленное против» [гражданского населения] определяет, что в контексте преступления против человечности гражданское население — первичная цель (объект) нападения». (МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца от 22 февраля 2001 г., пар. 421).

¹⁶ Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. Комментарий к статье 18, п. 3-4.

¹⁷ WJ Fenrick. Should Crimes Against Humanity Replace War Crimes? 37 Columbia J. Trans.L. 767 (1999), at p. L. 767 (1999), p. 777. Цитата дана по: Visent Sautenet. Crimes Against Humanity And The Principles Of Legality: What Could the Potential Offender Expect? // Murdoch University Electronic Journal of Law. Volume 7, Number 1 (March 2000). Com. 21. || <http://www.crimesofwar.org/thebook/crimes-against-humanity.html>.

¹⁸ Параграф 48.

вечности, если удовлетворено хотя бы одно из этих условий¹⁹. Альтернативность данных пунктов подчеркнута Комиссией международного права в ее комментариях к Проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г.²⁰ и подтверждена прецедентным правом Международных трибуналов ООН по Югославии и Руанде. Однако, как отметила Судебная камера МТБЮ в деле Блашкича, «на практике оба этих критерия часто трудно разделить, так как широко распространенное нападение, влекущее большое количество жертв, вообще подразумевает некую форму планирования или организации»²¹. Кажется, лишь в одном случае Судебная камера МТБЮ установила, что нападение было систематическим, но не нашла, что оно было также и широко распространенным²².

Под термином «широкомасштабное (широко распространенное) нападение» понимается, что нападение имеет крупные масштабы, т. е. направлено против значительного числа жертв. Крупный масштаб может достигаться как совокупным эффектом ряда бесчеловечных действий, так и экстраординарным по своей величине отдельным негуманным актом. Какой-либо объективный количественный порог в международном и национальном прецедентном праве не определен, и суды должны оценивать масштаб нападения на разовом основании. Термин «систематическое нападение» подразумевает, что насильственные действия имеют организованную природу, а вероятность их случайного возникновения неправдоподобна. Образцом систематических нападений является неслучайное, раз за разом, повторение сходного преступного поведения. Если нападения соответствуют хотя бы одному из этих требований, то тем самым исключаются изолированные бесчеловечные акты, совершаемые преступником по своей собственной инициативе против отдельных жертв²³.

Практика специальных международных трибуналов предлагает ряд дополнительных критериев, которые помогают установить факт широкомасштабного или систематического нападения. Апелляционная камера МТБЮ в решении по делу Кунараца указала:

«Необходимо сначала идентифицировать население, которое является объектом нападения, и, в свете средств, методов, ресурсов и результатов нападения на население, установить, было ли нападение действительно широко распространенным или систематическим. <...> Последствия нападения на определенную группу населения, количество жертв, характер действий, возможно, участие чиновников или властей, или любые определяемые типы преступлений могут быть приняты во внимание, чтобы определить, соответствует ли нападение одному из или обоим критериям — «широко распространенного» или «систематического» нападения»²⁴.

В деле Елисича Судебная камера того же трибунала отметила:

«Существование признанной политики, направленной против определенного сообщества, учреждение параллельных институтов, предназначенных для реализации этой политики, участие высокого уровня политических или военных чиновников, занятость значительных финансовых, военных или других ресурсов, а также масштаб или повторяемый, неизменный и непрерывный характер насилия, совершенного против определенного гражданского населения, находятся в числе факторов, которые могут продемонстрировать широкомасштабную или систематическую природу нападения»²⁵.

В деле Акайесу Судебная камера МТР определила систематические нападения в качестве

«<...> полностью организованных по регулярному образцу на основе общей политики, вовлекающих существенные общественные или частные ресурсы. Не требуется, чтобы эта политика была принята формально как политика государства».

В деле Галича Судебная камера МТБЮ следующим образом охарактеризовала снайперские и артиллерийские обстрелы сербскими силами гражданского населения осажденного Сараево:

«Преступления были совершены против гражданских лиц широко распространенным способом в течение длительного периода времени войсками SRK [Сараевского корпуса «Romanija»]. <...> манера совершения этих преступлений показывает их поразительное подобие повсюду одному образцу. Все это заставляет Большинство [Судебной камеры] сделать вывод, что преступные акты не были

¹⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 645-649. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 26. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 144. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 26, 123. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 203. Решение Судебной камеры по делу Нтакирутумана и Нтакирутумана от 21 февраля 2003 г., пар. 804. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 328. Решение Судебной камеры по делу Нийитигека от 16 мая 2003 г., пар. 439.

²⁰ Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. Комментарий к статье 18, п. 3.

²¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 206.

²² Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl. p. 260 со ссылкой на: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца от 22 февраля 2001 г., пар. 578.

²³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 428-429. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июля 2002 г., пар. 94. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 179. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 206. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 236. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 580. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 123.

²⁴ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июля 2002 г., пар. 95.

²⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 53.

спорадическими действиями неконтролируемых солдат, но были совершены в рамках преднамеренной кампании нападений на гражданских лиц, которые, должно быть, совершались по распоряжению более высоких властей или, по крайней мере, с их одобрения»²⁶.

Женель Метро убедительно показал, что в свете прецедентного права Специальных трибуналов ООН «нападение не должно быть, однако, очень большим по своим масштабам. В деле Тадича, например, рассматриваемая географическая область составляла 20 километров в диаметре, в деле Кунараца это были три относительно маленьких муниципалитета Восточной Боснии, в деле Рутаганда это были две префектуры, в деле Мусема — две коммун в префектуре Кибуйе»²⁷.

Объектом нападения, в контексте которого совершается преступление против человечности, является «любое гражданское население» (данный термин был впервые употреблен в статье 6 (с) Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге). Поэтому защитой от такого нападения пользуются и собственные граждане того государства, которое принимает участие в нападениях на собственное население, и лица без гражданства. Таким образом, в процессе доказывания преступления против человечности нет необходимости демонстрировать, что его жертвы связаны с какой-либо из сторон вооруженного конфликта²⁸, если даже такой конфликт имеет место. Это положение приобретает особую значимость для контекста чеченского конфликта, так как де-юре жители Чеченской Республики являются гражданами Российской Федерации.

В соответствии с прецедентным правом трибуналов ООН выражение «население» не означает, что *все* население географической области, в котором имеет место нападение (государство, муниципалитет или другая ограниченная область) должно быть подвергнуто нападению. Однако необходимо показать, что нападения были направлены против достаточно большого числа людей или были фактически нацелены именно против «гражданского населения», а не ограниченного и беспорядочно отобранного числа лиц²⁹.

Анализируя практику трибуналов, Ж. Метро делает вывод, что термин «население» подразумевает «отдельную группу людей, сформированную или географически или в результате других общих черт. Группа людей, беспорядочно или случайно собранная — такая, как толпа на футбольном матче — не может быть расценена как «население» согласно этому определению»³⁰. Однако Питер Бернс (Peter Burns), анализируя преступления против человечности в контексте создания Международного Уголовного Суда, показывает, что такое определение «населения» может быть слишком узким: «Что, если аудитория футбольного стадиона имела преобладающий этнический компонент, и нападение было нацелено на него? Какое это имеет функциональное значение, если аудитория стадиона имела смешанный этнический состав, и нападение было нацелено на всех, чтобы терроризировать общество или шантажировать правительство? Если бы действие ядерного устройства низкой мощности было направлено на аудиторию стадиона, у которой не было никаких общих черт, кроме любви к футболу, и тысячи были бы убиты, то такое узкое определение «населения» сделало бы невозможным судебное преследование за преступление против человечности. Конечно, цели Статьи 7 [Римского Статута] были бы более эффективно достигнуты, если бы термин «население» рассматривался, как означающий тех, кто присутствует, в смысле, что они находятся в конкретном месте и в конкретное время, а именно во время нападения»³¹.

Эти рассуждения не просто абстрактная модель, и могут иметь самое непосредственное отношение к контексту вооруженного конфликта в Чечне. В качестве примера можно рассмотреть взрывы пассажирских самолетов и предшествующий им подрыв террористки в московской толпе, ответственность за которые взял на себя один из лидеров чеченских сепаратистов Шамиль Басаев. Общей чертой большинства жертв этих нападений было разве что их российское гражданство. Другой пример — обстрел российскими вооруженными силами грозненского рынка ракетами «земля — земля» 21 октября 1999 года: общей чертой большинства жертв было только то, что они являлись жителями Чечни. Все сказанное касается большинства нападений, обычно характеризуемых как «акты терроризма», и вообще многих действий, имеющих первичной целью терроризировать гражданское население. Как справедливо отмечает Антонио Кассесе, одним из самых «поразительных» признаков терроризма является «деперсонализация жертвы»: в глазах преступника жертва — просто анонимный инструмент для достижения его политической, религиозной или идеологической цели³².

Как в соответствии с прецедентным правом трибуналов ООН, так и более ранним международным и национальным прецедентным правом, преступления против человечности не означают только действия, совершенные

²⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Галича от 5 декабря 2003 г., пар. 741.

²⁷ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl., p. 250.

²⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 619, 635. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 423.

²⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 644. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 424. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июля 2002 г., пар. 90. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 235. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 582. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 80. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 330.

³⁰ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl., p. 255.

³¹ Peter Burns. Aspects of Crimes Against Humanity and the International Criminal Court. Примечание 21. || <http://www.icclr.law.ubc.ca/Site%20Map/ICC/AspectofCrimesAgainstHumanity.pdf>.

³² Cassese, 2003, p. 125.

против гражданских лиц в строгом смысле этого термина. Они включают также преступления против лиц, ранее участвовавших в боевых действиях, но к моменту преступления прекративших принимать активное участие в конфликте по причине ранения или взятия в плен (в этом случае положение жертвы на момент преступления, а не ее прежний статус, должно быть принято во внимание при ее определении как гражданского лица)³³.

При определении гражданского характера населения практика Специальных трибуналов ООН опирается на источники гуманитарного права, т. е. соответствующие положения Женевских Конвенций 1949 г. и Дополнительных Протоколов I и II от 8 июня 1977 г. В соответствии с этим подходом основополагающими критериями при определении гражданского населения являются следующие:

- под гражданским населением понимаются лица, не являющиеся членами вооруженных сил или другими легитимными комбатантами;
- население, которое является объектом нападения, должно быть преимущественно гражданским, однако присутствие в его среде отдельных лиц, не являющихся гражданскими, не изменяет гражданского характера населения в целом³⁴. Однако такие лица не должны быть организованы в регулярные и многочисленные подразделения (к таким лицам могут, например, относиться находящиеся в отпуске военные)³⁵;
- статус гражданских лиц не теряют люди, которые, в попытке предотвратить преступление против человечности, берутся за оружие для самозащиты или защиты других лиц (в качестве примеров МТБЮ приводит ситуацию, когда человек с оружием в руках защищает от насилия свою семью)³⁶;
- в случае сомнения, является какое-либо лицо гражданским, оно должно считаться гражданским лицом³⁷;
- сам факт, что комбатант или участник организованного движения сопротивления в момент совершения преступления не был вооружен или не принимал непосредственного участия в боестолкновении, оставаясь членом вооруженных сил или вооруженной группы, не делает его защищенным лицом. Статус защищенного лица он получает лишь в случае, если из-за ранения, болезни, сдачи в плен или другим причинам он явно перестал участвовать в вооруженном конфликте³⁸.

Как видно из приведенных определений, Международные трибуналы ООН трактуют термин «гражданское население» достаточно широко. Более того, как убедительно показал Антонио Кассезе (исходя из анализа национального и международного прецедентного права), вследствие постепенного исчезновения требования связи между преступлением против человечности и вооруженным конфликтом (подробнее смотри ниже, раздел 9.2.2.4) акцент на гражданских лицах, как исключительной категории жертв таких преступлений, теперь значительно ослаблен, если не исчез вообще. Особенно это касается преступлений типа преследования, которые совершаются по дискриминационным основаниям (см. ниже, раздел 20.4.9). Кассезе пишет:

«Очевидно, что в мирное время персонал вооруженных сил также может стать объектом преступлений против человечности от рук своих собственных властей. К тому же во время военных действий больше нет никаких причин для исключения служащих, вне зависимости от того, являются ли они *hors de combat* (ранеными, больными и военнопленными), из числа защищенных от преступлений против человечности (в основном от преследования), совершаемых их собственными властями, союзническими силами или врагом. <...> В настоящее время международные стандарты прав человека также ясно защищают людей против злоупотреблений и преступлений, исходящих от *их собственных* правительственных властей. Из этого следует, что больше не существует никакой значимой причины для отказа применять понятие преступлений против человечности к порочным и бесчеловечным действиям, совершаемым в крупном масштабе правительствами против человеческого достоинства представителей их собственных вооруженных сил, или военного персонала союзников, либо других невраждебных государств (или даже врага). <...> Следует отметить, что если бы этого расширения понятия преступлений против человечности не произошло, строгая интерпретация категории гражданских лиц привела бы во времена вооруженного конфликта к сомнительному результату. Некоторые категории комбатантов, которые в современных вооруженных столкновениях (особенно во внутренних конфликтах) часто оказываются в сумеречной области, остались бы незащищенными – либо слабо защищенными – против серьезных злодеяний. В качестве примера можно привести членов военизированных сил или полиции, которые иногда или спорадически принимают участие в военных действиях. Они являются лицами, правовой статус которых может быть сомнительным, поскольку может быть не ясным, должны ли они расцениваться как комбатанты или как гражданские лица»³⁹.

³³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 214. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 582. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 128.

³⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 638. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 425. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 115.

³⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 113.

³⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 640. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 213.

³⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 426.

³⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 114.

³⁹ Cassese, 2003, p. 91.

Сказанное весьма актуально для контекста российско-чеченского конфликта. В качестве примера можно рассмотреть весьма частую ситуацию, когда жертвами преступлений, совершенных российскими военными, наряду с гражданскими лицами становились милиционеры российского МВД из числа этнических чеченцев (см. резюме дела ЕСПЧ «Кукаев против России», касающегося незаконного задержания и убийства российскими военными сотрудника чеченского ОМОН в разделе 31.5.3, сообщение от 16 июля 2000 г. о незаконном задержании в Грозном российскими военными и последующем исчезновении четырех чеченских милиционеров в разделе 31.2.2).

20.1.2.4. *Время и место нападения*

Действия конкретного обвиняемого должны быть частью нападений на гражданское население. Однако вовсе не обязательно, чтобы они были совершены в то же время и в том же месте, когда и где совершались основные нападения. Деяние, совершенное до начала или после окончания «основных нападений» на гражданское население, или вдали от места, где эти основные нападения совершались, может быть частью этих нападений, если между ними и этими нападениями имеется соответствующая связь. Для квалификации такого деяния как преступления против человечности необходимо достоверно установить, что оно действительно было их частью, исключив тем самым изолированный акт⁴⁰.

Женель Метро предположил, что должен существовать некий разумный предел территориальной удаленности от места «основных нападений», после которого преступное деяние, даже каким-либо образом связанное с ними, становится изолированным актом. Ссылаясь на дело «Генеральный прокурор государства Израиль против Энигстера», рассмотренное Окружным судом Колумбии в 1952 г., он заключает, что «убийство боснийского мусульманина хорватскими националистами в Женеве в 1993 г. или убийство еврея местными фашистами в Боливии во время Второй мировой войны не рассматривалось бы как преступление против человечности, потому что акт был бы слишком удален от ядра нападения»⁴¹.

Нападение может быть, но не должно быть частью вооруженного конфликта. Нападение может совершаться как в течение вооруженного конфликта, так до или после вооруженного конфликта⁴².

20.1.2.5. *Ответственность за «ответные нападения».*

При установлении ответственности за нападения на гражданское население не является существенным, что противоположная сторона конфликта совершала подобные же злодеяния. Существование нападения, осуществляемого одной стороной конфликта против гражданских лиц другой стороны конфликта, не оправдывает ответного нападения на гражданских лиц противника. Каждое такое нападение будет одинаково незаконным, и преступления, совершенные как часть этого нападения, если удовлетворены все другие условия, могут составить преступления против человечности⁴³.

20.1.2.6. *Участие государства или организации*

Как уже было сказано, традиционно считалось, что преступления против человечности совершаются при участии государства либо политической организации. Однако форма и степень необходимого участия государства или организации трактуется в уставах судов и трибуналов, прецедентном праве и трудах известных юристов по-разному. Более того, вопрос о том, является ли данное обстоятельство юридическим элементом преступления или только констатацией обычно существующей практики, также составляет предмет дискуссии.

Для того, чтобы понять, какой из имеющихся подходов можно считать соответствующим современному состоянию обычного международного права, обратимся к перечисленным источникам.

Уставы Международных Военных Трибуналов в Нюрнберге и Токио не содержат требований участия государства или организации в совершении преступлений против человечности. Однако эти требования, как обычно утверждается, вытекают из приговоров данных судов. Более того, в течение долгого периода господствовало мнение, что политика, лежащая в основе преступления против человечности, должна быть исключительно государственной политикой. Однако в дальнейшем сформировалась доктрина «политики или плана организации». Содержание этого термина мы рассмотрим ниже в связи с категорией возможных субъектов преступления (см. раздел 20.1.3). В данном же разделе мы сосредоточимся на понятии «политики или плана» как таковом, безусловно учитывая, что оно теснейшим образом связано с понятием их субъекта вообще, и понятием субъекта преступления против человечности в частности.

Уставы международных трибуналов по Югославии и Руанде не содержат требований государственного участия или участия организации. Однако, как будет показано чуть ниже, в своих судебных решениях данные трибуналы учитывали это условие, ориентируясь на прецедентное право, сформировавшееся после Второй мировой войны.

⁴⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 100.

⁴¹ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl., p. 251-252.

⁴² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 86. Решение Судебной камеры по делу Налетича и Мартиновича от 31 марта 2003 г., пар. 233.

⁴³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 87-88. МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 125-126.

Явно требование участия государства или организации было сформулировано в статье 18 Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 года:

«Преступление против человечности означает любое из следующих деяний, когда они совершаются систематически или в широких масштабах и инспирируются или направляются правительством или любой организацией или группой <...>».

Разъясняя данное положение, Комиссия международного права ООН указала:

«Такое необходимое инспирирование или направление деяния может исходить от правительства или организации или группы. Эта альтернатива призвана исключить такую ситуацию, когда бесчеловечное деяние совершается лицом, действующим по своей инициативе, согласно своему преступному плану, в отсутствие какого-либо поощрения или руководства как со стороны правительства, так и со стороны группы или организации. Единичное преступное поведение такого рода со стороны одного лица не было бы преступлением против человечности. Действуя в одиночку, было бы крайне сложно совершить бесчеловечные деяния, предусмотренные в статье 18. Если же деяние инспирируется или направляется правительством или *любой* организацией или группой, которая может быть связана с правительством или не связана с ним, то это обуславливает его огромные масштабы и делает его преступлением против человечности, вменяемым в вину частным лицам или представителям государства»⁴⁴.

Данный комментарий позволяет прийти к выводу, что Комиссия международного права, возможно, рассматривала такое «инспирирование и направление» не как самостоятельный юридический элемент преступления, а как индикатор, позволяющий установить, является ли отдельное преступное деяние частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население или представляет собой изолированный эпизод. И, наоборот, из текста комментария следует, что широкие масштабы преступления против человечности с высокой степенью вероятности предполагают их «инспирирование и направление» правительством, организацией или группой, так как совершить их, «действуя в одиночку, было бы крайне сложно». Как мы увидим ниже, практика Специальных международных трибуналов ООН развивалась именно в соответствии с такой линией интерпретации.

Однако в Статуте Международного Уголовного Суда предусматриваются гораздо более строгие требования к участию государства или организации в преступлениях против человечности. В статье 7 (2)(a) Части 2 Римского Статута (при составлении которой, как было показано выше, не ставилось задачи кодифицировать существующее обычное право) устанавливается:

««нападение на любых гражданских лиц» означает линию поведения, включающую многократное совершение актов, указанных в пункте 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике».

«Элементы преступлений» МУС в пункте 3 Введения к разделу «Преступления против человечности» (ст. 7 Статута) делают эти требования еще более жесткими:

«Имеется в виду, что ««политика, направленная на совершение такого нападения», предполагает, что государство или организация активно поощряли такое поведение как нападение на гражданское население или подстрекали к нему».

В примечании к данному пункту сказано:

«Политика, при которой гражданское население является объектом нападения, осуществляется в контексте деятельности государства или организации. Такая политика может, в исключительных обстоятельствах, представлять собой преднамеренное бездействие, которое сознательно нацелено на подстрекательство к такому нападению. Вывод о проведении такой политики не может быть сделан лишь на основании отсутствия каких-либо действий со стороны правительства или организации».

Исходя из этого можно заключить, что в целях Римского Статута наличие политики государства или организации, направленной на совершение нападений на гражданское население, является обязательным элементом состава преступления против человечности. Для квалификации деяния как преступления против человечности наличие такой политики должно быть непременно доказано, и критерии этого доказывания достаточно строги.

Так как вопрос участия государства или организации не был урегулирован в Уставах специальных международных трибуналов ООН, то при его разрешении судьи исходили из необходимости определить соответствующую норму обычного международного права. Разработка данного вопроса в прецедентном праве МТБЮ и МТР следовала подходу, существенно отличному от подхода конструкторов Римского Статута.

Еще в октябре 1995 года Судебная камера I МТБЮ, рассматривавшая обвинительный акт в отношении Драгана Николича, отметила, что для квалификации деяний в качестве преступлений против человечности необходимо установить, что они были хотя бы в какой-то степени организованными и систематическими. В то же время судьи высказались в том смысле, что не обязательно, чтобы преступления против человек-

⁴⁴ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 18. Комментарий, п. 5.

ности имели какое-либо отношение к политике государства в традиционном ее понимании, отметив лишь, что они не могут быть результатом деятельности изолированных индивидуумов⁴⁵.

Первую обстоятельную экспертизу вопроса участия государства или организации в преступлениях против человечности Судебная камера МТБЮ предприняла в решении по делу Душко Тадича от 7 мая 1997 г. Судьи, ссылаясь на прецедентное право, сформировавшееся после Второй мировой войны, констатировали, что «должна быть некоторая форма политики, направленной на совершение таких действий» (т. е. нападений на гражданское население)⁴⁶. В то же время Судебная камера отметила:

«Однако важно, что такая политика не должна быть официально провозглашенной и факт ее существования может быть установлен исходя из способов, которыми совершаются действия. Если такие действия имеют широко распространенный или систематический характер, то это особенно демонстрирует существование политики, направленной на совершение таких действий, вне зависимости формализована она или нет. Несмотря на некоторые сомнения в требовании существования такой политики, в этом случае имеется ясное свидетельство существования политики»⁴⁷.

Другими словами, в соответствии с этим подходом наличие определенной политики (хотя судьи и сомневаются, обязательно ли требуется ее установление) в значительной степени презюмируется уже самим фактом систематических или широкомасштабных нападений на гражданское население.

В деле Купрешкича Судебная камера МТБЮ, также высказав некоторые сомнения в строгой обязательности элемента политики или плана, заявила: «В любом случае кажется, что такая политика не должна быть сформулирована явно, и нет потребности, чтобы она была политикой государства»⁴⁸.

В деле Блашкича Судебная камера того же трибунала определила политическую цель или план в качестве одного из элементов «систематического характера» нападения, однако подчеркнула: «Это план, однако, не обязательно должен быть провозглашен явно, или даже выражен ясно и точно. <...> И при этом план не должен обязательно быть задуман на самом высоком уровне государственной машины»⁴⁹.

Апелляционная камера МТБЮ, рассматривавшая в июне 2002 г. дело Кунараца и др., пошла еще дальше. Она заявила:

«Вопреки позиции апеллянтов, не требуется, чтобы или нападения или действия обвиняемых были поддержаны любой формой «политики» или «плана». Ни в Уставе, ни в обычном международном праве на момент совершения предполагаемых деяний не было ничего, что требовало бы доказательства существования плана или политики, в соответствии с которой должны совершаться эти преступления. Как было обозначено выше, доказательство того, что нападение было направлено против гражданского населения и того, что оно было широко распространенным или систематическим, составляет юридические элементы преступления. Но чтобы доказать эти элементы, нет необходимости показывать, что они были результатом существования политики или плана. Демонстрация фактического существования политики или плана может быть полезной при установлении того, что нападение было направлено против гражданского населения и что оно было широко распространенным или систематическим (особенно последнего), однако возможно доказать эти обстоятельства и по-другому. Таким образом, хотя существование политики или плана, очевидно, может быть важным, это не юридический элемент преступления»⁵⁰.

В подтверждение своей позиции судьи Апелляционной камеры, пришедшие к данному выводу единогласно, в примечании сослались на значительное количество источников (Уставы судов и трибуналов, международное и национальное прецедентное право, работы Комиссии по международному праву ООН, Доклады Генерального Секретаря ООН), однако не предприняли их подробного обзора. Они лишь отметили, что некоторые из судебных решений, в которых настаивается на юридической обязательности существования плана или политики, вышли за рамки применимого устава. Другие решения, по мнению судей, просто выдвигали на первый план фактические обстоятельства рассматриваемого дела, а не налагали обязательства установления данного элемента. Наконец, третьи решения, на которые часто ссылались в поддержку требования обязательности существования плана или политики, судьи оценили в качестве не содержащих авторитетного выражения обычного международного права⁵¹.

⁴⁵ МТБЮ. Прокурор против Драгана Николича. Решение Судебной камеры I – Обзор обвинительного акта в соответствии с Правилom 61 Правил процедуры и доказывания от 20 октября 1995 г., пар. 26.

⁴⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 653.

⁴⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 653.

⁴⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича и др. от 14 января 2000 г., пар. 551.

⁴⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 204-205.

⁵⁰ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 98.

⁵¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 98, прим. 114. Ниже приводим текст данного примечания полностью: «There has been some debate in the jurisprudence of this Tribunal as to whether a policy or plan constitutes an element of the definition of crimes against humanity. The practice reviewed by the Appeals Chamber overwhelmingly supports the contention that no such requirement exists under customary international law. See, for instance, Article 6 (c) of the Nuremberg Charter; Nuremberg Judgement, Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945 – 1 October 1945, in particular, pp 84, 254, 304 (Streicher) and 318-319 (von Schirach); Article II(1)(c) of Control Council Law No 10; In re Ahlbrecht, ILR 16/1949, 396; Ivan Timofeyevich Polyukhovich v The Commonwealth of Australia and Anor, (1991) 172 CLR 501; Case FC 91/026; Attorney-General v Adolph Eichmann, District

Следует все же отметить, что отсутствие подробного обоснования столь либерального подхода к данной проблеме оставляет ощущение незавершенности, многоточия. Вообще-то такая краткость аргументации нетипична для практики Международных трибуналов ООН: обычно при установлении и куда менее существенных юридических обстоятельств их судьи проявляют гораздо более скрупулезный подход.

«Особенно интересно, — отмечает в этой связи Вильям Шабас, — очевидное противоречие между взглядом Апелляционной камеры на требования обычного международного права, и текстом Римского Статута, который *ad hoc* трибуналы иногда цитировали в более ранних решениях как авторитетную кодификацию обычного международного права. Но статья 10 Статута заявляет, что он не должен «истолковываться как каким бы то ни было образом ограничивающий ныне действующие или складывающиеся нормы международного права», и, кажется, теперь судьи ловят его разработчиков на слове. Неутешительно, что Апелляционная камера не обеспечила более развернутого объяснения своего выводов и даже не попыталась объяснить несоответствие с ясным текстом статьи 7 Римского Статута»⁵².

Тем не менее, положение, выработанное Апелляционной камерой в деле Кунараца, в дальнейшем неизменно использовалось МТБЮ в качестве руководящего прецедента. Так, например, Апелляционная камера, рассмотрев 29 июля 2004 г. апелляцию защитников Блашкича, сослалась на вышеупомянутое решение и подтвердила, что «план или политика не являются юридическим элементом преступления против человечности, хотя очевидно, что ее наличие может быть важным при доказывании того, что нападение было направлено против гражданского населения и что оно было широко распространенным или систематическим»⁵³.

Сходным путем развивалась и практика Международного Трибунала по Руанде. В ряде ранних судебных решений отражена позиция, в соответствии с которой элемент политики или плана должен присутствовать, и наличие такого элемента служит доказательством систематического характера нападения на гражданское население. При этом не требуется, чтобы такая политика была формально принята как государственная⁵⁴. Однако 15 мая 2003 г. Судебная камера МТР в своем решении по делу Семанза высказала иное суждение, прямо сославшись на процитированное выше решение Апелляционной камеры по делу Кунараца: «Термин «систематическое» описывает организованный характер нападения. <...> МТБЮ недавно разъяснил, что существование политики или плана может быть, очевидно, важным и полезным для установления того факта, что нападение было направлено против гражданского населения, и что оно было широко распространенным или систематическим, но что существование такого плана не есть отдельный юридический элемент преступления»⁵⁵.

Таким образом, прецедентное право обоих трибуналов последовательно в том, что не считает политику или план государства или организации элементом преступления против человечности, рассматривая их, скорее, в качестве важного индикатора существования широко распространенного или систематического нападения на гражданское население.

Известные комментаторы также высказывают разные, иногда прямо противоположные мнения по данному вопросу. Так, Шериф Бассиони полагает, что элемент плана или политики государства является частью концепции преступления против человечности по обычному праву⁵⁶. Напротив, Женель Метро считает, что вне Статута МУС, то есть в обычном международном праве, включая практику МТБЮ и МТР, существование политики или плана — просто один из факторов, который суд может принять во внимание, чтобы заключить, что нападение было направлено против гражданского населения, а не против одного или нескольких его представителей, и что нападение было систематическим.

Этот комментатор один из немногих предпринял обстоятельную попытку специального рассмотрения данного вопроса, которая в какой-то мере восполняет немногословие Апелляционной камеры МТБЮ. Анализ Ж. Метро содержит обзор основных аргументов, обычно приводимых за и против включения требования политики или плана

Court of Jerusalem, Criminal Case No. 40/61; Mugesera et al. v Minister of Citizenship and Immigration, IMM-5946-98, 10 May 2001, Federal Court of Canada, Trial Division; In re Trajkovic, District Court of Gijlan (Kosovo, Federal Republic of Yugoslavia), P Nr 68/2000, 6 March 2001; Moreno v Canada (Minister of Employment and Immigration), Federal Court of Canada, Court of Appeal, 1994g 1 F. C. 298, 14 September 1993; Sivakumar v Canada (Minister of Employment and Immigration), Federal Court of Canada, Court of Appeal, 1994g 1 F. C. 433, 4 November 1993. See also Report of the Secretary-General Pursuant to Paragraph 2 of Security Council Resolution 808 (1993), S/25704, 3 May 1993, paras 47-48; Yearbook of the International Law Commission (ILC), 1954, vol. II, 150; Report of the ILC on the work of its 43rd session, 29 April – 19 July 1991, Supplement No 10 (UN Doc No A/46/10), 265-266; its 46th session, 2 May – 22 July 1994, Supplement No 10 (UN Doc No A/49/10), 75-76; its 47th session, 2 May – 21 July 1995, 47, 49 and 50; its 48th session, 6 May – 26 July 1996, Supplement No 10 (UN Doc No A/51/10), 93 and 95-96. The Appeals Chamber reached the same conclusion in relation to the crime of genocide (Jelisc Appeal Judgement, para 48). Some of the decisions which suggest that a plan or policy is required in law went, in that respect, clearly beyond the text of the statute to be applied (see e.g., Public Prosecutor v Menten, Supreme Court of the Netherlands, 13 January 1981, reprinted in 75 ILR 331, 362-363). Other references to a plan or policy which have sometimes been used to support this additional requirement in fact merely highlight the factual circumstances of the case at hand, rather than impose an independent constitutive element (see, e.g., Supreme Court of the British Zone, OGH br. Z., vol. I, 19). Finally, another decision, which has often been quoted in support of the plan or policy requirement, has been shown not to constitute an authoritative statement of customary international law (see In re Altstutter, ILR 14/1947, 278 and 284 and comment thereupon in Ivan Timofeyevich Polyukhovich v The Commonwealth of Australia and Anor, (1991) 172 CLR 501, pp. 586-587).

⁵² Schabas, 2006, p. 193.

⁵³ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 120.

⁵⁴ См, например: МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 580. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 69. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 123-124, 581.

⁵⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 329.

⁵⁶ Bassiouni, 2005, p. 151-152. Bassiouni, 1999, p. 243-281. Примечание дано по изданию: Schabas, 2006, pp. 193-194, 629.

в состав элементов преступления против человечности. Учитывая важность приведенной им аргументации, а также труднодоступность публикации Метро для российского читателя, мы считаем правильным привести ниже краткий конспект изложенных им соображений.

Вначале Ж. Метро обращается к описанию преступлений против человечности, данному в Нюрнбергском приговоре, и, в частности, к фразе, на которую обычно ссылаются сторонники включения «политики или плана» в состав юридических элементов преступления:

«Конечно, политика террора была реализована в обширном масштабе и во многих случаях была организованной и систематической. Политика преследований, репрессий и убийств гражданских лиц, из числа тех, кто предположительно был враждебен правительству, проводилась в Германии перед войной 1939 наиболее безжалостно».

Комментатор (и, кажется, вполне обоснованно) указывает, что выражения «политика террора» и «политика преследования, репрессий и убийства гражданских лиц» использовались МВТ, чтобы исключить изолированные преступные акты из «царства» преступлений против человечности и охватить в нескольких словах преступный контекст, в котором совершались действия обвиняемых. Сегодня эта описательная функция выражена термином «нападение». Кроме приведенного фрагмента, в приговоре МВТ нет никаких других упоминаний о политике или плане, никаких требований связи между действиями обвиняемого и планом или политикой.

Частично из-за требования, содержащегося в Нюрнбергском уставе, в соответствии с которым преступления против человечности должны были быть совершены в связи с любым другим преступлением в пределах юрисдикции трибунала (военные преступления и преступления против мира), суд нигде не провел ясной грани между преступлением против человечности и этими другими преступлениями. Однако двое обвиняемых – Юлиус Штрейхер и Бальдур фон Ширах – были признаны виновными исключительно в преступлениях против человечности. Ни в том ни в другом случае Трибунал не заявил, что существует требование связи преступлений обвиняемого с нацистской или немецкой государственной политикой или планом, хотя на практике, разумеется, такая связь существовала. На план или заговор ведения агрессивной войны (но не совершения преступлений против человечности!) ссылался обвинительный акт. Но эти рассуждения не были приняты во внимание Судом.

Статья II(1)(с) Закона контрольного совета номер 10 также не содержит никакой ссылки на политику или план. Хотя несколько решений Верховного суда Британской зоны и Военного трибунала американской зоны оккупации (особенно часто приводят в качестве примера дело «Соединенные Штаты против Альштоллера») действительно содержат требования связи «с преступным нацистским политическим проектом», но большинство такого рода фрагментов, как показывает Ж. Метро, лишь выдвигали на первый план фактический контекст, в котором были совершены инкриминируемые деяния. Кроме того, как считает комментатор, это требование выдвигалось лишь для того, чтобы исключить из области преступлений против человечности «изолированные преступления, совершенные гражданами Германии как частными лицами, или совершенные Рейхом через его должностных чиновников против частного лица». Эти рассуждения совместимы с нынешним требованием, что нападение должно быть направлено против гражданского населения, а не его отдельных представителей.

Далее Метро ссылается на Верховный суд Австралии, который, обращаясь к делу «Соединенные Штаты против Альштоллера», заключил, что его решение не может рассматриваться как авторитетное изложение обычного международного права, «так как союзнические и немецкие суды, применявшие Закон контрольного совета номер 10, являлись местными судами и руководствовались прежде всего местным (внутригосударственным) правом, которое, конечно, включало условия, исходившие от оккупирующих государств».

Затем Метро цитирует решение Голландского специального уголовного суда по делу Альбрехта, которое суммирует юриспруденцию судебных решений, вынесенных в соответствии с Законом контрольного совета номер 10 по данному классу преступлений. В этом решении судьи заключили, что преступления против человечности должны определяться в значении, данном Комиссией по военным преступлениям ООН (процитировано нами в начале раздела 20.1.1), которая руководствовалась Нюрнбергским приговором. И здесь определение Суда сосредотачивается на широкомасштабной или систематической природе преступления и его отличии от изолированных действий.

Принцип VI (с) Нюрнбергских принципов также не содержит упоминания об элементе политики.

Впоследствии несколько государств приняли соответствующее законодательство или развили определения преступлений против человечности согласно их внутренней юриспруденции. По крайней мере одно из них – Франция – ввело специальное требование, чтобы деяния были связаны с политикой государства. Однако в законодательстве и практике других стран таких требований не содержится. В любом случае внутригосударственные определения уголовного преступления можно рассматривать при определении международной нормы только тогда, когда они представляют собой общие принципы права, содержащиеся в главных юридических системах мира. В данном случае государственная практика неоднородна и не может помочь в определении общего принципа.

Затем Женель Метро рассматривает применимые международные договоры, принятые до Римского Статута. Он показывает, что ни Конвенция ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 года, ни Конвенция против апартеида, ни Конвенция о геноциде не содержат ссылки на элемент политики относительно преступлений против человечности.

Переходя к Римскому Статуту, комментатор указывает, что введение в него элемента политики было следствием политического компромисса между двумя лагерями государств. Кроме того, в любом случае Устав МУС не обязательно является выражением обычного права, хотя и может обеспечить определенное свидетельство *opinio juris* государств на момент принятия. Подробно рассматривая предысторию принятия Статута, в частности, составления разных редакций проекта Кодексов преступлений против мира и безопасности человечества, Ж. Метро показывает, что в интересующем вопросе позиция Комиссии международного права ООН и ее приемников была противоречива. Наконец, автор статьи обращает особое внимание на то, что ссылки на политику или план отсутствуют не только в соответствующих статьях Уставов МТБЮ и МТР, но и в докладах Генерального Секретаря, которые также являются источниками права данных международных судов.

Женель Метро приходит к выводу, что исторически и фактически преступления против человечности действительно обычно поддерживались определенной формой плана или политики. Однако суть вопроса не в том, является ли политика общей исторической чертой массовых злодеяний, а в том, является ли политика или план элементом определения преступления против человечности. Это определение не может быть пересмотрено в свете фактических ситуаций, которые оно само должно квалифицировать. Напротив, определение должно указывать на те фактические обстоятельства, при которых оно применимо. В итоге автор считает, что, «даже принимая во внимание новый проект Устава МУС, в подавляющем большинстве случаев юриспруденция и законы, рассмотренные выше, проясняют, что нет ничего в обычном международном праве, что налагает дополнительное требование связи деяния с политикой или планом»⁵⁷.

По мнению Антонио Кассезе, та или иная форма участия государства или организации — обязательное условие преступления против человечности, однако статья 7 Римского Статута предъявляет в этом отношении более строгие требования, чем установлено в обычном международном праве. В соответствии с ней, по мысли Кассезе, «практика, которую просто допускает или которой потворствует государство или организация, не будет составлять нападение на гражданское население в значении широко распространенной или систематической практики». В связи с этим Кассезе задается риторическим вопросом: «Почему, например, в случае убийства, изнасилования или принудительной беременности нужно требовать, чтобы общая практика составляла политику, преследуемую государством или организацией? Разве не было бы достаточно того, что эта практика принимается, терпится или осуществляется с согласия государства или организации? Ясно, что это требование выходит за пределы того, что требуется согласно обычному международному праву и незаконно ограничивает рассматриваемое понятие. "Элементы преступлений" делают это ограничение еще более явным и более широким»⁵⁸.

Последняя, компромиссная точка зрения представляется нам наиболее взвешенной.

В последующем изложении авторы данного исследования будут отталкиваться от того, что та или иная роль государства или организации в совершении преступления против человечности должна быть установлена. Однако не обязательно, чтобы она принимала форму политики или плана в строгом значении, придаваемом этим терминам документами Международного Уголовного Суда. В соответствии с обычным международным правом достаточно, чтобы существовала практика потворства, попустительства или терпимости со стороны государства или организации.

В то же время, опираясь на заявленную нами презумпцию ориентации на наиболее консервативный подход в вопросах права, при квалификации массовых и систематических нападений на гражданское население в Чечне мы будем стремиться показать, что уровень участия государства или организации в этих преступлениях соответствует даже строгим требованиям Римского Статута и «Элементов преступлений» Международного Уголовного Суда. Это представляется важным еще и с учетом того, что события, произошедшие в Чечне с 1 июля 2002 года, теоретически могут стать в будущем предметом рассмотрения МУС.

20.1.3. Субъект преступления против человечности

Рассмотренное выше положение об участии государства и организации теснейшим образом связано с понятием субъекта преступления против человечности и, шире, с определением тех структур, от лица или при участии которых действует конкретный преступник.

Первой и наиболее традиционной группой субъектов преступлений против человечности являются представители государства, действующие от его имени в официальном качестве. Именно эта категория преступников рассматривалась трибуналами Нюрнберга и Токио. Как уже упоминалось, долгое время господствовало мнение, что политика, лежащая в основе преступления против человечности, должна быть политикой государства, как это имело место в нацистской Германии. Шериф Бассиони в связи с этим писал в 1993 году, что преступления против человечности как преступления коллективной природы требуют государственной политики, «так как их совершение требует использования учреждений государства, персонала и ресурсов, чтобы совершить или воздержаться от предотвращения совершения указанных преступлений, описанных в Статье 6 (с) Нюрнбергского Устава»⁵⁹. Однако уже в 1994–1996 годах в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в качестве возможного субъекта появляются «организация или группа», которые могут «инспирировать или направлять» совершение указанной категории преступлений. Данная новация Комиссии международного права ООН, безусловно, базировалась на сформировавшемся к тому времени обычном праве, что в дальнейшем было подробно обосновано в прецедентном праве специальных трибуналов ООН.

В связи с определением возможных субъектов преступления против человечности возникают три важных вопроса: (1) в каких случаях субъектами таких преступлений могут быть признаны частные лица, (2) в каких случаях ими могут быть признаны официальные лица, действующие в личном качестве, и (3) в каких случаях ими могут быть признаны лица, действующие как представители не связанных с государством «групп и организаций», и что это за группы и организации.

Исчерпывающий ответ на первый вопрос дает прецедентное право, сформировавшееся после Второй мировой войны. Оно демонстрирует, что преступления против человечности могут быть совершены людьми

⁵⁷ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl., p. 270-281.

⁵⁸ Cassese, 2003, p. 93.

⁵⁹ Bassiouni, 1992, p. 248-249. Цитата дана по: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 654, прим. 163.

в личном качестве, если они действуют в унисон с общей государственной политикой и находят в такой политике поддержку своим преступлениям. Как пишет Антонио Кассезе, это ясно показывают многочисленные дела, касающиеся доносов нацистским властям на евреев и политических противников режима со стороны частных лиц, рассмотренные немецким Верховным Судом в британской зоне оккупации⁶⁰. В свою очередь Международный трибунал по Руанде признал виновными в преступлениях против человечности (не говоря уже о геноциде) ряд лиц, не занимавших государственных должностей и действовавших в личном качестве. В их числе Хассан Нгезе (владелец и главный редактор газеты «Кангура»), Джерард Нтакирутима (врач, практиковавший в адвентистской клинике), Герогес Ругги (бельгийский журналист) и другие.

Существенный вклад в разрешение второго вопроса внесла Судебная камера МТБЮ при рассмотрении дела Зорана Купрешкича. В частности, она сослалась на дело Веллера (1948-1950 гг.)⁶¹, которое к тому времени было основательно забыто в среде правоведов⁶². Его фактические обстоятельства следующие.

В начале 1940 года в немецком городке Мюнхенгладбах (вблизи Дюссельдорфа) нацисты согнали в один дом несколько еврейских семей. Однажды ночью туда ворвалось три человека, которые, по всей видимости, были пьяны. Одним из них был Веллер, член СС, одетый в гражданское, другой был одет в форму СА, третий был в форме моряка. Эти люди заставили всех 16 жителей дома войти в кухню, где жестоко избili большинство из них кожаным кнутом, причем избиения сопровождались словесными оскорблениями. На следующий день пострадавшие сообщили о происшедшем местному органу еврейского сообщества (Judische Gemeinde), и последний обратился в местное Гестапо. Гестаповцы сообщили избитым евреям, что действия Веллера и других являются изолированным случаем, «который никоим образом не будет одобрен». После этого Веллер был вызван окружным лидером НСДАП и предположительно оштрафован на 20 рейхсмарок (последний факт, на который ссылался обвиняемый, не был вне разумного сомнения подтвержден судом).

После окончания войны Веллер предстал перед местным Окружным судом, который признал его виновным и приговорил к заключению сроком на 18 месяцев. Установив, что обвиняемый действовал из расистских побуждений, суд пришел к выводу, что его действия, однако, не составили преступления против человечности. Судьи сочли, что для того, чтобы составить такое преступление, должны быть удовлетворены три требования: первое — существенное посягательство на человеческое достоинство, второе — расистские мотивы преступления, третье — действия совершены от имени государственных властей или полиции. По мнению суда, при наличии двух первых элементов третий отсутствовал. Суд посчитал, что преступление против человечности должно быть «или систематически организовано правительством или совершено с его одобрения». В рассмотренном же случае имело место «случайное преследование людей одним человеком», а не злоупотребления, совершенные «держателем политической власти или, по крайней мере, человеком, действующим под защитой или с одобрения политической власти». Таким образом, необходимой «связи между преступлениями против человечности и государственной властью» неоставало.

На этапе апелляции дело было передано Апелляционным судом в Дюссельдорфе Верховному Суду Британской оккупационной зоны, который отменил предыдущее решение, посчитав, что действия Веллера составляют преступление против человечности, хотя они были совершены «по его собственной инициативе и из расовой ненависти». Согласно Верховному Суду было достаточно, что посягательство на человеческое достоинство было связано с нацистской системой власти и гегемонии. Оно вписывались в политику государственного отношения к евреям, как недочеловекам, не достойным уважения и не имеющим никаких прав. «Действия обвиняемого вписывались в многочисленные меры преследования, которые тогда затрагивали евреев Германии или могли в любое время затронуть их». Суд также указал, что наказание в 20 марок, предположительно наложенное в 1940 году, на котором так настаивал обвиняемый, «служило не правосудию, а только выражало презрение к жертвам».

Ранее Дюссельдорфский Апелляционный суд подчеркнул, что связь с национал-социалистической системой власти и гегемонии существовала не только в случае действий, совершенных по приказу или одобренных властями. Такая связь существует и тогда, когда эти действия могут быть объяснены атмосферой и условиями, созданными властью предрешающими. Суд первой инстанции совершил ошибку, придав решающее значение тому факту, что обвиняемый был «осужден», и что даже гестапо отнеслось к совершенному неодобрительно, как к изолированному нарушению. Обвиняемый «в любом случае не был привлечен к уголовной ответственности, соразмерной серьезности его вины... Учитывая серьезность злоупотребления, вред, причиненный жертвам, вызвал последствия, простирающиеся вне отдельных людей и затрагивающие все человечество»⁶³.

⁶⁰ Cassese, 2003, p. 83 со ссылкой на: The judgments in B., decision of 25 May 1948 (at 6-10), in P., decision of 20 May 1948 (at 11-18), in V., decision of 22 June 1948 (at 20-5), in R., decision of 27 July 1948 (at 46-9), in K., decision of 27 July 1948 (at 49-52), in M., decision of 28 September 1948 (at 91-5), in H., decision of 20 April 1949 (at 385-91), in P., decision of 10 May 1949 (at 17-19), in Ehel. M., decision of 24 May 1949 (at 67-9), in A., decision of 6 September 1949 (at 144-7), in S., decision of 15 May 1950 (at 56-7).

⁶¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича и др. от 14 января 2000 г. пар. 555. прим. 815 со ссылкой на следующие Судебные решения: Weller, the decision of the Landgericht of Munchengladbach of 16 June 1948 (unpublished), the decision of the Oberlandesgericht of Dusseldorf of 21 Oct. 1948 (unpublished) and the decision of the German Supreme Court in the British occupied zone, of 21 Dec. 1948 (in Entscheidungen, *ibid.*, vol. 1, pp. 203-208), the decision of the Schwurgericht of Munchengladbach of 20 April 1949 (unpublished), that of the German Supreme Court in the British occupied zone, of 10 Oct. 1949 (unpublished) and the decision of the Schwurgericht of Munchengladbach of 21 June 1950 (unpublished). The aforementioned decisions are on the Tribunal's files (they have been kindly provided to the Tribunal by the Nordrhein Westfälisches Hauptstaatsarchiv).

⁶² Cassese, 2003, p. 83.

⁶³ Описание дела и цитаты даны по: Cassese, 2003, p. 83-85.

Таким образом, деяния представителя государства, совершенные в личном качестве, и даже формально не одобряемые государственными властями, могут быть признаны преступлением против человечности в случае, если его поведение вписывается в систематическую линию незаконного поведения, поощряемую государством.

Подробная экспертиза третьего из поставленных нами вопросов была предпринята Судебной камерой МТБЮ при рассмотрении дела Душко Тадича. Упомянув о подходе Нюрнбергского трибунала, в соответствии с которым требование государственной политики было обязательным, Суд заявил:

«Как первый международный трибунал, который рассматривает обвинения в преступлениях против человечности, предположительно совершенных после Второй мировой войны, Международный трибунал не связан доктриной прошлого, но должен применять обычное международное право, существовавшее на момент совершения преступлений. В этом отношении нормы, относящиеся к преступлениям против человечности, развились таким образом, чтобы принять во внимание силы, которые, хотя и не представляют законное правительство, осуществляют фактический контроль или в состоянии свободно перемещаться в пределах определенной территории. Обвинение <...> утверждает, что преступления против человечности могут быть совершены от имени субъектов, осуществляющих де-факто управление определенной территорией, но без международного признания или формального де-юре государственного статуса, или террористической группой или организацией. Защита не бросает вызов этому утверждению»⁶⁴.

Далее трибунал ссылается на свою, к тому времени еще немногочисленную практику, подробно анализирует Статью 18 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. и комментарии к ней, а затем указывает:

«Таким образом, согласно Комиссии международного права, действия даже не должны быть направлены или инспирированы группой, постоянно контролирующей территорию. Важно иметь в виду, что Проект Кодекса содержит заключительный текст статьи, посвященной преступлениям против человечности, принятой Комиссией международного права, которая была создана в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 174 (II), и члены которой избраны Генеральной Ассамблеей. Важно, что проект комментариев к системе правил Проекта Кодекса, подготовленной комиссией Международного права в 1991 году, который был передан Правительствам для их комментариев и наблюдений, признает, что негосударственные акторы также являются возможными субъектами преступлений против человечности. В нем заявлено: "важно указать, что статья проекта не относит к числу возможных субъектов преступлений [против человечности] только должностных лиц или представителей. <...> Статья не исключает возможности, что частные лица, обладающие фактической властью или организованные в преступных бандах или группах, могли бы также совершить вид систематических или массовых нарушений прав человека, охваченных статьей; в этом случае их действия подпадали бы под проект Кодекса».

Кроме того, трибунал сослался на решение Федерального Апелляционного суда Второго судебного округа США по делу «Кадич против Караджича» от 18 июня 1996 года, в соответствии с которым «негосударственные акторы» могут быть признаны ответственными за совершение геноцида — «самой вопиющей формы преступлений против человечности, так же, как и военных преступлений»⁶⁵.

С тех пор положения о возможности участия представителей «организаций и групп» в преступлениях против человечности неоднократно подтверждались МТБЮ. Международный трибунал по бывшей Югославии признал виновными в преступлениях против человечности ряд лиц, представлявших непризнанные международным сообществом государствоподобные образования (типа Республики Сербска или сообщество боснийских мусульман).

Важные соображения по поводу социальной природы «организаций и групп», которые могут стоять за преступлениями против человечности, были высказаны Питером Бернсом на Пекинском симпозиуме по Международному Уголовному Суду. Анализируя текст статьи 7 Римского Статута, проф. Бернс отмечает непрозрачность определения «организация» и задается вопросом: к каким «юридическим лицам» (entities does) относится понятие «политика организации»?

«Несомненно, — утверждает автор, — оно может включать государственные органы и будет простирается на военизированные элементы государства, организованные группы мятежников в пределах государства или даже неорганизованные группы мятежников, пока есть достаточное ядро, которое формирует политику такой группы. Но, исключая вооруженные силы, что это должны быть за организованные вооруженные группы в пределах государства? Если, например, мафия проводит политику, направленную на терроризирование ключевых элементов сообщества, и в содействие этой политике взрывает бомбы на железнодорожных станциях и в аэропортах с ясной целью причинить ранения и смерть большим группам гражданского населения, будут ли те, кто участвуют в этих нападениях, виновны в преступлениях против человечности? Могут ли наркотеррористы в Колумбии и Ангелы Ада в Канаде быть подвергнуты судебному преследованию за такое преступление, если оно отвечает другим соответствующим требованиям? Могут ли азиатские и мексиканские преступные

⁶⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 654.

⁶⁵ Там же, пар. 655, прим. 168 со ссылкой на *Kadic v. Karadzic*, 70 F.3d 232 (2nd Cir. 1995), cert. denied, 64 U. S. L. W. 3832 (18 Jun. 1996).

группы находится в пределах этого определения? Могут ли участники газовой атаки в токийском метро 1995 года быть подвергнуты судебному преследованию [по обвинению в преступлениях против человечности] за смерть своих жертв? Ведь эти участники были членами секты «Аум Синрикё», которая открыто ставила своей целью ускорить наступление апокалипсиса.

Ответ на вопрос об этих пограничных случаях, вероятно, должен зависеть от умственного элемента преступления. <...> Например, Ангелы Ада, первичная цель которых заключается в получении прибыли от незаконного оборота наркотиков, проституции и вымогательства, обычно не направляют свое насилие на гражданское население. Указанные лица могут быть виновными в убийстве или некоторых других преступлениях, но, вероятно, не в преступлениях против человечности. С другой стороны, те наркотеррористы и мятежники, которые часто обращаются к насилию против гражданского населения, чтобы терроризировать население и вымогать концессии от правительства, по всей вероятности, были бы виновны в преступлении против человечности, если все другие условия были бы соблюдены»⁶⁶.

Подводя итог сказанному, мы полагаем, что к настоящему моменту может считаться установленным существование нормы обычного права, в соответствии с которой субъектами преступлений против человечности могут быть (1) представители государства, действующие как в официальном, так и в личном качестве, (2) представители организаций и групп и (3) частные лица. Представители всех этих категорий могут быть признаны виновными в данном виде преступлений, если их действия вписываются в контекст широко распространенных и систематических нападений на гражданское население, осуществляемых, инспирируемых или терпимых соответствующими государством, организацией или группой, и если они соответствуют остальным элементам преступления против человечности.

Под организациями или группами, стоящими за преступлениями против человечности, могут пониматься (1) государственные вооруженные силы и иные вооруженные формирования (даже если осуществляемые ими политика или план широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население не были официально провозглашены или разработаны в высших эшелонах государственной власти), (2) вооруженные силы и иные вооруженные формирования самопровозглашенных государств или подобных им сообществ, (3) вооруженные формирования повстанцев (мятежников) и, вероятно, (4) иные организованные вооруженные группы, действующие с первичной целью терроризировать гражданское население, если поведение представителей всех этих категорий соответствует остальным элементам преступления против человечности.

20.1.4. Субъективный элемент преступления против человечности

20.1.4.1. Основные составляющие субъективного элемента преступления против человечности

Субъективная сторона преступления против человечности складывается из трех основных элементов: (1) формы вины, требуемой для учиняемого обвиняемым конкретного преступного акта, а также (2) осведомленности обвиняемого о контексте своего преступления и (3) о статусе его жертв.

а) Форма вины, требуемая для преступления, совершаемого обвиняемым

Форма вины конкретного преступления, совершаемого обвиняемым, обычно выражается в преступном намерении или безрассудстве⁶⁷. Однако, как показывает Кассесе, возможны случаи, когда достаточной формой вины является грубая халатность, особенно если она граничит с безрассудством. В качестве примера он ссылается на дело Хинсельманна и других (1947 г.), рассмотренное Апелляционным судом Британской зоны оккупации в соответствии с Законом контрольного совета № 10. В *obiter dictum* данного решения Суд отклонил мнение защиты, согласно которому небрежность не составляет необходимый субъективный элемент преступления против человечности⁶⁸. Кроме того, Международный трибунал по Руанде признал возможность совершения преступления против человечности в виде истребления по «крайней небрежности» в деле Багилишема⁶⁹.

б) Осведомленность обвиняемого о контексте

Нет никакого требования, чтобы преступник имел намерение причинить вред гражданскому населению в целом: достаточно, чтобы он намеревался причинить вред конкретным жертвам своего конкретного преступления⁷⁰. Однако, поскольку преступления против человечности не ограничены единственным преступным актом, совершаемым конкретным обвиняемым, но должны быть частью широко распространенного или систематического нападения на гражданское население, установления вины, требуемой для отдельного преступного акта, недостаточно. Субъективная сторона преступления против человечности требует также элемента *знания* преступником более широкого контекста, в котором он совершает данный преступный акт. Это тре-

⁶⁶ Peter Burns. Aspects of Crimes Against Humanity and the International Criminal Court. || <http://www.icclr.law.ubc.ca/Site%20Map/ICC/AspectofCrimesAgainstHumanity.pdf>.

⁶⁷ Cassese, 2003, p. 81-82.

⁶⁸ Там же, p. 147-175 со ссылкой на *Hinselmann and others*, UK, Court of Appeal, Control Commission in the British Zone of Control, acting under Control Council Law no. 10, judgment of 24 March 1947, in *Germany – British Zone of Control, Control Commission Courts, Court of Appeal Reports, Criminal cases 1947*, published by order of the Supreme Court, Rathaus, Herford (Bielefeld: Erich Vogel, 1947), 2nd edn, 52-60... 82, 174.

⁶⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 88-90.

⁷⁰ Подробное обсуждение этого вопроса см.: Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 *Harv. L. Jnl* 237, p. 253-254.

бование содержится в статье 7 Римского Статута, «Элементах преступлений» МУС и широко поддерживается прецедентным правом Специальных трибуналов ООН.

В соответствии с практикой трибуналов по бывшей Югославии и Руанде должно быть установлено, что лицо, совершающее преступление против человечности

— в момент совершения преступления было осведомлено о широко распространенных или (и) систематических нападениях на гражданское население

— и знало, что его действия являются их частью, или, по крайней мере, предполагало о вероятности того, что они объективно являются частью таких нападений; однако не обязательно, чтобы оно было осведомлено об этих нападениях детально⁷¹.

В деле Кайяшема и Рузиндана Судебная камера МТР подчеркнула:

«Преступник должен сознательно (со знанием) совершать преступление против человечности в том смысле, что он должен понимать общий контекст своих действий. Часть того, что превращает действия индивида в преступление против человечности, — это включенность этих действий в акт (акты) преступного поведения большего масштаба, и поэтому конкретный обвиняемый должен знать об этом большем аспекте, чтобы быть в нем виновным. Соответственно требуется фактическое или конструктивное знание о более широком контексте действий, составляющих нападение, а это означает, что обвиняемый должен знать, что его действия (действия) является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население»⁷².

Как показывает Женель Метро на основе анализа судебных решений МТБЮ и МТР, знание обвиняемого о нападении и понимание им факта своего участия в этом нападении могут быть установлены через косвенные улики, например, положение обвиняемого в структуре военной или гражданской иерархии, его участие в захвате вражеских деревень, его действия по захвату, задержаниям, изнасилованиям, или убийствам, его присутствие на месте преступления, его членство в группе, вовлеченной в совершение таких преступлений, его высказывания о превосходстве его группы (национальной, этнической, религиозной и т. п.) над вражеской группой, последовательности и предсказуемости его преступных действий. Знание преступника также может быть выведено из общего знания о фактах, основанного на их степени освещения в СМИ, масштаба насильственных действий и общей исторической и политической обстановки, в которой они были совершены. Эти индикаторы знания должны быть оценены Судом комплексно⁷³.

в) Осведомленность преступника о статусе жертвы

Кроме того, разумеется, требуется еще элемент *знания* (фактического или конструктивного) обвиняемым того, что его жертвы являются гражданскими лицами.

В деле Кунараца МТБЮ указал, что для квалификации преступления против человечности не нуждается в доказательстве тот факт, что жертвы преступления были выбраны преступником из-за их гражданского статуса. Однако необходимо доказать, что исполнитель преступления, как минимум, должен был знать или предполагать, что его жертвой было гражданское лицо, или чтобы такая осведомленность была неопровержимо презюмируемой. Обвинение должно показать, что обладающий здравомыслием исполнитель не мог предположить, что его жертвой не являлось лицо из состава вооруженных сил⁷⁴.

20.1.4.2. Отсутствие требования дискриминационного намерения и несущественность мотива преступления

Суды и трибуналы, рассматривавшие после Второй мировой войны дела нацистских преступников, обычно имели дело с преступлениями против человечности, совершенными в рамках нацистской идеологии расового и национального превосходства. Поэтому зачастую дискриминационный мотив рассматривался как обязательный элемент преступления против человечности. Однако последующее развитие международного уголовного права привело к исключению данного требования из числа обязательных элементов большинства таких преступлений.

Ни Проект Кодекса 1996 года, ни Устав МТБЮ, ни Римский Статут не предусматривают дискриминационного намерения в общем определении преступления против человечности. Комиссия международного права отклонила данное требование после специального обсуждения этого вопроса⁷⁵; точно так же поступил и Подготовительный комитет по учреждению Международного Уголовного Суда⁷⁶. Однако в до-

⁷¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 248. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 434. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 102. МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 133-134.

⁷² МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 133-134.

⁷³ Guenael Mettraux. Crimes Against Humanity in the Jurisprudence of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and for Rwanda (2002). 43 Harv. L. Jnl 237, p. 262 со ссылкой на следующие Судебные решения: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 657. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 259., МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 133-134.

⁷⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кунараца и др. от 22 февраля 2001 г., пар. 435.

⁷⁵ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 291 со ссылкой на: ILC, 1996 Draft Code of Offences Against the Peace and Security of Mankind, Report of the International Law Commission on the work of its 48th session May 6-July 26, 1996, UNGAOR 51st sess., supp. no. 10 (A/51/10), p. 93-94.

⁷⁶ Там же, со ссылкой на: Summary of the Proceedings of the Preparatory Committee During the Period March 25-April 12, 1996, U. N. Doc. A/AC.249/1 (May 7, 1996), p. 16-17.

кладе Генерального секретаря ООН от 3 мая 1993 года (пар. 48) и в позициях представителей отдельных государств-членов Совета Безопасности, изложенных ими при обсуждении Устава МТБЮ, указывалось на то, что дискриминационное основание присуще всем преступлениям против человечности. Данный вопрос остро встал перед Международным трибуналом по бывшей Югославии при разрешении дела Тадича, в связи с чем в 1999 году Апелляционная камера провела основательную экспертизу проблемы. Обратившись к анализу широкого круга источников, судьи пришли к выводу, что ни современное международное обычное право, ни Устав трибунала не требуют дискриминационного намерения для всех составов преступлений против человечности. Единственным исключением является преступление против человечности в виде преследования по политическим расовым или религиозным мотивам, как это требуется статьей 5 (h) Трибунала. В отношении остальных составов мотив преступника вообще не относится к числу обязательных элементов субъективной стороны.

Апелляционная камера указала, что доклад Генерального секретаря не имеет такого же правового статуса и той же обязательной силы, как Устав трибунала: первый лишь одобрен Советом Безопасности, тогда как второй утвержден. Поэтому в данном случае очевидной коллизии между докладом и Уставом приоритет должен быть отдан последнему. Судьи указали, что в соответствии с общепринятыми правилами интерпретации при толковании Устава нужно всегда полагаться на нормы международного обычного права, если только намерение отступить от него прямо не оговорено в самом Уставе или в другом авторитетном источнике. В связи с этим Апелляционная камера нашла, что в тексте доклада Генерального секретаря нет достаточных признаков того, что, утверждая статью 5 Устава, Совет Безопасности намеревался отклониться от обычного международного права путем включения в составы всех преступлений против человечности элемента дискриминационного намерения. Следовательно, должен быть отдан приоритет буквальному толкованию статьи 5 Устава, текст которой ясен и однозначен, в связи с чем не требует обращения ко «вторичным источникам». Фразу же доклада необходимо рассматривать не как связывающее Трибунал юридическое определение, а как основанную на наблюдении констатацию генеральным Секретарем того факта, что в большинстве случаев преступления против человечности действительно совершаются по дискриминационным основаниям.

Проанализировав затем заявления членов Совета Безопасности, Апелляционная камера постановила, что судьи первой инстанции, рассматривавшие дело Тадича, допустили ошибку, решив, что все преступления против человечности требуют дискриминационного намерения⁷⁷. Это решение затем последовательно использовалось МТБЮ в качестве руководящего прецедента⁷⁸.

В гораздо более сложной ситуации в связи с вышеизложенным судебным решением оказался Международный трибунал по Руанде, статья 3 которого прямо ограничивает его предметную юрисдикцию преступлениями против человечности, которые совершаются «по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам». В своей апелляции по делу Акайесу обвинение, сославшись на решение МТБЮ по делу Тадича, попросило изменить решение Судебной камеры в связи с тем, что обычное международное право не требует дискриминационного намерения для преступления против человечности в виде убийства.

Апелляционная камера МТР не стала изменять решение в этой части, однако полностью согласилась с позицией, высказанной МТБЮ. Суд отметил, что Совет Безопасности ООН предоставил МТР юрисдикцию не по всем преступлениям против человечности, а только по тем, что совершаются по дискриминационным основаниям. Это было сделано в связи с особой ситуацией, сложившейся в Руанде⁷⁹. Статья 3 Устава МТР не требует, чтобы *все* преступления против человечности совершались по дискриминационным основаниям, а лишь ограничивает юрисдикцию данного конкретного суда. Вне юрисдикции этого трибунала такие преступления продолжают интерпретироваться, в соответствии с общепринятым подходом, нормами международного обычного права, в соответствии с которыми дискриминационное основание не требуется для преступлений против человечности, за исключением преступления преследования⁸⁰.

Таким образом, отсутствие требования дискриминационного намерения для общей дефиниции преступления против человечности является прочной нормой международного обычного права.

Согласно прецедентному праву МТБЮ не только дискриминационные, но и любые другие мотивы преступника, как правило, несущественны для квалификации преступления против человечности и не относятся к числу обязательных элементов субъективной стороны этого типа преступлений. Преступление против человечности может быть совершено и по личным мотивам, разумеется, за исключением преступления преследования. Мотив может быть принят во внимание на стадии вынесения приговора при определении смягчающих или отягчающих обстоятельств, но он никак не влияет на саму квалификацию преступления⁸¹.

⁷⁷ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 281-305.

⁷⁸ См., например: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 244, 260. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 186. Решение Судебной камеры по делу Тодоровича от 31 июля 2001 г., пар. 113.

⁷⁹ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Акайесу от 1 июня 2001 г., пар. 447-469.

⁸⁰ Там же, пар. 466.

⁸¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 15 июля 1999 г., пар. 248-280. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 103.

Более того, Апелляционная камера МТБЮ, солидаризируясь с позицией Окружного суда Тель-Авива по делу «генеральный прокурор государства Израиль против Йехезкеля Бен Алиш Энигстера» (4 января 1952 г.), определила, что для совершения преступления против человечности не требуется, чтобы конкретный обвиняемый лично разделял цель, которая достигается нападениями на гражданское население. Также нет никаких обязательных требований, чтобы преступник непременно одобрял контекст, в который вписываются его действия⁸².

В практике Международного трибунала по Руанде этот вопрос, *prima facie*, решается несколько иначе. Согласно судьям, само наличие широкомасштабного или систематического нападения уже исключает из числа преступлений, совершенных в контексте этого нападения, преступные деяния, совершенные по исключительно личным побуждениям⁸³.

Таким образом, несходные по форме позиции двух трибуналов на практике приводят к одним и тем же выводам относительно индивидуальной ответственности. Прецедентное право МТБЮ говорит, что мотив вообще не важен, если действия совершаются в соответствующем контексте. Практика МТР следует принципу, что сам этот контекст уже делает невозможным совершение преступления по исключительно личному мотиву. Вывод же из двух этих посылок следует один и тот же: если бесчеловечный акт совершен в контексте массового или систематического нападения на гражданское население и связан с этим нападением, то лицо, его совершившее, будет ответственно за совершение преступления против человечности.

20.1.4.3. Отсутствие требования осведомленности о возможных последствиях для жертвы

Не обязательно, чтобы лицо, совершающее преступление против человечности, в точности знало, что случится с жертвами после того, как оно совершит свое деяние. На это указывает национальное и международное прецедентное право.

Поддерживая это положение, Судебная камера МТБЮ в деле Тадича процитировала один из параграфов решения по делу Финта⁸⁴ (Канада, 1994 г.), который назвала поучительным: «Умственный элемент, необходимый для того, чтобы доказать преступление против человечности, состоит в том, что обвиняемый знал или умышленно оставался слеп к фактам и обстоятельствам, которые вводили его или ее действия в границы преступлений против человечности. Однако нет необходимости устанавливать знание обвиняемым того, что его действия не гуманны»⁸⁵. Развивая данный тезис, МТБЮ ссылается на ряд дел, рассмотренных судами в Британской оккупационной зоне Германии, в том числе на решение Верховного Суда (Obersten Gerichtshofes) в отношении двух лиц, которые в 1944 г. донесли нацистским властям на критиковавшего Гитлера директора компании. После доноса директор был отправлен в концлагерь. Суд не признал основанием для оправдания доносчиков тот факт, что они в точности не знали, что случится с директором после их доноса, и того, что с ним будут жестоко обращаться⁸⁶.

20.2. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Принцип индивидуальной уголовной ответственности распространяется на все преступления против человечности вне зависимости от типа вооруженного конфликта. Более того, можно утверждать, что в настоящий момент дефиниция преступления против человечности вообще не требует связи с существованием какого-либо вооруженного конфликта.

Как мы уже показали выше, Устав Нюрнбергского трибунала, осторожно вводя новый для международного права класс преступлений против человечности, предусмотрел его связь «с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала»⁸⁷, т.е. с преступлениями против мира или военными преступлениями. Фактически это означало связь с международным вооруженным конфликтом.

Однако дальнейшее развитие международного права устранило обязательность такой связи.

К настоящему моменту ответственность за преступления против человечности вне связи с международным вооруженным конфликтом прямо закреплена в Уставах Международного трибунала по Руанде, Специального суда для Сьерра-Леоне и Законе об учреждении Чрезвычайных Палат в Судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии. Напомним, что данные суды рассматривают преступления, совершенные исключительно в контексте внутренних вооруженных конфликтов. Секция 5 Постановления Временной администрации ООН в Восточном Тиморе № 2000/15, наделяя Суд юрисдикцией по преступлениям против человечности, не устанавливает их связь с существованием вооруженного конфликта⁸⁸. Наконец, Статья 5 Международного трибунала по бывшей Югославии — «Преступления против человечности» — специально указывает: «Международный трибунал полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за следующие преступления, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта, будь то международного или внутреннего характера...».

⁸² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца и др. от 12 июня 2002 г., пар. 103. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 185.

⁸³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 122-123.

⁸⁴ R. v. Finta. Canada. Supreme Court. Decision of 24 March 1994 [1994] 1 R. C. S., 701.

⁸⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 657.

⁸⁶ Там же, со ссылкой на Vol. I Entscheidungen des Obersten Gerichtshofes Fur Die Britische Zone in Strafsachen, case 16, paras. 60-62.

⁸⁷ Ст. 6 (с).

⁸⁸ UNTAET Regulation No2000 / 15. || <http://www.un.org/peace/etimor/untaetR/Reg0015E.pdf>.

В историческом решении по промежуточной апелляции Тадича от 2 октября 1995 г МТБЮ установил: «К настоящему времени прочное правило обычного международного права состоит в том, что преступления против человечности не требуют связи с международным вооруженным конфликтом. <...> Обычное международное право, возможно, не требует и связи между преступлениями против человечности и любым конфликтом вообще»⁸⁹. Обосновывая данный вывод, Суд обратился к ряду важнейших источников международного права. В частности, судьи указывают: «Связь между преступлениями против человечности и преступлениями против мира или военными преступлениями, требуемая Нюрнбергским уставом, была специфической для юрисдикции Нюрнбергского Трибунала. Хотя требование связи, содержащееся в Нюрнбергском Уставе, было перенесено в резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 1948 г., подтверждающую Нюрнбергские принципы, нет ни логического, ни правового основания для этого требования, и оно было исключено из последующей государственной практики относительно преступлений против человечности. Особенно важно, что требование связи было устранено из определения преступлений против человечности, содержавшегося в Статье II(1)(с) Закона Контрольного Совета № 10 от 20 декабря 1945 г. Устаревание требования связи засвидетельствовано международными конвенциями о геноциде и апартеиде, которые запрещают определенные типы преступлений против человечности независимо от любой связи с вооруженным конфликтом»⁹⁰.

Комиссия международного права ООН в комментарии к Статье 18 Проекта Кодекса 1996 г. также указала, что «определение преступлений против человечности, содержащееся в настоящей статье, в отличие от Устава Нюрнбергского трибунала, не предусматривает того требования, чтобы деяние совершалось во время войны или в связи с преступлениями против мира или военными преступлениями»⁹¹. Далее Комиссия сослалась на тот же перечень источников, что и Апелляционная камера МТБЮ в упомянутом выше решении по делу Тадича, а также и на само это решение⁹².

К этому перечню теперь можно добавить и Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, которую 20 декабря 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН (резолюция А/61/448) приняла и открыла для подписания, ратификации и присоединения, а также предшествующую ей Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений, (принята резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1992 года). Оба этих документа признают насильственные исчезновения, если они совершаются широкомасштабно или систематически, преступлениями против человечности, не требуя при этом связи между запрещенными деяниями и каким бы то ни было вооруженным конфликтом.

Следует также еще раз указать, что СССР, разъясняя свое голосование по статье 6 (5) Дополнительного протокола II к Женевским Конвенциям, еще в 1976 г. признал принцип индивидуальной уголовной ответственности лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности в ходе немеждународных вооруженных конфликтов⁹³ (подробно об этом см. выше, раздел 19.2).

Учитывая развитие международного права, можно утверждать, что к настоящему моменту не требуется вообще никакой связи между преступлением против человечности и каким бы то ни было вооруженным конфликтом, внутренним или международным. Антонио Кассесе в 2003 году указал: «В настоящее время обычное международное право запрещает преступления против человечности, совершены ли они во время войны или мира; то же самое справедливо и в отношении Римского Статута»⁹⁴.

Теперь это утверждение поддерживается и национальным прецедентным правом. В деле Адольфо Шилинго, рассмотренном 19 апреля 2005 г. испанской Национальной судебной палатой (Audiencia Nacional), суд признал обвиняемого виновным в преступлениях против человечности в связи с деяниями, совершенными в Аргентине в 1977 г., когда никакого вооруженного конфликта на территории указанного государства не существовало⁹⁵. Это же касается и ряда других дел, рассматриваемых испанскими судами в контексте осуществления универсальной юрисдикции.

20.3. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В ИСТОЧНИКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Данный раздел носит исключительно справочный характер и может быть пропущен читателем без ущерба для понимания дальнейшего изложения.

Наиболее ранним по времени источником права, в котором перечисляются составы преступлений против человечности, является Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондонский статут). Статья 6 (с) Статута предусматривает для этой категории преступлений следующие составы:

«убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в це-

⁸⁹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 141.

⁹⁰ Там же, пар. 140-142.

⁹¹ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 18, комментарий, п. 6.

⁹² Там же.

⁹³ СССР. Заявление на дипломатической конференции (Акты Дипломатической конференции, т. IX CDDH/1/SR.64, 7 июня 1976 г., с. 333-334, пар. 85).

⁹⁴ Cassese, 2003, p. 74.

⁹⁵ 19 abr 05. Sentencia por cr menes contra la humanidad en el caso Adolfo Scilingo. Sentencia num. 16/2005 IIB 2.1.

лях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Те же составы перечислены и в ст. VI (с) Нюрнбергских принципов. Употребление термина «другие жестокости» говорит о том, что в этих документах не приводится исчерпывающего перечня возможных составов преступления.

Уставы Трибуналов по бывшей Югославии (ст.5) и Руанде (ст.3) дают один и тот же список составов преступлений против человечности:

а) убийство; б) истребление; в) порабощение; д) депортация; е) заключение в тюрьму; ф) пытки; г) изнасилования; х) преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам; и) другие бесчеловечные акты.

Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. (ст. 18) дает более развернутый список составов преступления против человечности:

а) убийство; б) истребление; в) пытка; д) порабощение; е) преследование по политическим, расовым, религиозным или этническим мотивам; ф) институционализируемая дискриминация по расовому, религиозному или этническому признакам, включающая нарушение основных прав и свобод и приводящая к серьезному ущемлению части населения; г) произвольная депортация или принудительное перемещение населения; х) произвольное заключение; и) насильственное исчезновение лиц; ж) изнасилование, принуждение к проституции и другие формы сексуального надругательства; к) другие бесчеловечные деяния, наносящие серьезный ущерб физической или психической неприкосновенности, здоровью или человеческому достоинству, такие, как нанесение увечий и причинение тяжких телесных повреждений.

Комментарий к данной статье подчеркивает, что «определение преступлений против человечности <...> взято из Устава Нюрнбергского трибунала в его толковании и применении этим трибуналом, с учетом новых моментов, появившихся в Международном праве после Нюрнбергского трибунала».

Наконец, наиболее детализированный перечень составов мы находим в ст. 7 Римского Статута Международного уголовного суда:

а) убийство; б) истребление; в) порабощение; д) депортация или насильственное перемещение населения; е) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; ф) пытки; г) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; х) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным <...> или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда; и) насильственное исчезновение людей; ж) преступление апартеида; к) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Как видно из приведенных текстов, в «постнюрнбергский» период источники международного права шли по пути постепенной детализации возможных составов преступлений против человечности, которые были заложены Лондонским статутом в фразе «и другие жестокости». Эта детализация производилась с учетом развития обычного международного права. Однако все перечни возможных преступлений остаются открытыми, что отражено в формулировках «другие бесчеловечные акты». Несомненно, это связано с тем, что, как справедливо отметила Комиссия международного права ООН, «невозможно составить исчерпывающий перечень бесчеловечных деяний, которые могли бы представлять собой преступления против человечности»⁹⁶.

20.4. СОСТАВЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

20.4.1. Общие замечания

Учитывая специфику настоящего исследования, ниже мы рассмотрим только те составы преступлений против человечности, которые, по мнению авторов, наиболее актуальны для контекста российско-чеченского конфликта. Авторы не утверждают, что преступления, составы которых нами не рассматриваются, но которые предусмотрены в источниках международного права, не были совершены в его ходе. Мы лишь утверждаем, что проанализированные нами источники не свидетельствуют о таких преступлениях, либо таких сведений явно недостаточно.

Материальные (объективные) элементы, установленные в источниках международного права для преступлений против человечности и для военных преступлений, по ряду составов полностью или почти полностью совпадают. Для отнесения каждого из таких деяний к одной из этих двух категорий определяющим являются только контекстуальные обстоятельства. Если в случае военного преступления деяние должно быть совершено в контексте вооруженного конфликта и быть с ним связано, то в случае преступления против человечности деяние должно быть частью широко распространенного или (и) систематического нападения на гражданское население. С ним сопряжен и умозаключительный элемент в виде осознания исполнителем контекста, в котором он совершает преступное деяние. Поэтому, рассматривая те составы преступлений, объективная сторона которых была нами уже подробно описана выше, мы ограничимся лишь перечислением их основных элементов, как они даны в «Элементах преступлений» Международного Уголовного Суда. Для других составов нами будет дан по возможности развернутый комментарий.

⁹⁶ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., подготовленный Комиссией международного права ООН. Комментарий к ст. 18, пар. 17.

20.4.2. Преступление против человечности в виде убийства

«Элементы преступлений» МУС описывают данный состав следующим образом:

- «1. Исполнитель убил одно или несколько лиц.
2. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.
3. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Материальный (объективный) элемент состава данного преступления, в том числе и в прецедентном праве специальных трибуналов, идентичен материальному элементу состава военного преступления в виде убийства.

20.4.3. Преступление против человечности в виде истребления

«Элементы преступлений» МУС дают для этого состава следующее определение:

- «1. Исполнитель убил одно или несколько лиц, в том числе путем создания условий жизни, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения.
2. Деяние выразилось в массовом уничтожении гражданского населения или происходило в рамках такого уничтожения.
3. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.
4. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

В примечаниях к описанию данного деяния сказано, что «термин «убил» взаимозаменяем с термином «причинил смерть» (это касается и всех других составов преступлений, предусмотренных Римским Статутом). Деяние, выразившееся в массовом уничтожении гражданского населения «может быть совершено с использованием различных методов убийства, непосредственно или косвенно». Создание условий жизни, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения, «может включать лишение доступа к пище и медикаментам. Термин «в рамках» включал бы первоначальное деяние в ходе массового убийства».

Таким образом, объективная сторона преступления против человечности в виде истребления может выражаться в двух типах деяний:

- непосредственном убийстве;
- создании условий, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения.

Истребление неоднократно становилось предметом рассмотрения Международного трибунала по Руанде. Согласно судьям, истребление по своей природе является преступлением, которое направлено против группы людей. В отличие от убийства, состав преступления истребления требует элемента массового уничтожения. Таким образом, истребление – это убийство в крупном масштабе. «Крупный масштаб» такого убийства не предлагает некоего заведомо определенного числового минимума жертв: каждый раз факт такого массового уничтожения должен устанавливаться отдельно, исходя из здравого смысла. Ответственности за отдельное или множественное убийство недостаточно для установления истребления⁹⁷.

Сходным образом истребление определяется и Комиссией международного права ООН. Сравнивая преступления против человечности в виде убийства и истребления, комиссия указала:

«Первые две категории запрещенных деяний представляют собой различные, хотя и тесно связанные друг с другом виды преступного поведения, заключающегося в лишении жизни ни в чем не повинных людей. Истребление – это преступление, которое в силу своего характера направлено против группы лиц. Кроме того, деяние, совершенное для осуществления истребления, содержит элемент массового уничтожения, который не требуется для убийства. <...> Преступление истребления будет касаться ситуаций, отличных от ситуаций, охватываемых преступлением геноцида. Истребление охватывает ситуации, в которых уничтожается группа людей, не связанных какой-либо общностью. Оно также охватывает ситуации, в которых убивают некоторых членов данной группы, оставляя жить остальных»⁹⁸.

Преступник может быть признан виновным в истреблении, если он убивает или создает условия жизни, которые приводят к смерти одного человека. Для этого должно быть доказано осознание преступником того факта, что его действия или упущения являются составной частью массовых убийств, которые совершаются в тот же период времени, и, таким образом, должны быть охарактеризованы как одно длительное нападение. Преступление истребления образует общий эффект «обширного убийственного предприятия и участия в нем обвиняемого»⁹⁹. <...> Любой акт или комбинация действий может считаться истреблением, если это способствует немедленно или в конечном счете, прямо или косвенно, незаконному физическому устранению одного или нескольких лиц как части «обширного убийственного предприятия»¹⁰⁰.

⁹⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Гакумбитси от 17 июня 2004 г., пар. 309.

⁹⁸ Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 18, комментарий, п.8.

⁹⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 591.

¹⁰⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 146-147. МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 84.

Жан-Поль Акайесу был признан виновным в истреблении за приказ об убийстве шестнадцати человек¹⁰¹ (с учетом, разумеется, того, что совершенные им действия были частью массовых и систематических убийств, совершаемых по всей стране).

В деле Багилишема МТР, опираясь на предшествующие судебные решения, определил три следующих основных элемента состава данного преступления, которые в юриспруденции данного трибунала нам кажутся наиболее точными. Обвиняемый посредством своих действий или упущений

- «(i) участвует в массовом убийстве или в создании условий жизни, приводящих к массовому убийству других;
- (ii) совершает убийство намеренно или в безрассудстве, или в крайней небрежности относительно того, закончатся ли его действия гибелью людей;
- (iii) знает, что его действия или упущения являются частью массового смертельного нападения».

«Создание условий жизни, приводящих к массовому убийству», включает, например, заключение в тюрьму большого количества людей с одновременным отказом в удовлетворении их основных жизненных потребностей так, что это приводит к массовой смерти; или заражение населения смертельным вирусом и препятствование в оказании ему медицинской помощи, что приводит к тому же самому результату¹⁰².

Разумеется, в дополнение к сказанному необходимо, чтобы нападение было направленно против гражданского населения.

В деле Крстича МТБЮ предложил следующее определение:

«Для преступления истребления <...>, в дополнение к общим требованиям преступления против человечности, должно быть доказано, что оно было направлено на специфическое население, и что составляющие его лица были убиты либо помещены в условия жизни, спланированные таким образом, чтобы вызвать уничтожение в численном выражении существенной части населения»¹⁰³.

По мнению Кассезе, из числа преступлений против человечности в виде истребления не должны быть исключены и деяния, совершаемые группами террористов с целью распространения террора (разумеется, при условии, что террористический акт является частью широко распространенного или систематического нападения)¹⁰⁴.

20.4.4. Преступление против человечности в виде заключения в тюрьму или другого жестокого лишения физической свободы

Как уже говорилось, современное международное обычное право не требует обязательной связи между преступлениями против человечности и существованием какого-либо вооруженного конфликта. Однако данный состав рассматривается нами с учетом ситуации в Чечне, исходя из того, что предполагаемые преступления были совершены в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера.

Это важно, так как в состоянии вооруженного конфликта права гражданского населения защищаются в первую очередь международным гуманитарным правом, которое в этой ситуации является *lex specialis* по отношению к международному праву прав человека как *lex generalis*. Такое соотношение специального и общего закона необходимо учитывать потому, что в ходе вооруженного конфликта (вне зависимости от того, признан он или нет) могут считаться допустимыми определенные ограничения прав личности, которые в условиях мирного времени составили бы существенное нарушение прав человека. В качестве наиболее бесспорного примера можно привести право на свободу передвижения. Очевидно, что в условиях вооруженной борьбы стороны могут ограничивать это право не только исходя из требований защиты гражданского населения, но и из военной необходимости (например, защищая свои позиции от проникновения потенциальных вражеских разведчиков или диверсантов). В связи с этим задержание военным гражданского лица, которое кажется ему подозрительным, само по себе, возможно, не составит нарушения прав человека, но, разумеется при условии, что соблюдены гарантии гуманного обращения и основные процессуальные права, предусмотренные международным гуманитарным правом. Однако в мирное время такое задержание было бы незаконным само по себе, ибо военные (по крайней мере в российском законодательстве) не наделены, вне чрезвычайных ситуаций, полномочиями задерживать гражданских лиц.

С учетом сказанного мы будем принимать во внимание, что не всякое лишение свободы, которое, безусловно, считалось бы произвольным в мирное время, является таковым в условиях вооруженного конфликта.

«Элементы преступлений» МУС описывают рассматриваемый нами состав преступления против человечности следующим образом:

- «1. Исполнитель заключил в тюрьму одно или несколько лиц или иным образом подверг одно или несколько лиц жестокому лишению физической свободы.
2. По своей тяжести деяние являлось нарушением основополагающих норм международного права.

¹⁰¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 735-744.

¹⁰² МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 88-90.

¹⁰³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 503.

¹⁰⁴ Cassese, 2003, p. 75.

3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о тяжести такого деяния.

4. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

5. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Таким образом, в целях Римского Статута для ответа на вопрос о законности или незаконности лишения человека свободы необходимо установить, соблюдались ли при этом исполнителем «основополагающие нормы международного права». Основополагающие нормы, регулирующие права лиц, лишенных свободы вне контекста международного вооруженного конфликта, содержатся в источниках международного права прав человека¹⁰⁵. К ним, в первую очередь, относятся правила, содержащиеся в статье 9 Всеобщей декларации прав человека и статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., подготовленный Комиссией международного права ООН, определяет данное деяние как «произвольное заключение»¹⁰⁶. В соответствии с комментарием Комиссии «термин "заключение" включает лишение свободы конкретного лица, а термин "произвольное" устанавливает требование, согласно которому указанное лишение свободы должно производиться без соблюдения законности»¹⁰⁷. Дальнейший текст комментария содержит ссылку на статью 9 Всеобщей декларации прав человека и статью 9 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁰⁸. Последняя устанавливает:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. 2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста, и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение. 3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора. 4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно. 5. Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую искомой силой».

Таким образом, пункт 1 данной статьи устанавливает, что любое лишение свободы должно производиться в соответствии с основаниями и процедурой, установленными законом. Так как в тексте употребляется слово «закон» (а не «настоящий пакт» или, например, «нижеследующие правила»), то очевидно, что здесь имеется в виду внутреннее законодательство государства — участника данного соглашения. Дальнейшие пункты статьи, как представляется, устанавливают минимальные гарантии, применимые в случае лишения свободы.

Другие применимые универсальные и региональные соглашения и иные источники права прав человека (Всеобщая декларация прав человека, ст. 3; Конвенция о правах ребенка, ст. 37 (b); Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 5 (1); Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Принцип 2) также предусматривают, что никто не может быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и при таких условиях, которые ранее были установлены законом.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что при установлении факта преступления против человечности в виде заключения в тюрьму или иного жестокого лишения физической свободы, совершаемого вне контекста международного вооруженного конфликта, законность либо незаконность деяния должна определяться исходя из внутреннего законодательства государства, на территории которого происходит данное деяние, если это законодательство не противоречит минимальным стандартам, установленным в международном праве прав человека. Таким образом, в данном случае норма международного права предписывает необходимость обращения к внутреннему закону соответствующего государства.

Договорное гуманитарное право, применимое в ситуациях внутреннего конфликта, не содержит специальных критериев законности/незаконности задержания гражданских лиц. Однако общая статья 3 Женевских конвенций, а также Дополнительный протокол II требуют гуманного обращения со всеми гражданскими лицами и лицами, вышедшими из строя, тогда как произвольное лишение свободы несовместимо с этим требованием.

¹⁰⁵ В случае международного вооруженного конфликта лишение свободы регулируется следующими нормами международного гуманитарного права: ст. 28, 30 и 32 Первой Женевской конвенции (для задержания и удержания медицинского и духовного персонала), ст. 36 и 37 Второй Женевской конвенции (для медицинского и духовного персонала госпитальных судов), ст. 21, 90, 95, 103, 109 и 118 Третьей Женевской конвенции (для военнопленных) и ст. 42, 43 и 78 Четвертой Женевской конвенции (для гражданского населения).

¹⁰⁶ Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 18 (h).

¹⁰⁷ Там же, комментарий, п. 14.

¹⁰⁸ Там же.

Одновременно запрет на произвольное лишение свободы устанавливается практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных конфликтов. МККК в своем глобальном исследовании по обычному международному гуманитарному праву приходит к выводу, что данное запрещение устанавливается практикой государств в виде военных уставов и наставлений, внутригосударственного законодательства и официальных заявлений, а также на основе международного права прав человека. Отмечается, что во всех государствах есть законодательство, указывающее основания для содержания лица под стражей, но было обнаружено, что более 70 государств криминализировали незаконное лишение свободы во время вооруженного конфликта, причем в большинстве случаев эта криминализация относится и к внутренним конфликтам. МККК подчеркивает, что официальной практики, противоречащей данной норме, не было обнаружено ни в отношении международных, ни в отношении внутренних конфликтов¹⁰⁹.

«Наставление по гуманитарному праву Вооруженным силам Российской Федерации» также относит незаконный арест к числу деяний, влекущих за собой уголовную ответственность¹¹⁰. Указывается, что в случае вооруженного конфликта немеждународного характера, «лица, подозреваемые в участии в вооруженном конфликте, задерживаются и передаются правоохранительным органам. До этого времени обеспечивается их охрана от возможных посягательств на физическую неприкосновенность»¹¹¹.

Формулируя общепринятые процессуальные гарантии для лиц, лишенных свободы в ходе немеждународного конфликта, авторы исследования МККК также исходят из норм права прав человека. На основе анализа международной практики они приходят к выводу, что в условиях внутреннего конфликта должны соблюдаться, как минимум, следующие требования: обязательство уведомлять арестованного о причинах ареста, незамедлительно доставлять лицо, арестованное по уголовному обвинению, к судье и предоставить ему возможность оспорить законность задержания. Кроме того, выявлена значительная практика, показывающая, что лица, лишенные свободы в контексте внутреннего конфликта, должны иметь возможность обратиться к адвокату. В частности, помощь адвоката необходима, чтобы возможность оспорить законность задержания могла быть действенной¹¹².

В практике МТБЮ имеются определения незаконного заключения как преступления против человечности. В деле Крноелаца Судебная камера выделила следующие его элементы: «1) лицо лишено его или ее свободы; 2) лишение свободы осуществлено произвольно, то есть не имеется никакого правового основания для лишения свободы; 3) действие или упущение, вследствие которого лицо или лица лишены физической свободы, было совершено обвиняемым с намерением произвольно лишить человека его физической свободы или с пониманием того, что его действие или упущение, вероятно, будут иметь следствием произвольное лишение физической свободы»¹¹³. Сходным образом Судебная камера определила ранее элементы этого преступления в деле Кордича и Черкеза: «произвольное заключение, то есть лишение человека свободы без надлежащей правовой процедуры, как часть широко распространенного или систематического нападения, направленного против гражданского населения». Далее констатируется, что для установления факта данного преступления Суду необходимо оценить законность самого заключения, затем процедурные гарантии, имеющие отношение к последующему заключению человека или группы людей, и, наконец, действительно ли инкриминируемые деяния совершались как часть широко распространенного или систематического нападения, направленного против гражданского населения¹¹⁴.

Как видим, в рассмотренных случаях Суд также оперирует такими понятиями, как «правовые основания» и «процедурные гарантии». Однако экстраполяция данной практики МТБЮ на чеченский контекст может иметь лишь ограниченное значение, так как трибунал рассматривал в упомянутых делах незаконное лишение свободы в контексте международного конфликта. Поэтому законность задержания и процедурные гарантии определялись им в соответствии со ст. 42 и 43 Четвертой Женевской конвенции. Как было показано выше, контекст внутреннего конфликта диктует в этом случае применение норм внутреннего законодательства, если оно не противоречит обычным нормам гуманитарного права внутреннего конфликта и праву прав человека.

Российская Федерация является участником всех универсальных и многих региональных соглашений в области прав человека, носящих обязывающий характер (в том числе и Международного пакта о гражданских и политических правах). Конституция Российской Федерации и национальное законодательство в целом соответствуют обязательствам, содержащимся в этих соглашениях. Как было показано выше, нормы международного гуманитарного права внутреннего конфликта, имплементированные во внутригосударственное законодательство, также соответствуют международным соглашениям РФ. Таким образом, при оценке законности задержания и содержания под стражей в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике федеральной стороной необходимо использовать нормы российского закона, если не будет установлено, что те или иные его положения существенно нарушают международные обязательства в области прав человека и гуманитарного права. При этом важно, что Российская Федерация в ходе конфликта не заявляла о том, что она временно отступает от тех или иных международ-

¹⁰⁹ Хенкертс, Досвальд-Бек, 2006. Том I. Нормы. С. 439.

¹¹⁰ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001 г., с. 16-17, п. 14, с. 12-13.

¹¹¹ Там же, с. 33, п. 84.

¹¹² Там же, с. 145-149.

¹¹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар 115.

¹¹⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 302-303.

ных обязательств (как это она, например, имела право сделать в порядке ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека). При оценке законности задержания и содержания под стражей чеченской стороной конфликта необходимо руководствоваться общепризнанными нормами прав человека и нормами обычного гуманитарного права, применимыми к условиям внутреннего конфликта.

20.4.5. Преступление против человечности в виде насильственного исчезновения людей

Впервые в действующих документах международного уголовного права насильственное исчезновение людей выделено в качестве отдельного состава преступления против человечности Римским Статутом Международного Уголовного Суда. Однако уже Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений, принятая резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1992 года, устанавливает, что «систематическое совершение таких актов по своему характеру является преступлением против человечности» (Преамбула). Хотя данная Декларация не является юридически обязывающим документом, она отражает сложившийся в международном сообществе консенсус по данному вопросу. Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц (принята в июне 1994 г. Генеральной Ассамблеей Организации американских государств), обязательная для подписавших ее сторон, воспроизводит многие положения Декларации 1992 г. В 1996 г. Комиссия международного права ООН включила насильственные исчезновения людей в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Наконец, статья 5 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, которую 20 декабря 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН (резолюция A/61/448) приняла и открыла для подписания, ратификации и присоединения, гласит: «Широко распространенная или систематическая практика насильственных исчезновений является преступлением против человечности, как оно определяется в применимом международном праве, и влечет за собой последствия, предусмотренные таким применимым международным правом».

Очевидно, что насильственное исчезновение является одним из видов преступного поведения, которые подпадают под определения «другие жестокости» или «другие бесчеловечные акты», содержащиеся в предшествующих Проекту Кодекса и Римскому Статулу источниках международного уголовного права. Именно этой логикой руководствовался МТБЮ в деле Купрешкича и в деле Квочки, установив, что насильственные исчезновения составляют преступление против человечности, подпадая под категорию «другие бесчеловечные действия», предусмотренную статьей 5 (i) устава этого трибунала¹¹⁵.

С другой стороны, насильственные исчезновения можно рассматривать и как одну из наиболее тяжелых форм такого состава преступления, как «заклечение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы». По крайней мере в случаях, когда они прямо совершаются представителями государства. Данная трактовка обосновывается тем, что жертва лишается свободы без правовых оснований и процедурных гарантий и вообще ставится вне защиты закона. Декларация ООН о защите всех лиц от насильственных исчезновений (ст. 1) констатирует, что насильственные исчезновения являются нарушением целого комплекса прав (права на признание правосубъектности личности, права на свободу и безопасность, права не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания), а также нарушают право на жизнь или представляют собой серьезную угрозу этому праву.

Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений (Преамбула) определяет, что факт насильственного исчезновения имеет место, когда

«лица подвергаются аресту, задерживаются или похищаются против их воли или каким-либо иным образом лишаются свободы должностными лицами различных звеньев или уровней правительства, организованными группами или частными лицами, действующими от имени правительства, при его прямой или косвенной поддержке, с его разрешения или согласия, при последующем отказе сообщить о судьбе или местонахождении таких лиц или признать лишение их свободы, что ставит данных лиц вне защиты закона».

Сходное определение дает и Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (статья 2):

«Для целей настоящей Конвенции насильственным исчезновением считается арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона».

«Элементы преступлений» МУС дают преступлению против человечности в виде насильственных исчезновений следующую развернутую характеристику:

«1. Исполнитель:

а) арестовал, задержал или похитил одно или нескольких лиц; или б) отказался признать факт ареста, лишения свободы или похищения, либо предоставить информацию о судьбе или местонахождении такого лица или лиц.

¹¹⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича и др. от 14 января 2000 г., пар. 566. Решение Судебной камеры по делу Квочки и др. от 2 августа 2001, пар. 523.

2. а) После или во время такого ареста, задержания или похищения имел место отказ признать факт такого лишения свободы и предоставить информацию о судьбе или местонахождении такого лица или лиц; или б) в этом было отказано после или во время такого лишения свободы.

3. Исполнитель знал, что: а) такой арест, задержание или похищение при обычном развитии событий будут сопровождаться отказом признать факт лишения свободы или предоставить информацию о судьбе или местонахождении такого лица или лиц;

или б) такой отказ имел место после или во время этого лишения свободы.

4. Такой арест, задержание или похищение было совершено государством или политической организацией либо с их разрешения, при их поддержке или с их согласия.

5. Такой отказ признать факт лишения свободы или предоставить информацию о судьбе или местонахождении такого лица или лиц был выражен таким государством или политической организацией либо с их разрешения или при их поддержке.

6. Исполнитель имел умысел на длительное время лишить такое лицо или лиц защиты со стороны закона.

7. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

8. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Примечания к данным элементам разъясняют, что:

– слово «задержал» будет относиться к исполнителю, который продолжает осуществлять существующее задержание;

– что в определенных обстоятельствах арест или задержание, которые впоследствии влекут насильственное исчезновение, могут сами по себе иметь законный характер;

– для пункта 3 (а) понимается, что в случае исполнителя, который продолжает осуществлять существующее задержание, этого элемента будет достаточно, если исполнитель знает, что такой отказ уже имел место.

20.4.6. Преступление против человечности в виде пытки

Основные элементы преступления пытки содержатся в определении, данном в статье 1 Конвенции против пыток:

«1. Для целей настоящей Конвенции определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно. 2. Эта статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству, которое содержит или может содержать положения о более широком применении.

Как мы уже показали выше (см. раздел 19.6.3), прецедентное право Международных трибуналов ООН последовательно в том, что требование участия в пытке представителя государства в условиях вооруженного конфликта не является обязательным¹¹⁶.

«Элементы преступлений» Международного Уголовного Суда дают этому составу следующую характеристику:

«1. Исполнитель причинил сильную физическую или нравственную боль или страдание одному или нескольким лицам.

2. Такое лицо или лица находились под стражей или под контролем исполнителя.

3. Такие боль или страдания не включают боль или страдания, возникающие лишь в результате законных санкций, неотделимые от этих санкций или вызываемые ими случайно.

4. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

5. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Примечание к этому разделу подчеркивает, что «доказательства наличия конкретной цели в связи с данным преступлением не требуется». Таким образом, МУС исключает из числа элементов преступления против человечности в виде пытки «запрещенную цель».

¹¹⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Кунараца от 12 июня 2002 г., пар. 148. Решение Апелляционной камеры по делу Квочки от 28 февраля 2005 г. пар. 280-284. МТР. Решение Судебной камеры и сентенция по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 342-343.

20.4.7. Преступление против человечности в виде изнасилования

«Элементы преступлений» МУС дают этому преступлению следующую характеристику:

«1. Исполнитель посягнул на тело лица, совершив деяние, в результате которого имело место проникновение, даже самое незначительное, в любую часть тела потерпевшего или исполнителя, половым членом либо любым предметом или любой частью тела в анальное или генитальное отверстие потерпевшего.

2. Посягательство было совершено с применением силы или угрозы силой в отношении данного или другого лица, либо путем принуждения, вызванного, например, страхом перед насилием, грубым принуждением, задержанием, психологическим давлением или злоупотреблением властью, либо путем использования обстановки, характеризующейся принуждением, либо посягательство было совершено в отношении лица, неспособного дать согласие, выражающее его истинную волю».

Понятие «посягательство» в целях Римского Статута призвано быть достаточно широким, чтобы сохранялась нейтральность с точки зрения половой принадлежности. Также понимается, что лицо может быть неспособно дать согласие, выражающее его истинную волю, в результате естественной, искусственно вызванной или возрастной недееспособности. Данное соображение также относится и к соответствующим элементам других преступлений против половой неприкосновенности личности.

В практике специальных трибуналов определение элементов изнасилования как преступления против человечности было дано в деле Акайесу (Международный Трибунал по Руанде) и в делах Фурунджия и Кунараца (Международный Трибунал по бывшей Югославии)¹¹⁷. Принципиально оно совпадает с определением МУС.

20.4.8. Преступление против человечности в виде сексуального насилия

«Элементы преступлений» МУС дают для этого состава следующее определение:

«1. Исполнитель совершил в отношении одного или нескольких лиц акт сексуального характера либо вовлек такое лицо или лиц в совершение акта сексуального характера путем применения силы или угрозы силой против такого лица или лиц либо другого лица либо путем принуждения, вызванного, например, страхом перед насилием, грубым принуждением, задержанием, психологическим давлением или злоупотреблением властью, либо путем использования обстановки, характеризующейся принуждением, или же неспособности такого лица или лиц дать согласие, выражающее их истинную волю.

2. По своей тяжести такое деяние являлось сопоставимым с другими нарушениями, указанными в пункте 1 (g) статьи 7 Статута.

3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о тяжести такого деяния.

4. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

5. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

20.4.9. Преступление против человечности в виде преследования

а) Определение

«Элементы преступлений» МУС описывают данный состав следующим образом:

«1. Исполнитель серьезно ограничил, в нарушение норм международного права, свободу одного или нескольких лиц с точки зрения осуществления основополагающих прав.

2. Исполнитель выбрал в качестве объекта для преследований такое лицо или лиц в силу особенностей группы или общности или выбрал в качестве объекта для преследований группу или общность как таковую.

3. Такой выбор был продиктован политическими, расовыми, национальными, этническими, культурными, религиозными, гендерными, как это определено в пункте 3 статьи 7 Статута, или другими мотивами, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву.

4. Деяние было совершено в связи с любым актом, указанным в пункте 1 статьи 7 Статута, или любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда.

5. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

6. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Прецедентное право специальных международных трибуналов дает этому составу преступления развернутую и детальную характеристику. Из нее можно заключить, что в соответствии с нормами обычного международ-

¹¹⁷ См. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Фурунджия от 10 декабря 1998 г., пар. 177. Решение Судебной камеры по делу Кунараца от 22 февраля 2001 г., пар. 436-464.

ного права под преступлением против человечности в виде преследования следует понимать любые негуманные действия, имеющие серьезные последствия для жертв и совершенные по дискриминационным основаниям.

Дискриминационное основание — это элемент, выделяющий преследование из других составов как преступлений против человечности, так и военных преступлений, и сближающий его с преступлением геноцида. Следует отметить, что массовая дискриминация и последующее уничтожение евреев нацистами было квалифицировано Нюрнбергским трибуналом именно как преследование (отдельного состава преступления геноцида в международном праве того времени еще не существовало). Таким образом, преследование — это особенно тяжкое международное преступление.

Материальный элемент преступления преследования может выражаться в самых разных противоправных деяниях, а также включать в себя действия, предусмотренные другими составами преступлений против человечности и военных преступлений, если доказано, что такие действия совершались по дискриминационным мотивам и в контексте массового или (и) систематического нападения на гражданское население. МТБЮ, ссылаясь на материалы 48-й сессии Комиссии международного права ООН, подчеркивает, что преследование может принять много форм и по своей сути является «опровержением прав человека и основных свобод, на которые каждый имеет право без различия» и которые по самой их природе включают право на жизнь человека и уважение к его физическому и умственному благосостоянию¹¹⁸.

В деле Купрешкича и др. Судебная камера МТБЮ дает следующую характеристику этому преступлению:

«Преследование — одно из самых порочных из всех преступлений против человечности. Его корни питает отрицание принципа равенства людей. Преследование основано на дискриминации. На мнении, что людей, которые по этническим, расовым или религиозным признакам отличаются от людей из доминирующей группы, нужно рассматривать как низших по сравнению с последними. В преступлении преследования это дискриминационное намерение проявляется в чрезвычайно грубом и систематическом растаптывании фундаментальных прав лиц, относящихся к группе жертв. Преследованию не хватает только одного шага до геноцида — самого отвратительного преступления против человечности. В геноциде преступное намерение достигает его крайних пределов через преследование цели физического уничтожения группы или членов группы. В преступлении геноцида преступное намерение состоит в том, чтобы уничтожить группу <...>. В преступлении преследования преступное намерение состоит в том, чтобы вместо этого, предвзято относясь к группе или ее членам, путем насилия чрезвычайно грубо и систематически нарушать их фундаментальные права человека»¹¹⁹.

Судебная камера приходит к выводу, что преступление преследования включает следующие элементы:

- (a) элементы, требуемые для всех преступлений против человечности согласно Уставу;
- (b) явное и грубое попрание фундаментальных прав, достигающее того же уровня серьезности, что и другие действия, запрещенные статьей 5 [Устава МТБЮ];
- (c) дискриминационные основания¹²⁰.

Прецедентное право специальных международных трибуналов обращает особое внимание на различие объективной и субъективной стороны данного преступления, под которыми соответственно понимаются преступное деяние (и его последствия для жертв) и форма вины в виде специального дискриминационного намерения¹²¹.

б) Объективный элемент преступления против человечности в виде преследования

Преследование — преступление очень высокой степени тяжести, и для его доказывания демонстрации одного лишь дискриминационного намерения недостаточно¹²². Не любое дискриминационное действие может составить преступление преследования. МТБЮ иллюстрирует это соображение следующим примером: ограничения прав представителей группы на участие в отдельных аспектах социальной жизни (типа посещений общественных парков, театров или библиотек) составляют дискриминацию, которая является сама по себе предосудительным актом. Однако они сами по себе, возможно, еще не образуют преступление преследования. Такие действия нельзя рассмотреть изолированно: их необходимо исследовать в контексте других дискриминационных действий и определять их совокупный эффект¹²³.

К числу нарушений, которые могут (при наличии субъективной стороны) образовывать преступление преследования, должны быть, в частности, отнесены следующие деяния:

Убийство, истребление, порабощение, пытка и нанесение серьезных телесных повреждений, а также незаконное задержание представителей гражданского населения (то есть грубое нарушение права на жизнь и физическую неприкосновенность личности)¹²⁴.

Уничтожение и грабеж собственности. При этом данные деяния должны иметь серьезные последствия для жертвы, как это, например, происходит при конфискации или уничтожении частного жилья и запасов

¹¹⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 225, со ссылкой на: 1996 ILC Report, p. 98 (emphasis added).

¹¹⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 751.

¹²⁰ Там же, пар. 627.

¹²¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 131.

¹²² Там же, пар. 138-139, 160.

¹²³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 615.

¹²⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 615. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 234. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 143.

продовольствия, уничтожении городов, деревень, а также «обширном опустошении, не оправданном военной необходимостью и выполненном незаконно, беспричинно и по дискриминационным основаниям». При разрешении вопроса, достигают ли конкретные нарушения прав собственности такой серьезности, чтобы составить преступление преследования, необходимо учитывать тип уничтожаемой или конфискуемой собственности. МТБЮ в ряде решений указал, что есть определенные виды собственности, уничтожение которых, возможно, не имеет достаточно серьезного воздействия на жертву, чтобы явиться преступлением против человечности, даже если такое уничтожение совершено по дискриминационным основаниям. Пример — сожжение чьего-либо автомобиля (если автомобиль не является основным средством заработка, обеспечивающего жизнь его владельца)¹²⁵.

*Незаконная высылка и перемещение гражданских лиц, не оправданные соображениями их безопасности или насущной военной необходимостью*¹²⁶

*Бесчеловечное обращение с представителями гражданского населения, включая привлечение к работам по возведению оборонительных сооружений, взятие заложников, использование их в качестве живых щитов, избития, нанесение физических и психических травм, запугивание, лишение надлежащего питания и воды и другие нарушения, достигающие порога серьезности преступления против человечности*¹²⁷.

*Нападения на гражданское население и нападения без выбора целей в городах и деревнях*¹²⁸.

*Систематическое уничтожение памятников специфической социальной, религиозной, культурной или другой группы*¹²⁹.

*Принятие дискриминационных законов и вынесение в соответствии с ним, или по другим дискриминационным основаниям несправедливых судебных решений, имеющих тяжкие последствия для жертв*¹³⁰.

в) Субъективный элемент преступления против человечности в виде преследования

Формой вины для данного преступления является специальное дискриминационное намерение, т. е. намерение причинить жертве вред из-за ее принадлежности к определенной расовой, национальной, религиозной, или политической группе¹³¹. Этот элемент требуется установить в дополнение к намерению совершить основное преступление (непосредственный преступный акт, совершаемый преступником, типа убийства, пытки и т. д.).

Определяя субъективную сторону преступления преследования, Судебная камера МТБЮ процитировала труды известных юристов-международников и решения национальных судов, рассматривавших дела о преступлениях против человечности. В частности, Суд обратился к трактовке Шерифа Бассиони, который указывал, что при преследовании преступник причиняет жертве вред «из-за верований, взглядов, или членства жертвы в конкретной опознаваемой группе (религиозной, социальной, этнической, лингвистической и т. д.) или просто потому, что преступник стремился выбрать данную категорию жертв по причинам, специфическим для преступника». Сходную трактовку суд находит в Апелляционном решении Лионского суда по делу шефа местного гестапо Клауса Барбье: «Прежде всего эти преступления оскорбляют фундаментальные права человечества: право на равенство, без различия расы, цвета кожи или национальности, и право придерживаться собственных политических и религиозных воззрений. Такие преступления не только причиняют травмы или смерть, но и отягчены произвольным, преднамеренным и некомпенсируемым нарушением достоинства всех мужчин и женщин: они преследуются только потому, что принадлежат к группе, к которой не принадлежат их преследователи, или не принимают их главенства». Далее суд ссылается на мнение Антонио Кассесе, который, опираясь на определение, данное в деле Барбье, пишет, что этот тип преступлений должен охватывать и негуманные действия, направленные против вражеских гражданских лиц, не потому, что они являются, например, евреями, приверженцами каких-либо взглядов, или политическими противниками, «но только потому, что они принадлежат врагу»¹³². Таким образом, преступник может стигматизировать определенную группу, которая, по его субъективному мнению, представляется ему «вражеской».

Наличие дискриминационного намерения является общим элементом для преступления преследования и преступления геноцида (правда, в последнем случае — в отношении несколько более узкого числа групп). Поэтому методика определения дискриминируемых групп, примененная по делам, где подсудимые обвинялись в геноциде, также применима и для определения элементов преступления преследования. В решении Судебной камеры МТБЮ по делу Елисича судьи воспользовались т. н. «субъективным критерием», т. к. объективное, строго научное определение национальной, этнической или расовой группы не обязательно соответствует критериям, по которым данную группу выделял сам преступник. При этом судьи отметили, что их позиция по этому вопросу основывается на аналогичном подходе Судебной камеры МТБЮ, рассматривавшей

¹²⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича от 14 января 2000 г., пар. 631. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 144-149.

¹²⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 150-153.

¹²⁷ Там же, пар. 154-155.

¹²⁸ Там же, пар. 156-159.

¹²⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Блашкича от 3 марта 2000 г., пар. 231.

¹³⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 109.

¹³¹ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Блашкича от 29 июля 2004 г., пар. 161-166.

¹³² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Тадича от 7 мая 1997 г., пар. 695-696, со ссылками на: M. Cherif Bassiouni. Crimes Against Humanity in International Criminal Law. 317 (Martinus Nijhoff: Dordrecht, 1992). Report of Counsellor Le Gunehec, 24, quoted in Cassese, Violence and Law in the Modern Age, 112.

обвинительный акт Драгана Николича, и позиции Судебной камеры Международного Трибунала по Руанде, выраженной в решении по делу Кайяшема и Рузиндана. В соответствии с этим критерием группа может быть подвергнута стигматизации с использованием либо «позитивного» либо «негативного» подхода. «Позитивный» подход имеет место, когда преступник выделяет группу по типичным чертам, которые, как он полагает, являются специфическими именно для этой расовой, этнической или религиозной группы. «Негативный» подход фактически строится по принципу «свой — чужой». При нем стигматизируется группа, представители которой не относятся к сообществу, к которому преступники причисляют самих себя. Таким образом, все лица, исключенные преступниками из числа «своих», будут составлять обособленную группу¹³³.

20.4.10. Преступление против человечности в виде других бесчеловечных актов

«Элементы преступлений» МУС описывают данный состав следующим образом:

«1. Исполнитель причинил сильные страдания или серьезные телесные повреждения или ущерб психическому или физическому здоровью посредством бесчеловечного акта.

2. Такой акт по своему характеру был сходен с любым другим актом, указанным в пункте 1 статьи 7 Статута 30.

3. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о характере такого деяния.

4. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

5. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Судьи Международного трибунала по бывшей Югославии отметили, что фраза «другие бесчеловечные акты» была преднамеренно включена в Устав как остаточная категория, поскольку попытка исчерпывающей классификации всех составов преступлений против человечности могла бы создать возможность для уклонения от наказания¹³⁴. В деле Васильевича МТБЮ определил для объективной и субъективной стороны данной категории преступлений следующие элементы:

«(i) совершены действие или упущения, подобные по серьезности другим перечисленным действиям под Статьей 5;

(ii) действие или упущение повлекли серьезное умственное или физическое страдание или рану или составили серьезное посягательство на человеческое достоинство;

(iii) действие или упущение были совершены преднамеренно и влекут для совершивших их лиц уголовную ответственность»¹³⁵.

Сходные определения содержатся и в других судебных решениях МТБЮ и МТР¹³⁶. Подчеркивается, что необходимая вина состоит в том, что «исполнитель преступления во время действия или упущения имел намерение причинить серьезное физическое или умственное страдание или совершить серьезное посягательство на человеческое достоинство жертвы, или что он знал, что его действие или упущение, вероятно, повлекут серьезное физическое или умственное страдание или серьезное посягательство на человеческое достоинство, и был опрометчив относительно того, вызвали ли такое страдание или посягательство его действия или упущения»¹³⁷.

Следует отметить, что практика МТР относит к числу деяний, подпадающих под категорию «других бесчеловечных актов», страдание третьего лица, когда он становится очевидцем зверств, совершаемых в отношении его близких¹³⁸, а также случаи глумления над телом убитого (сексуальное надругательство над телом мертвой женщины)¹³⁹.

Очевидно, что терроризирование гражданского населения также может быть отнесено к преступлениям против человечности в виде «других бесчеловечных актов». «Проявления терроризма, — замечает Антонио Кассезе, — могут составить преступление против человечности, когда они отвечают специальным требованиям этих преступлений, то есть когда (i) они часть широко распространенного или систематического нападения на гражданских лиц; и (ii) преступники знают или осведомлены о факте, что их преступные действия — часть общего или систематического образца поведения. По-видимому, принимая форму преступлений против человечности, терроризм может проявляться как убийство, истребление, пытка, изнасилование или охватывать «другие бесчеловечные акты»¹⁴⁰.

¹³³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 3 марта 1998, пар. 69-72.

¹³⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Купрешкича и др. от 14 января 2000 г., пар. 563.

¹³⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Васильевича от 29 ноября 2002 г., пар. 234.

¹³⁶ См., например: МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Кордича и Черкеза от 26 февраля 2001 г., пар. 271-272. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 585. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 148-151. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 92. Решение Судебной камеры по делу Нийитегека от 16 мая 2003 г., пар. 460.

¹³⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крноелаца от 15 марта 2002 г., пар. 132.

¹³⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 153.

¹³⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нийитегека от 16 мая 2003 г., пар. 465, 467.

¹⁴⁰ Cassese, 2003, p. 128.

ГЛАВА 21. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕНОЦИДА

21.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА

Как было показано выше (см. раздел 10.3 (г)), дефиниция преступления геноцида развилась из подкатегории преступления против человечности. Однако, как убедительно разъясняет Антонио Кассесе, к настоящему моменту, несмотря на ряд общих черт, геноцид является отдельным классом международных преступлений, со своим особым составом, выраженным прежде всего в его уникальной субъективной стороне¹.

В то же время подход к «преступлению преступлений» в обыденном сознании и политическом словоупотреблении зачастую игнорирует эти уникальные черты. Вильям Шабас в одной из своих статей справедливо отметил, что историческое смешивание понятий геноцида и преступлений против человечности может быть понято как попытка заклеить те или иные виды отвратительного поведения вне зависимости от юридических доктрин. «Часто трудно, — пишет он, — противиться искушению квалифицировать злодеяния словом «геноцид», обладающим такими ужасными коннотациями. <...> Как в легендарном прокрустовом ложе, определение геноцида находилось в непрерывном процессе интерпретации в надежде, что оно может соответствовать ситуациям, для которых никогда не разрабатывалось». И не всегда с моральной точки зрения просто оспаривать такой подход, настаивая на том, что определенные действия, потрясающие своей бесчеловечностью, все же не являются с правовой точки зрения геноцидом².

Действительно, обвинения в геноциде сыплются на страницах газет и популярных изданий, как из рога изобилия. И это касается не только высказываний жертв, представителей сторон вооруженных конфликтов или противников диктатур, когда наличие геноцида можно было бы предполагать по крайней мере теоретически. В России, например, редкая политическая группа не обвиняла своих противников из лагеря партии власти в геноциде, подразумевая под таковым любое злодеяние. Недавно авторам на страницах одного из периодических изданий довелось даже столкнуться с термином «жилищно-коммунальный геноцид», применительно к несправедливой по отношению к малоимущим слоям населения реформе жилищно-коммунального хозяйства. Впрочем, и представители российских властей не брезговали жонглированием данным понятием, в том числе и в связи с событиями в Чечне, не говоря уже о событиях российско-грузинского вооруженного конфликта августа 2008 г. В результате термин, означающий конкретное международное преступление, оказался к настоящему моменту «затасканным» в обыденном сознании и близок к банальному ругательству. Это привело к тому, что серьезные эксперты правозащитных организаций, обсуждая проблематику чеченского конфликта, предпочитают вообще не вдаваться в обсуждение возможности квалификации этого преступления применительно к обсуждаемому контексту, поскольку это уже считается дурным тоном. С другой стороны, большое количество антивоенных активистов употребляют его с большой охотой, не утруждая себя изучением правового значения используемого термина.

Для многих парадоксально прозвучали бы два следующих утверждения: во-первых, не каждый случай массового уничтожения людей равняется геноциду, во-вторых, не каждый акт даже незначительного по числу жертв и локального насилия исключает существование геноцида. Между тем это так: геноцид и массовое убийство вовсе не одно и то же; элемент массового убийства не является обязательным квалифицирующим признаком геноцида, хотя и является важнейшим из индикаторов, сигнализирующих о его возможном совершении.

Одна из целей, которую мы ставили при написании данной главы, и заключается в том, чтобы очистить данный термин от вульгарного налета политической риторики и рассмотреть его в строгом соответствии с юридическим значением, которое придается преступлению геноцида в современном международном уголовном праве.

Источником запрещения преступления геноцида является Конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», утвержденная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. (всту-

¹ Cassese, 2003, p. 106-107.

² William A. Schabas. Problems of International Codification – Were the Atrocities in Cambodia and Kosovo Genocide? // New England Law Review. Vol. 35:2, p. 301.

пила в силу 12 января 1961 г.), основные положения которой стали теперь нормами обычного международного права. В своем Консультативном заключении Международный Суд ООН определил, что «принципы, лежащие в основе Конвенции, являются принципами, которые признаны цивилизованными странами как связывающие государства даже без любого обычного обязательства»³. Генеральный секретарь ООН также высказал суждение об обычном правовом статусе принципов материального права, установленных этой конвенцией, которое было затем подтверждено Советом Безопасности⁴ и решениями Международных трибуналов по Югославии⁵ и Руанде⁶. Более того, данные нормы сегодня относятся к категории безапелляционных норм *jus cogens*⁷, которые не могут быть отменены ни международным договором, ни, тем более, национальным законодательством⁸.

Одновременно Конвенция о геноциде является и главным источником для определения состава данного преступления. Она дает его четкое определение в плане необходимого намерения и запрещенных деяний. Поэтому с некоторыми техническими корректировками ее определения были внесены в Уставы специальных трибуналов ООН по Югославии (ст. 4), Руанде (ст. 3) и в Римский Статут Международного Уголовного Суда (ст. 6, 25).

Статья II Конвенции устанавливает:

«под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Статья III перечисляет «наказуемые деяния» или формы участия в преступлении геноцида:

- «а) геноцид;
- б) заговор с целью совершения геноцида;
- в) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- г) покушение на совершение геноцида;
- д) соучастие в геноциде».

Статья I Конвенции определяет, что геноцид является преступлением независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, статья VI устанавливает недопустимость ссылки на положение обвиняемых, «являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами», а статья VI указывает, что «лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяниях, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда».

Комиссия международного права ООН отметила, что совершение преступления геноцида не требует достижения конечного результата уничтожения группы: достаточно совершения любого из перечисленных в статье II деяний с явным намерением достижения полного или частичного уничтожения защищаемой группы как таковой⁹.

Практически все обвиняемые, дела которых рассмотрел Международный трибунал по Руанде, были признаны Судом виновными в тех или иных формах участия в геноциде (Акайесу, Багилишема, Бараягвиза, Камбанда, Кайяшема, Мусема, Нахимана, Нгезе, Нийиетеджека, братья Нтакиругимана, Ругги, Рутаганда, Рузиндана, Семанза, Серусаго и другие). Приговоры за участие в геноциде в отношении ряда лиц были вынесены и Международным трибуналом по бывшей Югославии (Крстич, Благович). К определению преступления геноцида МТБЮ обращался и в ряде других решений. Кроме того, национальные суды также вынесли ряд приговоров по обвинению в геноциде: это дело Эйхмана, рассмотренное в Израиле (1961 г.), а также дело Джорджича (1997-1999 гг.) и дело Соколовича и Куслжича (2000-2001 гг.), рассмотренные в Германии. Таким образом, к настоящему моменту сложился внушительный корпус прецедентного права, касающегося преступления геноцида.

³ Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, International Court of Justice, Advisory Opinion of 28 May 1951, in ICJ Reports, 1951; Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, International Court of Justice, Advisory Opinion of 28 May 1951, in ICJ Reports, 1951, 24.

⁴ Report of the Secretary-General Pursuant to Para. 2 of Security Council Resolution 808 (1993), UN Doc. S/25704, at para. 45.

⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 541.

⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 495.

⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 541 со ссылкой на Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, Advisory Opinion, ICJ Reports (1951), p. 23.

⁸ Подробнее см.: Cassese, 2003, p. 98.

⁹ Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 17, комментарий, п. 18.

21.2. ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА

21.2.1. Определение элементов преступления геноцида

«Элементы преступлений» МУС применительно к статье 6 Римского Статута выделяют состав преступления для каждого из наказуемых деяний, перечисленных в ст. II Конвенции о геноциде. Для юриспруденции Международного Уголовного Суда можно выделить следующие общие элементы состава преступления геноцида:

1. Объективный элемент:

а) *Преступное поведение (actus reus)*. Исполнитель совершил одно или несколько действий из числа перечисленных в ст. II Конвенции по предупреждению и наказанию преступления геноцида в отношении одного или нескольких лиц.

б) *Объект преступления*. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе.

2. Субъективный элемент (mens rea):

Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.

3. Контекстуальные обстоятельства:

Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

Прецедентное право специальных трибуналов по Югославии и Руанде выделяет следующие элементы состава преступления геноцида:

1. *Объективный элемент*, представленный одним или несколькими действиями, перечисленными в ст. II Конвенции по предупреждению и наказанию преступления геноцида (и соответствующими статьями Устава), совершенными в отношении определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

2. *Субъективный элемент*, выраженный в специальном намерении уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую¹⁰.

Как видно из сказанного, прецедентное право трибуналов не выделяет контекстуальных обстоятельств как самостоятельного юридического элемента преступления. Фактически же такой элемент был установлен во всех судебных решениях, где лица были признаны виновными в той или иной форме участия в преступлении геноцида.

Геноцид является преступлением специального намерения, что выделяет его из круга других рассмотренных нами преступлений, за исключением преступления против человечности в виде преследования и преступлений террористического характера (однако конкретные виды специального намерения в них не совпадают).

Намерение совершить одно из перечисленных в статье II запрещенных деяний в сочетании с общим осознанием возможных последствий такого деяния в отношении непосредственной жертвы или жертв применительно к преступлению геноцида не является достаточным¹¹. Таким образом, рассмотрение этого преступления правильнее будет начать с умственного элемента. Однако следует отметить, что в преступлении геноцида элементы состава преступления теснейшим образом переплетены между собой. Так, определение объекта преступления трудно отделимо от субъективной стороны, ибо преступник обычно стигматизирует группу исходя не из академических определений расы, национальности или конфессии, но отталкиваясь от своих представлений и предрассудков. Таким образом, материальный элемент данного преступления необходимо рассматривать в преломлении mens rea субъекта преступления. Также наличие контекстуального элемента, выраженного в практике совершения аналогичных действий, может при определенных обстоятельствах служить косвенным доказательством наличия преступного намерения. Поэтому предложенная ниже классификация элементов будет носить некоторым образом условный характер и имеет прежде всего описательное значение.

21.2.2. Субъективный элемент преступления геноцида

21.2.2.1. Специальное намерение (dolus specialis) на совершение геноцида

Mens rea преступления геноцида, как уже было показано выше, заключается в намерении обвиняемого уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую. При этом должно присутствовать как намерение на нападение, направленное против группы, так и намерение обвиняемого осуществлять это нападение или участвовать в нем¹². Форма вины данного преступления подразумевает, что преступник намеренно добивался осуществления инкриминируемых ему деяний¹³. Таким образом, как и в преступлении преследования, должно быть доказано как намерение на совершение

¹⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 498. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 55. МТР. Решение Судебной камеры по делу Мувунии от 12 сентября 2006 г., пар. 478. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 62. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 550.

¹¹ Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 17, комментарий, п. 6.

¹² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 78.

¹³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 498, 517-522.

основного преступления (т. е. одного или нескольких непосредственных преступных деяний, перечисленных в статье II Конвенции о геноциде и включающих в себя убийства, причинения серьезных телесных повреждений и т. д.), так и специального намерения на совершение геноцида, т. е. на полное или частичное уничтожение группы как таковой. Преступник не просто должен допускать, что такое уничтожение станет возможным последствием его деяний, но и стремиться к наступлению этих последствий.

Специальное намерение на геноцид включено в категорию «дискриминационного намерения», как оно определяется для преступления против человечности в виде преследования, так как жертва и здесь и там выбирается преступником не из-за ее личных качеств, а по признаку принадлежности к той или иной человеческой группе¹⁴ («деперсонификация жертвы»¹⁵). Как заявил немецкий Суд земли Дюссельдорф в деле Джорджича, в ходе совершения акта геноцида преступники «не видят жертву как человека, но только в качестве члена преследуемой группы»¹⁶. Исходя из этого, Международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде вслед за Верховным Судом Израиля (дело Эйхмана) констатируют, что геноцид представляет собой преступление против человечности в пределах значения преследования¹⁷. Но намерение на геноцид — более узкое понятие, чем «дискриминационное намерение». Для преследования не требуется, чтобы преступник непременно намеревался уничтожить группу или ее часть, в то время как для преступления геноцида это является обязательным элементом. Одновременно и круг защищенных групп для преступления геноцида более ограничен, чем для преследования.

Намерение должно заключаться в уничтожении группы «как таковой», т. е. как отдельной, отличной от других общности, а не некоторых людей лишь в силу их принадлежности к конкретной группе. В этом отношении Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 96 (1) охарактеризовала геноцид как «отказ в признании права на существование целых человеческих групп», в противоположность убийству как «отказу в признании права на жизнь отдельных человеческих существ»¹⁸.

Относительно времени возникновения намерения Трибуналы по Руанде и Югославии высказывают несколько отличающиеся суждения. Судьи МТР определили, что намерение должно возникнуть до совершения преступления. В деле Кайяшема и Рузиндана Судебная камера установила, что «определенное намерение — это то, что отличает преступление геноцида от обычного убийства», поэтому «вина должна быть сформирована до совершения направленных на геноцид действий»¹⁹. В то же время Судебная камера МТБЮ в деле Крстича высказалась в том смысле, что намерение на уничтожение группы, даже если оно и не было первоначальной целью операции, может возникнуть в ее ходе²⁰. Таким образом, не требуется, «чтобы направленные на геноцид действия были обдуманы за длительный период»²¹. Данный вопрос Апелляционной камерой трибуналов специально не рассматривался.

Намерение нужно отличать от мотива. Эти понятия не являются синонимами. Апелляционная камера МТБЮ указала на «неопределенность» мотивов в уголовном праве и выдвинула на первый план «потребность различения специального намерения и мотива. Личный мотив лица, совершающего преступление геноцида, может, например, состоять в получении личного экономического эффекта, политической значимости или некоторой формы власти. Существование личного мотива не устраняет у преступника определенного намерения совершить геноцид»²². МТР в ряде своих судебных решений также пришел к выводу, что обвиняемый может быть признан виновным в совершении преступления геноцида, «даже если его личная мотивация выходила за пределы намерения совершить геноцид»²³.

Общепризнанно, что доказывание специального намерения на геноцид в отсутствие признания обвиняемого или ясных документальных свидетельств — самый сложный вопрос, с которым неизбежно сталкивается обвинение при рассмотрении данного состава преступления. Апелляционная камера МТР при рассмотрении дела Гакумбитси отметила, что «по своему характеру намерение не относится к числу обстоятельств, устанавливаемых прямыми доказательствами. Только сам обвиняемый обладает знаниями из первых рук о его собственном психическом состоянии, и маловероятно, что он даст показания о своем личном намерении на совершение геноцида. Таким образом, намерение подразумевается»²⁴. Прецедентное право специальных трибуналов ООН последовательно в том, что намерение на осуществления геноцида может быть доказано как при помощи прямых, так и при помощи косвенных улик.

¹⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 67.

¹⁵ Cassese, 2003, p. 103.

¹⁶ (Oberlandsgericht) of Dusseldorf judgement of 26 September 1997, 3 Strafrecht 215/98, sect. III, para. 1. Ссылка дана по: Cassese, 2003, p. 97.

¹⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 68. МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 578. The Israeli District Court noted that the accused «did with the object of exterminating the Jewish people also amounts ipso facto to persecution of Jews on national, racial, religious and political grounds» (Attorney General of Israel v. Eichmann, Judgement of the District Court, in E. Lauterpacht, International Law Reports, vol. 36, part VI, para. 201, p. 239 (1968)).

¹⁸ Цитата дана по: Проект Кодекса против мира и безопасности человечества 1996 г., ст. 7, комментарий, п. 7.

¹⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 91.

²⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 572.

²¹ Там же.

²² МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Елисича от 5 июля 2001 г., пар. 49.

²³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Муванунии от 12 сентября 2006 г., пар. 479 со ссылками на прецедентное право данного трибунала.

²⁴ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Гакумбитси от 7 июля 2006 г., пар. 40.

К числу доказательств, свидетельствующих о наличии такого намерения, МТР, в частности, относит последовательный образец поведения обвиняемого, выраженный в его словах и поступках²⁵. Другим свидетельством наличия намерения является линия аналогичного поведения, совершаемого в отношении той же самой группы. В последнем случае доказывание *mens rea* тесно связано с установлением контекстуального элемента преступления, и контекстуальный элемент, таким образом, выступает в качестве допустимого доказательства субъективной стороны преступления. О допустимости системы поведения в виде доказательства наличия у подозреваемого намерения говорит правило 93 «Правил процедуры и доказывания» МТБЮ. Комментируя применение этого правила в отношении рассматриваемого здесь состава преступления, Президент Трибунала в своем первом докладе Генеральному секретарю ООН указывает: «Эти доказательства могут иметь огромное значение в том случае, когда необходимо будет установить, имеется ли один из основных признаков геноцида, а именно «намерение уничтожить, полностью или частично, какую либо группу». Проще говоря, когда намерение прямо и конкретно не выражено, то одним из способов установления его наличия может быть исследование последовательности поведения группы или подразделений, с тем чтобы установить, можно ли вывести намерение из «системы их поведения»²⁶.

При рассмотрении дела Багилишема судьи Трибунала отметили важность контекста совершения преступления геноцида для доказательства намерения обвиняемого, особенно в случае, когда само намерение не ясно из того, что говорит или делает данное лицо. Тем не менее судьи указали, что использование контекста для установления намерения обвиняемого должно быть сбалансировано с действительным поведением обвиняемого. Судебная камера при рассмотрении данного дела придерживалась мнения, что намерение обвиняемого должно быть, в первую очередь, установлено на основании его поведения и должно вписываться в контекст общей модели поведения, направленной на осуществление геноцида²⁷.

МТР в делах Акайесу и Мусема определил, что в отсутствие признания обвиняемого намерение может быть выведено из следующих факторов:

- общий контекст совершения других наказуемых деяний, систематически направленных против той же самой группы, совершенных либо тем же самым правонарушителем, либо другими;
- масштаб совершенных злодеяний;
- общий характер злодеяний, совершенных в регионе или стране;
- факт преднамеренного и систематического уничтожения жертв из-за их членства в специфической группе, в то время как уничтожение представителей других групп исключается;
- общая политическая доктрина, ставшая причиной таких действий;
- повторение действий, направленных на уничтожение и дискриминацию;
- совершение запрещенных действий или действий, которые, хотя и не находятся в списке запрещенных действий геноцида, но которые, как считают преступники, уничтожают саму основу группы, являющейся объектом геноцида, и совершены как часть единого образца поведения²⁸.

В деле Кайяшема и Рузиндана МТР дополнительно определил следующие критерии «образца целеустремленных действий, направленных на совершение геноцида»:

- число затронутых членов группы;
- физическое уничтожение группы или ее собственности;
- использование уничижительного языка по отношению к членам этой группы;
- использованное оружие и степень телесных повреждений;
- методичный способ уничтожения;
- систематический способ убийства;
- относительно пропорциональный масштаб фактического или предпринятого уничтожения группы²⁹.

Сходные индикаторы называет и Международный трибунал по бывшей Югославии³⁰.

В практике обоих Трибуналов были дела, при рассмотрении которых обвиняемые заявляли о своем несогласии с обвинениями в геноциде или преследовании, мотивируя это тем, что «у них не было энтузиазма убивать», и что их профессиональные, религиозные и политические убеждения, а также дружеские и семейные связи с представителями преследуемой группы свидетельствуют об отсутствии намерения на ее уничтожение. Типичным примером является дело по обвинению в геноциде Алоиза Симба³¹. Судьи сочли возможным допустить, что его мотивация в организации резни нескольких тысяч представителей народности тутси и активном участии в этой резне могла базироваться на неправильно истолкованном чувстве патриотизма или страхе

²⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 61-63. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 167. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 15 мая 2003 г., пар. 313.

²⁶ ООН. Генеральная Ассамблея. Совет Безопасности. Сорок девятая сессия. Пункт 152 предварительной повестки дня. – Доклад международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. 29 августа 1994 г. – A/49/342 S/1994/1007 Russian, пар. 76.

²⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 63.

²⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 523-524. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2007 г., пар. 166.

²⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 93, 527.

³⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 5 июня 2001 г., пар. 47.

³¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Симба от 13 декабря 2005 г., пар. 416-418.

за свою жизнь и безопасность своей семьи³². Тем не менее Судьи Трибунала признали, что Симба также разделял намерение на истребление вместе с остальными участниками резни, потому что он лично присутствовал в местах совершения преступления, подвозил огромное количество оружия к месту совершения преступления, знал о преследовании тутси по всей стране, а его положение отставного офицера позволяло ему понять, что последует за его приказом «избавиться от дерьма»³³. Таким образом, Судьи решили, что даже если Симба, как человек, и отличался достаточно толерантными взглядами, то в той конкретной ситуации он действовал с намерением совершить геноцид.

Прецедентное право международных трибуналов по Югославии и Руанде последовательно и в том, что существование плана на совершение геноцида не является юридическим элементом данного преступления, но существование такого плана может быть важным доказательством наличия намерения. В деле Кайяшема и Рузиндана Судебная камера МТР указала, что «определенный план уничтожения не составляет элемент геноцида, но было бы нелегко совершить геноцид без такого плана или организации. <...> Для преступления геноцида фактически невозможно, чтобы он был совершен без некоторой или косвенной причастности со стороны государства, учитывая значительный масштаб этого преступления»³⁴. Суду не нужно доказывать, что обвиняемый имел знание всех деталей направленных на геноцид плана или политики, «но само существование такого плана было бы сильным свидетельством существования определенного намерения, требуемого для преступления геноцида»³⁵.

Апелляционная камера МТБЮ в деле Елисича также подтвердила, что «существование плана или политики не является юридическим компонентом преступления. Однако в контексте доказывания определенного намерения существование плана или политики могло бы стать важным фактором в большинстве случаев. Свидетельство может быть совместимым с существованием плана или политики или даже может продемонстрировать такое существование, а существование плана или политики может облегчить доказывание преступления»³⁶. Более того, Судебная камера при рассмотрении того же дела определила, что «теоретически возможен случай» когда виновным в преступлении геноцида может быть признан один единственный человек, действующий по собственному усмотрению вне плана или политики³⁷, и Апелляционная камера согласилась с таким решением³⁸. Однако Судебная камера отметила, «что практически будет очень трудно обеспечить доказательство направленного на геноцид намерения человека, если совершенные преступления не были широко распространены, и если инкриминированное преступление не поддержано организацией или системой»³⁹. Более подробно это в своем роде уникальное дело будет рассмотрено нами в разделе, касающемся контекстуальных обстоятельств (см. ниже, раздел 21.2.3).

Уничтожения культуры и идентичности группы, защищенной Конвенцией о геноциде, недостаточно, чтобы установить геноцид, так как разработчики Конвенции «недвузначно хотели ограничить значение «уничтожить» только действиями, которые составляют физический или биологический геноцид»⁴⁰. Но установление уничтожения культуры и идентичности также может помочь установлению намерения на геноцид. В своем решении по делу Радислава Крстича Судебная камера МТБЮ указала, что там, где физическому или биологическому уничтожению сопутствуют нападения на объекты культуры, религии, важные символические объекты, такие нападения можно рассматривать в качестве свидетельства намерения физически уничтожить группу. В данном случае суд принял во внимание разрушение сербскими силами домов боснийских мусульман и главной мечети анклава Сребреница⁴¹.

21.2.2.2. Намерение на уничтожение группы «полностью или частично»

Ясные слова Конвенции о геноциде, так же как Уставы и прецедентное право обоих Трибуналов свидетельствуют, что Суду нет необходимости устанавливать намерение на уничтожение всей группы целиком. Достаточно установить намерение на уничтожение группы «частично»⁴². И хотя для установления преступления геноцида не существует какого-либо верхнего или нижнего уровня для числа жертв из состава защищенной группы⁴³, практика Трибуналов ООН исходит из необходимости установить, что намерение на уничтожение касается «существенной»⁴⁴ или «значительной»⁴⁵ части группы. При этом термин «уничтожить» интерпрети-

³² Там же, пар. 417.

³³ Там же, пар. 418.

³⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 94, 276.

³⁵ Там же, пар. 276.

³⁶ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Елисича от 5 июля 2001 г., пар. 48.

³⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 99-100.

³⁸ МТБЮ. Решение Апелляционной камеры по делу Елисича от 5 июля 2001 г., пар. 66.

³⁹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 101.

⁴⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 315.

⁴¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 580.

⁴² МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 497. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 48-49. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 548.

⁴³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мувунийи от 12 сентября 2006 г., пар. 479. Решение Судебной камеры по делу Симба от 13 декабря 2005 г., пар. 412. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 316.

⁴⁴ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 634.

⁴⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 64.

руются достаточно широко для того, чтобы иметь возможность рассмотреть не только те случаи, которые фактически привели к смерти жертв, но и те, которые не повлекли смерть⁴⁶.

Под существенностью или значительностью подразумевается, что существует либо намерение на уничтожение очень большого количества членов группы⁴⁷, либо на уничтожение «выборочно» определенного, возможно, не очень большого числа людей, исчезновение которых, однако, будет иметь последствия для выживания всей группы⁴⁸. К таким людям могут относиться лица, обладающие качествами «лидерства в пределах группы в целом»⁴⁹. «Такое лидерство включает в себя политических и административных лидеров, религиозных лидеров, ученых и интеллигенцию, деловых и других лидеров; вся совокупность, по существу, может быть сильным признаком геноцида независимо от фактического числа убитых. Факт нападения на лидеров должен рассматриваться в контексте судьбы того, что случилось с остальной частью группы. Если бы в группе истребили ее лидеров, и в то же самое время или вскоре после этого относительно большое количество членов группы было бы убито или подвергнуто другим отвратительным действиям, например крупномасштабной высылке, или их вынудили бежать, то группу этих нарушений нужно рассматривать совокупно, чтобы интерпретировать условия Конвенции в духе, совместимом с ее целью»⁵⁰.

Намерение на геноцид может не простирается на территорию всей страны, но лишь на некую локальную географическую зону⁵¹, которая «может быть ограничена размером области или муниципалитета»⁵². Так, при рассмотрении дела Крстича МТБЮ определил, что «боснийские мусульмане Сребреницы или боснийские мусульмане Восточной Боснии составляют часть защищенной группы»⁵³.

21.2.2.3. Значение терминов «национальная, этническая, расовая или религиозная группа»

Установление значения этих терминов имеет значение как для определения материального (объективного), так и умственного (субъективного) элемента преступления, так как группа, с одной стороны, является объектом преступления, а с другой стороны, преступник должен иметь специальное намерение на полное или частичное уничтожение такой группы. При этом группа может стигматизироваться субъектом преступления исходя из его собственных представлений.

Прецедентное право специальных трибуналов исходит из того, что список защищенных групп, содержащийся в ст. II Конвенции о геноциде, является исчерпывающим. МТБЮ подчеркнул, что «Конвенция о геноциде не представляет защиту всем типам человеческих групп. Ее применение ограничено национальными, этническими, расовыми или религиозными группами»⁵⁴. МТР указывает, что полагается на *travaux preparatoires* (подготовительные материалы) Конвенции о геноциде, которые указывают, что «преступление геноцида предположительно воспринималось как уничтожение только «устойчивых» групп, характеризующихся постоянством, и членство в которых определено рождением, с исключением «более мобильных» групп, к которым присоединяются путем индивидуального добровольного решения, типа политических и экономических групп. Поэтому общий критерий для четырех таких групп, защищенных в соответствии с Конвенцией о геноциде, — то, что членство в таких группах, кажется, обычно несомненно для их членов, которые принадлежат к ним автоматически, по факту рождения, непрерывно, и часто без возможности изменить свою принадлежность»⁵⁵. Сходные суждения и аргументация содержатся и в судебных решениях МТБЮ⁵⁶.

Данные Трибуналами определения устойчивых групп на первый взгляд не совсем соответствуют современному пониманию «религиозной группы». Однако следует отметить, что в традиционных сообществах, с которыми по преимуществу имели дело трибуналы, вероисповедание в подавляющем большинстве случаев определяется по факту принадлежности родителей к той или иной конфессии, и смена религии — крайне редкое и зачастую общественно осуждаемое явление. Очевидно, из этого же исходили и разработчики Конвенции о геноциде.

Исключение политических, социальных и иных групп из числа защищенных часто вменяется в вину разработчикам Конвенции о геноциде. С точки зрения нравственной и политической, эти обвинения представляются во многом справедливыми, ибо большинство диктаторов XX века, которые уничтожили миллионы людей по признаку социального происхождения, не могут быть обвинены на этом основании в геноциде. Однако с точки зрения юридической дело обстоит не так плохо, так как уничтожение человеческих групп, не защищен-

⁴⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мурунии от 12 сентября 2006 г., пар. 482.

⁴⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 96-97. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 64. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 82.

⁴⁸ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 82. Решение Судебной камеры по делу Сикирицы от 3 сентября 2001 г., пар. 76-77.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 82.

⁵¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 61. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 83. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 589-590.

⁵² МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 83.

⁵³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 554.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1999 г., пар. 511, 516. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 160-163.

⁵⁶ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 69.

ных Конвенцией о геноциде, образует составы других тяжелейших международных преступлений: преступления против человечности в виде преследования и преступления против человечности в виде истребления.

Следует отметить, что в национальном законодательстве некоторых государств при определении защищенных групп принят более широкий подход по сравнению со строгими критериями Конвенции о геноциде⁵⁷. Однако такая узкая практика не влияет на квалификацию данного преступления по международному праву.

При определении, принадлежит ли конкретная группа к числу защищенных, Суд должен обращаться как к объективным, так и субъективным критериям. В каждом конкретном случае он должен принимать во внимание как политический, социальный, исторический и культурный контекст, так и субъективное восприятие группы преступниками⁵⁸.

При определении защищенных групп трибуналы, как уже указывалось в разделе, посвященном преследованию (раздел 20.4.9), часто используют субъективный критерий. Судебная камера МТБЮ в деле Елисича обосновала это следующим образом: «Хотя объективное определение религиозной группы все-таки возможно, попытка сегодня определить национальную, этническую или расовую группу, руководствуясь безукоризненными с научной точки зрения критериями, будет рискованным занятием, результат которого будет не обязательно соответствовать восприятию людей, заинтересованных в такой классификации. Поэтому является более адекватным оценивать статус той или иной национальной, этнической или расовой группы с точки зрения тех людей, которые желают отделить эту группу от остальной части сообщества. Следовательно, Судебная камера выбирает субъективный критерий при оценке членства в национальной, этнической или расовой группе. Это – стигматизация группы как отличной национальной, этнической или расовой единицы сообществом, что позволяет определить, составляет ли население, о котором идет речь, национальную, этническую или расовую группу в глазах предполагаемого преступника. <...> Группа может стигматизироваться таким способом посредством положительных или отрицательных критериев. «Положительный подход» относился бы к преступникам, отличающим группу в соответствии с характеристиками, которые, как они считают, являются специфическими для национальной, этнической, расовой или религиозной группы. «Отрицательный подход» относился бы к общности людей, которые не являются частью группы, к которой преступники относят сами себя, и которая, с их точки зрения, характеризуется определенными национальными, этническими, расовыми или религиозными особенностями. Следовательно, все люди, исключенные таким образом, составят отличную группу. Судебная камера соглашается с мнением, уже выраженным Комиссией Экспертов⁵⁹, и считает, что совместимо с целью Конвенции полагать, что ее условия также защищают группы, определенные исключением, где они стигматизировались преступниками именно таким образом»⁶⁰.

Субъективный стандарт также широко применяется и МТР⁶¹. При этом учитывается и критерий самоидентификации. В своей деятельности данный трибунал столкнулся с тем, что и народность хуту, представители которой осуществляли геноцид, и представители народности тутси, в отношении которой он осуществлялся, имеют один и тот же язык, общую культуру и религию; имелось и большое количество смешанных браков между их представителями. При определении тутси как защищенной группы Трибунал в деле Акайесу исходил из того, что принадлежность к той или иной народности непременно указывалась в удостоверении личности. Кроме того, судьи приняли во внимание факт, что все свидетели, представшие перед Трибуналом, спонтанно и без колебаний определяли свою этническую принадлежность, отвечая на вопросы обвинения⁶². В деле Рутаганда МТР отметил, «что в целях применения Конвенции о геноциде, членство группы – это в основном субъективное, а не объективное понятие. Жертва воспринимается преступником, совершающим геноцид, как принадлежащая к группе, предназначенной для уничтожения. В некоторых случаях жертва может чувствовать свою принадлежность к упомянутой группе»⁶³.

В итоге решения Международного трибунала по Руанде дают определения групп, основанные как на «объективных», так и на «субъективных» критериях.

⁵⁷ Статья 71 Уголовного кодекса Латвии к объекту геноциду относит не только «национальную, этническую, расовую или религиозную группы», но и «социальную группу, группу людей определенных общих убеждений» (Уголовный кодекс Латвии // Спб. Юридический центр Пресс. 2001). Согласно статье 127 УК Республики Беларусь, объектом геноцида являются как названные в ст. II Конвенции группы людей, так и «группы, определенные на основе любого другого произвольного критерия» (Уголовный кодекс Белоруссии. // Спб. Юридический центр Пресс. 2001). Уголовный кодекс Польши вводит еще две категории жертв: «политические группы и группы с определенным мировоззрением» (статья 118, пар. 1). (Уголовный кодекс Польши // Спб. Юридический центр Пресс, 2001.). Таким образом, в законодательстве этих стран наблюдается определенное смешение преступления геноцида и преступления против человечности в виде преследования.

⁵⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 57-58, 373. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 6 декабря 2000 г., пар. 160-163. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 317.

⁵⁹ Final Report of the Commission of Experts, op. cit., para. 96, p. 25: «If there are several or more than one victim groups, and each group as such is protected, it may be within the spirit and purpose of the Convention to consider all the victim groups as a larger entity. The case being, for example, that there is evidence that group A wants to destroy in whole or in part groups B, C and D, or rather everyone who does not belong to the national, ethnic, racial or religious group A. In a sense, group A has defined a pluralistic non-A group using national, ethnic, racial and religious criteria for the definition. It seems relevant to analyse the fate of the non-A group along similar lines as if the non-A group had been homogenous».

⁶⁰ МТБЮ Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 70-71.

⁶¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 98.

⁶² МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 702.

⁶³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 56.

«Национальная группа определена как общность людей, которые воспринимаются как имеющие общее гражданство вместе с взаимностью прав и обязанностей»⁶⁴.

«Этническая группа определяется как группа, члены которой имеют общий язык и культуру, или группа, которая таким образом отличает себя (самоидентификация), или группа, которая выделяется другими, включая тех, кто совершает преступления»⁶⁵.

«Обычное определение расовой группы основано на наследственных физических чертах, часто идентифицируемых с географическим регионом, независимо от лингвистических, культурных, национальных или религиозных факторов»⁶⁶.

«Религиозная группа — такая группа, члены которой разделяют ту же самую религию, наименование или вид вероисповедания»⁶⁷.

Этническая группа может ассоциироваться преступниками с политической повесткой дня. Так, в деле Нахимана и др. Международный трибунал по Руанде заявил: «Ассоциация этнической группы тутси с политической повесткой дня, эффективно сливающая этническую и политическую идентичность, не отрицает направленной на геноцид враждебности, которая мотивировала обвиняемого. Напротив, идентификация народа тутси как врагов государства, связанных с политической оппозицией, [уверенность, что это] просто свойство этнической принадлежности тутси, подчеркивает факт, что их членство в этнической группе было единственным основанием, на которое опирались [преступники]»⁶⁸.

Прецедентное право обоих трибуналов солидарно в подходе, в соответствии с которым главным объектом преступления геноцида является группа как таковая, а не отдельный человек, так как конкретная жертва выбирается преступником не из-за ее личных качеств, а из-за ее принадлежности к стигматизируемой группе⁶⁹. В этом случае «человек — персонификация группы»⁷⁰. «Свидетельство должно установить, что [преступление] совершалось в отношении группы, а не просто в отношении отдельных людей в пределах этой группы. Об этом говорит значение фразы «как таковой». Принимая во внимание, что жертвой большинства преступлений являются люди, окончательная жертва геноцида — группа, хотя ее уничтожение обязательно требует совершения преступлений против ее членов, то есть против людей, принадлежащих к этой группе. Это то, что отличает геноцид от преступления против человечности в виде преследования. Даже при том, что оба они имеют дискриминационные элементы, некоторые из которых свойственны обоим преступлениям, в случае преследования преступник совершает преступления против людей по политическим, расовым или религиозным основаниям»⁷¹.

Проф. Шабас подчеркивает, что подход МТБЮ к определению защищенных групп при рассмотрении преступления геноцида по многим параметрам совпадает с нормами международных механизмов защиты национальных меньшинств, и что понятие «национальной, этнической, расовой или религиозной группы» следует интерпретировать именно в этом контексте⁷².

В заключение данного раздела представляется полезным в качестве примера рассмотреть, каким образом МТБЮ определил защищенную группу для случая геноцида боснийских мусульман в Сребренице, где сербские формирования в течение короткого периода уничтожили от семи до восьми тысяч мужчин и подростков боепригодного возраста, а остальных мусульман подвергли насильственной высылке. При рассмотрении дела Крстича (его фабулу см. выше, раздел 13.6) Судебная камера должна была разрешить следующие вопросы: являются ли защищенной группой «боснийские мусульмане Сребреницы» или «боснийские мусульмане» вообще, и достаточно ли факта систематического уничтожения боевых мужчин для установления намерения на «уничтожение группы частично». Судьи определили, что защищенной группой в данном случае являлись «боснийские мусульмане», а «боснийские мусульмане Сребреницы» являются ее частью⁷³. Указав на то, что намерение геноцида может простираться на ограниченную географическую область, Суд высказал следующие важные соображения:

«Намерение уничтожить группу, даже частично, означает стремление уничтожить отличную часть группы в противоположность сумме изолированных людей в ее пределах. Хотя преступники, совершающие геноцид, не должны стремиться уничтожить всю группу <...>, они должны рассматривать часть группы, которую они желают уничтожить, как отдельное юридическое лицо, которое должно быть устранено как таковое. Таким образом, кампания убийств конечного числа членов защищенной

⁶⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 512.

⁶⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 98. См. также: МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 513.

⁶⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 514. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 98.

⁶⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 515. См. сходное определение: МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 98.

⁶⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г., пар. 969.

⁶⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нийитегека от 16 мая 2003 г., пар. 410. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 60. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 551. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 79.

⁷⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г., пар. 948.

⁷¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Сикирицы и др. от 3 сентября 2001 г., пар. 89.

⁷² Schabas, 2006, p. 168.

⁷³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 560.

группы, распространенная в разных местах широкой географической области, могла бы не рассматриваться как геноцид, несмотря на большое количество жертв, потому что она не указывает на намерение преступников, направленное против самого физического существования группы как таковой. Напротив, убийство всех членов группы, расположенной в пределах маленькой географической области, хотя и приведшее к меньшему количеству жертв, рассматривается как геноцид, если также оно выполнено с намерением уничтожить часть группы, расположенную в этой маленькой географической области. Действительно, физическое уничтожение может предназначаться только для части географически ограниченной части большой группы, потому что преступники, совершающие геноцид, расценивают намеченное разрушение достаточным для того, чтобы уничтожить группу как отличное юридическое лицо в рассмотренной географической области. В этом отношении важно принять во внимание весь контекст, в котором осуществлено физическое уничтожение. <...>

Смерть [всех мужчин боеспособного возраста] сделала невозможной для боснийских мусульман любую эффективную попытку возвратить территорию [анклава Сребреница]. Кроме того, военные из числа боснийских сербов должны были знать о том катастрофическом влиянии, которое окажет исчезновение двух или трех поколений мужчин на выживание традиционного патриархального общества. <...> Военные из числа боснийских сербов знали, что <...> комбинация этих убийств с насильственной высылкой женщин, детей и пожилых людей приведет к физическому исчезновению боснийско-мусульманского населения Сребреницы»⁷⁴.

На этом основании Судебная камера признала, что намерение убить всех мужчин боеспособного возраста из числа боснийских мусульман составило намерение уничтожить частично боснийско-мусульманскую группу в пределах значения Конвенции, и потому должно рассматриваться как намерение на геноцид.

21.2.3. Контекстуальные обстоятельства

В соответствии с «Элементами преступлений» МУС контекстуальные обстоятельства преступления геноцида выражаются в том, что «деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению». Описывая составы конкретных преступлений, «Элементы» допускают, что конкретное преступное деяние может быть совершено конкретным исполнителем в отношении одного лица. Однако введение контекстуального элемента указывает, что более широкое поведение должно включать нападение на множество жертв.

Поскольку «Элементы» специально разграничивают «поведение», «последствия», «обстоятельства» и «субъективную сторону»⁷⁵, то из буквального прочтения вышеприведенного текста следует, что «линия аналогичного поведения» не включает субъективный элемент. Иными словами, обвинителю, вероятно, не нужно доказывать, что все лица, совершающие «аналогичные действия, направленные против этой группы», были мотивированы специальным умыслом на уничтожение группы как таковой. Достаточно, чтобы специальное намерение было доказано в отношении обвиняемого.

Как уже говорилось, прецедентное право обоих трибуналов ООН, в отличие от Римского Статута, при определении состава преступления геноцида специально не выделяет «контекст явной линии аналогичного поведения» в качестве обязательного юридического элемента. Не требует этого и Конвенция о геноциде. Фактически же существование такого контекста было установлено во всех судебных решениях, касающихся геноцида.

«Международные нормы, — отмечает Кассесе, — не требуют существования широко распространенной или систематической практики в качестве юридического компонента преступления геноцида. Это заключение, конечно, — материал для процессуального уровня, поскольку оно подразумевает, что обвинитель в национальном или международном суде не обязан приводить свидетельства такой практики. В действительности же направленные на геноцид действия едва ли можно мыслить как изолированные или спорадические события. Обычно они часть широко распространенной практики (часто допускаемой, одобряемой, или, по крайней мере, совершаемой с согласия правительственных властей или при их потворстве), или даже часть государственной политики. Таким образом, в принципе, убийство, скажем, пятерых или десятерых членов религиозной, этнической, национальной или расовой группы с намерением уничтожить, полностью или частично, группу, может означать геноцид, даже если это — изолированный акт. Проблема, однако, возникает в связи с тем, как доказать направленное на геноцид намерение. Так как специальное намерение обычно выводится из фактических обстоятельств, в только что упомянутом случае может оказаться чрезвычайно трудно найти такие доказательства. Если, вместо этого, направленный на геноцид акт — часть единого образца поведения, имеющего место в том же самом государстве (или районе или географической области), или, *тем более*, политики, запланированной и преследуемой правительственными властями (или руководителями политической или военной группы), то гораздо легче вывести намерение из фактических обстоятельств дела. Таким образом, вопрос «широко распространенной» или «систематической» практики может, в конечном итоге, приобрести важность с очевидной точки зрения, а не как юридический компонент преступления»⁷⁶.

⁷⁴ Там же, пар. 590, 595-597.

⁷⁵ МУС. Элементы преступлений. Общее введение, пар. 7.

⁷⁶ Cassese, 2003, p. 100.

Степень важности установления контекстуального элемента зависит от формы участия обвиняемого в преступлении. Особенно важна она для различных видов соучастия, при определении которых суд должен установить совершение «акта геноцида» вне разумного сомнения. «Судебная камера должна сначала установить, был ли совершен акт геноцида, поскольку обвиняемый не может быть признан виновным в том, что оказал пособничество и подстрекал к преступлению геноцида, если само это преступление не было установлено»⁷⁷.

Однако в случае обвинения лица в прямом совершении геноцида дело обстоит несколько иначе. В деле Акайесу Судебная камера допускала, что преступление геноцида может быть совершено даже в случае, когда одно из деяний, предусмотренных Конвенцией о геноциде, совершено в отношении одного члена защищенной группы. Как верно указывает Кассесе, такое расширительное толкование вряд ли совместимо с ясным текстом Статьи II конвенции, которая использует множественное число: «членов группы»⁷⁸. Но как быть в случаях типа упомянутых двумя абзацами выше, когда имеется несколько жертв, и намерение на совершение геноцида у преступника может, тем не менее, быть установлено «из слов и поступков обвиняемого»?

Указанная ситуация не абстрактная модель, предназначенная для оттачивания интеллекта. Дело Горана Елисича, рассмотренное Международным трибуналом по бывшей Югославии, демонстрирует на первый взгляд парадоксальный подход, в соответствии с которым лицо может быть признано виновным в преступлении геноцида вне установления Судом факта уничтожения хотя бы «существенной» части защищенной группы и хотя бы на ограниченной географической территории.

В остальных делах Трибуналы имели дело с ситуациями, когда массовое уничтожение представителей защищенных групп было очевидным. Истребление представителей народности тутси в Руанде, где с апреля по июль 1994 г. было убито приблизительно от 500 000 до одного миллиона человек или более⁷⁹, убийство в июле 1995 г. силами боснийских сербов 7–8 тысяч мужчин и мальчиков из числа мусульман анклава Сребреница⁸⁰ не оставляют сомнения в том, что акт геноцида действительно имел место. Однако в деле Елисича, против которого Прокурором было выдвинуто обвинение в геноциде, Суд впервые столкнулся с принципиально иной ситуацией. Было доказано, что обвиняемый лично убил в местах содержания под стражей города Брко (Босния и Герцеговина) 13 мусульман и жестоко обращался с другими задержанными⁸¹. Суд также признал, что реальное число жертв Елисича не установлено и может быть значительно большим⁸². Суд согласился с тем, что другие имевшие в этот период случаи нападения на гражданских лиц из числа мусульман Брко имели массовый и систематический характер⁸³ (в ходе эксгумации в четырех массовых захоронениях было обнаружено 66 тел, принадлежавших жертвам этих нападений)⁸⁴ и осуществлялись по дискриминационным основаниям⁸⁵. Далее судьи пришли к выводу, что действия самого обвиняемого (убийства членов группы) удовлетворяют материальным элементам преступления геноцида⁸⁶ и совершались по дискриминационным основаниям⁸⁷. Камера, в частности, заключила, что «человек, сознательно действующий на фоне широко распространенного и систематического насилия, совершаемого только против одной, особой группы, не может разумно отрицать, что он выбирал своих жертв дискриминационно»⁸⁸.

Таким образом, для разрешения вопроса виновности Горана Елисича в совершении преступления геноцида судьям теперь необходимо было установить наличие специального намерения.

Ранее Суд считал, что специальное намерение может быть охарактеризовано двумя элементами:

- жертвы принадлежали к идентифицируемой группе;
- предполагаемый преступник, должно быть, совершил свое преступление как часть более широкого плана уничтожить группу как таковую⁸⁹.

Суд отметил, что «Обвинитель не представил достаточных доказательств, позволяющих установить вне разумного сомнения, что там существовал план уничтожить мусульманскую группу в Брко или в другом месте, в пределах которого убийства, совершенные обвиняемым, были предположительно совершены»⁹⁰. Тем не менее суд пришел к выводу, что Горан Елисич может быть объявлен лицом, виновным в совершении геноцида и вне контекста существования более широкого плана⁹¹.

«Такой случай, – указывают судьи, – теоретически возможен. Убийств, совершенных обвиняемым, достаточно, чтобы установить материальный элемент преступления геноцида, и *априорно* можно предположить, что обвиняемый имел план истребить всю группу без намерения, поддержанного любой организацией, в ко-

⁷⁷ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 86.

⁷⁸ Cassese, 2003, p. 102.

⁷⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 111.

⁸⁰ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 84.

⁸¹ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 35–45.

⁸² Там же, пар. 65.

⁸³ Там же, пар. 57.

⁸⁴ Там же, пар. 90.

⁸⁵ Там же, пар. 74.

⁸⁶ Там же, пар. 65.

⁸⁷ Там же, пар. 77.

⁸⁸ Там же, пар. 73.

⁸⁹ Там же, пар. 66.

⁹⁰ Там же, пар. 98.

⁹¹ Там же, пар. 99.

торой бы участвовали другие люди. В этом отношении предварительная работа над Конвенцией 1948 года показывает, что такая преднамеренность, упомянутая *специальным* комитетом в стадии проекта, не была отобрана в качестве юридического компонента преступления, на том основании, что это оказалось бы излишним в дополнение к специальному намерению, уже требуемому текстом, и что такое уточнение еще более отяжеляет бремя доказывания. <...> Разработчики Конвенции не считали существование организации или системы, направленной на геноцид, юридическим компонентом преступления. Таким образом, они не исключили возможности [обвинения] единственного человека, стремящегося уничтожить группу как таковую»⁹².

Оговорившись далее, «что практически будет очень трудно обеспечить доказательство направленного на геноцид намерения человека, если совершенные преступления не были широко распространены, и если инкриминированное преступление не поддержано организацией или системой»⁹³, Суд проанализировал слова и поступки обвиняемого в свете свидетельских показаний.

Суд подчеркнул, что Горан Елисич представлялся как «сербский Адольф» (в том числе и перед судьями!), и, в соответствии с показаниями свидетелей утверждал, что прибыл в Брко, чтобы убить мусульман. В концентрационном лагере Лакаы он сказал задержанным, что оставит из них в живых только 5-10 процентов. Согласно другому свидетелю, он заявлял узникам, что 70 процентов из них должны быть убиты, остальные 30 избиты, и только 4 процента из них не будут избиты ужасно. Елисич заявлял, что ненавидел мусульман и хотел бы убить их всех, избавив от них мир, но живущие пока мусульмане могли бы быть рабами, чтобы «чистить туалеты». Также он заявлял, что ненавидел мусульманских женщин, считая их «грязными», и хотел бы стерилизовать их всех, чтобы предотвратить увеличение числа мусульман, но прежде он истребит мужчин. «Заявления свидетелей устанавливают факт, что в начале мая Горан Елисич регулярно убивал задержанных в лагере Лакаы. Согласно одному свидетелю, Горан Елисич объявлял, что не может выпить утренний кофе, пока не казнит двенадцать-тринадцать человек. <...> Елисич часто сообщал задержанным число мусульман, которых он убил. Так, 8 мая 1992 г. он, по общему мнению, сказал одному свидетелю, что он будет шестьдесят восьмой жертвой, 11 мая он убил сто пятьдесят человек, и, наконец, 15 мая сказал другому свидетелю после убийства, что это был его «восемьдесят третий случай»⁹⁴.

Однако затем Судебная камера отметила, что Елисич получал удовольствие от своего положения, которое давало ему чувство власти над жизнью и смертью заключенных, и отнесло это обстоятельство к свойствам его неустойчивой личности. Судьи пришли к выводу, что он осуществлял убийства беспорядочно, вне какой-либо системы, и иногда даже по своей собственной инициативе, «вопреки логике», отпускал задержанных (например, после игры в «русскую рулетку»). В итоге Камера пришла к выводу, что действия Горана Елисича «не являются выражением подтвержденного решения разрушить полностью или частично группу, как таковую»⁹⁵. «Обвинитель не установил вне разумного сомнения, что в Брко, в течение периода, охваченного обвинительным актом, был совершен геноцид. Кроме того, поведение обвиняемого, кажется, указывает на то, что хотя он очевидно выбирал мусульман, он убивал произвольно, а не с ясным намерением уничтожить группу. Судебная камера поэтому заключает, что не было доказано вне разумного сомнения, что обвиняемый был мотивирован специальным умыслом преступления геноцида. Презумпция невиновности всегда должна применяться к обвиняемому, и, следовательно, Горан Елисич должен быть признан виновным не в соответствии с этим пунктом обвинения»⁹⁶.

В результате Елисич был признан Судебной камерой виновным в ряде других преступлений, в том числе в нанесении телесных повреждений и в убийстве тринадцати человек как нарушении законов и обычаев войны и как преступлении против человечности, и приговорен к сорока годам тюремного заключения⁹⁷. Камера заявила, что выносит свое решение на основании правила 98 bis (B) Правил процедуры и доказывания, которое гласит, что Судебная камера «выносит оправдательный приговор, <...> если обнаруживает недостаточность доказательств, обосновывающих осуждение по этому (этим) обвинению (обвинениям)».

Прокурор не согласился с данным подходом и обжаловал оправдательный приговор по обвинению в геноциде в Апелляционную камеру Трибунала. Обвинение представило специальный отчет (по процессуальным причинам он не был ранее заслушан Судебной камерой), предназначенный для доказывания Суду двух фактов: «что ответчик полагал, что следовал плану, спущенному сверху начальством, направленному на уничтожение мусульман Брко, и что независимо от любого такого плана, он был самостоятельной индивидуальной миссией геноцида (himself a one-man genocide mission) с личным намерением на уничтожение защищенной группы полностью или частично»⁹⁸.

Апелляционная камера большинством постановила (один из судей заявил особое мнение), что Судебная камера действительно совершила ошибку, применив неправильный правовой стандарт, когда она вынесла оправдательный приговор на основании правила 98 bis (B). Вследствие этой ошибки Судебная камера неверно оценила доказательства обвинения в геноциде.

⁹² Там же, пар. 100.

⁹³ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Елисича от 14 декабря 1999 г., пар. 101.

⁹⁴ Там же, пар. 102-103.

⁹⁵ Там же, пар. 104-107.

⁹⁶ Там же, пар. 108.

⁹⁷ Там же, пар. 138-139.

⁹⁸ Там же, пар. 66.

Апелляционная камера приняла во внимание, что в предоставленном обвинением отчете имеется важный материал, который значительно дополняет свидетельство. В этот материал были включены показания, подтверждающие, что обвиняемый отталкивался от списков, в соответствии с которыми видные мусульмане должны быть убиты, он упоминал «план», касающийся их уничтожения, он хотел «очиститься от экстремистских мусульман, как каждый очищает голову от вшей». Также было представлено свидетельство о том, что лагерь ежедневно посещал грузовик-рефрижератор, чтобы забрать по 10-20 трупов, что после ночных убийств обвиняемый говорил, что мусульман стало меньше, и что «мусульмане, насколько это возможно, должны быть убиты, чтобы Брко стал сербским городом». «Апелляционная камера полагает, — говорится в решении, — что и эти свидетельства, и те, что в еще большем количестве содержатся в отчете, возможно, обеспечили основание для разумной палаты, чтобы найти вне разумного сомнения, что обвиняемый имел намерение уничтожить мусульманскую группу в Брко»⁹⁹.

Апелляционная камера подвергла критике поход Судебной камеры к особенностям личности обвиняемого. Судьи указали, что неуравновешенный характер личности не является основанием для того, чтобы усомниться в наличии у нее намерения на геноцид. «Действительно, как указывает обвинение, это пограничная неуравновешенная индивидуальность, которая, вероятно, будет в большей степени вести к чрезвычайной расовой и этнической ненависти, чем у более сбалансированного человека без дефектов личности»¹⁰⁰. Апелляционная камера также отметила, что судьи первой инстанции придали слишком большой вес свидетельствам «хаотичности убийств» и недооценили показания, говорящие об объявленном намерении убить большинство мусульман в Брко и о предполагаемых пропорциях убийств. «Разумное лицо, оценивающее факты, возможно, не придало бы веса немногим побочным обстоятельствам, где он проявлял милосердие, как отклонение от неустанной кампании против защищенной группы. Точно так же факт, что он получал «удовольствие» от убийств, несколько не умаляет его намерения совершать такие убийства»¹⁰¹. «Таким образом, — заключают судьи, — даже если решение Судебной камеры о том, что было недостаточно доказательств для установления у обвиняемого намерения уничтожить группу частично, непосредственно принято на основе свидетельств, определенно упомянутых Судебной камерой, это не соответствует принятому стандарту для оправдания согласно правилу 98 bis (B), и, следовательно, эта часть <...> основания обжалования Обвинения поддержана».

И хотя большинство Камеры¹⁰² решило не пересматривать судебного решения (так как за деяния, которые составляют пункт обвинения в геноциде, обвиняемый уже был осужден к суровому наказанию, и по некоторым другим основаниям), очевидно, что дело Елисича составляет уникальный прецедент, открывающий возможность для осуждения лица, определенного как «индивидуальная миссия геноцида».

21.2.4. Материальный элемент: наказуемые деяния

а) Геноцид посредством убийства. Материальные элементы для убийства, посредством которого совершается геноцид, те же, что и для убийства как военного преступления и преступления против человечности.

б) Геноцид посредством причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства. Элементы преступлений Международного уголовного суда предусматривают, что «такое поведение может включать в себя пытки, изнасилования, сексуальное насилие или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, но не ограничивается ими»¹⁰³. Прецедентное право специальных трибуналов ООН трактует данный вопрос сходным образом¹⁰⁴ и описывает *actus reus* данного деяния как намеренный акт или упущение, вызывающие серьезное физическое или психическое страдание. Серьезность страдания должна оцениваться на разовом основании исходя из соображений здравого смысла. «Серьезный вред» не является постоянным и непоправимым вредом, но должен повлечь последствия, которые выходят за пределы временного несчастья, затруднения или оскорбления. Это должен быть вред, который вызывает обезображивание или наносит любое серьезное повреждение внешним или внутренним органам, или органам восприятия, и приводит к серьезному и долгосрочному неудобству, выражающемуся в неспособности человека вести нормальную и конструктивную жизнь¹⁰⁵. Под серьезным умственным расстройством подразумевается «более чем незначительное или временное ухудшение умственных способностей»¹⁰⁶. Вред должен быть причинен преднамеренно¹⁰⁷. Угрозы смертью в течение допроса, сами по себе, или сопряженные с избиваниями, могут быть квалифицированы как причинение серьезных телесных

⁹⁹ Там же, пар. 67-68.

¹⁰⁰ Там же, пар. 70.

¹⁰¹ Там же, пар. 71.

¹⁰² При двух особых мнениях против трех мнений большинства.

¹⁰³ МУС. Элементы преступлений, прим. 3.

¹⁰⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 504. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 51. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 156. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 59. МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 513.

¹⁰⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 513. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 502. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 108-113. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 51. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 156. Решение Судебной камеры по делу Багилишема от 7 июня 2001 г., пар. 59. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 320-322.

¹⁰⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 321.

¹⁰⁷ Там же.

повреждений или умственного расстройства¹⁰⁸. Судебные решения МТР содержат богатую практику квалификации преступлений против половой неприкосновенности личности как причинения серьезных физических повреждений или умственного расстройства в значении преступления геноцида¹⁰⁹.

в) Геноцид посредством умышленного создания таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение. Практика Международного трибунала по Руанде трактует данный способ совершения преступления геноцида как методы уничтожения, которыми преступник не убивает членов группы сразу, но которые, в конечном счете, направлены на уничтожение группы полностью или частично. Среди прочего такие методы включают в себя лишение пищи и воды или ограничение питания ниже минимума, необходимого для выживания человека, систематическое изгнание из домов, нехватку надлежащего жилья, одежды, санитарного и медицинского обслуживания, изнурительный труд¹¹⁰. Они должны применяться преступниками в таких масштабах или в течение такого периода времени, чтобы быть способными действительно вызвать уничтожение группы¹¹¹. Этот тип запрещенного деяния близок по сути преступлению против человечности в виде истребления¹¹².

з) Геноцид посредством принятия мер, рассчитанных на предотвращение деторождения. Судебные решения МТР определяют, что данные деяния включают «сексуальное насилие, практику стерилизации, вызывающую ограничение рождаемости, разделение полов и запрещение браков. В патриархальных обществах, где членство в группе определяется по отцу, <...> имеют место случаи, когда в ходе изнасилования женщина упомянутой группы преднамеренно оплодотворяется мужчиной из другой группы с намерением дать жизнь ребенку, который, следовательно, не будет принадлежать к группе его матери. <...> Члены группы могут подвергаться угрозам или травмам, чтобы не дать им рожать»¹¹³.

д) Геноцид посредством насильственной передачи детей. Практика МТР устанавливает, что цель этого действия заключается «не только в том, чтобы санкционировать прямой акт насильственной физической передачи, но также санкционировать действия угроз или травм, которые привели бы к насильственной передаче детей из одной группы в другую»¹¹⁴. Практически данное деяние не вменялось никому из обвиняемых Международными трибуналами по Югославии и Руанде.

21.3 НАКАЗУЕМЫЕ ВИДЫ УЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ГЕНОЦИДА

а) Общие замечания

Существует некоторая сложность анализа международного прецедентного права, связанного с формами участия (соучастия) в преступлении геноцида. Это обусловлено тем, что Уставы трибуналов ООН по Югославии и Руанде в ст. 7 (1) и 6 (1) содержат перечень форм участия в преступлениях, выведенный из общих принципов права, который относится ко всем преступлениям, находящимся в юрисдикции трибуналов. Однако, как было показано выше, Конвенция о геноциде 1948 г. содержит отдельный перечень наказуемых форм участия в данном конкретном преступлении. Эти формы были отдельно включены разработчиками Уставов трибуналов в параграфы 3 специальных статей 4 и 2, посвященных геноциду. Таким образом, эти нормы частично пересекаются.

В связи с этим Вильям Шабас пишет: «Относительно геноцида есть юридические трудности, которые возникают в урегулировании общих форм соучастия [в преступлениях] с определенными, применимыми только к геноциду. Как объяснила Судебная палата в деле Крстича

«Статья 4 [Устава МТБЮ] предусматривает широкий диапазон форм уголовной ответственности, включая формы, которые не включены в статью 7 (1), типа «заговора с целью совершения геноцида» и «покушения на совершение геноцида». Включая статью 4 в Устав, разработчики Устава гарантировали, что Трибунал имеет юрисдикцию по всем формам участия в геноциде, запрещенным обычным международным правом. Последствием этого подхода является, однако, то, что определенные формы индивидуальной уголовной ответственности в статье 4 (3) накладываются на те, что перечислены в статье 7 (1)»¹¹⁵.

¹⁰⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 711-712. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 108.

¹⁰⁹ См., например: МТР Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 688, 706-707, 731-734. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 108. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 156.

¹¹⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 505-506. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 52. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 157. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 115-116.

¹¹¹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 548.

¹¹² Schabas, 2006, p. 176.

¹¹³ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 507-508. См. также: МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 117. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 53. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 158.

¹¹⁴ МТР. Решение Судебной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 21 мая 1999 г., пар. 118. Решение Судебной камеры по делу Рутаганда от 6 декабря 1999 г., пар. 54. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 159.

¹¹⁵ МТБЮ. Решение Судебной камеры по делу Крстича от 2 августа 2001 г., пар. 640.

Три действия из числа из числа действий, перечисленных в параграфе 3, — оконченные преступления, которые могут быть совершены, даже если само преступление геноцида не имеет места. Так дело обстоит для заговора, подстрекательства и попытки. Геноцид — единственное преступление в пределах уставов [специальных трибуналов ООН], в котором начальные формы [по терминологии российского уголовного права — «усеченные составы»] преступлений являются наказуемыми вообще»¹¹⁶.

б) Геноцид

Данная форма участия подробно рассмотрена нами выше, в особенности при описании дела Горана Елисича.

в) Заговор с целью совершения геноцида

Заговор с целью совершения геноцида обычно определяется как «соглашение между двумя и более людьми, чтобы совершить преступление геноцида»¹¹⁷. Таким образом, существование соглашения является определяющим элементом данного вида участия в преступлении¹¹⁸. Вина данного преступления «опирается на согласованное намерение совершить геноцид»¹¹⁹. Соглашение не должно иметь характер некоего формального или специального договора и может быть выведено Судом из скоординированных действий людей, которые имеют общую цель и действуют в пределах объединенной структуры. Коалиция, даже неофициальная, может составить такую структуру, пока действующие в ее пределах лица знают о существовании такой коалиции, об их участии в ней и о ее роли в содействии достижения общей цели¹²⁰. Заговор — длящееся преступление, имеющее «продолжающийся характер, который достигает кульминации в совершении действий, предусмотренных заговором»¹²¹. При этом заговор с целью совершить геноцид сам по себе является оконченным преступлением с момента составления такого заговора, и наказуем даже в том случае, если само преступление геноцида не было фактически совершено¹²².

г) Прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида

По поводу данного вида участия проф. Шабас пишет: «Подстрекательство на совершение преступления — форма наказуемого соучастия, определяемого как «соучастие» в том случае, когда другой человек совершает преступление непосредственно. Более нестандартным является криминализация подстрекательства даже в отсутствие непосредственного совершения преступления. Чтобы сосредоточиться на профилактическом значении запрещения геноцида, разработчики Конвенции о геноциде 1948 г. решили объявить наказуемым начальное [усеченное — авт.] преступление «прямого и публичного подстрекательства». Прямое и публичное подстрекательство на совершение геноцида — международное преступление даже в отсутствие доказательства, что геноцид был фактически совершен в результате подстрекательства. Это [условие] включено в статью III Конвенции 1948 г. и нашло отражение в параграфах 3 статьи 4 Устава МТБЮ и ст. 2 Устава МТР»¹²³. <...> Международный трибунал по бывшей Югославии не рассматривал данную форму наказуемого деяния в своих делах, однако МТР обращался к ней весьма часто. «Поскольку геноцид был фактически совершен в Руанде, судебное преследование за «прямое и публичное подстрекательство» может казаться несоответствующим. Те, кто произносил речи или иначе убеждал других совершать геноцид, публично или конфиденциально, являются виновными в соучастии, которое охвачено статьями 2 (3)(е) и 6 (1) Устава МТР. Поэтому многие из решений Судебных камер, казалось, путали начальную [усеченную — авт.] форму подстрекательства с подстрекательством как формой соучастия, и решения обвиняют исполнителей «прямого и публичного подстрекательства» после заключения, что геноцид был фактически совершен»¹²⁴. Тем не менее судьи всегда оговариваются, что прямое и публичное подстрекательство к геноциду не должно быть успешным, и для установления вины не требуется устанавливать причинной связи между подстрекательством к геноциду и актом геноцида»¹²⁵.

Субъективный элемент преступления состоит в намерении побудить других совершить геноцид, что «подразумевает желание со стороны преступника создать своими действиями в умах людей элемент настроения, необходимый для побуждения к совершению такого преступления. <...> Это означает, что человек, подстрекающий к совершению геноцида, должен непосредственно иметь специальное намерение совершить геноцид,

¹¹⁶ Schabas, 2006, p. 179.

¹¹⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 191. Решение Судебной камеры по делу Нтакирутумана и Нтакирутумана от 21 февраля 2003 г., пар. 798. Решение Судебной камеры по делу Нийитегека от 16 мая 2003 г., пар. 423. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г. от 3 декабря 2003 г., пар. 1041.

¹¹⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г. от 3 декабря 2003 г., пар. 1042.

¹¹⁹ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 192.

¹²⁰ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г. от 3 декабря 2003 г., пар. 1045, 1047.

¹²¹ Там же, пар. 1044.

¹²² МТР. Решение Судебной камеры по делу Мусема от 27 января 2000 г., пар. 194. Решение Судебной камеры по делу Нийитегека от 16 мая 2003 г., пар. 423.

¹²³ Schabas, 2006, p. 182.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 562. Решение Судебной камеры по делу Ругиу от 1 июня 2000 г., пар. 16. Решение Судебной камеры по делу Нийитегека от 16 мая 2003 г., пар. 431. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г., пар. 1007, 1013, 1015, 1029.

а именно уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую¹²⁶.

Наиболее важным процессом по обвинению в прямом и публичном подстрекательстве, проведенным МТР, является дело Фердинанда Нахиманы, Жана-Воско Бараягвизы и Хассана Нджеза, которые являлись высокопоставленными сотрудниками различных руандийских СМИ, вовлеченных в пропаганду геноцида¹²⁷. Также следует отметить дело бельгийского журналиста Георгеса Ругги, который признал себя виновным в прямом и публичном подстрекательстве к геноциду.

д) Покушение на совершение геноцида

Эта форма участия не рассматривалась в практике специальных международных трибуналов ООН.

е) Соучастие в геноциде

Термин «соучастие» охватывает широкий спектр форм участия, не включающих прямое совершение исполнителем преступленного акта. Как справедливо отметил проф. Шабас, «соучастие в совершении геноцида относится к различным формам «вторичного» участия в преступлении. Ссылка на соучастие в параграфах 3 (е) статей о геноциде накладывается на статью 7 (1) Устава МТБЮ и 6 (1) Устава МТР, которые гласят, что «лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом пособничало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступления, указанного в статьях 2 – 4 настоящего Устава, несет личную ответственность за это преступление». Описанный как «избыточность» в некоторых судебных решениях, он, когда проектировались уставы, казалось бы, не добавлял к этому никакого дополнительного специфического значения, и являлся побочным последствием привнесения статьи III Конвенции о геноциде в уставы».

В практике трибуналов соучастие в геноциде обычно приравнивалось к «пособничеству и подстрекательству»¹²⁸. Этот подход закреплен в 2004 году Апелляционной камерой МТР¹²⁹.

Критерии пособничества и подстрекательства применительно к преступлению геноцида отталкиваются от общего определения данной формы участия в преступлении. Так, в решении по делу Ндиндабахизи, Судебная камера подчеркнула, что пособничество и подстрекательство (aiding and abetting) практически всегда рассматриваются вместе и имеют широкую трактовку, указывая на любую форму содействия и поощрения другого лица к совершению преступления¹³⁰, что подразумевает прямой и значительный вклад в совершение преступления¹³¹. Он может быть выражен в физических действиях, устных заявлениях или даже в присутствии. Присутствие лица, наделенного властными полномочиями, на месте совершения преступления или рядом с местом совершения может рассматриваться как знак одобрения совершения преступлений, что равнозначно «пособничеству и подстрекательству»¹³². Что касается обязательного умственного элемента (субъективной стороны), в практике Трибуналов твердо установлено, что лицо, обвиненное в пособничестве и подстрекательстве, может не иметь изначального намерения на совершение геноцида, но должно, по меньшей мере, знать об общем и конкретном намерении исполнителя преступления на осуществление геноцида¹³³.

В деле Мухимана Судебная камера Трибунала установила, что обвиняемый «позволил» одному из боевиков (interahamwe¹³⁴) увести женщину, которую тот собирался изнасиловать. Судьи постановили, что данный эпизод говорит о поощрении к совершению преступления со стороны Мухиманы¹³⁵.

¹²⁶ МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 560. См. также Решение Судебной камеры по делу Ругги от 1 июня 2000 г., пар. 14. Решение Судебной камеры по делу Нийитегега от 16 мая 2003 г., пар. 431. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г. от 3 декабря 2003 г., пар. 1001.

¹²⁷ МТР. Решение Судебной камеры по делу Нахимана и др. от 3 декабря 2003 г.

¹²⁸ МТР. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 394. МТБЮ. Постановление Судебной камеры по делу Милошевича относительно движения решения об оправдании от 16 июня 2004 г., пар. 297.

¹²⁹ МТР. Решение Апелляционной камеры по делу Нтакирутумана от 13 декабря 2004 г., пар. 500.

¹³⁰ Там же, пар. 457. Также см.: Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 384-385.

¹³¹ Там же, пар. 457.

¹³² Там же, пар. 384-386, 457. МТР. Решение Судебной камеры по делу Нтакирутумана от 13 декабря 2004 г., пар. 788-789. Решение Апелляционной камеры по делу Кайяшема и Рузиндана от 1 июня 2001 г., пар. 201-202.

¹³³ Там же, пар. 457. МТР. Решение Судебной камеры по делу Акайесу от 2 сентября 1998 г., пар. 539-541. Решение Судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., пар. 338. Также см.: МТБЮ. Решение по Апелляционной камере по делу Крстича от 19 апреля 2004 г., пар. 140. Решение Апелляционной камеры по делу Крноелаца от 17 сентября 2004 г., пар. 51. Решение Апелляционной камеры по делу Алексовско-го от 24 марта 2000 г., пар. 162. Решение Апелляционной камеры по делу Васильевича от 25 февраля 2004 г., пар. 102.

¹³⁴ Термин на языке хуту, означающий участников военизированных формирований, принимавших участие в геноциде.

¹³⁵ МТР. Решение Судебной камеры по делу Мухимана от 28 апреля 2005 г., пар. 553, 563. Решение Апелляционной камеры по делу Мухимана от 21 мая 2007 г., пар. 185.

V

**ОТВЕТСТВЕННОЕ
КОМАНДОВАНИЕ**

ГЛАВА 22. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СТОРОН ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В предыдущей главе мы завершили обзор норм права, применимых к контексту рассматриваемых событий, и должны перейти к анализу действий сторон вооруженного конфликта в Чечне, образующих международные преступления. Данному вопросу и будут посвящены дальнейшие части нашей книги. Представляется, что такой анализ правильнее начать с описания организационной структуры каждой из сторон. Этому и посвящена настоящая часть, в название которой мы вынесли одно из ключевых понятий международного гуманитарного права — «ответственное командование».

В строгом смысле этот термин используется применительно к повстанческим вооруженным группам (см. раздел 17.2.3 (а)), так как существование организованной структуры правительственных вооруженных сил презюмируется. Однако здесь термин «ответственное командование» мы используем в более широком, техническом значении, подразумевая под ним систему организации и управления вооруженными формированиями, позволяющую сторонам конфликта планировать и осуществлять согласованные военные действия, иные операции, а также устанавливать и поддерживать дисциплину. Такая система подразумевает существование иерархической цепи инстанций и должностных лиц, обладающих де-юре или де-факто эффективным контролем над подчиненными, т. е. полномочиями отдавать приказы и распоряжения и привлекать к ответственности за их неисполнение. В случаях, когда стороной конфликта является государство или подобное государству образование, эта система, как правило, также включает в себя контролирующие, правоохранительные и судебные структуры, наделенные полномочиями и находящиеся под обязательством пресекать и преследовать нарушения закона.

Уяснить организационно-управленческую структуру каждой из сторон конфликта важно, как минимум, в трех отношениях. Во-первых, это необходимо для более полного осознания природы и причин совершения тех нарушений, которые будут описаны нами ниже. Рассматривая военные и военно-полицейские операции, в ходе которых учинялись преступные деяния, мы будем упоминать органы военного управления, воинские части, подразделения, конкретных должностных лиц. Необходимо, чтобы уже на данном этапе читателю было понятно, какое место занимали эти органы в структуре военной, контролирующей или полицейской иерархии, что это были за подразделения (по своему составу, ведомственному подчинению и т. п.) и какими полномочиями обладали названные офицеры или чиновники.

Во-вторых, это необходимо для понимания того, на каких уровнях военной или политической иерархии могли планироваться те или иные преступления, а также какие органы и должностные лица не исполнили возложенных на них законом обязательств по пресечению или наказанию таких преступлений.

В-третьих, это необходимо для правильного определения круга лиц, предположительно ответственных за совершение данных преступлений, и видов их участия в данных преступлениях. Как уже было показано нами выше (см. в особенности главу 13), определение места и роли подозреваемого в цепи инстанций и степени его контроля над подчиненными важно для установления таких видов участия в преступлении, как приказ, подстрекательство, планирование, пособничество и подстрекательство, участие в общем преступном плане или целеполагании (объединенном преступном предприятии), а также для установления ответственности вышестоящих должностных лиц в связи с преступлениями, совершенными их подчиненными; короче говоря, для всех видов преступного поведения, кроме непосредственного исполнения незаконного акта.

Разумеется, учитывая ограниченные рамки настоящего исследования, мы не можем осветить этот вопрос подробно. К тому же ряд важнейших документов, содержащих сведения о структуре управления так называемой «контртеррористической операцией» (КТО) на Северном Кавказе, носят закрытый, секретный характер. В связи с этим некоторые обстоятельства (особенно касающиеся должностей и полномочий тех или иных лиц), мы вынуждены были устанавливать путем анализа и сопоставления иных, общедоступных источников, прежде всего публикаций в средствах массовой информации. Конечно, сведения, содержащиеся в них, заведомо неполны, а иногда могут являться и недостоверными. Еще в большей степени дефицит источников ощущается в отношении сведений, относящихся к организационной структуре вооруженных формирований сепаратистов (само определение этой структуры, безусловно, должно стать темой отдельного исследования на дальнейшем

этапе подготовки материалов). Поэтому здесь мы ограничиваемся самым общим описанием основных организационных структур сторон, задействованных в вооруженном конфликте на Северном Кавказе.

В Главе 23 рассматривается общая структура управления органами безопасности РФ, состав этих органов, полномочия и обязанности их руководителей, а также полномочия тех лиц и организаций, которые обязаны осуществлять уголовное преследование подозреваемых. В Главе 24 даются сведения об обязанностях и полномочиях командиров и начальников Вооруженных Сил Российской Федерации по пресечению и расследованию преступлений в соответствии с внутригосударственным законодательством. В Главе 25 рассматривается структура управления группировкой войск и сил, непосредственно задействованных в так называемом «втором» вооруженном конфликте в Чеченской Республике. В главе 26 дается общая характеристика структуры ответственного командования чеченской стороны данного конфликта.

ГЛАВА 23. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

23.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОРГАНОВ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Рассмотрение организационной структуры и системы управления российской (федеральной) стороны вооруженного конфликта на Северном Кавказе правильнее начать с общего обзора силовых структур Российской Федерации, входящих в систему государственных органов безопасности.

В соответствии с «Законом о безопасности» силы обеспечения безопасности в Российской Федерации включают: «Вооруженные Силы, федеральные органы безопасности, органы внутренних дел, внешней разведки, обеспечения безопасности органов законодательной, исполнительной, судебной властей и их высших должностных лиц, налоговой службы; Государственную противопожарную службу, органы службы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, формирования гражданской обороны; пограничные войска, внутренние войска; органы, обеспечивающие безопасное ведение работ в промышленности, энергетике, на транспорте и в сельском хозяйстве; службы обеспечения безопасности средств связи и информации, таможни, природоохранные органы, органы охраны здоровья населения и другие государственные органы обеспечения безопасности, действующие на основании законодательства»¹.

В Российской Федерации существует четкая иерархическая структура управления органами безопасности, включающая в себя все имеющиеся в распоряжении государства силовые ведомства. Любое государственное подразделение, осуществляющее деятельность в сфере национальной безопасности, является частью данной иерархической вертикали. Эта система прочно основана на принципах единоначалия, безусловного подчинения младшего старшему и обезличенности власти, т.е. невозможности неисполнения обязанностей вследствие отсутствия на рабочем месте лица, занимающего определенную должностную позицию. Реализация этих принципов устанавливает и обеспечивает эффективный контроль начальников над подчиненными как в целом, так и на каждом из «этажей» властной вертикали. Это вертикаль замкнута на Президенте Российской Федерации как на высшем должностном лице, осуществляющем руководство всеми органами безопасности. Одновременно Президент является гарантом «прав и свобод человека и гражданина»², причем «человек, его права и свободы» признаются Конституцией РФ «высшей ценностью»³.

Разумеется, не все силы, перечисленные в перечне «Закона о безопасности», были в одинаковой степени задействованы в рассматриваемом вооруженном конфликте, и уж тем более не все из них могут быть увязаны с совершенными преступлениями. В виду того, что в конфликте на Северном Кавказе главным образом участвовали Вооруженные Силы, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральная Служба Безопасности и Министерство юстиции, в данном разделе мы сосредотачиваем внимание на анализе именно этих органов обеспечения безопасности РФ. В заключение мы рассмотрим роль органов прокуратуры и судов РФ, так как именно на них законом возложены основные обязанности по уголовному преследованию за нарушение закона.

23.2. РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Конституция Российской Федерации определяет Президента РФ как руководителя всех государственных ведомств, включенных в систему безопасности. «Общее руководство государственными органами обеспечения безопасности осуществляет Президент Российской Федерации. Президент Российской Федерации возглавляет Совет безопасности Российской Федерации, контролирует и координирует деятельность государственных органов обеспечения безопасности; в пределах определенной законом компетенции принимает

¹ Закон РФ от 5.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» (с изменениями от 25.12.1992, 25.07.1993, 7.03.2005, 25.07.2006, 2.03.2007), ст. 12.

² Конституция Российской Федерации, ч. 2 ст. 80.

³ Конституция Российской Федерации, ст. 2.

оперативные решения по обеспечению безопасности»⁴. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации⁵.

На момент начала «второго» вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами руководил деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также утверждал по представлению Председателя Правительства Российской Федерации положения о них, назначал их руководителей, осуществлял иные полномочия как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и Председатель Совета Безопасности Российской Федерации⁶. К 2004 году полномочия Президента Российской Федерации, в соответствии с новой редакцией Федерального Конституционного Закона «О правительстве Российской Федерации», расширились, так как он получил право осуществлять руководство и федеральными органами юстиции⁷.

Конституция наделяет Президента РФ полномочиями назначать и освобождать высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации⁸. Осуществляя политическое руководство Вооруженными Силами, Президент в качестве Верховного Главнокомандующего утверждает Военную доктрину России, концепцию и планы строительства Вооруженных Сил, мобилизационный план Вооруженных Сил и другие акты в сфере военного строительства. Глава государства утверждает также общевойсковые уставы, которые имеют силу закона, положения о Министерстве обороны и Генеральном штабе. Министр обороны и Начальник генерального штаба подчинены Президенту непосредственно.

Детально полномочия Президента РФ как Верховного Главнокомандующего определяются Федеральным Законом «Об обороне» от 1996 года. В соответствии с ним Президент в числе прочего:

«1) определяет основные направления военной политики Российской Федерации; <...>

3) осуществляет руководство Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами; <...>

б) принимает в соответствии с федеральными законами решение о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к выполнению задач с использованием вооружения не по их назначению; <...>

10) утверждает единый перечень воинских должностей, подлежащих замещению высшими офицерами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, и общее количество воинских должностей, подлежащих замещению полковниками (капитанами 1 ранга) в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, присваивает высшие воинские звания, назначает военнслужащих на воинские должности, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров, освобождает их от воинских должностей и увольняет их с военной службы в порядке, предусмотренном федеральным законом;

11) утверждает структуру, состав Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований до объединения включительно и органов, а также штатную численность военнслужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов;

12) принимает решение о дислокации и передислокации Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований от соединения и выше»⁹.

В соответствии с Положением о Министерстве Внутренних Дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 19 июля 2004 года № 927, руководство деятельностью МВД как федерального органа исполнительной власти осуществляет также Президент РФ¹⁰.

В соответствии с Законом «О федеральной службе безопасности» руководство деятельностью Федеральной службой безопасности также осуществляется Президентом Российской Федерации.¹¹

Наконец, согласно изменениям, внесенным в Закон «О правительстве Российской Федерации» и Указу Президента РФ от 13.10.2004 № 1313, руководство Министерством юстиции как федеральным органом исполнительной власти также осуществляет Президент РФ.

Совет безопасности Российской Федерации является конституционным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности. Самостоятельно Совет Безопасности не может принимать юридически обязывающих решений и поэтому фактически является консультативным органом при Президенте РФ.

⁴ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», ст. 11.

⁵ Конституция Российской Федерации, п.1 ст. 87

⁶ Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ «О правительстве Российской Федерации», ст. 32 (в редакции от 31.12.97).

⁷ Там же, ст. 32 (в редакции от 19.06.2004).

⁸ Конституция Российской Федерации, ст. 83 л.

⁹ Федеральный Закон «Об обороне» № 61-ФЗ от 31 мая 1996 года. Ст. 4, п. 2.

¹⁰ Положение о Министерстве Внутренних Дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента от 19.06.2004 № 927 (в ред. Указов Президента РФ от 09.06.2006 № 576, от 20.09.2006 № 1023).

¹¹ Федеральный Закон «О федеральной службе безопасности» № 15-ФЗ от 3 апреля 1995 г, ст. 1.

Совет Безопасности был создан в соответствии с Указом Президента Бориса Ельцина от 3 июня 1992 года № 547 «для обеспечения реализации функций Президента РФ по управлению государством, формированию внутренней, внешней и военной политики в области безопасности, сохранению государственного суверенитета России, поддержанию социально-политической стабильности в обществе, защите прав и свобод граждан»¹². Председателем Совета Безопасности является Президент Российской Федерации. В соответствии с Конституцией он «формирует и возглавляет Совет Безопасности РФ, статус которого определяется федеральным законом»¹³. Федеральным законом, определяющим статус Совбеза РФ, является «Закон о Безопасности»¹⁴. До принятия Конституции 1993 года Совбез формировался на основании Конституции РСФСР, Закона «О Президенте» и «Закона о Безопасности» 1992 года¹⁵.

Ключевые статьи закона 1992 года о структуре Совбеза и порядке назначения его членов были признаны недействующими указом Президента № 2288 от 24 декабря 1993 года в связи со вступлением в силу новой Конституции РФ. Созданный правовой вакуум должен был заполнить закон «О национальной безопасности», однако он не принят до сих пор. В итоге данные вопросы сейчас регулируются указами Президента. В настоящий момент постоянными членами Совбеза являются спикеры обеих палат федерального парламента, премьер-министр, министр обороны, внутренних дел, иностранных дел, глава ФСБ, руководитель администрации Президента, оба первых вице-преьера и глава Службы внешней разведки.

Решения Совбеза принимаются на заседаниях, которые проводятся не реже одного раза в месяц, постоянными членами Совета простым большинством голосов от их общего количества¹⁶.

Таким образом, президент Российской Федерации в связи с самыми широкими полномочиями, предоставленными ему Конституцией, федеральными законами и иными нормативными актами, обладает эффективным контролем над всеми основными силовыми структурами Российской Федерации, включая те, что приняли основное участие в вооруженном конфликте на Северном Кавказе: Вооруженными Силами, органами МВД и ФСБ. Особо высокий уровень эффективного контроля определяется тем, что Президент не только руководит данными структурами, но и наделен единоличными полномочиями по формированию руководящего состава данных органов, включая назначение и снятие с должностей.

23.3. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

23.3.1. Определение Вооруженных Сил

В соответствии с Федеральным законом «Об обороне» Вооруженные Силы Российской Федерации (ВС РФ) – это «государственная военная организация, составляющая основу обороны Российской Федерации. Вооруженные Силы Российской Федерации предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации»¹⁷.

ВС РФ предназначены для осуществления следующих основных целей:

1. сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности или интересам Российской Федерации;
2. обеспечение экономических и политических интересов Российской Федерации;
3. осуществление силовых операций мирного времени;
4. применение военной силы¹⁸.

Управление Вооруженными Силами РФ на всех уровнях осуществляется с принципом строгого единоначалия; порядок взаимоотношений между начальниками и подчиненными определяется Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁹.

¹² Указ Президента РФ от 3 июня 1992 года № 547 «Об образовании Совета Безопасности Российской Федерации», ст. 1.

¹³ Конституция РФ, ст. 83ж.

¹⁴ Закон РФ от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О Безопасности» (с изменениями от 25.12.1992 г., 24.12.1993 г., 07.03.2002 г., 25.07.2006 г., 02.03.2007 г.).

¹⁵ Там же, раздел III, ст. 14.

¹⁶ Там же, раздел III, ст. 14.

¹⁷ ФЗ «Об обороне», ст. 10, п. 1-2.

¹⁸ Официальный сайт Министерства Обороны Российской Федерации: <http://www.mil.ru/>.

¹⁹ Из Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации:

«Единоначалие. Командиры (начальники) и подчиненные. Старшие и младшие.

30. Единоначалие является одним из принципов строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими. Оно заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего.

Единоначалие выражается в праве командира (начальника), исходя из всесторонней оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать соответствующие приказы в строгом соответствии с требованиями законов и воинских уставов и обеспечивать их выполнение. Обсуждение приказа недопустимо, а неповиновение или другое неисполнение приказа является воинским преступлением.

31. По своему служебному положению и воинскому званию одни военнослужащие по отношению к другим могут быть начальниками или подчиненными.

Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения. Начальник должен быть для подчиненного примером тактичности и выдержанности и не должен допускать как фамильярности, так и предвзятости. За действия, унижающие человеческое достоинство подчиненного, начальник несет ответственность.

Вооруженные Силы Российской Федерации состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации, в Тыл Вооруженных Сил Российской Федерации и в войска, не входящие в виды и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации.

Руководство Вооруженными Силами осуществляет Президент Российской Федерации – *Верховный Главнокомандующий* Вооруженными Силами Российской Федерации. В пределах своих полномочий он издает приказы и директивы Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, обязательные для исполнения Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами.

Управление Вооруженными Силами Российской Федерации осуществляет *министр обороны* Российской Федерации через Министерство обороны Российской Федерации и Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации, являющийся основным органом оперативного управления Вооруженными Силами Российской Федерации²⁰.

Правовой основой системы «начальник – подчиненный» в структуре Вооруженных Сил является Конституция и законодательство Российской Федерации, включая Устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ. Им установлена четкая иерархия взаимных отношений военнослужащих Вооруженных Сил. Ее основной принцип – «обезличенность власти», то есть невозможность неисполнения обязанностей вследствие отсутствия на рабочем месте лица, занимающего определенную должностную позицию. Даже в случае кратковременного отсутствия начальника его обязанности автоматически начинают исполнять его заместители, пользуясь всей полнотой власти своего начальника. Для тех должностей, для которых не предусмотрено штатного заместителя, уставом предусмотрено, что исполнение обязанностей при отсутствии начальника возлагается автоматически на его ближайшего подчиненного и далее вниз по цепочке. Этот принцип реализуется на всех уровнях военной власти, включая дивизию, корпус, армию и фронт (округ).

23.3.2. Центральные органы военного управления

К центральным органам военного управления относится Министерство обороны и Генеральный Штаб Вооруженных Сил Российской Федерации.

а) Министерство обороны Российской Федерации

Министерство обороны Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику и осуществляющим государственное управление в области обороны, а также координирующим деятельность федеральных министерств, иных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам обороны. Министерство обороны состоит из главных и центральных управлений, управлений и иных подразделений, входящих в его структуру.

Руководство деятельностью Министерства обороны Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации²¹.

Подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы начальника. Выполнив приказ, он может подать жалобу, если считает, что по отношению к нему поступили неправильно.

Лица гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации являются начальниками для подчиненных в соответствии с занимаемой штатной должностью.

32. Начальники, которым военнослужащие подчинены по службе, хотя бы и временно, являются прямыми начальниками. Ближайший к подчиненному прямой начальник называется непосредственным начальником.

33. По своему воинскому званию начальниками являются состоящие на военной службе:

маршалы Российской Федерации, генералы армии, адмиралы флота – для старших и младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старших солдат и матросов;

генералы, адмиралы, полковники и капитаны 1 ранга – для младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов;

старшие офицеры в воинских званиях подполковник, капитан 2 ранга, майор, капитан 3 ранга – для прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов;

младшие офицеры – для сержантов, старшин, солдат и матросов;

прапорщики и мичманы – для сержантов, старшин, солдат и матросов одной с ними воинской части;

сержанты и старшины – для солдат и матросов одной с ними воинской части.

34. Военнослужащие, которые по своему служебному положению и воинскому званию (ст. 32, 33) не являются по отношению к другим военнослужащим их начальниками или подчиненными, могут быть старшими или младшими.

Старшинство определяется воинскими званиями военнослужащих.

Старшие по воинскому званию в случае нарушения младшими воинской дисциплины, общественного порядка, правил поведения, ношения военной формы одежды и выполнения воинского приветствия должны требовать от них устранения этих нарушений. Младшие по званию обязаны беспрекословно выполнять эти требования старших.

35. При совместном выполнении обязанностей военнослужащими, не подчиненными друг другу, когда их служебные взаимоотношения не определены командиром (начальником), старший из них по должности, а при равных должностях старший по воинскому званию является начальником».

²⁰ ФЗ «Об обороне», статья 13, п. 1-2.

²¹ Положение о Министерстве обороны РФ. Утверждено Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082; п.1. Однако фактически практика подчинения «силовых министров» лично президенту сложилась еще с середины 1990-х годов. См. например: Игорь Коротченко. Павел Грачев: «Мой начальник – только Ельцин». – Независимая газета. 4 ноября 1995 г.

Возглавляет Министерство обороны *Министр обороны* Российской Федерации, который, как и другие федеральные министры, назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Правительства Российской Федерации²².

Министр подчиняется непосредственно Президенту Российской Федерации, а по вопросам, отнесенным Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и указами Президента Российской Федерации к ведению Правительства Российской Федерации, — и Председателю Правительства Российской Федерации.

Министру обороны непосредственно подчиняются Вооруженные Силы.

Министр несет персональную ответственность за решение задач и реализацию полномочий, возложенных на Министерство обороны России и Вооруженные Силы, и осуществляет свою деятельность на основе единоначалия²³.

б) Генеральный Штаб Вооруженных Сил Российской Федерации

Координация всех действий между различными силовыми ведомствами РФ осуществляется на уровне Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно «Положению о Генеральном Штабе ВС РФ», Генштаб является центральным органом военного управления и основным органом оперативного управления Вооруженными Силами Российской Федерации, осуществляющим координацию деятельности пограничных войск и органов федеральной службы безопасности, внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, Железнодорожных войск Российской Федерации, федерального органа специальной связи и информации, войск гражданской обороны, инженерно-технических и дорожно-строительных воинских формирований Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, федеральных органов государственной охраны, федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации по выполнению задач в области обороны, строительства и развития других войск, воинских формирований и органов, а также планирование и применение Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов в области обороны²⁴.

Генштаб возглавляет *начальник Генерального штаба*. Он подчиняется Министру обороны Российской Федерации, является по должности его первым заместителем и несет персональную ответственность за выполнение задач, возложенных на Генштаб²⁵. Начальник Генштаба наделен широкими властными полномочиями, так как он обладает правом отдавать приказания от имени Министра обороны РФ при реализации его решений²⁶. В функции начальника генштаба входит координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих управление другими войсками и воинскими формированиями²⁷.

23.3.3. Видовая и родовая структура Вооруженных Сил Российской Федерации

23.3.3.1. Войска ВС и «другие войска»

Вооруженные силы Российской Федерации состоят из трех видов и трех родов войск. К видам войск относятся Сухопутные Войска, Военно-Воздушные Силы и Военно-Морской Флот. К родам войск относятся Ракетные войска стратегического назначения, Космические войска и Воздушно-десантные войска. Кроме этого, в структуру ВС РФ входят Тылы ВС РФ, Служба расквартирования и обустройства МО РФ, железнодорожные войска, а также войска, не входящие в виды ВС РФ²⁸. В структуру каждого из видов войск входят свои отдельные рода войск (артиллерия, танковые войска и т. п.).

К войскам, не входящим в виды ВС РФ (т. н. «другим войскам»), относятся Пограничные войска Российской Федерации (в настоящее время входят в структуру ФСБ РФ), Внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации, Железнодорожные войска Российской Федерации, войска Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации и войска гражданской обороны²⁹.

23.3.3.2. Сухопутные войска

Сухопутные войска как вид Вооруженных Сил Российской Федерации предназначены для ведения боевых действий преимущественно на суше.

Сухопутные войска РФ организационно состоят из мотострелковых, танковых войск, ракетных войск и артиллерии, войск ПВО, являющихся родами войск, а также специальных войск (разведывательных, связи, РЭБ, инженерных, РХБ защиты, технического обеспечения, охраны тыла, частей и организации тыла). Кроме

²² Конституция РФ, ст. 83д.

²³ Положение о Министерстве обороны РФ. Утверждено Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082; п. 9.

²⁴ ФЗ «Об обороне», ст. 15. Положение о Генеральном Штабе Вооруженных Сил Российской Федерации, ст. 1.

²⁵ Положение о Генеральном Штабе Вооруженных Сил Российской Федерации, IV «Руководство Генеральным штабом» ст. 8.

²⁶ Там же, ст. 10.

²⁷ Там же, ст. 12, п. 3.

²⁸ Официальный сайт Министерства Обороны Российской Федерации: <http://www.mil.ru/>.

²⁹ ФЗ «Об обороне», п. 5, ст. 1.

того, до 1 января 2003 года в структуру Сухопутных войск входила и армейская авиация, в настоящее время подчиненная ВВС РФ³⁰. Основу боевого состава Сухопутных войск составляют мотострелковые, танковые дивизии и бригады (в том числе горные), бригады (полки) родов войск и специальных войск. Они организационно сведены в армии и фронтовые (окружные) группировки войск (сил).

Объединения и соединения Сухопутных войск являются главной составляющей частью военных округов: Московского, Ленинградского, Северо-Кавказского, Приволжско-Уральского, Сибирского и Дальневосточного. На территории военных округов дислоцированы межвидовые, родовые группировки войск под единым оперативно-стратегическим командованием.

а) Мотострелковые войска. Мотострелковые войска – самый многочисленный род войск, составляющий основу Сухопутных войск и ядро их боевых порядков. Они оснащены мощным вооружением для поражения наземных и воздушных целей, ракетными комплексами, танками, артиллерией и минометами, противотанковыми управляемыми ракетами, зенитными ракетными комплексами и установками, эффективными средствами разведки и управления.

б) Танковые войска. Танковые войска – род войск и главная ударная сила Сухопутных войск. Применяются преимущественно на главных направлениях для нанесения по противнику мощных рассекающих ударов на большую глубину.

в) Ракетные войска и артиллерия. Ракетные войска и артиллерия – род войск Сухопутных войск, являющийся основным средством огневого и ядерного поражения во фронтовых и армейских (корпусных) операциях и в общевойсковом бою. Предназначены для поражения средств ядерного нападения, живой силы, артиллерии, других огневых средств и объектов противника.

г) Войска противовоздушной обороны. Войска противовоздушной обороны – род войск Сухопутных войск предназначенный для отражения ударов средств воздушного нападения противника и защиты группировок войск и объектов тыла от ударов с воздуха.

д) Армейская авиация. Армейская авиация – отдельный род войск, находившийся до 1 января 2003 года в структуре Сухопутных Войск РФ. Его основу составляют боевые и транспортные вертолеты. Самолеты (как боевые, так и транспортные) на вооружении армейской авиации не состоят.

е) Специальные войска. Специальные войска – воинские формирования, учреждения и организации, предназначенные для обеспечения боевой деятельности Сухопутных войск и решения присущих им специальных задач. Выполнение общевойсковыми формированиями стоящих перед ними задач обеспечивается специальными войсками (инженерными, радиационной, химической и биологической защиты и другие) и службами (вооружения, тыла)³¹.

23.3.3.3. Военно-воздушные силы РФ

Военно-воздушные силы (ВВС) – вид Вооруженных Сил Российской Федерации. Они предназначены для ведения разведки группировок противника; обеспечения завоевания господства (сдерживания) в воздухе; защиты от ударов с воздуха важных военно-экономических районов (объектов) страны и группировок войск; предупреждения о воздушном нападении; поражения объектов, составляющих основу военного и военно-экономического потенциала противника; поддержки с воздуха сухопутных войск и сил флота; десантирования воздушных десантов; перевозки войск и материальных средств по воздуху.

В состав Военно-воздушных Сил входят следующие рода войск: авиация (рода авиации – бомбардировочная, штурмовая, истребительная авиация, противовоздушной обороны, разведывательная, транспортная и специальная), зенитные ракетные войска, радиотехнические войска, специальные войска, части и учреждения тыла³². В своем современном виде структуры ВВС РФ существуют с 16 июля 1997 года³³, когда в соответствии с Указом Президента России Военно-воздушные силы и Войска противовоздушной обороны были преобразованы (до 1 января 1998 года) в единый вид ВС РФ – Военно-воздушные Силы.

а) Авиация. Бомбардировочная авиация имеет на вооружении дальние (стратегические) и фронтовые (тактические) бомбардировщики различного типа. Она предназначена для поражения группировок войск, разрушения важных военных, энергетических объектов и узлов коммуникаций преимущественно в стратегической и оперативной глубине обороны противника. Бомбардировщик может нести бомбы различных калибров, как обычные, так и ядерные, а также управляемые ракеты класса «воздух – поверхность». Штурмовая авиация предназначена для авиационной поддержки войск, поражения живой силы и объектов преимущественно на переднем крае, в тактической и ближайшей оперативной глубине противника, а также для ведения борьбы с летательными аппаратами противника в воздухе. Одно из основных требований к штурмовику – высокая точность поражения наземных объектов. Вооружение: крупнокалиберные пушки, бомбы, реактивные

³⁰ Армейская авиация переподчиняется Военно-Воздушным силам РФ. – Интерфакс – АВН. 11.11,2002. 16.33; В России армейскую авиацию переподчинят ВВС. – Коммерсант. // Новости. 6 декабря 2002 г.

³¹ Официальный сайт Министерства обороны РФ. || <http://www.mil.ru/848/1045/1272/index.shtml>.

³² Официальный сайт Министерства обороны РФ. || <http://www.mil.ru/848/1045/1273/index.shtml>.

³³ Указ Президента РФ «О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных Сил РФ и совершенствованию их структуры» от 16 июля 1997 г., также «Основы (концепция) государственной политики Российской Федерации по военному строительству до 2005 года», утвержденные 30 июля 1998 г. Президентом РФ.

снаряды. Истребительная авиация противовоздушной обороны является основной маневренной силой системы ПВО и предназначена для прикрытия важнейших направлений и объектов от воздушного нападения противника. Она способна уничтожать противника на максимальных дальностях от обороняемых объектов. На вооружении авиации противовоздушной обороны состоят самолеты-истребители противовоздушной обороны, боевые вертолеты, специальные и транспортные самолеты и вертолеты. Разведывательная авиация предназначена для ведения воздушной разведки противника, местности и погоды, может уничтожать скрытые объекты противника. Разведывательная авиация подразделяется на авиацию тактической, оперативной и стратегической разведки. Транспортная авиация предназначена для перевозки войск, боевой техники, вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия, высадки воздушных десантов, эвакуации раненых, больных и др. Специальная авиация предназначена для дальнего радиолокационного обнаружения и наведения, дозаправки самолетов в воздухе, ведения радиоэлектронной борьбы, радиационной, химической и биологической защиты, обеспечения управления и связи, метеорологического и технического обеспечения, спасения экипажей, терпящих бедствие, эвакуации раненых и больных.

б) *Зенитные ракетные войска* предназначены для защиты важнейших объектов страны и группировок войск от ударов воздушного противника.

в) *Радиотехнические войска* являются основным источником информации о воздушном противнике и предназначены для ведения его радиолокационной разведки, контроля за полетами своей авиации и соблюдения летательными аппаратами всех ведомств правил использования воздушного пространства³⁴.

23.3.3.4. Военно-Морской флот

Военно-Морской Флот (ВМФ) является видом Вооруженных Сил Российской Федерации. Он предназначен для вооруженной защиты интересов России, ведения боевых действий на морских и океанских театрах войны. ВМФ способен наносить ядерные удары по наземным объектам противника, уничтожать группировки его флота в море и базах, нарушать океанские и морские коммуникации противника и защищать свои морские перевозки, содействовать сухопутным войскам в операциях на континентальных театрах военных действий, высаживать морские десанты, участвовать в отражении десантов противника и выполнять другие задачи.

Военно-Морской Флот РФ подразделяется на силы общего назначения и стратегические ядерные силы. ВМФ состоит из следующих родов сил: подводных, надводных, морской авиации, морской пехоты и войск береговой обороны. В его состав также входят корабли и суда, части специального назначения, части и подразделения тыла³⁵.

23.3.3.5. Воздушно-десантные войска

Воздушно-десантные войска (ВДВ) – высококомобильный род войск вооруженных сил, предназначенный для охвата противника по воздуху и ведения боевых действий в его тылу. ВДВ РФ являются средством ВГК и могут составлять основу мобильных сил. Они подчиняются непосредственно командующему ВДВ и состоят из воздушно-десантных дивизий, бригад, отдельных частей и учреждений³⁶.

23.3.3. Организационная структура Вооруженных Сил Российской Федерации

23.3.3.1. Определение и основные термины

Организационно Вооруженные Силы Российской Федерации состоят из объединений, соединений, частей и подразделений.

Под *объединением* понимается наиболее крупное из существующих воинских формирований. Этот термин объединяет корпус, армию, группу армий и фронт (в мирное время – военный округ). Штаб объединения является отдельной войсковой частью, которой подчинены различные соединения и части.

Под *соединением* понимается группа войсковых частей. Формально этому термину отвечает только *дивизия*. Штаб дивизии также имеет статус части. Этой части (штабу) подчиняются другие части (полки). Однако в ряде случаев статус соединения может иметь и *бригада*. Это происходит, если в состав бригады входят отдельные батальоны и роты, каждый из которых сам по себе имеет статус части. Штаб бригады в этом случае, как и штаб дивизии, имеет статус войсковой части, а батальоны и роты как самостоятельные части подчиняются штабу бригады.

Основной единицей Вооруженных Сил является *часть*. Под данным понятием чаще всего подразумеваются *полк* и *бригада*. Войсковая часть характеризуется достаточной степенью автономности. В ней ведется собственное делопроизводство, войсковое хозяйство. У войсковой части в распоряжении есть расчетный счет в банке, почтовый и телеграфный адреса, собственная гербовая печать. Командир части обладает правом отдавать письменные приказы. Кроме полка и бригады, частями являются штаб дивизии, штаб корпуса, штаб армии, штаб округа, а также иные воинские организации. В ряде случаев статус части со всеми ее внешними признаками могут иметь формирования, формально относящиеся к подразделениям. Частями могут быть батальон, рота и даже изредка

³⁴ Официальный сайт Министерства обороны РФ. || <http://www.mil.ru/848/1045/1273/index.shtml>.

³⁵ Официальный сайт Министерства обороны РФ. || <http://www.mil.ru/848/1045/1274/index.shtml>.

³⁶ Официальный сайт Министерства обороны РФ. || <http://www.mil.ru/848/1045/1277/index.shtml>.

взвод. Такие формирования не входят в состав полков или бригад. На правах самостоятельной воинской части (в статусе полка или бригады) они могут входить в состав как дивизии, так и корпуса, армии, фронта (округа) и даже напрямую подчиняться Генеральному штабу. Характерным признаком таких частей является слово «отдельный», стоящее после цифр перед наименованием. Полк также может иметь в наименовании слово «отдельный». Это возможно в случае, если полк входит непосредственно в состав армии (корпуса, округа, фронта).

Все войсковые части делятся на подразделения. Под данным термином понимаются *отделение, взвод, рота, и батальон*.

Термин «*воинское формирование*» носит нейтральный характер и может относиться к любой боевой единице вне зависимости от численности личного состава, рода войск и тех тактических задач, которые возлагаются на формирование данного типа.

23.3.3.2. Объединения в структуре ВС РФ

Под термином «*военный округ*» понимается оперативно-стратегическое территориальное объединение Вооруженных Сил Российской Федерации, дислоцирующееся на определенной части территории страны. Этот термин употребляется в мирное время. В ситуации объявления войны округа считаются отдельными *фронтами*. Территориально Сухопутные Войска ВС РФ подразделяются на 7 военных округов: Московский, Ленинградский, Приволжско-Уральский, Северо-Кавказский, Сибирский и дальневосточный.

Армия в значении структурной войсковой единицы — крупное воинское формирование оперативного назначения. Армия включает в себя дивизии, полки, батальоны всех родов войск. Обычно армии не подразделяются по родам войск. В составе армии может также находиться один или несколько корпусов. Структура и численность армии может варьироваться. Во главе армии стоит «командующий армией». Обычно штатное звание командующего армией — генерал-полковник. В мирное время армии как воинские формирования организуются редко. Обычно дивизии, полки, батальоны напрямую входят в состав округа.

Корпус является промежуточным формированием между дивизией и армией. Корпус относится к общевойсковым формированиям, т. е. обычно он лишен признака одного рода войск, хотя могут существовать и танковые или артиллерийские корпуса, т. е. корпуса с полным преобладанием в них танковых или артиллерийских дивизий. Общевойсковой корпус обычно именуется «армейский корпус». Единой структуры корпусов не существует. Всякий раз корпус формируется исходя из конкретной военной или военно-политической обстановки и может состоять из двух-трех дивизий и различного количества формирований других родов войск. Обычно корпус создается там, где нецелесообразно создавать армию. Командиром корпуса является генерал-лейтенант.

23.3.3.3. Соединения в структуре ВС РФ

К соединениям относится *дивизия*, и при определенных обстоятельствах (см. выше, раздел 23.3.3.1) — *бригада*.

Дивизия относится к основным оперативно-тактическим формированиям. Свое название дивизии получают по преобладающему в них роду войск (например, мотострелковая дивизия). Мотострелковая и танковая дивизии идентичны по своей структуре с той разницей, что в состав мотострелковой дивизии входят два-три мотострелковых полка и один танковый, а в танковой дивизии — наоборот. Кроме этих основных полков, в дивизию входят один-два артиллерийских полка, один зенитно-ракетный полк, реактивный дивизион, ракетный дивизион, вертолетная эскадрилья, инженерно-саперный батальон, батальон связи, автомобильный батальон, разведывательный батальон, батальон радиоэлектронной борьбы, батальон материального обеспечения, ремонтно-восстановительный батальон, медико-санитарный батальон, рота химической защиты и несколько различных вспомогательных рот и взводов. Командир дивизии — генерал-майор.

23.3.3.4. Войсковые части в структуре ВС РФ

Бригада относится к числу основных тактических формирований. Бригада занимает промежуточное положение между полком и дивизией. Структура бригады чаще всего совпадает со структурой полка. Отличие заключается в том, что в бригаде значительно больше батальонов и других подразделений. Командиром бригады является офицер в звании полковника.

Полк является ключевым тактическим формированием в структуре ВС РФ. Полк абсолютно автономен. Командир полка — полковник. Хотя полки именуется по родам войск (танковый, мотострелковый, связи, понтонно-мостовой и т. п.), фактически это формирование, состоящее из подразделений многих родов войск. Наименование присваивается полку по преобладающему роду войск. В состав полка входят подразделения — батальоны и роты, которые в свою очередь включают в себя взводы и отделения.

23.3.3.5. Подразделения в структуре ВС РФ

Батальон состоит из нескольких рот (обычно 2-4) и нескольких взводов, не входящих ни в одну из рот. Батальон — одно из основных тактических формирований. Батальон, как и рота, взвод, отделение, именуется по своему роду войск (танковый, мотострелковый, инженерно-саперный, связи). Но в батальон входят и формирования других родов. Например, в мотострелковом батальоне, кроме мотострелковых рот, есть минометная батарея, взвод материального обеспечения, взвод связи. Командир батальона — подполковник. Батальон имеет свой штаб. В артиллерии формирование этого типа называется *дивизион*.

Рота является наименьшим войсковым формированием, имеющим тактическое значение, т. е. формированием, способным к самостоятельному выполнению небольших тактических задач на поле боя. Командиром роты является офицер в звании капитана. Обычно рота входит в состав батальона, но нередко существование рот как самостоятельных формирований. В артиллерии формирование этого типа называется *батареей*. Рота состоит из нескольких взводов, хотя в нее могут входить и несколько самостоятельных отделений, не входящих ни в один из взводов.

Взвод составляют несколько отделений. Обычно во взводе от двух до четырех отделений, но возможно и большее количество. Во главе взвода стоит командир в офицерском звании — младший лейтенант, лейтенант или старший лейтенант. Обычно во всех родах войск наименование одно и то же — взвод. Взвод входит в состав роты, но может существовать и самостоятельно.

Отделение — самое маленькое воинское формирование, имеющее штатного командира. Отделением командует младший сержант или сержант. В артиллерийских войсках подразделение называется расчетом, а в танковых войсках — экипажем. Обычно отделение входит в состав взвода, но может существовать и вне взвода. Тогда подразделение не входит ни в один из взводов батальона, а напрямую подчинено начальнику штаба батальона.

23.4. МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА

Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе в сфере миграции³⁷.

В систему МВД РФ входит *милиция*. Милиция в Российской Федерации — система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения³⁸. Задачами милиции являются обеспечение безопасности личности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов³⁹.

Милиция в Российской Федерации подразделяется на криминальную милицию и милицию общественной безопасности. В своей деятельности милиция подчиняется *Министерству внутренних дел* Российской Федерации, а милиция общественной безопасности — еще и соответствующим органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Основными задачами *криминальной милиции* являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия обязательно, организация и осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших и иных лиц в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Криминальная милиция оказывает содействие милиции общественной безопасности в исполнении возложенных на нее обязанностей. Криминальная милиция является органом дознания⁴⁰. В соответствии со Структурой криминальной милиции, утвержденной постановлением правительства РФ «О подразделениях криминальной милиции» от 7 декабря 2000 г. № 925 (с последующими неоднократными изменениями), эту службу образуют следующие подразделения: уголовного розыска; по борьбе с экономическими преступлениями; по борьбе с организованной преступностью; оперативно-поисковые; специальных технических мероприятий; собственной безопасности; отряды милиции специального назначения; оперативно-розыскной информации; национальное бюро Интерпола и его территориальные подразделения⁴¹. К отрядам милиции специального назначения, находящимся в структуре криминальной милиции, относятся *Специальные отряды быстрого реагирования (СОБР)*. Это подразделения, предназначенные для проведения специальных боевых операций типа нейтрализации террористов или организованных вооруженных преступных групп. СОБРы укомплектованы исключительно офицерами.

Основными задачами *милиции общественной безопасности (МОБ)* являются обеспечение безопасности личности, общественной безопасности, охрана собственности, общественного порядка, выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия не обязательно, розыск отдельных категорий лиц, установление места нахождения которых отнесено к компетенции милиции общественной безопасности. Милиция общественной безопасности оказывает содействие криминальной милиции в исполнении возложенных на нее обязанностей. Милиция общественной безопасности также является органом дознания⁴².

³⁷ Положение о Министерстве Внутренних Дел Российской Федерации (в ред. Указов Президента РФ от 09.06.2006 № 576; от 20.09.2006 № 1023).

³⁸ Закон РФ «О милиции», ст. 1.

³⁹ Там же, ст. 2.

⁴⁰ Там же, ст. 8.

⁴¹ Гуценко, Ковалев, 2007, с. 361.

⁴² Закон РФ «О милиции», ст. 1, ст. 9.

В соответствии с постановлением Правительства РФ «О подразделениях милиции общественной безопасности» от 7 декабря 2000 г. № 926 в структуру этой службы входят: дежурные части; участковые уполномоченные милиции; Государственная инспекция безопасности дорожного движения (ГИБДД, ранее – ГАИ); изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых; специальные приемники для содержания лиц, арестованных в административном порядке; приемники-распределители для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество; медицинские вытрезвители при органах внутренних дел; центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей; отряды милиции особого назначения⁴³. *Отряды милиции особого назначения (ОМОН)* – специальные подразделения, предназначенные для выполнения опасных заданий в городских условиях, включая силовое подавление массовых беспорядков, а также захват либо ликвидацию вооруженных преступников. ОМОНЫ укомплектованы сержантским составом. К концу 1990-х годов подразделения ОМОН были сформированы во всех крупных городах России; не только в областных центрах, но и практически в любом городе с населением свыше 500 тысяч человек. В структуре ГУВД субъектов федерации созданы областные (краевые) ОМОНЫ.

Кроме того, в структуру МОБ входят подразделения милиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел, подразделения дознания, подразделения патрульно-постовой службы милиции, подразделения лицензионно-разрешительной работы и контроля за частной детективной и охранной деятельностью, подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства, подразделения по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств.

Министр внутренних дел Российской Федерации осуществляет руководство всей милицией в Российской Федерации. Руководство милицией в субъектах Российской Федерации осуществляют министры внутренних дел, начальники управлений (главных управлений) внутренних дел по субъектам Российской Федерации, которые назначаются на должность и освобождаются от должности *Президентом Российской Федерации*. Назначение на иные должности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, замещение которых предусмотрено лицами высшего начальствующего состава органов внутренних дел, и освобождение от этих должностей осуществляются также *Президентом Российской Федерации*⁴⁴.

В систему МВД РФ входят также *Внутренние войска* Министерства внутренних дел Российской Федерации. Они предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств⁴⁵. Задачи внутренних войск МВД России определены в Федеральном законе «О внутренних войсках»⁴⁶: (1) участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения; (2) охрана важных государственных объектов и специальных грузов; (3) участие в территориальной обороне Российской Федерации; (4) оказание содействия Пограничным войскам Федеральной пограничной службы Российской Федерации в охране Государственной границы Российской Федерации.

Выполнение задач, возложенных на внутренние войска, осуществляется (1) органами управления внутренними войсками; (2) соединениями и воинскими частями оперативного назначения; (3) специальными моторизованными соединениями и воинскими частями; (4) соединениями и воинскими частями по охране важных государственных объектов и специальных грузов; (5) авиационными воинскими частями; (6) морскими воинскими частями; (7) военными образовательными учреждениями высшего профессионального образования; (8) разведывательными воинскими частями (подразделениями); (9) воинскими частями (подразделениями) специального назначения; (10) учреждениями (медицинскими, научными и другими) и воинскими частями обеспечения деятельности внутренних войск (учебными, связи и другими).

В число полномочий *Президента Российской Федерации* в сфере деятельности внутренних войск и по руководству ими входят следующие:

- осуществление руководства внутренними войсками;
- утверждение состава, численности и структуры внутренних войск;
- принятие решение о дислокации и передислокации внутренних войск;
- назначение на должность и освобождение от должности главнокомандующего внутренними войсками,

а также увольнение и назначение военнослужащих внутренних войск на воинские должности, для которых штатом предусмотрены звания высших офицеров⁴⁷.

Непосредственное руководство Внутренними войсками осуществляет *Министр Внутренних Дел*⁴⁸. Он же несет ответственность за правомерность выполнения задач, возложенных на внутренние войска⁴⁹. Главного-

⁴³ Гуценко, Ковалев, 2007, с. 361.

⁴⁴ Там же, ст. 7.

⁴⁵ Официальный сайт Внутренних Войск МВД РФ. || <http://www.vvmvd.ru/?sect=15>.

⁴⁶ Федеральный закон РФ от 06.02.1997 г. № 27-ФЗ «О Внутренних Войсках Министерства Внутренних Дел Российской Федерации» ст. 2.

⁴⁷ Закон «О внутренних войсках МВД РФ» Раздел II. Полномочия органов государственной власти РФ в сфере деятельности внутренних войск; ст. 9.

⁴⁸ Закон «О внутренних войсках МВД РФ» Раздел VI. Руководство внутренними войсками, ст. 31.

⁴⁹ Там же.

манующий внутренними войсками является одновременно заместителем министра внутренних дел Российской Федерации и осуществляет управление внутренними войсками⁵⁰. Его полномочия определяются положением о Главном командовании внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, которое утверждается Президентом Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами⁵¹.

Управление Внутренними Войсками осуществляется Главным Командованием Внутренних Войск. Главное командование внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации является структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации⁵². Оно состоит из командования внутренних войск, главного штаба внутренних войск, управлений, отделов, служб и иных структурных подразделений. В соответствии с Положением о Главном командовании внутренних войск МВД РФ оно является структурным подразделением центрального аппарата МВД РФ и предназначено для управления внутренними войсками МВД России при выполнении задач, возложенных на них законодательством Российской Федерации⁵³.

Территориально Внутренние войска РФ организованы в Округа Внутренних войск МВД России, руководство которыми осуществляют соответствующие региональные командования. Так, Северо-Кавказским округом ВВ МВД РФ руководит Северо-Кавказское региональное командование ВВ России⁵⁴.

23.5. ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ

В соответствии с Законом о ФСБ Федеральная Служба Безопасности – единая централизованная система органов федеральной службы безопасности, осуществляющая решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации.

Руководство деятельностью Федеральной Службы Безопасности осуществляется *Президентом Российской Федерации*. Управление ФСБ осуществляется руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности через указанный федеральный орган исполнительной власти и его территориальные органы, то есть *директором ФСБ РФ*. Он назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации⁵⁵.

Направлениями деятельности ФСБ РФ являются контрразведывательная деятельность, борьба с преступностью и террористической деятельностью, разведывательная деятельность, пограничная деятельность, обеспечение информационной безопасности⁵⁶.

Существующая на настоящий момент структура Федеральной Службы Безопасности утверждена Указом Президента РФ от 11 августа 2003 года № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности РФ»⁵⁷. 28 декабря 2006 года Президент внес изменения в этот Указ⁵⁸. ФСБ России имеет в своем составе департаменты, управления и другие подразделения, непосредственно реализующие направления деятельности органов федеральной службы безопасности, а также подразделения, исполняющие управленческие функции. Органы, входящие в структуру ФСБ России, подразделяются на:

- территориальные – управления (отделы) по отдельным регионам и субъектам РФ;
- органы безопасности в войсках – управления (отделы) ФСБ России в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях, а также в их органах управления;
- пограничные органы – управления, (отряды, отделы) ФСБ России по пограничной службе;
- другие органы безопасности – управления (отделы) ФСБ России, осуществляющие отдельные полномочия ФСБ России или обеспечивающие деятельность органов федеральной службы безопасности и пограничных войск.

Также в структуру ФСБ России входят авиационные подразделения, центры специальной подготовки, подразделения специального назначения (в структуре Центра специального назначения), предприятия, образовательные учреждения, научно-исследовательские, экспертные, судебно-экспертные, военно-медицинские и военно-строительные подразделения и иные учреждения и подразделения, предназначенные для обеспечения деятельности федеральной службы безопасности⁵⁹.

⁵⁰ Там же; Раздел VI. Руководство внутренними войсками, ст. 32.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же; статья 33.

⁵³ Положение о Главном командовании внутренних войск МВД России; Утверждено Указом Президента РФ № 281 от 3.03.1999 г.

⁵⁴ Официальный сайт Внутренних войск МВД. Северо-кавказское региональное командование. || http://www.vvmvd.ru/menu2/structure/okrug/okrga_41.html.

⁵⁵ Федеральный Закон «О федеральной службе безопасности» N 15-ФЗ в редакции от 07.03.2005, ст. 1.

⁵⁶ Там же, ст. 8.

⁵⁷ Положение о ФСБ России, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 11.08. 2003 № 960/ раздел IV. Организация деятельности ФСБ России.

⁵⁸ Указ Президента РФ от 28.12.2006 г. № 1476 «О внесении изменений в указ президента от 11.08.2003 г. № 960 «Вопросы ФСБ РФ», в Положение о ФСБ РФ и в структуру органов ФСБ РФ.

⁵⁹ Положение о ФСБ России, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 11.08. 2003 № 960/ раздел I. Общие положения; ст. 3.

В структуру ФСБ входят:

- Служба контрразведки;
- Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом;
- Пограничная служба;
- Служба экономической безопасности;
- Служба оперативной информации и международных связей;
- Служба организационно-кадровой работы;
- Контрольная служба;
- Научно-техническая служба;
- Служба обеспечения деятельности.

В структуре ФСБ РФ существуют два специальных подразделения: группа специального назначения «Альфа» и группа специального назначения «Вымпел» Центра специального назначения ФСБ РФ (ЦСН ФСБ РФ)⁶⁰.

23.6. МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ И ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Министерство юстиции Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности, а также в сфере исполнения уголовных наказаний, адвокатуры и нотариата, обеспечения установленного порядка деятельности судов и исполнения судебных актов и актов других органов, регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, регистрации общественных объединений, религиозных организаций и политических партий. В настоящее время руководство деятельностью Минюста России осуществляет *Президент Российской Федерации*⁶¹.

Минюст России возглавляет *Министр юстиции Российской Федерации*. В соответствии с Конституцией РФ он, как и все федеральные министры, назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Правительства Российской Федерации. Министр несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Минюст России задач и реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности⁶².

Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН), организованная и действующая на основании Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 мая 1993 г., является центральным управляющим органом российской пенитенциарной системы, осуществляющим руководство учреждениями и органами, исполняющими наказания в виде лишения свободы. До 1 сентября 1998 года уголовно-исполнительная система (УИС) находилась в ведомственном подчинении МВД РФ. В подчинение Министерства юстиции РФ система учреждений пенитенциарной системы перешла в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 08.10.97 года № 100.

В состав ФСИН входят:

- *учреждения, исполняющие уголовные наказания* (исправительные и воспитательные колонии, тюрьмы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы);
- *следственные изоляторы*;
- *территориальные органы* управления уголовно-исполнительной системой (созданы в субъектах РФ);
- *специальные органы*, подчиняющиеся непосредственно центральному органу управления уголовно-исполнительной системой (могут создаваться для руководства учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности);
- *центральный орган управления ФСИН* (в настоящий момент – *Главное управление исполнения наказаний, ГУИН*)⁶³.

Отделы специального назначения Министерства Юстиции РФ (первоначально – *МВД*) были сформированы на основе отрядов специального назначения, которые были созданы в 1990 году приказом министра внутренних дел СССР в системе ГУИН. В их задачи входило подавление возможных бунтов в тюрьмах и лагерях, преследование и пресечение совершения преступлений в пенитенциарных учреждениях, преследование и нейтрализация вооруженных и особо опасных беглых заключенных. В 1998 году функции охраны перешли от внутренних войск к подразделениям Министерства юстиции в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 сентября 1998 г. № 1116 «О некоторых мерах по реформированию внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁶⁴. Отряды специального назначения были реорга-

⁶⁰ Спецназ России. С. 15, 97.

⁶¹ Положение о Министерстве юстиции РФ, утвержденное Указом Президента РФ от 13.10.2004 года № 1313 «Вопросы Министерства юстиции РФ»; раздел I; Общие положения ст. 1.

⁶² Положение о Министерстве юстиции РФ, утвержденное Указом Президента РФ от 13.10.2004 года № 1313 «Вопросы Министерства юстиции РФ»; раздел III; Организация деятельности. ст. 10.

⁶³ Гуценко, Ковалев, 2007, с. 317.

⁶⁴ Указ Президента РФ «О некоторых мерах по реформированию внутренних войск МВД РФ» от 17.09.1998 г. № 1116 (Собрание законодательства РФ), 1998, № 38, ст. 4784).

низованы в отделы в соответствии с приказом министра юстиции России. Это было связано с изменением их штатной структуры. Все должности спецназовцев стали офицерскими⁶⁵. В связи с этим ведомственным переходом спектр боевых задач отделов значительно расширился. Они стали предназначаться для участия в антитеррористических и антидиверсионных операциях, спасательных и миротворческих миссиях⁶⁶.

Численность специальных подразделений по конвоированию уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации была установлена Постановлением Правительства РФ от 5 апреля 1999 года⁶⁷ за счет передачи учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы соответствующей численности воинских частей и подразделений внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, выполнявших функцию конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу. На специальные подразделения по конвоированию уголовно-исполнительной системы распространяются нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, регулирующие деятельность учреждений, органов, предприятий и подразделений уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также внутренних войск⁶⁸.

23.7. ОРГАНЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Органами, наделенными от имени государства обязанностью и полномочиями осуществлять уголовное преследование, является *прокурор*, а также *следователь* и *дознатель*. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны принять предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Следователь, а также, с согласия прокурора, дознаватель, в случаях совершения тяжких преступлений и большинства преступлений средней тяжести уполномочены осуществлять уголовное преследование по уголовным делам независимо от волеизъявления потерпевшего⁶⁹. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления⁷⁰.

В Российской Федерации действует институт военной юстиции.

Обязанности по расследованию уголовных дел, совершенных военнослужащими (вне зависимости от вида войск) возложены в Российской Федерации на органы военной прокуратуры Российской Федерации⁷¹ (с 2007 года – на следственные комитеты при соответствующих прокуратурах). Все командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, являются органами дознания, т. е. при определенных условиях имеют право и обязанность по возбуждению уголовных дел и производству по ним дознания⁷² (подробно об этом см. в главе 24).

Военная прокуратура входит в систему органов прокуратуры Российской Федерации, которая является централизованной системой органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов⁷³. Генеральную прокуратуру РФ возглавляет *Генеральный прокурор*⁷⁴, который назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента РФ⁷⁵.

Система органов военной прокуратуры состоит из Главной военной прокуратуры (возглавляемая заместителем Генерального прокурора Российской Федерации – *Главным военным прокурором*), которая входит в структуру Генеральной прокуратуры РФ на правах структурного подразделения⁷⁶, военных прокуратур военных округов, флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Федеральной пограничной службы Российской Федерации, Московской городской военной прокуратуры и других военных прокуратур, приравненных к прокуратурам субъектов Российской Федерации, военных прокуратур объединений, соединений, гарнизонов и других военных прокуратур, приравненных к прокуратурам городов и районов⁷⁷.

⁶⁵ Интервью с начальником отдела по руководству подразделениями специального назначения ГУИН Министерства юстиции России полковником внутренней службы Штаненко В. И. Январь 2002 года. || http://www.bratishka.ru/archiv/2002/1/2002_1_2.php.

⁶⁶ По материалам сайтов: <http://club.guns.ru/specops.html> и <http://www.bratishka.ru/>.

⁶⁷ Постановление Правительства РФ от 5 апреля 1999 г. № 366 «О порядке и условиях выполнения учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ функции конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу».

⁶⁸ Там же, пар. 1, 2.

⁶⁹ УПК РФ. Ст. 21.

⁷⁰ УПК РФ. Ч. 2, ст. 140.

⁷¹ О разграничении компетенции территориальных прокуроров и прокуроров специализированных прокуратур. Приказ. Генеральная Прокуратура РФ. 9 апреля 1996 г. № 24 (НЦПИ) (с изменениями, внесенными приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 23 мая 1997 года № 26, от 4 августа 1997 года № 48, от 8 декабря 1998 года № 88).

⁷² УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 40. Органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в котором законом предусмотрена военная служба. Инструкцией. Генеральная прокуратура РФ. 5 июня 2002 г. Преамбула.

⁷³ ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 1.

⁷⁴ Там же, п. 1, ст. 14.

⁷⁵ Там же, п. 1, ст. 12.

⁷⁶ Там же, п. 6, ст. 14.

⁷⁷ Там же, ч. 1, ст. 46.

Предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с федеральными законами и иными нормативными актами, в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположении воинской части, соединениях, учреждениях, производятся военными прокурорами и следователям военных прокуратур военных округов и флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Федеральной пограничной службы России, Московской городской военной прокуратуры и Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, как правило, по месту совершения или окончания преступления⁷⁸.

Главный военный прокурор и подчиненные ему прокуроры обладают в пределах своей компетенции полномочиями, определенными Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», и осуществляют их *независимо от командования и органов военного управления* в соответствии с законодательством Российской Федерации. В числе прочего военные прокуроры обладают полномочиями участвовать в заседаниях коллегий, военных советов, служебных совещаниях органов военного управления, а также по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения воинских частей, предприятий, учреждений, организаций и штабов, независимо от установленного в них режима, иметь доступ к их документам и материалам⁷⁹.

В соответствии с частями 5-6 УПК РФ уголовные дела обо всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, рассматриваются соответствующими военными судами.

Должностные преступления, совершенные сотрудниками МВД РФ, не являющимися военнослужащими ВВ МВД, расследуются территориальной прокуратурой и рассматриваются судами общей юрисдикции.

⁷⁸ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главная военная прокуратура. Приказ от 21 марта 2003 г. № 55. О подследственности уголовных дел.

⁷⁹ ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 47.

ГЛАВА 24. ОБЯЗАННОСТИ И ПОЛНОМОЧИЯ КОМАНДИРОВ ВС РФ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

24.1. ОБЯЗАННОСТИ ВЫШЕСТОЯЩИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ВС РФ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОДЧИНЕННЫХ

Обязанности армейских командиров и начальников поддерживать воинскую дисциплину, а также пресекать и расследовать преступления своих подчиненных, закреплены в законах Российской Федерации и Уставах Вооруженных Сил. В общевоинских Уставах Вооруженных Сил Российской Федерации регламентируется деятельность органов военного управления по предупреждению преступности в войсках, в частности, в Уставе внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г., предусмотрена обязанность командира полка принимать меры по предупреждению преступлений и происшествий, а в случае их совершения докладывать старшему командиру, уведомлять военного прокурора, возбуждать уголовное дело, лично участвовать в расследовании случаев нарушения определенных воинскими уставами правил взаимоотношений между военнослужащими (ст. 90, 91, 97, 98).

Наиболее полно обязанности командиров, касающиеся соблюдения норм международного гуманитарного права и пресечения их нарушений, сформулированы в «Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации», утвержденном Министром обороны РФ 8 августа 2001 г.

В соответствии с данным Наставлением «в период вооруженного конфликта» командир (начальник), в частности, обязан:

- подавать личный пример в соблюдении норм международного гуманитарного права;
- требовать знания норм международного гуманитарного права и обеспечивать их неукоснительное выполнение подчиненными военнослужащими;
- в случае нарушения норм международного гуманитарного права пресекать их и привлекать к ответственности лиц, совершивших эти нарушения, и докладывать вышестоящему начальству¹.

Помощник командира соединения (воинской части) по правовой работе в период вооруженного конфликта исполняет обязанности юридического советника по вопросам применения норм международного гуманитарного права. Он, в частности, обязан:

- по поручению командира осуществлять контроль за соблюдением воинскими частями (подразделениями) норм международного гуманитарного права; в случае их нарушений немедленно докладывать об этом командиру и по его указанию организовывать проведение административного расследования (разбирательства);
- осуществлять правовое обеспечение рассмотрения поступающих от гражданского населения жалоб и исков, связанных с действиями личного состава при выполнении боевых задач².

24.2. ПОЛНОМОЧИЯ ВЫШЕСТОЯЩИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ВС РФ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИХ ПОДЧИНЕННЫМИ

В соответствии с российским законодательством на командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов возложена обязанность расследовать преступления, совершенные их подчиненными, и они наделены для этого соответствующими полномочиями и ресурсами. Эти лица имеют право возбуждать уголовные дела и проводить по ним, в рамках своей компетенции, следственные действия. Таким образом, в этой области они обладают всей полнотой власти для исчерпывающего исполнения обязанностей, возложенных на них международным гуманитарным правом. Они не только могут «сделать важный шаг в дисциплинарном процессе», но обладают всеми необходимыми возможностями «проводить эффективное расследование преступлений, обеспечивающее, что преступники будут отданы под суд» (см. раздел 13.8.8.4).

¹ Наставление по международному гуманитарному праву Вооруженным Силам Российской Федерации. Утверждено Министром обороны Российской Федерации С. Ивановым 8 августа 2001 г. Министерство обороны Российской Федерации. Москва, 2001 г., п. 10 (б), с. 14.

² Там же, п. 12, с. 15.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) каждый из командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, является органом дознания³, т.е. органом, имеющим обязанность от имени государства осуществлять уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения⁴. На органы дознания возлагаются следующие обязанности:

1. Принятие необходимых розыскных, оперативно-розыскных и иных предусмотренных законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, а также для предупреждения и пресечения преступлений⁵. «Розыскная деятельность командира воинской части включает в себя предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством и уставами Вооруженных Сил Российской Федерации общие и индивидуальные профилактические мероприятия, сбор данных о личности и местонахождении правонарушителя, организацию в необходимых случаях его преследования по следам совершенного преступления, иные меры раскрытия и предотвращения готовящегося или совершенного преступления, установления лица, подозреваемого в совершении преступления и обвиняемого, место нахождения которого неизвестно»⁶.

2. Принятие и проверка сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принятие по нему процессуального решения⁷. Это означает, что в случае обнаружения признаков преступления органы дознания принимают предусмотренные УПК РФ «меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления»⁸. То есть при наличии сообщения о преступлении и достаточных данных, указывающих на признаки преступления⁹, они обязаны, с согласия прокурора, возбудить уголовное дело¹⁰;

3. Выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно¹¹. Под неотложными следственными действиями понимаются мероприятия, осуществляемые в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования¹².

4. Производство отдельных следственных действий, оперативно-розыскных и розыскных мероприятий по поручению военного прокурора, следователя после направления уголовного дела военному прокурору.

5. В случае направления военному прокурору уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, принятие розыскных и оперативно-розыскных мер для установления лица, совершившего преступление¹³.

В соответствии с Инструкцией Генеральной прокуратуры РФ «деятельность командиров воинских частей как органов дознания и дознавателей заключается в следующем:

а) принятии и проверке сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ;

б) производстве отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), до возбуждения уголовного дела;

в) принятии решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 145 (146) УПК РФ;

г) незамедлительном направлении военному прокурору постановления о возбуждении уголовного дела с приложением материалов проверки сообщения о преступлении, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), — соответствующих протоколов и постановлений.

По уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, после получения согласия военного прокурора на возбуждение уголовного дела дознаватель производит неотложные следственные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, и, кроме того, вправе произвести задержание подозреваемого в совершении преступления.

³ УПК РФ, п. 2, ч. 1, ст. 40. Органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба. Инструкция. Генеральная прокуратура РФ. 5 июня 2002 г. Преамбула.

⁴ УПК РФ, ч. 1, ст. 21.

⁵ Органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба. Инструкция. Генеральная прокуратура РФ. 5 июня 2002 г. Ст. 3.

⁶ Там же, ст. 6.

⁷ УПК РФ, ст. 144.

⁸ УПК РФ, ч. 2, ст. 21.

⁹ Там же, ст. 140.

¹⁰ Там же, ч. 1, ст. 146.

¹¹ Там же, ст. 157.

¹² Там же, п. 19, ст. 5.

¹³ Органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба. Инструкция. Генеральная прокуратура РФ. 5 июня 2002 г. Ст. 3.

После направления уголовного дела военному прокурору дознаватель производит отдельные следственные действия, оперативно-розыскные и розыскные мероприятия только по поручению военного прокурора, следователя¹⁴.

Кроме того, командиры воинских частей и соединений осуществляют дознание по уголовным делам, проведение предварительного следствия по которым не обязательно¹⁵, в том числе ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116 (побои), ч. 1 ст. 117 (истязание), ст. 118 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности), ст. 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), ч. 1 ст. 127 (незаконное лишение свободы), ч. 1 ст. 161 (грабеж), ч. 1 ст. 163 (вымогательство), ч. 1 ст. 166 (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения), ч. 1 ст. 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества), ст. 168 (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), ч. 1 и 2 ст. 213 (хулиганство) и др.¹⁶

Для производства дознания Инструкция Генеральной прокуратуры РФ предусматривает наделение командира необходимыми кадровыми ресурсами:

«Для выполнения процессуальных функций органа дознания приказом командира воинской части назначаются дознаватели сроком на 2 года из числа наиболее подготовленных офицеров. Один из них назначается старшим дознавателем. Старшим дознавателям поручается расследование наиболее сложных дел. Копия приказа о назначении дознавателей направляется военному прокурору.

Дознаватели назначаются, как правило, из расчета:

- а) на полк (корабль I ранга) – 5-6 дознавателей;
- б) на отдельный батальон (корабль II ранга) – 3-4 дознавателя;
- в) на отдельную роту (корабль III ранга, дивизион кораблей V ранга) – 1-2 дознавателя;
- г) на штаб (выше полка) и учреждение (военное образовательное учреждение профессионального образования) – 2-5 дознавателей.

В случае необходимости командир воинской части вправе назначить большее количество дознавателей. Дознаватель также может назначаться приказом командира воинской части и для расследования конкретного уголовного дела. Там, где имеются штатные дознаватели, производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, поручается, как правило, им. <...>

Руководство процессуальной деятельностью дознавателей при производстве по уголовному делу осуществляет начальник органа дознания (командир воинской части), принимающий решение о возбуждении уголовного дела, который обязан давать дознавателю указания о вынесении им в порядке ст. 146 УПК РФ (Приложение 8 к УПК РФ) постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, о том, что именно подлежит установлению и в каком объеме, какие процессуальные действия необходимо произвести и когда они должны быть закончены <...> Производство по уголовному делу в отношении офицеров поручается, как правило, дознавателю в должности и воинском звании не ниже должности и воинского звания лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления»¹⁷.

Документы Генеральной прокуратуры и Главной военной прокуратуры предусматривают систематическое проведение мероприятий, направленных на поддержание должного профессионального уровня органов военного дознания. Так,

«в целях улучшения качества производства по уголовным делам командир воинской части изучает работу дознавателей, принимает меры по ее совершенствованию и устранению недочетов, организует занятия по повышению юридической подготовки дознавателей. Для получения практических навыков по расследованию преступлений дознаватели по плану, составленному надзирающим военным прокурором, участвуют в учебных сборах дознавателей и проходят ежегодную стажировку в течение 10 рабочих дней в военной прокуратуре¹⁸. <...> На время исполнения дознавателем обязанностей по осуществлению уголовного преследования по уголовным делам командир воинской части своим приказом освобождает его от выполнения других служебных обязанностей, обеспечивает автомобильным транспортом, средствами связи и помещением для работы»¹⁹.

В случае, если расследование преступлений осуществляет прокуратура, командование части обязано создать все условия для его эффективности.

Командир воинской части обязан оказывать содействие прокурорско-следственному составу органов военной прокуратуры в течение всего времени расследования уголовных дел, обеспечивая их беспрепятственный до-

¹⁴ Там же, ст. 8.

¹⁵ УПК РФ, п. 1, ч. 3, ст. 40.

¹⁶ Там же, п. 3 и п. 6, ч. 3, ст. 151.

¹⁷ Органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба. Инструкция. Генеральная прокуратура РФ. 5 июня 2002 г. Ст. 20-21, 26.

¹⁸ Там же, ст. 22-23.

¹⁹ Там же, ст. 24.

пуск в распоряжение части, выделяя необходимое количество дознавателей, средства связи, помещения для работы, автотранспорт, а также в необходимых случаях — конвой для своевременной доставки и сопровождения подозреваемых и обвиняемых в военную прокуратуру и в суд, к месту производства следственных действий²⁰.

Из сказанного видно, что в связи с имеющимися у данной категории военных командиров полномочиями и ресурсами, их обязательства по предотвращению и наказанию преступлений, совершенных подчиненными, особенно высоки. Фактически они воплощают в своем лице две функции: функцию военного начальника, имеющего право отдавать приказы и налагать дисциплинарные наказания за их неисполнение, и функцию органа уголовного преследования. Они, в отличие от командиров более низкого звена, не могут сослаться на нехватку полномочий или отсутствие соответствующего штата для преследования своих подчиненных, подозреваемых в совершении уголовных преступлений. Следовательно, эффективный контроль таких командиров над подчиненными презюмируется. Это накладывает на командиров частей и соединений Вооруженных Сил Российской Федерации особо строгую ответственность за отказ или провал попытки расследовать преступления своих подчиненных, равно как и за недостаточную эффективность такого расследования²¹.

²⁰ Там же, ст. 25.

²¹ Для более углубленного изучения данного вопроса и практики фактического применения настоящих положений в ВС РФ см.: Соловьев И. М., Павлючков И. О. Особенности расследования преступлений в Вооруженных Силах РФ: учебно-методическое пособие. – Кстово, 2002; Соловьев И. М., Мясоед Н. Н., Соколов С. А. Памятка органам дознания (военным дознавателям) воинских частей: порядок расследования факта получения травмы военнослужащим. – Н. Новгород, 2003; Соловьев И. М. Проблемы организационного выделения органов дознания из состава Вооруженных Сил // Научно-технический сборник Нижегородского филиала Военно-инженерного университета. – 2004. № 5. С. 54-57; Соловьев И. М. Организация дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.11 – судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура. Научный руководитель – д.ю.н., доцент Агутин А. В. – М., 2007. На правах рукописи / http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Soloviev_IM/.

ГЛАВА 25. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ СИЛАМИ, ЗАДЕЙСТВОВАННЫМИ РОССИЙСКОЙ СТОРОНОЙ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

25.1. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ «КТО»: ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной главе мы рассматриваем структуру управления войск и сил, задействованных российской стороной, только применительно ко «второму» вооруженному конфликту, начавшемуся в августе 1999 г. в нескольких районах Дагестана и затем распространившемся на всю территорию Чечни. Подробное рассмотрение аналогичных обстоятельств вооруженного конфликта в период 1994-1996 гг. не входит в задачу настоящего исследования.

Правовой основой проведения военной операции на указанной территории послужил, главным образом, Закон «О борьбе с терроризмом», статья 7 которого допускает применение Вооруженных Сил «с использованием вооружения не по их назначению»¹. Соответственно масштабные боевые действия и длительная военно-полицейская операция именовалась в нормативных актах и официальных заявлениях должностных лиц РФ «контртеррористической операцией». Военного или чрезвычайного положения либо иных особых правовых режимов на территории проведения данной операции формально не вводилось, да и ее границы четко никогда не устанавливались². Однако де-факто на территории Чечни долгое время действовало чрезвычайное положение, и права граждан здесь были существенным образом ограничены. Отдельные элементы таких ограничений присутствовали и во время подготовки настоящего исследования.

Такое положение, по мнению ряда экспертов и авторов настоящего исследования, вошло в вопиющее противоречие с Конституцией РФ и федеральным законодательством. Однако в данной работе мы не рассматриваем вопрос о правомерности ведения боевых действий по внутригосударственному праву, отсылая заинтересованных читателей к специальным публикациям, посвященным указанной проблематике³. Сейчас для нас важно, что вооруженный конфликт действительно существовал, и что для выстраивания структуры управления своими силами российская сторона опиралась (правомерно или нет) на определенную нормативно-правовую базу. Формальным основанием для начала так называемой «контртеррористической операции» послужил секретный Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 23 сентября 1999 г. № 1255 «мерах по повышению эффективности контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона» со ссылкой на Федеральный закон «О борьбе с терроризмом». Впоследствии Президентом РФ, иными должностными лицами был принят ряд нормативных актов, определяющих структуру управления боевыми действиями и военно-полицейскими операциями, тексты которых доступны лишь частично.

Впрочем, даже если исходить лишь из имеющихся в нашем распоряжении опубликованных официальных актов, то можно прийти к надежному выводу, что структура управления «контртеррористической операцией» (далее — КТО) представляла собой четко прописанную вертикаль управления. Это позволяет утверждать, что на любом уровне управления командование имело все необходимые инструменты для эффективного контроля над всеми силами, задействованными в проведении военных и полицейских операций на территории Чеченской Республики.

Хотя вследствие дефицита открытых источников полномочия отдельных должностных лиц не всегда ясны, сферы контроля и ответственности наиболее значимых командиров и начальников, задействованных в управлении КТО, могут быть описаны достаточно четко.

¹ Федеральный Закон «О борьбе с терроризмом» № 130-ФЗ от 25 июля 1998 г.

² Ср.: там же, ст. 3: «Зона проведения контртеррористической операции – отдельные участки местности или акватории, транспортное средство, здание, строение, сооружение, помещение и прилегающие к ним территории и акватории, в пределах которых проводится указанная операция».

³ См. прежде всего: Александр Черкасов. Природа не терпит пустоты. Некоторые проблемы оценки правовой ситуации и правоприменительной практики в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. / <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/misc/nospace/nospace.htm>.

На протяжении вооруженного конфликта структура управления КТО, установленная и регулируемая Указами Президента РФ, претерпевала определенные изменения. Учитывая наиболее существенные из этих изменений, можно выделить пять основных этапов ее эволюции. В качестве определяющих признаков для выделения этих этапов мы принимаем, во-первых, существенные изменения самой структуры управления (структурный признак), а во-вторых, изменение субъекта управления, которым в разное время являлись различные органы безопасности Российской Федерации (ведомственный признак).

25.2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ «КТО»

25.2.1. Первый этап (хронологические рамки: август – 23 сентября 1999 года)

С момента начала боевых действий на территории Дагестана и Чечни в августе 1999 года руководство волевыми в них формированиями осуществлялось в рамках обычной структуры управления Вооруженными Силами (структуры командования Северо-Кавказским военным округом, Северо-Кавказским округом Внутренних войск МВД России) и органами Внутренних дел.

Общее руководство операцией осуществлял начальник Генерального штаба **Анатолий Квашнин**. Командующим СКВО являлся генерал-полковник **Виктор Казанцев** (до 10 августа 1999 г. находился в отпуске), его заместителем (исполняющим обязанности) – генерал-полковник **Геннадий Трошев**, заместителем по чрезвычайным ситуациям – генерал-лейтенант **Владимир Булгаков**. Начальником ракетных войск и артиллерии СКВО являлся генерал-майор **Владимир Боковиков**. Указом Президента РФ 5 сентября 1999 г. командующим 58-й армией, составляющей основу боевой мощи СКВО, был назначен генерал-майор **Владимир Шаманов** (до этого данную должность занимал генерал Анатолий Сидякин). Начальником штаба 58 армии являлся генерал **Алексей Меркурьев**. Командующим ВВС СКВО, командующим 4-й Воздушной армии (4-й армии ВВС и ПВО) являлся заместитель командующего ВВС, генерал армии **Владимир Сергеевич Михайлов** (командовал армией до 21 января 2002 г.), начальником штаба этой армии – генерал **Посредников**. Командующим СКО ВВ являлся генерал-полковник **Михаил Иванович Лабунец**. Начальником штаба СКО ВВ являлся генерал **Клименков**. Группировку МВД РФ непосредственно возглавлял заместитель министра Внутренних дел РФ генерал-полковник милиции **Иван Иванович Голубев**.

14 августа был создан *Объединенный штаб по проведению спецоперации в Республике Дагестан* (командный пункт в г. Махачкала), который возглавил генерал-полковник **Виктор Казанцев**. Тогда же было введено военное положение для управления СКВО, 58-й армии, а также для всех частей и подразделений, прибывающих в Дагестан из других округов.

26 августа (по другим данным, 3 сентября) создается *Объединенная группировка войск в Республике Дагестан*. Ее командующим (командующим оперативного штаба) назначается генерал-полковник **Геннадий Трошев**. Трошев подчинялся непосредственно Казанцеву. Заместителями Трошева являлись генерал-полковник **Михаил Лабунец** (от МВД РФ), генерал-майор **Адилгерей Магомедович Магомедтагиров** (министр Внутренних дел Республики Дагестан), генерал-лейтенант **Владимир Смирнов** (начальник УФСБ по Республике Дагестан), генерал-майор **Сергей Бондарев** (начальник территориального пограничного отдела «Махачкала» Северокавказского управления ФПС России), полковник **С. Савченко** (от ФАПСИ), а также начальник штаба Объединенной группировки полковник **В. Василенко**⁴.

Командование группировкой Внутренних войск на Северном Кавказе с сентября осуществлял генерал-лейтенант **Михаил Анатольевич Паньков**, занимавший должность заместителя главнокомандующего Внутренних войск по чрезвычайным ситуациям, а затем – первого заместителя командующего⁵.

25.2.2. Второй этап (хронологические рамки: 23 сентября 1999 года – 22 января 2001 года)

На основании Указа Президента РФ Бориса Ельцина № 1255⁶ от 23 сентября 1999 года была сформирована «Объединенная группировка войск (сил) на по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» (далее – ОГВ (с)). Она включала в свой состав подразделения различных видов и родов войск, а также иных силовых структур: объединения, соединения, воинские части и подразделения «Вооруженных Сил Российской Федерации, внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации и их подразделений, органов и подразделений Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной пограничной службы Российской Федерации, Федеральной службы желез-

⁴ Трошев, главы 6-7. Марченко Г. Генерал-полковник Михаил Лабунец: «Мир вернется сюда непременно». – Красная звезда. 27 марта 2001 г.; Что такое современная армия России. – Журнал «Власть». 21 февраля 2005 г. № 7 (610).

⁵ Владимир Григорьев. Назначения во внутренних войсках МВД России. || <http://www.whoiswho.ru/russian/Password/papers/5r/dadonov/st1.htm>; Наш земляк назначен командующим федеральных войск в Чечне. – Номер один. 19 мая 2004 г. № 20. || <http://pressa.irk.ru/number1/2004/20/001010.html>.

⁶ Указ был рассекречен указом Президента РФ В. В. Путина от 22 января 2001 г. № 61, и был опубликован для всеобщего ознакомления (без пункта 11) в апреле 2002 г.

нодорожных войск Российской Федерации, Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации»⁷.

Все эти формирования различной ведомственной принадлежности были подчинены единому командованию.

Согласно Указу № 1255 был сформирован Оперативный штаб по управлению контртеррористическими операциями на территории Северокавказского региона РФ, руководителем которого был назначен Министр обороны Российской Федерации. Его заместителями являлись начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первый заместитель Министра обороны Российской Федерации, Министр внутренних дел Российской Федерации и директор ФСБ Российской Федерации. В качестве членов в состав Оперативного штаба входили Министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, директор Федеральной пограничной службы Российской Федерации, директор Федеральной службы железнодорожных войск Российской Федерации, генеральный директор Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации⁸. Общее руководство ОГВ (с) осуществлялось на этом этапе Оперативным штабом, который возглавлялся Министерством обороны РФ.

Таким образом, на данном этапе для решения специальных задач была создана и функционировала особая структура управления войсками и силами, задействованными в вооруженном конфликте. Целями данной системы, как явствует из текста данного указа, являлось (1) объединение усилий федеральных органов исполнительной власти по проведению контртеррористических операций и (2) повышение эффективности деятельности, направленной на уничтожение незаконных вооруженных формирований на территории Северокавказского региона РФ⁹.

Схематично данную структуру можно представить следующим образом:

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: ПРЕЗИДЕНТ РФ

Президент Российской Федерации до 31 декабря 1999 г. – Ельцин Борис Николаевич. С 1 января 2000 г. исполняющий обязанности Президента РФ – Путин Владимир Владимирович; 26 марта 2000 избран Президентом Российской Федерации, 7 мая 2000 официально вступил в должность Президента Российской Федерации.

Президент РФ является Верховным Главнокомандующим и непосредственным начальником Министра обороны и всех федеральных силовых министров. Оперативный штаб и ОГВ (с) созданы по его непосредственному распоряжению, он же определил и иерархию соподчинения в системе этих структур.

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ (ОШ)

Органом, осуществляющим общее руководство, является Оперативный штаб (ОШ), в состав которого входят все федеральные министры, стоящие во главе главных силовых ведомств РФ, а также директор ФСБ.

Руководителем оперативного штаба являлся Министр Обороны¹⁰ маршал Сергеев Игорь Дмитриевич, в соответствии с законом подчинявшийся непосредственно Верховному Главнокомандующему – Президенту РФ.

В качестве заместителей ему были подчинены¹¹:

- начальник генерального штаба ВС РФ, одновременно являющийся Первым заместителем Министра обороны (что соответствует обычной ситуации «мирного времени»), – *генерал армии Квашнин Анатолий Васильевич;*
- министр МВД РФ – *генерал-полковник милиции Рушайло Владимир Борисович;*
- директор ФСБ РФ – *генерал-полковник Патрушев Николай Платонович.*

Подчинение министров МВД и ФСБ Министру обороны не соответствует «штатной» структуре органов безопасности РФ (см. главу 23): при обычной ситуации они подчиняются исключительно и непосредственно Президенту РФ.

Кроме указанных должностных лиц, в состав Оперативного штаба в качестве «членов» входили¹²:

- министр РФ по делам ГО и ЧС *генерал-полковник Шойгу Сергей Кужугетович;*

⁷ Указ Президента РФ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» № 1255 от 23.09.1999: «Образовать Объединенную группировку войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (далее именуется Объединенная группировка) с привлечением в ее состав объединений, соединений, воинских частей, подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации и их подразделений, органов и подразделений Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной пограничной службы Российской Федерации, Федеральной службы железнодорожных войск Российской Федерации, Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации. Назначить командующим Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (далее именуется – командующий Объединенной группировкой) командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Казанцева В. Г.»

⁸ Указ Президента РФ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» № 1255 от 23.09.1999; п. 1.

⁹ Там же, преамбула.

¹⁰ Там же, п. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

- директор Федеральной пограничной службы РФ *генерал-полковник Тоцкий Константин Васильевич*;
 - директор Федеральной службы железнодорожных войск РФ *генерал-полковник Когатько Григорий Иосифович*;
 - директор ФАПСИ при Президенте РФ *генерал-полковник Матюхин Владимир Георгиевич*.
- Функция оперативного штаба – руководство ОГВ (с).

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: КОМАНДОВАНИЕ ОГВ (С)

Командование ОГВ (с) состоит из *командующего ОГВ (с)*¹³ и его заместителей¹⁴. Командующий ОГВ (с) (которым первоначально являлся командующий войсками Северо-Кавказского военного округа) не входит в состав Оперативного штаба. Он подчиняется Оперативному штабу, т.е. непосредственно Руководителю ОШ в соответствии с общим правилом (как министру обороны) и в соответствии с прописанной структурой как старшему по должности в Оперативном штабе.

Командующий осуществляет единое управление объединениями, соединениями, воинскими частями, подразделениями и органами, входящими в состав ОГВ (с)¹⁵. Решения командующего ОГВ (с), изданные в виде приказов, директив, распоряжений, указаний, подписанные им *и соответствующими заместителями*, подлежат обязательному исполнению войсками (силами), входящими в состав ОГВ (с)¹⁶. Таким образом, командующий ОГВ (с) осуществляет командование всеми силами ОГВ (с) через своих заместителей, которые командированы соответствующими органами исполнительной власти¹⁷ (силовыми структурами).

Командующие ОГВ (с): с 23 сентября 1999 г. – генерал-полковник Казанцев Виктор Германович, с января 2000 г. – генерал-полковник Баранов Александр Иванович, с 14 (по другим данным, 25 апреля) апреля 2000 – генерал-полковник Трошев Геннадий Николаевич, с 14 июля 2000 – генерал-лейтенант Баранов Валерий Петрович.

По-видимому, именно институт «двух подписей» (командующего и соответствующего заместителя) призван в этой схеме обеспечить обязательность исполнения приказа представителями силовых структур, которые не входят в состав Вооруженных Сил и при обычных условиях не должны подчиняться представителю Министерства обороны ниже начальника генерального штаба.

Командующему подчинены¹⁸:

- первый заместитель, назначаемый от ВС РФ; с сентября 1999 г. – генерал-полковник *Баранов Александр Иванович*¹⁹, с декабря 1999 – генерал-полковник *Трошев Геннадий Николаевич*, с 5 апреля 2000 – генерал-лейтенант *Булгаков Владимир Васильевич*²⁰;

- первый заместитель, назначаемый от МВД РФ; с октября 1999 – генерал-полковник милиции *Чекалин Александр Алексеевич*²¹, с января (?) 2000 – генерал-полковник *Лабунец Михаил Иванович*²²; с 22 апреля 2000 г. – генерал-лейтенант милиции *Виктор Медведецков*²³, не позднее, чем с 16 октября 2000 г. – генерал-лейтенант милиции *Гетман Николай Иванович*²⁴, с 12 января 2001 – генерал-лейтенант внутренней службы *Воротников Владимир Александрович*²⁵

- заместитель, назначаемый от Министерства по делам ГО и ЧС РФ;
- заместитель, назначаемый от ФСБ РФ;
- заместитель, назначаемый от ФПС РФ;
- заместитель, назначаемый от федеральной службы железнодорожных войск РФ;
- заместитель, назначаемый от ФАПСИ при Президенте РФ;
- заместитель по тыловому обеспечению, назначаемый от ВС РФ;
- заместитель по техническому обеспечению, назначаемый от ВС РФ;
- заместитель по специальным операциям.

Из текста Указа не ясно, от какого ведомства назначается заместитель по специальным операциям. Вообще, упоминания об этой должности в открытых источниках информации крайне скудны. Однако по данным газет «Труд» и «Коммерсант», в течение некоторого периода (он в публикациях не уточнен, но до 16 сентября 2003 года²⁶) данную должность занимал генерал-майор Александр Игоревич Студеникин (командующий 2-й гвардейской

¹³ Там же, п. 2.

¹⁴ Там же, п. 5.

¹⁵ Там же, п. 6.

¹⁶ Там же, п. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Указ Президента РФ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» № 1255 от 23.09.1999; п. 2, 5.

¹⁹ База данных «Современная Россия». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=151654&ar3=6>.

²⁰ Интерфакс-Агентство Военных Новостей. || <http://www.militarynews.ru/oper/bulgak.asp>.

²¹ Персональная страница: <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=145304>. База данных. || http://www.allbestpeople.com/a_423.html.

²² База данных «Современная Россия». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=151654&ar3=6>.

²³ Владимир Антропов. Временная оперативная группировка отметила седьмую годовщину. – Щит и меч. Газета Министерства внутренних дел Российской Федерации. 24 июля 2004 г.

²⁴ Прихожане православного храма в Грозном получили помощь от МВД. – NEWSru.com // Религия и общество. 16 октября 2000 г. 09:4. || http://www.newsru.com/religy/16oct2000/churchgroz_print.html; база данных «Современная Россия». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=151654&ar3=6>.

²⁵ Независимая газета. 20 января 2001 г. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/010120/ng0120a.htm>.

²⁶ В Министерстве обороны. – Новости. – Военно-промышленный курьер. № 3. 24-30 сентября 2003 г.

Таманской мотострелковой дивизией)²⁷. Таким образом, данное должностное лицо также назначалось от ВС РФ. Что касается термина «специальная операция», то из более позднего Приказа командующего ОГВ (с) № 80 от 27 марта 2002 г. явствует, что под ними понимаются «специальные операции и адресные мероприятия по выявлению, задержанию и ликвидации главарей, боевиков и членов бандформирований в населенных пунктах», т.е. военно-полицейские операции, на военном жаргоне именуемые «зачистками» и «адресными операциями».

Кроме того, к концу 1999 г.²⁸ фактически существовала важная должность, не фигурирующая в Указе Президента № 1255, но упоминаемая во множестве других источников информации:

– заместитель командующего ОГВ (С) по внутренним войскам – командующий группировкой ВВ МВД РФ в Чечне (на территории Северо-Кавказского региона); с сентября 1999 по крайней мере до февраля 2000 г. – первый заместитель командующего Внутренних войск МВД России генерал-лейтенант **Михаил Паньков**²⁹, март-сентябрь 2000 г. – генерал-полковник **Лабунец Михаил Иванович**³⁰, с сентября 2000 г. – генерал-лейтенант **Евгений Егорович Абрашин**³¹

– заместитель командующего группировкой Внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона; с сентября по крайней мере до февраля 2000 г. – генерал-майор **Иван Ивлев**³².

ЧЕТВЕРТЫЙ УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: ОГВ (С)

Четвертым уровнем командования в данной схеме является структура иерархии внутри самой ОГВ (с), состоящей из объединений, соединений, воинских частей и подразделений указанных выше силовых ведомств. Состав группировки определяется Генеральным штабом ВС РФ самостоятельно (в отношении объединений, соединений, воинских частей и подразделений ВС РФ) и на основе предложений руководителей соответствующих федеральных органов исполнительной власти (силовых структур)³³.

Сложность определения и детального описания системы командования ОГВ (с) определяется тремя факторами. Первый из них – межведомственный состав данного формирования, совершенно уникальный для системы органов безопасности России. Второй – весьма динамичные изменения в командном составе и структуре группировки, а также в структуре ее составных частей, определяемые как развитием боевой обстановки на театре военных действий, так и политическими соображениями. Третий – взаимосвязь с командованием территориальных систем управления войсками: Северо-Кавказским военным округом Сухопутных войск и Северо-Кавказским округом Внутренних войск МВД России, а также другими округами, армиями и соединениями, постоянно дислоцированными в других регионах страны. Фактически это означает, что один и тот же командир войсковой части может находиться в подчинении сразу нескольких начальников: в оперативном подчинении начальника в структуре ОГВ (с) (например, командующего «оперативной группировкой») и в подчинении своего начальника в соответствии со структурой воинского соединения или объединения (например, командующего дивизией, армией или округом, который находится вне театра боевых действий). В ряде случаев две эти системы иерархии накладывались друг на друга: так, например, подразделения 58-й армии, участвовавшие в боевых действиях, подчинялись генерал-майору Владимиру Шаманову и как командующему данной армией, и как командующему оперативной группировкой «Запад». Однако так происходило далеко не всегда.

Изначально костяк боевой мощи федеральной стороны конфликта составляли подразделения Вооруженных Сил и формирования МВД. Для решения конкретных боевых задач отдельные группы частей и подразделений ВС и МВД могли объединяться под единым оперативным командованием в составе так называемых «оперативных группировок» и даже отдельных направлений внутри этих группировок (как, например, это было сделано при штурме Грозного).

Подразделения ВС подчинялись командующему ОГВ (с) непосредственно.

Структура формирований МВД подразделялась на две составляющие, которые можно условно охарактеризовать как «боевую» и «полицейскую».

«Боевая» составляющая – это подразделения Внутренних Войск и создаваемые ими по мере овладения территорией республики военные комендатуры, контрольно-пропускные пункты и т.п. Наиболее плотное

²⁷ Александр Николаев. Кавказский крест. – Труд. 8 апреля 2004 г. № 64.; Елена Мангилова. Лилия Абдулина. Генеральский транзит. – Коммерсант-Самара. 14 января 2006 г. № 5.

²⁸ Приказ Министра внутренних дел РФ от 31 декабря 1999 г. № 1109 (д), п. 2. || http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_61648.html.

²⁹ Герой Российской Федерации генерал-полковник Паньков Михаил Анатольевич. Официальный сайт Внутренних Войск МВД России. || http://www.vvmvd.ru/menu2/heroes/heroesru/heroesru_56.html; «Мы открыты для диалога». Интервью заместителя командующего группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона по работе с личным составом полковника Валерия Журавеля. – Ситуация. Март 2000 г. || www.zhuravelv.ru/Articles/article.php?2000.03.01_WeOpen4Dialog.htm.

³⁰ База данных «Современная Россия». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=209092&ar3=6>.

³¹ Абрашин Евгений. – Биография.Ру. || www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=292; Вадим Речкалов. Комендантом Чечни назначен милицкий генерал. – Известия. 3 февраля 2003 г.

³² Ситуация вокруг Чечни «очень напоминает 1994 год». – Газета.ру. 7 июля 1999 г. 15:04:35. || gazeta.lenta.ru/07-07-1999.htm; Борис Карпов. Александр Лебедев. Тяжелые звезды командующего. Герой Российской Федерации генерал-полковник Паньков Михаил Анатольевич. // Звезды мужества. Автор-составитель Сергей Колесников. || http://bratishka.ru/zal/1_16.php.

³³ Указ Президента РФ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» № 1255 от 23.09.1999; п. 4.

взаимодействие с войсками МО при проведении боевых операций на этапе фронтального противостояния с противником осуществляли именно Внутренние Войска. Они подчинялись заместителю командующего ОГВ (С) по внутренним войскам – командующему группировкой ВВ МВД РФ в Чечне.

«Полицейская» составляющая – это временные территориальные органы и службы МВД, создаваемые по мере установления контроля над территорией (временный районные, территориальные, поселковые отделы и пункты внутренних дел и милиции, патрульно-постовая служба, ГАИ) и различные специальные отряды милиции (СОБР, ОМОН, СОМ), выполняющие отдельные боевые и военно-полицейские задачи. На данном этапе временные территориальные органы МВД формировались преимущественно из состава сотрудников, прикомандированных из различных российских регионов. Специальные отряды – ОМОН, СОМ, СОБР – могли выполнять задачи как в структуре оперативных войсковых группировок (например, осуществляя «зачистки» населенных пунктов или их отдельных районов сразу же после взятия войсками, либо даже участвуя в боях³⁴), так и на базе тех или иных территориальных органов. Силы «полицейской составляющей» находились в подчинении первого заместителя командующего ОГВ (с) от МВД РФ. Однако, судя по всему, непосредственное руководство «полицейскими» силами МВД осуществлялось (по крайней мере по состоянию на 1 марта 2000 г.) Начальником группы управления Объединенной группировки войск от МВД (в тот период им являлся полковник *Михаил Левченко*, назначенный 1 марта)³⁵. Существенную роль в руководстве подразделениями МВД выполнял прикомандированный на Северный Кавказ заместитель министра МВД РФ генерал-полковник *Иван Голубев*, хотя формально в структуры группировки он, кажется, не входил. Вообще же система управления милицескими силами в этот период авторам не совсем ясна. Возможно, она постоянно трансформировалась в зависимости от обстановки.

После завершения фазы фронтального войскового противостояния и установления российской стороной контроля над большей частью территории Чеченской Республики была образована специальная структура для управления «полицейской составляющей» сил МВД в структуре ОГВ (с). Приказом МВД России от 22 апреля 2000 г. № 416 дсп «О мерах по повышению эффективности системы управления подразделениями и органами МВД России, привлекаемыми к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» была создана Временная оперативная группировка органов и подразделений МВД России на территории Северо-Кавказского региона (ВОГОиП)³⁶. ВОГОиП подчинена *руководителю группы управления* и входит в состав ОГВ (с), причем сотрудники вновь создаваемых подразделений ВОГОиП включаются в состав ОГВ (с) по согласованию с Генеральным штабом ВС РФ

³⁴ Вот, например, как описывает действия своего подразделения при штурме Грозного один из бойцов Санкт-Петербургского ОМОН: «Мы прибыли в Червлёную днём 13 января 2000 года. Переночевав на станции, нас погрузили на «Уралы» и повезли. Через несколько часов мы были под Грозным – в районе Старой Сунжи.<...> Ближе к вечеру нам сказали, что завтра с утра поедим на зачистку в Ханкалу – зачищать район вокруг какой-то школы. Утром сели на «Уралы» и поехали. Приехали, смотрим: перед пятиэтажками стоит какая-то армейская техника, народу не очень то и много. Стоим, ждём – ничего. Прошло несколько часов – опять ничего: сидим, чего-то выжидаем. У солдатиков узнаём, что войска ещё только зашли примерно на 150 метров и с трудом продвигаются дальше, встретив довольно плотное сопротивление чехов [название чеченцев на российском военном сленге – ред.]. Становится веселее: что же мы будим зачищать, если ещё ни чего не взято? Пройдём почти до вечера. Жрать хочется – сил нет. Великолепные командиры во главе с Кабацким [полковник Кабацкий В. Д – командир ОМОН Санкт-Петербурга и Ленинградской области – ред], выделили море еды: одна бутылка 0.33 л, не помню уж какой, воды и, по моему, по банке рыбы – ешьте, не обожритесь! <...> Ближе к вечеру нас погрузили в машины и повезли назад на базу. <...> На следующий день нас (нашу партию в которой было около 120 бойцов и офицеров) подняли очень рано. Когда мы построились на поле, перед нами держал речь командующий «Юга»: «Омоновцы, братья! Я прошу вас помочь – солдатам очень тяжело. Вы профессионалы и на вас большие надежды. Помогите им...». Такая речь нас очень даже воодушевила: что же там такое происходит, если Армия не в силах ни чего сделать, а мы, как крутые «псы войны», это запросто сделаем? И как совместить понятия «зачистка» и «штурм»? <...> Когда мы подъехали к пятиэтажкам, то узнали, что войска вчера всё-таки продвинулись вперёд и наша задача – закрепиться в той школе, вокруг которой мы первоначально должны были проводить зачистку. <...> Подъехали к школе. Вокруг периодически постреливали, правда, кто и где стреляет, понять было трудно – так как мы не были в курсе кто где, то это вызывало некоторую нервозность. То, что военные называли «школой» на самом деле представляло из себя небольшой комплекс, состоящий из трёх зданий: самой школы и двух общаг. Нашему «десанту» досталось само здание школы. Когда мы туда добрались, нам сказали, что здание простреливается снайперами. Но так как вокруг были солдатики и техника, то особенных волнений это не вызвало, но из окон лишний раз старались не высовываться. А во двор и вовсе не смотрели: зачем – там же Армия? Через пару часов, выглянув во двор, нас взяла некоторая оторопь: ни солдат, ни техники не было. Оказалось, что 101 бригада пошла вперёд, а мы остаёмся, как бы в тылу. В суете обустройства ни кто и не заметил, как они ушли. Примерно через час мы увидели, как к нам продвигается группа солдат со стороны «тыла». Подождав минут 20-30 снова выглянули: солдаты всё также были метрах в 25 от нас. Видно было, что они хотят попасть к нам в здание, но, почему-то, не торопятся. Так как связи с ними у нас, как обычно, не было, то путём сложнейших логических размышлений, мы наконец-то догадались, что им что-то мешает. Пригляделись, поняли – то пространство, которое находилось между ними и нами простреливается снайперами. В итоге, забросав всё дымами [дымовыми шашками – ред.], солдаты добрались таки до нас. Солдат было 20 человек. Это были бойцы 33 бригады – наши питерские. В общем счёте нас стало 37. В дальнейшем день прошёл без особых приключений. <...> Поздним вечером мы решили подравнять мечеть напротив, из которой периодически кто-то стрелял. Подтянулись солдатики и мы, благо у солдат были и РПГ-7 и «мухи» и «осы», занялись этим пристойным делом <...>. Короче начали войну. За одно и все ближайшие более-менее высокие дома вокруг решили обработать. Забыл сказать: кругом был частный сектор и дома были одно-двухэтажные – как раз вровень с нашим. Через пару минут нашего артобстрела с улицы, которая располагалась как раз напротив того места, где мы все были, по нам стали интенсивно стрелять» и т. д. (Текст был размещен на неофициальном сайте Санкт-Петербургского ОМОН по адресу: <http://omon-spb.narod.ru/x-files/x-files1.html>. В конце 2007 г. сайт был удален из сети Интернет, но полная копия данного материала имеется в распоряжении авторов).

³⁵ На суде по делу о расстреле подмосковного ОМОНа выступили свидетели. – Коммерсант. 22 января 2002 г.; В. И. Приговор после расстрела. – Новая газета. 11 марта 2002 г. № 17.

³⁶ Долгая дорога к миру и безопасности. – Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». Июль 2007 г. № 7 (16); Владимир Антропов. Временная оперативная группировка отметила седьмую годовщину. – Щит и меч. Газета МВД РФ. № 5 (1117). Перечень основных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность вневедомственной охраны (на 01.07.2006 г.): www.cordvo.ru/8.doc.

на основании предложений Главного штаба МВД РФ³⁷. Фактически с этой даты первым заместителем командующего ОГВ (с) от МВД и Руководителем группы ВОГОиП было одно и то же лицо. Таким образом, структура управления («полицейскими» частями МВД была упорядочена.

Что касается структуры ОГВ (с) в целом, то на данном этапе ее специфика определялась решением конкретной военно-стратегической задачи: разгромом противника и установлением контроля над территорией Чеченской Республики. Для ее решения было создано несколько временных формирований, так называемые *оперативные войсковые группировки* (далее – *ОГ*), каждая из которых выполняла собственную боевую задачу в соответствии с общим планом войсковой операции. В каждую из оперативных группировок входило определенное количество частей и подразделений ВС и МВД. При этом в связи с решением конкретных задач состав оперативных группировок менялся, те или иные части и подразделения передавались из одной группировки в другую. Оперативные группировки возглавлялись соответствующими *командующими*, которые непосредственно подчинялись командующему ОГВ (с). У командующих оперативными группировками, в свою очередь, находились в подчинении командиры воинских соединений и частей, входящих в данный момент в состав соответствующей группировки.

Первоначально были сформированы и 1 октября 1999 г. двинулись вглубь Чечни три оперативные войсковые группировки³⁸. *Оперативная группировка «Восток»* под командованием генерал-лейтенанта Геннадия Трошева вторглась в Чеченскую Республику со стороны Дагестана. *Оперативная группировка «Запад»* под командованием генерал-майора Владимира Шаманова вела наступление со стороны Ингушетии. *Оперативная группировка «Север»* под командованием генерал-лейтенанта Владимира Булгакова наступала со стороны Ставропольского края. К первой декаде декабря федеральные войска завершили овладение равнинными районами Чечни, а чеченская столица – Грозный – была взята ими в тиски с северной, восточной и западной стороны. К середине декабря российские войска заняли Ханкалу – восточный пригород Грозного, где были созданы командные пункты Вооруженных Сил, Внутренних войск и иных силовых структур. Затем в течение декабря происходил захват стратегически важных населенных пунктов и высот вокруг Грозного. 26 декабря была предпринята первая попытка штурма города, закончившаяся провалом.

После этого создается еще одна оперативная группировка, получившая в штабных документах название «*особый район г. Грозный*»³⁹. Ее возглавил генерал-лейтенант Владимир Булгаков⁴⁰. Помимо частей и подразделений ОГ «Север», в «особый район Грозный» вошло большинство частей, переданных из группировки «Запад» Владимира Шаманова. Сам Шаманов с оставшимся в его подчинении одним мотострелковым полком, танковым батальоном и несколькими частями Внутренних войск, перекрыл предгорья в секторе Бамут – Дуба-Юрт. На этом этапе его задачей было не дать противнику, контролирующему горные районы, ударить в тыл окружившим Грозный войскам⁴¹.

Второй этап штурма Грозного начался 17 января 2000 г. и продолжался до конца месяца. Части и подразделения, вошедшие в состав «особого района Грозный», были разделены на три *оперативных направления* (*Восточное, Западное и Северное*), причем для каждого из них был назначен «старший оперативного направления». Он осуществлял командование формированиями разной ведомственной принадлежности (части Министерства обороны, Внутренних войск и милиции), входящими в состав направления.

В ночь с 29 на 30 января основные силы сепаратистов, оборонявшие Грозный, осуществили прорыв в направлении Алхан-Калы и вышли из города. 6 февраля в 11.45 командующий группировкой особого района Грозный генерал-лейтенант Владимир Булгаков доложил командующему ОГВ (с) о взятии чеченской столицы. 7 февраля министр обороны РФ сделал официальное заявление о взятии Грозного⁴².

Вышедшие из Грозного чеченские подразделения в течение недели прорываются в горы по линии Алхан-Кала, Лермонтов-Юрт, Шаами-Юрт, Катры-Юрт, т.е. по территории ответственности оперативной группировки «Запад». Генерал Шаманов избегает открытых столкновений с противником вне населенных пунктов, подвергая села, в которые заходят чеченские отряды, массированным ударам артиллерии, авиации и ракетных установок (вместе с гражданским населением). Позже Шаманов назовет эту операцию «Охотой на волков». После ее завершения (около 7 февраля) оперативной группировке «Запад» командование ОГВ (с) возвращает все армейские части, задействованные в «особом районе Грозный». Затем начинается овладение горными районами Чечни.

³⁷ Приказ МВД РФ от 6 апреля 2001 г. № 409 «О мобильном отряде МВД России в Республике Ингушетия». || <http://jurbase.ru/texts/sector083/tes83718.htm>.

³⁸ Александр Федоровский, Александр Матвеев. Генерал России (беседа с Владимиром Шамановым). – Завтра. 14 ноября 2000 г. № 46 (363).

³⁹ Полковник Журавель В. П. Второй штурм Грозного. – Выступление перед правлением Центра по изучению истории Внутренних войск МВД России, сотрудниками Центрального музея ВВ МВД РФ в январе 2005 г. || http://www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2003.01.01_GroznyStormII.htm.

⁴⁰ Илья Булавинов. Победу отдали генералу Булгакову. – Коммерсант. 29 февраля 2000 г. № 34 (1919); Олег Одноколенко. Минобороны «разводит» генералов. – Сегодня. 1 апреля 2000 г.; Юрий Гладкевич (АВН). Победа за горами. – Профиль. 14 февраля 2000 г. № 5 (177); Генерал-лейтенант Владимир Булгаков. – Грани.ру. || http://www.zeka.ru/chechnya_mil/facts/bulgakov/; Полковник Журавель В. П. Грозный. Особый район. (Хроника действий частей и подразделений внутренних войск в ходе специальной операции по освобождению столицы Чечни от незаконных вооруженных формирований. Декабрь 1999 – февраль 2000 г.). || http://www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.02.01_GroznySpecDistrict.htm.

⁴¹ Константин Ращепкин. Легенда чеченской войны. – Красная звезда. 28 мая 2005 г.

⁴² Полковник Журавель В. П. Грозный. Особый район. (Хроника действий частей и подразделений внутренних войск в ходе специальной операции по освобождению столицы Чечни от незаконных вооруженных формирований. Декабрь 1999 – февраль 2000 г.). || http://www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.02.01_GroznySpecDistrict.htm.

26 февраля создается *оперативная группировка «Центр»* для проведения операции в Шатойском районе. Ее возглавил генерал-лейтенант Владимир Булгаков⁴³. Одновременно в горы Шатойского района углубляются и подразделения группировки *«Запад»*. Для ведения боевых действий в горах на границе с Дагестаном и в Веденском районе Чечни создается *тактическая группировка «Высокогорная»* (по всей видимости, в составе оперативной группировки «Восток») под командованием генерал-майора Александра Ларченко⁴⁴. Ранее, еще с 17 декабря 1999 г., в Итум-Калинском районе десантировались подразделения, объединенные в *оперативную группировку «Юг»* во главе с генерал-лейтенантом Мухридином Ашуровым⁴⁵.

Система оперативных группировок продолжала существовать и после окончания фронтальной стадии вооруженного конфликта. По открытым источникам в первом приближении устанавливается структура командования и примерный состав каждой из них. Приведенные ниже данные носят предварительный и заведомо неполный характер и нуждаются в существенном уточнении.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА «ВОСТОК»:

Командующий:

с момента создания по январь 2000 г. — генерал-полковник *Геннадий Трошев*;
январь 2000 г. — 1 мая 2000 г. — генерал-лейтенант *Сергей Макаров*⁴⁶;
с 1 мая 2000 г. — генерал-майор *Александр Попов*⁴⁷.

Заместитель командующего:

октябрь 1999 г. — январь 2000 г. — генерал-лейтенант *Сергей Макаров*⁴⁸.

Начальник ракетных войск и артиллерии:

по состоянию *на 9 января 2000 г.* — генерал *Ю. Слесарев*⁴⁹.

Командующий группировкой Внутренних войск:

генерал-майор *Михаил Воронов*⁵⁰.

Состав:

1-й мотострелковый полк (возможно, в составе другой ОГ) из состава 2-й мотострелковой Таманской дивизии. Командир — полковник *А. В. Дворников*⁵¹.

51 парашютно-десантный полк (из состава Тульской 106-й дивизии ВДВ; командир дивизии с 1993 по 2004 г.⁵² — генерал-майор *Евгений Юрьевич Савилов*⁵³; по состоянию на 30 марта 2000 года командовал группировкой воздушно-десантных войск в Чечне⁵⁴). Командир — *Виктор Борисович Астапов* (принял командование полком в 1999 году)⁵⁵.

74 отдельная гвардейская мотострелковая бригада. Командир — генерал-майор *Владимир Устинов*⁵⁶.

104 парашютно-десантный полк (из состава 76 Псковской дивизии ВДВ). Командир — полковник *Александр Владленович Кардычкин*⁵⁷.

331 воздушно-десантный полк (из состава 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии). Командир — полковник *Николай Майоров*⁵⁸.

31 отдельная десантно-штурмовая бригада. В период с 1993 по 2000 г. Командир — гвардии генерал-майор *Вадим Иванович Орлов*, с 2000 по 2002 г. Командир — гвардии полковник *Сергей Евгеньевич Капустин*⁵⁹.

119 парашютно-десантный полк (Наро-Фоминский район Московской обл., из состава 106-й воздушно-десантной дивизии). Командир — полковник *В. В. Полянский*⁶⁰

*9 отдельный танковый батальон 131-й отдельной мотострелковой бригады (в/ч 09332, г. Майкоп)*⁶¹.

131 отдельная мотострелковая бригада (из состава 67-го армейского корпуса).

⁴³ Генерал-лейтенант Владимир Булгаков. — Грани.ру. || http://www.zeka.ru/chechnya_mil/facts/bulgakov/; Трошев. Глава 8.

⁴⁴ Сергей Петухов. Генерал Ларченко: «В атаку идут мои пацаны...». — Огонек. 2000 г. № 7; Сергей Петухов. Победа близко — за горами. — Эксперт. 7 февраля 2000 г. № 5.

⁴⁵ Вадим Удманцев. Аргунский десант. || www.airborne.ru/print.php?sid=93. Память. — Красная звезда. 28 июля 2007 г.

⁴⁶ <http://www.rosconcert.com/common/arc/story.php/21185>.

⁴⁷ Назначен командующий Восточной группировкой войск. — Известия. 6 мая 2000 г.

⁴⁸ Национальная служба новостей. || <http://lib.rin.ru/doc/i/155851p.html>.

⁴⁹ Трошев. Глава 8.

⁵⁰ Трошев. Глава 8; Ринат Арижбанов. Начальник Саратовского военного Краснознаменного института Внутренних войск МВД России генерал-майор Михаил Воронов: «В ногу со временем». — Учительская газета. || <http://www.ug.ru/02.30/pv7.htm>; Игорь Стрелков. Опять маневры? — Завтра. 11 января 2000 г. № 2 (319).

⁵¹ См. К 60-летию Таманской дивизии. — Российская газета. || http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid/770.htm; Роман Бойков. Возвращение. — Красная Звезда. 30 марта 2001 г.

⁵² <http://www.rusarmy.com/forum/viewtopic.php?t=1485&sid=a47661ffaa039c283e643a390d483a8>.

⁵³ <http://news.ng.ru/2001/08/31/999246733.html>.

⁵⁴ <http://lenta.ru/vojna/2000/03/30/forces/>.

⁵⁵ www.nvrsk.ru/?item=44762.

⁵⁶ Московский комсомолец в Кузбассе. || <http://mkuzbass.ru/arcive/2006/34/arm.shtml>.

⁵⁷ Сайт ВДВ. || <http://www.zavdv.ru/chronicle/index-next-6.htm>. Сайт «Петербург Православный». || <http://www.spbreligion.ru/news.php?id=904>.

⁵⁸ <http://www.chechnya.genstab.ru/russian31vdv.htm>.

⁵⁹ Сайт «Братишка». || <http://bratishka.ru/specnaz/vdv/5.php>.

⁶⁰ Газета «Основа». || http://www.mosoblpress.ru/nara/show.shtml?d_id=840.

⁶¹ <http://www.soldat.ru/forum/?gb=3&action=prn&thread=1157536314>.

136 отдельная мотострелковая бригада (г. Буйнакск, в составе 42 армейского корпуса), Командир – полковник **Г. Элиадзе**⁶²; заместитель командира – подполковник **Дианов**⁶³

876 десантно-штурмовой батальон морской пехоты (из состава 61-й отдельной Киркинесской краснознаменной бригады морской пехоты., Командир – подполковник **Анатолий Белезеко**⁶⁴.

414 десантно-штурмовой батальон морской пехоты (из состава 77-й гвардейской Черниговской отдельной бригады морской пехоты).

247 казачий десантно-штурмовой полк (из состава 7-й десантно-штурмовой дивизии). Командир – полковник **Юрий Павлович Эм**⁶⁵. Заместитель командира – **Евгений Ганюков**⁶⁶.

33 бригада оперативного назначения Внутренних войск (в/ч 3526⁶⁷, Северо-западный округ ВВ, пос. Лебяжье⁶⁸). Командир – полковник **Павел Тишков**. Исполняющий обязанности командира – полковник **Никольский**⁶⁹.

21 отдельная бригада оперативного назначения Внутренних войск (в/ч 3641, «Софринская»; Московская обл., Пушкинский р-н., пос. Софрино). Командир – полковник **Геннадий Фоменко**⁷⁰

101 отдельная бригада оперативного назначения Внутренних войск. Командир – полковник **Евгений Зубарев**⁷¹.

674 полк оперативного назначения СКО ВВ МВД России (в/ч 3737⁷², г. Моздок)⁷³. Командир – полковник **Сергей Анатольевич Наседко**⁷⁴.

451 полк оперативного назначения, (в/ч 3219, г. Лабинск Краснодарского края, из состава 2-й дивизии оперативного назначения Внутренних войск (ДОН-2), командир дивизии полковник **Андрей Ползиков** непосредственно командовал соединением в Чечне⁷⁵), перешел в состав ГО «Восток» из ОГ «Север»⁷⁶.

66 полк оперативного назначения (в/ч 3703, г. Краснодар, из состава 2-й дивизии оперативного назначения Внутренних войск (ДОН-2)) перешел в состав ГО «Восток» из ОГ «Север»⁷⁷.

59 полк (из состава 54-й дивизии оперативного назначения Внутренних войск (ДОН-54)⁷⁸.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА «ЗАПАД»

Командующий:

сентябрь 1999 г. – конец февраля 2000 г. – генерал-майор **Шаманов Владимир Анатольевич** (с июля 1999 г. – командующий 58-й армией СКВО; начальник штаба армии – генерал-майор Валерий Герасимов⁷⁹);
конец февраля 2000 г. – декабрь (?) 2000 г. – исполняющий обязанности командующего группировкой генерал-майор **Валерий Васильевич Герасимов**⁸⁰. По состоянию на январь 2001 года – генерал-майор **Сергей Николаевич Сериков**⁸¹ (в 1994–1998 гг. – командир 242-го учебного центра ВДВ)⁸².

Заместитель командующего:

сентябрь 1999 г. - ? – генерал-майор **Алексей Вербицкий**⁸³;
после февраля 2000 – полковник **Арам Ервандович Акопян**⁸⁴;

Заместитель командующего по специальным операциям:

по состоянию на декабрь 1999 г. – полковник **Груднов Игорь Сергеевич** (Внутренние войска)⁸⁵.

Начальник армейской авиации (вертолеты):

октябрь 1999 – май 2000 г.: полковник **Риф Раисович Сахабудинов**⁸⁶.

⁶² Трошев. Глава 6.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Сергей Васильев. Кредо полковника Белезеко. – Красная звезда. 26 ноября 2005 г. || http://www.redstar.ru/2005/11/26_11/4_01.html.

⁶⁵ Смирнов В. Приказа отступить не будет. – Труд. № 14. 26 января 2000 г. || <http://www.trud.ru/trud.php?id=200001260140109&print=1>.

⁶⁶ <http://www.chechnya.genstab.ru/russian247vdv.htm>.

⁶⁷ Письмо Мулина П. Р. в редакцию телепередачи «Жди меня». || <http://war.parma.ru:8101/>.

⁶⁸ Пресс-центр правительства Ленинградской области. || <http://www.lenobl.ru/presscentre/announce?¬pl=1&id=23835>.

⁶⁹ Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. – Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/text_0050.shtml.

⁷⁰ Борис Карпов. Комбриг софринцев. – Красная звезда. 29 декабря 2001 г.

⁷¹ http://www.chechnya.genstab.ru/russian_mvд46.htm; а также: Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. – Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/text_0050.shtml.

⁷² <http://chelpress.ru/newspapers/vecherka/archive/30-11-1999/3/1.DOC.shtml>.

⁷³ Война в Чечне. Федеральные силы. Потери в войне 1994–96 гг. № 594. Тарариев Е. Н. || www.chechnya.genstab.ru/%2Frussian_kia2n.htm&text=%E2%2F%F7%203737.

⁷⁴ Ирина Моргулес. Вблизивойны. – Вечерний Челябинск. 30 ноября 1999 г. || www.chelpress.ru/newspapers/vecherka/archive/30-11-1999/3/1.DOC.shtml; Ирина Моргулес. Записки обжоры. – Уральская новь. № 12. 2002 г. || <http://magazines.russ.ru/urnov/2002/12/mor.html>.

⁷⁵ Трошев. Глава 8: Роман Илющенко; Офицеры. – Журнал «Русский дом». Февраль 2007 г. № 2.

⁷⁶ <http://www.soldat.ru/forum/?gb=3&action=prn&thread=1169192357>.

⁷⁷ <http://www.soldat.ru/forum/?gb=3&action=prn&thread=1169192357>.

⁷⁸ http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд59.htm.

⁷⁹ Константин Ращепкин. Легенда чеченской войны. – Красная звезда. 26 мая 2005 г.; Наби Набиев. Горячие будни генерала Герасимова. – Красная звезда. 12 марта 2001 г.

⁸⁰ Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда по делу Юрия Буданова. г. Ростов-на-Дону 25 июля 2003 года; Константин Ращепкин. Легенда чеченской войны. – Красная звезда. 28 мая 2005 г.

⁸¹ Александр Веклич. Алексей Васин. Мы на эту землю вернемся. – Красная звезда. 24 января 2001 г.

⁸² Структура ВДВ. 242 учебный центр ВДВ. – Братишка. || <http://bratishka.ru/specnaz/vdv/8.php>.

⁸³ www.grani.ru/putin_army/facts/verbitsky_bio/.

⁸⁴ Сергей Прыганов. Арам Акопян, настоящий полковник. – Южный федеральный. 6–13 декабря 2005 г. № 46 (221). || <http://www.u-f.ru/article.php?n=89&id=625>.

⁸⁵ Андрей Макаров. Бои на проспекте мира. – сб. Звезды мужества. Автор-составитель Сергей Колесников. || http://bratishka.ru/zal/1_16.php.

⁸⁶ Константин Ращепкин. Какой боевой вертолет нам нужен. – Красная звезда. 18 июля 2005 г.

Заместитель командующего от МВД:

полковник милиции *Валерий Коновалов* (по состоянию на июль 2000 г.)⁸⁷.

Руководитель оперативной группы ФСБ РФ по ОГ «Запад»:

*Сергей Леонидович Бабкин*⁸⁸.

Состав:

138 отдельная мотострелковая бригада (поселок Каменка, Ленинградская область, ЛВО⁸⁹). В составе ОГ «Запад» — после штурма Грозного. До этого — в составе ОГ «Север». Командир — гвардии генерал-майор *Игорь Турченко*. Выведена из Чечни в июне 2000 г.⁹⁰

205 отдельная мотострелковая бригада (из состава 58-й армии, г. Буденновск)⁹¹. В 1999 г. Командир — полковник *Сергей Валентинович Мишанин*, с 2000 г. (точная дата не установлена) — полковник (позднее — генерал-майор) *Сергей Загитович Тулин*⁹². Начальник штаба — полковник *Сергей Стволов*⁹³.

246 мотострелковый полк⁹⁴ (пос. Чапаевка, Камчатка). Командир — полковник *Игорь Золотов*⁹⁵.

276 мотострелковый полк (из состава 34 мотострелковой дивизии, УрВО, г. Екатеринбург)⁹⁶. Командир — полковник *Валерий Никитин*⁹⁷.

160 танковый полк (СибВО, из состава 5-й танковой дивизии, в/ч 13206). Командир — полковник *Юрий Дмитриевич Буданов* (арестован 27 марта 2000 г.); начальник штаба — полковник *Иван Федоров*⁹⁸.

245 гвардейский мотострелковый полк (из состава 3-й гвардейской Висленской мотострелковой дивизии, пос. Мулино Нижегородской области). Командир — полковник *Сергей Сергеевич Юдин*. Начальник штаба — подполковник *Александр Лихачев*⁹⁹.

503 мотострелковый полк (в/ч 66431¹⁰⁰, из состава 19-й мотострелковой дивизии 58-й армии). Командир — полковник *Сергей Хлопотов*¹⁰¹. Позднее командиром стал полковник *Сергей Стволов* (приступил к обязанностям командира полка не ранее марта 2000 г., так как в период штурма Грозного являлся заместителем командира 205 отдельной мотострелковой бригады¹⁰², погиб в автокатастрофе в октябре 2001 г.)¹⁰³. Начальник штаба — подполковник *Роман Шадрин*¹⁰⁴.

693 мотострелковые полк (из состава 19-й мотострелковой дивизии 58-й армии). Командир — до 09.11.1999 г. — подполковник *Борис Корнеев* (погиб)¹⁰⁵.

56 десантно-штурмовой полк (в оперативном подчинении 20-й мотострелковой дивизии)¹⁰⁶. Командир — *Андрей Владимирович Холзаков*¹⁰⁷.

752 мотострелковый полк (из состава 3-й мотострелковой дивизии Московского военного округа, Мулино, Нижегородская область). Командир — полковник *Юрий Петров*¹⁰⁸.

⁸⁷ Заместителя командующего западной группировки войск МВД ранили из гранатомета. — Лента.ру. 8 июня 2000 г, 16:58:32. || <http://www.lenta.ru/vojna/2000/06/08/konovarov/>.

⁸⁸ Бабкин Сергей Леонидович. Начальник УФСБ по Чеченской Республике. || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/babkin/>.

⁸⁹ <http://www.regnum.ru/news/409845.html>.

⁹⁰ Гвардейцы из Каменки. — Санкт-Петербургские Ведомости. 18 сентября 2001 г. № 168 (2558).

⁹¹ <http://chechnya.genstab.ru/russian205.htm>.

⁹² Василий Фатигаров. Военком «десантной области». — Красная звезда. 4 июня 2004 г.; Облвоенком Сергей Тулин. Образование в Сибири. || <http://www.vuz-sib.ru/index.php?id=34>.

⁹³ «Мы открыты для диалога». Интервью заместителя командующего группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона по работе с личным составом полковника Валерия Журавеля. — Ситуация. Март 2000 г. || www.zhuravelv.ru/Articles/article.php?2000.03.01_WeOpen4Dialog.htm.

⁹⁴ <http://chechnya.genstab.ru/russian246.htm>.

⁹⁵ Виталий Аньков. Полк прокладывает лыжню. — Анонсы событий в дальневосточном федеральном округе. Красная звезда. 20 марта 2002 г. || <http://vostokmedia.com/oldnews.details.php?id=5887>.

⁹⁶ Трошев. Глава 8; Война в Чечне — федеральные силы. || <http://www.chechnya.genstab.ru/russian276.htm>.

⁹⁷ Амиров А. Операция «Колонна». — Ветеран Афганистана. Общественно-политическая газета свердловского областного отделения ветеранов Афганистана. Декабрь 1999 г. № 12 (91). || http://va-archive.narod.ru/91_012.htm. Салават Сулейманов. На героев лимит исчерпан. За награды, заслуженные в боях, надо еще побороться в мирной жизни. — Независимое военное обозрение. 1 февраля 2002 г. || http://nvo.ng.ru/notes/2002-02-01/8_limit.html.

⁹⁸ Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда по делу Юрия Буданова. г. Ростов-на-Дону 25 июля 2003 года; Салават Сулейманов. На героев лимит исчерпан. За награды, заслуженные в боях, надо еще побороться в мирной жизни. — Независимое военное обозрение. 1 февраля 2002 г. || http://nvo.ng.ru/notes/2002-02-01/8_limit.html.

⁹⁹ Константин Расщепкин. Зеленые пики полковника Юдина. — Красная звезда. 4 декабря 2004 г.

¹⁰⁰ Вячеслав Измаилов. Из 503-го полка похищены десятки солдат. — Новая газета. 17 апреля 2000 г. № 15.

¹⁰¹ Владимир Евдамашкин. Без армии жить не смогу. — Красная звезда. 30 июля 2003 г.

¹⁰² «Мы открыты для диалога». Интервью заместителя командующего группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона по работе с личным составом полковника Валерия Журавеля. — Ситуация. Март 2000 г. || www.zhuravelv.ru/Articles/article.php?2000.03.01_WeOpen4Dialog.htm.

¹⁰³ Марина Лепина. Герой России погиб под КамАЗом пройдя 12 войн. — Коммерсант. 16 октября 2001 г.

¹⁰⁴ Владимир Евдамашкин. Троицкий полк. || http://www.pobeda.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5186&Itemid=1; Андрей Пилипчук. На своей земле. — Красная звезда. 26 сентября 2002 г.; Владимир Евдамашкин. Без армии жить не смогу. — Красная звезда. 30 июля 2003 г.

¹⁰⁵ Впервые в Чечне погиб командир полка. — Полит.ру. || <http://www.polit.ru/documents/115781.html>.

¹⁰⁶ По материалам http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд.htm.

¹⁰⁷ Александр Иванов. На рубежах былых сражений. — Учительская газета. 18 ноября 2003 г. № 47 (9972). || <http://www.ug.ru/issue/?action=topic&toid=2545>.

¹⁰⁸ Из Чеченской Республики выводится 752 мотострелковый полк. — АВН. 18 мая 2000 г. 12.57. || <http://old.cry.ru/text.shtml?200005/20000518125722.inc>; Сиад Бицоев. Невменяемая страна. — Новые известия. № 177; Константин Расщепкин. Легенда чеченской войны. — Красная звезда. 26 мая 2005 г.

15 мотострелковый полк (в/ч 73881 из состава 2-й мотострелковой Таманской дивизии). Командир – полковник **Сергей Алексеевич Лукашов**¹⁰⁹.

100-я дивизия оперативного назначения Внутренних войск МВД России (ДОН-100, в/ч 3660). Командир – генерал-майор **Яков Викторович Недобитко**¹¹⁰. В ее составе:

46-й полк оперативного назначения;

47-й полк оперативного назначения;

48-й полк оперативного назначения;

93-й механизированный полк;

7-й отряд специального назначения «Росич».

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА «СЕВЕР»

Сведения о составе этой оперативной группировки в открытых источниках крайне скудны. Авторы составили перечень воинских формирований, входящих в ОГ «Север», в основном методом исключения из состава ОГ «Особый район г. Грозный» частей и подразделений, вошедших в нее из составов ОГ «Восток» и «Запад».

Командующий:

генерал-лейтенант **Владимир Васильевич Булгаков**¹¹¹

Заместитель командующего:

генерал-майор **Михаил Малофеев**¹¹² (погиб в Грозном 17 января 2000 г.).

Состав:

276 мотострелковый полк (из состава 34 мотострелковой дивизии, УрВО, г. Екатеринбург)¹¹³. Командир – полковник **Валерий Никитин**¹¹⁴.

330 отдельный батальон оперативного назначения Кировской дивизии внутренних войск (в/ч 7487¹¹⁵). По состоянию на 2000 год командир не установлен. По состоянию на 27 февраля 2003 г. им являлся Остапенко Вячеслав Васильевич¹¹⁶.

255 мотострелковый Волгоградско-Корсуньский полк (8 гвардейский армейский корпус, г. Волгоград)¹¹⁷.

423 гвардейский Ямпольский мотострелковый полк¹¹⁸ (из состава 4 гвардейской Кантемировской танковой дивизии МВО, г. Наро-Фоминск Московской области¹¹⁹).

504 мотострелковый полк¹²⁰.

506 мотострелковый полк (в/ч 21617¹²¹, из состава 27-й гвардейской мотострелковой дивизии, Уральский военный округ, с. Тоцкое Оренбургской области¹²²). Командир – полковник **Евгений Гусев**¹²³.

138 отдельная мотострелковая бригада (поселок Каменка, Ленинградская область, ЛВО¹²⁴). Командир – гвардии генерал-майор **Игорь Турченко**. Выведена из Чечни в июне 2000 г.¹²⁵.

34 бригада оперативного назначения Внутренних войск («Шумиловская», Приволжского округа внутренних войск МВД РФ, г. Богородск Нижегородской области¹²⁶), Командир – полковник **Николай Геннадьевич Карпович**, убит 5 мая 2001 года в городе Богородск Нижегородской области¹²⁷.

¹⁰⁹ См. К 60-летию Таманской дивизии. – Российская газета. || http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid/770.htm; Роман Бойков. Возвращение. – Красная Звезда. 30 марта 2001 г.

¹¹⁰ Анна Политковская. За нарушение права на жизнь. – Новая газета. 31 июля 2006 г. № 57.; 100-я дивизия оперативного назначения ВВ МВД. || http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд100don.htm.

¹¹¹ Генерал-лейтенант Владимир Булгаков. – Грани.ру. || http://www.zeka.ru/chechnya_mil/facts/bulgakov/; Полковник Журавель В. П. Второй штурм Грозного. Выступление перед правлением Центра по изучению истории Внутренних войск МВД России, сотрудниками Центрального музея ВВ МВД РФ в январе 2005 г. || http://www.zhuravelv.ru/Articles/article.php?2003.01.01_GroznyStormII.htm.

¹¹² Владимир Янченков. Плен – не для генерала. – Труд. 22 января 2000 г. № 12.

¹¹³ Трошев. Глава 8; Война в Чечне – федеральные силы. || <http://www.chechnya.genstab.ru/russian276.htm>.

¹¹⁴ Амиров А. Операция «Колонна». – Ветеран Афганистана. Общественно-политическая газета свердловского областного отделения ветеранов Афганистана. Декабрь 1999 г. № 12 (91). || http://va-archive.narod.ru/91_012.htm; Салават Сулейманов. На героев лимит исчерпан. За награды, заслуженные в боях, надо еще побороться в мирной жизни. – Независимое военное обозрение. 1 февраля 2002 г. || http://nvo.ng.ru/notes/2002-02-01/8_limit.html.

¹¹⁵ Александр Широков. Батальон сменил форму. – Вятский край. 5 августа 2006 г. || <http://www.vk-smi.ru/2006/avg06/vkaug060401.htm>.

¹¹⁶ Состав Кировского регионального совета спортивного общества «Динамо». || <http://www.dinamo.kirov.ru/region-list.htm>.

¹¹⁷ И. Г. На острие штурма Грозного. || <http://sold.vlink.ru/255.htm>.

¹¹⁸ Трошев. Глава 8; Олег Фаличев. Невзгодам вопреки. – Красная звезда. 14 марта 2001 г.

¹¹⁹ Муниципалитет внутригородского муниципального образования «Старое Крюково». Официальный сайт. || <http://www.staroe-krukovo.ru/home/index/230>.

¹²⁰ Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. – Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/noskov_w_n/text_0050.shtml.

¹²¹ Губернатор Алексей Чернышев поздравил личный состав 506 гвардейского Познанского Краснознаменного ордена Суворова III мотострелкового полка с 64-ой годовщиной со дня образования полка (2 июня). – Оренбургские новости. || <http://news.orenburg-cci.ru/face/news/?&id=10007286>.

¹²² <http://www.chechnya.genstab.ru/russian506.htm>.

¹²³ Елена Сизова. Спасибо за сына. – Гвардия России. Октябрь 2003 г. № 8 (13). || <http://www.rsva.ru/print/index.shtml?page=137>.

¹²⁴ <http://www.regnum.ru/news/409845.html>.

¹²⁵ Гвардейцы из Каменки. – Санкт-Петербургские Ведомости. 18 сентября 2001 г. № 168 (2558).

¹²⁶ <http://www.polit-nn.ru/?pt=news&view=single&id=41395>.

¹²⁷ Сайт «Правда» <http://news.pravda.ru/volga/2001/05/05/25693.html>; Информационное агентство «НИА – Нижний Новгород». || <http://www.niann.ru/?id=56993>.

451 полк оперативного назначения (в/ч 3219, г. Лабинск Краснодарского края, из состава 2-й дивизии оперативного назначения Внутренних войск (ДОН-2); командир дивизии полковник **Андрей Ползиков** непосредственно командовал соединением в Чечне¹²⁸¹²⁹.

66 полк оперативного назначения (в/ч 3703, г. Краснодар, из состава 2-й дивизии оперативного назначения Внутренних войск (ДОН-2))¹³⁰.

ОСОБЫЙ РАЙОН «ГОРОД ГРОЗНЫЙ»

Командующий:

генерал-лейтенант **Владимир Васильевич Булгаков**¹³¹

Заместитель командующего от Внутренних войск МВД России:

генерал-майор **Иван Ивлев**¹³²

Состав:

Западное штурмовое направление

Старший оперативного (штурмового) направления «Запад» группировки особого района «Г. Грозный» – полковник **Сергей Анатольевич Наседко**¹³³.

674 полк оперативного назначения СКО ВВ МВД России (в/ч 3737, г. Моздок)¹³⁴. Командир – полковник **Сергей Анатольевич Наседко**¹³⁵ (1-й батальон, штурмовой отряд № 1).

276 мотострелковый полк (из состава 34 мотострелковой дивизии, УрВО, г. Екатеринбург)¹³⁶. Командир – полковник **Валерий Никитин**¹³⁷.

205 отдельная мотострелковая бригада (из состава 58-й армии, г. Буденновск)¹³⁸. Командиры: в 1999 г. – полковник **Сергей Валентинович Мишанин**, с 2000 г. (точная дата не установлена) – полковник (позднее – генерал-майор) **Сергей Загитович Тулин**¹³⁹. Начальник штаба – полковник **Сергей Ствол**¹⁴⁰.

21 отдельная бригада оперативного назначения Внутренних войск («Софринская»; в/ч 3641, Московская обл., Пушкинский р-н., пос. Софрино). Командир – полковник **Геннадий Фоменко**¹⁴¹.

Танковая рота 93 механизированного полка Внутренних войск МВД (придана 21 отдельной бригаде оперативного назначения ВВ МВД).

330 отдельный батальон оперативного назначения Кировской дивизии внутренних войск (в/ч 7487¹⁴²).

По состоянию на момент штурма Грозного сведений о командире полка не выявлено. По состоянию на 27 февраля 2003 г. им являлся Вячеслав Васильевич Остапенко¹⁴³.

242 гвардейский мотострелковый Залещинский полк (из состава 20 гвардейской мотострелковой дивизии 8 гвардейского армейского корпуса¹⁴⁴). По состоянию на момент штурма Грозного сведений о командире полка не выявлено. По состоянию на 2002 г. Командир – полковник **Сергей Чепусов** (в 2004 – преподаватель Академии генштаба)¹⁴⁵.

¹²⁸ Трошев. Глава 8; Роман Илющенко. Офицеры. – Журнал «Русский дом». Февраль 2007 г. № 2.

¹²⁹ <http://www.soldat.ru/forum/?gb=3&action=prn&thread=1169192357>.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Илья Булавинов. Победу отдали генералу Булгакову. – Коммерсант. 29 февраля 2000 г. № 34 (1919); Олег Одноколенко. Минобороны «разводит» генералов. – Сегодня. 1 апреля 2000 г.; Юрий Гладкевич. (АВН). Победа за горами. – Профиль. 14 февраля 2000 г. № 5 (177); Генерал-лейтенант Владимир Булгаков. – Грани.ру. || http://www.zeka.ru/chechnya_mil/facts/bulgakov/; Полковник Журавель В. П. Грозный. особый район. || http://www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.02.01_GroznySpecDistrict.htm.

¹³² Ситуация вокруг Чечни «очень напоминает 1994 год». – Газета.ру. 7 июля 1999 г. 15:04:35. || gazeta.lenta.ru/07-07-1999.htm; Борис Карпов. Александр Лебедев. Тяжелые звезды командующего. Герой Российской Федерации генерал-полковник Паньков Михаил Анатольевич. – сб. Звезды мужества. Автор-составитель Сергей Колесников. || http://bratishka.ru/zal/1_16.php.

¹³³ «Мы открыты для диалога». Интервью заместителя командующего группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона по работе с личным составом полковника Валерия Журавеля. – Ситуация. Март 2000 г. || www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.03.01_WeOpen4Dialog.htm.

¹³⁴ Война в Чечне. Федеральные силы. Потери в войне 1994-96 гг. № 594. Тарариев Е. Н. || www.chechnya.genstab.ru%2Frussian_kia%2n.htm&text=%E2%2F%F7%203737.

¹³⁵ Ирина Моргулес. Вблизи войны. – Вечерний Челябинск. 30 ноября 1999 г. || www.chelpress.ru/newspapers/vecherka/archive/30-11-1999/3/1.DOC.shtml; Ирина Моргулес. Записки обжоры. – Уральская новь. 2002 г. № 12. || <http://magazines.russ.ru/urnov/2002/12/mor.html>.

¹³⁶ Трошев. Глава 8; Война в Чечне – федеральные силы. || <http://www.chechnya.genstab.ru/russian%276.htm>.

¹³⁷ Амиров А. Операция «Колонна». – Ветеран Афганистана. Общественно-политическая газета свердловского областного отделения ветеранов Афганистана. Декабрь 1999 г. № 12 (91).

¹³⁸ <http://chechnya.genstab.ru/russian%205.htm>.

¹³⁹ Василий Фатигаров. Военком «десантной области». – Красная звезда. 4 июня 2004 г.; Облвоенком Сергей Тулин. – Интернет-портал «Образование в Сибири». || <http://www.vuz-sib.ru/index.php?id=34>.

¹⁴⁰ «Мы открыты для диалога». Интервью заместителя командующего группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона по работе с личным составом полковника Валерия Журавеля. – Ситуация. Март 2000 г. || www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.03.01_WeOpen4Dialog.htm.

¹⁴¹ Борис Карпов. Комбриг софринцев. – Красная звезда. 29 декабря 2001 г.

¹⁴² Александр Широков. Батальон сменил форму. – Вятский край. 5 августа 2006 г. || <http://www.vk-smi.ru/2006/avg06/vkaug060401.htm>.

¹⁴³ Состав Кировского регионального совета спортивного общества «Динамо». || <http://www.dinamo.kirov.ru/region-list.htm>.

¹⁴⁴ <http://www.chechnya.genstab.ru/russian242.htm>.

¹⁴⁵ Генералы и полковники 8 корпуса. || <http://sold.vlink.ru/colonels.htm>; Официальный сайт Министерства обороны. Сибирский военный округ. Историческая справка. || <http://www.mil.ru/848/1045/1272/1365/1367/8819/index.shtml>; Константин Расцепкин. Кузница стратегов. – Красная звезда. 27 апреля 2004 г.

Отряды (паравоенные формирования) *пророссийской чеченской милиции*). Командир — *Бислан Гантемиров*¹⁴⁶.

Северное штурмовое направление:

Старший оперативного (штурмового) направления «Север» группировки особого района «г. Грозный» — полковник *Игорь Сергеевич Груднов*¹⁴⁷.

22 отдельная бригада оперативного назначения Внутренних войск МВД России (в/ч 3642, г. Калач-на-Дону Волгоградской области)¹⁴⁸. Командир — полковник *Владимир Алексеевич Керский*¹⁴⁹.

255 мотострелковый Волгоградско-Корсуньский полк (8 гвардейский армейский корпус, г. Волгоград)¹⁵⁰.

423 гвардейский Ямпольский мотострелковый полк¹⁵¹ (из состава 4 гвардейской Кантемировской танковой дивизии МВО, г. Наро-Фоминск Московской области)¹⁵².

504 мотострелковый полк¹⁵³.

8 отдельная бригада оперативного назначения Внутренних войск МВД России (в/ч 7323¹⁵⁴, из состава 54 дивизии оперативного назначения ВВ МВД России)¹⁵⁵.

Восточное штурмовое направление:

Старший оперативного (штурмового) направления «Восток» группировки особого района «г. Грозный» — полковник *Евгений Викторович Кукарин* (офицер Главного командования ВВ МВД России, командирован в Дагестан не позднее весны 1999 г., заместитель командира отряда специального назначения «Рысь» ГУБОП СКМ МВД РФ)¹⁵⁶.

Заместитель старшего оперативного направления «Восток» по милиции — полковник *Николай Андреевич Зайцев*¹⁵⁷ (командир мобильного отряда МВД РФ по обеспечению правопорядка в Республике Дагестан и Чеченской Республике).

506 мотострелковый полк (в/ч 21617¹⁵⁸, из состава 27-й гвардейской мотострелковой дивизии, Уральский военный округ, с. Тоцкое Оренбургской области)¹⁵⁹). Командир — полковник *Евгений Гусев*¹⁶⁰ (штурмовые отряды № 4,5).

33 оперативная бригада ВВ МВД России (в/ч 3526¹⁶¹ Северо-западный округ ВВ, пос. Лебяжье¹⁶²). Командир — полковник *Павел Тишков*, исполняющий обязанности командира — полковник *Никольский*¹⁶³.

245 гвардейский мотострелковый полк (из состава 3-й гвардейской Висленской мотострелковой дивизии, пос. Мулино Нижегородской области). Командир — полковник *Сергей Сергеевич Юдин*. Начальник штаба — подполковник *Александр Лихачев*¹⁶⁴.

1-й мотострелковый полк (из состава 2-й мотострелковой Таманской дивизии). Командир — *полковник А. В. Дворников*¹⁶⁵

674 полк оперативного назначения СКО ВВ МВД России (в/ч 3737, г. Моздок)¹⁶⁶. Командир — полковник *Сергей Анатольевич Наседко*¹⁶⁷.

¹⁴⁶ http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд_chech.htm.

¹⁴⁷ Герой Российской Федерации полковник Игорь Груднов. — Официальный сайт Внутренних войск МВД России. || www.vvmvd.ru/heroes/heroesru/heroesru_25html; см. также: http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд22.htm.

¹⁴⁸ Сегодня 22-я отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск МВД, отмечает День части. Радио Вело. — Сообщение от 30 сентября 2005 г. || http://www.vedo.ru/news/the_new/?id=8723&d=30&m=9&y=2005.

¹⁴⁹ Юрий Котенок. Крепостные дети войны. — Журнал «Индекс». 2000 г. № 10. || <http://index.org.ru/journal/10/kotenok.html>; Вадим Удманцев. Учень кровавый опыт. — Независимое военное обозрение. 26 мая 2000 г. № 18.

¹⁵⁰ И. Г. На острие штурма Грозного. || <http://sold.vlink.ru/255.htm>.

¹⁵¹ Трошев. Глава 8; Олег Фаличев. Невзгодам вопреки. — Красная звезда. 14 марта 2001 г.

¹⁵² Муниципалитет внутригородского муниципального образования «Старое Крюково». Официальный сайт. || <http://www.staroe-krukovo.ru/home/index/230>.

¹⁵³ Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/text_0050.shtml.

¹⁵⁴ ЕСПЧ. «Лианова и Алиева против России»/решение о приемлемости по жалобам № 12713/02 и 28440/03 от 28 июня 2007 года.

¹⁵⁵ По материалам: http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд8.htm.

¹⁵⁶ Полковник Журавель В. П. Грозный. Особый район (Хроника действий частей и подразделений внутренних войск в ходе специальной операции по освобождению столицы Чечни от незаконных вооруженных формирований. Декабрь 1999 — февраль 2000 г.). || http://www.zhuravelvr.ru/Articles/article.php?2000.02.01_GroznySpecDistrict.htm; Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/text_0050.shtml.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Губернатор Алексей Чернышев поздравил личный состав 506 гвардейского Познанского Краснознаменного ордена Суворова III мотострелкового полка с 64-ой годовщиной со дня образования полка (2 июня). — Оренбургские новости. || <http://news.orenburg-cci.ru/face/news/?&id=10007286>.

¹⁵⁹ <http://www.chechnya.genstab.ru/russian506.htm>.

¹⁶⁰ Елена Сизова. Спасибо за сына. — Гвардия России. Октябрь 2003 г. № 8 (13). || <http://www.rsva.ru/print/index.shtml?page=137>.

¹⁶¹ Письмо Мулина П. Р. в редакцию телепередачи «Жди меня». || <http://war.parma.ru:8101/>.

¹⁶² Пресс-центр правительства Ленинградской области. || <http://www.lenobl.ru/presscentre/announce?¬pl=1&id=23835>.

¹⁶³ Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/text_0050.shtml.

¹⁶⁴ Константин Расщепкин. Зеленые пики полковника Юдина. — Красная звезда. 4 декабря 2004 г.

¹⁶⁵ Александр Хроленко. Пионер. — Красная звезда. 22 апреля 2006 г.

¹⁶⁶ Война в Чечне. Федеральные силы. Потери в войне 1994-96 гг. № 594. Тарариев Е. Н. || www.chechnya.genstab.ru%2Frussian_kia2n.htm&text=%E2%2F%7%203737.

¹⁶⁷ Ирина Моргулес. Вблизи войны. — Вечерний Челябинск. 30 ноября 1999 г. || www.chelpress.ru/newspapers/vecherka/archive/30-11-1999/3/1.DOC.shtml; Ирина Моргулес. Записки обжоры. — Уральская новь. 2002 г. № 12. || <http://magazines.russ.ru/urnov/2002/12/mor.html>.

101 отдельная бригада Внутренних войск МВД России (Ставрополь, расформирована 21 июня 2000 г.¹⁶⁸). Командир — полковник Евгений Зубарев¹⁶⁹.

ОМОН Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Командир — полковник Виктор Дмитриевич Кабацкий¹⁷⁰.

Мобильный отряд МВД РФ по обеспечению правопорядка в Республике Дагестан и Чеченской Республике (ОМОН и СОБР ГУВД Приморского края, ГУВД Амурского края, ГУВД Пермского края и ГУВД Красноярского края). Командир — полковник Николай Андреевич Зайцев¹⁷¹.

Южное направление:

15 мотострелковый полк (в/ч 73881, из состава 2-й мотострелковой Таманской дивизии). Осуществлял блокирование города со стороны Заводского района и штурм Черноречья. Данных о переходе в подчинение ОГ «Особый район г. Грозный» нет; возможно, продолжал подчиняться командованию ОГ «Запад»¹⁷². Командир — полковник Сергей Алексеевич Лукашов¹⁷³.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА «ЦЕНТР»

Командующий:

генерал-лейтенант *Владимир Васильевич Булгаков¹⁷⁴*

Состав (сведения, содержащиеся в открытых источниках, крайне отрывочны):

31 отдельная десантно-штурмовая бригада. В период с 1993 по 2000 год Командир — гвардии генерал-майор Вадим Иванович Орлов, с 2000 по 2002 Командир — гвардии полковник Сергей Евгеньевич Капустин¹⁷⁵.

1-й мотострелковый полк (из состава 2-й мотострелковой Таманской дивизии). Командир — полковник А. В. Дворников¹⁷⁶

15 мотострелковый полк (из состава 2-й мотострелковой Таманской дивизии)¹⁷⁷. Командир — полковник Сергей Алексеевич Лукашов¹⁷⁸. По состоянию на май 2000 г. командир полка — полковник Владимир Юрковский¹⁷⁹.

Снайперы из подразделений Министерства юстиции РФ¹⁸⁰.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА «ЮГ»

Командующий:

генерал-лейтенант *Мухридин Ашуров¹⁸¹* (скончался 26 июля 2007 года)¹⁸²

¹⁶⁸ В Ставропольском крае принято решение о расформировании 101-й бригады внутренних войск. — ИЦ «Северный Кавказ». Ставрополь, 21 июня 2000 г., 14:23. || <http://old.cry.ru/text.shtml?200006/20000621142341.inc>.

¹⁶⁹ Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/poskow_w_n/text_0050.shtml; 46-я бригада оперативного назначения внутренних войск МВД будет размещена в Чечне. — Информационное агентство «REGIONS.RU». Россия. Регионы. Ростов-на-Дону. || http://scripts.online.ru/misc/newsreg/00/07/14_120.htm.

¹⁷⁰ Официальный портал администрации Санкт-Петербурга. || <http://www.gov.spb.ru/iss?boss&boss=705054307>; Деловые новости. 21 января 2000 г. Выпуск №2. || <http://www.chelpress.ru/LANG=ru/newspapers/rbc/archive/21-02-2000/H2102345.html.ru>; Андрей Мухин. ОМОН: возвращение домой откладывается. || <http://pressa.spb.ru/newspapers/nevrem/arts/nevrem-2054-art-5.html>; Михали Буренин. Валерия Брангинская. Долг выполняли с честью. — Невское время. 11 ноября 2003 г. || <http://nv.vspb.ru/cgi-bin/pl/nv.pl?art=162230760&print>; В Петербурге пройдет гала-концерт памяти погибших в Чечне. 14 июля 2000 г. || <http://www.wn.ru/music/14.07.2000/6.html>.

¹⁷¹ Виталий Носков. Штурм Грозного-2. Мы вас будем сметать огнем. — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/n/poskow_w_n/text_0050.shtml; Олег Кусов. Начинается спецоперация по освобождению Грозного. — Радио Свобода. Liberty Live. 25 декабря 1999 г.; Федор Гуко. Признательность Пермскому ОМОНу. — «Газета «Владивосток». 17 марта 2000 г. № 754; Командир Мобильного отряда МВД РФ благодарит губернатора Свердловской области за высокий уровень подготовки сотрудников ОМОН. — ПФС. Свердловск, 11 апреля 2000 г., 14.52. || http://old.cry.ru/text_print.shtml?200004/20000411145244.inc; Сегодня Отечество чествует своих лучших защитников. Золотая звезда украсила грудь Президента регионального отделения Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, генерал-майора Николая Зайцева. — Регион-44. 22 февраля 2007 г.; Николай Андреевич Зайцев. — Костромской хроноскоп. Январь. // Некоммерческая организация «Фонд 400-летия дома Романовых». || <http://www.romanov-kostroma400.ru/index.php?idw=chrono&ext=php&m=1&d=20>.

¹⁷² Антон Маньшин. Другая война. — Сайт Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. || <http://www.pobeda.ru/content/view/182/95/>.

¹⁷³ См. К 60-летию Таманской дивизии. — Российская газета. || http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid/770.htm; Роман Бойков. Возвращение. — Красная Звезда. 30 марта 2001 г.

¹⁷⁴ Илья Булавинов. Победу отдали генералу Булгакову. — Коммерсант. 29 февраля 2000 г. № 34 (1919); Олег Одноколенко. Минобороны «разводит» генералов. — Сегодня. 1 апреля 2000 г.; Юрий Гладкевич (АВН). Победа за горами. — Профиль. 14 февраля 2000 г. № 5 (177); Генерал-лейтенант Владимир Булгаков. Грани.ру. || http://www.zeka.ru/chechnya_mil/facts/bulgakov/; Полковник Журавель В. П. Грозный. Особый район. || http://www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.02.01_GroznySpecDistrict.htm.

¹⁷⁵ Сайт «Братишка». || <http://bratishka.ru/specnaz/vdv/5.php>.

¹⁷⁶ Александр Хроленко. Пионер. — Красная звезда. 22 апреля 2006 г.

¹⁷⁷ Антон Маньшин. Другая война. — Сайт Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. || <http://www.pobeda.ru/content/view/182/95/>; Андрей Полинский. Не имеющий права молчать. — Газета «Русичи». || http://www.rusichi.net/gazeta/70/70_4.htm.

¹⁷⁸ См. К 60-летию Таманской дивизии. — Российская газета. || http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid/770.htm; Роман Бойков. Возвращение. — Красная Звезда. 30 марта 2001 г.

¹⁷⁹ Татьяна Вольская. Армия на дне. — Новая газета. 10-16 декабря 2000 г. № 90.; Сергей Турченко. Броня крепка, и танки наши быстры. — Труд. 22 февраля 2002 г. № 033. || <http://www.trud.ru/issue/article.php?id=20020220330201>.

¹⁸⁰ Трошев. Глава 9.

¹⁸¹ «Аргунский десант». || www.airborne.ru/print.php?sid=93.

¹⁸² Мухридин Ашуров. Некролог. — Красная звезда. 28 июля 2007 г.

Заместитель командующего (начальник штаба):

декабрь 1999 — январь 2000 г. — полковник **Арам Ервандович Акопян**¹⁸³

Состав:

56 десантно-штурмовой полк (г. Камышин Волгоградской области, в оперативном подчинении 20-й мотострелковой дивизии)¹⁸⁴. Командир полка — **Андрей Владимирович Холзаков**¹⁸⁵.

327-й отдельный реактивный артиллерийский дивизион (из состава 205 отдельной мотострелковой бригады)¹⁸⁶.

Погранвойска: Итум-Калинский погранотряд. Командир — полковник **Иван Николаевич Агеенко**¹⁸⁷.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА (НАПРАВЛЕНИЕ) «ВЫСОКОГОРНАЯ»

Командующий:

генерал **Александр Иванович Ларченко**¹⁸⁸

Состав:

136 отдельная мотострелковая бригада (г. Буйнакск, в составе 42 армейского корпуса), Командир — генерал **Г. Элиадзе**¹⁸⁹.

Батальоны морской пехоты (собраны из Североморска, Каспийска, Дальнего Востока, Севастополя)¹⁹⁰. Командир — командующий береговыми частями Северного флота РФ, командующий силами морской пехоты в Чечне генерал-майор **Александр Иванович Отраковский** (умер 6 марта 2000 г. в Ведено)¹⁹¹.

234 парашютно-десантный полк (из состава 76 десантно-штурмовой дивизии)¹⁹². Командир — полковник **Геворг Анушаванович Исханян**¹⁹³.

54 отдельный парашютно-десантный батальон (из состава 31-й Ульяновской отдельной бригады ВДВ)¹⁹⁴.

28 апреля 2000 г. министр обороны РФ маршал Игорь Сергеев доложил избранному президенту РФ Владимиру Путину о завершении формирования **42-й мотострелковой дивизии** Вооруженных сил РФ (в/ч 27777¹⁹⁵, позднее присвоено наименование гвардейской Евпаторийской), с постоянным местом дислокации на территории Чечни. Подразделения данного соединения были размещены на постоянной основе в станице Калиновская, райцентрах Итум-Кале, Шали и в Ханкале (здесь расположился штаб). В состав дивизии входят 70-й (Шали), 71-й (Ханкала), 72-й (Калиновская) и 291-й (штаб — Борзой, батальоны — Ханкала, др. населенные пункты) полки¹⁹⁶. Численность дивизии — около 15 тыс. военнослужащих. В ее комплектовании участвовали практически все военные округа. Инфраструктура дивизии была сформирована к концу 2000 года¹⁹⁷. К 2006 г. численность соединения достигла 18 тысяч человек¹⁹⁸. Командиром дивизии был назначен гвардии полковник **Владимир Валентинович Чиркин**¹⁹⁹. В 2002 г. на этой должности его сменил генерал-майор **Олег Леонтьевич Мака-**

¹⁸³ Сергей Прыганов. Арам Акопян, настоящий полковник. — Газета «Южный федеральный». 6-13 декабря 2005. № 46 (221). || <http://www.u-f.ru/article.php?n=89&id=625>.

¹⁸⁴ По материалам: http://chechnya.genstab.ru/russian_mvд.htm и <http://www.rusk.ru/st.php?idar=200555>.

¹⁸⁵ По материалам: <http://chechnya.genstab.ru/russian56vдv.htm>; Александр Иванов. На рубежах былых сражений. — Учительская газета. № 47 (9972). 18 ноября 2003 г. || <http://www.ug.ru/issue/?action=topic&toid=2545>.

¹⁸⁶ <http://www.chechnya.genstab.ru/russian327art.htm>.

¹⁸⁷ Александр Рябушев, Илья Максаков. Еще восемь групп боевиков готовы вторгнуться в Чечню. — Независимая газета. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/010629/ng0629a.htm>; «Лица России». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=255010&ar3=6>.

¹⁸⁸ Сергей Петухов. Победа близко — за горами. — Эксперт онлайн. || www.expert.ru/printissues/expert/2000/05/05ex-chechnya9/print.

¹⁸⁹ Сергей Петухов. Война в горах дело тонкое. — Огонек. 2000 г. № 7.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Трошев. Глава 8; В Северноморске сегодня пройдут похороны командующего силами морской пехоты в Чечне генерала А. Отраковского. — РБК. Североморск. 10 марта 2000 г., 12:05. || <http://old.cry.ru/text.shtml?200003/20000310120554.inc>.

¹⁹² <http://news.pskovonline.ru/new/82-goda-otmechaet-234-i-parashjutno-desantnyi-polк-pskovskoi-divizii/>.

¹⁹³ Сергей Петухов. Война в горах дело тонкое. — Огонек. 2000 г. № 7; А. Амиров. Операция «Колонна». — Ветеран Афганистана. Общественно-политическая газета свердловского областного отделения ветеранов Афганистана. Декабрь 1999 г. № 12 (91); Сайт Уральской региональной общественной организации по развитию связей с земляками. Военная энциклопедия. || http://www.urcountry.ru/vojennaya_jenciklopediya/page2/.

¹⁹⁴ Сергей Петухов. Война в горах дело тонкое. — Огонек. 2000 г. № 7.

¹⁹⁵ Официальный сайт Министерства обороны РФ; газета «Гвардейская слава». || <http://www.old.mil.ru/articles/article12730.shtml>; Также см. текст: Ишу сослуживца (в ед. числе) Виригин Алексей, служили в Чеченской республике, моя в/ч 27777 (42 гв. мотострелковая дивизия). Он служил в в/ч 53518 (не точно), но точно знаю что расшифровывалась часть 50 об РХБЗ (отдельный батальон радиационно-, химическо-, биологической защиты), на какой должности не знаю, но непосредственно исполнял обязанности писарем в штабе (был прикомандирован) в/ч 27777, той самой 42 дивизии в «отделении службы войск». Я был призван в июне 2001 года, а он следующим призывом, т.е. осень 2001 года. || <http://poisk.vid.ru/?p=10&code=3B566CBE-BE97-467D-91AC-F2107F42D337>.

¹⁹⁶ Военная реформа. Оборона и международная безопасность. — Информационный бюллетень. № 18. Январь-март 2005 г. || http://www.yabloko.ru/Themes/Defence/2005/OMB2005_18/bullomb18_004.html; В Чечне четверо военнослужащих погибли и четверо ранены из 291-го полка 42-й мотострелковой дивизии. — Уралпресс. Новости. 26 января 2004 г. || <http://uralpress.ru/art51356.htm>

¹⁹⁷ Владимир Мухин. В Чечне сформирована 42-я мотострелковая дивизия. — Независимая Газета. 29 апреля 2000 г.

¹⁹⁸ Андрей Филиппчук. 42-я: пять лет в Чечне. — Красная звезда. 16 апреля 2005 г. || http://www.redstar.ru/2005/04/16_04/2_01.html.

¹⁹⁹ Наиль Гафтуллин. Офицерский корпус — опора государства. — Красная звезда. 20 января 2001 г.; Александр Веклич. Главная задача — безопасность юга России. — Красная Звезда. 17 октября 2000 г.; Чиркин Владимир Валентинович. — Центр «Панорама». База данных «Лабиринт». || <http://www.labyrinth.ru/content/card.asp?cardid=57574>.

*ревич*²⁰⁰. С июня 2004 г. по конец 2005 г. командиром дивизии являлся генерал-майор *Сергей Владимирович Суровикин*²⁰¹, не позднее, чем с мая 2006 г. эту должность занимает генерал-майор Сергей Михайлович Миненков²⁰².

К маю 2000 г. в структуре ОГВ (с) была сформирована мощная группировка сил специального назначения: групп «Альфа» и «Вымпел» ЦСН ФСБ, подразделений ГРУ, МВД, Минюста и ВВ. Эта группировка находилась в подчинении заместителя командующего ОГВ (с) по специальным операциям²⁰³.

К концу рассматриваемого нами этапа, когда в республике уже в полную силу полыхал огонь партизанской войны, система крупных войсковых группировок стала неэффективной. В декабре 2000 г. на территории главной военной базы федеральных сил «Ханкала» прошло несколько организационных совещаний, в которых приняли участие начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Анатолий Квашнин, министр по ЧР Владимир Елагин, полпред Президента РФ в ЮФО Виктор Казанцев, командующий ОГВ (с) генерал-лейтенант Валерий Баранов, глава пророссийской администрации ЧР Ахмат Кадыров и другие представители военного командования и гражданской администрации. Итогами этих совещаний поделился с армейской прессой Квашнин. По его словам, было принято решение существенно реорганизовать внутреннюю структуру группировки: по всей Чечне, в том числе и в ее горной части, сформировать небольшие гарнизоны, в состав которых будут входить местные правоохранительные органы, подразделения Внутренних войск МВД РФ и сотрудники милиции из других областей и краев России. В каждом районе предполагалось создать оперативный штаб, в состав которого должны были войти начальники РОВД (как временных, так и постоянных), районные отделы ФСБ и командиры армейских частей, дислоцированных на данной территории. Руководителями этих штабов должны были стать коменданты районов. При штабах планировалось создать «специализированные для оперативно-розыскной, адресной работы по уничтожению боевиков». В связи с этим было объявлено о начале «нового этапа контртеррористической операции»²⁰⁴. И хотя через месяц была произведена кардинальная реорганизация структуры управления «КТО», связанная с передачей основных командных функций Федеральной службе безопасности (см. следующий раздел), фактические обстоятельства говорят о том, что основные положения итогов декабрьских совещаний в Ханкале были учтены и воплощены в жизнь²⁰⁵.

25.2.3. Третий этап (хронологические рамки: 22 января 2001 года – 1 сентября 2003 года)

Третий этап характеризуется переходом общего руководства военно-полицейской операцией в Чечне от Министерства обороны к Федеральной службе безопасности (в связи с чем реформируется состав Оперативного штаба) и усложнением структуры управления: между Оперативным штабом и командованием ОГВ (с) появляется новое ведомство – Региональный Оперативный штаб (далее – РОШ)²⁰⁶. В то же время на ОШ по-прежнему возлагается руководство ОГВ (с)²⁰⁷. Реформирование организационной структуры происходит в соответствии с указом Президента РФ Владимира Путина № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» от 22 января 2001 года²⁰⁸.

Все силы, принимающие участие в вооруженном конфликте, были разделены на две группы. Указ предписывает Генеральному штабу ВС РФ, МВД РФ, ФАПСИ, ФСБ РФ, ФПС РФ «выделить специальные силы и средства для непосредственного обнаружения и пресечения деятельности террористических организаций и групп, их лидеров и лиц, участвующих в организации и осуществлении террористических акций на территории Северо-Кавказского региона (далее именуются – специальные силы и средства)»²⁰⁹. Управление этими силами и средствами возложено на РОШ. Установлено, что все военнослужащие, сотрудники и специалисты, входящие в состав специальных сил, подчиняются руководителю РОШ, который принимает решение об использовании специальных сил и средств²¹⁰. Командующему ОГВ (с) предписывается выполнять указания РОШ «при решении возложенных на штаб задач и по его заявке выделять все необходимые силы и средства, в том числе силы материально-технического обеспечения»²¹¹.

²⁰⁰ Правительство Самарской области. Официальный сайт. || http://www.adm.samara.ru/news/news_site/21.01.2008/33139/.

²⁰¹ Андрей Пилипчук. 42-я: пять лет в Чечне. – Красная звезда. 16 апреля 2005 г. || http://www.redstar.ru/2005/04/16_04/2_01.html; Олег Пчелов. По заслугам и честь. – Красная звезда. 29 ноября 2005 г.

²⁰² Алексей Козаченко. 42-я покоя не знает. – Красная звезда. 24 мая 2006 г.

²⁰³ Спецназ России. – Энциклопедия. Сост. В. Степаков. – М., 2007, с. 24.

²⁰⁴ Андрей Пилипчук. Начинается новый этап контртеррористической операции в Чечне. – Красная звезда. 15 декабря 2000 г.

²⁰⁵ Так, ПЦ «Мемориал» сообщил: «Весной 2001 г. в [Курчалоевском] районе был создан «Оперативный штаб по улучшению общественно-политической ситуации», в который вошли военный комендант района, руководители районной администрации, начальники Временного отдела внутренних дел (ВОВД – здесь служат милиционеры, временно командированные в Чечню) и Районного управления внутренних дел (РУВД – здесь служат чеченские милиционеры). Несколько раз в месяц этот штаб проводил расширенные совещания, однако ситуация в районе не улучшилась». – «Зачистки» в Курчалоевском районе (июнь 2001). 30 июля 2001 г. ПЦ «Мемориал». || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

²⁰⁶ Указ Президента РФ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» № 1255 от 23.09.1999; п. 4.

²⁰⁷ Указ Президента РФ «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 61 от 21.01.2001 г., п. 3.

²⁰⁸ Указ Президента РФ «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 61 от 21.01.2001 г.

²⁰⁹ Там же, п. 7.

²¹⁰ Там же, п. 8.

²¹¹ Там же, п. 8.

Из текста Указа следует, что «специальные силы» и ОГВ (с) – разные группы формирований: первая находится в непосредственном подчинении руководителя РОШ, вторая – в непосредственном подчинении его заместителя – командующего ОГВ (с). При этом данные группы соотносятся друг с другом, как «сообщающиеся сосуды»: подразделения ОГВ (с) по заявке РОШ могут передаваться в состав специальных сил и переходить, таким образом, в подчинение руководителя РОШ.

Теперь общая структура ответственного командования строится по следующей схеме:

Первый уровень: Президент РФ (Верховный главнокомандующий) – Второй уровень: Оперативный штаб – Третий уровень: РОШ и подчиненные ему силы и средства – Четвертый уровень: командование ОГВ (с) – Пятый уровень: ОГВ (с).

ИЗМЕНЕНИЯ НА ВТОРОМ УРОВНЕ КОМАНДОВАНИЯ: ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ

Руководителем оперативного штаба является директор ФСБ РФ²¹² **Патрушев Николай Платонович**, в соответствии с законом подчиняющийся непосредственно Верховному Главнокомандующему – Президенту РФ.

Ему подчинены члены *Оперативного штаба*, которыми по должности являются²¹³:

– полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе: **Виктор Германович Казанцев**;

– министр МВД РФ: **Владимир Борисович Рушайло**, с 28.03.2001 – **Борис Вячеславович Грызлов**;

– министр РФ по делам ГО и ЧС: **Сергей Кужугетович Шойгу**;

– министр юстиции РФ: **Юрий Яковлевич Чайка**;

– генеральный директор ФАПСИ при Президенте РФ: **Владимир Георгиевич Матюхин**;

– директор ФПС РФ: **Константин Васильевич Тоцкий**;

– начальник генерального штаба ВС РФ – первый заместитель Министра обороны РФ: *генерал армии Анатолий Васильевич Квашинин*;

– первый заместитель директора ФСБ РФ: *генерал-полковник Владимир Егорович Проничев*;

– директор федеральной службы железнодорожных войск РФ – командующий железнодорожными войсками РФ: *генерал-полковник Григорий Иосифович Когатько*;

– начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ – заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ: *генерал-полковник Валентин Владимирович Корабельников*.

Как мы видим, Министр обороны РФ на этом этапе исключен из числа членов оперативного штаба; вооруженные силы теперь представлены начальником генштаба и главой армейской разведки.

ТРЕТИЙ (а) УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: РОШ

Для непосредственного руководства специальными силами и средствами, задействованными в КТО на территории Северо-Кавказского региона, создается Региональный оперативный штаб (РОШ), подчиненный Оперативному штабу²¹⁴.

Руководителем РОШ является заместитель директора – руководитель Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ РФ (сначала это был вице-адмирал **Герман Алексеевич Угрюмов** (умер 31.05.2001), затем – генерал-полковник **Анатолий Павлович Ежков**²¹⁵). По линии обычной служебной иерархии ФСБ и в соответствии с установленной данным приказом структурой *он подчиняется руководителю Оперативного штаба – директору ФСБ*.

Руководителю РОШ подчинены *постоянные члены РОШ* и *члены РОШ*.

Постоянными членами РОШ являются²¹⁶:

– *командующий ОГВ (с)* (он же *заместитель руководителя РОШ*): **Валерий Петрович Баранов**, с 5.10.2001 – генерал-лейтенант **Владимир Ильич Молтенской**²¹⁷, с 19.10.2002 – генерал-лейтенант **Сергей Афанасьевич Макаров**²¹⁸;

– заместитель Министра внутренних дел РФ;

– заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (он же военный комендант зоны безопасности Чеченской Республики, а после 4 октября 2002 г. – военный комендант Чеченской Респу-

²¹² Там же, п. 2.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же, п. 4

²¹⁵ Известия. Москва. 30 июля 2003 г. Хроника: «Вчера директор ФСБ Николай Патрушев и министр внутренних дел России Борис Грызлов представили на главной военной базе Ханкала нового начальника Регионального оперативного штаба (РОШ) по управлению контртеррористическими операциями на Северном Кавказе. На эту должность назначен замминистра внутренних дел Юрий Мальцев, который сменил генерал – полковника ФСБ Анатолия Ежкова. Патрушев и Грызлов заявили журналистам, что главной задачей РОШ в ближайшей перспективе является обеспечение безопасности и правопорядка в период подготовки и проведения выборов президента Чечни, назначенных на 5 октября». См. также: Ежков Анатолий Павлович, вице-президент по безопасности и связям с государственными органами ОАО «АК «Сибур» (Сибирско-Уральская нефтегазовая компания). || <http://lobbying.ru/persons.php?id=2880>.

²¹⁶ Указ Президента РФ «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 61 от 21.01.2001 г., п.6 (а).

²¹⁷ Молтенской сменил Баранова на посту Командующего Объединенной группировкой войск в Чечне. – Лента.ру. 5 октября 2001 г., 18:43:20. || <http://lenta.ru/vojna/2001/10/05/moltenской/>.

²¹⁸ Командующим ОГВ назначен генерал Макаров. – Телеканал «Россия». Вести.19.10.2003, 12:31. || <http://www.vesti.ru/doc.html?id=13195>.

блики): генерал-лейтенант **Иван Ильич Бабичев**, не позднее, чем с 16 июля 2001 г. — генерал-майор **Александр Третьяков**²¹⁹, со 2 августа 2001 года — генерал-майор **Сергей Николаевич Кизюн**²²⁰, с ноября 2001 г. ВРИО — начальник штаба главной военной комендатуры Чечни генерал-майор **Александр Третьяков**²²¹, с 15 февраля 2002 г. ВРИО — начальник штаба главной военной комендатуры Чечни, комендант Гудермесского района генерал-майор **Александр Павленко**²²², не позднее, чем с 26 октября 2002 г. — генерал-майор **Сергей Николаевич Кизюн**²²³, со 2 февраля 2003 ВРИО — генерал-лейтенант **Евгений Егорович Абрашин**²²⁴;

— заместитель командующего ОГВ (с) по специальным операциям: по состоянию на 30 октября 2002 — генерал-майор **Сергей Иванович Землянский**²²⁵;

— заместитель полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе;

— заместитель руководителя департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом — начальник Оперативно координационного управления ФСБ РФ по Северному Кавказу;

— начальник УФСБ по Чеченской Республике: с 19 февраля 2001 — генерал-лейтенант **Сергей Леонидович Бабкин**²²⁶, с апреля 2003 года — генерал-майор **Юрий Александрович Рожин**²²⁷.

Членами РОШ являются²²⁸:

— заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа по чрезвычайным ситуациям: с 27 февраля 2001 — **Владимир Ильич Молтенской**²²⁹;

— начальник подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации по Южному федеральному округу; с августа 2001 года — генерал-лейтенант **Михаил Мефодьевич Рудченко**²³⁰ (погиб 27 января 2002), далее исполнял обязанности полковник **Владимир Пономарев**, с 11 апреля 2002 — генерал-полковник **Михаил Анатольевич Паньков**²³¹;

— начальник Северо-Кавказского регионального центра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: генерал-лейтенант **Иван Михайлович Тетерин**²³²;

— начальник Управления Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации в Южном федеральном округе;

— начальник Главного управления Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации по Южному федеральному округу: с 9 октября 2001 — **Валерий Яковлевич Напалков**²³³;

— начальник Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы Российской Федерации: генерал-полковник **Евгений Васильевич Болховитин**, с декабря 2002 года исполнял обязанности генерал-лейтенант **Валерий Владимирович Путов**²³⁴;

— начальник Федерального управления Министерства юстиции Российской Федерации по Южному федеральному округу: **Юрий Игнатьевич Колесов**²³⁵;

²¹⁹ Военный комендант Чечни опроверг сообщения о закрытии въезда в Грозный. — 13:52. || <http://www.newsru.com/russia/16jul2001/rezim4.html>.

²²⁰ Главным военным комендантом Чечни стал генерал Кизюн. — Газета.ру. Новость часа. 02.08.2001, 13:47-14:51. || <http://www.gazeta.ru/2001/08/02/last26953.shtml>.

²²¹ Дмитрий Семенов. Назначен новый военный комендант Чечни. И снова — временный. — Страна.ру. 19 февраля 2002 г. || <http://old.strana.ru/stories/02/01/25/2406/114084.html>; Стенограмма встречи представителей неправительственных правозащитных организаций и представителей государственных органов власти Чеченской Республики (Чеченская Республика, с. Знаменское, 12.01.2002). || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm>.

²²² Дмитрий Семенов. Назначен новый военный комендант Чечни. И снова — временный. — Страна.ру. 19 февраля 2002 г. || <http://old.strana.ru/stories/02/01/25/2406/114084.html>; Новый военный комендант Чечни Александр Павленко приступил к выполнению обязанностей. — Информационный канал «Чеченская Республика». 15.02.2002, 13:24. || <http://kavkaz.strana.ru/news/112964.html>.

²²³ Комендант Чечни опроверг сообщения о «крупномасштабной операции» в Чечне. Подробности. — 26 октября 2002, 10:29. || <http://www.podrobnosti.ua/power/2002/10/26/39950.html>.

²²⁴ Евгений Абрашин назначен военным комендантом Чечни. — Грани.ру. 02.02.2003, 13.43. || <http://grani.ru/War/Chechnya/p.21569.html>; Назначен и.о. главного коменданта Чечни. — Коммерсант. 3 февраля 2003 г.

²²⁵ Вадим Речкалов. Возвращение Адама. В Чечне снова начались масштабные зачистки. — Известия. 30 октября 2002 г.

²²⁶ Бабкин Сергей Леонидович. — Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/babkin/>; Вадим Речкалов. Сергей Бабкин: «Мы живем здесь по тем же законам, что и ФСБ во всей России». — Известия. 8 декабря 2002 г.

²²⁷ Юрий Александрович Рожин, генерал-майор. — Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/rojin/>; Между боевиками-чеченцами и арабскими наемниками наметился серьезный раскол, считает начальник управления ФСБ по Чечне. — ИТАР-ТАСС. 26.08.2003; Этот же комментарий на официальном сайте ФСБ. || <http://www.fsb.ru/smi/ufsb/2003/030826-1.html>.

²²⁸ Указ Президента РФ «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 61 от 21.01.2001 г. п.6 (б).

²²⁹ Олег Хохлов. Генерал Молтенской уходит из Чечни на повышение в Москву. — Коммерсант. 26 сентября 2002 г. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/020926/20926k2.htm>.

²³⁰ Михаил Рудченко поменял климат. — Красноярск.ру. Информационный медиа-портал. 18:00 07.08 2001. || <http://www.yarsk.ru/news/?i=70348>.

²³¹ Сергей Кисин. Сибирский генерал возглавил юг России. — Коммерсант. 12 апреля 2002 г. № 64 (2433). || <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=318227&print=true>.

²³² Начались командно-штабные учения для проверки готовности областных служб к проведению противопаводковых мероприятий. — ИА «ВолгаИнформ». Волгоградская область. 17:49, 19.03.2002. || <http://www.volgainform.ru/expnews/26314/>.

²³³ Начальником Федеральной службы налоговой полиции России по Южному федеральному округу назначен Валерий Напалков. — REGIONS.RU. Новости федерации. Москва. 09.10.2001, 19:18.

²³⁴ Сергей Сокут. Михаил Ходаренок. Кавказских генералов «уходят». — Независимая газета. 22 декабря 2002 г. || http://www.ng.ru/politics/2002-12-27/3_kavkaz.html.

²³⁵ Юрий Игнатьевич Колесов. — Юридическая Россия. Федеральный портал. || <http://law.edu.ru/person/person.asp?persID=1218766>.

— командир войсковой части 22536 (Железнодорожный корпус, Волгоград²³⁶);
 — высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ: *Ростовская область — Владимир Федорович Чуб, Краснодарский край — Александр Николаевич Ткачев, Волгоградская область — Николай Кириллович Максютя, Астраханская область — Анатолий Петрович Гужвин, Ставропольский край — Александр Леонидович Черногоров, Республика Адыгея — Аслан Алиевич Джаримов, с 8.02.2002 — Хазрет Меджидович Совмен, Республика Ингушетия — Руслан Султанович Аушев, с 28.04.2002 — Мурат Магомедович Зязиков, Республика Северная Осетия — Алания — Александр Сергеевич Дзасохов, Республика Калмыкия — Кирсан Николаевич Илюмжинов, Республика Дагестан — Магомедали Магомедович Магомедов, Карачаево-Черкесская Республика — Владимир Магомедович Семенов, Кабардино-Балкарская Республика — Валерий Мухамедович Коков, Чеченская Республика — Ахмат Абдулхамидович Кадыров.*

Территориально РОШ неизменно располагался (и по сию пору располагается) на территории главной военной базы федеральных сил в Чечне, дислоцированной в поселке Ханкала (восточный пригород Грозного).

Завершить характеристику РОШ как структуры хочется оценкой полпреда Президента РФ в ЮФО Дмитрия Козака, которую он высказал на заседании Комиссии по координации федеральных органов исполнительной власти на Северном Кавказе в ноябре 2004 года: «В течение четырех лет функции Регионального оперативного штаба, его права и ответственности ничем не были регламентированы»²³⁷.

ТРЕТИЙ (б) УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: «СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ И СРЕДСТВА»

Как мы уже показали, на данном уровне структура ответственного командования разветвляется, так как РОШ непосредственно подчиняются «специальные силы и средства».

Терминология, использованная в Указе, проливает мало света на разграничение функций ОГВ (с) и «специальных сил и средств», так как «террористическими организациями и группами», для борьбы с которыми и были созданы эти «силы и средства», представители российской стороны неизменно именовали любые вооруженные формирования противника, а под «террористическими акциями» понимали любые нападения, в том числе и направленные на комбатантов и военные объекты. Кроме того, на основании текста Указа невозможно определить структуру соподчинения внутри самих «специальных сил и средств», а также их состав, который, как мы указывали выше, мог постоянно меняться путем временной передачи в их состав подразделений ОГВ (с).

ЧЕТВЕРТЫЙ УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: КОМАНДОВАНИЕ ОГВ (С)

Командующими ОГВ (С) в означенный период являлись: *Валерий Петрович Баранов, с 5.10.2001 — генерал-лейтенант Владимир Ильич Молтенской*²³⁸, *с 19.10.2002 — генерал-лейтенант Сергей Афанасьевич Макаров*²³⁹.

Хотя Указ президента № 61 ничего не говорит о структуре командования ОГВ (с), иные источники свидетельствуют, что на этом этапе она претерпела определенные изменения. Из текста Приказа командующего ОГВ (с) № 80 от 27 марта 2002 г. усматривается, что в подчинении командующего находились следующие заместители, обладающие существенными полномочиями по командованию войсками и силами:

— первый заместитель командующего ОГВ (с) от ВС РФ;
 — первый заместитель командующего ОГВ (с) — военный комендант Чеченской Республики: *генерал-лейтенант Иван Ильич Бабичев, со 2 августа 2001 года — генерал-майор Сергей Николаевич Кизюн*²⁴⁰, *со 2 февраля 2003 — генерал-лейтенант Евгений Егорович Абрашин*²⁴¹;
 — первый заместитель командующего от МВД РФ: *Владимир Александрович Воротников, с марта 2001 года — Искандер Галимзянович Галимов, с 19 декабря 2001 года — полковник Юрий Григорьевич Орленко*²⁴² *(погиб 27.01.2002 вместе со своим заместителем полковником милиции Юрием Степананеко*²⁴³*), далее — генерал-майор Виктор Ракитин*²⁴⁴, *с марта 2002 года — генерал-лейтенант Александр Сысов*²⁴⁵;

²³⁶ О порядке обеспечения жилыми помещениями в железнодорожных войсках Российской Федерации Приказ. Федеральная служба железнодорожных войск РФ. 5 сентября 2001 г. № 290 (Д). || http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_21940_DocumIsPrint_Page_1.html; Внедренные решения. — Справочник. Автоматизация бухгалтерского учета Воинской части № 22536 (Железнодорожный корпус). || <http://www.1c.ru/rus/partners/solutions/solution.jsp?SolutionID=55472>.

²³⁷ Андрей Солдатов, Ирина Бороган. Борьба с терроризмом: силовики не меняются. — Новая газета. № 95. 12 декабря 2005 г.

²³⁸ Молтенской сменил Баранова на посту Командующего Объединенной группировкой войск в Чечне. — Лента.ру. 05.10.2001, 18:43:20. || <http://lenta.ru/vojna/2001/10/05/moltenskoj/>.

²³⁹ Командующим ОГВ назначен генерал Макаров. — Телеканал «Россия». Вести. 19.10.2003, 12:31. || <http://www.vesti.ru/doc.html?id=13195>.

²⁴⁰ Главным военным комендантом Чечни стал генерал Кизюн. — Газета.ру. Новость часа. 02.08.2001, 13:47-14:51. || <http://www.gazeta.ru/2001/08/02/last^6953.shtml>.

²⁴¹ Евгений Абрашин назначен военным комендантом Чечни. — Грани.ру. 02.02.2003, 13.43. || <http://grani.ru/War/Chechnya/p.21569.html>.

²⁴² Заместитель начальника УВД полковник Юрий Орленко назначен руководителем группировки сил МВД в Чечне. — REGIONS.RU. // Новости Федерации. Приморский край. 19.12.2001, 10:46. || <http://www.regions.ru/news/681432/>.

²⁴³ Долгая дорога к миру и безопасности. — Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». № 7 (16). Июль 2007 г.

²⁴⁴ <http://www.kominet.ru:8101/news/?part=republi&n=1737>.

²⁴⁵ Чечня — наша работа. — Соб. инф. Ставропольская правда. 6 июня 2002 г. Также см.: Ставропольская правда. 28 марта 2003 г. и 8 февраля 2005 г.

- заместитель командующего ОГВ (с) по специальным операциям: *по состоянию на 30 октября 2002 – генерал-майор Сергей Иванович Землянский*²⁴⁶;
- заместитель командующего от ВОГ УВКР ФСБ в СКР (временной оперативной группировки Управления военной контрразведки Федеральной службы безопасности в Северо-Кавказском регионе);
- заместитель командующего от Минюста РФ;
- заместитель командующего от ВДВ;

Территориально штаб ОГВ (с) располагался (и до сих пор располагается) на территории главной военной базы федеральных сил в Чечне, дислоцированной в поселке Ханкала (восточный пригород Грозного).

ПЯТЫЙ УРОВЕНЬ КОМАНДОВАНИЯ: ОГВ (С)

Группировка состоит из частей и подразделений различной ведомственной принадлежности, как временно прикомандированных в Чечню и сопредельные регионы, так и дислоцированных в Чечне на постоянной основе. На постоянной основе в Чеченской Республике находятся сформированная к началу 2001 г. 42-я дивизия Министерства обороны и 46-я бригада внутренних войск МВД²⁴⁷. Продолжают существовать отдельные ОГ (например, «Высокогорная» («Горная») была расформирована только в начале 2006 г.²⁴⁸).

25.2.4. Четвертый этап (хронологические рамки: 1 сентября 2003 года – 6 марта 2006 года)

С 1 сентября 2003 года согласно Указу Президента РФ от 30 июня 2003 года № 715 руководство Оперативным штабом и «КТО» в целом формально перешло к Министерству Внутренних дел РФ. Одновременно функции по обеспечению правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики были возложены на МВД ЧР²⁴⁹. При этом Руководство РОШ, согласно тому же Указу, возлагалось на заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации уже с 1 июля 2003 года²⁵⁰.

На деле, однако, общее руководство «КТО» на уровне РОШ сохранила за собой ФСБ.

Сразу же после публикации Указа № 715 заместитель министра МВД России генерал-полковник милиции Иван Голубев сообщил, что создано специальное подразделение, которое будет обеспечивать работу Регионального оперативного штаба. «На сегодняшний день министр внутренних дел готов принять на себя ответственность за организацию работы Регионального оперативного штаба», – подчеркнул тогда Голубев. Первоначально руководство Региональным оперативным штабом, по решению министра внутренних дел Бориса Грызлова, было возложено на заместителя министра – начальника Главного управления МВД России по Южному федеральному округу генерал-полковника Михаила Панькова. Однако 31 июля 2003 г. было принято решение не отдавать руководство РОШ Министерству внутренних дел. Была реализована следующая схема: контр-адмирал Юрий Мальцев, до того руководивший Оперативным управлением ФСБ по координации проведения контртеррористических операций, был переведен в МВД на должность заместителя министра внутренних дел и в тот же день назначен руководителем РОШ. 12 сентября 2004 года у РОШ появился новый начальник и снова из ФСБ. Им стал Аркадий Леонидович Еделев, кадровый сотрудник ФСБ, возглавлявший Оперативно-координационное управление ФСБ по Северному Кавказу. Он был переведен в штат МВД, получил звание генерал-лейтенанта милиции, 16 сентября в Ханкале представлен офицерам и военнослужащим штаба и приступил к исполнению своих обязанностей. Указ о назначении Еделева был подписан 12 сентября 2004 года²⁵¹.

Согласно Указу вновь расширился состав членов Оперативного штаба. Теперь он приобрел следующую структуру:

Руководителем Оперативного штаба (второй уровень командования) является Министр внутренних дел РФ, в соответствии с законом подчиняющийся лично Президенту РФ, – **Борис Вячеславович Грызлов**, с 9.03.2004 – генерал армии **Рашид Гумарович Нургалиев**.

Ему подчинены *члены Оперативного штаба*, которыми по должности являются:

- полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе: **Виктор Германович Казанцев**, с 9.03.2004 г. – **Владимир Анатольевич Яковлев**, с 13.09.2004 г. – **Дмитрий Николаевич Козак**;
- заместитель секретаря Совета безопасности РФ: генерал-полковник **Валентин Алексеевич Соболев**;
- директор ФСБ РФ: **Николай Платонович Патрушев**;
- министр РФ по делам ГО и ЧС: **Сергей Кужугетович Шойгу**;
- министр юстиции РФ: **Юрий Яковлевич Чайка**;
- министр РФ, председатель Правительственной комиссии по вопросам восстановления социальной сферы и экономики ЧР: **Станислав Валентинович Ильясов** (24.02.2004 должность ликвидирована);

²⁴⁶ Вадим Речкалов. Возвращение Адама. В Чечне снова начались масштабные зачистки. – Известия. 30 октября 2002 г.

²⁴⁷ Бригада. Военное присутствие обозначается кровью. – Московский комсомолец. Копия на сайте ИА Чечня.ру. 20.09.2006. || http://www.chechnya.ru/view_all.php?part=hist&offset=1.

²⁴⁸ Алексей Козаченко. 42-я покоя не знает. – Красная звезда. 24 мая 2006 г.

²⁴⁹ Указ Президента РФ «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 715 от 30.06.2003 г./п. 1.

²⁵⁰ Там же, п. 2.

²⁵¹ Оперативный штаб Чеченской Республики по проведению контртеррористической операции. – Сайт Агентства.ру. || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/regions/rosh/>.

- начальник генерального штаба ВС РФ – первый заместитель министра обороны РФ: *Анатолий Васильевич Квашнин*, с июля 2004 года – *Юрий Николаевич Балувеский*;
 - директор Службы внешней разведки РФ: *генерал армии Сергей Николаевич Лебедев*;
 - первый заместитель директора ФСБ РФ – руководитель Пограничной службы: *генерал армии Владимир Егорович Проничев*;
 - заместитель директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации;
 - директор Федеральной службы железнодорожных войск РФ – командующий Железнодорожными войсками РФ: *Григорий Иосифович Когатъко*;
 - начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ – заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ: *генерал армии Валентин Владимирович Корабельников*;
 - руководитель Службы специальной связи и информации при Федеральной службе охраны Российской Федерации: *Юрий Павлович Корнев*;
 - заместитель Министра внутренних дел РФ – главнокомандующий внутренними войсками МВД РФ: *генерал армии Вячеслав Валентинович Тихомиров*, с августа 2004 года – *генерал-полковник Николай Евгеньевич Рогожкин*;
 - заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации²⁵².
- Расширился и состав РОШ (третий уровень командования); на этом этапе в его состав вошли все основные заместители командующего ОГВ (с).
- Постоянными членами РОШ стали²⁵³:
- командующий Объединенной группировкой (заместитель руководителя Регионального оперативного штаба): *генерал-полковник Валерий Петрович Баранов* (тяжело ранен 9 мая 2004 г.), в мае 2004 исполнял обязанности заместителя министра внутренних дел РФ *генерал-полковник Михаил Анатольевич Паньков*²⁵⁴, с июня 2004 года исполнял обязанности *генерал-лейтенант Вячеслав Александрович Додонов*, с 27.07.2005 – *генерал-лейтенант Евгений Павлович Лазебин*²⁵⁵;
 - заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа;
 - военный комендант Чеченской Республики: *генерал-лейтенант Евгений Егорович Абрашин*, с конца 2003 года – *генерал-майор Григорий Петрович Фоменко*, с 10.05.2004 до 1.09.2004 исполнял обязанности *Евгений Егорович Абрашин*²⁵⁶;
 - первый заместитель командующего Объединенной группировкой, назначаемый от МВД РФ: *генерал-лейтенант Олег Хотин* (до 28.11.2006)²⁵⁷;
 - заместитель командующего Объединенной группировкой по специальным операциям;
 - заместитель начальника Управления – начальник временной оперативной группы Управления военной контрразведки Федеральной службы безопасности Российской Федерации;
 - заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе;
 - начальник Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Чеченской Республике: *генерал-майор Юрий Александрович Рожин*²⁵⁸, с лета 2005 года – *генерал-майор Таймураз Алиханович Калоев*²⁵⁹;
 - начальник Оперативного управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по координации проведения контртеррористических операций;
 - Министр внутренних дел Чеченской Республики: *Алу Дадашевич Алханов*, с июня 2004 года – *Руслан Шахаевич Алханов*²⁶⁰.

²⁵² Указ Президента РФ «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 715 от 30.06.2003 г., п. 4.

²⁵³ Указ Президента РФ «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 715 от 30.06.2003 г., п. 4.

²⁵⁴ Генерал Баранов доставлен в Москву. – РИА Новости. Оборона и безопасность. 12.05.2004, 12:21.

²⁵⁵ Генерал-лейтенант Евгений Лазебин назначен командующим Объединенной группировкой. – ИТАР-ТАСС. 27.07.2005. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/07/m45359.htm>.

²⁵⁶ Фоменко Григорий. – Лентапедия. Лента.ру. || <http://www.lenta.ru/lib/14161701/>; Присвоены очередные воинские звания. – Внутренние войска МВД РФ, официальный сайт. 05.11.2004; Елена Жарникова. Оперативная обстановка будет напряженной. – Независимое военное обозрение. 14 мая 2004 г.; Временно исполняющим обязанности коменданта Чечни назначен Евгений Абрашин. – FLEXCOM.RU, 10.05.2004; Двое погибли и 44 человека ранены в результате взрыва в Грозном. – ИА «Regnum». 09.05.2004; Фоменко Григорий. – Панорама. База данных «Лабиринт».

²⁵⁷ Долгая дорога к миру и безопасности. – Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». № 7 (16). Июнь 2007 г.; Леонид Шифрин. Воронежское ГУВД возглавил враг чеченских боевиков № 199. – Газета «Моё». Воронеж. 28 ноября 2006 г. || <http://www.moe.kpv.ru/view/text.shtml? 21646>.

²⁵⁸ Юрий Александрович Рожин, генерал-майор. – Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/rojin/>.

²⁵⁹ Таймураз Калоев. – Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/kaloev/>; Калоев Таймураз Алиханович. Осетины. || <http://ossetians.com/rus/news.php? newsid=51&f=&PHPSESSID=f3a9ad6553600b8294fce9520778775d>.

²⁶⁰ Указом президента Руслан Алханов назначен главой МВД Чечни. – Независимая газета. 27 декабря 2004 г.

Кроме того, на правах «членов» в состав РОШ вошли²⁶¹:

– командующий войсками Северо-Кавказского военного округа: *генерал армии Владимир Анатольевич Болдырев*²⁶², с августа 2004 года – *генерал армии Александр Иванович Баранов*²⁶³.

– командующий войсками Северо-Кавказского округа внутренних войск МВД РФ: *генерал-полковник Михаил Иванович Лабунец*, с июля 2004 года – *генерал-лейтенант Евгений Михайлович Внуков*²⁶⁴;

– заместитель руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом – начальник Оперативно-координационного управления по Северному Кавказу Федеральной службы безопасности Российской Федерации (расформировано в феврале 2006 г.): с 9.02.2004 до лета 2005 г. – *генерал-майор Таймураз Алиханович Калоев*²⁶⁵.

– начальник Южного регионального центра Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: *генерал-лейтенант Иван Михайлович Тетерин*, с февраля 2005 года – *Сергей Иванович Кудинов*²⁶⁶;

– руководитель соответствующего подразделения Службы специальной связи и информации при Федеральной службе охраны Российской Федерации;

– начальник соответствующего подразделения Пограничной службы в Северо-Кавказском регионе;

– начальник Федерального управления Министерства юстиции Российской Федерации по Южному федеральному округу: *Юрий Игнатьевич Колесов*²⁶⁷.

– командир войсковой части 22536 (Железнодорожный корпус, г. Волгоград);

– высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ: *Ростовская область – Владимир Федорович Чуб, Краснодарский край – Александр Николаевич Ткачев, Волгоградская область – Максютя Николай Кириллович, Астраханская область – Гужвин Анатолий Петрович*, с 17.08.2004 – *Жилкин Александр Александрович, Ставропольский край – Черногоров Александр Леонидович, Республика Адыгея – Совмен Хазрет Меджидович, Республика Ингушетия – Зязиков Мурат Магомедович, Республика Северная Осетия-Алания – Дзасохов Александр Сергеевич*, с 7.06.2005 – *Мамсуров Таймураз Дзамбекович, Республика Калмыкия – Илюмжинов Кирсан Николаевич, Республика Дагестан – Магомедов Магомедали Магомедович, Карачаево-Черкесская Республика – Батдыев Мустафа Азрет-Алиевич, Кабардино-Балкарская Республика – Коков Валерий Мухамедович*, с 28.09.2005 – *Канокоев Арсен Баширович, Чеченская Республика – Кадыров Ахмат Абдулхамидович*, с 1.09.2004 – *Алханов Алу Дадашевич*.

В состав ОГВ (с) вошел первый заместитель командующего ОГВ (с) от МО. На январь 2006 г. эту должность занимал *генерал-лейтенант Анатолий Хрулёв*²⁶⁸.

25.2.5. Пятый этап (хронологические рамки: с 6 марта 2006 года)

Следующая реорганизация структуры управления «КТО» связана с принятием 6 марта 2006 года Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Президент РФ Владимир Путин в связи с этим 2 августа 2006 года подписал Указ № 832С «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов президента Российской Федерации по вопросам совершенствования управления контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона РФ».

Наиболее важными изменениями этого периода следует считать:

– создание Национального антитеррористического комитета (НАК) и в его составе – Федерального оперативного штаба;

– создание оперативных штабов в регионах Российской Федерации. Таким образом, на месте РОШ по Северо-Кавказскому региону возникло сразу несколько региональных оперативных штабов, включая оперативный штаб в Чеченской Республике;

– назначение на должность руководителя РОШ в ЧР заместителя Министра МВД РФ;

²⁶¹ Указ Президента РФ «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» № 715 от 30.06.2003 г., п. 4.

²⁶² Тюмень встретит командующего ПУрВО цветами и подарками. – 10:31.23.08.2004. || <http://www.newsprom.ru/news/109325710925229.shtml>.

²⁶³ Сергей Иванов представит нового командующего СКВО. – РИА-Новости. 17 августа 2004 г. 9:28. || http://rian.ru/defense_safety/20040817/655624.html.

²⁶⁴ Назначен командующий ВВ МВД на Северном Кавказе. – Газета.ру. 26.11.2004, 13.56. Со ссылкой на Интерфакс. || http://www.gazeta.ru/lenta/2004/11/26/news_203635.shtml.

²⁶⁵ Оперативно-координационное управление ФСБ по Северному Кавказу. – Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/fsb/structure/okusk/>; Начальник псковского УФСБ Т. Калоев переведен на Северный Кавказ. – Официальный сайт ФСБ. 9 февраля 2004 г. Со ссылкой на Интерфакс – Северо-Запад и группу общественных связей УФСБ по Псковской области. || <http://www.fsb.ru/smi/ufsb/2004/040209-5.html>.

²⁶⁶ У южно-российских спасателей – новый генерал. – Югмедиа. Медиагруппа «Южный регион». 02.02.05, 11:24. || http://www.yugmedia.ru/ne_3446793.

²⁶⁷ Юрий Игнатьевич Колесов. – Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. || <http://law.edu.ru/person/person.asp?persID=1218766>.

²⁶⁸ Василий Панченков. Бандподполье ждет тотальная зачистка. – Красная звезда. 12 января 2006 г.

– положение о том, что «общее руководство деятельностью оперативного штаба в Чеченской Республике и Объединенной группировки осуществляет Министр Внутренних дел Российской Федерации»²⁶⁹.

Положение о подчинении командующего группировкой руководителю РОШ в новой структуре сохранено.

Приложением № 3 к Указу № 832С был утвержден «Состав оперативного штаба в Чеченской Республике по должности»²⁷⁰.

25.3. ОРГАНЫ И СИЛЫ МВД РФ В СТРУКТУРЕ «КТО»

25.3.1. Внутренние войска МВД России

На первом и втором этапе эволюции системы управления «КТО» существовала такая самостоятельная структура, как группировка Внутренних войск МВД России в Северо-Кавказском регионе. Ею командовал заместитель командующего ОГВ (С) по внутренним войскам – командующий группировкой ВВ МВД РФ в Чечне (на территории Северо-Кавказского региона). Как уже было отмечено, с сентября 1999 г. и по меньшей мере до февраля 2000 г. им являлся первый заместитель командующего Внутренних войск МВД России генерал-лейтенант *Михаил Анатольевич Паньков*²⁷¹ (занимавший должность заместителя главнокомандующего Внутренних войск по чрезвычайным ситуациям, а затем – первого заместителя командующего ВВ²⁷²), затем – генерал-полковник *Михаил Иванович Лабунец*²⁷³, а с сентября 2000 г. – генерал-лейтенант *Евгений Егорович Абрашин*²⁷⁴ (совмещал эту должность с должностью первого заместителя командующего Северо-Кавказским округом ВВ). Заместителями командующего группировкой Внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона являлись: с сентября по меньшей мере до февраля 2000 г. – генерал-майор *Иван Ивлев*²⁷⁵, по состоянию на начало февраля 2000 г. – генерал-майор *Виктор Барсуков*²⁷⁶.

По состоянию на июль 2001 г. должность командующего группировкой Внутренних войск на Северном Кавказе занимал генерал-лейтенант *Вячеслав Додонов*²⁷⁷, а по состоянию на 21 ноября 2001 г. – генерал-лейтенант *Николай Гаридов*²⁷⁸. 2 февраля 2001 года указом Президента он был назначен первым заместителем главнокомандующего ВВ и также совмещал две должности²⁷⁹. Однако 27 января 2002 года он погиб вместе с другими офицерами МВД в сбитом противником вертолете Ми-8. Затем с какого-то момента должность заместителя командующего ОГВ (с) по Внутренним войскам занимал первый заместитель командую-

²⁶⁹ Указ Президента РФ № 832С от 02.08.2006 г. п. 3.

²⁷⁰ Согласно этому документу в состав РОШ по ЧР вошли: Заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации (руководитель штаба); Президент Чеченской Республики; Начальник Управления ФСБ России по Чеченской Республике (первый заместитель руководителя штаба); Командующий Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (заместитель руководителя штаба); Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа; Командующий войсками Северо-Кавказского округа внутренних войск МВД России; Первый заместитель командующего Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, назначаемый от МВД России; Первый заместитель командующего Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, назначаемый от Вооруженных Сил Российской Федерации; Заместитель руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом – начальник Оперативно-координационного управления по Северному Кавказу ФСБ России; Заместитель руководителя Департамента – начальник временной оперативной группы в Северо-Кавказском регионе Департамента военной контрразведки ФСБ России; Начальник Северо-Кавказского пограничного управления ФСБ России; Начальник Южного регионального центра МЧС России; Начальник Управления специальной связи и информации ФСО России в Южном федеральном округе; Начальник Федерального управления Минюста России по Южному федеральному округу; Военный комендант Чеченской Республики; Начальник Пограничного управления ФСБ России по Чеченской Республике; Начальник Главного управления МЧС России по Чеченской Республике; Начальник Центра специальной связи и информации ФСО России в Чеченской Республике; Начальник Управления ФСИН России по Чеченской Республике; Министр внутренних дел Чеченской Республики; командир войсковой части 22536. Кроме того установлено, что по решению руководителя Оперативного штаба в его состав включаются иные должностные лица федеральных органов исполнительной власти, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти Чеченской Республики по согласованию с соответствующими органами.

²⁷¹ Герой Российской Федерации генерал-полковник Паньков Михаил Анатольевич. – Официальный сайт Внутренних Войск МВД России. || http://www.vmvvd.ru/menu2/heroes/heroesru/heroesru_56.html; «Мы открыты для диалога». Интервью заместителя командующего группировкой внутренних войск МВД России на территории Северо-Кавказского региона по работе с личным составом полковника Валерия Журавеля. – Ситуация. Март 2000 г. || www.zhuravelvp.ru/Articles/article.php?2000.03.01_WeOpen4Dialog.htm.

²⁷² Владимир Григорьев. Назначения во внутренних войсках МВД России. || <http://www.whoiswho.ru/russian/Password/papers/5r/dadonov/st1.htm>; Наш земляк назначен командующим федеральных войск в Чечне. – Газета «Номер один». 19 мая 2004 г. № 20. || <http://pressa.irk.ru/number1/2004/20/001010.html>.

²⁷³ База данных «Современная Россия». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=209092&ar3=6>.

²⁷⁴ Абрашин Евгений. – Биография.ру. || www.biografija.ru/show_bio.asp?id=292; Вадим Речкалов. Комендантом Чечни назначен милицкий генерал. – Известия. 3 февраля 2003 г.

²⁷⁵ Ситуация вокруг Чечни «очень напоминает 1994 год». – Газета.ру. 07.07.1999, 15:04:35. || gazeta.lenta.ru/07-07-1999.htm; Борис Карпов. Александр Лебедев. Тяжелые звезды командующего. Герой Российской Федерации генерал-полковник Паньков Михаил Анатольевич. – сб. «Звезды мужества». Автор-составитель Сергей Колесников. || http://bratishka.ru/zal/1_16.php.

²⁷⁶ ЕСПЧ. Решение по делу «Исаева против России» (жалоба № 57950/00) от 24 февраля 2005 г., пар. 14, 111-112.

²⁷⁷ Александр Чуйков. Молтенской погорячился. – Известия. 18 июля 2001 г. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/010718/iz0718a.htm>; Владимир Янченков. Так была ли «зачистка» генералов. – Труд. 19 июля 2001 г. № 131.

²⁷⁸ Евгений Устинов. Уступок бандитам не будет. – Красная звезда. 21 ноября 2001 г.

²⁷⁹ Назначения в МВД. – Независимое военное обозрение. 2 февраля 2001 г. || http://nvo.ng.ru/forces/2001-02-02/1_korotko.html.

шего Северо-Кавказским округом ВВ генерал-лейтенант *Евгений Абрашин*, до тех пор, пока 2 февраля 2003 г. не был назначен военным комендантом Чечни²⁸⁰.

После этого мы не обнаружили в открытых источниках упоминания имени командующего группировкой ВВ на Северном Кавказе. Имеются сведения, что к 2004 году Внутренние войска уже подчинялись командующему ОГВ (с) напрямую²⁸¹. Действительно, начиная с 1 сентября 2003 г. все командующие ОГВ (с) назначались из структуры Внутренних войск, и необходимость в специальном заместителе от ВВ, по-видимому, отпала.

Командующим Северо-Кавказским округом Внутренних войск с сентября 2000 г. являлся генерал-полковник *Лабунец Михаил Иванович*²⁸², с июля 2004 г. (до октября 2004 — исполняющий обязанности) — генерал-полковник *Евгений Михайлович Внуков*²⁸³. С 1998 г. должность первого заместителя командующего занимал генерал-лейтенант *Евгений Абрашин*²⁸⁴. Должность заместителя, а потом первого заместителя командующего с 2002 по 2007 г. занимал генерал-майор *Яков Викторович Недобитко*²⁸⁵. Должность первого заместителя командующего — начальника штаба Северо-Кавказского округа Внутренних войск с октября 2004 г. занимал генерал-лейтенант *Кэрим Абдулин*²⁸⁶.

Состав группировки Внутренних войск в Чечне на первоначальном этапе конфликта усматривается из перечня частей, входивших в оперативные группировки (см. выше, раздел 25.2.2). В дальнейшем он претерпевал изменения: отдельные части выводились из Чечни или заменялись другими.

В феврале 2000 г. на Коллегии МВД РФ было принято решение о создании бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России с местом постоянной дислокации в г. Грозном — *46-й бригады оперативного назначения Внутренних войск МВД России (в/ч 3025)*. В формировании бригады принимали участие все округа внутренних войск, параллельно шло строительство военных городков для размещения личного состава, боевой и другой техники, имущества и материальных средств. 1 ноября 2000 г. бригада приступила к выполнению служебно-боевых задач. Организационно бригада входит в состав Северо-Кавказского округа внутренних войск МВД России. Штаб бригады, подразделения обеспечения и ряд воинских частей расположены в районе аэропорта «Северный» в нескольких километрах от столицы Чечни. Военные городки отдельных воинских частей (батальонов) оборудованы в городах Гудермес и Урус-Мартан, в станицах Шелковская, Наурская и Червленая. Основные задачи бригады — несение службы на заставах, проведение инженерной разведки, сопровождение колонн, проведение спецопераций и «адресных мероприятий»²⁸⁷. С момента создания командиром бригады являлся полковник *Евгений Александрович Зубарев*²⁸⁸ (2 февраля 2001 г. Указом Президента Путина В. В. назначен командиром бригады, до этого являлся исполняющим обязанности)²⁸⁹. По состоянию на 21 марта 2003 года он оставался командиром бригады²⁹⁰. Не позднее 9 августа 2004 г. командиром назначается полковник (позднее — генерал-майор) *Вячеслав Рожко*²⁹¹. В сентябре 2005 года командиром бригады стал полковник *Николай Протас*²⁹². В 2006 году численность личного состава бригады достигла 10 тысяч, и планировалось ее увеличение до 15 тысяч человек²⁹³. Бригада по состоянию на этот период включала два полка: 94-й, дислоцированный в Урус-Мартане, и 96-й, дислоцированный в Гудермесе²⁹⁴.

В июне 2006 г. из состава этнических чеченцев были созданы *батальоны Внутренних войск: 248-й батальон «Север»* (Командир — старший лейтенант *Муслим Ильясов*) и *249-й батальон «Юг»* (Командир — капитан *Адам Делимханов*; последнего после его назначения «вице-премьером ЧР по силовым структурам» сменил его родной брат *Алибек Делимханов*.). На 2006 год общее количество бойцов — 1236 человек. Практически эти батальоны — инкорпорированные в официальную систему силовых органов паравоенные формирования

²⁸⁰ Евгений Абрашин назначен военным комендантом Чечни. — Грани.ру. 02.02.2003, 13:43. || <http://grani.ru/War/Chechnya/p.21569.html>.

²⁸¹ Солодягин Сергей Владимирович. Задачи военным комендатурам, соединениям и воинским частям войск МВД России, непосредственно подчиненным командующему ОГВ (с). — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0050.shtml.

²⁸² База данных «Современная Россия». || <http://www.allrus.info/main.php?ID=209092&ar3=6>.

²⁸³ Татьяна Межанова. Служить без потерь. — Приазовский край. №4 (9240). 31 января 2008 г.; Назначен командующий ВВ МВД на Северном Кавказе. — Военно-промышленный курьер. №46 (63). 1-7 ноября 2004 г. || http://www.vpk-news.ru/default.asp?pr_sign=archive.2004.63.names.

²⁸⁴ Биография.ру. || http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=292.

²⁸⁵ Северо-Кавказский округ Внутренних войск МВД России. — Официальный сайт Администрации Ростовской области; Противостоять боевикам нужно комплексно. — Вести-Северный Кавказ. 25.01.08, 13:06. Со ссылкой на Независимое военное обозрение. || <http://skavkaz.rfn.ru/region/rnews.html?id=123917&rid=277>; <http://www.donland.ru/content/info.asp?partId=4&infold=11599&topicFolderId=0&topicInfold=0>.

²⁸⁶ Назначен командующий ВВ МВД на Северном Кавказе. — Военно-промышленный курьер. №46 (63). 1-7 ноября 2004 г. || http://www.vpk-news.ru/default.asp?pr_sign=archive.2004.63.names.

²⁸⁷ 46-я отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск МВД России. — Официальный сайт Внутренних войск МВД РФ. || www.vvmvd.ru/menu2/structure/okruga_41.html; 46-я отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск МВД России. — Администрация красногорского муниципального района Московской области. Официальный сайт. || <http://www.krasnogorsk-adm.ru/ist/shef/46/>.

²⁸⁸ Алексей Васин. Верим: сюда вернется мир. — Красная звезда. 28 февраля 2001 г.; Новые подшефные губернатора Подмосковья. — Деловая пресса. 4 ноября 2000 г. №4 (68). || http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mld_33_ald_41658.html.

²⁸⁹ Назначения в МВД. Электронная версия альманаха «Независимое военное обозрение». 2 февраля 2001 г. || http://nvo.ng.ru/forces/2001-02-02/1_korotko.html.

²⁹⁰ Андрей Пилипчук. Генерал-майор Евгений Зубарев: бандитов мы добьем. — Красная звезда. 21 марта 2003 г.

²⁹¹ Александр Гамов.... а в Грозном строят фонтаны и роддома. — Комсомольская правда. 9 августа 2004 г.

²⁹² Юлия Калинина. Чечня: батальоны риска. — Московский комсомолец. 9 июня 2006 г.; Полковник Павел Гончаренко. Горячая пятилетка. — Сайт войсковой части 5402. || http://vh5402.narod.ru/2005/vv_files/sev_kavkaz_okr_files/gor5ka.htm.

²⁹³ Юлия Калинина. Бригада. Военное присутствие обозначается кровью. — Московский комсомолец. 21 сентября 2006 г.

²⁹⁴ Рашид Нургалиев: «В составе группировки Внутренних войск в Чечне нет ни одного военнослужащего по призыву». — РИА Новости. 11 декабря 2006 г.

премьер-министра (впоследствии — президента ЧР) Рамзана Кадырова. Они не входят в состав 46-й бригады, являются отдельными подразделениями и, по некоторым сведениям, де-юре подчиняются напрямую командующему Северо-Кавказским округом ВВ²⁹⁵. Де-факто эффективный контроль над данными подразделениями осуществляет лично Рамзан Кадыров.

25.3.2. Территориальная структура: ВОГОиП и иные органы МВД

На протяжении «второго» вооруженного конфликта «полицейские» силы МВД России в Чечне были организованы вокруг двух центров управления. Первым центром являлась временная оперативная группировка органов и подразделений МВД России на территории Северо-Кавказского региона (ВОГОиП). Как уже было показано, ВОГОиП структурно входила в ОГВ (с), глава ВОГОиП (руководитель группы управления) всегда являлся одновременно первым заместителем командующего ОГВ (с) от МВД. С 22 апреля 2000 г. эту должность занимал генерал-лейтенант милиции **Виктор Медведев**²⁹⁶, не позднее, чем с 16 октября 2000 г. — генерал-лейтенант милиции **Николай Иванович Гетман**²⁹⁷, с 12 января 2001 — генерал-лейтенант внутренней службы **Владимир Александрович Воротников**²⁹⁸, с марта 2001 года — генерал-лейтенант милиции **Искандер Галимзянович Галимов**, с 19 декабря 2001 года — полковник милиции **Юрий Григорьевич Орленко**²⁹⁹ (погиб 27.01.2002 вместе со своим заместителем полковником милиции **Юрием Степаненко**)³⁰⁰, далее — генерал-майор милиции **Виктор Ракитин**³⁰¹, с марта 2002 года — генерал-лейтенант милиции **Александр Сысоев**³⁰², с 1 сентября 2003 г. (?) — генерал-лейтенант милиции **Олег Хотин**³⁰³, с 28 ноября 2006 г. — генерал-майор внутренней службы **Михаил Шепилов**³⁰⁴. Группа управления ВОГОиП располагалась на территории главной базы федеральных сил «Ханкала».

С воссозданием территориальных органов милиции начинает формироваться и второй центр. Уже в 2000 г. создается Управление внутренних дел по Чеченской Республике. Вначале его возглавлял полковник **Сергей Аренин**³⁰⁵, а с ноября 2001 г. — полковник (выходец из ФСБ) **Саид-Селим Пешхоев**³⁰⁶. Кажется, на этом этапе УВД по ЧР еще являлось просто структурным подразделением ВОГОиП. Территориальные органы МВД этого периода создаются как временные (ВОВД — временные отделы внутренних дел) и комплектуются из прикомандированных сотрудников милиции других регионов. Так, например, для службы в ВОВД Ленинского района г. Грозного командировались сотрудники УВД Вологодской области, для чего создавался соответствующий сводный отряд милиции (СОМ)³⁰⁷. Однако с 2001 г. начинается создание постоянных территориальных органов милиции с личным составом из числа местного населения. С октября 2001 г. начинается процесс постепенного упразднения ВОВД. Случалось так, что на территории одного района некоторое время одновременно действовали сразу два отдела внутренних дел: временный и постоянный.

10 ноября 2002 г. министр внутренних дел РФ Борис Грызлов подписал указ о создании МВД Чеченской Республики. Министром был назначен **Руслан Цакаев**³⁰⁸; в апреле 2003 г. его сменил **Алу Дадашев**³⁰⁹. Именно с Алу Алхановым эксперты связывают окончательную передачу всех правоохранительных функций республиканскому министерству³⁰⁹. Таким образом, все постоянные территориальные отделы и иные подразделения МВД, состоящие из этнических чеченцев, стали подчиняться республиканскому министерству.

Однако под контролем ВОГОиП остались силы и подразделения, которые несли службу на территории ЧР и сопредельных регионов на основе «вахтового» метода. А они были достаточно значительны. Во многих случаях «ликвидация» ВОВД имела место только на бумаге: «временный отдел» просто переименовывался

²⁹⁵ Юлия Калинина. Чечня: батальоны риска. — Московский комсомолец. 9 июня 2006 г.

²⁹⁶ Владимир Антропов. Временная оперативная группировка отметила седьмую годовщину. — Щит и меч. Газета Министерства внутренних дел Российской Федерации. 10 июля 2004 г.

²⁹⁷ Прихожане православного храма в Грозном получили помощь от МВД. — NEWSru.com. Религия и общество. 16 октября 2000 г., 09:4. || http://www.newsru.com/religy/16oct2000/churchgroz_print.html; База данных «Современная Россия». || <http://allrus.info/main.php?ID=196966&ar3=6>.

²⁹⁸ Независимая газета. 20 января 2001 г. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/010120/ng0120a.htm>.

²⁹⁹ Заместитель начальника УВД полковник Юрий Орленко назначен руководителем группировки сил МВД в Чечне. — REGIONS.PY. // Новости Федерации. Приморский край. 19.12.2001, 10:46. || <http://www.regions.ru/news/681432/>.

³⁰⁰ Долгая дорога к миру и безопасности. — Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». № 7 (16). Июль 2007 г.

³⁰¹ <http://www.kominet.ru:8101/news/?part=republi&n=1737>.

³⁰² Чечня — наша работа. — Соб. инф. Ставропольская правда. 6 июня 2002 г.; также см.: Ставропольская правда. 28 марта 2003 г. и 8 февраля 2005 г.

³⁰³ Долгая дорога к миру и безопасности. — Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». Июнь 2007 г. № 7 (16); Леонид Шифрин. Воронежское ГУВД возглавил враг чеченских боевиков № 199. — Газета «Моё». Воронеж. 28 ноября 2006 г. || <http://www.moe.kpv.ru/view/text.shtml?21646>.

³⁰⁴ Владимир Антропов. Временная оперативная группировка отметила седьмую годовщину. — Щит и меч. Газета Министерства внутренних дел Российской Федерации. 10 июля 2004 г.

³⁰⁵ № 30 (444). 22 августа 2005 г.

³⁰⁶ ГерманПронин. Кремль устроил сюрпризКадырову. — Утро.ру. 19 декабря 2002г. 01:46. || <http://www.utro.ru/articles/2002/12/19/117413.shtml>.

³⁰⁷ Сергей Солодягин. Командировка 2001 года (УВД Вологодской области). — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0160.shtml; Сергей Солодягин. Что такое «президентские». — Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0140.shtml.

³⁰⁸ ГерманПронин. Кремль устроил сюрпризКадырову. — Утро.ру. 19 декабря 2002г. 01:46. || <http://www.utro.ru/articles/2002/12/19/117413.shtml>.

³⁰⁹ Алханов, Алу. Заместитель министра юстиции РФ. — Лентапедия. Лента.ру. || <http://www.lenta.ru/lib/14160019/>.

в «оперативную группу». Так, на месте Ленинского ВОВД г. Грозного была создана «Оперативная группа ВОГОиП МВД России Ленинского района г. Грозного Чеченской Республики», имевшая свой пункт временной дислокации с необходимой инфраструктурой. Формировалась она, как и раньше, из прикомандированных на несколько месяцев и сменявших друг друга вологодских милиционеров. То же происходило в Старопромысловском (здесь несли службу милиционеры из Удмуртии)³¹⁰ и других районах чеченской столицы. По некоторым сведениям, по состоянию на середину 2004 г. в пределах административных границ Чеченской Республики было дислоцировано 13 таких оперативных групп, а также 5 ВОВД, 64 ОМОНа, 60 отрядов милиции специального назначения (ОМСпН), 47 сводных отрядов милиции патрульно-постовой службы (СОМППСМ) и другие органы и подразделения, входящие в структуру ВОГОиП³¹¹.

Фактически можно говорить о существовании в Чечне двух параллельных систем управления органами милиции: «штатной», замкнутой на республиканское МВД, и «чрезвычайной» или «военной», подчинявшейся командованию ОГВ (с) и федеральному МВД. Очевидно, эта двойственность отражала отсутствие полного доверия со стороны федерального руководства местным милицейским кадрам; особенно в условиях продолжающегося вооруженного конфликта, когда органы МВД должны были вести не столько правоохранительную, сколько антипартизанскую и карательную деятельность. В июне 2003 г. заместитель Генерального прокурора РФ Владимир Колесников заявил, что в Чечне «районные ОВД укомплектованы по родственному и тейповому признаку, без достаточной проверки на причастность к незаконным вооруженным формированиям», а «в Грозном райотделы внутренних дел укомплектованы до 50-60% бывшими участниками незаконных формирований, а в отдельных отделах республики эта цифра достигает 80 %»³¹².

Однако неподконтрольные местному МВД органы ВОГОиП функционировали не только на территории Чечни, но создавались и в сопредельных субъектах Российской Федерации. В этом отношении весьма симптоматичным является опубликованный в открытых источниках Приказ МВД РФ от 6 апреля 2001 г. №409 «О мобильном отряде МВД России в Республике Ингушетия»³¹³. Отряд с постоянным местом дислокации в населенном пункте Карабулак (в просторечии – база ОМОН в Карабулаке) был образован в структуре ВОГОиП в составе ОГВ (с); по согласованию с Генеральным штабом ВС РФ сотрудники Мобильного отряда включались в состав ОГВ (с). Первому заместителю командующего ОГВ (с) от МВД – руководителю группы управления ВОГОиП предписывалось обеспечить взаимодействие мобильного отряда с другими органами и подразделениями, «участвующими в проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона», а Министру внутренних дел Ингушетии Х. С. Гудериеву – «обеспечить взаимодействие в агентурно-оперативной работе, оказать содействие в организации размещения и делопроизводства Мобильного отряда МВД России в Республике Ингушетия». Этими «взаимодействием» и «содействием» контакты с республиканскими органами МВД в основном и заканчивались; в соответствии с «Временным положением о Мобильном отряде МВД России в Республике Ингушетия» (приложение №1 к приказу)³¹⁴ данный отряд «находится в непосредственном подчинении Министра внутренних дел Российской Федерации и в оперативном подчинении руководителя Временной оперативной группировки органов внутренних дел и подразделений МВД России в составе Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона <...>. Командир Мобильного отряда и его заместители назначаются на должность и освобождаются от должности Министром внутренних дел Российской Федерации». Важно отметить, что в соответствии с «Расчетом комплектования Мобильного отряда МВД России в Республике Ингушетия» (приложение №2 к Приказу)³¹⁵ это подразделение, состоящее из 149 милиционеров, включает в себя в миниатюре все основные службы территориального управления МВД: дежурную службу, группу по борьбе с организованной преступностью, группу уголовного розыска, группу по борьбе с преступлениями в сфере экономики, группу по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, строевые подразделения (80 человек), ОМОН и СОБР (20 человек), а также собственную материально-техническую, автотранспортную, медицинскую службу, службу связи, секретариат и т.п.

В соответствии с «Временным положением» (п.п. 13-16) к функциям отряда относятся:

«Участие в проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, специальных оперативных мероприятий по обнаружению и пресечению деятельности террористических организаций и групп, их лидеров и лиц, участвующих в организации и осуществлении террористических акций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Проведение специальных оперативных мероприятий по выявлению и пресечению поступления оружия, боеприпасов, наркотических средств и психотропных веществ на территорию Республики Ингушетия. Оказание практической помощи органам внутренних дел Республики Ингушетия в охране общественного порядка и обеспечении безопасности граждан, в пресечении

³¹⁰ Приказ МВД Удмуртской Республики от 31.01.2003 №63 «О неотложных мерах по совершенствованию организаторской, воспитательной и психологической работы в оперативной группе ВОГОиП МВД России Старопромысловского района г. Грозного Чеченской Республики». || <http://www.bestpravo.ru/udmur/data03/tex15019.htm>.

³¹¹ Сергей Солодягин. Задачи подразделениям и органам ВОГОиП МВД России. – Электронная версия альманаха «Art of war». || http://artofwar.ru/s/solodjagin_s_w/text_0040.shtml.

³¹² Анатолий Циганок. Под знаменем премьеры. Чеченские структуры состоят из бывших соратников и противников Дудаева, Масхадова и Басаева. – Московские новости. №6. 16 февраля 2007 г.

³¹³ jurbase.ru/texts/sector083/tes83718.htm.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же.

и раскрытии преступлений, в том числе имеющих межрегиональный и межнациональный характер. Непрерывный сбор, обобщение, анализ информации об оперативной обстановке и подготовка управленческих решений и предложений по вопросам оперативно-служебной деятельности подразделений ВОГОиП ОГВ (с). Обеспечение постоянной готовности сил и средств Мобильного отряда к немедленному реагированию при осложнении оперативной обстановки».

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с подразделением МВД, дублирующим все основные милицейские функции территориальных органов, но не входящим в «штатную» территориальную структуру, а подчиненную непосредственно федеральному министерству и командованию войсковой группировки.

Имеются данные о том, что Министерство внутренних дел России пошло еще дальше по пути создания параллельных структур. По данным обозревателей газеты «Московские новости» Андрея Солдатова и Ирины Бороган, МВД России были созданы специальные подразделения для «ликвидации» (фактически для внесудебных казней) лиц, подозреваемых в причастности к вооруженному сопротивлению. Они указывают:

«Сейчас трудно установить день, когда в МВД появилась идея уничтожить боевиков сверхмалыми группами, состоящими из сотрудников центрального аппарата. Эти группы подчинялись только Москве и должны были действовать на свой страх и риск. На Житной решили, что только таким образом можно предотвратить утечки информации. В результате на свет появилась аббревиатура ВСОГ – временные специализированные оперативные группы. Состав – водитель и три оперативных сотрудника в звании от майора и выше. Были созданы шесть таких групп: пять для действий в пяти районах Чечни, и одна – для Ингушетии. Прибыв на место, ВСОГ не подчиняются РОШ. Временные ОВД обеспечивают их боеприпасами, транспортом и жильем, но никак не контролируют их деятельность. Группы занимаются прямыми ликвидациями. Командируются изначально на месяц, потом обычно этот срок продляется. Отчеты – только снимками полароид. Никаких документов, и никаких следов»³¹⁶.

Авторы настоящего исследования не могут подтвердить или опровергнуть данную информацию, однако обращают внимание на то, что практика «эскадронов смерти» широко использовалась федеральной стороной конфликта по крайней мере начиная с 2001 года (см. ниже, раздел 29.2.4).

Действовал на территории Чечни и по крайней мере один окружной орган МВД, также не подчинявшийся МВД ЧР. Это Оперативно-розыскное бюро – 2 (ОРБ-2) Управления МВД по Южному федеральному округу, реорганизованное из Управления по борьбе с организованной преступностью. В соответствии с законодательством РФ задержанные и арестованные граждане не могут содержаться в ОРБ. Однако с момента образования в Грозном при ОРБ-2 был создан незаконный изолятор временного содержания, в котором в течение длительного времени содержались подозреваемые и обвиняемые.

Бюро базируется в Грозном на Старопромысловском шоссе неподалеку от комплекса правительственных зданий. В структуре ОРБ-2 преимущественно служат этнические чеченцы. Охрану ИВС осуществляют прикомандированные сотрудники СОБРа. По данным правозащитных организаций Чечни, как местные оперативники, так и прикомандированные сотрудники совместно участвовали в задержаниях и допросах подозреваемых. С момента создания в течение длительного периода ОРБ-2 руководил полковник Ахмед Хамидович Хасамбеков. Однако на волне скандала, в течение долгого времени назревавшего вокруг ОРБ-2 в связи с систематическим применением здесь пыток, Рамзану Кадырову удалось добиться смены руководителя данного учреждения. 24 июля 2007 года начальником ОРБ-2 был назначен ставленник Кадырова – Иса Сургуев. Ахмед Хасанбеков был назначен заместителем руководителя ГУ МВД РФ по ЮФО.

25.4. ФСБ В СТРУКТУРЕ «КТО»

К структурам ФСБ РФ, задействованным в вооруженном конфликте, относятся военная контрразведка, территориальная инфраструктура (УФСБ по Чеченской Республике и его подразделения) и различного рода специальные органы и подразделения.

Для контрразведывательного обеспечения «КТО» на Северном Кавказе при ОГВ (с) была создана специальная структура: Временная оперативная группа Управления военной контрразведки ФСБ России в Северо-Кавказском регионе (ВОГ УВКР ФСБ РФ в СКР). Официальными задачами данной структуры является «фильтрация» беженцев, контрразведывательная работа, предупреждение терактов и освобождение пленных и заложников³¹⁷.

Территориальные органы ФСБ РФ воссоздавались в Чечне по мере установления контроля войсковой группировки над территорией республики. Первоначально УФСБ по ЧР возглавлял генерал-майор *Михаил Хрипков*, затем – генерал-майор *Вячеслав Кадяев* (назначен не позднее 31 марта 2000 г.)³¹⁸. С 19 февраля 2001 г. данную должность занимал генерал-лейтенант *Сергей Леонидович Бабкин*³¹⁹, с апреля 2003 года – генерал-

³¹⁶ Андрей Солдатов. Ирина Бороган. «Тяжелый фейс» и другие. Тактика спецслужб после Беслана: ставка на ликвидацию. – Московские новости. 2004 г. № 35.

³¹⁷ Николай Богун. Чеченские будни военных контрразведчиков. – Независимое военное обозрение. 4 февраля 2000 г.; Владислав Крамар. Оперативники на передовой. – Независимое военное обозрение. 19 декабря 2003 г.

³¹⁸ ФАН: Найдено тело генерала Шпигуна. – Лента.Ру. 01.04.2000, 09:56:03. || <http://lenta.ru/vojna/2000/04/01/shpigun/fan.htm>.

³¹⁹ Бабкин Сергей Леонидович. – Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/babkin/>; Вадим Речкалов. Сергей Бабкин: «Мы живем здесь по тем же законам, что и ФСБ во всей России». – Известия. 8 декабря 2002 г.

майор *Юрий Александрович Рожин*³²⁰, с лета 2005 г. — генерал-майор *Таймураз Алиханович Калоев*, а затем — *Владимир Георгиевич Кулишов*³²¹.

Кроме того, до своего расформирования в феврале 2006 г. в вооруженном конфликте было задействовано Оперативно-координационным управление ФСБ РФ по Северному Кавказу (ОКУ ФСБ РФ), входившее в структуру Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (ДБТ). По неподтвержденным данным, этому управлению были предоставлены широкие права по поиску, задержанию и уничтожению лиц, которые, на взгляд офицеров данного подразделения, представляют угрозу России. С деятельностью этого подразделения наблюдатели связывают большую часть громких насильственных исчезновений и внесудебных казней в Ингушетии. Авторы не могут ни подтвердить, ни опровергнуть данной информации. Основное место дислокации ОКУ — г. Пятигорск Ставропольского края. Личный состав ОКУ ФСБ РФ на СК засекречен. Известно, что заместителем начальника ОКУ ФСБ РФ по Северному Кавказу ранее являлся некий Юрий Сапунов. С февраля 2004 года по лето 2005 данную структуру возглавлял *Таймураз Алиханович Калоев*³²².

По данным обозревателей газеты «Московские новости» Андрея Солдатова и Ирины Бороган, ФСБ использует в Чечне так называемые сводные специальные группы (ССГ): «Официальное наименование — ССГ Регионального оперативного штаба Оперативного управления ФСБ. Они состоят из оперативников региональных управлений ФСБ и спецназовцев Внутренних войск (до осени 2002 их место занимали бойцы СОБР). 10 таких групп создали в апреле 2002 года для проведения спецопераций в Шалинском, Веденском, Ножай-Юртовском и Курчалойском районах Чечни»³²³. Впрочем, далее авторы утверждают, что «ССГ действуют автономно от местных органов контрразведки и подчиняются ВОГОиП», что совершенно невозможно: структура ФСБ не может находиться в подчинении милицевской группировки ни по закону, ни исходя из отношений между этими ведомствами. Очевидно, что данные авторов неточны. Судя по названию и логике организации деятельности, ССГ должны были подчиняться ОКУ ФСБ РФ на СК.

Кроме того, в вооруженном конфликте принимали участие группы Центра специального назначения ФСБ РФ: «Альфа» (командиры: с 1999 по 2003 г. — генерал-майор В. Г. Андреев, с 2003 г. — В. Н. Винокуров) и «Вымпел». Зачастую эти подразделения действовали совместно в рамках единой оперативно-боевой группы (ОБГ) и во взаимодействии с подразделениями спецназа Внутренних войск, ГРУ, МВД и Минюста³²⁴.

25.5. ГРУ В СТРУКТУРЕ «КТО»

Силы Главного разведывательного управления Генштаба принимали участие в вооруженном конфликте как опосредованно (обеспечивая ОГВ (с) данными агентурной и технической разведки), так и непосредственно (через участие в боевых действиях подразделений специального назначения). Уже 29 декабря 1999 г. в связи с заслугами в ходе данной кампании начальник ГРУ генерал-полковник Виктор Карабельников был награжден Президентом РФ Звездой Героя России. Известно, что он неоднократно посещал зону вооруженного конфликта и руководил действиями разведывательно-диверсионных подразделений³²⁵.

Начиная с третьего этапа роль ГРУ в структуре управления КТО получила формальное закрепление: начальник ГРУ был введен в состав членов ОШ.

Некоторый свет на место подразделений спецназа ГРУ в структуре ОГВ (с) проливают материалы судебного процесса над группой Эдуарда Ульмана, члены которой были признаны Северо-Кавказским военным судом виновными в убийстве 11 января 2002 года шести гражданских лиц вблизи селения Дай. Эти материалы касаются участия групп спецназа в масштабной операции ОГВ (с) по нейтрализации такого известного полевого командира, как иорданский доброволец Хаттаб.

10 января 2002 года командующий ОГВ (с) генерал-лейтенант Владимир Молтенской подписал директиву № 3/02772 о проведении операции в Шатойском районе Чечни. Операция планировалась совместная и комплексная, ее участников поделили на четыре группировки: 1) группировка блокирования района операции (войсковая маневренная группа, включающая батальон 291-го гвардейского мотострелкового полка и минометный взвод 70-го гвардейского мотострелкового полка); 2) группировка блокирования села Дай (комендантская и стрелковая роты Шатойской военной комендатуры); 3) оперативно-розыскная группировка (комендантский взвод Шатойской военной комендатуры, 20 сотрудников Шатойского временного отдела внутренних дел, шесть разведгрупп спецназа ГРУ по 12 человек каждая); 4) группировка огневого прикрытия

³²⁰ Юрий Александрович Рожин, генерал-майор. — Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/rojin/>; Между боевиками-чеченцами и арабскими наемниками наметился серьезный раскол, считает начальник управления ФСБ по Чечне. — ИТАР-ТАСС. 26.08.2003. Этот же комментарий на официальном сайте ФСБ. || <http://www.fsb.ru/smi/ufsb/2003/030826-1.html>.

³²¹ УФСБ по Чеченской Республике. — Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/regions/ufsb/chechen/>.

³²² Оперативно-координационное управление ФСБ по Северному Кавказу. — Исследовательский центр «Агентура.ру». || <http://www.agentura.ru/dossier/russia/fsb/structure/okusk/>.

³²³ Андрей Солдатов. Ирина Бороган. «Тяжелый фэйс» и другие. Тактика спецслужб после Беслана: ставка на ликвидацию. — Московские новости. 17 сентября 2004 г.

³²⁴ Спецназ России. Энциклопедия. — Сост. Степаков В. — М., 2007, с. 15-32, 97-99. Здесь же см. подробные сведения об операциях данных групп и взаимодействии с другими специальными подразделениями.

³²⁵ Президент встретился с героями Чеченской войны. — Независимая газета. 29 декабря 1999 г. № 244 (2060).

(подразделения ракетных войск и артиллерии, фронтовой и армейской авиации). Руководителем операции был назначен заместитель командующего ОГВ (с) по воздушно-десантным войскам полковник Владимир Плотников. Ему в соответствии с упомянутой директивой поручалось «непосредственное управление всеми четырьмя группировками, создаваемыми для участия в совместной комплексной операции, в том числе группировкой, включавшей в себя разведгруппы спецназа»³²⁶.

Таким образом, подразделения спецназа ГРУ находились под командованием и эффективным контролем командующего ОГВ (с); именно он принимал решение об их участии в проводимых операциях и об их включении в структуру временно создаваемых для их проведения группировок.

25.6. ВОЕННЫЕ КОМЕНДАТУРЫ В СТРУКТУРЕ «КТО»

Фактические обстоятельства и имеющиеся в открытом доступе нормативные документы указывают на высокую роль военных комендатур в структуре сил и средств, задействованных в вооруженном конфликте. Несмотря на то, что де-юре в Чечне не было объявлено о введении какого-либо особого правового режима, на военные комендатуры здесь были возложены функции, которые они могут принимать на себя лишь в условиях чрезвычайного положения.

В соответствии с Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Указом президента РФ от 14 декабря 1993 г. № 2140, «военный комендант гарнизона отвечает за поддержание воинской дисциплины военнослужащими на улицах и в других общественных местах, правильное и бдительное несение службы гарнизонными караулами, патрулями и контрольными постами ВАИ [внутренней автоинспекции – авт.], а также за соблюдение законности и правил содержания арестованных (заключенных под стражу) на гарнизонной гауптвахте [военнослужащих]»³²⁷. Для выполнения этих целей создается и военная комендатура гарнизона³²⁸.

Таким образом, в условиях обычного режима правового регулирования военная комендатура является одним из органов управления военным гарнизоном, «юрисдикция» которого распространяется только на военнослужащих: представители комендатуры не имеют права задерживать или иным образом ограничивать свободу гражданских лиц, проверять у них документы, вмешиваться в работу гражданских учреждений и т. п. Приказы военного коменданта обязательны только для военнослужащих.

Все меняется, если на определенной территории вводится режим чрезвычайного положения. В соответствии со статьей 18 Закона РФ «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ:

«1. Для осуществления единого управления силами и средствами, обеспечивающими режим чрезвычайного положения, указом Президента Российской Федерации назначается комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение.

2. Комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение:

а) издает в пределах своих полномочий приказы и распоряжения по вопросам обеспечения режима чрезвычайного положения, обязательные для исполнения на соответствующей территории всеми организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности и должностными лицами указанных организаций, гражданами, а также начальниками (командирами) органов внутренних дел, органов по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, воинских формирований, расположенных (дислоцирующихся) на территории, на которой введено чрезвычайное положение, и дополнительно привлекаемых для обеспечения режима чрезвычайного положения;

б) устанавливает время и срок действия комендантского часа;

в) определяет особый режим въезда на территорию, на которой введено чрезвычайное положение, и выезда с нее;

г) устанавливает особый режим продажи оружия, боеприпасов, лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, сильнодействующие вещества, этилового спирта, спиртных напитков и спиртосодержащей продукции;

д) определяет порядок и места хранения изъятых оружия, боеприпасов, веществ и военной техники, указанных в пункте «д» статьи 12 настоящего Федерального конституционного закона;

е) выдворяет в установленном порядке за пределы территории, на которой введено чрезвычайное положение, лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения;

ж) обращается к Президенту Российской Федерации с предложениями о необходимости применения на территории, на которой введено чрезвычайное положение, мер и временных ограничений, предусмотренных статьями 11-13 настоящего Федерального конституционного закона;

³²⁶ Цитируется по документам, опубликованным военным обозревателем газеты «Известия» Вадимом Речкаловым: Вадим Речкалов. Жизнь и злоключения капитана Ульмана, офицера спецразведки, командира группы № 513 в стране., тюрьме, на чеченской войне. – Архив блога «Жизнь вопреки». // <http://lifecontrary.ru/?p=113>.

³²⁷ Ст. 24.

³²⁸ Ст. 31.

- з) оповещает через средства массовой информации население соответствующей территории о порядке выполнения отдельных мер, применяемых в условиях чрезвычайного положения;
- и) устанавливает особый порядок аккредитации журналистов на территории, на которой введено чрезвычайное положение, и порядок их работы.

3. Комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение, вправе принимать участие во всех заседаниях органов государственной власти и заседаниях органов местного самоуправления, действующих на территории, на которой введено чрезвычайное положение, и вносить предложения по вопросам, отнесенным настоящим Федеральным конституционным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации к его компетенции.

4. Комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение, осуществляет руководство комендатурой указанной территории. Деятельность комендатуры регулируется положением, утвержденным Президентом Российской Федерации».

Анализ событий «второго» конфликта показывает, что созданные на территории Чеченской Республики федеральной стороной военные комендатуры де-факто пользовались всеми перечисленными в Законе «О чрезвычайном положении» полномочиями и практически исполняли все заложенные в нем функции территориальных комендатур. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал Анатолий Квашнин еще 22 декабря 1999 года на встрече с главами администраций северных районов Чеченской Республики очень точно охарактеризовал создаваемую систему комендатур: «Это мои глаза и уши. Это мой райком и обком партии, образно говоря»³²⁹.

В дальнейшем такой порядок вещей был легализован (как представляется авторам, вопреки Конституции РФ и федеральным законам). 4 октября 2002 г. Президент РФ Владимир Путин издал Указ № 1120 «Об утверждении временного положения о военных комендатурах, дислоцированных на территории Чеченской Республики». Само «Временное положение», являющееся приложением к данному Указу, не только наделяет военные комендатуры в ЧР полномочиями территориальных комендатур периода ЧП, но и существенно их расширяет даже по сравнению с законом «О чрезвычайном положении». Фактически за военной комендатурой закрепляются широкие полицейские функции в отношении гражданского населения. Учитывая чрезвычайную важность данного документа для понимания роли комендатур в структуре управления так называемой КТО, приведем ниже данный документ с небольшими сокращениями.

«1. Настоящим Временным положением определяются основные задачи и полномочия военных комендатур, дислоцированных на территории Чеченской Республики (далее именуются – военные комендатуры), на период проведения контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

Временным положением дополняются определенные Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г. N 2140, задачи и полномочия военных комендатур в целях обеспечения их участия в проведении контртеррористических операций.

2. В состав военных комендатур входят:

- военная комендатура Чеченской Республики;
- военные комендатуры районов Чеченской Республики;
- военные комендатуры г. Грозного и г. Аргуна;
- военные комендатуры районов г. Грозного.

3. Основными задачами военных комендатур являются:

участие в выработке и реализации профилактических, организационных, воспитательных и иных мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической деятельности, проведение разъяснительной работы среди населения, в том числе с использованием средств массовой информации, во взаимодействии с администрациями районов и населенных пунктов Чеченской Республики;

координация деятельности администраций районов и населенных пунктов Чеченской Республики по защите населения от террористических акций и минимизации их последствий, взаимодействие в данной области с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти;

оказание содействия органам внутренних дел Российской Федерации и органам федеральной службы безопасности в обеспечении законности, общественного порядка и безопасности населения в Чеченской Республике, в предупреждении, выявлении и пресечении правонарушений и преступлений;

оказание содействия органам внутренних дел Российской Федерации в формировании и обеспечении функционирования органов внутренних дел Чеченской Республики;

оказание содействия специальным силам и средствам в проведении специальных мероприятий по розыску и задержанию террористов и непосредственное участие в этих мероприятиях;

участие в мероприятиях по изъятию у граждан незаконно хранящихся оружия и боеприпасов;

³²⁹ «Контртеррористическая операция»: Поселок Старые Атаги. Сентябрь 1999 г. – май 2002 г. Нарушение прав человека и норм гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта в Чечне. – Доклад ПЦ «Мемориал». Составители Акбулатов Ш. А., Орлов О. П. – М., 2002.

участие в организации и осуществлении проводимых в ходе контртеррористических операций мероприятий по временному ограничению (запрещению) движения транспортных средств и пешеходов по улицам и дорогам, недопущению транспортных средств и граждан на отдельные участки местности и объекты либо удалению граждан с отдельных участков местности и объектов, а также по отбуксировке транспортных средств;

проведение совместно с органами внутренних дел Российской Федерации проверок у граждан и должностных лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае отсутствия таких документов — оказание содействия в задержании и доставке указанных лиц в органы внутренних дел Российской Федерации для установления их личности;

задержание и доставка в органы внутренних дел Российской Федерации лиц, совершивших или совершающих правонарушения либо иные действия, направленные на воспрепятствование законным требованиям лиц, проводящих контртеррористические операции, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону проведения контртеррористической операции;

оказание содействия органам внутренних дел Российской Федерации в проведении личного досмотра граждан, досмотра находящихся при них вещей, досмотра транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств, при проходе (проезде) в зону проведения контртеррористической операции и при выходе (выезде) из указанной зоны; <...>

4. Руководство военными комендатурами осуществляют военные коменданты.

5. Общее руководство военными комендатурами осуществляет военный комендант Чеченской Республики.

6. Военный комендант Чеченской Республики назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации.

7. Военный комендант Чеченской Республики непосредственно подчиняется руководителю Оперативного штаба по управлению контртеррористическими операциями на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

8. Военный комендант Чеченской Республики имеет заместителей, в том числе двух первых, и осуществляет распределение обязанностей между ними.

9. Военный комендант Чеченской Республики:

организует и контролирует выполнение военными комендатурами задач, определенных настоящим Временным положением;

несет ответственность за выполнение задач, возложенных на военные комендатуры;

координирует деятельность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по защите населения от террористических акций, минимизации их последствий и обеспечению вводимых на период проведения контртеррористических операций временных ограничений; <...>

издает в пределах своих полномочий, установленных настоящим Временным положением и Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, приказы и распоряжения, обязательные для исполнения организациями, должностными лицами и гражданами, а также начальниками (командирами) органов внутренних дел Российской Федерации, органов, специально уполномоченных решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, воинских формирований, расположенных (дислоцированных) на территории Чеченской Республики;

взаимодействует с Главой Администрации Чеченской Республики и Правительством Чеченской Республики по вопросам, относящимся к компетенции военных комендатур;

доводит через средства массовой информации до сведения администраций районов и населенных пунктов, населения Чеченской Республики изданные им приказы и распоряжения, а также информирует их о введении или отмене временных ограничений;

определяет в соответствии с законодательством Российской Федерации порядок и места временного хранения изъятых оружия, боеприпасов, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих ядовитых, отравляющих, радиоактивных и взрывчатых веществ, а также боевой и учебной военной техники;

<...>

осуществляет руководство комендантской службой в Чеченской Республике.

10. Военные коменданты районов Чеченской Республики, г. Грозного и г. Аргуна непосредственно подчиняются военному коменданту Чеченской Республики, военные коменданты районов г. Грозного — военному коменданту г. Грозного.

11. Должностные обязанности военных комендантов районов и городов Чеченской Республики разрабатываются применительно к установленным настоящим Временным положением должностным обязанностям военного коменданта Чеченской Республики и утверждаются соответствующими вышестоящими военными комендантами в порядке подчиненности».

25.7. ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В СТРУКТУРЕ «КТО»

В период первого вооруженного конфликта на территории республики находилась всего одна гарнизонная прокуратура (в/ч № 4462), для расследования уголовных дел в зону боевых действий выезжали следователи прокуратуры Северо-Кавказского военного округа.

Преступления, совершенные военнослужащими, входящими в состав ОГВ (с) с начала второго вооруженного конфликта, расследовались Военной прокуратурой Северо-Кавказского военного округа. Для этого был создан специальный прокурорско-следственный участок военной прокуратуры СКВО и назначен специальный заместитель прокурора СКВО. Позднее в составе Военной прокуратуры СКВО стали действовать пять гарнизонных прокуратур, дислоцированных в Чечне в населенных пунктах Шали, Ханкала, Борзой, станице Калиновская и Итум-Кале, а также 59-я военная прокуратура, расположенная в Моздоке. В октябре 2002 г. по распоряжению Генерального прокурора РФ Владимира Устинова была создана Военная прокуратура ОГВ (с), подчиняющаяся Главному военному прокурору и дислоцированная в Ханкале. Указанные выше гарнизонные прокуратуры, дислоцированные на территории Чечни, вошли в состав Военной прокуратуры ОГВ (с). Фактически прокуратура ОГВ (с) по своим полномочиям является аналогом штатной прокуратуры военного округа. Первым прокурором ОГВ (с) стал полковник юстиции Александр Мокрицкий, ранее занимавший должность заместителя прокурора Северо-Кавказского военного округа³³⁰.

Территориальные органы прокуратуры Чеченской Республики в составе РФ были созданы после установления войсками контроля над большей частью ее территории. Прокуратура ЧР была воссоздана в феврале 2000 года.

25.8. ОРГАНЫ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ В СТРУКТУРЕ «КТО»

Силы и средства Министерства юстиции Российской Федерации представлены в вооруженном конфликте участием отрядов специального назначения и созданием и функционированием в Чечне учреждений исполнения наказаний. В боевых действиях и военно-полицейских мероприятиях участвовали Отделы специального назначения (спецназ Минюста). Их участие фиксируется источниками в обеспечении работы КПП «Кавказ-1», в боях за Комсомольское в марте 2000 г. и других эпизодах. При этом к участию в конфликте привлекались отряды из разных субъектов РФ³³¹. Каким образом осуществлялось управление этими силами, изученные нами открытые источники в деталях не проясняют, однако по крайней мере на этапе фронтального противостояния сторон спецназовцы действовали в структуре ОГВ (с). В целом органы Минюста, вовлеченные в конфликт, осенью-весной 1999-2000 входили в состав Объединенной группировки Главного управления исполнения наказаний Минюста на Северном Кавказе, которую возглавлял генерал-майор *Анатолий Дурнев*³³². 10 мая 2001 г. с инспекцией спецназа в Чечню приезжал министр юстиции РФ Юрий Чайка³³³.

29 августа 2003 г. на пресс-конференции, приуроченной к профессиональному дню спецназа, заместитель начальника ГУИН Минюста Михаил Львов сообщил следующие сведения об участии спецподразделений Минюста в вооруженном конфликте:

«С начала контртеррористической операции в августе 1999 года спецназом Минюста задержано пять тыс. подозреваемых в участии в НВФ, разыскано свыше тысячи числившихся в угоне автомобилей, изъято более семи тыс. единиц огнестрельного оружия. Спецназ Минюста России начал активно участвовать в контртеррористической операции на Северном Кавказе с самого начала, со вторжения боевиков в Дагестан». По словам Львова, спецназ Минюста России в Чечне выполняет несколько функций. Кроме своих прямых обязанностей (охраны СИЗО и помощи судебным приставам), бойцы спецназа несут службу по охране таких объектов, как правительство Чечни, министерства и ведомства России и представительства Совета Европы. Всего в составе спецназа Минюста 4660 человек. За время контртеррористической операции в Чечне погибли 35 бойцов, пятеро из них посмертно стали Героями России, еще двое получили это звание при жизни³³⁴.

³³⁰ Елена Строителева, Дмитрий Литовкин. ЧВО изволите? В России может появиться Чеченский военный округ. – Известия. 11 октября 2002 г.; «Известия»: В Чечне может быть создан отдельный военный округ. – Лента.ру. 12.10.2002, 11:35:07. || <http://www.lenta.ru/vojna/2002/10/12/prokuratura/>.

³³¹ Так, например, 9 июля 2004 г. на лентах российских новостных агентств появилось сообщение: «В Чечню отправляются бойцы пермского отряда «Медведь». В Чеченскую Республику отправляются бойцы сводного отряда ГУИН Минюста России по Пермской области. Как сообщили в пресс-службе управления, в Чечню в составе сводного отряда отправится 50 человек, из них 30 – бойцы отряда специального назначения «Медведь», остальные – сотрудники учреждений и аппарата ГУИН по Пермской области. Ориентировочно, командировка продлится 3 месяца. Цели и задачи, которые пермяки будут выполнять в Чечню, будут поставлены перед ними по прибытию в штаб объединенной группировки войск в Чеченской Республике. Торжественное построение отряда состоится в 8.30 на базе отдела «Медведь», в 10.30 спецназовцы отправятся поездом с вокзала Пермь-2 к месту службы. Отряд «Медведь» не раз выезжал в спецкомандировки в Чечню и Дагестан. Выполняя задачи по восстановлению конституционного порядка и ликвидации бандформирований, обеспечению законности и правопорядка в северокавказском регионе. Для сотрудников отдела это уже шестнадцатая командировка. 46 спеназовцев пермского «Медведя» имеют краповые береты – высший титул боевого мастерства. Более 80 сотрудников отдела награждены боевыми орденами и медалями». || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/06/m25601.htm>.

³³² Владимир Янченков. Быль и небыль Чернокозова. – Труд. № 042. 4 марта 2000 г. С ноября прошлого года через следственный изолятор Чернокозово прошло 933 задержанных, сейчас там содержатся 89 человек, которые подозреваются в участии в незаконных вооруженных формированиях. – РИА «Новости». 2 апреля 2000 г. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/000402/ri0402a.htm>.

³³³ Юрий Чайка прибыл в Чечню. – Независимая газета. 10 мая 2001 г. || <http://news.ng.ru/2001/05/10/989484203.html>.

³³⁴ РИА «Новости». 29.08.2003. Копия сообщения: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2003/08/m8963.htm>.

25.9. ПАРАВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ИХ ИНКОРПОРАЦИЯ В ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ

25.9.1. Общие соображения

Паравоенные формирования из этнических чеченцев создаются федеральной стороной уже на самых ранних этапах «второго» вооруженного конфликта в Чечне. Постепенно данным формированиям придается официальный статус путем их включения в структуру органов безопасности Российской Федерации (МВД, Вооруженные силы и др.).

Вооруженные формирования из чеченцев, действовавшие во вторую кампанию на стороне российских властей, условно можно разделить на три группы. К первой относятся отряды, участники которых еще в начале 1990-х выступили против правительства провозгласившей государственную независимость ЧРИ. В 1994–1996 гг. они воевали на стороне России. Наиболее крупными из них являлись т.н. «гантамировская милиция» и подразделение Сайд-Магомеда Какиева. Кроме того, с ними блокировались и кадровые сотрудники правоохранительных органов, пытавшихся бороться с преступностью вне зависимости от того, какая власть устанавливалась в республике. Особенно это было характерно в первые годы «второго» конфликта.

Вторая – это бывшие сепаратисты, переметнувшиеся на федеральную сторону уже в ходе второго вооруженного конфликта. В их числе можно назвать отряды братьев Ямадаевых, Мовлади Байсарова, различные группировки, которые собрал вокруг себя и объединил затем в службу безопасности Ахмат Кадыров и его сын Рамзан.

Между первой и второй группами упомянутых отрядов долгое время сохранялись напряженные отношения (и даже противостояние), причина которых – их участие в первой войне по разные стороны баррикад. До 2005 года российские власти искусственно поддерживали ситуацию двоевластия, не давая доминировать внутри республики какой-либо из этих сторон. К настоящему моменту Рамзану Кадырову удалось нейтрализовать практически всех своих «конкурентов»: они были либо отстранены от командования вооруженными подразделениями, либо физически уничтожены.

В отдельную, третью группу можно выделить отряды самообороны. Они создавались местными жителями при приближении боевых действий к населенному пункту или же району и за редким исключением не оказывали вооруженного противодействия силам сопротивления. Эти отряды, которыми обычно руководили главы администраций либо авторитетные сельчане, вступали в переговоры и без боя передавали контроль над населенными пунктами российскому командованию. Большая часть этих отрядов была ликвидирована после создания пророссийских органов власти, так как, не поддерживая до конца ни одну из противоборствующих сторон, они пытались защитить гражданское население. Лишь отряды из жителей горных – Веденского и Шатойского – районов российское командование долгое время пыталось инкорпорировать в свои структуры.

25.9.2. «Гантамировская милиция»

Под этим названием обычно упоминаются отряды пророссийски настроенных чеченцев, которых возглавлял спешно освобожденный из тюрьмы с началом «второго конфликта» Бислан Гантамиров³³⁵. В разные периоды численность личного состава этих паравоенных формирований варьировалась от 100 до 2500 человек.

Когда вооруженные формирования ЧРИ покинули населенные пункты и над последними был установлен российский контроль, эти отряды стали называть чеченской (по-другому, гантамировской) милицией. Еще одно часто применяемое в прессе название – ополчение, что не верно, так как у истоков этих отрядов стояли российские спецслужбы и военные. Так, заместитель командующего Приволжского военного округа генерал-лейтенант Владимир Попов сообщил в интервью самарскому журналисту Олегу Бедулову³³⁶, что в декабре 1999 г. командованием ОГВ (с) он был направлен в район с. Ачхой-Мартан «для формирования отрядов ополчения Бислана Гантамирова». Это, по его словам, была главная задача. Вторая – обучить набранных людей «основам ведения общевойскового боя». Основной отряд, как рассказал далее Попов, состоял из 100 человек, в массе своей воевавших на стороне России еще в период «первого» конфликта. Их подготовка к использованию в боевых действиях была начата с решения организационных задач: подбора и расстановки командиров отделений, взводов, рот. По сокращенной программе провели обучение основам маскировки, ведения разведки, инженерного дела. Среди «учителей», в частности, были подполковники Эльдар Маханов и Евгений Петраков. После этого, как рассказал генерал, «ополченцев» бросили на «освобождение Катыр-Юрта, Валерика, Гехи и Урус-Мартана», где они впервые и «отличились»³³⁷.

³³⁵ Бислан Сайд-Алиевич Гантамиров 1963 г.р. был мэром Грозного во время первой войны, с 1995 по май 1996 г. После того, как выступил с критикой политики тогдашнего пророссийского руководителя республики Докку Завгаева, обвинен в растрате отпущенных на восстановление инфраструктуры города денег. Следствие вел старший следователь Генеральной прокуратуры РФ Николай Волков. Из 200 миллиардов рублей, вмененных ему в качестве растраты, 30 обнаружили на счетах в швейцарских банках, 170 – исчезли бесследно. Был осужден на 6 лет. 22 октября 1999 Ибрагим Сулейменов, соратник Беслана Гантамирова по антидудаевской оппозиции, и еще шесть депутатов Государственной Думы обратились в комиссию по помилованию при президенте РФ с просьбой о его досрочном освобождении. Просьба эта была незамедлительно удовлетворена.

³³⁶ Олег Бедула. Чеченская милиция воюет бескомпромиссно. – Независимое военное обозрение. 12 мая 2000 г. № 16. || <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/000512/nv0512a.htm>.

³³⁷ Впрочем, особого мужества проявлять здесь не было нужды. Не желая подвергать опасности гражданское население, подконтрольные правительству ЧРИ формирования покинули первые три из названных населенных пунктов без боя. Стычки же, которыми сопровождалось

В боях за Грозный отряды «гантамировцев» действовали под началом убитого 17 января 2000 г. генерал-майора Михаила Малофеева. Потери составили 20 человек убитыми и более 100 — ранеными. В целом же в Грозном под началом Бислана Гантамирова (и его заместителя Ибрагима Ясуева) действовало несколько сот человек (от 300 до 700, на этот счет в разных источниках приводятся разные цифры). Оружие им предоставило МО РФ, а обмундирование и финансирование шло по линии российского МВД (ответственный — полковник Виктор Новиков). Именно проблемы с финансированием (наряду, впрочем, и с другими) явились одной из главных причин развала этих формирований.

После падения Грозного и вытеснения ВФ ЧРИ из равнинных районов Бислан Гантамиров был назначен первым заместителем полномочного представителя правительства РФ в Чечне Николая Кошмана. Однако с непосредственным начальником отношения у него не сложились. Кошман обвинил его в разворовывании денег, отпускаемых на восстановление Чечни, и в попытках переноса столицы в Гудермес. Камнем преткновения стал и вопрос о дальнейшей судьбе людей, принимавших участие в боевых действиях на стороне России. Некоторые из них были включены в штат формирующейся пророссийской республиканской милиции, но не все и даже не большинство. Кроме того, они не получили обещанного денежного довольствия.

В апреле 2000 г. Бислан Гантамиров объявил об уходе с поста начальника милиции. Он заявил, что 9 мая того же года на центральной площади Грозного его подчиненные сложат оружие и разойдутся по домам³³⁸. В ответ посыпались почести³³⁹. Бислан Гантамиров был произведен в подполковники, причем погоны ему вручил прилетевший начальник Генштаба ВС РФ Анатолий Квашнин. В Гудермес он привез и личное послание Владимира Путина, в котором тот благодарил «за самоотверженность и отвагу, проявленную при защите Отечества». К посланию прилагался и подарок — командирские часы.

21 апреля 2000 г. в Грозном состоялось собрание глав районных администраций, постановившее не отпускать Бислана Гантамирова с занимаемых постов. Согласившись «повременить», он сообщил, что готовит доклад президенту РФ «Об истинном положении в Чечне». При этом высказался против любых переговоров с воюющей чеченской стороной, солидаризировавшись в этом с наиболее воинственно настроенными российскими генералами. Интересно, что главы администраций, также в основном состоявшие из лиц, противостоявших руководству республики еще в первую войну, предложили переименовать одну из главных улиц Грозного — Первомайскую — в улицу имени Бислана Гантамирова...

В начале мая после встречи с заместителями управления МВД РФ по Чечне Гантамиров, тем не менее, согласился на расформирование подчиненного ему полка ППС и заявил, что «не намерен претендовать на пост главы Чечни, по крайней мере, пока там не состоятся выборы»³⁴⁰. «За храбрость, проявленную в Грозном, Комсомольском, Гехи и др. населенных пунктах» 470 милиционеров были представлены к наградам, некоторые — посмертно. По сообщениям СМИ, в то время всего «на службе в правоохранительных органах Чечни из числа местных жителей находилось более 1000 человек», причем большая часть — 600 — в Гудермесском ОВД³⁴¹. Непосредственно же под началом у Бислана Гантамирова служили 353 человека. Из них 295 не смогли пройти аттестацию и были уволены «за систематический невыход на работу»³⁴². С этой нелюбезной формулировкой был снят с должности и сам «начальник чеченской милиции»³⁴³.

Бислану Гантамирову предъявляли и другое обвинение, которое заключалось в том, что подконтрольные ему вооруженные люди превратились, по сути, в партизан. Однако полностью обойтись без них федеральная власть еще не могла. Они доказали лояльность России во времена Джохара Дудаева, в то время как новые «союзники» в лице переметнувшихся в ходе второй войны братьев Ямадаевых, Ахмата Кадырова и их сторонников пока не внушали доверия. Поэтому, несмотря на все чистки (их было по крайней мере три), костяк и руководящий состав «чеченской милиции» на тот период состоял именно из гантамировцев. Командиром республиканского ОМОН численностью в 300 человек, к примеру, был назначен Муса Газимагоматов (после его гибели в автокатастрофе на этом посту его сменил Бувади Дахиев). Начальником линейного отдела стал Руслан Алханов, которого в 2005 г. объявят президентом республики. Ахьяда Бисултанова отрядили руководить Старопромысловским ОВД, Ахмед Дакаев стал начальником штаба УВД РФ по ЧР, заменявшего в первые годы второй войны полноценное республиканское министерство внутренних дел, и т. д. Если добавить, что и гражданские администрации большинства регионов возглавлялись людьми старой, как и сам Бислан Гантамиров, антидудаевской оппозиции, становится понятным его скорое возвращение в марионеточные структуры власти.

После назначения Ахмата Кадырова «главой республики» он стал его заместителем. Однако уже через несколько дней поднял мятеж против своего «шефа», направив в Гудермес на «зачистку» подконтрольные ему отряды милиции. Причем особо подчеркивалось, что им предстоит зачистить прежде всего кадыровскую ад-

взятие Урус-Мартана, никак не достигали градуса серьезных столкновений. Вооруженные формирования ЧРИ не стали вести оборонительные бои и отступили из райцентра на сторону села Дуба-Юрт, ко входу в Аргунское ущелье.

³³⁸ 24.04.2000 г. — РБК.

³³⁹ Андрей Смирнов. Путин назначил Масхадову преемника. — Сегодня. 24 апреля 2000 г.

³⁴⁰ 05.05.2000 г. — Лента.ру.

³⁴¹ 12.05.2000 г. — Независимое военное обозрение. № 16.

³⁴² 31.05.2000 г. — День. № 95.

³⁴³ Уход последнего авантюриста. — Невское время. 31 мая 2000 г. № 36 (2219).

министрацию. Попытка осады здания была пресечена жестким заявлением военного коменданта республики генерала Ивана Бабичева. Тем не менее, сторонники Бислана Гантамирова вышли из подчинения главы республики. В частности, отказались выполнить указ о своей отставке главы администраций районов, назначенных еще при Николае Кошмане. Мэр Грозного Супьян Махчаев заявил, что они «продолжают и будут продолжать исполнять обязанности». Тогда же было составлено письмо глав администраций районов республики на имя президента РФ с протестом по поводу назначения бывшего муфтия республики главой администрации. Его подписали 14 человек.

Более резко по этому поводу выразился Бислан Гантамиров. Он сказал, что не отдаст своих «соратников-ополченцев», тех, кто вместе с федералами брал Грозный, «банде Кадырова». Но, как и много раз прежде, отступил после вмешательства представителей центральной российской власти. Под давлением бывшего командующего ОГВ (с), полпреда Президента РФ в ЮФО Виктора Казанцева он согласился встретиться с главой республики и через некоторое время признал «свои ошибки». Интересно, что в противостоянии с А. Кадыровым он был поддержан «ястребами» (Владимиром Шамановым и 1-м заместителем начальника Генштаба ВС РФ Валерием Маниловым), которые являлись сторонниками полного уничтожения участников вооруженного сопротивления. Регулярное же его одергивание означало, что Москва отдает предпочтение курсу постепенного переманивания воюющих чеченцев на федеральную сторону и инкорпорирования их в официальные силовые структуры. То есть курсу, предложенному «главой республики»...

Бислан Гантамиров был отставлен со своего поста. Но уже в октябре 2000 г. снова публично «помирился» с Ахматом Кадыровым и занял должность мэра Грозного, для чего, по словам Анны Политковской, «выкинул из кресла своего верного подвижника Супьяна Махчаева»³⁴⁴. В дальнейшем он развил бурную коммерческую деятельность, взяв под контроль центральный грозненский рынок и пытаясь «оседлать» набиравший обороты процесс распиливания и вывоза за пределы республики в качестве черного лома оборудования заводов нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса. Здесь его интересы снова пересеклись с интересами военных. Учитывая, что в городе в то время активно действовали подпольные диверсионные группы чеченского сопротивления, в их активизации стали обвинять местных милиционеров. Заговорили о внедренных агентах, о том, что они перевозят по городу боевиков и сообщают им о планирующихся операциях. 12 ноября российские военные произвели штурм многоквартирного дома, в результате чего погибли 9 человек: 6 из них оказались гражданскими лицами, а один — милиционером. Было захвачено еще несколько человек, но прибывшие на место происшествия бойцы республиканского ОМОН освободили их. Вокруг этого события развернулся скандал. Бислан Гантамиров заявил, что убитые — ни в чем не повинные люди. Военные же утверждали, что они террористы и что среди отбитых у них людей были и полевые командиры. Мэр города допрашивался в прокуратуре.

5 декабря 2000 г. на домовладение Бислана Гантамирова в селе Гехи совершила нападение вооруженная группа численностью до 100–120 человек. Они разграбили имущество, избили родственников и соседей. Официально было объявлено, что случившееся — дело рук вооруженных сепаратистов. Но сам пострадавший настаивал, что нападавшие ушли в сторону соседнего села Танги-Чу и скрылись в месте дислокации 245-го мотострелкового полка МО РФ³⁴⁵.

Бислан Гантамиров был в числе тех, кто в апреле 2001 г. обвинял прикомандированных в республику сотрудников российских силовых структур в пытках и убийствах местных жителей. Поводом для этого явилось обнаружение захоронения на территории Октябрьского ВОВД. Но ханты-мансийские милиционеры, которые там служили, стараниями прокуратуры и управления МВД РФ по ЧР в итоге были уведены от ответственности³⁴⁶ (см. раздел 32.3).

17 мая 2001 года Бислан Гантамиров заявил, что уходит с поста мэра чеченской столицы. С этого момента его влияние внутри Чечни стремительно слабеет. 11 июня 2001 года Гантамиров занял пост главного федерального инспектора аппарата полномочного представителя президента РФ в ЮФО. С 7 февраля 2002 по 2 сентября 2003 являлся вице-премьером, министром по делам информации и печати Чеченской Республики.

Сторонники Бислана Гантамирова контролировали все значимые посты в структурах органов внутренних дел республики и после его перевода на работу за пределы республики. Прокадыровские группы и отряды тем временем набирали силу в составе стрелковых рот или батальонов при военных комендатурах. Ситуация стала меняться в 2002–2003 гг., когда сначала медленно, а потом все более активно на руководящие посты республиканской милиции и в районные отделы внутренних дел стали внедряться люди из команды Ахмата Кадырова. По времени это совпало с началом т. н. политики «чеченизации конфликта».

25.9.3. «Тарамовское ополчение»

Руководителем отрядов т. н. Веденского (Тарамовского) ополчения стал выходец из этого района, московский бизнесмен Супьян (Юрий) Тарамов — владелец «Старт-банка» и основатель фирмы «Восток-Альфа», в которой в начале 90-х гг. какое-то время работал Шамиль Басаев. В конце сентября 1999 г. Тарамов собрал

³⁴⁴ Анна Политковская. Грозненский бес. — Новая газета. 8 декабря 2000 г.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Полит.ру. // Новости. — 12 апреля 2001 г.

вокруг себя 60 человек. А в декабре, когда восточная оперативная группировка российских войск начала наступление в Веденском ущелье, по его словам, в каждом из 32 населенных пунктов у него имелось 10–15 сторонников. В конце февраля 2000 г. район был занят, при этом «тарамовцы» шли впереди федеральных сил и путем переговоров с местными жителями вытесняли из сел участников чеченских вооруженных формирований. В силу этого потери среди наступавших были минимальными. Супьян Тарамов заменил глав местных администраций. Руководителем Веденского района стал его соратник Хасмагомед Дунаев.

17 апреля 2000 г. «тарамовское ополчение» было зачислено в штат МО РФ в качестве отдельного стрелкового батальона численностью в 738 человек. На деле же удалось набрать только около 600 человек. Обозреватель газеты «Коммерсантъ»³⁴⁷ Ольга Алленова привела еще более точную цифру численности батальона: 560 человек. По ее данным, их снабдили необходимым оружием, грузовиками «Урал» и обещали не только заработную плату, но и «боевые» надбавки.

В начале мая того же года командующий ОГВ (с) Геннадий Трошев, сообщил, что «в Чечне из местного ополчения создан мотострелковый батальон под командованием Супьяна Тарамова», и что он «сопровождает колонны, дежурит на блокпостах и за последнее время провел четыре операции по «зачистке»³⁴⁸.

Супьян Тарамов достаточно резко выступал против Ахмата Кадырова, заявляя, что пока тот у власти, мира в Чечне не будет, так как последний «опирается на своих старых соратников из числа тех же бандитов»³⁴⁹. По его словам, он требовал созыва съезда чеченского народа как противовеса кадыровско-гантамировской администрации, но из этого у него ничего не получилось³⁵⁰. В ноябре 2000 г. в российской столице перед встречей с представителями чеченской диаспоры его задержали работники РУБОП. Тогда же он заявил: «если Москва отдаст власть бандитам, то я им (т. е. власти и бандитам) покажу».

Еще одно достаточно показательное заявление руководитель ополчения Веденского р-на сделал в интервью западному журналисту Полу Куинн-Джаджу: «Россияне славятся своими заказными убийствами, но Чечня — это заказная война». Он выразил уверенность, что она была начата для того, чтобы обеспечить Владимиру Путину победу на президентских выборах, и что «Кремль готов вести ее сколько угодно, пока это в его интересах».

Понятно, что и российское командование относилось к веденскому ополчению настороженно, и даже с недоверием. Так, военный комендант Чечни генерал Иван Бабичев, отвечая на обвинения в препятствовании поимке и уничтожению лидеров сопротивления, высказанных Супьяном Тарамовым в газете «Коммерсант-Власть», дал ему такую оценку: «Мы знаем Тарамова. Уроженец Веденского р-на, оказывал нам посильную помощь. Ну а то, что ему не дают реализовывать информацию по Басаеву и Хаттабу... Хотел бы — реализовал».

Осенью 2001 г. в Ведено произошла перестрелка между российскими военнослужащими и бойцами одной из рот «тарамовского ополчения», попытавшимися предотвратить грабежи в ходе очередной «зачистки». По данным корреспондента радио «Свобода» Мусы Хасанова, большая часть роты ушла в горы к Шамилю Басаеву. По информации жителей Ведено, Супьян Тарамов обещал родственникам погибших, что «расплата за смерть бойцов роты последует незамедлительно», а их семьям будет оказана материальная помощь... Несмотря на подобные заявления, той же осенью он фактически расформировал свое подразделение. В последующие годы российские силовые структуры похитили и убили значительную часть людей, которые в него входили.

Репрессиями со стороны федеральных сил дело, однако, не ограничилось. Говорившие на русском и чеченском языках вооруженные люди, скорее всего, являвшиеся участниками вооруженных формирований ЧРИ, сожгли дома Супьяна Тарамова и его брата Харона. Произошло это 11 января 2001 г. Самого организатора «ополчения» они не нашли, так как он в это время находился в Москве. В столицу впоследствии перебрался и Беслан Загаев. Сын пророссийского главы администрации Веденского р-на, расстрелянного чеченскими бойцами за коллаборацию еще до окончания первой войны в августе 1996 г., он являлся фактическим руководителем батальона. Какое-то время после этого его остатками командовал Райбек Тавзаев, который перед второй войной занимал пост заместителя генерального прокурора ЧРИ. 15 августа 2001 г. вместе с охранниками он был убит бойцами ВФ ЧРИ в селе Хьяьжин-Эвла Веденского района.

25.9.4. «Кадыровцы»

«Кадыровцы» — просторечное наименование целого ряда военно-полицейских формирований, выросших из небольшого отряда, первоначально созданного в середине 2000 года для обеспечения безопасности вновь назначенного главы временной администрации Чеченской Республики Ахмата Кадырова. В настоящее время все эти формирования (вне зависимости от ведомственной принадлежности) находятся под эффективным контролем назначенного Кремлем «президента» ЧР Рамзана Ахматовича Кадырова.

³⁴⁷ Ольга Алленова. Как я искала Масхадова. — Коммерсант. 31 мая 2000 г.

³⁴⁸ Илья Максаков. Кремль определился. — Независимая газета. 6 мая 2000 г.

³⁴⁹ «Мне не дали поймать Хаттаба и Басаева». — Коммерсантъ-Власть. 13 февраля 2001 г.

³⁵⁰ Необходимо сказать, что идея созыва подобного съезда вряд ли была бы поддержана российской властью. В ноябре 1999 г. по просьбе кремлевской администрации генерал российской милиции Асламбек Аслаханов собрал представителей чеченской диаспоры Москвы и России. Планировалось, что они сформируют условные органы власти республики в противовес его избранному президенту и правительству. Несмотря на присутствие в зале заместителя руководителя администрации президента РФ Игоря Шабдурасулова, 1-го заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ Валерия Манилова и других высокопоставленных чиновников, собравшиеся единодушно проголосовали за прекращение боевых действий и начало переговоров с Асланом Масхадовым.

Первоначально структура именовалась «службой безопасности главы временной администрации ЧР», и в нее входили несколько десятков человек. В основном это были ближайшие родственники и знакомые этой московской креатуры, а также сумевшие при их помощи выйти из подполья члены криминальных группировок. Через эту службу частично были легализованы и прекратившие сопротивление участники вооруженных формирований ЧРИ. Раненым, захваченным в плен или разочаровавшимся и стремившимся к мирной жизни бойцам предлагали (нередко после пыток и угроз расправы над членами семьи) пополнить ряды службы безопасности. Те, кто соглашался, получали оружие, спецтранспорт и стабильный доход. Отказавшиеся либо «исчезали», либо становились жертвами внесудебных казней.

Вступивших в подконтрольные Ахмату Кадырову группировки использовали в операциях по захвату или ликвидации участников вооруженного сопротивления. «Повязанные кровью» они уже не могли вернуться к прежней жизни. Впоследствии их могли командировать в родное село или район, где они до этого воевали в составе формирований ЧРИ, с целью выявления и уничтожения вчерашних соратников.

Наряду с родственниками, односельчанами и бывшими участниками ВФ ЧРИ в эти структуры в большом количестве набирали ранее не воевавших молодых людей и даже подростков. В условиях массовой безработицы для многих из них работа в службе безопасности являлась единственно возможным источником стабильного заработка. Молодежь автоматически втягивалась в вооруженное противостояние. Среди «кадыровцев» таких людей сейчас, по-видимому, большинство.

К 2004 году служба безопасности включала в себя от нескольких сотен до 1,5 тысяч человек. Сколько точно, неизвестно до сих пор (все дальнейшие цифры также носят оценочный характер). Часть этих людей (быть может, и большинство) имели тогда удостоверения сотрудников патрульно-постовой службы и вневедомственной охраны МВД Чеченской Республики. Через них осуществлялось их финансирование и оснащение оружием. В выполнении боевых и полицейских задач члены службы безопасности также не были свободны. Руководство этой структурой осуществлялось непосредственно РОШ, а для более полного контроля ней постоянно были прикомандированы офицеры ФСБ и ГРУ в звании не ниже майора.

После убийства Ахмада Кадырова 9 мая 2004 года на грозненском стадионе «Динамо» фактическим руководителем службы безопасности стал его сын Рамзан Кадыров. Тогда же началась и окончательная ее легализация. После двух, как минимум, реорганизаций к середине 2005 г. большинство подчиняющихся Кадырову людей объединили в т. н. антитеррористические центры (АТЦ). Подразделения этой структуры имелись во всех районах республики. Формально они были приданы в помощь официальным отделам милиции, однако во многих случаях действовали автономно и даже иногда противодействовали местным правоохранительным органам.

Одновременно с процессом «узаконивания» уже существующего количества верных себе вооруженных формирований Рамзан Кадыров стал создавать новые. Начиная с середины 2004 года на территории республики было сформировано множество других отрядов, дислоцирующихся, как правило, в тех населенных пунктах, в которых проживали большинство их членов. Свои «кадыровцы» имелись теперь в Аргуне, Гелдагане, Автурах, Курчалое, Майртупе, Махкетах, Шали, Ачхой-Мартане и т. д.

Провозглашаемая при этом цель — оторвать от партизанского движения и исламистского подполья как можно большее число людей — во многих случаях оказывалась простой декларацией. Главная ставка при формировании этих отрядов делалась не на бывших партизан, а на криминальные элементы. Не удивительно, что, выполняя поставленные РОШ задачи, многие из этих группировок специализировались на совершении каких-либо отдельных видов общеуголовных преступлений³⁵¹.

Почти во всех вновь созданных отрядах находятся люди, которые, совершив преступления, в том числе и убийства, некоторое время вынуждены были скрываться от властей. Уроженец с. Майртуп Курчалоевского района Лема Сайд-Алиевич Салманов, например, расстрелял двух человек, которые пришли к нему забрать старый денежный долг. Уже после этого ему было поручено сформировать в своем селе отряд «кадыровцев».

Из жителей сел Чечен-Аул и Пригородное и жителей пос. Гикаловский Грозненского (сельского) района в 2004 году была создана еще одна пророссийская вооруженная группировка. Ее костяк составили люди, грабившие в межвоенный период нефтескважины и захватывавшие людей с целью получения выкупа. Руководил ею Султан Пацаев, который за те же самые преступления преследовался подконтрольными Аслану Масхадову силовыми структурами.

В Ачхой-Мартановском районе кадыровские структуры возглавлял Ибрагим Дадаев из Закан-Юрта. В первую войну, представляясь сторонником чеченской независимости, он жестко противостоял пророссийски настроенным жителям своего села, в частности Сайд-Али Ирисханову, который вначале второй чеченской войны стал главой местной администрации. Практически сразу же после ухода к Рамзану Кадырову его люди похитили Ирисханова и, доставив в Центорой, содержали в здании со спортивным залом на верхнем этаже. В конце ноября 2004 года бывший глава администрации Закан-Юрта, не выдержав пыток, умер. По не-

³⁵¹ Так, члены отряда, созданного из уроженцев с. Гелдагана Шалинского района, по свидетельствам местных жителей, «специализируются» на похищении людей и последующем выбивании у них под пытками признаний в убийствах жителей республики. Затем жертву за деньги отдают родственникам убитого для совершения акта кровной мести. Группировка из г. Аргун на первых, по крайней мере, порах своей деятельности отметилась выбиванием денег с людей, получивших компенсацию за разрушенное жилье и отказавшихся платить «откат» чиновникам и посредникам.

подтвержденным данным, Ибрагим Дадаев возглавлял отряд из примерно 20 односельчан и около 80 человек, набранных в других селах Ачхой-Мартановского района.

В с. Махкеты Веденского района отряд «кадыровцев» формировал и возглавлял до конца ноября 2005 г., пока не был избран в республиканский парламент, Ибрагим Хултыгов. В период между двумя войнами он некоторое время возглавлял службу национальной безопасности ЧРИ, однако был отстранен в связи с тем, что не справился с возложенными на него задачами. В боевых действиях против федеральных сил участие не принимал, а некоторую известность в республике, а затем и должность получил прежде всего из-за заслуг своего брата, полевого командира, убитого уже после первого конфликта. В подразделении Ибрагима Хултыгова находилось до 100 человек. Многие из них были подростками, привлеченными денежным довольствием, правом носить оружие и использовать транспортные средства. Однако среди них имелись и люди, имеющие опыт участия в боевых действиях. По разным данным, таковых там было до 10–15 человек. Некоторые из этих людей пришли в отряд добровольно. Другие вынуждены были сделать это после того, как взяли в заложники их родственников.

В Гудермесском районе «кадыровцев» возглавил Муслим Ильясов. Он воевал против российской армии и перешел на федеральную сторону одновременно с Алабегом Ясуевым и Артуром Ахмадовым. Подразделение, которым он командует, дислоцировалось вдоль трассы Ростов-Баку на западной окраине Гудермеса рядом с городской больницей № 1.

По всей видимости, все вышеперечисленные вновь созданные вооруженные формирования были зачислены в штат АТЦ. Причем в некоторых случаях провели их укрупнение. Например, под командование Лемы Салманова передали «кадыровцев» из Курчалоя, Гелдагана, Цоцин-Юрта и Майртупа (всего около 150 человек). Штаб этого подразделения, ставшего именоваться «антитеррористическим центром» Курчалоевского района, находился в с. Майртуп, в доме, занятом вопреки желанию его хозяина³⁵². Однако в Курчалоевском районе остались и не приписанные ни к кому «кадыровцы». Один из таких отрядов базировался в центре с. Цоцин-Юрт в магазине у моста через реку Хулхулау. Подобное же «бесхозное» подразделение имелось и в с. Бачи-Юрт.

«Кадыровцев», что разместились на территории бывшей птицефабрики между населенными пунктами Автуры и Гелдагана Шалинского района, стали называть «антитеррористическим центром» Шалинского района. По различным оценкам, в составе этого подразделения насчитывалось более ста человек. Командует ими уроженец с. Цоцин-Юрт Висита Могыевич Дикаев. В самом райцентре Шали дислоцируется отряд, возглавляемый жителем все того же Цоцин-Юрта по имени Хизир (возможно, его фамилия Зайпулаев).

Одним из наиболее авторитетных людей в службе безопасности считается Альви Усманов из с. Цоцин-Юрт Курчалоевского района. Он также участник первой войны и, согласно рассказам односельчан, в небе над Грозным из танкового пулемета якобы сбил российский штурмовик. В межвоенный период вступил в ваххабитский джамаат, противостоявший тогдашнему руководству республики. Неизвестно, принимал ли он лично участие в походе на Дагестан в августе 1999 г., но некоторые из цоцин-юртовских исламистов там определенно были. Многие из них, считая, что их «подставили», вернулись недовольными Шамилем Басаевым. Возможно, поэтому они почти все время находились у себя в селе, не вели активных боевых действий, совершая лишь отдельные нападения на российских военных и сотрудников специальных служб. На их счету, например, убийство военного коменданта Курчалоевского района полковника Сергея Кислова, секретным указом президента РФ удостоенного позднее звания Героя России. В ходе «зачисток» этого населенного пункта в период с 2001 по 2002 годы и сопровождавших их боевых столкновений большинство членов джамаата (по крайней мере наиболее стойкие из них) погибло. Стремясь выжить, остальные переметнулись к Ахмаду Кадырову. Сейчас ими укомплектована рота ППС-2, дислоцирующаяся в здании местной администрации с. Цоцин-Юрт. Возглавляет ее Альви Усманов³⁵³.

Переименованные в сотрудников «антитеррористического центра» подконтрольные Рамзану Кадырову группировки были теперь созданы во всех районах республики. Кроме того, выходцы из них заняли должности начальников большинства отделов милиции и даже возглавили само это министерство: нынешний глава МВД Чеченской Республики Руслан Алханов — человек из ближайшего окружения Ахмада Кадырова.

Общая численность всех т. н. кадыровских структур не разглашалась. Оценки давались самые разные — от 4 до 12 тысяч человек (последняя цифра явно завышена). Более точно сказать о количестве входящих в них людей невозможно прежде всего из-за того, что частью они были легализованы в специализированных структурах МВД ЧР, а частью продолжали существовать в составе парамилитарных образований.

В конце весны 2006 г. АТЦ были расформированы. В дальнейшем практически все «кадыровцы» были инкорпорированы в официальные органы безопасности: полки патрульно-постовой службы МВД ЧР и батальоны «Юг» и «Север» в составе 46-ой дивизии Внутренних Войск (ВВ) МВД РФ (см. подробно раздел 25.3.1). Несмотря на эту и последующую реорганизации, обобщенное название «служба безопасности» (СБ) прижилось и долгое время применялось в Чечне повсеместно (в том числе в показаниях жертв и свидетелей) наряду

³⁵² В конце 2005 г. Лема Салманов был отстранен от руководства «антитеррористическим центром» Курчалоевского р-она, сейчас он является командиром взвода. Местные жители утверждают, что понижение в должности связано с его крайне жестокими методами обращения с захваченными людьми.

³⁵³ По некоторым сведениям, у него в доме не раз укрывался Мовсар Бараев, организатор захвата заложников в московском театре на Дубровке в октябре 2002 г., когда в его родном селе Мескер-Юрт, который находится по соседству с Цоцин-Юртом, проходили «зачистки».

со словом «кадыровцы» для обозначения многочисленных подразделений и отрядов, подчиняющихся лично Рамзану Кадырову.

В первую очередь из числа «кадыровцев» был создан Второй полк патрульно-постовой службы (ППС-2), названный именем все того же Ахмада Кадырова, со штатом в 1125 человек (сотрудники этого подразделения, правда, предпочитают называть себя «кадыровскими спецназовцами»). Возглавил полк Асламбек Ясуев. Некоторое время начальником его штаба являлся Артур (Ахмед) Ахмадов, бывший участник вооруженного сопротивления, воевавший в первую кампанию, а между двумя войнами возглавлявший охрану комплекса правительственных зданий в Грозном. После ранения в начале второй войны его перевезли на лечение в Ингушетию, откуда он потом и ушел к Кадырову-старшему. Сейчас Артур Ахмадов возглавляет ОМОН при республиканском МВД.

Необходимо отметить, что Второй полк ППС им. А Кадырова, оставаясь формально в структуре МВД республики, решением РОШ еще в 2004 году был передан под командование ВОГОиП МВД РФ.

Крупным подразделением, отпочковавшимся от службы безопасности, является и т.н. «нефтяной» полк. Его включили в состав отдела вневедомственной охраны МВД ЧР, а во главе поставили уроженца с. Джалка Гудермесского района Адама Делимханова, бывшего телохранителя Ахмада Кадырова. Формальная задача нефтеполка – охрана нефтяных промыслов, нефте- и продуктопроводов, промышленных и иных объектов. Однако фактически он использовался в операциях по незаконному задержанию гражданских лиц, в блокировании населенных пунктов во время проведения карательных операций и т.п., и в этом отношении мало чем отличается от остальных «кадыровских» структур. В месте дислокации «нефтяного» полка содержатся незаконно задержанные люди. Имеются подтвержденные свидетельства того, что туда в качестве заложников доставлялись родственники участников ВФ ЧРИ. Известны случаи, когда сотрудники этого подразделения совершали внесудебные казни. Предполагается, что к осени 2005 г. в ряды «нефтяного полка», ставшего, по сути, основным подразделением в системе вневедомственной охраны МВД республики, было собрано от 1,5 до 2 тысяч человек.

Особняком среди перечисленных выше вооруженных формирований стояло подразделение, дислоцировавшееся в с. Побединское Грозненского (сельского) района и руководимое Мовлади Байсаровым. Многие из его участников имели криминальное прошлое. В частности, в это подразделение вошли люди, во время правления Аслана Масхадова силовым путем «экспроприировавшие» скважины и занимавшиеся незаконной добычей нефти.

Сам Мовлади Байсаров в период до первой чеченской войны и в ходе нее состоял в криминальном вооруженном формировании Руслана Лабазанова. Между двумя войнами (с 1996 по 1999 гг.), по некоторым свидетельствам, участвовал в похищениях людей. Имел контакты с Салавди (Салауди) Абдуразаковым, по всей видимости (об этом же неоднократно писал и обозреватель «Новой газеты» Вячеслав Измайлов), осуществлявшим связь между непосредственными исполнителями похищений на местах и их заказчиками вне республики. Долгое время отряд Лабазанова не был причислен к какой-либо конкретной российской силовой структуре. Зимой 2004 года произошел курьезный случай, когда пожаловаться на ведомственную неопределенность в одно из представительств ПЦ «Мемориал» пришли вооруженные до зубов сотрудники этого подразделения. Они рассказали, что вынуждены выезжать на операции без удостоверений и других необходимых для них документов.

После гибели Ахмата Кадырова Байсаров со своими людьми был введен в штат АТЦ. Однако в конце 2005 г. участники подразделения Байсарова напали на сотрудников ОМОН, охранявших в Грозном новогоднюю елку. После этого инцидента «байсаровцев» вывели за штат АТЦ. Вскоре после этого отряд Байсарова начал действовать в качестве оперативно-боевой группы «Горец» оперативно-координационного управления (ОКУ) ФСБ по Северному Кавказу департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. Однако в феврале 2006 года это управление было расформировано. Министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев пообещал преобразовать данное вооруженное формирование в отдельную роту УВО при МВД ЧР для охраны Аргунской ТЭЦ, однако этого не произошло. Неопределенность правового положения «байсаровцев» совпала с конфликтом между его командиром и Рамзаном Кадыровым. В мае 2006 года отряд Байсарова был блокирован «кадыровцами» на собственной базе. А в октябре этого года прокуратура Старопромысловского района ЧР объявила Байсарова в розыск по подозрению в убийстве семьи из 10 человек, один из которых якобы был причастен к гибели его брата. Начальник УБОП МВД Чечни Апти Алаудинов заявил, что «находящийся в розыске Мовлади Байсаров сейчас в Москве, и задержать его мы не в состоянии, потому что его прикрывают известные московские фигуры, занимающие высокие посты». Сам Байсаров заявил, что прибыл в Москву для разрешения вопроса трудоустройства своих бывших подчиненных. 13 ноября 33 сотрудника «Горца» сложили оружие под гарантии неприкосновенности и обещание трудоустройства, предоставленные президентом ЧР Алу Алхановым.

18 ноября 2006 г. Байсаров был убит на Ленинском проспекте в Москве, по официальной версии, оказав сотрудникам милиции сопротивление при попытке задержания. По неофициальной версии имела место внесудебная казнь. В операции, закончившейся гибелью Байсарова, принимали участие высокопоставленные сотрудники МВД ЧР: заместитель командира полка милиции УВО при МВД Чечни Султан Рашаев, начальник УБОП МВД Чечни Апти Алаудинов, его заместитель Расул Ахмиев и замминистра Внутренних дел ЧР Ахмед Ясаев³⁵⁴.

³⁵⁴ Яна Матвеева, Антон Шахов. Для устранения Мовлади Байсарова в Москву приезжало более 50 чеченских милиционеров. – Время новостей. 23 ноября 2006 г.; Мовлади Байсаров, командир отряда «Горец». – Вести-Северный Кавказ. 23.10.2006.

25.9.5. Батальоны из этнических чеченцев в составе 42-й мотострелковой дивизии МО РФ

25.9.5.1. Батальон «Восток»

Данный батальон входил в состав 291-го полка 42-ой мотострелковой дивизии МО РФ, дислоцированной в Чечне на постоянной основе. Название «Восток» не являлось официальным. Утверждалось, что фактически подразделение находилось в структуре Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ). Бессменным командиром батальона являлся подполковник Сулим Бекмирзаевич Ямадаев, который в период между двумя войнами возглавлял Второй батальон национальной гвардии ЧРИ. Осенью 1999 г. он вышел из подчинения Аслана Масхадова и без боя сдал федеральным силам находящийся в зоне своей ответственности Гудермес и прилегающие к нему села. За это он и его брат Руслан были назначены заместителями военного коменданта республики. Третий брат, Джабраил, тогда же возглавил специальную роту из чеченцев, длительное время находившуюся в подчинении военного коменданта Гудермесского района. Она использовалась при «зачистках», захватах людей, но по большей части несла охрану комендатуры, административных зданий и т. д.

Со временем рота стала осуществлять рейдовые мероприятия в Веденском районе Чечни, вступая в стычки с партизанами. Несмотря на низкую эффективность действий этого подразделения (местные жители, например, считают, что ямадаевцы избегают прямого столкновения с бойцами чеченского сопротивления, там же, где это не удается, всегда несут несравнимо большие, чем противник, потери), российские военные активно стали использовать их в различного рода операциях (как правило, в качестве авангарда во время прочесывания местности). Особенно часто их задействовали при захватах людей³⁵⁵.

В марте 2003 г. Джабраил Ямадаев был подорван в селе Дышне-Ведено. После этого командовать ротой, на основе которой осенью 2004 г. и был сформирован батальон «Восток», поручили Сулиму Ямадаеву.

В состав батальона входило 470 человек (включая и контрактников из российских регионов, составляющих не менее трети от общего числа). «Ямадаевцы» причастны к убийствам местных жителей, что окончательно привязало их к российским военным и спецслужбам. Служащие батальона из числа местных жителей проживали – некоторые вместе со своими семьями – в казармах и вагончиках в хорошо укрепленных базах на территориях бывшей передвижной механизированной колонны № 6 (ПМК-6) и пищекомбината (ул. им. 40-летия Победы)³⁵⁶ в г. Гудермес. В районном центре Курчалой подразделение «ямадаевцев», состоящее приблизительно из 30 человек, было размещено в конторе госхоза «Курчалоевский». Командовал ими уроженец этого села некий Самради Музаев.

Батальону «Восток» было поручено противодействие противнику в горных Веденском и Ножай-Юртовском и примыкающих плоскостных районах. Контроль над деятельностью «ямадаевцев» осуществлял РОШ через приданных офицеров. Один из них, подполковник Владислав Посадский, убит при столкновении «ямадаевцев» с четырьмя участниками чеченских вооруженных формирований, приехавшими в с. Беркат-Юрт повидать своих родственников. Случилось это 23 января 2004 г. Начальником штаба батальона по состоянию на лето и осень того же 2004 г. являлся российский офицер по фамилии Нечаев.

Кроме самого Сулима Ямадаева, звания «Героя России» удостоились и два его брата: Джабраил (посмертно) и Руслан. Последний к тому же являлся и руководителем регионального отделения партии «Единая Россия», депутатом Государственной Думы РФ. Другой их брат – Бадрудин – в 2001 г. был арестован и в 2003 г. осужден за попытку покушения на заместителя главного санитарного врача г. Москвы. Семья Ямадаевых, выгнав жильцов из не принадлежащих ей домов, захватила для своих нужд целый квартал в по ул. Горького в г. Гудермес.

В 2006 году бойцы «Востока» и «Запада» обеспечивали безопасность российских военнослужащих при восстановлении инфраструктуры Ливана после конфликта между Хезболлой и Израилем.

Осенью 2006 года скандальную огласку получило вмешательство Ямадаева в конфликт завода «Самсон» и фирмы «Салолин» из Санкт-Петербурга, контролируемых представителями местной чеченской диаспоры. Бойцы батальона «Восток» прибыли в Санкт-Петербург и силой заставили генерального директора «Самсона» подписать документы, по которым территория завода переходила ОАО «Салолин». 2 февраля 2007 года по факту нападения на «Самсон» было возбуждено уголовное дело № 07/00/0012/2-06, переданное вскоре в прокуратуру Ленинградского военного округа. В начале февраля 2007 года Сулим Ямадаев из свидетеля стал одним из обвиняемых в самоуправстве и нанесении телесных повреждений средней тяжести. Однако в конце февраля 2007 года появилась информация, что генеральный директор «Самсона» готов мирным путем уладить конфликт с Ямадаевым, ради чего военная прокуратура Ленинградского военного округа переквалифицировала действия участников рейда на более легкую статью: самоуправство. В начале марта 2007 года военная прокуратура прекратила уголовное дело «за примирением сторон».

³⁵⁵ Делалось это, по-видимому, для того, чтобы у родственников похищенного и более широко – у жителей населенного пункта или какого-то района – сложилось впечатление о том, что данное преступление совершено представителями ВФ ЧРИ.

³⁵⁶ Весной 2006 г. по распоряжению Рамзана Кадырова и вопреки своему желанию служащие батальона «Восток» вынуждены были покинуть территорию пищекомбината. Силовое обеспечение исполнения решения «премьер-министра» осуществляли подразделения т. н. нефтяного полка.

В 2008 г. обострился конфликт между Ямадаевым и Рамзаном Кадыровым. При этом Кадыров настаивал на расформировании подразделения и смещении его командира, а Ямадаев пытался сохранить свое положение, ища заступничества у своих покровителей в Министерстве обороны.

Администрация Гудермеса предъявила претензии батальону, дислоцировавшемуся в городе. Претензии эти вылились в поддержанный республиканским руководством судебный иск к Министерству обороны о незаконном захвате участков земли. Суд министерство обороны проиграло.

В марте 2008 года президент Чечни Рамзан Кадыров во время совещания обвинил батальон «Восток» в массовых убийствах мирных жителей. «Их надо срочно убрать из Чечни. Хватит уже их терпеть», – заявил он. В том же месяце депутат Народного собрания парламента Чечни и председатель комиссии по розыску без вести пропавших людей Магомед Ханбиев, выступая по телевидению, обвинил сотрудников батальона «Восток» в избиении и похищении молодых парней.

14 апреля 2008 года произошло ЧП с участием кортежа Кадырова. По сообщениям местных жителей, на одной из улиц столкнулись автомашины из кортежей Кадырова и Ямадаева. Причиной столкновения стало то, что ни охранники Кадырова, ни охранники Ямадаева не захотели уступить дорогу. После этого между ними произошла перестрелка, в результате которой, по одним данным, среди «кадыровцев» и «ямадаевцев» были убитые; другие источники сообщают, что и те, и другие предусмотрительно стреляли в воздух, и поэтому обошлось без жертв.

15 апреля 2008 года следственное управление СК по Чеченской Республике возбудило уголовное дело по статье 318 УК РФ «применение насилия в отношении представителя власти» по факту воспрепятствования передвижению президентского кортежа. В же день подчиненные Кадырову силовые структуры блокировали в Гудермесе базу «Востока», выдвинув требование выдать одного из участников происшествия – Бадруди Ямадаева, младшего брата Сулима, который по неизвестной причине вместо отбывания срока заключения является бойцом батальона «Восток»³⁵⁷.

13 мая со ссылкой на Министерство обороны СМИ сообщили о предстоящей в батальоне «Восток» «переаттестации личного состава», поскольку это подразделение «было создано в условиях боевых действий и формировалось на скорую руку». 19 мая стало известно, что прокурорская проверка в отношении офицеров, которые оставили службу и перестали являться в расположение батальона, идет по факту невыходов на службу в течение более десяти дней, что по закону влечет уголовную ответственность. В действительности речь шла о перешедших на службу к Кадырову. Сам же батальон, как было решено на расширенной коллегии Министерства обороны, сохранялся в прежнем статусе и под прежним командованием³⁵⁸.

В августе 2008 г. батальон «Восток» во главе со своим командиром принял участие в российско-грузинской «пятидневной войне». Однако это была «лебединая песня» Сулима Ямадаева³⁵⁹. Сообщалось, что он был объявлен в федеральный розыск по подозрению в совершении преступлений (впрочем, это не мешало ему свободно передвигаться по стране и давать интервью средствам массовой информации).

21 августа 2008 Сулим Ямадаев приказом Министра обороны РФ был уволен в запас с сохранением воинского звания.

24 сентября 2008 года в центре Москвы (на Бережковской набережной рядом с Белым домом) был расстрелян в машине экс-депутат Государственной Думы Руслан Ямадаев, старший брат Сулима. Ранения получил и находившийся в машине бывший комендант Чеченской Республике Сергей Кизюн.

25.9.5.2. Батальон «Запад»

Входил в состав 42-ой мотострелковой дивизии МО РФ. Название «Запад» не являлось официальным и отражало его территориальную зону ответственности. Сформирован в ноябре 2003 г. на основе 2-го батальона 32-ой бригады спецназа ГРУ, состоявшего из чеченцев – противников национальной независимости. Его бессменно возглавлял подполковник Саид-Магомед Какиев (кличка «Киллер»), уроженец с. Кень-Юрт Грозненского (сельского) района. По некоторым сведениям, еще в начале 90-х годов он был участником криминальной группы Руслана Лабазанова, ликвидированной силовыми структурами ЧРИ в 1994 году. Затем переметнулся к Умару Автурханову, председателю т. н. Временного совета, созданного российскими спецслужбами с целью свержения Джохара Дудаева.

Участвовал в покушении на Джохара Дудаева и штурме Грозного в ноябре 1994 года.

После того, как российские войска вошли на территорию Чечни, Какиев вместе со своими людьми появлялся в тылу у чеченских вооруженных формирований и наводил на их позиции огонь российской артиллерии и авиации. В конце «первой войны» бежал в Россию.

³⁵⁷ Ямадаев Сулим Бекмирзаевич. – Биографическая справка агентства «Кавказский узел». || <http://www.kavkaz-uzel.ru/persontext/person/id/1212516.html>.

³⁵⁸ Александр Черкасов. Под уклон: власть, сила и право в Чечне. – Ежедневный журнал. 3 декабря 2008 г. || <http://www.ej.ru/?a=note&id=8612>.

³⁵⁹ Сулима Ямадаева видели в окрестностях Цхинвали. – Лента.ру. 12.08.2008, 10:51:27. || <http://lenta.ru/news/2008/08/12/sulim/>; Юрий Котенок. Сулим Ямадаев: «Грузины убегали от нас в трусах». – Утро. Ру. 22.08.2008, 00:55. || <http://www.utro.ru/articles/2008/08/22/761650.shtml>.

В качестве сотрудника военной разведки 58-й армии обучался проведению терактов и диверсий в специальном учебном центре в пос. Тимоново Солнечногорского района Московской области.

Полученные знания стал применять во вторую войну, действуя в тылу у чеченских формирований. Затем создал подразделение, вошедшее в 32-ю бригаду спецназа ГРУ. По некоторым данным, действуя под видом бойцов ВФ ЧРИ, «какыевцы» похищали или же убивали религиозных авторитетов и уважаемых в республике людей с тем, чтобы вызвать у его жителей негативное отношение к сепаратистам.

Это подразделение (по некоторым данным, его численность составляла около 400 человек) дислоцировалось в Старопромысловском районе на территории завода «Трансмаш»³⁶⁰. Заместитель Саид-Магомеда Какиева – Вахид Салгириев, проживавший в поселке Турбина г. Грозного, начальником штаба являлся Беслан Элимханов. Одними из самых активных сподвижников были Имран Куркаев (кличка «Ипан»), выходец из с. Самашки Ачхой-Мартановского района (убит членами группировки под руководством Мовлади Байсарова), Хасбулатов («Пушок»), Умар и Бауди Альтемировы, Руслан Германович Гелаев, Ахьяд Бисертанов, Ахмад и Руслан (кличка «Русик») Малаевы, Мовла Джанхаев, Ахьяд Автурханов, Джалил Магомадов (все они из грозненского пос. им. Бутенко), а также житель пос. Турбина Руслан Касаев и Руслан Цакаев.

Некоторые из этих людей затем получили должности в силовых структурах промосковского правительства ЧР. Так, Руслан Цакаев, прошедший перед «вторым» конфликтом курсы переподготовки в учебных центрах спецслужб РФ в Тимоново и Сенеже, стал на некоторое время министром внутренних дел. Руслан Гелаев – начальником криминальной милиции Старопромысловского РОВД. Ильяс Дехаев перед второй войной работал в региональном управлении по борьбе с организованной преступностью в г. Нальчик. Руслан Касаев одно время был на должности начальника Старопромысловского РОВД.

Сам Саид-Магомед Какиев удостоен звания Героя России. Зонай ответственности батальона «Запад» были Шатойский и Итум-Калинский районы и примыкающая к ним западная часть равнинной Чечни.

Попытка включить в батальон стрелковую роту военной комендатуры Шатойского района, набранную из числа тамошних жителей, кончилась неудачей. Зимой 2004 года бойцы этой роты, включая и ее командира Руслана Дузаева, предпочли разорвать контракт с министерством обороны РФ и разойтись по домам, нежели служить в подчинении у Саид-Магомеда Какиева³⁶¹.

В конце 2007 года Саид-Магомед Какиев был назначен заместителем военного комиссара Чечни. После него «Запад» возглавил майор Бислан Элимханов. Наблюдатели отмечали, что отстранение Какиева от командования было осуществлено под давлением Рамзана Кадырова, стремящегося ликвидировать на территории Чеченской Республики все неподконтрольные ему вооруженные формирования из числа этнических чеченцев.

25.9.5.3. Расформирование батальонов

8 ноября 2008 года заместитель главкома сухопутных войск Минобороны России генерал-полковник Владимир Молтенской на встрече с президентом Чечни Рамзаном Кадыровым сообщил о расформировании с того же числа батальонов «Восток» и «Запад»; после завершения соответствующих процедур на базе двух батальонов планируется создание двух стрелковых рот, которые будут входить в 42-ю мотострелковую дивизию. В пресс-службе привели также слова Молтенского, что расследованием по инкриминируемым бывшим военнослужащим батальонов преступлениям займется специально созданная министерством обороны комиссия совместно с военной прокуратурой. Кроме того, участники встречи говорили и о том, что следственное управление СКП РФ по ЧР дало поручение МВД Чечни обеспечить принудительный привод бывшего командира батальона «Восток» Сулима Ямадаева для дачи показаний к следователю³⁶².

Командир «Запада» высказал свое явное недовольство принятым решением. «Решение о расформировании батальонов неправильное и несправедливое. Слухи о расформировании ходили давно, но до последнего была надежда, что до этого не дойдет. Ребята много сделали для страны, и они заслужили другого к себе отношения», – заявил «Коммерсанту» 10 ноября Бислан Элимханов (17 сентября на него было совершено покушение, он получил несколько пулевых ранений и интервью давал в госпитале). «Время придет, и мы снова понадобится. И тогда те, кто принимал это ошибочное решение, поймут, что были неправы», – сказал Элимханов³⁶³.

Решение о расформировании «Востока» и «Запада» ознаменовало окончательную победу клана Кадыровых над своими конкурентами из числа пророссийски настроенных чеченцев. К моменту подготовки данной работы к печати в Чечне фактически не осталось крупных промосковских вооруженных формирований, не находящихся под контролем Рамзана Кадырова.

³⁶⁰ К весне 2006 г. место дислокации батальона «Запад» перенесено вглубь Грозного. Служащие и руководство этого подразделения заняли административное здание справа от Старопромысловского шоссе недалеко от т. н. правительственного комплекса.

³⁶¹ По имеющейся информации, против «отказников» были предприняты репрессии, один или двое из них и вовсе исчезли.

³⁶² В Чечне расформированы батальоны «Восток» и «Запад». – NEWSRU.com. Новости России. 8.11.2008, 16:48.

³⁶³ В Чечне не будет «Запада» и «Востока». Батальоны спецназа станут мотострелковыми ротами. – Коммерсант. 10 ноября 2008 г. № 203/ (4020).

ГЛАВА 26. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЧЕЧЕНСКОЙ СТОРОНЫ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Подготовка сколько-нибудь подробного очерка организационной структуры вооруженных формирований, задействованных в вооруженном конфликте чеченской стороной, осложнена рядом препятствий. Первое из них заключается в очевидном недостатке достоверных источников. Второе же обусловлено тем фактом, что после перехода военных действий в партизанскую стадию на первый план выходит вопрос фактического контроля тех или иных лиц над подчиненными. Другими словами, установить факт издания указа о назначении тех или иных командиров совершенно недостаточно для того, чтобы сделать вывод об их де-факто контроле над теми или иными формированиями. Наконец, стоит отметить, что подавляющее большинство командиров и иных высокопоставленных должностных лиц ЧРИ, предположительно ответственных за совершение военных преступлений и преступлений против человечности, к настоящему моменту мертвы. Поэтому подробное изучение вопроса об их полномочиях и фактическом контроле над подчиненными представляет собою скорее историко-академический, нежели правовой интерес.

По этим причинам, исходя из задач настоящего исследования, мы ограничимся здесь лишь самым общим очерком основных этапов эволюции организационной структуры вооруженных формирований чеченской стороны конфликта.

Как уже было показано выше (см. главы 5-6) начало вооруженного конфликта застало чеченское общество и чеченские вооруженные группы в состоянии глубокого раскола. Органы безопасности самопровозглашенной ЧРИ сохраняли верность президенту Аслану Масхадову. Им противостояла исламистская оппозиция, организационно объединенная вокруг Конгресса народов Ичкерии и Дагестана и таких его лидеров, как Шамиль Басаев, Эмир Хаттаб и др. Несмотря на то, что непримиримые враги оказались перед лицом общего противника (России) и вынуждены были действовать против него совместно, на начальном этапе конфликта дело так и не дошло до формально объединения. Можно говорить о том, что правительственные формирования ЧРИ и полевые командиры-исламисты координировали свои действия против федеральных сил. Можно даже говорить, что подразделения исламистов выполняли общие указания по организации обороны республики, исходящие от Главного штаба и Государственного комитета обороны, возглавляемого Масхадовым. Однако утверждать, что на этом этапе Аслан Масхадов обладал эффективным контролем над исламистами (в смысле права отдавать приказы и возможности наказывать за их неисполнение), вряд ли возможно.

Даже действуя в рамках общего плана обороны Грозного, исламисты и ВФ ЧРИ дислоцировались и воевали отдельно. Эту обособленность «боевиков» (так обычно местное население называло представителей ВФ ЧРИ) от «ваххабитов» (так именовали исламистов) подчеркивают все, кто находился в Грозном во время его осады зимой 1999-2000 гг¹.

Структура ВФ ЧРИ на начальном этапе конфликта сохраняла черты системы государственных органов безопасности. Ее общая характеристика дана нами выше, в разделе 15.4.2.

5 октября 1999 г. президент ЧРИ Аслан Масхадов издал Указ «О введении военного положения на территории ЧРИ»². На следующий день, 6 октября Масхадов издал Указ «Об образовании Государственного комитета обороны ЧРИ» и «Положение о Государственном комитете обороны (ГКО ЧРИ)». Статья 4 данного положения следующим образом определяет статус данного органа:

«Государственный комитет обороны ЧРИ – высший коллегиальный орган, возглавляющий единую систему государственной власти ЧРИ в условиях военного времени, призванный осуществлять функции организационно-управленческого, исполнительно-распорядительного характера в области обороны и безопасности. Государственный комитет обороны ЧРИ образуется Указом Президента ЧРИ, на период военного времени, для осуществления вооружённой защиты конституционного

¹ Очень характерная фраза интервью, описывающего события этого периода: «После того случая я действительно боялась этих ваххабитов. Боевиков – никогда, они нас спасли, и русских спасали, на себе таскали, и раненых увозили. То есть они для мирного населения не представляли никакой опасности» (Чечня. Жизнь на войне. // Центр содействия проведению исследования гражданского общества «Демос» [сост. Т. Локшина и др.] – М., 2007, с. 189).

² <http://www.chechen.org/content.php?catID=91&content=223>.

стройка, суверенитета и территориальной целостности ЧРИ. Государственный комитет обороны ЧРИ принимает политические, экономические, военные, социальные и правовые меры для исполнения законов и иных нормативных актов, регламентирующих отношения в сфере обороны и безопасности. Государственный комитет обороны ЧРИ принимает решения в виде постановлений и распоряжений ГКО, а также подготавливает решения Президента ЧРИ (Верховного Главнокомандующего ВС ЧРИ) по вопросам внутренней и внешней политики ЧРИ в области обороны и безопасности. Постановления и распоряжения ГКО ЧРИ обязательны для исполнения на всей территории ЧРИ. <...>».

В соответствии со статьей 5,

«Государственный комитет обороны ЧРИ формируется Президентом ЧРИ. В состав ГКО ЧРИ входят: председатель, заместители председателя, секретарь и члены ГКО ЧРИ. Количество членов ГКО ЧРИ определяется Президентом ЧРИ. Председателем Государственного комитета обороны ЧРИ является по должности Президент Чеченской Республики Ичкерия»³.

ВФ ЧРИ были разделены на фронта, фронты – на направления, а направления – на сектора. Командующие этими формированиями назначались Асланом Масхадовым⁴.

5 июня 2000 г. ГКО принял Резолюцию № 217, в которой предписал «на осенне-летний период 2000 года существенно активизировать широкомасштабные партизанские военные действия против российских оккупантов». Резолюция предписывала:

«Главному штабу ВС ЧРИ довести до всего командного состава ВС ЧРИ Указ Президента ЧРИ № 10-390 от 03. июля 2000 года «О мерах по соблюдению Женевских Конвенций». В соответствии с данным указом, всем командирам ВС ЧРИ довести до личного состава о требованиях Женевских Конвенций и предпринять необходимые шаги для предоставления свободного доступа Международным Правозащитным организациям к военнопленным вне зависимости от мест их содержания»⁵.

Сведения о практической реализации данных положений в распоряжении авторов отсутствуют.

Также в течение определенного периода времени в условиях подполья продолжали действовать и гражданские органы территориального управления ЧРИ: Региональные исполнительные управления Президента ЧРИ (РИУП) и органы местного самоуправления, возглавляемые префектами районов и населенных пунктов. Командование сепаратистов предпринимало определенные усилия по координации деятельности этих органов с командующими секторами и командирами мобильных групп ВС ЧРИ⁶.

Структура вооруженных формирований исламистов представляла собой сеть воюющих джамаатов – мусульманских религиозных общин, являющихся одновременно и боевыми единицами. Лидер джаммата – эмир – являлся и религиозным и военным руководителем такой общины.

Ограниченные материальные и человеческие ресурсы и переход к партизанской тактике ведения войны подталкивал «светское» и «исламистское» крылья чеченского сопротивления ко все более тесному взаимодействию. В этом отношении показателен состав лиц, присутствовавших на заседании ГКО ЧРИ, которое прошло 9 февраля 2002 года в Ачхой-Мартановском районе Чечни. Помимо самого Масхадова, заместителя председателя ГКО и секретаря, по сообщению агентства «Чеченпресс», на совещании присутствовали «члены ГКО из числа депутатов Парламента ЧРИ, членов Правительства ЧРИ, командующих секторами, Начальников РООУ, командующих фронтами, глав РИУП, командиров джамаатов, командиров мобильных групп» (всего 19 человек). Таким образом, в начале 2002 г. командиры вооруженных формирований исламистов уже официально входили в состав ГКО.

Формально организационное объединение «масхадовцев» и «исламистов» было завершено летом 2002 г. на совещании ГКО, проходившем в Веденском районе Чечни с 27 июня по 4 июля⁷. Обе стороны пошли на уступки: исламисты признали легитимность Аслана Масхадова как президента и верховного главнокомандующего, Масхадов признал Чеченскую Республику Ичкерия полностью теократическим государством. Окружение Масхадова и лидеры исламистов создали единый руководящий орган военного времени, само название которого призвано было демонстрировать компромисс: «Государственный Комитет Обороны – Маджлисуль Шура (ГКО-МШ)». Аслан Масхадов был назначен председателем ГКО-МШ и Верховным амиром (командующим) моджахедов Чечни. В Конституцию ЧРИ (вопреки порядку, установленному в ней самой) вновь образованный орган внес изменения и дополнения, касающиеся радикальной исламизации государственного устройства.

Военный комитет ГКО-МШ в должности заместителя командующего возглавил Шамиль Басаев. Свое назначение он прокомментировал агентству «Кавказ-центр» следующим образом:

³ Там же.

⁴ См., например, Приказ № 545 Президента ЧРИ Аслана Масхадова «О разжаловании дивизионного генерала Гелаева Хамзата». От 22 ноября 2000 г. Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа.

⁵ <http://www.chechen.org/content.php?catID=91&content=145>.

⁶ См., например, Указ Президента ЧРИ от 15 декабря 2001 г. «Об организации работы органов местной власти и местного самоуправления в условиях военного времени». || <http://www.chechen.org/content.php?catID=91&content=149>.

⁷ Совещание высшего руководства ЧРИ под председательством Президента ЧРИ А. Масхадова. 21.07.2002. || <http://www.chechen.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1726>.

«Аслан Масхадов является нашим амиром, президентом, главнокомандующим. Он является непосредственным моим руководителем, которому я подчиняюсь и намерен подчиняться. <...> Все члены ГКО – Маджлисуль Шура ЧРИ, в том числе президент Масхадов, подписали специальный документ, в котором каждый из нас дал письменное обещание строго придерживаться всех решений ГКО – Маджлисуль Шура и беспрекословно подчиняться государственной и военной дисциплине, а также своим руководителям. Этот документ является фактической присягой»⁸.

В соответствии с решением Государственного Комитета Оборона – Маджлисуль Шура ЧРИ президент Масхадов произвел назначения командующих фронтов, руководителей комитетов и служб ГКО – Маджлисуль Шура ЧРИ. Как сообщил сам президент Масхадов в кратком интервью агентству «Кавказ-центр», командующими были назначены амир Камал (Северное направление), амир Абу-Валид (Восточное направление), амир Доку Умаров (Западное направление). Руководителями комитетов и служб назначены – Абдул-Халим [Сайдулаев] (Шариатский комитет), амир Супьян (Финансовый комитет), Ахмед Закаев (Информационный комитет), Мовлади Удугов (служба внешней информации), Башир (служба внутренней информации), Шамхан С. (руководитель гостелерадио). Командующие фронтов, руководители комитетов и служб вошли в состав Государственного Комитета Оборона – Маджлисуль Шура ЧРИ⁹.

Однако союз между Масхадовым и Басаевым оказался недолговечным. Причиной разрыва послужил террористический акт в театральном центре на Дубровке 23-26 октября 2002 года (подробно см. раздел 39.3.1). 1 ноября 2002 г. Басаев взял на себя ответственность за данный теракт, заявив, что заложники в московском театре были захвачены бойцами диверсионного подразделения шахидов «Риядус-Салихин». «Я, – заявил Басаев, – прошу президента ЧРИ, Амира ГКО Маджлисуль-Шура ЧРИ Аслана Масхадова принять от меня отставку со всех занимаемых мною должностей, а также прошу простить его и моих боевых соратников за то, что скрыл от них подготовку и проведение этой боевой операции. Я также официально слагаю с себя полномочия Амира Маджлиса мусульман Ичкерии и Дагестана и Амира Исламского интернациональной бригады, а также всех других должностей, кроме Амира разведывательно-диверсионного батальона шахидов «Риядус-Салихин»¹⁰.

11 ноября 2002 Масхадов распространил заявление, в котором осудил действия лиц, захвативших заложников, заявив, что «ни военное время, ни военно-политические цели не могут служить оправданием унижению человеческого достоинства и покушению на естественные неотчуждаемые права невооруженных граждан»¹¹. В этот же день агентство «Кавказ-центр» сообщило: «Президент Аслан Масхадов передал дело Шамиля Басаева в шариатский суд, одновременно отстранив его от занимаемых должностей до полного расследования по факту событий в Москве 23-26 октября 2002 года».

Расследование, об инициировании которого заявил Масхадов, так ни к чему и не привело. По крайней мере нам ничего не известно о его результатах. По всей видимости, Масхадов не имел реальной физической

⁸ Шамиль Басаев кратко комментирует реакцию российской стороны. – Отдел оперативной информации. // Кавказ-Центр. 30.08.2002. Копия материала: <http://www.chechen.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1838>.

⁹ Президент Масхадов произвел кадровые назначения. – 27 августа 2002. || <http://www.chechen.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1829>.

¹⁰ Кавказ-центр. 1 ноября 2002 г. См. также: Шамиль Басаев (Абу-Идрис) взял на себя ответственность за теракт в Москве. || <http://www.compromat.ru/main/chechya/baraevmovsarbasaev.htm>.

¹¹ Заявление президента Масхадова по событиям 23-26 октября в Москве

(По тексту, опубликованному агентством «Чеченпресс»):

«Захват заложников 23-26 октября в г. Москве – это трагедия российского и чеченского народов. От лица чеченского народа приношу соболезнования всем пострадавшим, семьям и родственникам убитых и искалеченных в этой трагедии заложников.

Выражаю соболезнования семьям и родственникам шахидов, не смирившихся с чудовишной несправедливостью этого брэнного мира.

Ни военное время, ни военно-политические цели не могут служить оправданием унижению человеческого достоинства и покушению на естественные неотчуждаемые права невооруженных граждан.

Ответственно заявляю, что террористические акты или другие действия, направленные против мирного населения, не относятся к методам борьбы движения Спротивления. У Чеченской Республики Ичкерия достаточно сил и средств для восстановления целостности и неприкосновенности ЧРИ не прибегая к террористическим методам.

Российско-чеченский конфликт не является конфликтом российского и чеченского народов. Чеченский народ отстаивает свое право на самостоятельность и ведет борьбу против иррациональной, антинародной, имперской политики государственной власти России.

Тотальная интервенция, государственный терроризм, геноцид, экоцид, многочисленные военные преступления российской власти против мирного населения, уже три года находящегося в заложниках у российской военщины, вызывают в рядах освободительного движения отторжение и глубокое неприятие терроризма в любом его проявлении.

Уподобиться российской власти, для которой не существует этики, как политической категории, – это значит для нас проиграть освободительную борьбу. Мы придерживаемся известного правила: все, что является нравственным злом, является злом и в политике.

Официальная власть Чеченской Республики Ичкерия ведет собственное расследование по факту захвата заложников. Разрабатываются мероприятия по предотвращению подобных эксцессов в будущем.

Трагедия в г. Москве является доказательством того, что конфликт достиг предела своего развития и не имеет силового разрешения. Кризис – это возможность решить накопившиеся проблемы между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Конфликт должен стать средством для возникновения новых норм общения и обеспечить переход в новое состояние стабильности.

Несмотря на присутствие российских войск на территории ЧРИ, чеченская сторона многократно заявляла и заявляет о своей готовности к политическому диалогу без предварительных условий.

Ответственность за продолжение войны и страдание наших народов лежит на российской власти.

Да поможет нам Всевышний Аллах в установлении мира!

Амир ГКГ – Маджлисуль Шура ЧРИ

Президент ЧРИ

Аслан Масхадов».

возможности привлечь Басаева к ответственности. Однако с тех пор вооруженные формирования, контролируемые Масхадовым, и вооруженные формирования, контролируемые Басаевым, действовали автономно.

Во время террористического акта в Беслане 1-3 сентября 2004 г. (ответственность за который также взял на себя Басаев¹²) Масхадов заявил о готовности прибыть в Беслан и предпринять меры по освобождению заложников. Утром 3 сентября на сайте «Чечен.орг» появилось личное заявление Масхадова с осуждением теракта. В 12:00 было достигнуто соглашение с президентом Северной Осетии Александром Дзасоховым о прибытии Масхадова в Беслан, однако через час начался штурм захваченной террористами школы¹³ (подробно см. раздел 39.3.9).

Это положение сохранялось вплоть до гибели Аслана Масхадова 8 марта 2005 года. Однако известно, что в декабре 2004 г. Масхадов встречался с Басаевым, высказывал ему претензии в связи с терактом в школе № 1 г. Беслана и уговорил его соблюдать объявленное от имени Президента ЧРИ одностороннее перемирие¹⁴. Известно также, что после этой встречи Басаев более не организовывал террористических актов против гражданских лиц.

Окончательное организационное объединение вооруженных формирований, противостоящих федеральной стороне конфликта, было произведено преемником Масхадова на посту Президента ЧРИ Абдул-Халимом Садулаевым. В соответствии с Указом № 017 от 23 августа 2005 г. «О кабинете министров ЧРИ» Шамиль Басаев был назначен Председателем кабинета министров.

Таким образом, можно утверждать, что в проанализированный нами период 1999-2005 гг. существовали (по крайней мере формально) две параллельные линии управления вооруженными формированиями, противостоящими российской стороне конфликта: одна линия восходила к Президенту непризнанной ЧРИ Аслану Масхадову, другая — к лидерам вооруженных групп исламских салафитов, и, в частности, к Шамилю Басаеву. Что касается эффективного контроля этих лиц над теми или иными группами комбатантов в тот или иной хронологический период, то достоверное установление этих обстоятельств невозможно без проведения специального всестороннего расследования.

¹² «Басаев взял на себя ответственность за теракты и подробно рассказал о Беслане» || <http://www.izvestia.ru/news/news88661>.

¹³ «Руководство Ичкерии готово выступить в роли посредника без предварительных условий». || <http://www.grani.ru/War/Chechnya/m.76218.html>.

¹⁴ Анна Политковская. Тайна уничтожения Масхадова. – Новая газета. 19 сентября 2005 г.